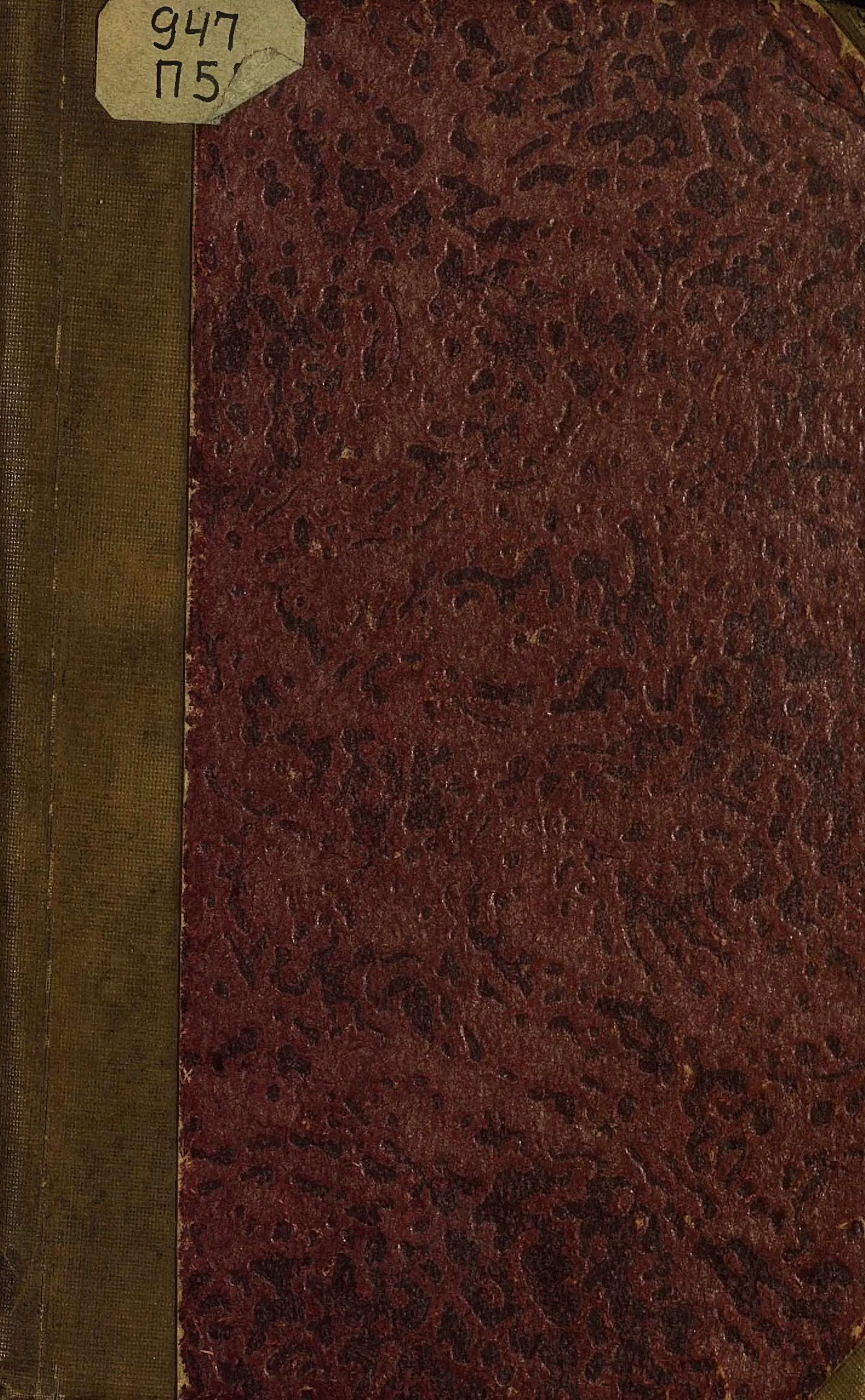
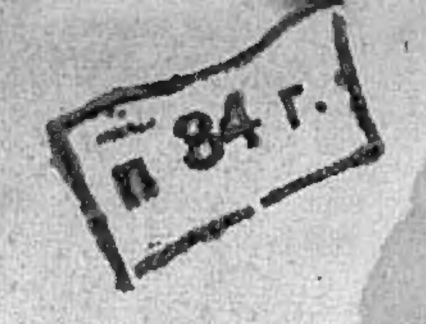

В. Н. ТАТИЩЕВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

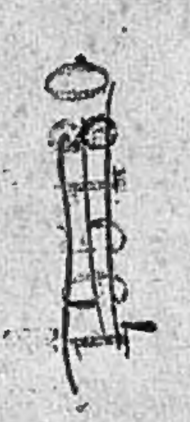
ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ВЪ РОССІИ, ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ПРОШЕДШАГО СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

НИЛА ПОПОВА.

—

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна 2 р. 50 к.

МОСКВА.

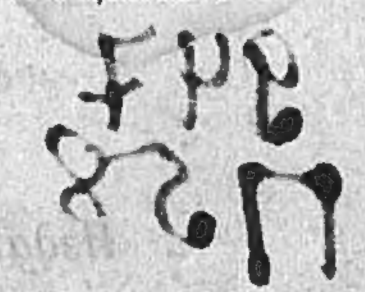
Въ Типографіи В. Грачева и К°.

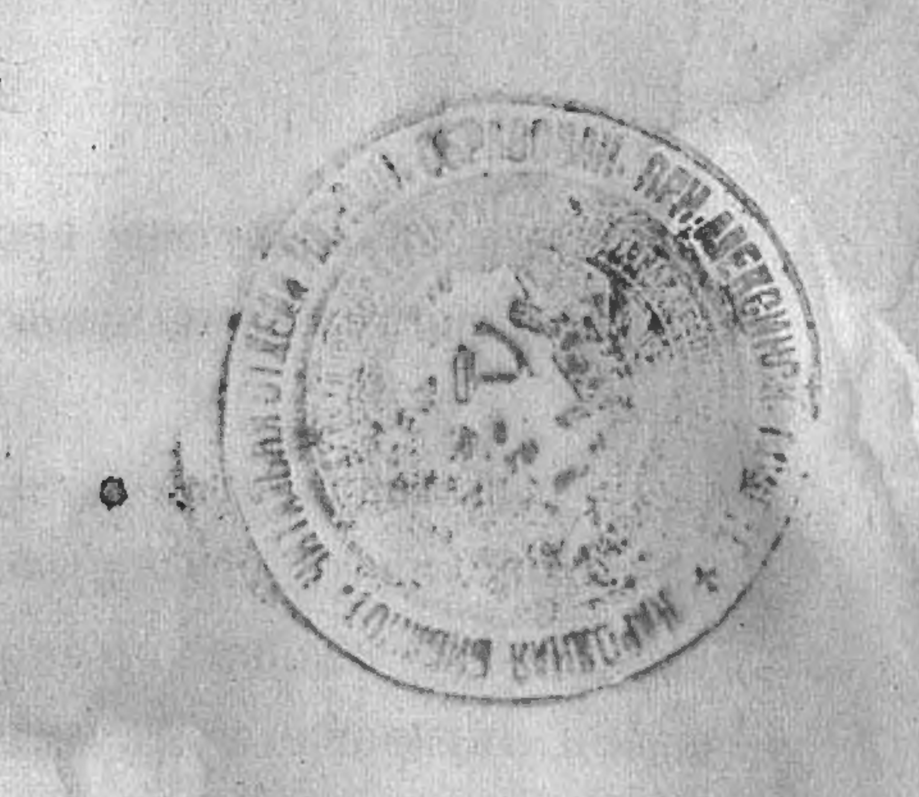
1861.

По опредѣленію Историко-филологическаго Факультета, печатать позволяется. Москва, іюня 10 дня, 1861 года.

Въ должности Декана

Арсеній Менщиковъ.

Настоящая монографія имѣетъ въ виду не только сочиненія В. Н. Татищева, которому принадлежитъ имя перваго по времени русскаго историка въ литературѣ, послѣдовавшей за реформою Петра, но и его общественную и административную дѣятельность. Теперь, когда послѣ государственной исторіи Россіи обращено вниманіе, въ нашей ученой литературѣ, на исторію общественной и народной жизни, я считаю далеко не лишнимъ изученіе біографическое. Особенно благіе плоды оно можетъ принести, разумѣется, для исторіи XVII и XVIII столѣтій. Дѣятельность отдѣльныхъ лицъ можетъ быть интересна въ этомъ случаѣ не только сама по себѣ, но и по отношенію ея къ вопросамъ политической и общественной исторіи. И государство, и общество, и самый народъ представляется тогда лишь средою, въ которой развивалось, жило и дѣйствовало лицо. Такъ какъ желанная цѣль всякой разумной жизни есть совершенствованіе личности; то степень участія и вліянія, которыя оказаны были при этомъ государствомъ, обществомъ и

народомъ въ извѣстное время, послужатъ къ опредѣленію характера ихъ самихъ, по крайней мѣрѣ въ ту эпоху.

Но для такой цѣли историческаго изученія не всегда можно найти подъ рукою всѣ необходимые матеріалы. Это особенно относится къ исторіи русской жизни въ прошедшемъ столѣтіи. Кромѣ полнаго собранія законовъ, нѣсколькихъ записокъ русскихъ людей того времени, мемуаровъ иностранцевъ, почти ничего болѣе не представляетъ наша ученая литература. Лучшія сочиненія по русской исторіи XVIII вѣка, появившіяся въ послѣднее время, большею частію основаны на неизданныхъ источникахъ. Но въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, хранящихъ въ себѣ бумаги прошлаго вѣка, многое не приведено въ извѣстность, многаго не достаетъ. Остается довольствоваться тѣмъ, что случайно попадетъ подъ руки; и такимъ образомъ власть будетъ скорѣе на сторонѣ источниковъ, нежели самого автора. Этимъ обстоятельствомъ я могу отчасти объяснить неровности и пробѣлы моего сочиненія. Но за то я могу положительно сказать, что все, что̀ только изъ относящагося къ предмету настоящей монографіи доступно было мнѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ русской библіотекѣ Академіи Наукъ, въ Публичной библіотекѣ и Румянцовскомъ музеѣ, все было мною собрано и изучено. Читатели найдутъ въ приложеніяхъ до 10 документовъ, касающихся служеб-

ной дѣятельности Татищева, и почти столько же ученыхъ трудовъ его, остававшихся до сихъ поръ неизданными. Не смотря на то, я не могу похвалиться, что мое сочиненіе даетъ полную біографію Татищева. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ архивахъ Екатеринбурга, Оренбурга, Ставрополя на Волгѣ, Астрахани и другихъ мѣстностей, гдѣ бывалъ Татищевъ, найдутся многіе неизвѣстныя мнѣ его бумаги: въ такомъ случаѣ, настоящая монографія послужитъ для тѣхъ, кому доступны сейчасъ названные архивы, указателемъ того, что̀ въ нихъ должно искать. Кромѣ того, мнѣ не доставало бумагъ, относящихся къ обѣимъ суднымъ коммиссіямъ надъ Татищевымъ. Я нигдѣ не могъ найти Татищевскаго «разговора о пользѣ наукъ», ни въ печати, ни въ рукописяхъ. Особенно сожалѣю я о томъ, что не успѣлъ собрать хотя нѣкоторой части, безъ всякаго сомнѣнія, очень обширной переписки Татищева, напримѣръ съ Академіею Наукъ. Наконецъ неизбѣжные недостатки предлагаемаго сочиненія зависятъ отъ самаго предмета его. Татищевъ, какъ и большая часть лучшихъ людей эпохи, послѣдовавшей за преобразованіями Петра, велъ самую обширную, самую многостороннюю дѣятельность. Въ наше время, по преимуществу пріучащее къ какой-нибудь одной спеціальности, чрезвычайно трудно услѣдить за всѣми проявленіями такой обильной событіями жизни. Надо быть не только знакомымъ съ русской исторіей, надо еще быть, какъ самъ Татищевъ,

военнымъ, горнымъ и притомъ весьма свѣдущимъ чиновникомъ, юристомъ и даже помѣщикомъ-экономомъ, чтобы вполнѣ оцѣнить его дѣятельность. Предоставляю другимъ пополнить всѣ тѣ пробѣлы, которые они найдутъ въ моемъ сочиненіи; съ своей же стороны, считаю долгомъ принести мою искреннюю благодарность тѣмъ лицамъ, которые своимъ содѣйствіемъ дали мнѣ возможность воспользоваться неизданными матеріалами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ства. Согласіе Анны Іоанновны на кондиціи. Волненіе между шляхетствомъ. Генеральное совѣщаніе верховниковъ и шляхетства. „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ", написанное Татищевымъ. Другіе проекты. Пріѣздъ Анны Іоанновны. Присяга ей. Дѣятельность кн. Дм. Мих. Голицына, Вас. Лук. Долгорукаго, Остермана, Ѳ. Прокоповича, штатсъ-дамы Салтыковой. Аудіенція шляхетства и первая рѣчь, произнесенная Татищевымъ. Вторая рѣчь, произнесенная княземъ Кантеміромъ. Уничтоженіе кондицій. Коронація Анны Іоанновны; Татищевъ оберъ-церемоніймейстеръ ея.

Глава III. Сибирскіе горные заводы и Оренбургская экспедиція.— Состояніе горнаго дѣла на Уралѣ въ 1730-хъ годахъ. Оберъ-Бергъ-Амтъ. Неудовольствіе петербургскаго правительства на дѣйствія де-Геннина. Коммиссія объ отдачѣ казенныхъ горныхъ заводовъ въ руки частныхъ компаній. Посылка Татищева на Уралъ. Инструкція ему. Рѣчь Татищева къ сослуживцамъ. Горнозаводскій уставъ, составленный имъ. Перемѣны въ горномъ сибирскомъ управленіи. Ссора Татищева съ Демидовыми и Строгановыми. Распоряженія его о раскольникахъ, бѣжавшихъ на заводы, и бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Успѣхи горнаго дѣла при Татищевѣ. Учрежденіе Генералъ-Бергъ-Директоріума. Планы Бирона и Шемберга. Новая коммиссія объ отдачѣ казенныхъ заводовъ въ аренду. Назначеніе Татищева въ Оренбургскую экспедицію. Состояніе Башкирскаго края въ XVII и XVIII вѣкахъ до царствованія Анны Іоанновны. Возстанія Сеитовское, Алдаровское и Кузюковское. Дѣйствія русскихъ мѣстныхъ правителей. Сношенія Башкирцевъ съ Киргизъ-Кайсаками. Отношенія Киргизовъ къ русскимъ, къ Ойратамъ и Аральцамъ Просьба хана Абдулъ-Хаира о подданствѣ. Поѣздка въ Орду полковника мурзы Тевкелева. Проектъ Кирилова о построеніи Оренбурга. Оренбургская экспедиція. Неудача Кирилова. Возстаніе Башкиръ. Дѣйствія противъ нихъ Татищева. Смерть Кирилова. Пріѣздъ Татищева въ Башкирію. Совѣщанія его съ мѣстными начальниками. Бѣдственное положеніе края. Мѣры для усмиренія Башкирцевъ. Перемѣны въ поземельныхъ отношеніяхъ между Башкирцами, Мещеряками и Тептерями. Поѣздка Татищева въ Оренбургъ.

Переговоры съ ханомъ Абдулъ-Хаиромъ. Строеніе крѣпостей по Самарской и Яицкой линіямъ. Отношенія Татищева къ сослуживцамъ. Доносы на него. Поѣздка его въ Петербургъ.

Глава IV. Общественныя отношенія Татищева.—Отношенія Татищева къ Бирону. Характеристика тогдашняго управленія въ Россіи. Отношенія нѣмецкихъ правителей къ русской партіи. Проекты Татищева. Судная коммиссія надъ нимъ. Письмо гр. Головкина къ Бирону о Татищевѣ. Запросы судной коммиссіи: о поступкахъ Татищева съ полковникомъ Бордекевичемъ и съ семьею казанскаго купца Иноземцова. Дѣло казака Исаева и уфимскаго воеводы Шемякина. Духовное завѣщаніе Татищева сыну. Жалобы его на гоненія отъ враговъ. Распоряженія на случай смерти. Совѣты сыну о вѣрѣ, объ умственномъ и нравственномъ образованіи; о женитьбѣ и семейной жизни; о военной, гражданской и придворной службѣ; о богатствѣ. Экономическія до деревни слѣдующія записки, составленныя Татищевымъ. Совѣты о друзьяхъ, объ отношеніяхъ къ начальникамъ, о правосудіи, о секретаряхъ и подъячихъ, о товарищахъ по службѣ. Деревенская жизнь. Сельскіе священники. День крестьянина. Сельскія работы. Исправительныя мѣры. Вопросъ о винномъ откупѣ. Экономія въ деньгахъ. — Паденіе Бирона и перемѣна въ судьбѣ Татищева.

Глава V. Калмыцкая Коммиссія.—Исторія появленія Калмыковъ въ Россіи. Бытъ ихъ. Степное уложеніе. Судъ Зарго. Отношенія къ русскимъ въ XVII вѣкѣ. Ханъ Аюка. Волненія въ калмыцкихъ улусахъ на Волгѣ по смерти Аюки. Черенъ-Дондукъ, Дондукъ-Омбо, Дарма-Бала, Дондукъ-Даши. Княгиня Анна Тайшина и поселеніе ея Татищевымъ въ Ставрополѣ на Волгѣ. Назначеніе Татищева въ Калмыцкую комиссію. Инструкція; замѣчанія на нее Татищева и отвѣты коллегіи. Свиданіе и переговоры Татищева съ калмыцкими владѣльцами близь Селитреннаго городка на рѣкѣ Ахтубѣ. Его дневникъ. Бѣгство ханши Джаны въ Кабарду. Первыя неудовольствія между Татищевымъ и намѣстникомъ калмыцкаго ханства, Дондукъ-Дашею. Дѣйствія сына Татищева въ Кизлярѣ, Кабардѣ и на Кубани. Возвращеніе Джаны къ Астрахани и объявленіе Татищева о ея арес-

тѣ. Ссоры Татищева съ генераломъ Таракановымъ и съ Дондукъ-Дашей. Поѣздка намѣстника въ Петербургъ. Походъ русскихъ и Дондукъ-Даши на Салтанаульцевъ. Новыя ссоры Татищева съ намѣстникомъ. Переписка ихъ: объ отношеніяхъ между калмыцкими владѣльцами, объ отношеніяхъ ихъ къ простымъ калмыкамъ и калмыцкимъ духовнымъ лицамъ, о калмыцкомъ уложеніи, о рыбныхъ ловляхъ, о разоренной казаками калмыцкой молельнѣ, о сынѣ намѣстника, о разборѣ ссоръ калмыковъ съ русскими и казаками, объ астраханской татарской судной конторѣ. Жалоба Дондукъ-Даши на Татищева, посланная въ Петербургъ. Нерѣшительность петербургскихъ правителей. Просьбы Татищева объ увольненіи отъ калмыцкихъ дѣлъ. Новыя непріятности между нимъ и намѣстникомъ. Вторая челобитная Дондукъ-Даши на Татищева. Попытки правительства помирить губернатора и намѣстника. Бранная переписка между ними. Новая просьба Татищева объ увольненіи отъ калмыцкой коммиссіи. Смѣна Татищева Еропкинымъ.

Глава VI. Астраханская губернія.—Состояніе Астраханской губерніи въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Управленіе астраханскихъ воеводъ и губернаторовъ. Торговля Низоваго края. Сношенія съ Бухарой и Хивой. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухарцами, Пьера Куки. Армянская компанія и торговыя сношенія съ Персіей и Индіей. Военныя волненія въ странахъ приуральскихъ и прикаспійскихъ. Подвиги шаха Надира въ передней Азіи. Ссоры кабардинскихъ горцевъ съ шахомъ и переговоры, по поводу ихъ, между Надиромъ и Татищевымъ. Подарки шаху и его министрамъ. Вѣсти о дѣйствіяхъ шаха на Кавказѣ. Приготовленія Астрахани къ оборонѣ. Новыя вѣсти о подвигахъ Надира. Выдача ему русскими пограбленнаго кабардинцами. Совѣщаніе Татищева о военныхъ мѣрахъ къ защитѣ Низоваго края. Неудача шаха на Кавказѣ. Похожденія Эльтона и англійская торговая компанія на Каспійскомъ морѣ. Ссоры Эльтона съ русскимъ резидентомъ и консуломъ въ Персіи. Переговоры петербургскаго правительства съ англійскимъ посломъ о поступкахъ Эльтона. Посылка Ганвея для ревизіи дѣлъ Эльтона. Свиданіе Ганвея съ Татищевымъ. Переписка Татищева, Ганвея, Эльтона, Арапова и Братищева. Покровительство

Татищева англійской торговлѣ. Дѣла о плѣнныхъ, о разбойникахъ, о шпіонахъ, о политическихъ арестантахъ, о переселенцахъ изъ Персіи, о торговыхъ пошлинахъ. Новый русскій резидентъ въ Персіи, Бакунинъ и его ссоры съ консуломъ Братищевымъ, съ Персіянами, съ Эльтономъ. Выговоры Татищева Бакунину. Новое нашествіе шаха на Кавказъ. Отношенія къ Россіи горскихъ князей и Грузіи. Появленіе Трухменцевъ на Мангышлакѣ и Эмбѣ. Заботы Татищева объ устройствѣ астраханскихъ татаръ, о постройкѣ городковъ и форпостовъ на Волгѣ, о волжскихъ казакахъ. Бѣдность тогдашнихъ административныхъ средствъ въ Астрахани. Отзывъ о дѣятельности Татищева, путешественника д-ра Лерхе. Увольненіе Татищева отъ званія губернатора и новая судная коммиссія надъ нимъ.

Глава VII. Ученые и литературные труды Татищева.—Ученое направленіе русской литературы при Петрѣ и послѣ него. Страсть Татищева къ книгамъ. Его любознательность Географическія занятія въ Россіи во времена Татищева. Собственные географическіе труды Татищева. Историческія занятія Татищева Рукописи историческихъ сочиненій его. Вопросъ объ источникахъ Исторіи Россіи Татищева. Вопросъ объ Іоакимовской лѣтописи. Нѣкоторыя изъ сомнительныхъ мѣстъ въ его исторіи. Критическія пріемы Татищева. Богословскія, философскія, политическія и историческія мнѣнія его. Археологическія и этнографическія свѣдѣнія. Юридическіе труды Татищева. Примѣчанія къ Русской Правдѣ и Судебнику. Сочиненія Татищева о ревизіи, о бѣглыхъ, объ областномъ управленіи. Что не дошло до насъ изъ сочиненій Татищева? Гдѣ онъ кончилъ свою исторію? Писалъ ли онъ мемуары? Разговоръ о пользѣ наукъ,— Татищева.

Глава VIII. Заключеніе.—Послѣдніе годы жизни Татищева. Обстоятельства его смерти. Взглядъ на Татищева его современниковъ. Судьба его ученыхъ трудовъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Общій выводъ.

Примѣчанія. Въ нихъ между прочимъ помѣщены: Оглавленіе статей горнозаводскаго устава Татищева. Одиннадцать вопросовъ о Бухарѣ и Хивѣ, изъ рукописи, принадлежавшей Татищеву. Описаніе рукописи: „Способъ ко введенію коммерціи въ государствахъ Великаго Мо-

гола“. Описаніе „чертежной книги всей Сибири“ тобольскаго боярскаго сына Семена Ремезова. Описаніе географическихъ трудовъ геодезистовъ, посланныхъ Татищевымъ въ Сибирь. Предисловіе къ лексикону Татищева, сочиненному для приписыванія иноязычныхъ словъ обрѣтающихся въ Россіи народовъ. Примѣчанія Татищева къ сочиненію Страленберга. Описаніе рукописи Татищева: „Предъизвѣщеніе къ Исторіи“. Описаніе рукописи Татищева: „Царство царя Михаила Θеодоровича“. Реестръ сочиненій Татищева, посланныхъ въ Петербургъ изъ московскаго архива къ Екатеринѣ II.

Приложенія. (Оглавленіе помѣщено предъ ними).

ГЛАВА I.

Административныя преобразованія Петра и первая служба Татищева.

Въ XVII столѣтіи родъ Татищевыхъ, происходившій отъ смоленскихъ князей рюриковичей, принадлежалъ къ числу захудалыхъ. Въ то время, какъ члены фамилій родословныхъ бывали въ боярахъ и окольничихъ, ни одинъ изъ предковъ нашего историка не имѣлъ этихъ чиновъ и не сидѣлъ въ думѣ [1]). Но самъ онъ родился уже тогда, какъ обычаи мѣстничества объявлены были вредительными, разрушительными и мерзкими; когда въ общественныхъ нравахъ начинала колебаться исключительная сила стариннаго предразсудка, что человѣкъ не славнаго родителя и высокоуменъ, точно птица безъ крылъ, убивается о землю, а взлетѣть не можетъ. Зато Татищевъ долженъ былъ заплатить дань вѣку въ другомъ отношеніи: долженъ былъ въ ранней молодости подчиниться общей участи современниковъ, для большинства которыхъ воспитаніе ограничивалось лишь вскормленіемъ, а подъ образованіемъ разумѣлось ученіе словесное и письменное по азбуковнику, псалтырю и часослову, да церковное пѣніе. Въ послѣдствіи ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ не вспомнилъ о томъ чему и какъ учился въ юности; о средствахъ къ образова-

нію, которыя онъ могъ встрѣтить среди семьи своей, нѣтъ никакихъ извѣстій; его имени не было также и въ числѣ учениковъ Еллино-греческой академіи, открывшейся незадолго до его рожденія. Какъ большая часть лучшихъ людей эпохи, Татищевъ былъ воспитанъ самою жизнію: съ дѣтства окружали его великія событія, вліяніе которыхъ должно было потомъ отразиться на политической, административной, общественной и литературной его дѣятельности.

Какое же изъ явленій тогдашней жизни было самымъ раннимъ воспоминаніемъ его? — Обломки глубокой древности, вольности Псковичей, сохраненныя ими въ подновленномъ видѣ до конца XVII столѣтія. «Я помню, говоритъ Татищевъ [2]), какъ въ 1699 году ихъ головы или бурмистры судили и наказывали гражданъ, только для пытки и смертной казни отсылали къ воеводѣ; хотя въ гарнизонѣ было два полка стрѣльцовъ, но и граждане имѣли два полка и съ оными крѣпость содержали (т. е. охраняли), полковниковъ и прочихъ сами къ онымъ опредѣляли». Но Петръ, только что вернувшійся изъ перваго путешествія своего за границу, настойчивѣе прежняго принялся за преобразованія, завѣщанныя ему предшественниками, — и скоро послѣдніе слѣды псковской пошлины, поразившіе своей особенностью наблюдательный умъ тринадцатилѣтняго мальчика, исчезли невозвратно.

Вслѣдъ за уничтоженіемъ стрѣлецкаго войска, послѣ жестокаго розыска, вслѣдъ за стрижкою бородъ, за введеніемъ новаго лѣтосчисленія, новаго платья, гербовой бумаги, сшитыхъ тетрадей вмѣсто старинныхъ столбцевъ, Петръ обратился къ одной изъ главныхъ задачъ своей дѣятельности, — къ утвержденію русской власти на берегахъ Балтійскаго моря. Наступила борьба, которой суждено было вне-

сти коренную перемѣну въ международныя отношенія сѣверныхъ государствъ: подорвать великое значеніе Швеціи, пріобрѣтенное участіемъ въ тридцатилѣтней войнѣ, указать на новую представительницу протестантизма въ самой Германіи, Пруссію и вдвинуть Россію въ кругъ европейскаго союза. Война, начавшись безславнымъ пораженіемъ подъ Нарвою, обратила всѣ живыя силы государства на развитіе матеріальныхъ средствъ. Рѣшившись на чеканку мѣдныхъ денегъ, оставившихъ по себѣ темную память въ народѣ со временъ коломенскаго бунта, переливъ церковные колокола въ пушки, согнавъ на крѣпостныя работы въ Новгородѣ и Псковѣ не только солдатъ и городскихъ жителей, но и священниковъ и всякаго церковнаго чину людей, мужчинъ и женщинъ, Петръ занялся устройствомъ войска и увеличиваніемъ государственныхъ доходовъ. Частые указы о новыхъ податяхъ и сборахъ деньгами и натурой, придуманныхъ государевыми прибыльщиками; приглашенія иностранцевъ, строгія требованія стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ, новиковъ и недорослей, вызовы крѣпостныхъ и гулящихъ людей на царскую службу; введеніе постоянныхъ рекрутскихъ наборовъ, явленіе дотолѣ невиданное на Руси,—все это давало знать о томъ страшномъ напряженіи, о тѣхъ усиліяхъ, какихъ потребовала отъ народа затѣянная Петромъ война [3]). Азовскіе походы и перестрѣлки съ турецкими судами на Азовскомъ морѣ стоили большихъ жертвъ: теперь надо было готовиться къ еще большимъ. Къ людямъ, связавшимъ свои имена съ первыми дѣлами Петра, должны были присоединиться новые дѣятели. Сила обстоятельствъ заставила и Татищева принять въ 1704 году участіе въ общемъ движеніи; онъ долженъ былъ поступить въ армію.

Отправляя обоихъ сыновей своихъ на войну, отецъ Татищева наказывалъ имъ накрѣпко, чтобы ни отъ какого

положеннаго на нихъ дѣла не отрицались и ни на что сами не назывались. Вторичная осада Нарвы и взятіе ее въ 1705 году Русскими, благодаря нерасчетливой и безуспѣшной вылазкѣ шведскаго генерала Горна, какъ разсказывалъ потомъ самъ Татищевъ, были первымъ дѣломъ, въ которомъ онъ участвовалъ. Полтавская битва, приготовившая благопріятный для Россіи исходъ войны, также была однимъ изъ личныхъ воспоминаній его: «Мнѣ сіе въ памяти, говоритъ онъ въ примѣчаніяхъ къ Исторіи, что въ Полтавской баталіи полкъ Новогородской, бывшій въ нашей бригадѣ, имѣлъ синій мундиръ подобенъ шведскому и стоялъ подлѣ нашего полку на лѣвой рукѣ, и какъ по насъ пѣхота шведская, бывшая у лѣсу на ихъ лѣвомъ крылѣ, стала стрѣлять, отчего кони помялись, и велѣли намъ прочь отступить, а на наше мѣсто привели гвардію; въ то время генералъ-маіоръ князь Волконскій съ онымъ новгородскимъ прошелъ между Шведы впередъ, ибо конница шведская отъ пушекъ изъ линіи уступила, нашъ же подполковникъ, не усмотря того въ дыму, пошелъ також межъ нашей и шведской пѣхоты, и какъ дымъ и пылъ приподнялися, увидѣли полкъ противъ насъ стоящій и, не усмотря знаковъ, думая что Шведы, тотчасъ хотѣли на нихъ напасть и нѣкоторыя роты стали стрѣлять, что увидя оный генералъ-маіоръ прислалъ сказать и тако удержалъ, однакожъ отъ стрѣльбы не безъ урону учинилося». Въ слѣдующемъ году, начальствуя тремя стами солдатъ, Татищевъ спускается внизъ по Припети отъ Пинска до Кіева; выступивъ изъ послѣдняго города съ своею командою, осматриваетъ на пути, близъ Коростеня, высокій холмъ, который слылъ въ народныхъ преданіяхъ подъ именемъ Игоревой могилы; въ 1711 году участвуетъ въ Прутскомъ походѣ. Замиреніемъ съ Турціею кончились большіе переходы цѣлой арміей: война продолжалась на

разныхъ пунктахъ, большею частію внѣ русскихъ границъ; — и къ этому времени относится первое знакомство Татищева съ Германіею. Но причины и подробности его путешествія туда неизвѣстны. Самъ онъ разсказываетъ лишь объ одномъ изъ первыхъ впечатлѣній своихъ по возвращеніи на родину: «въ 1714 г., говоритъ онъ, ѣдучи изъ Германіи чрезъ Польшу, въ Украйнѣ я заѣхалъ въ Лубны къ фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилась. Я хотя много представлялъ, что то не правда и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ ни мало мнѣ не внималъ, я просилъ его, чтобъ позволилъ мнѣ ту бабу видѣть и ее къ покаянію увѣщать, по которому послалъ онъ со мной адъютантовъ своихъ Лаврова и Дубасова. Пришедъ къ оной бабѣ, спрашивалъ я ее прилежно, чтобъ она истину сказала, на что она тоже, что и въ распросахъ, утверждала. Я требовалъ у ней въ утвержденіе онаго, чтобъ изъ трехъ вещей учинила одну: ниткѣ, которую въ рукахъ держалъ, чтобъ, не дотрогиваясь, велѣла-бъ порваться или свѣчѣ горѣвшей погаснуть, или-бъ въ окошко, которое я открылъ, велѣла-бъ воробью влетѣть, обѣщавъ ей за то не только свободу, но и награжденіе, но она отъ всего отреклась. Потомъ я ее увѣщалъ, чтобъ покаялась и правду сказала; на оное она сказала, что лучше хочетъ умереть, нежели, отпершись, еще пытанной быть и какъ я твердо увѣрилъ, что не токмо сожжена, но и пытана не будетъ, тогда она сказала, что ничего не знаетъ, очарованіе ея состояло въ знаніи нѣкоторыхъ травъ и обманахъ; что и достовѣрно утвердила, по которому оная въ монастырь подъ началъ сослана» [1]).

Военная служба, которой Татищевъ не покидалъ до 1720 года, пользовалась тогда особенными правами предъ всякою другою. Такъ, по указу Петра, каждый дворянинъ, какой бы фамиліи ни принадлежалъ, долженъ былъ во всякомъ случаѣ давать почетъ и первое мѣсто каждому офицеру подъ опасеніемъ заплатить штрафъ, равный третному жалованью лица, которому не было оказано почтенія; такъ, послѣ знаменитаго указа о майоратѣ, младшіе члены дворянскихъ фамилій получали право покупать населенныя имѣнія послѣ десятилѣтней службы, если были гражданскими чиновниками, послѣ семи, если были военными; самое производство въ высшіе офицерскіе чины совершалось по приговору товарищей одного полка или цѣлой дивизіи; наконецъ офицеры могли пользоваться безплатно необходимыми имъ книгами [5]). Но такія льготы доставались недаромъ: армія Петра Великаго обречена была на суровую школу. По воинскому уставу, составленному самимъ преобразователемъ: «имя *солдатъ* просто содержало въ себѣ всѣхъ людей, которые въ войскѣ суть, отъ вышняго генерала даже до послѣдняго мушкетера, коннаго и пѣшаго».

Преслѣдуя тотъ взглядъ на взаимныя отношенія командующихъ войсками, который былъ причиною мѣстническихъ споровъ между воеводами старинной рати, воинскій уставъ Петра рѣзко выражался противъ лакомства и похлебства начальниковъ къ ихъ подчиненнымъ, грозилъ сильными наказаніями за ссоры, обиды, поединки: самъ обиженный, если не билъ челомъ на обидчика, да и не мирился съ нимъ, подвергался такому же наказанію, какъ и оскорбитель. За чернокнижіе, суевѣріе и чародѣйство положено было жестокое заключеніе, наказаніе шпицрутенами и даже сожженіе; смертная казнь слѣдовала за непослушаніе непосредственному начальнику, за обнаженіе оружія противъ военнаго

человѣка вообще, за непотребную тревогу или какой крикъ въ лагерѣ послѣ пробитія зари, за незнаніе пароля и лозунга, если то было причиною важнаго бѣдствія. За удержаніе жалованья у подчиненныхъ опредѣлена была ссылка на галеры, а въ важныхъ случаяхъ и смертная казнь; но публичныя жалобы о недоплаченныхъ или вовсе невыданныхъ деньгахъ въ походѣ, гарнизонѣ или среди лагеря, наказывались, какъ измѣна и возмущеніе. Грабежъ, насиліе, немилостивые поступки въ непріятельской землѣ, убіеніе плѣнныхъ влекли за собою смертную казнь, разстрѣливаніе, висѣлицу, отсѣченіе руки и, вообще, жестокія наказанія. Даже, во время сраженія или взятія приступомъ города, запрещалось не только лишать жизни дѣтей, женщинъ, стариковъ и священниковъ, но и наносить имъ обиды подъ страхомъ смерти. Если, по взятіи непріятельскаго обоза, кто-либо захватывалъ часть добычи, ему неслѣдовавшую, тотъ «безъ всякаго размышленія отъ своего товарища могъ быть убитъ». При розыскѣ важныхъ преступленій дозволялась пытка. Наконецъ воинскій уставъ изгонялъ изъ арміи обычай, дозволявшій женщинамъ находиться при войскѣ во время походовъ его. Что Петръ самъ подчинялся всѣмъ условіямъ, соединеннымъ съ обязанностями службы, это было хорошо извѣстно его современникамъ. Но Татищевъ имѣлъ случай убѣдиться въ уваженіи преобразователя вообще ко всякому справедливому требованію, даже и не предвидѣнному уставомъ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ Судебнику, онъ говоритъ: «на память мнѣ пришло, что Петръ Великій, принявъ на себя челобитную, велѣлъ судить. Сіе случилось такъ: какъ его величество шелъ подъ Нарву въ 1700 г.; стоя у посадскаго въ домѣ, взялъ у него сына, обѣщавъ имѣть въ своей милости, но по несчастію, оный взятъ въ полонъ и двѣнадцать лѣтъ

вѣдомости не было. Отецъ, не имѣя иного наслѣдника, съ печали отъ торгу отсталъ, но, получа о сынѣ извѣстіе чрезъ князя Долгорукова, написавъ челобитную, просилъ государя, чтобъ въ его обидѣ учинилъ справедливость. Государь, не принявъ челобитную, сказалъ, чтобъ онъ просилъ въ надлежащемъ судѣ. Посадскій сказалъ: бью челомъ на тебя, и разсказалъ все подробно. Государь, написавъ обстоятельство безъ именъ, послалъ въ сенатъ и велѣлъ оное по правости рѣшить. Сенатъ рѣшилъ, что отвѣтчикъ долженъ сына изъ полону выкупить и челобитчику всѣ убытки заплатить, что его величество въ точности исполнилъ»[6]).

Но всѣ эти воспоминанія, сохраненныя Татищевымъ изъ временъ первой его службы, отрывочны и случайны. Говоря въ пользу его наблюдательности, интересовавшейся не однимъ лагернымъ бытомъ, но и другими сторонами тогдашней жизни, они мало сообщаютъ извѣстій о томъ, чѣмъ наполнялась постоянная, ежедневная его дѣятельность. Къ числу такихъ отрывочныхъ воспоминаній принадлежитъ и вторичная поѣздка его въ Германію, относящаяся къ 1717 г. Когда Петръ перенесъ войну на германскую почву, Гамбургъ, Любекъ и Данцигъ не разъ принуждены были откупаться отъ посѣщенія русскихъ войскъ значительными денежными контрибуціями. Кромѣ того война подрывала приморскую торговлю, которая составляла главныя средства къ жизни для населенія городовъ, когда-то принадлежавшихъ къ Ганзейскому Союзу. И потому, не смотря на обѣщанія не имѣть никакихъ сношеній съ Шведами, Гданчане продолжали свои торговыя связи съ ними, что вызывало грозныя деклараціи со стороны Петра противу непокорнаго города. Послѣ каждой угрозы Данцигъ сдавался на требованія царя, платилъ новыя контрибуціи и опять принимался за сношенія съ Швеціею. Въ 1716 году Гданскій маги-

стратъ не только отказался вооружить на свой счетъ каперовъ, но и «весьма дерзость имѣлъ объявить», что въ войнѣ никакого участія не имѣетъ. На замѣчаніе, что городъ ихъ считается членомъ рѣчи посполитой польской, которая давно уже въ союзѣ съ Петромъ, магистратъ отвѣчалъ стѣснительными мѣрами противъ русскихъ войскъ, задержаніемъ царскаго багажа и другими непріятельскими поступками. Петръ снова потребовалъ удовлетворенія отъ Гданчанъ, обнаружившихъ такое «безчувствіе и грубость», и послалъ къ нимъ съ объявленіемъ всѣхъ неисправностей князя Василія Долгорукова. Татищеву же велѣно было хлопотать о включеніи въ новую контрибуцію образа Страшнаго Суда, который находился въ одной изъ церквей Данцига, въ замѣнъ денегъ, хотя бы пришлось уступить до 50,000 ефимковъ. Петръ зналъ отъ гданскаго бургомистра народную молву, будто этотъ образъ есть тотъ самый, который писанъ однимъ изъ славянскихъ апостоловъ св. Меѳодіемъ, по поводу обращенія въ христіанство моравскаго князя. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно старался о пріобрѣтеніи такой рѣдкости, какъ сдѣлалъ съ знаменитымъ готторпскимъ глобусомъ, съ кенигсбергскимъ спискомъ Несторовой лѣтописи: но, съ одной стороны, Татищевъ не подтвердилъ преданія, о которомъ говорила легенда; съ другой, гданскій магистратъ не рѣшился уступить мѣстной святыни даже за 100,000 ефимковъ [7]).

Все чаще и чаще прерывалась сѣверная война дипломатическими сношеніями; не рѣдко самъ Петръ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ. Еще съ года прутской компаніи, онъ возобновилъ свои поѣздки за границу и, среди этихъ путешествій, сталъ мало-по-малу переходить отъ внѣшней борьбы къ внутреннимъ реформамъ, принося каждый разъ по возвращеніи въ Россію какое-нибудь нововве-

деніе съ Запада. Въ 1711 году онъ встрѣтился съ Лейбницемъ, нарочно пріѣхавшимъ въ Торгау для свиданія, и выслушалъ его совѣты о необходимости распространить въ Россіи полезныя науки и искусства. Сознавая, что война мѣшаетъ Петру предаться вполнѣ столь благому намѣренію, Лейбницъ просилъ, однакожь, не откладывать его вдаль и дѣятельно заняться устройствомъ школъ, библіотекъ, музеевъ, кабинетовъ, обсерваторій, ученыхъ обществъ и университетовъ. Въ послѣдствіи познакомившись еще болѣе съ царемъ и его приближенными, узнавъ отъ нихъ о характерѣ государственнаго управленія, какое существовало тогда въ Россіи, Лейбницъ нашелъ еще не меньшую потребность административныхъ реформъ и представилъ Петру проектъ объ устройствѣ коллегій. Главныя положенія этого проекта состояли въ слѣдующемъ:

1) Донынѣ опытъ достаточно показалъ, что государства и страны не иначе могутъ быть приводимы въ лучшее состояніе, какъ только посредствомъ учрежденія коллегій;

2) Такія коллегіи весьма справедливо могутъ быть подѣлены на главныя и второстепенныя;

3) Какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ въ большой государственной машинѣ одна коллегія должна возбуждать другую; и если все будетъ находиться въ надлежащей соразмѣрности и тѣсной гармоніи, то стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія;

4) Но какъ часы различаются тѣмъ, что одни требуютъ больше, а другіе менѣе колесъ; такъ точно различаются между собою и государства и трудно опредѣлить непремѣнное число коллегій;

5) Для государства его царскаго величества можно сначала счесть необходимыми слѣдующія девять коллегій: по-

литическую (etatscollegium), военную, финансовую, полицейскую, юстицъ-коллегію, коммерцъ-коллегію, ревизіонъ-коллегію, духовную и ученую;

6) Для каждой изъ этихъ коллегій необходимо особенное описаніе и притомъ: a) того, что касается членовъ каждой коллегіи; b) что должно быть предметомъ ихъ занятій; c) какую пользу изъ того получитъ его царское величество и страна его.

Къ проекту своему Лейбницъ приложилъ планъ одной только ученой коллегіи, но въ послѣдствіи представилъ общія соображенія о порядкѣ и экономіи финансовъ, при чемъ, говоря о причинахъ дурнаго состоянія государственныхъ доходовъ, упоминалъ уже о камеръ-коллегіи, бергъ-коллегіи и мануфактуръ-коллегіи; наконецъ онъ составилъ еще инструкцію для конфискаціонной канцеляріи [8]).

Мысли, планы, проекты Лейбница не должны были остаться безъ вліянія на Петра: совѣты германскаго ученаго и государственнаго человѣка должны были найти сочувствіе въ преобразователѣ Россіи уже и потому, что они не были новостію для Петра, отвѣчали его собственнымъ намѣреніямъ. Съ другой стороны, если Лейбницу трудно было сойтись съ Карломъ XII во время ихъ свиданія въ Альтранштадтѣ; потому что между космополитомъ-философомъ, каковъ былъ первый, и молчаливымъ, угрюмымъ кондотьери, какимъ былъ шведскій король, немогло быть никакой точки соприкосновенія: то къ русскому царю привлекали мысль Лейбница тотъ духъ реформы, которымъ проникнуты были всѣ дѣйствія Петра, и то страстное, безпокойное стремленіе, съ какимъ онъ хотѣлъ добиться лучшаго. Въ послѣднемъ свойствѣ человѣческой субстанціи Лейбницъ всегда находилъ источникъ совершенствованія и счастія людей: «Unruhe, говорилъ онъ своимъ любимымъ

языкомъ сравненій, есть нѣмецкое названіе часоваго маятника» [9]). Административныя реформы Петра предупредили, до нѣкоторой степени, совѣты Лейбница. Еще въ началѣ 1711 года, приступая къ войнѣ съ Турціею, онъ учредилъ сенатъ, обязанностію котораго между прочимъ было: судъ имѣть не лицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, тожь и ябедникамъ да послѣдуетъ; смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ и ненужные, а особливо напрасные, отставить; денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артеріею войны; заботиться о торговлѣ и другихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства. Сенату приданы были фискалы, должность которыхъ состояла въ томъ, чтобы «надъ всѣми дѣлами надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить [10]). Но при такомъ устройствѣ сената, положительная дѣятельность его не могла быть успѣшна по причинѣ обширности ея программы, а одна отрицательная, инквизиціонная дѣятельность фискаловъ была недостаточна для истребленія зла. Необходимы были болѣе подробныя, частныя преобразованія и Петръ сознавалъ эту потребность. Самыми рѣшительными въ этомъ отношеніи годами были 1717 и 1718.

Посѣтивъ въ іюнѣ 1717 года Сорбонну, Петръ выдалъ свою задушевную тайну при видѣ статуи кардинала Ришельё, съ именемъ котораго соединялась для современниковъ слава величайшаго государственнаго человѣка новой Европы. Обнявъ со слезами на глазахъ монументъ, взволнованный царь сказалъ: «великій человѣкъ! я отдалъ бы половину моего царства генію, подобному тебѣ, чтобы онъ помогъ мнѣ управлять другою». Правда Петръ не былъ одинокъ и

дома у себя: но, по выразительному изрѣченію Посошкова, если онъ самъ—десять тянулъ на гору, то милліоны тащили подъ гору; даже между этими десятью не всѣ одинаково смотрѣли на самый характеръ преобразованій. Вѣрно лишь одно, что потребность реформы по части государственнаго управленія сознавалась лучшими людьми даже той партіи, которая не вполнѣ одобряла перемѣну обычаевъ и нравовъ въ общественной и частной жизни. Такъ тотъ же Татищевъ сохранилъ изъ воспоминаній молодости извѣстный разговоръ царя съ знаменитымъ своею правдивостію княземъ Яковомъ Долгоруковымъ. «Въ 1717 году, будучи его величество на пиру за столомъ со многими знатными, разговаривалъ о дѣлахъ отца своего, бывшихъ въ Польшѣ, и о препятствіи великомъ отъ Никона патріарха; тогда графъ Мусинъ-Пушкинъ сталъ дѣла отца его уничтожать, а его выхвалять, изъясняя тѣмъ, что у отца его Морозовъ былъ и другіе великіе министры, которые болѣе, нежели онъ, дѣлали. Государь такъ тѣмъ огорчился, что, вставъ отъ стола, сказалъ: ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвалою болѣе меня бранишь, нежели я терпѣть могу; и пришедъ ко князю Долгорукову, ставъ у него за стуломъ, говорилъ: ты меня больше всѣхъ бранишь и такъ тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, то вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно благодарю, нынѣ же тебя спрошу и вѣрю, что о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемѣрно правду скажешь. Оной отвѣтствовалъ: Государь, изволь сѣсть! а я подумаю; и какъ государь подлѣ него сѣлъ, то, не долго по повадкѣ великіе свои усы разглаживая и думая, на что всѣ смотрѣли и слышать желали, такъ началъ: Государь! сей вопросъ нельзя кратко изъяснить для того, что дѣла разныя: въ

иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей три: первое — внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ семъ отецъ твой болѣе времени свободнаго имѣлъ, а тебѣ еще и думать о томъ времени не достало; и такъ отецъ твой болѣе, нежели ты, сдѣлалъ: но когда и ты о семъ прилежати будешь, то можетъ превзойдешь, и пора тебѣ о томъ подумать. Другое: военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныя хвалы удостоился и пользу велику государству принесъ, тебѣ устроеніемъ регулярныхъ войскъ путь показалъ, да по немъ несмысленные всѣ его учрежденія раззорили, что ты почитай все вновь сдѣлалъ, и въ лучшее состояніе привелъ: однакожъ, я много думая о томъ, еще не знаю кого болѣе похвалить; но конецъ войны твоей прямо покажетъ. Третье: въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранными. Ты далеко большую пользу государству и себѣ честь пріобрѣлъ, нежели отецъ твой, и сіе все самъ, надѣюсь, за право примешь» [11]).

— «*Пора тебѣ о томъ подумать*»! — говорилъ Долгоруковъ Петру о внутреннемъ управленіи Россіей, и въ его словахъ лишь повторялась мысль уже знакомая и преобразователю, и русскому обществу: и вотъ среди событій, имѣвшихъ огромное значеніе въ исторіи личныхъ отношеній Петра, положено было прочное основаніе давно задуманныхъ реформъ по части государственнаго управленія. 1718 годъ видѣлъ и начало этихъ нововведеній, и былъ свидѣтелемъ смерти царевича Алексѣя Петровича и Карла XII, съ паденіемъ которыхъ шире и свободнѣе становилось поле, выбранное Петромъ для своей дѣятельности.

Въ томъ же году Петръ долженъ былъ преслѣдовать тѣ страшныя злоупотребленія, которыя издавна вкрались въ государственное управленіе, подрывая правосудіе, постав-

ленное Долгоруковымъ въ числѣ первыхъ обязанностей государей. Давнее зло, отчасти родившееся изъ системы кормленія, когда судъ и управленіе считались не столько обязанностію правителя, сколько частною собственностію его, дававшею средства кормиться, отчасти поддерживаемое самыми нравами общества, воспитаннаго старинною администраціею въ мысли о законности посуловъ, подарковъ, поминокъ, гостинцевъ и тому подобныхъ поборовъ, было такъ сильно, что не сдавалось ни предъ какими угрозами и наказаніями. Еще въ 1714 году Петръ издалъ указъ, которымъ объявлялъ всенародно: «понеже многія лихоимства умножились, между которыми и *подряды вымышлены* и прочія тому подобныя дѣла, которыя уже наружу вышли, о чемъ многіе, якобы оправдая себя, говорятъ, *что сіе незаконно было,* не разсуждая того, что все то, что вредь и убытокъ государству приключить можетъ, суть преступленія. И дабы впредь плутамъ (которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всѣмъ членамъ, которые у дѣлъ приставлены великихъ и малыхъ, духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, политическихъ, купецкихъ, художественныхъ и прочихъ, какое званіе оные не имѣютъ, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа сбираемыхъ денегъ брать, торгомъ, подрядомъ и прочими вымыслы.... А кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнья лишенъ, шельмованъ, и изъ числа добрыхъ людей изверженъ, или и смертію казненъ будетъ» [12]). Тогда же учрежденная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Василія Владиміровича Долгорукова, открыла взяточничество и казнокрадство многихъ коммиссаровъ, завѣдывавшихъ снабженіемъ войска провіантомъ, судей, секретарей

и дьяковъ разныхъ приказовъ, слѣдователей по рекрутскимъ наборамъ, кабацкихъ и таможенныхъ подъячихъ, помѣщиковъ и купчинъ, занимавшихся подрядами, съ ихъ прикащиками, одного монастырскаго казначея и пономаря; князь Менщиковъ, графъ Апраксинъ были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. Денежные штрафы, лишеніе чиновъ и имѣнія, ссылка въ Сибирь, торговая и смертная казнь были наказаніемъ для многихъ изъ виновныхъ: Менщиковъ и Апраксинъ вышли оправданными изъ-подъ слѣдствія, но президентъ адмиралтейства Кикинъ, извѣстный потомъ по своему участію въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, и московскій вице-губернаторъ Ершовъ не ушли отъ наказанія, — и Татищевъ, составляя въ послѣдствіи примѣчанія къ Судебнику Грознаго, замѣтилъ, что въ 1714 году «многимъ знатнымъ по ихъ неистовствамъ наказанія чинены» [13]). Не смотря на то, злоупотребленія, открытыя въ 1718 году, не уступали прежнимъ ни по своему значенію, ни по именамъ обвиненныхъ лицъ. Еще Петръ не вернулся изъ своего путешествія во Францію, какъ до него дошли слухи о враждѣ между сенаторами, о медленномъ исполненіи его повелѣній; онъ узналъ также, что въ амстердамскомъ банкѣ хранятся большія суммы денегъ Менщикова и другихъ вельможъ, пріобрѣтенныя не совсѣмъ чистыми средствами. Желая убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній, онъ неожиданно захватилъ Соловьева, бывшаго повѣреннымъ у Менщикова, и, разсмотрѣвъ его книги по счетамъ съ банкомъ, нашелъ нужнымъ отослать его въ Петербургъ подъ надзоромъ Нарышкина и въ сопровожденіи 25 прусскихъ гвардейцевъ. Едва Петръ успѣлъ пріѣхать въ Россію, гдѣ долгое его отсутствіе и бѣгство царевича въ Вѣну отозвались уже недовольствомъ во многихъ людяхъ всякихъ состояній, какъ офиціальные доносы фискаловъ и жалобы

частныхъ лицъ дали знать еще о злоупотребленіяхъ судей и правителей. Если тайной канцеляріи предстояло много дѣлъ по суздальскому, кикинскому и царевичеву розыскамъ; то не мало печальныхъ открытій долженъ былъ сдѣлать судъ надъ лихоимцами, составленный изъ низшихъ военныхъ офицеровъ подъ предсѣдательствомъ генерала Вейде. Иностранцы, жившіе тогда въ Москвѣ, говорили: этотъ городъ кажется злосчастнымъ; приходится быть или обвинителемъ или обвиненнымъ. Въ тотъ же самый день, какъ казнены были послѣдніе изъ важнѣйшихъ участниковъ въ дѣлѣ царевича, Петръ собралъ сенатъ и объявилъ, что, наказавъ оскорбителей величества, приступитъ къ наказанію піявицъ народа—корыстолюбцевъ, обогащающихся достояніемъ царя и его подданныхъ. Князю Меньщикову, братьямъ Апраксинымъ, сибирскому губернатору князю Гагарину, велѣно было явиться предъ судей и отвѣчать на обвиненія доносителей. Подъ стражу было отдано болѣе двухъ сотъ обвиненныхъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Суммы, которыми виновные во взяткахъ должны были поплатиться царю, могли составить, какъ носились тогда слухи, нѣсколько милліоновъ рублей. Приговоръ суда для знатныхъ преступниковъ состоялъ въ лишеніи чиновъ и отличій. Но Петръ еще разъ, ко всеобщему удивленію современниковъ, простилъ Меньщикова и Апраксина; самая страшная казнь постигла сибирскаго губернатора. Окончивъ это слѣдствіе, Петръ повторилъ своимъ сотрудникамъ мысль Долгорукова: «я не думаю, говорилъ онъ, чтобы между вами изъ людей просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ гражданскихъ дѣлахъ нашелся кто-нибудь не знающій, что двѣ и самыя главныя обязанности государя, которому Богъ опредѣлилъ управлять царствами и народами: защищеніе своего государства отъ внѣшнихъ враговъ, водя лично войска въ битву, и сохра-

неніе между подданными внутренняго міра, являя скорое и доброе правосудіе всѣмъ, и наказывая зло въ лицахъ знатныхъ также, какъ и въ послѣднемъ крестьянинѣ» [14]).

Потребности государственныя привели Петра къ внѣшней войнѣ; событія приготовили ей благопріятный исходъ. Тѣ-же потребности указывали на важность внутреннихъ реформъ; жизнь давно ставила этотъ вопросъ на степень нуждающагося въ безотлагательномъ рѣшеніи. Но однѣми карательными мѣрами нельзя было достичь благой цѣли; чтобы перевоспитать административные и общественные нравы, нужны были и лучшія средства и болѣе времени, нежели имѣлъ Петръ: оставалось идти путемъ положительнаго законодательства и правительственныхъ реформъ. А между тѣмъ попытка составить новый сводъ законовъ, который бы имѣлъ въ своемъ основаніи уложеніе царя Алексѣя Михайловича и давалъ бы общія рѣшенія на вопросы, возникшіе вслѣдствіи новой жизни, не удалась. Сперва этимъ дѣломъ занимались бояре, окольничіе и думные люди, потомъ съ 1714 года сенатъ; но новое уложеніе не двигалось впередъ. Напрасно брали въ руководство шведское уложеніе, а для помѣстныхъ дѣлъ права лифляндскія и эстляндскія и потомъ датское уложеніе; напрасно Посошковъ въ минуту, черезчуръ практическаго увлеченія, правиломъ: брать отовсюду, лишь бы хорошо, да пригодно, — совѣтовалъ позаимствоваться не только изъ нѣмецкихъ уставовъ, но и изъ турецкаго судебника; другая, болѣе счастливая мысль его о народномъ многосовѣтіи въ вопросахъ законодательныхъ не была примѣнена къ дѣлу: и труды коммиссіи остались безуспѣшными. Значеніемъ дѣйствующаго законодательства пользовались только отдѣльные уставы, да частныя узаконенія. Гораздо легче и доступнѣе были преобразованія въ системѣ государственнаго управле-

нія: здѣсь возможнѣе было перенесеніе извнѣ административныхъ формъ, которыя рано или поздно могли проникнуться содержаніемъ, взятымъ изъ русской жизни; гораздо труднѣе было заимствовать самые элементы чуждаго намъ быта. Петръ такъ и сдѣлалъ. Приказное управленіе, основанное на личномъ началѣ,—господствующая форма въ административной жизни XVII столѣтія,—было замѣнено формою коллегіальною; тутъ не было коренной перемѣны самыхъ принциповъ, изъ которыхъ сложилась политическая жизнь Россіи передъ Петромъ. И приказы, и коллегіи были органами все той же государственной власти, какъ и въ прежнее время.

Но коллегіи имѣли то практическое преимущество предъ приказами, что по словамъ духовнаго регламента: «извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели однимъ лицемъ, — вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ, — въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителю нуждами и за недугомъ и болѣзнію, — въ коллегіумъ таковомъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду, — коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію». Наконецъ между коллегіями Петра существовало болѣе правильное раздѣленіе занятій по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія, нежели между многочисленными приказами его предшественниковъ; и въ тоже время межь ними было болѣе внутренней связи, чѣмъ между послѣдними; самыя отношенія ихъ къ сенату отличались большею опредѣленностію, нежели отношенія приказовъ къ боярской думѣ. «Сенату надлежитъ состоять изъ президентовъ коллегій», — говоритъ новый указъ о должности сената. «Дѣло ихъ то: когда кому въ коллегіи такое дѣло слу-

чится, что ему одному того учинить невозможно, тогда надлежитъ ему объявить секретарю, или кому ввѣрены письма и канцелярія; то онъ повиненъ созвать ихъ, и когда съѣдутся оное дѣло слушать и съ низу каждому свое мнѣніе писать, и потомъ рѣшеніе всѣмъ подписать; будеже и всѣмъ оное вершить невозможно, то учинить предложеніе и свое мнѣніе въ докладъ.... Безъ согласія всего сената ничто начинать подобаетъ, меньше же въ чемъ что вершить возможно. Въ сенатѣ никакое дѣло исполнено быти надлежитъ словесно, но все чтобъ письменно. Глава же всему, дабы должность свою и наши указы въ памяти имѣли и до завтра неоткладывали, ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ; понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ рознится съ измѣною, и неточію равномѣрно бѣду пріимаетъ государство отъ обоихъ, но отъ сего еще вящше, ибо услышавъ измѣну, всякъ остережется, а сего никто вскорѣ почувствуетъ, но мало-по-малу все раззорится, и люди въ непослушаніи останутся; чему ничто иное, токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ-то о греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ. Будеже сенатъ, говорилось въ генеральномъ регламентѣ, о какомъ дѣлѣ что повелитъ, а коллегіумъ усмотритъ, что то его величества указомъ и высокому интересу противно: то государственному коллегіуму не должно того исполнять, но имѣетъ въ сенатѣ о томъ надлежащее письменное предложеніе учинить. И ежели сенатъ, не взирая на оное, при прежнемъ своемъ опредѣленіи пребудетъ, то сенатъ въ томъ отвѣтъ дать повиненъ, а коллегіумъ по письменному указу сенатскому, и потомъ его царскому величеству объ ономъ донести долженъ, а ежели неизвѣститъ: то коллегіумъ вся подвержена будетъ тому наказанію по силѣ вреда». Касательно отношеній между коллегіями было постановлено: «Понеже

каждый коллегіумъ особливыя свои отправленія и дѣла имѣетъ, того ради одному коллегіуму въ дѣло другаго не вступаться; но ежели иногда что случится, которое и до другаго коллегія касается, то одному съ другимъ о томъ порядочно и письменно корреспондовать; и ежели оное дѣло важно и трудно, то онымъ коллегіямъ надлежитъ собраться и обще о томъ дѣлѣ разсуждать и къ вершенію привесть». Съ такою твердостію въ примѣненіи и ясностію во взглядѣ, выполненъ былъ совѣтъ Лейбница: но, переходя теперь изъ проектовъ въ жизнь, новыя учрежденія Петра должны были испытать неизбѣжныя столкновенія съ дѣйствительностію. Коллегій сначала было учреждено девять. Отвѣчая по числу своему коллегіямъ Лейбница, онѣ представляли отступленія по кругу занятій, назначенныхъ для нихъ Петромъ. Etats-collegium, по всей вѣроятности, предполагала коллегію чужестранныхъ дѣлъ, которая замѣнила приказъ посольскихъ дѣлъ. Но Kriegs-collegium была раздѣлена Петромъ на двѣ: воинская замѣнила собой приказы разрядный, стрѣлецкій, рейтарскій, иноземный, оружейный и часть занятій многихъ другихъ; адмиралтейская составила центральное учрежденіе для управленія флотомъ, до Петра вовсе не существовавшимъ. Finanzen-collegium также образовала двѣ: камморъ-коллегію, завѣдывавшую государственными доходами, и штатсъ-коллегію, завѣдывавшую расходами; онѣ соединяли въ себѣ то частное хозяйство прежнихъ царей, которымъ управляли Приказъ Большіе Казны, Большой приходъ, Приказъ Большаго дворца и вообще казенные дворы. Коммерцъ и ревизіонъ-коллегіи Петра вполнѣ отвѣчали такимъ же коллегіямъ Лейбница; но polizei-collegium не получила такого же устройства, какъ прочія; полицейскою частію завѣдывалъ при Петрѣ генералъ-полиціймейстеръ Девіеръ съ своею канцеляріею. Учрежденіями,

соотвѣтствующими духовной и ученой коллегіямъ, явились въ послѣдствіи Синодъ и отчасти Академія Наукъ. Зато Петръ прибавилъ Бергъ и Мануфактуръ-коллегію, которая управляла «рудокопными заводами и всѣми прочими ремеслами и рукодѣліями и заводами оныхъ и размноженіемъ, притомъ же и артиллеріею»; потомъ горное дѣло и артиллерія были отдѣлены отъ мануфактуръ, и бергъ-коллегія получила самостоятельное существованіе [15]).

Такое заботливое вниманіе, обращенное на устройство фабрикъ и заводовъ по всѣмъ частямъ промышленности, удовлетворяло самымъ пламеннымъ ожиданіямъ передовыхъ людей XVII столѣтія, постоянно жаловавшихся на бѣдность Россіи, и кромѣ того одной изъ существенныхъ потребностей своего времени: увеличеніе государственныхъ расходовъ, быстро поднявшихся вслѣдствіе новыхъ нуждъ, заставило Петра обратить вниманіе на развитіе производительныхъ силъ страны. Перенесеніе въ Россію горнаго искусства было однимъ изъ слѣдствій этихъ заботъ. «Наше россійское государство», говорилъ Петръ въ указѣ 10 декабря 1719 года, опредѣлявшемъ кругъ занятій бергъ-коллегіи, «предъ многими оными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ;... сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оные въ пользу государственную произвести, не разумѣли, частію же иждивенія и трудовъ къ оному приложити отважиться не хотѣли, опасаяся, дабы нѣкогда тѣ заведенные рудокопные заводы, егда въ нихъ добрая прибыль будетъ, отъ нихъ заводчиковъ отняты бъ не были». Въ этомъ случаѣ Петръ опять сходился съ практическимъ Лебницемъ,

который отъ занятій философіею, юриспруденціею, исторіею и математикою, перешелъ, во время своего пребыванія во Франціи, къ знакомству съ фабричною промышленностію; а во время службы у герцога брауншвейгъ-люнебургскаго Іоганна Фридриха — къ основательному изученію горнаго дѣла. Живя въ Парижѣ, Лейбницъ писалъ Гоббесу: «я замѣтилъ, что здѣсь фабрики и мануфактуры въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, не мѣшало бы намъ кое-что позаимствовать у нихъ. Что касается меня, я здѣсь постоянно трусь между фабрикантами и, признаюсь, многому у нихъ научился»; а отправляясь въ Целлерфельдъ, увѣдомлялъ: «вчера я отправился въ рудники Гарца. Вы можете спросить, какое дѣло мнѣ, государственному человѣку, до рудниковъ; но я давно уже убѣдился, что государственное хозяйство едва-ли не самая главная отрасль политическихъ наукъ. Германіи придется испытать горькую участь отъ незнанія этого дѣла и равнодушія къ нему» [16]). Первому русскому историку также суждено было посвятить нѣсколько лѣтъ своей жизни теоретическому и практическому изученію горнаго искусства, и въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе обстановленъ, а потому и сдѣлалъ болѣе, нежели знаменитый современникъ его Ломоноосвъ.

Артиллерія была отнесена вмѣстѣ съ горнымъ дѣломъ къ вѣдомству Бергъ-коллегіи, а фельдцегмейстеръ графъ Брюсъ сдѣланъ президентомъ Бергъ-коллегіи. Татищевъ въ послѣднее время также служилъ въ артиллеріи и былъ извѣстенъ Брюсу, какъ ревностный исполнитель служебныхъ обязанностей, какъ человѣкъ съ большимъ запасомъ свѣдѣній и любовью къ наукѣ. Графъ Брюсъ, по отзыву самого Татищева, былъ человѣкъ высокаго ума, остраго разсужденія и твердой памяти; родившись въ Россіи, но

принадлежа къ выѣзжей изъ Шотландіи фамиліи, онъ былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивѣйшихъ и образованнѣйшихъ помощниковъ Петра; онъ первый указалъ царю на пользу, какую можетъ принести въ дѣлѣ управленія географическое изученіе управляемой страны, отчасти самъ принялся за этотъ трудъ, но потомъ, уѣхавъ въ 1719 году на аландскій конгрессъ, передалъ его Татищеву, не переставая, впрочемъ, помогать ему въ томъ. Теперь, при открытіи Бергъ-коллегіи, по всей вѣроятности, онъ же указалъ Петру на Татищева, когда тотъ искалъ способнаго и знающаго человѣка, чтобъ послать его на Уралъ для приведенія въ лучшее состояніе уже существовавшихъ тамъ заводовъ и для открытія новыхъ. 9 марта 1726 года данъ былъ капитанъ-поручику артиллеріи Татищеву указъ, за подписью членовъ Бергъ-коллегіи: Брюса, Потта, барона де-Любераса, барона Шлаттера, Винцента Райзера, Іакова Делейеса; ему велѣно было: «въ сибирской губерніи на Кунгурѣ и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ обыщутся удобныя разныя мѣста, построить заводы и изъ рудъ серебро и мѣдь плавить, и для того туда ѣхать съ бергъмейстеромъ Бліэромъ, да съ ними бергъшрейберу Ивану Потрушеву, да съ Олонца штейгеру Гаврилѣ Шейнфельду и съ нимъ двумъ человѣкамъ русскимъ ученикамъ». Въ инструкціи, состоявшей изъ 15 пунктовъ, подробнѣе говорилось объ улучшеніяхъ, какія нужно было сдѣлать для уральскихъ заводовъ и сверхъ того обѣщано было содѣйствіе мѣстныхъ воеводъ, Бергъ-коллегіи и Сената [17]).

Законодательная часть по горному дѣлу осталась въ рукахъ Бергъ-коллегіи; ей долженъ былъ давать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ и трудахъ Татищевъ, на долю котораго выпала самая тяжелая сторона дѣла. Но если онъ могъ быть хорошимъ артиллеристомъ, то это еще не ручалось за

его опытность въ розысканіи рудъ и успѣшномъ устройствѣ заводовъ. Кромѣ того на самомъ мѣстѣ дѣятельности своей, онъ долженъ былъ встрѣтить не мало затрудненій. — Недавно устроенные заводы были запущены, отчасти по малому знакомству съ производствомъ горнаго дѣла ихъ прежнихъ управителей, а всего болѣе по недостатку рукъ; кромѣ того частные заводчики, какъ напримѣръ Демидовъ, лично смотрѣвшіе за своими рудокопами, подрывали казенные заводы, переманивая съ нихъ къ себѣ лучшихъ рабочихъ. Главными казенными заводами были: Уктусскій, застроенный въ 1702 году, на рѣкѣ Уктусѣ, Каменской, застроенный въ 1701 г. по указу тобольскаго правленія сибирской губерніи, на рѣкѣ Каменкѣ отъ Перми въ 445 верстахъ, отъ Тобольска въ 500; между частными заводами былъ самый древній изъ всѣхъ Уральскихъ—Невьянскій, застроенный еще въ 1699 году и переданный въ 1702 году въ руки Демидова. Татищевъ пріѣхалъ въ Кунгуръ 31 іюля, а уже отъ 12 и 14 декабря посланы были къ нему изъ Бергъ-коллегіи указы о розыскиваніи мѣдной руды въ окрестностяхъ кунгурскихъ, о не дозволеніи Демидову копать мѣдную руду близь Уткинской слободы подъ штрафомъ, равно и принимать шведскихъ плѣнныхъ, русскихъ мастеровыхъ и крестьянъ, бѣгающихъ съ уктусскаго завода. Были и другія препятствія въ устройствѣ заводовъ. Между запущенными находился Полѣвскій мѣдный, въ которомъ руда добывалась съ 1702 года; но въ 1718 году 10 іюня Башкирцы, Чубаръ-Балагушевъ съ товарищи, собрався многолюдствомъ, все строенія на тѣхъ рудникахъ выжгли, работныхъ людей согнали и впредь промышлять запретили. По пріѣздѣ въ Кунгуръ, Татищевъ донесъ о томъ въ Бергъ-коллегію; по ея представленію посланъ былъ черезъ Татищева указъ изъ Сената въ Уфу къ полковнику графу Головкину отъ 4 декабря 1720 года, а къ

Башкирцамъ грамота. Графъ Головкинъ и воевода Уфимскій Бахметевъ отвѣчали Татищеву, въ іюнѣ 1721 года: «что явились у нихъ въ Уфѣ, уфимскаго уѣзда, сибирской дороги, телеутской волости, Башкирцы Чубаръ Батырь, онъ же и Балагушевъ, съ товарищи, и, выслушавъ присланный изъ Сената указъ и съ грамоты копію, сказали посланнымъ къ нимъ для исканія и копанія рудъ, что они Башкирцы, Чубаръ съ товарищи, всею волостію никакого прещенія чинить не будутъ и въ томъ подписались». Не смотря на то, Башкирцы и Татары первымъ рудоискателямъ были противны и убивали ихъ. За помощію Татищевъ обратился къ тобольскому воеводѣ, на самыхъ заводахъ строилъ дворы и опредѣлилъ для охраненія пограничныхъ слободъ драгунъ сибирскаго полка; въ Бергъ-коллегію сдѣлалъ представленіе о необходимости завести горное начальство въ Тобольскѣ, куда иногда и самъ ѣздилъ, выхлопоталъ указъ (29 іюля 1721 г.) о переводѣ Ирбитской ярмарки въ Уктусскій заводъ; наконецъ зачалъ въ 1721 году строить желѣзный заводъ на рѣкѣ Исети, въ горахъ Пояса, и сдѣлалъ городъ немалой Екатеринскъ, теперешній Екатеринбургъ [18]). Объѣзжая казенные заводы, Татищевъ побывалъ и въ Невьянскомъ заводѣ Демидова. Эта поѣздка была причиною ссоры между ними. Горячій ревнитель казенныхъ выгодъ, Татищевъ не могъ видѣть равнодушно, съ какимъ усердіемъ пользовался богатый рудопромышленникъ всякими льготами, данными Петромъ заводчикамъ вообще. Кромѣ свободы отъ службы, отъ разныхъ пошлинъ и налоговъ, кромѣ привиллегій по торговлѣ и суду, заводчики пользовались при Петрѣ правомъ не выдавать бѣглыхъ людей ихъ владѣльцамъ и напротивъ отыскивать своихъ бѣглецовъ, правомъ покупать крестьянъ къ заводамъ и получать приписныхъ по указу государя, правомъ рубить лѣса. Правителямъ губерній и про-

винцій велѣно было во всей строгости соблюдать эти привилегіи и оказывать всякую помощь заводчикамъ, дабы и другіе, видя такую государеву милость, всякихъ чиновъ и народовъ люди съ вящшею охотою и безопасно въ компаніи вступали. Кромѣ того Демидовъ, лично знакомый Петру и оказавшій ему большія услуги при началѣ шведской войны, пользовался особеннымъ расположеніемъ царя. И въ то же время, какъ мы уже видѣли, Демидовъ позволялъ себѣ дѣйствовать въ ущербъ казеннымъ заводамъ, вопреки строгимъ запрещеніямъ Бергъ-коллегіи. Татищевъ не могъ допустить того, но въ исходѣ 1721 года былъ позванъ въ Москву, по доносу Демидова[19]).

Въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ уже въ Петербургѣ; а въ мартѣ Петръ назначилъ начальникомъ сибирскихъ горныхъ заводовъ генерала де-Геннина, одного изъ отличнѣйшихъ знатоковъ горнаго дѣла въ свое время; ему же поручено было изслѣдовать ссору Татищева съ Демидовымъ. Де-Геннинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сотрудниковъ Петра, которые, идя по пути, указанному имъ преобразователемъ, принесли усерднымъ исполненіемъ своего дѣла огромную пользу государству. Нассау-Зингенскій урожденецъ, пріѣхавшій въ Россію по личному приглашенію царя въ 1698 году, онъ поступилъ въ службу простымъ фейерверкеромъ съ 67 рублями въ годъ, училъ русскихъ дворянъ артиллеріи, во время войны съ Шведами дослужился до чина подполковника, въ 1712 году строилъ петербургскій литейный дворъ, въ исходѣ слѣдующаго года сдѣланъ былъ олонецкимъ комендантомъ и начальникомъ петровскихъ, повенецкихъ, кончезерскихъ заводовъ, строилъ тамъ суда, лилъ пушки, ядра, заготовлялъ оружіе, якоря и баластъ для балтійскаго флота и наконецъ открылъ знаменитыя олонецкія марціальныя воды. Его управленіе не ограничивалось только обязанностя-

ми, предписанными офиціальною инструкціею: такъ въ 1716 году онъ открылъ въ Олонцѣ школу, гдѣ бѣдные дворяне учились ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, артиллеріи и инженерному дѣлу. Къ числу отличительныхъ чертъ его характера принадлежала не любовь къ приказнымъ и подъячимъ; а между тѣмъ, когда въ 1717 году разосланы были повсюду фискалы, на Олонецкіе заводы явился тамошній же житель Петръ Ижоринъ, дьячковъ сынъ и гуляка, не хотѣвшій прежде учиться въ открытой де-Геннипомъ школѣ и отосланный за то, по царскому указу, скованнымъ въ Петербургъ. Теперь онъ сталъ мстить прежнему начальнику своему; де-Геннинъ жаловался Апраксину: «помилосердуй, оборони меня отъ такихъ воровъ, — велѣлъ бы государь другаго фискала прислать, кого хочетъ, ежели мнѣ не вѣритъ». Вскорѣ по учрежденію Бергъ-коллегіи, отправленъ онъ былъ Петромъ въ Пруссію, Саксонію, Голландію, Францію и Англію для обозрѣнія тамошнихъ горныхъ заводовъ, составленія моделей и плановъ, въ апрѣлѣ 1720 года вернулся де-Геннинъ изъ своего путешествія и писалъ изъ Риги графу Апраксину: и истинно данной мнѣ коммиссіи невозможно было скоро вершить и мастеровъ сыскать и собрать; и ежели бы его величество король прусскій въ томъ дѣлѣ не радѣтельно вспомогалъ, то всей коммиссіи никоею мѣрою не возможно мнѣ было бы учинить». Кромѣ управленія петрозаводскими и олонецкими рудниками, Петръ поручилъ въ это время де-Геннину и устройство сестрорецкихъ заводовъ; но, получивъ доносъ Демидова, послалъ его на мѣсто Татищева, которому также велѣно было ѣхать вмѣстѣ съ нимъ для очной ставки съ Демидовымъ. Отпуская Татищева для слѣдствія въ Сибирь, Петръ и самъ распрашивалъ его въ верховномъ судѣ о ссорѣ съ Демидовымъ, особенно по обвиненію во взяткахъ. Татищевъ на вопросъ о нихъ, отвѣчалъ словами Апостола

Павла: дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу. Петръ, въ глазахъ котораго взяточничество постоянно было самымъ больнымъ вопросомъ времени, потребовалъ объясненія; Татищевъ говорилъ, что лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности: «въ началѣ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла; если я и ничего не взявъ, противу закона сдѣлаю,—повиненъ; а если изъ мзды къ законопреступленію присоединится лихоимство, долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго возблагодареніе пріиму, ничѣмъ осужденъ быть не могу: 1) если мзду за трудъ причтешь во мздоимство, то конечно болѣе вреда государству и разворенія подданнымъ послѣдуетъ, ибо я долженъ за получаемое жалованье работать только до полудни, въ которое мнѣ конечно времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не достанетъ; а послѣ обѣда трудиться моей должности нѣтъ; 2) когда я вижу дѣло въ сомнительствѣ, то я, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, буду день ото дня откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; 3) дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшиться по регистрамъ порядкомъ; и случается то, что нѣсколько дѣлъ весьма не нужныхъ впереди, а послѣднему по регистру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытку понести, что купечеству нерѣдко случается: и такъ отъ праваго порядку можетъ болѣе вреда быть. Если я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся: игры, карты, собаки и бесѣды или прочія увеселенія оставлю, и не смотря на регистръ, нужнѣйшія прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителямъ пользу принесу, а за взятую мзду отъ Бога и в. величества по правдѣ сужденъ быть

не могу». Слова Татищева были полнымъ объясненіемъ тогдашней судейской практики, въ основѣ которой даже для лучшихъ людей эпохи лежало не нравственное сознаніе исполняемаго долга, а формальныя обязанности службы. Въ его словахъ указано было и одно изъ побужденій, заставлявшихъ смотрѣть на подарки, какъ на вознагражденіе за трудъ, потраченный для частнаго дѣла въ необязательное по закону время; этимъ побужденіемъ было крайне ограниченное жалованье отъ казны. Петръ былъ знакомъ изъ жизни съ послѣднимъ обстоятельствомъ: еще въ 1713 году по челобитью подъячихъ секретнаго стола сенатской канцеляріи, говорившихъ, что «жалованьемъ пропитаться имъ съ домашними своими не возможно, отъ чего пришли въ великое оскудѣніе и въ нищету, кромѣ помянутаго жалованья прибытка имъ нѣтъ никакого, и чтобъ за непрестанную имъ безкорыстную заботу къ окладамъ ихъ государева жалованья прибавить»,—онъ самъ, вмѣсто жалованья имъ, опредѣлилъ вѣдать въ секретномъ столѣ всѣ иноземческія и строгоновскія дѣла, кромѣ городскихъ товаровъ. Теперь, выслушавъ объясненіе Татищева, онъ только замѣтилъ: «сіе все правда и для совѣстныхъ судей невинно; токмо не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ доброхотнымъ принужденнаго не было; и лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить». Однакожъ Петръ разстался съ Татищевымъ безъ гнѣва; даже, отправляясь въ персидскій походъ, взялъ у него муромскую лѣтопись, изобиловавшую баснями. По обычаю времени, Татищевъ долженъ былъ дѣлать прощальные визиты предъ своимъ отъѣздомъ и другимъ лицамъ, принадлежавшимъ ко двору. Такъ онъ самъ разсказываетъ объ одномъ изъ нихъ: «Дворъ царицы Прасковы Ѳедоровны отъ набожности былъ госпиталь на уро-

довъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ; между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архиповичъ сумазбродной подъячей, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали.... Пріѣхалъ я къ царицѣ прощеніе принять. Она, жалуя меня, спросила онаго шалуна: скоро-ли я возвращусь? Онъ какъ меня не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ, и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ, да и самого закопаютъ» [20]).

Глупое предсказаніе не сбылось. Прежде чѣмъ поѣхать на Уралъ, де-Геннинъ дважды просилъ у Петра подробной инструкціи для себя, указовъ губернаторамъ и воеводамъ объ исполненіи всѣхъ требованій его по заводскимъ дѣламъ, указовъ о томъ же сенату, Бергъ-коллегіи и графу Брюсу, искуссныхъ помощниковъ, мастеровъ, прибавки всѣмъ служащимъ на заводахъ жалованья и денегъ на чрезвычайные расходы; а Демидову — повелѣніе, чтобы онъ въ случаѣ надобности на казенныхъ заводахъ въ мастерахъ или припасахъ, удовлетворялъ просьбѣ де-Геннина, и не подговаривалъ бы лучшихъ мастеровъ переходить къ себѣ. Требованія де-Геннина были исполнены. 22 іюля большимъ караваномъ отправился онъ, вмѣстѣ съ Татищевымъ, изъ Москвы и 2 октября прибылъ въ Кунгуръ. Въ декабрѣ, взявъ съ собою бергмейстера Бліэра, директора Украинцева и плавильнаго мастера Циммермана, де-Геннинъ поѣхалъ къ Демидову для разбора его ссоры съ Татищевымъ. «Демидова старые и новые заводы осмотрѣлъ, писалъ онъ отъ 17 декабря графу Апраксину, которые въ хорошемъ весьма порядкѣ и въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ построены... А на государевы сожалительно смотрѣть, что оные здѣсь заранѣе въ добрый порядокъ не произведены; понеже удивительно, какъ здѣсь Богъ опредѣлилъ таковы мѣста, что рѣкъ, рудъ, лѣсовъ, гдѣ быть заводамъ много, и работники дешевы, также и харчъ не дорогъ; но оные весьма

нынѣ въ худомъ порядкѣ: первое въ неудобномъ мѣстѣ построены, и за умаленіемъ воды много прогулу бываетъ; второе припасовъ мало; третье мастера самые бездѣльные и не обученые». О ссорѣ же Демидова съ Татищевымъ увѣдомлялъ, что на вопросъ: какія ему отъ Татищева обиды и въ дѣлахъ помѣшательство или остановка были? Демидовъ говоритъ: я де буду съ нимъ Татищевымъ мириться, а взять мнѣ съ него нечего. «И на то я ему сказалъ, такой мировой челобитной принимать не буду, и мирить ихъ не мое дѣло, понеже посланъ я для розыску, а велѣно учинить не маня никого; его величество хочетъ вѣдать, праведно-ль ты о томъ доносилъ; но онъ о той жалобѣ на письмѣ дать не хотѣлъ и говорилъ: я де писать не могу и, какъ писать, не знаю и не ябедникъ». Тогда де-Геннинъ, чтобы склонить Демидова къ изложенію на бумагѣ своихъ жалобъ на управленіе Татищева, послалъ къ нему Украинцева съ товарищи уговорить его не въ сердцѣ, но христіанскою любовію; а ежелижъ о томъ письменно не подастъ, то всякій будетъ думать, что виноватъ онъ, а не Татищевъ. Демидовъ подалъ донесеніе, въ которомъ жаловался на Татищева и его комиссара Бурцева только въ учиненіи заставъ, отъ которыхъ Демидову въ непривозѣ хлѣба на заводахъ была превеликая нужда, и въ отнимѣ нѣкоторой части его пристани (курьинской) на рѣкѣ Чусовой; «а другія ему обиды были-ль, также и о прочемъ Татищева дѣлѣ письменно онъ мнѣ не показалъ». Де-Геннинъ, желая разъяснить дѣло согласно инструкціи, рѣшился оный процессъ слѣдовать розыскомъ: «только оному розыску, говорилъ онъ, вскорѣ окончиться не надѣюсь, понеже свидѣтели, которыми надлежитъ розыскивать, живутъ въ дальности, и не знаю, гдѣ ихъ будетъ сыскать. Я истинно злобы ни на котораго не имѣю, и буду слѣдовать прямою дорогою, какъ намъ Богъ повелѣлъ, учиня присягу. Впрочемъ въ завод-

скихъ дѣлахъ, чтобъ остановки не учинилось, вспоможеніе чинить Демидову я радъ, ежели онъ самъ желаетъ, только въ томъ, что Е. И. Величества интересу не противно, и о томъ я ему говорилъ любезно, не требуя съ него подарковъ». Подробности этого розыска неизвѣстны; но о результатѣ его можно судить по письмамъ къ де-Геннину государева секретаря Алексѣя Макарова и самого Демидова. Первый говоритъ: «письмо ваше отъ 5 февраля (1723 г.), съ Уктусскихъ заводовъ, писанное до Е. И. Величества, исправно дошло, купно и съ выпискою изъ розыскнаго дѣла между капитаномъ Татищевымъ и Демидовымъ, которую выписку Его Величество на сихъ дняхъ слушать намѣренъ. И надѣюсь, какъ о томъ дѣлѣ, такъ и объ опредѣленіи онаго капитана Татищева къ надсмотрѣнію и исправленію тамошнихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ вскорѣ резолюція отъ Его Императорскаго Величества учинена будетъ. А между тѣмъ капитана Татищева извольте къ тому дѣлу опредѣлить, ежели нынѣ нужда того требуетъ, и онъ въ помянутомъ дѣлѣ совершенно правъ». А Демидовъ писалъ де-Геннину: «Да спаси тебя Богъ за истинную твою, государь, правду; за то даждь Боже вашему превосходительству быть генералъ-обернаторомъ въ Сибири». Самъ же Татищевъ говоритъ о своей тяжбѣ такъ: «сіе слѣдствіе въ высшемъ судѣ въ присутствіи Его Величества рѣшено, и я оправданъ, и доправлено мнѣ съ него Демидова 6,000 рублевъ» [21]).

Татищевъ остался служить при де-Геннинѣ, получая жалованья и на фуражъ 348 рублей въ годъ. Оканчивая старые заводы, Геннинъ построилъ нѣсколько новыхъ: Верхнеуктусскій, Ягошихинскій, Сысертскій, Синячихинскій, Лялинскій, Пыскорскій. Постройка послѣдняго поручена была имъ Татищеву. Число горныхъ чиновниковъ и мастеровъ, служившихъ тогда на Уралѣ, значительно возрасло сравнительно съ

прежнимъ временемъ; тутъ были саксонцы Блюэръ, Георги, Ваплеръ, Годфридъ Генель, Берентъ Куперцъ, Циммерманъ; бергъ-совѣтникъ Михаэлисъ, жившій постоянно въ Соликамскѣ съ саксонскими штейгерами Лангомъ, Корсомъ, Дрибелемъ, Беэромъ, Дервелемъ, голландецъ Томасъ Миллеръ, двое Кейзеровъ изъ Ганновера, три артиллериста, капитанъ Берглинъ, пріѣхавшій еще съ Татищевымъ изъ Казани, капралы Клеопинъ и Гордѣевъ съ олонецкихъ заводовъ, не мало мастеровъ и учениковъ изъ русскихъ; былъ тутъ и Ѳедоръ Эверлаковъ, сосланный послѣ розыска по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, и теперь прощенный Петромъ по просьбѣ де-Геннина и принятый въ службу къ нему. Главною заботою де-Геннина было распространеніе Екатеринбурга, гдѣ онъ построилъ конторы, госпиталь, нѣсколько фабрикъ и школу, въ чемъ ему много помогъ бывшій тогда въ Сибири губернаторомъ кн. Черкасскій, который выслалъ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ цѣлый полкъ солдатъ и рабочихъ людей изъ ближнихъ дистриктовъ, да денегъ 30,000 рублей. Въ отстроенный такимъ образомъ Екатеринбургъ, де-Геннинъ перенесъ изъ Тобольска главное управленіе сибирскими горными заводами, переименовавъ его въ Оберъ-бергъ амтъ. Для опредѣленія обязанностей людей, служившихъ при немъ, Геннинъ составилъ наказъ горнымъ чиновникамъ. Чего онъ требовалъ отъ подчиненныхъ можно видѣть изъ послѣднихъ словъ въ наказѣ заводскому коммиссару Неклюдову: «сверхъ всего требуетъ отъ васъ польза государственная вѣрности, радѣнія, прилежности и безстрастныхъ поступковъ, за которое имѣете ожидать милостиваго награжденія; за противно же учиненныя сему коварства, лѣность, злость и собственную корысть, ничто иное, аки жестокое истязаніе, лишеніе имѣнія, чести или весьма живота» [22]).

Впрочемъ, при обиліи руды въ уральскихъ горахъ, которое обнаружилось тотчасъ же, лишь только принялись за дѣло съ знаніемъ его, число горныхъ чиновниковъ и мастеровъ постоянно оказывалось недостаточнымъ. Изъ дѣятельной переписки де-Геннина съ Петромъ можно получить ясное понятіе о тогдашнемъ состояніи горнаго дѣла на Уралѣ по тѣмъ трудамъ, которые приходились на долю Геннина и его помощниковъ. «И хотя я въ трудахъ разорвуся, писалъ онъ царю, однако заводы новые желѣзные и мѣдные не могу скоро строить и умножить. Остановка истинно не отъ меня: то ты повѣрь мнѣ; но остановка есть, что у меня не много искусныхъ людей въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, и вездѣ самъ, для дальнаго разстоянія, быть и указать не могу; а плотники здѣсь не такіе, какъ олонецкіе, но пачкуны». Послѣднее выраженіе было любимымъ словомъ де-Геннина, когда онъ говорилъ о прежнихъ рудоискателяхъ: пачкунами называлъ онъ и Демидова съ сыномъ въ письмѣ къ Апраксину. Въ донесеніяхъ Петру говорилъ, что «въ старшиные годы не знали, что слои, понеже выбирали только тонкіе слои богатую руду, а которые слои подъ тою богатою рудою за незнаніемъ бросали, а всѣхъ слоевъ, едину Богу свѣдущу, на сколько будетъ... и за такое Божіе милосердіе благодарить весьма должны и работать весьма будетъ весело». Видя успѣшную дѣятельность де-Геннина, стали обращаться къ нему за совѣтами Демидовы и Строгановы. «Строгановы, видя нынѣ, что Богъ открылъ много руды, а прежде сего жили они, какъ танталусъ весь въ золотѣ и огорожены золотомъ, а не могли достать, въ такомъ образѣ, что жили они въ мѣди, а голодны, и нынѣ просили меня, чтобъ я съ ними товарищъ былъ и указалъ имъ какъ плавить и строить, такожъ на ихъ коштъ заводъ отмежевать, и при Яйвѣ три мѣста рудныхъ: то я съ радостію радѣю и сдѣлаю, а ваши мѣ-

ста не отдамъ, понеже надобно прежде твой убытокъ, во что заводы стали, возвратить, такожде и что Бергъ-коллегія беретъ жалованья, и они могутъ, ежели охотники, такожде довольно руды добывать: кромѣ твоего богатаго мѣста, другихъ такихъ мѣстъ довольно». Болѣе всего жаловался де-Геннинъ Петру на плохое состояніе солянаго промысла: «ты не вѣришь, какой напрасный расходъ дровамъ здѣсь отъ соляныхъ промышленниковъ, и они такъ дѣлаютъ, какъ дѣды и отцы ихъ дѣлали, и думаютъ, что на свѣтѣ иного мастерства нѣтъ, какъ ихъ, и отъ того дрова дорожатся и далеко становятся, и соль они по той цѣнѣ безъ раззоренія поставить не могутъ, для того что волочатъ ихъ за выдачей денежной, когда соль продается, тогда бываетъ платежъ, и то лоскутами». Часто просилъ де-Геннинъ Петра понудить Бергъ-коллегію, чтобъ она штейгеровъ по больше присылала для сыску и копанія мѣдныхъ и прочихъ рудъ; — просилъ также выслать на заводы офицеровъ изъ шведовъ, «а то здѣсь у заводовъ другихъ нѣтъ, прибавилъ онъ, кромѣ поротыхъ ноздрей, изъ которыхъ есть и дѣльны; однако не пристойно такихъ людей подъ командой имѣть». Киргизъ-Кайсаки, Татары и Башкирцы по прежнему грабили и жгли пограничныя селенія и заводы: «хотя оные казаки и башкирцы тебѣ ничто, объяснялъ де-Геннинъ Петру, однако пакости могутъ сдѣлать; а во внутренней Сибири почитай все ноздри пороты, и на нихъ нечего надѣяться и съ ними обороняться. По истинѣ Богъ держитъ Сибирь подъ своимъ храненіемъ, что рубежи казаки и башкирцы не всѣ раззорили! Того ради извольте губернатору хорошую инструкцію дать, какъ рубежъ хранить, дать ему офицеровъ добрыхъ для того, здѣсь выбрана дрянь, а ученія нѣтъ». Де-Геннинъ нашелъ также, что хорошее состояніе горнозаводства на Уралѣ вполнѣ зависитъ отъ общаго управленія Сибирью. Это золотое дно Рос-

сіи, какъ называли Сибирь въ прошломъ столѣтіи, раскрывши со временъ Петра богатства своей природы, было управляемо не лучше XVII вѣка. Если тогда, при всякой смѣнѣ воеводъ въ сибирскихъ городахъ, каждый новый воевода долженъ былъ говорить жителямъ по государеву наказу, что прежніе правители, дьяки и приказные дѣлали имъ многія обиды, и продажи, и тѣсноты самовольствомъ, и нуждъ ихъ не разсматривали, и управы между ними прямой не чинили, и брали съ нихъ посулы и поминки; то и теперь, не смотря на страшную казнь сибирскаго губернатора Гагарина въ 1721 году, административные безпорядки въ Сибири нисколько не уменьшились. Получивъ большое вспоможеніе отъ Черкасскаго при построеніи Екатеринбурга, де-Геннинъ писалъ Петру о немъ лично не безъ похвалъ, но дурно отзывался объ общемъ управленіи краемъ: «я отъ сердца сожалѣю, что ты самъ здѣсь не бывалъ, и о здѣшнихъ сибирскихъ состояніяхъ обстоятельно не знаешь. Правда, что здѣсь губернаторъ Черкасскій человѣкъ добрый, да не смѣлъ, а способниковъ добрыхъ мало имѣетъ, а особенно въ судебныхъ и въ земскихъ дѣлахъ; отъ чего дѣла его не споры, и частію болѣе народу отягчительны, и ежели его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему мѣшочикъ смѣлости и судей добрыхъ людей, надворныхъ и въ городахъ управителей и въ слободахъ, да къ военнымъ дѣламъ оберъ-коменданта, и для купечества совѣтника отъ коммерцъ, а отъ Камеръ-коллегіи добраго камерира, такожъ секретаря, безъ которыхъ ему быть не можно; а ежели ему не быть, то не худо бы такимъ добрымъ людямъ быть, какъ Матюшкинъ или Ушаковъ; и такъ видна злая пакость, крестьянамъ бѣднымъ раззореніе отъ судей, и въ городѣхъ отъ земскихъ управителей, которые посланы отъ камерирства, и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія; а купечество и весьма раззорилось, такъ

что уже едва посадскаго капиталиста сыскать можно, отъ чего и пошлины умалились». Де-Геннинъ указывалъ при этомъ и на одну изъ коренныхъ причинъ зла: «ты, государь! не жалѣй здѣсь дать управителямъ довольно жалованья, для того, что здѣсь деревень ни у кого нѣтъ, а ѣсть всякъ хочетъ, хотябъ и добрый человѣкъ, не имѣя пропитанія, принужденъ не праведнымъ питаться, и сперва возметъ только для нужды, а потомъ и въ богатство; и такъ у тебя много пропадаетъ, а людямъ раззореніе, да и тѣ, собравъ, также не толстѣютъ». Трудность получать даже положенное жалованье, проистекавшее оттуда безденежье со всѣми его послѣдствіями среди края, суроваго и скуднаго по природѣ, малонаселеннаго и удаленнаго отъ центровъ болѣе удобной жизни, де-Геннинъ испыталъ на себѣ и на своихъ подчиненныхъ: «изъ начала бытія моего въ службѣ вашего величества, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, никогда я жалованья безъ злобы и спора, а фуража и весьма лѣтъ съ 10 получить не могъ, которое хотя и всегда не безъ тягости было, однакожъ въ Петербургѣ для нужды до жалованья занять можно, здѣсь же не у кого; а наживать приносами не хочу: хотя нужда мнѣ пришла, на росписки вашихъ денегъ брать я опасенъ; фуражъ, который мнѣ велѣно взять по твоему указу на Москвѣ на прошлый годъ, а за скоростію отъѣзда моего сюда выходить тамо не могъ, надѣясь на вашу высокую милость, взялъ здѣсь, потому что оное мнѣ весьма надлежитъ, а нынѣ жалованья и фуражъ на сей годъ брать мнѣ Бергъ-коллегія воспрещаетъ, и который фуражъ взятъ на прошлый годъ, велятъ мнѣ платить и впредь ждать указа. Токмо имъ разсуждать о моемъ богатствѣ, сидя въ палатахъ, легко; а мнѣ, не имѣя постороннихъ доходовъ, да жалованья не получа, на что хлѣбъ купить не знаю: — или они думаютъ, что здѣсь безъ жалованья жить по воеводски мож-

но; токмо этого дѣлать не умѣю. Покорно прошу ваше императорское величество, дабы приказали о дачѣ моего и подчиненныхъ моихъ служителей жалованья и фуража указъ учинить; а ежели вы не пожалуете, то мнѣ и въ годъ не дождаться; или и весьма оное пропадетъ, какъ уже много мнѣ случалось; а подчиненнымъ горнымъ и заводскимъ, ежели вскорѣ указа не получу, велю жалованье дать, а нищенствовать или красть допустить не хочу». Увѣдомляя о томъ же Макарова, де-Геннинъ говорилъ: «ты самъ знаешь, что здѣсь нажить не хочу, а занять не у кого; безъ хлѣба же жить по-татарски не привыкъ». Въ то же время, будучи связанъ обязательствомъ содержатъ горныхъ чиновниковъ на прибыльныя деньги съ заводовъ, и мало полагаясь на благодушіе бергъ-коллегіи, де-Геннинъ составлялъ штатъ Екатеринбургскаго оберъ-бергъ-амта для того, чтобы «Бергъ-коллегія не ускорила подать свой, сочиня по представленію Михаэлиса, который безъ потребности много чиновъ написалъ, и по оному можетъ больше въ расходѣ на жалованье, нежели въ приходѣ прибыли быть».

Заступаясь за своихъ и штрафуя межъ ними бездѣльниковъ торговою казнію, разбойниковъ отсылая въ Уфу—для слѣдствія, а иныхъ за убійство, грабежи и раззоренія селъ вѣшая живыхъ за ребра и колесуя, стало быть не принадлежа къ разряду Черкасскихъ, де-Геннинъ не выносилъ однакожь ябеды и криковъ: слово и дѣло государево! изъ-за которыхъ большая часть сибирскаго населенія жила въ постоянномъ страхѣ, а не рѣдко лучшіе люди были увозимы подъ карауломъ въ тайную канцелярію для страшныхъ розысковъ. Такъ въ ноябрѣ 1723 года онъ писалъ начальнику преображенскаго приказа ближнему стольнику, кн. Ивану Ѳедоровичу Ромадановскому: «хотя сіе дѣло не касается до моей коммиссіи, которая мнѣ вручена; но присяжная дол-

жность меня понуждаетъ, такожде и кровь не терпитъ, чтобъ вамъ, моему государю, не объявить, что я здѣсь вижу и слышу, что въ Сибири такая худоба явилась. Нѣкоторый командиръ, хотя желаніе и есть управить сіе государево дѣло съ грозою и порядочно, а (терпитъ) и нынѣ всякъ съ великимъ страхомъ живетъ; онъ же не смѣетъ никого за вину наказать, чтобъ на его не кричали каторжные и иные бездѣльники, которыхъ надлежитъ наказать за ихъ вину: слово и дѣло государево, чтобъ имъ отъ висѣлицы, или отъ кнута отбыть, или какъ бы имъ сбѣжать. И сіе слово они такъ нынѣ употребляютъ вмѣсто пресердечнаго лѣкарства отъ висѣлицы и кнута, какъ уже многіе образцы нынѣшняго года были; въ томъ числѣ иной доноситель сбѣжалъ. И хотя на добрыхъ людей отъ такихъ бездѣльниковъ слово и дѣло государево донесено, и, по правдивому вашему суду, кто правъ, скоро освобождается, и тѣмъ неправдивымъ поносителямъ отъ васъ потачки нѣтъ; однако изволь благоразсудить, какая волокита имъ, и страхъ, и безчестіе, и раззореніе, и прикажи справиться, сколько тысячъ рублей въ одинъ годъ, изъ Сибири до Москвы денегъ издержано въ перевозахъ и мірскихъ подводахъ или наймахъ, и сколько доносителей есть изъ Сибири, которые правду доносили? Сколько отъ той волокиты тѣмъ командирамъ, на которыхъ напрасно донесено или малое дѣло, и сколько о государевыхъ дѣлахъ въ управленіи остановки учинилось?... Еще объявляю, что такъ нынѣ шутя употребляютъ бездѣльники слово и дѣло государево на кабакахъ и на улицахъ, грозя добрымъ людямъ: ежели не дашь гривну на вино, то ты хочешь ли со мной ѣхать въ Преображенской? и уже добрые люди опасаются и въ городъ ѣздить отъ такихъ клеветниковъ?» Не ограничиваясь подобными просьбами и указаніями Петру и его приближеннымъ на печальное состояніе Сибири и Уральска-

го края, который тогда принадлежалъ къ ней, де-Геннинъ требовалъ отъ князя Козловскаго, товарища тобольскаго губернатора, прекращенія злоупотребленій, чинимыхъ мѣстными правителями городскому и сельскому населенію. «По письмамъ моимъ объявлено вамъ о здѣшнихъ непорядкахъ, говорилъ де-Геннинъ, увѣдомляя тобольскаго начальника, и хотя всѣмъ извѣстенъ экземпель, которой учиненъ князю Гагарину, однако здѣсь въ Сибири не унимаются бездѣльники, а имянно отъ земскихъ комиссаровъ лишніе сборы сбираются и народу обиды чинятся; также и судебные комиссары, которые по слободамъ дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и донесенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыску и рѣшенія не чинится и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ, и знатно, что потачка такимъ ворамъ отъ надворныхъ судей; также о учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ и отъ прочихъ разсмотрѣнія и резолюцій вы не чините, и такихъ бездѣльниковъ не арестуете, отъ чего и большія пакости дѣлаются. А камерирь Барютинъ своимъ подчиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ же подчиненнымъ потакаютъ, и того ради, я вамъ объявляю по своей присяжной должности, чтобъ вы, яко командиръ на мѣстѣ губернаторскомъ, бездѣльниковъ сковавъ, держали и по челобитнымъ и доношеніямъ безволокитно слѣдовали; дабы бѣдный народъ не вовсе раззорился, и моглибъ свои подати платить на содержаніе флота и арміи. А ежели вы думаете, что вы такой силы и власти не имѣете, то мнѣ письменно извольте отвѣтствовать, чтобъ послѣ не отговариваться. Я не могъ оставить, чтобъ вамъ письменно не объявить; дабы на мнѣ послѣ не спросилось, понеже мнѣ многіе и словесно доносили; также бы и на васъ оныя потачки не взыскались.»

Таково было состоянiе администрацiи въ той странѣ, къ которой принадлежали уральскiе заводы. Старинныя привычки нашли себѣ въ этомъ случаѣ противорѣчiе въ новыхъ людяхъ, явившихся сюда съ спецiальною цѣлiю разработки рудниковъ и встрѣтившихъ помѣху своему дѣлу отъ неудовлетворительнаго состоянiя областнаго управленiя краемъ. Не менѣе препятствiй находили они и со стороны коллегiи, къ вѣдомству которой относилось горное дѣло. Мало довѣрiя къ себѣ внушали губернаторъ съ его товарищами, не бóльшимъ сочувствiемъ пользовалась отъ своихъ подчиненныхъ и Бергъ-коллегiя. Приходилось дѣйствовать помимо мѣстнаго начальства и собственнаго вѣдомства, требовать отъ нихъ содѣйствiя чрезъ самого государя, отбиваться отъ притязанiй коллегiи и безпрестанно напоминать Петру о своихъ крайнихъ нуждахъ: «пожалуй, послушай меня, повторялъ Геннинъ въ письмахъ своихъ къ преобразователю, и не рѣши въ горныхъ здѣшнихъ дѣлахъ, а положись на меня: я тебѣ желаю добраго, а не себѣ, и хочу прежде всѣ убытки тебѣ возвратить, что въ 25 лѣтъ издержано на горное дѣло и во что заводское строенiе все стало, которое я строилъ, и что бергъ-коллегiя беретъ жалованья;.... коли положить сiе дѣло на бергъ-коллегiю разсмотрѣть, они истинно здѣшняго дѣла не знаютъ каково, и никто кромѣ самовидца и кто трудится здѣсь. Я нынѣ на истинномъ пути въ горныхъ дѣлахъ и дай мнѣ волю... Пожалуй государь, не изволь на меня гнѣваться, что я тебѣ дерзновенно сiе пишу: воистинну отъ всего моего сердца и крови вамъ въ правду сiе доношу и желаю тебѣ добраго; а что мое тебѣ радѣнiе, коли доброе дѣло перемѣшается и передѣлается» [23]).

Донесенiя Геннина Петру были довольно часты, не рѣдко онъ отправлялъ ихъ съ кѣмъ-нибудь изъ служившихъ

подлѣ него чиновниковъ. Въ концѣ 1723 года поѣхалъ съ его докладами Татищевъ, и въ іюнѣ слѣдующаго года сенатскимъ указомъ велѣно было: штатсъ-конторѣ выдавать ежегодно надлежащую сумму на жалованье и на заводское всякое отправленіе по обстоятельнымъ вѣдомостямъ, которыя должны быть составляемы за четыре мѣсяца до начала года, дабы за дальностію въ пересылкахъ не происходили въ заводскихъ дѣлахъ остановки; Кунгуръ снова приписать къ соликамской провинціи вмѣсто вятской, отъ которой онъ отстоялъ на 600 верстъ; воеводѣ соликамскому князю Вадбольскому за то, что многія противности кажетъ и тѣмъ вредъ размноженію заводовъ наноситъ, не быть воеводой, а вмѣсто его перевести изъ Тобольска князя Козловскаго; другіе пункты касались пользованія лѣсами для заводовъ, учрежденія ординарной почты изъ Сибири, земскихъ комиссаровъ въ приписныхъ къ заводамъ слободахъ и проч. [24]).

Самъ же Татищевъ оставленъ былъ Петромъ при дворѣ. Важнѣйшимъ событіемъ придворной жизни этого года было коронованіе Екатерины: но игралъ ли при этой церемоніи какую-нибудь роль Татищевъ, неизвѣстно. Изъ своихъ личныхъ отношеній къ царю, онъ вспоминаетъ только о возобновившемся между ними разсужденіи о словахъ Апостола Павла: дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу. Петръ, казнившій въ этомъ году оберъ-фискала Нестерова съ цѣлою компаніей приказныхъ, уже не считалъ, какъ прежде, платы судьѣ за его труды на дому, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, лихоимствомъ и даже думалъ изъяснить то указомъ, но развѣ за дѣлами и скорою смертью не исполнилъ своего намѣренія [25]).

Впрочемъ Татищевъ недолго оставался безъ серьознаго дѣла. Получивъ отъ сената удовлетворительное рѣшеніе

пунктовъ, представленныхъ Геннинымъ, онъ не остановился на этомъ и въ сентябрѣ подалъ отъ себя бергъ-коллегіи вѣдомость о нуждахъ сибирскихъ рудныхъ заводовъ: «потребно, говорилъ онъ въ своей вѣдомости, послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли.» Бергъ-коллегія донесла о томъ сенату 21 сентября, а сенатъ послалъ 30-го указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, чтобы спросили русскаго посланника въ Стокгольмѣ Бестужева, возможно ли то сдѣлать. Швеція въ то время славилась искусствомъ своихъ рудокоповъ наравнѣ съ Саксоніею, точно также какъ Англія, Голландія, Венеція и Испанія извѣстны были Петру по успѣхамъ въ морскомъ дѣлѣ: не дожидаясь отвѣта Бестужева, Петръ произвелъ Татищева въ полковники, сдѣлалъ его бергъ-совѣтникомъ и, переговоривъ съ шведскимъ посланникомъ, далъ 1 октября указъ сенату послать въ Швецію бергъ-коллегіи совѣтника Татищева, для призыву мастеровъ потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ, емужъ выбрать изъ школъ: адмиралтейской и артиллерійской, 22 человѣка и, по полученіи отъ него изъ Швеціи о пріемѣ ихъ извѣстія, отправить оныхъ безъ замедленія и о вспоможеніи ему въ томъ послать указъ къ министру Бестужеву съ подтвержденіемъ, чтобъ у сената (шведскаго) требовалъ о позволеніи принять къ мастерствамъ учениковъ и для проѣзда до Швеціи пасъ изъ иностранной коллегіи.» [26]). Въ рескриптѣ Бестужеву отъ 9 октября говорилось: «ты имѣешь, по полученіи сего, при шведскомъ дворѣ представленіе учинить и домогаться, дабы вышеозначенныхъ россійскихъ учениковъ на заводы ихъ принимать было позволено; и когда ты на сіе отъ того двора резо-

люцію получишь, о томъ тебѣ намъ немедленно донести.» Не дожидаясь и на это отвѣта, Петръ послалъ Бестужеву 29 октября еще два рескрипта, въ которыхъ увѣдомлялъ о скоромъ выѣздѣ Татищева, повторялъ приказаніе оказывать ему всякую помощь въ его коммиссіи и говорилъ, что съ нимъ же отправлены для стокгольмскаго и копенгагенскаго посольствъ монеты золотыя и серебряныя «каковы при коронаціи сего года въ Москвѣ ея величества императрицы нашей любезнѣйшей супруги знатнымъ подданнымъ нашимъ даваны и въ народъ бросаны, а имянно каждому изъ васъ золотыхъ большихъ по одной, меншихъ по двѣ, серебреныхъ меншихъ по двѣ жъ.» На первые указы Бестужевъ отвѣчалъ 30 октября, что изъ разговоровъ съ шведскими министрами о посылкѣ русскихъ учениковъ для обученія горному дѣлу примѣтилъ, что въ томъ ни малой трудности не будетъ; а черезъ двѣ недѣли увѣдомилъ о полученіи подлиннаго согласія [27]).

Оставляя Петербургъ, Татищевъ и на этотъ разъ долженъ былъ дѣлать обычные визиты лицамъ, принадлежавшимъ ко двору. Камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, все еще искавшаго руки Анны Петровны, Бергхольцъ говоритъ въ своемъ дневникѣ, подъ 23 октября: «Его высочество давалъ аудіенцію капитану артиллеріи Татищеву, тому самому, который строилъ въ Сибири мѣдные и желѣзные заводы и уже многіе вполнѣ окончилъ. Онъ пріѣзжалъ прощаться, потому что въ воскресенье или понедѣльникъ отправляется чрезъ Финляндію въ Швецію, подъ предлогомъ подробнаго осмотра тамошнихъ горныхъ заводовъ и вызова горныхъ мастеровъ въ императорскую службу; но кажется, что онъ ѣдетъ отсюда по другимъ причинамъ. Его высочество долго оставался съ нимъ на единѣ въ своей комнатѣ.» Догадка Берхгольца подтверждается словами самого Татищева, кото-

рый говоритъ, что былъ посыланъ Петромъ въ Швецію для нѣкоторыхъ секретныхъ дѣлъ; этимъ объясняется отчасти и та поспѣшность, съ какою Петръ отправлялъ его, не дожидаясь отвѣтовъ Бестужева, и долгій разговоръ Татищева наединѣ съ голштинскимъ принцомъ, который 24 ноября объявленъ былъ наконецъ женихомъ великой княжны, и продолжалъ добиваться отъ Швеціи признанія своихъ династическихъ правъ [28]). 11-го декабря Бестужевъ доносилъ изъ Стокгольма: «Бергъ-ратъ Татищевъ четвертаго сюда прибылъ и мнѣ два всемилостивѣйшіе рескрипта исправно вручилъ, монеты съ собою привезъ и все исправно мнѣ отдалъ.»

Кромѣ секретныхъ дѣлъ, миссія Татищева состояла изъ трехъ порученій: личнаго осмотра шведскихъ заводовъ, приглашенія шведскихъ горныхъ мастеровъ на службу въ Россію и помѣщенія русскихъ учениковъ на лучшіе заводы для знакомства съ горнымъ дѣломъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, бергъ-коллегія обѣщала выдавать ему самому по 1½ червонца въ сутки, а учениковъ выслать въ послѣдствіи, назначивъ для ихъ содержанія особенную сумму; кромѣ того, Бестужевъ долженъ былъ оказывать всякую помощь Татищеву. Но скорая смерть Петра значительно измѣнила положеніе дѣлъ. Самъ Татищевъ по пріѣздѣ въ Стокгольмъ заболѣлъ. Оказалось также, что забыли испросить у шведскаго правительства позволенія вызвать въ Россію горныхъ мастеровъ, что подлинное согласіе шведскаго сената на пріѣздъ русскихъ учениковъ не было такимъ подлиннымъ, какъ говорилъ Бестужевъ: надо было еще разъ хлопотать объ обоихъ пунктахъ; причиной тому была перемѣна царствующаго лица на русскомъ престолѣ, а на первыхъ порахъ о Татищевѣ забыли. Бестужеву не присылали изъ Петербурга повторительнаго указа о сношеніяхъ съ

шведскими министрами по поводу коммиссіи, порученной Татищеву; и вотъ послѣдній долженъ былъ въ началѣ марта жаловаться бергъ-коллегіи: «говорилъ де онъ обрѣтающемуся въ Стокгольмѣ россійскому посланнику Бестужеву, дабы онъ о вспомоществованіи ему въ принятіи въ Швеціи горныхъ мастеровыхъ людей подалъ тамъ меморіалъ и оной Бестужевъ ему сказалъ и тамошнимъ министрамъ отвѣтствовалъ, что указу о томъ не имѣетъ.» Бергъ-коллегія, получивъ донесенія Татищева, снеслась съ сенатомъ, и, по ея приговору и по указу императрицы, велѣно было коллегіи иностранныхъ дѣлъ подтвердить Бестужеву указы Петра. Въ то время посланъ былъ ему рескриптъ отъ имени Екатерины: «Намъ любезно вѣрный! изъ приложенной при семъ копіи съ промеморіи бергъ-коллегіи нашей усмотришь ты о чемъ на тебя жалобу приноситъ обрѣтающійся нынѣ въ Швеціи оной бергъ-коллегіи совѣтникъ Татищевъ. Мы же не уповаемъ, чтобъ ты такъ поступилъ, какъ онъ доноситъ; ибо тебѣ, по отправленному съ нимъ Татищевымъ указу, повелѣно во врученной ему коммиссіи надлежащее вспоможеніе чинить, еже тебѣ симъ паки подтверждается.» Бестужевъ отвѣчалъ 7 мая: «и сіе его Татищева на меня доношеніе весьма не правдиво есть, въ чемъ ссылаюсь на шведскихъ министровъ, что я имъ такъ не отвѣтствовалъ, какъ онъ доносилъ, но объявилъ, что я указъ имѣю ему Татищеву всякое въ дѣлѣ ево вспоможеніе показывать, а болѣе о семъ г. баронъ Цедеркрейцъ, когда въ Санктпетербургъ прибудетъ, засвидѣтельствовать можетъ; и тотчасъ, по прибытіи его Татищева сюда, всякое ему въ его коммиссіи вспоможеніе чинилъ и съ нимъ къ здѣшнимъ министрамъ, графу Горну, барону Цедергельму и барону Гепкину ѣздилъ и, имъ представляя, требовали о позволеніи россійскихъ учениковъ ко обученію разныхъ мастерствъ на заводы принимать, и о по-

зволеніи къ принятію въ Швеціи горныхъ мастеровыхъ людей, яко и осматриванія ему Татищеву горныхъ дѣлъ. И тако, что до принятія на заводы россійскихъ учениковъ надлежитъ, и на то уже давно позволеніе дано. А между тѣмъ онъ Татищевъ занемогъ и два мѣсяца съ двора не выѣзжалъ, а по облегченіи своемъ тотчасъ на горные заводы для осматриванія оныхъ поѣхалъ, гдѣ ему по представленію моему всякое удовольство и учтивость и все то, чего онъ желалъ,— показано было. Что же надлежитъ до поданія меморіала о принятіи въ Швеціи горныхъ мастеровыхъ людей, и о томъ онъ Татищевъ только по возвращеніи своемъ съ горныхъ заводовъ, которому отъ сего числа двѣ недѣли, говорилъ мнѣ, что онъ тамъ съ горными мастеровыми людьми договаривался, и хотя у нѣкоторыхъ склонность есть въ службу идтить, однакожъ говорятъ, что безъ королевскаго указу того учинить не смѣютъ, того для просилъ меня, дабы я о томъ меморіалъ подалъ, что я ему и обѣщалъ, и требовалъ отъ него Татищева, чтобъ онъ о всемъ своемъ желаніи мнѣ на письмѣ сообщилъ, дабы я потому меморіалъ сочинить и подать могъ, которое онъ мнѣ только вчерашняго дня отдалъ; и тако я къ будущему понедѣльнику, въ которой день чужестранныя дѣла въ сенатѣ представляются, меморіалъ противъ подалъ, и что мнѣ на то въ резолюціи учинено будетъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доносить буду, яко и Бергъ-рату Татищеву сообщеніе учиню.» Однако изъ промеморіи о рудокопныхъ дѣлахъ, которую Бестужевъ подалъ 10 мая его королевскому величеству и потомъ сообщилъ въ копіи въ Петербургъ, видно, что препятствія, встрѣченныя Татищевымъ въ исполненіи его коммиссіи, не могли быть устранены безъ особенныхъ распоряженій шведскаго правительства, которыхъ онъ и добивался: не смотря на сенатскій указъ обучать русскихъ всѣмъ

искусствамъ и ухваткамъ, относящимся до горнаго дѣла, «нынѣ явилось, говоритъ промеморія, что рудокопные правители тотъ указъ зѣло прекрачаютъ и оной въ нужнѣшія дѣла безъ специальнаго указу толковать не хотятъ, а особливо въ слѣдующихъ наинужнѣйшихъ пунктахъ: въ строеніи бергверковъ и въ содержаніи оного, пухать и очищать, въ ростованіи, доспѣвать и очищать, коперъ ковать, искусство въ учрежденіи и содержаніи бергверковъ, маркшейдеры и прочія до того касающіяся ухватки»; не смотря на то, нашлись охотники ѣхать въ русскую службу, о которыхъ «рудокопные управители разсуждаютъ, что рудокопныя дѣла и безъ оныхъ людей со всякою исправностію поведены быть могли бы, однакоже за учиненнымъ въ томъ запрещеніемъ того предпріяти не дерзаютъ»; и хотя императрица «изъ любви ко всякимъ мастерскимъ искусствамъ чертежи бергверковъ изъ многихъ земель получила, и желаетъ оные чрезъ славные въ Европѣ шведскіе бергверки въ совершенство привесть, но безъ королевскаго указу рудокопные управители такіе чертежи сообщить не могутъ» [29]).

Въ отвѣтъ на эту промеморію Бестужевъ получилъ только обѣщаніе графа Горна, что желанія Татищева по возможности будутъ удовольствовать; болѣе положительнаго отвѣта онъ не могъ сообщить въ Петербургъ, а въ іюнѣ и самъ былъ отозванъ изъ Стокгольма: на его мѣсто назначенъ былъ флота капитанъ, графъ Николай Головинъ.

Шведское правительство, какъ и въ XVII вѣкѣ, не охотно передавало русскимъ людямъ знанія и средства, которыя могли бы служить для увеличенія матеріальныхъ силъ Россіи; Татищевъ долженъ былъ испытать это на себѣ: приходилось дѣйствовать за секретъ деньгами. А тутъ еще бергъколлегія, которой онъ былъ совѣтникомъ, не очень безпокоилась объ удовлетвореніи во время всѣхъ его тре-

бованій. Посѣтивъ салбергскіе серебреные заводы, австафорскіе мѣдные, Бервфорсъ, гдѣ дѣлаютъ мѣдь зеленою, стальгеймскіе, чевѣльскіе, фалунскіе мѣдные и желѣзные, и увѣдомивъ бергъ-коллегію о своихъ договорахъ съ тамошними бергмейстерами и маркшейдерами, онъ просилъ разрѣшенія на подарки имъ за призрѣніе надъ учениками, просилъ выслать въ числѣ послѣднихъ такихъ людей, которые бы начало въ знаменованіи и механикѣ имѣли, или начало физикѣ и математикѣ знали; просилъ денегъ на чертежи заводскихъ строеній: «хотя я здѣшнія строенія, писалъ онъ, прилежно осматриваю и могу сказать каждодневно смотрю, не могу всего высмотрѣть, ибо такое множество преизрядныхъ, хитростныхъ и великихъ машинъ, что невозможно въ три или четыре мѣсяца внятно описать». Представляя всѣмъ своимъ расходамъ подробные счеты, онъ каждый разъ напоминалъ коллегіи о деньгахъ: но, не получая обстоятельнаго рѣшенія ни на единое изъ своихъ донесеній и не желая безпутно жить въ Швеціи, обратился къ старому начальнику своему, дѣятельному де-Геннину. Написавъ ему въ Пермь, Татищевъ скоро узналъ, что де-Геннинъ въ Петербургѣ, и «онымъ обрадовался, ибо во вспоможеніи мнѣ для пользы государственной, говоритъ онъ въ письмѣ своемъ, великую на васъ надежду имѣю, и прошу, дабы вы изволили и въ коллегіи напамятовать, чтобъ не медлили рѣшеніемъ на мои доношенія. Напредь сего я о управителяхъ писалъ, но отповѣди не имѣю, и за тѣмъ желающимъ ѣхать принужденъ отказывать противъ моей должности. Я здѣсь у славныхъ механиковъ Полгейма, Дура и Нильсона такія искусныя и весьма государству полезныя машины видѣлъ, что дивиться міру надобно; потому я представлялъ, дабы прислать человѣка искуснаго въ механикѣ, а особливо токаря Андрея Константинова (т. е. извѣстнаго любимца Петра, Нартова),

или изъ артиллерійскихъ офицеровъ, ежели прилежнаго къ механикѣ знаете, и съ нимъ искусныхъ кузнецовъ и столяровъ, дабы оные могли основательно понять и сами такія, сдѣлавъ здѣсь, къ великой корысти государственной въ Россіи употребить. Оныхъ за множествомъ не упоминаю, только весьма обнадеживаю, что великая польза государству быть можетъ; ежелибъ я имѣлъ деньги оныя купить, воистинно для пользы отечества и славы нашей государыни императрицы, которая для пользы отечества трудъ свой паче всѣхъ подданныхъ полагаетъ, не жалѣлъ бы всего отеческаго имѣнія положить, ежелибъ возможность токмо имѣлъ.» Получивъ отвѣтъ де-Геннина, который между прочимъ совѣтовалъ ему постараться и мастеровъ принять и машины внятно осмотрѣть, Татищевъ писалъ: «колико могу, о томъ стараюсь, токмо мастеровъ достать здѣсь трудно явнымъ лицомъ; ибо издавна онымъ выѣздъ запрещенъ, и хотя-бъ чрезъ постороннихъ людей учинить уповалъ, но безъ дѣльныхъ подарковъ, какъ вы извѣстны: что такихъ дѣлъ трубкою табака не сдѣлаешь, а особливо здѣсь, гдѣ деньги паче лучшаго доктора желаніе и требованіе внушить могутъ; и безъ того едва что возможно бы сдѣлать. Машины внятно смотрю, и надѣюсь нѣкоторыя упомнить, однакожь для оныхъ великихъ искусствъ не вѣря себѣ всего упамятовать, договорился съ здѣшнимъ славнымъ оберъ-маркшейдеромъ Гейслеромъ чертежъ ямы фалунской на 25 листахъ, да чертежи всѣхъ машинъ въ планѣ и профилѣ перспективически на 10 листахъ большой александрійской бумаги, т. е. Jmperial-papir, за 100 червонныхъ сдѣлать, которое французскій посланникъ за одинъ чертежъ токмо дать не жалѣлъ; но мнѣ коллегія запретила, также подарки давать приняли за непотребное; и симъ не токмо охоту, но и возможность къ полезной отечеству услугѣ оставили въ сумнѣніи, для котораго ни-

чего учинить не могу.» У Татищева была еще мысль съѣздить въ Саксонію, чтобы самому обстоятельнѣе видѣть разность между тамошнимъ и шведскимъ горнымъ искусствомъ, а не слышанію только увѣряться. Онъ писалъ о томъ и въ бергъ-коллегію, и де-Геннину: «о потребности мнѣ ѣхать въ Саксонію, представляю въ прикладъ здѣшнее учрежденіе авскультантовъ при коллегіи, которые коронным иждивеніемъ въ прочія государства для науки ѣздятъ, чрезъ что здѣсь много людей искусныхъ въ горныхъ дѣлахъ обрѣтается; и суще не упоминая всѣхъ членовъ коллежскихъ безъ изъятія, здѣсь (т. е. въ Фалунѣ) совѣтникъ Полгеймъ, ассесоръ, который здѣшній заводъ подъ властію имѣетъ, оберъ-маркшейдеръ Гейслеръ, и другіе многіе ѣздили по всей Европѣ, нѣкоторые въ Азію, Африку и Америку, куда нынѣ еще таковыхъ отправили.... Какъ вижу, что здѣсь каждый горный начальникъ 3 или 4 года на коронномъ иждивеніи въ разныхъ государствахъ по заводамъ ѣздилъ, и непрестанно четыре человѣка ѣздятъ, какъ скоро одинъ прибудетъ, то паки иного посылаютъ, а пріѣхавшаго опредѣляютъ къ заводамъ, и тако искусства умножаются и корысть государственная ростетъ. И ежели такъ малое и противъ Россіи убогое государство такое прилежаніе о наукахъ имѣетъ и денегъ на то полагать съ разсужденіемъ не жалѣетъ, то намъ сугубо надобно прилежать. О деньгахъ же на проѣздъ, не требую болѣе 300 червонныхъ» [30]). Съѣздить въ Саксонію Татищеву не удалось, но онъ былъ въ Копенгагенѣ, гдѣ, равно какъ и въ Швеціи, имѣлъ случай со многими учеными разговаривать и потребныя для исторіи и географіи книги достать. Вообще онъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на тѣ жертвы, которыя приносились въ Швеціи съ научными цѣлями: «Шведскій король Карлъ XI всея Швеціи по предѣламъ достаточно правильныя ландкарты сочинить

велѣлъ, какъ я такія въ ихъ инженерной конторѣ хранимыя видѣлъ,» говоритъ онъ въ своей исторіи. «Да сіе не дивно, что самовластные государи столько въ томъ пользы показали; но паче всего въ авизіяхъ шведскихъ видимъ, что статы государственные на сеймѣ взявшемуся обстоятельную географію сочинить не малое награжденіе учинили.» [31])

Наконецъ въ октябрѣ 1725 года присланы были изъ Россіи ученики къ Татищеву для отданія ихъ на заводы. По надлежащемъ исполненіи этой послѣдней коммиссіи, ему приказывали возвратиться въ отечество, сдавъ присмотръ за ученіемъ посланнику Головину. Но лишь къ январю слѣдующаго года удалось Татищеву распредѣлить присланныхъ къ разнымъ занятіямъ, одѣть ихъ приличнымъ образомъ, устроить содержаніе и присмотръ за ними; все это обошлось въ 2184 рубля. По окончаніи всего, онъ обратился къ Головину съ просьбою, принять отъ него коммиссію по документамъ, снабдить деньгами на возвратный путь въ Россію и для уплаты нѣкоторыхъ долговъ, собственныхъ Татищева и по коммиссіи. Недостатокъ денегъ онъ объяснялъ тѣмъ, что коллегія, не смотря на его частыя просьбы, вмѣсто денегъ присылала одни отказы съ гнѣвомъ, какъ бы не вѣря его показаніямъ и считая его расходы самовольною и бездѣльною прихотью. Въ случаѣ, еслибы правительство отказалось заплатить Головину ту сумму, которую просилъ у него Татищевъ, послѣдній обеспечивалъ уплату ее всѣмъ своимъ имѣніемъ. Но Головинъ не соглашался не только на это, но еще болѣе на принятіе самой коммиссіи: онъ нашелъ бездну затрудненій, при своей посольской обязанности, брать еще новую. Особенно смущали его хлопоты, которыя были неизбѣжны съ поѣздками на заводы, съ присмотромъ за успѣхами и поведеніемъ учениковъ. Онъ зналъ по опыту, какъ жили русскіе, учившіеся тогда за границею. При русскомъ

посольствѣ въ Стокгольмѣ еще прежде были два ученика для шведскаго языка: но одинъ изъ нихъ, Семенъ Мальцовъ, бѣжалъ невѣдомо куда; а другой, Ѳедоръ Нѣмчиновъ, къ наукѣ никакой охоты и прилежанія не показывалъ, наиболѣе употреблялъ себя къ гульбѣ и пьянству, и къ другимъ непотребностямъ, и униманія въ томъ не слушалъ, за что и отданъ былъ въ курьеры (согласно указу 1723 года іюля 26). Ученики Татищева уже начинали жаловаться на скудость получаемаго ими содержанія, а иные хотѣли искать пропитанія инымъ способомъ, уйдти и записаться въ солдаты. Донося въ Петербургъ о такихъ препятствіяхъ къ принятію на себя коммиссіи Татищева, Головинъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ для того немедленную высылку 2,600 рублей, — суммы, которая была необходима, по словамъ Татищева, для окончательнаго расчета по всѣмъ контрактамъ и для его собственнаго отъѣзда. Высланы ли были эти деньги, не извѣстно; но 22 апрѣля 1726 года Головину послали изъ Петербурга рескриптъ, въ которомъ говорилось: «Симъ тебѣ повелѣваемъ у выше помянутаго совѣтника Татищева въ Швеціи коммиссію принять и надъ обрѣтающимися тамо россійскими учениками въ ихъ обученіи и въ протчемъ имѣть надлежащее надзираніе» [32]); а въ іюнѣ Татищевъ былъ уже въ Россіи и подалъ въ бергъ-коллегію отчетъ о своей поѣздкѣ, гдѣ объяснялъ между прочимъ, что въ русскую службу принялъ только одного поручика Рефа, «понеже онаго чинить ему корона шведская не допустила и мастерамъ къ нему тайно для такихъ договоровъ приходить воспретила; также купоросному, и сѣрному, и угольному мастерству отдать учениковъ не достало, однакожъ угольному и непотребно, понеже не лучше нашего.» Ученики, оставленные имъ въ Швеціи, возвратились уже въ 1728 году и нѣкоторые изъ нихъ были посланы на Уралъ къ де-Геннину [33]).

Сначала Татищева, при Екатеринѣ I, также хотѣли назначить въ помощники де-Геннина; но въ царствованіе Петра II, указомъ 1727 года сентября 16, ему велѣно было вѣдать монетную контору, вмѣстѣ съ московскимъ губернаторомъ Алексѣемъ Плещеевымъ и статскимъ совѣтникомъ Платономъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Монетная служба требовала переѣзда изъ Петербурга въ Москву, куда въ началѣ слѣдующаго года переселился и дворъ, переведены были всѣ коллегіи, отъ которыхъ въ Петербургѣ оставлены только конторы, а отъ бергъ-коллегіи одинъ лишь бергъ-мейстеръ [34]). Дѣятельность страническая, исполненная то военной тревоги, то дальнихъ переѣздовъ, борьбы съ различными лишеніями и столкновеній съ людьми, прерывалась для Татищева на нѣкоторое время: но онъ не любилъ измѣнять труду и, поселившись въ Москвѣ, снова принялся за географическія и историческія занятія, отложенныя въ сторону съ 1720 года. А между тѣмъ въ жизни политической и общественной готовились событія, которыя должны были отвлечь отъ личныхъ интересовъ къ болѣе общимъ вниманіе всѣхъ, кто считалъ себя въ правѣ принять участіе въ государственныхъ вопросахъ того времени.

ГЛАВА II.

Событія 1730 года и участіе въ нихъ Татищева.

Первымъ политическимъ ученіемъ, какое явилось въ русской исторіи, была знаменитая теорія Ивана Грознаго, высказанная имъ на словахъ и проведенная въ жизнь въ минуту горячей полемики его съ Курбскимъ, среди жестокихъ опалъ и гоненій на бояръ, во время ужаснаго погрома Твери, Новгорода и Пскова. Страстною рѣчью проговорился Іоаннъ о тѣхъ началахъ, которыя руководили его дѣйствіями, и ужасъ событій, вызванныхъ ими, отразился на страницахъ тогдашнихъ лѣтописей, письмахъ самого царя и сочиненіяхъ его антагониста, отъѣхавшаго въ Литву. Казалось все въ теоріи Грознаго было лично, все вызвано враждебными отношеніями къ окружавшимъ его, случайнымъ расположеніемъ писавшаго и говорившаго; можно было думать, что теорія исчезнетъ вмѣстѣ съ лицемъ и его дѣлами. Но Іоаннъ оставилъ московское государство слабому сыну; собственныя его дѣйствія стали прошедшимъ, обратились въ достояніе исторіи; а политическое ученіе, впервые развитое имъ съ такою твердостію и положительностію, не умирало. Причина такого явленія скрывалась въ томъ, что въ

основѣ теоріи Іоанна Грознаго, если отрѣшить ее отъ личныхъ и временныхъ вліяній, лежали давнія преданія русской исторіи. Политическая жизнь сѣверо-восточной Россіи уже до Іоанна сложилась подъ вліяніемъ многихъ условій, создавшихся гораздо ранѣе, не потерявшихъ всей своей силы и послѣ реформы Петра, не исчезнувшихъ совершенно и въ наше время. Въ основѣ государства, возникшаго на развалинахъ удѣловъ и вѣчевыхъ общинъ, лежали родовыя преданія, вотчинныя привычки и ѳеократическія ученія; все это слилось въ XVI вѣкѣ въ русскихъ понятіяхъ о государственной власти. Царь уже не могъ быть родоначальникомъ своего народа, но въ массѣ все еще продолжали чтить его, какъ отца и милостивца. Кромѣ того, жизнь дала другой оттѣнокъ народному взгляду на верховную власть: помощію церкви, патріархальное значеніе царя возведено было на недосягаемую высоту власти неподчиненной никакому закону, основанной на преданіи и обычаѣ. Съ другой стороны новое, государственное управленіе продолжало жить тѣми примѣрами и духомъ, которые развились въ вотчинномъ быту удѣльныхъ княжествъ. Стремленія московскихъ князей, со временъ Іоанна III, были новы; но средства, которыми они дѣйствовали, и пути, которыми они шли при этомъ, напоминали старину. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и договорныхъ грамотахъ слова: вотчина и удѣлъ, стали замѣняться словомъ: государство; но такая смѣна указывала лишь на то, съ какимъ характеромъ переходила къ новой дѣятельности верховная власть. Эпитетъ былъ устраненъ, но еще живо было представленіе, съ нимъ соединявшееся. Наконецъ перенесеніе въ государственныя отношенія тѣхъ понятій о власти и подчиненіи, которыя выработались въ общественной и частной жизни, завершило характеръ политическаго быта Москвы: отношенія холопства и прикрѣпленія перене-

сены были въ государственную сферу и всякихъ чиновъ люди стали называть себя государевыми холопами. «Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужее восхитихомъ», писалъ Іоаннъ IV Курбскому: «...се ли совѣсть прокаженная, яко свое царство во своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли сопротивенъ разуму, еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? и се ли православіе пресвѣтлое, еже рабы обладаему и повелѣнну быти? — О безбожныхъ человѣцѣхъ что и глаголати! Понеже тіи всѣ царствіи своими не владѣютъ: како имъ повѣлятъ работные ихъ, тако и владѣютъ; а россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи. — Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабамъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чимъ же лучше раба быти? А се ли тьма, яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? — Земля правится Божіимъ милосердіемъ и пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратеги. И еже воеводъ своихъ различными смертьми разторгали есмя: а Божіею помощію имѣемъ у себя воеводъ множество и опричь васъ, измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холоповъ вольны, а и казнити вольны жь есмя» [85]). Грозный говорилъ, опираясь на дѣйствительность. Такъ еще Герберштейнъ засвидѣтельствовалъ въ своихъ коментаріяхъ о томъ значеніи, какимъ пользовалась царская власть въ XVI столѣтіи, не задолго до самостоятельнаго правленія Іоанна: «скажетъ царь

и сдѣлано», говоритъ онъ, «жизнь, достояніе людей свѣтскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависятъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ божества. Русскіе увѣрены, что великій князь исполнитель небесной воли. Такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они... Не знаю, свойство ли народа требовало такихъ самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство»[36]). Столь же рѣшительно выражается о политическомъ бытѣ Москвы іезуитъ Антоніо Поссевино, современникъ Грознаго, имѣвшій цѣлію католическую пропаганду: «Москвичи наслѣдовали отъ предковъ», говоритъ онъ, «высокое понятіе о государѣ и утверждаются въ немъ воспитаніемъ. Когда ихъ спрашиваешь о чемъ-нибудь, они обыкновенно отвѣчаютъ: одинъ Богъ и великій государь знаютъ то; царь все знаетъ, онъ можетъ разрѣшить какое бы то ни было затрудненіе или сомнѣніе; нѣтъ на землѣ вѣры, которой бы догматовъ и обрядовъ онъ не зналъ; все, что мы имѣемъ и чѣмъ живемъ, все это отъ милости государя. Въ Московіи царь считаетъ своею наслѣдственною собственностію какъ всѣ государственныя области, такъ и то, что въ нихъ находится; онъ даетъ, кому что хочетъ и сколько хочетъ, каждый думаетъ безпрекословнымъ исполненіемъ воли царской обезпечить не только свое благосостояніе, но и будущность своей семьи. Царь хочетъ быть полнымъ властителемъ не только имѣнія, души и тѣла своихъ подданныхъ, но и мыслей ихъ. Онъ самъ все желаетъ видѣть и знать»[37]). Наконецъ Флетчеръ и Горсей, посѣтившіе Москву въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, еще подробнѣе описали бытъ московскаго государства. Коснувшись политическихъ, законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ правъ царской власти, указавъ на безсиліе земскихъ соборовъ, на печаль-

ное состоянiе областнаго и земскаго управленiя, на взаимное положенiе и политическое безправiе людей всѣхъ состоянiй, всякихъ чиновъ, отсутствiе законодательныхъ памятниковъ, печальное состоянiе судоустройства и судопроизводства, тягостную и полную произвола податную и финансовую системы, Флетчеръ предсказалъ неизбѣжность смутной эпохи. Событiя оправдали предположенiе проницательнаго иностранца. Среди внутреннихъ смятенiй поколебалось государственное единство, исчезла верховная власть, вторглись сосѣди. Во главѣ распадавшагося и волновавшагося общества становились то цари партiй, то самозванцы, то патрiархъ, то боярская дума. Политическое значенiе церковной власти, поникшее въ XVI столѣтiи, не смотря на то, что митрополиты помогли Москвѣ стать во главѣ удѣловъ, и ограничивавшееся только обычаемъ печалованiя, за которое погибъ Филиппъ отъ Iоанна, снова поднялось. Патрiархъ Iовъ возводитъ Годунова на престолъ; при Шуйскомъ онъ и Гермогенъ читаютъ народу отпустительную въ политическихъ грѣхахъ грамоту; во время междуцарствiя Гермогена называютъ начальнымъ человѣкомъ всей земли. На его зовъ и по его благословенiю движутся народныя ополченiя къ Москвѣ. Значенiе боярской думы, упавшее вмѣстѣ съ влiянiемъ духовенства, но все-таки болѣе сильное, уступаетъ теперь предъ именемъ патрiарха. Попытка бояръ ограничить власть Годунова отстранена Iовомъ. Въ минуту, когда патрiаршiй престолъ не занятъ никѣмъ, боярамъ удается склонить Шуйскаго къ нѣкоторымъ уступкамъ; но, когда его удаляютъ съ престола въ монастырь, Гермогенъ объявляетъ себя на сторонѣ свергнутаго царя. Во время междуцарствiя бояре позорятъ себя крамолами, распрями, сношенiями кто съ тушинскимъ лагеремъ, кто съ Сигизмундомъ, кто съ поляками, засѣвшими въ кремлѣ. Обнаруживается рознь областей;

снова становятся замѣтными прежнія границы удѣльныхъ княжествъ; однѣ волости держатъ сторону самозванца, другія Москвы, третьи отдаются сосѣднимъ государямъ. Но политическое единство возстановляется: дѣло освобожденія Москвы поддержано народными ополченіями; силамъ городскаго и сельскаго населенія по преимуществу принадлежатъ слава и честь этого подвига. Казалось бы всѣ эти событія, весь этотъ переворотъ должны были измѣнить политическую жизнь страны, дать иной характеръ государственному и общественному устройству Россіи. Но земскій соборъ 1613 года имѣетъ въ виду лишь одинъ вопросъ—умиреніе государства; средство для того одно, по общему мнѣнію: избраніе царя. Другихъ результатовъ не принесла смутная эпоха. На соборѣ не раздалось ни одного голоса, который бы потребовалъ пересмотра и пополненія судебниковъ, болѣе точнаго опредѣленія сословныхъ правъ и отношеній, преобразованій администраціи, измѣненія податной и финансовой повинностей, иного распредѣленія поземельной собственности. Желаніямъ новизны не было мѣста. Взоры всѣхъ обращены были на прошедшее, нарушенное смутами, какъ на идеалъ политическаго быта. Всѣмъ надоѣла недавняя шатость; всѣ наказались общею безурядицей: никому не приходило въ голову удовлетворить тѣмъ немногимъ желаніямъ, которыя повысказались въ разныя минуты смутной эпохи. Такъ еще при первомъ Лжедимитріи, тесть его Юрій Мнишекъ манилъ московскихъ бояръ вольностями польскихъ сенаторовъ. Шуйскій послѣ провозглашенія его царемъ, говорилъ въ Успенскомъ соборѣ: «цѣлую крестъ на томъ, чтобъ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлать безъ собору». Но ни Мнишекъ, ни Шуйскій не удержались на своихъ мѣстахъ; съ ними исчезли ихъ рѣчи. За то живы были въ 1613 году люди, которые писали, 4 февр. 1610, въ условіяхъ избра-

нія на русское царство королевича Владислава, чтобъ распространены были права духовенства, бояръ, окольничихъ, всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей; чтобъ перемѣна законовъ зависѣла отъ бояръ и всей земли; чтобъ не было казней безъ приговора боярскаго и думныхъ людей, а имѣнія казненныхъ отдавались бы ихъ наслѣдникамъ; что для науки вольно каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія, кромѣ бусурманскихъ поганскихъ, и господарь у нихъ за то вотчинъ, имѣній и дворовъ отнимать не будетъ; король не можетъ требовать никакой новой подати безъ согласія думныхъ людей; податямъ должны подлежать только заселенныя мѣста; чтобъ вообще въ важныхъ случаяхъ господарь говорилъ и уряжалъ, по обычаю московскаго государства, съ патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, со всѣми боярами и со всею землею»[38]). Ни одно изъ этихъ условій не было помянуто при избраніи Михаила Θеодоровича на престолъ. Преданіе о томъ, будто бы существовали условія, ограничивавшія власть новаго царя, преданія, о которыхъ упоминалъ потомъ Татищевъ, слишкомъ неопредѣленны и до сихъ поръ не подтвердились ни положительными извѣстіями о томъ, ни событіями, послѣдовавшими за избраніемъ Михаила[39]). Переворотъ 1613 года заявилъ лишь одни стремленія къ политическому единству Россіи, сосредоточенію ея около Москвы, возвращенію верховной власти въ руки одного лица. Повидимому, надъ умами членовъ земскаго собора носились слова Грознаго къ Курбскому: «се ли убо благочестіе, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ человѣкъ не взустити и къ разоренію иноплеменныхъ подати? Видишь ли, яко подобно женскому безумію, многихъ владѣніе: аще не подъ единого властію будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумію подобно есть»[40]).

Въ продолженіе всего XVII столѣтія политическая жизнь въ Россіи оставалась та же, основанная на давнихъ обычаяхъ и преданіяхъ. Отношенія боярской думы къ царю, положеніе земскихъ соборовъ не измѣнилось; лишь церковная власть, возвысившаяся въ лицѣ патріарха въ смутную эпоху, получила бо́льшее значеніе, благодаря родственной связи патріарха Филарета съ царемъ и дружескимъ отношеніямъ Никона къ Алексѣю Михайловичу. Но послѣднія кончились борьбою между политическою и церковною властями. Во время этой борьбы вселенскіе патріархи произнесли свое рѣшеніе о правахъ царя и патріарха. На вопросъ, что есть царь? они отвѣчали: «царь есть законное начальство, общее, благое всѣмъ подданнымъ, ниже благая дѣйствуяй по склоненію сердечному, ниже наказуяй по противному сердца своего намѣренію или страсти; ниже даяй дары туне въ убытокъ нѣкихъ». И за тѣмъ присоединили толкованіе отъ себя, въ которомъ ставили главною обязанностію царской власти: безпристрастіе, благость и премудрость. «Отъ сихъ познавается», писали они, «яко царь есть господь всѣхъ; зане пріемлютъ отъ него вси подданніи дары, наказанія же кіимъ же ни есть образомъ противящіеся ему. Сего ради написано есть: Бога бойтеся, царя чтите и за него молите»[41]). Говорили, что патріархъ долженъ повиноваться царю, какъ сущему въ вящшемъ достоинствѣ. Въ двацати пяти вопросахъ разсмотрѣны были подробности взаимныхъ отношеній царской и патріаршей власти: перевѣсъ остался на сторонѣ первой. Никонъ былъ осужденъ. Въ 1649 г., во второй и третьей главахъ уложенія постановлены были статьи о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать; о государевѣ дворѣ, чтобы ни отъ кого никакого безчинства и брани не было. Въ этихъ статьяхъ опредѣлены были тяжкія наказанія за измѣну и другія государственныя преступле-

нія, чего не было въ судебникахъ. Но и въ уложеніи не говорилось ни слова о значеніи царской власти вообще. Только русскіе послы временъ Алексѣя Михайловича, ѣздившіе на западъ, давали иногда поясненія объ этомъ предметѣ на запросы европейскихъ дипломатовъ. Такъ въ 1673 году маіоръ Павелъ Менезіусъ, пріѣзжавшій въ Римъ, былъ спрошенъ іезуитомъ, по порученію папы Климента X: что есть царь? и отвѣчалъ: «что есть имянуется папа и цесарь римскій, и султанъ турецкій, и шахъ персидскій, и ханъ крымскій, и моголъ индѣйскій, и претіанъ абиссинскій и зерефъ арабскій, и колманъ булгарскій, и деспотъ пелопонейскій, и калифа вавилонскій и иные, тако же имянуется по словенскому нарѣчію: царь россійскій» [42]). Это неумѣнье опредѣлить понятіе, соединявшееся съ словомъ царь, иначе, какъ посредствомъ примѣровъ, лучше всего характеризуетъ взглядъ русскихъ людей XVII вѣка на политическій бытъ своей страны. Взглядъ же самаго московскаго правительства выразился въ извѣстной грамотѣ опальному князю Хворостинину, который не устоялъ въ эпоху смутъ предъ иноземнымъ вліяніемъ, присталъ къ польскимъ и латинскимъ попамъ, произносилъ и писалъ многія укоризны и хульныя слова про московскихъ людей, думая отъѣхать въ Литву: «да въ твоемъ же письмѣ сыскано», говорится между прочимъ въ этой грамотѣ, «написано государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи именованье не по достоинству: деспотомъ русскимъ, а деспота словетъ греческою рѣчью владыка или владѣтель, а не князь и самодержецъ; а ты князь Иванъ не иноземецъ, московской природной человѣкъ и тебѣ бъ было такъ про государево именованье писати не пристойно» [43]). Отзывы о томъ же предметѣ Олеарія, Мейерберга, Коллинса и другихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVII столѣтіи, напоминаютъ отзывы Герберштейна, Поссевина и Флетчера.

Та картина русскаго государства, которую представили Котошихинъ и Юрій Крижаничъ, отличается лишь большими подробностями отъ описаній, составленныхъ иностранными путешественниками. Но вмѣстѣ съ изображеніемъ дѣйствительности, Крижаничъ изложилъ и цѣлый рядъ собственныхъ мыслей о возможныхъ преобразованіяхъ политическаго быта Россіи. Родомъ Сербъ, католикъ по религіи, онъ былъ озлобленъ притѣсненіями, которыя терпѣли западные и южные славяне, переѣхалъ въ Россію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вмѣшался въ споры раскольниковъ съ православными и былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ написалъ нѣсколько богословскихъ сочиненій полемическаго содержанія, грамматику славянскаго языка и наконецъ два огромные листовника, въ которыхъ, безъ ясно-опредѣленной системы, описывалъ тогдашнее состояніе московскаго государства. Будучи чрезвычайно начитанъ въ исторической, политической, богословской, философской и даже экономической литературѣ своего времени, онъ обратилъ всѣ вычитанныя свѣдѣнія на оцѣнку политическаго и общественнаго быта Россіи, основываясь на собственномъ, довольно близкомъ знакомствѣ съ нимъ. Его взгляды не безпристрастны, его философія и политическія убѣжденія узки и односторонни; его отзывы слишкомъ часто подчиняются заранѣе составленнымъ надеждамъ и желаніямъ; наконецъ онъ не на столько иностранецъ для московскаго государства XVII вѣка, чтобы совершенно отвергнуть практическую сторону нѣкоторыхъ его замѣчаній, и не совсѣмъ Русскій, чтобы считать его образъ мыслей распространеннымъ и общепринятымъ тогда въ Россіи. Любопытнѣе всего то, что Крижаничъ начинаетъ свои замѣтки прямо съ матеріальной стороны государственной жизни: говоритъ о царской казнѣ, о разныхъ налогахъ и пошлинахъ, о торговлѣ внѣш-

ней и внутренней, о ремеслахъ, сельскомъ хозяйствѣ, о рудникахъ. Онъ былъ правъ, ставя матеріальныя условія тогдашней жизни на первомъ планѣ; ихъ бѣдность, ихъ недостатокъ лежали тяжелымъ бременемъ надъ политическимъ и общественнымъ бытомъ Россіи. Первое, о чемъ подумалъ Петръ въ своихъ преобразованіяхъ, было усиленіе матеріальныхъ средствъ; заботами о нихъ не пренебрегали и его предшественники. За тѣмъ какъ славянинъ, враждебно поставленный жизнію къ иностранцамъ, онъ посвящаетъ большой отдѣлъ своего сочиненія чужелюбію, чужебѣсію, чужевладству; зная описанія Россіи, сдѣланныя иностранцами, указываетъ на ихъ ошибки. За тѣмъ онъ переходитъ къ размышленіямъ о политикѣ: «какъ сердце въ груди, какъ очи во лбу», говоритъ онъ, «такъ необходимъ народу государь; гдѣ нѣтъ владѣтеля, тамъ гибнетъ населеніе». Изъ ссылокъ на книги ветхаго завѣта, онъ дѣлаетъ выводъ, что «государь есть пастырь людской, поставленный отъ Бога, Божій намѣстникъ, нѣкій богъ на землѣ. Его судитъ одинъ Богъ; и за грѣхи народа шлетъ злаго государя». Всѣ дальнѣйшія сужденія Крижанича о политическомъ значеніи государственной власти основаны на богословскихъ ученіяхъ, какъ это было въ средніе вѣка и въ первое время послѣ реформаціи. Но, говоря о русской исторіи, онъ сильно порицаетъ дѣла Іоанна Грознаго, называя его тираномъ: а тиранъ, по выраженіи Крижанича, есть разбойникъ народный, не боящійся ни суда, ни муки; палачь, не внимающій закону, отринувшій человѣчество; демонъ облеченный въ видимое тѣло, людодерецъ. Тиранство одинъ изъ тѣхъ грѣховъ, которые вопіютъ къ небесамъ объ отмщеніи, что и сбылось надъ родомъ Грознаго, прекратившимся на московскомъ престолѣ. Алчность, по мнѣнію Крижанича, служитъ главнымъ основаніемъ тиранніи; она отражается не только на финан-

совой системѣ, но и на всѣхъ отрасляхъ государственнаго и областнаго управленія. Единственное средство противодѣйствовать такому злу: либеральныя перемѣны въ законодательствѣ. Но русское царство, думаетъ Крижаничъ, не имѣло еще добрыхъ законовъ; всѣ сословія его нуждались въ правахъ и льготахъ. Людямъ духовнаго чина Крижаничъ опредѣляетъ свободу отъ всякаго бремени и народной тяготы, отъ работъ и поборовъ всякихъ. Принадлежностями царской власти онъ считаетъ: право чеканить монету, собирать войска, владѣть множествомъ городовъ, давать имъ отъ своей руки правителей, созывать соборы, раздавать вотчины и помѣстья, казнить за ослушаніе и оскорбленіе величества. Князья, бояре, боярскія дѣти должны быть изъяты отъ всякой холопской работы и тяжести: отъ дани, поборовъ, подводъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ работъ и отъ всякаго холопскаго, чернаго, мѣщанскаго дѣла, издѣлья и рукодѣлья; лишь одна военная служба должна быть ихъ обязанностію. Они могутъ писаться полными, а не уменьшительными именами, оставить унизительную форму просьбы — челобитье, употреблять приличные титулы и величанія; они должны быть освобождены отъ тѣлеснаго наказанія кнутомъ, батогами, клеймѣніемъ, отрѣзаніемъ носа, ушей, отсѣченіемъ рукъ, отъ пытки и смертной казни; лишь ссылки и отнятія почестей и должностей должны быть для нихъ наказаніемъ. Много и другихъ мелкихъ правъ требуетъ Крижаничъ для людей первыхъ трехъ званій: между прочимъ онъ выговариваетъ для нихъ право свободнаго ученія языкамъ и наукамъ, заставляетъ государя выдавать своихъ дочерей за туземныхъ князей, а самаго и его сыновей — жениться на княжескихъ дочеряхъ; младшихъ царевичей называетъ князьями. Дѣленіе государства на удѣлы считаетъ гибельнымъ, отстраняетъ женщинъ и иноземныхъ принцевъ

отъ правленія государствомъ русскимъ, требуетъ даже, чтобы иностранныя войска не были терпимы въ Россіи въ мирное время, а тѣмъ больше иностранцы чиновники; требуетъ уничтоженія кабаковъ, соляной, рыбной, икорной, хлѣбной, медовой, желѣзной и другихъ монополій, принадлежащихъ тогда государевой казнѣ. Городамъ и ихъ населенію даетъ право казнить воровъ и разбойниковъ, обѣщаетъ ремесленные уставы; торговымъ людямъ обѣщаетъ хорошую монетную систему; даетъ право бить монету въ четырехъ городахъ: во Владимірѣ — золотую, въ Ярославлѣ — серебрянную, въ Псковѣ — подмѣсную, въ Новгородѣ — мѣдную. Потомъ упоминаетъ о милостяхъ и льготахъ сельскому населенію. Наконецъ главными опорами городской и государственной жизни русской Крижаничъ объявляетъ: православіе, самодержавіе, національную исключительность и страхъ къ чужеземному вліянію [44]). Таково было единственное, до сихъ поръ извѣстное, политическое ученіе, принадлежавшее частному лицу и явившееся въ до-петровской Россіи. Составленное въ то время, какъ рѣшенъ былъ вопросъ объ отношеніяхъ церковной и свѣтской власти въ лицѣ патріарха и государя, послѣ изданія уложенія, гдѣ каждому состоянію людей посвящены были особыя главы, не задолго до уничтоженія мѣстничества, въ эпоху борьбы православія съ уніей и расколомъ, государства съ казаками и сосѣднею Польшей, — сочиненіе Крижанича слишкомъ мало отзывалось на потребности времени и мѣста, возводило все къ исключительному идеалу славянскаго единства, полагало въ основы государства преимущественно богословскія начала, грѣшило противу исторіи презрѣніемъ къ союзу съ другими народами. Въ послѣднемъ оно напоминало тѣ статьи уложенія, которыми строго былъ запрещенъ выѣздъ изъ

Россіи за границу; точно также какъ указъ Θеодора Алексѣевича, запрещавшій писать въ челобитныхъ о царѣ: «пожаловалъ, умилосердился какъ Богъ», въ свою очередь напоминалъ мысль Крижанича, — не мирившуюся съ унизительными прозвищами челобитчиковъ [45]). Твердаго, самостоятельнаго, оригинальнаго политическаго ученія немогло развиться на русской почвѣ до Петра по очень простой причинѣ; потому что самая жизнь не представляла для него никакихъ данныхъ. Недошедшія до насъ записки князя Хворостинина, о которыхъ говорится въ грамотѣ на его имя, ограничивались только отрицательнымъ изображеніемъ дѣйствительности; сочиненіе Котошихина, написанное съ болѣе спокойнымъ взглядомъ, также было далеко отъ мысли представить собственный идеалъ политической жизни; труды Крижанича не могутъ быть признаны за туземное произведеніе, страдаютъ односторонностію взгляда и не имѣли въ свое время никакого практическаго примѣненія. Наступила реформа Петра. Русскіе путешественники появились во всѣхъ странахъ Европы. Какъ прежде посланники въ своихъ статейныхъ спискахъ помѣщали небольшія описанія того, что видѣли и слышали на западѣ; такъ теперь стольники, спальники, стряпчіе и дворяне, отправленные преобразователемъ за море для науки, стали знакомиться сами и знакомить другихъ съ государственною и общественною жизнію европейскихъ народовъ. Многіе изъ близкихъ къ Петру людей стали добывать для себя переводы историковъ и политическихъ писателей нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ. Самъ Петръ велѣлъ перевести и издать сочиненія Баронія, Стратемана, Гуго-Гроція, Пуфендорфа. Но, знакомя русскихъ съ исторіей и политикой запада, сбривая бороды, переодѣвая подданныхъ въ чужое

платье, заводя новые порядки въ арміи, флотѣ, судахъ, областномъ управленіи, улучшая бытъ матеріальный, Петръ мало внесъ новыхъ элементовъ въ ученіе о царской власти. Въ этомъ отношеніи онъ былъ только завершителемъ того, что сдѣлали его предки. Всѣ стремленія московскихъ царей XVII вѣка получили въ этомъ случаѣ полное удовлетвореніе. Составляя воинскій уставъ, Петръ мимоходомъ опредѣлилъ значеніе своей власти въ слѣдующихъ словахъ: «Его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей воли и благомнѣнію управлять» [46]). Петръ уничтожилъ гетманщину въ Малороссіи, все еще сохранявшую нѣкоторые остатки самостоятельнаго значенія; а учреждая сенатъ, онъ имѣлъ въ виду не столько передачу ему части верховныхъ правъ своихъ, сколько скорое и болѣе удовлетворительное рѣшеніе нужныхъ дѣлъ: иначе онъ не посадилъ бы тамъ своего генералъ-прокурора. Введеніе коллегіальнаго начала въ государственное и областное управленіе также не измѣняло сущности политическаго быта Россіи. А учреждая синодъ, вмѣсто патріаршества, Петръ окончательно разграничивалъ духовную власть отъ свѣтской: «ибо простой народъ невѣдаетъ», сказано было въ духовномъ регламентѣ, «како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыкъ». И, прибавляя къ этому намекъ на исторію Никона, регламентъ продолжаетъ: «Что же егда еще и плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры прило-

жатся, и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно согласуютъ, и за него поборствовати и бунтовати дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварные человѣци; тіи бо, на государя своего враждующе, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ церковной ревности, не сумнятся подносить руки на Христа Господня; и къ томужъ беззаконію, яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Чтожь, когда еще и самъ пастырь таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ» [47]). Наконецъ, перешагнувъ чрезъ тѣ преграды, которыя отдѣляли его предковъ отъ народной массы, отбросивъ старинные обряды придворной жизни, стѣснявшіе дѣятельность царей, трудясь всюду самъ, наравнѣ съ прочими, Петръ усвоилъ себѣ взглядъ на отношенія верховной власти къ подданнымъ, какъ на право и обязанность попечителя и руководителя. «Нашъ народъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ, «яко дѣти, не ученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ. не всель неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ» [48]). Такимъ образомъ, расходясь съ Іоанномъ Грознымъ въ выра-

женіяхъ, которыя были гораздо мягче, нежели гнѣвныя рѣчи Іоанна, Петръ сходился съ нимъ въ пониманіи государственной идеи и государственной власти. Съ другой стороны онъ являлся современникомъ Людовика XIV, любившаго повторять фразу: L'état, c'estmoi. Но, упрочивъ торжество государственнаго начала, выразившагося въ томъ, что послѣднія мѣстныя различія были поглощены при немъ силою централизаціи, что личный взглядъ на службу и ея права подчиненъ былъ общественнымъ интересамъ, ибо Петръ не считалъ услуги придворныхъ чиновъ за общественныя, наконецъ въ томъ, что частное хозяйство императорскаго дома впервые отдѣлено было при немъ отъ государственнаго, Петръ нарушилъ обычный порядокъ престолонаслѣдія, до тѣхъ поръ свято наблюдавшійся, судомъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и изданіемъ Правды воли монаршей. Между тѣмъ еще судьба указа о порядкѣ наслѣдованія въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ могла показать ему, что такое нововведеніе не лежало въ народномъ духѣ. Не трудно было доказать на словахъ экономическую и государственную пользу отъ введенія маіората, отъ назначенія наслѣдниками помѣщичьихъ имѣній лучшихъ между дѣтьми дворянскихъ семействъ: но трудно, почти невозможно, было привести въ исполненіе такую мысль. Нравы общества, воспитанные въ родовыхъ преданіяхъ, сильно противились тому, и Посошковъ краснорѣчиво разсказываетъ въ своей книгѣ о тѣхъ страшныхъ средствахъ, какими дворяне старались обойти указъ Петра. Не даромъ современники, и русскіе, и иноземцы, видѣли въ этой попыткѣ Петра первый шагъ къ удаленію нелюбимаго сына отъ престола. И дѣйствительно, въ знаменитомъ манифестѣ своемъ 3 февраля 1718 года, отрѣшавшемъ царевича отъ престола, Петръ сослался на право каждаго изъ подданныхъ

своихъ лишать наслѣдства непотребныхъ сыновей и отдавать его другому, которому похочетъ. Въ уставѣ же о наслѣдіи престола, изданномъ 5 февраля 1722 года, Петръ прямо сослался на примѣръ Іоанна III, дважды измѣнявшаго свою волю о наслѣдникѣ престола московскаго, и на указъ 1714 года: «дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя», сказано было въ уставѣ, «кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки не впали въ злость, имѣя на себѣ узду сію» [49]). Уставъ этотъ былъ подтвержденъ присягою всѣхъ подданныхъ. Наконецъ въ отдѣльномъ сочиненіи о престолонаслѣдіи, написанномъ по приказу Петра Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и изданномъ подъ именемъ Правды воли монаршей, подробно были изложены основанія новаго порядка наслѣдія, вводимаго Петромъ. Эта замѣчательная для своего времени прокламація имѣетъ весь видъ ученаго трактата, обогащеннаго богословскими, философскими, историческими и политическими свѣдѣніями. Предисловіе къ простосердечному читателю прямо начиналось тою мыслію, что уставъ Петра не нуждается ни въ какихъ доводахъ ученыхъ и философовъ: «уставы бо и всякіе законы, отъ самодержца въ народъ исходящіе», говорилось въ немъ, «у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ, аки должнаго: истязуютъ же не токмо страхомъ, гнѣва властительнаго, но и страхомъ гнѣва Божія. И того ради не токмо монаршіи уставы и законы не требуютъ себѣ никакой отъ учительскихъ доводовъ помощи, силою свыше себѣ данною совершенно укрѣпляемые; да и кто показалъ бы себя аки помощникомъ властительскихъ опредѣленій, тотъ бы не мало погрѣшилъ на безпрекословное повелительство самодержцевъ, вводя тако ихъ опредѣленія въ

сумнительство помышленія, аки бы оныя неизвѣстной силы суть, аще учительскими доводами утверждены не будутъ». Что же заставило обнародовать твореніе Ѳеофана отъ имени императрицы, по согласію духовнаго и мірскаго главнаго правительства? «Едина же сочиненія книжицы сей вина есть», отвѣчаетъ предисловіе, «что въ народѣ нашемъ обрѣтаются такъ непокойныя головы и страстію прекословія свербящая сердца, что никакого уставленія отъ державной власти произносимаго похвалити не хотятъ». Отъ такихъ людей, по мнѣнію автора, сѣялись въ Россіи плевелы мятежей, а иностранцы получали дурное мнѣніе о русскихъ, считая ихъ нравы варварскими, вѣрность къ государямъ своимъ притворною и послушаніе за гнѣвъ только, а не за совѣсть, рабски, а не сыновнѣ творимымъ. Изданная съ цѣлію устранить разные толки и пересуды «и послѣдній сумнительства сучецъ отъ мысли невѣжливыхъ истребить», Правда Воли Монаршей называла уставъ Петра о престолонаслѣдіи презервативою или предохранительнымъ врачевствомъ всероссійской монархіи, преполезнѣйшимъ къ полученію добраго и къ отдаленію злаго состоянія. За тѣмъ она представила многочисленные резоны или доводы въ пользу петровскаго устава. Первыя доказательства были отъ разсужденія власти всѣхъ вообще родителей: изъ естественнаго закона родительской власти и родительскихъ обязанностей вытекало право отца и матери смирять непослушнаго сына, исправлять, укрощать злые нравы его и въ важныхъ случаяхъ лишать наслѣдства. Это естественное право, основанное на простомъ здравомъ смыслѣ, подтверждается и законами разныхъ народовъ, и твореніями философовъ. Ни одинъ изъ нихъ никогда не сомнѣвался на счетъ этого права; разсуждаютъ они только о тѣхъ случаяхъ, когда оно должно быть приводимо въ дѣйствіе. «И если бы

кто о толикомъ учителей и законоположниковъ множествѣ сумнѣвался», замѣчаетъ Правда Воли Монаршей; «то мочно ему показать и у насъ въ Россіи, а наипаче въ царствующемъ Петербургѣ до 300 и болѣе законныхъ книгъ, въ которыхъ разсуждается о винахъ и обстоятельствахъ таковаго сыновъ недобрыхъ отторженія; а что если бы намъ вникнуть въ славныя и великія по Европѣ книгохранительницы»? Для примѣра приведена была 115 статья третьей главы Іустиніановыхъ Новеллъ, гдѣ исчислялись четырнадцать случаевъ, дававшихъ родителямъ право лишать сына наслѣдства. Потомъ слѣдовали примѣры изъ Ветхо-завѣтной исторіи, ссылки на книги Притчъ и Чиселъ; далѣе указаны были случаи усыновленія, взятые изъ Светонія, Прокопія Кесарійскаго, Кассіодора, Ливія, изъ книгъ Бытія, Исходъ и Есфирь, изъ кодекса Юстиніана. Власть наказывать дѣтей доказывается примѣрами, взятыми изъ сочиненія Гуго-Гроція «о правѣ мира и войны». Далѣе цитуются законы древней Греціи и Рима, рѣчи Цицерона. Отъ общей власти родительской авторъ переходитъ къ разсужденію объ отцовской власти государей; «самодержавный бо государь не только подданному народу, но и своимъ дѣтямъ государь есть; воленъ онъ надъ дѣтьми своими, какъ отецъ ихъ, воленъ есть и какъ государь ихъ». Прежде всего идетъ объясненіе того, что такое величество или маестетъ и приводится опредѣленіе Гуго-Гроція: «высочайшая власть (величество нарицаемая) есть та, которой дѣянія ничьей же власти не подлежатъ, такъ дабы могли уничтоженная быти изволеніемъ другаго человѣка; когда же глаголю другаго, изъемлю самого его, кто такую высочайшую власть имѣетъ: ему бо волю свою перемѣнити мощно». Слова Гуго-Гроція авторъ не только подтверждаетъ доказательствами, взятыми изъ естественнаго разума, изрѣченіями священнаго Писанія,

отцовъ церкви, византійскихъ юристовъ; но еще дополняетъ исчисленіемъ главныхъ обязанностей государя, между которыми важнѣе другихъ благо народа, правый судъ. Эти обязанности свойственны всякому роду правленія: демократіи или народодержательству, аристократіи и монархіи или самодержавству, будетъ ли монархія наслѣдною или избирательною. «Отъ сего правительствъ разнообразія ясно», замѣчаетъ Правда, «что всякій правленія образъ, и сама наслѣдная монархія имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ согласія, всегда и вездѣ по волѣ своей, премудро дѣйствующу смотрѣнію Божію». Даже основанныя силою монархіи авторъ считаетъ освященными народною волей: «самъ бо народъ доброхотнымъ своимъ повиновеніемъ являетъ на тое преклоненную волю свою». Но во всѣхъ случаяхъ въ основѣ верховной власти лежитъ отреченіе народа отъ собственной воли; только въ избирательной монархіи свобода выбора государя возвращается къ народу по смерти прежде выбраннаго; въ наслѣдственной же монархіи разъ высказанное отреченіе народа отъ своей воли имѣетъ свою силу при всякой смѣнѣ лицъ на престолѣ. Отсюда авторъ выводитъ долженства народа подданнаго: безпрекословное и безропотное повиновеніе повелѣніямъ, законамъ и уставамъ самодержца; отреченіе отъ права судить дѣла своего государя, нарушенное въ 1649 году англичанами, судившими Карла I; отреченіе отъ права указывать что-либо монарху; признаніе наслѣдникомъ престола того, кто будетъ назначенъ царствующимъ государемъ. Но въ послѣднемъ обстоятельствѣ можетъ представиться такой случай, что государь умирая не оставитъ по себѣ, ни на словахъ, ни на письмѣ, опредѣленнаго наслѣдника; возникаетъ самъ собой вопросъ: какъ же поступать тогда народу? «Долженъ народъ», учитъ авторъ Правды, «всякими правильными дога-

дами испытывать, какова была, или быть могла воля государева»; но народъ могъ быть не догадливъ, или догадки его могли быть не правильны. Авторъ предвидѣлъ и это; онъ подсказываетъ народу основанія для правильныхъ догадокъ: какого нрава былъ государь и къ чему наиболѣе склоненъ; равно или неравно дѣтей своихъ любилъ. Въ послѣднемъ случаѣ престолъ долженъ былъ принадлежать наиболѣе любимому сыну умершаго царя; въ первомъ — наиболѣе сходному въ нравахъ съ покойнымъ царемъ. То же самое должно разумѣть о дочеряхъ государя, если не было у него сыновей, и о ближнихъ родственникахъ его. Лишь въ томъ случаѣ, когда «оскудѣетъ вся ближайшая фамилія, а послѣдній въ ней государь никого въ наслѣдники не опредѣлилъ и безъ завѣта преставился; тогда воля, бывшимъ монархамъ отданная, возвращается къ народу». Таковы обязанности народа, который совлекся предъ государемъ правительской воли своей и всю власть надъ собою отдалъ ему, куда авторъ отнесъ «всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ, строенія, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и прочая, и прочая, и прочая». Коснувшись далѣе вопроса о томъ: какая монархія лучше — наслѣдственная или избирательная? и рѣшивши его въ пользу первой, авторъ приводитъ случаи, когда патріархи, государи и вообще великіе люди дѣлали выборъ между сыновьями своими, однихъ лишая наслѣдія, другимъ передавая его. Сперва идутъ примѣры отъ исторій человѣческихъ, потомъ отъ исторій священнаго писанія. Авторъ ссылается то на Гуго-Гроція, то на Ѳеатръ Ѳедора Цвингера, то на Ливія, Плутарха и Светонія, то на византійскихъ историковъ, на Зонару и Кедрина, то на Баронія и Кальвизія, Іоанна Клюверія и Фаміана Страду. Всѣхъ примѣровъ собрано сорокъ

семь. «Узрѣвъ толикую доводовъ силу», заключаетъ авторъ, «и толикій свидѣтелей облакъ, отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ, отъ примѣровъ историческихъ, еще же и отъ неложнаго слова Божія», каждый противникъ петровскаго устава «не только увидитъ, что трудно ему аки противъ рожна прати, но и устами зѣнути отнюдь не можетъ». Остается одно возраженіе, что распоряженіе Петра новость въ русской исторіи. Но не говоря уже о томъ, что «вещи новыя, яко же и ветхія, ни отъ доброты, ни же отъ худости своея, но только отъ времени нарицаются: зло, и старое зло есть, добро, и старое добро есть»; что «разумный есть и человѣкъ и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстати, чуждаго же и добраго приняти не хощетъ»;—русская исторія представляетъ примѣры выбора наслѣдниковъ престолу, точно также какъ и примѣры браковъ государей съ иноземками. Все разнообразное содержаніе Правды воли монаршей было такимъ образомъ направлено къ объясненію предъ лицемъ народа и государства тѣхъ причинъ, которыя заставили Петра измѣнить прежній порядокъ наслѣдованія русскаго престола. Прежде насъ указано было различіе между поступкомъ Петра, имѣвшаго въ виду пользы государства, и Іоанна III, дѣйствовавшаго изъ семейныхъ побужденій въ назначеніи себѣ преемника [50]). Тутъ не можетъ быть никакого спора. Но могло случиться другое: Петръ и народъ могли разойтись въ своихъ взглядахъ на пользы государства. Чего желалъ Петръ, того могли не желать противники его реформы. Что разладъ дѣйствительно былъ, это доказала исторія царевича Алексѣя Петровича; что онъ продолжалъ существовать и въ царствованіе Екатерины, это видно изъ словъ предисловія Правды, указывавшихъ на пори-

цателей дѣлъ Петра. Перемѣна порядка престолонаслѣдія была однимъ изъ самыхъ сильныхъ искушеній для недовольныхъ. Она возбуждала вниманіе даже тѣхъ людей, которые прежде равнодушно смотрѣли на многія явленія государственной и общественной жизни: вопросъ о томъ, кто будетъ государемъ, долженъ былъ отнынѣ вызывать къ себѣ участіе людей извѣстнаго кружка. При прежнемъ порядкѣ вещей, основанномъ на обычаѣ и преданіи, всѣ заранѣе знали, кто будетъ наслѣдникомъ. Теперь же, волей и неволей исчезало прежнее равнодушіе къ политической жизни, которымъ страдала древняя Русь. И реформа Петра, и его уставъ объ избраніи царствующимъ государемъ достойнѣйшаго себѣ наслѣдника, поднимали въ обществѣ интересъ къ политическимъ событіямъ, будили національныя стремленія, давали поводъ образоваться и высказаться различнымъ взглядамъ на государственныя отношенія. Вся политическая исторія Россіи отъ коронованія Екатерины I до коронованія Павла I, установившаго коренные законы объ императорской власти, сосредоточивалась преимущественно около вопроса, затронутаго Петромъ вслѣдствіе разрыва съ сыномъ.

Какая-то мрачная судьба тяготѣла надъ этимъ дѣломъ Петра: онъ первый установилъ избраніе достойнѣйшаго преемника и между тѣмъ ему самому не удалось этого сдѣлать, что подало поводъ къ борьбѣ придворныхъ партій, имѣвшихъ въ виду не пользы государства, но личныя цѣли. Погубленный Петромъ сынъ говаривалъ: «два человѣка на свѣтѣ какъ Боги: папа римскій да царь московскій; какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ» [51]). Но царевичъ ошибался: едва Петръ умеръ, какъ главная цѣль устава о наслѣдіи была забыта. Всѣ партіи думали только о себѣ; никто не хотѣлъ правильными догадами доискиваться, на чью сторону

клонилась воля покойнаго. Одни впрочемъ могли опираться на то, что Петръ еще при жизни своей короновалъ Екатерину I; другіе, подобно Басевичу, министру голштинскаго герцога, разсказывали, что за нѣсколько часовъ до смерти, Петръ проговорилъ слова: «отдайте все...» и велѣлъ позвать къ себѣ дочь свою, Анну Петровну, невѣсту герцога [52]). Только приверженцы старины, противники преобразованій, сторонники сына царевича Алексѣя Петровича, не могли привести ни одной правильной догадки въ пользу своего кандидата. Двѣ первыя партіи не могли дѣйствовать розно: дочь Петра въ то же время была и дочерью Екатерины, которая могла назначить ее преемницею себѣ. Такъ и случилось: Екатерина вошла на престолъ, поддержанная Меншиковымъ, Басевичемъ и всѣми участниками въ судѣ надъ царевичемъ. Въ первомъ манифестѣ ея къ народу объявлено было: такъ какъ покойный императоръ удостоилъ короною и помазаніемъ свою супругу, то *сенатъ, синодъ и генералитетъ согласно приказали*, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго всякаго чина и достоинства людямъ, служить вѣрно великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ» [53]). Такое приказаніе было новостью: ни сенатъ, ни синодъ не были облечены властію приказывать народу о признаніи того или другаго лица государемъ; еще менѣе такое право принадлежало генералитету. Правда воли монаршей не говорила ни слова о подобной формѣ признанія народомъ царствующаго лица: старинный обычай совѣщанія патріарха съ народомъ съ краснаго крыльца не могъ служить оправданіемъ новой формы. Старина нарушена была преобразованіями Петра; за новизну, очевидно, стояли люди, въ рукахъ которыхъ была сила. Эти-то сильные люди скоро обозначились и выдѣлились изъ общей массы сената, синода и генералитета. Сенатъ потерялъ титулъ управительнаго

и съ нимъ прежнее значеніе свое. Выше его сталъ верховный тайный совѣтъ, членами котораго были: Меншиковъ, Ѳ. М. Апраксинъ, Головкинъ, Толстой, Д. М. Голицынъ, Остерманъ и герцогъ Голштинскій. Но главное значеніе принадлежало одному Меншикову, который объявлялъ въ совѣтѣ повелѣнія императрицы, одинъ докладывалъ ей о дѣлахъ секретныхъ и важныхъ воинскихъ, управлялъ сборомъ податей и недоимокъ, былъ президентомъ военной коллегіи, вице-адмираломъ и вмѣшивался во всѣ дипломатическія дѣла. Первыя распоряженія совѣта были однакожь не дурны. Совѣтъ началъ съ изученія недостатковъ военной и фискальной системы внутренняго управленія, которую ввелъ Петръ, и указалъ между прочимъ на множество излишнихъ командировъ, занимавшихся распредѣленіемъ повинностей и земскихъ сборовъ, на разореніе и отягощеніе народа отъ великихъ податей, непрестанныхъ экзекуцій, угнетенія со стороны земскихъ властей и отъ распредѣленія войскъ по дистриктамъ. Составлена была коммиссія для разсмотрѣнія состоянія городовъ и земель, подъ предсѣдательствомъ кн. Д. М. Голицына. Повидимому, верховный тайный совѣтъ рѣшился привлечь къ себѣ народное расположеніе и дѣйствовать въ его пользу. Но это было лишь на первыхъ порахъ. Борьба партій увлекла за собой и членовъ совѣта, стоявшихъ во главѣ ихъ. То всѣ они соединялись противу Меншикова, то при помощи Меншикова губили своихъ противниковъ; кто былъ закупленъ прусскимъ дворомъ, кто французскимъ, кто австрійскимъ; одинъ думалъ добиться званія курляндскаго герцога, другой заботился о пріобрѣтеніи богатствъ, иной старался окружить себя преданными людьми. Личныя дѣла каждаго всплыли на верхъ. Дѣла государственныя шли плохо; это не было тайною для самихъ членовъ совѣта. Какъ прежде при Петрѣ капитанъ

Мишуковъ расплакался при одной мысли, что по смерти преобразователя будетъ государемъ неспособный къ дѣламъ царевичъ Алексѣй Петровичъ; такъ теперь Апраксинъ, вовсе непринадлежавшій къ числу горячихъ поклонниковъ реформы, плакалъ на взрыдъ на придворномъ праздникѣ, въ день имянинъ Екатерины, приговаривая: «Петра Великаго нѣтъ болѣе! Дѣла идутъ такъ худо, что надо плакать, а не радоваться» [54]). Сбывались слова Грознаго о женщинахъ и правленіи многихъ: интригою вельможъ началось царствованіе преемницы Петра, такою же интригою и кончилось. Уступивъ вліянію Меншикова, Екатерина назначила наслѣдникомъ своимъ Петра II, а цесаревнамъ и администраціи, т. е. людямъ сильнымъ, вмѣнила въ обязанность стараться о сочетаніи бракомъ великаго князя съ дочерью Меншикова. Стараться было не трудно, потому что во главѣ администраціи стоялъ самъ свѣтлѣйшій, и царствованіе Петра началось ссылкою и розысканіемъ враговъ будущаго его тестя. Но истребить ихъ всѣхъ было гораздо труднѣе, нежели удовлетворить честолюбію Меншикова. Петръ II не только радъ, но и вынужденъ былъ въ свою очередь отдѣлаться отъ властолюбиваго временщика. Вынудившіе у Петра ссылку Меншикова, сами стали временщиками, увезли его въ Москву и пріучили къ беззаботной, безпорядочной жизни. Дѣла пошли еще хуже, нежели въ предшествовавшее царствованіе, что̀ прежде извѣстно было только людямъ, принадлежавшимъ къ администраціи, а теперь стало извѣстно всѣмъ; потому что дворъ и члены верховнаго совѣта жили уже не въ дальнемъ Петербургѣ, а въ старинной столицѣ Россіи. «Въ Москвѣ всѣ ропщутъ наобразъ жизни молодаго царя», писалъ въ Мадридъ герцогъ лирійскій, посланникъ испанскаго короля «любящіе отечество приходятъ въ отчаяніе. Всѣ обвиняютъ въ такомъ состояніи дѣлъ временщиковъ, окру-

жающихъ царя. Нѣкоторые иностранные послы думаютъ выѣхать изъ Москвы, считая свое присутствіе въ ней не согласнымъ съ достоинствомъ ихъ государей, ибо не знаютъ, къ кому обращаться съ вопросами о дѣлахъ» [55]).

Въ это-то время жилъ въ Москвѣ Татищевъ, занимая скромное мѣсто члена монетной конторы и собирая матеріалы для географіи и исторіи Россіи.

Татищеву тогда было около сорока пяти лѣтъ,—возрастъ, когда одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ слугъ Петра, Толстой началъ свою честолюбивую карьеру и вызвался ѣхать за море для ученья. Татищеву не нужно было напрашиваться для путешествія съ такою цѣлію. Въ три поѣздки свои за границу съ дѣловыми порученіями онъ успѣлъ достаточно ознакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, отчасти съ французскимъ, отчасти съ латинскимъ, составилъ порядочную библіотеку книгъ историческихъ и политическихъ, и уже около десяти лѣтъ занимался изученіемъ Россіи и ея прошедшихъ судебъ. Еще въ 1719 году, Брюсъ внушилъ ему мысль заняться русской географіей; Татищевъ тогда же увидалъ, что безъ историческихъ познаній невозможно составить сколько-нибудь полной географіи. Между своими розысканіями по этой части, онъ знакомился и съ науками политическими, на сколько они были доступны ему. Еще будучи въ близкихъ сношеніяхъ съ Брюсомъ, онъ могъ пользоваться его богатымъ собраніемъ книгъ и курьезныхъ вещей. А въ библіотекѣ графа были: описаніе житія кардинала Мазарини на латынскомъ языкѣ; о главныхъ монархіяхъ на нѣмецкомъ; житіе Густава Адольфа короля шведскаго чрезъ Пуфендорфа на нѣмецкомъ же; исторія о владѣніи великихъ россійскихъ князей писана русскимъ языкомъ; княжескихъ силъ хитрость, переведена съ нѣмецкаго, на россійскій языкъ; описаніе испанскаго и аррагонскаго ти-

ранства на старомъ нѣмецкомъ, и другія сочиненія историко-политическаго содержанія [56]). Потомъ Татищевъ сблизился съ княземъ Дм. Мих. Голицынымъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей между стариками, державшимися прежнихъ обычаевъ. Не смотря на то, что князь любилъ повторять: «къ чему намъ всѣ эти рѣчи? развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали дѣды и отцы наши, которые не пускали къ себѣ иноземцевъ?» не смотря на то, что царевичъ Алексѣй Петровичъ, на котораго такъ много расчитывала партія, желавшая возвращенія старины, возлагалъ большія надежды на него, Дм. Мих. Голицынъ былъ не прочь отъ знакомства съ европейской литературой. Еще живя въ Кіевѣ при Петрѣ, онъ заставлялъ студентовъ тамошней академіи переводить для себя съ разныхъ языковъ сочиненія историческаго и политическаго содержанія, и потомъ перевезъ ихъ въ свою подмосковную, въ село Архангельское, откуда Татищевъ бралъ не разъ и рукописи, и печатныя книги. А въ библіотекѣ Голицына вмѣстѣ съ лѣтописями, хронографами, статейными списками, собраніями грамотъ, польскими хрониками, историческими и богословскими сборниками, указами временъ Петра I, Екатерины I и Петра II были въ русскихъ же переводахъ: сочиненіе Пуфендорфа объ исторіяхъ и славныхъ царствъ и статахъ, которые обрѣтаются въ Европѣ; описаніе винъ, имиже къ погибели и къ разорѣнію всякія царства приходятъ и которыми дѣла въ цѣлости и смиреніи содержатся и строятся, на 141 листѣ; Правленіе гражданское, о его истинномъ началѣ и о его власти, и ради чего, на 111 листахъ; Дискурсы политичные Іоанна Христофора Эберта, о различныхъ чинахъ властелинскихъ и подъ властію сущихъ, въ трехъ частяхъ, на 83 листахъ; Самуила Пуфендорфа о состояніи нѣмецкаго государства книга едина, на 66 листахъ; Камень

опыта политическаго, для чего бы Неаполитанцы отъ Гишпанцовъ озлоблены и отягчены были, на 8 лист.; исторія политична, опредѣленна на шесть книгъ, въ первой гишпанскимъ языкомъ, потомъ на италійскій, изъ сего на латинскій преложенна, на 77 лист., Ернеста Гоцкелія, философа, о Европскихъ царехъ и о ихъ величества преизящныхъ нравахъ, и даже до послѣднихъ нравовъ нашихъ, подообразное описаніе, тщаніемъ Гобелія сочинися, на 415 листѣ; Іоанна Павла Фелвингера Нюрембергскаго, учителя Алтдорфинскаго, дискурсы политичные о всѣхъ образѣхъ владѣтелевъ добрыхъ и поврежденныхъ и о иныхъ нѣкоторыхъ матеріяхъ, надлежащихъ къ ученію политичному, на 254 л.; Совѣты на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское и собственное, или всякаго сокровища общественнаго соблюденіе вѣчное, или совѣты на уставленіе и размноженіе и соблюденіе всякаго сокровища, повсюду обрѣтающагося, выданные чрезъ Максимиліана Фауста Ашавенбургскаго въ Франкфуртѣ, въ 20 частяхъ, на 1500 лис.; Николая Верпуллія уставленій политичныхъ книги четыре, иже вся гражданскаго ученія слоги содержатъ, на 151 л.; Самуила Пуфендорфа о законахъ естества и народовъ; книга Северина Змонзамбона Веронскаго о статѣ государства нѣмецкаго, на 160 лист.; Ѳеоримата или разсужденіе о правомъ и мирномъ царства, или коей области, правленіи, на 383 лист.; І. К. Бекмана о честяхъ владѣтельскихъ двадцать бесѣдъ, на 809 лис.; Министерство или правительство кардинала Рихилія и Мазарина, съ политическими разсмотрѣніи, отъ году 1624 даже до 1651, на 1373 лист.; Исторія о державѣ французской Іоанна Дебуссера, на 1404 л.; Увѣщанія политическая господина Францишка Гвичардина, мужа благороднаго флорентійскаго и исторіи въ свое время списателя преизбраннаго; Новоумноженный политическаго

щастія ковачь, со всякими къ дворовому и свѣтскому житію потребными и на нынѣшнія времена особливо учрежденными полезными и вящше потребными ученію, которыя изрядными пресловіи, остроумными рѣченіи и чрезобыкновенными примѣрами и приводами и украшены и наполнены и ученому свѣту представлены Христіаномъ Георгіемъ фонъ-Бесселемъ, на 167 л.; І. Фридлангена, о статѣ владѣтельскомъ, на 452 л.; Дворянинъ добронравный (Лук. Гурницкаго?); различныя наставленія о гражданскомъ правленіи съ сентенціями, выбранными изъ многихъ авторовъ и т. под. [57]).

Такой обильный матеріалъ для знакомства съ политической исторіей западной Европы предлагала библіотека кн. Голицына. Өеофанъ Прокоповичъ былъ правъ, говоря о богатствѣ тогдашнихъ русскихъ библіотекъ по части политическихъ книгъ. Но чтеніе однихъ и тѣхъ же писателей не было еще ручательствомъ, что всѣ ихъ чтецы усвоятъ себѣ одинакія политическія убѣжденія, одни и тѣ же историческіе взгляды. И Прокоповичъ, и Татищевъ, и Голицынъ много читали и по русской и по европейской исторіи: но убѣжденія ихъ были различны. Жизнь, общественное положеніе, практическая дѣятельность наложили свою печать на всѣхъ трехъ участниковъ въ событіяхъ 1730 годы. Учитель кіевской академіи, проповѣдникъ въ духѣ петровской реформы, новгородскій архіепископъ, честолюбивый Өеофанъ былъ представителемъ духовенства, которое генералитетъ и администрація старались держать, какъ можно далѣе, отъ правительственныхъ дѣлъ. Кіевскій губернаторъ, членъ верховнаго совѣта, человѣкъ крутой и рѣшительный, Дм. М. Голицынъ былъ представителемъ старинной родовой знати, которая не только хотѣла возвратить болѣе счастливыя для нея времена царей, но и сильно соблазнялась по-

литическими успѣхами шведской аристократіи и польскихъ магнатовъ. Усердный служака, опытный бергъ-совѣтникъ, знатокъ древней русской исторіи, ученый Татищевъ чуждъ былъ узкихъ, личныхъ интересовъ, не довѣрялъ примѣру сосѣднихъ государствъ, опирался въ своихъ предположеніяхъ на исторію и дѣйствительность. Всѣ они встрѣтились въ 1730 году и каждый по своему принялъ участіе въ событіяхъ того времени.

Со смертію Петра вторично сиротѣлъ русскій престолъ, угасала династія Романовыхъ, не оставляя по себѣ наслѣдниковъ мужескаго пола: не легко было уладить вопросъ о наслѣдіи престола, потому что Петръ II не оставилъ никакаго завѣщанія. Поле для догадокъ было обширное. Прежде всѣхъ стали догадываться временщики, окружавшіе одръ Петра, князья Долгорукіе. Почти всѣ они были сторонниками царевича Алексѣя Петровича; съ кончиною сына его, разрушившею всѣ надежды ихъ, надо было имъ подумать о себѣ. У нихъ явилась безумная мысль провозгласить императрицей невѣсту покойнаго, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую. Любимецъ Петра, князь Иванъ даже составилъ подложную духовную, которою будто бы покойный царь передавалъ русскій престолъ невѣстѣ своей. Но тутъ же, на совѣщаніи, одинъ изъ Долгорукихъ назвалъ все это ребячьими затѣями [58]).

Петръ умеръ во второмъ часу ночи съ 17 на 18 февраля 1730 года. Во дворцѣ находились всѣ члены верховнаго тайнаго совѣта, кромѣ Остермана, который, почуявъ приближавшуюся грозу, заперся въ своемъ домѣ, подъ обычнымъ предлогомъ изнурительной болѣзни. У кровати императора находились три архіерея, члены синода, совершавшіе обрядъ елеосвященія надъ отходившимъ въ вѣчность. Оставшіеся члены верховнаго тайнаго совѣта и нѣкоторые

изъ лицъ принадлежавшихъ къ администраціи и генералитету, удалились въ особую палату для разсужденія и догадокъ о престолонаслѣдіи. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, тотъ самый, который осмѣялъ замыслы своихъ родичей насчетъ невѣсты Петра II, пригласилъ туда же и архіереевъ, напутствовавшихъ Петра въ загробную жизнь; но потомъ долженъ объявить имъ, чтобъ пріѣзжали во дворецъ въ десятомъ часу утра вмѣстѣ съ другими членами синода. Товарищамъ Долгорукаго надо было переговорить о предстоявшемъ вопросѣ, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ. Такимъ образомъ пренія шли между лицами, принадлежавшими къ одному кружку. Послѣ многихъ споровъ, выборъ остановился на племянницѣ Петра I, вдовствующей герцогинѣ Курляндской. Отвергнуты были: голштинскій герцогъ и сынъ его, Елизавета Петровна и сестры Анны Іоанновны. По совѣщаніи, во дворцѣ остались только члены верховнаго совѣта, въ рукахъ котораго сосредоточивалась въ ту минуту вся власть по управленію государствомъ [59]). Когда по смерти послѣдняго Рюриковича шла рѣчь о выборѣ новаго царя, то многіе изъ членовъ думы боярской надѣялись достигнуть шапки Мономаха. Но у верховниковъ не было такихъ преданій, какими располагали Мстиславскій, Романовы, Шуйскіе, Вас. Вас. Голицынъ и Борисъ Годуновъ. Личныя притязанія кого-либо изъ нихъ не имѣли бы смысла; а изряднымъ правителемъ между ними, своего рода Годуновымъ, былъ воспитатель Петра II, хитрый Остерманъ, удалившійся въ свою келью конечно не за тѣмъ, чтобы ждать приглашенія на регентство, какъ это сдѣлалъ Биронъ. Но слабые врозь, верховники были сильны тою властію, которою облеченъ былъ совѣтъ. Ничто, повидимому, не мѣшало придать ихъ корпораціи правительственное значеніе въ общемъ организмѣ русской государственной

жизни. Переходъ къ ней казался естественнымъ. Еще при самомъ учрежденіи Совѣта, многіе изъ современниковъ видѣли въ немъ центръ, изъ котораго разольется какая-то новая политическая жизнь по всей странѣ. Французскій посланникъ при дворѣ Екатерины, Кампредонъ тогда же отправилъ къ своему правительству депешу: «Честь имѣю сообщить вамъ свѣденія о событіи столь замѣчательномъ, что оно, подъ видомъ усиленія власти государыни, кладетъ первый камень зданію, которое знатнѣйшіе между русскими думаютъ нечувствительно возвести, чтобъ увеличить собственную власть, чтобъ имѣть теперь и на будущее время существенное участіе въ управленіи дѣлами своего государства. Дѣло идетъ объ учрежденіи высшаго совѣта, главою котораго будетъ царица, а членами главнѣйшіе вельможи, съ властію совершенно равною. Ничто не совершится безъ единодушнаго согласія совѣта, который подъ именемъ императрицы будетъ настоящимъ господиномъ всѣхъ рѣшеній. Учрежденіе этого совѣта разрушаетъ все значеніе, которымъ пользовался сенатъ до сихъ поръ. Можно предвидѣть судьбу такого учрежденія, крайне льстящаго самолюбію и власти императрицы, которая твердитъ, что надо показать всему свѣту, какъ умѣетъ она заставлять повиноваться себѣ и поддерживать славу своего царствованія. Вообще можно думать, что царица поведетъ надлежащимъ образомъ свои дѣла при помощи этого совѣта до тѣхъ поръ, пока члены его будутъ дѣйствовать согласно; но съ другой стороны не трудно предвидѣть, что это лишь первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія, что русскіе, желая сдѣлать его менѣе деспотическимъ, нежели какъ было до сихъ поръ, и имѣя въ виду малолѣтство наслѣдника престола, озаботятся пріобрѣсти себѣ такія прерогативы и гарантіи, какія необходимы для созданія и поддержанія формы правленія, подобнаго

англійскому. Очень вѣроятно, что эта мысль собственно и побудила ихъ устроить совѣтъ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе разсудительныхъ людей о характерѣ новаго учрежденія, и я соглашаюсь въ томъ съ ними, зная, къ чему клонятся виды этой націи» [60]). Но разсудительные люди, и вмѣстѣ съ ними Кампредонъ, ошиблись; предсказанія ихъ исполнились только въ половину. Совѣтъ дѣйствительно овладѣлъ государственнымъ управленіемъ; но, не заключая въ себѣ ни малѣйшаго оттѣнка демократическаго, онъ не былъ и центромъ притязаній, которыя могла бы выставить тогдашняя аристократія. Въ числѣ членовъ совѣта были или временщики, давившіе собственныхъ товарищей, или олигархи-верховники, какъ называли ихъ у насъ. Эта не большая кучка людей, занятыхъ личными интересами, не была представительницею не только всѣхъ сословій, но даже и людей родовитыхъ. Всѣ они, за исключеніемъ Головкина, принадлежали къ двумъ фамиліямъ, сильно враждовавшимъ между собою въ послѣднее царствованіе. У нихъ мало было общаго съ остальною знатью, еще менѣе съ шляхетскимъ или дворянскимъ сословіемъ, и ровно ничего съ подлостію, какъ называли тогда всѣхъ, принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ. Такіе-то люди остались во дворцѣ по избраніи Анны Іоанновны на престолъ. Наиболѣе твердый изъ нихъ по характеру, наиболѣе рѣзко выражавшійся о реформахъ Петра, наиболѣе начитанный кн. Дми. Мих. Голицынъ обратился съ такими словами къ остальнымъ товарищамъ: «Понеже кончиною Петра II мужеское колѣно Петра Великаго пресѣклось; Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти, подкрѣпленной толпою иностранцевъ, которыхъ Петръ привлекъ въ русское государство; то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами, и не иначе подносить самодержавіе

новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями» [61]). Пребываніе Анны Іоанновны въ Митавѣ давало время обсудить подобное намѣреніе; ея незавидное положеніе въ герцогствѣ курляндскомъ, позволяло надѣяться, что всякія предложенія верховнаго тайнаго совѣта не встрѣтятъ съ ея стороны особеннаго противорѣчія. Всѣ присутствовавшие согласились съ мнѣніемъ Голицына; даже канцлеръ Головкинъ, нераздѣлявшій его мнѣній, казался убѣжденнымъ словами своихъ товарищей. А всего болѣе настаивали на мнѣніи Голицына Долгорукіе: «показуя видъ, будто они народной нѣкоей пользѣ служатъ, а самымъ дѣломъ желая получить себѣ хоть часть царской власти, когда цѣлой той достичь не могли», замѣчаетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ разсказѣ о восшествіи Анны Іоанновны на престолъ [62]). «Сіе коварство ихъ потому не тайно, что они не думали вводить народное владѣтельство (кое обычно вольною республикою называютъ); но всего владѣнія крайнюю силу осьмочисленному своему совѣту учреждали, который владѣнія образъ въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ не могъ нарещись владѣтельствомъ избранныхъ, гречески аристократія, но развѣ сковническимъ тиранствомъ или насильствомъ, которое олигархія у Елиновъ именуется.» Но со словами Ѳеофана Прокоповича, будто бы Долгорукіе манили другихъ членовъ совѣта общими выгодами, имѣя намѣреніе потомъ удалить ихъ, согласиться нельзя: князь Голицынъ первый высказалъ мысль объ ограниченіи и его манить было не зачѣмъ, точно также какъ и брата его Мих. Михайловича. Обвинять однихъ Долгорукихъ во всемъ вошло потомъ въ обычай; и Ѳеофанъ, по всей вѣроятности, писавшій сочиненіе уже послѣ паденія ихъ, сильно грѣшилъ въ этомъ случаѣ противу исторической справедливости. Но его разсказъ имѣетъ другую цѣну для насъ, какъ разсказъ не только

очевидца, но и участника въ дѣлѣ возвращенія самодержавной власти Аннѣ Іоанновнѣ.

Между верховниками начались новыя пренія: рѣчь шла о тѣхъ условіяхъ, которыя слѣдовало предложить новой императрицѣ. Текстъ этихъ условій, на которомъ остановились въ концѣ засѣданія, былъ слѣдующій: чтобъ императрицѣ не иначе царствовать, какъ по разсужденіямъ верховнаго совѣта; не будетъ она ни объявлять войны, ни заключать мира; не будетъ налагать никакихъ податей и жаловать кого либо въ важные чины и должности; не будетъ казнить смертію никакого дворянина, не разсмотря прежде доказательствъ его вины; не будетъ конфисковать ничьихъ имѣній ни располагать по своей волѣ принадлежащими коронѣ землями и не переводить ихъ въ чужія руки; не будетъ ни въ бракъ вступать, ни избирать себѣ наслѣдника безъ согласія верховнаго совѣта. Такимъ образомъ власть Анны Іоанновны ограничивалась преимущественно въ пользу верховнаго совѣта. Кромѣ того, во время преній, предлагаемы были и другія условія: чтобъ императрица никогда не входила въ засѣданія совѣта, развѣ въ важномъ случаѣ, причемъ ей принадлежатъ только два голоса, и то лишь ради уваженія къ верховной власти, и на случай раздѣленія голосовъ въ верховномъ совѣтѣ на двѣ половины; право избранія новыхъ членовъ въ совѣтѣ принадлежитъ не императрицѣ, а самому совѣту; оная не имѣетъ права подтверждать иное что либо, чего не постановилъ совѣтъ; будетъ опредѣлена извѣстная сумма ей на расходы; командуетъ она только тою стражею, которая находится во дворцѣ для ея охраненія; число членовъ совѣта будетъ увеличино до 12; производство въ чины до полковника можетъ дѣлать императрица [63]). Въ десять часовъ утра дворецъ наполнился сановниками, духовными и членами разныхъ правительствен-

ныхъ инстанцій. Дм. Мих. Голицынъ, за отсутствіемъ Головкина, который сказался больнымъ, объявилъ имъ о кончинѣ Петра и объ избраніи Анны Іоанновны, умолчавъ объ условіяхъ избранія. Всѣ одобрили выборъ и, какъ первый членъ синода, Ѳеофанъ предложилъ немедленно отслужить благодарственное молебствіе. Но его предложеніе не было принято членами верховнаго совѣта: «и тѣмъ самымъ у людей умныхъ,» замѣчаетъ Прокоповичъ въ своемъ сочиненіи, «вошли они въ подозрѣніе, еще и сами торопясь затѣйки свои, какъ бы возможно, произвесть скорѣе въ дѣло, акибы нарочно, таинство свое открыли.» А между тѣмъ уже скакали въ Митаву посланные отъ верховниковъ, сената и дворянства: Вас. Лук. Долгорукій, М. М. Голицынъ и генералъ Леонтьевъ; для всѣхъ прочихъ сообщеніе между Москвою и резиденціей Анны Іоанновны, было прервано: «и отъ такого ихъ дѣйствія не токмо догадливые люди, но и тупые простолюдины, явно уже видѣть могли, что господа верховные затѣиваютъ; а не трудно было разумѣть, что они вымышленный для себя новый царствованія порядокъ хотятъ государынѣ поднесть именемъ всего народа, аки бы всенароднымъ согласіемъ утвержденный. Многіе же и проклинали такой поступокъ, яко къ презлѣйшему обычаю образецъ, что они такъ дѣлали съ ожидаемымъ государемъ своимъ, какъ по нуждѣ дѣлаютъ съ наступающимъ непріятелемъ. Жалостное же вездѣ по городу видѣніе было и слышаніе: куда ни прійдешь, къ какому собранію ни пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нареканія на осмеричныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе, и вездѣ, почитай въ одну рѣчь, говорено, что если по желанію господъ оныхъ сдѣлается, отчего бы сохранилъ Богъ, то крайнее всему оте-

честву настоитъ бѣдство. Самимъ имъ господамъ нельзя долго быть въ согласіи: сколько ихъ числомъ, чуть не толико явится атамановъ междуусобныхъ браней и Россія возымѣетъ скаредное лице, каково имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала» [64]). Такъ встрѣчены были въ Москвѣ, по свидѣтельству Ѳеофана, замыслы членовъ совѣта: «и не ложныя по моему мнѣнію», прибавляетъ онъ, «были таковыя гаданія; понеже русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, и если каковое-нибудь иное владѣнія правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благости отнюдь невозможно». Замыслы верховнаго совѣта перестали быть тайною и для дипломатическаго корпуса. Маньянъ, французскій резидентъ, писалъ въ Парижъ, на другой день смерти Петра: «иностранные министры и опытные политики сильно удивлены такимъ избраніемъ; ихъ соображенія никакъ не могли простираться на дочерей царя Іоанна. Но освѣдомившись объ условіяхъ, съ какими предложена герцогинѣ курляндской корона, узнали и тайную причину такого избранія. Эти условія заставляютъ многихъ сомнѣваться, приметъ ли герцогиня курляндская предлагаемую ей корону; но, вѣроятно, сильная приманка царствовать и надежда сбросить со временемъ налагаемое иго не позволятъ ей отказаться отъ престола. Что касается самихъ русскихъ, то ихъ намѣренія въ этомъ дѣлѣ недостаточно ясны. Опыты послѣднихъ временщиковъ показали, какъ непрочно ихъ значеніе при существующей рядомъ абсолютной монархіи; и потому они хотятъ или совсѣмъ уничтожить монархію или значительно ограничить ее введеніемъ аристократическаго элемента. Въ этомъ случаѣ, они держатся примѣра различныхъ правленій, существовавшихъ въ Европѣ. Одни хотятъ ограниченія правъ ко-

роны властію парламента, подобнаго англійскому, другіе подобнаго шведскому; одни думаютъ о системѣ избирательной по примѣру Польши, другіе желаютъ передать власть только въ руки аристократіи. Очевидно лишь то, что всѣ эти замыслы указываютъ путь къ совершенному измѣненію древняго правленія и обычаевъ русскихъ» [65]). Между тѣмъ депутаты верховнаго совѣта въѣхали въ Митаву не одни: Ягужинскій, зять старика Головкина, недовольнаго дѣйствіями своихъ товарищей, но согласившагося съ ними по слабости характера, точно также не раздѣлялъ убѣжденій верховниковъ, и, будучи рѣшительнѣе тестя, отправилъ съ Сумароковымъ, состоявшимъ нѣкогда при дворѣ герцогини голштинской, письмо къ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которомъ объяснилъ ей, что желанія верховниковъ и кондиціи, которыя представятъ ей Долгорукій съ товарищами, нельзя принимать за выраженіе желаній всего государства; но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ подписать предлагаемыя ей условія, ѣхать немедленно въ Москву и, когда обнаружится настоящій образъ мыслей русскаго народа, уничтожить эти кондиціи. Курляндскій резидентъ, баронъ Левенвольдъ точно также увѣдомилъ обо всемъ Анну Іоанновну. Есть причины думать, что и Ѳеофанъ Прокоповичъ, встрѣтившій враждебно замыслы верховниковъ, отправилъ отъ себя гонца въ Митаву съ поздравленіемъ и предложеніемъ своего содѣйствія, если только Анна Іоанновна пожелаетъ возвратить себѣ права самодержавія. Пока всѣ эти гонцы и депутаты летѣли въ Митаву, пока ждали въ Москвѣ извѣстій отъ нихъ, время проходило и мучительныя недоразумѣнія обѣихъ сторонъ высказывались все яснѣе и яснѣе. «Родился другой союзъ,» пишетъ Ѳеофанъ, «осмоличному союзу противный. Знатнѣйшіе, сирѣчь изъ шляхетства, сноситься и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать

верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить и для того по разнымъ домамъ, да ночною порою собирались. Я въ то время всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать: что сія другая компанія придумала и что къ намѣренію своему усмотрѣла. И скоро получилъ извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. Одно дерзкое: на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть внезапно оружною рукою и, если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать. Другое мнѣніе кроткое было: дойдти до нихъ въ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны, всѣмъ извѣстно, что они хотятъ; не малая вина, однимъ и немногимъ, государства составъ передѣлывать; и хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожь скрывать то предъ другими; а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщить, непріятно то и смрадно пахнетъ. Оба же мнѣнія сіи не могли произойти въ согласный приговоръ: первое, яко лютое и удачи неизвѣстной, а другое, яко слабое и недѣйствительное и своимъ же головамъ бѣду наводящее. Досталъ же я и о томъ еще вѣдомости, что верховниковъ супостаты и между собою неединодушны были; но весьма противнаго хотѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ тщились, старое отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно, а другіе, да еще сильнѣйшіе, того же хотѣли (что и верховники, но были противъ нихъ за то), что они ихъ въ дружество свое не призвали» [66]). Противниковъ совѣта набралось человѣкъ 500: но, кромѣ несогласія, эта факція страдала еще малодушіемъ; были люди между ними, которые заискивали милости и презрѣнія верховниковъ. Послѣдніе также скоро провѣдали о планахъ шляхетства; какъ оно объ ихъ собственныхъ замыслахъ. Испугавшись сначала неожиданной для нихъ факціи, верховники обнаружили потомъ

ярость, когда узнали, что страшиться шляхетства нечего: стали распускать слухи, что непокойныя головы будутъ судимы, какъ непріятели отечества, и скоро пошлется или уже послано ловить ихъ за арестъ и что никому изъ нихъ утаиться и избѣжать бѣды нельзя. Шопотомъ передавались эти вѣсти въ народѣ; противники верховниковъ переходили изъ дома въ домъ, ища себѣ убѣжища, мѣняли свои имена, платья, показывались на улицѣ только ночью. Однакожь верховники были не прочь отъ сдѣлки съ шляхетствомъ: «поражая страхомъ соперниковъ своихъ, и сами еще не ощущали въ себѣ безстрашія; смущала ихъ злая совѣсть и что неизвѣстно было, чѣмъ окончится дѣло ихъ, толь дерзновенное. Начали призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ противной компаніи и принимать съ ласкосердіемъ, и къ общему согласію преклонять, ротяся и присягая, что за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся и жаловались, что напрасно то имъ въ грѣхъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщили, подая тому вину, что хотѣли они первѣе искусить и отвѣдать, какову себѣ покажетъ на ихъ предложеніе избираемая государыня, а то увѣдавъ, имѣютъ они намѣреніе, всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщая скоро то учинить, и себя, яко невинныхъ, предъ всѣми оправдать» [67]). Кто вѣрилъ словамъ верховниковъ, кто не довѣрялъ; иные смѣялись, другіе предавались опасеніямъ. Около трехъ недѣль прошло въ такомъ колебаніи, пока наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ Митавы. Неблестящее положеніе, какое Анна Іоанновна занимала въ Курляндіи, заставило ее промѣнять званіе вдовствующей герцоги на титулъ императрицы съ ограниченною властію. Она изъявила свое согласіе на перемѣну правленія и такимъ образомъ давала перевѣсъ немногочисленной

партіи олигарховъ надъ превышавшею ихъ числомъ, но неединодушною фракціей шляхетства. Въ рескриптѣ, присланномъ съ Леонтьевымъ, Анна Іоанновна между прочимъ говорила: «по здравомъ разсужденіи изобрѣли мы запотребно, для пользы россійскаго государства и къ удовольствію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ; а для того, елико время насъ допустило, написавъ какими способами мы то правленіе вести хощемъ и подписавъ нашею рукою, послали въ верховный тайный совѣтъ» [68]).

Событія захватили въ свой круговоротъ лицо, которому отнынѣ принадлежала главная роль, на которое расчитывало и шляхетство и олигархія: и хотѣвшіе ограничить монархическую власть, и желавшіе возвращенія прежняго образа правленія, ждали рѣшенія поставленнаго ими вопроса отъ того самаго лица, которое должно было получить эту власть въ свои руки. До пріѣзда Анны Іоанновны положеніе партій не могло измѣниться: имъ трудно было сойдтись и по разногласію въ убѣжденіяхъ, и по личнымъ отношеніямъ другъ къ другу главныхъ представителей партій. «Третьяго дня,» писалъ Маньянъ, «прибылъ сюда курьеръ отъ депутатовъ, отправленныхъ къ герцогинѣ съ извѣстіемъ, что она согласна на свое избраніе и условія, предложенныя ей, и сбирается выѣхать изъ Митавы. Таковъ по крайней мѣрѣ слухъ, распространившійся съ прибытія этого курьера. Но хотя повидимому и устранено первое препятствіе, которое боялись встрѣтить; все-таки остается неизвѣстнымъ, будутъ-ли обойдены также удачно затрудненія, неизбѣжно долженствующія возникнуть вслѣдствіе разногласія о новой формѣ правленія, потому что пренія о ней до сихъ поръ не выяснили своего предмета. Остерманъ постоянно сказы-

вается больнымъ, чтобъ избавиться отъ участія въ столь щекотливомъ дѣлѣ; и только старый кн. Голицынъ, членъ верховнаго совѣта, занимается имъ усердно. Разсказываютъ, что его планъ состоитъ въ слѣдующемъ: ограничить власть императрицы только внутренними дѣлами двора, а всю верховную власть передать собранію высшаго совѣта, состоящаго изъ десяти лицъ, которыя одни располагаютъ должностями и войскомъ; образовать, кромѣ этого совѣта, три другихъ трибунала, именно: сенатъ изъ 36 членовъ, палату дворянства изъ 200 членовъ и наконецъ третье собранье, въ которое будутъ высылаться по два депутата изъ каждаго города. Но большинство дворянства, оставляя безъ поддержки такія нововеденія въ старинныхъ привычкахъ управленія, распускаетъ, говорятъ, подъ рукою слухи, что, когда наступитъ время принести присягу въ вѣрности новой царицѣ, по обычаю русскихъ давать обязательство на себя при каждомъ новомъ царствованіи, то легко могутъ произойти затрудненія, какихъ, быть можетъ и не ожидаютъ. Такая молва сильно разстроиваетъ планъ кн. Голицына, не говоря уже о томъ, что ежедневно возникаетъ множество различныхъ факцій, въ которыхъ безъ сомнѣнія примутъ участіе всѣ наименѣе умѣренные члены духовенства по неудовольствію, вызванному крайнимъ презрѣніемъ, которое обнаружилъ къ этому сословію тотъ же самый кн. Голицынъ, устроивъ такъ, чтобъ никто изъ духовныхъ не былъ допущенъ въ собраніе, разсуждавшее объ избраніи новой императрицы, подъ тѣмъ предлогомъ, что они запятнали себя, помогая, по смерти Петра I изъ низкой корысти, посадить на русскій престолъ, помимо законнаго наслѣдника, женщину, которая должна бы быть вполнѣ чуждою его. Всѣ эти соображенія причиняютъ сильныя безпокойства и заставляютъ думать, что или проектъ

новой формы правленія будетъ оставленъ и власть новой царицы будетъ одинакова съ властію ея предшественника, или что предположенныя нововведенія приведутся въ исполненіе съ внутренними потрясеніями страны: и все это еще болѣе увеличиваетъ нетерпѣніе, съ какимъ каждый ожидаетъ близкаго прибытія царицы» [69]).

Предводители партій обозначились. Дѣло верховниковъ велъ энергическій Голицынъ, непріязненно отзывавшійся объ архіереяхъ; Ѳеофанъ стоялъ повидимому въ сторонѣ, но слѣдилъ усердно за всѣми интригами верховниковъ и противной партіи. Голицынъ обдумывалъ самый широкій планъ переворота; онъ далеко раздвинулъ тѣ узкія рамки будущихъ правительственныхъ органовъ, которыя были намѣчены первыми кондиціями. Что же дѣлало шляхетство, дробившееся на нѣсколько кружковъ? кто были «непокойныя головы»,—стоявшія во главѣ ихъ? Это должно было обнаружиться при первомъ же столкновеніи обѣихъ партій; на первомъ общемъ совѣщаніи, которое открыть обѣщали верховники, по полученіи отвѣта отъ императрицы. Дѣйствительно, получивъ рескриптъ Анны Іоанновны, подкрѣплявшій тайныя надежды ихъ, верховники разослали повѣстку по сенаторскимъ, археройскимъ и прочихъ чиновъ домамъ съ призывомъ (а не приказомъ, замѣчаетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ) всѣхъ на утренній день въ общее собраніе. Разносившіе повѣстку объявляли и причину зова: «будто о государственномъ установленіи совѣтывать будутъ». Описаніе этого совѣщанія — одно изъ самыхъ ироническихъ мѣстъ въ разсказѣ Ѳеофана. «Чудно же, воистинну, сказать», пишетъ онъ, «каковыя многихъ явились тогда разгласія! Одни да и множайшая часть говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ верховный совѣтъ раскаялся и хощетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его, въ недавнихъ разго-

ворахъ и обѣщались. А другіе всѣ иное помышляли, и какъ сами они къ собранію призыва не любили, такъ и всѣмъ ходить туда весьма не совѣтовали, прилежно внушая, что новая то хитрость верховниковъ и злое изобрѣтеніе, какъ бы имъ прочихъ или къ согласію затѣекъ своихъ сильно понудить, или противящихся себѣ вдругъ придавить. Въ тотъ же день нѣкая тайная носилась поговорка, будто изъ Курляндіи пришло письмо въ верховный совѣтъ, а когда сіи опаснѣйшіе оное услышали и паче тщились всѣхъ отъ повѣщеннаго собранія отводить, ибо они присматриваясь, тогда, каковымъ лицемъ являютъ себе верховники, примѣчали, что не только сами они, но и слуги ихъ по обычаю веселы и радостны были, и потому не было уже сомнительно, что ухищреніе верховниковъ удалось и Анна государыня ложнымъ якобы всего народа имянемъ сведена, на подложные ихъ договоры пристала. И сей многихъ догадъ непогрѣшителенъ былъ; но большая часть перемогла лучшую. Въ третій день февраля превеликое множество (по запискамъ герцога Лирійскаго 80 человѣкъ) къ назначенному мѣсту собралось, гдѣ когда ожидано, что таковое къ совѣтованію отъ верховниковъ произнесется; тогда они, указавъ молчаніе, повелѣли читать присланное изъ Курляндіи письмо и дѣломъ явилось сущее то, что опаснѣйшіе прорицали: было то посланіе императрицы Анны. Никого, почитай, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы таковая слушавъ не содрогнулся, и самый тіи, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики, шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ.» Не мужественнѣе другихъ былъ и самъ авторъ Правды воли монаршей, присутствовавшій въ описываемомъ имъ собраніи. Забывая неприкосновенность своего сана и значеніе

перваго члена синода, онъ также молчалъ и слѣдующимъ образомъ объяснялъ потомъ подобное поведеніе: «и нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. *И дивное было всѣхъ молчаніе!* Сами господа верховники тихо нѣчто одинъ другимъ нашептывали и остро глазами посматривая притворялись, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ нечаянной вещи, удивляются. Одинъ изъ нихъ только кн. Дм. Мих. Голицынъ часто похаркивалъ: видите, какъ милостива государыня! и какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала нашему отечеству благодѣяніе! Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ! Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де чего другаго говорить, только благодарить толь милосердной государынѣ. И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: не вѣдаю де и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать! то на его слова ни отъ кого отвѣта не было» [70]). Неизвѣстный голосъ изъ толпы, напоминавшій собою тѣ укоры, съ которыми бояре и другіе люди обратились къ Василію Шуйскому, обѣщавшему не дѣлать никому дурна по мимо земскаго собора, былъ на этотъ разъ единственнымъ протестомъ со стороны шляхетства. Верховники не добились своей цѣли, которую они имѣли въ виду, созывая это собраніе: думая возбудить пренія о предстоявшей перемѣнѣ, вмѣсто отзывовъ обсужденій предложеннаго вопроса и упорное молчаніе людей, видѣвшихъ, что власть переходитъ въ руки немногихъ. Одинъ только кн. Алексѣй Мих. Черкасскій, выдававшійся между шляхетствомъ по

своему огромному богатству, рѣшился возвысить голосъ отъ лица дворянъ, прося времени поразсудить о томъ свободнѣе: «и на то соизволили верховники, желая паче отпустить упрямыхъ и себя отъ страха свободить, нежели вмѣняя то въ пользу свою». Хуже случилось съ Ягужинскимъ, котораго Голицынъ просилъ объявить, что онъ думаетъ о статьяхъ, подписанныхъ императрицей. Ягужинскій смутился и не зналъ, что отвѣчать, а Голицынъ велѣлъ ему не выходить изъ дому, гдѣ было собраніе. Услышавъ такой приказъ, Ягужинскій поблѣднѣлъ. Голицынъ подозвалъ къ себѣ статсъ—секретаря Степанова, велѣлъ ему поговорить яснѣе съ генераломъ. Степановъ вывелъ Ягужинскаго въ ближнюю комнату, куда, спустя нѣсколько минутъ, пришелъ фельдмаршалъ Долгорукій съ маіоромъ гвардіи и отправили Ягужинскаго подъ строгій арестъ, о чемъ велѣно было объявить по всей арміи, что генералъ арестованъ за письмо въ Митаву, противное пользамъ отечества и службѣ ея величества; потомъ онъ былъ разжалованъ и лишенъ ордена св. Андрея. Вечеромъ взято было подъ арестъ еще до 30 человѣкъ изъ мелкаго шляхетства, знавшихъ о перепискѣ Ягужинскаго съ Анной Іоанновной. За однимъ дворяниномъ, успѣвшимъ выѣхать въ свою новгородскую деревню, за Воиномъ Корсаковымъ, послали солдатъ съ приказомъ взять его подъ караулъ [71]).

Уходя съ неудавшагося совѣщанія, архіереи «учали домогаться, чтобъ болѣе неотлагая, собраться и совершить благодарственное молебствіе, чему уже и не спорилъ никто. Но верховники забыли о напечатаніи новыхъ формулъ титула императрицы, и на эктеніи дьяконъ возгласилъ имя государыни съ полнымъ монаршимъ титломъ, съ самодержавіемъ; такія же титулованія разосланы были во всѣ концы Россіи. На другой день верховный совѣтъ издалъ мани-

фесть, въ которомъ, извѣщая о кончинѣ Петра II, объ избраніи общимъ желаніемъ и согласіемъ всего россійскаго народа Анны Іоанновны, о согласіи ея принять русскій престолъ, ничего не говорилъ о подписанныхъ ею кондиціяхъ. Но въ Москвѣ знали всѣ о томъ. Черкасскій, получившій позволеніе подумать вмѣстѣ съ другими о такомъ важномъ дѣлѣ былъ въ долгу у верховнаго совѣта. Шляхетству надо было обдумать свой отвѣтъ: «и съ онаго времени видѣть было», говоритъ Ѳеофанъ, «что всякого почитай чина и званія люди, яко бы дряхлы и задумчивы ходили и будто нѣчто глубоко размышляли. И неможно было иначе поступать, у кого здравый смыслъ и разумъ былъ! понеже хотя затѣйки верховныхъ господъ и не тайна были, однакоже никто не надѣялся, дабы они отважились такъ рабскіе и тѣсные владѣнія уставы на императрицу накинуть». А между тѣмъ Анна Іоанновна медленно подвигалась изъ Митавы къ столицѣ, гдѣ недоразумѣнія увеличивались все болѣе и болѣе [72]).

Шляхетство, вызванное совѣтомъ, приступило къ разсужденіямъ о лучшемъ образѣ правленія. Во время этихъ совѣщаній должны были выдвинуться впередъ люди со свѣдѣніями, по крайней мѣрѣ съ умѣньемъ изложить желанія своего кружка. Многіе, безъ сомнѣнія, не находили даже нужнымъ совѣщаться: возвращеніе къ неограниченному самодержавію не требовало въ ихъ глазахъ особенныхъ разсужденій. Другіе, болѣе внимательные къ тогдашнему управленію, приступили къ совѣщаніямъ. Въ одномъ изъ такихъ кружковъ дѣйствовалъ Татищевъ. Составленное имъ мнѣніе начиналось прямо словами объ избраніи верховниками новой императрицы, которое названо непорядочнымъ, какого отъ начала государства въ Руси не бывало: «а по закону естественному избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ чрезъ повѣрен-

ныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ учрежденъ, а не четыремъ или пяти человѣкомъ, какъ то нынѣ непорядочно учинено». Примѣръ нѣмецкой имперіи, гдѣ существуютъ девять курфирстовъ, избирающихъ императора, можетъ служить примѣромъ, какъ несогласіе уменьшаетъ силу государствъ; къ тому же у насъ не было и закона объ избраніи императрицы нѣсколькими лицами. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, народнаго протеста противъ избраннаго лица быть не можетъ; потому что народъ доволенъ персоною ея величества и никто не споритъ. Замѣчаніе же о неправильности выбора дѣлается только для будущихъ случаевъ. Но гораздо большее преступленіе верховниковъ состоитъ въ томъ: «что они дерзнули собою единовластительство отставить, и ввести аристократію, говорилъ Татищевъ своимъ товарищамъ, объявляя намъ ея величества письмо и пункты, якобы она сама по своей воли учинила, и принуждаютъ насъ, подъ образомъ слышанія, оное подписками утвердить, якобы мы ихъ той явной продерзости согласовали, и какъ они, то принужденіе закрывая, объявляютъ: если кто противъ онаго имѣетъ что представить, то бы имъ объявили. И какъ они самовольно власть себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ циновъ; то намъ должно и необходимо нужно съ прилежностію разсмотрѣть, и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, а паче опасаться, чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули.» Затѣмъ онъ приглашалъ приступить къ разсмотрѣнію четырехъ вопросовъ: по кончинѣ государя безнаслѣдственнаго, имѣетъ-ли кто надъ народомъ власть повелѣвать? Кто въ такомъ случаѣ можетъ каковъ законъ или обычай застарѣлый перемѣнить и новый учи-

нить? Ежели нужно намъ самовластное древнее правительство перемѣнить, то прежде разсудить, какое по состоянію народа и положенію за лучшее принять? Кому и какимъ порядкомъ оное учрежденіе сочинить?—Въ Правдѣ воли монаршей не говорилось кому принадлежитъ право избранія государя по смерти безнаслѣднаго и неназначившаго себѣ преемника; въ ней упоминалось лишь о томъ, что надо всякими правильными догадами доискиваться новаго государя. Татищевъ прямо говоритъ: «съ кончиною государя остаются равны вообще народы въ ихъ прежнемъ станѣ и никто ни надъ кѣмъ ни малѣйшей власти не имѣетъ; но чтобы нужная расправа и правленіе не пресѣклись, общенародіе уступаетъ имъ только ту власть, какову и по прежнимъ законамъ имѣли, а болѣе безъ точнаго опредѣленія отъ народа никакъ требовать не могутъ». Словомъ, верховники, по мнѣнію Татищева, не имѣли права на верховную власть надъ всѣмъ народомъ. Законодательная власть есть право самаго государя: «законы же хотя разнымъ повѣреннымъ сочинять позволяетъ, но безъ утвержденія его ни одинъ не дѣйствителенъ, для того всѣ законы отъ его имени происходятъ. Когда же государя нѣтъ, то и его позволенія быть, якоже и отъ его имени издать не можно, слѣдственно никакой законъ или порядокъ перемѣнить никто не можетъ, развѣ общее народное соизволеніе». Отнявъ у верховниковъ право измѣнять образъ правленія, Татищевъ перешелъ къ вопросу: да была ли необходимость въ томъ? и отвѣчалъ: «никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ». Доказательства тому онъ представилъ изъ разбора всѣхъ видовъ правленій, ему извѣстныхъ, правильныхъ и смѣшанныхъ. Всѣ они: монархія или единодержавіе, аристократія или избранныхъ правительство, демократія или общественное правленіе, не каждое всюду годны или полез-

ны, смотря по мѣсту, пространству и состоянію людей въ государствѣ. Въ отдѣльныхъ городахъ, въ небольшихъ областяхъ, гдѣ всѣмъ гражданамъ можно вскорѣ собраться, тамъ удобна демократія; въ болѣе обширныхъ, но замкнутыхъ, безопасныхъ отъ непріятельскихъ нападеній, областяхъ, каковы, напримѣръ, острова, можетъ быть полезна аристократія, особенно «если народъ ученіемъ просвѣщенъ и законы хранить безъ принужденія прилежитъ, тамъ такъ остраго смотрѣнія и жестокаго страха не требуется». Въ великихъ и пространныхъ государствахъ, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, и изъ благонравія, или познанія пользы и вреда, законъ хранитъ, тамъ необходимо само— или единодержавіе. Есть также смѣшанныя правленія: гдѣ подлѣ монархіи существуетъ власть аристократіи; гдѣ къ нимъ присоединяется и демократія; тамъ парламентъ, тамъ сенатъ, тамъ сеймъ, при нихъ палаты, гдѣ есть представители всѣхъ сословій. Въ важныхъ или затруднительныхъ случаяхъ, и въ аристократіи, и въ демократіи выбираются диктаторы, штатгальтеры съ властью неограниченною. Какой же изъ всѣхъ этихъ образовъ правленія идетъ къ Россіи? Демократія менѣе всего, по причинѣ огромнаго пространства государственной области. Противу аристократіи русской говорятъ всѣ историческія преданія и примѣры положительнаго вреда отъ нея; всѣмъ успѣхомъ своимъ Россія обязана монархіи. Отъ Рюрика до Мстислава Великаго было совершенное единовластительство; и границы Россіи распространились по Дунай, Бугъ, Вислу, Нѣманъ; науками народъ довольно былъ просвѣщенъ; торгами довольно богатился; войнами былъ страшенъ сосѣдямъ, которые искали его дружбы. Настали времена удѣловъ, съ аристократическимъ оттѣнкомъ, все пошло иначе; съ одной стороны

безсиліе великихъ князей, съ другой—владычество Литвы и Татаръ. Іоаннъ Великій осмѣлился аристократію истребить; новая монархія низвергнула иго татарское, возвратила отъ Литвы многія потерянныя области. Такъ было до смерти Годунова. Въ смутную эпоху начались новыя безпутства; взяли запись, которою всю власть, у государя отнявъ, себѣ похитили, какъ теперь верховники. Слѣдствіемъ было разореніе государства. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всѣ были рады покою. Болѣе самовластный Алексѣй Михайловичъ возвратилъ отъ Польши немало областей. «Петръ Великій все оное усугубилъ и большую, нежели его предки, себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользу принесъ, какъ то весь свѣтъ засвидѣтельствовать можетъ, колико самовластное правительство у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны. Не видѣли ль мы, какъ при самовластномъ, но молодомъ и отъ правленія внутренняго удалившемся, монархѣ, великую власть имѣющіе: Мазепа дѣйствительно, а Гагаринъ намѣреніемъ, подданства отложиться дерзнули». Но на разсужденія Татищева, о необходимости и пользѣ для Россіи самодержавной монархіи, слышались возраженія. Говорили: дать великую власть надъ всѣмъ народомъ одному человѣку не безопасно; потому что «какъ бы мужъ справедливъ, кротокъ и прилеженъ не былъ, безпогрѣшенъ же и во всемъ достаточенъ быть не можетъ; коль паче когда страстямъ своимъ дастъ волю, то нужно наглымъ, неправымъ насиліямъ и губленіямъ неповинныхъ происходить. Когда онъ изберетъ во временщики кого, то оный равно самовластенъ и еще изъ зависти болѣе другихъ губитъ, особливо если подлородный или иноземецъ, то наипаче знатныхъ и заслужившихъ государству ненавидитъ, гонитъ и губитъ, и себѣ несытно имѣнія собираетъ. Вымышленная свирѣпымъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ тайная канцелярія въ стыдъ и по-

ношеніе предъ благоразсудными народами, а государству разореніе: ибо за едино неосторожно сказанное слово пытаютъ, казнятъ и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ». Противъ преобладанія личныхъ страстей въ государѣ, противъ притѣснительныхъ дѣйствій временщиковъ и противу жестокостей тайной канцеляріи направлены были возраженія, высказанныя по поводу сдѣланнаго Татищевымъ предложенія. Эти замѣчанія касались только нѣкоторыхъ сторонъ татищевскаго мнѣнія: оно не исчерпывалось ими вполнѣ. И Татищеву надо было отвѣчать на указанныя опасенія или указаніемъ тѣхъ недостатковъ, которые могли быть принесены въ тогдашней Россіи усиленіемъ аристократіи, или ослабить силу возраженій. Онъ уже говорилъ, почему считаетъ русскую аристократію неспособною стоять во главѣ государственнаго управленія. Выслушанныя имъ замѣчанія могли лишь утвердить его въ этой мысли: они проникнуты были опасеніями людей наипаче знатныхъ; а впереди, предъ глазами всѣхъ, было правленіе олигархіи, въ лицѣ верховнаго тайнаго совѣта. Оставалось отвѣчать прямо на только что заявленныя сомнѣнія. Татищевъ отвѣчалъ на первое изъ нихъ обычнымъ въ древней Россіи сравненіемъ государя съ домовладыкой, отцемъ семьи; представилъ примѣръ шляхтича, безумно домъ свой разоряющаго, вслѣдствіе чего никто однако не сниметъ воли со всего шляхетства въ правленіи и не положитъ онаго на холопей! «Если же такой несмысленный государь случится, что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производитъ; то можно принять за наказаніе божіе». На второе возраженіе Татищевъ отвѣчалъ тѣмъ, что временщики были въ Россіи и неистовые, и благоразумные: въ примѣръ первыхъ привелъ Скуратова, Басманова, Милославскаго, Меншикова и Толстаго; ко вторымъ отнесъ—Мстиславскаго, Ро-

манова, Шуйскаго, Морозова, Стрѣшнева, Богдана Хитрова, Языкова и кн. Вас. Вас. Голицына. О тайной канцеляріи замѣтилъ вскользь, что если человѣку благочестивому поручится, то мало вредна; а злостные и нечестивые, не долго тѣмъ наслаждаясь, сами исчезаютъ. Но и возраженія, и отвѣты на нихъ имѣли въ виду злыя событія изъ прежней жизни. Оставимъ прошедшее, говорилъ Татищевъ, и займемся настоящимъ: «о государынѣ императрицѣ, хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожь какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче же ей знанія законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить». Вниманіе шляхетства обращалось такимъ образомъ на вопросъ, поднятый верховнымъ тайнымъ совѣтомъ.

Много разсуждало шляхетство объ условіяхъ, предложенныхъ императрицѣ верховниками, и рѣшилось съ своей стороны поднести слѣдующія (ихъ писалъ Татищевъ): 1) чтобъ для высшаго государственнаго управленія при императрицѣ находился сенатъ изъ 21 члена, въ число которыхъ войдутъ и верховники; 2) а чтобы высшее правительство или сенатъ не былъ обремененъ дѣлами внутренней экономіи, для того надо устроить другое нижнее правительство изъ 100 человѣкъ, которые бы дѣлились на три части и каждая изъ этихъ частей занималась разсмотрѣніемъ важныхъ дѣлъ по третямъ года; а въ случаяхъ чрезвычайныхъ, каковы война или кончина государя, съѣзжаться всѣмъ по повѣсткѣ и имѣть общее собраніе въ продолженіе одного мѣсяца; 3) замѣщать мѣста сенаторовъ, президентовъ, вице-президентовъ коллегій, губернаторовъ и вице-губернаторовъ въ губерніяхъ, посредствомъ балотированія въ сенатѣ и низшемъ

правительствѣ, а главныхъ командировъ въ войскахъ — посредствомъ балотировки генералами военными. Въ этомъ условіи опредѣленъ былъ и порядокъ балотировки, при которомъ можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, не смотря на высокородство, откуда много негодныхъ въ чины производятъ. — 4) Относительно изданія новыхъ законовъ руководиться такимъ правиломъ: какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ семь дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи высшему правительству объявили и, по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству къ утвержденію представили. 5) Двумъ членамъ одной и той же фамиліи не быть въ сенатѣ, или въ высшемъ правительствѣ; а въ низшемъ и коллегіяхъ не допускать только близкихъ сродниковъ. 6) Въ тайной канцеляріи вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ государыни правителемъ засѣдать помѣсячно присылаемымъ изъ сената двумъ членамъ; а чтобъ, при арестѣ кого-бы то ни было, тайная канцелярія не касалась пожитковъ, то для того брать всегда отъ полиціи по одному знатному человѣку. 7) Относительно шляхетства соблюдать слѣдующія условія: устроить во всѣхъ городахъ потребныя для него училища, опредѣляя на то извѣстные доходы и дома; людей моложе восемнадцати лѣтъ, не принуждать къ службѣ, и не заставлять служить въ войскѣ болѣе двадцати лѣтъ; въ матросы и ремесла не писать; составить роспись шляхетству и всѣмъ, владѣющимъ деревнями, изъ какого бы числа ни были они. 8) Разсмотрѣть доходы духовенства; бѣдному, деревенскому духовенству дать возможность содержать дѣтей въ училищахъ и самимъ не пахать; а у которыхъ есть избытки (разумѣлись, вѣроятно, монастыри и высшее черное духовенство), оные на

полезные Богу и государству дѣла употребить. 9) Купечество, сколько возможно, отъ постоевъ уволить, отъ утѣсненія избавить, и дать ему средства къ умноженію мануфактуръ и торговли. Наконецъ 10) пункты о наслѣдствѣ оставить, а сочинить о томъ достойный законъ на основаніи уложенія [73]). Представивъ верховникамъ эти условія за подписью 293 человѣкъ, кн. Черкасскій отъ лица шляхетства просилъ немедленно приступить къ разсмотрѣнію ихъ, пригласивъ къ тому выбранныхъ изъ среды дворянъ сто депутатовъ. Но на другой день генералъ Матюшкинъ подалъ другое мнѣніе, подписанное 96 дворянами, которые предоставляли право рѣшить возникшій вопросъ одному верховному совѣту. Тогда, спустя четыре дня, явилось третье мнѣніе, принявшее почти всѣ условія Татищевскаго предложенія, но оставлявшее подлѣ сената и сточленнаго правительства и верховный тайный совѣтъ. Это мнѣніе, старавшееся помирить обѣ крайнія партіи, принадлежало князю Куракину и подписано было только 15 дворянами. Въ немъ заявлено было также желаніе не переносить столицы и резиденціи изъ Москвы. Но попытка Куракина не удалась: верховники объявили, что право все устроить принадлежитъ государынѣ и безъ ея согласія ничего сдѣлать нельзя [74]).

Пока время безполезно проходило въ такихъ спорахъ, пока верховный тайный совѣтъ разрушалъ одной рукой то, что думалъ создать другою, Анна Іоанновна все ближе и ближе подвигалась къ Москвѣ въ сопровожденіи одного изъ верховниковъ, кн. Василья Лукича Долгорукова. Недоѣзжая до Москвы, она встрѣчена была въ селѣ Чашникахъ тремя сенаторами и тремя членами синода. Чтобъ выѣхать за московскую заставу, депутаты эти должны были взять паспорты отъ верховниковъ. Когда они представлялись государынѣ, то кн. Долгорукій «весьма прилежно на глаза ихъ

и на руки, и отъ головы до ногъ присматривался, и на вся ихъ движенія и именованія остро наблюдалъ. Толико, сирѣчь, трусливо и опасно было оное властолюбивое шатаніе!» замѣчаетъ Прокоповичъ, бывшій въ числѣ депутатовъ. 21 февраля во Всесвятскомъ Анну Іоанновну встрѣтили сестры ея: Екатерина и Прасковья. На другой день назначено было погребеніе тѣла Петра II; на третій посланы были къ иностраннымъ дворамъ извѣстія о вступленіи на престолъ новой императрицы. Во Всесвятское явился къ ней караулъ изъ батальона преображенскаго полка и отрядъ кавалергардовъ. Анна Іоанновна объявила имъ, что принимаетъ, подобно своимъ предшественникамъ, званіе полковника первыхъ и капитана вторыхъ. «Всѣ офицеры», пишетъ герцогъ Лирійскій, «пришли въ восторгъ отъ этихъ словъ и бросились цѣловать руки новаго своего полковника, ороая ихъ слезами.... Но такая рѣшимость поразила всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ видѣть ее самодержавною, потому что въ числѣ многихъ другихъ замысловъ было и то, чтобы царица не имѣла никакой власти надъ гвардіей; но когда она сдѣлала это, то всѣ замолкли и стали даже хвалить ея поступокъ». 25 февраля во Всесвятское явилась депутація отъ верховнаго тайнаго совѣта, сената, генералитета, и дворянства съ поздравленіями. Князь Голицынъ говорилъ рѣчь отъ лица всѣхъ и просилъ ея величество удостоить принятіемъ ордена св. Андрея и быть гросмейстеромъ его, по примѣру своихъ предшественниковъ. Анна Іоанновна приняла это милостиво. А между тѣмъ пока верховники и знатныя лица находились во Всесвятскомъ, въ столицѣ ходило по рукамъ дворянъ прошеніе къ императрицѣ о дозволеніи разсмотрѣть всѣ мнѣнія, поданныя различными кружками въ совѣтъ и прикладывались къ нему подписи шляхетства [75]). А на другой день императрица имѣла торже-

ственный въѣздъ въ Москву. Когда Анна Іоанновна поселилась во дворцѣ, то у самыхъ дверей ея комнатъ, занялъ другія свѣтлицы все тотъ же кн. Долгорукій, сопровождавшій ее отъ самой Митавы, такъ что никто не могъ пройти къ императрицѣ безъ его позволенія; кого и допускалъ къ ней, за тѣмъ самъ вхаживалъ и «никто отнюдь, даже сестры ея невольны были, что ни есть поговорить, развѣ присутствующу и слышащу ему». На другой день торжественнаго въѣзда, назначена была присяга; въ городѣ ходили слухи, что верховники напечатали новую форму ея, исключивъ многія рѣчи, служащія самодержавію. Вся кремлевская площадь уставлена была войсками. Нѣкоторые изъ шляхетства, собравшагося въ палатѣ, стали спорить противу новой присяги, а Ѳеофанъ Прокоповичъ «увѣщательную рѣчь имѣлъ, ясно показуя, что великое весьма дѣло есть присяга и вѣчное наводитъ бѣдство, если кто присягаетъ на то, что противно совѣсти, или чего и самъ не хощетъ или не вѣдаетъ, и для того настоялъ, чтобы синодъ отъ верховнаго совѣта новосоставленной, какъ слышно, присяжной формы первѣе требовалъ, чтобъ знать, что въ ней содержится». Но верховники прислали сказать, что они въ церкви и ждутъ духовенства. Ѳеофанъ совѣтовалъ не ходить туда, но какъ увидѣлъ, что всѣ идутъ, будто некоею силою влекомы, и самъ за ними пошелъ. Верховники ласково просили, чтобъ прежде всѣхъ присягали духовные. Ѳеофанъ на это опять сталъ говорить о важности присяги: увѣщевалъ же всѣхъ, чтобъ никто безразсудно присягать не торопился и сталъ домогаться, чтобъ прежде форма всѣмъ вслухъ съ амвона прочтена была, чтобъ всѣ могли знать: на что присягать слѣдуетъ. Голицынъ заспорилъ противъ такого требованія; но другіе согласились: «да и тутъ вещица весьма чудная приключилась», говоритъ подозрительный Ѳеофанъ, «когда

велѣно секретарю взыти на амвонъ и форму присяжную прочесть, ни у него, ни у другихъ не было формулы, которой многія тысячи напечатаны! Изъ сего можно видѣть, что факція оная все торопко и непорядочно дѣлала, и въ затѣйкахъ своихъ больше имѣла страха, нежели упованія». Всѣ присутствовавшіе дрожали отъ страха, боясь услышать въ присягѣ подлѣ имени императрицы имена верховниковъ: но вмѣсто послѣднихъ упомянуто было объ отечествѣ. Поразсудивъ, что такая формула верховникамъ не къ пользѣ и впредь никакому намѣренію помѣшать не можетъ, всѣ приговорили принять ее. Такая формула мирила всѣ партіи: отечество покрывало собою всѣ сословія. Но люди подозрительные, подобно Ѳеофану, продолжали думать, что у верховниковъ была другая присяга, болѣе для нихъ выгодная, которую принести въ соборъ они не посмѣли. Были и такіе, что даже въ той, по которой совершена была присяга, искали какого-то таинства, «самимъ только творившимъ ее вѣдомаго, а прочимъ непостижимаго». Смущались радостію верховниковъ, думая, что напротивъ они были побѣждены и должны бы печалиться; называли кн. Василья Лукича «какъ бы нѣкимъ дракономъ, стрегущимъ императрицу неприступною, и что она безъ воли его ни въ чемъ невольна, и неизвѣстно жива-ли, а если жива, то насилу дышитъ, и что оные тираны имѣютъ ее за тѣнь государыни, а между тѣмъ злѣйшіе промышляютъ, чего другимъ и догадываться нельзя». Вражда и взаимная подозрительность верховниковъ и шляхетства разгоралась все съ большею и большею силою. Партія противниковъ олигархическимъ замысламъ росла съ каждымъ днемъ, историческія воспоминанія и привычки шли ей на помощь. Англійскій резидентъ Рондо писалъ по поводу этого: «такъ какъ здѣсь издавна обыкли повиноваться неограниченному государю, то никто и не мо-

жетъ составить себѣ идеи о правленіи ограниченномъ. Высшее дворянство хотѣло бы сосредоточить весь авторитетъ въ своихъ рукахъ; а меньшее дворянство и простые чиновники не хотятъ того, предпочитая имѣть одного господина, нежели нѣсколькихъ. Вотъ почему одни предвѣщаютъ великія перемѣны, а другіе, съ большимъ вѣроятіемъ, утверждаютъ, что не будетъ никакихъ перемѣнъ» [76]). Сами верховники начинали терять храбрость. Одинъ кн. Голицынъ болѣе другихъ преданный своей мысли, надѣялся еще помирить партіи. Такъ онъ думалъ сблизиться съ Черкасскимъ, которому не умъ, не способности, но огромное состояніе и родственныя связи съ Трубецкими, Нарышкиными, Салтыковыми, давали немалое значеніе между шляхетствомъ; но трудно было сойтись человѣку предпріимчивому, дѣятельному, твердаго характера и большой начитанности съ человѣкомъ безхарактернымъ, не далекимъ, безъ всякого образованія. Поѣхалъ Голицынъ къ Остерману навѣстить его какъ больнаго и, къ крайнему своему смущенію, нашелъ его здоровымъ и интригующимъ противъ товарищей своихъ по верховному совѣту. Предлагалъ Голицынъ свободу Ягужинскому, если тотъ согласится дѣйствовать на дворянство въ смыслѣ перемѣны, задуманной верховнымъ совѣтомъ; но прямой и откровенный Ягужинскій отказалъ ему въ томъ и еще потребовалъ торжественнаго удовлетворенія за нанесенное ему публично оскорбленіе. Столько же безуспѣшны были попытки Голицына сойтись съ другими лицами, принадлежавшими къ партіи шляхетства; здѣсь онъ встрѣтился съ вліяніемъ духовенства, помириться съ которымъ ему было труднѣе, нежели видѣть неудачу своихъ замысловъ. Труды Голицына гибли. Противники втихомолку подымали голову. Все шло противъ замысловъ верховниковъ, забывъ о прежнихъ своихъ намѣреніяхъ создать об

щія изъ представителей всѣхъ сословій учрежденія для совѣщаній о государственномъ управленіи. Родственники и родственницы Анны Іоанновны вошли въ сношенія съ партіей шляхетства. Трубецкой, штатсъ-дама Салтыкова, герцогиня Мекленбургская, Остерманъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ руководили дѣйствіями этой партіи, которой надо было въ свою очередь войти въ сношенія съ императрицей. Дворцовый аргусъ, кн. Долгорукій былъ обойденъ помощію хитрости. Салтыкова разъѣзжала каждую ночь по домамъ знатныхъ, развѣдывала мысли шляхетства, справлялась о томъ, какъ подвигались впередъ ихъ замыслы, а каждое утро къ Аннѣ Іоанновнѣ приносили сына Бирона, которому клали за пазуху записки объ успѣхѣ дѣла; императрица, относя ребенка въ свою спальню, прочитывала эти записки. Жена Остермана также ежедневно бывала во дворцѣ и передавала Аннѣ Іоанновнѣ совѣты своего мужа. Между тѣмъ въ домахъ Черкасскаго, Трубецкаго, Борятинскаго и сенатора Новосильцева сходилось дворянство, ободряемое внушеніями, шедшими чрезъ Салтыкову. Всѣ эти переговоры кончились тѣмъ, что шляхетство рѣшилось подать императрицѣ свое прошеніе, составленное еще прежде. Собрано было до 260 подписей. Ѳеофанъ Прокоповичъ подаркомъ Аннѣ Іоанновнѣ столовыхъ часовъ, подъ доскою которыхъ положенъ былъ планъ, объяснявшій императрицѣ, какъ должно дѣйствовать въ рѣшительную минуту, завершилъ все дѣло. Шляхетство, отслуживъ утромъ молебенъ, большою толпою отправилось ко дворцу. Верховники, узнавъ о намѣреніяхъ депутаціи, хотѣли арестовать кн. Черкасскаго, но опоздали. Черкасскій явился во дворецъ, сопровождаемый толпою дворянъ, и просилъ аудіенціи у императрицы. Князь Василій Лукичъ Долгорукій, сторожившій Анну Іоанновну, сталъ просить ее прилежно, чтобъ она не допускала ихъ къ себѣ, говоря,

что верховный совѣтъ самъ возвратитъ ей самовластіе. Но было уже поздно: Анна Іоанновна велѣла впустить депутацію. Тогда Долгорукій бросился въ комнаты, гдѣ находилось дворянство, и потребовалъ у нихъ челобитную, обѣщая подать ее въ руки государыни. Тѣ стали вопить и Долгорукій ушелъ назадъ. Императрица сама вышла къ депутаціи. Старшій Трубецкой поднесъ ей прошеніе, которое Анна Іоанновна велѣла прочесть. Трубецкой передалъ Татищеву и тотъ прочелъ: «Всевысочайшая и всемилостивѣйшая государыня императрица! хотя ваше императорское величество возсѣли на престолъ Россіи по волѣ высочайшаго царя царей и по желанію всего народа; но вашему императорскому величеству угодно было подписать условія, предложенныя верховнымъ совѣтомъ, чѣмъ засвидѣтельствовали ваше благоволеніе къ сему государству. Мы приносимъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйшую благодарность за такую великую милость и не только мы, но и дѣти наши, будемъ навсегда обязаны хранить искреннюю признательность и чтить имя вашего величества. Но не смотря на то, всемилостивѣйшая государыня, въ сказанныхъ условіяхъ находятся нѣкоторыя статьи, заставляющія народъ вашъ опасаться бѣдственныхъ на будущее время происшествій, изъ чего враги нашего отечества могутъ извлечь для себя величайшую пользу. Разсмотрѣвъ внимательно условія, мы изложили на письмѣ мнѣнія наши и съ должнымъ почтеніемъ представили ихъ верховному тайному совѣту на разсмотрѣніе, прося, чтобъ для блага и спокойствія всей имперіи, была установлена, по большинству голосовъ, форма правленія и надежная и твердая. Но верховный тайный совѣтъ не только не разсмотрѣлъ представленныхъ отъ насъ различныхъ предположеній, но объявилъ намъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія вашего императорскаго ве-

личества. Почему, зная врожденное вашего императорскаго величества милосердіе и желаніе удостовѣрить всю имперію въ своемъ благорасположеніи, мы осмѣливаемся, съ глубочайшимъ почтеніемъ, просить вашего соизволенія, чтобы представленныя нами различныя мнѣнія были разсмотрѣны генералитетомъ и дворянствомъ, назначивъ для сего по одному или по два человѣка изъ каждой фамиліи, и чтобъ по обсужденіи всѣхъ статей, была установлена такая форма правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ и послѣ сего будетъ представлена вашему императорскому величеству на благоразсмотрѣніе. Обѣщаемъ вашему величеству всевозможную вѣрность и употребимъ всѣ усилія для утвержденія благоденствія вашего, почитая васъ, какъ мать отечества, и хотя это прошеніе подписано не всѣми, ибо мы боимся собираться во множествѣ для подписанія онаго; однакожь большая часть вашего дворянства изъявила на то свое согласіе, въ доказательство чего многіе уже подписали вышеупомянутыя мнѣнія» [77]). Изъ за чего хлопоталъ верховный совѣтъ, недопуская шляхетство до императрицы? Отчего шляхетство избрало такой странный путь довести до свѣдѣнія Анны Іоанновны свои проекты, поданные имъ до ея пріѣзда верховникамъ? Зачѣмъ верховники, объявивъ прежде, что разсмотрѣніе мнѣній шляхетства надо предоставить самой императрицѣ, потомъ не сдѣлали этого? Такіе и много подобныхъ вопросовъ можно было бы предложить, еслибъ была хотя малѣйшая возможность сомнѣваться, что подача шляхетствомъ мнѣній своихъ въ совѣтъ вызвана была только желаніемъ выиграть время, а отговорка верховниковъ—желаніемъ отдѣлаться отъ навязчивости шляхетства и порѣшить весь вопросъ интригою. Прямо, не скрывая своихъ намѣреній, дѣйствовали только Дм. М. Голицынъ, Ѳеофанъ и Татищевъ, державшійся благоразумной

средины между этими представителями двухъ крайнихъ направленій. Написавъ прежде произвольное мнѣніе и высказавъ въ немъ свои политическія убѣжденія и желанія, Татищевъ прочелъ теперь адресъ отъ лица дворянства, давшій знать императрицѣ о существованіи проектовъ. Шляхетство просило права разсуждать, до чего не допустили верховники. Императрицѣ оставалось исполнить желаніе шляхетства. Но верховники обратились къ ней съ приглашеніемъ войти въ кабинетъ для совѣщанія. Анна Іоанновна колебалась. Тогда сестра ея, Мекленбургская герцогиня, возразила, что тутъ разсуждать не о чемъ, а надо подписать. Въ залѣ поднялся сильный шумъ. Кто зашумѣлъ: верховники-ли, угрожая шляхетству, такъ неожиданно для нихъ ворвавшемуся во дворецъ, шляхетство-ли, ропща на насиліе верховниковъ,—современники не говорятъ. По всей вѣроятности, было и то, и другое: повторялось новгородское вѣче на Ярославлѣ дворѣ, гдѣ житые люди препирались съ посадникомъ и другими чиновниками предъ лицемъ избраннаго ими князя. Но тотчасъ же обнаружилось и знаменіе новаго времени: Анна Іоанновна подозвала къ себѣ дежурнаго капитана и сказала ему, что, находясь не въ безопасности, приказываетъ ему повиноваться только генералъ-лейтенанту Салтыкову, служившему подполковникомъ въ гвардіи и находившемуся съ нею въ родствѣ. Затѣмъ, взявъ перо, подписала на прошеніи дворянства: «учинить по сему», и допустила всѣхъ къ рукѣ, послѣ чего депутація удалилась въ другую комнату, получивъ такимъ образомъ дозволеніе разсуждать о лучшемъ образѣ правленія. Наступала минута отдать предпочтеніе тому или другому изъ представленныхъ проектовъ: но депутаты, послѣ краткаго совѣщанія, единогласно рѣшили облечь императрицу прежнею самодержавною властію. Уговорившись въ томъ, они

просили новой аудіенціи. Государыня назначила ее послѣ полудня и удержала за своимъ обѣдомъ всѣхъ верховниковъ. Тѣ повиновались, не смѣя рѣшиться ни на что другое, «къ собственному ихъ счастію», замѣчаетъ Маньянъ, «ибо при первомъ движеніи ихъ, гвардейцы готовы были выкинуть ихъ за окно». Пока Анна Іоанновна трактовала за столомъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, шляхетство написало новый адресъ, возстановлявшій старинное самодержавіе, который и былъ прочтенъ во вторую аудіенцію, но уже не историкомъ Татищевымъ, а сатирикомъ кн. Кантеміромъ: «Высочайшая и всемилостивѣйшая государыня! вашему императорскому величеству угодно было для величайшаго блага отечества, подписать наше прошеніе, и мы не находимъ словъ для выраженія вашему величеству благодарности нашей за такой знакъ высочайшаго благоволенія. Обязанность наша, какъ вѣрныхъ подданныхъ вашего императорскаго величества, требуетъ насъ не оставаться неблагодарными. И потому мы являемся снова предъ ваше величество, для изъявленія нашей признательности и всемилостивѣйше просимъ васъ соизволить принять самодержавіе, съ которымъ царствовали ваши предшественники, уничтожить условія, присланныя вашему величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта и подписанныя вами. Всеподданнѣйше просимъ ваше императорское величество соизволить, вмѣсто верховнаго тайнаго совѣта и высокаго сената учредить правительствующій сенатъ такъ, какъ онъ былъ учрежденъ Петромъ I, дядею вашего величества, составивъ его изъ 21 члена, и чтобъ теперь и впередъ, убылыя мѣста въ этомъ правительствующемъ сенатѣ, также губернаторы, вицегубернаторы и президенты въ коллегіяхъ были замѣщаемы людьми, избираемыми дворянствомъ по жребію, какъ-то было установлено Петромъ первымъ. Всеподданнѣйше просимъ, чтобъ

ваше величество, вслѣдствіе того, что подписать изволили, благоволили теперь же составить правленіе такъ, какъ оно должно быть на будущее время. Наконецъ мы надѣемся быть счастливыми при новой формѣ правленія и при уменьшеніи налоговъ» [78]). Анна Іоанновна, повидимому, совсѣмъ неожидавшая такого быстраго перехода отъ первой просьбы, гдѣ высказывалось ясное желаніе обсудить необходимыя реформы въ правленіи, къ надеждѣ, что такія преобразованія исполнитъ она сама, хотѣла поклономъ выразить шляхетству свое удовольствіе; но штатсъ-дама Салтыкова удержала ее за платье. Тогда государыня обратилась къ верховникамъ съ вопросомъ: «такъ не было желанія народа, чтобъ я подписала условія, представленныя мнѣ въ Митавѣ? стало быть ты обманулъ меня, князь Василій Лукичъ?» спросила подписанныя ею кондиціи, немедленно передала Головкину и тотъ разорвалъ ихъ. «Государство Россійское», продолжала Анна Іоанновна, «издавна управлялось самодержавно, и я вступаю въ тѣ же права, которыми пользовались мои предки, по преемству отъ которыхъ и по избранію, какъ утверждалъ верховный совѣтъ, вступила я на престолъ и всякій, противящійся моей волѣ, будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ». Такъ избирательная монархія сливалась въ лицѣ Анны Іоанновны съ наслѣдственною; и ученіе, развитое Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ Правдѣ воли монаршей, и прошенія шляхетства были удовлетворены: верховники проиграли свое дѣло. Въ отвѣтъ на слова императрицы «воскликнуло все предстоящихъ множество, зѣло ея величеству благодарствуя, и кланяясь; были же при томъ нѣкоторые и отъ верховниковъ и когда просители оные благодаря кланялись, тогда и сіи поклонились, кое дѣйствіе ихъ, понеже паче всякого чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣха матерію» [79]). Кланялась

Анна Іоанновна, кланялось шляхетство, кланялись верховники; одинъ кн. Дм. М. Голицинъ, до конца оставшійся вѣрнымъ своимъ замысламъ, говорилъ: «Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны: я знаю, что бѣда обрушится на мою голову; что нужды — я пострадаю за отечество. Я старъ и смерть мнѣ нестрашна; но тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, пострадаютъ еще болѣе» [80]).

На другой день вся Москва была иллюминована; а спустя еще четыре дня, Маньянъ писалъ къ своему двору: «Теперь все покойно, императрица очень весела и очень довольна». Сенатъ былъ возстановленъ. Вскорѣ пріѣхалъ Биронъ. Въ апрѣлѣ Анна Іоанновна короновалась. Татищевъ былъ оберъ-церемоніймейстеромъ при этомъ торжествѣ: ѣздилъ съ объявленіемъ о днѣ коронованія къ принцессамъ императорскаго дома; участвовалъ въ перенесеніи регалій изъ дворцовыхъ палатъ въ соборъ; управлялъ, вмѣстѣ съ другими, ходомъ самой церемоніи. Ѳеофанъ Прокоповичъ говорилъ рѣчь, въ которой упоминалъ о неудавшихся замыслахъ верховниковъ [81]). Награды сыпались щедрою рукою на людей, принадлежавшихъ къ партіи шляхетства; но имя Татищева не встрѣчается въ числѣ награжденныхъ. Три года прослужилъ онъ еще въ монетной конторѣ и потомъ посланъ былъ на Уралъ управлять тамошними горными заводами.

ГЛАВА III.

Сибирскіе горные заводы и Оренбургская экспедиція.

Въ тѣ 10 лѣтъ (1724—1733), которыя Татищевъ провелъ въ Швеціи, Москвѣ и Петербургѣ, горное дѣло, благодаря знаніямъ и дѣятельности де-Геннина, льготамъ и богатству, которыми располагали Демидовы и Строгановы, развилось въ значительной степени. Рудоискатели перешли черту прежняго горнаго округа: Соликамскъ и Кунгуръ на западѣ, Верхотурье и Екатеринбургъ на востокѣ, перестали быть крайними предѣлами горнозаводской промышленности. Съ одной стороны сдѣланы были успѣшныя попытки разработывать руду въ Алтайскихъ горахъ, съ другой явились заводы близъ Вятки и Казани; наконецъ промышленники пробовали идти далѣе на югъ отъ Екатеринбурга, заглядывать въ земли Башкирцевъ и, не смотря на противодѣйствіе со стороны послѣднихъ, богатства средняго Урала болѣе и болѣе разоблачались передъ русскими. Екатеринбургъ, построенный на удачно выбранной мѣстности, служившей водораздѣломъ Обской и Камской системъ, сдѣлался вполнѣ центромъ горнаго управленія. Отъ его оберъ-бергъамта зависѣли всѣ сибирскіе, уральскіе и пермскіе заводы,

ихъ управители, мастеровые люди и приписные крестьяне. Всѣхъ заводовъ къ 1734 году считалось: казенныхъ—одиннадцать, Демидовыхъ—четырнадцать, въ томъ числѣ Колывано-Воскресенскій, на которомъ добывалось серебро, одинъ Строгановыхъ, одинъ Осокиныхъ въ кунгурскомъ уѣздѣ, одинъ Турчаниновыхъ въ соликамскомъ, одинъ Тряпицына въ вятскомъ и Саралинскій въ казанскомъ. Увеличилось и самое населеніе края вновь переселенными въ него крестьянами и бѣжавшими изъ сосѣднихъ губерній людьми всякаго состоянія. Горы, какъ цѣль розысканій, потеряли свое прежнее значеніе преградъ между землями, прилегавшими къ нимъ; рѣки, издавна служившія почти единственными путями сообщенія, покрылись пристанями, къ которымъ свозилось металлическое богатство, и еще тѣснѣе связали Сибирь съ Россіей. Общій характеръ края сталъ знакомѣе его рабочему люду. Правда рудоискатели мало обращали вниманія на природу, среди которой кипѣла ихъ дѣятельность. Они знали только, что горный кряжъ, идущій изнутри Башкиріи до самаго Верхотурья состоитъ изъ горъ не очень дикихъ, прикрытыхъ черноземомъ, хорошими травами и лѣсомъ; что кряжъ, уходившій на сѣверъ отъ Верхотурья, гдѣ замѣтнѣе другихъ вершинъ были Косвинскій и Павдинскій камни, состоялъ изъ горъ чрезъ мѣру высокихъ, голыхъ и дикихъ, отчасти поросшихъ мхомъ, отчасти малымъ лѣсомъ; что всѣ рѣки, бѣгущія изъ Каменнаго пояса въ полуденную сторону, прошли въ Сибирь, а текущія на полночь, ушли въ Русь, что въ первыхъ нѣтъ ни раковъ, ни форели, а во вторыхъ и тѣ и другія водятся. Но за то они хорошо знали мѣста, гдѣ находились рудныя гнѣзда, знали средства добывать и плавить руду. Кромѣ мѣди и желѣза, средній Уралъ давалъ извѣстковый камень, который примѣшивали въ желѣзную руду для лучшей плавки изъ нея чу-

гуна и еще твердый камень, который употребляли на горны, доменныя и плавильныя печи; близь Екатеринбуга находили желтоватый и черноватый топазъ, черный мраморъ съ бѣлыми жилками, горный хрусталь съ краснымъ, лазоревымъ и желтымъ отливами, камень наждакъ, кровавикъ и каменную кудель; пробовали искать мамонтовыя и слоновыя кости, курьозы, натураліи и разные антиквитеты [82]). Вообще горныя работы на всемъ пространствѣ, гдѣ открыты были рудники и при нихъ заводы, шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ административная часть; счетная сторона дѣла была еще слабѣе, нежели административная: и это послѣднее обстоятельство было одною изъ причинъ удаленія де-Геннина отъ управленія сибирскими заводами. Увлекаясь своими спеціальными занятіями, онъ не любилъ никакого административнаго стѣсненія, шло-ли оно отъ коллегіи, отъ воеводъ, или отъ счетнаго контроля. Привыкнувъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ Петромъ Великимъ, у котораго просилъ себѣ воли въ горномъ дѣлѣ, де-Геннинъ не могъ потомъ помириться съ мыслію о подчиненности какой-нибудь коллегіи или конторѣ, члены которой, живя вдали отъ горнаго края, смотрѣли лишь на результаты заводческой дѣятельности и ничего не хотѣли знать о препятствіяхъ, неизбѣжныхъ на первыхъ порахъ для всякой промышленности. А между тѣмъ очень немногіе изъ казенныхъ заводовъ могли покрывать издержки, которыхъ стоило ихъ построеніе и содержаніе. Петръ Великій умѣлъ въ этомъ случаѣ выжидать благихъ результатовъ; не такъ дѣйствовали его преемники. Уже при Екатеринѣ I явилась мысль отдать казенные заводы въ компанію; де-Геннинъ былъ противъ этой мысли, представлялъ сенату о причинахъ случавшейся иногда остановки работъ на заводахъ, приписывая ее то умаленію водъ, то сухому жаркому лѣту, то недостатку

рабочихъ рукъ. При каждой перемѣнѣ правительства, онъ спѣшилъ въ Петербургъ и получалъ всемилостивѣйшій указъ объ исправленіи и приведеніи въ вящшее состояніе казенныхъ заводовъ; но средства у него оставались тѣже. Напротивъ они даже убавились со смертію Петра: право принимать бѣглыхъ на заводы было значительно ограничено; съ приписныхъ крестьянъ наравнѣ съ другими стали сбирать рекрутъ; наконецъ винный откупъ проникъ въ земли горнаго вѣдомства, построилъ кабаки, которые отнимали у рабочихъ немало времени: «Чрезъ 28 лѣтъ при заводахъ кабаковъ не было, говорилось въ промеморіи тобольской губернской канцеляріи, посланной въ оберъ-бергъ-амтъ въ августѣ 1731 года; а по вступленіи въ откупъ кабаковъ, Андрей Грекъ, екатеринбургской обыватель, поставилъ кабаки. И отъ всегдашняго пьянства мастеровые люди въ совершенное безуміе приходятъ, и мастерства добраго лишаются, и дѣлать желѣза мягкаго противъ указныхъ сортовъ пьянство не допускаетъ; и на пристаняхъ отъ поставки кабаковъ, во время отпуску струговаго съ желѣзомъ, не безъ поврежденія бываетъ, для того что работники, напившись пьяные, а паче струговые сплавщики, отъ быстроты рѣки Чусовой, въ пьянствѣ струги съ желѣзомъ разбиваютъ и между собой великія драки у пьяныхъ бываютъ, что другъ друга до смерти убиваютъ.» Не смотря однакожь на всѣ затрудненія, казенные заводы дали къ 1726 году прибыли 113,808 рублей 63 копѣйки, къ 1731 году 91,286 рублей, а для большаго увеличенія государственныхъ доходовъ, 8 октября 1731 года, мануфактуръ и бергъ-коллегіи были соединены съ коммерцъ-коллегіею, въ видѣ особыхъ экспедицій: отъ прежняго раздѣленія ихъ, сказано въ указѣ, никакой пользы не находилось, кромѣ казеннаго убытка и въ дѣлахъ затрудненія и излишнихъ переписокъ. Въ декабрѣ

того же года назначенъ былъ въ канцелярію заводскихъ дѣлъ секретарь, вскорѣ сдѣланный ассесоромъ, Вильгельмъ Шульцъ съ обязанностію «особливо смотрѣть надъ тѣми, которые у тамошняго приходу и расходу, дабы они свои приходныя и расходныя книги держали порядочно, дабы безъ великаго затрудненія всегда сочтены и какъ приходъ, такъ и расходъ, всегда явенъ быть могъ»; Но въ октябрѣ слѣдующаго года Шульцъ умеръ. Де-Геннинъ велѣлъ всѣ канцелярскія дѣла въ оберъ-бергъ-амтѣ рѣшать и подписываться подъ рѣшеніями надзирателю лѣсныхъ дѣлъ, прапорщику Назарову; тогда подсекретарь Феоктистъ Кузнецовъ билъ де-Геннину челомъ, что прапорщику Назарову «за неискуствомъ въ письмѣ и за непонятіемъ въ приказномъ дѣлѣ, у того дѣла быть не возможно, ибо онъ писать и читать не довольно умѣетъ, и отъ того въ дѣлахъ чинится продолженіе и остановка; а другихъ членовъ въ оберъ-бергъ-амтѣ никого нынѣ нѣтъ, и за тѣмъ канцелярія, а паче щетныя и юстицкія дѣла рѣшеніями остановилися, а оныя спрашиваются по указамъ съ принужденіемъ.» Де-Геннингъ опредѣлилъ быть на мѣстѣ Шульца гитенфервальтеру Константину Гордѣеву, который слѣдовалъ тогда спорное о земляхъ дѣло между баронами Строгановыми и дворяниномъ Демидовымъ: «а рѣшить ему горныя и заводскія дѣла съ вѣдома моего, писалъ де-Геннинъ, юстицкія же и счетныя мимо меня, какъ надлежитъ по указамъ.» А между тѣмъ сенатъ рѣшилъ посылать въ оберъ-бергъ-амтъ для порядковъ по одному совѣтнику изъ горной экспедиціи государственной коммерцъ-коллегіи, съ перемѣною черезъ два года. При этомъ совѣтникѣ, въ качествѣ презуса, присутственными членами были: одинъ оберъ-бергъ-мейстеръ и одинъ оберъ-цегентнеръ; для присмотра въ дѣлахъ и произведенія въ члены на упалыя мѣста находился гинтенфервальтеръ; для

разбора ссоръ между частными заводчиками, при межеваніи рудниковъ и лѣсовъ, и для посылокъ по казеннымъ заводамъ, когда нужда потребуетъ, служилъ бергъ-гешворенъ. Для лучшаго порядка въ счетахъ сенатъ велѣлъ коммерцъ-коллегіи послать въ Екатеринбургъ двухъ или трехъ искусныхъ бухгалтеровъ съ тѣмъ, чтобы они научили и другихъ бухгалтерскому дѣлу; къ нимъ присоединены были и подъячіе изъ коллегіи. Апеляція на неправильное рѣшеніе оберъ-бергъ-амта во всякихъ истцовыхъ, тяжебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ могла быть подаваема сибирскому губернатору, такъ какъ въ подобныхъ же дѣлахъ подчинены губернаторамъ воеводы. Всѣ эти распоряженія мало поправляли дѣло; при томъ же оберъ-бергъ-амтъ никогда не видалъ въ полномъ своемъ составѣ всѣхъ своихъ членовъ. Наконецъ въ маѣ 1733 года составлена была коммиссія для разсмотрѣнія, какимъ образомъ къ лучшему интересу быть можетъ: на казенномъ-ли коштѣ содержать горные заводы, или отдать ихъ партикулярнымъ людямъ, и то одному или многимъ, и на какихъ кондиціяхъ? Членами этой комиссіи назначены были: тайный совѣтникъ графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, статскій совѣтникъ Онисимъ Масловъ, бергъ-совѣтникъ Томиловъ, служившій по горной части около 30 лѣтъ и, извѣстный своими путешествіями на Кавказъ, пріятель Байера и Миллера, полковникъ артиллеріи Гарберъ [83]).

Труды членовъ этой коммиссіи неизвѣстны; но должно думать, что мнѣніе ихъ не было за отдачу горныхъ заводовъ въ компанію частнымъ промышленникамъ: потому что, вмѣсто передачи ихъ въ аренду, 17 марта 1734 года состоялся указъ, которымъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ горныхъ заводовъ въ Сибири и Перми В. Н. Татищевъ; съ нимъ посланъ былъ для совѣта и общаго правле-

нія совѣтникъ экипажной конторы Андрей Хрущовъ. Кромѣ того изъ другихъ актовъ видно, что управленіе заводами и ихъ населеніемъ раздѣляли съ Татищевымъ: преміеръ-маіоръ Михайло Миклашевскій, маіоръ Угрюмовъ, ассесоръ Игнатій Рудаковскій, бергъ-мейстеръ Никифоръ Клеопинъ, главный казначей Константинъ Гордѣевъ, заводскіе коммиссары Тимофей Бурцовъ и Яковъ Бекетовъ, полицеймейстеръ поручикъ Алексѣй Зубовъ, главный межевщикъ Игнатій Юдинъ и земскій судья Степанъ Неѣловъ: словомъ это была цѣлая бергъ-коллегія, перенесенная на самое мѣсто горной промышленности, но съ президентомъ, имѣвшимъ нѣсколько распространенную власть. Подробная инструкція въ 22 пунктахъ, сообщенная Татищеву спустя шесть дней по его назначеніи, давала ему полную мочь относительно постройки старыхъ заводовъ, закрытія ихъ по недостатку земель или рабочихъ рукъ, перенесенія въ другое мѣсто, переверстки между ними приписныхъ деревень. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ долженъ былъ совѣщаться съ товарищами по управленію, а въ дѣлахъ важныхъ или сомнительныхъ призывать къ совѣщанію частныхъ промышленниковъ и прикащиковъ; и только въ дѣлахъ крайне сомнительныхъ или опасныхъ долженъ былъ сноситься съ кабинетъ-министрами и сенатомъ. Въ обстоятельствахъ, касающихся губернскаго управленія, каковы: открытіе новыхъ рудниковъ близь владѣній степныхъ народовъ, учрежденіе новыхъ крѣпостей, торговъ или путей сообщенія, предписывалось сноситься съ сибирскимъ и казанскимъ воеводами и приводить въ исполненіе общее рѣшеніе, несписываясь съ центральнымъ правительствомъ, за исключеніемъ сомнительныхъ и опасныхъ случаевъ. Указано было также возстановить канцелярскій порядокъ въ горныхъ дѣлахъ, сокращая по возможности излишнюю

переписку, а главное—вести правильные и ясные счеты приходамъ и расходамъ: съ этою цѣлію позволено было взять въ Москвѣ изъ сената секретаря и бухгалтера, знающихъ свое дѣло. Сообщены были Татищеву разные проекты, присланные въ послѣдніе годы отъ де-Геннина, его требованія отъ коммерцъ-коллегіи, ландкарты, чертежи; но какъ послѣдніе оказались очень неудовлетворительными, то и велѣно было сдѣлать обстоятельное географическое описаніе всего горнаго края, для чего подчинены были Татищеву всѣ геодезисты, находившіеся тогда въ Сибири, да изъ сената приданы еще два геодезиста, изъ адмиралтейской и артиллерійской школъ шесть учениковъ. Изъ частныхъ вопросовъ, касавшихся горныхъ заводовъ и быта промышленниковъ, инструкція обращала вниманіе Татищева между прочимъ на очень важный вопросъ о сравнительныхъ выгодахъ обязательнаго и вольнаго труда: «хотя къ заводамъ (казеннымъ) многія слободы для работъ приписаны, говорилось въ четырнадцатомъ пунктѣ инструкціи, однакожъ видно, что Демидовъ предъ оными ни четвертой части людей не имѣетъ, желѣза же вдвое противъ нашихъ заводовъ отпущаетъ, а слышно, что наиболѣе онъ вольными работниками и гораздо дешевле всѣ работы исправляетъ; того ради разсмотрѣть вамъ въ распорядкѣ расположенныхъ на приписныхъ крестьянъ работъ, и въ заплатѣ за оныя, дабы они надъ потребность отягчены не были; а чтобъ имъ для дальнихъ проѣздовъ излишняго за работы не платить и тѣмъ на сдѣланные товары цѣны не возвышать, стараться вамъ, чтобъ нѣкоторыя работы на заводахъ, обрѣтающихся въ тобольскихъ и верхотурскихъ слободахъ, исправлять вольнымъ наймомъ.» Велѣно было также разсмотрѣть, не выгоднѣе-ли жестяныя, проволочныя, стальныя и т. п. фабрики, заведенныя въ Екатеринбургѣ собственно для обученія

мастеровыхъ, отдать частнымъ людямъ въ компаніи; не полезно-ли для удержанія при заводахъ надѣлить проживающихъ тамъ чиновниковъ вотчинами изъ дворцовыхъ деревень, съ обязательствомъ остаться и съ дѣтьми вѣчно въ горной службѣ. Приглашеніе новыхъ промышленниковъ, открытіе рудниковъ въ Башкиріи, томскомъ, кузнецкомъ, нерчинскомъ, иркутскомъ и другихъ дальнихъ уѣздахъ, помощь совѣтомъ и дѣломъ частнымъ заводчикамъ, оборона ихъ отъ обидъ, судъ и расправа въ случаѣ распрей между ними, надзоръ за откупомъ, кабаками и шинками, присмотръ за тѣмъ, чтобъ отъ горныхъ заводовъ солянымъ промысламъ ни въ коемъ обстоятельствѣ утѣсненія не было, составленіе горнозаводскаго устава и болѣе точное опредѣленіе пошлинъ, платимыхъ частными промышленниками въ казну: вотъ тѣ задачи, на которыя указывала инструкція Татищеву, какъ на требовавшія неотложнаго вниманія его съ первыхъ же дней по вступленіи въ должность.

Но еще прежде своего отъѣзда изъ Москвы, Татищевъ просилъ разрѣшенія, чтобы (апелляцію) на неправыя рѣшенія особаго судьи, опредѣленнаго при горныхъ заводахъ отъ губерній, можно было подавать въ оберъ-бергъ-амтѣ, а не въ Тобольскѣ; потому что «оное заводамъ вредительно: многіе управители, мастера и работники принуждены 700 верстъ ѣздить и по челобитью въ малыхъ дѣлахъ па долгое время отъ заводовъ отлучаться; а по мнѣнію его, той апелляціи надлежитъ быть въ оберъ-бергъ-амтѣ, и только по великимъ дѣламъ посылать къ губернаторамъ». Представлялъ также о томъ, чтобъ ирбитскую ярмарку съ 6 января по 20 оставить на ея мѣстѣ, а въ Екатеринбургѣ открыть новую, назначивъ для нея двѣ недѣли въ концѣ марта и началѣ апрѣля. Сенатъ согласился съ обоими представленіями Татищева.

Въ началѣ октября Татищевъ принялъ отъ де-Геннина управленіе заводами и отправился въ объѣздъ для осмотра ихъ, велѣвъ съѣхаться къ 1 декабря въ Екатеринбургъ всѣмъ частнымъ промышленникамъ и прикащикамъ для сочиненія горнаго устава; но только 12 декабря открылось первое засѣданіе. Секретарь Иванъ Зоринъ прочелъ рѣчь, написанную на этотъ случай Татищевымъ. Въ ней кратко излагалась исторія горнаго производства въ Россіи и потомъ причины, вызвавшія необходимость въ новомъ уставѣ: пока изъ частныхъ промышленниковъ былъ одинъ Демидовъ, такъ и законовъ на распри не требовалось; а теперь «частію отъ проклятыхъ зависти и ненависти, или незнанія законовъ божескаго и естественнаго распри умножились, а къ тому и законамъ вскорѣ требуемымъ быть чаемо». Затѣмъ Татищевъ обращался къ своимъ сотрудникамъ съ просьбою трудиться для общаго дѣла со всякимъ прилежаніемъ, вести записки разнымъ судебнымъ случаямъ изъ заводскаго быта и объявлять въ общемъ собраніи свое мнѣніе о нихъ. Онъ убѣдительно просилъ подавать мнѣнія безъ всякаго пристрастія, предложенныя доказывать и защищать свободно, возраженія и замѣчанія на нихъ не принимать себѣ въ обиду, не почитать за страхъ, и не отступать отъ своего праваго мнѣнія изъ почтенія къ спорящему: «всякъ имѣетъ волю свое мнѣніе объявить, колико ему Богъ въ томъ знанія удѣлилъ, и притомъ остаться доколѣ или тотъ, или другой, познавъ лучшую истину, первое перемѣнитъ; я же вамъ всѣмъ, сказано было въ заключеніи рѣчи, по моей должности и по крайнему разумѣнію служить и моимъ совѣтомъ помогать желаю» [84]).

Горнозаводскій уставъ имѣлъ въ виду отчетливое опредѣленіе обязанностей и предѣловъ власти членовъ оберъ-бергъ-амта или, какъ Татищевъ переименовалъ его, кан-

целяріи главнаго правленія сибирскими горными заводами. Во многихъ своихъ статьяхъ горный уставъ былъ только развитіемъ тѣхъ двадцати пунктовъ, которые вошли въ инструкцію, данную Татищеву, и указовъ, полученныхъ имъ изъ кабинета министровъ и сената уже по пріѣздѣ на мѣсто управленія; въ другихъ статьяхъ уставъ представлялъ извлеченія, сдѣланныя изъ регламентовъ и законоръ Петра, иногда съ перемѣнами, какихъ требовало примѣненіе ихъ къ горному дѣлу; и накопецъ немногія статьи заимствованы изъ горныхъ уставовъ другихъ государствъ. Кромѣ того, ссылаясь на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, на новоуказныя статьи, на воинскій и морской уставы Петра, на его наказы нѣкоторымъ чиновникамъ, управлявшимъ отдѣльными частями, уставъ Татищева указываетъ, какъ на общій источникъ всякаго законодательства, законъ естественный, для познанія котораго рекомендуетъ Пуфендорфа «Право естественное и народное», Гуго Гроція «Право войны и мира». А если «случатся обстоятельства такія, которымъ никаковъ законъ точно не согласуется и рѣшить по законамъ учиненнымъ не можно, законовъ же вновь установлять, кромѣ насъ (говорится отъ имени императрицы), никто власти не имѣетъ»: то и главному правителю заводовъ никакого закона и устава вновь сочинить и за дѣйствительный употреблять не надлежитъ; и такимъ законамъ «безъ нашего утвержденія» никто повиноваться не долженъ. Словесные приказы на крѣпко запрещались, развѣ въ дѣлахъ малыхъ, требовавшихъ скораго рѣшенія и непредставлявшихъ никакого сумнительства; да и тѣ слѣдовало вносить въ дневальную книгу за подписью отдавшаго приказъ. Въ случаѣ различныхъ толкованій или неясности, или неудовлетворительности закона, спорнаго вопроса не рѣшать; но, созвавъ всѣхъ способныхъ къ разсужденію помощниковъ,

нѣсколько ближнихъ по мѣсту своего жительства промышленниковъ и ихъ лучшихъ прикащиковъ не меньше двѣнадцати человѣкъ, составить на основаніи общаго мнѣнія новый законъ и послать его для разсмотрѣнія и утвержденія въ сенатъ. Вообще Татищевъ, получившій полную мочь и силу въ управленіи горными заводами, старался, согласно инструкціи, ввести въ уставъ самое широкое участіе въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ остальныхъ членовъ главнаго правленія; и потому въ статьѣ о подачѣ голосовъ прямо было указано на слабую сторону коллегіальнаго начала въ русскихъ учрежденіяхъ того времени: «а какъ въ нѣкоторыхъ тому подобныхъ собранныхъ правленіяхъ не весьма уставу слѣдуютъ, яко главные, прежде выслушанія нижнихъ голосовъ, свое мнѣніе объявляютъ, для котораго иногда нижніе за почтеніе, изъ маности или за страхъ, истинное свое мнѣніе и сущую надлежность необъявя, оставляютъ и оному неправильному согласуютъ и послѣдуютъ; а потомъ, когда къ суду позваны бываютъ, тѣмъ отговариваются, что не они большіе, другіе же коварно при даяніи голосовъ весьма молчатъ и когда протоколъ къ закрѣпѣ придетъ, тогда показывая себя, начинаютъ спорить и новые доводы показывать, чрезъ что въ дѣлахъ токмо дѣлаютъ продолженіе; нѣкоторые же по закрѣпѣ дерзаютъ противу порядка изъ домовъ своихъ протесты присылать или протоколисту отдаютъ, ища токмо другихъ невинно опорочить; того ради еще симъ на крѣпко подтверждается, чтобъ по уставу поступали». Въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей главнаго начальника горный уставъ полагалъ объѣзды заводовъ, дальнихъ однажды въ годъ, а ближнихъ такъ часто, какъ сила и возможность допускаетъ; по призыву частныхъ промышленниковъ, онъ долженъ былъ ѣздить на ихъ заводы, для осмотра, совѣтовъ и всякой помощи, на счетъ просителя:

во время такихъ поѣздокъ надо было вести обстоятельныя ежедневныя записки о всѣхъ приказахъ, дѣлахъ и обо всемъ видѣнномъ достойномъ памяти. Совѣтникъ и ассесоры, существенная обязанность которыхъ состояла въ управленіи канцеляріей главнаго правленія, также должны были дѣлать ежегодные объѣзды заводовъ. Судныя занятія раздѣлялъ съ главнымъ начальникомъ земскій судья заводовъ, должность и власть котораго опредѣлены были уставомъ съ замѣчательными для исторіи русскаго права и судопроизводства подробностями. Земскому судьѣ принадлежалъ судъ надъ всѣми жителями заводовъ и приписныхъ къ нимъ слободъ въ дѣлахъ персональныхъ и земскихъ, т. е. въ долгахъ, брани, увѣчьѣ, грабежѣ и тому подобныхъ распряхъ; разборъ дѣлъ, возникавшихъ изъ спеціальныхъ свойствъ горнаго производства, относился къ обязанностямъ главнаго судьи, который присылался въ правленіе изъ числа совѣтниковъ юстицъ коллегіи: такъ при Татищевѣ это званіе носилъ князь Шаховской, до крайности радѣвшій о своей должности, какъ видно изъ челобитной находившагося тогда на заводахъ капитана Калачова, который приносилъ жалобу на совѣтника въ безвинномъ разореніи своемъ и просился оттого домой. Горный уставъ, зная жестокія привычки тогдашнихъ слѣдователей, старался ограничить власть судей относительно пытки и казни: «хотя въ уложеньѣ и процессѣ воинскаго суда о пыткѣ и казни, сказано въ 6 статьѣ IV гл. устава, чтобъ напрасно крови не проливать и безъ довольнаго обличенія къ пыткѣ не приводить; въ пыткѣ, хотя кто и въ подозрѣніе впалъ, по состояніи дѣла и человѣка, умѣренно и благоразсудно поступать, наипаче же въ лишеніи чести и живота какъ себя отъ продерзости и бѣды охранять, довольно внятно и обстоятельно написано; однакожь съ немалымъ сожалѣніемъ принуждены мы слышать

и изъ дѣлъ видѣть, что нѣкоторые судьи, забывъ страхъ Божій и вѣчную душѣ своей погибель и презрѣвъ законы, многократно по злобѣ или кому дружа, а наипаче проклятымъ лихоимствомъ прельстяся или кто глупымъ и неразсуднымъ свирѣпствомъ преисполняся, людей ненадлежаще на пытки осуждаютъ и безъ всякой надлежащей причины неумѣренно и по нѣколику разъ пытаютъ, взявъ токмо изъ Уложенія, гдѣ написано: въ перемѣнныхъ рѣчахъ и въ дѣлахъ великихъ, а паче въ несовершенной повинности, пытать трижды; нѣкоторые же, звѣрски въ томъ поступая, до смерти пытаютъ и на смерть или къ лишенію чести, безъ всякаго къ тому надлежащаго доказательства, осуждаютъ; за что нѣкоторые судьи, по обстоятельствамъ дѣлъ, лишеніемъ имѣнія, чести и другими тяжкими наказаніями наказаны: того ради оному (земскому) судьѣ, безъ извѣстія главнаго заводскаго правленія и общаго согласія, никакого человѣка не пытать.... Къ смерти же осуждать въ канцеляріи главнаго правленія присутствіемъ всѣхъ членовъ, которыхъ имѣетъ быть къ тому не меньше семи персонъ, и сіе разумѣется о подлости, а шляхетства и заслужившихъ знатные ранги не пытать и чести не лишать; съ сущими же ворами, а наипаче съ ссыльными, которые, ежели *хотя въ маломъ* воровствѣ обличатся, во истязаніи и наказаніи поступать по законамъ безъ всякаго послабленія». Обязанность главнаго начальника смотрѣть за доходами и расходами заводскими раздѣлялъ главный казначей. Собственно ихъ надзору принадлежали: подушныя деньги, собираемыя по окладамъ съ приписныхъ къ заводамъ слободъ, за продажные при заводахъ припасы, десятинный сборъ съ частныхъ промышленниковъ, пошлины съ горныхъ судовъ, съ векселей и. т. п.; ясашные же, раскольническіе, таможенные, кабацкіе, мельничные, банные, откупные и оброчные за земли и

воды, крѣпостные съ земскихъ судовъ доходы, печатныя и тому подобныя пошлины,—словомъ все, что не отъ заводовъ приходитъ, подлежало вѣдѣнію губернскаго управленія: земскій судья долженъ былъ всѣмъ этимъ приходамъ вести описи, имѣть, въ случаѣ займовъ изъ этихъ денегъ для заводовъ, счеты съ губерніей. Главнымъ доходомъ горнаго вѣдомства, кромѣ добычи металловъ и продажи подѣланныхъ изъ нихъ вещей, былъ десятинный сборъ съ заводовъ частныхъ промышленниковъ. Неудивительно, что ему въ уставѣ посвящено было нѣсколько статей: въ объясненіи генеральныхъ причинъ его сказано, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ собирается десятина съ добываемой на частныхъ заводахъ руды, въ Богеміи же и Саксоніи по пяти со ста; кромѣ того вездѣ взимаются особенныя пошлины въ казну съ плавильныхъ заводовъ, платится тридцать вторая часть вотчинникамъ, на чьей землѣ копается руда; берется пошлина съ покупки лѣсовъ, на церковь и богадѣльни отдѣляется также своя часть; горные начальники и управители, получая жалованье отъ казны, пользуются извѣстною платою и отъ частныхъ заводчиковъ. Въ Россіи же такихъ тягостей не было: земли, лѣса и угодья отводились даромъ, приписывались крестьяне; горные начальники довольствовались казеннымъ жалованьемъ и только небольшія акциденціи получали отъ суда и рѣшеній по доброхотнымъ просьбамъ; школы и богадѣльни содержались также отъ казны; кромѣ того давались увольнительные годы отъ десятины. Не смотря на то, промышленники старались не вносить въ казну и той небольшой части пошлинъ, которая оставалась за всѣми этими льготами, вслѣдствіе чего уставъ Татищева подробно опредѣлялъ подати, какія надо платить съ золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, свинцовыхъ и минеральныхъ заводовъ, съ ручныхъ доменъ и ремеслъ, съ продажи металловъ и прочаго [85]).

Вообще горнозаводскій уставъ Татищева, какъ первая попытка въ этомъ родѣ, былъ удовлетворителенъ вдвойнѣ: онъ отличался знаніемъ тогдашнихъ административныхъ порядковъ, и не ставилъ спеціальную цѣль горныхъ занятій въ подчиненныя отношенія къ регламентальной системѣ; до нѣкоторой степени былъ внимателенъ къ мѣстнымъ особенностямъ края и временному состоянію его населенія. Не смотря на то, въ немъ была одна черта, которая повредила ему въ глазахъ правителей, окружавшихъ императрицу. Развивая элементъ полномочія, какимъ надѣляла главнаго начальника горныхъ заводовъ отчасти самая инструкція, данная Татищеву изъ сената, преобразовывая оберъ-бергъамтъ въ канцелярію главнаго правленія, съ коллегіальнымъ характеромъ, уставъ дѣйствовалъ болѣе въ духѣ петровской эпохи, нежели бироновской; а давая просторъ мѣстнымъ условіямъ, еще стремился замѣнить нѣмецкую терминологію горныхъ чиновъ и работъ русскими названіями. Это было очень понятное стремленіе со стороны самого Татищева, хотя горное дѣло собственно нисколько не выигривало отъ того: «усмотря, что отъ бывшихъ нѣкоторыхъ саксонцевъ въ строеніи заводовъ всѣ чины и работы, яко же и снасти, по нѣмецки названы, которыхъ многіе не знали и правильно выговорить или написать не умѣли», — Татищевъ, какъ онъ самъ говоритъ, «сожалѣя, чтобы слава и честь отечества и его трудъ тѣми именами нѣмецкими утѣснены не были, ибо по онымъ нѣмцы могли себѣ ненадлежаще въ размноженіи заводовъ честь привлекать, еще же изъ того и вредъ усмотря, что незнающіе тѣхъ словъ впадали въ невинное преступленіе, а дѣла во упущеніе, яко полномочный, всѣ такія званія оставилъ, а велѣлъ писать русскими». О переименованіи горныхъ чиновъ на русскій языкъ онъ представилъ въ кабинетъ, представленіе его уже

было апробовано императрицею; но герцогъ курляндскій «такъ сіе за зло принялъ, что неоднажды говаривалъ, якобы Татищевъ главный злодѣй нѣмцевъ», — и уставъ, сочиненный подъ редакціею Татищева, остался безъ утвержденія [86]).

Неостанавливаясь на исполненіи того пункта инструкціи, въ которомъ говорилось объ уставѣ, Татищевъ занялся и остальными. Заботясь о распространеніи предѣловъ горной промышленности, объ умноженіи горныхъ заводовъ, объ увеличеніи населенія ихъ, Татищевъ неразъ представлялъ въ кабинетъ министровъ о томъ, что «въ Сибири и тамошнихъ мѣстахъ, въ разныхъ городахъ, къ строенію заводовъ въ удобныхъ мѣстахъ обрѣтено здѣсь множество, и ежели заводы заводить, то можно хотя тридцать построить и утѣсненія отъ того не будетъ», но что и безъ того число рабочихъ рукъ даже на существующихъ заводахъ очень недостаточно, что слѣдовательно надо вызывать для устройства новыхъ заводовъ охотниковъ особливыми указами. Чтобы устранить великій недостатокъ въ людяхъ, Татищевъ совѣтовалъ не пренебрегать поротыми ноздрями, какъ это дѣлалъ де-Геннинъ, и просилъ всѣхъ опредѣляемыхъ въ ссылку посылать отовсюду, изъ всѣхъ коллегій и канцелярій, изъ губерній и провинцій, въ которыхъ будутъ колодники, на сибирскіе казенные заводы въ работу; просилъ также возвратить прежній чинъ ссыльному бывшему поручику Ближевскому, который былъ, по его словамъ, человѣкъ къ правленію заводовъ способный и состоянія добраго. Сенатъ, по сообщенію кабинетъ-министровъ, удовлетворилъ эти требованія Татищева [87]).

На частные заводы, которыхъ считалось тогда двадцать шесть, Татищевъ, согласно инструкціи, послалъ двѣнадцать шихтмейстеровъ, давъ имъ наказъ въ одиннадцати статьяхъ. Но богатые промышленники, дворяне Демидовы и бароны

Строгановы «смотрѣли не очень дружелюбно на распоряженія Татищева, касавшіяся ихъ заводовъ. Они считали такія распоряженія произвольными и били на нихъ челомъ въ Петербургѣ. Кабинетъ-министры рѣшили: такъ какъ опредѣленные въ шихтмейстеры сами ариѳметики не знаютъ и къ содержанію бухгалтерскихъ книгъ необыкновенны; то ихъ отставить, ограничившись подтвержденіемъ частнымъ заводчикамъ, чтобы они счетныя книги содержали порядочно и правильно. Счетныя книги важны были для опредѣленія десятиннаго сбора; для составленія ихъ необходимы были люди, знакомые съ бухгалтерскимъ дѣломъ: соглашаясь на просьбы Демидовыхъ и Строгановыхъ удалить съ ихъ заводовъ казенныхъ шихтмейстеровъ, кабинетъ рекомендовалъ имъ посылать своихъ людей для обученія въ екатеринбургскую школу. Но Татищевъ и самъ о томъ думалъ: онъ заставлялъ обывательскихъ дѣтей, съ заводовъ частныхъ промышленниковъ, учиться въ школѣ отъ 6 до 12 лѣтъ. Заводчики говорили, что дѣти такого возраста уже отправляютъ у нихъ многія работы при добычѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ, обучаются мастерству и послѣ отцовъ заводское мастерство на себя перенимаютъ; кабинетъ отвѣчалъ приказаніемъ не принуждать къ ученью неволею, учить письму и чтенію на партикулярныхъ заводахъ, а въ казенную школу брать только желающихъ знакомиться и съ прочими науками. Всѣ эти распоряженія не устраняли однакоже возможности другихъ столкновеній между Татищевымъ и частными промышленниками: инструкція дала ему право широкаго вмѣшательства въ ихъ дѣла и Татищевъ не пренебрегалъ этимъ правомъ. Такъ однажды онъ взялъ съ заводовъ Демидова на казенные двухъ иностранцевъ, плавильныхъ и рудоискательныхъ штейгеровъ, которыхъ тотъ сыскалъ и нанялъ для себя въ Петербургѣ; кабинетъ велѣлъ возвратить ихъ Демидову. Потомъ

Татищевъ отобралъ у Демидова въ казну колывано-воскресенскіе рудники, на которые въ предшествовавшія царствованія Демидову даны были привиллегіи изъ сената и бергъ-коллегіи. Мысль объ отобраніи ихъ въ казенное вѣдомство явилась въ первые же годы правленія Анны Іоанновны, когда дважды ѣздили для ревизіи на Алтай, сперва бергъ-совѣтникъ Райзеръ и артиллеріи капитанъ Ферморъ, потомъ лейбъ-гвардіи капитанъ Кожуховъ съ екатеринбургскимъ фискаломъ Капустинымъ. Преміеръ-маіоръ Угрюмовъ, посланный Татищевымъ съ командою, взялъ въ казну эти рудники и открылъ въ нихъ первые признаки серебра; но въ началѣ 1737 года Демидовъ выхлопоталъ себѣ именной указъ, по которому ему возвратили построенный имъ заводъ; и уже только при Елизаветѣ Петровнѣ, когда слухи объ алтайскомъ серебрѣ и золотѣ дошли до Петербурга, Демидовъ долженъ былъ снова разстаться съ своими рудниками. Татищевъ не хотѣлъ даже оставить въ покоѣ отношенія заводчиковъ къ ихъ мастеровымъ, не хотѣлъ выдать послѣднихъ на всю волю первыхъ и усердно слѣдилъ за бытомъ приписныхъ къ заводамъ; ему не нравился обычай промышленниковъ не платить жалованья больнымъ рабочимъ и за прогульные дни; кабинетъ по жалобѣ Демидова, опредѣлилъ: «когда отъ мастеровыхъ людей о томъ жалобы не происходятъ, то во оное и вступаться не надлежало, но оставить ихъ заводчиковъ волѣ, съ оными мастеровыми людьми поступать, какъ они сами съ ними согласятся». Не смотря на то, взаимныя столкновенія и неудовольствія не прекращались, и въ началѣ 1736 года бароны Строгановы и дворянинъ Акинфій Демидовъ подали въ одно время новую жалобу на Татищева въ разныхъ нападкахъ на нихъ. Нападки эти, по словамъ челобитчиковъ, состояли въ томъ, что Татищевъ грозитъ прикащикамъ Строгановыхъ кнутьемъ и приметывается розысками за то, будто они за-

прещаютъ крестьянамъ зырянской и лезвинской волостей пріискивать руду; велитъ прокладывать дороги, и сквозь лѣса просѣкать, и по дорогамъ черезъ рѣчки мосты мостить, и чрезъ оныя перевозы содержать, въ чемъ до сего времени никакой нужды не бывало, ибо лѣтомъ водою, а зимою льдомъ свободный проѣздъ имѣется; у Демидова забираетъ много припасовъ и матеріаловъ къ строенію казенныхъ заводовъ, требуетъ анбаровъ для складки казеннаго желѣза, и въ то же время запрещаетъ ему рыть въ точильной горѣ жерновый камень. Императрица приказала, вслѣдствіе такихъ нападокъ отъ Татищева, впредь прикащиковъ и крестьянъ Демидова и Строгановыхъ не вѣдать ему, а вѣдать ихъ по горнымъ дѣламъ въ коммерцъ-коллегіи, а по солянымъ въ соляной конторѣ[88]). Лишь однажды Татищевъ не поссорился съ частными промышленниками, именно когда вопросъ зашелъ о раскольникахъ, сбѣжавшихся изъ разныхъ мѣстъ въ горнозаводскій край и болѣе всего селившихся въ земляхъ Демидова. Приливъ ихъ особенно усилился съ 1727 года, до котораго, по словамъ донесенія сибирской губернской канцеляріи въ роскольничью контору, при заводахъ раскольниковъ не было. Но Татищевъ насчиталъ ихъ въ 1735 году уже 1250 душъ мужескаго пола и 611 женскаго, съ которыхъ и положилъ взыскать по указамъ раскольничій платежъ въ 2540 рублей. Когда пришло отъ него представленіе о томъ въ кабинетъ, то послѣдній опредѣлилъ: «раскольниковъ, живущихъ въ селахъ черноисточинскаго Демидова завода, монаховъ и монахинь развесть подъ карауломъ по разнымъ монастырямъ внутрь Сибири, въ каждый монастырь человѣка по два или по три, и содержать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ въ особливыхъ кельяхъ, въ мірскомъ, а не въ монашескомъ платьѣ, и увѣщевать, и которые обратятся постригать вновь, а далѣе церкви за монастыри ихъ

не выпускать, а необратившихся употреблять въ работу въ тѣхъ монастыряхъ; бѣльцовъ же со всякими ихъ пожитками, а именно: посадскихъ, дворцовыхъ, государственныхъ и монастырскихъ крестьянъ, вывесть изъ лѣсовъ и поселить при заводахъ для заводскихъ работъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они сообщенія съ правовѣрными и свою ересь распространять случая не имѣлибъ». Жившихъ на заводахъ до указа велѣно было также оставить при горныхъ работахъ. Въ октябрѣ слѣдующаго года Татищевъ опять донесъ, что число раскольниковъ еще болѣе увеличилось, особенно на заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ, гдѣ едва ли не всѣ прикащики, да и сами промышленники нѣкоторые раскольники; что на казенныхъ фабрикахъ—жестяной, проволочной, укладной, стальной, также всѣ торгующіе харчами и прочими потребностями были олончане, туляне и керженцы; что у Демидова въ лѣсу есть пустыня, гдѣ скрывается корень суевѣрія. Но сносясь объ искорененіи раскола съ кабинетомъ и сибирскимъ архіереемъ, Татищевъ понималъ, какой подрывъ горному промыслу могло сдѣлать черезчуръ усердное преслѣдованіе и неумѣстная высылка раскольниковъ; а потому, оставляя ихъ жить на Уралѣ, онъ просилъ только искуснаго священника, который бы могъ «ученіемъ отъ суевѣрія отвратить и на путь истины наставить, поучая какъ въ церкви старыхъ, такъ въ школахъ младенцевъ, дабы отъ младенчества безумію вкореняться не допускать». Но тѣхъ раскольниковъ, которыхъ велѣно было держать въ тюремныхъ острогахъ екатеринбургскаго вѣдомства подъ крѣпкимъ карауломъ, выводя ихъ оттуда на самыя тяжкія работы, пока не обратятся, Татищевъ разослалъ по монастырямъ тобольской епархіи, безъ согласія даже архіерея; сосланные разбѣжались изъ монастырей, и въ 1737 году пріѣзжалъ изъ Москвы въ Тобольскъ для слѣдствія ст. сов. Гри-

горій Батуринъ [89]). Неизвѣстно, что заставило Татищева рѣшиться на такой поступокъ, хотя его точно также нетрудно понять, какъ и защиту мастеровыхъ въ ихъ разсчетахъ съ заводчиками, или напоминаніе въ горномъ уставѣ земскому судьѣ о неупотребленіи во зло пытки и казни.

Что касается бѣглыхъ вообще, то инструкція, данная Татищеву, приказывала крестьянъ, о которыхъ будутъ бить челомъ помѣщики, отдавать по освидѣтельствованіи ихъ крѣпостей; на основаніи такого приказа, Татищевъ отдавалъ всѣхъ, которые пришли на заводы послѣ подушной переписи. Гораздо труднѣе было удовлетворить требованія помѣщиковъ относительно крестьянъ, явившихся на Уралъ и приписавшихся къ заводамъ еще до переписи: отдать ихъ прежнимъ владѣльцамъ или тѣмъ, кто билъ чиломъ объ отдачѣ, значило лишить заводы значительной части населенія; къ тому же давнее позволеніе Петра удерживать бѣглыхъ при заводахъ освящало ихъ принадлежность горному вѣдомству, не смотря на позднѣйшія отмѣны петровскаго указа. Татищевъ не зналъ сперва, какъ поступать въ этихъ случаяхъ; но челобитчики сами пошли на сдѣлку: они стали брать съ бѣжавшихъ своихъ крестьянъ по 50 рублей за дворъ; а которые сами заплатить той суммы не могли, тѣхъ они продавали заводчикамъ за малую цѣну. На казенные же заводы велѣно было указомъ 1722 года покупать за 50 рублей только тѣхъ, которые какому-нибудь ремеслу обучались, а что надо было платить за крестьянъ и простыхъ работниковъ, о томъ не упоминалось. На запросъ Татищева, кабинетъ просилъ подробной вѣдомости о числѣ такихъ приписныхъ людей съ обозначеніемъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ; Татищевъ, не вдаваясь въ дальнѣйшую переписку, отвѣчалъ просто, что пришлыхъ помѣщиковыхъ крестьянъ всѣхъ выслалъ, а сколько именно не упомнитъ; при заводахъ же осталось са-

мое малое число, да и то все дворцовые и монастырскіе крестьяне и раскольники. Кабинетъ повторилъ и на это свой запросъ о присылкѣ вѣдомости; но Татищевъ не отвѣчалъ, быть можетъ надѣясь на утвержденіе императрицей горнаго устава, гдѣ вопросъ о бѣглыхъ былъ разсмотрѣнъ подробно. Гораздо успѣшнѣе рѣшенъ былъ имъ вопросъ о дачѣ шляхетству, находившемуся въ горной службѣ, вотчинъ изъ дворцовыхъ деревень, приписанныхъ къ заводамъ: для этой цѣли онъ указалъ на дворцовыя деревни осинскаго уѣзда. Кромѣ того онъ заботился о проведеніи дорогъ, о снятіи топографическихъ картъ, объ устройствѣ городовъ, селеній и форпостовъ: для всѣхъ этихъ работъ онъ требовалъ чрезъ кабинетъ архитектора изъ академіи наукъ, десять человѣкъ, знающихъ ариѳметику и геометрію, изъ адмиралтейской школы и семь кадетъ для шихтмейстерской должности. Онъ поднялъ старый вопросъ о почтѣ между Сибирью и Казанью: писалъ въ обѣ губернскія канцеляріи, чтобъ учредили еженедѣльную почту, и вмѣстѣ съ сибирскимъ губернаторомъ представлялъ о томъ въ началѣ 1735 года: «а нынѣ, говорилось въ представленіи, постоянно курьеры посылаются, и денегъ исходитъ вдвое, нежели на почтѣ, къ томужъ и крестьяне весьма скучаютъ, что курьеры лошадей портятъ, и для того отъ дорогъ бѣгутъ». Кромѣ того Татищевъ долженъ былъ наблюдать за чеканкою монеты на екатеринбургскомъ дворѣ и за отправкою ея въ столицы. Какъ любопытное свидѣтельство о томъ состояніи, въ какомъ нашелъ Татищевъ въ восточномъ краѣ тогдашнюю ходячую монету, можно привести отрывокъ изъ его донесенія кабинетъ-министрамъ, гдѣ онъ говоритъ о жалобахъ казанскихъ купцовъ, что у нихъ «въ мелкихъ деньгахъ великая скудость, а мѣдные пятикопѣечники поставляютъ за тягость; ибо у нихъ для покупки звѣрей и прочаго посы-

лаются по нѣскольку сотъ верстъ верхами, а татары и рублевиковъ бѣгаютъ, а спрашиваютъ все серебряныхъ мелкихъ». Кромѣ того Татищевъ, подобно де-Геннину, доносилъ при случаѣ «о многихъ происходящихъ въ сибирской губерніи непорядкахъ», о притѣсненіяхъ мѣстными властями торговаго сословія: кабинетъ передавалъ эти жалобы сенату съ приказаніемъ изслѣдовать ихъ [90]). Былъ ли рѣшенъ Татищевымъ вопросъ о вольнонаемномъ и обязательномъ трудѣ на казенныхъ заводахъ, на который ему указано было въ инструкціи, неизвѣстно.

При всей кратковременности своей, пребываніе Татищева на Уралѣ принесло несомнѣнную пользу горному промыслу. Дѣятельность его, нѣсколько стѣсняемая съ административной стороны, пользовалась большею свободой относительно открытія рудниковъ, устройства заводовъ, распоряженія техническими работами; тутъ Татищевъ былъ неутомимъ. Екатеринбургъ средоточіе всего управленія, отъ котораго зависѣли начальства даурское, томское и кузнецкое, верхотурское, пермское, кунгурское и другія, сталъ большимъ городомъ съ особымъ посадомъ для купечества, имѣвшаго свою ратушу, выборныхъ бурмистровъ и совѣтныхъ мужей. По уставу Татищева, при окончаніи года, каждый совѣтникъ ратуши долженъ былъ вмѣсто себя представить двухъ или одного изъ тутошнихъ посадскихъ, между которыми дѣлалъ выборъ уже главный начальникъ всѣхъ заводовъ. Школа, устроенная еще де-Геннинымъ, гдѣ учили чтенію и письму русскому, ариѳметикѣ и геометріи, закону Божію и гражданскому, языкамъ нѣмецкому и латинскому, перестала быть единственною; подобныя же, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, Татищевъ старался открыть и при всѣхъ казенныхъ заводахъ: бѣднымъ ученикамъ давалось достаточное пропитаніе; обучившимся оказывалось преимущество предъ осталь-

ными, дабы на то взирая другіе охотнѣе о наукахъ прилежали. Развѣдки новыхъ рудниковъ шли все дальше отъ Екатеринбурга; производились измѣреніе и описи земель и лѣсовъ по Турѣ, Селенгѣ и другимъ рѣкамъ, въ уфимской провинціи; вновь строились форпосты по границамъ съ степными безпокойными народами; въ селеніяхъ воздвигались церкви. Число заводовъ увеличилось; нѣкоторые изъ нихъ строились въ 600 и болѣе верстахъ отъ Екатеринбурга,—и Татищевъ пріѣзжалъ каждый разъ самъ для осмотра мѣста, назначеннаго подъ новый заводъ. По его штату, въ 1737 году считалось всѣхъ заводовъ болѣе сорока; да предположено было еще устроить 36, изъ которыхъ 15 открыты въ царствованіе Елизаветы Петровны, а остальные только при Екатеринѣ II. Штатъ подробно опредѣлялъ, сколько на каждый заводъ должно быть доставляемо ежегодно руды изъ близлежавшихъ рудниковъ, сколько добыто изъ нея чистаго металла, сколько израсходовано лѣсу, угля и другихъ матеріаловъ, необходимыхъ для горнаго дѣла. Для новыхъ заводовъ понадобилось увеличить число пристаней по Чусовой и ея притокамъ, гдѣ строились однолѣтнія и двухлѣтнія коломенки, на которыхъ возили желѣзо и чугунъ въ разные города и заводы. Но полезная дѣятельность Татищева была внезапно прервана рукою всесильнаго тогда Бирона. Татищевъ попробовалъ однажды, посредствомъ новой отправки за границу уральскихъ мастеровыхъ, усилить техническую сторону горнаго дѣла на ввѣренныхъ ему заводахъ и назначилъ для этой цѣли гинтмейстера Улиха съ нѣсколькими учениками; но получилъ отказъ изъ кабинета: посланные были возвращены на Уралъ; ибо, говорилось въ указѣ, «принадлежащіе къ заводамъ мастера изъ Саксоніи особые выписаны будутъ, при которыхъ и оные ученики обучаться могутъ». На самомъ же дѣлѣ, причина отказа была иная.

Биронъ въ это время вызывалъ изъ Саксоніи оберъ-бергъ-гауптмана барона Шемберга для горнаго управленія въ Россіи; Шембергъ съ набранными имъ мастерами отправился изъ Саксоніи 1 марта 1736 года; а 4 сентября обнародованъ былъ указъ объ учрежденіи генералъ-бергъ-директоріума съ правами прежней бергъ-коллегіи, но съ характеромъ бюрократическимъ и непосредственною зависимостію отъ повелѣній императрицы. Подъ громкою фирмою новаго учрежденія и подъ именемъ вызваннаго имъ изъ Саксоніи барона, курляндскій герцогъ думалъ стать въ такія же отношенія къ горнымъ промысламъ, въ какихъ потомъ при Елизаветѣ Петровнѣ стояли графы Шуваловы къ откупной монополіи и рыбнымъ промысламъ Бѣлаго моря. Татищеву велѣно было находиться подъ вѣдомствомъ Шемберга; его горнозаводскій уставъ не получилъ утвержденія: а 30 октября генералъ-бергъ-директоръ разослалъ по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и воеводствамъ 17 пунктовъ «о присылкѣ изъ всѣхъ мѣстъ описанія имѣющимся въ оныхъ горамъ и являющимся къ рудокопному строенію знакамъ и способностямъ». Изъ этихъ вопросовъ, назначенныхъ «къ приращенію горныхъ и рудокопныхъ заводовъ», можно видѣть, какъ свысока смотрѣлъ ученый баронъ на тогдашнее состояніе горнаго промысла въ Россіи: онъ и не подозрѣвалъ того, сколько уже затрачено было капиталовъ на это дѣло, начиная съ царствованія Петра Великаго, сколько рукъ трудилось надъ добываніемъ металла на одномъ Уралѣ, сколько знающихъ людей управляло этими работами. Вопросы Шемберга предполагали младенческое состояніе горнаго искусства у насъ: повидимому, ему неизвѣстно было, что на одномъ только екатеринбургскомъ казенномъ заводѣ съ 1724 по 1737 годъ добыто было 1,906,900 пудъ 5³/₄ ф. чугуна, 2,210,422 пуда 5 ф. желѣза полосоваго, 62,549 пудъ 36³/₄

ф. колотаго, 235,565 пудъ $17^3/_4$ ф. плющильнаго, 32,855 п. $5^1/_4$ ф. дощатаго, 70,267 п. $38^1/_2$ ф. укладу, 29,318 п. 12 ф. стали; что въ нерчинскихъ горахъ добыто было съ 1705 года не менѣе 160 пудъ серебра; казалось онъ ничего не зналъ о тѣхъ новыхъ заводахъ, которые предполагалъ устроить Татищевъ, по присланному имъ въ кабинетъ штату. Притомъ въ пунктахъ Шемберга говорилось болѣе объ озерахъ, рѣкахъ, болотахъ, удольяхъ, равнинахъ, парахъ, туманахъ, колодезяхъ, ключахъ, росѣ, инеѣ, снѣгѣ, восхожденіи и захожденіи солнца, дикихъ звѣряхъ и тому подобныхъ статистическихъ данныхъ для изученія разныхъ мѣстностей Россіи, нежели о рудникахъ. На этихъ вопросахъ и остановилась правительственная дѣятельность Шемберга; вскорѣ онъ принялся за болѣе выгодную сторону, взялъ на себя въ компанію олонецкіе заводы и лапландскіе рудники, за которые потомъ жестоко поплатился въ первый же годъ царствованія Елизаветы Петровны. Кромѣ того, вслѣдствіе безпрестанныхъ представленій и меморіаловъ генералъ-бергъ-директора, по ходатайству Бирона, опять учреждена была коммиссія для разрѣщенія вопроса: какъ выгоднѣе содержать горные заводы, казною или частными людьми? Членами этой коммиссіи назначены были: баронъ Шафировъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, графы Головкинъ и Мусинъ-Пушкинъ. Коммиссія рѣшила, что полезнѣе казенные, какъ старые, такъ и новые заводы отдать охочимъ людямъ въ компаніи; кабинетъ-министры и Шембергъ исключили изъ этого опредѣленія сибирскіе желѣзные и лапландскіе мѣдные заводы. 3 марта 1739 года изданъ былъ бергъ-регламентъ, въ которомъ объявлялось, что «казенные заводы, для многихъ околичностей и излишнихъ иждивеній, не столь прибыточны и государству полезны, какъ оные, которые на иждивеніи партикулярныхъ людей содержатся;

ибо партикулярные люди, имѣя заводы и фабрики въ своемъ собственномъ владѣніи, для лучшей своей пользы стараніе прилагаютъ всякимъ удобовозможнымъ образомъ тѣ заводы и фабрики распространять, и на заводахъ заводятъ разныя фабрики и дѣлаютъ всякія вещи ко употребленію домашнему, отъ чего тѣ фабрики въ государствѣ размножаются и въ лучшее состояніе приходятъ». Но не эта справедливая мысль имѣлась въ виду курляндскимъ герцогомъ, а собственныя выгоды; не она была причиною удаленія Татищева отъ управленія горными заводами въ Сибири. Татищеву трудно было ужиться съ планами Бирона и распоряженіями Шемберга, и еще въ маѣ 1737 года его перевели въ чинѣ тайнаго совѣтника изъ Екатеринбурга въ оренбургскую экспедицію для устройства башкирскаго края, оставивъ за нимъ право присмотра и за горными заводами, которое, разумѣется, прекратилось само собою съ изданіемъ бергъ-регламента, никогда впрочемъ неприводившагося въ дѣйствіе, по поводу скорой смерти Анны Іоанновны [91]).

Башкирскій край, куда теперь направлена была дѣятельность Татищева, находился въ полномъ возмущеніи, которое не было первымъ съ тѣхъ поръ, какъ появились тамъ русскіе. Еще тогда, какъ пала Казань предъ многочисленною ратью Іоанна Грознаго и искусствомъ нѣмецкаго размысла, русскіе пришли въ соприкосновеніе съ башкирцами, занимавшими все лѣсное и степное пространство по Камѣ, Бѣлой и по обѣ стороны верховьевъ Яика. Паденіе Казани сперва усилило башкирцевъ; къ нимъ ушли татары, чуваши и черемиса, нехотѣвшіе остаться въ завоеванныхъ Грознымъ земляхъ. Но потомъ, терпя съ одной стороны набѣги отъ сибирскихъ татаръ и киргизъ, съ другой притѣсненія отъ казанскихъ мурзъ, они стали платить ясакъ Москвѣ и еще въ 1554 году построенъ былъ въ ихъ землѣ

городъ Бирскъ, въ 1557 Оса, а въ 1586 Уфа. Съ тѣхъ поръ явилось дѣленіе башкирцовъ по дорогамъ: жившіе къ Сибири названы были сибирскою дорогой, къ Казани — казанскою, къ пригороду Осѣ — Осинскою, къ степнымъ народамъ — ногайскою; въ каждой дорогѣ жило въ особыхъ волостяхъ по нѣскольку большихъ родовъ, которые дѣлились на меньшіе, называвшіеся аймаками. Башкирцы, оказавшіе какія-нибудь услуги русскимъ, получали жалованныя грамоты и названіе тархановъ. Ясакъ платился въ новопостроенныхъ городахъ и былъ почти единственною точкою соприкосновенія между инородцами и русскими. Торговыя связи не могли быть обширны; но доставка соли съ варницъ Строгановыхъ, безъ которой, до открытія илецкой, башкирцы не могли прожить, давало русскимъ сильное средство держать все окрестное населеніе въ своихъ рукахъ. Не смотря на то, враждебныя столкновенія между обоими племенами были; причина ихъ заключась не столько въ самой колонизаціи края русскими, — колонизація была незначительна въ XVII вѣкѣ, да и земель пустыхъ было множество,—сколько въ тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя приносила съ собою всюду администрація московскаго царства. Насилія и различныя дурости, которыя позволяли себѣ воеводы и ихъ товарищи, пріѣзжавшіе изъ Москвы, доводили иногда эти столкновенія до размѣровъ сильныхъ возстаній. Правда царь Михаилъ Ѳедоровичъ говорилъ въ своей грамотѣ верхотурскому воеводѣ Данилу Милославскому, чтобъ служилые люди, посылаемые для сбора ясаку, башкирцамъ насильства и налоговъ не чинили, лишняго сверхъ окладу не брали и не ѣздили бъ къ нимъ для своей бездѣльной корысти; а пермичамъ запрещалъ притѣснять уфимскихъ башкиръ. Но въ то же время само правительство не хотѣло остановиться на сборѣ одного ясака и ввело еще подымныя

пошлины и выводныя со свадебъ. Въ 1645 году построенъ былъ въ Башкиріи четвертый городъ Мензелинскъ. Сторожевыя линіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ послужили примѣромъ для устройства закамской черты. Ближайшіе къ укрѣпленнымъ мѣстамъ башкирцы, тарханы и ясачники, несли положенную на нихъ тягость; но, заселявшіе внутренность края, кочевавшіе по Яику и степямъ, сосѣди сибирскихъ инородцевъ, киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ, занявшихъ въ XVII столѣтіи волжское низовье, очень часто не платили податей. Изъ ихъ среды поднимались волненія съ инымъ характеромъ, нежели у платившихъ ясакъ: для нихъ побужденіемъ къ возстанію всегда служили разбойничьи привычки кочевой жизни и племенное различіе съ русскими. Особенно страшны были для сосѣднихъ воеводствъ тѣ возмущенія, въ которыхъ соединялись непокорные башкирцы съ киргизами и калмыками и привлекали на свою сторону ясачныхъ башкиръ: сила начинавшейся тогда борьбы зависѣла отъ того, что въ ней соединялись племенныя страсти, жажда грабежа, желаніе сбросить съ себя бремя податей и месть правителямъ за ихъ насилія. Таково было возмущеніе при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, начавшееся въ 1662 году, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ къ ряду, затихавшее на время и потомъ снова усиливавшееся. Это возстаніе названо было Сеитовскимъ бунтомъ, по имени предводителя Башкиръ, старшины Сеита. Царскія грамоты, переписка мѣстныхъ воеводъ о взаимныхъ предостереженіяхъ противу Башкирцевъ, соединявшихся то съ калмыками, то съ киргизами, довольно часто повторяются, начиная съ 1662 года и оканчивая 1685 г. Башкирцы поднимались впрочемъ не всею массою, большею частію казанская дорога дѣйствовала вмѣстѣ съ ногайскою, сибирская съ осинскою. Иногда возмутившіеся доходили до Верхо-

турья, Тюменя, Кунгура, Невьянскаго острога, переходили закамскую черту и грабили казанскій уѣздъ, жгли селенія' уничтожали пашни, убивали жителей, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, продавая ихъ чрезъ киргизовъ въ Хиву и Бухару, чрезъ калмыковъ въ Крымъ. Начиная возмущеніе, они покидали и собственныя юрты, иногда истребляли свой домовой заводъ, рѣзали косы, хомуты, сумы, портили всякіе запасы. Напрасно уфимскіе воеводы прельщали ихъ милостію царскою, рисовали предъ дикими степняками мирную картину осѣдлой жизни, говоря: «великій государь нашъ, пресвѣтлый и превысокій царь, грозный и страшный и милостивый, милостивъ и долготерпѣливъ, кто виноватый съ виною приходитъ къ нему чистою душею, прямо, не обманомъ, жалуетъ, вины милостію награждаетъ, не желатель кровей пролитія, миротворенъ, милосердъ, щедръ, аки чадолюбивый отецъ милосердуетъ и хранитъ, пожалуетъ велитъ вины ихъ отдать, велитъ одноличнo бы никакого опасенья никто башкирцы ни о чемъ не держали, были безопасны, пріѣзжали бы на Уфу и въ старыя свои волости и деревни въ домы, съ женами и съ дѣтьми, и со всѣмъ юртовымъ житьемъ безъ остатку». Бунтъ Стеньки Разина, господство калмыцкаго тайдши Аюки въ низовьяхъ Волги, взятіе Турками Чигирина, крымскіе походы кн. В. В. Голицына поддерживали въ нихъ желаніе высвободиться изъ-подъ власти русскихъ. Въ 1678 году они прямо поговаривали: «городъ-де Чигиринъ турскіе и крымскіе люди взяли и государевыхъ людей побили; а наша вѣра одна, турскіе и крымскіе станутъ тамъ биться, а мы-де башкирцы и татара станемъ въ Сибири биться и воевать». Недостатокъ военной силы отнималъ у мѣстныхъ правителей всякую возможность усмирить волновавшійся край; надо было позаботиться о средствахъ подчинить Башкирію русскому вліянію вполнѣ; того требовало спокойствіе сосѣднихъ провинцій [92]).

Петру Великому первому суждено было подумать объ этомъ; привели его къ тому новыя волненія. Второе сильное возмущеніе башкирцевъ, ничѣмъ неуступавшее сеитовскому, извѣстное подъ именемъ алдаровскаго и кузюковскаго, разразилось надъ казанскимъ и самарскимъ краемъ, въ концѣ 1704 года. Его вызвали злоупотребленія и насилія уфимскихъ правителей. Сперва наложили на башкирцевъ лишнія дани Михаилъ Дуловъ и Андрей Жихаревъ; пріѣхавъ въ Уфу и созвавъ выборныхъ, они прочли имъ отъ имени князя Менщикова 72 статьи прибылыхъ податей. Потомъ воевода Александръ Саввичъ Сергѣевъ еще при въѣздѣ въ уфимскую провинцію, собирая съ башкирцевъ многія подводы, далъ знать о характерѣ будущаго управленія своего. Явившись въ самый городъ, онъ, по обычаю предшественниковъ, объявилъ призывъ выборнымъ старшинамъ, батырямъ и тарханамъ башкирскимъ; но не по обычаю устроилъ для нихъ грозную встрѣчу. Путь къ воеводскому дому уставленъ былъ пушками, какія нашлись тогда въ городѣ, и строемъ вооруженныхъ солдатъ: «и всѣхъ ихъ мірскихъ людей промежь такихъ храбростей провели». Напуганные такимъ пріемомъ, башкирскіе старшины ударили челомъ грозному воеводѣ и подвели ему 22 лошади, цѣною въ 409 рублей. Сергѣевъ этимъ не удовольствовался. Заявивъ себя ревностнымъ приверженцемъ системы кормленія, новый воевода выступилъ съ небольшимъ отрядомъ для осмотра ввѣренной ему провинціи. Башкирцы, другіе ясашники и сельчане, заслышавъ о путешествіи своего отца и командира, бросали жилища по мѣрѣ приближенія къ нимъ Сергѣева, и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми уходили въ лѣса и степи: много людей оттого померло, а пожитки ихъ утратились. Воевода вернулся въ Уфу и снова потребовалъ къ себѣ выборныхъ: тѣ являлись неохотно, да и то немногіе.

Тогда разсвирѣпѣвшій Сергѣевъ велѣлъ собирать всякой народъ съ базаровъ, съ улицъ, съ постоялыхъ дворовъ; досталось и посадскимъ. Заперѣвъ собранныхъ въ крѣпкій огородъ, онъ разставилъ кругомъ караулъ, выкатилъ изъ воеводскихъ погребовъ не одну бочку вина и меду и, положа въ него зелья, неволею всѣхъ поилъ, кто и вѣкъ свой меду и вина не пивали; а ежели-де кто не станетъ пить, тѣхъ, бивъ палками, поилъ насильно и они напившися лежали безъ памяти; и лежащихъ людей порохомъ палилъ, солому подъ ними огнемъ зажигалъ, на руки свѣчи прилѣплялъ, инымъ въ горсти насыпавъ пороху огнемъ палилъ; потомъ въ тотъ же огородъ велѣлъ ввезти десять пушекъ и стрѣлялъ изъ нихъ до вечера, стращалъ тѣмъ, что велитъ всѣхъ вѣшать и рубить: такъ продержалъ ихъ съ утренней зари до шестаго часа ночи. И какъ они пьяные лежали, въ то время расхаживая по огороду, онъ подходилъ ко всякому и, держа противъ солнца зеркало, рожи и головы имъ жегъ, и который тронется, тѣхъ еще поилъ, чтобъ поморить. Такъ разсказывали въ послѣдствіи башкирцы присланнымъ въ 1720 году слѣдователямъ. Но Сергѣевъ не хотѣлъ поморить башкирцевъ: вся сцена эта была устроена для того только, чтобъ взять съ нихъ сказки о выдачѣ его императорскому величеству 5,000 лошадей, да 1000 бѣглыхъ людей; они тѣ сказки давали по неволѣ.

Сергѣевъ распоряжался такъ въ Уфѣ; а подполковники Хохловъ, братья Левъ и Сидоръ Аристовы неистовствовали въ ногайской дорогѣ. Отвѣтомъ на всѣ эти насилія было алдаровское возмущеніе, сопровождавшееся страшными грабежами и разбоемъ. Вся Башкирь встала поголовно, къ ней присоединилась часть каракалпаковъ и киргизовъ, часть татаръ, мещеряковъ и другихъ ясачныхъ иновѣрцевъ. Города Уфа, Бирскъ, Мензелинскъ, не разъ были въ осадѣ отъ воз-

мутившихся; башкирцы пошли даже и на Казань, гдѣ сосредоточивалось тогда главное управленіе всемъ краемъ; но были отбиты, не доходя 30 верстъ, казанскими татарами, которыхъ выслалъ губернаторъ Кудрявцевъ, забравъ предварительно въ аманаты ихъ женъ и дѣтей. Всѣ селенія по Камѣ, Бѣлой и Самарѣ были разграблены; церкви, дома помѣщиковъ, хлѣбъ сожигали, крестьянъ убивали или отводили въ плѣнъ; а мстя Аристовымъ, гробъ отца ихъ изъ земли вырыли и надъ мертвымъ ругались. Кого не стоило брать въ плѣнъ, т. е. стариковъ и дѣтей, тѣхъ сажали на колья при деревняхъ по изгородамъ; а иныхъ давили въ заборахъ, такъ что «разберутъ звѣно забора, оставя одно или два бревна исподнія, и покладутъ тѣхъ людей шеями на тѣ бревна, а потомъ тѣмъ же заборомъ паки сверху ихъ заберутъ, и такъ всѣхъ подавятъ». Для усмиренія бунта посланъ былъ князь Хованскій съ восьмью полками, изъ которыхъ полкъ Хохлова былъ разбитъ башкирцами, а полкъ одного изъ Аристовыхъ терпѣлъ безпрестанныя нападенія. Подъ Елабугой, Бирскомъ, Соловарнымъ городкомъ, деревней Толомасами происходили настоящія сраженія. Не смотря на то, что въ 1708 году Петръ, будучи занятъ войною съ Карломъ XII и не имѣя возможности отрядить достаточныя силы на башкирцевъ, объявилъ имъ всеобщее прощеніе; не смотря на то, что сами возставшіе были раззорены и обнищали вслѣдствіе долгой борьбы, волненіе не прекращалось и мѣстныя возстанія длились до самаго 1720 года, когда отправленъ былъ въ Уфу полковникъ графъ Головкинъ съ подполковникомъ Анненковымъ для разбора жалобъ, поданныхъ башкирцами Петру чрезъ татарина Бикбову Чимкина. Но усильное требованіе выдачи плѣнныхъ и бѣглыхъ, которыхъ башкирцы старались удержать у себя, подняло въ 1724 году новое возстаніе. Отъ башкирцевъ отправлены

были уже нарочные въ калмыцкіе, кубанскіе и крымскіе улусы съ приглашеніемъ возстать противъ русскихъ; но ихъ удалось перехватить на Волгѣ, а Симбирскъ поспѣшили укрѣпить гарнизономъ и военными снарядами. Петръ, будучи уже давно занятъ отношеніями къ Персіи и Востоку, сталъ думать о средствахъ, которыми бы можно было удерживать въ постоянномъ повиновеніи безпокойныхъ башкирцевъ [93]).

Но только въ царствованіе Анны Іоанновны представился удобный случай привести въ исполненіе мысль Петра. Тому помогли: съ одной стороны большее расширеніе горнаго промысла въ среднемъ Уралѣ, съ другой болѣе близкія сношенія съ киргизъ-кайсаками. Еще де-Геннинъ, объясняя Петру башкирскія волненія притѣсненіями отъ воеводъ, представлялъ о необходимости форпостовъ при заводахъ; Татищевъ рѣшительно приступилъ къ постройкѣ укрѣпленій, составилъ гарнизонную роту въ Екатеринбургѣ изъ рекрутъ съ приписныхъ къ нему слободъ, обязалъ заводскихъ жителей, какого-бъ званія ни были, если только могутъ владѣть ружьемъ, обучаться по одному разу въ недѣлю солдатскому строю и по нѣскольку разъ въ годъ стрѣльбѣ. Такъ ничтожны были средства горнаго правленія противу башкирскихъ набѣговъ, къ которымъ присоединялись иногда и киргизскія. А между тѣмъ колоніи рудопромышленниковъ, хотя и малочисленныя, все далѣе и далѣе подвигались въ глубь башкирскихъ земель сибирской дороги. Занятіе Сибири и безъ того уже ввело русскихъ въ сношенія съ цѣлымъ міромъ кочевыхъ народовъ, изъ которыхъ иные могли выставить довольно сильное сопротивленіе русской колонизаціи. Къ числу такихъ народовъ принадлежали между прочими киргизы, занимавшіе земли на востокъ отъ башкирцевъ, по ту сторону Урала, и простиравшіеся до

средней группы Алтайскихъ горъ, до владѣній калмыковъ и джунгарскаго кунъ-тайдши на Или, а на югъ спустившіеся до береговъ Аральскаго моря, Хивы и Бухары. Они дѣлились на нѣсколько ордъ и, до раззоренія русскими татарскаго владычества въ Сибири, вели постоянныя войны съ сибирскими царями. Еще въ 1570 году говорилъ царь Кучумъ посланцу Ивана Грознаго «нынче у меня война съ казацкимъ царемъ и одолѣетъ меня царь казацкій и сядетъ на Сибири, ино и тотъ господарю дань учнетъ же давати». Однако предсказаніе Кучума сбылось не вдругъ. Киргизскіе князьки дѣлали безпрестанные набѣги въ продолженіи всего XVII вѣка на русскія поселенія въ Сибири и брали ясакъ съ тѣхъ инородцевъ, которые платили его русскимъ: кузнецкій, томской и красноярскій уѣзды были цѣлію такихъ набѣговъ. Долго отбивая эти нападенія, московское правительство рѣшилось въ концѣ столѣтія на наступательное движеніе въ кочевья самихъ киргизовъ. Въ 1683 году составлена была въ Томскѣ роспись, какими мѣстами и въ какое время удобнѣе идти войною на киргизъ, живущихъ по рѣкамъ Абакану, Уйбату и Упеѣ: изъ этого проекта видно, что киргизы были сильны обширностью своихъ земель, въ глубь которыхъ могли удаляться при первомъ извѣстіи о походѣ русскихъ, связями съ некрещенными инородцами кузнецкаго округа, которые могли увѣдомлять ихъ о всякомъ движеніи русскихъ, наконецъ малочисленностію служилыхъ людей въ сибирскихъ городахъ. Не смотря на то, по указу государей, воевода томской Иванъ Суворовъ ходилъ войною на улусы киргизскаго князя Еренячка Ишеева, подданные котораго били по дорогамъ служилыхъ людей, ходившихъ на караулы, для сбора ясака, били мирныхъ переселенцевъ въ деревняхъ, на поляхъ, на хмѣлевомъ промыслѣ и рыбныхъ ловляхъ, у женщинъ выпарывали груди,

дѣтей вѣшали на деревьяхъ. Киргизы, узнавъ о походѣ Суворова, выступили противъ него съ большою силой, учинили съ нимъ бой, убили въ его отрядѣ 68 человѣкъ, но и сами понесли пораженіе. Битва происходила при р. *Серди*, и извѣстіе оной говоритъ: «оные-де русскіе *разсердились* и мужественно напали на киргизцовъ и множество оныхъ побили и съ того времени киргизцы отъ землицы отбѣжали, приходятъ только крадучись». Но эти приходы повторялись ежегодно; оба берега Иртыша до самой Барабинской степи были открыты для нихъ. Только экспедиціи Бухгольца (1715—18 г.) и Лихарева (1720 г.) раздвинули далѣе русскія владѣнія постройкою семипалатинской и усть-каменогорской крѣпостей. Все это движеніе направлено было противъ киргизъ средней орды, которая была сильнѣе остальныхъ; ближе къ башкирскимъ землямъ кочевала слѣдовавшая за нею по силѣ меньшая орда: обѣ онѣ могли выставить въ случаѣ 130,000 человѣкъ на коняхъ; обѣ онѣ давно захватили немало земель и рѣкъ, которыя башкирцы когда-то называли своими. Большая орда, слабѣйшая изъ всѣхъ, имѣвшая не болѣе 20,000 дѣльныхъ всадниковъ, кочевала вдали отъ Россіи къ Ташкенту. Но что было хуже всего,—это разбойничьи набѣги ихъ отдѣльными партіями, иногда въ соединеніи съ башкирцами, на пограничныя яицкія, уфимскія, волжскія, казанскія и сибирскія мѣста: такъ въ 1717 году они въ десяти тысячахъ доходили до закамскаго городка Новошешминска. Чтобы остановить эти набѣги, надо было и на Уралѣ протянуть такую же сторожевую линію, какая устроена была на Украйнѣ противу крымскихъ татаръ, на Волгѣ противу калмыкъ и башкирцевъ: но тутъ природныя условія были иныя; голая, открытая на большомъ пространствѣ степь нуждалась въ форпостахъ и сторожевыхъ маякахъ, а не въ лѣсныхъ только засѣкахъ и засадахъ. Яицкіе

казаки прикрывали отъ киргизскихъ набѣговъ лишь южную часть степей; а пространство между Екатеринбургомъ и Яицкимъ городкомъ оставалось обнаженнымъ: и вотъ при Петрѣ II, въ 1727 году, велѣно было поселить въ городкѣ, строившемся тогда на устьѣ р. Сакмары, до трехъ сотъ яицкихъ казаковъ. Это было первое звѣно въ той цѣпи крѣпостей, слободъ и станицъ, которыя должны были въ послѣдствіи отрѣзать Башкирію отъ Азіи, чрезъ что разомъ достигались двѣ цѣли: владычество надъ башкирцами и возможность отражать набѣги киргизъ-кайсаковъ. А между тѣмъ событія, совершавшіяся во внутренней Азіи, шли на помощь планамъ русскаго правительства. Не въ одной Персіи происходили тогда волненія, вызвавшія походы Петра на Кавказъ; начиналась также та долгая борьба джунгарскаго кунъ-тайдши Галданъ-Черена, которая дала ему возможность покорить своему вліянію всѣ сосѣдніе народы, отнять у киргизскихъ хановъ Туркестанъ, Ташкентъ и сильно стѣснить ихъ самихъ. Причины успѣховъ джунгарскаго кунъ-тайдши заключались въ различныхъ условіяхъ жизни джунгарцевъ и киргизовъ. Послѣдніе были раздѣлены на три орды, въ которыхъ не столько ханы имѣли власть, сколько ихъ старшина (князьки и родоначальники), зорко слѣдившая за каждымъ властолюбивымъ движеніемъ своего хана, не дававшая ему усилиться ни богатствомъ, ни людьми; не нарушая наслѣдственности верховной власти въ ханской семьѣ, старшины выбирали между султанами (такъ назывались дѣти хановъ) наименѣе опасныхъ для ихъ собственнаго значенія въ народѣ. Кромѣ того между большою, среднею и малою ордою киргизовъ шли постоянныя распри, мѣшавшія имъ дѣйствовать въ согласіи противъ кунъ-тайдши: одинъ ханъ пойдетъ войной, а другой его оставляетъ, и такъ теряютъ свое владѣніе,—говорятъ русскія извѣстія того времени. А джун-

гарскій владѣлецъ Галданъ-Черенъ, не какъ киргизскіе ханы надъ подданными своими безвластные, имѣлъ онъ власть подобную самодержавной, войскъ своихъ могъ выставить до 80,000 человѣкъ съ огненнымъ ружьемъ и между всѣми тамошними народами былъ сильный. Эта сила дала ему возможность не только отнять у киргизовъ нѣсколько провинцій, распространить свое вліяніе до Аральскаго моря; но и заявлять свои властолюбивыя требованія на пограничныя сибирскія земли. Мало того: до русскаго правительства дошли слухи, что Галданъ-Черенъ изъ владѣнія хинскаго нѣкоторые города и мѣста побралъ, далай-ламу сбилъ, да и тѣмъ недоволенъ, претендуетъ самой Хины и имѣетъ великую войну съ хинцами, въ которой знатно счастливъ, что хинцы, будучи въ страхѣ, принуждены помощи себѣ отъ калмыкъ россійскихъ искать, а подданный китайской мунгальской народъ великимъ числомъ для спасенія своего въ россійскія границы бѣгутъ [94]). Разрозненные киргизы не могли бороться съ джунгарцами; но между ихъ ханами нашелся одинъ, который рѣшился на крайнюю мѣру, задумалъ искать русскаго покровительства. Это былъ Абдулъ-Хаиръ, ханъ меньшей орды, изо всѣхъ киргизъ-кайсацкихъ хановъ знатный и умный человѣкъ, какъ отзывались тогда о немъ русскіе, знакомые съ ходомъ дѣлъ на востокѣ. Неслѣдуя обычаю соплеменниковъ, онъ имѣлъ только одну жену и, будучи между такимъ вольнымъ и почитай дикимъ народомъ, первый почувствовалъ необходимость опереться на покровительство Россіи. Въ 1730 году онъ отправилъ въ Петербургъ двухъ посланцевъ, Кутлумбета-Коштаева да Сеиткуль-Куйдантулова, съ просьбою принять его орду въ подданство. Въ просьбѣ указаны были три цѣли такого поступка: 1) что киргизы обижены отъ джунгаръ, но съ помощію русскихъ могутъ возвратить свои владѣнія; 2) что Абдулъ-Ха-

иръ самъ себя можетъ поддержать въ ханскомъ достоинствѣ, по примѣру хановъ волжскихъ калмыкъ, которыхъ выбираетъ русское правительство; 3) что можетъ и сосѣдей своихъ, хивинцевъ и аральцовъ, привести въ русское подданство. Изъ Петербурга отвѣчали милостивымъ словомъ, и отправили, вмѣстѣ съ послами Абдулъ-Хаира, для переговоровъ съ нимъ переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ, мурзу Алексѣя Тевкелева. Жалованная грамота, острая сабля, шуба соболья, да шапка съ лисицею черною и цвѣтныя сукна были наградами хану, который съ своей стороны долженъ былъ привести къ присягѣ всю его меньшую орду, платить ясакъ и выслать аманатовъ въ Уфу, освободить русскихъ плѣнныхъ.

Мурза Тевкелевъ не былъ новичкомъ въ сношеніяхъ съ азіатами. Самъ татарскаго происхожденія, сынъ и внукъ выѣзжихъ ордынцевъ, имѣвшихъ кормовыя помѣстья въ касимовскомъ, владимірскомъ и керинскомъ уѣздахъ, Кутлу-Магометъ Мамешевъ, а порусски Алексѣй Ивановичъ Тевкелевъ, учавствовалъ въ персидскомъ походѣ Петра, какъ старшій переводчикъ въ секретныхъ дѣлахъ,—и тогда же имѣлъ случай говорить съ царемъ о пользѣ, какую могла бы извлечь Россія изъ подданства киргизъ-кайсацкихъ ордъ. Петръ сулилъ ему до милліона рублей на одни издержки, если онъ добьется такого результата: «хотя киргизъ-кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, говорилъ царь, только всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата.» Теперь представился благопріятный случай выполнить заманчивый планъ преобразователя; но послѣдняго уже давно не было въ живыхъ и вмѣсто милліона, о которомъ мечталъ тогда Тевкелевъ, ему выдано было на проѣздъ только 500 рублей, да подарковъ хану и киргизамъ на полторы тысячи. Не смотря на то, Тевкелевъ

рѣшился ѣхать; съ нимъ отправились два геодезиста, Алексѣй Писаревъ и Михаилъ Зиновьевъ, для описанія зауральскихъ степей, нѣсколько человѣкъ изъ уфимскихъ дворянъ и казаковъ да башкирцы Айдаръ и Таймасъ Тарханъ Батырь. Прибывъ къ Абдулъ-Хаиру, Тевкелевъ увидалъ, что данное ему порученіе было гораздо труднѣе, чѣмъ предполагали въ Петербургѣ, разсуждая съ посланцами хана. Киргизы вовсе не были расположены вступить въ подданство Россіи и, по пріѣздѣ къ нимъ Тевкелева, сильно стали укорять своего хана за его поступокъ. Абдулъ-Хаиръ долженъ былъ дѣйствовать и за себя, и за Тевкелева. Отбиваясь отъ замысловъ, направленныхъ противъ него самаго, онъ въ то же время долженъ былъ защищать и русскаго мурзу. Но Тевкелевъ и самъ оказался отличнымъ знатокомъ своего дѣла: во время частыхъ споровъ съ киргизами онъ умѣлъ пользоваться легкомысленнымъ нравомъ противниковъ, и не разъ случалось, что тѣ, являясь на сходку съ намѣреніемъ убить его, удалялись почти убѣжденными въ пользѣ, соединенной съ тѣсными отношеніями къ Россіи. Особенно старался Тевкелевъ выставить имъ на видъ торговыя выгоды отъ построенія города на границахъ между ихъ кочевьями и русскими владѣніями. Ему удалось даже составить малую партію изъ султановъ и старшинъ въ пользу подданства киргизовъ. Но большинство стояло на своемъ: не хотѣло терять прежнихъ вольностей, указывая на подчиненіе русскихъ волжскихъ калмыкъ и башкирцевъ. Бѣглецы изъ калмыцкихъ кочевьевъ поддерживали ихъ въ томъ. Ханъ и старшины, перешедшіе на сторону Тевкелева, дали присягу; но тогда къ недовольнымъ пристали владѣльцы средней орды. Между тѣмъ средства экспедиціи истощились; Тевкелевъ рѣшился отослать въ Уфу своихъ спутниковъ, а самъ долженъ былъ остаться у хана, который на зиму перекочевалъ со всѣми улусами

своими къ Аральскому морю. Казалось, дѣло было проиграно; въ Уфѣ уже готовились или выкупить Тевкелева, или вымѣнять на знатныхъ плѣнниковъ изъ киргизъ. Но уходъ къ аральскимъ степямъ послужилъ въ пользу. Абдулъ-Хаиру удалось присоединить къ себѣ каракалпацкаго хана Хаипъ-Хали, который кочевалъ тамъ, и партія Тевкелева получила перевѣсъ. Древнее степныхъ народовъ легкомысліе взяло свое, меньшинство не выдержало и склонилось на убѣжденіе противниковъ: всѣ согласились просить о постройкѣ города на Уралѣ, при устьѣ рѣки Ори; обѣщались посылать туда изъ каждаго рода по человѣку въ качествѣ судей для разбора киргизскихъ дѣлъ; Абдулъ-Хаиръ съ Тевкелевымъ отправилъ сына своего Эрали-Салтана, двоюроднаго брата Ніясъ-Салтана и старшинъ; ханы большой, средней и каракалпацкой орды также дали своихъ людей для переговоровъ [95]).

Пріѣздъ сына Абдулъ-Хаирова и пословъ отъ всѣхъ трехъ ордъ киргизъ-кайсацкаго народа былъ самымъ удобнымъ поводомъ къ тому, чтобы порѣшить съ вопросомъ объ управленіи восточнымъ краемъ европейской Россіи. Еще прежде, въ 1730 году, Артемій Петровичъ Волынскій предлагалъ планъ о приведеніи башкирцевъ подъ россійское иго; но его проектъ былъ неисполнимъ; онъ требовалъ сосредоточенія значительной военной силы въ краѣ, мало населенномъ русскими. Теперь подалъ другой проектъ оберъ-секретарь сената Иванъ Кириловъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ о цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ оставилъ Россію Петръ. Не говоря уже о тишинѣ въ уфимскомъ краѣ, о возможности сдерживать киргизъ, каракалпаковъ, башкиръ и калмыковъ другъ другомъ при содѣйствіи небольшихъ русскихъ гарнизоновъ, Кириловъ изъ постройки города на р. Ори выводилъ самыя блестящія надежды на обширную

торговлю съ Хивой, Бухарой, Ташкентомъ, Туркестаномъ, Индіей, на богатую добычу золота и драгоцѣнныхъ металловъ по берегамъ Сыръ-Дарьи и Водокшанской провинціи, на будущее подданство Россіи всѣхъ этихъ областей и даже знаменитаго джунгарскаго Купъ-Тайдши. Покореніе татаръ по взятіи Казани и Астрахани, подчиненіе башкирцевъ посредствомъ Уфы, быстрое завоеваніе Сибири Ермакомъ и его послѣдователями, примѣръ Александра Македонскаго, соединившаго подъ своею властію столько разноплеменныхъ народовъ въ восточной Азіи, открытіе испанцами Америки, занятіе голландцами Остъ-Индіи, — все это послужило Кирилову для подтвержденія его мысли, которую поддерживалъ тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Повидимому приближались времена, когда должны были получить надлежащее возмездіе жертвы, погибшія въ фантастическихъ экспедиціяхъ за золотымъ пескомъ, Бухгольца на р. Эркеть и Бековича на Сыръ-Дарью. Исполненіе пылкаго плана поручено было самому автору его. Абдулъ-Хаиръ-Ханъ получилъ похвальную грамоту, ханы большой и средней орды, ханъ каракалпацкій призывныя на подданство; Тевкелевъ произведенъ въ полковники и отправленъ вмѣстѣ съ Кириловымъ, потому что его особенно слушались башкирцы, которымъ объявлено было немало льготъ; Кирилову дана подробная инструкція, а будущему городу Оренбургу привиллегія; на Аральскомъ морѣ хотѣли построить пристань [96]).

Цѣлая экспедиція отправилась въ путь вмѣстѣ съ Кириловымъ; тутъ были и морскіе чины для будущаго порта па Аральскомъ морѣ: мичманъ, штурманъ, ботсманъ, матросы, галерный мастеръ съ конопатчиками, плотники; для Оренбурга сухопутные военные чины для всякихъ экономическихъ и городскихъ дѣлъ, геодезисты для составленія ланд-

картъ и чертежей, бухгалтеръ, канцелярскіе служители, артиллеристы и кадеты. Караванъ Кирилова отправлялся почти въ одно время съ тѣмъ, какъ Татищевъ ѣхалъ для управленія горными заводами. Въ Москвѣ Кириловъ захватилъ еще натуралиста, горнаго чиновника, аптекаря, лекаря, канцелярскихъ и военныхъ служителей. Въ Казани онъ получилъ въ свое распоряженіе пѣхотный пензенскій полкъ и довольную артиллерію; въ Уфѣ гарнизонный баталіонъ; туда же шелъ вологодскій полкъ; половинѣ уфимскихъ дворянъ и казаковъ сказанъ былъ походъ; объявленъ былъ призывъ уфимскимъ, бирскимъ и мензелинскимъ недорослямъ, заготовленъ провіантъ. Записывались въ походъ съ Кириловымъ и башкирскіе тарханы. Зимой выступила часть экспедиціи къ Сакмарскому городку и Верхояицкой крѣпости, а изъ Екатеринбурга отправленъ былъ къ рѣкѣ Ори караванъ съ артиллерійскими припасами; изъ сибирскихъ слободъ шли 500 подводъ съ провіантомъ подъ прикрытіемъ роты сибирскаго полка. Но въ это самое время башкирцы, ясно понимая, что съ построеніемъ Оренбурга, они совсѣхъ сторонъ будутъ окружены русскими, снова возмутились. Еще изъ Петербурга увѣдомилъ ихъ о цѣли экспедиціи одинъ старшина Толгура, бывшій вмѣстѣ съ послами киргизскими при Тевкелевѣ; онъ писалъ, чтобы во всей Башкиріи, отдѣливъ отъ куколя чистую пшеницу, хранили ее особо, а солому сожгли, и чтобы всѣ четыре лошади были въ готовности; первымъ сравненіемъ онъ намекалъ на осторожность относительно татаръ, черемисъ, чувашъ и другихъ переселенцевъ въ башкирскій край, вторымъ на четыре дороги своего племени. По пріѣздѣ Кирилова въ Уфу, башкирскіе старшины стали съ особеннымъ усердіемъ посѣщать городъ, откуда они разнесли по всей Башкиріи вѣсть о близкомъ походѣ русскихъ на р. Орь. Возстаніе началось

невдругъ. Первый извѣстилъ о немъ Кирилова Татищевъ, узнавшій о съѣздахъ между башкирцами и бѣгствѣ изъ ихъ земель черемисъ и русскихъ поселенцевъ. За тѣмъ пришло предостереженіе отъ казанскаго губернатора гр. Мусина-Пушкина, до котораго также достигли слухи о готовившемся возмущеніи. Кириловъ не повѣрилъ и въ апрѣлѣ выступилъ въ походъ; тогда башкирцы сами рѣшились остановить экспедицію объявленіемъ, что они будутъ противиться ей всѣми силами. Вѣстники этого объявленія были схвачены, подвергнуты розыскамъ, и одинъ изъ нихъ умеръ на пыткѣ. Полковникъ Тевкелевъ показалъ особенную ревность при допросахъ. Кириловъ продолжалъ свой путь, и не безъ потерь отъ башкирскихъ нападеній достигъ устья Ори. Оренбургъ былъ заложенъ 15 августа 1735 года. Переславшись съ Абдулъ-Хаиръ ханомъ, чтобъ онъ пріѣхалъ весною въ новый городъ, Кириловъ отправился назадъ, казнилъ въ Сакмарскѣ нѣсколькихъ пойманныхъ башкирцевъ; за три дня пути до Уфы выдержалъ стычку съ большимъ скопищемъ возставшихъ. Въ Петербургѣ уже знали о башкирскомъ волненіи: казанскому губернатору велѣно было взять 3000 волжскихъ калмыкъ, 1000 донскихъ, да 1000 яицкихъ казаковъ и идти къ Уфѣ. Онъ нашелъ раззоренными многія деревни около Заинска, Билярска, Старошешминска и Мензелинска, къ которому башкирцы дважды приступали. Вскорѣ главнымъ начальникомъ всего казанскаго и уфимскаго края сдѣланъ былъ генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ; экспедиція Кирилова также была подчинена ему. Между тѣмъ Тевкелевъ, отправленный изъ Оренбурга въ сибирскія слободы, терпѣлъ съ своимъ отрядомъ отъ морозовъ, отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и съ большими потерями добрался до Екатеринбурга, гдѣ переговорилъ съ Татищевымъ о дѣлахъ экспедиціи и получилъ

отъ него необходимую сумму денегъ изъ заводскихъ доходовъ. Но въ это время возстаніе распространилось уже и за Ураломъ, между башкирцами сибирской дороги. Въ верхнеяицкой пристани вырѣзана была вся команда, прикрывавшая обозъ съ сибирскимъ провіантомъ. Самъ Тевкелевъ окруженъ былъ на р. Аѣ большимъ скопищемъ; но отбившись отъ него, онъ раззорилъ въ конецъ до 50 башкирскихъ деревень, истребилъ всѣхъ жителей самаго большаго селенія Сеянтюсъ, изъ которыхъ 105 человѣкъ заперты были въ одномъ амбарѣ и тамъ сожжены. За тѣмъ начались самыя свирѣпыя казни захваченныхъ башкирцевъ; а жены ихъ и дѣти отданы были солдатамъ. Слухи о жестокостяхъ Тевкелева соединили дѣйствовавшихъ до тѣхъ поръ разрозненно башкирцевъ. Выборные ото всѣхъ четырехъ дорогъ сошлись для совѣщанія въ деревнѣ Кубовѣ. Высланный противъ нихъ отрядъ былъ разбитъ и тутъ погибли лучшіе люди изъ уфимскихъ дворянъ. Тевкелевъ, на рукахъ котораго осталась оренбургская экспедиція, потому что Кириловъ поспѣшилъ изъ Уфы въ Петербургъ съ просьбою объ усиленіи военныхъ средствъ въ возмутившемся краѣ,—долженъ былъ пробиваться на пути къ Оренбургу чрезъ вооруженныя толпы башкирцевъ, засѣвшихъ въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ; каждое селеніе башкирское надо было имъ брать приступомъ или обходить: и Тевкелевъ отказался отъ попытки дойти къ устьямъ Ори. Между тѣмъ оставшіеся въ Оренбургѣ бѣдствовали, нуждаясь въ одеждѣ и съѣстныхъ припасахъ. Рѣшились выслать часть гарнизона въ Сакмарскій городокъ; но изъ посланныхъ болѣе 500 человѣкъ умерло на пути, только 220 еле-живые выбрались на Сакмару. Но когда наступило лѣто 1736 года; то со всѣхъ сторонъ двинуты были въ Башкирію регулярныя войска, которыя далъ петербургскій кабинетъ по просьбамъ

Кирилова, не смотря на то, что Минихъ и Ласси начали тогда свои знаменитые походы въ Крымъ и украинскія степи. Изъ Мензелинска и Уфы направлены были отряды въ казанскую и ногайскую дороги самимъ Румянцевымъ. Руководитель казанской дороги батырь Акай-Кусумовъ былъ схваченъ; но глава ногайской дороги Килмякъ-Абызъ отмстилъ за плѣнъ своего товарища удачнымъ нападеніемъ на лагерь Румянцева, при чемъ убито было до 180 русскихъ. Въ сибирской и осинской дорогахъ дѣйствовали Тевкелевъ и Татищевъ, который самъ не разъ водилъ небольшіе отряды крестьянъ въ Башкирію, заложилъ тамъ два укрѣпленія, штрафовалъ возмутившихся собираніемъ съ нихъ лошадей. Въ маѣ были два сильныя побоища внутри края, на р. Демѣ и въ горахъ между Яикомъ и Сакмарой; къ іюню значительная часть Башкиріи была выжжена и раззорена. Въ Мензелинскѣ совершались безпрестанныя казни надъ попавшими въ плѣнъ башкирцами; жены и дѣти казненныхъ розданы были по рукамъ для поселенія внутри Россіи; болѣе 5000 человѣкъ мужчинъ сослано въ Рогервикъ на тяжелыя работы при тамошнемъ портѣ.

Въ іюлѣ Кириловъ снова двинулся къ Оренбургу, но уже инымъ путемъ, нежели прежде: на этотъ разъ экспедиція шла двумя дорогами, огибая Башкирію съ сѣвера и юга. Главный отрядъ подъ начальствомъ Бахметева, шелъ изъ Симбирска и поднялся рѣкою Самарой, на берегахъ которой поставилъ крѣпости Красносамарскую и Красноборскую. Другой отрядъ, подъ начальствомъ Кирилова, шелъ по Бѣлой, раззоряя на пути башкирскія деревни, вѣшая и сажая на колья, сопротивлявшихся ему. Достигнувъ Сакмарскаго городка, Кириловъ поѣхалъ на встрѣчу первому отряду, назначая по пути своему мѣста для будущихъ укрѣпленій, изъ которыхъ должна была составиться новая самарская и яиц-

кая линія. Но уже не въ Оренбургѣ, а въ Самарѣ расположено было главное управленіе экспедиціею; а чтобъ не оставить безъ начальника сѣверо-восточныя границы башкирскаго края, Кириловъ просилъ кабинетъ передать власть надъ сибирскою дорогой Татищеву, который такъ удачно содѣйствовалъ тамъ усмиренію возставшихъ. Дѣйствительно Татищеву, вмѣстѣ съ Тевкелевымъ, удалось привести къ повинной всѣхъ зауральскихъ башкирцевъ и взять подъ караулъ ихъ предводителей, батыря Юсупа Арыскова и Сабапа Безрукаго. Татищевъ ограничился отобраніемъ у повинившихся пушекъ и оружія, захваченнаго ими во время бунта, да присягой на коранѣ. Иначе поступалъ бригадиръ Хрущовъ, присланный на мѣсто Румянцова: изъ приходившихъ къ нему съ повинною, лучшихъ оставлялъ онъ у себя въ видѣ аманатовъ и потомъ предавалъ смерти. Но въ то самое время, когда возмущеніе, стоившее несчастнымъ башкирцамъ такихъ огромныхъ жертвъ, приближалось къ концу, умеръ отъ чахотки виновникъ его Кириловъ среди приготовленій къ походу въ Оренбургъ, и сборовъ торговаго каравана въ Ташкентъ [87]).

Послѣ нѣсколькихъ недѣль колебаній, когда начальство надъ оренбургской экспедиціей было подѣлено между Тевкелевымъ, Бахметевымъ и астраханскимъ вицегубернаторомъ генералъ-майоромъ Соймоновымъ, пріѣхавшимъ въ Мензелинскъ, назначенъ былъ 10 мая 1737 года на мѣсто Кирилова Татищевъ съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ должностью генералъ-поручика. Въ указѣ, данномъ на его имя, императрица выражала свою надежду на извѣстную его рѣвность къ службѣ, радѣніе и доброе искусство; но, поручая оренбургскую экспедицію, приказывала не оставлять своими распоряженіями и горные заводы. Сдѣлавъ нужныя наставленія членамъ горнаго правленія и начальникамъ заво-

довъ, Татищевъ 26 мая отправился изъ Екатеринбурга, подаривъ въ пользу тамошней школы почти всю свою библіотеку, болѣе тысячи книгъ. До Чусовой онъ ѣхалъ сухимъ путемъ, оттуда спустился въ Каму на «лихихъ лодкахъ» и 14 іюля былъ въ Мензелинскѣ [98]).

Съ этихъ поръ управленіе экспедиціею получило совершенно иной характеръ. Строгій исполнитель закона и долга, Татищевъ тотчасъ же поднялъ коллегіальное начало, слабо прилагавшееся къ дѣлу Кириловымъ и его товарищами, изъ которыхъ каждый привыкъ распоряжаться по своему желанію и усмотрѣнію. Онъ немедленно открылъ въ въ Мензелинскѣ генеральный совѣтъ, въ которомъ участвовали Соймоновъ, Тевкелевъ, уфимскій воевода Шемякинъ и всѣ штабъ-офицеры, служившіе въ экспедиціи. Рѣшенія совѣта отвѣчали тогдашнему состоянію еще неуспокоившагося отъ мятежа края. Въ четырехъ башкирскихъ дорогахъ, дѣлившихся на 58 волостей и болѣе 150 аймаковъ или родовъ, туземное населеніе уже лишилось около 9000 человѣкъ, частію погибшихъ въ стычкахъ, частію сосланныхъ и розданныхъ по рукамъ; а еще съ каждаго аймака велѣно было взыскать въ видѣ штрафа по 500 лошадей на армію, не считая рогатаго скота. Не смотря на то, благодаря природнымъ условіямъ края, изрѣзаннаго уральскими горами и ихъ отрогами, лѣсами, степями, рѣчками и топями, гдѣ телѣжнаго пути вовсе не было, развѣ только съ великой нуждою, исключая зауралья, башкирцы продолжали борьбу въ тѣхъ аймакахъ, которые оставались нетронутыми. Потери русскихъ также были немалыя. Съ жителей бахмутской и уфимской провинцій пришлось снять часть недоимокъ, потому что «обывателей многое число было взято въ полонъ и побито, и хлѣбъ стоячій и молотый весь безъ остатка пожженъ, скотъ отогнанъ, а оставшіеся отъ платежа подушнаго оклада уже дѣ-

тей закладывали, а сами едва дневною пищей пробовлялись.» Владѣльцы соляныхъ промысловъ, находившихся въ башкирскомъ краѣ, жаловались на большіе убытки, происшедшіе отъ раззоренія ихъ заводовъ и считали сумму своихъ потерь въ 25, 758 руб. 33½ коп. Возвратить край къ прежнему состоянію возможно было только окончательно усмиривъ возмущеніе; достигнуть же мира однѣми жестокостями и военными мѣрами было трудно; казни и оружіе не всегда падали на главныхъ руководителей борьбы, не вездѣ доставали до самаго источника, изъ котораго возстаніе получало новыя силы. Къ тому же опытъ показывалъ, что свирѣпыя наказанія только раздражали поднявшихся дикарей и подвигали ихъ къ болѣе ожесточенному сопротивленію. Оставляя раззоренную русскими Башкирію, они бросались на селенія, лежавшія внѣ ея границъ въ смежныхъ областяхъ. Самъ Кириловъ, такъ неосторожно затронувшій вначалѣ племенные инстинкты ихъ, оставилъ потомъ мысль пройдти къ Оренбургу чрезъ самое сердце Башкиріи и положилъ начало самарской и яицкой линіямъ. Но этого было мало: строя новыя укрѣпленія, увеличивая военную силу, надо было подумать еще о болѣе мирныхъ средствахъ, которыя могли бы успокоить возстаніе, надо было протянуть руку раззореннымъ, загнаннымъ и повинившимся Башкирцамъ съ помощію, а не съ угрозами, что нисколько не противорѣчило инструкціямъ и указамъ, которые даны были экспедиціи до пріѣзда Татищева. Такъ еще въ инструкціи Кирилову предписывалось замѣнить обычай брать аманатовъ съ башкирцевъ учрежденіемъ особаго суда, «опричь того что къ магистрату надлежитъ, дабы не за аманатство, но за милость и правосудіе принимали:» въ тѣхъ судахъ первыми членами могли быть русскіе два или три человѣка, остальные изъ башкирскихъ старшинъ, точно также какъ отъ кир-

гизовъ, каракалпаковъ и другихъ народовъ лучшіе изъ султановъ, ханскихъ дѣтей; и къ тому «при судѣ другіе мелкіе чины, по обстоятельству каждаго народа, вымыслить, яко писари, толмачи, разсыльщики, и такъ ихъ въ урядѣ имѣть и перемѣнять по ихъ желанію по году или по два, и при нихъ учредить караулъ честной.» Въ нарядѣ башкирцевъ, мещеряковъ, тептярей и бобылей на службу и работы велѣно было поступать со всякою умѣренностію, чтобъ въ томъ никакой обиды и неуравненія не было. Указомъ отъ 31 мая 1734 года велѣно было разобрать, кто изъ русскихъ насильно безъ грамотъ и записей, или по фальшивымъ актамъ завладѣлъ рыбными ловлями башкирцевъ по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ, и такихъ выслать съ захваченныхъ угодій; илецкой соли, которою башкирцы изстари пользовались, на заставахъ не задерживать и тѣмъ убытковъ имъ никакихъ не чинить; для разбора малыхъ дѣлъ между собою, башкирцамъ позволенъ былъ свой третейскій судъ, по старымъ ихъ обычаямъ, а въ Уфу для того ихъ не требовать, не волочить, не убытчить и никакихъ пошлинъ не брать; размежеваніе принадлежащихъ имъ деревень, рѣкъ, рѣчекъ, полей, сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ, болотъ, горъ и другихъ угодій чинить только по ихъ просьбамъ и при стороннихъ понятыхъ людяхъ, которыхъ они сами изберутъ. Правительство не хотѣло мирволить тѣмъ чиновникамъ, которые оказались виновными по справедливымъ жалобамъ на нихъ башкирцевъ; такъ велѣно было взыскать въ пользу челобитчиковъ положенный штрафъ съ ассесора уфимской провинціи Лихачева и съ подъячаго тамашней канцеляріи Кирила Панкова. Въ привиллегіи Оренбургу между прочимъ значилось, чтобъ съ башкирцевъ, которые будутъ ѣздить туда для торговъ, никакихъ пашпортовъ не брали, потому что они жители около сего города и дабы напраснаго въ бра-

нiи пашпортовъ труда имъ не было. Стѣснительныя мѣры, вызванныя возмущенiемъ, касались болѣе частныхъ случаевъ и башкиръ измѣнниковъ. Только два распоряженiя падали всею своею силой на самую существенную сторону быта цѣлаго племени: въ волости вмѣсто волостныхъ старостъ велѣно было опредѣлить выборныхъ старшинъ, по два или по три человѣка, съ перемѣною погодно и взыскивать съ нихъ всякое преступленiе и неисправу; а блюстителямъ магометанской вѣры между башкирцами, ахунамъ быть только по одному въ каждой дорогѣ и притомъ съ обязательствомъ никого изъ другихъ вѣръ въ свой законъ не приводить и не обрѣзывать, безъ указовъ мечетей и школъ вновь не строить. Мѣры, которыя принялъ генеральный совѣтъ, созванный Татищевымъ, имѣли прежде всего въ виду болѣе подробное раздѣленiе земли башкирцевъ на правительственные округи и усиленiе средствъ къ удержанiю ихъ самихъ въ покорности. Сюда относилось постановленiе объ открытiи за Ураломъ особой исетской провинцiи съ окуневскимъ, шадринскимъ и исетскимъ уѣздами, съ отдѣльнымъ воеводой въ Чебаркулѣ, который бы управлялъ башкирцами, живущими по р. Аѣ и вершинамъ Яика. Кабинетъ, утверждая это постановленiе, прибавилъ, чтобъ воеводамъ и приказнымъ служителямъ немедленно опредѣлено было жалованье до разсмотрѣнiя, а взятки брать было бы жестоко запрещено. Представленiе объ учрежденiи воеводствъ въ красноуфимской крѣпости и Осѣ было утверждено, но воеводы ихъ подчинены провинцiальному уфимскому управленiю. Предложенiе объ открытiи мензелинской провинцiи осталось безъ утвержденiя; велѣно было только сочинить подробную ландкарту окружной мѣстности. Изъ Соликамска переведено было управленiе пермскою провинцiей въ Кунгуръ, ближе къ Башкирiи [98].

Что касается самого возмущенія, которое еще продолжалось; то, хотя дѣйствія противу возставшихъ и отличались прежнею жестокостію, но выполнялись они другими начальниками, а не Татищевымъ. Такъ однажды генералъ-майоръ Соймоновъ, захвативъ въ плѣнъ партію башкирцевъ, предалъ ихъ страннымъ казнямъ, какъ выражается исторіографъ экспедиціи: отсѣченію рукъ и ногъ, урѣзанію языковъ и носовъ. Татищевъ же дѣйствовалъ иначе. Онъ предложилъ нѣсколько мѣръ, облегчавшихъ положеніе башкирцевъ, которыя и были утверждены кабинетомъ. Такъ онъ призналъ полезнымъ не посылать въ башкирскія жилища цѣловальниковъ и ясачниковъ для сбора ясака и разныхъ пошлинъ, а передать эту обязанность ихъ старшинамъ; уравнять мирныхъ башкирцевъ въ подводной повинности съ мещеряками и черемисами, которые получили нѣкоторыя преимущества въ ущербъ башкирцамъ, со времени возстанія послѣднихъ. Прежде, напримѣръ, мещеряки, тептяри и бобыли пользовались землями, на которыхъ жили, платя извѣстный оброкъ башкирцамъ; теперь имъ дано было право безусловнаго пользованія землею, за ихъ вѣрность русскимъ. Татищевъ хотѣлъ даже приступить къ размежеванію этихъ земель, имѣя въ виду устраненіе споровъ, которые должны были возникнуть, по окончаніи возстанія между прежними владѣльцами земель, отошедшихъ отъ нихъ навсегда, и новыми, старыми оброчниками первыхъ. Кабинетъ отвѣчалъ на этотъ разъ уклончиво: «сіе дѣло весьма деликатное, отъ котораго вновь впредь легко новыя замѣшанія произойти могутъ: того ради надлежитъ вамъ объ оныхъ съ довольнымъ уваженіемъ о пристойныхъ средствахъ стараться, чтобъ мещеряки за ихъ нынѣшнюю вѣрность въ прежнее башкирцамъ порабощеніе не пришли, а и башкирцы вовсе обижены не были: а по здѣшнему мнѣнію кажется, что мещеряки мог-

либъ довольны быть, ежели прежними своими землями впредь безоброчно владѣть станутъ, а башкирцамъ достальныя оставить, однакоже понеже здѣсь о тамошнемъ дѣлъ состояніи совершенное извѣстіе не имѣется: того ради оставляется сіе больше на общее ваше тамошнее разсужденіе.» Приказъ правительства Татищеву: поступать по собственному мнѣнію или разсужденію, сообразуясь съ обстоятельствами, добрымъ порядкомъ, былъ обычный во всѣхъ случаяхъ, гдѣ возникали какія-нибудь сомнѣнія. Вообще Татищевъ пользовался большою мочью; но подробности о его управленіи экспедиціею, къ сожалѣнію, мало извѣстны [100]).

Заботами объ усмиреніи башкирскаго возстанія не ограничивалась однакоже вся дѣятельность оренбургской экспедиціи. Главною цѣлію ея было построеніе Оренбурга и приведеніе въ русское подданство киргизъ-кайсаковъ; но возмущеніе башкирцевъ не могло пройти безъ вліянія на ихъ сосѣдей. Ханъ меньшей орды, Абдулъ-Хаиръ, который прежде не только самъ заявлялъ желаніе вступить подъ покровительство Россіи, но и привлекъ къ тому хановъ большей и средней орды, теперь велъ себя иначе. Узнавъ о борьбѣ, завязавшейся между башкирцами и русскими, онъ отправилъ въ 1736 году своихъ посланцевъ въ Оренбургъ къ тамошнему коменданту Чемадурову, когда тотъ находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи, будучи покинутъ Кириловымъ и Тевкелевымъ. Ханъ хотѣлъ знать, цѣлъ ли еще Оренбургъ или оставленъ уже русскими: при этомъ онъ просилъ выслать къ нему посла для разсужденій о киргизскихъ дѣлахъ. Чемадурову было не до пересылокъ съ Абдулъ-Хаиромъ: но онъ позволилъ ѣхать къ киргизамъ англичанину Джону Кэстлю, который, служа живописцемъ при экспедиціи, познакомился въ Оренбургѣ съ содержавшимся въ аманатахъ сыномъ Абдулъ-Хаира Эрали-султаномъ. Кэстль былъ при-

нятъ въ киргизскихъ степяхъ, какъ русскій посолъ и опытный медикъ, имѣлъ аудіенцію у хана и ханшъ и, совершивъ очень интересное путешествіе по владѣніямъ малой орды, вернулся въ Симбирскъ, гдѣ составилъ подробное описаніе своихъ странствій [101]). Въ это самое время пріѣхалъ Татищевъ изъ Екатеринбурга и познакомился съ Кэстлемъ, оказавъ ему защиту отъ притѣсненій симбирскаго полицеймейстера. Разсказы Кэстля о киргизскомъ бытѣ безъ сомнѣнія возбуждали интересъ въ любознательномъ Татищевѣ; но его вниманіе особенно должно было обратиться на извѣстіе о совѣщаніяхъ, какія имѣлъ Абдулъ-Хаиръ ханъ съ своими старшинами, при чемъ обсуживались враждебныя намѣренія противу Россіи [102]). Дѣйствительно осенью 1737 года ханъ явился въ Башкирію съ толпою киргизовъ, увѣряя, что цѣль его пріѣзда заключается въ успокоеніи возмутившихся башкиръ, на самомъ же дѣлѣ у честолюбиваго киргиза была мысль сдѣлать одного изъ своихъ сыновей башкирскимъ ханомъ: онъ увѣрялъ башкирцевъ, что можно выхлопотать прощеніе отъ императрицы всѣмъ возставшимъ, собиралъ съ нихъ дары и провелъ въ Башкиріи всю зиму. Татищевъ думалъ иначе о планахъ хана, видя въ нихъ новыя хлопоты для экспедиціи; а потому и отправилъ къ Абдулъ-Хаиру переводчика Араслана Бехметева съ дарами цѣною на сто рублей, съ похвалою за оказанныя будто бы имъ услуги въ усмиреніи башкирскаго бунта: не смотря на то, Бехметеву едва удалось выпроводить за Уралъ столь преданнаго интересамъ русской имперіи хана. Лѣтомъ отправился и Татищевъ къ Оренбургу: тамъ уже находился возвратившійся изъ орды башкирской старшина Таймасъ-Тарханъ-Шаимовъ съ извѣстіемъ, что киргизы сомнѣваются въ добрыхъ намѣреніяхъ Татищева. Съ тою же цѣлію явился въ Оренбургъ киргизскій старшина Букенбай-Батырь.

Татищевъ отправилъ ихъ обратно къ хану съ приглашеніемъ его на свиданіе. Послѣ долгихъ переговоровъ о томъ, кто долженъ сдѣлать первый визитъ, о самыхъ мелкихъ подробностяхъ церемоніала встрѣчи предъ шатромъ, среди шатра, о взаимныхъ учтивостяхъ между Татищевымъ и ханомъ, свиданіе это состоялось: музыка, пальба изъ пушекъ, торжественныя рѣчи, войска въ лучшемъ порядкѣ, ничто не было забыто при этомъ случаѣ. Послѣ присяги хана надъ кораномъ и опоясанія его богатою саблею, начался церемоніальный обѣдъ, во время котораго «происходили многіе разговоры, при чемъ тайный совѣтникъ, по его въ политическихъ дѣлахъ довольному искусству и по свѣдѣнію нравовъ и состоянія сего народа, многія разсудительныя слова производилъ, касающіяся до утвержденія киргизъ въ вѣрности и до изъявленія всенародной ихъ пользы, что ханъ, старшины и весь оный народъ слушали и вѣрность свою по ихъ азіатскому обыкновенію разными примѣрами подтверждали». За тѣмъ было свиданіе съ старшимъ сыномъ Абдулъ-Хаира, Нурали-Султаномъ. Аманатъ Эрали-Султанъ былъ перемѣненъ на Хаджи-Ахметъ-Султана. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ частныхъ свиданій, гдѣ разсуждали преимущественно о выдачѣ русскихъ плѣнныхъ съ киргизской стороны, о торговлѣ близь Оренбурга, о караванахъ въ Ташкентъ, Абдулъ-Хаиръ ханъ и Татищевъ разстались. Киргизъ не хотѣлъ оставаться въ долгу на прощаньѣ съ тайнымъ совѣтникомъ и употребилъ все азіатское краснорѣчіе, чтобы выразить свою благодарность за торжественный пріемъ, «уподобя себя павлину, который-де, имѣя хорошія перья и на головѣ природной вѣнецъ, такъ долго гордится, пока ногъ своихъ не увидитъ; а увидя оныя тотчасъ чувствуетъ свою слабость и высокомѣріе свое оставляетъ: такъ-то и они до бывшаго свиданія о себѣ мнили; но разумомъ тайнаго совѣтника въ чув-

ство человѣчества нынѣ приведены». Впрочемъ краснорѣчіе хана и чувство киргизскаго человѣчества были значительно подогрѣты тѣми подарками, которые роздалъ имъ Татищевъ во время пребыванія своего въ Оренбургѣ [103]). Разставшись другъ съ другомъ, Абдулъ-Хаиръ откочевалъ въ свои владѣнія, а Татищевъ поѣхалъ осматривать яицкую линію.

Начатая еще Кириловымъ, яицкая линія уничтожала собою необходимость закамской или черемшанской; и потому съ послѣдней переведены были въ новопостроенныя по Самарѣ и Яику укрѣпленія ландмилицкіе полки, инженеры и артиллерійскіе служители. Но особенно послѣ присяги киргизъ, эта линія стала быстро застроиваться: Тевкелевъ бродъ, Переволока, Татищева пристань, Чернорѣчье, Бердская, Губерлинская, Ельшанская крѣпости были основаны Татищевымъ. Въ числѣ ихъ строителей былъ и морской капитанъ англичанинъ Эльтонъ, измѣрявшій верховья Яика; съ нимъ Татищевъ встрѣтился потомъ во время своего губернаторства въ Астрахани. Самый Оренбургъ былъ перенесенъ на 180 верстъ ниже устьевъ Ори къ болѣе удобному для торговли съ киргизами урочищу Красной горы, гдѣ теперь Красногорская крѣпость; впослѣдствіи и это мѣсто было оставлено для нынѣшняго, находящагося въ 70 верстахъ отъ Красной горы [104]).

Среди этой дѣятельности, когда положены были первыя основанія заманчивымъ планамъ Кирилова, неимѣвшаго счастія видѣть ихъ исполненія, Татищевъ долженъ былъ навсегда оставить оренбургскій край. Ему надо было лично объясниться съ кабинетъ-министрами по поводу разныхъ предположеній, которыя составились во время двухлѣтняго пребыванія у него на самомъ мѣстѣ, отданномъ въ управленіе экспедиціи. Съ другой стороны составъ и характеръ этого управленія не подходилъ къ тѣмъ убѣжденіямъ, ко-

торыя имѣлъ Татищевъ объ устройствѣ, внесенномъ Петромъ въ русскую администрацію, и о безусловномъ исполненіи служебныхъ обязанностей помимо личныхъ взглядовъ и желаній. Въ такихъ случаяхъ Татищевъ былъ суровъ и неумолимъ; всегда строгій къ себѣ, онъ дѣлался строгъ съ другими и готовъ былъ на крутыя мѣры.

Еще пріѣхавъ изъ Екатеринбурга, Татищевъ нашелъ уже подъ военнымъ судомъ капитана Житкова, гвардіи сержанта Безсонова и прапорщика Новикова, за разныя преступленія во время походовъ на возмутившихся башкирцевъ. Но его ожидали впереди ссора съ уфимскимъ воеводою, статскимъ совѣтникомъ Шемякинымъ, который не считалъ себя обязаннымъ сообщать Татищеву свѣдѣнія о башкирскихъ дѣлахъ и поступать по опредѣленіямъ генеральнаго совѣта. Кабинетъ, узнавъ отъ Татищева о дѣйствіяхъ Шемякина, отправилъ къ послѣднему указъ «въ неудовольственныхъ терминахъ». Указъ этотъ не прекратилъ недоразумѣній между Татищевымъ и уфимскимъ воеводою. Противорѣчія и ссоры между ними продолжались въ засѣданіяхъ генеральнаго совѣта: такъ однажды Шемякинъ подалъ мнѣніе, чтобъ пойманныхъ главныхъ предводителей возмущенія Килмяка, Юсупа и Акая, содержавшихся тогда въ Уфѣ, отпустить въ Башкирію, взявъ съ нихъ слово успокоить волновавшихся соплеменниковъ. Мнѣніе это было отвергнуто совѣтомъ. Но это бы не имѣло никакого вліянія на судьбу Шемякина, еслибъ около того же времени не было подано нѣсколько челобитныхъ на него въ дурномъ управленіи воеводствомъ. Татищевъ отрѣшилъ Шемякина отъ должности и отдалъ его подъ военный судъ, предсѣдателемъ котораго былъ генералъ-маіоръ Соймоновъ; уфимскимъ же воеводой назначилъ полковника Мартакова. Но не съ однимъ Шемякинымъ разошелся Татищевъ. Тевкелевъ, обрусѣвшій азіатецъ, поль-

зовавшійся при Кириловѣ большою властію, тщеславившійся своимъ посольствомъ къ киргизамъ и вліяніемъ на мирныхъ башкиръ, былъ крайне недоволенъ самостоятельнымъ образомъ дѣйствій Татищева, во время пребыванія ихъ въ Оренбургѣ, гдѣ власть принадлежала Татищеву безраздѣльно, — и лишь только послѣдній отправился въ Петербургъ, полковникъ мурза поѣхалъ туда же вслѣдъ за нимъ, съ жалобами на управленіе Татищева. Примѣръ былъ поданъ: изъ Башкиріи посыпались доносы на крутаго начальника. Татищева задержали въ Петербургѣ, и учинили особенную слѣдственную коммиссію надъ нимъ [105]). Вражда къ нему всесильнаго Бирона, слѣдившаго за ходомъ дѣлъ въ коммиссіи, не обѣщала ничего хорошаго впереди. Особливый характеръ слѣдствія отнималъ у подсудимаго надежду найти опору въ законѣ и правильномъ веденіи суда. Нравы и примѣры общественной жизни не позволяли расчитывать на поддержку со стороны общественнаго мнѣнія; служебныя отношенія къ нѣмецкой партіи и знаменитое участіе въ планахъ шляхетства при воцареніи Анны Іоановны наводили мысль на ужасную судьбу Долгорукихъ и Волынскаго.

ГЛАВА IV.

Общественныя отношенія Татищева.

Злые языки тридцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія болтали о курляндскомъ герцогѣ Биронѣ, стоявшемъ тогда во главѣ управленія Россіей, будто онъ, говоря о лошадяхъ или съ лошадьми, разсуждалъ какъ человѣкъ; говоря же о людяхъ или съ людьми — разсуждалъ какъ лошадь. Татищевъ, испытавшій на себѣ то чувство высокомѣрія и презрѣнія, которое Биронъ питалъ ко всѣмъ русскимъ, зналъ о слабости его свѣтлости къ лошадиной породѣ и, находясь еще при сибирскихъ заводахъ, выслалъ ко двору чрезъ обергофмейстера графа Салтыкова двухъ сѣрыхъ иноходцевъ и двухъ кобылъ рыжихъ, взятыхъ изъ киргизской орды, вмѣстѣ съ ними двухъ плѣнниковъ, мальчика и дѣвочку, а когда первый умеръ въ пути, то замѣнилъ его другимъ; хотѣлъ было отправить ко двору и живыхъ бобровъ, но не зная, угодно ли то будетъ, велѣлъ для любопытства употребить ихъ въ анатомію. И плѣнники и лошади, приведенные въ Москву человѣкомъ Татищева, долго кормились въ его московскомъ домѣ и потомъ, послѣ немалой переписки Салтыкова съ графомъ Бирономъ и послѣ нѣсколькихъ указовъ конюшенной канцеляріи, переправлены въ Петербургъ. Татищевъ ненапрасно ухаживалъ за Бирономъ: гер-

цогъ и его жена считались первыми любимцами императрицы, къ которымъ она, по словамъ современниковъ, такъ была привязана, какъ будто бы все ея могущество заключалось въ томъ. Отъ ихъ суроваго или ласковаго взгляда зависѣло бѣдствіе или благополучіе всѣхъ жителей имперіи. Герцогъ былъ гордъ и вспыльчивъ; въ его взглядѣ было что-то отталкивающее. Когда онъ бывалъ разсерженъ, то говорилъ съ неумѣренною запальчивостью. Еслиже хотѣлъ кому оказать милость, то былъ очень щедръ на ласки и похвалу; но при этомъ отличался непостоянствомъ, мѣнялся иногда безъ всякой причины и нерѣдко также сильно преслѣдовалъ, какъ прежде любилъ. Поступая такимъ образомъ, онъ даже не могъ скрываться и обнаруживалъ свою немилость самымъ убійственнымъ образомъ. Отъ природы осторожный, онъ обходился свободно съ тѣми, кого любилъ, и былъ откровененъ; но когда видѣлъ, что откровенность неумѣстна, или что не стоитъ труда разсказывать правду, то никогда не говорилъ истины. Презрѣнія къ русскимъ не скрывалъ даже отъ людей, засѣдавшихъ въ сенатѣ, имѣвшихъ пріѣздъ ко двору и бывшихъ кабинетъ-министрами. Такъ Щербатовъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій разсказываетъ, что Биронъ, «ѣздилъ немалое время къ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвалъ сенаторовъ и говорилъ, что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велитъ, для исправленія мостовъ, положить.» Одинъ Ягужинскій, поступавшій всегда рѣшительно, позволялъ себѣ полную свободу въ обращеніи съ нимъ: но за Ягужинскаго были заслуги, оказанныя Аннѣ Іоанновнѣ въ 1730 году. Татищевъ также дѣйствовалъ тогда противъ верховниковъ, князей Долгорукихъ и Голициныхъ: но въ его мнѣніи о лучшемъ образѣ правленія было нѣсколько рѣзкихъ словъ о неистовыхъ временщикахъ; потомъ управляя горными

заводами, онъ постоянно старался дать перевѣсъ русскому элементу надъ нѣмецкимъ, открывалъ злоупотребленія Шемберга, подъ фирмою котораго обогощался самъ Биронъ. Поставленный обстоятельствами, сопровождавшими восшествіе Анны Іоанновны на престолъ, и потомъ службою во враждебныя отношенія къ Бирону, Татищевъ разумѣется не могъ, да и не хотѣлъ имѣть въ виду никакихъ заслугъ герцога, о которыхъ впослѣдствіи не безъ похвалы отзывался другой русскій историкъ XVIII вѣка, князь Щербатовъ, говорившій: «хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія; но народъ былъ порядочно управляемъ. Не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности; страшилися вельможи подать какую-либо причину къ несчастію своему, и не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи, что неправое сдѣлать, мздоимству коснуться. Былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государынѣ при докладахъ противорѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ по крайней мѣрѣ лесть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей; просто послѣдуя законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли.» Щербатовъ, недовѣрчиво смотрѣвшій на быструю перемѣну нравовъ въ Россіи, становился, на точку зрѣнія староверa: а въ этомъ отношеніи ни одно изъ царствованій прошлаго вѣка не могло въ такой степени удовлетворить строгаго моралиста и консерватора, какъ время Анны Іоанновны, когда наиболѣе сдѣлано было отступленій отъ административныхъ реформъ Петра, когда свобода общественной жизни, непренебрегая возможною пышностью и даже блескомъ, пугалась суроваго примѣра,

который подавали ей собою люди, стоявшіе во главѣ общества. Дѣйствительно нѣмецкіе правители, смѣнившіе русскихъ: князя Меньшикова, графа Толстаго, князей Долгорукихъ, были осторожнѣе ихъ, менѣе обременяли свою память позорными интригами, нежели ихъ предшественники. Остерманъ, какъ дипломатъ, и Минихъ, какъ воинъ и инженеръ, трудились какъ никто не трудился изъ другихъ лицъ, стоявшихъ вблизи двора. Но Татищевъ, постоянно вѣрный направленію, которое было дано Петромъ, самъ точно также не безъ рѣзкости умѣлъ судить о дѣлахъ неистовыхъ правителей трехъ прежнихъ царствованій; а съ другой стороны, непринадлежа къ числу людей окружавшихъ императрицу, нисколько не уступалъ въ любви къ труду ни Остерману, ни Миниху. Дѣйствуя совершенно на другомъ служебномъ поприщѣ, онъ принесъ тамъ не менѣе пользы, чѣмъ они на своемъ; къ тому же дѣятельность Татищева, принося однѣ выгоды государству и обществу, не истощала ихъ средствъ, какъ честолюбивые замыслы знаменитаго полководца въ крымскихъ кампаніяхъ. Нѣмецкіе правители покрыли имя русской императрицы и русской арміи военною и дипломатическою славой; но эта слава дорого стоила націи, невидѣвшей прямой выгоды отъ нея. Болѣе двѣнадцати частныхъ наборовъ рекрутами и лошадьми въ продолженіе шести, семи лѣтъ, должны были значительно истощить земледѣльческія силы населенія; но не наполнили и арміи, терявшей ежегодно огромное число людей и скота, иногда забиравшагося безъ вознагражденія не только у жителей тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя шли войска, но изъ отдаленныхъ отъ мѣста военныхъ дѣйствій областей. А крутыя мѣры и нерѣдко мѣнявшіяся постановленія по сбору недоимокъ, которыя набавлялись съ каждымъ годомъ, возстановленіе правежа, экзекуціи исполнявшіяся нарочно посылаемыми для

того въ губерніи командами, приказы высылать изъ деревень помѣщиковъ, отказывать имъ отъ заводовъ, людей и крестьянъ ихъ ни въ чемъ не слушать, деревни продавать съ публикаціи, а скотъ и хлѣбъ особо,—всѣ эти мѣры сдѣлали ненавистнымъ имя доимочнаго приказа и соединились въ представленіи народномъ съ именемъ Бирона. Нѣмецкіе правители несли на этотъ разъ отвѣтственность и за дѣянія прежнихъ царствованій. Не даромъ при Екатеринѣ 1-ой верховный тайный совѣтъ замѣтилъ неудобства, происходившія отъ многочисленности областныхъ чиновниковъ и отъ неопредѣленности ихъ служебныхъ отношеній, что было невыгодно для правительства и тягостно для народа. А правители временъ Анны Іоанновны, слѣдуя отчасти указаніямъ, сдѣланнымъ въ царствованіе Петра II, мало-по-малу возвратились въ устройствѣ администраціи къ преданіямъ XVII вѣка. За то дѣйствія коммиссіи, учрежденной Екатериною I, подъ предсѣдательствомъ князя Дм. Мих. Голицина, для разсмотрѣнія: какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною собирать деньги, съ дворовъ ли, съ тяголъ, съ земли или съ душъ, какъ это дѣлается въ другихъ государствахъ? смяты были политическими бурями, которыя подняли русскіе временщики и верховники нерадивымъ ихъ управленіемъ. Тяжелое наслѣдіе пало на долю нѣмецкихъ правителей, и только въ предпослѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны удалось коммиссіи указать на истинныя отношенія народонаселенія Россіи къ платимымъ имъ податямъ. Современники, разумѣется, не могли обратить должнаго вниманія на этотъ трудъ; и заслуга его сокрыта была отъ нихъ печальными примѣрами прежнихъ лѣтъ, вліянія которыхъ нельзя было отстранить поздними улучшеніями. Наконецъ имена тверскаго архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго, кіевскаго митрополита Варлаама Вонатовича, епископа во-

ронежскаго Льва, архіепископа Ростовскаго Георгія Дашкова, епископа коломенскаго Игнатія Смолы и другихъ духовныхъ лицъ, которыя были лишены своихъ сановъ и сосланы въ монастыри, кто за борьбу противъ протестантовъ, кто за отказъ отслужить второе торжественное молебствіе по избраніи Анны Іоанновны, по случаю возвращенія ей самодержавія; имена заточенныхъ верховниковъ и ихъ родственниковъ, имена лицъ всѣхъ состояній, которыхъ не вмѣщали, по словамъ Щербатова, ни застѣнки тайной канцеляріи, ни казармы петропавловской крѣпости, поддерживали непріязненное расположеніе народа къ правителямъ. Почти таковы же были отзывы иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію. Одни изъ нихъ, какъ графъ Альгаротти, расхваливали внѣшнее могущество Россіи, ея морскія и сухопутныя силы, удивлялись быстрому росту Петербурга, великолѣпію его недавно воздвигнутыхъ зданій, указывали на внѣшнюю торговлю Россіи съ Голландіей, Франціей, Швеціей, Даніей, предсказывали будущее развитіе сибирскаго края и сношеній его съ Китаемъ, съ восторгомъ отзывались о подвигахъ Миниха, Ласси, Кейта, о побѣдахъ русскихъ надъ турками. Другіе, какъ авторъ «Lettres Moscovites», знаменитаго памфлета, направленнаго противъ правителей временъ Анны Іоанновны, съ ожесточеніемъ говорили о порядкахъ русской администраціи, о затрудненіяхъ, которыя старались подставить путешественнику областные правители, объ ужасахъ допросовъ въ тогдашнихъ канцеляріяхъ, о безобразіи тюремъ, о невѣжествѣ и суевѣріи, въ которомъ пребывала народная масса, о бѣдственномъ стѣсненномъ положеніи городскаго и сельскаго населенія, о злоупотребленіяхъ и корыстолюбіи властей. Одни говорили, что русскому народу предстоитъ блестящая будущность въ исторіи Европы, посредническая роль между востокомъ и западомъ, ждали мно-

гаго отъ юныхъ, непочатыхъ силъ народа, введеннаго Петромъ въ общую жизнь съ остальными европейскими государствами; другіе—считали недостатки русскихъ недостатками народа старѣвшагося, неспособнаго къ дальнѣйшему движенію, звали русскихъ скиѳами, врагами всякаго успѣха на пути политической и общественной жизни, ставили ихъ чуть не ниже татарскихъ племенъ, населявшихъ восточный край Россіи, отрицали способность ихъ къ просвѣщенію. Нетрудно видѣть, что различныя точки зрѣнія отчасти лежали въ личныхъ отношеніяхъ людей знакомившихся съ тогдашнею Россіею, отчасти имѣли опору въ дѣйствительности. Давняя черта русской жизни до Петра, двовѣріе не было стерто реформою: преобразованія, наддавъ окончательно политическое единство Россіи, усилили начинавшійся до нихъ разладъ между людьми знатныхъ породъ и подлостью; создавъ огромный, могущественный по матеріальнымъ силамъ государственный организмъ, не имѣли времени сдѣлать того-же для общественной жизни. Ни русскіе правители, смѣнившіе Петра и мало понимавшіе жизнь западныхъ народовъ, ни нѣмецкіе, смѣнившіе ихъ и совершенно не знавшіе русской жизни, не могли помирить этихъ противорѣчій. Заимствованія однихъ невсегда были удачны, большею частью подчинялись личнымъ ихъ выгодамъ; нововведенія другихъ преимущественно устремлены были на дипломатическіе и династическіе интересы. У Петра личныя цѣли никогда не выступали на первый планъ; преслѣдуя политическія выгоды, онъ обращалъ не меньшее вниманіе и на дѣла внутреннія: между тѣмъ какъ, ничѣмъ почти не вознаграждалось народное чувство во время господства нѣмецкихъ правителей; послѣ переворота 25 ноября 1741 года, возведшаго на русскій престолъ дочь Петра, долго сдержанныя чувства высказались. Проповѣди, рукописные пам-

флеты, торжественныя рѣчи академиковъ, даже петербургскія вѣдомости заговорили тогда на тему: «Промыслъ спалъ, статское искусство дремало; вся россійская имперія была театръ, на которомъ дикая злоба, честолюбіе—ярость и свирѣпство свое изліяли! Сребролюбіе и корысть дѣла Петра I уничтожали и помрачали! Коронами играли, какъ мячами; сего ради возстаньте сыны отечества, вѣрные россы! Спѣшите оборонять свою родину отъ честолюбивыхъ хищниковъ!» [106]).

Когда пріѣхалъ въ Петербургъ Татищевъ, проживши пять лѣтъ на Уралѣ и въ Башкирскомъ краѣ, сыны отечества, вѣрные Россы, еще не вставали, призывъ къ оборонѣ родины ни откуда не раздавался; хотя народное неудовольствіе и шумныя рѣчи немногихъ русскихъ людей знатной породы не были ни для кого тайною. Многихъ изъ прежнихъ своихъ знакомыхъ не досчитался Татищевъ въ кругу вліятельныхъ людей того времени. Князь Дм. Мих. Голицынъ сосланъ былъ еще до отъѣзда Татищева изъ Москвы. Знаменитый поборникъ самодержавія Анны Іоанновны, Ѳеофанъ Прокоповичъ умеръ въ 1735 году, съ словами: «Главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?» Князь Кантемиръ жилъ внѣ Россіи, отказавшись отъ руки богатой княжны Черкасской, наслѣдницы огромныхъ имѣній отца, и издали клеймилъ своими сатирами русское общество. Князь Черкасскій единственный представитель русской партіи въ кабинетѣ министровъ, не имѣлъ никакого значенія. Этотъ владѣлецъ 30,000 крестьянъ, по замѣчанію леди Рондо, можетъ быть говаривалъ въ шумныхъ ассамблеяхъ временъ Петра, а теперь не вмѣшивался ни въ какія дѣла, хотя богатство и родственныя связи дѣлали его издавна главою шляхетства. Щербатовъ о немъ писалъ тоже: «сей человѣкъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда въ великихъ чинахъ не блисталъ, повсюду являлъ осторожность». Волынскій гова-

ривалъ о немъ: «нынѣ его поставятъ, а назавтрѣ постригутъ; онъ за все, про все молчитъ и ничего не говоритъ.» Словомъ Черкасскій былъ человѣкъ, который даже по смерти Анны Іоанновны, съумѣлъ выдать Бирону имена людей, хотѣвшихъ столкнуть ненавистнаго регента. Татищевъ пріѣхалъ въ Петербургъ тогда, какъ русской партіи приходилось очень плохо. Снова поднято было дѣло Долгорукихъ; ихъ вызвали изъ мѣстъ ссылки, передопросили, засудили снова и переказнили. А тамъ очередь была за Волынскимъ и его друзьями, Хрущовымъ, Еропкинымъ, Соймоновымъ и другими: Татищевъ же не разъ пользовался, при своихъ ученыхъ занятіяхъ, рукописями Волынскаго, Еропкина и Хрущова; былъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Между различными обвиненіями Волынскаго были: начитанность его, переводы и распространеніе нѣкоторыхъ историческихъ и политическихъ книгъ, сочиненіе проэктовъ о государственномъ управленіи, о сословныхъ отношеніяхъ и администраціи въ Россіи. Татищевъ также привезъ съ собой нѣсколько подобныхъ проэктовъ. Еще въ 1735 году, когда думали учредить академію Россійскую для исправленія русскаго языка, сочиненія грамматики и лексиконовъ, онъ представлялъ Аннѣ Іоанновнѣ свое мнѣніе о переводѣ нѣмецкихъ названій горныхъ чиновъ на русскій языкъ и, несмотря на противодѣйствіе Бирона, ввелъ эти названія въ подвѣдомственныхъ ему заводахъ. Теперь онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ Делилемъ о составленіи русской географіи и въ своемъ планѣ касался нѣкоторыхъ административныхъ вопросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Татищевъ привезъ въ Петербургъ свою исторію, которую читалъ многимъ и которая надѣлала шуму высказанными въ ней замѣчаніями. Различными отзывами встрѣченъ былъ трудъ Татищева: «иному то, другому другое неправно было; что одинъ хотѣлъ, дабы пространнѣе и яс-

нѣе написать, то самое другой совѣтовалъ сократить или совсѣмъ оставить; да недовольно было того, говоритъ самъ Татищевъ: явились нѣкоторые съ тяжкимъ порицаніемъ, якобы я въ оной православную вѣру и законъ опровергалъ.» Наконецъ Татищевъ думалъ также сдѣлать нѣсколько предложеній объ управленіи уральскимъ и оренбургскимъ краемъ [107]). Но Бирону было не до преобразованій. Герцогу болѣе пришлись по сердцу доносы и жалобы на Татищева, присланные и привезенные въ Петербургъ вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ Башкиріи, нежели его планы и проэкты. И вотъ надъ Татищевымъ стряслась бѣда: что другимъ сходило съ рукъ сплошь и рядомъ, Татищеву не прошло даромъ; наряжена была особливая комиссія для изслѣдованія его управленія оренбурскимъ краемъ. Оказалось, что преступленія Татищева не были политическими и не имѣли связи съ дѣломъ Волынскаго: сходство было только нѣкоторое, въ характерѣ дѣйствія обоихъ по областному правленію.

Еще въ 1739 году, 11 марта, графъ М. Головкинъ писалъ герцогу курляндскому: «Свѣтлѣйшій герцогъ, особливо мой милостивый патронъ! Предъ недавнымъ временемъ изволилъ ваша свѣтлость, со мною говорить о Васильѣ Татищевѣ, о его непорядкахъ, и при томъ изволили мнѣ предсказывать, что къ тому пристойно, о томъ бы надлежащимъ порядкомъ я представилъ, и въ подобныхъ таковыхъ же случаяхъ ея имп. величеству и вашей свѣтлости моимъ мнѣніемъ служилъ; и по тому вашей свѣтлости приказу, навѣдывался, какія его Василья Татищева неисправы и развѣдалъ, что полковникъ Тевкелевъ, вашей свѣтлости о томъ доносилъ, того для призывалъ я его полковника и о всѣмъ обстоятельно выспросилъ, но по несчастію моему заболѣлъ, отчего и нынѣ, хотя есть и легче, однако съ постели еще не

встаю: того ради, по приказу вашей свѣтлости, пріемлю дерзновеніе сими строками слабое мое мнѣніе въ пользу интереса ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни, всеподданнѣйше представить, что я изъ онаго дѣла усмотрѣлъ два вида: 1, о непорядкахъ, нападкахъ и взяткахъ Василья Татищева; 2, что онъ Василій Татищевъ еще не поставилъ на мѣрѣ, гдѣ Оренбургу быть пристойно; и по сему что до перваго вида касается, то необходимо надобно, его Василія Татищева отъ тамошней команды отрѣшить и изслѣдовать, по близости въ Казани, особливо учрежденной на то коммиссіей, гдѣ какъ ему Василью Татищеву, такъ и полковнику Тевкелеву для доказательства быть надобно, и что по слѣдствію явится, тогда о томъ и разсуждать можно будетъ, что дѣлать». Далѣе Головкинъ предлагалъ свои мѣры для устройства башкирскаго края.

Нельзя спорить противъ обвиненія Татищева, въ крутомъ управленіи оренбургской экспедиціей, трудно доказать его чистоту относительно пристрастія къ благимъ даяніямъ отъ просителей и подчиненныхъ. Самъ Татищевъ оправдывалъ предъ Петромъ подарки, принимаемые за труды; въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ выше своихъ современниковъ. Но нѣтъ ничего легче, какъ оправдать Татищева въ обвиненіи, будто онъ ничего не сдѣлалъ для оренбургскаго края. Сколько препятствій встрѣтило оренбургскую экспедицію, это можно видѣть изъ дѣятельности Кирилова. Сколько неудачь, невыполненныхъ плановъ и надеждъ ожидало будущую оренбургскую: губернію, это можно видѣть: изъ записокъ ея губернатора И. И. Неплюева; изъ донесеній Екатеринѣ II Дмитрія Волкова объ оренбургской губерніи, писанныхъ въ 1763 году; наконецъ изъ записки 1770 года, составленной Рейнсдорфомъ о недостаткахъ ввѣренной его управленію губерніи. Край, окончательно устройство котораго принадлежитъ на-

шему вѣку, нуждался въ большихъ средствахъ и времени, нежели тѣ, какія были въ распоряженіи у Татищева [108]).

Къ сожалѣнію, дѣла слѣдственной надъ Татищевымъ коммиссіи остаются пока покрытыми мракомъ неизвѣстности. Лишь по нѣсколькимъ случайнымъ отрывкамъ изъ нихъ можно судить объ общемъ характерѣ слѣдованія и его результатахъ. Уже въ правленіе Анны Леопольдовны, когда посылали Татищева въ Астрахань, велѣно было (29 іюля 1741 г.) навести справки: «какія до онаго Татищева дѣла имѣются и всѣ-ль изслѣдованы или нѣкоторыя еще не изслѣдованы, и за чѣмъ оная коммиссія понынѣ продолжается?» По справкамъ оказалось: 1, по протестамъ полковниковъ Тевкелева и Бордекевича и купца Иноземцева, въ разныхъ дѣлахъ; 2, противъ показательства полковника Давыдова; 3, по челобитью купца Фирсова, — которыхъ рѣшеніе будетъ немедленно представлено въ кабинетъ. «Сверхъ того по протестамъ его Татищева на полковника Бордекевича явилось, что онъ какъ о нерадѣтельныхъ Бордекевича поступкахъ, такъ и во взятье и во удержаніи у себя башкирскихъ лошадей, скота и прочаго въ кабинетъ представлялъ неосновательно и тѣми представленіями Бордекевича привелъ къ слѣдствію напрасно; за что, по мнѣнію коммиссіи, положено его Татищева, по разсужденію силы воинскаго 148-го артикула лишить всѣхъ чиновъ, чему полковникъ Бордекевичъ, ежели-бъ отъ него доказанъ былъ по силѣ воинскаго-жь 28 артикула надлежалъ: которое мнѣніе для высочайшей конфирмаціи взнесено было въ кабинетъ при доношеніи; а, по высочайшей ея императорскаго величества конфирмаціи, повелѣно его полковника Бордекевича для объявленныхъ въ мнѣніи коммиссіи резоновъ, отъ слѣдствія освободить безъ всякаго штрафа и учиненнаго ему ареста въ подозрѣніе не причитать, а заслуженное жалованье, что со

времени аресту не получалъ, выдать сполна». Относительно же самого Татищева, такъ какъ неразсмотрѣны еще были другія дѣла, велѣно было окончательной сентенціи не заключать. Изъ другихъ дѣлъ, входившихъ въ слѣдствіе надъ Татищевымъ, извѣстны вопросные пункты, сдѣланные ему коммиссіей, по поводу жалобы казанскаго купца Семена Иноземцева, — пункты, на которые Татищевъ впрочемъ не давалъ отвѣта. Ихъ было два: «1-е въ прошедшемъ 1737 году іюля 26 дня, въ бытность вашу въ Казанѣ, тамошняго купца Иноземцева жену и дочь въ квартиру свою вы призывали-ль и спрашивали-ль жену его Иноземцева со гнѣвомъ объ отлученіи мужа ея изъ Казани; и домъ его Иноземцева арестовать хотѣли-ль, при чемъ помянутыя жена его и дочь многократно въ ноги вамъ кланялись, а купецъ Борисъ Пушниковъ, на колѣнахъ стоялъ-ли, и просили-ль они о помилованьи домашнихъ его Иноземцева, чтобъ не учинили вы какого изнуренія и раззоренія и при томъ многіе штаты и знатные купцы: Афонасій Дрябловъ, Борисъ Пушниковъ, да бывшей тогда капитанъ, что нынѣ камергеръ, господинъ Брылкинъ, и прочіе были-ль, и въ томъ на оныхъ свидѣтелей вы ссылаетесь-ли? 2, послѣ того на другой день объявленному купцу Борису Пушникову вы говорили-ль, чтобъ помянутая жена его Иноземцева дала вамъ денегъ 500 рублей, — а ежели не дастъ, то домъ ихъ заарестовать; а людьми ихъ и караульными солдаты, у которыхъ ушелъ мужъ ея, помянутой Иноземцевъ, разыскивать хотѣли-ль и объявленное число денегъ 500 рублей у него Пушникова вы взяли-ль?» Иноземцевъ, о которомъ говорится здѣсь, былъ неисправнымъ исполнителемъ по казеннымъ подрядамъ, чего Татищевъ очень не любилъ. Но у Иноземцева были свои благодѣтели, у Татищева же его обычная рѣзкость. Есть также отрывочныя извѣстія о томъ, что въ слѣдственную коммиссію о

дѣлахъ Татищева входило много побочныхъ изысканій. Такъ въ ней было разсматриваемо особенное дѣло объ отставленномъ Татищевымъ уфимскомъ воеводѣ Степанѣ Шемякинѣ. Но изъ всего этого дѣла извѣстенъ лишь небольшой эпизодъ о табынскомъ казакѣ Романѣ Исаевѣ, который до солдатства, волею своею изъ татаръ и съ женою крестился, потомъ бѣжалъ въ уфимскій уѣздъ, обусурманился и, во время башкирскаго бунта, находился при главныхъ бунтовщикахъ, Кильмякѣ съ товарищи, въ бою былъ взятъ въ плѣнъ; будучи отправленъ въ уфимскую провинціальную канцелярію, подалъ Шемякину донесеніе на коммиссара Утятникова; Шемякинъ отправилъ его къ Соймонову въ Мензелинскъ, гдѣ Исаевъ съ розыску показалъ, будто объявилъ Шемякину камень, взятый имъ у башкирца телевской волости Борынгула, цѣною въ 1500 рублей, который могъ дѣйствительно свѣтить и безъ огня яко свѣтъ, что можно при немъ писать, и будто Шемякинъ тотъ камень взялъ себѣ и обѣщалъ ему въ винахъ прощеніе. Но въ петербургской коммиссіи Шемякина допрашивали объ этомъ камнѣ и онъ заперся: тогда Исаева привезли въ Петербургъ и розыскивали, при чемъ онъ съ подъемовъ и съ пытки винился, что все то показывалъ, избывая смертной казни, по наученію капитана Кулика Дорогомира; а потомъ прибавлялъ, что можетъ найдти серебряную руду въ Башкиріи. Но такъ какъ Куликъ Дорогомиръ уже умеръ, а руду можно было обыскать и безъ Исаева: «того ради, говорилось въ резолюціи слѣдственной коммиссіи, надлежитъ онаго Исаева, за показанныя тягчайшія его вины, не посылать въ Мензелинскъ къ Соймонову, казнить смертью въ Петербургѣ, дабы въ провозѣ его не было напраснаго казеннаго убытка, а особливо чтобы съ дороги не ушелъ и пущаго злодѣйства учинить не могъ» [109]).

Чѣмъ бы кончилась слѣдственная надъ Татищевымъ коммиссія, если бы Биронъ усидѣлъ на регенствѣ, рѣшить трудно. Но она сильно подѣйствовала на самого Татищева, вообще недовѣрчиво относившагося къ тогдашней общественной жизни, и онъ написалъ духовное завѣщаніе и наставленіе сыну своему Евграфу [110]). Въ этомъ завѣщаніи Татищева высказались его идеалы общественной и частной жизни: «Хотя вижу себя не великой старости достигша, ибо нынѣ мнѣ еще 54 годъ минулъ, говоритъ онъ почти въ началѣ духовной своей: но въ болѣзняхъ, скорбяхъ, печали, гоненіи неповинномъ и отъ злодѣевъ сильныхъ исчезе плоть моя, и вся крѣпость моя изсше, яко скудель, языкъ мой прильпѣ гортани моему, и нѣсть избавленія плоти моей, токмо единой просить отъ Господа милости и отпущенія грѣховъ моихъ тяжкихъ, въ нихъ же увязъ, яко въ тинѣ глубины. И видя себя паче разбойника, блуднаго сына, мытаря и блудницы согрѣшивша, стыжуся приступити ко Господу, ниже смѣю очи мои на небо возвести». Цитуя мѣста изъ священнаго писанія, изъ книгъ Давида, Соломона, пророка Іоны, апостоловъ Іоанна Богослова и Павла, касающіяся грѣховъ и пороковъ молодости, Татищевъ пишетъ: «человѣкъ въ младости и во благополучіи, мало о законѣ Божіи и спасеніи души своея прилѣжитъ, но водимъ паче помыслами плотскими... Егда же человѣкъ приблизится къ старости, или скорби, болѣзни, бѣды, напасти, и другія горести усмирятъ плоть его, тогда свобождается духъ отъ порабощенія, ометется умъ его и приметъ власть надъ волею; тогда познаетъ неистовство и пороки юности своея и начнетъ прилѣжать о пріобрѣтенія истиннаго добра, прилѣжать о знаніи Закона Божія... Такъ въ старости человѣкъ благоразумный Закономъ Божіимъ и благодатію его водимъ бываетъ, а воля его или хотѣніе не властвуетъ... Обаче старость сія не по

числу лѣтъ разумѣется; но болѣзни, бѣды и печали прежде лѣтъ состарѣваютъ и умъ очистятъ?.. и такими приключеніями человѣкъ иногда въ самой молодости обузданъ волею, приводитъ духъ въ сокрушеніе... Хотя часто слышимъ словеса Спасителя нашего: бдите и молитеся да не внидите въ напасть, и зоветъ насъ на покаяніе, глаголя: покайтеся, приближило бо ся царствіе небесное... Но когда мы въ благополучіи находимся, все оное, якобы не намъ реченное, презираемъ, уничтожаемъ и о спасеніи своемъ не радимъ... А когда пріидетъ какая бѣда, скорбь или тѣснота, тогда мало нѣчто опамятоваемся и къ покаянію приближаемся; да и тогда не спѣшимъ къ истинному покаянію, и беремъ себѣ въ разсужденіе, авось либо поживемъ, авось либо будетъ легче». Но, находясь въ печальномъ настроеніи духа, Татищевъ строго осудилъ тогдашній обычай составлять при концѣ жизни купчую или закладную: «и за тѣ явно умышленные свои грѣхи, для спасенія души и отпущенія грѣховъ завѣщаемъ, нѣсколько денегъ послѣ смерти по церквамъ раздать, пѣть панихиды, читать псалмы, давать ладонъ и свѣчи, построить церковь, также и въ милостыню раздать, погребеніе богатое и мѣсто, гдѣ погрести, опредѣляемъ».

Переходя отъ себя лично къ совѣтамъ сыну, Татищевъ говоритъ ему: «я прилѣжалъ тебя, любезный мой сынъ, отъ самаго младенчества потребному и полезному научить, къ чему ты довольно способа имѣлъ, и еще имѣть можешь, если токмо въ тебѣ смыслъ и прилѣжность не оскудѣютъ. И какъ уже нахожуся въ крайней слабости и безъ надежды долго жизнь мою соблюсти, такъ предаю твое наученіе болѣе на твою прилѣжность; а сверхъ онаго и сіе краткое завѣщаніе оставляю». Въ этомъ завѣщаніи нѣтъ обычныхъ распоряженій объ имуществѣ завѣщателя: «по естеству и закону всему единъ ты наслѣдникъ и нѣсть инаго», гово-

ритъ Татищевъ сыну: «А хотя дочь, а твою сестру Евпраксію имѣю; но оная при замужствѣ, по возможности, награждена и ничего требовать не можетъ, кромѣ что съ нею жить любовно; а при томъ всѣ, кто мнѣ долженъ, или отъ кого что имѣешь взять, все въ указномъ мѣстѣ показано». Потомъ онъ дѣлаетъ небольшое замѣчаніе о погребеніи своемъ: «дабы въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня смерть постигнетъ, безъ великихъ чиновъ и убранствъ по закону христіанскому погрести; и сіе не для сожалѣнія денегъ моихъ, но паче боясь, дабы великолѣпіе таковое, какъ обычай есть, не причлося къ тягости грѣховъ моихъ тяжкихъ». И наконецъ переходитъ къ изложенію своего взгляда на жизнь: говоритъ о религіозномъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи въ молодости, объ отношеніяхъ къ родителямъ, о женитьбѣ и семейныхъ отношеніяхъ, о государственной службѣ—военной, гражданской и придворной, объ имѣніяхъ и шляхетскомъ богатствѣ, объ управленіи деревнями.

Изъ завѣщанія Татищева мы узнаемъ, что онъ наставлялъ въ вѣрѣ сына своего частыми и пространными разговорами; не смотря на то, совѣтуетъ ему поучаться въ законѣ Божіемъ день и нощь даже до старости: «для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, т. е. библію и катехизисъ; а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго (сочиненія) главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Афанасія Великаго и Ѳеофилакта болгарскаго; также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катихизисъ, а малая букварь, или юности честное зерцало, за лучшее нравоученіе служить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно. Прологи и житія святыхъ въ Минеяхъ-Четьихъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ иску-

сился и могъ бы довольно разсудить: ибо хотя въ нихъ многія исторіи въ истиннѣ бытія кажется оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ; однакожъ тѣмъ не огорчевайся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію предписано, и тщися подражати дѣламъ ихъ благимъ». Оставляя немало собственныхъ книгъ, Татищевъ совѣтуетъ сыну самому пріобрѣтать покупкою какъ свѣтскія, такъ и духовныя сочиненія, которыя могутъ служить въ жизни неоцѣненнымъ сокровищемъ. Послѣ достаточнаго ознакомленія съ своимъ закономъ, Татищевъ предлагаетъ сыну перейти къ изученію твореній писателей католическихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ: потому что, встрѣчаясь часто въ обществѣ съ людьми этихъ вѣроисповѣданій и вступая съ ними въ разговоры, при незнаніи основныхъ ихъ вѣроученій, нетрудно быть обманутымъ; особенно остерегаться должно папистовъ. Но и довольно познакомившемуся съ духовною литературой всѣхъ исповѣданій Татищевъ не совѣтуетъ въ явныя, жестокія или упрямыя прѣнія съ единовѣрцами вдаваться, чтобъ «у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать; а отъ неразсудныхъ можно и претерпѣть». Въ примѣръ тому онъ выставляетъ себя: «я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или прѣніе вступалъ; но потому что я нѣкогда о убыткахъ законами человѣческими въ тягость положенныхъ говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ божьяго закона, и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не только за еретика, но и за безбожника почитанъ и немало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ; токмо до днесь, благодатію Божіею и великодушіемъ презрѣвъ такія клеветы и злонамѣренія терпѣливостью

преодолѣвъ, ихъ нелицемѣрнымъ поступкамъ и фарисейскимъ ученіямъ не послѣдовалъ». Умѣнье удерживаться отъ подобныхъ споровъ онъ считаетъ главнымъ въ жизни. Воспитаніе, со времени Татищева, уже не ограничивалось, какъ прежде, азбуковникомъ, часословомъ да псалтыремъ. И вотъ онъ совѣтуетъ послѣ чтенія сочиненій религіознаго содержанія заботиться о знакомствѣ съ свѣтскими науками: сперва надо выучиться право и складно писать; потомъ заняться ариѳметикой, геометріей, артиллеріей, фортификаціей и другими частями математики; небезполезно узнать нѣмецкій языкъ, который необходимъ для извѣстія о состояніи государства нашего. Средства изучить русскую исторію и географію Татищевъ указываетъ въ собранныхъ, но неприведенныхъ имъ въ порядокъ, бумагахъ: «ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно». Нужно также знать отечественные законы; источниками такого знанія могутъ служить: уложеніе, воинскіе артикулы—сухопутные и морскіе, и вообще всѣ печатные указы; разговоры о законахъ съ искусными людьми, по поводу собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ. Надо знать и ябедническія коварства, чтобы при случаѣ умѣть отразить ихъ.

Къ числу главныхъ нравственныхъ обязанностей Татищевъ относитъ почтеніе къ матери: «и хотя я съ матерью твоею, говоритъ онъ своему сыну, нѣкоторымъ приключеніемъ разлучился, чрезъ что наше обѣщаніе брачное нарушено; но тебѣ нѣтъ въ томъ ни малой причины къ нарушенію твоей должности.... И если ты понадѣешься на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству неудобно; то вѣдай и вѣрь подлинно, что Богъ обиды родителей безъ отмщенія не оставитъ.

Завѣщаніе Татищева, имѣя въ виду въ этомъ случаѣ именно положеніе сына его, въ остальныхъ не слѣдовало

этому правилу. Сынъ Татищева уже былъ въ военной службѣ; а завѣщаніе твердитъ ему: прежде всего выучись писать. Точно также онъ, переходя къ вопросу о женитьбѣ, имѣетъ въ виду раннюю молодость, а разсуждая потомъ о службѣ, рисуетъ выгоды и невыгоды гражданской, военной и придворной службы, между тѣмъ какъ выборъ Евграфа Татищева былъ уже сдѣланъ. Можно думать, что отецъ его, составляя завѣщаніе, имѣлъ въ виду вообще наставленія, полезныя для всякаго среди тогдашней жизни. Такъ и теперь, развивъ рядъ мыслей объ образованіи человѣка науками въ ранней его молодости, Татищевъ переходитъ къ первымъ шагамъ молодаго человѣка въ жизни. «По окончаніи наукъ, говоритъ онъ, какъ только въ возрастъ осьмнадцати лѣтъ пріидешь, хотя въ тебѣ тогда наипаче любовь къ женамъ и явится: однакожъ для будущаго благополучія, яко для пріобрѣтенія чести и способности, должно тогда тебѣ во опредѣленную государственную услугу вступить, а по прошествіи 30 лѣтъ должно о бракѣ думать». Подробное обсужденіе начинается съ женитьбы. Татищевъ противъ раннихъ браковъ: по его мнѣнію, молодые люди какъ въ дружбѣ, такъ и въ любви нетверды; и для того сначала хотя довольно любовь изъявятъ, но рѣдко въ томъ постоянны пребываютъ. Кромѣ того частыя отлучки мужа изъ дому, по дѣламъ службы, разрушаютъ супружескую вѣрность. Отъ ранняго брака страдаютъ науки и служба, а иногда и здоровье: «для того лучшія лѣта брака отъ 30 лѣтъ почитаютъ». Переходя къ выбору жены, Татищевъ замѣчаетъ, что справедливо на власть родителей и воспитателей узда закономъ наложена, чтобъ силою и противъ воли къ браку не принуждали, и что о взаимныхъ чувствахъ никто болѣе разсуждать не можетъ, какъ сочетающіеся: но «та любовь часто такъ помрачаетъ умъ нашъ, что мы иногда

наше благополучіе, здравіе и погибель презираемъ. И для того въ такомъ дѣлѣ, какъ бы тебѣ всѣ обстоятельства пріятны ни казались, нужно употребить въ совѣтѣ людей искусныхъ, а паче надежныхъ родственниковъ и свойственниковъ; ненадежныхъ же весьма въ такомъ совѣтѣ должно остерегаться, дабы по недовольному тебѣ обстоятельству вреда не принесли; какъ-то мнѣ въ мою жизнь довольно такихъ коварствъ вѣдать и видѣть случалось, что по скрытной злобѣ къ жениху или невѣстѣ, невинно злорѣчатъ и разбиваютъ, или непотребное и недостойное похваляютъ и прельщаютъ, а послѣ насмѣхаются». Желая избавить сына отъ подобныхъ постороннихъ совѣтовъ, Татищевъ тотчасъже самъ дѣлаетъ ихъ: «что до персоны супруги касается, то главныя обстоятельства—лѣпота лица, возрастъ и веселость въ компаніи, которыя женамъ большую похвалу приносятъ, и тѣмъ много молодые прельщаются. Но какъ извѣстно, что въ краснѣйшемъ яблокѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщинъ продерзости находятся, для того оное бываетъ небезопасно; противно же тому безобразныя хотя нѣкогда достаточнаго ума бываютъ, и многократно въ супружествѣ любовь твердо съ удовольствіемъ супруга хранятъ; однакожь равно, какъ старѣе себя жену взять, весьма небезопасно: ибо если хотя мало любовь нарушится, вскорѣ мысль и склонность къ младшей или лѣпѣйшей явится, и чрезъ то брачное обязательство разрушается, а за тѣмъ все состояніе въ безпорядокъ и домъ въ безпутство и раззореніе приходитъ. И для того посредственная красота и равность лѣтъ, или жена не менѣе десятью лѣтами моложе къ сожитію есть лучше». Относительно богатства жены Татищевъ замѣчаетъ сыну: «въ супружествѣ должно не богатства искать, а особливо тебѣ: оставлю моего имѣнія, чѣмъ честно жить и неоскудно есть: ищи глав-

наго, то есть жены, съ кѣмъ бы можно въ веселіи вѣкъ свой препроводить». Хорошіе свойственники лучше хорошаго приданаго; отъ нихъ идутъ дѣльные совѣты и помощь въ нуждахъ: «изъ подлости взятыя жены, хотя бываютъ довольно милы и честнаго житія; но ихъ родственники за подлость непріятны, зазрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ бы оныя достаточны не были: честные дворяне великое отвращеніе (отъ нихъ) имѣютъ. Хотя отцы ихъ по своему природному коварству иногда и въ чиновныхъ людяхъ бываютъ; однакожъ всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище; а великородные иногда гордостію надменны и супругамъ уничтожительны являются». Бракъ между равными по состоянію и происхожденію лучше всего, говоритъ далѣе, въ видѣ общаго вывода, Татищевъ и потомъ прибавляетъ: «главнѣйшее въ женѣ — доброе состояніе, разумъ и здравіе». Опредѣливъ сыну признаки хорошаго выбора жены, онъ выставляетъ потомъ, какъ обязанности мужа, любовь и вѣрность, удаленіе отъ ревности и жестокости: ибо хотя немногіе несмысленные разсуждаютъ, якобы ревность отъ любви происходитъ; но я довольно искусился, что оная любовь и вѣрность раззоряетъ и нехотѣвшую огорченіемъ на противные и коварные поступки приводитъ.... Имѣй и то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилѣжать; въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать: а за тѣмъ и самому нелѣностно смотрѣть. Однакожъ храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властію; сіе для мужа очень стыдно, и чрезъ то можешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъявить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже доволь-

но видимъ; а особливо высокопарныя, а лучше сказать, глупыя жены, безразсудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаніемъ, дурацкою ревностію, безвинно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами всегда такія пустальги и негодницы больше всѣхъ въ томъ обращаются; и думая закрыть тѣмъ враньемъ свои пороки непрестанно бредятъ, какъ попугаи, что имъ на мысль придетъ; а больше онѣ подобны соннымъ или въ горячкѣ больнымъ, которые говорятъ, а о чемъ послѣ и сами не знаютъ, а за то иногда такую бѣду или несчастіе мужу своему наносятъ, что онъ, невинно получа себѣ отъ женниной глупости новыхъ и неизвѣстныхъ злодѣевъ, принужденъ будетъ страдать и несчастіе терпѣть». Подлѣ такихъ женъ всегда появляется цѣлый кругъ ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстоношей, которыхъ, какъ злѣйшаго яда, надо беречься: «ибо отъ нихъ всегда поношеніе, ссоры съ друзьями и несогласія между супружествомъ, однимъ словомъ сказать, кромѣ вреда ничего добраго не бываетъ; сіи звонкіе колокольчики за деньги не токмо тебя, но и себя продать въ состояніи». Наконецъ свои осторожные совѣты о женитьбѣ Татищевъ заключаетъ такимъ замѣчаніемъ: «не дѣлай свадебной церемоніи, чтобъ не дѣлать изъ себя живой картины, какъ мыши кота погребаютъ». Всѣ эти подробности о семейныхъ отношеніяхъ и внимательность, съ какою разсмотрѣнъ вопросъ о бракѣ, показываютъ отчасти, что это было больное мѣсто въ жизни Татищева. Женившись на вдовѣ Рѣдкиной, онъ вскорѣ разошелся съ нею. Онъ не могъ поступить такъ, какъ водилось въ древней Россіи, запереть жену въ монастырь; не могъ и совсѣмъ помириться съ своимъ собственнымъ положеніемъ. Что было причиною разлада между мужемъ и женой, рѣшить трудно:

хотя горечь, съ какой выражается Татищевъ о ревности, о ханжахъ и вѣстоношахъ, намѣкаютъ нѣсколько на обстоятельства, вынудившія разводъ. Что Татищевъ былъ человѣкъ крутаго нрава, это говорили многіе изъ его современниковъ; самъ же онъ постоянно жаловался на плохое здоровье, какъ на причину раздражительности. Но кромѣ личныхъ свойствъ завѣщателя, въ его духовной должны были отразиться и обстоятельства времени. Затронутый имъ вопросъ не принадлежалъ тогда къ числу вопросовъ, удачно рѣшенныхъ: на немъ всего сильнѣе отражались недостатки тогдашняго общества и неустановившіяся привычки времени. Съ 3 апрѣля 1702 г., съ тѣхъ поръ какъ Петръ отмѣнилъ своимъ указомъ рядныя и сговорныя записи о бракахъ, совершавшіяся крѣпостнымъ порядкомъ, и далъ такимъ образомъ въ руки женщины своего рода вольную, — ни семейныя отношенія, развившіяся въ замкнутой тиши терема, ни общественное положеніе женщины не успѣли еще получить приличныхъ формъ и внутренняго содержанія. Подлѣ высокихъ женскихъ характеровъ стояли пустыя мелкія натуры. Съ своей стороны мужчины, привыкнувъ въ общественной дѣятельности къ крутому обращенію другъ съ другомъ, проводя нерѣдко по нѣскольку часовъ въ застѣнкахъ, или среди жестокихъ смиреній своей челяди и дворни, могли ли возвращаться домой въ семью съ умягченными нравами? Единственный и главный тогда руководитель въ жизни, примѣръ другихъ, не былъ привлекателенъ; и Татищевъ долженъ былъ указывать сыну на другаго вождя въ семейномъ быту: «болѣе же, говоритъ онъ, о любви и должности къ женѣ, родителямъ, дѣтямъ, друзьямъ и рабамъ достаточное письмо святое тебѣ наставленіе подастъ; и для того оное читай прилежно, и тщися по оному поступать».

Покончивъ съ семейными отношеніями, Татищевъ переходитъ къ служебнымъ. Вѣрность государю и государству, прилежаніе къ общей пользѣ, повиновеніе властямъ:—вотъ главные качества хорошаго служаки. «Главное же повиновеніе, говоритъ Татищевъ, повторяя слова отца своего, собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя не опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи.... и когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрѣкался, всегда о томъ сожалѣлъ: равно же и надъ другими слышалъ. Рекомендуя вѣрность государю и ревность къ государственной службѣ, Татищевъ замѣчаетъ, что награжденія и повышенія возбуждаютъ въ другихъ зависть, навлекаютъ клеветы и гнѣвъ отъ всѣхъ плутовъ, хищниковъ и прихотьми преисполненныхъ людей, и, обращаясь къ собственной судьбѣ, прибавляетъ, «какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великимъ гоненіемъ невинно гнѣвъ ихъ величествъ претерпѣлъ напрасно; однакожь напослѣдокъ отъ его величества вѣчно достойныя памяти Петра Великаго не только довольное награжденіе, но и высокую милость, чрезъ то оклеветаніе получилъ; а оклеветатели посрамились». Припоминая замыслы верховниковъ и допуская возможность подобныхъ вопросовъ и въ будущемъ, Татищевъ говоритъ сыну: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить, никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ гисторіи нашего государства ясные приклады показать могутъ, какъ-то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали; а паче всего тайность государя прилежно храни, и никому не открывай, всего же

болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся, чтобъ нечаянно изъ тебя не вывѣдали. И для того о такихъ дѣлахъ ни съ кѣмъ въ разговоры не вступай; а если кто тебѣ и о подобномъ дастъ причину чрезъ разговоръ, то старайся ту рѣчь немедленно въ иной разговоръ превратить, чтобъ къ твоей тайности не приближиться». Таковы были совѣты Татищева, относившіеся вообще ко всякой службѣ; всѣ они основаны на осторожности и горькомъ опытѣ.

Переходя къ подробностямъ Татищевъ прежде всего дѣлитъ службу на военную, гражданскую и придворную: службу духовную онъ опускаетъ, потому что шляхетство рѣдко въ нее употребляется, и то развѣ въ монашествѣ, которое впрочемъ сильно упало со временъ реформы. Военная служба отвѣчаетъ молодости, когда человѣкъ начинаетъ ощущать въ себѣ силу и бодрость, между 18 и 25 годами. Слишкомъ рано вступать въ нее опасно потому, что «человѣкъ во младости невоздерженъ и, будучи въ солдатствѣ, между подлостію легко благонравіе и пристойность потерять и безпорядку прилѣпиться можетъ»; и наоборотъ, кто долго дома заживется, хотя привыкнетъ къ домашнему обхожденію, но всего болѣе къ своевольству и потомъ трудно будетъ повиноваться. Въ самой службѣ почтеннѣе всего храбрость, но запальчивость не лучше робости: опрометчивостію можно погубить даже подчиненныхъ своихъ, а робость для воина поношеніе; надо сохранять середину. Полезно также пріобрѣсти почтеніе и любовь отъ начальниковъ послушаніемъ, отъ подвластныхъ ласкою, разсудительностью и благоразуміемъ. Послуживъ довольно въ военной, можно перейти въ гражданскую. По этому случаю Татищевъ припоминаетъ, что Петръ, видя недостатокъ въ гражданской службѣ опытныхъ дворянъ, находившихся преимущественно въ войскѣ, и раззореніе отъ чиновниковъ изъ подлости и убожества, сдѣ-

лалъ четыре весьма изрядныя и государству полезныя учрежденія: 1) для обученія гражданскимъ дѣламъ прикомандировывалъ молодыхъ дворянъ къ коллегіямъ, а для обученія иностраннымъ назначалъ ихъ юнкерами при всѣхъ русскихъ министрахъ, жившихъ за границей; 2) въ секретари не производилъ никого кромѣ дворянъ; 3) велѣлъ для гражданскихъ услугъ въ резиденціи, губерніяхъ и провинціяхъ избирать шляхетству изъ среды себя людей достойныхъ; 4) всѣхъ довольно въ войскѣ послужившихъ, или для слабости немогущихъ, велѣлъ въ гражданство опредѣлять. Но, по смерти Петра, всѣ эти мѣры были оставлены, точно также какъ пренебреженъ и другой указъ его объ обученіи дворянъ въ школахъ съ малолѣтства. Мало того: часто опредѣляли въ гражданскую службу людей, выписанныхъ изъ военной и незнавшихъ законовъ, между тѣмъ какъ гражданская услуга есть въ государствѣ главная. И потому Татищевъ, не видя иныхъ источниковъ знакомства съ законами, совѣтуетъ сыну прежде вступленія въ службу, разсуждать о ея порядкахъ съ старыми, честными и разумными людьми. Храненіе правосудія во всѣхъ дѣлахъ, предпочтеніе общихъ интересовъ собственной пользѣ, осторожность отъ взятокъ, — вотъ главныя условія честной гражданской службы, по мнѣнію Татищева. Разсказавъ къ случаю свой разговоръ съ Петромъ о лихоимствѣ, Татищевъ опять оканчиваетъ свои разсужденія предостереженіями: «сіе тебѣ довольно показываетъ, чтобъ ты прилежалъ наипаче всего о правосудіи. Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ. Хотя рѣдкой, кто бы могъ за правое дѣло возблагодарить, и едва имѣлъ ли кто; однакожъ, не взирая на то, елико воз-

можно прилежи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить, и честно сохранить, за что ты не токмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь. А при томъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ челобитчикамъ въ честь показываться, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ: и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить. Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, ввѣрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они простяки бѣдные нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались, и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы. Наипаче всего хранися секретарей и подъячихъ подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствамъ ихъ и низкимъ поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили, и не ввергнули бъ въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ постороннихъ, или тоже самое токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что

пополнить до пристойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать и правду съ ложью распознать: изъ нихъ рѣдкой, чтобъ не возгордился; а ты отъ того потеряешь надлежащее почтенiе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и несчастiе претерпишь. Оставь секретарей поводильщиками такимъ судьямъ, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ. Соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; если не склонятся, то не одного изъ людей искусныхъ въ знанiи законовъ въ совѣтъ призвать должно, токмо того храниться, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того непотребно имена объявлять, если дѣло не всѣмъ извѣстное. Когдажъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненной, неалчной и справедливой человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отмѣннымъ образомъ ихъ во обхожденiе свое принимай. Хотя сiе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ. Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, если товарищъ безсовѣстный, сребролюбивый и коварной, плутъ или дуракъ, котораго другiе могутъ на многiя тебѣ противности навести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно сначала искусить и состоянiе ихъ совѣсти познать, чтобъ ты впредь не легко могъ обманутъ быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно, удерживаться; а подчиненныхъ сначала увѣщеванiями и разговоры, прилежи отъ безпорядковъ удержать, словесно, на единѣ, или когда бестыденъ при людяхъ и съ угрозою большаго наказанiя отвращай: а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать, не очень прилично; лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать». Такое обилiе совѣтовъ, относящихся до гражданской службы, лучше всего

указываетъ, что самъ Татищевъ болѣе знакомъ былъ съ нею, нежели съ военною, и что жизнь, полная столкновеній и непріятностей, пріучила его къ крайней осторожности, которую онъ внушалъ и сыну.

Нечуждъ будучи и придворной службы, видѣвъ императорскій дворъ при Петрѣ и во время коронованія Анны Іоанновны, Татищевъ съ меньшимъ сочувствіемъ отзывается о ней. По его мнѣнію, придворная служба не лишняя: самое имя дворянинъ произошло отъ придворности; знатнѣйшіе и богатые дворяне придаютъ своимъ великолѣпіемъ блескъ двору, придворные ближе всѣхъ къ милостямъ и наградамъ чинами и имѣніями. Такъ было въ то время, когда писалъ Татищевъ. Воспитанникъ Петра, онъ опять не можетъ не вспомнить, какъ смотрѣлъ на придворную услугу преобразователь: «Петръ Великій, говоритъ онъ, который великолѣпіе, единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оные весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было. Нынѣ же оные рангами, жалованьемъ, и другими преимуществы противъ европейскихъ государствъ пожалованы; то я, взирая на ихъ строптивое житье и обхожденіе, никогда бъ тебѣ онаго искать не совѣтовалъ: понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едва ли не все вмѣсто добродѣтели происходитъ; а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, не смотря на то, что губятъ невинныхъ, сами вскорѣ судомъ божескимъ погибнутъ. Но сіи не мни, чтобъ генерально и они сіи злодѣянія за добродѣтели почитали; но суть нѣкоторые того неистовства сущіе злодѣи. А если не сильны, то и политикѣ придворной не прилѣпляются; однакожь отъ другихъ терпѣть посмѣяніе принуждены бываютъ. И для того кромѣ повелѣнія мо-

наршескаго, никакъ сего чина не ищи и никакимъ тутъ благополучіемъ не льстися. Если же въ то призванъ будешь, прилежи о томъ, чтобъ представить себя государю вѣрнымъ и присяжнымъ рабомъ, товарищамъ добрымъ, а страждущимъ и погибающимъ помощникомъ и заступникомъ. Если ты добра сдѣлать не можешь, то по малой мѣрѣ покажи привѣтливость и сожалѣніе объ нихъ: а не дѣлай себя подобно истинному идолу. Знай, что гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ свою благодать: смиривыйся вознесется, а возносяйся смирится. Никогда о себѣ не воображай, чтобъ ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя обойтится невозможно; равно и о другихъ того не думай: знай, что такихъ людей Богъ въ свѣтѣ не создалъ».

Разобравъ обязанности, соединенныя со всѣми тремя видами тогдашней службы, Татищевъ переходитъ къ матерьяльному вознагражденію, которое приносила она, считая его недостаточнымъ для обезпеченія жизни. «Вѣдай, говоритъ онъ сыну, что какимъ бы ты чиномъ не былъ, отъ получаемаго жалованья, хотя онаго и довольно на прожитокъ положено, едваль кто можетъ имѣть своею бережливостію, а лучше сказать скупостію, 100 душъ; еслижъ и такъ, то покажетъ себя презрительнымъ въ людяхъ благороднаго обхожденія, а о 1000 душахъ и думать нельзя». Въ этихъ словахъ не столько выразился старинный взглядъ на службу, какъ на кормленіе, какъ на нахожденіе у наживочныхъ дѣлъ; сколько личный характеръ писавшаго, который славился въ свое время аккуратностью въ дѣлахъ и умѣньемъ собирать матерьяльныя средства. Тогдашняя общественная жизнь, гдѣ отдѣльное лицо не могло встрѣтить никакой поддержки со стороны другихъ, развивала въ людяхъ съ энергіей горячее желаніе создать себѣ независимое положеніе. Какъ опытный въ этомъ вопросѣ человѣкъ, Тати-

щевъ наполняетъ остальную часть своей духовной наставленіями, напоминающими книгу Посошкова «о скудости и богатствѣ», но только перенесенными съ государственной и общественной жизни на частную. Татищевъ, какъ извѣстно, не удовольствовался въ этомъ случаѣ одними совѣтами сыну, но два года спустя написалъ еще краткія экономическія до деревни слѣдующія записки. Татищевъ сошелся въ этомъ случаѣ съ Арт. Петр. Волынскимъ, составившимъ въ 1724 году наказъ для управленія деревнями [111]). Ни Татищевъ, ни Волынскій не смотрѣли на своихъ крестьянъ, какъ смотрѣлъ Посошковъ, говорившій: «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно». Посошковъ, на основаніи такой мысли, дѣлалъ выводъ, что: «крестьянское богатство — богатство царственное». Татищевъ и Волынскій, разумѣется, считали его своимъ, помѣщичьимъ богатствомъ, и съ этой точки зрѣнія заботились о хорошемъ управленіи крестьянами.

Въ духовномъ завѣщаніи, Татищевъ начинаетъ съ разсужденій вообще о богатствѣ дворянъ, которое они получаютъ разнымъ образомъ: 1) монаршимъ награжденіемъ, 2) наслѣдствомъ, 3) супружествомъ, и 4) всякимъ Богу противнымъ злодѣяніемъ. По его мнѣнію, купечество больше имѣетъ способовъ къ нажитію богатства; но безграмотность этихъ торгашей, незнаніе правилъ коммерціи, неимѣніе общаго банка и конторъ въ чужихъ государствахъ, раззореніе потребителей откупами и подрядами подъ видомъ коронной пользы, плохой кредитъ, вслѣдствіе наклонности купцовъ къ обманамъ, подрываютъ ихъ дѣятельность и увеличеніе капиталовъ. Фальшивые векселя, обманы въ товарахъ, ложные торги и подряды—заманчивыя сдѣлки и для другихъ сословій: «Прошу тебя, говоритъ Татищевъ сыну, не имѣй съ

такими богомерзкими и жадными подлецами обхожденія, какого бы они чина и званія не были; знай, что всякому честному человѣку въ поношеніе и во вредъ всегда бываютъ. Поучаетъ насъ Божественное писаніе: благіе нравы тлятъ бесѣды злы; не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе, не вѣси кому соберетъ я. Друзей старайся имѣть такихъ, которые любятъ вѣрность, правду, и хранятъ присягу, хотябъ они и низкой породы были; справедливый человѣкъ самъ себѣ благороденъ: онъ тѣмъ подаетъ о себѣ надежду имѣть его другомъ, что всегда бываетъ одинаковъ въ своихъ предпріятіяхъ; въ богатствѣ и убожествѣ равнодушенъ; только такихъ адамантовъ и фениксовъ въ свѣтѣ весьма мало. Старайся искать ихъ дружбы; а когда надобность тебя доведетъ, въ необходимыхъ случаяхъ требуй отъ нихъ добраго совѣту, что тебѣ весьма будетъ полезно, хотя-бъ ты и знатной господинъ былъ. Сихъ честныхъ людей называютъ плуты и ненавистники чудовищемъ въ свѣтѣ, понеже отъ нихъ кромѣ добраго порядка въ отечествѣ быть не можетъ; ихъ деньгами подкупить и обольстить ничемъ нельзя; они богатство презираютъ, о чинахъ поклоновъ не теряютъ, одну только рожденную свою честь, вѣрность, правду и присягу хранятъ».

Деревенская жизнь, среди своихъ помѣстій и вотчинъ, должна наступать, по мнѣнію Татищева, для каждаго дворянина, когда ему исполнится 50 лѣтъ: «тогда, говоритъ онъ, надлежитъ помышлять о увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ для того, что отъ сихъ лѣтъ крѣпость и сила тѣлесная начнетъ сохнуть и изчезать, умъ и память умаляться, и отъ времени до времени въ управленіи своей должности неспособнымъ явиться можешь. Весьма остерегайся того, чтобъ тебя безъ прошенія отъ службы не отставили; сіе для честнаго и благороднаго человѣка великой стыдъ и поношеніе:

одни только скоты сего наказанія не ощущаютъ. И для того лучше отстать честно по своей волѣ, нежели съ нареканіемъ продолжать службу и отъ того терпѣть стыдъ и поношеніе. Напротивъ-же того не меньше предосужденія достойны и тѣ, которые, притворя себя больными, за деньги чрезъ докторовъ, безо всякой причины, не выслужа 30 лѣтъ, ищутъ отъ службы увольненія; весьма сіе непохвально, а паче тѣмъ нарушаютъ свою присягу. По увольненіи-же отъ службы надлежитъ осмотрѣть, свои деревни, въ какихъ оныя положеніяхъ, чужое возвращать свое требовать дружелюбно и, елико возможно, отъ подачи алчныхъ прошеній убѣгать; оставь сіе проклятымъ, жаднымъ ябедникамъ и душеврецамъ, плутамъ и ворамъ.»

Первыя заботы помѣщика, возвратившагося въ свои имѣнія, должы относиться къ церквамъ, находящимся въ нихъ. «Старайся имѣть попа ученаго, говоритъ Татищевъ, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою, къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо гдѣ ты жить будешь; имѣй съ нимъ частое свиданіе; награди его безбѣднымъ пропитаніемъ деньгами, а не пашнею, для того чтобъ отъ него навозомъ не пахло; голодной, хотябъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилѣжать къ церквѣ, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ не прилично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ. А крестьяне живучи въ распутной жизни, неимѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидятъ, подведя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучатъ и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когдажъ гдѣ есть ученой попъ и добраго поведенія человѣкъ, къ томужъ неимѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное жи-

тіе, и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ.» Заботы о содержаніи священника, которыя предлагаетъ Татищевъ сыну, вызваны были тѣмъ положеніемъ сельскаго духовенства, которое описано у Посошкова: «сельскіе попы питаются своею заботою, и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь и духовная паства остается въ сторонѣ... Сельскіе пресвитеры самые простые: взростетъ онъ въ деревнѣ, деревенское и смышляетъ.» Татищевъ съ своей стороны прибавляетъ еще болѣе яркія краски къ описанію Посошкова. Онъ говоритъ, по поводу того, какъ мало было занято сельское духовенство толкованіемъ крестьянамъ закона Божія: «невѣжды, лѣнивые и неученые попы, получая отъ крестьянъ алтыны, мирволютъ и совсѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ, къ томужъ почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одни только имъ разсказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво, сидѣть вино, ѣдятъ и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого и помышленія не имѣютъ. А потомъ пьяные поссорясь, стараются крестьянъ научить отнять у сосѣда землю, зная, что съ земли платежа въ казну никакого нѣтъ, владѣть будетъ безъ убытка, и вѣдая, что челобитьемъ искать на обидчикѣ и вѣку человѣческаго не достанетъ; а хотя по суду и изобличенъ будетъ, однакожъ останется своимъ пронырствомъ безъ надлежащаго наказанія.»

И въ экономическихъ запискахъ своихъ, рисуя день крестьянина, Татищевъ повторяетъ, что «наивящшій пунктъ учить грамотѣ и писать, чрезъ что познаетъ законъ и страхъ Божій, хотя тѣмъ можетъ назваться истиннымъ человѣкомъ и различить себя отъ скота». Эти записки, подробно входя въ различные вопросы сельскаго хозяйства: о

раздѣленіи земель между крестьянами, о сбереженіи луговъ и сѣна, о запашкѣ, о сѣнокосѣ, о навозѣ, о жнитвѣ, о посѣвѣ, о молотьбѣ, о прокормленіи скота и сбереженіи шерсти, о размноженіи птицъ, о копаніи каналовъ вмѣсто городьбы и о размноженіи прудовъ, о садахъ и пчелахъ, о падежѣ скота, хворобѣ и лекарствахъ, о ткачахъ, о деревенскомъ строеніи, о магазинахъ и цейгаузахъ, постоянно имѣютъ въ виду, спѣшную, бодрую, прилѣжную работу всего сельскаго населенія. Такъ сѣно косить Татищевъ совѣтуетъ ранѣе и притомъ поспѣшнымъ образомъ, чтобъ сокъ и влажность изъ травы высохнуть не могла, начиная работу съ вечера и ежели ночь свѣтла, то и всю ночь и утро, пока роса есть; навозъ свозить на поля — также поспѣшнымъ образомъ; хлѣбъ жать или косить весьма поспѣшно съ вечера, и, ежели свѣтло всю ночь; шерсть стричь на овцахъ, какъ можно скорѣе послѣ обмывки; сады разводить прилѣжнымъ образомъ. Наконецъ въ запискахъ есть цѣлая глава: «о поспѣшности въ работѣ», въ которой между прочимъ сказано: «всего наипаче смотрѣть надлежитъ, дабы лѣтомъ во время работы не малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ однихъ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы, не торжествовать; понеже лѣнивые крестьяне ни о чемъ больше не пекутся, какъ только узнать больше праздниковъ. И для того работу производить, начавъ съ вечера ночью и поутру, а въ самое жаркое время отнюдь не работать, ибо какъ людямъ, такъ и лошадямъ оное весьма вредно... И необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и прикащику съ великою строгостью и прилѣжностью обращаться надлежитъ, пока хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянской. Работу-же производить, сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ

принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю; какъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, гдѣ не смотрятъ за крестьянскою работою, когда они обращаются въ собственной своей работѣ, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходятъ, а послѣ произносятъ на судьбу жалобу. Когдажъ убранъ будетъ съ поля весь хлѣбъ; то староста и прикащикъ не имѣетъ ихъ больше къ работѣ принуждать, и долженъ имъ дать покой нѣсколько времени; а за труды ихъ, выбравъ свободный день и собравъ всѣхъ, напоить и накормить изъ боярскаго кошту:.. понеже отъ праздности крестьяне не токмо въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умираютъ; спятъ довольно, ѣдятъ много, а не имѣютъ моціону; доброму старостѣ и прикащику всего того смотрѣть надлежитъ, ибо за хорошее смотрѣніе должны получать хорошую заплату, а за нерадѣніе штрафъ или наказаніе... Крестьянинъ не долженъ продавать хлѣбъ, скотъ и птицъ лишнихъ кромѣ своей деревни, а когда купца нѣтъ, то долженъ купить помѣщикъ повольную цѣною; а когда помѣщикъ купить не захочетъ, тогда вольно продать постороннему. А кто безвѣдома продаетъ или къ работѣ лѣнивъ будетъ, тѣхъ сажать въ тюрьму и не давать хлѣба двои или трои сутки. А особливо вражды, ссоръ и дракъ между собою отнюдь не имѣть подъ жестокимъ наказаніемъ; а жить всѣмъ согласно и единодушно безъ всякой зависти во всякомъ дружелюбіи, одному другому во всемъ вспомоществовать, и другъ другу быть покорнымъ по закону Божію. А кто въ томъ виновенъ явится или какимъ себя злодѣемъ окажетъ; то штрафовать денежнымъ штрафомъ и сверхъ того чинить наказаніе, не давать пить и ѣсть время, смотря по винѣ до трехъ дней. Прикащикъ же ни подъ какимъ видомъ не долженъ имѣть присѣвокъ или пашню, кромѣ своего дохода, положеннаго отъ помѣщика, а можетъ держать скотъ на

барскомъ корму, сколько ему позволено будетъ; а лучше содержать прикащика деньгами. Крестьянъ въ чужую деревню въ батраки и пастухи не пускать и въ свою не принимать; вдовъ и дѣвокъ на выводъ не давать подъ жестокимъ наказаніемъ; понеже отъ того крестьяне въ нищету приходятъ, всѣ свои пожитки выдаютъ въ приданое, и тѣмъ богатятся чужія деревни. Въ своей деревнѣ между собою кумовства не имѣть, за тѣмъ чтобъ было можно жениться. Крестьянъ старыхъ и хворыхъ мужеска и женска пола по міру не пущать, а опредѣлять ихъ въ домовую богадѣльню, которыхъ поить и кормить боярскимъ коштомъ. Прикащикъ долженъ имѣть годовой ежедневной журналъ, что когда дѣлано и за чѣмъ когда работы не было.» Татищевъ совѣтуетъ все собирать, что даетъ сельская природа «дабы ничто, произращенное отъ Бога, данное намъ въ пищу, втуне по нашей лѣности пропасть не могло. Еслижъ въ чемъ потребной надобности въ дому состоять не будетъ, то все оное можно будетъ продать, а хотя и крестьянамъ отдать весьма полезно... и такъ ничто пропадать напрасно не можетъ.» Заключая свои записки «нравоученіемъ жизни добраго крестьянина и рукодѣльника», Татищевъ и тутъ повторяетъ о поспѣшности въ работѣ: «каждый человѣкъ, который ежечасно упражняется въ работѣ, тотъ всегда здравъ и бодръ; а который спитъ довольно, ѣстъ много, тотъ ежечасно себя подвергаетъ болѣзни. Притомъ то вѣдать надлежитъ: лѣтомъ меньше ѣсть а чаще пить, а зимою больше ѣсть а меньше пить; то никакой болѣзни знать не будетъ; чрезъ силу не пей и не ѣшь, и спать не ложись, когда не хочешь... всякой крестьянинъ дѣтей своихъ долженъ въ великомъ страхѣ содержать, ни до какой праздности не допускать, и всегда принуждать къ работѣ; дабы онъ въ томъ взялъ привычку, и смотря отца своего неусыпные труды

себя къ тому прiучать могъ. Праздность человѣка приводитъ въ воровство и разбои, отъ чего послѣ на вѣки долженъ будетъ пропасть душею и тѣломъ; а дабы каждый праздно въ младости не былъ, то долженъ онъ отдать его какому-нибудь художеству и рукодѣлью учиться, отъ чего всегда интересъ свой получить можетъ.»

Распредѣляя не только каждый день крестьянина и двороваго человѣка, но и входя въ самое исполненiе ихъ работъ, Татищевъ касается также наказанiй нерадивымъ исполнителямъ этихъ предписанiй: «для винныхъ людей, велитъ онъ, имѣть тюрьму; а за тѣмъ наказывать за вину нещадно; одна милость безъ наказанiя быть не можетъ, по закону Божiю». Вмѣстѣ съ тѣмъ Татищевъ заботится, чтобъ имѣнiя снабжены были банями, лекаремъ и домашнею аптекой. Тоже повторяетъ онъ и въ завѣщанiи сыну: «въ деревнѣ, гдѣ ты жить будешь, необходимо при себѣ имѣть должно лѣкаря искуснаго, дабы какъ для самаго тебя, такъ и для крестьянъ своихъ и постороннихъ, въ случаѣ болѣзни, могъ скорѣе помочь подать, что весьма сожалѣтельно: по неимѣнiю такихъ искусныхъ людей, отъ деревенскихъ проклятыхъ обманщиковъ, ворожей, шептуновъ и колдуновъ, отъ ихъ безумныхъ и вымышленныхъ лѣкарствъ, весьма много напрасно народу гибнетъ, отъ чего и въ неизлѣчимую болѣзнь приходятъ, а иные и вовсе умираютъ. И для того необходимо надлежитъ имѣть въ пристойномъ мѣстѣ для больныхъ особые покои, равно и для старыхъ и увечныхъ, которыебъ зависѣли отъ собственнаго призрѣнiя помѣщика».

Наконецъ въ духовной своей Татищевъ коснулся вопроса о винномъ откупѣ: «По волѣ монаршей, говоритъ онъ сыну, если требовано будетъ отъ россiйскихъ дворянъ, желаютъ ли они производить винную продажу повольно? на

то не токмо соглашайся и прочимъ ясно доказывай; хотябъ съ заплатою, почему съ души сверхъ подушныхъ денегъ, или съ земли, положено будетъ, кажется весьма полезно: ибо сія прямая есть должность дворянская, и общенародная въ томъ польза разведеніемъ скота, а отъ большаго навоза урожаемъ хлѣба. Цѣловальникижъ, чумаки, поднощики, смотрители, повѣренные, кабацкіе головы и самые главные откупщики, которыхъ числомъ всѣхъ въ государствѣ болѣе 50,000 человѣкъ, праздноживущихъ хлѣбоядовъ и ежегодной саранчи, всѣ тѣ тунеядцы войдутъ къ своимъ мѣстамъ; а многіе изъ нихъ прямо не знаютъ, чьи они прежде были. Беззаконно прижитые и бѣглые разныхъ родовъ люди опредѣлятся къ прямымъ должностямъ; напротивъ же того въ городахъ бѣдные жители, вдовы, солдатскія жены и дочери, отъ вольной продажи будутъ получать свое безгрѣшное пропитаніе такъ, какъ и во всѣхъ европейскихъ государствахъ весьма за полезное вездѣ сіе почитается. Многіе о семъ инако разсуждаютъ; овы отъ незнанія, а другіе по любви къ откупщикамъ сему полезнымъ быти не чаютъ. И то еще хочу тебѣ сказать, гдѣ вино въ вольной продажѣ есть, тамъ всегда меньше пьяницъ, бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ для того, что жителю въ домѣ прикрыть какія-либо злодѣянія, и уберечься отъ сосѣдей, весьма трудно; а кабакъ ни что иное, какъ токмо общее всѣмъ подлымъ людямъ прибѣжище и пристойное знакомство: тамъ одинъ другаго всякъ по своему желанію всегда найдетъ; краденое раздѣлить и продать, а достальное пропить или въ карты и въ кости проиграть, всему удобной случай; бѣглымъ, ворамъ и разбойникамъ прямая ихъ всякому злодѣянію школа, лучшее пристанище, убѣжище и покровительство. Тожъ походячіе и площадные торги, мѣлкіе въ разныхъ мѣстахъ приторжки, къ томужъ помощію способ-

ствуютъ, и оттого въ распутную жизнь, въ неустройство и въ непотребство подлыхъ людей съ самыхъ младыхъ лѣтъ приводятъ; и весьма много добрыхъ нравовъ человѣческихъ, подлостію и буянствомъ напитаясь, вовсе испортятся такъ, что наконецъ ни къ какому дѣлу, кромѣ зла, способными не бываютъ, что мнѣ о томъ многократно изъ допросовъ самыхъ злодѣевъ и убійцевъ видѣть и съ сожалѣніемъ читать случалось. Съ того времени какъ кабаки построены, чувствительно и едва-ль не всякому больше тѣмъ вреда открылось. Шведское королевство за всѣмъ тѣмъ еще въ примѣръ, къ доказательству можно поставить: сколь оное въ пропитаніи своемъ ни нужно; однакожь винная продажа всегда бываетъ вольная; развѣ уже когда правительство увидитъ великой недородъ хлѣба, то на нѣсколько времени винную сидку всѣмъ безъ изъятія запрещаютъ, а потомъ паки въ прежнемъ положеніи пребываютъ, и въ томъ свою и общенародную пользу находятъ».

Всѣ свои экономическія соображенія и совѣты Татищевъ сводитъ и въ запискахъ, и въ духовной, къ одному: «конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ, говоритъ онъ въ запискахъ, въ свѣтѣ главный пунктъ деньги: не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ; и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же скорбитъ о томъ и не желаетъ; а богатъ славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ хранить и быть судьбою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домѣ не пускать. Совѣтую всякому жителю сего свѣта оставлять отъ годоваго своего дохода по крайней мѣрѣ пятую часть денегъ для нечаянныхъ приключеніевъ.... Впрочемъ старайся, заключаетъ онъ свою духовную, чтобъ ты никогда, никому и ничѣмъ не былъ долженъ».

Такъ высказывался предъ сыномъ одинъ изъ лучшихъ передовыхъ людей своего времени, питомецъ Петра, въ годину общихъ бѣдствій, въ эпоху власти Бирона, въ минуту собственныхъ неудачъ. Нельзя сказать, чтобы взглядъ Татищева на тогдашнія общественныя отношенія отличался широтою и мягкостью; чтобы наконецъ въ его проповѣди было много вольнодумныхъ мыслей, къ которымъ считали Татищева особенно наклоннымъ его современники. Строгое нравоученіе, осторожность и подозрительность къ жизни, какими проникнута духовная его, вовсе не были новостью, ни для того времени, когда анъ писалъ, ни для древней, до Петровской Россіи. Но постоянное желаніе поспѣшнаго и прилѣжнаго труда, для котораго явилась полная возможность послѣ реформы Петра, отличало Татищева отъ дѣятелей предыдущаго вѣка. Въ немъ искалъ онъ успокоенія отъ тревогъ общественной жизни, въ немъ видѣлъ источникъ нравственной и физической бодрости каждаго человѣка. Но вотъ Биронъ палъ; слѣдственная надъ Татищевымъ коммиссія закрылась. Его послали унимать раздоры, поднявшіеся въ калмыкахъ. И Татищевъ снова ожилъ; снова обратился къ практической дѣятельности, и опять не устоялъ противу ненасытнаго желанія собирать и копить деньги, забывъ свои недавнія, назидательныя поученія сыну.

ГЛАВА V.

Калмыцкая коммиссія.

Калмыки были послѣднимъ народомъ, оставившимъ среднюю Азію для приволжскихъ степей. Но ихъ появленіе въ Россіи не было уже такъ опасно, какъ нашествіе монголовъ: будучи одного происхожденія съ ними, они сохранили въ себѣ ту разрушительную силу, которою надѣлены были ихъ предшественники; но Россія XVII и XVIII вѣковъ не была похожа на удѣльную Русь XIII и XIV столѣтій. Русскимъ калмыки стали извѣстны вскорѣ по завоеваніи Сибири, гдѣ они были постоянными союзниками дѣтей и внуковъ Кучума, къ которымъ приставали иногда и послѣ своего подданства Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало новое переселеніе къ верховьямъ рѣкъ Ишима, Тобола и Эмбы калмыкъ, которыми управлялъ ханъ Хоурлукъ, поссорившійся съ ханами другихъ племенъ. Появленіе ихъ въ земляхъ сибирскихъ встревожило воеводъ, и тѣ не разъ подсылали къ нимъ своихъ людей справиться о причинахъ переселенія такого многочисленнаго народа. Потомъ перешли ко взаимнымъ посольствамъ. Люди Хоурлука и другихъ калмыцкихъ тайдшей стали показываться то въ сибирскихъ городахъ, то въ

Уфѣ: но эти пересылки не вели ни къ чему серьозному; калмыки любили ѣздить за подарками, надоѣдать своими докучливыми просьбами русскимъ властямъ, хотя никогда не исполняли собственныхъ обѣщаній. Посольскій приказъ велѣлъ не пропускать ихъ въ Москву. Это охладило привязанность калмыцкихъ тайдшей въ сношеніяхъ съ воеводами сибирскихъ городовъ и развязало имъ руки для набѣговъ на русскихъ ясашниковъ.

Не надолго впрочемъ пришлось имѣть дѣло съ калмыками сибирскимъ воеводамъ. Послѣ неудачной осады Тары, Хоурлукъ съ шестью сыновьями перешелъ въ 1630 году чрезъ Яикъ и откочевалъ въ привольныя степи Волги, заселенныя тогда остатками большой и малой ногайской орды, татарами едисанскими, джамбуйлуцкими и юртовскими; 40000 ногайскихъ кибитокъ были покорены ими; другіе откочевали къ Кубани; трухменцы, жившіе на Мангышлыкѣ, и татары хатай-кипчакскіе должны были подчиниться Хоурлуку; едисанскихъ и юртовскихъ татаръ калмыки разоряли, уводили въ плѣнъ, отнимали у нихъ женъ и дѣтей; изъ Москвы велѣно было астраханскимъ воеводамъ защищать ихъ ратными людьми. Татары стѣснились подъ стѣнами Астрахани; и все пространство между Волгою, Башкиріей, Яикомъ и по ту сторону его къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря перешло подъ власть Хоурлука. Но связь волжскихъ калмыкъ съ остальными племенами ойратовъ, все болѣе и болѣе усиливавшихся въ Чжунгаріи, Хухунорѣ и Тибетѣ, и ставшихъ во главѣ поклонниковъ ламайской вѣры, не прерывалась. Въ 1640 году всѣ мунгальскіе и калмыцкіе ханы и знатные ихъ нойоны или князья съѣхались въ Чжунгаріи; въ числѣ ихъ былъ и Хоурлукъ, явившійся на съѣздъ вмѣстѣ съ сыновьями своими Шукуръ-Дайчиномъ и Индыномъ. Владѣтели ойратовъ вспомнили

здѣсь свое родство и 5 сентября, въ присутствіи четырехъ хутухтъ, приняли общіе законы для своихъ мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ [112]). Этотъ степной уставъ можетъ отчасти познакомить насъ съ бытомъ калмыковъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло русскому правительству и приволжскому населенію впродолженіе 130 лѣтъ.

Образъ жизни монгольскихъ и калмыцкихъ племенъ въ XVII столѣтіи представлялъ переходъ отъ быта кочеваго къ осѣдлому. Не одна численность, но и основанное на преданіяхъ, обычаяхъ и письменныхъ законахъ внутреннее устройство между ними давало имъ перевѣсъ надъ такими сосѣдями, какъ киргизъ-кайсаки, башкиры и трухменцы. Недаромъ говорили русскіе о чжунгарскихъ ханахъ, что они, не какъ киргизскіе надъ своими подданными безвластны, имѣютъ власть подобную самодержавной. Во главѣ каждаго ойратскаго племени стоялъ тайдша, чжунгарскаго называли кун-тайдшей. Къ этимъ тайдшамъ примыкали нойоны или владѣтельные князья, имѣвшіе у себя отдѣльные улусы, иногда въ 3000, 5000 и болѣе кибитокъ. Въ основѣ всего этого дѣленія лежали племенныя и родовыя связи. Женщины были впрочемъ исключены изъ права владѣть улусами. Званіе нойоновъ было наслѣдственное; ни одинъ нойонъ не лишался права владѣть улусомъ, но для многочисленной семьи зайсанга аймаковъ не дробили и это было причиною, что появились зайсанги безъ-аймачные, зайсанги изгои. Но и зайсанги, и нойоны равно назывались бѣлою костью. Гораздо многочисленнѣе обоихъ этихъ классовъ было калмыцкое духовенство ламайскаго закона. Рѣдкій отецъ семейства, имѣвшій болѣе трехъ, четырехъ сыновей, не назначалъ одного изъ нихъ въ манжики (ученикъ вѣры), откуда уже былъ невеликъ шагъ въ гелюнги (жрецъ). При многоженствѣ, которое было въ обычаѣ у калмыковъ, число ихъ жрецовъ росло бы-

стро: неудивительно, что четверть всего населенія принадлежала этому сословію, содержаніе котораго, вмѣстѣ съ зайсангами и нойонами, падало тяжкимъ бременемъ на всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе принадлежать къ черной кости. Общій для цѣлаго населенія судъ всегда находился при кибиткѣ хана и назывался зарго; онъ сохранился до позднѣйшихъ временъ подданства калмыковъ Россіи. Въ немъ засѣдали назначаемые ханомъ зайсанги и одно или два духовныхъ лица; общее число не должно было превышать осьми. Всѣ они назывались сеитъ, но по занятіямъ своимъ дѣлились на тусулукчи (совѣтникъ) и заргучи (судья). При нихъ было по нѣскольку человѣкъ писцовъ, приставовъ, розсыльщиковъ и другихъ служителей. Въ этомъ зарго производились между калмыками во всякихъ судныхъ дѣлахъ, по словеснымъ и по письменнымъ прошеніямъ, рѣшенія; въ случаѣ не согласія членовъ, или важности дѣла, оно переходило на разсмотрѣніе хана. Въ той же кибиткѣ, гдѣ собиралось зарго, хранилось и уложеніе, писанное на бѣлой камкѣ: оно содержало въ себѣ тѣ постановленія, которыя были приняты на съѣздѣ 1640 года, прибавленія къ нимъ, сдѣланныя впослѣдствіи, и частныя правила, обязательныя только для волжскихъ калмыкъ. Степной уставъ, разумѣется, легъ въ основу уложенія. Кромѣ опредѣленія союзныхъ отношеній между ойратскими племенами и общей ихъ защиты отъ непріятелей, онъ заключалъ въ себѣ довольно подробное исчисленіе преступленій и слѣдовавшихъ за нихъ наказаній. Всѣ эти наказанія сводились ко взысканію скотомъ съ виноватаго. Смертная казнь и разореніе со всею семьею были допускаемы, какъ исключеніе; они опредѣлялись лишь въ двухъ случаяхъ: если кто оставитъ своего нойона во время нападенія непріятелей; если кто, зная о приближеніи непріятеля, не извѣститъ о томъ другихъ. Но взысканія саблями, пан-

цырями, верблюдами, лошадьми, рогатымъ скотомъ были часты и доходили до большихъ размѣровъ. Калмыки, народъ богатый степными стадами, нецѣнившій жизни, раздѣлялъ общую всѣмъ начинающимся обществамъ наклонность наказывать преступленія вещественными взысканіями; а какъ деньги замѣнялись у нихъ скотомъ; то и пеня бралась лошадьми, верблюдами, овцами. Понятіе о важности того или другаго преступленія высказывалось лишь въ размѣрахъ взысканія. Такъ, напримѣръ, за разореніе улуса, принадлежавшаго ламѣ, положено было брать сто панцырей, сто верблюдовъ и тысячу лошадей: понятно, что разорить цѣлый улусъ могъ только нойонъ или сильный зайсангъ, которымъ нетрудно было уплатить такую пеню. За убійство человѣка требовали тысячу овецъ; за кражу скота опредѣлено было брать по семидесяти по двѣ головы за каждую украденную, и сверхъ того девять свидѣтелю; за укрывательство бѣглеца — сто панцырей, сто верблюдовъ, тысячу лошадей. Безчестье лицъ духовнаго званія оцѣнено было совсѣми подробностями, отвѣчавшими званію обезчещеннаго лица и важности самого безчестья. Семейныя преступленія, всѣ безъ изъятія, наказывались такими же взысканіями; въ рѣдкихъ случаяхъ прибавлялось тѣлесное наказаніе или отрѣзаніе уха. Очень подробно была опредѣлена величина приданаго дочерей нойоновъ, зайсанговъ, ихъ служителей, людей черной кости. Срокомъ совершеннолѣтія для брака назначенъ былъ четырнадцатый годъ. За укушеніе собакою платилъ хозяинъ ея; ежели съ чьихъ горъ, отъ ходящаго на нихъ скота, свалится камень и убьетъ человѣка, то платилъ владѣлецъ этихъ горъ и т. д. О вѣрѣ, договорахъ и взаимныхъ обязательствахъ не было сказано ни слова. Любопытно впрочемъ, что калмыцкое уложеніе принимало во вниманіе обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, т. е. умыселъ, нечаянность и другія [113]).

Происшествія, которыя наполняли собой жизнь калмыцкихъ улусовъ отъ принятія уложенія до назначенія Татищева въ коммиссію, не менѣе характеристичны.

Вернувшись изъ Азіи, Хоурлукъ недолго управлялъ своими калмыками. Ему только и удалось, что оказать гостепріимство извѣстному историку татаръ Абульгази-Баядуръ-хану, который пробылъ у него цѣлый годъ послѣ бѣгства своего изъ Персіи. Въ 1642 году онъ склонилъ нѣсколькихъ едисанскихъ мурзъ уйти изъ-подъ Астрахани къ нему въ улусы; въ слѣдующемъ году донскіе казаки, недовольные рѣшеніемъ московскаго правительства на счетъ Азова, который они отняли у турокъ, убившіе Ѳому Кантакузина и грабившіе по Волгѣ, послали къ Хоурлуку отъ себя съ подарками, прося его придти къ нимъ на помощь: «хотя-де что-нибудь, говорили они между собой, надъ украйными городами и сдѣлается, только бы себѣ помощь учинить и съ недругами управиться». Хоурлукъ подступилъ къ Астрахани, но погибъ въ сраженіи съ царскими людьми; убиты были и нѣкоторые изъ его сыновей и внуковъ. Старшинство надъ остальными братьями и племянниками перешло къ Шукуръ-Дайчину. При немъ и при его сынѣ Пунцукѣ, московскому правительству удалось взять три шертныя записи съ калмыцкихъ тайдшей. Каждый разъ калмыцкіе владѣтели обѣщали прекратить свои грабежи по Волгѣ, оставить въ покоѣ ея рыбные промыслы, не переманивать къ себѣ и не раззорять астраханскихъ татаръ, не жечь русскихъ поселеній, не сноситься съ измѣнниками царскими, ходить на недруговъ государя, не безчестить являвшихся къ нимъ изъ Москвы посланцевъ и отъ всѣхъ прежнихъ своихъ неправдъ отстать. Каждый разъ или послы, или сами тайдши, шертуя, цѣловали бога своего бурхана, бичикъ (священную книгу) и четки, лизали и къ горлу прикладывали свои сабли, при-

говаривая: «будетъ у великаго государя въ послушаньѣ быть не учнемъ и шерть свою и утвержденіе нарушимъ; и на насъ тайдшахъ, и на нашихъ дѣтяхъ, и на мурзахъ и на ихъ дѣтяхъ, и на всѣхъ улусныхъ людяхъ будетъ божій гнѣвъ и огненный мечь, и тѣмъ ножемъ, который я тайдша, вынявъ изъ ноженъ, лизалъ и къ горлу прикладывалъ, отъ непріятеля своего буду я зарѣзанъ по горлу своему, и будемъ прокляты по своей калмыцкой вѣрѣ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ». И не смотря на то, набѣги калмыцкіе, во все время правленія Шукуръ-Дайчина и Пунцука, продолжались: отъ казанскихъ и закамскихъ пригородовъ до Саратова и Астрахани московское правительство должно было содержать небольшіе гарнизоны, чтобъ удерживать дикихъ кочевниковъ отъ разбоевъ. А между тѣмъ татарское населеніе поволжья мало-по-малу свыкалось съ калмыцкою властью; а внутри улусовъ все болѣе и болѣе росло значеніе тайдшей. Шукуръ-Дайчинъ ходилъ въ Хлассу и принялъ тамъ отъ далай-ламы благословеніе, которое возвысило его въ глазахъ поклонниковъ ламайской вѣры. Пунцукъ старался всѣми мѣрами обезсилить своихъ двоюродныхъ братьевъ и дѣтей ихъ, отнималъ у нихъ улусы, иныхъ отдавалъ въ Москву. По смерти его, во главѣ калмыковъ сталъ старшій сынъ его Аюка, дѣтство котораго прошло въ Чжунгаріи, среди наиболѣе сильныхъ владѣтелей ойратскихъ. Въ продолженіе всего 55 лѣтняго правленія своего, онъ стремился сдѣлаться такимъ же могущественнымъ ханомъ, какими были хухунорскій и чжунгарскій. Аюка началъ съ ногайцевъ; за тѣмъ воевалъ съ киргизами, имѣя всегда надъ ними авантажи; туркменцовъ почти всѣхъ привелъ въ подданство; при немъ же живали иногда въ услуженіи кубанскіе, хивинскіе и киргизъ-кайсацкіе султаны, въ томъ числѣ Абдулъ-Хаиръ, киргизскій ханъ. Съ дагестанцами, кумыками и кубанцами

онъ велъ войны и миръ заключалъ самъ собою. Родственныя связи его и семейныя отношенія также не остались безъ вниманія на дальнѣйшую судьбу калмыкъ. Онъ старался поселять междоусобія между своими родственниками, чтобы обезсилить ихъ и забрать себѣ ихъ улусы. Такъ онъ разбилъ дядю своего двоюроднаго Дугора и сына его Черена, поклепалъ ихъ предъ царемъ и отдалъ въ Москву, гдѣ Черенъ былъ крещенъ и названъ княземъ Василіемъ Дуговымъ. Другой разъ одинъ изъ братьевъ Аюки просилъ даже помощи у астраханскихъ воеводъ; ему данъ былъ стрѣлецкій полкъ: тогда ссорившіеся калмыки прекратили усобицу и порубили у Чернаго-Яра всѣхъ стрѣльцовъ. До какой степени не прочны были семейныя узы у калмыковъ, это видно изъ жизни Аюки. Онъ имѣлъ четырехъ женъ, но не довольствовался тѣмъ, и въ 1701 году старшій сынъ его, Чакдоръ-Чжабъ, засталъ его у своей жены. Разыгралась сцена, часто повторявшаяся въ кочевомъ быту: Чакдоръ-Чжабъ бросился на Аюку, и хотѣлъ его заколоть, но его не допустили къ тому; тогда оскорбленный сынъ разгласилъ въ народѣ о поступкѣ отца. Слѣдствіемъ были долгія волненія въ калмыкахъ, пока для примиренія ссорившихся не явился въ Самару князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ: онъ заставилъ Чакдоръ-Чжаба на колѣпяхъ вымаливать у виновнаго отца прощеніе себѣ.

Пока живъ былъ Аюка, до тѣхъ поръ всѣ улусные и безулусные нойоны были у него въ рукахъ. Въ 1690 году онъ получилъ отъ Далай-Ламы почетный титулъ хана и сталъ въ калмыцкихъ улусахъ самовластнымъ, дѣлилъ между владѣльцами улусы, давалъ каждому изъ нихъ, что хотѣлъ. При немъ отъ каждаго знатнаго нойона; всякое лѣто, бывали въ его кибиткѣ депутаты изъ зайсанговъ, которые обращались, въ случаѣ просьбъ своихъ владѣльцевъ,

къ Зарго. Здѣсь между прочимъ, въ присутствіи этихъ депутатовъ, каждою весною и осенью, опредѣляемы были мѣста, гдѣ которому нойону съ его улусомъ лѣтовать и зимовать и споровъ о томъ не смѣлъ подымать ни одинъ владѣлецъ; каждый большой праздникъ всѣ они съѣзжались къ старику Аюкѣ.

Сношенія Аюки съ русскимъ правительствомъ были болѣе часты, нежели у его предшественниковъ, но столь же неопредѣленны; отношенія его калмыковъ къ русскому населенію низоваго края оставались прежнія. Въ первые же годы правленія Аюки все низовое поволжье выдержало погромъ Стеньки Разина, отъ котораго досталось и калмыцкимъ улусамъ, хотя по временамъ отдѣльныя партіи калмыкъ и ходили за добычею вмѣстѣ съ козаками. Но на другой годъ по взятіи Астрахани Разинымъ, ея воевода, бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, съ товарищами съѣхался съ Аюкою при рѣкѣ Соленой, въ трехъ верстахъ отъ города и взялъ съ него шертную запись, въ которой тотъ обѣщалъ за всѣхъ тайдшей, родственниковъ своихъ, владѣтельныхъ улусныхъ людей, и за подвластныхъ ему татаръ, выдать русскихъ плѣнниковъ, находившихся у калмыкъ, вышедшихъ изъ Бухары, Ургенджа и Хивы, ходить за одно на государевыхъ недруговъ, не раззорять русскихъ городовъ и селеній, не грабить рыбныхъ промышленниковъ, звѣровщиковъ, прохожихъ людей. Клятвы были прежнія: ножемъ, горломъ и вѣчнымъ проклятіемъ. А черезъ годъ калмыки опять стали чинить по Волгѣ убійства и грабежи, жечь и раззорять селенія. Тогда въ 1677 году новый астраханскій воевода, князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ, съѣхался съ Аюкою притомъ же Соляномъ урочищѣ и взялъ съ него вторую шертную запись, въ которой повторялись тѣ же условія. Кромѣ тайдшей и владѣтелей на съѣздѣ было 184

лучшихъ улусныхъ людей. Результатомъ было то, что въ слѣдующемъ году Аюка отправилъ подъ Чигиринъ 3000 калмыкъ. Но когда открылся сеитовскій бунтъ, Аюка самъ со всѣми калмыками и башкирцами не разъ ходилъ подъ русскіе города, села и деревни въ казанскомъ и уфимскомъ уѣздахъ; немало было взято въ плѣнъ русскихъ и черемисъ съ ихъ женами и дѣтьми, такъ что по всей Волгѣ отъ Царицына до Астрахани сообщенія были прерваны. Мстили калмыкамъ за то донскіе казаки. Три года продолжалось волненіе. Наконецъ въ 1683 году преемникъ Одоевскаго и Щербатова, князь Андрей Ивановичъ Голицынъ, на новомъ съѣздѣ взялъ третью шертную запись, въ которой калмыки опять отрекались отъ своихъ дерзостей. Условія этой записи хранились долѣе, нежели условія первыхъ: причиною были непріязненныя сношенія Аюки къ киргизамъ и семейныя раздоры. Въ слѣдующемъ году дана Аюкою четвертая запись князю Борису Алексѣевичу Голицыну; гдѣ обѣщана хану со стороны Петра Великаго помощь противу бухарцевъ, каракалпаковъ и киргизовъ; въ 1705 г., во время астраханскаго бунта, Аюка не только не принялъ стороны возмутившихся, хотя тѣ и звали его къ себѣ на помощь, но еще, переловивъ изъ нихъ двадцать человѣкъ, бродившихъ между Волгой и Дономъ, отослалъ къ царицынскому воеводѣ, а потомъ вмѣстѣ съ Шереметевымъ ходилъ подъ самую Астрахань, при чемъ раззорилъ ея слободы. Въ 1708 году, во время башкирскаго бунта, Аюка посылалъ къ стольнику Ивану Ефремовичу Бахметеву съ сыномъ своимъ Чакдоръ-Чжабомъ многія калмыцкія войска, которыя производили поиски надъ башкирцами. Тогда же калмыки освободили Саратовъ отъ осады булавинцевъ и некрасовцевъ. Но, какъ и всегда, калмыки были плохіе помощники: если, идя въ остзейскій край на войну съ шведами, они толпами воз-

вращались съ дороги, не доходя до Москвы, грабя и захватывая съ собой жителей попадавшихся на пути русскихъ деревень, то тоже самое было и теперь. Русскіе воеводы отдали имъ всю добычу отъ булавинцевъ, въ томъ числѣ и возмутившихся казаковъ, съ ихъ женами и дѣтьми; а калмыки, поощренные такимъ по истинѣ калмыцкимъ позволеніемъ, увели въ свои улусы не одну тысячу русскихъ, населявшихъ ближнія къ Саратову, Пензѣ и Тамбову деревни, и распредѣлили ихъ въ Персію, Бухару, Хиву и на Кубань. Тоже повторилось и въ 1709 году, когда Чакдоръ-Чжабъ ходилъ съ калмыками къ Полтавѣ. Надо было въ пятый разъ звать Аюку на свиданіе съ казанскимъ и астраханскимъ губернаторомъ, графомъ Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ. Они съѣзжались дважды: въ 1708 году у рѣчки Даниловки, впадающей изъ Волги въ Ахтубу, гдѣ особенно было выговорено условіе о походѣ на чеченцевъ и ногайцевъ; и 1710 на той же рѣчкѣ, при чемъ, по долгомъ разговорѣ, назвались оба братьями и въ томъ между собою по рукамъ ударили. Аюка обязался не только быть въ послушаніи у русскаго государя, но и защищать Казань, Астрахань, Саратовъ, Уфу, Терскій берегъ и всѣ низовые города отъ прихода всякихъ непріятелей, за что Аюкѣ обѣщана была помощь противу башкиръ, киргизовъ, крымцевъ и другихъ сосѣдей. При этомъ Апраксинъ называлъ его «владѣтельнымъ ханомъ надъ многими степными ордами». Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году Аюка исполнилъ свое обязательство: посылалъ Чакдоръ-Чжаба съ 20,000 калмыкъ къ Апраксину, когда тотъ ходилъ на Кубань; калмыки забрали въ плѣнъ многія тысячи женъ и дѣтей татарскихъ, лошадей и скота отогнали великое множество. Иначе поступили русскіе, когда въ 1715 году пошелъ на Аюку кубанскій Бахты-Гирей-Салтанъ, захватилъ Джетысанъ и Джам-

буйлуковъ, разорилъ нѣсколько калмыцкихъ улусовъ, взялъ кибитку самого Аюки, который долженъ былъ бѣжать къ Астрахани, подъ прикрытіе команды князя Александра Бековича Черкасскаго, собиравшагося тогда въ Хиву. Но Бековичъ ограничился лишь тѣмъ, что вывелъ свою команду въ парадѣ на рѣку Балду, но не стрѣлялъ на кубанцевъ, не смотря на требованія Аюки, говоря, будто не имѣетъ на то указу, а на самомъ дѣлѣ опасаясь многочисленности кубанцевъ. Правда, съ этихъ поръ назначенъ былъ особый отрядъ драгунъ для охраненія Аюки, подъ начальствомъ стольника Дмитрія Бахметева. Но Аюка съумѣлъ одинъ помириться съ Бахты-Гиреемъ, а Чакдоръ-Чжабу удалось вернуть съ Кубани уведенныхъ туда татаръ. Вскорѣ представился Аюкѣ случай отомстить русскимъ за неисполненіе данныхъ ему обѣщаній. Сперва онъ далъ знать въ Хиву о Бековичѣ, будто тотъ подъ предлогомъ посольства идетъ войною, и возбудилъ такимъ образомъ первое подозрѣніе въ хивинцахъ противу экспедиціи князя. Потомъ помогъ Бахты-Гирею указаніями во время его побѣга на пензенскій и симбирскій уѣзды; и когда русскіе стали требовать отъ него преслѣдованія кубанцевъ, ханъ сослался на примѣръ Бековича и повторилъ его отвѣтъ, что безъ особеннаго указу царскаго чинить того не можетъ. Только личное свиданіе съ Аюкою Петра, отправлявшагося въ 1722 году въ персидскій походъ, близь Саратова на луговой сторонѣ Волги, положило конецъ калмыцкимъ возстаніямъ; на возвратномъ пути Петръ еще разъ видѣлъ хана, даже былъ у него въ избѣ, которую построилъ Аюка для себя. Въ слѣдующій проѣздъ Петра въ Астрахань, Аюка выѣхалъ самъ къ нему на встрѣчу въ Черный-Яръ, привезъ съ собою жену, троихъ сыновей и просилъ одного изъ нихъ, именно Черенъ-Дондука объявить наслѣдникомъ ханскаго званія. Дарма-Бала, жена

Аюки, и послѣ не разъ напоминала Татищеву, какъ-де самъ великій государь такъ милостиво изволилъ принимать ихъ къ себѣ. Впрочемъ милости Петра не очень очаровали хана: вмѣсто обѣщанныхъ 7000, онъ отправилъ только 3727 человѣкъ въ походъ на кумыковъ съ однимъ изъ своихъ внуковъ, да и тотъ сталъ сноситься съ татарами, а возвращаясь изъ подъ Дербента, увелъ съ собою болѣе 1000 кибитокъ татаръ Хондроу, бывшихъ уже подданными русскаго правительства. Очевидно старикъ не имѣлъ уже той власти, какою пользовался прежде. Онъ дѣлалъ, что могъ: такъ, когда Волынскій, бывшій тогда астраханскимъ губернаторомъ, самъ повелъ калмыковъ въ гребенскіе казачьи городки, для усмиренія кумыковъ и примирѣнія ссорившихся между собою кабардинскихъ владѣтелей; то калмыки помогли ему взять съ кабардинцевъ первую присягу въ вѣрности Россіи. Вообще знаменитому въ исторіи областнаго управленія низовымъ краемъ Арт. Петр. Волынскому удавалось ладить съ калмыками болѣе, нежели его предшественникамъ. Достигалъ онъ этого своими обычными крутыми мѣрами; также поступали и окружавшіе его. Еще въ 1683 году взято было съ Аюки обязательство не принимать крымскихъ, персидскихъ и другихъ пословъ безъ дозволенія посольскаго приказа, привезенныя ими письма отсылать въ Москву; несмотря на то, Аюка пересылался не только съ крымскими ханами, но и съ турецкимъ султаномъ и персидскимъ шахомъ. Въ 1720 году посланецъ его къ персидскому шаху, астраханскій бухарецъ Абдулла-Бегимовъ даже мѣстничался въ Испагани съ русскимъ курьеромъ Дмитріемъ Петричисомъ; когда они оба вернулись въ Гилянь, то Петричисъ, захвативъ съ собою Абдуллу въ свою квартиру, высѣкъ его плетьми. Всѣмъ воеводамъ астраханскимъ, бывшимъ до Волынскаго, Аюка писалъ свои письма въ видѣ

указовъ и тѣ брали ихъ; Волынскій «весьма то пресѣкъ возвратною къ нему такихъ его указовъ отсылкою». Волынскій первый сталъ съ особеннымъ усердіемъ обращать калмыковъ въ православіе; до него это было дѣломъ случайнымъ. Потомъ Волынскій усердно добивался, чтобъ всѣхъ Ногаевъ, Джетысанъ и Джамбуйлукъ разбили по калмыцкимъ улусамъ; хотя это ему и не удалось, потому что ими владѣлъ одинъ Чакдоръ-Чжабъ. Наконецъ, когда Аюка просилъ Петра назначить послѣ него ханомъ Черенъ-Дондука, Волынскій, узнавъ о негодности этого Аюкина сына, вызвалъ въ Астрахань лучшаго и постояннаго изъ тогдашнихъ калмыцкихъ владѣльцевъ, двоюроднаго племянника Аюки Доржи-Назарова, которому графъ Ѳ. Матв. Апраксинъ и графъ П. А. Толстой объявили, что онъ можетъ сдѣлаться ханомъ, если дастъ въ аманаты сына своего. Доржи-Назаровъ согласился. Этотъ планъ послужилъ источникомъ тѣхъ долгихъ волненій, которыя пришлось усмирять Татищеву. Незадолго до своей смерти, Аюка сталъ дѣйствовать въ пользу выбраннаго имъ преемника; съ этою цѣлію онъ старался перессорить своихъ многочисленныхъ родственниковъ, собственныхъ сыновей, племянниковъ и внуковъ. Дѣло дошло до междоусобій. Аюка самъ донесъ Волынскому о ссорѣ своихъ дѣтей, будто бы помимо его воли, просилъ военной помощи. Изъ Астрахани высланъ былъ капитанъ Брюсъ и поручикъ Андреянъ Лопухинъ съ солдатами, драгунами, донскими казаками, юртовскими татарами и двумя пушками; потомъ явился и самъ Волынскій. Но его остановилъ одинъ изъ внуковъ Аюки, Дондукъ-Омбо. На Ахтубѣ подрались кочевники между собою; слѣдствіемъ этой битвы было: уходъ ногайцевъ, джетысанъ и джамбуйлуковъ въ числѣ 15,000 кибитокъ на Кубань, гдѣ они и оставались до покоренія Крыма. Сами калмыки подѣлились на четыре части. Нѣкото-

рые тайдши уѣхали въ Петербургъ и тамъ крестились: воспріемникомъ ихъ былъ Петръ, воспріемниками зайсанговъ князь Менщиковъ и другіе министры. 19 февраля 1724 года умеръ Аюка; калмыками стала управлять женщина, Дарма-Бала. Всѣ степныя интриги разныхъ тайдшей были направлены на то, чтобы добиться ея руки. Она склонялась въ пользу Дондукъ-Омбо; остальнымъ искателямъ ея сердца оставалось только отнимать другъ у друга улусы. Волынскій быстро спуталъ ихъ интриги: подкупилъ Шукуръ Ламу, стоявшаго тогда во главѣ калмыцкаго духовенства, и нѣкоторыхъ зайсанговъ, принадлежавшихъ къ числу членовъ Зарго. Они помогли ему заманить калмыковъ внутрь царицынской черты, напугавъ ихъ вѣстями о набѣгѣ киргизъ-кайсаковъ съ одной стороны и кубанцевъ съ другой; одинъ Доржи-Назаровъ остался на луговой сторонѣ Волги. У Волынскаго была инструкція: объявить Доржи-Назарова ханомъ, склонить ласками Дарму-Балу, Дондукъ-Даши и Дондукъ-Омбо къ признанію новаго хана, если же будутъ противиться, то поступать дѣйствомъ воинскимъ, какъ съ непріятелями; если которые уйдутъ на Кабань, то призывать назадъ, на какихъ условіяхъ возможно. Начальнику царицынской черты, бригадиру Шамордину, велѣно было дѣйствовать за одно съ Волынскимъ, и тотъ заступилъ всю линію четырьмя драгунскими полками и 2000 донскихъ казаковъ; по Волгѣ и Дону разставлены были сильные форпосты. Волынскому не все удалось, о чемъ говорила инструкція. Прибывъ въ Саратовъ, онъ звалъ къ себѣ будущаго хана; на того напали 757 киргизъ-кайсаковъ, которые впрочемъ всѣ были побиты за исключеніемъ троихъ; Волынскій въ видѣ трофея получилъ 415 правыхъ ушей отъ побѣдителя, который явился и самъ за своимъ подаркомъ. Свиданіе астраханскаго губернатора и искателя ханскаго титула было непродолжи-

тельно: послѣдній объявилъ первому свое безсиліе сравнительно съ дѣтьми и внуками Аюки, отрекся отъ ханства и ушелъ на Яикъ, извѣстивъ о томъ своихъ противниковъ. Все лѣто продержалъ Волынскій калмыцкихъ тайдшей внутри царицынской линіи, и только въ ноябрѣ выпустилъ ихъ оттуда: всѣ владѣльцы выѣзжали явнымъ образомъ, одинъ Дондукъ-Омбо, боясь ареста, выѣхалъ въ коробѣ, навьюченнымъ на верблюдѣ. Волынскій такъ долго выдержалъ калмыковъ въ царицынской линіи даже въ противность двумъ сенатскимъ указамъ: одинъ былъ вызванъ его же представленіемъ о томъ, что калмыки хотятъ пробиться силою чрезъ линію,—велѣно было выпустить ихъ и трактовать съ ними въ улусахъ за Волгою; другой—вызванъ былъ жалобою калмыковъ на Волынскаго, будто онъ и прежде чинилъ надъ ними судъ неправый, которую они подали князю М. М. Голицыну. Волынскій предлагалъ калмыкамъ нѣсколько другихъ вопросовъ: между прочимъ о прямыхъ сношеніяхъ ихъ безъ указу царскаго съ сосѣдями, и о принятіи православія. На первый они отвѣчали, что зимой боятся набѣговъ кубанцевъ, а лѣтомъ киргизъ-кайсаковъ, и потому безъ частыхъ посылокъ туда не могутъ знать ихъ настоящихъ намѣреній; на второй,—что, и въ своемъ законѣ будучи, могутъ быть вѣрными. А между собою положили: русскіе желаютъ всѣхъ ихъ калмыкъ крестить и поселить у себя; но лучше померетъ въ своей вѣрѣ, и для того въ царицынскую линію не входить, а до поры до времени кочевать между Волгой и Кубанью, по шести рѣкамъ и Манычу. Разладъ между разными владѣльцами помѣшалъ этому намѣренію. Многіе зайсанги, приходя къ Волынскому, говорили ему: «позволь перевести всѣхъ тайдшей и нойоновъ, чтобъ улусы ихъ были у кого-нибудь одного въ рукахъ; а пока владѣльцевъ нашихъ не убудетъ, то и миръ ихъ ничто.» У Волын-

скаго явился планъ раздѣлить навсегда калмыцкій народъ на двѣ половины, поселить однихъ на Волгѣ, другихъ на Дону и удерживать ихъ взаимнымъ страхомъ. У нѣкоторыхъ нойоновъ явилась мысль вернуться въ Чжунгарію. Наконецъ Черенъ-Дондукъ объявленъ былъ ханомъ; ему дали въ первый разъ новые знаки власти, назначенные еще по мысли Петра: саблю, панцырь съ поручами, да ерихонку или лучшую мисюрку изъ оружейной московской палаты. Но это не спасло приволжскій край отъ волненій и раззоренья: въ короткое время, въ царствованіе Екатерины I и Петра II, разграблено было калмыками у русскихъ, отъ яицкаго городка до Царицына и черемисскихъ форпостовъ, до пригородовъ Алексѣевска и Сергіевска, товаровъ, платья и денегъ на 34,446 рублей, угнано было лошадей и рогатаго скота болѣе 2000 головъ, взято въ плѣнъ 17, убито 15 человѣкъ. Жалобы на то пограничныхъ начальствъ Черенъ-Дондуку не помогали: онъ былъ пьяница, не имѣлъ кредита у своего народа. Дошло до того, что въ декабрѣ 1728 г. всѣ калмыцкіе владѣльцы съѣхались помимо участія хана, и держали совѣтъ: воевать-ли имъ съ русскими, или нѣтъ? Дарма-Бала и Дондукъ-Даши говорили: нѣтъ; Дондукъ-Омбо: да. Верховный тайный совѣтъ велѣлъ князю М. М. Голицыну искоренить смѣлаго калмыка, «яко врага и паче всѣхъ злодѣя и противника»; но назначалъ для того только 2000 регулярныхъ войскъ. Остальные владѣльцы рѣшились просить совѣта у Далай-Ламы, что имъ дѣлать: хотѣли послать къ нему Шакуръ-Ламу, но правительство не пустило его «яко лучшаго доброжелателя калмыцкаго народа, для содержанія его въ добромъ порядкѣ.» Думали подѣйствовать на иныхъ нойоновъ обращеніемъ въ православіе. Удалось крестить одного изъ сыновей Чакдоръ-Чжаба; его назвали княземъ Петромъ Тайшинымъ, дали ему іеромонаха Никодима Ленкѣевича съ

учениками заиконосспаской школы: но миссіонеръ доносилъ, что новообращенный князь «о подчиненныхъ своихъ крещеныхъ калмыкахъ не точію старанія не имѣлъ, но и малыхъ ихъ дѣтей крестить отвращалъ; а самъ больше съ своими попами, нежели съ православными, сообщеніе имѣлъ; когда же получалъ жалованье, то изъ него раздавалъ некрещеннымъ калмыкамъ и попамъ моленія ради идоламъ». Крестились добровольно больше частію тѣ изъ калмыкъ, которые совершили какое-нибудь преступленіе, избывая наказанія за него и надѣясь получить подарки [115]).

Наступило царствованіе Анны Іоанновны. Астраханскій губернаторъ Измайловъ донесъ въ 1831 году, что Дарма-Бала и Черенъ-Дондукъ отправляли своихъ пословъ къ Шаху съ поздравленіями, а отъ турецкаго султана принимали посла. Черенъ-Дондукъ жаловался на непослушаніе Дондукъ-Омбо, Дондукъ-Даши и ихъ братьевъ. Петръ Тайшинъ говорилъ, что онъ сынъ старшаго сына Аюки; а зачѣмъ не ханъ? Число владѣльцевъ множилось и одинъ у другаго быть подвластными не хотѣли, грабили сосѣдніе улусы, отнимали другъ у друга лучшія для кочевья мѣста. Начальники разставленныхъ между Волгой, Домомъ и Кубанью отрядовъ доносили, что надо ждать скораго междоусобія и убавленія владѣльцевъ: подобно тому, какъ и прежде ханъ Аюка всѣхъ своихъ родственниковъ передавилъ и улусами ихъ одинъ завладѣлъ. Вскорѣ усилилась сторона Дондукъ-Омбо; русскіе явились съ своими наблюдательными отрядами: не смотря на то, ханъ былъ разбитъ противниками и бѣжалъ въ Саратовъ съ 25 человѣками; семья его и Шакуръ-лама едва спаслись, кто въ Саратовъ, кто въ Царицынъ. Дондукъ-Омбо получилъ себѣ во владѣніе 15,000 кибитокъ. Дарма-Бала, мать разбитаго хана, поѣхала съ жалобами въ Петербургъ. Тамъ собрался чрезвычайный совѣтъ (5 дек.

1731 г.): изъ графа Головина, князя Вас. Влад. Долгорукова, кн. Ал. Мих. Черкасскаго, Остерманна и Миниха. Рѣшено было послать важную персону, передать въ его власть всѣ волжскія и окрестныя войска, также яицкихъ и донскихъ казаковъ. Отправленъ былъ генералъ-поручикъ князь Ив. Ѳед. Борятинскій съ подробною инструкціею и грамотамико всѣмъ главнымъ калмыцкимъ владѣльцамъ. Но усилившійся Дондукъ-Омбо, узнавъ о томъ, повторялъ слова Заруцкаго, что «ему отъ русскихъ опасаться нечего; собираются они по три года, а какъ пойдутъ, то стоятъ на одномъ мѣстѣ по три мѣсяца.» Не смотря на то, услыхавъ о пріѣздѣ Барятинскаго, двинулся, вмѣстѣ съ Петромъ Тайшинымъ, къ Дону, въ намѣреніи уйти въ крымскую сторону; а Дондукъ-Даши, не принимавшій участья въ битвѣ, откочевалъ теперь на Куму. Барятинскій нарядилъ шесть драгунскихъ полковъ, два пѣхотныхъ, до 2000 донскихъ казаковъ; самъ переѣхалъ въ станицу Чиры, гдѣ былъ центръ его отряда. Астраханскій губернаторъ Измайловъ пріѣзжалъ для свиданія съ Борятинскимъ въ донской городокъ. А резидентъ Неплюевъ предупредилъ Порту о волненіи калмыкъ, требуя, чтобы въ Крыму не принимались бѣглецы. 14 января 1732 г. князь Борятинскій получилъ письмо отъ Петра Тайшина, что «происшедшему случаю причиною не они, но самъ ханъ Черенъ-Дондукъ; потому что онъ, нѣкоторые ихъ улусы не возвратя имъ, по многимъ ихъ требованіямъ, самъ напередъ съ войскомъ противу нихъ вышелъ, въ какомъ случаѣ имъ шею протянуть невозможно было, да ему Петру Тайшину и въ командѣ у Черенъ-Дондукъ быть сумнительно, понеже онъ находится въ христіанскомъ законѣ.» У Дондукъ-Омбо было болѣе 20,000 человѣкъ вооруженныхъ калмыкъ. Онъ писалъ Борятинскому, что въ прежнія междоусобія всегда зачинщики зайсанги выдаваемы были русскимъ для казни:

во время ссоры Аюки съ Чакдоръ-Чжабомъ, Дасанга съ братьями. Этимъ онъ намекалъ на Шукуръ-ламу. Борятинскому Остерманнъ писалъ, что если Дондукъ-Омба разумѣетъ какого владѣльца, то исполнить его желаніе, еслиже Шакуръ-ламу, то надлежитъ поступать съ крайнею осторожностію; въ другомъ письмѣ говорилъ, что ханъ Черенъ-Дондукъ и въ собственныхъ своихъ зайсангахъ кредиту уже не имѣетъ, а слѣдовательно отъ него и впредь интересамъ Ея И. В. никакой пользы быть не можетъ; то не потребно-ль перемѣнить его на такого владѣльца, который бы имѣлъ у калмыкъ кредитъ и могъ ханства чинъ управить, и надъ всѣми калмыками имѣть главную команду. Борятинскій выступилъ между тѣмъ въ походъ на Дондукъ-Омбо съ 4619 солдатъ и драгунъ, 4092 казаковъ волжскихъ и донскихъ, да 5000 калмыкъ. Дондукъ-Даши подслужился 122 верблюдами за сходную для Борятинскаго цѣну; тотъ его рекомендовалъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Но степной путь, зимнее время и усилившіяся въ отрядѣ болѣзни помѣшали Борятинскому догнать Дондукъ-Омбо, который и ушелъ въ Крымскую сторону. Тогда Кіевскій генералъ-губернаторъ графъ Вейсбахъ писалъ къ крымскому хану Капланъ-Гирею о бѣглецахъ; тотъ отвѣчалъ: «хотя калмыцкій народъ разнаго съ крымцами закона; но понеже оба сіи народа природы татарской, потому калмыки издревле, по востребованію нуждъ ихъ и особливо по случающимся между собою ссорамъ, пріѣзжаютъ къ крымцамъ наподобіе гостей и, исправя свои дѣла, или въ ссорахъ своихъ получа чрезъ посредство крымцевъ примиреніе, паки въ свои мѣста возвращаются; какъ напротивъ того и крымскіе беки къ калмыкамъ для подобныхъ своихъ дѣлъ ѣзживали и возвращались. А какъ впрочемъ сей калмыцкій народъ дикой и непостоянный, кочуя по степямъ въ лѣтнее время на россійской, а зимою

на турецкой землѣ и часто изъ стороны въ сторону переходя, хотя и позволенія въ томъ съ турецкой стороны небываетъ; то изъ онаго народа какъ Россіи, такъ и Турціи никакой пользы нѣтъ.» Озлобленный преслѣдованіемъ, Дондукъ-Омбо писалъ къ Борятинскому грубо, въ краткихъ терминахъ и со многими нарѣканіями, что онъ не такъ въ дѣлѣ ихъ поступилъ, какъ напредъ сего бывало; и притомъ похвалялся, что сколькобъ князь ни хотѣлъ его доставать, только крымцы его не выдадутъ; называлъ виновниками ссоры Дарму-Балу и Шукуръ-ламу. Посланный отъ князя Борятинскаго съ отвѣтомъ, дворянинъ Семенъ Казанцевъ нашелъ Дондукъ-Омбо на Кубани; его привели къ Нурадинъ-султану и тотъ говорилъ: если Дондукъ-Омбо самъ пойдетъ, то они отпустятъ его; если придутъ за нимъ русскія войска, то они будутъ оберегать его. Но Казанцевъ видѣлъ, что простые кубанцы дурно принимали калмыковъ, изъ кошей своихъ выгоняли и били палками. На вопросъ, для чего они то дѣлали, кубанцы отвѣчали: на одномъ острову волкъ съ овцею ужиться не могутъ. Дондукъ-Омбо велъ себя униженно передъ Нурадинъ-султаномъ; встрѣчалъ и провожалъ его каждый разъ за двѣ версты, татары Нурадинъ-султана называли калмыковъ гяурами, не ѣли ихъ мяса, молоко выливали на землю. Араслапъ-Гирей, братъ Бахты-Гирея, говорилъ Казанцеву, что они прежней дружбы съ Черенъ-Дондукомъ забыть не могутъ, а Дондукъ-Омбо очень нерады. Выслушавъ разсказъ Казанцева, Борятинскій представлялъ кабинетъ министрамъ, что исполнить всѣ требованія Дондукъ-Омба нельзя, иначе калмыки будутъ слушаться не хана, а его, думая, что русскіе побоялись Дондукъ-Омбо. Кабинетъ рѣшилъ: напомнить крымцамъ чрезъ Порту о высылкѣ Дондукъ-Омбо: ему самому сказать милость и прощеніе съ увѣщаніемъ, манить его Калмыкъ къ хану; если же та-

кимъ добрымъ способомъ не достать Дондука-Омбо; то взять потребныя мѣры и управиться съ нимъ силою. Султанъ, получивъ ноту русскаго правительства, послалъ въ Крымъ приказъ выслать Дондукъ-Омбо. Между тѣмъ комендантъ крѣпости Святаго Креста, графъ Дугласъ, отправилъ къ нему майора Росланъ-бека Шейдякова съ татарами, которыхъ Дондукъ-Омбо и задержалъ на 50 дней, принявъ за шпіоновъ; но потомъ, развѣдавъ, что русскія войска на него не собираются, отпустилъ; наконецъ сталъ черезъ крымскаго хана просить примиренія съ Черенъ-Дондукомъ. Не смотря на то, послѣ долгихъ пересылокъ, нападеній и грабежей, даже послѣ смѣны Борятинскаго генералъ-майоромъ Таракановымъ, Дондукъ-Омбо все-таки оставался за Кубанью: и во время похода крымцевъ и кубанцевъ на Кавказъ противъ персидскаго шаха, участвовалъ въ нападеніи на одинъ изъ русскихъ отрядовъ, подсылалъ своихъ калмыкъ подъ русскіе города. Но братъ его Башкурга часто говаривалъ: лучшебъ ему на Волгѣ ѣсть мелкую рыбу, нежели на Кубани баранину; при Волгѣ ихъ мѣсто природное и покойное.

Между тѣмъ и въ оставшихся на Волгѣ улусахъ происходили безпрестанныя ссоры, отзывавшіяся бѣдствіями на всемъ краѣ и русскомъ населеніи сосѣднихъ областей. Тогда Измайловъ предложилъ кабинетъ-министрамъ мысль о необходимости смирить калмыковъ оружіемъ и число владѣльцовъ ихъ умалить. Но секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Василій Бакунинъ предложилъ дѣйствовать увѣщаніями: послать для того къ Дондукъ-Омбо донскаго старшину Данила Ефремова, который ему знакомъ, чтобъ онъ заѣхалъ въ Кабарду и пригласилъ съ собой шурьевъ Дондукъ-Омбо, Магомета Кургокина съ братьями, тамошнихъ владѣльцевъ; а какъ у хана Черенъ-Дондука къ управленію калмыцкимъ народомъ смысла не достаетъ, то выбрать дру-

гаго на его мѣсто. Кабинетъ принялъ мнѣніе Бакунина. Полковникъ Беклемишевъ, начальствовавшій русскимъ отрядомъ, охранявшимъ хана, на запросъ — кѣмъ замѣнить Черенъ-Дондука? отвѣчалъ (21 окт. 1734 г.): «изъ владѣльцевъ ханской партіи ханомъ быть достойнаго никого не имѣется, и хотя Дондукъ-Даши изъ себя неглупъ, только нынѣ находится плутомъ; да за усиленіемъ Дондукъ-Омбиной партіи, никто быть не пожелаетъ и усилить кого не безъ трудности.» Въ самомъ дѣлѣ, при Дондукъ-Омбо было своихъ и захваченныхъ улусовъ болѣе 28,000 кибитокъ, а при Черенъ-Дондукѣ не болѣе 10,000. Видя свою силу, Дондукъ-Омбо говорилъ Ефремову, что онъ ни въ чемъ вины своей не признаетъ и объ отпущеніи ея не проситъ, а проситъ только обнадеживательной грамоты, чтобы имѣть надъ прочими старшинство; и такъ уже большая часть калмыцкаго народа кочуетъ при немъ; да и Черенъ-Дондукъ съ Дармой-Балой стали склонны уступить ему старшинство. Несмотря на то, онъ желаетъ его получить отъ государыни, а потомъ можетъ получить ханство отъ Далай-Ламы: и какъ сдѣлается старшимъ, то остальныхъ владѣльцевъ своевольничать не допуститъ. Ефремовъ отъ себя прибавилъ въ донесеніи, что во время его пріѣзда Дондукъ-Омбо былъ въ ссорѣ съ кубанскимъ сераскиромъ; а подлые калмыки были рады его пріѣзду: «руки свои поднимали на небо, прося бурхановъ, чтобы по прежнему дозволили перейдти на Волгу; а тамъ имъ жить голодно, рыбы нѣтъ; и для того богатые люди, непроча впредь, ѣдятъ скотъ свой, а убогіе продаютъ кубанцамъ дѣтей своихъ и на то покупаютъ у нихъ просо и тѣмъ питаются.» Все выдержалъ Дондукъ-Омбо: преслѣдованіе русскихъ войскъ, вражду калмыковъ, ссору съ кубанцами, тѣсноту и голодъ, добился своего, получилъ отъ Петербургскаго кабинета согласіе на

главныя свои требованія, заставилъ Измайлова обманомъ схватить Черенъ-Дондука и Шукуръ-ламу въ Царицынѣ и отослать въ Петербургъ; а самъ, принимая ханское званіе съ большою церемоніей и прясягая императрицѣ, исключилъ изъ поданной ему шерстной записи два условія: чтобъ относительно русскихъ исполнять все то, что обѣщалъ дѣдъ его Аюка; чтобъ съ калмыцкими владѣльцами поступать по древнимъ ихъ правамъ и обычаямъ, не чинить никому обидъ, не отнимать улусовъ. Невыигравъ ничего, русскіе добились только смѣны ханы; надежда на спокойствіе волжскаго края была еще впереди: а между тѣмъ вся эта долгая возня съ Дундукъ-Омбо стоила правительству до 8800 рублей. Много нехорошаго должны были ждать нойоны и зайсанги отъ такого хана, Крымцы отъ прежняго своего гостя, русскіе отъ новаго своего подручника. И дѣйствительно, Дондукъ-Омбо калмыцкихъ владѣльцевъ изводилъ всякими мѣрами, отбиралъ у нихъ улусы по собственному произволу, изгонялъ однихъ, награждалъ другихъ, такъ что даже старшій сынъ его Галданъ-Норма и дочь ушли отъ него къ Яику, думали бѣжать, одна къ Далай-Ламѣ, другой въ турецкую протекцію, но усмирены при помощи русскихъ. Страшно отомстилъ свирѣпый ханъ кубанцамъ за оказанное ему гостепріимство. Во время походовъ Миниха и Ласси въ Крымъ, Дондукъ-Омбо два раза ходилъ на Кубань: первый разъ истреблено было имъ 6000 татаръ, болѣе 10,000 ихъ женъ и дѣтей уведены въ плѣнъ, потомъ подчинены Россіи четыре большія поколѣнія, составлявшія болѣе 30000 кибитокъ; во второй разъ калмыки, вмѣстѣ съ донскими казаками, истребили цѣлое племя кубанское Джетыскульцевъ, которое могло выставить однихъ конниковъ вооруженныхъ до 20,000 человѣкъ; наконецъ самъ Дондукъ-Омбо прошелъ всю Кубань до ея устьевъ, взялъ

приступомъ Копылъ, столицу своего прежняго покровителя Бахты-Гирея, и разорилъ ее въ конецъ. Хлѣбное, денежное жалованье, богатые знаки ханскаго достоинства и милостивыя грамоты посыпались изъ кабинета на свирѣпаго хана. Тотъ въ благодарность отправилъ своихъ калмыковъ разорять крымскіе улусы. Но, дѣйствуя такъ усердно за русскихъ въ войнѣ съ турками, онъ постоянно ссорился съ ними за калмыковъ, которые принимали православіе. Пять лѣтъ ханствовалъ этотъ свирѣпый человѣкъ; съ нимъ окончилась сила волжскихъ калмыкъ. Начались страшныя усобицы, не уступавшія ни въ чемъ прежнимъ: нѣсколько тайдшей, и въ томъ числѣ старшій сынъ Дондукъ-Омбо Галданъ-Норма, не мало нойоновъ и зайсанговъ погибли насильственною смертію. Сообщенія по Волгѣ опять были прерваны, русскіе промышленники, торговое и служилое сословіе должны были остановить свои дѣла. Военныя силы русскихъ были невелики и разрознены: имъ недоставало единства. Въ такихъ обстоятельствахъ посланъ былъ В. Н. Татищевъ усмирить край [116]).

Еще будучи начальникомъ оренбурской экспедиціи, онъ имѣлъ случай познакомиться съ Калмыками, когда небольшой отрядъ ихъ посланъ былъ противу возмутившихся башкирцевъ. Потомъ ему же поручено было пріискать удобное для поселенія крестившихся съ Петромъ Тайшинымъ калмыкъ, на Волгѣ повыше Саратова, построить въ томъ пристойномъ мѣстѣ крѣпостцу, а въ ней дворы для княгини Тайшиной, мужъ которой уже умеръ, для ея зайсанговъ, собрать туда, при участіи воеводъ: саратовскаго,—полковника Беклемишева, царицынскаго—полковника Кольцова, и астраханскаго вице-губернатора, всѣхъ крещеныхъ калмыкъ, какіе только жили около Астрахани, Саратова и Царицына, пріучить ихъ къ пашнѣ и къ домовому житью, а до

привычки пусть кочуютъ. Комендантомъ крѣпостцы быть полковнику Змѣеву. Послѣдній совѣтовалъ поселить ихъ внутри закамской линіи, по рѣкамъ Соку, Кондурчѣ, Липовкѣ и другимъ. Татищеву велѣно было, разсмотрѣвъ ландкарты всѣхъ этихъ мѣстъ и посѣтивъ эти рѣчки лично, прислать свое мнѣніе въ Петербургъ. Татищевъ, на рукахъ котораго были и сибирскіе горные заводы, и дѣла башкирскаго края, и переговоры съ киргизъ-кайсаками, не могъ ѣхать на указанныя мѣста. Велѣно было заняться этимъ дѣломъ генералу Соймонову съ тѣмъ, чтобъ Татищевъ чинилъ ему наставленія. Но Соймонову некогда было хлопотать о поселеніи Тайшиной. Тогда Татищевъ, судя по ландкартамъ и по письменнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ Тевкелева, разсудилъ за лучшее: «жить княгинѣ въ Алексѣевскѣ на линіи, между Самары и Красносакмарска, гдѣ ей на первый случай покоевъ довольно, а прочихъ калмыкъ ввесть за линію, между рѣкъ Кондурчи и Черемшаны, въ степь, которой поперегъ болѣе 90 верстъ, а отъ Волги вверхъ по тѣмъ рѣкамъ болѣе 100 верстъ, гдѣ мнится, что они умѣститься свободно могутъ; если имъ покажется тѣсно, то могутъ за линію въ степи въ удобныхъ мѣстахъ кочевать, гдѣ они отъ набѣговъ другихъ калмыкъ закрытіемъ строющихся къ Оренбургу крѣпостей могутъ быть безопасны.» Алексѣевка однакоже не понравилась Тайшиной, которая въ это время пріѣхала изъ Петербурга въ Самару. Татищевъ сталъ пріискивать другія мѣста и призывалъ къ себѣ съ этою цѣлію самарскихъ казаковъ. Одинъ изъ нихъ назвалъ «урочище Переполье, гдѣ есть воложка Копыловка, а на ней боръ съ годнымъ къ строенію лѣсомъ, близь того же урочища вышедшая изъ степи рѣчка Курумыгъ, коя впала въ Сокъ мимо Царева Кургана, а къ востоку степь, подъ Перепольемъ же къ Волгѣ великіе сѣнные покосы»;

указалъ и другое мѣсто: «Кунья воложка, выше Переполья верстахъ въ 20, при которомъ также лѣсовъ и сѣнныхъ покосовъ внизъ и вверхъ довольно.» Татищевъ справился съ ландкартою Кирилова; оказались въ ней большія невѣрности. Тогда онъ послалъ на объявленныя казакомъ мѣста поручика съ геодезистомъ описать ихъ; собранныхъ для постройки крѣпости работниковъ перевелъ также. Между тѣмъ Беклемишевъ донесъ Татищеву, что у него для перевоза крещеныхъ калмыковъ отъ Сызрани до Саратова не имѣется болѣе 30 человѣкъ; Татищевъ велѣлъ нарядить не менѣе 150 конныхъ казаковъ, да суда съ пѣшими сколько можно. Въ инструкціи прапорщику Ухтомскому, котораго онъ отправилъ къ Беклемишеву, было сказано между прочимъ: «а какъ небезъизвѣстно, что въ такихъ мѣстахъ командиры и приказные оныхъ дворянъ, и казаковъ, и другихъ служилыхъ людей употребляютъ мимо настоящей ихъ службы въ свои партикулярныя услуги, а иныхъ увольняютъ въ торги и другія собственныя ихъ промыслы, чего ради навѣдаться тебѣ тайно, если кто таковые отъ службы послабленіемъ увольненные найдутся, объ оныхъ кто тебѣ скажетъ имянно записать и пріѣхавъ мнѣ объявить; однако сіе такъ чинить, чтобъ тамо о семъ твоемъ провѣданіи никто знать не могъ и никому про сіе не объявлять.» Мѣстомъ строенія города избрана была Кунья воложка, куда Татищевъ отправилъ кондуктора, давъ городу профиль, всѣмъ строеніямъ чертежи и реестры. Когда Тайшина пріѣхала на избранное мѣсто и съ нею 2400 калмыкъ, между которыми не менѣе 400 кибитокъ было убогихъ; то Татищеву пришлось хлопотать о заготовленіи для нихъ муки, овса, крупъ, усчитывать разныя канцеляріи, торговаться съ подрядчиками, вывертываться изъ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ постоянно находи-

лась оренбургская экспедиція. Наконецъ городокъ былъ построенъ; Татищевъ предлагалъ назвать его Просвѣщеніе, «что погречески Епифанія, который они праздникъ Богоявленія именуютъ»; но назвали Ставрополемъ. Вмѣстѣ съ калмыками переселены были архимандритъ Никодимъ, протопопъ Чубовскій, знавшіе калмыцкій языкъ: думали даже о переводѣ евангелія для калмыковъ. Змѣевъ представилъ, а Татищевъ и Соймоновъ утвердили соображенія о пріученіи переселенцевъ къ осѣдлому образу жизни, о вызовѣ къ нимъ русскихъ хлѣбопашцевъ и торговыхъ людей. Въ октябрѣ 1738 года Татищевъ навѣстилъ княгиню Тайшину и нашелъ, что Ставрополь построенъ по чертежу изрядно; домà княгинѣ, архимандриту, полковнику совсѣмъ отдѣланы и довольно покойны, зайсангамъ—многіе приходятъ въ отдѣлку и въ нѣсколькихъ уже живутъ; церковь малая подъ кровлю приходитъ, а большая еще не заложена: «и хотя полковникъ Змѣевъ, говоритъ Татищевъ въ своемъ донесеніи комиссіи иностранныхъ дѣлъ, разсужденіемъ представлялъ, чтобъ церкви великой не строить, а построить три средственныхъ, но я разсудилъ, что лучше одну большую, нежели три малыхъ; для того: 1) что оную лучше одну, нежели всѣ убирать, а наипаче въ письмѣ иконъ надобно смотрѣть, чтобъ хорошее было; 2) въ бòльшей церкви поученіе и закона толкованіе больше людей слушать могутъ, что въ разныхъ неудобно; 3) при одной способнѣе добрыхъ священниковъ, которые у насъ въ диковинку, имѣть, особливо на ихъ языкѣ. Потомъ былъ я у княгини, которая за обрѣтеніе мѣста и прилежное для нея строеніе довольно благодарила и объявила, что она находитъ себя должною изъявить благодареніе, нѣчто отъ скотовъ, яко быковъ, коровъ калмыцкихъ и верблюдовъ, но я благодаря ей сказалъ: не токмо отъ нихъ ничего не желаю, но радъ

бы самъ отъ своего убогимъ калмыкамъ вспомочь; наипаче же тѣмъ отрекся принять, что ихъ въ Самару сослать не съ кѣмъ. Потомъ княгиня просила, чтобъ о деревняхъ напамятовать, и сказывала, что многіе калмыки сего года жито сѣяли; и благодаря Бога довольный плодъ получили; которые же скотъ имѣютъ, довольно сѣнъ наготовили и хотя де впредь болѣе охоты возымѣютъ, токмо многихъ желѣзныхъ снастей не достаетъ а купить не въ состояніи, и на оное я отвѣтствовалъ, въ чемъ возможностъ имѣю, въ томъ не описываясь исполнять буду; потомъ, слушавъ обѣдню, былъ у архимандрита; послѣ обѣда, опредѣля что нужное, поѣхалъ.» И по отъѣздѣ Татищева, княгиня Тайшина безпрестанно безпокоила его напоминаніемъ о деревняхъ, которыя по обычаю времени обѣщали пожаловать мужу ея при крещеніи. Самъ Татищевъ соглашался съ нею и писалъ въ Петербургъ: «полезнѣе деревнями, нежели деньгами ихъ (крещенныхъ калмыкъ) содержать, ибо чрезъ то они скорѣе къ домоводству привыкнутъ и работамъ мало-по-малу обучаться могутъ, и хотя по положенію мѣстъ казалось бы на Черемшанѣ дворцовыя деревни ей дать приличнѣе, но оныя болѣе бѣглыми и весьма безпутными гуляками и плутами населились, отъ которыхъ и калмыкамъ добраго приклада получить не можно, чрезъ Волгу же противо самыхъ дачъ княгини оной есть Усольская волость, бывшая за Меншиковымъ, въ которой нѣкоторая частъ дворцовыхъ, а болѣе Савина монастыря крестьянъ, приписанныхъ къ коллегіи экономіи, на которыхъ земляхъ и крѣпость построена.» Такъ колонизировали въ XVIII вѣкѣ приволжскій край инородцами, содержа ихъ на счетъ русскаго населенія. Татищевъ въ этомъ отношеніи просто исполнялъ свой долгъ, какъ понималъ его. Онъ считалъ обязанностію своею заботиться о переселенцахъ, которые, сдѣлавшись православными, теряли

прежнее отличіе своей національности: по крайней мѣрѣ такой взглядъ раздѣляла съ нимъ вся древняя Россія. Заботливость Татищева о ставропольскихъ калмыкахъ доходила даже до того, что онъ просилъ имъ лекаря, подлекаря и потребные медикаменты, чѣмъ русское общество его времени не было очень богато: «дабы такіе невоздержные люди калмыки безъ наставленія и воздержанія лекарскаго въ вящшія болѣзни не пришли и отъ того напрасно не пропадали.»

Къ этимъ-то старымъ своимъ знакомцамъ долженъ былъ отправиться въ 1741 году В. Н. Татищевъ. Теперь дѣло шло уже не о переселеніи какой-нибудь небольшой кучки калмыкъ изъ разныхъ мѣстностей въ одну, а объ усмиреніи всѣхъ улусовъ, собраніи ихъ подъ власть одного хана. Указъ о назначеніи Татищева состоялся 31 іюля; а вскорѣ получены были съ Низу вѣдомости «о вящшемъ безпокойствѣ» калмыцкаго народа; новому начальнику ихъ велѣно было ѣхать съ поспѣшеніемъ. Но при неопредѣленности того положенія, въ какое вдругъ поставленъ былъ Татищевъ, перейдя съ лавки подсудимаго въ тайные совѣтники, при незнакомствѣ съ самымъ дѣломъ, которое было ему поручено, при общемъ плохомъ управленіи, какимъ отличалось шаткое время Анны Леопольдовны, нельзя было собраться и выѣхать вдругъ къ мѣсту своего назначенія. Прежде всего надо было ознакомиться съ состояніемъ калмыцкихъ дѣлъ, съ перепискою всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ управленіи Низоваго края; а между тѣмъ только 8 августа коллегія иностранныхъ дѣлъ сообщила Татищеву реестръ и содержаніе своихъ протоколовъ по калмыцкой комиссіи, 10-го состоялся указъ ея объ отправленіи напередъ багажа т. сов. Татищева на ямскихъ подводахъ; въ числѣ этого багажа находились казенные подарки калмыцкимъ владѣльцамъ; выдано было Татищеву на расходы 1000 рублей, то-

варовъ: кусокъ штофу съ серебряными и шелковыми травами, суконъ, соболей, камки, мѣховъ, кирпичнаго чаю на столько же, да на экипажъ и проѣздъ тысячу же. 13-го повторили ему приказаніе — ѣхать въ Царицынъ наскоро. 14-го, по его донесенію, дали ему приказъ о полученіи, въ Москвѣ изъ коломенскаго приказа, шатра или ставки для пріема калмыцкихъ владѣтелей. Наконецъ дана подробная инструкція и грамоты за подписью кабинетъ министровъ: къ генералъ — кригсъ — комиссару и астраханскому губернатору князю Голицыну съ увѣдомленіемъ о посылкѣ Татищева для калмыцкихъ дѣлъ и съ приказомъ подавать ему помощь въ томъ; царицынскому коменданту полковнику Кольцову, полковнику Бобарыкину, Оренбургской экспедиціи—о томъ же; къ ханшѣ Дармѣ-Балѣ; къ ханшѣ Джанѣ, вдовѣ Дондукъ-Омбо, съ дѣтьми ея; къ братьямъ Дондукъ-Даши и разнымъ нойонамъ и зайсангамъ; копіи съ послѣднихъ донесеній Голицына и Кольцова. Но въ то самое время, какъ Татищевъ уже готовъ былъ выѣхать, встрепенулись его прежніе враги, и, еще не закрытая, судная по его дѣламъ коммиссія стала присылать къ нему чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ запросъ за запросомъ, по жалобамъ казанскихъ купцовъ, подрядчиковъ и чиновниковъ, служившихъ вмѣстѣ съ Татищевымъ въ оренбургской экспедиціи. Татищевъ сталъ осторожнѣе послѣ столкновеній съ подчиненными, бывшихъ у него во время усмиренія башкирскаго бунта, и теперь, получивъ полномочную инструкцію на управленіе дѣлами калмыцкими, просилъ яснѣе опредѣлить его права и обязанности. Въ инструкціи просто говорилось: по прибытіи въ Царицынъ послать одиннадцати владѣльцамъ грамоты съ требованіемъ о свиданіи, назначивъ для того приличное мѣсто; по полученіи отвѣтовъ, идти въ походъ съ командою въ двѣ роты къ условленной мѣстности; на-

съѣздѣ объявить Дондукъ-Даши намѣстникомъ калмыцкаго ханства; надѣть на него шапку и шубу соболью, опоясать саблю и отдать жалованную грамоту; потомъ всѣхъ знатныхъ привесть къ присягѣ и раздать имъ жалованье. Если же откажутся явиться на съѣздъ владѣльцы изъ партіи Дондукъ-Омбиной вдовы, ханши Джаны, и будутъ требовать Татищева къ себѣ въ улусы, то, взявъ съ собою два регулярные полка, 1000 донскихъ казаковъ и не менѣе 2000 калмыкъ противной партіи, привести къ присягѣ тѣхъ, которые тамъ явятся; потомъ спуститься по Волгѣ и Ахтубѣ, приводя къ присягѣ всѣ калмыцкіе улусы, въ случаѣ надобности силою, но безъ разоренія. Вдовѣ Дондукъ-Омбо обѣщать, что одинъ изъ ея сыновей, когда подростетъ, можетъ получить санъ хана; вести для виду переговоры о бракѣ Джаны съ намѣстникомъ ханства; но стеречь, чтобъ дѣйствительно не женился, ибо изъ того его императорскаго величества интересамъ никакой пользы быть не можетъ; оставить всѣхъ при прежнихъ улусахъ, изгнаннымъ возвратить отнятое; кончить все дѣло къ зимѣ, полки отпустить на винтеръ—квартиры, а на лѣто въ улусы; стараться приводить, по возможности, къ крещенію зайсанговъ и владѣльцевъ; взять съ Дондукъ-Даши реверсъ, что онъ не будетъ принимать крещенныхъ калмыкъ, не будетъ мстить никому изъ калмыцкихъ владѣльцевъ; требовать отъ него сына для содержанія въ русскомъ городѣ. А если въ чемъ, по тамошнимъ конъюнктурамъ, перемѣнить надобно, поступать по тамошнимъ обстоятельствамъ, по своему искусству и усмотрѣнію, употребляя въ совѣтъ Бобарыкина. Въ заключеніе было сказано въ общихъ выраженіяхъ: никакихъ излишностей и непристойностей ни въ чемъ, также обидъ никому отнюдь не чинить; о дѣлахъ государственной тайности отнюдь въ партику-

лярныхъ письмахъ ни къ кому не писать.» Татищевъ, прося поясненій на нѣкоторые пункты инструкціи, говорилъ: «1) въ бытность мою при оренбургской комиссіи, бывшіе въ генеральныхъ совѣтахъ, хотя подписывались у протоколовъ обще, но послѣ, знатно на меня клевеща, показывали, якобы за страхъ подписались и спорить не смѣли; нынѣ же равномѣрно такихъ коварствъ нужно мнѣ предостеречься и для того всеподданнѣйше прошу, чтобъ данъ мнѣ былъ особливый указъ или въ инструкцію внесть, дабы тѣ, которые въ совѣтъ призваны будутъ, безъ всякаго страха мнѣніе ихъ объявляли, и если по большимъ голосамъ противъ чьего мнѣнія опредѣлится, то повиненъ онъ въ протоколъ свое особно записать, а если то упуститъ и послѣ порицать будетъ, чтобъ мнѣ въ вину не причлось. 2) Яко въ бытность при оренбургской комиссіи, имѣлъ я точную команду, какъ генералъ-поручикъ, или повелѣно будетъ только съ военными имѣть сношеніе и представлять имъ совѣтомъ—прошу, чтобъ оное въ инструкцію было включено. 3) Сколько полковъ имѣть при себѣ и въ лагерѣ? 4) Будутъ знатные пріѣзжать и буду потчивать, потребно ли быть музыкѣ и откуда? 5) Лекарства, въ случаѣ надобности, откуда брать? 6) Столовыхъ приборовъ и питій гдѣ взять? 7) Въ Царицынѣ есть карета изъ-подъ персидскаго посла, не можно-ль ее употреблять для пріѣзда къ знатнымъ калмыцкимъ владѣльцамъ?» На вопросы Татищева присланы были, чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отвѣты изъ кабинета: «1) Беклемишеву, Бобарыкину и другимъ, въ будущихъ съ вами совѣтахъ, поступать по посланнымъ о томъ къ нимъ указамъ, по данной вамъ инструкціи и по государственнымъ правамъ и генеральному регламенту. 2) Хотя въ инструкціи и довольно изъяснено о войскахъ, но еще повторяемъ, что оными вамъ дѣйствительно командовать и

поступать по нашимъ военнымъ регуламъ и имѣющимся у васъ указамъ. 3) Въ походѣ и лагерѣ соизволяемъ вамъ караулъ имѣть противъ дѣйствительнаго генералъ-летейнанта. 4) Музыку употреблять изъ будущей при васъ команды. 5) Лекарства, для обрѣтающихся при васъ подкомандныхъ людей, употреблять отъ полковыхъ лекарей и отъ лекаря Клерка, что при полковникѣ Бобарыкинѣ; въ случаѣ недостатка требовать изъ астраханской аптеки. 6) Въ 1724 году при Петрѣ Великомъ Волынскому разрѣшено было брать пиво и вино съ кабаковъ; чтобъ владѣльцевъ и зайсанговъ трактовать подъ именемъ нашимъ, можете употребить своихъ поваровъ и посуду, а для прочихъ купить деревянной посуды, пищу же покупать на имѣющіяся при васъ казенныя деньги. 7) Въ Саратовѣ отъ персидскихъ пословъ остались два берлина, и, ежели есть годный, вамъ для себя употреблять соизволяется [118]).

Около половины октября прибылъ Татищевъ въ Царицынъ; тотчасъ же пригласилъ на совѣтъ генерала Тараканова и Кольцова, отправилъ призывные листы ко всѣмъ калмыцкимъ владѣльцамъ. На совѣтѣ Татищевъ узналъ объ общемъ положеніи дѣлъ въ Низовомъ краѣ. Черный-Яръ не задолго передъ тѣмъ сгорѣлъ; форпосты, разставленные по Волгѣ, были слабы. Татищевъ предложилъ устроить ниже яицкаго городка, къ горамъ Индерскимъ, городокъ; по Волгѣ, между Астраханью и Царицынымъ, шесть городковъ; жителей назвать съ Дона и Украйны. Во всѣхъ волжскихъ мѣстахъ, говорилъ онъ, немалой казенный рыбный промыселъ, дающій не менѣе 20,000 рублей въ годъ; для калмыковъ же останется Ахтуба и промежутки среди казенныхъ улусовъ по Волгѣ. Настоящій порядокъ волжскихъ казаковъ не столько полезенъ, сколько вредителенъ; защищая свои привиллегіи, они наносятъ великій ущербъ Саратову, Царицыну и

Дмитріевску своими торгами, кабаками и рыбными промыслами; между ними поселилось много бѣглыхъ русскихъ, ихъ-то и надо вывести и поселить ниже Царицына; между Саратовымъ и Дмитріевскимъ тоже надо построить городокъ и вызвать жителей и купцовъ извнутри. За тѣмъ перешли къ разсужденіямъ о калмыцкихъ смутахъ. Представили Татищеву докладъ изъ семи донесеній Бобарыкина «о учиненныхъ и находящихся противностяхъ калмыцкой ханши и ея согласниковъ». Послѣ того, какъ умеръ Дондукъ-Омбо, произошли многія смятенія въ калмыцкихъ улусахъ; старшій сынъ покойнаго хана былъ убитъ; ханша Джана хотѣла уйти сперва за Яикъ къ трухменцамъ и хивинцамъ, потомъ чрезъ нагорную сторону Волги въ Кабарду; хотѣла поймать и убить старую ханшу, вдову Аюки, Дарму-Балу; думая уйти чрезъ Волгу, намѣревалась атаковать Бобарыкина; приготовлено было 300 лодокъ, войско посажено на лошадей, верблюдовъ и быковъ; несмотря на представленія Бобарыкина, сторонники Джаны напали на другихъ владѣльцевъ, убили двоихъ, захватили ихъ улусы; теперь ханша съ своей партіей кочуетъ въ Рынь-Пескахъ, а сына хочетъ отправить въ Кабарду. — Въ совѣтѣ рѣшили увѣщевать ханшу всякими мѣрами, неприбѣгая къ насилію, раздѣлить ея сообщниковъ разными обѣщаніями, задарить ихъ, подкупить и перевести отъ нея на нагорную сторону; и только въ случаѣ явнаго сопротивленія, дѣйствовать силою при помощи оренбургскихъ, самарскихъ, алексѣевскихъ и яицкихъ казаковъ, вѣрныхъ калмыкъ, регулярныхъ полковъ, астраханскаго и форпостныхъ гарнизоновъ, чтобъ всѣмъ имъ сближаться между собою и, окруживъ ханшу съ ея сторонниками, переловить. Но тутъ же генералъ Таракановъ сказалъ Татищеву: «а чтобъ мнѣ изъ команды моей полки вашему превосходительству давать, о томъ ни отколь указа не имѣю». Татищевъ

на другой день написалъ о томъ Остерману и въ ноябрѣ полученъ былъ изъ Петербурга выговоръ Тараканову [289]).

15 октября Татищевъ выѣхалъ изъ Царицына и 22-го прибылъ въ Селитряной горокъ на р. Ахтубѣ. Ханша кочевала въ 50 верстахъ отъ городка съ 1000 человѣкъ, да не вдалекѣ было еще 2000. Тотчасъ же явился къ Татищеву посланецъ отъ нея, важное духовное лице, Нима-Гелюнгъ. Онъ началъ свою рѣчь съ того, что Петръ Великій всегда держалъ въ милости хана Аюку; когда тотъ сказалъ, что если Волги не лишите, то вѣчно вѣрны пребудемъ, царь поцѣловалъ его въ голову. Служба хана Дондукъ-Омбо, мужа ея, также извѣстна. Но потомъ произошли смятенія, наговоры, неудовольствія. Говорятъ, что ханша хочетъ бѣжать, да идти некуда; къ чжунгарамъ никакъ невозможно, они пришельцевъ грабятъ всѣхъ безъ остатку и держатъ въ бѣдности; съ киргисъ-кайсаками хотя и заключенъ миръ, но ханша имъ не вѣритъ.—Татищевъ выговаривалъ за междоусобія и великое воровство по Волгѣ: «о томъ весьма сожалѣть должно, говоритъ онъ, но когда уже учинилось такое, чего возвратить не можно, то и думать не о чемъ, а впредь вѣрность и покорность надо изъявлять». Въ случаѣ, если ханша опасается пріѣхать къ нему для свиданія, Татищевъ соглашается самъ ѣхать къ ней. За тѣмъ посланецъ былъ трактованъ вишневкою и коврижками. Татищеву же представлены отъ ханши въ даръ тулупъ и четыре лошади, да отъ гелюнга лошадь. Послѣ открытаго свиданія перешли къ разговору наединѣ. «Какіе улусы пойдутъ сыну Дондукъ-Омбо? кто будетъ ханомъ?» распрашивалъ посланный. Татищевъ отвѣчалъ: «не знаю, кто ханомъ будетъ; велѣно выбрать намѣстника ханству, и можетъ оное продолжится до совершеннолѣтія Дондукъ-Омбиныхъ сыновей: а кто достоинъ намѣстничества, того еще онъ подлинно не вѣдаетъ.»

Вскорѣ пріѣхалъ и Дондукъ-Даши. На встрѣчу ему была отправлена шлюпка. Татищевъ убѣждалъ будущаго намѣстника вести себя ласково и снисходительно ко всѣмъ. Дондукъ-Даши также видѣлся съ Нима-Гелюнгомъ. Послѣдній распрашивалъ его: «кто будетъ ханомъ? если онъ, то всѣ они рады; а хотя бъ которые и не были рады, мы ихъ оставимъ». Дондукъ-Даши отвѣчалъ: хана не будетъ, будетъ намѣстникъ, а кто—не объявлено». Гелюнгъ продолжалъ: «улусы, кто которыми нынѣ владѣетъ, не отымутся-ли у ханши и дѣтей ея?» Ни у кого не отымутся, былъ отвѣтъ: дѣти отцовы наслѣдники. «Не возьмутъ-ли ханшу и съ дѣтьми за караулъ, или не убьютъ-ли ихъ?» добивался посланный.— «Сіе напрасно вы думаете, прервалъ Татищевъ, тутъ же находившійся: еслибъ государь хотѣлъ ружьемъ васъ смирять, тобъ ему способовъ не оскудѣло.»—29 октября привезена была въ лагерь музыка. Въ тотъ же день Нима-Гелюнгъ, послѣ долгихъ и дальнихъ разговоровъ, высказалъ тайное желаніе своей ханши, что для успокоенія калмыцкаго народа хорошо бы женить Дондукъ-Даши на ханшахъ Джанѣ и Джеджитѣ, вдовѣ Черенъ-Дондука; ибо въ томъ калмыцкому закону противности нѣтъ и обычайно братъ послѣ брата берутъ женъ. Его отпустили, подаривъ сукна на кафтанъ и чаю полкирпича. Казацкій старшина Поздѣевъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ ханшѣ звать ее на свиданіе.

Между тѣмъ безпрестанно приходили въ лагерь Татищева вѣсти, что собираются къ нему и другіе владѣльцы. Въ ожиданіи своихъ гостей, Татищевъ послалъ въ Астрахань просить 200 ведеръ меду и вина, 1500 четвертей муки, 3000 овса. 1 ноября пріѣхала въ лагерь самая старая между всѣми владѣтелями калмыцкими, ханша Дарма-Бала, съ 400 человѣкъ. На другой день происходило торжественное свиданіе Татищева съ нею и съ Дондукъ-Даши, при чемъ

соблюденъ былъ до послѣдней мелочи весь верблюжій и тулупный церемоніалъ, льстившій самолюбію степныхъ знаменитостей. Татищевъ трактовалъ ихъ водкою и виноградными винами съ довольною пищею; они подчивали его своимъ чаемъ. Дарма-Бала говорила: «какъ государь императоръ Петръ Великій былъ здѣсь, то и онъ нашъ чай кушалъ.» Татищевъ отвѣчалъ: «и я не отрекуся.» Ханша сама передала ему чашку. За обѣдомъ предложено было десять тостовъ: въ томъ числѣ за успокоеніе калмыцкаго народа, за будущаго намѣстника ханства, а потомъ за Дондукъ-Даши. Послѣ обѣда подавали конфекты, чай и кофе. — Все болѣе и болѣе прибывало улусныхъ владѣльцевъ. Лагерь превратился въ заселенное мѣсто. Кибитки, верблюды, стада переведены были далѣе. Прибывшіе владѣльцы дарили Татищева не только скотомъ, но и калмычатами, мальчиками и дѣвочками, отъ 8 до 12 лѣтъ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ и недоразумѣній, Джана рѣшилась на свиданіе съ Татищевымъ, который встрѣтилъ ее воспоминаніями о службѣ Аюки и Дондукъ-Омбо, о послѣднихъ смятеніяхъ. Ханша, говоря о волненіяхъ, объясняла, что должна была защищаться отъ родственниковъ, хотѣвшихъ погубить ее. «Побитымъ съ живыми суда дать невозможно, отвѣчалъ Татищевъ; надо подумать о будущемъ»,—и требовалъ общаго съѣзда совсѣми владѣльцами. Ханша изъявила опасенія; Татищевъ говорилъ, что нечего опасаться, а надо спѣшить окончаніемъ дѣлъ; близится зима, и онъ оставитъ ихъ тогда въ покоѣ, уѣдетъ совсѣмъ. Джана отвѣчала на это дерзостью, сказавъ, что сердечно радуется, если онъ хочетъ оставить калмыцкій народъ въ покоѣ.—«Это состоитъ въ вашей волѣ», заключилъ Татищевъ и перешолъ къ угощенію ханши. По отъѣздѣ ея изъ лагеря, отданы были приказы, предписывавшіе осторожность, исправность, чистоту, готовность къ церемоніалу.

Но надежды Татищева на примиреніе дикарей между собою были напрасны. Всѣ ихъ интересы сосредоточивались на захватѣ другъ у друга улусовъ, на усиленіи одного на счетъ другаго, на взаимныхъ угощеніяхъ бараниной, конпной, на удовольствіи быть трактованными отъ представителя императорской власти водкою, романеею, вишневкою, коврижками и другими яствами и питіями. Чуть Татищевъ оказывалъ комулибо изъ нихъ большее вниманіе, стоило только сказать которому нибудь лишнее любезное слово, поднести лишнюю чарку вина; остальные тотчасъ же начинали сплетничать на того Татищеву, пугать обласканнаго какими-нибудь подозрѣніями; особенно наговаривали на Джану, а равно и ей на Татищева, приписывая ему самыя враждебныя намѣренія. Татищеву передавали слова ханши: «ежели де тайный совѣтникъ Дондукъ-Даши на ней женитъ, то милость его императорскаго величества неизмѣнна; ежели же де того не учинитъ, то знакъ немилости;» говорили о ея желаніи, чтобъ оставили ей какъ можно болѣе улусовъ. Но тѣже желанія питалъ и Дондукъ-Даши. Изъ Петербурга же приходили указы о томъ, чтобъ не усиливать особенно на счетъ другихъ будущаго намѣстника ханства, чтобъ манить Джану выдачею ея замужъ, на самомъ дѣлѣ препятствовать тому; что намѣреніе ханши бѣжать, въ случаѣ неудачи, къ Яику не представляетъ вящшей противности государственнымъ интересамъ, потому что оттуда удобнѣе будетъ отвратить отъ нея захваченные улусы. Велѣно было также пріохочивать калмыковъ къ поселенію городами и слободами по Волгѣ, построить крѣпостцу съ хоромами и церковью для Дондукъ-Даши, комендантомъ назначить Бобарыкина; она будетъ и для русскихъ пристань и убѣжище. Особенноже долженъ былъ стараться Татищевъ уговаривать владѣльцевъ отдавать своихъ сыновей въ русскіе города и ко двору, а сына Дондукъ-Даши

содержать въ Астрахани во всякомъ довольствѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ поѣхалъ Татищевъ къ Джанѣ отдать ей визитъ. По обычаю, свиданіе началось потчиваньемъ. Татищевъ сказалъ ханшѣ: водку пить очень горячо, не изволитъ-ли лучше виноградное пить?—Я и до него неохотница, отвѣчала Джана, однако, сколько могу, пить буду. Пили между прочимъ за успокоеніе калмыцкаго народа. Разговаривая потомъ наединѣ, ханша просила присланную съ Татищевымъ грамоту. Татищевъ говорилъ, что можетъ отдать ее только на общемъ съѣздѣ. На новыя, усиленныя просьбы объявилъ, что неволенъ въ томъ, и что она напрасно опасается наушничества родственниковъ; чтобы они ни говорили, она прежде, нежели на то отвѣтитъ, не можетъ быть судима и признана виновною. Вопроса о сватовствѣ коснулся только въ видѣ намековъ. А пока Татищевъ переговаривался съ Джаной, его спутники разговаривали съ татарами, новокрещенными и некрещенными калмыками, находившимся возлѣ кибитки ханши, и тѣ говорили имъ, что у ханши съ владѣльцами ея партіи положено улусами не поступаться. Провожая Татищева изъ своей ставки, Джана обѣщала пріѣхать къ нему обѣдать на другой день; но вмѣсто того улусы ея стали откочевывать далѣе, а сама она къ Татищеву не бывала. Тайный совѣтникъ собралъ совѣтъ и спрашивалъ его: что дѣлать?—Войскъ достаточныхъ нѣтъ, да и тѣ худоконные, можно будетъ оторвать лишь нѣсколько кибитокъ; а наступитъ зимнее время и ханша перейдетъ на нагорную сторону Волги, откуда легко бѣжать къ Кумѣ или на Кубань. Рѣшили: отписать Тараканову, чтобъ приготовился не пропускать ее. Но на другой день, 11 ноября, когда собрались къ Татищеву почти всѣ калмыцкіе владѣльцы, отъ Джаны пріѣхалъ Нима-Гелюнгъ съ письмомъ, гдѣ говорилось, что она готова вытти за Дондукъ-Даши, ес-

ли тотъ дастъ присягу, что: «будетъ содержать ее, яко честную жену, въ нелицемѣрной любви, а дѣтей ея, яко своихъ рожденныхъ; никакихъ улусовъ отъ нея не отыметъ и никому не отдастъ; имѣющихся при ней зайсанговъ будетъ содержать въ милости и не отдастъ никому. Ежели же Дондукъ-Даши на ней не женится, то калмыцкій народъ между собою намѣрены учинить брань; потому что одна половина желаетъ при Волгѣ неотлучно быть, а другая готова къ побѣгу за Яикъ.» Просила, чтобъ Татищевъ поручился въ исполненіи всѣхъ ея требованій. Татищевъ долженъ былъ отозваться неимѣніемъ указа. Прошелъ еще день. Явился братъ Дондукъ-Даши, владѣлецъ Бодонгъ, небезгрѣшный въ присходившихъ до прибытія Татищева смятеніяхъ. Татищевъ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что пріѣхалъ позднѣе всѣхъ: «калмыцкій народъ, говорилъ онъ, въ ссорахъ вашихъ пришелъ въ крайнее раззореніе и ужь владѣютъ улусами дѣда, отца и братьевъ твоихъ ваши холопы.»—То самая правда, тупо замѣтилъ калмыкъ; а на другой день сталъ просить, чтобъ его отпустили къ Джанѣ. Татищевъ и Дондукъ-Даши вышли изъ кибитки посовѣтоваться о томъ. Татищевъ говорилъ: «удержать неудобно, а лучше отпустить.» Дондукъ-Даши отвѣчалъ: «надо велѣть притти ему къ намъ въ лагерь, а улусы свои отдалить отъ ханшиныхъ.» Возвратившись въ ставку, Татищевъ сказалъ Бодонгу, что по просьбѣ брата только, а онъ самъ того недостоинъ, отпускаетъ его, съ условіемъ оставаться вѣрнымъ. Въ это время пріѣхали новые послы ханши и требовали присяги отъ Дондукъ-Даши покрайней мѣрѣ въ томъ, что онъ будетъ поступать впредь по волѣ государя и Джану съ дѣтьми ея не умертвитъ и не обидитъ. Дондукъ-Даши согласился на это, но упрямились его зайсанги; Татищевъ и Беклемишевъ велѣли дать присягу. Послѣ присяги, Татищевъ сказалъ

посланнымъ ханши: «пусть она и съ дѣтьми неотмѣнно уповаетъ на милость его императорскаго величества, и всѣ бы страхи изъ головы своей отложила, прiѣхалабъ послѣ завтра со всѣми владѣльцами и знатными въ его ставку.» Посланные отвѣтили: «сыскавъ счастливый день, ханша прiѣдетъ безъ всякаго страха.» Татищевъ на это возразилъ: «добросовѣстнымъ всякой день есть счастливый, безсовѣстнымъ же и противникамъ воли его императорскаго величества всегда несчастливый.» Тѣ обѣщали дать отвѣтъ на другой день. По отъѣздѣ ихъ, еще разъ повторены были приказанiя по лагерю, артиллерiю велѣно было зарядить, чтобъ фитили съ огнемъ и днемъ и ночью были въ готовности; чтобъ всюду разъѣзжали конные пикеты. Долго ждали на другой день обѣщаннаго отвѣта о счастливомъ днѣ, въ который явится на общiй съѣздъ ханша; наконецъ послали къ ней съ письмомъ дворянина Ваулина. Тотъ нашелъ у Джаны четырехъ знатныхъ киргизъ-кайсаковъ, явившихся къ ней съ 400 человѣкъ и съ табуномъ изъ 2000 головъ, для выкупа своихъ родственниковъ и для покупки верблюдовъ, въ тоже время они звали ханшу соединиться съ ними и бѣжать за Яикъ. Ваулину дали прежнiй отвѣтъ: ханша выбираетъ счастливый день и приказано уже духовнымъ искать въ книгахъ своихъ. Въ лагерѣ Татищева послѣдовали новыя приготовленiя къ торжеству объявленiя намѣстника калмыцкаго ханства. Между прочимъ дворяне Потаповъ и Толпыгинъ должны были поставить кадки съ питьемъ и ѣжей по обѣ стороны шатра: по правую — *для нашихъ* калмыкъ, по лѣвую для Джановыхъ, на разстоянiи отъ шатра въ 50 саженяхъ; къ шатру велѣно пускать только владѣльцовъ, духовныхъ и зайсанговъ; въ самомъ шатрѣ поставить два кресла, два стула, да столъ съ грамотой посреди ихъ. Но въ ночь пришло донесенiе отъ Бодонга, что

часть владѣльцевъ и зайсанговъ ханши хотятъ жить при Волгѣ, другіе уговариваютъ ее бѣжать, и что почью между знатными ханшиной партіи быть великой ссорѣ. Дондукъ-Даши требовалъ итти съ войскомъ къ кибиткамъ Джапы, ее убить, непокорныхъ переловить. Татищевъ, какъ и всегда поступалъ въ трудныхъ случаяхъ, созвалъ совѣтъ и передалъ на его обсужденіе требованіе Дондукъ-Даши. Рѣшили: можетъ быть ложное затѣваютъ, и потому туда не ходить, а быть только на готовѣ. Утромъ посланъ былъ къ ханшѣ Поздѣевъ съ приказаніемъ, чтобъ безъ всякого продолженія пріѣзжала завтра. Между тѣмъ возвратился отъ нея Бодонгъ и сказалъ Дондукъ-Даши, а тотъ Татищеву: будто бы ужъ на отѣздѣ догналъ его ханшинъ казначей и сказалъ: она-де видѣлась съ тайнымъ-совѣтникомъ двоекратно, и нынѣ сама для слушанія его императорскаго величества указу не будетъ, а пришлетъ одного сына своего. Татищевъ говорилъ; «и того довольно!» Оказалось, что поѣздки Бодонга были не безъ цѣли: ему удалось отговорить отъ ханши къ своему улусу нѣсколько зайсанговъ. Другіе переслались съ Дондукъ-Даши изъявленіемъ готовности перейти къ нему, только боятся наказанія за убійство Галданъ-Данжина и другихъ нойоновъ, по смерти Дондукъ-Омбо. Имъ отвѣчали, чтобъ не отходили и ссоръ не начинали, доколѣ ханша дѣйствительно не окажетъ противности. Явились третьи перебѣжчики и донесли, что ханша уже намѣрена за киргизъ-кайсацкихъ владѣльцовъ обѣихъ своихъ дочерей выдать, что у нея самыхъ вѣрныхъ не болѣе 5000 человѣкъ, звали Татищева съ войскомъ къ ея улусамъ, обѣщая тогда отъ нея отстать. Собранъ былъ новый совѣтъ, который рѣшилъ, что вѣсти эти недовольно надежны и вѣрить имъ не можно, какъ то учинилось съ Галданъ-Данжинымъ, что его обнадеживая звали, а какъ пришелъ, то все оставя его пору-

били. Мы же войскъ имѣемъ мало; драгунъ только 200, казаковъ съ 1200 и тѣ худоконны, много коней отъ безкормицы померло, а итти въ степь до улусовъ дней семь или восемь, безъ дровъ и воды можемъ людей и лошадей поморить; да и прежде, нежели дѣйствительно противность увидимъ, повѣря симъ словамъ, мы оружія употреблять не смѣемъ. Однакожь, если она побѣжитъ, то сколько можно собравъ казаковъ и калмыкъ за нею пошлемъ дни на два: болѣежъ войскъ за льдомъ чрезъ Волгу перевести ужъ не можно. Дондукъ-Даши замѣтилъ: я не зналъ, что войскъ такъ мало, и съ ними далѣе пойти не можно. Въ это время Нима-Гелюнгъ прислалъ сказать отъ себя, что ханшу пересилила противная партія, и съ тайнымъ совѣтникомъ видѣться не будетъ. Татищевъ послалъ къ ней Бодонга и дворянина Поздѣева сказать, чтобъ прислала сына и съ нимъ духовныхъ и зайсанговъ. Они вернулись съ отвѣтомъ, что ханша сама быть опасается, а пришлетъ сына Асарая съ духовными и зайсангами. Пріѣхали также отъ Джаны двѣ владѣлицы: ханша Джеджитъ, вдова Черенъ-Дондука, и Солома, которыя благодарили Татищева, что ихъ изъ-подъ аресту у ханши высвободилъ. Съ послѣднею былъ внукъ ея. Татищевъ, указывая на него Дондукъ-Даши, сказалъ: «было бы хорошо, еслибъ такіе малолѣтніе владѣльцы ко двору ѣздили и тамъ учились; а сей мальчикъ, вижу, что неглупъ.» Дондукъ-Даши отвѣчалъ, усмѣхнувшись: «я де знаю, что ты говоришь; только нынѣ надобно подождать, чтобъ не дать причины къ смятенію.» Но будущій намѣстникъ ханства не очень безпокоился объ участи владѣльцовъ, ихъ сыновей и внуковъ; его желанія сосредоточивались только на пріобрѣтеніи улусовъ. На другой же день послѣ разговора съ Татищевымъ о молодыхъ Калмыкахъ, онъ прислалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ не отдавать царской грамоты

Джанѣ. Татищевъ созвалъ совѣтъ, которому и предложилъ такой вопросъ: не хитрость-ли это со стороны Дондукъ-Даши,—чтобъ только ханшу въ страхъ привести, принудить къ побѣгу, и по той противности улусы себѣ отнять; точно того же требовалъ онъ и о братѣ своемъ Бодонгѣ, чтобъ и ему не объявляли о пожалованныхъ улусахъ? Рѣшили: послать для личныхъ объясненій съ Дондукъ-Даши полковника Беклемишева: въ инструкціи-де у нихъ сказано, хоть сама ханша и не будетъ, грамоту все-таки отослать, безъ чего ей нельзя присяги учинить; противнагоже мы сдѣлать не смѣемъ, да и пользы никакой изъ того не видимъ. Дондукъ-Даши отвѣчалъ: если всѣ узнаютъ о грамотѣ, то останутся при ней и она будетъ въ силѣ. Беклемишевъ замѣтилъ: все одно, прочтутъ же грамоту предъ всѣми. Дондукъ-Даши просилъ отложить на три дня. Нельзя, былъ отвѣтъ, ужъ повѣстка учинена. Дондукъ-Даши возражалъ: отговоритесь тѣмъ, что не всѣ собрались, а чрезъ три дня отстанутъ навѣрно отъ ханши всѣ улусы и она будетъ безсильна. Татищевъ, узнавъ о результатахъ переговоровъ Беклемишева съ Дондукъ-Даши, потребовалъ послѣдняго къ себѣ и сказалъ, что пожалуй грамоту Джанѣ отдастъ завтра; но вѣдь сегодня будутъ прочитаны грамоты всѣмъ остальнымъ, гдѣ говорится и о ханшѣ. Дондукъ-Даши отвѣчалъ: такъ ужь лучше публиковать и ей. Тогда Татищевъ, Беклемишевъ и Бобарыкинъ положили: тотчасъ же ославить Дондукъ-Даши намѣстникомъ, а отсылкой грамоты Джанѣ обождать; за сыномъ же ея Асараемъ послать Ваулина.

Когда получена была вѣсть, что Асарай ѣдетъ, началось давно приготовляемое торжество объявленія Дондукъ-Даши намѣстникомъ калмыцкаго ханства. Тайный совѣтникъ и представитель императорской власти, Татищевъ сидѣлъ въ берлинѣ, оставшемся послѣ персидскихъ пословъ, подлѣ

него по лѣвую руку представитель и глава всего калмыцкаго народа, кочующаго въ низовьяхъ Волги; ихъ везли цугомъ. По сторонамъ берлина ѣхали верхами Бобарыкинъ и Беклемишевъ. Вся команда была въ сборѣ. Среди ея прошелъ весь поѣздъ. Въ шатрѣ Татищевъ и Дондукъ-Даши сѣли въ кресла: первый по правую сторону, второй—по лѣвую; на стульяхъ помѣстились Беклемишевъ и Бобарыкинъ. Калмыцкіе владѣльцы заняли ковры. Потомъ пріѣхала ханша Дарма-Бала съ владѣлицею Соломой; за ними Асарай съ владѣльцомъ Галданъ-Нормой, духовные и зайсанги въ числѣ 200 человѣкъ; въ шатеръ вошли не всѣ. За малолѣтняго сына Дондукъ-Омбо говорилъ рѣчь его дядька; содержаніе ея было такое: мать прислала его вмѣсто себя, потому что большой сынъ ея Арандалъ при войскѣ далеко, а другой — боленъ. Окончивъ рѣчь, калмыцкій менторъ подвелъ своего воспитанника къ старшей ханшѣ Дармѣ-Балѣ, которая, поцѣловавъ своего правнука, прижала его къ себѣ и посадила подлѣ. Татищеву подали отъ Джаны письмо къ ней гр. Остермана, въ которомъ говорилось о комиссіи, порученной ему. Татищевъ подтвердилъ, что все исполнитъ. Начался церемоніалъ объявленія Дондукъ-Даши намѣстникомъ ханства и приведеніе его къ присягѣ, послѣ чего перешли къ пиршеству. Яства и питье были разобраны калмыками съ дракою; а было ихъ всѣхъ около 800 человѣкъ. Для знатныхъ приготовленъ былъ столъ. Уже во время обѣда пріѣхала ханша Джеджитъ съ дочерью, которая была замужемъ за Галданъ-Нормою, и, подошедши къ Дармѣ-Балѣ съ великимъ почтеніемъ, обняла ее; а та, обнявъ внуку свою, долго плакала и посадила ее подлѣ себя. За столомъ провозглашены были четыре тоста, при 21, 13 и 7 выстрѣлахъ; послѣдній былъ за намѣстника ханства; потомъ много было тостовъ безъ стрѣльбы. Долго тянулось пированье, какъ вдругъ кто-то во-

шелъ въ ставку и началъ что-то говорить Дондукъ-Даши; а тотъ сказалъ Татищеву, что Джана можетъ отъ замедленія сына придти въ страхъ, могутъ ей и солгать что-нибудь. Татищевъ обратился къ Асараю со словами: «ты здѣсь по милости его императорскаго величества съ прочими веселишься, а мать, можетъ быть, невѣдая того, печалится; и если вы еще не дали ей знать о себѣ, то лучше бы послать;» а Нима-Гелюнгу велѣлъ исполнить это приказаніе. Тогда Дондукъ-Даши наклонился къ Татищеву и тихо сказалъ ему, что ханша совсѣмъ ушла; и тотчасъ изъ-за стола всѣ встали. Нима-Гелюнгъ сталъ говорить: «слышимъ де, что ханша пошла къ улусамъ, надо и намъ поспѣшать.» И съ этими словами, всѣ присутствовавшіе, будучи довольно пьяны, часу въ девятомъ по полудни разъѣхались. А намѣстникъ, съ ханшею Джеджитъ и съ дочерью ея, отправился для трактованія къ себѣ домой. Татищевъ послалъ имъ по барану, по ведру вина и меда, и конфектъ. Бодонгъ тоже выпросилъ себѣ барана. Такъ кончилось давно жданное торжество, которое стоило Татищеву столькихъ усилій, переговоровъ, выжиданій и генеральныхъ совѣтовъ.

Ночью получены были вѣсти, что ханша точно бѣжала и ея улусники стали другъ друга грабить, а иные вовсе отъ нея отставать. Дондукъ-Даши требовалъ послать за ней въ погоню. Уже велѣно было изготовиться казакамъ; какъ вдругъ утромъ пришло письмо отъ Джаны. Ханша писала тайному совѣтнику, что, услышавъ лживое устрашеніе, сильно перетревожилась; однако увѣдомившись, что то напрасно, остановилась: сынъ ея съ духовными и зайсангами взятъ былъ въ шатеръ для угощенія, но ей, незнающей русскихъ обычаевъ, стоявшій на караулѣ калмыченинъ объявилъ иначе, чего испугавшись и покочевала; узнавъ же, что все это ложь, остановилась, и проситъ, чтобъ непричтено было

то ей въ подозрѣніе. Посланный прибавилъ отъ себя, что вѣсть объ арестѣ ея сына была принесена человѣкомъ недобрымъ, что ханша готова все исполнить и готова даже по указу всѣ улусы отдать и что завтра пришлетъ для переговоровъ четырехъ знатныхъ. Татищевъ отвѣчалъ: напрасно ханша шутовъ такихъ слушаетъ и такъ себя тревожитъ и всѣ улусы въ безпокойство приводитъ; завтра же пошлю ей грамоту. Дѣйствительно грамоту повезъ на другой день капитанъ Супоневъ. Между тѣмъ Дондукъ-Даши и Дарма-Бала требовали отъ Джаны улусовъ; Татищевъ послалъ къ ней съ Поздѣевымъ запросъ о томъ. Ханша отвѣчала откочеваньемъ, будто бы за недостаткомъ корма. Между тѣмъ Ахтуба и малыя рѣчки стали. Тараканову, Кольцову и другимъ командирамъ волжскихъ отрядовъ дано было знать, чтобъ ихъ форпосты приготовились не пропускать Джаны на нагорную сторону. Хотѣли было еще разъ отправить Поздѣева къ ханшѣ; но Дондукъ-Даши сказалъ, что она уже у Рынъ-Песковъ, а можетъ быть и къ Яику пошла. Наконецъ 18 ноября вернулся Супоневъ съ извѣстіемъ, что Джана приняла присягу; а между тѣмъ разговорами съ нимъ просила совѣта: можетъ-ли отправить ко двору сына съ изложеніемъ всѣхъ своихъ нуждъ? — Добившись такимъ образомъ хоть какихъ-нибудь результатовъ, Татищевъ, Беклемишевъ и Бобарыкинъ возвратились изъ лагеря въ Селитряный городокъ. На прощанье былъ обѣдъ у Татищева: ханъ, ханши, владѣльцы, знатные духовные и зайсанги были угощаемы на славу; разъѣжая по улусамъ, каждый изъ нихъ выпрашивалъ себѣ: кто барана, кто водки, кто коврижекъ. Съ Татищевымъ уѣхалъ одинъ намѣстникъ.

Казалось, все успокоилось. Но прошла недѣля, и 25 ноября, когда уже пробили вечернюю зорю, пришелъ къ Татищеву Дондукъ-Даши и потребовалъ свиданія по очень важ-

ному дѣлу. Тотъ велѣлъ впустить его. Намѣстникъ вошелъ нерадостный и сѣлъ, повѣся голову. Татищевъ обратился къ нему съ вопросомъ: не имѣешь-ли что тайное говорить? — Имѣю, отвѣчалъ Дондукъ. Полковники Беклемишевъ и Бобарыкинъ вышли. Тогда намѣстникъ началъ: «ты, чаю, не знаешь, какое мое несчастіе. Бабкѣ моей Дармѣ-Балѣ сказали, будто сынъ ея Галданъ-Данжинъ живъ, но, по моей просьбѣ, заслалъ ты его въ тайное мѣсто. А про то сказывалъ ей крещеный татаринъ Шараха, что былъ здѣсь при ней, и такъ ее въ томъ увѣрилъ, будто онъ его самъ видѣлъ; и взялъ отъ нея, будто по приказу Галданъ-Данжина чарку, оправленную золотомъ и трубку табачную оправленнуюжъ. Отъ того то ханша, бабка моя, скрывая на меня злобу, ни одного слова мнѣ о сынѣ своемъ не говорила; а какъ о томъ многимъ извѣстно стало, то я весьма опасаюсь, чтобъ какого великаго вреда не произошло. Говорила она тебѣ, что о сынѣ?» Татищевъ сказалъ, что ни одного слова не слыхалъ. Позваны были полковники и стали увѣщевать намѣстника, чтобы онъ о такихъ вздорахъ не печалился; обѣщали поймать татарина и тутъ же отправили указъ въ Астрахань схватить возмутителя. У Татищева уже былъ одинъ подсудимый въ Селитряномъ городкѣ: нойонъ Сербеть, смутившій ханшу Джану извѣстіемъ о томъ, что ее хотѣлъ арестовать Бобарыкинъ. Онъ же былъ и убійцею Галданъ-Данжина. Его допрашивали сперва добровольно, потомъ съ пристрастіемъ. Подъ плетьми онъ сдѣлалъ показаніе, что вѣсть о томъ, будто полковникъ Бобарыкинъ хотѣлъ арестовать ханшу съ дѣтьми, владѣльца Бодонга, самого Сербетя и зайсанговъ знатныхъ, человѣкъ съ сорокъ, передана была ему Ваулинымъ. Ваулинъ отрекся и Сербетю не повѣрили. Теперь застѣнокъ Селитрянаго городка ждалъ новаго подсудимаго.

Между тѣмъ, продолжая разговаривать съ Дондукъ-Даши, Татищевъ сказалъ ему: «вчера была у меня Галданъ-Нормы жена съ сыномъ, говоритъ, что у нея три сына малолѣтные, а изъ улусовъ отцовскихъ ничего имъ недано; такъ нельзя ли дать часть изъ улусовъ дѣда ихъ Дондукъ-Омбо, слѣдующую имъ по калмыцкимъ законамъ, на что я ей сказалъ, чтобъ она просила о томъ у его императорскаго величества, посовѣтовавшись съ вами.» Намѣстникъ отвѣчалъ: «мнѣ она того не говорила, а по нашимъ правамъ отцу ихъ надлежитъ больше, нежели другимъ братьямъ дать; только ханша Джана нынѣ не даетъ.» Татищевъ на это замѣтилъ: «ханша принуждена будетъ дать, когда указомъ велѣно будетъ; да хотябъ и указа не хотѣла послушать, то мы вѣдаемъ, что любя отца ихъ и увѣдавъ объ указѣ, сами къ нимъ многіе отъ нея отойдутъ». Дондукъ-Даши говорилъ: «весьма хорошо, еслибъ такой указъ вскорѣ былъ присланъ, тобъ она не была въ силѣ мнѣ противиться; а если у нея улусовъ не убавить, то она еще сильнѣе меня будетъ.» На вопросъ Татищева: «а что ты думаешь о тѣхъ ея улусахъ, которые къ тебѣ пришли?» намѣстникъ сказалъ: «мы ей писали, коли пріѣдетъ сама; то собравъ все ея, ей отдадимъ.» Татищевъ возразилъ: «какъ же ты желаешь, чтобъ она противъ тебя не сильна была; а хотя сама и не будетъ, да сына пришлетъ за себя, то мы отдать ей оные принуждены будемъ, чѣмъ она паче укрѣпится, оныхъ же отходившихъ по приказу твоему зайсанговъ погубитъ, и впредь ужъ никто не будетъ тебѣ вѣрить; еслижъ ей просто отказать, то она насъ правильно преступниками обѣщанія и нарушителями покоя называть можетъ.» Дондукъ-Даши не сказалъ на это ни слова. Ему нечего было говорить; а Татищевъ, не зная, что между намѣстникомъ и ханшею заключенъ былъ свой тайный договоръ объ улусахъ, еще 19 ноября, про-

должалъ: «я вамъ скажу мое намѣреніе: оныхъ улусовъ, хотя бы она сама пріѣхала, не отдавать, доколѣ указъ полученъ будетъ; а сказать, что оные улусы пришли не къ тебѣ, но къ ихъ природнымъ владѣльцамъ, Галданъ-Норминымъ дѣтямъ; а ты содержи ихъ при себѣ и довольствуй; то она насъ правильно нарекать не можетъ». Лицо намѣстника приняло веселый видъ и онъ сталъ просить Татищева постараться о полученіи такого указа. Татищевъ продолжалъ свое, вывѣдывая образъ мыслей собесѣдника: «я такъ мню, говорилъ онъ, что надобно, дабы ханъ одинъ силенъ былъ, а другіе владѣльцы не моглибъ ему противиться; нынѣ же вижу, что Дасанговъ улусъ, почитай всѣхъ сильнѣе, пожалованъ брату твоему Бодонгу, чего я, по твоей просьбѣ, не объявилъ ему: какъ ты думаешь, отдать-ли ему по указу, или за лучшее разсуждаешь оной улусъ при себѣ удержать, а ему малое что дать.» Дондукъ-Даши не могъ удержаться отъ радости и заговорилъ: «я давно думалъ тебя просить о томъ; брату я не вѣрю, ему довольно и того, что вина отпущена; пріѣхалъ онъ не по первому приказу, и не знаю, прямо-ли онъ отъ Джаны отсталъ.» Татищеву пока было довольно и этого признанія. Онъ всталъ и закончилъ свою позднюю бесѣду съ незваннымъ гостемъ: «я сіе токмо собою разсуждаю; а сдѣлать безъ указа ничего не смѣю.»

Разлакомившійся отъ обѣщаній Татищева, намѣстникъ чуть не каждый день сталъ обращаться къ нему то съ письменными, то со словесными просьбами о прибавкѣ улусовъ, объ отнятіи ихъ у ханши. Татищевъ повторялъ прежнія рѣчи. Дондукъ-Даши написалъ ему грубое письмо, въ которомъ возводилъ на него обвиненіе въ недѣятельности. Татищевъ призвалъ на совѣтъ полковниковъ и втроемъ съ ними составилъ такой отвѣтъ обвинителю: «пишете вы,

якобы мы здѣсь веселимся и надлежитъ ханшѣ Джанѣ съ дѣтьми также здѣсь быть; но мы здѣсь въ такой пустынѣ, претерпѣвая во всемъ недостатокъ и безпокойства, веселія никакого не видимъ, развѣ что, за честь его императорскаго величества, васъ намѣстника съ прочими владѣльцы послѣднимъ трактуемъ. И на письмѣ, и на словахъ говорите, якобы, по обычаю вашему, надлежитъ мириться за однимъ столомъ и съ одного блюда ѣсть, оное учинить весьма неудобно, понеже она нынѣ съ улусами выше Чернаго-Яра. Представляете, чтобы ее поймать или, выгнавъ и съ дѣтьми, улусы отнять, онаго учинить мы причинъ не видимъ, понеже она все по указамъ исполняетъ, улусы всѣ, кромѣ самой малой и то сумнительной части, отпустила, панцырь и ружье, о которомъ такой великій споръ былъ, отдала и остальное, отыскавъ, отдать обѣщаетъ. Сіе ваше требованіе съ указами его императорскаго величества не согласуетъ, въ чемъ вы сами при разсужденіи признавались; а лучше послать въ Черный-Яръ къ полковнику Меркельбаху ордеръ, чтобъ онъ ее спокойно черезъ Волгу перепустилъ и, куда пойдетъ, насъ увѣдомилъ.» Получивъ отпоръ, Дондукъ-Даши, какъ истый дикарь, струсилъ, и признался въ существованіи тайнаго договора съ ханшей, на счетъ захваченныхъ ею во время смятеній улусовъ.

Наступилъ декабрь и Татищевъ, за недостаткомъ дровъ и провіанта, выѣхалъ 2-го числа изъ Ахтубинскаго Селитрянаго городка, а 4-го былъ въ Астрахани. 5-го ханша, перешла Волгу ниже Чернаго-Яра. Вскорѣ послѣ нея перебрались на нагорную сторону улусы и другихъ владѣльцевъ. Кибитки Дондукъ-Даши кочевали ближе всѣхъ къ Джановымъ. Намѣстникъ воспользовался этимъ и сталъ переманивать ея улусниковъ къ себѣ. Часть склонилась на его обѣщанія. Отъ Джаны явились къ Татищеву зайсанги съ жа-

лобами на Дондукъ-Даши. Татищевъ отвѣчалъ, что спорные улусы отошли не къ нему, а къ дѣтямъ своихъ прежнихъ владѣльцовъ, прибавивъ: надобно, чтобъ ханша ко двору для прошенія о своихъ нуждахъ отправила сына своего, чрезъ что можетъ получить великую милость.» Одинъ изъ посланныхъ отвѣчалъ, что ханша съ тою именно цѣлью и просила о жалованьѣ, чтобъ сшить сыну приличное платье для поѣздки въ Петербургъ, что даже назначены спутники ему, старшій зайсангъ, да человѣкъ съ двадцать дѣтей. Но, постоявъ немного, прибавилъ: «мы опасаемся, не лжетъ-ли вамъ кто какихъ бездѣлицъ на ханшу и на насъ; я прошу, чтобъ вы не изволили вѣрить; а мы васъ вѣрно обнадеживаемъ, что ханша и мы ничего дурнаго не мыслимъ.» Татищевъ отвѣтилъ: «я ни отъ кого ничего не слушаю, что недоказательно и никому въ томъ не повѣрю; только слышу, якобы нѣкоторые недоброжелательные совѣтуютъ ей откочевать въ Кабарду, да и тому не вѣрю, ибо она не такъ безумна, чтобъ на такую свою бѣду и улусовъ разоренье дерзнула; а для того надобно вамъ ей говорить, чтобъ она, неслушавъ совѣтовъ недоброжелающихъ людей и неопасаясь ничего, кочевала съ покоемъ и имѣла надежду, что высочайшею милостію оставлена не будетъ.»

Но, въ видахъ предосторожности, все-таки отправилъ вслѣдъ за посланцами Джаны гарнизоннаго поручика съ казаками. А намѣстникъ продолжалъ приставать къ Татищеву, требуя себѣ еще улусовъ; просилъ также о постройкѣ для него города при Волгѣ, а для больной жены своей просилъ двора въ императорскихъ садахъ, что подъ Астраханью, который отданъ былъ иностранцу Бассету; другихъ дворовъ не хотѣлъ брать, потому что и сынъ его поселенъ былъ среди придворныхъ же садовъ, да и кибитки тутъ удобнѣе можно было ставить. Обо всемъ этомъ Татищевъ донесъ въ

Петербургъ, спрашивая: какъ ему впредь, по такимъ обстоятельствамъ, съ намѣстникомъ поступать, а сына ханши отправить-ли ко двору или удержать, для избѣжанія сумнительствъ оной, въ какомъ-нибудь городѣ? [119]).

Но въ Петербургѣ въ это время совершился переворотъ, низведшій браушвейгскую фамилію съ русскаго престола, и возведшій на него Елизавету Петровну. Пала нѣмецкая партія; пали враги Татищева. Всюду слышались возгласы о побѣдѣ партіи русской, призывы къ прославленію дѣяній Петра Великаго, къ радости о торжествѣ его дочери. Всѣ патріоты ждали лучшаго для себя времени, могли надѣяться занять свободныя теперь мѣста недавнихъ противниковъ. Пострадавшіе въ царствованіе Анны Іоанновны, въ правленіе Бирона, имѣли право думать, что отнынѣ имъ будетъ принадлежать важнѣйшая дѣятельность въ государствѣ. Но новое царствованіе выводило съ собою и новыхъ людей. Новые патріоты не походили на старыхъ; они ни въ чемъ не напоминали ихъ. То были люди, воспитанные реформами Петра, пріученные къ неутомимой работѣ, способные на самыя обширныя предпріятія; но 25 ноября 1741 года обошло ихъ, и старые сотрудники преобразователя, бойцы 1730 года, остались чужды выступавшему теперь поколѣнію. Ихъ оставили въ покоѣ; имъ дали невидныя, но трудныя занятія. Неплюевъ, управлявшій малороссійскими дѣлами, сперва былъ арестованъ, потомъ посланъ въ дальній Оренбургъ, начальникомъ тамошней экспедиціи. Соймоновъ, участвовавшій въ персидскомъ походѣ, въ описаніи Каспійскаго моря, вице-губернаторъ астраханскій, товарищъ Татищева по усмиренію башкирскаго возмущенія и пострадавшій по дѣлу Волынскаго, не получилъ даже должнаго вознагражденія за свои прежнія заслуги. Положеніе Татищева, который былъ выше и по своимъ свѣдѣніямъ и по прежней дѣятельности обоихъ

своихъ знакомцевъ, было не лучше; его оставили при калмыцкой коммиссіи, а потомъ прибавили управленіе астраханскою губерніею.

Первое извѣстіе о перемѣнѣ царствованія Татищевъ получилъ, уже пріѣхавъ изъ Селитрянаго городка въ Астрахань. Ему велѣно было привести къ присягѣ подкомандныхъ и весь калмыцкій народъ, отправить благодарственную службу съ пальбою, и дать совѣтъ Дондукъ-Даши, чтобъ онъ отправилъ депутацію въ Петербургъ съ поздравленіями, но небольшую, человѣкъ въ 20 или 25 «ради великихъ убытковъ»; Дондукъ-Даши выслана была жалованная грамота отъ имени новой императрицы; калмыцкому также особая грамота. Потомъ посыпались печатные манифесты, указы и извѣщенія о судной комиссіи надъ Остерманомъ, Минихомъ, Головкинымъ, Левенвольдомъ, Темирязевымъ и другими; о возвращеніи старшинства дѣйствительному тайному совѣтнику Алексѣю Бестужеву, о прощеніи Ив. Черкасова, Долгорукихъ и иныхъ; о томъ, не имѣетъ ли кто какихъ донесеній на фрейлину Менгденъ, или претензій на ея имущество и т. под. Наконецъ 15 декабря состоялся указъ, въ которомъ объявлено было Татищеву удовольствіе новаго правительства за его дѣйствія по калмыцкой комиссіи и назначеніе астраханскимъ губернаторомъ. Съ этихъ поръ перестали его безпокоить и запросами изъ судной комиссіи по башкирскимъ дѣламъ. 27-го дек. Татищевъ донесъ, что привелъ всѣхъ подчиненныхъ къ присягѣ на имя новой императрицы. Казалось, калмыцкій народъ былъ успокоенъ, по крайней мѣрѣ на время; войска размѣстились по зимнимъ стоянкамъ, близь Царицына; только на Кругломъ и Песчаномъ островахъ, на Волгѣ было поставлено по 200 драгунъ, въ Черномъ-Яру 300 казаковъ, въ Красномъ—200; 1000 донскихъ казаковъ распущены по домамъ. Первою мыслію послѣ этого

у Татищева была мысль объ увольненіи отъ калмыцкихъ дѣлъ. Онъ исполнилъ свое порученіе: объявилъ Дондукъ-Даши намѣстникомъ, остановилъ волненіе; и потому въ правѣ былъ просить, чтобъ комиссія передана была кому-нибудь другому, но ему отказали. Татищевъ отвѣчалъ челобитною, отъ 20 генваря 1742 года, о выдачѣ удержаннаго у него половиннаго противу военныхъ чиновъ жалованья, въ которой онъ между прочимъ говорилъ: «Въ прошломъ 1739 г., по злобѣ на меня бывшаго герцога курляндскаго, безъ всякаго суда и явнаго показанія вины, отрѣшенъ я отъ дѣлъ и жалованья по отправленіе мое сюда чрезъ полтретья (2$^1/_2$) года безвинно мнѣ не давали; а багажъ мой, бывшій въ Самарѣ, частію распроданъ за безцѣнокъ, частію разбойники въ пути ограбили, и оттого я понесъ великое разореніе.»

Прежде чѣмъ могъ придти отвѣтъ на его челобитную, узналъ Татищевъ о новыхъ смутахъ въ калмыцкихъ улусахъ. Дондукъ-Даши не переставалъ подсылать своихъ сторонниковъ къ улусникамъ, оставшимся при Джанѣ, и сманивать ихъ къ себѣ. Ханша, уже обезсиленная прежнимъ отдѣленіемъ одной части ея кибитокъ, покочевала теперь въ Кабарду, къ тамошнимъ владѣтельнымъ князьямъ. Правда ея попытка удалась невполнѣ: съ нею ушло всего до 100 человѣкъ въ 20 кибиткахъ, всѣ остальные улусы прикочевали къ намѣстничьимъ. Уходя, Джана говорила поручику Гаку, слѣдившему за всѣми ея движеніями, что принуждена бѣжать отъ обидъ Дондукъ-Даши, спасая животъ свой, но что, невзирая на то, пришлетъ ко двору сына для оправданія. Кромѣ калмыковъ, при ханшѣ кочевали еще татары тогмуты; уходя вмѣстѣ съ нею, они съ перваго же становища бѣжали на Кубань. Получивъ подробное донесеніе о случившемся, Татищевъ тотчасъже отправилъ письмо къ братьямъ ханши о томъ, чтобъ они посовѣтовали ей самой явиться въ

Кизляръ, а сына послать въ Петербургъ; къ прочимъ же кабардинскимъ и салтанаульскимъ князьямъ, бывшимъ въ недружбѣ съ братьями Джаны, писалъ, чтобы они старались поймать ее, или по крайней мѣрѣ, отобравъ отъ нея остальныхъ людей, переслать въ Астрахань. О тогмутахъ просилъ князя Репнина снестись съ кубанскимъ сераскиромъ. На требованіе Татищева кабардинцы и ханша отвѣчали повтореніемъ того объясненія, которое было дано Гаку. Ханша прибавляла отъ себя просьбу, чтобъ ей возвратили улусы дѣтей ея, и дозволили кочевать при Терекѣ. Татищевъ писалъ имъ, что рѣка Терекъ дальнее кочевье, что отъ ея упорства могутъ снова подняться вражда и междоусобія въ калмыцкомъ народѣ. Но, донося о побѣгѣ ханши и своихъ переговорахъ съ нею въ Петербургъ, Татищевъ указывалъ также и на дѣйствія Дондукъ-Даши: «намѣстникъ, писалъ онъ, не только братьямъ своимъ улусовъ дать не хочетъ, но и прочіе къ себѣ забираетъ и усильно требуетъ; какъ пришли къ нему улусы ханши Джаны, то немедленно послалъ туда своихъ зайсанговъ и велѣлъ подати собирать и пограбленное въ прежнихъ ссорою взыскивать; тогда какъ обѣщано было не дѣлать того съ ними.» Татищевъ говорилъ, по поводу этого, и съ Дондукъ-Даши; тотъ отвѣчалъ, что дѣлаетъ все это Дарма-Бала, та сговаривала свою вину на своихъ зайсанговъ; зайсанги обвиняли намѣстника, который будто бы, по приходѣ улусовъ ханши, тотчасъ же послалъ забрать оставшееся послѣ нея платье, собрать по гривнѣ съ лошади, да по алтыну съ барана. Татищевъ обратился къ Дондукъ-Даши; тотъ сталъ запираться, увѣряя въ то же время, что по ихъ калмыцкимъ законамъ грабленнаго возвращать не должно; а грабителей не выдастъ: «и я болѣе принуждать его не смѣю», доносилъ начальникъ калмыцкой комиссіи и астраханскій губернаторъ,

имѣвшій власть надъ войсками, расположенными по Волгѣ.— Но всѣ эти переговоры были источникомъ только новыхъ и долгихъ споровъ. Сперва явились къ Татищеву нѣкоторые владѣльцы, зайсанги съ просьбою, чтобъ онъ объявилъ по калмыцкимъ улусамъ, что никого въ обиду давать не будетъ «Отъ кого же вамъ обида и утѣсненіе?» спросилъ ихъ Татищевъ. «Пока еще ни отъ кого не терпимъ, былъ отвѣтъ, а впредь о томъ донесемъ». Вскорѣ явился къ нему старшій зайсангъ Джаны Чаганъ и сталъ просить его, чтобъ отпустилъ его къ ханшѣ съ предложеніемъ возвратиться въ свои улусы. Когда Татищевъ спросилъ его: «да можно ли тому вѣрить?» Чаганъ, заплакавъ, сказалъ: «Живу я близь 90 лѣтъ, а такого худа не видывалъ, что нельзя вѣрить калмыкамъ, все де лгутъ, и обманываютъ тебя, и ссориваютъ; сегодня шестой день тому, какъ одинъ плутъ сказалъ тебѣ, будто мы съ Бодонгомъ бѣжать хотимъ, и мы для этого велѣли прикочевать улусамъ своимъ ближе къ Волгѣ; чтобы на насъ такъ затѣвать случая не было; и когда я поѣду къ ханшѣ, то скажу ей, что русскихъ войскъ опасаться нечего, а ушла ты ханша отъ того, что нѣкоторые плуты сплели великіе страхи.» Татищевъ съ трудомъ уговорилъ старика подождать послѣдствій отъ тѣхъ переговоровъ, которые велъ самъ съ ханшею. А между тѣмъ распорядился отдачею оставшихся ея улусовъ дѣтямъ Галданъ-Нормы, внучатамъ Дондукъ-Омбо; хотя намѣстникъ и приставалъ, чтобъ отдать имъ только пятую часть, а все остальное ему одному. Управленіе спорными улусами поручено было лучшимъ зайсангамъ. И въ тоже время Татищеву приходилось разбирать безпрестанныя жалобы Дармы-Балы и Дондукъ-Даши другъ на друга. «Какъ поступать мнѣ въ такихъ обстоятельствахъ?» спрашивалъ Татищевъ императрицу, наученный горькимъ опытомъ по дѣламъ башкирскаго возмущенія, что полная

мочь невсегда даетъ право на самостоятельный образъ дѣйствій. «Я и то подъ предлогомъ киргизъ-кайсацкихъ набѣговъ держу на Волгѣ много войска; а губернскія дѣла не позволяютъ съѣздить въ улусы. Неизволите ль ваше императорское величество передать калмыцкую комиссію генералъ-поручику Тараканову?» Изъ Петербурга отвѣчали указами: намѣстника ханства такъ содержать, чтобъ онъ другихъ владѣльцовъ былъ немного посильнѣе, а сверхъ того другихъ улусовъ ему забирать къ себѣ не давать; всѣхъ калмыкъ перевести на луговую сторону, чтобъ не соблазнились примѣромъ Джаны и не ушли въ Кабарду, и чтобъ кабардинскіе князья не напали на нихъ. На просьбу же передать комиссію въ руки Тараканова, было сказано: «и мы сего не апробуемъ, управлять вамъ по прежнему калмыцкими дѣлами, немѣшая ихъ съ губернскими; на случай же отъѣзда вашего въ улусы, губерніею управлять вице-губернатору князю Борятинскому.»

Получивъ указы, Татищевъ воспользовался однимъ изъ калмыцкихъ праздниковъ, поѣхалъ въ улусы, былъ угощаемъ намѣстникомъ и ханшей Дарма-Балой. Тутъ онъ сталъ говорить Дондукъ-Даши, что пора бы перейдти калмыкамъ на луговую сторону Волги. Намѣстникъ отвѣчалъ, что на лѣвой сторонѣ кочевать во всемъ довольнѣе, только опасно отъ киргизъ-кайсацкихъ набѣговъ. Татищевъ говорилъ на это, что можетъ дать 1000 яицкихъ и 1000 донскихъ казаковъ. Намѣстникъ сказалъ, что достаточно будетъ однихъ яицкихъ; и прибавилъ, что ему и самому давно хочется на луговую сторону, гдѣ скорѣе можетъ успокоить несогласныхъ калмыкъ. Татищевъ, понимая значеніе такихъ словъ въ устахъ намѣстника, которому легче было грабить улусниковъ за Волгой, нежели подъ Астраханью, въ степяхъ между нею и Дономъ, откуда опи все-

гда могли уйдти отъ него къ Кумѣ и далѣе, долженъ былъ, вопреки указу, сказать Дондукъ-Даши: «надо дождаться лѣта; а то нѣтъ ни для войскъ кибитокъ, ни для лошадей корму.» Какъ и всегда, и этотъ пріѣздъ Татищева въ улусы не обошелся безъ взаимныхъ сплетенъ калмыковъ другъ на друга. Пришли къ нему нѣкоторые зайсанги и объявили, будто Нима-Гелюнгъ, отставъ отъ Джанъ, похвалялся тѣмъ, что далъ знать ханшѣ: «чтобъ какъ возможно себя предостерегала, ибо отъ русскихъ жалованье хотя ей и выдано, и во всемъ обнадеживаютъ, и говорятъ ласково; но все то явный обманъ, а намѣрены де ее ханшу и съ дѣтьми чрезъ то къ себѣ призвать и, поймавъ, умертвить»; а предостерегалъ, памятуя милость къ себѣ мужа ея, хана Дондукъ-Омбо. «Татищевъ призвалъ Нима-Гелюнга; тотъ отозвался тѣмъ, что ничего не вѣдаетъ. Допрашивать его съ пристрастіемъ было нельзя: онъ былъ немаловажнымъ лицомъ между калмыцкими духовными. Татищевъ былъ между двухъ огней: изъ Петербурга велятъ схватить Джану; ея сторонники догадываются о томъ; а тутъ еще надо казнить ихъ за то, унимать намѣстника отъ грабежа и насилій. Но послѣдній не унимался. 12 марта бѣжалъ въ Кабарду братъ его Бодонгъ и съ сыномъ самъ-десятъ, оставивъ жену. Дондукъ-Даши, увѣдомляя объ этомъ Татищева, который былъ уже въ Астрахани, требовалъ позволенія, чтобъ ушедшихъ грабить и брать подъ караулъ. Татищевъ никакъ не могъ отговорить ему того и позволилъ съ нѣкоторою отмѣною въ требованіи. Но въ то же время поручикъ Гакъ, находившійся при намѣстникѣ для надзора за нимъ, донесъ, что самъ Дондукъ-Даши велѣлъ Бодонгу бѣжать; калмыки же говорили, что Бодонгъ бѣжалъ отъ страхованій, которыя распускалъ стороной самъ намѣстникъ. Но Дондукъ-Даши не ограничивался этимъ: онъ не пускалъ къ Татищеву но-

выхъ пословъ отъ Джаны, все у нихъ обокралъ, грабилъ оставшіеся послѣ ушедшихъ владѣльцевъ улусы, ссылаясь на то, что калмыки, еще не успокоились. Татищеву приходилось и вести переговоры съ бѣжавшими, и ладить съ намѣстникомъ.

За бѣжавшими посланъ былъ сынъ Татищева Евграфъ, который служилъ въ пермскомъ драгунскомъ полку, когда отецъ его управлялъ горными заводами и оренбургской экспедиціею, но въ 1741 году билъ челомъ, чтобы его за ссорою съ маіоромъ того полка, перевели въ иной; когда Татищева послали въ калмыцкую коммиссію, то онъ выпросилъ, чтобъ сына его перевели въ низовые полки и прикомандировали къ нему. Теперь онъ былъ произведенъ отъ фельдмаршала Ласси въ секундъ-маіоры. Посылая сына въ Кизляръ съ конвоемъ, кабардинскими посланными и двумя зайсангами изъ улусовъ Джаны, Татищевъ далъ ему приказъ: ѣхать тебѣ съ поспѣшеніемъ, поступать обще съ кизлярскимъ комендантомъ преміеръ-маіоромъ фонъ-Зейдеромъ, писать кабардинскимъ князьямъ Мамбекъ Кургокину, Асаю-Атажукину съ братьями, Арасланъ—беку съ братьями же и къ Джанѣ, чтобъ, съѣхавшись съ вами, отпустили сестру свою безъ всякаго опасенія, что за убійство кубанскаго Бахты-Гирея Дондукъ-Даши злобу отрѣшилъ, и чтобъ Джана возвращалась въ Астрахань безъ страха; говорить ей, что далече отъ Волги, между Кумой и Кизляромъ, кочевать ей не можно; чтобъ старшаго сына своего отпустила ко двору; если же братья ее отпустятъ и она согласится, привести ее въ Астрахань и съ дѣтьми. Не безъ приключеній достигъ цѣли своего путешествія — Кизляра, сынъ Татищева. Съ урочища Зинзили онъ доносилъ отцу своему, что, въ недальномъ разстояніи отъ этой мѣстности, наѣхалъ на него зайсангъ Дондукъ-Даши Манхожи съ 20 человѣками и объявилъ, что намѣстникъ

велѣлъ ему осмотрѣть ѣхавшихъ при немъ посланцевъ ханши, нѣтъ-ли съ ними излишнихъ торговыхъ товаровъ и денегъ, и, если что явится излишнее, отобрать для Дондукъ-Даши. Евграфъ Татищевъ замѣтилъ, что надо имѣть на то дозволеніе его превосходительства. Зайсангъ сказалъ: «хотя вы мнѣ того дѣлать не позволяете, но я и самъ съ ними управиться могу и осмотрю;»насильно остановилъ посланцевъ, велѣлъ развязать съ верблюдовъ вьюки, и съ дракою безпорядочно хватали ихъ кормъ и питье. Тогда посланные Джаны съ плачемъ подошли къ Татищеву и говорили: «видите вы сами, что при васъ дѣлаютъ; такимъ же образомъ и другихъ, пріѣхавъ отъ намѣстника, подъ видомъ осмотра, разграбили.» Татищевъ велѣлъ осматривать самому зайсангу; оказалось, что излишняго не было ничего. Несмотря на то, уѣзжая зайсангъ грозилъ посланцамъ: «за васъ теперь русскіе вступились, впередъ будете въ нашихъ рукахъ;» а его спутники прибавили: «и еще напереди у насъ есть заставы, которыхъ вы неминуете.»

Пока молодой Татищевъ добирался среди затрудненій и препятствій до Кизляра, въ Кабардѣ и на Кубани все волновалось. Кабардинскіе князья писали кизлярскому воеводѣ, по пріѣздѣ къ нимъ Джаны: «мы у государыни имѣемся въ вѣрности, и видно, что вы вѣрности нашей не знаете, чего ради принуждены мы плакаться государынѣ, ибо вы насъ почитаете, яко и невѣрныхъ.... Извѣстились мы, что Дондукъ-Даши поставленъ ханомъ, а понеже мы убили до смерти Бахты-Гирея, а въ то время оный Дондукъ-Даши былъ съ нимъ въ согласіи и за убійство нами Бахты-Гирея намѣренъ былъ искать у насъ кровь; того ради мы въ томъ не вѣримъ, и миру съ нимъ потому у насъ не видать, а ханша Джанъ намъ съ родства и для того сумнѣваться не изволите, что мы доносили на Дондукъ-Даши якобы по ненависти.» Ста-

рикъ Татищевъ отвѣчалъ имъ на то, что «Бахты-Гирей убитъ за его безпутные поступки и Дондукъ-Даши злобиться и мстить причины нѣтъ, и онъ дружбу съ вами по прежнему имѣть не отрицается; съ сестрою же вашею у нихъ злобѣ быть не за что, да и я ихъ обидѣть одному другаго не допущу.»—А между тѣмъ, отъ прихода въ Кабарду калмыковъ, взволновались салтанаульскіе и ногайскіе татары и хотѣли бѣжать на Кубань. Сераскиръ кубанскій собралъ уже 2000 войска, чтобъ пособить имъ въ этомъ намѣреніи; но его остановилъ крымскій ханъ, сказавъ, что между оттоманской портой и русскимъ кабинетомъ заключенъ вѣчный миръ; Сераскиръ впрочемъ поговаривалъ: «хотя штрафъ приму, и сераскирство потеряю, а будущаго мѣсяца, какъ народится, въ Кабарду пойду;» отправилъ даже пословъ къ Дондукъ-Даши, съ предложеніемъ помощи противъ Джаны, за что намѣстникъ долженъ былъ помочь ему перезвать салтанаульцевъ. Дондукъ-Даши увѣдомилъ Татищева письмомъ, что намѣренъ итти на черкесъ и Джану, Татищевъ удержалъ его отъ союза съ сераскиромъ, совѣтовалъ уговаривать и его не ходить въ Кабарду. Обо всемъ происшедшемъ донесено было въ Петербургъ, откуда отвѣчали: что распоряженія Татищева апробуются; потому что сераскиръ могъ увести съ собой на Кубань не только салтанаульцевъ, но и Джану, о которой уже носились слухи, будто хочетъ выдать одну изъ дочерей своихъ за сераскира, другую за сына персидскаго шаха, воевавшаго тогда Кавказъ; увести всѣхъ ихъ на Кубань или въ Крымъ, и оттуда производить въ калмыцкомъ народѣ развращеніе и возмущенія. Надо также заботиться, по случаю приближенія персидскаго шаха къ русскимъ границамъ, чтобъ кабардинцы и калмыки оставались въ согласіи, чтобъ первые не были приведены въ безсиліе отъ турокъ. Разрѣшалось и самому Татищеву переписаться

съ сераскиромъ. Если же калмыки побѣгутъ на Кубань, — при ханшѣ уже набралось въ то время болѣе 1000 котловъ калмыцкихъ, вмѣстѣ съ киргизъ-кайсацкими,—то стараться раззорить ихъ еще въ нашихъ границахъ. Если же случится наоборотъ, вернутся они изъ Кабарды къ Волгѣ, и Джана станетъ снова просить выдать ее за Дондукъ-Даши; то послѣдняго удерживать отъ того всякими мѣрами: Джана кабардинка, магометанскаго закона, во всѣхъ случаяхъ доброжелательница татаръ; Дондукъ-Даши, полагаясь на новыхъ родственниковъ, можетъ уходить къ нимъ каждый разъ, если что нибудь случится не по его хотѣнію, какъ это дѣлывалъ Дондукъ-Омбо. Чрезъ нѣсколько дней пришелъ другой указъ, гдѣ уже прямо говорилось: если Джана возвратится, то по причинѣ ея силы, отношеній къ калмыцкимъ владѣльцамъ, къ кабардинскимъ князьямъ, персидскому шаху и киргизъ-кайсацкимъ ханамъ, оказать ей сперва во всемъ «чрезвычайное удовольствіе», а потомъ представлять, что ей надо отъ улусовъ, впредь до удобнаго времени, отлучиться, потому что примирить ее съ другими владѣльцами трудно и что она можетъ ѣхать ко двору; если не хочетъ, отправить въ Москву подъ честнымъ карауломъ; а если сама появится въ Астрахань, то переловить и съ сыновьями, назначивъ поимщикамъ награжденіе, и отправить въ Казань, распустивъ вездѣ слухи, что «за всѣ ея поступки вы, яко главный въ тамошнемъ краѣ командиръ, слыша о томъ заподлинно, принуждены нашлись, и неотписывая ко двору нашему, такъ съ нею поступить.» Велѣно было переловить и сомнительныхъ зайсанговъ.

Трудно было старику Татищеву исполнить всѣ эти указы; трудно было и молодому сыну его исполнить данное ему отъ отца порученіе. Только послѣ долгихъ заискиваній, пересылокъ и переписокъ, Евграфу Татищеву удалось до-

биться личнаго свиданія съ ханшею, ея братьями и Бодонгомъ. Начались переговоры; ханша торговалась, Татищевъ дѣлалъ уступки; послѣ чего ханша начинала новые запросы, Татищевъ долженъ былъ отказывать въ нихъ; тогда ханша въ свою очередь становилась уступчивою; дѣло повидимому слаживалось, а на другой день слѣдовали новыя подозрѣнія, новыя требованія. Сперва ханша и слышать не хотѣла о томъ, чтобы кочевать съ Дондукъ-Даши, просила позволенія жить между Кумою и Манкомъ; говорила, что возвратится лишь тогда, какъ ей отдадутъ всѣ отобранные у ней улусы. Чтобы видѣться съ ея братьями, Евграфъ Татищевъ долженъ былъ ѣздить до самыхъ горъ. Съ Бодонгомъ видѣлся 18 апрѣля; но въ началѣ съѣзда тотъ болѣе четверти часа сидѣлъ въ забытьи отъ страха; потомъ уже видя, что его ласково уговариваютъ, сталъ видѣться каждый день. 20 апрѣля видѣлся съ Джаной, которая кочевала подлѣ Баистовыхъ горъ близь Кумы по залукѣ рѣки, на самой верхней дорогѣ въ Кубань. Были и перебѣжчики отъ Джаны въ лагерь Татищева, но онъ выдавалъ ихъ ей. Несмотря на то, бывшіе при ней тогмутскіе татары и киргизы поднялись на Кубань; произошелъ бой, кабардинцы и солдаты Татищева разбили возмутившихся. Джана и ея братья получили всю добычу. Пересылки между ханшей и молодымъ Татищевымъ тянулись съ мѣсяцъ. Старикъ Татищевъ неразъ требовалъ отъ сына положительнаго донесенія о ходѣ переговоровъ. Вотъ какъ отвѣчалъ отцу своему въ началѣ мая секундъ-маіоръ. «Что изволите, государь, напоминать объ укоснѣніи отъ насъ писемъ, то не иная причина тому, какъ здѣшнихъ народовъ вѣтреное состояніе. Ни на какихъ словахъ утвердиться и вамъ за правильно донести не смѣемъ: ибо одно дѣло въ толкованіи, не только на другой день, но въ тотъ же часъ два или три раза перемѣнятъ, а хотя то и обличится,

въ стыдъ себѣ лжи не почитаютъ; а для того раза три и четыре увѣряся, едва можемъ вамъ за истину донести о требованіяхъ ханшиныхъ: въ чемъ нынѣ отречется, на завтра упорно требуетъ, и свои слова иначе, хотя и весьма некстати, толкуетъ. Напримѣръ, 29 числа, съ восхожденія солнца до третьяго часа по полудни сидя съ нею, окончили, что она совсѣмъ отдается въ мою волю и къ Волгѣ пойдетъ, невводя никакихъ оговорокъ и требованій, и сына большаго отдастъ, чтобы при мнѣ жилъ, доколѣ дойдемъ, только бы я далъ присягу. Но того жь числа на вечеръ стала требовать, чтобъ вы государь присягу при ея зайсангахъ учинили, что я имъ съ надлежащимъ разсужденіемъ отвергнулъ; и съ тѣмъ она, опять договорясь, около полуночи отъѣхала. А сего мая перваго вздумала вновь дѣлать запросъ, чтобъ Дондукъ-Даши и сумнительные зайсанги его увѣрили ее присягою, противъ чего не могли мы болѣе спорить, принуждены были позволить ей къ нему послать, а ей идти къ Кизляру, пока посланные ея возвратятся. На томъ положа, чтобъ я отобралъ у салтанаульцовъ взятое ими отъ калмыкъ и киргизовъ, чего намъ учинить и оныхъ оскорбить не можно. Еще требовать стала, чтобъ внучатамъ Дондукъ-Омбо части изъ улусовъ не давать, и хотя имъ и ей самой толковалъ я; что оное отъ личности ея императорскаго величества зависитъ, и обѣщать никакъ не можно; но братья ея цѣлой день, какъ бѣснующіеся, кричали и говорили: если по ихъ не сдѣлаю, то хотя всѣ помрутъ, а не уступятъ. И мы опасаясь, чтобъ чрезъ такія затрудненія изъ рукъ ее не упустить, вознамѣрились нѣсколько ее утѣшить; но притомъ, не хотя васъ пространно утруждать, мнѣніе наше доношу, что если баксаданской партіи князья (противники братьевъ Джаны) будутъ въ удовольствіи содержаны, то по Тереку живущимъ казакамъ

великая помощь и никто ихъ обидѣть не можетъ; о ихъ же храбрости я довольно изъяснять оставлю, но то всѣ засвидѣтельствуютъ, что киргизовъ болѣе они побили. Въ бою же семъ едва мы не обманулись, что, пославъ къ нимъ договариваться, хотѣли съ коней сойти; но я разсудилъ лучше быть готовымъ къ нападенію на нихъ, кой часъ откажутъ, ибо намъ нашимъ товарищамъ вѣрить было весьма опасно. Того ради мы Бодонга съ калмыками и салтанаульцами на правое крыло неблизко поставили, подлѣ нихъ стояли баксайцы, а мы на лѣвомъ крылѣ: и едва успѣли наши солдаты и казаки приготовиться, какъ тѣ вѣроломные киргизы съ великимъ окрикомъ напускъ прямо на насъ учинили, но отъ нашего залпа тотчасъ тылъ дали, и какъ наши казаки, и я съ ними, въ нихъ скочили, тогда и наши товарищи всѣ вальнули; однакожь большая ихъ часть на обозъ и скотъ бросились, отъ котораго ихъ удержать неудобно, только бойцы, гнався за киргизы, почитай ничего или весьма мало лошадей, сѣделъ и платья съ побитыхъ достали. Я съ бою того себѣ ничего не взялъ, хотя люди мои взяли было нѣсколько скота и лошадей, только я отдалъ все солдатамъ и казакамъ; а хотѣлось взять мнѣ двоихъ робятъ, только, если вы государь не повелите, и тѣхъ отдамъ». Съ киргизами дѣйствовали за одно и Тогмуты, предъ битвой они говорили Евграфу Татищеву: «развѣ вы пріѣхали съ нами торговаться, и что вамъ насъ жаль? извольте поступать съ нами какъ надобно; мы уже довольно слышали, что баксайскіе князья насъ въ руки русскимъ хотятъ отдать, а вы, приведя къ Волгѣ, старшинъ нашихъ всѣхъ побить хотите». Одобряя дѣйствія сына относительно переговоровъ съ кабардинцами, Татищевъ писалъ ему, чтобъ онъ не бралъ взятокъ. Сынъ отвѣчалъ ему: «Премилосердный государь батюшка! получилъ милостивое вашего государя моего ро-

дителя по прошедшей почтѣ письмо, въ которомъ вы государь мнѣ осторожность имѣть отъ взятковъ приказать изволили; я будучи въ Кабардѣ, барановъ 10 получилъ, а собственныхъ моихъ денегъ близь сороку рублей имъ на питье и на столъ издержалъ не для мотовства, ради славы, государь, вашей. Онижъ мнѣ, по своему обычаю, почтеніе нынѣ кажутъ довольное; я слышу отъ дворянъ нашихъ, что князья ихъ спрашивали, чѣмъ меня дарить: кобылами или конями, однако я имъ на то не отвѣчалъ».

Наконецъ 12 мая Татищевъ договорился окончательно съ Джаной относительно ея возвращенія на Волгу. Зайсанги, говорившіе отъ ея имени, по своему объясняли все прошедшее поведеніе Джаны. Оно было слѣдствіемъ того, что отъ устращиванія со стороны Дондукъ-Даши отошли отъ нихъ многіе улусы; Галданъ-Норба, за непослушаніе отцу своему Дондукъ-Омбо, былъ взятъ подъ караулъ; жена и дѣти его лишены законнаго наслѣдства, а теперь имъ отданы улусы, что противно калмыцкимъ законамъ; Дондукъ-Даши не допускалъ ни ко двору, ни къ правителямъ посланцевъ отъ Джаны; и вздумали они всѣ, что просить государыню не черезъ кого, и очи ея за дальностію видѣть невозможно, и принуждены себя нашли къ вѣрнымъ поданнымъ ея, а къ своимъ свойственникамъ, идти, чтобъ они просили за нихъ; а къ шаху послали, чтобъ просилъ императрицу о нуждахъ и обидахъ, но братья ханши съ немалымъ выговоромъ отъ того уняли; старшаго сына ханши Арандала согласились отпустить ко двору. Но только 15 го іюня явилась ханша съ Бодонгомъ подъ Кизляръ и, послѣ долгихъ споровъ о томъ, что одного сына надо оставить у братьевъ, покочевала 23 къ Астрахани, а съ нею одинъ изъ кабардинскихъ князей, Магометъ Атажукинъ. За Джаной крались, ушедшіе прежде на Кубань, Тогмуты съ Тамиргой-

цами, но были открыты и ушли ненастигнутые. 9 іюля ханша пришла къ Астрахани; Татищевъ тогда же видѣлся съ нею. На другой день былъ обѣдъ у него, причемъ Джана просила жалованья, по причинѣ оскудѣнія въ деньгахъ и въ платьѣ. Около десяти дней продолжались трактованія и удовольствія. Дѣло было близко къ концу, хотя намѣстникъ и путалъ всѣхъ безпрестаннымъ своимъ вмѣшательствомъ. Какъ вдругъ, въ ночь на 21 іюля, Бодонгъ, учиня тревогу и переловя тотчасъ лошадей, оставя всѣ кибитки и верблюдовъ, взявъ только своего сына, да дѣтей ханши, опять побѣжалъ въ 150 человѣкахъ на Кубань; причиною бѣгства выставилъ отказъ въ женитьбѣ на Джанѣ, въ отдачѣ всѣхъ улусовъ и въ кочевьѣ вмѣстѣ съ ханшей. Послѣдняя въ ту ночь была въ Астрахани. Евграфъ Татищевъ посланъ былъ въ погоню, но за усталью лошадей, не могъ догнать. Стража, находившаяся при улусѣ Бодонга и Джаны, показала: «почитай всегда по вечерамъ у всѣхъ калмыкъ было богомолье, какъ и въ тогдашнюю ночь тожъ происходило; лошадей и верблюдовъ имѣли по ночамъ всегда у кибитокъ, караулъ были всегда въ 40 саженяхъ отъ тѣхъ кибитокъ, и по окончаніи ихъ моленія, спустя съ два часа, вдругъ учиня тревогу, сквозь карауловъ бѣжали; что де въ такой скорости и великой тревогѣ никакъ удержать было не можно.» Настоящею причиною побѣга былъ слухъ, что ханша арестована въ Астрахани. Но, покочевавъ дня съ четыре, бѣглецы вернулись сами, и капитанъ Борковъ пропустилъ ихъ въ улусы Дондукъ-Омбины, что возбудило зависть другихъ владѣльцевъ. А между тѣмъ 2 августа Татищевъ самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Джаной къ Черному Яру. Впереди шли полковникъ Бобарыкинъ и капитанъ Борковъ; велѣно было поступать осмотрительно; но Бобарыкинъ, вѣря пустымъ извѣстіямъ, приносимымъ отъ калмыковъ, принадлежав-

шимъ улусамъ Дармы-Балы, противныхъ Бодонгу, пошелъ къ нему навстрѣчу, хотя окружить его кибитки. Бодонгъ бѣжалъ снова, а Бобарыкинъ отправилъ за нимъ погоню, которая отбила 100 верблюдовъ, 500 лошадей, 50 женщинъ и дѣтей. Самъ Татищевъ, донося въ Петербургъ обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ, говорилъ, что, «по калмыцкимъ обыкновеніямъ, вѣтрянымъ и часто премѣннымъ поступкамъ, ни на которыхъ вѣдомостяхъ Бодонгу подлинно утвердиться было не возможно.» Нѣкоторые калмыки говорили, что Дондукъ-Омбо, при смерти своей, поручилъ всѣ дѣла Бодонгу и потому ханша обязалась съ нимъ дѣлать худое и доброе вмѣстѣ, и правленіе улуса на него положено; сверхъ же того ханша имѣетъ быть его женой. Бѣжавшіе писали, что, извѣдавъ объ арестѣ Джаны, послать въ Астрахань не только 10 человѣкъ, но и десять копѣекъ воли не имѣютъ. Татищевъ и Джана писали бѣглецамъ, чтобъ они вернулись. Начались волненія и въ другихъ улусахъ. Владѣльцы, особенно Нимба, стали грабить отбитые у Бодонга и дѣтей Джаны улусы. Нимба сталъ дарить Бобарыкину верблюдовъ и барановъ изъ награбленнаго. Бѣглецы не возвращались. Пріѣхавъ въ Черный-Яръ, Татищевъ сталъ дѣйствовать рѣшительно, не соглашался ни на какія предложенія Бодонга, требовалъ всѣхъ сыновей Джаны и хотѣлъ даже отправить владѣльца Лабанъ-Дондука для поимки ихъ. Дочь Джаны пріѣхала первая и проговорилась, что ханша писала сама тайно Бодонгу и одобряла его дѣйствія. Татищевъ объявилъ Джанѣ, что ее пошлютъ въ верховые города, а улусы ея подѣлятъ между разными владѣльцами. Послѣ этой угрозы привезенъ былъ 23 августа старшій сынъ ханши. Отпуская Арандула, Бодонгъ требовалъ, чтобъ отпустили ханшу къ нему въ улусы: оскудѣвъ всѣмъ, онъ грозилъ питаться грабежемъ и кражею отъ русскихъ жилищъ. Тати-

щевъ рѣшился или поймать, или убить Бодонга; велѣлъ часть вѣрныхъ улусовъ впустить внутрь царицынской линіи; самъ поднялся вверхъ по Волгѣ до острова Вязовки; часть улусовъ Джаны отдалъ на имя дѣтей Дондукъ-Омбо. Зайсангамъ улусовъ Дондукъ-Омбиныхъ объявлено было о винахъ ханши; управленіе ими поручено было нѣсколькимъ владѣльцамъ, кочевать велѣно между Волгой и Дономъ.—Дондукъ-Даши все просилъ себѣ: и улусы, и опеку надъ дѣтьми Джаны, и ея вещей. Самъ онъ жилъ подъ Астраханью, чтобъ быть поближе къ сыну своему, находившемуся тамъ. Внутрь царицынской линіи калмыки вошли безъ него: одни стали распускать слухъ, что его держатъ подъ карауломъ; другіе—что онъ умеръ. Намѣстникъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Татищева, слалъ къ нему требованіе за требованіемъ: дай того, дай другаго. Татищевъ совершенно оставилъ свою выжидательную политику и рѣшился прикрикнуть на него. Видѣлся съ нимъ самъ и, разсуждая о бѣдственномъ положеніи калмыцкаго народа, между прочимъ сказалъ: «всѣ вы намѣстники одинаковы. Ханъ Дондукъ-Омбо получаемую въ жалованье муку отдавалъ калмыцкому народу за великую цѣну изъ росту, отъ чего Калмыцкій народъ пришелъ въ наивящшее раззореніе и скудость, чегобъ хану чинить не надлежало, и тотъ его поступокъ весьма неправиленъ. У насъ же русскихъ шляхетство бѣдныхъ своихъ крестьянъ не только отъ своихъ доходовъ на время увольняетъ, но своимъ безъ заплаты ссужаетъ, а часто и въ государственную казну подати за нихъ платитъ. Вотъ и ты все себѣ просишь: а зачѣмъ? Слѣдовало бы тебѣ, какъ благоразсудному владѣтелю, оставя суевѣрства, обыкновеній поповскихъ не слушать, которымъ такъ многое имѣніе какъ жалованное, такъ и собранное съ убогихъ улусовъ, на молебны тысячами туне раздаешь; а

употребилъ бы получаемый хлѣбъ на вспоможеніе бѣдныхъ для завода скотомъ.» Дондукъ-Даши промолчалъ, ограничившись общими разсужденіями объ исправленіи калмыцкихъ убѣжищъ. Разъ вошедши въ роль укротителя, Татищевъ хотѣлъ остаться вѣрнымъ ей до конца. Онъ издалъ объявленіе ко всему калмыцкому народу, на калмыцкомъ и русскомъ языкахъ. Напомнивъ калмыкамъ славу ихъ во время Аюки хана, имѣвшаго вліяніе на киргизъ-кайсаковъ, трухменцевъ, горскихъ, кубанскихъ и крымскихъ татаръ, объявленіе говорило: «а теперь одинъ червь, вкрадшись въ сіе древо, все източилъ; за сего червя ханшу Джану должно разумѣть.» Затѣмъ пересчитаны были всѣ возможныя ея преступленія: держала законъ магометанскій, а не вѣрила бурханамъ калмыцкимъ; держала при себѣ татаръ и побила нѣсколько владѣльцевъ калмыцкихъ, клеветала на другихъ; по смерти Дондукъ-Омбо, мимо Галданъ-Данжина, захотѣла объявить сына своего Арандула ханомъ, къ далай-ламѣ о томъ писала; оной же сынъ не Дондукъ-Омбинъ, а нѣкоего черкеса, каковыхъ она при себѣ довольно имѣла; яко злостная змѣя, засылала къ Лабанъ-Дондуку свататься и по отказѣ его убила; продала въ Кубань, Крымъ, Кабарду и Персію многія тысячи калмыкъ; подговаривала улусы бѣжать къ киргизъ-кайсакамъ и трухменцамъ, другихъ на Кубань и въ Крымъ; всчинала междоусобія между калмыками; сватала своихъ дѣтей за киргизскихъ хановъ, персидскаго шаха, татарскихъ князей; не вѣрила обнадеживаніямъ Татищева; бѣжала въ Кабарду; возвратившись къ Астрахани, требовала многихъ улусовъ и не хотѣла исполнять требованій двора; ссорилась съ Бодонгомъ и хотѣла еще разъ снестись съ персидскимъ шахомъ: и за все то она арестована. Запрещено было подъ страхомъ смерти пересылаться съ невозвратившимися ея зайсангами. А Бодонгъ бѣжалъ въ Кабарду; носились даже слухи, будто онъ добрался до Персіи [120]).

Вся эта перемѣна Татищева въ отношеніяхъ его къ калмыцкимъ владѣльцамъ, отвѣчавшая, повидимому, желаніямъ правительства, не обошлась однакоже ему даромъ. Арестованную ханшу надо было отправить въ Петербургъ; но бѣгство Бодонга съ нѣкоторыми изъ дѣтей Джаны не оканчивало волненій калмыцкихъ; намѣстникъ обидѣлся вслѣдствіе наставленій, полученныхъ отъ Татищева, и просился въ Петербургъ подъ предлогомъ поздравленія новой императрицы, втайнѣ намѣреваясь жаловаться на крутое управленіе астраханскаго губернатора; наконецъ, дѣйствуя рѣшительно, Татищевъ столкнулся съ нѣкоторыми изъ своихъ сослуживцовъ.

Неудовольствія прежде всего начались съ тѣмъ самымъ Таракановымъ, который когда-то получилъ выговоръ изъ-за Татищева. Недоразумѣнія между ними продолжались и по принятіи Татищевымъ астраханской губерніи въ свое управленіе. Онъ тогда еще писалъ въ Петербургъ: «будучи въ оренбургской экспедиціи, когда имѣлъ команду, какъ генералъ поручикъ, видѣлъ я, какъ генералъ-маіоръ Соймоновъ всѣ полки, перемѣня пароль и лозунгъ, принималъ; такъ и теперь комендантъ астраханскій, полковникъ Кнутовъ, говоритъ, что пароль и лозунгъ получитъ изъ Царицына отъ генералъ-поручика Тараканова; хотя сіе мнѣ не безъ обиды, потому что генералъ-поручикъ Таракановъ въ дальнемъ отсюда отлученіи и, въ случаяхъ нужды, особливо къ оборонѣ отъ киргизъ-кайсаковъ, мнѣ нужно повелѣвать и управлять; я же тремя годами прежде команду генералъ-поручика дѣйствительно имѣлъ; однакожь безъ точнаго указу того требовать и здѣсь собою въ команду несмѣя вступить для избѣжанія непорядковъ, чтобъ въ одномъ городѣ два пароля не было, велѣлъ отъ него коменданту принимать, а впредь прошу на то опредѣленія.» Татищевъ не ошибся:

бѣгство Джаны и Бодонга въ Кабарду, слухи о набѣгахъ киргизъ-кайсаковъ, походъ команды изъ Кизляра въ горы, заставляли его неразъ прибѣгать къ помощи не только яицкихъ, волжскихъ и донскихъ казаковъ, но и вообще низовыхъ полковъ, которыми управлялъ Таракановъ; не всегда было время увѣдомлять о томъ послѣдняго. Таракановъ жаловался на то военной коллегіи, которая давала знать коллегіи иностранныхъ дѣлъ, чтобъ «безъ крайней нужды казаковъ и солдатъ непристойными командированіями не отягощали;» а вопросъ о старшинствѣ Татищева и Тараканова рѣшила въ пользу послѣдняго: «онъ де старшій по воинскому чину.» Но когда дѣло Джаны затянулось, Таракановъ послалъ донесеніе въ военную коллегію, въ которомъ говорилъ: «уповаю, что отъ астраханскаго губернатора государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ донесено, якобы калмыцкій народъ имъ весь успокоенъ и никакихъ замѣшаній и опасности отъ нихъ не имѣется, о чемъ и ко мнѣ отъ него сообщено;... а по успокоеніи его бывшая Дондукъ-Омбо ханша Джанъ, отъ которой всей калмыцкой ордѣ замѣшаніе учинено, съ тысячью кибитокъ въ Кабарду ушла, а потомъ ея согласникъ, намѣстника Дондукъ-Даши братъ, Бодонгъ съ ней ушелъ и оттоль ищутъ шаха персидскаго протекціи, но и прочіе многіе улусы въ уходѣ были подозрительны, о чемъ я Татищеву писалъ, что на нагорной сторонѣ Волги калмыкамъ кочевать опасно, дабы и прочіе съ оною ханшею согласные улусы не ушли, которыхъ отъ уходу никоимъ образомъ на нагорной сторонѣ удержать было невозможно, дабы всѣхъ калмыкъ на луговую сторону перевелъ, о чемъ и въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ я доносилъ; а хотя моего совѣту Татищевъ не принялъ, но потомъ, получивъ указъ, перевелъ ихъ, держитъ па Волгѣ сильные форпосты, а во многихъ

нужды не имѣется, а войска въ степи напраснымъ утружденіемъ въ несостояніе приводить не надлежитъ: о всемъ томъ я ему писалъ, только онъ всѣ мои совѣты уничтожаетъ.» Странное донесеніе! Сперва жалобы на недѣятельность Татищева, потомъ неудовольствіе на излишнее будто бы усердіе его. Первыя, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ справедливы; за то понятно второе. Обстоятельства безпрестанно сталкивали Тараканова съ Татищевымъ. Такъ въ мартѣ Таракановъ требовалъ 2000 донскихъ казаковъ къ Кизляру, а Татищевъ къ себѣ до 1000 конныхъ и оружныхъ. Но казаки по бѣдности лошадьми, платьемъ и оружіемъ исправиться не могли, били челомъ военной коллегіи, чтобъ ихъ не наряжали въ походъ. Коллегія велѣла Тараканову исправиться своими драгунскими полками, терскими и гребенскими казаками; а Татищеву волжскими, командой Бобарыкина, да еще помощью отъ драгуновъ Тараканова.—Когда разыгралась исторія, столкновенія обоихъ начальниковъ должны были повторяться чаще, — и 7 іюля Таракановъ еще разъ донесъ военной коллегіи, что Татищевъ, несносясь съ нимъ, напрасно и безъ всякой нужды индѣ полку, индѣ двухъ требуетъ; и сообщаемыхъ ему противныхъ резоновъ не принимаетъ. Татищевъ не оставался въ долгу у своего противника и жаловался въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, что Таракановъ постоянно отказываетъ ему въ помощи. Узнавъ о жалобѣ Татищева, Таракановъ писалъ, что начальникъ калмыцкой коммиссіи самъ виною волненій; но, желая скрыть ихъ, и «по обыкновенной своей злости, ища на него гнѣва, доносилъ напрасно.» 5 августа писалъ, что отъ всѣхъ этихъ волненій войскамъ «многой и напрасной трудъ быть можетъ;» а 9-го донесъ о новомъ бѣгствѣ Бодонга въ Кабарду, о новыхъ требованіяхъ Татищевымъ помощи отъ драгунъ: «а Волга упадетъ, прибавлялъ онъ, покроется льдомъ, тогда

и болѣе требованій будетъ; отъ чего, стоя въ степи безъ всякаго прикрытія, принуждены будутъ люди отъ стужи, а лошади отъ безкормицы терпѣть крайнюю нужду.» Военная коллегія обо всемъ этомъ относилась промеморіями въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая, въ свою очередь, основываясь на разныхъ рапортахъ Татищева, письмахъ къ нему бригадира Фролова-Багрѣева и донесеніяхъ царицынскаго коменданта бригадира Кольцова, жаловалась сенату на то, что «Таракановъ» съ отговоркою и отрицаніями и то недостаточное вспоможеніе командою чинилъ, а чрезъ подходящую зиму команды его людей на форпостахъ и содержать весьма отрекъ.»Жалобы коллегіи на Тараканова были также часты, какъ ссоры его съ Татищевымъ. Въ ноябрѣ коллегія доносила сенату, что генералъ вступается и мѣшается въ калмыцкія дѣла, переписывается съ намѣстникомъ ханства и путается въ сношенія съ нимъ Татищева, вслѣдствіе чего просила наикрѣпчайшаго указа Тараканову, чтобъ того впредь не чинилъ. Между тѣмъ Татищевъ заболѣлъ, бригадиръ Кольцовъ призванный имъ къ размотренію дѣлъ, увидѣлъ, что Бодонгъ отогнанъ былъ полковникомъ Бобарыкинымъ, и представилъ Татищеву, чтобъ арестовать его за то; но Татищевъ, хотя и прежде дурно отзывавшійся о Бобарыкинѣ, нерѣшительно и только съ согласія коллегіи иностранныхъ дѣлъ назначилъ на его мѣсто маіора Аксакокова. Между тѣмъ Бобарыкинъ былъ покровительствуемъ Таракановымъ. Другой разъ, когда Татищеву велѣно было привести съ Кубани салтанаульскихъ татаръ, снова принявшихъ подданство Россіи, онъ потребовалъ 2000 казаковъ. Таракановъ не далъ ему ихъ. Татищевъ донесъ коллегіи, та сенату. Сенатъ потребовалъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ ссорившихся начальниковъ. Коллегія отвѣчала, что: «1) во время небытія губернатора въ Астра-

хани, когда его должность исправлялъ комендантъ полковникъ Кнутовъ, Таракановъ требовалъ получаемыя Татищевымъ отъ нашего резидента въ Персіи Калушкина, изъ Кизляра и отъ другихъ о персидскихъ дѣлахъ извѣстія, незадерживая ни часа, отсылать къ нему оригинальные, а мимо бъ его никуда о томъ не доносить, подъ опасеніемъ суда; 2) на отъѣздѣ изъ Царицына оставилъ для охраненія жены своей 300 драгунъ, а Татищеву, несмотря на указы, отказывалъ въ помощи; 3) вмѣсто Кольцова назначилъ, помимо указа изъ военной коллегіи, командиромъ царицынской линіи полковника Фонъ-Остъгофа; 4) всѣмъ семействамъ офицерскимъ назначилъ квартиры въ одномъ Царицынѣ, городѣ убогомъ и малолюдномъ; 5) не далъ для провожанія ѣхавшаго тогда въ Петербургъ персидскаго посольства бригадиру Фролову-Багрѣеву надлежащей команды, а самъ воспріялъ маршъ за тѣмъ посольствомъ съ немалою командою». Сенатъ сдѣлалъ съ своей стороны запросъ военной коллегіи и, въ ожиданіи новыхъ споровъ, отложилъ дѣло Тараканова въ долгій ящикъ.

Въ это время Дондукъ-Даши былъ уже въ Петербургѣ, а старшій сынъ Джаны Арандулъ и дядя его кабардинскій князь Магометъ Атажукинъ—въ Москвѣ. Намѣстникъ не первый разъ посѣщалъ столицу Россіи: еще владѣльцемъ онъ ѣздилъ туда въ 1738 году, а потомъ былъ 1741 г. для пожалованія его въ званіе калмыцкаго правителя. Теперь онъ вступилъ въ переговоры съ великимъ канцлеромъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ. Просьбы его были немалочисленны. Онъ добивался прежде всего позволенія отправить къ далай-ламѣ пословъ отъ себя и съ грамотою отъ двора къ китайскому богдыхану о пропускѣ ихъ въ Тибетъ. За тѣмъ просилъ соединить съ улусами волжскихъ калмыкъ улусы дербетевскихъ, кочевавшихъ на Дону, по-

тому что число первыхъ значительно уменьшилось. Говорилъ о порядкѣ суда въ дѣлахъ, касавшихся русскихъ и калмыковъ: «понеже между ними въ большихъ и малыхъ, явныхъ и тайныхъ дѣлахъ судъ и расправа производятся неодинаково, но разными образы и по подобію жребія, отъ чего калмыцкій народъ несетъ великую тягость, и хотя россіяне нашего человѣка явнымъ образомъ убьютъ до смерти, то мы въ томъ справедливости получать не можемъ: того ради прошу для произведенія между ними суда и расправы, во всѣхъ мѣстахъ единымъ, а не разными образы, пожаловать выдать письменное право; а волжскихъ городовъ командирамъ указомъ наикрѣпчайше подтвердить, дабы оные потому судъ производили безъ продолженія времени.» Не менѣе важна для матеріальной стороны калмыцкаго быта была просьба о рыбныхъ ловляхъ калмыцкихъ: «калмыцкій народъ, говорилъ намѣстникъ, пришелъ нынѣ въ крайнее убожество и кромѣ рыбы иного пропитанія и поживленія не имѣетъ, только излишнюю рыбу, которая за пропитаніемъ ихъ остается на базарѣ, продавать имъ запрещено, и велѣно имъ жительство имѣть при ватагахъ и излишнюю рыбу продавать тѣхъ ватагъ хозяевамъ, которые напримѣръ за какую рыбу даютъ имъ по одной копѣйкѣ, а на базарахъ или другимъ охочимъ людямъ тужъ рыбу могутъ продавать за пять или за шесть копѣекъ, отчего онымъ убогимъ нашимъ людямъ немалая польза быть можетъ; и хотя всѣмъ убогимъ нашимъ людямъ и приказано жить при ватагахъ, и я желаю, чтобъ охочіе изъ нихъ при ватагахъ не жили, но только прошу, дабы повелѣно было имъ на базарѣ и въ другихъ мѣстахъ рыбу продавать безъ запрещенія.» Другія просьбы Дондукъ-Даши состояли въ слѣдующемъ: дозволить ему производить судъ между калмыками самому тѣмъ же порядкомъ, какъ производили прадѣдъ,

дѣдъ, и отецъ его, донося государынѣ только о важныхъ дѣлахъ; перевести въ другое мѣсто приписанныхъ въ астраханскіе казаки калмыкъ, отъ которыхъ некрещенымъ происходятъ многія обиды и воровство, что имъ поистинѣ нести весьма трудно; возвратить къ Волгѣ калмыковъ умершихъ на Донѣ и Яикѣ во время междоусобій съ 1731 года; подѣлить бывшіе Дондукъ-Омбины улусы, зайсанги которыхъ отличаются надменностію, между вѣрными владѣльцами; построить на Яикѣ у Индерскихъ горъ, гдѣ обыкновенно переходятъ рѣку киргизъ-кайсаки, крѣпость, а на Волгѣ городокъ для зимовокъ самого намѣстника. Изъ другихъ пунктовъ просьбы Дондукъ-Даши видно было, что онъ привезъ съ собой нѣсколькихъ дѣтей владѣльческихъ съ тѣмъ, чтобы оставить ихъ при дворѣ; что при Аюкѣ всѣхъ калмыкъ было до 70,000 кибитокъ, а въ 1742 году, вслѣдствіе долгихъ междоусобій, осталось только 20,000. По поводу вторичнаго побѣга Бодонга съ сыновьями Джапы въ Кабарду, Дондукъ-Даши требовалъ ихъ поимки, заточенія въ крѣпкое и отдаленное мѣсто: «и хотя нѣкоторые люди, объяснялъ намѣстникъ, могутъ на меня нарекать, что я самъ представленіемъ Бодонга, яко моего роднаго брата, и Джановыхъ сыновей, яко младенцевъ еще ничего незнающихъ, не щажу, якобы по одной моей злобѣ на нихъ; однакоже я сей съ ними поступокъ для цѣлости всего нашего народа вмѣняю въ легкій грѣхъ, нежели всѣмъ улусамъ нашимъ прійти оттого въ раззореніе. Сверхъ того, ежели оные будутъ жить вмѣстѣ со мною, то я опасеніе имѣю, чтобъ они и меня живота не лишили; такъ и тѣ владѣльцы, которые поступали со мною за едино, отъ нихъ весьма озлоблены, нынѣ съ ними обще жить не могутъ затѣмъ, что изъ оныхъ одинъ другаго тайнымъ образомъ умерщвлять способовъ искать не оставятъ. Я уповаю, что легче десяткамъ дват-

цати человѣкамъ страдать, нежели всѣмъ улусамъ раззориться.» Такъ переводили толмачи въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ калмыцкихъ листовъ намѣстника. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ просьбъ, Дондукъ-Даши не забылъ въ разговорахъ съ великимъ канцлеромъ пожаловаться на нѣкоторыя дѣйствія Татищева. Его жалобы отозвались въ указахъ, которые посланы были въ Астрахань. «Представленія ваши, писали изъ коллегіи Татищеву, о раздѣленіи калмыцкаго народа на двое, апробовать не можемъ: Дондукъ-Даши всегда вѣрность оказывалъ, не сходясь съ Дондукъ-Омбой, отдавая сына въ Астрахань, ѣздя въ Петербургъ безъ опасенія и спесивства. А что вы, яко главный въ тамошнемъ краѣ командиръ, намѣстнику ханства говорили о ихъ попахъ и сего здѣсь такожде не апробуется; понеже тѣмъ ихъ изувѣрства перевесть не можете, а только ихъ озлобите или подадите сумнѣніе, яко вы то чините не по указу нашему; развѣ бы о семъ велѣли внушить ему кому другому и то слегка, понеже сіе принадлежитъ до ихъ закона и имъ безъ противности быть не можетъ; а впредь надобно вамъ ихъ поповъ, которые во владѣльцахъ и въ ихъ народѣ силу имѣютъ, ласкать и приводить въ нашу вѣрность, чтобъ чрезъ нихъ удобно было что въ пользу интересовъ нашихъ дѣлать.» Въ примѣръ вѣрности представленъ былъ Шакуръ-лама. Относительно смѣснаго суда калмыковъ съ русскими послана была Татищеву особая грамота, при которой приложенъ былъ переводъ съ калмыцкаго и мунгальскаго права, постановленнаго въ 1640 году. «У нихъ, замѣчено было въ грамотѣ, за убійство человѣка положена плата, а смерти нѣтъ; за кражу вмѣсто наказанія ворамъ великаяж плата; ежели кто покраденаго скота слѣдъ приведетъ въ чей улусъ, который того слѣда въ другое мѣсто не отведетъ, то оный платить повиненъ. А въ новомъ правѣ для суда калмыкъ съ

русскими, кажется, надобно постановить, объ убійствѣ по нашимъ правамъ, изъясня при томъ бываемые случаи; за краденыхъ съ обѣ стороны лошадей и другой скотъ написать немалую цѣну, дабы тѣмъ бываемое предъ симъ калмыцкое обыкновеніе, что они вмѣсто всякой лошади, котораябъ хотя и великой цѣны была, платили лошадь за лошадь и такими, которыя меньше двухъ рублевъ стоили; сверхъ сего весьма надобно включить, дабы и ворамъ за отгонъ и за кражу чинить жестокое наказаніе. А третій пунктъ оставить въ вышеизображенной силѣ, только оной гораздо изъяснить. Прочее же предается на ваше разсмотрѣніе и искусство; и когда такое право сочинено будетъ, оное для разсмотрѣнія прислать сюда въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.» Вотъ все, чего добился Дондукъ-Даши во время своего пребыванія въ Петербургѣ. За то онъ не могъ быть недоволенъ тѣми богатыми подарками, которые поднесены были ему отъ имени Елизаветы Петровны, голштинскаго принца и членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Отпустили намѣстника изъ Петербурга; повезли туда изъ Москвы старшаго сына Джаны, Арандула, и дядю его Магомета Атажукина. Арандулъ привезъ императрицѣ въ даръ двухъ дѣвочекъ татарской націи: Балтамъ 13 лѣтъ, Хатай 16. Но рѣшеніе его дѣла было отложено вдаль: боялись сослать ханшу и сына ея въ дальніе города, чтобъ не раздражить кабардинскихъ князей, необходимыхъ для борьбы съ персидскимъ шахомъ, если онъ двинется далѣе къ границамъ русскимъ. Не удалось Дондукъ-Даши добиться своихъ желаній относительно Джаны и ея дѣтей; объявленіе Татищева къ калмыцкому народу, гдѣ ханшу честили злостной змѣей, оказалось преждевременнымъ. За то все было сдѣлано, чтобы поставить намѣстника кочевой орды и губернатора астраханской губерніи во враждебное положеніе

другъ къ другу. Дондукъ-Даши получилъ дозволеніе сноситься съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ помимо Татищева, и, не смотря на то, послѣдняго не избавили отъ обязанности управлять калмыцкою коммиссіей, слѣдить за дѣйствіями намѣстника. Самые важные вопросы въ жизни калмыковъ: объ отношеніяхъ къ кубанцамъ, кавказскимъ горцамъ и киргизъ-кайсакамъ, о взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ, о внутреннемъ управленіи всего народа и о судѣ между калмыками и русскими, о рыбныхъ ловляхъ по Волгѣ и ея притокамъ, не могли быть рѣшаемы безъ вѣдома Татищева. Между взглядомъ на всѣ эти вопросы астраханскаго губернатора и калмыцкаго намѣстника не могло быть ничего общаго; еще менѣе было надежды на то, что могутъ сойтись между собой такіе люди, какъ строгій къ себѣ и къ другимъ Татищевъ и хитрый, но трусливый дикарь Дондукъ-Даши. Послѣдній не былъ похожъ на сильнаго хана Аюку или свирѣпаго Дондука-Омбо; первый не походилъ ни на Волынскаго, привыкшаго дѣйствовать произвольно и самоуправно, ни на Тараканова, льстившаго намѣстнику изъ личныхъ цѣлей [121]).

Наступилъ 1743 года и съ самаго начала его ясно было, что между Татищевымъ и Дондукъ-Даши дойдетъ дѣло до полнаго разрыва. Правитель коммиссіи слишкомъ вѣрно исполнялъ данную ему при отъѣздѣ въ Астрахань инструкцію; намѣстникъ ханства слишкомъ усердно желалъ высвободиться изъ-подъ его опеки и напомнить калмыкамъ времена Аюки и Дондукъ-Омбо. Ему хотѣлось самому раздѣлаться и съ кабардинцами, и съ салтанаульцами, и съ Бодонгомъ, перевѣдаться съ киргизъ-кайсаками, подѣлить между своими улусами богоцохуровскіе улусы, оставшіеся послѣ Дондукъ-Омбо. Онъ сталъ собирать войско. А въ это время молва о приближеніи персидскаго шаха къ русскимъ грани-

цамъ все болѣе и болѣе усиливалась. Между волжскимъ поселеніемъ носились слухи, что шахъ природный калмыченинъ и хочетъ освободить калмыцкій народъ. Русское правительство усиливало войска, находившіяся въ Кизлярѣ. Вооруженію Дондукъ-Даши много помогло и то, что Таракановъ потребовалъ отъ него небольшой помощи изъ калмыкъ и вообще совѣтовалъ быть на готовѣ. Татищевъ, узнавъ, что приготовленія Дондукъ-Даши принимаютъ слишкомъ широкіе размѣры, требовалъ отъ него свиданія; намѣстникъ не ѣхалъ, звалъ къ себѣ Татищева, который отговаривался тяжкою болѣзнію. Дондукъ-Даши отвѣчалъ, что не ѣдетъ не за лѣностію, а за дѣлами, пишетъ торопко донесеніе къ ея императорскому величеству и его высочеству великому князю, собираетъ войско, а то, вмѣсто гульбы, и для свиданія съ сыномъ пріѣхалъ бы въ Астрахань. А между тѣмъ переводчикъ Колышкинъ, собравшій свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Дондукъ-Даши, явился 23 января къ Татищеву и донесъ ему словесно, что намѣстникъ, собиравшій войска противъ Бодонга, очень хорошо знаетъ, гдѣ тотъ находится, даже сносится съ нимъ, вывѣдывая, какія его намѣренія; войска собираетъ жестоко, грозясь раззорить того, кто не явится, чѣмъ усиливаетъ противъ себя злобу старой ханши Дармы-Балы; выкрадываетъ въ свои улусы скудныхъ калмыкъ, разшедшихся по Волгѣ изъ другихъ улусовъ; думаетъ выкрасть изъ Астрахани и сына своего Асарая. Чрезъ два дня пришелъ къ Татищеву одинъ изъ калмыцкихъ владѣльцевъ, Галданъ-Норбо, мать котораго была сестрою намѣстника, кочевала съ своею кибиткою подлѣ улусовъ Дондукъ-Даши и пользовалась особенною благосклонностію намѣстника, который любилъ ее не только болѣе другихъ, но и болѣе всѣхъ разсуждалъ съ нею и вѣрилъ ей. Этотъ Галданъ-Норбо пересказалъ Татищеву, что передала ему подъ секретомъ

его мать: когда шахово войско дѣйствительно вступитъ въ Россію войною, въ такомъ случаѣ кто окажется сильнѣе, на ту сторону и станетъ намѣстникъ; наблюдаетъ прилѣжно, чтобъ съ россійской стороны ему обману какого не произошло, а самъ болѣе замышляетъ, чтобъ русскихъ чѣмъ-нибудь обмануть; покойнаго Бахты-Гирея сынъ Араслань-Гирей, прежде былъ въ великой дружбѣ и братствѣ съ намѣстникомъ, потому что ихъ обоихъ воспитала одна кормилица, и если приключится съ русской стороны ему намѣстнику какое-нибудь оскорбленіе, то онъ уйдетъ къ Араслань-Гирею и, соединясь съ нимъ, стоя за едино по братской дружбѣ, помрутъ; что же касается сына намѣстникова, который находится въ рукахъ у русскихъ, то можно или выкрасть его, или въ случаѣ трудности оставить, ибо разстаться съ нимъ намѣстникъ не сочтетъ за тяжкое преступленіе. На распросы Татищева Галданъ-Норба отвѣчалъ разными сплетнями о томъ, кто въ милости у Дондукъ-Даши, и кто не въ милости. Обо всемъ этомъ Татищевъ донесъ въ Петербургъ, и въ донесеніи своемъ прибавилъ, что кто-то или для повержденія государственнаго интереса, или для нанесенія ему обиды, ссоритъ его съ намѣстникомъ, быть можетъ Дарма-Бала и ея зайсанги, злобствующіе на Дондукъ-Даши. Случилось, что кто-то въ это самое время донесъ объ увеличившихся разбояхъ калмыковъ по Волгѣ. Изъ Петербурга прислали замѣчаніе намѣстнику; тотъ вообразилъ, что донесеніе шло отъ Татищева, сдѣлалъ ему запросъ; Татищевъ въ свою очередь спросилъ коллегію, кто донесъ о разбояхъ; оказалось, что Таракановъ, который былъ совершенно правъ, потому что курьеры съ трудомъ могли ѣздить зимою 1743 года между Царицыномъ и Кизляромъ. Между тѣмъ Дондукъ-Даши все собирался итти на кабардинцевъ съ цѣлію отнять у нихъ дѣтей Джаны и отбить салтанаульскихъ татаръ.

Передъ самымъ походомъ сталъ просить о томъ, чтобы отдали ему въ улусы остатки татаръ джамбуйлуцкихъ и едисанскихъ, жившихъ подъ Астраханью и зависѣвшихъ отъ астраханскихъ мурзъ и головъ «не въ ту мѣру, чтобъ онъ государыни милостію и жалованьемъ былъ еще недоволенъ, или чтобъ тѣмъ себя усилить; но потому что подобное распоряженіе со справедливостію сходственно». Татищевъ внесъ это дѣло въ губернскую канцелярію и та отвѣчала, что трухменцы, едисанскіе, джамбуйлуцкіе и тогмутскіе татары, которыхъ въ Астрахани и Черномъ-Яру считается до 526 кибитокъ, пришли изъ давнихъ лѣтъ съ разныхъ мѣстъ своею волею и отдать ихъ калмыкамъ нельзя, хотя о томъ просилъ еще Дондукъ-Омбо. Дондукъ-Даши и въ этомъ отказѣ видѣлъ вражду къ нему Татищева и писалъ о томъ частнымъ образомъ къ великому канцлеру; тотъ промолчалъ. Просилъ Дондукъ-Даши еще о построеніи ламайскаго храма въ Астрахани. На донесеніе Татищева о томъ въ Петербургъ, оттуда отвѣчали: «по здѣшнему разсужденію такого каменнаго публичнаго капища для приношенія идоламъ жертвы въ державѣ его императорскаго величества, толь наипаче казеннымъ капиталомъ, строить непристойно; того ради, ежелибъ намѣстникъ ханства калмыцкаго Дондукъ-Даши о строеніи такого капища еще сталъ упоминать, въ такомъ случаѣ вамъ возъимѣть отъ него пристойную отговорку, объявляя, яко ему въ томъ нужды не будетъ; ибо можетъ свое мольбище исправлять въ нарочно сдѣланныхъ для него въ новостроющейся крѣпости хоромахъ». Наконецъ Татищевъ проговорился посланцу Дондукъ-Даши, что русское правительство желаетъ перевести салтанаульцевъ подъ Кизляръ и что намѣстникъ можетъ принять участіе въ этомъ походѣ. Посланецъ очень обрадовался услыхавъ о томъ, и сказалъ, что убогимъ калмыкамъ будетъ знатная добыча отъ

нихъ: «зѣло сожалѣтельно, отвѣчали изъ Петербурга на донесеніе о томъ Татищева, что вы отъ того до времени не удержались и намѣстнику ханства сообщили; но когда уже то учинено, нынѣ вамъ нужно стараться, дабы со всякою предосторожностію поступлено было». А о разговорѣ съ Галданъ-Норбою сказано было: «когда вамъ впредь о примѣчаніи намѣреній и обращеній намѣстника случится съ калмыками имѣть разговоры, въ томъ поступать съ лучшею предосторожностію; ибо въ самомъ дѣлѣ за калмыками несодержаніе секрета примѣчено: ибо кому, что о пользѣ его было говорено, оной другимъ, тѣмъ похваляся, секретъ открывалъ; что и вамъ надо содержать въ вашей памяти, не употребляя при томъ ничего партикулярнаго, какъ вы и нынѣ строго изыскиваете; вѣдать о свиданіи и разговорахъ генералъ-лейтенанта Тараканова съ онымъ намѣстникомъ ханства». Наконецъ велѣно было Татищеву лично видѣться съ намѣстникомъ, и помириться съ нимъ. Татищевъ исполнилъ указъ, но вернулся съ дороги, потому что «за великимъ морозомъ и снѣгомъ по слабости своей доѣхать до намѣстника не могъ (Дондукъ-Даши былъ въ 90 верстахъ отъ Астрахани); къ томужъ и намѣстникъ самъ помню, говорилъ Татищевъ, отозвался, что ему со мною видѣться времени нѣтъ и для того возвратился я въ Астрахань». Письмо Дондукъ-Даши, въ которомъ онъ отказывался отъ свиданія съ Татищевымъ, было также послано въ Петербургъ. Вотъ оно: «за сборомъ войскъ удосужиться время не имѣю; къ тому же какъ вы покалмыцки, такъ и я пороссійски, разговоровъ незнаемъ; хотя же бы вы и сами со мною видѣлись и словесно что объявили, а интересъ состоитъ въ великой важности, то въ такомъ случаѣ какъ поступить, невзявъ отъ васъ обстоятельнаго писменнаго виду, то дѣло всчинать я опасенъ». Изъ этого отказа видѣться съ нимъ Татищевъ не выводилъ на этотъ

разъ заключенія о злобѣ на него намѣстника, и въ письмѣ на имя государыни говорилъ, «что же злобы между мною и Дондукъ-Даши касается, то я оной никакой причины, ниже знаковъ къ тому вижу, токмо дознаюсь, что къ тому посторонніе, какъ бы насъ поссорить, трудъ прилагали; а особливо генералъ-поручикъ Таракановъ, злобствуя мнѣ, наслѣднику о мнѣ нѣчто внушалъ, какъ онъ и самъ здѣсь будучи безъ меня при многихъ сказывалъ, что онъ съ намѣстникомъ довольно о мнѣ говорилъ, и намѣстникъ нѣсколько отзывался о томъ; съ другую сторону, ханша Дарма-Бала весьма на него злобна за то, что онъ у нея по указу вашего императорскаго величества ненадлежащую власть въ правленіи улусовъ отнялъ; а главнаго ея зайсанга, облича въ дачѣ на Кубань пашпорта, отъ зайсангства отрѣшилъ; онъ же противъ ея воли съ Джеджитою женился и, другія малыя неудовольства себѣ пріемля, о которыхъ присылаемые отъ нея разговорами показываютъ, мнѣ, что она чрезъ людей научила Галданъ-Норбу на намѣстника тѣ клеветы сплести, которыя я слышавъ въ страхѣ находился; оной же Галданъ-Норба имѣетъ причину злобы ту, что намѣстникъ не токмо дачею ему опредѣленнаго улуса умедлилъ, но и ушедшую его жену, а нынѣ падчерицу у себя удержавъ ему не отдалъ, и хотя я оному Галданъ-Норбѣ, пресѣкая вражду, довольно разсудилъ, что въ оныхъ ево жалобахъ намѣстникъ ни мало невиненъ, и онъ то довольно выразумѣлъ, токмо хитрость Дармы-Балы въ немъ дѣйствуетъ и я, хотя его приношенія пріемля, записываю, но вѣрными почитать не могу: ибо болѣе въ томъ увѣряюсь, что Дондукъ-Даши никакой причины къ злобѣ и къ противнымъ поступкамъ не имѣетъ».

Походъ Дондукъ-Даши подъ Кизляръ начался въ половинѣ марта. Между княземъ Долгорукимъ, кизлярскимъ ко-

мендантомъ фонъ-Зейдеромъ, капитаномъ Горюшкинымъ и кабардинскими и салтанаульскими князьями уже шли переговоры о выдачѣ Бодонга, дѣтей Джаны, о переселеніи салтанаульцевъ на Волгу. Между кабардинскими князьями были: Магометъ-Курюкинъ, Касай-Атажукинъ, Магометъ-Атажукинъ, братья Джаны; изъ салтанаульскихъ: Саадетъ-Гирей-Салтанъ. Отъ послѣдняго ушли на Кубань 4000 кибитокъ съ врагомъ Атажукиныхъ Арасланбекомъ. При Саадетъ-Гиреѣ осталось всего 80 ауловъ при осьми мурзахъ, кибитокъ было 2151, изъ нихъ 910 военныхъ. Не за долго до отправленія Дондукъ-Даши въ походъ, до Татищева дошли вѣсти, будто капитанъ Горюшкинъ, будучи у кабардинскихъ князей, употребилъ «странныя слова: есть ли де они ханшиныхъ дѣтей не дадутъ; то братъ ихъ Магометъ-Атажукинъ можетъ въ Москвѣ быть удержанъ.» А дворянинъ Черкесовъ, жившій между Салтанаульцами доносилъ, что вообще и въ нихъ, и въ кабардинцахъ мало надежды, народъ вольной и не любятъ, чтобъ ихъ переселяли на другія мѣста; подтверждалъ свое мнѣніе письмами одного изъ салтанаульскихъ мурзъ къ себѣ и къ Татищеву, переславъ оба къ послѣднему. Въ письмѣ Татищеву говорилось: «мы сосѣди и сродственники изстари съ кабардинцами, хотя мы одинъ одному и обиду покажемъ; за то между собою раздѣленія не имѣемъ и отъ калмыкъ обидъ не видали. Одинъ маіоръ все лѣто и до осени съ нами стоялъ, никакой обиды мы отъ него не видали; а осенью къ намъ подполковникъ Цейдеръ прибылъ и донское войско, и мы того убоясь, просили оное войско возвратить, и оной обѣщалъ ихъ возвратить, а поутру стали спрашивать, для чего оное войско не возвратили, и онъ мнѣ на то сказалъ, жду-де я изъ Кизляра человѣка, безъ котораго мнѣ войско возвратить невозможно; по потомъ услышали мы, якобы изъ Астрахани и изъ Кизляра еще

войско идетъ, то мы въ старыя мѣста свои перешли, на которомъ мѣстѣ Данилѣ (т. е. Ефремову, донскому старшинѣ) и Дондукъ-Омбо присягали и аманатовъ дали, между Кубани и Кумы обѣщались кочевать и жить, понеже оныя изстари наши мѣста, отцы наши и дѣды тутъ государямъ присягали.» Мурза не ошибся: изъ-подъ Астрахани шелъ Дондукъ-Даши съ 1000 калмыкъ, посажавъ ихъ на верблюдовъ и ведя пѣшимъ образомъ. По дорогѣ къ Кизляру, передовыя партіи его встрѣтились съ Бодонгомъ и разбили его; тотъ бѣжалъ на Кубань. За тѣмъ Дондукъ-Даши захватилъ кондуровскихъ татаръ въ 280 арбахъ, нѣсколько человѣкъ кубанцевъ, кабардинцевъ и салтанаульцевъ. Наконецъ вся орда калмыкъ перевалила за Куму. Тогда кабардинскіе владѣльцы явились къ Долгорокому и требовали, чтобъ онъ не отдавалъ дѣтей Джаны Дондукъ-Даши, потому что у него есть намѣреніе умертвить ихъ. Салтанаульскіе же татары, опасаясь Калмыкъ, оставили рѣку Манку съ ея лѣсами и добровольно покочевали на отведенныя имъ русскими правителями мѣста. Дондукъ-Даши не вытерпѣлъ и хотѣлъ напасть на нихъ; бригадиръ Оболенскій не допустилъ его до того; не смотря на то, калмыки успѣли награбить нѣкоторые улусы. Дондукъ-Даши писалъ Татищеву съ дороги, жалуясь на Оболенскаго: «что впредь для великихъ дѣлъ съ таковыми людьми будучи, исполненіе чинить не возможно.» А возвратившись въ свои улусы послалъ письмо, начинавшееся словами: «вы здравствуете ль? Увѣдомьте о благополучномъ ея императорскаго величества пребываніи и происхожденіяхъ съ шведы, персіаны, кайсаки, кубанскими татары и другими народами.» Походъ кончился, но цѣль его не была вполнѣ достигнута Дондукъ-Дашей. Бодонгъ жилъ у кубанскаго сераскира; дѣти Джаны получили, послѣ долгихъ споровъ и переписки Татищева съ Петербургомъ, свою

долю изъ отцовскихъ, такъ-называемыхъ богоцохуровыхъ улусовъ [122]).

Дондукъ-Даши видался съ Татищевымъ рѣдко, только въ торжественные дни, когда онъ обязанъ былъ являться въ Астрахань для принесенія поздравленій;—но гораздо живѣе шла переписка между намѣстникомъ и губернаторомъ. Имъ было о чемъ и поговорить, и поспорить; было много такого, по поводу чего приходилось дѣлать другъ другу разныя непріятности: въ иномъ помириться, въ другомъ совершенно разойтись, а за что такъ и жестоко поссориться, пожаловаться другъ на друга въ Петербургъ. 25 апрѣля былъ день коронаціи Елисаветы Петровны, Дондукъ-Даши пріѣхалъ въ Астрахань и видѣлся съ Татищевымъ. Разговоръ между ними начался со взаимныхъ жалобъ. Намѣстникъ жаловался на князя Оболенскаго, такъ самостоятельно распорядившагося по поводу переселенія салтанаульцевъ; Татищевъ говорилъ, что калмыцкіе воровскіе люди, несмотря на военные разъѣзды грабятъ, и побиваютъ рускихъ, напримѣръ при урочищѣ Коровьей-Лукѣ, въ урочищѣ Башмаковкѣ. Татищевъ не сказалъ, что въ послѣднемъ русскіе нашли до 50 кибитокъ крещеныхъ калмыкъ, жившихъ между некрещеными, и что ихъ велѣно было хватать, когда они явятся въ какой-нибудь городъ. Дондукъ-Даши отвѣчалъ, что такія шалости происходятъ болѣе отъ скудныхъ калмыкъ, что онъ соберетъ ихъ всѣхъ и потомъ раздѣлитъ по разнымъ улусамъ, что приставятъ къ нимъ смотрителей; другаго способу нѣтъ. Татищевъ замѣчалъ, что все это хорошо, но недостаточно; и надлежитъ для лучшаго тѣхъ воровскихъ замысловъ пресѣченія запретить калмыкамъ лодки на четырехъ или болѣе веслахъ имѣть, ибо для ловли рыбы довольно одновесельныхъ; и во многолюдствѣ отнюдь бы не ѣздили; а которые за тѣмъ будутъ ѣздить въ лодкахъ многовесельныхъ, тѣхъ

признавать за воровъ. За тѣмъ разговоръ перешолъ къ суду между русскими, калмыками и татарами. Дѣло въ томъ, что Татищевъ обращалъ особенное вниманіе на этотъ судъ, дорожилъ его репутаціей. До него судьею былъ капитанъ Лука Шихматовъ, опредѣленный еще въ 1737 году: астраханскому губернатору велѣно было имѣть за нимъ прилѣжное смотрѣніе, чтобъ отправлялъ судъ между иновѣрцами правдиво безъ всякихъ налоговъ и нападковъ безволокитно, подъ опасеніемъ немалаго штрафа въ случаѣ неисправности. Пріѣхалъ Татищевъ, славившійся безкорыстіемъ и строгостію; на Шихматова посыпались жалобы. «Казанскіе выборные татары Курманъ-Куручевъ съ мірскими людьми билъ челомъ, что онъ Шихматовъ одинъ изъ ихъ мірскихъ дворовъ, другое дворовое мѣсто самъ собою отнялъ и отдалъ проѣзжему черкешенину Доюну и татарину Самбеку, и хотя-де они у него о томъ просили, но за ревностію взятковъ рѣшенія не учинилъ и беретъ отъ нихъ каменщиковъ и плотниковъ, къ себѣ на дворъ въ услугу; и если кто къ тому дѣлу за необыкновеніемъ или за болѣзнію идти не можетъ, велитъ нанимать, а за труды ничего не платитъ, ниже накормитъ хлѣбомъ; между тѣмъ, какъ и за казенныя работы даются деньги. Тѣже челобитчики, старшины и мірскіе люди жаловались, что послѣ подачи вышеписанной челобитной, Шихматовъ, непринявъ страху, наипуще на нихъ нападаетъ и беретъ съ нихъ къ себѣ въ домъ ходоваго работника и, захватя изъ нихъ двухъ старшинъ, билъ батожьемъ немилостиво, приговаривая, что они челобитчики. Далѣе юртовскій ясашный татаринъ Дасакай-Такіевъ жаловался на то, что Шихматовъ держалъ его подъ карауломъ въ колодкѣ безвинно и, взявъ съ него денегъ 20 рублей, изъ-подъ караулу освободилъ. Юртовскій же татаринъ Джанокай-Саркибѣевъ билъ челомъ во взятьѣ у него Шихматовымъ

одного волжскаго судна цѣною въ 20 рублей; юртовскіе же ясашные татары Алегукъ-Мамбетевъ съ товарищами—во взятыхъ съ нихъ въ видѣ взятки 30 рублей. Толмачъ, опредѣленный къ переводчику Братищеву, татаринъ Асакъ-Арасланов — во взятьѣ имъ же Шихматовымъ, во время его отлучки, жены его подъ караулъ; а безъ нея скарбъ весь его невѣдомо кѣмъ былъ растащенъ. Персидскаго посла Измаилъ-Бека служитель Морохванъ-Шакеремовъ билъ челомъ, что Шихматовъ, держа его въ конторѣ подъ карауломъ въ колодкѣ, вымучилъ у него денегъ сто рублей себѣ во взятокъ, по поводу его иска о пожиткахъ съ жителемъ гилянскаго двора Мамасаліемъ Миротворцевымъ, и просилъ показанныя взятки отъ него возвратить; а за разныя нападки и раззоренія смѣнить его, объявляя, что будутъ многіе челобитчики. Татищевъ приказалъ навести справки въ дѣлахъ астраханской губернской канцеляріи; оказалось, что еще въ 1740 году предписано было разсмотрѣть, какія тягости и обиды чинилъ Шихматовъ татарамъ и учинить губернатору вмѣстѣ съ канцеляріею рѣшеніе по указамъ. Татищевъ рѣшилъ отставить возбудившаго общую противъ себя ненависть Шихматова и опредѣлить на его мѣсто астраханскаго гарнизоннаго капитана Владиміра Копытовскаго, на котораго указывали татары. Послѣ смѣны судьи взяточника и притѣснителя, дѣла пошли лучше. Самъ Татищевъ входилъ въ распри русскихъ съ калмыками и вовсе не былъ пристрастенъ къ своимъ. Намѣстнику нельзя было въ этомъ отношеніи жаловаться на него. У Татищева тотчасъ же нашлись бы доказательства въ свою пользу. Такъ въ книгахъ судной палаты за февраль 1742 года, можно было прочесть слѣдующіе факты. 6-го, одинъ изъ калмыковъ, пріѣхавшихъ въ Астрахань на базаръ, всмотрѣлся въ одного калмыченка и узналъ въ немъ двоюроднаго брата своего, украденнаго

астраханскимъ бобылемъ Масловымъ, который и былъ за то битъ плетьми. 8-го, явился въ коммиссію зайсангъ Дондукъ-Даши Ботохой, привелъ съ собой священника владимірскаго драгунскаго полка Іосифа Алексѣева, жалуясь, что онъ его безъ всякой причины ударилъ своею тростью по глазу и расшибъ до крови, въ чемъ священникъ и извинился предъ зайсангомъ; несмотря на то, по просьбѣ обиженнаго, который неудовлетворялся однимъ извиненіемъ, отведенъ былъ къ астраханскому архіепископу Иларіону и тамъ, въ присутствіи зайсанга, наказанъ тѣлесно. 27-го, морской служитель боцманъматъ Никита Змѣевъ, за битье калмыковъ на улицѣ въ пьяномъ видѣ, наказанъ былъ въ своей командѣ кошками. Теперь, коснувшись въ разговорѣ съ Дондукъ-Даши суда, Татищевъ похвалился имъ предъ намѣстникомъ: «вамъ извѣстно, говорилъ онъ, что до прибытія моего здѣсь въ тюрьмахъ содержалось множество, изъ которыхъ большая часть помирала, но при мнѣ оное весьма умалилось, и только содержатся здѣсь въ дѣланіи воровскихъ денегъ и въ смертномъ убійствѣ Калмыкъ съ шесть человѣкъ, которые показываютъ, будто они въ тѣхъ дѣлахъ не точно винны, а винны другіе калмыки, которые нынѣ живутъ въ улусахъ, и о сыску ихъ къ вамъ было отъ меня писано, но и понынѣ неприсланы; и за тѣмъ тѣ калмыки здѣсь подъ карауломъ продолжаются. Дондукъ-Даши объявилъ, что прикажетъ спросить содержащихся въ тюрьмѣ калмыкъ и на кого они покажутъ, велитъ тѣхъ отыскать. Потомъ намѣстникъ перешелъ въ разговоръ къ калмыкамъ, захваченнымъ съ ихъ женами, дѣтьми, скотомъ, и разнымъ скарбомъ на рыбной ватагѣ астраханскаго купца Лаврентья Иванова, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы хотѣли бѣжать въ Персію. Татищевъ отвѣчалъ: «о намѣреніи ихъ уйдти въ Персію не слыхалъ ни отъ кого, а жаловался хозяинъ, что

они хотѣли его ватагу разграбить; впрочемъ дѣло захваченныхъ назначено къ розысканію; а было ли имъ какое грабительство, того я не слыхалъ, да и бодокчеи не сказывали.» Бодокчеями въ астраханской судной палатѣ были депутаты, выбранные изъ всѣхъ инородцевъ, населявшихъ губернію. Татищевъ жаловался намѣстнику, что бодокчеи не являются въ палату. Два дня пировалъ Дондукъ-Даши у Татищева; на третій день гость сдѣлался хозяиномъ и принималъ въ садахъ, гдѣ жилъ сынъ его, строгаго губернатора. На этотъ разъ присутствовали и зайсанги намѣстника; шла рѣчь о трехъ вопросахъ: о продажѣ калмыцкими владѣльцами калмыцкихъ дѣвочекъ и мальчиковъ въ Крымъ, за Кубань и киргизъ-кайсакамъ; о спорахъ по поводу крещеныхъ калмыкъ, о построеніи Енотаевской крѣпости.

Еще когда Татищевъ ѣхалъ управлять коммиссіею, коллегія иностранныхъ дѣлъ совѣтовала ему обратить особенное вниманіе на торговлю калмычатами и калмыцкимъ ясыремъ, который состоялъ большею частію изъ взрослыхъ людей; велѣно было войти въ сношенія съ крымцами и кубанцами, выкупать у нихъ плѣнниковъ и проданныхъ по той же цѣнѣ, по какой они достались татарамъ. Деньги Татищевъ бралъ изъ суммъ коммиссіи. Но денегъ не хватало: владѣльцы, ихъ жены, а иногда и зайсанги продолжали торговать своими улусниками. Татищевъ сталъ править выкупныя деньги съ самыхъ продавцевъ; у владѣльцевъ сталъ вычитать ихъ изъ жалованья; наконецъ въ разговорѣ съ намѣстникомъ предложилъ выдавать татарамъ головою самихъ продавцевъ, или ссылать ихъ въ каторжную работу. Дондукъ-Даши считалъ возможнымъ оправдывать владѣльцевъ крайнею скудостію ихъ содержанія. По поводу крещеныхъ калмыкъ споры были стольже часты, какъ и по поводу продажи ихъ. Все приманивало бѣдныхъ кочевниковъ къ доб-

ровольному принятію православія: подарки, льготы, лучшая жизнь; иногда убійца, воръ или человѣкъ, совершавшій какое-нибудь другое преступленіе, бѣжали въ русскіе города и тамъ крестились, избывая наказанія. Разговаривая съ Дондукъ-Даши объ этомъ вопросѣ, Татищевъ объяснялъ ему: «приходящихъ для крещенія калмыкъ всегда я спрашиваю при ихъ бодокчеяхъ, добровольно-ль они креститься желаютъ и не имѣютъ ли отъ кого въ томъ принужденія, и которые объявляютъ, что креститься не желаютъ, такихъ отдаютъ возвратно, а желающимъ приказываемъ креститься». Намѣстникъ въ отвѣтъ на это ограничился только вопросомъ: «тѣ калмыки, оставя свой законъ, крестятся, а потомъ возвратно уходятъ, и въ томъ какая есть польза.» Вопросъ о построеніи Енотаевской крѣпости шелъ уже давно, еще со временъ втораго путешествія Дондукъ-Даши въ Петербургъ. Долго спорили о мѣстѣ построенія крѣпости; намѣстникъ предлагалъ одно, астраханскіе торговые и свѣдомые люди — другія, пока не остановились на Енотаевскомъ урочищѣ. Татищевъ усердно переписывался съ коллегіею о планѣ будущаго города, о строительномъ матеріалѣ, о расходахъ на постройки. Онъ былъ также хлопотливъ, какъ и при постройкѣ Ставрополя на Волгѣ. Енотаевъ строилъ генералъ Дебриній. Когда крѣпость была заложена, распредѣлены всѣ ея части на картахъ и на мѣстѣ, Татищевъ послалъ подробное донесеніе, о своихъ распоряженіяхъ относительно новаго города: «Енотаевская крѣпость, говорилъ онъ, не для одного калмыцкаго хана надобна, но и для того весьма потребна, чтобъ ѣздящіе Волгой россіяне, на такомъ дальнемъ отъ Чернаго-Яру до Астрахани разстояніи, какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время, могли имѣть пристань и убѣжище отъ непріятельскихъ набѣговъ; сверхъ того, будущими въ той крѣпости людьми способнѣе

будетъ и рыбнымъ промысламъ близь оной крѣпости находящимся защищеніе чинить; а паче во время нужды разставленные по Волгѣ форпосты въ зимнее время не на пустомъ мѣстѣ будутъ. Калмыцкаго хана, владѣльцевъ и всѣхъ калмыкъ къ поселенію городомъ и слободами весьма пріохочивать надобно, ибо тогда ихъ удобнѣе будетъ содержать въ послушаніи, и тамошнія пустыя мѣста оживятся, къ чему ихъ при другомъ ханѣ, который къ тому охоты не возымѣетъ, приводить будетъ не удобно. Надо оную крѣпость отъ всѣхъ казенныхъ споровъ освободить». За тѣмъ исчислялъ всѣ расходы необходимые при построеніи Енотаевска, и указывалъ на источники, которыми можно было покрыть эти расходы. Гораздо менѣе принималъ къ сердцу будущность енотаевскаго поселенія калмыцкій намѣстникъ: онъ несовсѣмъ довѣрялъ тому, что новая крѣпость строится для блага калмыцкаго народа. Для него гораздо важнѣй былъ вопросъ о рыбныхъ промыслахъ по Волгѣ, изъ-за которыхъ велись давніе и долгіе споры между русскими и калмыками, о которыхъ включались условія въ договорныя записи русскаго правительства съ ханами и намѣстниками. Въ 1737 году имъ отведено было, по указу изъ сената, удобное для ловли мѣсто, съ обязательствомъ не приходить на казенные и откупные промыслы. По пріѣздѣ своемъ въ Астрахань, Татищевъ занялся и этимъ дѣломъ. Въ январѣ 1742 года, вмѣстѣ съ Кнутовымъ, Беклемишевымъ и управителемъ рыбной конторы маіоромъ Соймоновымъ, по совѣту съ Дондукъ-Даши и нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ астраханскихъ промышленниковъ, постановилъ довольно подробныя правила о пользованіи рыбными ловлями по Волгѣ, Каспійскому морю и Яику для калмыковъ, о защитѣ отъ нихъ русскихъ промысловъ и о защитѣ ихъ отъ насилій русскихъ промышленниковъ. Намѣстникъ былъ доволенъ этими пра-

вилами. Незадолго до описываемаго здѣсь свиданія они были утверждены и государыней. Несмотря на то, калмыки являлись многолюдствомъ на казенныя и откупныя воды, соединялись съ ватагами частныхъ владѣльцевъ, преимущественно астраханскихъ купцовъ, ходили въ морскія горловины и степные протоки, гдѣ уже были построенные учуги и забойки, ловили тамъ всякую рыбу неустановленными снастьми, самоловными удами и переметами, частиковыми большими волокушами; такъ что, гдѣ прежде по глубокимъ мѣстамъ лавливались бѣлуги матерыя въ немаломъ числѣ, рыба стала переводиться. Потомъ калмыки неограничивались такимъ запретнымъ ловомъ: выбирая самыя дорогія части рыбнаго улова, они бросали остальное на самыхъ учугахъ и промыслахъ; брошеная рыба, предаваясь гніенію, заражала воздухъ. Спускаясь по Волгѣ на многовесельныхъ лодкахъ, они иногда раззоряли казенныя и частныя ватаги, чинили смертныя убійства и грабежи. Коснувшись въ своемъ разговорѣ съ намѣстникомъ этого вопроса, Татищевъ говорилъ: «Вы, господинъ намѣстникъ, изволите объявлять, что калмыки изубожѣли, и безъ свободнаго въ рыбную ловлю допущенія поправить и скотъ завести неможно, а безъ скота они въ услуги ея императорскаго величества негодны, что сущая правда; однакожъ здѣшніе купцы, какъ довольно свѣдомые о состояніи калмыкъ, представляютъ, что ихъ ловлю рыбы при нынѣшнемъ порядкѣ не поправить и скота не завести для того, что при ватагахъ калмыки хотя въ годъ столько выработываютъ, что всякій лошадь купить могъ, токмо не купятъ затѣмъ, что владѣльцы, зайсанги и посланцы ихъ грабятъ немилостиво и деньги у нихъ и скотъ отнимаютъ и выманиваютъ, и такъ никогда ничего собрать не могутъ. При здѣшнихъ ватагахъ калмыкъ въ работахъ можетъ употребиться свободно 1500 и

до 2000 и всякой столько можетъ выработать, что чрезъ два года лошадь и скотину купитъ; и для того вамъ нашъ совѣтъ сообщаемъ, что на всѣ ватаги опредѣлить добрыхъ надзирателей и велѣть отъ промышленниковъ деньги, принимая каждому токмо на крайнюю нужду давать, а затѣмъ, что соберется, то велѣть купить скотину, и такъ можете въ краткое время всѣхъ со скотомъ сдѣлать, о грабленіяхъ же и обманахъ покрѣпче запретить». Дондукъ-Даши отвѣчалъ: «сіе весьма изрядно». Но когда Татищевъ требовалъ присылки всѣхъ лодокъ калмыцкихъ въ Астрахань, гдѣ на нихъ будутъ положены клеймы, а многовесельныя лодки будутъ изрублены: ибо безъ того воровство не пресѣчется; Дондукъ-Даши просилъ льготъ для калмыковъ. Татищевъ обѣщалъ еще разъ подумать о столь важномъ для всего поволжскаго и особенно астраханскаго населенія вопросѣ. — Разставаясь съ намѣстникомъ, Татищевъ подарилъ ему серебряную кружку китайской работы, да зрительную англійскую трубку, Дондукъ-Даши принялъ подарки, посмотрѣлъ на нихъ и попросилъ въ замѣнъ старинную саблю рублей во сто. У Татищева не нашлось такого подарка [128]).

Съ тѣхъ поръ Дондукъ-Даши не показывался въ Астрахань, не смотря на то, что тамъ жилъ единственный сынъ его Асарай. У этого Асарая былъ свой дворъ, свои зайсанги, гелюнгъ, служители изъ простыхъ калмыкъ; были русскіе надсмотрщики; иностранный лекарь. Иногда навѣщалъ его Татищевъ, чрезъ него подавали свои челобитныя на имя намѣстника или губернатора убогіе калмыки. Его учили ламайскому закону и калмыцкимъ обычаямъ; для знакомства съ русскимъ бытомъ возили въ городъ и показывали ему все достойное вниманія. Изрѣдка пріѣзжали къ нему посланные отъ отца навѣдаться о его здоровьѣ, и привозили съ собой гостинцы калмыцкаго издѣлія. Асарай часто бы-

валъ боленъ, и тогда окружавшіе его калмыки старались лечить домашними средствами, на что лекарь приносилъ жалобы Татищеву. Послѣдній уговаривалъ усерднаго нѣмца оставить въ покоѣ калмыченка и его знахарей, — и ограничивался только извѣщеніемъ отца о болѣзни сына, потомъ о его выздоровленіи, о его прогулкахъ и занятіяхъ. Такія же донесенія посылались ежемѣсячно ко двору. Дондукъ-Даши, повидимому, не очень заботился объ участи сына; но его безпокоила зависимость Асарая отъ ненавистнаго и строгаго губернатора, нарѣканія отъ другихъ владѣльцевъ, отъ зайсанговъ и простыхъ калмыкъ, что намѣстникъ черезъ чуръ усердствуетъ русскому правительству, отдалъ въ аманаты своего единственнаго сына. И дѣйствительно, когда ссора Дондукъ-Даши съ Татищевымъ зашла далѣе, онъ написалъ письмо къ графу А. П. Бестужеву, прося отпустить къ нему Асарая, потому что имѣетъ зазрѣніе себѣ отъ постороннихъ людей. Бестужевъ отвѣчалъ: «зазирать могутъ только люди неразсудительные, а между тѣмъ въ Астрахани Асарай можетъ узнать русскій языкъ, обыкновенія и обхожденія, неоставляя калмыцкихъ; а вѣдая вашъ умъ и добрыя разсужденія не могу тому повѣрить, чтобъ вы о разлученіи вашего сына могли печалиться, ибо сіе сходственно чинить однимъ только матерямъ, а не отцамъ, и не такимъ, какъ я о васъ разумѣю: ибо тотъ сынъ вашъ отъ васъ не въ дальнемъ разстояніи и по случаямъ нерѣдко съ нимъ свиданіе имѣете. Выжъ вѣдаете, что здѣшніе князья и другія знатныя персоны, которыя, хотя по одному сыну имѣютъ, да и тѣхъ для наукъ въ дальнія государства посылать не жалѣютъ; а потому и вамъ, яко другу моему, еще и сіе совѣтую, чтобъ вы того сына вашего черезъ нѣкоторое малое время здѣсь въ резиденціи подержали, чѣмъ оной можетъ вящшую милость получить, что впредь для будущихъ слу-

чаевъ особливою ему пользою быть можетъ; да и я того самаго сына могу призирать. Но сіе все на ваше собственное разсужденіе предаю.» Дондукъ-Даши послѣ этого письма ни разу не напоминалъ объ Асараѣ, будто совсѣмъ забылъ его. Зато переписка намѣстника съ Татищевымъ болѣе и болѣе разрасталась, постоянно наполняясь жалобами. Такъ еще съ дороги отъ Астрахани онъ писалъ, что русскіе на ватагахъ у скудныхъ калмыкъ женъ крестятъ силой и отнимаютъ; у иныхъ просто насильничаютъ. Потомъ 4-го мая увѣдомлялъ «въ прошедшей осени, передъ пріѣздомъ моимъ изъ Москвы, нашего одного человѣка дочь одинъ калмыченинъ да татаринъ опозорили, отъ чего она и умерла, а нынѣ тотъ калмыченинъ сысканъ, и я его послалъ къ вамъ для показанія его товарища татарина: а тотъ де татаринъ вѣдомства Адиль-мурзы, и вы по показаніи онаго калмыченина, татарина сыскать и судъ надъ нимъ произвести опредѣлите; а калмыченина, послѣ показанія, приказалъ я привесть къ себѣ; а что жь оное учинено не по человѣчеству, того для за такую вину надлежитъ жесточайше наказывать. Да и Адиль-мурза самъ въ томъ участвовалъ, про что знаетъ и вамъ обстоятельно можетъ показать той умершей дѣвки мать, отъ которой увѣдавъ, Адиль-мурзу и съ товарищами судить прикажите». Татищевъ отвѣчалъ, что приказалъ въ татарской конторѣ судьѣ, обще съ калмыцкимъ бодокчеемъ, немедленно изслѣдовать и виннымъ упущено не будетъ. Дондукъ-Даши сильно мучился требованіемъ Татищева переклеймить малыя калмыцкія лодки, а большія даже сжечь; и потому 10 мая онъ послалъ къ Татищеву объясненіе, котораго не рѣшился высказать въ лицо: «прежде сего, чтобъ намъ всякій свой скарбъ и скотъ клеймить, такого обыкновенія не бывало. Скудные наши калмыки въ Царицынѣ, въ Черномъ-Яру, въ Гурьевѣ-городкѣ, такожь по Волгѣ, по Дону, въ косахъ, мочагахъ

и наморскихъ учугахъ, вездѣ, гдѣ прилучится, всегда лодки покупаютъ, которымъ такъ изъ далекихъ мѣстъ, когда и въ которое время, для клейменія лодокъ въ Астрахань, по такимъ ихъ надобностямъ, оное учинить истинно за невозможность я признаю. Того ради я разсудилъ, чтобъ приличившихся въ воровствѣ отдавать къ вамъ въ тюрьму». Татищевъ отвѣчалъ рѣшительно: «чтобъ у калмыкъ всякій скарбъ и скотъ клеймить указу я не имѣю, и отъ меня къ вамъ неточію было писано, но и въ бытность вашу здѣсь представленія не было; окромѣ того какъ для пресѣченія воровства у калмыкъ лодки убавить, оставить для одной ихъ нужды, и тѣбъ лодки заклеймить. И для того я совѣтую вамъ, какъ о томъ ея императорскаго величества указъ повелѣваетъ, учинить. А клеймить лодки во всѣхъ городахъ.» Дондукъ-Даши не возражалъ на это, но, узнавъ случайно, что въ Астрахани составляютъ исторію похожденій ханши Джаны и ея дѣтей, просилъ прислать къ нему рукопись для просмотра и дополненій. Татищевъ въ свою очередь промолчалъ на это требованіе: онъ отправлялъ въ это время ханшу со всею семьей ея въ Москву. — 21 іюня намѣстникъ прислалъ новую жалобу, что у находящихся по Волгѣ при ватагахъ калмыкъ, русскіе люди, обыскивая соль и рыбій клей, отбираютъ, а ихъ самихъ бьютъ и увѣчатъ, а прежде такого обыкновенія не бывало; да требуютъ съ нихъ заводы денегъ, а имена всѣхъ тѣхъ калмыкъ одинъ русскій человѣкъ переписалъ на листъ. Татищевъ замѣтилъ, что калмыкамъ запрещено продавать соль русскимъ, а рыбій клей про себя готовить дозволено. Нежелая остаться и самъ въ долгу у калмыцкаго намѣстника, онъ прибавилъ и съ своей стороны жалобу: «а ваши калмыки по Волгѣ, не точію по четверы, по трои, но и по двои весла, совокупясь лодокъ по пяти и по семи, въ многолюдствѣ съ ружьемъ, саадаками

и острогами разъѣзжая, на ѣдущихъ по рѣкѣ почтовыхъ солдатъ, казаковъ, рыбаковъ, дровениковъ и на всякихъ проѣзжающихъ людей воровски нападая, разбои, грабежи и смертныя убійства умножили, и нѣсколькихъ ранили, иныхъ перебили, а кого и до смерти побили; военныеже разъѣзды за нынѣшнею полою водою и великимъ разливомъ изъѣхать ихъ никакъ не могутъ.»

Всѣ эти взаимныя жалобы были однакожъ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что написалъ Дондукъ-Даши о Татищевѣ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Прошеніе его на имя императрицы написано было тотчасъ по возвращеніи съ похода на салтанаульцевъ, быть можетъ передъ самымъ свиданіемъ съ Татищевымъ въ Астрахани и подано въ Петербургѣ зайсангомъ Бордономъ 15 мая. Дондукъ-Даши обвинялъ Татищева чуть не во всѣхъ несчастіяхъ калмыцкаго народа. «При правленіи моемъ калмыцкимъ народомъ, Татищевы поступки и обычай весьма тяжки являются, писалъ онъ; ибо съ 29 октября 1741 года, по первомъ свиданіи моемъ съ нимъ въ Ахтубинскомъ Селитряномъ городкѣ, до сего времени произошло отъ него слѣдующее;» — и за тѣмъ обвинялъ Татищева въ томъ, что онъ съ перваго же разу позволилъ Джанѣ обмануть себя и не захватилъ ее, вопреки совѣтамъ намѣстника; отдалъ ей грамоту, неслушая его же требованій; допустилъ ханшу бѣжать къ кабардинскимъ князьямъ, а за нею и Бодонга. «Чаялъ я, продолжаетъ въ своей просьбѣ намѣстникъ, что онъ то чинитъ, яко человѣкъ новой, невѣдая обращеній здѣшнихъ народовъ; а когда здѣшнее состояніе будетъ знать, то онъ такіе свои поступки премѣнитъ.» Но Татищевъ не унимался: опустилъ Тогмутовъ; по возвращеніи Джаны, ея дѣтей и Бодонга къ Астрахани, не задержалъ ихъ всѣхъ въ городѣ и чрезъ то далъ возможность снова бѣжать къ черкесамъ; не чинилъ

поиску и не позволялъ переловить богоцохуровскихъ улусовъ, бывшихъ за Дондукъ-Омбиными дѣтьми, вопреки требованію намѣстника; ни въ чемъ не принималъ внушеній Дондукъ-Даши: «и такъ ежели бы онъ Татищевъ не все на своемъ мнѣніи утверждался; а принималъ бы притомъ и другихъ совѣты; тобъ дѣла наши до сего времени съ каждогоднымъ убыткомъ продолжаться не могли, подавнобъ окончаніе свое получили и мыбъ жили съ покоемъ.» Виноватъ былъ Татищевъ даже въ тѣхъ потеряхъ скотомъ и скарбомъ, которыя понесли калмыки во время своихъ междоусобій. «И я о вышеозначенныхъ его Татищева безъ моего совѣта, но по своей волѣ, чинимыхъ дѣлахъ кратко описалъ въ ту мѣру, говоритъ намѣстникъ, что указомъ вашего величества повѣлено ему Татищеву въ калмыцкихъ дѣлахъ поступать съ моего совѣта, и чтобъ тѣ его собственные поступки не причтены были къ моему съ нимъ совѣту.» Наконецъ Дондукъ-Даши заявляетъ въ своей челобитной крайнее неудовольствіе на то, что Татищевъ производитъ судъ необыкновеннымъ образомъ: «когда людей нашихъ явно убьютъ до смерти, и тѣхъ убійцъ, поймавъ, къ нему приведутъ; то онъ мѣсяца два и три волочитъ, и приказываетъ ожидать, обѣщая то дѣло рѣшить, но такъ безъ рѣшенія и оставитъ; и хотя я съ представленіемъ о семъ и для иску посылалъ отъ себя къ нему трехъ моихъ зайсанговъ, но и по тому ничего не чинитъ, только словами обнадеживаетъ, что рѣшеніе будетъ.» Мало того, Дондукъ-Даши казалось, что Татищевъ дѣлалъ много такого, чего прежде и въ обычаѣ не было. Сюда намѣстникъ относилъ взиманіе пошлинъ съ продажи калмыками на астраханскомъ базарѣ рыбы, съ покупки ими овецъ у киргизъ, пріѣзжающихъ въ Астрахань. Гораздо страннѣе было обвиненіе въ томъ, что Татищевъ не выкупалъ на казенныя деньги у крымскихъ и кубанскихъ

татаръ проданныхъ имъ владѣльцами калмыковъ, хотя и былъ ему о томъ указъ, да и намѣстникъ далъ за себя и другихъ нойоновъ заемное письмо на три года въ тѣхъ деньгахъ; побужденіемъ къ такому поступку Дондукъ-Даши выставлялъ то, что Татищевъ взялъ съ татаръ въ подарокъ трехъ калмыкъ. И кромѣ того, сказано въ челобитной, «чужестранные люди, живучи въ Астрахани, нашихъ людей крадутъ и съ собой увозятъ, о чемъ я къ нему Татищеву писалъ, который въ томъ и разсмотрѣніе учинить обѣщалъ; но учинилъ-ли что, о томъ мнѣ не сообщилъ.» Далѣе шло обвиненіе въ томъ, что Татищевъ, вопреки указу, запрещавшему продавать персіанамъ, черкесамъ, калмыкамъ и кубанцамъ лошадей и верблюдовъ, дозволилъ татарину Юсуфу Муллѣ отвести въ самое войско персидскаго шаха 900 лошадей, которыя и были проданы по страшно дорогой цѣнѣ, между тѣмъ какъ калмыки не были до того допущены: «и буде онъ Татищевъ, говорилъ въ заключеніе всего намѣстникъ, и впредь такимъ образомъ будетъ поступать, то я изъ его мнѣ объявленій уже не могу разобрать, что подлинно будетъ указъ вашего величества, и что собственное его мнѣніе; ибо онъ человѣкъ самоправный и поступаетъ по своему произволенію, и для того по указу вашего величества порученныя мнѣ дѣла обще съ нимъ управлять весьма трудно; къ томужъ онъ за тяжкимъ его нравомъ калмыцкому народу является неполезенъ.» А черезъ двѣ недѣли явился новый посланецъ отъ Дондукъ-Даши въ Петербургъ съ жалобой, что Татищевъ и Оболенскій не дозволили калмыкамъ раззорить салтанаульцевъ, хотя прежде и говорили о томъ; особенно злобился намѣстникъ на Оболенскаго за то, что онъ смотрѣлъ на Дондукъ-Даши, какъ на своего подкомандпаго и поступалъ по своей волѣ. Оба раза вмѣстѣ съ оффиціальными челобитными, намѣстникъ посылалъ письма совѣтникамъ

коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Ив. Ив. Топильскому и Петру Вас. Курбатову, прося ихъ приложить свое стараніе о его дѣлахъ. Всѣ эти сношенія Дондукъ-Даши съ Петербургомъ тянулись до половины іюля; переписка его съ Татищевымъ была пріостановлена въ это время. Къ тому же въ продолженіе всего лѣта намѣстникъ занятъ былъ мыслію о походѣ противу киргизъ-кайсаковъ, которые нарушили свое обѣщаніе хранить миръ на дѣсять лѣтъ и сдѣлали нѣсколько набѣговъ изъ-за Яика на калмыцкіе улусы. Татищевъ помогъ калмыкамъ, выславъ на луговую сторону Волги нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, но въ августѣ Дондукъ-Даши раздумалъ мстить своимъ сосѣдямъ. Потомъ сталъ переписываться съ крымскимъ ханомъ и кубанскимъ сераскиромъ о выдачѣ Бодонга и плѣнныхъ калмыкъ, отсылая получаемые оттуда отвѣты къ Татищеву для перевода на русскій языкъ и сообщенія въ коллегію иностраныхъ дѣлъ.

Въ сентябрѣ переписка намѣстника и губернатора возобновилась. Дондукъ-Даши жаловался, что «за Краснымъ-Яромъ, въ которыхъ поляхъ при Аюкѣ ханѣ калмыки сѣяли арбузы, нынѣ, де красноярскіе обыватели не допускаютъ ихъ до того». Къ этому присоединилъ прежнюю жалобу свою на продолжительность суда между русскими и калмыками. Татищевъ, болѣе всего стоявшій за достоинство своего суда, поспѣшилъ объяснить своему обвинителю, что медленность суда зависитъ отъ его же бодокчеевъ, которые неохотно ставятъ къ допросамъ своихъ калмыкъ, ссылаясь на дальность ихъ кочевьевъ; а если случится дѣло объ убійствѣ, то стараются сами помирить обиженную сторону съ преступниками, помимо вѣдома Татищева; приводилъ въ доказательство того мировую запись въ 20 рубляхъ между ними и работникомъ астраханскаго купца Тихона Лошкарева, убившимъ одного калмыка. Между тѣмъ возникло дѣло

по поводу убійства русскими рыбными ловцами трехъ калмыкъ, ѣхавшихъ въ Енотаевскъ съ медвѣдемъ намѣстника. Бодокчеи и тутъ долго не представляли всѣхъ, необходимыхъ для рѣшенія тяжбы, подробныхъ доказательствъ. Ловцы сидѣли подъ карауломъ; енотаевскій комендантъ жаловался на то Татищеву. Доказательства на то все-таки не были представлены. Обвиняемыхъ трижды разыскивали кнутомъ и огнемъ; пытаемые объясняли дѣло такъ: были они на сѣнокосѣ въ шестеромъ, и въ это время прикочевали къ нимъ калмыки въ 30 кибиткахъ, напустили скотину на скошенную траву и та поѣла много сѣна; русскіе просили калмыковъ отогнать скотъ, но послѣдніе вмѣсто того связали ихъ и били, а на другой день, оставя при своей скотинѣ одну кибитку съ людьми, отошли; тогда сѣнокосчики, высвободясь изъ путъ, захватили изъ той скотины двухъ коровъ съ тѣмъ, чтобы калмыки заплатили имъ за потраву сѣна, но изъ кибитки выскочили два калмыка и калмычка съ сандовьями въ рукахъ и стали бить сѣнокосчиковъ, которые, защищаясь палками, а не другимъ какимъ оружіемъ, убили ихъ; а кто именно убилъ, того точно не знаютъ; медвѣдя же никакого не видали, а прочіе бывшіе въ той дракѣ русскіе разбѣжались и пропали безвѣстно. Убійцъ, вырвавъ имъ ноздри, сослали навсегда въ селитренную работу. Бодокчеи увѣдомили Дондукъ-Даши, что такое наказаніе больше смерти. Намѣстникъ не довольствовался тѣмъ: ему не нужно было смерти обвиняемыхъ; онъ разчитывалъ получить деньги за убитыхъ, за каждаго по 50 рублей. Татищевъ писалъ ему, что по русскимъ законамъ за убійство деньгами не платится, но казнятъ смертію, если кто дѣйствительно виновнымъ въ томъ явится: «Что же, якобы многія дѣла, по его намѣстника сообщеніямъ, нерѣшены чрезъ долгое время, то можетъ быть и правда; точію умедленіе происходитъ отъ

калмыковъ, что по требованію неоднократному нужныхъ къ доказательству или обличенію людей не присылаютъ и за тѣмъ дѣлъ рѣшить не можно; а тайный совѣтникъ можетъ похвалиться, что прежде его давно столько калмыцкихъ дѣлъ не было рѣшено, сколько рѣшено при немъ. Намѣстникъ и самъ довольно знаетъ, что онъ Татищевъ никогда не допускаетъ обидѣть калмыкъ; когда и малая жалоба явится, жестоко обидящихъ не наказываетъ, чего прежде его не бывало». Дондукъ-Даши отвѣчалъ жалобой, что тайный совѣтникъ калмыцкаго уложенія не сочиняетъ, а безъ него въ разобраніи дѣлъ происходитъ остановка. Татищевъ возражалъ, что самъ намѣстникъ тому виной, до сихъ поръ не сообщалъ выписокъ, какіе изъ пунктовъ въ ихъ уложеніи отмѣнены, какіе вновь узаконены. Дондукъ-Даши оправдывался тѣмъ, что калмыцкое уложеніе въ междоусобную ссору утрачено, а еслибъ старинный уставъ весь былъ цѣлъ, то непремѣнно прислалъ бы его. Татищевъ писалъ: сколько есть пунктовъ прислалъ бы, или бы спросилъ старыхъ людей; могутъ они о томъ на память сказать, и, написавъ, все бы ко мнѣ прислалъ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Татищевъ отправилъ къ намѣстнику, такъ часто надоѣдавшему своими безосновательными жалобами, экстрактъ изъ книгъ судной палаты за цѣлый годъ, какіе отъ калмыковъ русскимъ людямъ учинены были разбои, грабительства и смертоубійства, и какія рѣшенія послѣдовали на эти дѣла. Дондукъ-Даши испугался такой улики, и отвѣчалъ Татищеву длиннымъ письмомъ, въ которомъ, изобразивъ печальное состояніе калмыцкаго народа, благодарилъ своего противника за его дѣятельность, добрый порядокъ, вниманіе къ калмыкамъ, желалъ, чтобъ и впредь такъ шли дѣла, напоминающія ему лучшее время калмыцкаго народа, время Аюки хана. «А требуете вы, говорилъ онъ въ заключеніе

своего письма, чтобъ уложеніе и почему у насъ судъ нынѣ происходитъ написавъ къ вамъ прислать; и мы нынѣ судимъ по нижеслѣдующему: ежели что явное, то потому тако и рѣшимъ, а буде же что неявное, то смотря по свидѣтельству; ежели хорошій свидѣтель, то по его словамъ, а будетъ незнатной свидѣтель, то смотря по дѣлу рѣшимъ присягами. Полное наше уложеніе во время междоусобія нашего утрачено; однакожъ оставшееся отъ него буду отыскивать, и какъ отыщу, то до васъ пришлю; а половина того уложенія имѣлась у ассессора Василія Бакунина, котораго полнѣе и у насъ сыскать не уповаю». Въ слѣдующемъ письмѣ предлагалъ рѣшить всѣ дѣла по законамъ Петра Великаго, не слушать злыхъ смутителей, обличать ихъ и наказывать: и особливожъ, какъ вамъ ханскимъ намѣстникомъ, такъ и мнѣ астраханскимъ губернаторомъ учиниться неможно; того ради какъ для интереса ея императорскаго величества, такъ и для собственной нашей пользы, конечно я признаю, что лучше намъ жить въ совѣтѣ и дружбѣ». Дондукъ-Даши явно шелъ на мировую; Татищевъ очень былъ не прочь отъ нея: но двѣ власти, взаимныя отношенія которыхъ не были строго опредѣлены, при непостоянномъ характерѣ калмыка, и при строгомъ пониманіи своего дѣла со стороны русскаго губернатора, неизбѣжно должны были сталкиваться между собой. Надо было или перемѣнить дѣловой языкъ Татищева на угрожающій, вмѣсто убѣжденія дѣйствовать страхомъ; или рѣшиться заранѣе на всевозможныя уступки. Татищевъ неспособенъ былъ на послѣднее средство; средняго же пути онъ ни въ чемъ незналъ. Просить увольненія отъ калмыцкихъ дѣлъ въ третій или четвертый разъ было противно тому правилу, которое далъ ему отецъ, отпуская на службу: ни отъ чего не отрекаться и ни на что не напрашиваться. Петербургскіе правители, по-

видимому, не раздѣляли мнѣнія Татищева о необходимости строгаго управленія Низовымъ краемъ, и каждый разъ, когда дѣло касалось щекотливыхъ вопросовъ, писали ему: «вы, яко главный командиръ въ тамошнемъ краѣ, имѣете представлять имъ о томъ дѣлѣ въ разговорахъ, якобы отъ себя, а не отъ имени ея императорскаго величества, и вообще поступать по тамошнимъ обстоятельствамъ и вашему разумѣнію». Но отвѣтственность за такое разумѣніе, конечно, падала на одного Татищева и, въ случаѣ жалобы намѣстника на распоряженія губернатора, Петербургъ или отступался отъ него, или выражался кратко: «и тотъ вашъ поступокъ здѣсь весьма не апробуется». Оставалось ждать обстоятельствъ, которыя бы избавили отъ столь двусмысленныхъ обязанностей. Татищевъ такъ и сдѣлалъ.

Споры продолжались и въ 1774 году: то русскіе окрестятъ калмыкъ, будто бы нежелавшихъ того; то Татищевъ запретитъ владѣльцамъ продавать подлой народъ, рабовъ и рабынь въ черкесы и Кубань; то поссорятся владѣльцы между собою и поѣдутъ разбираться въ Астрахань, а не къ намѣстнику; то донскіе казаки разграбятъ калмыцкую ватагу; то калмыки сдѣлаютъ нападеніе на проѣзжающихъ русскихъ. За все это сильно доставалось Татищеву отъ намѣстника. Сперва поссорился владѣлецъ Тукчи съ женой своей Эсенею за намѣреніе ея бѣжать въ Джунгарію, когда мужъ взялъ себѣ еще другую жену, дочь Черенъ-Дондука, падчерицу Дондукъ-Даши. На этотъ разъ намѣстникъ самъ просилъ суда надъ Эсеней. Но открылось, что калмычка просто хотѣла уйдти въ русскій городъ и принять тамъ крещеніе. Дондукъ-Даши, узнавъ о томъ, писалъ Татищеву, что въ сердцѣ Эсени вселился дьяволъ; но тутъ же прибавлялъ сознаніе: «и вы извольте повѣрить, что Тукчи и улусъ его съ Эсеней вмѣстѣ жить не могутъ; ибо Тукчи

и напредъ сего, за склонностію моею къ Эсени едва жить могъ. А когда нынѣ оной Эсени такое дьявольское намѣреніе открылось, то я къ поправленію того никакого способа изыскать не могу». Тукчи на всѣ вопросы Татищева отвѣчалъ: «по нашему калмыцкому обыкновенію, кто кому нравенъ, того и беретъ, а кто ненравенъ, отпущаетъ; и нынѣ со мной, что хочешь, то и чини». Татищевъ, за незнаніемъ калмыцкихъ церковныхъ законовъ, не хотѣлъ судить Тукчи. Правительство также нашло, что продолжать розыскъ такого дѣла несовмѣстно съ пользою калмыцкаго народа.—Потомъ случилась болѣе непріятная исторія. Одинъ изъ владѣльцевъ, кочевавшихъ ближе къ Дону, донесъ, что казаки нижнегорской станицы, въ числѣ 18 человѣкъ, разломали деревянную мечеть и взяли изъ нея 150,000 бурхановъ, денегъ положенныхъ по обѣщаніямъ 134 руб. 50 коп.; одну жемчужину, десять корольковъ, три хорошихъ шапки; а ту мечеть дѣлали 300 человѣкъ 45 дней, которымъ за работу и на прокормленіе было дано не малое число денегъ. Начался розыскъ. По осмотрѣ капища на мѣстѣ оказалось, что оно величиною въ стѣнахъ обѣихъ неболѣе одной сажени съ половиною, а бурханы глиняные и понынѣ на томъ мѣстѣ лежатъ, но многіе отъ дождя уже и развалились. Отыскался и оскорбитель калмыцкой святыни; то былъ казакъ Никита Братчиковъ. На допросѣ онъ показалъ, что ѣздилъ одинъ для звѣриной ловли въ январѣ и наѣхалъ на это мольбище: «островерховато, безъ дверей, съ четырьмя окнами и около него по сторонамъ и стѣнамъ повѣшено было наниткахъ бараньихъ кожей, лоскутьевъ всякихъ и вертушекъ деревянныхъ немалое число, на которыхъ было ихъ калмыцкими письменами на всякой незнаемо что написано, а въ срединѣ ея въ окнахъ наметано было глиняныхъ бурхановъ треть мечети, также щипанныя отъ стараго

платья лоскутки малые, и лошадиные, и верблюжьи, и коровьи изъ гривъ и хвостовъ волосы. А увезъ онъ къ себѣ въ станицу одно только строеніе того мольбища, потому что стояло тогда оно въ степи въ забросѣ, безъ всякаго присмотра, и могло сгорѣть отъ лѣтнихъ степныхъ пожаровъ. А денегъ и другаго чего не только не бралъ, но и не видалъ; а бурханы глиняные и протчая гнусность всѣ остались на томъ мѣстѣ, гдѣ то ихъ капище было». Но челобитчики утверждали, что при постройкѣ капища вышло на рабочихъ: 4500 рублей, 90 коровъ, 180 овецъ, 225 пузырей масла, 225 мѣшковъ ржаной муки, чихирю 4500 бурдюковъ. Старшина станицы писалъ Татищеву, что въ жалобѣ калмыкъ правдѣ быть не чаетъ, что у казака нашли только дерево, что стало все одна затѣйка. Казака присудили къ наказанію въ войсковомъ кругу за продерзностное поведеніе. Но калмыки отомстили посвоему: при удобномъ случаѣ напали въ степи на казаковъ пятиизбенской станицы, нѣкоторыхъ побили, нѣкоторыхъ пограбили.

Въ астраханской судной палатѣ продолжали сталкиваться калмыцкія понятія съ русскими. Такъ однажды всѣ члены губернской канцеляріи, за исключеніемъ больнаго Татищева, явились въ застѣнокъ и хотѣли приступить къ пыткѣ одной калмычки, у которой нашли чепецъ, принадлежавшій женѣ русскаго офицера, погибшей отъ воровскихъ калмыкъ во время нападенія ихъ на казенный обозъ подъ Астраханью. Зайсангъ намѣстника, который былъ членомъ судной избы, Бордонъ, видя обычныя приготовленія къ розыску, вышелъ неговоря ни слова; но, послѣ долгаго званія, вернулся и объявилъ, что ту женку пытать не надлежитъ, что она купила на базарѣ у русскихъ и еще другія платья, а у кого именно указать не можетъ. Присутствующіе говорили, что по указамъ надо покупать на базарѣ съ порукою и запи-

скою. Бордонъ сказалъ, что того не знаетъ, но все-таки совѣтуетъ на этотъ разъ спросить намѣстника. Впрочёмъ, если по русскимъ законамъ должно пытать ее, то пусть пытаютъ, а онъ не будетъ при томъ. Присутствующіе не рѣшились пытать и, оставивъ застѣнокъ, пошли объявить о томъ губернатору. Татищевъ отписалъ обо всемъ въ Петербургъ. Непотакая русскимъ, онъ не могъ щадить и калмыкъ; но тогда же по жалобѣ Дондукъ-Даши, разжаловалъ въ рядовые одного капрала за неправильное донесеніе на калмыкъ.

Все клонилось однако къ тому, чтобъ произошелъ окончательный разрывъ между губернаторомъ и намѣстникомъ. Вернулся съ Кубани Бодонгъ, другіе владѣльцы, узнавъ о ссорѣ Дондукъ-Даши съ Татищевымъ, стали приносить на перваго свои жалобы, которыя до тѣхъ поръ скрывали, особенно мутилъ Галданъ-Норба; наконецъ 24 іюля, Асарай заболѣлъ горячкою, сталъ лѣчить его морской гошпитальный лѣкарь Конъ, но 15 авг. сынъ Дондукъ-Даши умеръ: «и ему въ болѣзни отъ духовныхъ дано было имя Убуши.» Скоро стали ходить между калмыками слухи, что вмѣсто Асарая возмутъ или самого Дондукъ-Даши, или Бодонга: слухи эти передавались и на астраханскомъ базарѣ, и въ калмыцкихъ улусахъ, и на волжскихъ учугахъ, и на морскихъ ильменяхъ. Дондукъ-Даши выходилъ изъ себя и подозрѣвалъ въ Татищевѣ злые замыслы. Черезъ подполковника Спицына, незадолго передъ тѣмъ приставленнаго къ нему съ двусмысленною обязанностію наблюдать за его дѣйствіями и доносить о перепискѣ съ нимъ Татищева, намѣстникъ сталъ пересылать въ Петербургъ свои жалобы. Въ ноябрѣ получена была его челобитная: «мнѣ уже явно открылось, что Татищевъ, самыхъ злыхъ людей принявъ къ себѣ въ согласіе, какъ мнѣ, такъ и подданнымъ вашего величества калмыкамъ

ищетъ учинить вредъ; того ради всеподданнѣйше и всепокорнѣйше прошу: 1) повелѣть помянутаго Татищева отъ насъ отрѣшить, а вмѣсто его для управленія астраханской губерніей и калмыцкаго народа дѣлъ опредѣлить другаго человѣка. 2) Татищевъ всемѣрно на меня имѣетъ злобу, и для того я видѣться съ нимъ и пищи его ѣсть и питья пить не могу и хотя признаваю, что онъ по высочайшей вашего императорскаго величества ко мнѣ милости, явнаго вреда учинить мнѣ не можетъ, точію учинить того тайнымъ образомъ не оставитъ; и для того я отъ пищи и питія его имѣю подозрѣніе и опасеніе; и такъ будучи мнѣ съ нимъ съ Татищевымъ вмѣстѣ, дѣла отправлять весьма трудно. 3) И понеже я о склонности его ко взяткамъ извѣстенъ, и, вѣдаю, что онъ для того всякія дѣла чинитъ, интересамъ вашего величества противныя; и для того невытерпя онаго, вашему величеству о томъ доносилъ, по сему онъ и злобу на меня возымѣлъ; а ежели бы и я ко взяткамъ имѣлъ съ нимъ согласіе, то бы онъ мнѣ непремѣнно былъ пріятель.» Тоже самое повторилъ Дондукъ-Даши и въ своемъ письмѣ къ Бестужеву, прибавивъ другія болѣе мелкія обвиненія на Татищева, приписывая всѣ свои неудачи лживому, поносительному и тайному образу дѣйствій его: сюда относилъ между прочимъ и то, что астраханскіе татары, бухарцы и русскіе перестали калмыкамъ давать въ долгъ хлѣба и ссужать въ заемъ деньгами, что послы его къ далай-ламѣ не были пропущены китайскимъ правительствомъ. Между тѣмъ Татищевъ донесъ въ Петербургъ, что Дондукъ-Даши очень наклоненъ къ персидскому шаху, воевавшему тогда Кавказъ: донесеніе свое основывалъ на показаніяхъ владѣльца Галданъ-Норба и нѣсколькихъ зайсанговъ. Незадолго передъ тѣмъ намѣстникъ просился за болѣзнію къ горячимъ ключамъ кизлярскимъ. Это внушило въ Петербургѣ сильное подозрѣніе на-

счетъ намѣреній Дондукъ-Даши. Спицыну велѣно было: «никакихъ постраховъ намѣстнику не подавать, и по пристойности онаго ласкать, наипаче же отъ ссоръ съ нимъ по всякой возможности уклоняться, а впрочемъ поступки его искуснымъ образомъ наблюдать.» Спицынъ въ отвѣтъ на это, сперва донесъ, что за Дондукъ-Даши никакихъ противныхъ намѣреній не усматриваетъ; а послѣ и самъ сталъ подозрѣвать его въ намѣреніи бѣжать къ шаху. Самъ Татищевъ откровенно писалъ въ Петербургъ о своихъ отношеніяхъ къ намѣстнику: «хотя я ни малѣйшаго повода къ озлобленію ему ни письмомъ, ни словесно не показываю, но поступаю, яко надлежитъ, ласково и въ чемъ потребно, по прошенію его, довольство чиню; но онъ, непринимая мои всѣ къ нему благосклонности, какъ изъ писемъ его видно, безвинно меня бранитъ и къ начинанію ссоры всячески пріискиваетъ и напрасныя жалобы приноситъ, дабы меня чѣмъ ни есть повредить, а иногда привлекаетъ меня въ дѣла, весьма до меня непринадлежащія (слѣдуетъ указаніе на нѣкоторыя ссоры Дондукъ-Даши съ владѣльцами и послѣднихъ между собою). Хотя я удаляюсь ссоры, ни малаго вида къ озлобленію не подаю, но оной чаятельно, если особливымъ указомъ ему воспрещено не будетъ, того пріискивать никакъ не оставитъ, и что съ нимъ чинить не знаю.» Въ Петербургѣ не думали ни о смѣнѣ намѣстника, что было довольно трудно; ни объ увольненіи Татищева, что было очень нетрудно.

А оставаясь на должности, Татищевъ, вѣрный своему образу мыслей и дѣйствій, продолжалъ поступать по прежнему. Незная, что чинить съ намѣстникомъ, онъ не хотѣлъ упустить ни одного поступка его безъ порицанія, если считалъ этотъ поступокъ вреднымъ для всего калмыцкаго народа. Прежніе споры по поводу суда и уложенія обратились въ перебранку. Послѣ одного изъ преслѣдованій грабившихъ

по Волгѣ калмыкъ, Дондукъ-Даши написалъ Татищеву: «сіе все напрасно вы затѣваете.» Татищевъ отвѣчалъ: «что я писалъ къ вамъ о многихъ калмыцкихъ воровствахъ, а вы признавая якобы я оныя на калмыкъ затѣваю, симъ изволите бранить меня напрасно, что вашей чести неприлично.» Потомъ зайсангъ Бордонъ зашелъ къ Татищеву и отъ имени намѣстника сказалъ ему: напрасно-де вы слушаете злыхъ людей. Татищевъ отвѣчалъ: «не одни злые люди причиной нашей ссоры, но и разбои калмыцкіе, которые происходятъ отъ небреженія скотоводствомъ, отъ желанія перейдти къ рыбнымъ промысламъ. На замѣчаніе Бордона, что калмыцкое скотоводство упало вслѣдствіе междоусобій, частыхъ падежей и еще болѣе частыхъ молебныхъ пѣній во время несчастій, Татищевъ говорилъ: «мнѣ до вашего закона и молитвъ дѣла нѣтъ. Однакожь, какъ слышу отъ многихъ знатныхъ и умныхъ калмыкъ въ разговорахъ, что отъ сихъ молитвъ великое калмыцкому народу разореніе чинится; слышно, что за поминовеніе намѣстникова сына духовнымъ калмыкамъ роздано съ 9000 рублей, а всѣхъ со вступленія намѣстника болѣе 30000, которое сбирается съ народа и дается имъ духовнымъ, что видя другіе калмыки, хотя не знаютъ закона, но для великаго подаянія всѣ тщатся духовной на себя чинъ принять, которыхъ уже умножилось близко 10,000, а къ нужному случаю военнаго народу едва 20,000 собраться можетъ. И когда тѣмъ духовнымъ кто доброхотно не подаетъ, въ неволю скотъ и другое отнимаютъ; и хотябъ тѣ рыболовные калмыки каждый болѣе 20 рублей промыслить и скотинубъ завѣсть могъ, токмо за помянутою великою на молебны податью никто скота имѣть не хочетъ и скудные калмыки себя никакъ поправить не могутъ. И для того вамъ зайсангамъ въ пользу калмыцкаго народа должнобъ разсудя, что изъ того великой вредъ, намѣстнику представ-

лять; особливо большой вредъ въ томъ состоитъ, что какъ ваши манжихи женъ не имѣютъ, то и дѣтей отъ нихъ не будетъ: слѣдственно отъ размноженія ихъ калмыцкому народу умаляться и худѣть нужно.» Бордонъ отвѣчалъ: «все то правда; прежде дача духовнымъ была поболѣе, а почти все было споро, теперь же непрочно, а отъ чего и сами не знаютъ; прежде нельзя было получить духовнаго чину безъ владѣльческаго позволенія, а теперь ихъ такъ умножилось, что зайсанги давно уже между собой поговариваютъ. Подобные разговоры только раздражали калмыкъ: проповѣдь Татищева падала на неблагодарную почву. Бордонъ, разумѣется, проговаривался о своихъ бесѣдахъ съ Татищевымъ. Дондукъ-Даши придирался зато къ Татищеву во всѣхъ мелочахъ: зачѣмъ выпустилъ изъ тюрьмы нѣсколькихъ калмыкъ? — за чѣмъ такого-то калмыка отпустилъ безъ наказанія? — за чѣмъ въ обоихъ случаяхъ не снесся предварительно съ нимъ? Татищевъ отвѣчалъ: «остается мнѣ приличившихся вашихъ воровъ при себѣ наказывать; а выпускалъ нѣкоторыхъ во время болѣзни Асарая, по его просьбѣ, какъ и вы освободили тогда нѣкоторыхъ отъ смертной казни». Дондукъ-Даши требовалъ въ доказательство письма за рукою сына, говоря, что бывшие при немъ люди называютъ показаніе Татищева неправдой. Татищевъ отвѣчалъ: «съ малолѣтнаго ребенка просить письма не разсудилъ, тѣмъ болѣе, что вы тогда могли бы назвать письмо подложнымъ. Сами извольте разсудить, ежелибъ его прошенія о томъ не было, для чего бъ мнѣ освобождать; а ежелибъ то не правда, пристойно ли такого малаго ребенка клепать: однакожъ предаю вамъ на разсужденіе, хотя повѣрите или неповѣрите.» Разсерженный придирчивостію и подозрительностію намѣстника, онъ тутъ же прибавилъ: «о правахъ вамъ объявляю, — хотя я ихъ сочиняю, но тщетно законы писать, ежели ихъ не хра-

нить, какъ и нынѣ по многимъ дѣламъ требуютъ отъ васъ калмыкъ, а вы не присылаете; а затѣмъ въ дѣлахъ остановка чинится и я всякія дѣла по правамъ государственнымъ сужу, а не такъ какъ вы изволите толковать, яко бы по бросанію костей, на чемъ вскроется.» Дондукъ-Даши отвѣчалъ на это длиннымъ браннымъ письмомъ, гдѣ безпрестанно повторялись выраженія: «все то ложь;—сами вы продолжили сочиненіе уложенія; — на меня какое-нибудь возмущеніе подвигнуть домогаетесь; — ложно ссылаетесь на продолжительную болѣзнь; — вы мнѣ недоброжелательны; — и молчать о томъ не буду.» Татищевъ переслалъ это письмо въ Петербургъ и прекратилъ переписку съ намѣстникомъ. Въ донесеніи коллегіи прибавилъ, что Бордонъ сообщилъ ему, будто Дондукъ-Даши наискивается на оскорбленіе со стороны Татищева, а потому и пишетъ такія непригожія слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ себѣ увольненія отъ службы. Намѣстникъ, узнавъ о томъ, хотѣлъ бѣжать на Кубань. Бодонгъ, воспользовавшись случаемъ, взволновалъ нѣкоторые улусы, которые и покочевали къ Кумѣ. Татищевъ двинулъ войска, которыя остановили бѣжавшихъ; за тѣмъ обо всемъ донесъ въ коллегію и еще разъ просилъ себѣ отставки. Изъ Петербурга пришелъ приказъ Спицыну разобрать ссору Татищева съ намѣстникомъ. Спицынъ открылъ виновныхъ, которые будто бы старались поссорить ихъ; между ними былъ владѣлецъ Галданъ-Норба, питавшій страшную злобу къ Дондукъ-Даши за разныя оскорбленія; его сперва допросили въ ставкѣ намѣстника, потомъ отправили въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ высѣченъ плетьми въ присутствіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ и послѣ сосланъ въ дальній городъ. Далѣе въ числѣ преступниковъ оказалась злостная змія Джана съ ея дѣтьми; ихъ также взяли въ Петербургъ и тамъ окрестили: сама ханша названа была Вѣрою, сыновья—

Петромъ, Алексѣемъ, Іоною, Филиппомъ, дочери—Надеждою и Любовью. Имъ дали фамилію князей Дондуковыхъ. Княгинѣ подаренъ былъ въ Москвѣ домъ, конфискованный у купца Квасникова; а впослѣдствіи пожалованы деревни многія. Сыновья помѣщены въ кадетскій корпусъ. Княжна Любовь вскорѣ умерла; на Надеждѣ женился новокрещенный калмыкъ, князь Иванъ Дербетевъ. Бодонгъ былъ арестованъ и отданъ намѣстнику; онъ повинился, что взволновалъ улусы слухами: «якобы у калмыкъ велѣно дѣтей обирать и крестить, а дѣвокъ отдавать за солдатъ.» Старуха Дарма-Бала также повинилась, что хотѣлось ей сдѣлаться главною и для того подсылала она къ Татищеву своего зайсанга съ немалымъ мѣшкомъ денегъ, да малолѣтной дѣвочкой въ подарокъ; но онъ, тайный совѣтникъ, сказалъ: «я столько ей ханшѣ не заслужилъ и принять не для чего.» — Другіе смутители: астраханскій татаринъ Касай—мурза Урусовъ, да табунный голова мурза Булатовъ, были наказаны тѣлесно. Татищевъ уволенъ отъ калмыцкой комиссіи; на его мѣсто назначенъ туда генералъ-маіоръ Еропкинъ, несмотря на усиленные отказы съ его стороны [124]).

Такъ совершилось усмиреніе калмыцкаго народа, начатое Татищевымъ и конченное распоряженіями канцлера Бестужева. Дондукъ-Даши избавился отъ строгаго блюстителя законовъ, добился уничтоженія враждебныхъ ему владѣльцевъ; русское дворянство наполнилось новыми аристократическими фамиліями, а у крестьянъ явились новые помѣщики съ прозвищами, напоминавшими Азію. Самихъ калмыкъ во всѣ эти междоусобія много поубавилось. Но они не переставали быть все такими же ворами и грабителями, какъ и во времена знаменитаго хана Аюки. Низовый край имѣлъ въ нихъ неблагодарное населеніе, постоянно волновавшееся, непривычное къ осѣдлому быту, нехотѣвшее совершенно

отказаться отъ кочевыхъ народовъ. Попытки Татищева ввести къ нимъ порядокъ не удались. При первой тревогѣ, незадолго до-пугачевскаго бунта, именно въ 1771 году, почти весь калмыцкій народъ, жившій по Волгѣ, вспомнилъ о землѣ ойратовъ, память о которой хранилась въ его преданіяхъ, и покочевалъ за Яикъ подъ начальствомъ сына Дондукъ-Даши, — Убуши, названнаго такъ въ память Асарая. Но ихъ ожидали въ Азіи страшныя бѣдствія и власть Китая. Русскіе долго гнались за ними въ глубь киргизскихъ степей, потеряли много людей и скота, павшихъ отъ голода; этотъ плачевный походъ оставилъ по себѣ нѣсколько грустныхъ страницъ въ запискахъ Петра Рычкова. Скоро дикарей смѣнили германскіе выходцы и русскіе переселенцы изъ внутреннихъ губерній: съ тѣхъ поръ Низовый край во многомъ измѣнился. Читайте разсказы путешественниковъ, бывшихъ за сто лѣтъ до насъ на Волгѣ и сличите ихъ съ современными описаніями, или, пожалуй, поѣзжайте сами видѣть Низовье: и вы поймете сколько развитія и жизни принесли съ собой на Волгу славянское и германское племена, въ воспоминаніяхъ которыхъ имена Аюки, Дондукъ-Омбо, Дондукъ-Даши давно забыты; память о Татищевѣ также исчезла. И только въ архивной пыли скрывается переписка намѣстника съ строгимъ губернаторомъ, который писалъ для калмыковъ уложеніе, не позволялъ имъ грабежей и воровства, заботился о ихъ рыбномъ промыслѣ, толковалъ имъ о скотоводствѣ и тунеядствѣ манжиковъ, гелюнговъ и пойоновъ.

ГЛАВА VI.

Астраханская губернія.

Астраханская губернія того времени, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, не походила на нынѣшнюю. Она вмѣщала въ себѣ почти все Низовье и захватывала прикавказскій край и нижнее теченіе Яика. Саратовъ, Дмитріевскій, Петровскій городки, Царицынъ, Черный и Красный Яры, Яицкій, Гурьевъ городокъ и Терекъ тянули къ Астрахани по своему управленію. Болѣе, чѣмъ на 1000 верстъ, отстояли иныя мѣстности отъ губернскаго города. Несмотря на такое обширное пространство, населеніе губерніи было ничтожно. При ея открытіи, считалось въ ней всего 6863 ясачныхъ двора и 1225 крестьянскихъ. Все остальное населеніе, за исключеніемъ городскихъ жителей, состояло изъ инородцевъ, преимущественно калмыкъ, занимавшихъ большую часть степей. Правда въ 20 лѣтъ, благодаря стремленіямъ Петра на Востокъ въ послѣдніе годы его жизни и переселенію раскольниковъ на Иргизъ, населеніе края нѣсколько увеличилось; но оно все-таки было ничтожно въ сравненіи съ внутреннею Россіею. Правда, вся губернія покрыта была слѣдами существованія прежнихъ народовъ: остатки городищъ, валовъ,

кургановъ, стѣнъ, окоповъ свидѣтельствовали о томъ, что тутъ издавна совершалась историческая жизнь; что тутъ проходили военный и торговый путь съ Востока въ Россію. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, спускаясь внизъ по Волгѣ изъ Казани, путешественникъ не часто встрѣчалъ населенныя мѣстности, прерываемыя огромными промѣжутками пустырей. Только прибрежье Волги казалось нѣсколько оживленнѣе: но таже рѣка, дававшая жизнь краю, носила на себѣ струги съ разбойниками, грабившими торговые караваны и выжигавшими окрестныя селенія. Форпостовъ на Волгѣ было немного; они не входили въ счетъ городовъ. Торговый, правительственный и военный центръ всего края находился почти на оконечности губерніи, въ Астрахани. Этотъ городъ, гдѣ жилъ губернаторъ, былъ окруженъ каменною стѣною съ десятью воротами, названія которыхъ напоминали собою отчасти московскія: Никольскія, Житныя, Вознесенскія, Спасскія; кромѣ того были Кабацкія, Красныя, Татарскія. Послѣдними отдѣлялась татарская слобода отъ остальнаго города. Почти всѣ городскія зданія были плохой деревянной постройки, за исключеніемъ крѣпостныхъ строеній, собора, церквей и нѣкоторыхъ частей базара. Домъ губернатора построенъ былъ изъ дерева, окруженъ деревянною стѣною съ двумя воротами, спереди и сзади. Онъ имѣлъ свою домовую церковь. Внутренній дворъ губернаторскаго дома былъ довольно обширенъ. Въ самомъ домѣ было немало свѣтлыхъ, хорошо устроенныхъ комнатъ; изъ большаго зала представлялся красивѣйшій видъ на всѣ части города и его окрестности. Какъ при губернаторскомъ домѣ, такъ и въ крѣпости, постоянно находился довольно сильный гарнизонъ. На право отъ воротъ, чрезъ которыя въѣзжали въ крѣпость, стояло каменное зданіе, гдѣ помѣщалась губернская канцелярія. Крѣпость называлась ка-

меннымъ городомъ, прочія части—деревяннымъ. Что касается самаго города, то онъ для непривычныхъ глазъ европейца казался болѣе азіатскимъ, нежели русскимъ. Татарскіе и армянскіе базары, индѣйскіе и персидскіе каравансараи, инородческое населеніе, толпившееся на улицахъ города, частыя слободы, которыми окруженъ былъ онъ, и въ которыхъ жили преимущественно азіатцы, давали основаніе такому отзыву. Городскія улицы были узки, дороги чрезвычайно сухи въ хорошую погоду и почти невозможны для проѣзда въ дождливую; почва пропитана солью, отчего въ ясные дни улицы казались свѣтящимися. И свойства почвы, и смѣсь разноплеменнаго населенія, и отсутствіе правильнаго городскаго присмотра имѣли неблагопріятное дѣйсвіе на здоровье жителей. Вернувшійся въ 1733 г. изъ Астрахани генералъ-лейтенантъ, князь Гессенъ-Гомбургскій представлялъ императрицѣ: «усмотрѣлъ онъ по тамошнему мѣсту и разныхъ въ городѣ народовъ наполненныхъ, отъ тамошняго тяжелаго воздуха, за несмотрѣніемъ чистоты, самый вредительный и язвительный смрадъ, отъ чего не моглобъ быть людямъ впредъ вредительства, для чего потребно тамъ учредить полицію.» Окрестности города были богаты виноградными садами, большими огородами арбузовъ, яблоковъ и другихъ свойственныхъ мѣстности плодовъ [125]).

Управленіе городомъ, который былъ пограничнымъ съ Каспійскимъ моремъ и странами, лежащими при немъ, управленіе такою обширною губерніею не могли быть легки и несложны. До раздѣленія Россіи Петромъ Великимъ на губерніи, въ Астрахани были воеводы. Ихъ обязанности, имѣвшія много общаго съ обязанностями воеводъ другихъ городовъ, имѣли и свои особенности. Приказная палата съ ея дѣлами и печатями, съ государевыми наказами, грамо-

тами, уложенною книгою, новоуказными статьями, приходными и расходными списками; нарядъ пушечный и пищальный, порохъ и свинецъ, хлѣбные и другіе запасы, таможенный и кружечный дворы, тюремные сидѣльцы, стрѣльцы, служилые, посадскіе и гулящіе люди — все это было и въ другихъ городахъ, все это должны были принять и астраханскіе воеводы съ ихъ товарищами, по пріѣздѣ въ городъ, подобно всѣмъ другимъ воеводамъ. Но кромѣ того у нихъ были свои особыя обязанности: переписать на закладномъ дворѣ закладныхъ мурзъ и татаръ съ ихъ женами и дѣтьми, юртовскихъ татаръ, всѣхъ иноземныхъ, преимущественно восточныхъ купцовъ, и промышленниковъ; потомъ объявить ласку и привѣтъ всему окрестному инородческому населенію, оберегать ихъ и впослѣдствіи отъ насильства и обидъ; собирать пограничныхъ государствъ вѣсти, турскія, крымскія, персидскія; также вѣсти съ Дону, изъ ногайскихъ и калмыцкихъ улусовъ, посылать съ этою цѣлью небольшія станицы изъ боярскихъ дѣтей, стрѣлецкихъ головъ и добрыхъ стрѣльцовъ вплоть до украинскихъ городовъ; принимать письма, гонцовъ и пословъ изъ Персіи, изъ Бухаръ, Юргенджа, изъ большаго Ногая и пересылать ихъ въ посольскій приказъ; аманатовъ отъ разныхъ окрестныхъ инородцевъ беречь накрѣпко; а кормъ и питье давать по указу, чтобъ имъ голоду не было; при перемѣнѣ ихъ стараться брать лучше прежнихъ, а поневолѣ и въ ту верству; принимать желающихъ креститься татаръ и записывать ихъ въ посадъ, а въ стрѣльцы и солдаты не писать. Далѣе много было постановленій, которыя касались торговли астраханской: запрещено было астраханскимъ жителямъ и пріѣзжимъ купцамъ продавать татарамъ хлѣбъ, муку, сухари, толокно, крупу; покупать у нихъ лошадей дозволялось для своихъ домашнихъ дѣлъ, на скупъ и на продажу

въ Русь, но не заграницу: погромный ясырь, татаръ и татарченковъ обоего пола продавать велѣно было на базарѣ, являя предварительно въ таможнѣ и записывая въ книги въ рожу и въ примѣты, со взиманіемъ извѣстныхъ пошлинѣ, но съ обязательствомъ оставить ихъ въ Астрахани, а не высылать въ Русь. Иностранные купцы должны были, являясь въ Астрахань, представлять проѣзжія грамоты изъ своихъ городовъ. Постановленія о торговлѣ, касавшіяся стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и самихъ стрѣльцовъ, были общія со всѣми другими мѣстностями. Немалыхъ заботъ стоило астраханскимъ воеводамъ смотрѣть, чтобъ не было между городскими людьми и окрестнымъ населеніемъ шатости и измѣны: астраханскій край любилъ частыя волненія. Въ случаяхъ сомнительныхъ и опасныхъ воеводы должны были дѣйствовать розыскомъ и пытками. Особенно подробно описывались въ наказахъ астраханскимъ воеводамъ ихъ сношенія съ кочевниками всего поволжья. Наконецъ въ числѣ обязанностей правителей Астрахани была высылка въ Москву, про царской обиходъ, арбузовъ, дынь, яблокъ, винограду, рыбы; также присмотръ за тутовыми деревьями, которыя стали разводить тамъ современъ Петра, ловля и присылка ко двору красныхъ гусей, которые на Эмбѣ ловятся, чапуръ красныхъ и бѣлыхъ, неклейковъ, пѣтушковъ дикихъ и другихъ птицъ, какихъ около Москвы и на Украйнѣ нѣтъ. Въ инструкціяхъ астраханскимъ губернаторамъ, которые смѣнили собою воеводъ, повторялись почти всѣ тѣ же статьи, съ немногими измѣненіями; подробнѣе опредѣлено было только то, какъ они должны поступать въ своихъ сношеніяхъ съ Персидой и калмыками, да велѣно еще принять имъ въ руководство генеральный регламентъ, воинскій уставъ, инструкціи земскимъ камерирамъ и комиссарамъ. Потомъ въ послѣдніе годы царствованія Петра, при

Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ, въ разныя времена присоединены были къ прежнимъ занятіямъ губернаторовъ и воеводъ еще обязанности относительно заведенія аптеки и госпиталя, аптекарскаго огорода и конскаго завода.

Когда Татищевъ назначенъ былъ астраханскимъ губернаторомъ, общія обязанности губернскихъ властей были чрезвычайно неопредѣленны; власть судебная, исполнительная и полицейская неразграничены между собою; обязанности и права губернаторовъ были не тѣ и гораздо обширнѣе, нежели во времена Петра. Еще при Екатеринѣ I, указомъ 24 февраля 1727 года, которымъ уничтожены были всѣ лишніе областные управители, канцеляріи и конторы, переданы были въ руки губернаторовъ весь судъ и расправа въ ихъ губерніи. Въ Наказѣ 12 сентября 1728, состоявшемъ изъ 52 пунктовъ, подробности губернаторской должности опредѣлены были такъ: они должны были быть прежде всего вѣрными, справедливыми и добрыми слугами государя, должны всюду и во всемъ искать пользы и благополучія, а убытки и опасности отвращать. Они клялись въ исполненіи такого обѣщанія при назначеніи своемъ на мѣсто. Въ числѣ ихъ обязанностей заключалась необходимость помнить всѣ указы и государственныя права. Порядокъ пріема главнаго города; а чрезъ второстепенныхъ властей провинціальныхъ и приписныхъ городовъ, совершался такимъ же образомъ, какъ и во времена воеводъ. Губернаторъ командовалъ воеводами этихъ городовъ съ ихъ штабъ-офицерами, штрафовалъ смотря по винамъ и правамъ, но безъ указа не могъ перемѣнять. Провинціальные воеводы смотрѣли за особливыми воеводами приписныхъ городовъ. Губернаторы подчинены были сенату, куда поступали и челобитныя на нихъ. Въ судныхъ розыскныхъ дѣлахъ они должны были сноситься съ

юстицъ-коллегіею, чинить челобитчикамъ правое рѣшеніе безволокитно. Они имѣли право надзора за магистратскими и ратушскими дѣлами; къ нимъ поступали жалобы на бурмистровъ: такимъ образомъ губернаторы должны были охранять купечество отъ всякихъ постороннихъ обидъ и нападковъ. Тоже самое можно было сказать и о дворовыхъ и синодскихъ крестьянахъ съ ихъ управителями. Особенно строго велѣно было слѣдить губернаторамъ за татебными, разбойными и убійственными дѣлами. Губернаторы должны были утверждать приговоры преступниковъ къ ссылкѣ на галеры или къ смертной казни; развѣдывать и сыскивать шпіоновъ, которые могутъ быть присланы изъ сосѣднихъ государствъ; отсылать въ сенатъ упорныхъ раскольниковъ и еретиковъ; исполнять указную статью Уложенія объ обращающихъ православныхъ въ магометанство или иновѣрство; т. е. казнить ихъ смертію, или жечь безъ всякаго милосердія. Сборъ подушныхъ денегъ по окладнымъ книгамъ, губернскій приходъ и расходъ, ежемѣсячные счеты ихъ составляли обязанности губернаторовъ по финансовой части, при чемъ запрещалось имъ накладывать новые сборы подъ страхомъ штрафованія; сюда же относились: отправленіе денегъ изъ губерній въ указныя мѣста, раздача жалованья, рапорты о разныхъ суммахъ, выдача квитанцій счетчикамъ и приходорасходчикамъ и другія подробности. Предосторожности отъ моровой язвы, смотрѣніе за строеніями въ городахъ и обереганіе ихъ отъ пожаровъ, надзоръ за чистотою въ городѣ и на улицахъ, въ товарахъ и мясныхъ рядахъ, за мѣрами и вѣсами, за подозрительными домами, за шатающимися на улицахъ и вообще за благочиніемъ городскимъ входили въ кругъ полицейскихъ обязанностей губернскихъ властей. Наконецъ губернатору и воеводамъ съ ихъ товарищами строго воспрещалось чинить уѣзднымъ людямъ

какія бы то ни было обиды и налоги, взятки, нападки и утѣсненія, никакихъ мастеровыхъ и рабочихъ людей не посылать на свои собственныя работы, не принуждать ихъ на личныя себѣ услуги; не выѣзжать изъ своей губерніи или провинціи безъ указа; въ случаяхъ непредусмотрѣнныхъ регламентомъ, уставами, наказами, инструкціями сноситься съ сенатомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей губернаторскихъ правъ и обязанностей повторены были потомъ не разъ отдѣльными указами: чаще всего повторялись постановленія противу обидъ, притѣсненій и недоимокъ. Особенно заботились о сборѣ податей во времена Бироновскаго правленія. За все это время къ обязанностямъ астраханскихъ губернаторовъ прибавилось завѣдываніе яицкими, гребенскими и терскими казаками, въ случаѣ отсутствія командующаго Низовымъ корпусомъ [126]).

Главнымъ двигателемъ всей жизни въ Низовомъ краѣ въ то время, разумѣется, была торговля. Внутренняя обогащалась преимущественно мѣстными произведеніями: рыбною ловлею и другими промыслами. Привозную поддерживали персидскіе, бухарскіе, индѣйскіе и армянскіе купцы. Сама Астрахань была центромъ всей этой торговли. Ея купеческое населеніе постоянно остаивало свои права на рыбныя ватаги и учуги. Всѣхъ ватажниковъ во времена Татищева было 23 человѣка. У иного купца, на его ватагѣ промышляло до 1500 рабочихъ: таковы были Тихонъ Лошкаревъ и Ѳедоръ Кобяковъ; также богатыя рыбныя ловли, принадлежали Спасскому монастырю. Въ Черномъ Яру было до 14 ватагъ. Губернатору приходило и, по важности этой отрасли, обращать особенное на нее вниманіе. Для этой цѣли была устроена особая контора съ своимъ смотрителемъ. Мы уже видѣли, какъ Татищевъ хлопоталъ о мирномъ раздѣлѣ рыбныхъ промысловъ между калмыками и русскими.

Еще болѣе брала у него времени торговля внѣшняя. Сохранились вопросы, которые были предлагаемы людямъ, бывалымъ въ Хивѣ и Бухарѣ, о тамошней привозной и вывозной торговлѣ, о населеніи аральскаго края; о томъ—какіе русскіе товары наиболѣе спрашиваются въ тамошнихъ странахъ, какая гдѣ монета ходитъ; о торговыхъ путяхъ. Сохранились также и отвѣты на эти вопросы: до двадцати двухъ сортовъ различныхъ товаровъ русскихъ требовалось въ Хиву, Бухару и сосѣднія имъ земли; гораздо меньшее число названій принадлежало товарамъ, которые надо было привозить въ Россію. Неизвѣстно, кѣмъ именно предлагаемы были эти вопросы: но рукопись ихъ принадлежала Татищеву, и послѣ него досталась Академіи наукъ.

Кромѣ того Татищевъ досталъ себѣ рукопись какого-то Пьера Куки на французскомъ языкѣ, которая переведена была для него порусски, подъ заглавіемъ: «Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ бухарцами.» Эти примѣчанія были составлены еще въ царствованіе Анны Іоанновны. Авторъ подробно изучилъ характеръ тогдашнихъ торговыхъ сношеній Россіи съ землями приаральскими и былъ противъ нихъ. Онъ основывалъ свое мнѣніе: на отсутствіи всякой гарантіи для торговыхъ каравановъ, шедшихъ изъ Россіи въ Хиву и Бухару; на несогласіи между самими русскими купцами; на вредѣ излишняго вывоза золота и серебра изъ Россіи вслѣдствіе этой торговли. Онъ смотрѣлъ на нее съ точки зрѣнія торговаго баланса и выгодъ государственныхъ, забывая о выгодахъ частныхъ лицъ. Авторъ начинаетъ свой трактатъ разсмотрѣніемъ вопросовъ: о населеніи Бухаріи, о ея мѣстныхъ и привозныхъ товарахъ, о торговыхъ сношеніяхъ съ нею русскихъ купцовъ; потомъ переходитъ къ общимъ соображеніямъ о томъ: какимъ образомъ подданные должны купечество производить, чтобы отъ

него произошла генеральная польза государству? Какого образа дѣйствій долженъ держаться всякій самодержецъ относительно дозволенія и охраненія торговли? и, изъ примѣненія этихъ общихъ началъ, которыя раздѣлялъ весь тогдашній экономическій міръ, къ состоянію русской торговли съ Бухарой и Хивой, рѣшаетъ два важные вопроса: какія обиды приносятъ государству купцы въ несодержаніи въ добромъ порядкѣ купечества съ Бухарцами? Какимъ образомъ можно помочь тому? — Подъ именемъ Бухары, авторъ разумѣлъ всю западную половину средней Азіи, отъ Каспійскаго моря до Китая; главная торговля народовъ, населявшихъ это пространство, сосредоточивалась около благородныхъ металловъ; русскіе купцы доставляютъ туда преимущественно привозные заморскіе товары; препятствія торговлѣ этой заключались въ обманахъ прикащиковъ, которые возили товары, въ опасности самаго пути караваннаго отъ хищныхъ народовъ, — недостатокъ воды и дровъ въ пути и наконецъ то обстоятельство, что большая часть товаровъ, возимыхъ туда, скупаются русскими купцами чрезъ третьи, четвертыя и даже пятыя руки. Таково было положеніе русской торговли съ Востокомъ, по словамъ Куки. Главными условіями выгодности для государства его внѣшней торговли, авторъ полагалъ: сбытъ въ сосѣднія страны тѣхъ товаровъ, которые остаются отъ обихода собственыхъ подданныхъ; привозъ въ замѣнъ ихъ такихъ товаровъ, которые необходимы для государственнаго обихода и безъ которыхъ невозможно пробыть; ввозъ въ государство какъ возможно болѣе золота и серебра. «Весь свѣтъ согласенъ въ томъ, что золото да серебро даютъ людямъ, говоритъ Петръ Куки, средство быть всѣхъ сильнѣе и лучше для исправленія всякаго дѣла и нужды, и чѣмъ больше будетъ въ государствѣ этихъ двухъ металловъ, тѣмъ боль-

шею силою оно будетъ пользоваться.» Отсюда авторъ выводитъ необходимое обязательство для тогдашняго русскаго купечества мѣнять долю своихъ товаровъ на золото и серебро, преслѣдуетъ привозъ ихъ за границы предметовъ роскоши и тщеславія, умышленную мѣну своихъ товаровъ на благородные металлы, а не на нужные въ отечествѣ товары, изъ цѣлей корыстныхъ. Для устраненія такихъ ошибокъ, для правильнаго устройства торговли, согласно его теоріи, авторъ совѣтуетъ самодержцу, чтобы онъ хитрымъ образомъ приводилъ всю прибыль въ свою казну, такъ чтобы купцы никогда не пришли въ чрезвычайное богатство. Предвидя два возраженія: примѣръ двухъ сильнѣйшихъ государствъ въ Европѣ, Англіи и Голландіи, гдѣ купцы очень богаты и государство не тяготѣетъ надъ частными выгодами, и еще мысль, что правила, высказанныя въ проектѣ, вообще враждебны торговому сословію, — авторъ отвѣчаетъ, что сила Англіи и Голландіи зависитъ отъ иныхъ причинъ, забывъ, что свободная торговля была также одною изъ этихъ причинъ; а купцамъ предлагаетъ совѣтъ, что каждый гражданинъ долженъ трудиться всею мочію объ умноженіи выгодъ своего отечества. Онъ обвиняетъ русскихъ купцовъ въ томъ, что они не заботятся о привозѣ въ государство золота и серебра, а привозятъ товары или совершенно ненужные, или мало прибыльные странѣ. Для устраненія всѣхъ этихъ невыгодъ, онъ предложилъ дѣятельныя сношенія правительства съ ханами тѣхъ странъ и учрежденіе компаніи для торговли съ ними на условіяхъ, выгодныхъ государству. А примѣръ Англіи и Голландіи, старающихся завести обширный торгъ съ Бухарой, показываетъ, что эта страна достойна того, чтобы отвѣдать, можно ли постановить важную торговлю съ нею. Татищевъ, кажется, не раздѣлялъ мнѣній автора. Онъ розыскивалъ только,

какимъ путемъ лучше вести торговлю съ Бухарой, сухимъ или чрезъ Каспійское море? и 15 октября 1743 года, отвѣчая на запросъ коллегіи, высказалъ мнѣніе, что допускать въ Астрахань для торговли можно лишь хивинцевъ, бухарцевъ и туркменовъ, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, и къ нимъ въ Тюкъ-Караганъ и Мангишлакъ моремъ суда съ товарами отпускать; а киргизъ-кайсаковъ пускать только къ Оренбургу, къ яицкому казачьему городку, къ Гурьеву и къ имѣющему построиться близь Индерскихъ горъ, въ Астрахань же пускать развѣ до тѣхъ поръ, пока еще не будетъ выстроенъ этотъ новый городокъ. Кромѣ того онъ проситъ разрѣшенія отпускать въ Хиву и Бухару торговые караваны сухимъ путемъ, чего не дѣлалось современъ неудачной попытки Боковича. Въ 1745 году Татищеву удалось отпустить первый караванъ моремъ къ Мангишлаку. Точно также Татищевъ ничего не говорилъ противъ тѣхъ привиллегій, которыми пользовались до него въ Астрахани Бухарцы, наравнѣ съ другими иноземными купцами, армянами, индѣйцами, персами и прочими. Еще Петръ во время персидскаго похода позволилъ всѣмъ имъ розничную торговлю наравнѣ съ оптовой, хотя прежде и было постановлено противное тому. При этомъ случаѣ оказалось, что русскіе купцы не могли бы скупить оптомъ привозныхъ товаровъ у иноземныхъ даже десятой доли. Пошлина съ этихъ наѣзжихъ купцовъ шла: за постой на гостиныхъ дворахъ, въ каморахъ, зажитье въ юртахъ. Пошлина эта была выше той, которую брали съ русскихъ. Но принимавшіе подданство, сравнивались съ ними въ этомъ отношеніи. Вообще же старались не отягощать излишними поборами азіатскую торговлю; облегчали для купцовъ, жившихъ на бухарскомъ, гилянскомъ и агрыжанскомъ дворахъ, куплю дровъ, сѣна, провозъ воды; не ставили постоевъ на дворахъ выѣзжихъ

въ Астрахань купцовъ. При Татищевѣ повторено было, чтобъ для армянъ, индѣйцевъ, бухарцевъ, гилянскаго и агрыжанскаго дворовъ татаръ судъ и расправа чинены были по ихъ законамъ и прежнимъ обыкновеніямъ, съ цѣлью придать имъ охоту къ астраханскому житію; не дѣлать имъ помѣшательства въ молитвахъ по ихъ закону и силою не крестить; не опредѣлять ихъ ни въ какія службы и не налагать на нихъ никакихъ другихъ тягостей, не брать постоя съ ихъ домовъ, земли подъ дворы отводить имъ слободами по народамъ. Если кто-нибудь изъ нихъ пожелалъ бы завести подъ Астраханью какія фабрики, то такіе могли входить въ сношенія о томъ съ мануфактуръ коллегіею чрезъ губернатора. Особенными льготами пользовались армяне. Ихъ торговая компанія, существовавшая еще въ XVII столѣтіи и потомъ уничтоженная на время при Петрѣ, снова была вызвана къ жизни; ея привиллегіи на внутреннюю торговлю въ Россію и транзитную съ другими государствами были возстановлены. Астраханскіе армяне особенно занимались шелководствомъ и продажею шелковыхъ матерій, для выдѣлки которыхъ у нихъ были свои станки. Въ Астрахани была даже церковь армянская. Всѣ эти иноземные купцы зависѣли не отъ магистрата, а прямо отъ губернатора, хотя иногда по нуждѣ ихъ брали въ городскія службы въ помощь русскому купечеству. Торговля съ киргизами, кубанцами, горскими народами, ногайцами и другими кочевниками была непостоянна, главнымъ предметомъ ея были конскіе табуны и рогатый скотъ [123]).

Но незадолго до пріѣзда Татищева въ Астрахань всему торговому движенію астраханскаго края стала грозить военная опасность. Первыя вѣсти о ней пришли изъ Хивы и Бухары, чрезъ киргизскія степи, и отъ нашихъ консула и резидента, жившихъ въ пограничныхъ съ русскими владѣніями

персидскихъ областяхъ. Опасность шла отъ Шаха-Надира, фантастическіе замыслы котораго взволновали въ то время всю переднюю Азію, отъ Индіи до киргизскихъ степей, отъ устьевъ Тигра и Евфрата до кавказскихъ горъ.

Въ 1740 году, вскорѣ послѣ подданства киргизскаго Абдулъ-Хаиръ хана Россіи и послѣ признанія его со стороны аральцевъ хивинскимъ ханомъ ѣздили чрезъ его владѣнія въ Бухару и Хиву поручикъ Гладышевъ, геодезистъ Муравинъ и толмачъ Усманъ Арасланов. Вотъ съ какими извѣстіями вернулись они въ Россію. Въѣхавъ въ ноябрѣ въ хивинскія владѣнія, они встрѣтили на пути пустой городокъ Гурлю, жители котораго выбѣжали отъ страха персидскаго шаха, воевавшаго аральскія земли. Прибывши въ самую Хиву, Гладышевъ тотчасъ же послалъ Муравина и толмача къ шаху съ требованіемъ не ходить на Хиву, потому что Абдулъ-Хаиръ ханъ русскій подданный, а Надиръ-Шахъ въ миру съ Россіей. Шахъ отвѣчалъ приглашеніемъ хана къ себѣ, обнадеживая всячески, что отдаетъ ему Хиву. Тогда Гладышевъ рѣшился ѣхать къ шаху самъ съ ханомъ. Поѣхали они изъ города: Абдулъ-Хаиръ, сынъ его Нурали-Султанъ, у котораго былъ лукъ съ напряженною стрѣлою, а съ ними до ста киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ и аральцевъ; подъѣхали они къ городскимъ воротамъ, а тѣ завалены землею. Тогда Гладышевъ тутошнимъ хивинскимъ жителямъ, которыхъ было на улицахъ и на строеніяхъ близъ 2000, сталъ говорить, чтобъ отперли ворота, что Ханъ ѣдетъ къ шаху для прошенія себѣ ихъ города. Тотчасъ же вынесли ключи, ворота отперли, землю отъ нихъ отвалили и выпустили изъ города хана совсѣми спутниками его. Но выбравшись въ поле, Абдулъ-Хаиръ поскакалъ не въ ту сторону, куда надо было ѣхать къ шаху: «Не туда ѣдемъ», замѣтилъ ему Гладышевъ. «Я тебя не слушаю; ты въ моихъ

рукахъ; ступай, куда велятъ»,—отвѣчалъ ему ханъ. Хивинцы вслѣдъ за бѣглецами палили изъ пушекъ и мелкаго ружья, но никого не убили; въ дорогѣ нападали на нихъ трухменцы; по мѣрѣ удаленія бѣжавшихъ изъ Хивы, разросталось во всемъ краѣ междоусобія. Только выдравшись за хивинскія границы, Абдулъ-Хаиръ объявилъ Гладышеву, что шахъ подсылалъ къ жителямъ Хивы, чтобъ они задержали хана до пріѣзда, и показалъ Гладышеву письмо шахово. Абдулъ-Хаиръ просилъ русскихъ построить городъ, на берегахъ Аму-Дарьи, для защиты отъ шаха. Но волненіе аральское отразилось и въ киргизскихъ степяхъ: Абдулъ-Хаира болѣе уже не слушали его подданные. Муравинъ, бывшій у персидскаго шаха прибавлялъ, что цѣлью шаховыхъ завоеваній были Бухара, Хива, Туркестанъ и Ташкентъ; что, когда онъ представлялся шаху, то долженъ былъ надѣть персидское платье и «какъ привели ихъ предъ шаха, то за тридцать саженъ недошедши остановили, гдѣ они поклонились дважды въ поясъ, прижавъ руки къ груди й снявъ шапки, обернуться чалмами, взглянули на небо и говорили: Али-ханъ делюль, то есть слава Богу». Почти въ то время пришла вѣсть съ Кавказа. 23 апрѣля 1741 года, доносилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, предшественникъ Татищева, астраханскій губернаторъ, князь Голицынъ, что шахъ пошелъ войной на лезгинцевъ, а киргизъ-кайсацкой сторонѣ отъ него опасности не чаетъ. Едва пріѣхалъ въ Астрахань Татищевъ, какъ получилъ изъ Кизляра вѣсть, что персидскій шахъ приглашаетъ Саадетъ-Гирея идти общею войною на Россію.

Со временъ экспедиціи Бековича и персидскаго похода Петра, торговля астрахани была тѣсно связана съ судьбою аральскихъ и прикаспійскихъ областей; со временъ возмущенія Мирвейса и Авганцевъ, персидскій престолъ былъ

цѣлью исканія многихъ претендентовъ. Возстанія правителей по разнымъ провинціямъ не прекращались до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ—Надиръ-Кули ханъ не поразилъ всѣхъ остальныхъ искателей шахова титула и областныхъ правителей. Это случилось около 17 года. Онъ наказалъ за прежнія волненія афганцевъ, лезгинцевъ, грузинцевъ и всѣ племена, жившія на западномъ берегу Каспійскаго моря. Онъ заставилъ Россію отказаться отъ всѣхъ завоеваній Петра на Кавказѣ: ихъ и безъ того трудно было удерживать за собой. Частыми пораженіями онъ до того довелъ турокъ, что всѣ они, отъ султана до послѣдняго кулиса, страстно желали мира. Даже въ отдаленныхъ турецкихъ провинціяхъ, Сиріи и Египтѣ, распространился страхъ къ персидскому имени. Войска, окружавшія Кули-хана, среди его побѣдъ, было слѣпо преданы своему вождю. Наконецъ на юго-востокъ отъ Аракса къ устьямъ Куры, въ плодоносной, обильной водами долинѣ Моганъ, собралъ Кули-ханъ владѣтелей и правителей персидскихъ и завоеванныхъ имъ областей, законниковъ и мудрыхъ людей Персіи для того, чтобъ они разсудили о сиротѣвшемъ престолѣ шаховъ. Привыкшій къ властолюбію, онъ превосходно разыгралъ здѣсь роль лицемѣра: «Шахъ Тахмасъ и шахъ Аббасъ», такъ заставляетъ говорить своего героя одинъ изъ его персидскихъ біографовъ, Магади-Мазандеранскій, «были изъ дома Сефи; принцы ихъ крови—наслѣдники трона. Изберите себѣ въ повелители отпрыскъ изъ ихъ рода или какого-нибудь храбраго и доблестнаго мужа. Сознаніе того, что я сдѣлалъ, освободивъ столицу шаховъ и исторгнувъ государство изъ рукъ афганцевъ, русскихъ и турокъ, служитъ для меня лучшею наградой. Теперь я хочу отдохнуть у своего очага, насладиться покоемъ и дружбой.» — «Въ прахъ наши головы предъ вождемъ», послышалось отовсюду въ отвѣтъ: «Истинный шахъ

есть Надиръ, изгнавшій враговъ пламеннымъ мечемъ, низвергнувшій ихъ сверкающею молніей. Мы рѣшились не отвращать нашихъ глазъ отъ праха ногъ». — «Желаніе трона и короны никогда не владѣло моимъ сердцемъ», отвѣчалъ новый шахъ. — Прошелъ еще мѣсяцъ и Надиръ опять созвалъ всѣхъ приближенныхъ къ себѣ: «по опшествіи къ иной жизни нашего пророка—да будетъ надъ нимъ и его родомъ вѣчный миръ! — говорилъ шахъ, правили четыре халифа съ такимъ блескомъ, что Индія, Анатолія и Туркестанъ признали ихъ господство. Измаилъ, основатель дома Софи, оставилъ правовѣрныхъ, поддался шіитской ереси, которая есть источникъ гибели и слабости мусульманскихъ народовъ. Персы, возвели меня въ повелители, такъ повинуйтесь моему желанію, моему приказанію. Сунна господствуетъ повсюду въ Иранѣ; да обладаетъ она всею землею». Собраніе отвѣчало единодушными криками, возвѣщавшими новыя побѣды для ислама. Христіанскіе народы Кавказа, армяне и грузинцы, отторгнутые отъ русскаго вліянія, должны были войдти въ составъ новаго персидскаго царства. Надиръ вызвалъ къ себѣ изъ Эчміадзинскаго монастыря армянскаго католикоса Авраама III и объявилъ ему, что армяне изъ всѣхъ странъ, гдѣ они страдаютъ отъ угнетеній, должнѣ возвратиться въ Персію; они будутъ приняты новымъ царемъ всѣхъ царей съ радостію, съ ними будутъ хорошо обходиться. 26 февраля 1735 года, украшенный драгоцѣнною короной, сѣлъ на счастливый тронъ Персіи Надиръ. Въ слѣдующемъ году построенъ былъ новый городъ, куда переведены были жители древняго Кандагара, и названъ Надирабадомъ, въ честь шаха. Палъ Хоразанъ. Сынъ Надира, Риза-Кули, съ быстротою завоевалъ Балкъ, загналъ Узбековъ за его предѣлы, и разбилъ бухарскаго хана. Самъ шахъ предпринялъ свой баснословный походъ въ Индію.

Самые обольстительные слухи разнеслись по всей Персіи и Малой Азіи о подвигахъ Надира, который достигъ Дели. Болѣе трехъ лѣтъ воевалъ падишахъ Индію; много богатствъ вывезъ изъ нея къ себѣ въ Персію. Пока онъ воевалъ противу великаго Могола, въ Персіи носились слухи о его смерти. Оставленный правителемъ, сынъ его Риза-Кули, дѣйствовалъ какъ тиранъ, ослѣплялъ, умерщвлялъ плѣнниковъ отца, родственниковъ прежнихъ шаховъ и думалъ овладѣть персидскимъ трономъ. Но, получивъ извѣстіе отъ отца о его побѣдахъ и скоромъ возвращеніи, подкупилъ одного изъ близкихъ къ Надиру убить его; попытка эта не удалась. Тогда распущены были слухи, что славолюбивый шахъ недоволенъ одною славою азіатскаго деспота, велѣлъ перевести на персидскій языкъ евангеліе, пятикнижіе Моисеево, псалтирь и алкоранъ и шлетъ блестящее посольство въ Россію просить руки Елисаветы Петровны. Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще не видали въ Астрахани такого огромнаго и блестящаго посольства, какое явилось изъ Персіи незадолго до восшествія на престолъ дочери Петра Великаго между тѣмъ разсчитывая на недовольство старой партіи противу шаха, сынъ его, во время похода отца въ Дагестанъ, снова подослалъ убійцу. Но тотъ былъ схваченъ, и среди истязаній, назвалъ настоящаго виновника преступленія. Риза-Кули былъ ослѣпленъ, по приказанію отца. Все это совершилось незадолго до пріѣзда Татищева въ Астрахань [128]).

Первымъ дѣйствіемъ русскаго правительства, приведеннымъ въ исполненіе Татищевымъ, была смѣна кизлярскаго коменданта, запрещавшаго горцамъ деревни Андреевки продавать запасы и лошадей на шаха: «повидимому въ исправленіи Кизлярскаго коменданта, яко незнающаго интересовъ нашихъ, говорилось въ указѣ, никакой надежды имѣть невозможно,—потому отправить туда искуснаго штабъ-офи-

цера, и вообще наблюдать, чтобъ съ нашей стороны никакихъ противныхъ и огорчительныхъ шаху поступковъ не было». Въ случаѣ приближенія или набѣга шахова войска къ русскимъ границамъ, гдѣ стояли гребенскіе городки и горскія деревни: Аксайская, Костиковская, Андреевская, не велѣно было за нихъ явно заступаться, а только чрезъ посылку искусныхъ людей дружески, пристойными представленіями отвращать, но прямыми русскими подданными ихъ не называть. Андреевцы же и ихъ сосѣди просили въ случаѣ нашествія персіанъ, перепустить всѣхъ ихъ съ женами и дѣтьми за Терекъ. Персія требовала выдачи бѣжавшихъ въ Кизляръ и его окрестности персіанъ, армянъ и грузинцевъ съ 280 дворовъ. Велѣно было справиться: есть-ли какая прибыль отъ нихъ русской сторонѣ? Но точныхъ границъ между нашими и персидскими владѣніями не было. Персы и прежде сильно домогались объ отдачѣ имъ крѣпости Св. Креста, которая и была оставлена впустѣ. «И по той причинѣ, говорилось далѣе въ томъ же указѣ, не надобно нынѣ персіанамъ о тѣхъ границахъ упоминать, или съ ними изъясняться; однакожъ тѣхъ деревень жителямъ отнюдь того не сказывать, а содержать сіе въ пущемъ секретѣ, ласкать по прежнему и отъ протекціи нашей не отлучать». А между тѣмъ эти жители ограбили посланныхъ шахомъ людей для покупки лошадей; велѣно было убѣдить ихъ возвратить пограбленное. Вообще въ началѣ старались исполнять всѣ желанія шаха: послано было въ его лагерь для продажи 1138 калмыцкихъ лошадей и верблюдовъ; въ Астрахани заказанъ былъ для него хлѣбъ; для его пріема пріѣзжалъ мирза Джелюль, велѣно было перевести тотъ хлѣбъ безъ платы до Дербента. Но въ Дербентѣ случилось происшествіе, которое на первыхъ же порахъ помѣшало добрымъ отношеніямъ Персіи съ Россіей. Поставлен-

ный вновь въ Гилянской провинціи отъ шаха командиръ надъ судами, называемый Халиль, прибывъ туда, показалъ къ русской сторонѣ великія обиды и ругательные поступки. Когда русскій консулъ Араповъ послалъ къ нему отъ себя переводчика съ поздравленіемъ, то Халиль консула неслыханною бранью ругалъ, а тотъ толмачъ передъ нимъ былъ жестоко битъ палками, и тѣми жь палками со двора его прогналъ. Поѣхалъ потомъ Халиль въ морскую рящискую пристань и, увидѣвъ тамъ одно судно астраханскаго купца Андрея Сыченкова, забралъ съ него съ ругательствами прикащика и прочихъ людей, посадилъ всѣхъ за караулъ въ колодки и билъ, а потомъ и судно въ свою власть взялъ, и многія съ него вещи и припасы пограбилъ; а сверхъ того прикащика и прочихъ людей принуждалъ съ побоями и угрозою смертной казни принять персидскій законъ. Какъ видно, Халиль помнилъ воззваніе Надира о распространеніи сунны по всей землѣ. Едва по стараніямъ консула и рештинскихъ управителей, освободилъ своихъ плѣнниковъ изъ заключенія. И хотя шахъ, узнавъ о случившемся, велѣлъ возвратить русскимъ всѣ вещи, и Халиля позвалъ къ себѣ на судъ; но изъ Петербурга писали, что въ отмщеніе за такой поступокъ, лучше до времени удержаться отъ посылки въ Персію просимыхъ Надиромъ судовъ: «въ прошломъ году», говорилось въ указѣ, «тоже былъ удержанъ купеческій караванъ, и тогда, при дворѣ шаховомъ и вездѣ, персіане очень сокрушались; и тѣмъ можно шахову гордость усмирить и персіанъ принудить въ Астрахань за товарами ѣздить; а изъ ласки, которую до сихъ поръ оказывали шаху, проку никакого еще Россіи не было.

Впрочемъ подобныя выходки со стороны русскихъ властей были не надолго. Комендантъ кизлярскій, узнавъ, что ему грозитъ смѣна за прежній отказъ шаху относительно за-

купки лошадей и верблюдовъ, самъ теперь чрезъ письмо предложилъ ему свои услуги, въ которыхъ прежде отказывалъ. Это разсердило нашего резидента Калушкина, который видѣлъ въ поступкѣ коменданта Засѣцкаго подрывъ своему кредиту у шаха. Резидентъ сталъ проситься за тяжкою болѣзнію къ кизлярскимъ водамъ: у него было намѣреніе сдѣлаться руководителемъ новаго коменданта. Вмѣстѣ съ просьбою о поѣздкѣ къ водамъ, резидентъ писалъ Татищеву, что шахъ имѣетъ великую охоту къ фруктамъ; рѣшено было послать изъ Астрахани 2000 дынь и арбузовъ, которые вкусомъ своимъ въ Персіи славны. Тогда же назначили выслать Калушкину изъ астраханской губернской канцеляріи 1000 рублей для отпразднованія при персидскомъ дворѣ дня коронованія Елизаветы Петровны. По дѣлу Андреевцевъ, Татищевъ посылалъ въ лагерь шаха капитана Тебелева. Министръ Надира требовалъ, чтобъ шахъ самъ имѣлъ право наказать Андреевцевъ, чтобъ для того главные андреевскіе владѣльцы были присланы съ повинною головой. Татищевъ приказывалъ на это пограничнымъ властямъ нашимъ: исполнить того невозможно, а надо требовать у Андреевцевъ, чтобъ пограбленное все возвратили, лезгинцамъ не помогали ни провіантамъ, ни порохомъ и свинцемъ, ни пріемомъ бѣглецовъ; а для того учредить форпосты и содержать ихъ до того времени, пока шахъ пробудетъ съ своими войсками въ Дагестанѣ и Ширвани. Но при этомъ не надо забывать запальчивости и взмѣрчивости шаха. Между тѣмъ отъ резидента, отъ кизлярскихъ властей и чрезъ горныхъ лазутчиковъ безпрестанно приносимы были вѣсти о дѣйствіяхъ шаха на Кавказѣ. Число его войскъ увеличивалось въ такихъ показаніяхъ, отъ 100,000 до 200,000 и болѣе человѣкъ. «А въ бытность нашу, говорили люди, возвратившіеся изъ горъ въ Кизляръ 30 апрѣля, пришло въ лагерь изъ Хора-

зана персіанъ, индѣйцевъ, араповъ, бухарцевъ и другихъ народовъ множество и при нихъ командиромъ шаховъ племянникъ Али-Кулиханъ; у пришедшаго войска имѣются топоры и сабли, а у другихъ саадаки съ стрѣлами, а у иныхъ фитильныя ружья, и обучаются стрѣлять по примѣтѣ; горскихъ владѣльцевъ, которые пришли къ шаху въ подданство, принуждаетъ онъ дачею на войска свои провіанта, почему тѣ собираютъ и даютъ; но тавлинцы послали сказать шаху, что лучше-де итти намъ въ подданство къ русскимъ, нежели-де къ тебѣ. Изъ Индіи привезено къ нему шаху денежной казны въ два раза: въ первый на тысячѣ, въ другой на пяти стахъ вьючныхъ верблюдахъ; шаховы сыновья имѣются одинъ въ Бухарѣ, другой въ Хоразанѣ, оба со множествомъ войска, и первый бухарскаго хана убилъ до смерти; да въ Тавридѣ 30,000 человѣкъ. И разглашается повсюду, что шахъ имѣетъ намѣреніе итти въ Кабарду и Крымъ для раззоренія, а оттуда въ Царьградъ, чтобы его въ подданство свое взять, и взявъ итти къ Кабѣ, то есть къ Аметевой пропасти, молиться Богу по закону своему; и послалъ шахъ тарковскаго жителя мурзу Абшита, давъ ему въ дорожный путь 500 рублевъ, въ Крымъ и Царьградъ, для развѣдыванія о трактѣ и о довольствіи кормами скота и о прочемъ, и какимъ образомъ способно будетъ взять объявленный Царьградъ. А турецкія войска стоятъ на границахъ своихъ, въ городѣ Багдадѣ да на рѣкѣ Арпачаѣ, при которыхъ имѣются и персидскія войска, только ссоры никакой между собою не имѣютъ. А купцы съ турецкой стороны ѣздятъ въ Персію завсегда и объявляютъ, что мы-де съ Россіею замирились, и ежели-де персіяне будутъ съ нами имѣть войну, то русскіе будутъ намъ помощники, а когда на Россію шахъ пойдетъ, то съ нашей-де стороны будетъ помощь Россіи». Другіе лазутчики показывали: «въ лагерѣ

шаха спрашивали у насъ, что замирились-ли русскіе съ туркомъ, такожь есть-ли-де въ Астрахани и Кизлярѣ прибылое войско, мы де слышали, что есть; на что мы имъ объявили, что въ Астрахани, на Дону и вездѣ войска государевы всегда и неприбылыя имѣются. Да слышалижъ-де мы, говорили персіяне, что у васъ и судовъ въ морѣ много, и мы имъ по разговорамъ объявилижъ, что въ морѣ судовъ всегда бываетъ для потребностей немало. Бухарцы всѣ, гдѣ случай допуститъ, намѣрены отъ войска шахова удалиться, только такого не найдутъ случая; а персіяне разговариваютъ, что за безпокойствомъ ему шаху нерады; усмейцы и тавлинцы шаха дожидаются и говорятъ, что мы до послѣдняго человѣка съ нимъ драться готовы. А въ войскѣ шаховомъ хотя и говорятъ, что съ 200,000; только въ то число считаютъ холопей, бабъ и малыхъ ребятъ; а военныхъ людей, которые ходили съ нимъ для раззоренія горскихъ деревень, видимо было тысячъ до сорока, и въ лагерѣ оставались самые негодные и безоружные. Въ шаховомъ же лагерѣ разговариваютъ, что-де намъ русскіе люди друзья, и съ ними мы въ замиреніи.» Донесенія резидента Калушкина дополняли эту картину дѣйствій Надира на Кавказѣ, но рисовали его положеніе болѣе слабымъ. «Шахъ, писалъ онъ, началъ упражняться въ отгонѣ скота у дагестанцевъ, при чемъ персіяне, пользуясь свободностію на просторѣ, пастуховъ съ малолѣтными дѣтьми изгубляютъ. Войска его иныя ружья не имѣютъ, но только съ дротиками, иныя и безъ копей съ простыми жердями находятся; и на такія сбродныя силы уважать не для чего, ибо о гнусныхъ ихъ дѣйствіяхъ и неправности довольно свѣдомо. Шахъ не въ такомъ состояніи обрѣтается, что слѣдъ былъ съ важностію на него взирать, понеже самое искусство, разслабленныя и злыя дѣйства войска его, недостаточное

и гнусное въ военномъ порядкѣ поведеніе уничтожаетъ то немалое примѣчаніе, которое персіяне прежде издалека вселили въ свѣтѣ о себѣ, и нынѣ наказанные отъ нихъ и отъ предводителя ихъ опороченные опыты на другое, весьма отмѣнное мнѣніе обратить принуждаютъ. И хотя шахъ какое противъ Россіи предпріятіе учинить возмечтивостію своею преодоленъ будетъ, то при помощи Божіей всю его замерзелую саранчу въ прахъ истребить легко можно».

Несмотря на то, въ Астрахани сильно безпокоились по поводу происшествій на Кавказѣ. Двинутъ былъ въ Кизляръ Таракановъ съ 3000 отрядомъ, потомъ замѣненъ кн. Долгорукимъ. Изъ Петербурга явился грузинскій царевичъ, генералъ-лейтенантъ Бакаръ; его послали въ Кизляръ ради того кредиту, которымъ онъ пользовался у горскихъ народовъ, и для того, чтобъ сноситься съ ними и помогать имъ. Это дѣйствительно было необходимо: всѣ пограничные горскіе народы были непостоянны и, смотря по надобности, называли себя то русскими, то персидскими подданными, а службы никакой не отправляли и въ послушаніи у командировъ не находились. Велѣно было также разглашать въ персидскомъ лагерѣ и среди горцевъ объ успѣхахъ русскаго оружія противу шведовъ. Мало того: на всякій случай стали готовить морскую силу. Давно забытый, почти заброшенный по смерти Петра астраханскій портъ снова обнаружилъ жизнь. Зоркій глазъ и дѣятельная рука преобразователя назначили мѣсто этому порту на берегу рѣчки Кутумовой. Царь-строитель предвидѣлъ, что постоянное мельчаніе Волги, ея измѣнчивое русло могутъ попортить со временемъ отведенное подъ портъ мѣсто; и выслалъ образцы грабель, которыми каждою весною слѣдовало расчищать устье рѣчки, велѣлъ обдѣлать берегъ фашинами, ежегодно распространять строеніе, копать рвы и ставить плотины

противу разлива. Но ни эти работы, ни суда, строившіяся въ Нижнемъ и Казани, не были кончены въ томъ видѣ, какъ задумалъ Петръ. Правда, въ 1725 году астраханская флотилія состояла изъ 177 судовъ разныхъ наименованій, команда ея изъ 1050 человѣкъ матросовъ и другихъ рабочихъ; отпускалось на содержаніе порта 147,882 рубля 6 ½ коп., расходовалось 80,500 р. 17 ½ коп. Но, по смерти Петра, портъ былъ застроенъ на новомъ мѣстѣ; флотилія стала уменьшаться; въ Казани и Нижнемъ почти прекратили постройку судовъ; пристань, которую Петръ велѣлъ устроить у острова Четырехъ Угловъ, разломало напоромъ воды; суда, стоявшія въ ней, разбило; ее перенесли на островъ Сѣдлистый; маяки, которые Петръ велѣлъ поставить на пяти островахъ, строились медленно. Послѣ возвращенія завоеванныхъ у Персіи областей, послѣдовалъ рядъ опредѣленій кабинета, которыми было повелѣно содержать только три почтъ—бота для корреспонденціи и два гекбота для сыску воровъ, остальныя суда продать или раздать купцамъ даромъ; новыхъ судовъ не строить, команды оставить только необходимое число, а прочихъ людей распустить. Но нагрянулъ шахъ Надиръ на Кавказъ; Эльтонъ перешелъ въ его службу; тогда снова принялись додѣлывать, чинить и поправлять учрежденное Петромъ. 23 ноября 1742 года пришелъ указъ Татищеву вѣдать и адмиралтейство «для нынѣшнихъ крайнихъ нуждъ». Татищевъ тотчасъ же вооружилъ всѣ наличныя суда: пять гекботовъ, и пять шмаковъ, для которыхъ однакожъ не сыскалось въ портѣ болѣе 14 пушекъ, да и то четырехъ и шести фунтоваго калибра. Въ Казани велѣно было строить три дубовыхъ гекбота о 24 пушкахъ 24 фунтоваго колибра. Выставить болѣе полную флотилію Татищевъ не имѣлъ средствъ.

А между тѣмъ все чаще и чаще стали приходить вѣсти о подвигахъ шаха. Еще въ концѣ мая прибылъ изъ Тифлиса въ Кизляръ грузинскій армянинъ Петръ Гавриловъ и объявилъ: «Тифлискій ханъ (губернаторъ) требовалъ именемъ шаха въ холопство чистыхъ двѣсти дѣвочекъ, да двѣстижъ мужскаго полу робятъ и главныхъ князей, якобы для нѣкотораго дѣла ему потребны, что услышавъ тѣ князья и прочій народъ рѣшили не давать полону и лучше помереть». Христіанская Грузія поголовно возстала противу мусульманскихъ фанатиковъ Надира и отложилась отъ персидскаго подданства. Шахъ велѣлъ привести къ себѣ тифлисскаго губернатора скованнаго и грозилъ казнить его. А единовѣрная съ Грузіей Россія медлила своею помощью. Ее интересовало другое въ сношеніяхъ съ Грузіей: тамъ печатались библія, церковныя книги на грузинскомъ языкѣ; въ предисловіи упоминались имена русскихъ государей и синода. Правительство Елизаветы Петровны съ такимъ усердіемъ преслѣдовавшее персоны и имена браупшвейгской фамиліи на всѣхъ актахъ того времени, послало и въ Грузію, тѣснимую шахомъ, требованіе вырѣзывать предисловія изъ изданныхъ въ ней книгъ, если въ нихъ упоминалось объ Іоаннѣ Антоновичѣ. Въ іюлѣ толмачъ Братищевъ, замѣнившій умершаго Колушкина, доносилъ, что его шахово величество, употребляясь самъ, въ партіяхъ ѣздитъ и непрестанно себя упражняетъ въ опустошеніи деревень, въ травленіи новыхъ хлѣбовъ, а обывателей бѣдныхъ и нищихъ отчасти вырубаетъ». Въ промежуткахъ между такими извѣстіями, у Татищева часто обѣдывалъ знатный персіянинъ, присланный шахомъ въ Астрахань для закупки провіанта и лошадей. Татищевъ каждый разъ поучалъ его разсказами изъ исторіи владычества Россіи надъ Низовымъ краемъ и однажды сказалъ ему: «по древнимъ исторіямъ

извѣстно, что кавказская сторона принадлежала къ имперіи россійской, даже до нашествія татаръ, которому нынѣ съ малымъ 500 лѣтъ, что довольно древнія на гробахъ христіанскія надписи и знаки свидѣтельствуютъ; потомъ, безъ малаго 200 лѣтъ по взятіи Астрахани, паки въ подданство россійскаго государства принята, и русскими Андреевская деревня построена и именована тѣмъ именемъ, кто ее строилъ, а не дагестанцами, персидское же государство никогда на оную претензіи правильной не имѣло». Персія и не думала впрочемъ считать Андреевцевъ своими подданными. Вскорѣ послѣ этого разговора, вернулся Тебелевъ и министръ шаха. Галиль-мурза прислалъ съ нимъ объясненіе, что Надиръ, невидя со стороны русскаго правительства никакого удовлетворенія за грабежи Андреевцевъ, самъ рѣшился наказать ихъ за такую дерзость и доправить на нихъ разграбленное; но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ, что гилянскій командиръ за свои поступки съ русскими удавленъ. Тебелевъ на прощаньи получилъ отъ министра въ почетъ 250 рублей, мурза, бывшій съ нимъ, 100, толмачъ 50 за то, что были присланы съ письмами отъ Татищева къ нему, а не прямо къ шаху. Арбузы и дыни были приняты съ великою честью и благодарностью. За то министръ домогался купить въ Астрахани трехъ калмычатъ; Татищевъ послалъ ему чрезъ Братищева двухъ своихъ, объяснивъ, что указами запрещено продавать ихъ. Тебелевъ мало разсказывалъ о состояніи персидскаго лагеря: онъ замѣтилъ въ немъ только страшную дороговизну жизненныхъ припасовъ и слѣды мороваго повѣтрія; войска всего насчиталъ до 66,000 человѣкъ. Но въ сентябрѣ получено было извѣстіе, что «дагестанцы изподтиха бить, скотъ отгонять и пулями ихъ самихъ подчивать не оскудѣваютъ. А персидское войско во всѣхъ съѣстныхъ вещахъ крайній голодъ претерпѣваетъ, не

малымъ числомъ помираетъ, многіе знатные люди серебряные уборы и золотые ножи за безцѣнокъ бросаютъ, да никто того не покупаетъ, ибо всякому до собственнаго пропитанія пришло, а не до корысти. Да притомъ и шахъ ихъ безъ пощады, привязываясь ни за что, казнить не перестаетъ, задавливая вдругъ по 20 человѣкъ и болѣе». Въ одну изъ такихъ минутъ, шахъ задавилъ до смерти адъютанта, ѣздившаго отъ него при посольствѣ въ Россію, а секретарю выкололъ глаза. Вскорѣ дагестанскіе владѣльцы, нестерпя шаховыхъ мучительствъ, прислали въ Астрахань пословъ просить о принятіи ихъ въ русское подданство. Болѣе 1500 ауловъ, имѣвшихъ около 65,700 населенія со всѣми своими старшинами, били челомъ объ избавленіи ихъ отъ персидскаго ига. Татищевъ не могъ своею властію рѣшить столь важнаго вопроса, и послалъ въ Петербургъ подробную роспись дагестанцамъ съ приложеніемъ ихъ просьбы. Исполнить эту просьбу значило совершенно разорвать миръ съ шахомъ, который старались всячески поддержать. Уже боялись его мести за самой поступокъ дагестанцевъ. Но на восточнаго деспота нашла минута рыцарскаго великодушія. Поручику Крашеву удалось въ это самое время отыскать изъ пограбленнаго Андреевцами у шахова посланца, 2462 рублей и 109 лошадей. Шахъ все это отдалъ Крашеву въ награду за усердіе: «я только желалъ удовлетворенія отъ русскаго правительства, говорилъ онъ; получивъ его, жалую тебѣ все за услугу твою; достальное взыщу самъ съ Туртукамиста Аликея, когда онъ явится ко мнѣ въ лагерь, оставивъ Тарковскаго Шамхала». Какъ неожиданна была эта выходка со стороны Надира, также скоро произошла перемѣна въ его намѣреніяхъ. Спустя нѣсколько дней, пришелъ наспѣхъ изъ Кизляра въ Астрахань курьеръ съ извѣстіемъ, отъ Тараканова о скоромъ наступленіи шаха на

русскія владѣнія и съ требованіемъ полковъ. 27 декабря собранъ былъ у Татищева тайный военный совѣтъ, на который явились генералъ-маіоръ князь Владиміръ Долгоруковъ, бригадиръ и астраханскій вице-губернаторъ князь Михаилъ Борятинскій и совѣтникъ губернской канцеляріи Юрій Хризоскулевъ. Татищевъ прочелъ имъ заранѣе приготовленное предложеніе. Сказавъ о недостаткѣ людей въ полкахъ, о неумѣньи большей части ихъ въ экзерциціяхъ, о скудости провіанта, подводъ, о бѣдности казаковъ, Татищевъ читалъ: «А что нынѣ по письмамъ Братищева хотимъ о великой опасности отъ шаха разсуждать; то я его письма нахожу весьма сумнительными: потому что всегда перемѣняя, или обнадеживаетъ, или великіе страхи предписываетъ, но невсегда, какъ мнится, со основаніемъ и добрымъ порядкомъ, наиболѣе страннымъ многорѣчіемъ и бранью персіянъ неприличною наполняетъ; почему можно разумѣть, что онъ человѣкъ молодой, въ дѣлахъ такихъ необыклой, слѣдственно и сообщенія его не весьма вѣроятны. Сперва писалъ, что намѣренія шаховы къ нападенію, какъ ледъ станетъ, потомъ отлагаетъ до марта, и то еще все также сумнительно, а паче даетъ причину сомнѣваться; какъ изъ его Братищевыхъ, такъ и другихъ для развѣдыванія посланныхъ извѣстій видимъ, что шахъ всенародно ненавидимъ и что многіе желаютъ подъ властью россійскою быть; то такіе для возмущенія легко могутъ, вѣдомости вымышляя на зло шаху, къ Братищеву приносить, а Братищевъ весьма неразсудно въ письмахъ генералъ-поручику Тараканову и мнѣ объявляетъ. Его разсужденіе съ великимъ желаніемъ, чтобъ въ нападеніи на шаха намъ упредить и провинціи подъ власть Россіи привесть, чего никто искусный и свѣдущій въ обстоятельствахъ не апробуетъ. Да хотя бъ онъ и все слышанное право писалъ, то (по) раз-

сужденію никакъ вѣрить не можно, чтобъ шахъ въ январѣ или февралѣ, за необыклостію его войска, въ такія стужи дерзнуть что либо знатное предпріять, меньше же зла намъ учинить. Но если шахово подлинно намѣреніе къ нападенію на Россію есть, то не прежде марта, какъ онъ и другіе разсуждаютъ. А посему нынѣ войскъ въ такое опасное отъ морозовъ и вьюгъ время посылать нахожу неполезно, а надлежитъ удержать до февраля здѣсь и ждать ближайшихъ извѣстій; а между тѣмъ полки готовить и снабжать нужнымъ». Присутствующіе просили прочесть послѣднія письма Тараканова и донесенія Братищева. Таракановъ писалъ такъ: «внушилось шаху, что пришло россійскаго войска къ Кизляру немалое число, а потому онъ и разсуждалъ,—ежели-де паче чаянія Россія со мною миръ разрушитъ и объявитъ войну, тогда о полевомъ бою въ волю Божію положусь. Только немалый страхъ имѣетъ, чтобъ морская флотилія безвременно Дербента, Баки и прочихъ подлѣ моря лежащихъ городовъ не побрала». А Братищевъ совѣтовалъ предупредить шаха, сокрушить его при самой границѣ и всѣ его сбродныя силы въ прахъ обратить, и потомъ прямо въ Персію россійскія войска походъ продолжать невозбранно могутъ; ибо къ завоеванію городовъ и провинцій даже до Испагани ни единаго затрудненія не усматривается. По прочтеніи этихъ документовъ, всѣ согласились съ мнѣніемъ Татищева.

Татищевъ не ошибся. Преобразователю персидскаго царства, побѣдителю великаго могола, покорителю аральскихъ странъ не везло на Кавказѣ. Вслѣдъ за возстаніемъ Грузіи, онъ встрѣтилъ неожиданный отпоръ отъ одного изъ горскихъ владѣльцевъ. Промежъ великихъ горъ, въ крѣпкомъ мѣстѣ, въ усмейскомъ владѣніи, извѣщали Татищева, есть деревня Керъ-Бунъ; въ ней жили мастеровые люди всякаго

художества, полезнаго воинскому дѣлу, дѣлали порохъ, ружья и свинецъ, лили пули. Кругомъ этого селенія есть немало другихъ деревень по ущельямъ. Сюда-то, заслышавъ о приближеніи шаха, сошлось до 14,000 военныхъ людей. Шахъ потребовалъ подданства. Усмейскій владѣлецъ не отвѣчалъ. Шахъ вступилъ въ горы. Усмей выслалъ своего кади (архіерея); шахъ объявилъ ему, что требуетъ добровольнаго подданства. Усмей опять ничего не отвѣчалъ. Шахъ послалъ Усмею тарковскаго шамхала Казбулата. Но Усмей въ подданство не идетъ, аманатовъ не даетъ, говоритъ, чтобъ шахъ всѣ раззоренныя имъ деревни починилъ, а изъ области его выступилъ, въ то время онъ и помириться готовъ; а ежели шахъ не согласится, въ томъ-де воля Божія: либо я пропаду, либо онъ, а безъ того къ нему въ подданство нейду. Скоро у Усмея нашелся сильный покровитель: то была Турція. Шахъ понялъ, что гибель его войскъ среди кавказскихъ высотъ, изрытыхъ ущельями, покрытыхъ вѣковымъ снѣгомъ, среди стужи, голода и мороваго повѣтрія, совершенно безполезна и объявилъ въ январѣ 1743 года, что покидаетъ Кавказъ для войны съ Турціей, что уже его войска осадили Багдадъ. Русскіе резиденты въ Персіи, правители Кизляра и Астрахани вздохнули свободнѣе. Они и не ждали, что вскорѣ появится болѣе безпокойный человѣкъ, нежели самъ Надиръ-шахъ, надѣлаетъ имъ болѣе хлопотъ и опасеній, нежели вся грозная рать персидскаго завоевателя. Этотъ человѣкъ былъ предпріимчивый морякъ и купецъ, искатель приключеній, уже знакомый намъ по оренбургской экспедиціи, гдѣ онъ помогалъ Татищеву въ строеніи крѣпостей самарской линіи, англичанинъ Эльтонъ [129]).

Еще въ началѣ 1742 года стали носиться между моряками, служившими въ каспійской флотиліи, слухи, что Эльтонъ перешелъ въ службу шаха, обѣщалъ ему настроить

кораблей, содержать сообщенiе между трухменскими, персидскими и кавказскими береговыми областями, снабжать его войска жизненными припасами и боевыми снарядами. Все это дѣлалъ онъ подъ предлогомъ выгодъ англiйской торговой компанiи, которая находилась подъ особливымъ покровительствомъ Россiи и должна была о всѣхъ своихъ нуждахъ сноситься съ мѣстными властями низоваго края, преимущественно съ астраханскимъ губернаторомъ. Но не одни русскiе, нѣкоторые изъ англичанъ подозрѣвали Эльтона если не въ корыстолюбивыхъ, то въ самолюбивыхъ намѣренiяхъ. Ему приписывали страстное желанiе добиться почетнаго титула просвѣтителя Персiи, хотя и сомнительно, чтобъ подобное мнѣнiе имѣло твердое основанiе. У Эльтона не было для того ни достаточныхъ силъ и свѣдѣнiй, ни средствъ и времени. Его предпрiимчивая, неустанная дѣятельность не имѣла такой непосредственной цѣли; она была просто потребностiю его кипучей, страстной природы, удовлетворяла его давнимъ привычкамъ авантюриста. Тѣмъ не менѣе много хлопотъ онъ надѣлалъ и губернатору Татищеву и консуламъ Арапову и Бакунину, которые замѣнили Братищева. Странными, подозрительными глазами смотрѣло все русское населенiе Астрахани на подвиги англичанина.

Прежде всего пожаловались на Эльтона Арапову служившiе на его суднѣ русскiе матросы и мазуры, что не даетъ имъ прѣсной воды въ морѣ по надлежащей порцiи, а иногда и бьетъ ихъ понапрасну. Потомъ узнали, что Эльтонъ свезъ на берегъ въ Рештѣ олова 15 плитокъ, по 12 пудовъ каждая, до 40 бочекъ по 20 пудовъ, а въ чемъ неизвѣстно, и переправилъ въ лагерь шаху. Другiе англiйскiе купцы говорили ему, чтобъ сносился съ консуломъ; Эльтонъ отвѣчалъ, что консулу дѣла до него нѣтъ. Араповъ доносилъ, что Эльтонъ грозится всѣхъ русскихъ перестрѣлять, обѣ-

щаетъ указать шаху путь въ Россію; нерѣдко перевозитъ на своихъ судахъ персидскихъ военныхъ людей; обѣщалъ шаху выстроить два судна для него по 34 аршина въ три года, сковать для нихъ якори; ищетъ удобнаго къ тому дѣлу мѣста. Шахъ далъ ему по 2000 рублей въ годъ. Татищевъ снесся съ Петербургомъ о жалобахъ на Эльтона. Въ Петербургѣ жаловались англійскому посланнику, требовали арестовать безпокойнаго морехода, грозя въ противномъ случаѣ уменьшить привиллегіи англійской компаніи. Татищеву же дали знать, чтобъ онъ арестовалъ Эльтона, когда тотъ завернетъ по дѣламъ въ Астрахань. Но Эльтону не за чѣмъ было заглядывать въ негостепріимный для него городъ. Оставалось удовольствоваться одними наблюденіями за нимъ. Стали прижимать англійскія факторіи, стѣснять пересылку въ персидскія конторы ихъ англійскихъ плотниковъ и корабельныхъ мастеровъ. Тогда директоры петербургской конторы стали хлопотать чрезъ парламентъ и своего посланника въ Петербургѣ Выга (Wygh), чтобъ имъ позволили отправить въ Рештъ агента для ревизіи дѣйствій Эльтона и пересмотра его счетовъ и книгъ. Имъ позволили. Отправленъ былъ Ганвей, впослѣдствіи прославившійся подробнымъ описаніемъ своего путешествія, торговли Каспійскаго моря, похожденій Эльтона, любопытными замѣтками о Россіи и полной исторіей Надиръ-шаха. 12 тентября 1743 года дано было знать Татищеву, чтобъ онъ пропустилъ Ганвея въ Гилянь, для наилучшаго утвержденія коммерціи съ Персіей и для поправленія нѣкоторыхъ фальшивыхъ поступковъ тѣхъ англійской компаніи купцовъ, кои тамъ употреблены, и особливо для отвращенія ихъ отъ такихъ предпріятій, которыя предосужденіе коммерціи нанести могли-бы. — Уже на пути къ Астрахани Ганвей замѣтилъ, что всѣ власти низоваго края настроены противу На-

дира, и отзываются подозрительно объ Эльтонѣ. Путешествіе его по Волгѣ, внизъ отъ Царицына, было не безопасно отъ разбойниковъ, и воровскихъ калмыкъ. По пріѣздѣ въ Астрахань, Ганвей позванъ былъ къ Татищеву, которому онъ поднесъ отъ имени англійскихъ купцовъ дорогой подарокъ. Они долго разговаривали о дѣлахъ компаніи. Татищевъ обѣщалъ съ своей стороны сдѣлать все, что зависитъ только отъ него, въ пользу компанейщиковъ. Онъ даже коснулся разныхъ предположеній, которыя могли-бы принести взаимную пользу Англіи и Россіи. Старикъ не удержался, чтобъ не поговорить съ практическимъ англичаниномъ о своей прошлой жизни. «Этотъ старецъ, писалъ потомъ Ганвей, былъ пажемъ (?) при Петрѣ Великомъ (въ 1724 ?); давно управляя этимъ краемъ, онъ много сдѣлалъ для устрашенія татаръ; у него была особенная склонность къ наукамъ и торговлѣ. Въ искусствѣ благопріобрѣтенія онъ высказывалъ большую опытность и даже попадалъ за это въ немилость; у него было правило, которое онъ выражалъ такими словами: надо дать, надо и взять. Татищевъ сказывалъ мнѣ, что купилъ за пять тысячъ рублей брилліантъ, стоившій двѣнадцать, и поднесъ его знатнѣйшей въ имперіи женщинѣ. Между прочимъ онъ упомянулъ также, что около 25 лѣтъ трудится надъ русскою исторіей.... Этотъ старикъ былъ замѣчателенъ своею сократическою наружностію, изможденнымъ тѣломъ, которое онъ старался поддерживать долголѣтнимъ воздержаніемъ, и наконецъ неутомимостію и разнообразіемъ своихъ занятій. Если онъ не писалъ, не читалъ, или не говорилъ о дѣлахъ, то перебрасывалъ жетоны изъ руки въ руку». Татищевъ высказывалъ Ганвею свои опасенія, не перешелъ ли дѣйствительно Эльтонъ въ службу Надиръ-шаха, что могло имѣть непріятныя послѣдствія для англійской торговли, могло вызвать гнѣвъ Петербургскаго

двора; онъ совѣтовалъ Ганвею, если еще непоздно, убѣдить Эльтона оставить столь дерзкое предпріятіе. Потомъ разговоръ перешелъ къ армянскимъ купцамъ, которые особенно враждебно относились къ англійской компаніи. «Это хитрѣйшіе люди въ цѣлой Азіи», живо заговорилъ Татищевъ; «еслибъ имъ напримѣръ удалось получить 15 процентовъ позволительнымъ образомъ; то они не были бы такъ рады, какъ еслибъ получили пять посредствомъ обмана; и эти пять процентовъ были бы для нихъ гораздо пріятнѣе, нежели тѣ 15». Ганвей и тутъ заподозрилъ источникъ такого отзыва объ армянахъ: «канцелярія, говоритъ онъ, состоящая изъ вице-губернатора, секретаря и другихъ чиновниковъ, конечно есть большая сдержка для губернатора здѣшняго мѣста; но какъ безъ губернаторскаго позволенія купцы не могутъ ни ввести судна въ пристань, ни даже посѣщать его, то у него остается много удобныхъ къ благопріобрѣтенію случаевъ». Свиданія Ганвея съ Татищевымъ были часты и каждый разъ разговоръ ихъ обращался на Эльтона. Татищевъ не могъ коснуться этого разговора безъ того, чтобъ снова не повторить своихъ опасеній на счетъ послѣдствій для каспійской торговли, если персіяне выучатся морскому искусству. Ганвей говорилъ на это, что онъ понимаетъ нежеланіе Россіи, чтобъ Персія завела флотъ точно также, какъ прежде не желала того Швеція для самой Россіи; и обыкновенно прибавлялъ, что, по всей вѣроятности, планы шаха и Эльтона ограничатся однимъ, двумя кораблями, тогда какъ русскіе всегда могутъ построить ихъ десятокъ; наконецъ Ганвей старался объяснить, что слухи о замыслахъ Эльтона, быть можетъ, преувеличены Араповымъ изъ личной вражды къ нему. Въ день отъѣзда своего Ганвей приходилъ къ Татищеву и получилъ отъ него наставленія относительно Эльтона. Татищевъ требовалъ при этомъ, чтобъ

Ганвей далъ за своей рукой письмо, что никто изъ англичанъ не перейдетъ въ службу шаха. Ганвей уже не нашелъ Арапова въ囎штѣ: на его мѣсто назначенъ былъ Бакунинъ. Оставляя мѣсто своего служенія, Араповъ доносилъ Татищеву, что Эльтонъ объѣхалъ на своемъ кораблѣ весь берегъ Каспійскаго моря отъ Гиляни и Астрабата до той пристани на бухарской сторонѣ, куда изъ Астрахани купеческія суда съ товарами приходятъ, осматривалъ и описывалъ всѣ лежащія на берегу мѣста; приплывъ въ Мазандеранъ, нашелъ тамъ недалеко отъ города Форабата годный къ строенію мореходныхъ судовъ лѣсъ, и, сочиня обо всѣхъ тѣхъ мѣстахъ ландкарту, отослалъ ее съ своимъ служителемъ къ шаху». Донесеніе было основано на разсказахъ русскихъ матросовъ, которые были на Эльтоновскомъ кораблѣ. А между тѣмъ Ганвей писалъ съ дороги Татищеву, что плаванье это было предпринято для пользъ торговой компаніи, а вовсе не для выгодъ шаха. Татищевъ сообщилъ о томъ въ Петербургъ. Оттуда отвѣчали: «и сей Ганвей такой же интриганъ, какъ и Эльтонъ; оба служатъ одной и тойже англійской компаніи, и потому въ ихъ поступкахъ чаятельно розни — быть не можетъ. А какъ Эльтоновы замыслы завести, въ противность нашимъ интересамъ, морскія суда для шаха обнаружились, съ какою цѣлью онъ уже вывезъ изъ Астрахани утайкою на кораблѣ своемъ немалое число карабельныхъ инструментовъ, а на парусы канифасу русскихъ фабрикъ: то вамъ надо прилѣжно развѣдывать о дальнѣйшихъ поступкахъ Эльтона и другихъ его компанейщиковъ англичанъ и втайнѣ принимать надлежащія мѣры для огражденія нашихъ интересовъ: то есть удерживать въ Астрахани англійскихъ мастеровыхъ людей подъ приличными предлогами, также не выпускать оттуда якорей, канатовъ, парусовъ, смолы, канифасу, полотенъ и другихъ припасовъ, безъ ко-

торыхъ невозможно морское хожденіе». Опасенія эти оправдались. 13 января 1743 года Братищевъ донесъ Татищеву, что шахъ надѣлъ на Эльтона знатный халатъ, объявилъ его морскимъ командиромъ, обнадежилъ премногимъ награжденіемъ и обязалъ его учить персіянъ морскому дѣлу. Братищевъ вызывался, если пришлютъ къ нему изъ Астрахани два вооруженныхъ гекбота, итти къ Апшерону и захватить Эльтона силой.

Но Эльтонъ самъ обратился къ Татищеву съ письмомъ ($^{20}/_{31}$ янв. 1743), въ которомъ говорилъ, что обвиненія на него произошли конечно отъ интригъ другой англійской конторы, находившейся въ Рештѣ и побуждавшей Арапова и Братищева къ неудовольствіямъ на него; потомъ онъ переходилъ къ объясненію этихъ не удовольствій. Когда Эльтонъ прибылъ въ Зинзилей, тамъ былъ и русскій консулъ, жаловавшійся на то, что англичане не подняли флагъ, когда онъ пріѣзжалъ на одинъ изъ русскихъ шмаковъ, бывшихъ въ той гавани. Эльтонъ готовъ былъ съ большою радостію исполнить такое желаніе консула, и по уваженію къ имени ея величества, и по личному знакомству съ Араповымъ; но выгрузка товаровъ, которою они тогда занимались, помѣшала ему сдѣлать то; при томъ же нескоро усмотрѣли прибытіе консула на шмакъ, но лишь только замѣтили его ботъ, то флагъ былъ поднятъ. Вопросъ зашелъ о мелкихъ подробностяхъ морской салютаціи, и Эльтонъ поспѣшилъ замѣтить, что шмакомъ командовалъ унтеръ-офицеръ, не имѣвшій вымпела, такъ что, еслибъ этотъ шмакъ стоялъ даже въ Британіи, въ какой либо гавани, и тоже безъ вымпела, то конечно бъ не удостоился чести быть салютованнымъ посредствомъ поднятія флага. Но съ тѣхъ поръ, писалъ Эльтонъ, Араповъ далъ повольность русскимъ матросамъ, находившимся на англійскихъ судахъ, къ волненіямъ,

подучилъ ихъ оставить Эльтона, задержалъ двоихъ на восемь дней, посылалъ къ нему ругательныя письма, требуя подчиненія Эльтонскихъ судовъ себѣ на томъ основаніи, что часть экипажа ихъ состояла изъ русскихъ; на что Эльтонъ отвѣчалъ, выставляя подобное требованіе противнымъ привиллегіямъ, дарованнымъ англійской компаніи отъ русскаго правительства, впрочемъ, если Араповъ имѣетъ какой либо указъ, то показалъ бы его Эльтону. Оправдывая свои дѣйствія, Эльтонъ перешелъ къ разбору дѣйствій Арапова. Когда грузятся русскіе суда, товаромъ, говорилъ онъ, то ни малой бочки или кипы нельзя нагрузить безъ дозволенія консула, и потому купцы должны чинить ему немалые подарки; а когда русское судно грузится для шаха пшеномъ, то оное болѣе четверти занимается для консула и его служителей: и отъ такихъ прибытковъ и взятковъ консулъ собралъ себѣ великую сумму денегъ, а тѣмъ учинился какъ о себѣ, такъ и о чинѣ своемъ забывчивъ». Кромѣ того Араповъ требовалъ чрезъ правителя города Решта денегъ за русскихъ матросовъ на судахъ Эльтона, денегъ за нагрузку и выгрузку пшена для шаха, всего 65 рублей; послѣ долгой переписки о томъ, что ни въ какомъ контрактѣ не говорится о такой платѣ, товарищъ Эльтона послалъ часть денегъ Арапову, и тотъ перевелъ отъ нихъ еще одного русскаго матроса на русское судно. Потомъ консулъ послалъ на англійскую пристань трехъ человѣкъ, вооруженныхъ дубинами и татарскаго муллу толмача, которые встрѣтили одного изъ Эльтоновскихъ служителей и стали бить его; тогда выскочилъ другой матросъ Эльтона, и, начавъ драку съ служителями Арапова, ранилъ слегка одного изъ нихъ. И хотя зачинщики были служители Арапова, но послѣдній настаивалъ не только на арестѣ этого матроса, но и на томъ, чтобъ онъ былъ битъ и чтобъ отрѣзали ему уши, что и ис-

полнилъ рештскій правитель: однакожь, вѣроятно, собственныя уши правителя будутъ за то отвѣчать, когда узнаетъ шахъ о случившемся». Мало того: по словамъ Эльтона, Араповъ грозился напасть на дома англичанъ и писалъ Братищеву, чтобъ онъ поступалъ съ ними такимъ же образомъ. И дѣйствительно, когда корабль Эльтона пришелъ къ Дербенту, гдѣ жилъ Братищевъ; то персидскіе люди, подученые имъ, били людей Эльтона, выгружавшихъ пшено шаха, пока армянинъ, подтолмачъ русской службы, не закричалъ: полно. Англичане, впрочемъ, получили сатисфикацію тѣмъ, что персидскій пріемщикъ товаровъ былъ дважды битъ по пятамъ, и отрѣшенъ отъ должности. Наконецъ англійскіе люди, жившіе въ палаткахъ на берегу моря, близь Дербента, подлѣ города, часто въ хорошую погоду выкидывали флагъ въ знакъ того, что съ корабля можетъ идти къ нимъ ботъ для нагрузки: и въ день рождества Братищевъ пріѣхалъ туда съ своимъ подтолмачемъ и персидскими служителями и приказалъ имъ снять тотъ флагъ, разломать и бросить въ море, при чемъ служителей Эльтона побили. Даже когда самъ Эльтонъ сошелъ на берегъ, то армянинъ не разъ приходилъ къ его палаткѣ, насильно ложился въ нее и когда служители не пускали его туда, ругался. Всѣ эти поступки русскихъ властей, писалъ Эльтонъ, и заставили меня искать протекціи у шаха, который оказалъ мнѣ честь принятіемъ моей просьбы. Но поко я ѣздилъ въ лагерь шаха, армянинъ, персидскіе служители и русскіе солдаты Братищева пришли ко мнѣ въ палатку, взяли одного изъ моихъ служителей и съ бранью повели въ квартиру Братищева, отстоявшую за двѣ мили, гдѣ съ угрозами стали требовать у него 5 рублей, будто бы должныхъ мною одному русскому матросу, ушедшему съ моей эскадры, хотя у меня была записка въ отдачѣ этихъ денегъ отъ самого Братище-

ва. Что касается обвиненій о жестокомъ обращеніи съ матросами, прибавлялъ Эльтонъ, то всего лучше спросить у нихъ самихъ, когда англійскіе корабли придутъ въ Астрахань чрезъ два мѣсяца. Что же до рѣчей моихъ, противныхъ русскимъ интересамъ, то я не только никогда не разговаривалъ съ Братищевымъ, но даже и не видалъ его; хотя, быть можетъ, кто-нибудь изъ служителей или бурлаковъ моихъ и сказалъ что-нибудь непристойное. За тѣмъ напоминалъ, что онъ, какъ британскій подданный, обязанъ отвѣчать за свое и подчиненныхъ поведеніе только персидскому шаху, во владѣніяхъ котораго находится, да своему королю; точно также какъ ни одинъ англійскій купецъ, проживающій въ Петербургѣ, не долженъ отвѣчать за себя шведскому королю; и тѣ англичане, которые сражаются въ русской арміи противъ шведовъ, если попадутся въ плѣнъ, то вѣроятно будутъ приняты честно въ Стокгольмѣ; точно также и поселившимся въ Персіи нѣтъ обязанности торговать съ русскими. Этого требуютъ и генеральные интересы Великобританіи и партикулярные интересы британскихъ купцовъ. Да и отказать шаху въ личной службѣ было бы неразумно, онъ самовластенъ и могъ бы силою принудить къ тому; такія дѣла часто приключались судамъ остъ-индской компаніи въ Персидскомъ заливѣ. Но если я и рѣшился вступить въ службу шаха, то лишь вслѣдствіе притѣсненій отъ Арапова и Братищева, возбужденныхъ другою компаніею англійскихъ купцовъ въ Рештѣ. Но думаю, заключалъ Эльтонъ, что шахъ будетъ столь великодушенъ, не заставитъ меня предпринять что либо ко вреду россійской имперіи. Иначе объясняли причины вступленія Эльтона въ шахову службу и успѣхъ его кораблестроительной дѣятельности русскіе матросы, служившіе на его судахъ, при допросахъ, которые имъ дѣлали русскія власти, когда они сходили на берегъ.

Одинъ говорилъ Братищеву, что Эльтонъ пошелъ въ службу къ Надиру, боясь отвѣтственности за товары, подмоченные имъ по небрежности еще на Окѣ на сумму превышающую 10,000 рублей, да и вообще расходуетъ болѣе, чѣмъ дозволяетъ то компанія. Другой говорилъ, что Эльтонъ, побывавъ въ Мазандеранѣ, потомъ говорилъ съ русскимъ прикащикомъ Андреевымъ и выразился такъ: чертовское тамъ мѣсто, не только большихъ судовъ, и шхербота малаго сдѣлать не возможно; а на вопросъ; гдѣ же будете дѣлать суда, отвѣчалъ: гдѣ Богъ изволитъ. Третій прибавлялъ, что дѣлаютъ на персидскихъ берегахъ малыя; на корабли похожія суда бѣглые русскіе мазуры, которые побусурманились. Четвертый показывалъ, что у самого Эльтона въ каютѣ за полотномъ сдѣланы два ящика съ разными плотничными и корабельными инструментами.

Получивъ объясненія Эльтона и показанія русскихъ матросовъ, Татищевъ отвѣчалъ 29 мая предпріимчивому искателю приключеній и звалъ въ письмѣ для личныхъ объясненій въ Астрахань, просилъ представить шаху всѣ трудности завести флотилію на Каспійскомъ морѣ; при письмѣ приложенъ былъ подарокъ для Эльтона — нѣсколько фунтовъ чаю. Эльтонъ отвѣчалъ 10 іюля: благодарилъ Татищева за благосклонность; извинялся, что не можетъ быть въ Астрахани, боясь оставить дѣла компаніи, даже объясненія о ссорѣ съ Араповымъ не считалъ достаточными, чтобъ оправдать такую поѣздку; потомъ не могу оставить Персіи, говорилъ онъ, безъ увѣдомленія и дозволенія шаха шаховъ, да и враги мои легко могутъ воспользоваться моимъ отсутствіемъ, чтобъ уменьшить довѣріе ко мнѣ шаха. О трудностяхъ завести флотъ, не имѣя ни мастеровъ, ни рабочихъ, я говорилъ шаху, по вашему желанію. Но онъ отвѣчалъ: я уже давно думалъ объ этомъ и собралъ рабочихъ, желая

имѣть суда на европейскій манеръ. Стало быть онъ рѣшилъ это дѣло еще до меня. По его желанію, я посѣтилъ Гилянь и Мазандеранъ, и еслибъ рѣшился донести ему, что эти мѣста не удобны для кораблестроенія, не даютъ необходимаго матеріала; то это противорѣчило бы его собственнымъ познаніямъ о томъ, что обѣ провинціи изобилуютъ разнаго рода лѣсомъ, свинцомъ, оловомъ и желѣзомъ, и что ихъ рѣчки очень удобны для постройки судовъ; наконецъ это противорѣчило бы британскимъ и моимъ личнымъ интересамъ, ибо возстановилобъ шаха притивъ меня, тѣмъ болѣе, что изъ этого не можетъ произойти никакого вреда Россіи. Только одна Астрахань можетъ опасаться нападеній персидской флотиліи, но, по положенію своему, она можетъ скорѣе быть атакована зимой по льду; къ тому жь и дельта Волги препятствуетъ нападенію съ моря; наконецъ у васъ подъ рукой множество небольшихъ судовъ для отраженія нападенія. Правда флотъ персидскій можетъ быть препятствіемъ въ случаѣ какихъ либо завоевательныхъ замысловъ Россіи на сѣверныя провинціи Персіи; но безразсудно думать, чтобъ ея величество когда-либо рѣшилась занять провинціи, прославившіяся какъ кладбище войскъ, которыя надо посылать туда для ихъ защиты. Вести съ ними торговыя сношенія выгоднѣе завоеванія. Вотъ почему всякій, кто бы ни помогъ шаху въ устройствѣ флота, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ врагъ Россіи. Не смотря на попытки Бековича, полковника Гарбера и другихъ, не смотря на успѣхъ экспедиціи оренбургской, ни русскіе, ни армянскіе купцы, даже въ дружномъ предпріятіи, не могутъ исчерпать всей торговли Европы съ Востокомъ, чрезъ Гилянь и Бухару. Помощь другихъ европейскихъ націй неизбѣжна и необходима, чтобъ оттѣснить Турцію отъ вліянія на дѣла Востока. Вотъ почему министры покойной императрицы поступали

крайне благоразумно, давъ привиллегіи англичанамъ. Надѣюсь, что и нынѣшняя императрица за мои услуги англо-персидской торговлѣ такую же милость окажетъ, ибо усиленіе каспійскаго торга выгодно и для Россіи. — У Татищева не выходила изъ головы мысль объ арестѣ Эльтона и въ половинѣ сентября онъ отвѣчалъ на его письмо увѣреніемъ, что такая усердная служба не можетъ остаться безъ награжденія; но всего лучше, еслибъ Эльтонъ явился самъ лично просить о томъ: «а заочно и чрезъ лучшихъ пріятелей дѣлать не безъ труда, особливо какъ вы объявляете, что на васъ ваши непріятели клеветали, что изъяснить и себя совершенно извинить удобнѣе персонально; и для того я весьма сожалѣю, что вы пріѣздомъ сюда умедлили. Впрочемъ можетъ вамъ и Ганвей истину засвидѣтельствовать, что я о вашемъ торгу всевозможное попеченіе имѣю.» Англичане поняли, что со старикомъ не сговоришь, и вотъ 10 ноября написалъ къ нему длинное посланіе Джонъ Ганвей, въ которомъ разхваливалъ искусство и умное разсужденіе г. Эльтона, его одолженія отечеству, его неусыпное радѣніе о распространеніи англійскаго торга ради знатнаго интереса Россіи; говорилъ объ искусныхъ обсерваціяхъ береговъ Каспія, о битвахъ его съ береговыми разбойниками трухменцами, о расширеніи торговыхъ сношеній: «сіе доношеніе, писалъ Ганвей, ябы столь пространно и обстоятельно не учинилъ, ежелибъ не желалъ ваше превосходительство о самой правдѣ этого дѣла увѣдомить, и сколько можно опровергнуть всѣ тѣ подозрѣнія и тщетныя разглашенія, которыя уязвили нашъ новозаведенный торгъ, начатіе котораго мы должны приписать Эльтону; онъ ищетъ милости въ шахѣ только для протекціи торговлѣ.» Далѣе онъ намекалъ, что въ случаѣ, если Россія перестанетъ покровительствовать англійской торговлѣ; то они принуждены будутъ

обратить свои мысли къ изысканію иныхъ путей для распространенія ея. Но и объясненія Ганвея подѣйствовали не болѣе объясненій Эльтона. Русскій посолъ въ Лондонѣ представлялъ министру иностранныхъ дѣлъ о предосудительныхъ и злостныхъ поступкахъ Эльтона и домогался отозванія его. Увѣдомляя объ этомъ Татищева, русская коммиссія иностранныхъ дѣлъ прибавляла: «а такъ какъ онъ и до сего времени въ такихъ же предосудительныхъ къ нашей сторонѣ поступкахъ упражняется, то потребовано отъ коммиссіи не имѣть дѣла съ нимъ и не поручать ему никакого торга, а вамъ рекомендуется симъ не пропускать товаровъ, адресованныхъ на его имя.» Запрещено было также имѣть на англійскихъ судахъ служителей англичанъ, только одинъ командиръ могъ быть англичанинъ; потому что позволено было нанимать русскихъ работниковъ, при томъ такихъ только, о которыхъ подлинно извѣстно, что они въ Астрахани или другихъ русскихъ городахъ женъ и дѣтей своихъ имѣютъ, для того чтобъ они самовольно въ Персіи не оставались и въ шахову службу не вступали. Братищевъ и Араповъ представляли съ тою же цѣлію ограниченія англійской торговли, чтобъ въ Гилянь ѣздили купеческія суда: весною одно, лѣтомъ одно, осенью два, да къ зимѣ въ Баку одно, чтобъ при большемъ скопленіи судовъ, за неимѣніемъ достаточной работы, русскіе люди, будучи праздны, къ персіянамъ не уходили. Предложеніе это отдано было на усмотрѣніе Татищева. Татищевъ просилъ коллегію опредѣлить еще торговыхъ агентовъ по одному человѣку въ Дербентѣ, Баку и Мазандерани изъ русскихъ студентовъ, составлялъ инструкцію новому консулу въ Гиляни, Бакунину и жаловался, что послѣдній медлитъ своимъ отъѣздомъ изъ Астрахани. Изъ Петербурга отвѣчали: выслать безъ отговорокъ; и объ умноженіи русскихъ агентовъ узнать чрезъ Братище-

ва; не противно ли то будетъ шаху. Татищевъ думалъ набрать для службы на англійскихъ судахъ 200 человѣкъ русскихъ и содержать ихъ на коштѣ судовыхъ хозяевъ. Коллегія отвѣчала на то, что такое дѣло, касающееся внутренней жизни государства, не относится къ ея вѣдомству, сносился бы о немъ съ сенатомъ. Переписка Татищева съ Ганвеемъ пріостановилась. Было одно письмо въ апрѣлѣ отъ Ганвея, въ которомъ онъ благодарилъ губернатора за пересылку его корреспонденціи съ петербургскими англичанами. Въ сентябрѣ 1744 года увѣдомили Татищева, что прекратили выдачу паспортовъ англійскимъ служителямъ для проѣзда въ Астрахань, не смотря ни на какія просьбы англійскаго посла, изъ опасенія, что Эльтонъ можетъ переманить ихъ въ службу шаха. Тогда англичане стали просить паспортовъ для четырехъ моряковъ, назначаемыхъ будто для сопровожденія каравана купеческаго изъ Астрахани въ Петербургъ. Паспорты были выданы, но тогда же дали знать Татищеву, чтобъ не пускалъ моряковъ въ Персію, а помогъ бы въ отправленіи каравана. Англичане стали искать покровительства въ коммерцъ-коллегіи и та позволила англійскимъ принципаламъ посылать товары въ Персію, только на имя Ганвея, а не Эльтона. Но коллегія иностранныхъ дѣлъ, узнавъ о томъ, именемъ императрицы, подтверждала снова до будущаго указу не пропускать изъ Астрахани такихъ товаровъ: ибо Ганвей и Эльтонъ оба одну компанію имѣютъ; и надѣялись, что удержаніе товаровъ заставитъ компанію вызвать Эльтона изъ Персіи. Не переставали еще надѣяться, что Эльтонъ самъ отдастся въ руки, вернувшись изъ Гиляни въ Астрахань; совѣтовали Татищеву удержать тогда его подъ благовиднымъ предлогомъ, напримѣръ, заставить хоть для того подъ рукою мазуровъ, еслибъ они сами съ тѣмъ не вызвались, за непорядочное ихъ содержа-

ніе и обиды жаловаться; совѣтовали также хранить такое повелѣніе въ тайнѣ, не озлобливать англичанъ, чтобъ такимъ же образомъ заманить въ Астрахань и другой ихъ корабль, находящійся нынѣ въ Персіи, подъ командою Брауна. Наконецъ лордъ Тиравлей, министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи, далъ знать русскому кабинету, что, по представленію нашего посла въ Лондонѣ, Король велѣлъ отозвать Эльтона изъ Персіи въ Англію, уже отданъ и паспортъ для свободнаго проѣзда его чрезъ русскую имперію. Но не добились ни Эльтона, ни Брауна. Пріѣхалъ только Ганвей въ концѣ года и видѣлся съ Татищевымъ. Онъ нашелъ его совершенно измѣнившимся къ дѣлу англійской компаніи и къ нему лично. «Я вижу, сказалъ Ганвей, что моя мнимая связь съ Эльтотомъ повредила мнѣ въ Россіи; но въ нашихъ дѣлахъ нѣтъ ничего общаго, у насъ даже различные взгляды на нихъ.» Я понялъ изъ словъ Татищева (говоритъ Ганвей), что онъ такое разъединеніе счелъ за политическую ловкость съ моей стороны; и не смотря на то, онъ съ необыкновенною ловкостію умѣлъ обойти всякое рѣзкое выраженіе въ этомъ смыслѣ. Я явился къ нему не съ пустыми руками, и не смотря на то, въ своихъ выраженіяхъ онъ едва переступилъ за границы самой общей вѣжливости. Упрекъ, который, по всей вѣроятности, былъ ему сдѣланъ, за благосклонность къ намъ, теперь такъ измѣнилъ его, что казалось онъ считалъ за преступленіе вступаться въ нашу торговлю.» Такъ разсказываетъ Ганвей о своемъ свиданіи съ Татищевымъ по возвращеніи въ Астрахань. Татищевъ доносилъ о томъ въ Петербургъ просто: «прибылъ съ моря англичанинъ Ганвей и подалъ мнѣ письмо за рукою своей отъ 7 ноября. А въ томъ письмѣ писано: Эльтонъ состоитъ комиссіонеромъ въ Гиляни у англичанъ Крамонда, Тимермана, Бордевинга, Дангеля, Боуса, Кленкена. Три кампанейскихъ корабля ихъ съ

грузомъ, подъ начальствомъ Эльтона, прибыли въ іюнѣ 1742 года въ Гилянь; на исходѣ того года англійскій и русскій дворы были встревожены вѣстью, что онъ поступилъ къ шаху въ службу; въ сентябрѣ 1743 года дали Ганвею вѣрительное письмо, чтобъ произвести слѣдствіе. Въ декабрѣ онъ былъ въ Гиляни. Эльтонъ признался ему, что принужденъ былъ отъ обидъ бѣжать въ лагерь для протекціи шаха, и обѣщалъ построить для него на европейскій манеръ два судна, и за то шахъ назначилъ ему особое жалованье: и такимъ поступкомъ онъ не болѣе домогался, какъ одну только протекцію себѣ и своему дѣлу получить. Потомъ поѣхалъ въ Астрахань съ небольшимъ грузомъ, но былъ ограбленъ туркоманскими разбойниками, что опять побудило искать протекціи шаха. Что касается строенія судовъ, то по неимѣнію въ Персіи лѣса и удобныхъ мѣстъ и рабочимъ людей, вести его съ успѣхомъ невозможно. Въ іюлѣ Ганвей узналъ, что въ Астрахани не велѣно пропускать англійскихъ товаровъ, адресованныхъ на имя Эльтона. Амстердамская газета въ номерѣ отъ 1-го сентября объявила, что Эльтонъ получаетъ отъ шаха 2000 жалованья въ годъ и въ разное время подарковъ на 1500, и что уже одинъ военный корабль построенъ: и все то не правда». Вообще клеветы на Эльтона не заслуживаютъ вниманія по своему характеру: они происходятъ болѣе всего отъ армянъ, завидующихъ англичанамъ. Таковы были объясненія Ганвея послѣ сдѣланной имъ ревизіи [130]).

Но у Татищева было много другихъ заботъ и безъ англійскихъ компанейщиковъ. Время было хлопотное. Обычный ходъ астраханской торговли былъ нарушенъ войною и моровымъ повѣтріемъ; сдѣлки торговыя стали отыскивать другіе пути, необычные въ мирное время; стѣснительныя, осадныя мѣры, которыя принимало правительство по поводу

волненій на Кавказѣ и въ Персіи, подняли купеческое иноземное населеніе на хитрости. За всѣми надо было глядѣть; всѣмъ угодить; всѣхъ уладить. Изъ Петербурга безпрестанныя приказанія; столь же частыя донесенія туда; переписка съ резидентами, консулами, переводчиками, командирами разныхъ вѣдомствъ; а тамъ ссоры кабардинскихъ князей за баранту; челобитныя дагестанцевъ, шамхала Усмея о подданствѣ Россіи; переселеніе трухменцевъ къ Волгѣ, набѣги киргизовъ, ссора съ Дондукъ-Даши, судъ надъ морскими разбойниками, размѣнъ плѣнныхъ съ Турціей, присмотръ за политическими арестантами; наконецъ слухи о новомъ движеніи Надиръ—шаха къ Кавказу: — всюду требовалось присутствіе губернатора, всюду нужны были его глубокое вниманіе и заботливая рука. А помощниковъ мало; въ иныхъ недостаточно усердія; большая часть въ ссорѣ между собою; и чаще всего рѣшительный недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ людяхъ: такова была общая картина положенія Татищева, въ послѣдніе два года его губернаторства. Посмотримъ на ея подробности.

Турецкая война давно кончилась; а между тѣмъ въ Астрахани жили съ 1735 года тридцать человѣкъ плѣнныхъ, удержанныхъ по той причинѣ, что они пріѣхали предъ самымъ началомъ войны подъ видомъ купцовъ, а означились военные люди, между которыми одинъ изъ знатныхъ начальниковъ надъ янычарами; а по своимъ поступкамъ и по взятымъ у нихъ письмамъ явились не только подозрительны, но и за самыхъ шпіоновъ приняты, а нѣкоторые и розыску подвергнуты: но по заключеніи мира все то миновалось; надо было отправить ихъ въ Турцію; Татищевъ долженъ былъ снестись о томъ съ кубанскимъ сераскиромъ. Но этимъ дѣло о плѣнныхъ не кончилось: петербургскаго пѣхотнаго полку солдатъ Данила Львовъ былъ арестованъ

по причинѣ подметнаго письма, которое «въ нѣкоторыхъ литерахъ» клонилось къ сходству съ вынятымъ у плѣнныхъ турокъ письмомъ, вреднымъ для безопасности Астрахани; а чтобъ то подметное письмо его рукою было писано, въ томъ онъ не признался. Рѣшили: освободить его и отпустить въ команду, потому что письмо явилось неосновательное. Кончилось это розыскное дѣло, подошло другое. Персидскій армянинъ свезъ въ Астрахань дѣланные въ горахъ воровскіе, подобные русскимъ, пятикопѣечники на сумму въ 320 рублей 80 копѣекъ; его розыскивали трижды, долго держали подъ карауломъ, но потомъ освободили и избавили отъ кнута по просьбѣ персидскаго посла. Далѣе надо было рѣшить дѣло о морскихъ разбойникахъ, тянувшееся еще съ 1739 года, когда они были пойманы въ Персіи капитаномъ Голдобинымъ. Тутъ были и ясашные крестьяне изъ инородцевъ, и посадскіе, и монастырскіе, и помѣщиковы люди, жители волжскихъ степей, низовыхъ городовъ, углицкаго монастыря, съ Дону, Яика, Камы, Оки, ихъ притоковъ. Одни пустились на разбой изъ Гурьева городка, гдѣ были на работахъ; другіе съ рыболовнаго стана, богатѣйшаго между астраханскими промышленниками, Тихона Лошкарева; третьи съ торговыхъ каравановъ, ходившихъ по Волгѣ; собрались они вмѣстѣ не вдругъ, сошлись на Каспійскомъ морѣ въ 44 человѣкахъ, пограбили до 13 судовъ, погибло изъ нихъ въ бояхъ 14 человѣкъ; 20 вернулись въ Русь, три ушли въ Персію; только семь попались въ застѣнокъ. Ихъ трижды розыскивали и съ тѣхъ розысковъ и съ огня винились они во многихъ разбояхъ и смертоубійствахъ. Губернская канцелярія подвела статьи разныхъ законовъ: «а въ Уложеніи въ 24 главѣ, пункты 18 и 21; да въ инструкціи 1719 г. дек. 24 въ 4 пунктѣ, сказано то-то,—и знатно подлежатъ они смертной казни.» Татищевъ требовалъ отъ кол-

легіи иностранныхъ дѣлъ указу о томъ. Коллегія отреклась, объявивъ спрашивавшему, что это дѣло внутреннее, не ея вѣдомства; и велѣла обратиться въ сенатъ. Вслѣдъ за тѣмъ явился въ Астрахань французъ Галиберъ, проѣхавшій изъ Индіи черезъ Персію и сбиравшійся пробраться въ Европу черезъ Россію: прежде чѣмъ дать ему паспортъ для проѣзда въ Петербургъ, надо было справиться у нашихъ агентовъ въ Персіи, не былъ-ли онъ въ лагерѣ у шаха и въ замыслахъ противу Россіи не подозрителенъ-ли. Потомъ нашелся одинъ добрый человѣкъ между поселившимися навсегда въ Россіи индѣйцами, сообщилъ Татищеву въ разговорахъ: «шахъ-де въ Индіи не малую себѣ пользу чрезъ шпіоновъ получилъ; а болѣе въ тѣ шпіоны употреблялъ ихъ индѣйскихъ монаховъ или пустынниковъ для того, что имъ люди вездѣ болѣе вѣрятъ, ихъ не задерживаютъ, и о всемъ съ ними нескрытно говорятъ, а простой народъ ихъ и слушаетъ; а сюда-де такихъ индѣйскихъ и персидскихъ пустынниковъ для милостыни пріѣзжаетъ не мало, и весьма отъ нихъ опасно, чтобъ какихъ плутней не произошло.» Надо было снестись о томъ съ коллегіей и потомъ пригласить пришельцевъ оставить Астрахань. — Возвратились изъ Петербурга слоновщики-индѣйцы, водившіе туда шахова слона въ даръ императрицѣ; главный изъ нихъ дима съ женою цыганской природы, и сынъ ихъ изъявили желаніе остаться въ Россіи и креститься, но съ условіемъ, чтобъ его сдѣлали главнымъ звѣровщикомъ въ Петербургѣ: надо было осторожно развѣдать, съ чего онъ то замыслилъ, самъ собою, или съ чьего подговору, и нѣтъ-ли какихъ писемъ съ нимъ и обо всемъ снестись съ коллегіею. Далѣе пришлось хлопотать по давнему дѣлу армянина, Иліаса Мувешлаха, а по прозвищу Эхъябска, сильно изобиженнаго въ царствованіе Екатерины I русскими министрами. Онъ ока-

залъ разныя услуги Петру во время персидскаго похода, а прежде того выручилъ отъ казвинскаго владѣльца задержаннаго имъ русскаго секретаря оріентальной экспедиціи Флоріо Беневени, посланнаго Петромъ въ Бухару; вывезъ изъ Персіи 14 русскихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ знатнаго московскаго жителя Алексѣя Волкова; но потомъ въ чемъ-то былъ заподозрѣнъ и задержанъ въ Астрахани. Не смотря на просьбы, поданныя Екатеринѣ I, не смотря на обнадеживанія генерала Левашева, его посадили въ касимовскую тюрьму, въ какую воры и разбойники заключены бываютъ, потомъ перевели въ московскую, оттуда въ петербургскую, при чемъ на первомъ же станѣ отобралъ у него Курбатовъ всѣ французскія, армянскія и персидскія письма. Послѣ его допрашивали въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Гаврило Головкинъ, Петръ Толстой, Василій Степановъ, баронъ Остерманъ; просился онъ у нихъ во Францію, но ему объявили, что не пустятъ; и только послѣ долгихъ мытарствъ могъ онъ выѣхать въ Польшу, нагъ и бѣденъ. Всѣхъ горестныхъ приключеній съ нимъ въ Россіи не могъ бы онъ ни словесно выявить, ни перомъ описать: «еще отраву, писалъ онъ, дать мнѣ не убоялись, желая тѣмъ жизнь мою пресѣчь. Или у васъ за великій грѣхъ не почитается, и предъ всѣмъ свѣтомъ незазрительно быть является, за добро зло дѣлать? Развѣ вашему государству слава и честь чрезъ такое поведеніе бываетъ? Мнѣ ничего теперь не надо; прошу только всѣ тѣже взятыя мои письма, не удерживая изъ нихъ ни лоскутка, мнѣ возвратить: они надобны для моихъ торговыхъ счетовъ.» Татищевъ переслалъ въ Петербургъ челобитную обиженнаго армянина, напоминавшую собою похожденія автора Lettres Moscovites; но получилъ-ли челобитчикъ просимое, неизвѣстно. Жили у Татищева и три политическихъ персоны: бывшій персид-

скій посолъ Измаилъ-Бекъ, выѣхавшій въ Россію еще въ 1723 году, посолъ хивинскаго хана, убитаго потомъ Надиромъ, и извѣстный персіянинъ (какъ выражаются о немъ всѣ акты) Гуссейнъ-ханъ. Первые двое содержались въ Астрахани и жили довольно свободно. Сынъ Измаилъ-Бека учился даже русскимъ обычаямъ, европейскимъ поступкамъ и военному дѣйству. Отецъ безпрестанно хлопоталъ у Татищева, какъ у своего пріятеля и единственнаго брата, о будущности своего Фетъ-Али-Бека. Татищевъ сдѣлалъ все, что могъ: опредѣлилъ его солдатомъ въ гарнизонный полкъ, а чрезъ семь дней произвелъ въ капралы, потомъ въ унтеръ-офицеры, и хотя имѣлъ право вести до поручика, но спросилъ указа о томъ. Указъ пришелъ, и новопроизведеннаго поручика отдали въ гарнизонную школу учиться письму и ариѳметикѣ. Хивинскій посолъ недолго разсуждалъ, получилъ отъ Татищева надѣлъ пахатной и сѣнокосной земли, женился, обзавелся домомъ и пустился торговать въ астраханскомъ посадѣ. Гораздо хуже была доля извѣстнаго персіянина Гуссейнъ-хана. Это былъ самозванецъ во имя одного изъ предшественниковъ Надира. За то его и держали не въ Астрахани, а въ Петровскомъ городкѣ; за нимъ смотрѣлъ астраханскаго гарнизона капитанъ Дмитрій Сабанинъ, и велъ повседневныя записки случающемуся и высылалъ ихъ Татищеву, который составлялъ для коллегіи иностранныхъ дѣлъ извлеченія изъ нихъ. Содержаніе этихъ записокъ однообразно и печально. Интереснаго въ нихъ только и есть, что извѣстный персіянинъ находится въ великомъ оскудѣніи въ деньгахъ, которыя были, и тѣ всѣ издержаны; ничего у себя не имѣетъ, и платьемъ верхнимъ и исподнимъ, и обувью, какъ онъ, такъ и свита его, обносились, и ходятъ почти наги и босы. Извѣстный персіянинъ просится изъ Петровска, ничего-де нельзя здѣсь достать, и такая

жизнь ему не за обычай. Извѣстный персіянинъ не разъ просилъ, чтобъ отправили въ Москву находящагося при немъ грузинца Мартироса; и не смотря на запрещеніе капитана, тотъ уѣхалъ тайно; вызвались его везти пахатные города Петровска солдаты, за что и взяты подъ караулъ въ воеводскую канцелярію ихъ жены. Добился-ли чего въ Москвѣ посланецъ извѣстнаго персіянина, осталось неизвѣстно [131]).

1744 годъ былъ самый хлопотный для Татищева. Никогда еще не скоплялось въ губернской канцеляріи разомъ столько дѣлъ, какъ въ этомъ году: большая часть изъ нихъ была вызвана политическими событіями востока и перемѣною людей, окружавшихъ Татищева.

Прежде всего били челомъ персидскіе, индійскіе, армянскіе и бухарскіе купцы о позволеніи вступать имъ въ русское подданство, для лучшаго размноженія торга и фабрикъ персидскихъ подданныхъ, временно, а не вѣчно; жениться, покупать земли, строить дворы, торговать и фабрики заводить, въ Астрахани и Кизлярѣ, наравнѣ съ русскими; просили также опредѣлить сборы съ нихъ и ихъ привиллегіи; обѣщались выѣхать изъ Персіи въ Россію во множествѣ съ великимъ имѣніемъ. Кромѣ того у столь разныхъ народовъ, какіе живали въ Астрахани, были свои, очень разнообразныя понятія о торговлѣ, процентахъ и заемныхъ письмахъ: надо было установить общія правила для всего этого. Татищевъ представилъ объ этомъ въ коллегію. Оттуда отвѣчали: переселеніе въ Россію изъ Персіи многихъ купцовъ не будетъ ли противно трактату 1735 года? Былъ случай, что у генерала Левашева шахъ требовалъ выдачи прежнихъ персидскихъ подданныхъ. Если ужь дозволять селиться, такъ только въ Астрахани, а не въ Кизлярѣ, гдѣ, по близости персидской границы, персіяне могутъ скоро увѣдать о томъ и объявить шаху, который, по взмѣрчивому своему

праву, не оставитъ сильныя требованія объ отдачѣ ихъ учинить. Что же касается процентовъ и заемныхъ писемъ, то Петербургъ, не зная народныхъ и мѣстныхъ обычаевъ астраханскихъ купцовъ, отказывался выдать для того общее постановленіе, и предлагалъ Татищеву самому попытаться составить отдѣльное вексельное право для Астрахани. Едва ли Татищевъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать для этой цѣли. Онъ рѣшилъ только одинъ случай. Въ пересылкѣ русскихъ денегъ изъ Астрахани къ резиденту и консулу въ Персію, на жалованье и расходы, и при обмѣнѣ ихъ на персидскія деньги, ежегодно происходилъ убытокъ казнѣ. Татищевъ, съ дозволенія коллегіи, рѣшился отпускать въ Персію грузы товаровъ и, продавая ихъ на добрыя ходячія персидскія деньги, выручку отсылать къ обоимъ агентамъ Россіи, непереставая исподволь вымѣнивать русскія деньги на персидскія и въ Астрахани. Не менѣе былъ важенъ вопросъ о взаимныхъ между Персіей и Россіей торговыхъ пошлинахъ. Поводомъ къ этому вопросу было открытіе, что армяне и индійцы иногда возили товары изъ Гиляни въ Астрахань съ подложными письмами отъ шаха, чтобъ не платить пошлинъ. Братищевъ не разъ представлялъ о томъ шаху. Надиръ сперва было и согласился, чтобъ брать съ нихъ пошлины, а съ русскихъ по прежнему не брать, но, по превратному своему нраву, скоро возвратился къ противной оному резолюціи: надо было или брать пошлины съ персидскихъ купцовъ и давать съ своихъ, или дозволить торговлю безпошлинную съ обѣихъ сторонъ. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, положили узнать: съ которой стороны болѣе товаровъ въ привозѣ бываетъ, изъ Астрахани въ Персію или изъ Персіи въ Астрахань? и почему прежде съ русскихъ купцовъ брали пошлину? и равномѣрно ли съ обѣихъ сторонъ взятье пошлинъ производится? или съ которой стороны въ чемъ

превосходство? По собраніи всѣхъ этихъ свѣдѣній хотѣли приступить къ рѣшенію вопроса: продолжать ли собирать пошлины или ввести безпошлинную торговлю? Татищевъ уже не успѣлъ собрать требованныхъ данныхъ.

Торговля страдала не отъ одного только неуравненія пошлинъ, не отъ взмѣрчиваго только права персидскаго шаха, не отъ заносчивыхъ плановъ Эльтона, но и отъ взаимной вражды и грубости съ купцами русскихъ консуловъ и резидента. Не успѣлъ Бакунинъ пріѣхать на мѣсто своего назначенія, какъ уже поссорился съ Братищевымъ. Еще на дорогѣ случилось съ нимъ несчастіе. Вслѣдствіе непослушанія, пьянства и дурной команды на казенномъ суднѣ, на которомъ ѣхалъ Бакунинъ, судно сѣло на мель. Бакунинъ жаловался Татищеву на штурмана и подштурмана. Татищевъ просилъ коллегію приказать, чтобъ всѣ морскіе служители на казенныхъ судахъ, во время ихъ нахожденія въ персидскихъ портахъ, были послушны русскимъ агентамъ и консуламъ: «какъ и вездѣ такіе служители національнымъ консуламъ послушны бываютъ». Но несчастіе съ Бакунинымъ случилось въ открытомъ морѣ, а не въ портѣ; тамъ настоящими распорядителями должны были быть штурманъ и подштурманъ, а не чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. По пріѣздѣ своемъ на мѣсто Бакунинъ познакомился съ персидскими властями. Въ Гиляни былъ уже новый судовой командиръ, родомъ трухменецъ, по имени Магометъ. Прежній былъ смѣненъ по просьбѣ Эльтона, что все въ покояхъ сидитъ и судоваго дѣла не смотритъ. Шахъ однакожъ ничего не сдѣлалъ смѣненному, потому что очень любилъ его. Новоприбывшій начальникъ принялъ Бакунина очень пріятно. Слышно, что онъ распрашивалъ персіянъ рабочихъ: много-ль сдѣлалъ Ельтонъ судовъ чрез столь долгое время?—Не точію сдѣлали, и не зачинали, отвѣчали ему персіяне:

воли англичанинъ не даетъ; мы заложили было два судна, онъ пріѣхалъ и разломалъ.—Тогда, избранивъ Эльтона, судовой командиръ, сказалъ: «онъ все васъ проводитъ и шаху невѣрно служитъ, судна ни одного не сдѣлалъ; а меня не обманетъ». — «Слышно, доложилъ Бакунинъ Татищеву, что Магометъ весьма нравной и запальчивый человѣкъ; а Эльтонъ гордости своей не оставитъ». Но это было не совсѣмъ справедливо. Скоро Бакунинъ узналъ, что Ельтонъ заложилъ въ Лангерутѣ большой корабль и поладилъ съ Магометомъ. За то самъ Бакунинъ поссорился съ Братищевымъ. Бакунинъ доложилъ, что Братищевъ получаетъ отъ шаха различные подарки, даетъ ему русскія суда для перевоза провіанта, заступается за персидскихъ купцовъ изъ взятокъ, показываетъ ненависть и недоброхотство къ нему, русскому консулу въ Гиляни, и всѣ его дѣла въ уничтоженіе приводить старается. Братищевъ жаловался, что Бакунинъ позволяетъ себѣ разные непорядочные поступки съ купцами всѣхъ націй; однимъ только армянамъ, которые хитрѣе всѣхъ, является потаковникомъ, за ихъ великіе подарки. Дѣйствительно однажды Бакунинъ донесъ, что въ Астрахани портовой офицеръ, на внутренней гавани при отпускѣ армянскихъ купцовъ, снимаетъ съ ихъ рукъ перстни съ великимъ озлобленіемъ, а съ бешметей срѣзываетъ серебряныя пуговицы. При розыскѣ купцы показали противное и подписались въ томъ по-армянски 31 человѣкъ. Потомъ Братищевъ жаловался на Бакунина въ недоброжелательствѣ и злобѣ къ нему, выражавшихся въ томъ, что Бакунинъ пересылалъ къ нему казенныя деньги и жалованье не во время и съ крайнимъ небреженіемъ. Татищевъ сбирался изслѣдовать ихъ споры; просилъ у коллегіи дозволенія послать для разбора дворянина Черкесова, знавшаго персидскій языкъ. Какъ вдругъ неожиданное происшествіе сильно возстановило про-

тивъ Бакунина англійскихъ купцовъ другой, не эльтоновской факторіи, поведеніемъ которой русское правительство не имѣло причины быть недовольнымъ. Весной 1744 года страшная буря свирѣпствовала въ юго-западной сторонѣ Каспійскаго моря; въ зинзилинскомъ портѣ поломало нѣсколько судовъ англійскихъ, русскихъ и персидскихъ; между прочимъ потонулъ одинъ русскій гекботъ, а англійскій корабль выкинутъ былъ на берегъ. Буря морская разразилась береговою. Ее поднялъ Бакунинъ: онъ отнялъ у того корабля русскихъ мазуровъ, работавшихъ надъ его разгрузкою и починкою. Блеэръ и Броунъ, командиры судна, жаловались своимъ компанейщикамъ. Ихъ жалобы повторены были: въ Астрахани—Татищеву купцомъ Томсономъ, въ Петербургѣ—коллегіи иностранныхъ дѣлъ англійскимъ консуломъ Вульфомъ. На ихъ жалобы русское правительство отвѣчало своими: оно требовало въ Лондонѣ вызова Блеэра, Броуна и Эльтона вмѣстѣ. А Татищеву писали, чтобъ онъ подговаривалъ лоцмановъ англійскихъ кораблей секретно приводить ихъ суда въ Астрахань, гдѣ можно было ихъ задержать, продать русскимъ купцамъ повольной цѣною, наконецъ просто тайкомъ сжечь. Татищевъ отвѣчалъ на это, что отъ такихъ крутыхъ мѣръ съ англійскими купцами можетъ произойти безславіе Россіи и поводъ къ справедливымъ жалобамъ съ ихъ стороны на русское правительство, — и рѣшился развѣдать все случившееся подробно. За подробностями дѣло не стало. Оказалось, что ссора началась такъ. Когда англійскій корабль былъ разбитъ, Блеэръ пришелъ къ Бакунину и просилъ, чтобъ дали ему въ помощь съ русскаго потонувшаго судна, которое спасти не было никакой возможности, четырехъ рабочихъ: «своихъ рукъ не хватало, къ тому же нѣкоторые матросы Блеэра разбѣжались, а безъ людей на кораблѣ быть не можно». Бакунинъ отвѣчалъ: «вы пораспу-

скали всѣхъ, а нынѣ отъ меня требуете». Блеэръ замѣтилъ: «мнѣ что съ ними дѣлать. Ковать не смѣю; а они своевольно ушли, льстясь на деньги; а ежели не дадите русскихъ людей четырехъ человѣкъ, то мнѣ на кораблѣ не можно въ Астрахань итти». Бакунинъ не далъ. Такъ говорили англичане. Бакунинъ доносилъ свое. При зинзилинской балкѣ погибъ гекботъ русскій, «съ него сняты были 15 мазуровъ и одинъ лоцманъ; за потопленіемъ и морскимъ волненіемъ могли достать только одинъ малый якорь, да маленькую пушку, три паруса, рупоръ мѣдный и лотъ оловянный; а судно, лежащее на боку, сколько видно было изъ воды, сожжено и, что можно было, изрублено. Персидской помощи и силы не употребляли, чтобъ не подать поводу персіянамъ, какъ навязчивому народу, объявить свое право на то судно. Но Блеэръ и Броунъ и другіе злодѣйствующіе англичане объявили, что, якобы во всемъ свѣтѣ, есть такое генеральное право, странное и неслыханное, по которому каждое погибшее и разбитое судно, во всякомъ владѣніи берется и съ такелажемъ на казенное владѣющихъ употребленіе; почему персидскій судовой командиръ поѣхалъ съ людьми на мѣсто крушенія, гдѣ и собирали остатки судна». «И по такимъ ихъ дѣламъ, сказано въ донесеніи, пришло намъ жить трудно, ибо они то въ персидскія головы вперяютъ, чего въ нихъ никогда не бывало; имъ же много способствуютъ обращающіеся здѣсь іезуиты, которые совокупно всякія персіянамъ пограничныя и разныя вѣдомости сообщаютъ и въ безстрашіи быть помогаютъ, имѣя непрестанную переписку съ астраханскими корреспондентами своими, въ томъ числѣ съ капуциномъ Іоаннесомъ Баптистомъ и прочими римскаго беззаконія людьми: и такую безпутную и предосудительную ихъ корреспонденцію надо пресѣчь; понеже іезуиты натурально никакого доброхотства къ всеросійской имперіи имѣть

не могутъ. Сами они iезуиты мнѣ проговаривались, разсказывая съ подробностiю о бывающихъ въ Астрахани такихъ дѣлахъ, о каковыхъ по истинѣ прежде ихъ я не вѣдалъ. А что они въ прислугу все то здѣсь сообщаютъ, и такъ яко англичане о всемъ съ презрѣнiемъ о россiйской сторонѣ толкуютъ и внушаютъ, заподлинно уже вѣдомо; прежде сего они надежнѣе такую переписку чрезъ англiйскiя суда продолжали, а сухимъ путемъ изрѣдка письма чрезъ Дербентъ получали». Татищевъ, по полученiи донесенiя, распорядился, чтобъ переписка персидскихъ iезуитовъ съ Iоаннесомъ и армянами, сообщающими о русскихъ дѣлахъ въ Персiю была перехватываема. Но дѣло тѣмъ не кончилось. Англичане не хотѣли оставить его безъ объясненiя. Томсонъ передалъ Татищеву письмо отъ Броуна. Изъ письма было видно что пять дней спустя послѣ кораблекрушенiя, былъ у нихъ отъ консула Бакунина студентъ, призвалъ къ себѣ матросовъ, сына капитана Блеэра зашибъ, билъ немилосердно персидскихъ подданныхъ, помогавшихъ при спасенiи англiйскаго корабля. Блеэръ и Вальтеръ отправили переговорить съ консуломъ своихъ людей; но тотъ ихъ не слушалъ, велѣлъ всѣмъ русскимъ служителямъ оставить ихъ корабль. Англичане подавали ему прошенiя на персидскомъ языкѣ; дѣйствовали чрезъ персидскихъ властей. Изъ перевода этихъ челобитныхъ, сдѣланнаго въ Астрахани, Татищевъ, увидалъ что они написаны были въ очень почтительныхъ выраженiяхъ. Несмотря на то, Бакунинъ не отдавалъ людей, говорилъ, что погибшiй корабль не собственность Блеэрова. Между тѣмъ студентъ сжегъ русское судно, потонувшее съ сорочинскимъ пшеномъ, отчего произошло замѣшательство между русскими и персидскими властями. Броунъ умалчивалъ о постановленiи изъ морскаго права, которое они сообщили персiянамъ, а только говорилъ: «и поступилъ такимъ

образомъ консулъ не по человѣчеству, и я ваше превосходительство никакими рефлексіями трудить не могу, ибо дѣло само собою явственно». Скоро пріѣхалъ въ Астрахань и самъ Блеэръ. Въ Персіи было моровое повѣтріе и Блеэра задержали въ карантинѣ, откуда онъ писалъ Татищеву жалобу на господина консула въ囚Рештѣ: «я его господиномъ называю по причинѣ порученной ему ея императорскимъ величествомъ коммиссіи; а ежелибъ оная отъ него взята была, то я могъ бы по справедливости его иначе назвать. Ничто мнѣ бóльшаго удовольствія не подаетъ, какъ то, что я во первыхъ отвѣчать буду передъ вашимъ превосходительствомъ; а какъ вы совершенно знаніе о дѣлѣ имѣете, то скоро усмотрите малополезные виды такихъ появившихся политиковъ, которые, когда свои предѣлы преступятъ; то изъ ума выходятъ и забываютъ себя самихъ и того, кто ихъ создалъ». За тѣмъ слѣдуетъ комическое описаніе разговора, который имѣлъ Блеэръ съ Бакунинымъ предъ своимъ отъѣздомъ въ Астрахань: «началъ онъ со мной долгой и выученный разговоръ, спрашивая, кто мои хозяева въ Санкт-Петербургѣ; я отвѣчалъ, что господа Вульфъ, Непиръ и Газенфелло. А спросилъ онъ меня: кто тебѣ далъ указъ строить корабль? я отвѣчалъ, что ея императорское величество. Онъ сказалъ: тому статься невозможно, понеже онъ еще до ея императорскаго величества времени построенъ. Я говорилъ, что я чужестранный человѣкъ въ государствѣ, а не хронологистъ коронованныхъ главъ; но ежели онъ изволитъ, то я ему покажу отъ сената россійскаго пашпортъ, по которому ходъ по Каспійскому морю свободенъ, на что онъ ничего не отвѣчалъ. Объ указѣ на постройку корабля я сказалъ, что можетъ найти его въ казанской адмиралтейской конторѣ, на что онъ, по министерски подумавъ, сказалъ, что ему надо его имѣть». Далѣе въ письмѣ говорилось

о длинной конференціи, которую далъ Бакунинъ Блеэру вмѣстѣ съ Броуномъ, гдѣ много разговору напраснаго происходило. Консулъ угрожалъ потомъ армянскимъ, персидскимъ и индѣйскимъ купцамъ, если они будутъ грузить свои товары на англійскихъ судахъ. «То, что я сказалъ о консульскомъ поступкѣ, есть только комедія, заключаетъ Блеэръ; а что теперь говорить имѣю—печальная трагедія». Эта трагедія была описаніе крушенія англійскаго корабля, который однакожь потомъ выведенъ былъ въ море. Татищеву, какъ и купцамъ, не совсѣмъ нравились дѣйствія Бакунина, который велъ себя, какъ важный человѣкъ, пріѣхавшій изъ столичной коллегіи на видный постъ маленькаго провинціальнаго деспота. Скоро отовсюду на него посыпались жалобы. Сперва подали на него челобитную 38 армянскихъ и 18 индійскихъ купцовъ въ томъ, что онъ удерживаетъ ихъ корреспонденцію и товары. Бакунинъ въ отвѣтъ на запросъ Татищева, предлагалъ, чтобъ переписка армянскихъ и персидскихъ купцовъ доставлялась русскимъ агентамъ незапечатанною, подъ растворчатыми печатьми, по ихъ извыклости природной къ плутовству. Татищевъ написалъ резолюцію: «сіе онъ, господинъ консулъ, требуетъ весьма неприличнаго дѣла; ибо купцы пишутъ къ своимъ корреспондентамъ о такихъ секретныхъ подробностяхъ, что ежели о томъ другой увѣдаетъ, то можетъ имъ въ капиталѣ ихъ причиниться весьма немалая трата или и купечеству ихъ поврежденіе; и если ихъ къ тому принуждать, то конечно торгъ можетъ не только не размножиться, но и пресѣчься; опасаться же шпіонства ихъ никакой важной причины мы не имѣемъ; а къ нему консулу писать, чтобъ онъ отъ распечатыванія ихъ писемъ удержался». Несмотря на такое рѣзкое замѣчаніе, Бакунинъ донесъ, что у армянъ и грузинцевъ отобралъ предосудительныя книги и посылаетъ въ

коллегію: 1) новѣйшее основаніе практики артиллеріи Ернеста Броуна, капитана артиллеріи въ Гданскѣ 1682 года, напечатана въ Москвѣ 1709 г. въ сентябрѣ; 2) Новое крѣпостное строеніе на мокромъ или низкомъ горизонтѣ и проч., господина барона фонъ-Кугорна, генерала артиллеріи 1702 года, въ Леварденѣ, напечатана въ Москвѣ 1709 г. въ ноябрѣ. Бакунинъ, безъ сомнѣнія, боялся, чтобъ армяне или персіяне, руководствуясь этими книгами, не настроили крѣпостей и береговыхъ батарей по всему Кавказу. Татищевъ опять далъ резолюцію, противоположную мнѣнію Бакунина: «писать къ господину консулу, что таковыя книги никакого подозрительства и вреда нанести не могутъ; понеже оныя печатанныя публично и никому имѣть для себя не запрещено; что же онъ консулъ сомнѣвается, что'ъ по онымъ персіяне не могли научиться, то тому не слѣдуетъ: ибо если имъ потребны будутъ такія и подобныя другія книги, и лучше ихъ могутъ чрезъ англичанъ и голландцевъ достать; да и по указамъ воспрещенія о семъ нѣтъ». Потомъ Бакунинъ жаловался на русскихъ моряковъ, что не исполняютъ его указовъ. Татищевъ велѣлъ отвѣчать: «на прикащиковъ и морскихъ служителей отъ прежняго консула жалобъ не бывало, и все по ордерамъ его надлежащее исполняли; теперь же взять съ нихъ обязательство въ повиновеніи консулу». Татищевъ, видимо, рѣшился дать урокъ своему старому знакомому. Когда тотъ въ своихъ донесеніяхъ пугалъ вооруженіями шаха, и строеніемъ судовъ Эльтономъ; совѣтовалъ двинуть къ границамъ русскія войска; сообщалъ неслыханныя подробности о моровомъ повѣтріи, между тѣмъ какъ, по донесеніямъ Братищева, смертность просто была слѣдствіемъ голода, дороговизны и недостатка припасовъ;—Татищевъ велѣлъ отвѣчать: «о войскахъ ему, господину консулу, толковать и разсуждать нужды нѣтъ, понеже

все то, по получаемымъ вѣроятнымъ извѣстіямъ, такъ престерегается, что опасности намъ имѣть не должно; о прилипчивости болѣзни ему господину консулу весьма надлежитъ осторожно поступать, чтобъ не на однихъ басняхъ основываться». Наконецъ на Бакунина жаловались пріѣзжіе изъ Астрахани. Коллегія сдѣлала запросъ Татищеву. Татищевъ былъ не прочь сдѣлать замѣчаніе ошибочно поступавшему сослуживцу; но любилъ осторожность въ случаѣ рѣшительномъ и потому отвѣчалъ коллегіи: «жалобъ здѣсь на консула Бакунина весьма въ гордыхъ и неумѣренныхъ поступкахъ отъ купцовъ на словахъ хоть слышу довольно: только можетъ на письмѣ подать никто не согласится». — Тѣмъ и кончилось дѣло о Бакунинѣ [182]).

Оно прервано было внезапно полученными вѣстями, что шахъ разбитъ турецкимъ войскомъ при Арпачаѣ и идетъ снова на Кавказъ; что Крымскій ханъ, вернувшійся изъ Константинополя, сбирается вступить въ кавказскія земли съ немалыми силами и идти противу шаха, что вся страна находится въ волненіи. Подобное извѣстіе было некстати. Кизлярская крѣпость была вѣтха, вооруженіе Астрахани и ея порта шло медленно, благодаря долгой перепискѣ между губернской канцеляріей, коллегіею иностранныхъ дѣлъ, военною коллегіею и сенатомъ. Ссора съ Эльтономъ, поступки Бакунина, жалобы персидскихъ купцовъ не могли привлечь расположенія шаха къ русскимъ властямъ. А между тѣмъ, во время отсутствія шаха, русскіе успѣли снестись и съ Грузіей, и съ Дагестанцами, завести переписку съ Шамхаломъ и Усмѣемъ: тайная мысль подчинить своему покровительству всѣ эти разрозненныя земли лежала въ основѣ такихъ сношеній. Переписка съ Усмѣемъ началась съ того, что въ его владѣніяхъ были ограблены толмачъ и татаринъ, посланные Братищевымъ въ Кизляръ. На тре-

бованіе выдачи грабителей, Усмѣй оправдывался приключившимися у нихъ безпокойствами. Татищевъ велѣлъ пограничнымъ начальствамъ поступать осторожнѣе; а на первый разъ удержать въ русскихъ границахъ подвластныхъ Усмѣю жидовъ. Потомъ велѣно было одному изъ кабардинскихъ князей, подвластныхъ Россіи, писать Усмѣю, приглашая его въ подданство Россіи. Усмѣй, отбившійся отъ шаха, и разсчитывавшій на помощь отъ турокъ, отвѣчалъ давнему подданному Россіи, князю Эль-мурзѣ Бековичу Черкасскому, чрезъ его посланца, со всею наивностію восточнаго человѣка, на призывъ послѣдовать его примѣру: «мы съ тобою назвались, я тебѣ вмѣсто отца, ты мнѣ вмѣсто сына, и я россійскому государю вѣрю и тебѣ вѣрю во всемъ; только почернѣла стыдомъ моя рожа, и какимъ образомъ я буду генералу писать: взведена на меня напраслина въ грабежѣ толмачей и писемъ и будто тотъ грабежъ учинилъ я, и въ томъ изволь повѣрить, что я не виноватъ, понеже горскіе народы были всякой себѣ воеводою; а отселѣ обязуюсь, ежели на моихъ земляхъ, какая вреда въ проѣздѣ русскимъ людямъ учинится, то я безъ вины виноватъ буду, и отъ того грабежа доколѣ я себѣ оправданіе не принесу и пограбленныхъ не отыщу, до того времени писать въ Россію не буду. Когда же я выгнатъ былъ изъ своего владѣнія и жилъ одною головою во владѣніи аварскомъ, тогда ты ко мнѣ пріѣзжалъ и, объявляя мнѣ, требовалъ у меня письма, чтобъ быть мнѣ въ подданствѣ ея императорскаго величества, и самъ обѣщалъ о благополучіи моемъ быть ходатаемъ. Я говорилъ тогда тебѣ, что письма о томъ дать не могу; могъ бы и письмо дать, только письменно обязаться убоялся потому, ежели бы я назвалъ себя ея императорскаго величества слугою, а услуги бы никакой не оказалъ, то что было бы. Но я тебѣ при томъ объявилъ, и обязывался въ той силѣ:

ежели кто Дербентомъ будетъ владѣть, Россія или Османія, того я и слуга; а если вѣчно отъ сего времени останется Дербентъ въ Персидскихъ рукахъ, то мнѣ и владѣніе мое не нужно, и своей одной головою, гдѣ ни есть до смерти, въ турецкой или въ русской области, дни окончаю. А нынѣ въ извѣстіяхъ я всегда, чтобъ тебѣ въ Россіи было непостыдно, присылать буду подлинныя извѣстія, и ты ко мнѣ людей непрестанно посылай; а я бы тебѣ и на письмѣ обо всемъ написалъ, да вѣрнаго писаря не было. Что же я въ турецкую область писалъ и просилъ защищенія, а повзятьи Дербента буду услугою оказываться къ россійской сторонѣ, въ томъ на меня Османія гнѣва имѣть не будетъ; отъ меня туда о томъ пространно писано». Усмѣй былъ правъ въ своей недовѣрчивости къ русскимъ властямъ: самъ Эль-мурза Черкасскій, житель Кизляра, отдавшійся подъ ихъ покровительство и приглашавшій теперь къ тому же Усмѣя, не могъ похвалиться пріятностью своего положенія. Доказательствомъ тому могла служить челобитная, которую онъ незадолго предъ тѣмъ подалъ Татищеву. Въ ней онъ говорилъ, что предки его поддались Россіи при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и «несли съ тѣхъ поръ военныя службы со всякимъ усердіемъ, нещадя живота своего; что обидъ не было долгое время, а потому пограничные жители охотно переселялись въ Кизляръ; но теперь запретили имъ рубить лѣсъ, между тѣмъ какъ казаки, солдаты и другіе обыватели рубятъ его и продаютъ повольно; запретили ловить рыбу безъ билета, а въ дачѣ билетовъ чинятъ не малыя препятствія; берутъ двойныя пошлины при вымѣнѣ холста и бязей на хлѣбъ; сборъ за перевозъ черезъ рѣку сталъ безпорядоченъ; берутъ пошлину и съ того съѣстнаго, что привозятъ для себя изъ горъ отъ родственниковъ своихъ; судъ и расправа между его подданными принадле-

жали прежде старшинамъ и духовнымъ, а теперь вмѣшиваются въ нихъ комендантъ и прочіе управители и мучатъ людей не по дѣлу; посылаютъ ихъ въ Персію и на Кубань помимо Эль-мурзы, и при томъ безъ всякаго вознагражденія; за подводы или совсѣмъ не платятъ, или не доплачиваютъ; и ото всѣхъ этихъ несносныхъ тягостей, обидъ и притѣсненій многіе люди, нестерпя ихъ и оставя жилища свои, и съ дѣтьми бѣжали и бѣгутъ въ разныя мѣста безвѣстно; почему нынѣ въ Кизлярѣ отъ такихъ утѣсненій и налоговъ становится жителей весьма мало». А Шамхалъ Тарковскій и другіе кумыцкіе владѣльцы жаловались Татищеву на то, что въ русскихъ городахъ принимаютъ бѣжавшихъ отъ нихъ невольниковъ, калмыцкой, грузинской и прочихъ азіатскихъ націй; что подвластныхъ имъ людей не пропускаютъ въ Кизляръ, не продаютъ имъ скота и съѣстныхъ припасовъ. Кабардинскіе князья жестоко перессорились между собою и забросали жалобами другъ на друга мѣстныхъ начальниковъ, Татищева и коллегію иностранныхъ дѣлъ. Одни изъ нихъ искали помощи и покровительства въ Крыму, другіе въ Россіи. Послѣдніе просили у Татищева русскихъ войскъ, чтобы побить первыхъ; били челомъ о перемѣнѣ ихъ аманатовъ, о разобраніи ихъ ссоръ за баранту; о покражѣ лошадей у нихъ и тому подобныхъ мелочахъ: «и нынѣ ваше превосходительство покорно просимъ наши ссоры развести и прекратить, и въ томъ свое стараніе приложить». Уздени каждаго изъ владѣльцевъ по нѣскольку разъ обѣдывали у Татищева. Въ письмахъ къ царевичу Бакару, князю Долгорукову, дворянамъ Черкесову и Хризоскулѣву, къ Эль-мурзѣ Бековичу Черкасскому, повторялись тѣ же просьбы. Переписка была частая, перемѣнчивая, иногда лживая и бранная, иногда покорная и льстивая. Копіи со всѣхъ писемъ сходились въ губернской канцеляріи. Тати-

щевъ, разобравъ эти матеріалы, составилъ обширное мнѣніе о кабардинскихъ князьяхъ и послалъ его въ коллегію. Изложивъ исторію кабардинскихъ отношеній и ссоръ между ними, Татищевъ предлагалъ: употребить военное вмѣшательство въ кабардинскія дѣла, прислать для того генерала съ полкомъ драгунъ и тысячью казаковъ терскихъ и донскихъ; склониться при этомъ преимущественно въ пользу партіи, которая держится Россіи; всѣхъ аманатовъ ихъ освободить, а брать только у тѣхъ владѣльцевъ, въ которыхъ сила есть, и то съ перемѣною трехъ лѣтъ; вызвать ко двору человѣкъ 15 старшинъ и дать имъ на проѣздъ жалованье. Вся связь кабардинскихъ владѣльцевъ съ Россіею ограничивалась ихъ служебными отношеніями во время крымскихъ походовъ, войнъ съ Персіею, смутъ въ Грузіи, Кахетіи и Мингреліи: «О службахъ ихъ во времена военныя, говоритъ онъ, хотя близь двухъ сотъ лѣтъ Россія знатныя пользы чрезъ нихъ себѣ видѣла; награжденіе же сначала было весьма малое и суще по нѣскольку кафтановъ только давано, но какъ стали деньгами давать, то они отъ времени до времени стали нынѣ болѣе требовать, различая въ какомъ когда людствѣ, и какъ долго во услугѣ были, а иногда и напередъ требовали. И для того невозможно-ль имъ то жалованье за военные походы учинить порядочнымъ, по числу людей и времени; напримѣръ, князей раздѣлить на трое: старшій въ походѣ одинъ на мѣсяцъ 40 рублей; среднихъ или товарищей двумъ или тремъ по 20 руб., молодшихъ пяти или шести по 10; потомъ узденямъ, сколько будетъ, на мѣсяцъ по три рубля; подлымъ по 1 р. 50 коп.; и оное давать имъ отъ того числа, какъ комиссаръ ихъ въ Кабардѣ въ готовности къ походу пересмотритъ, и по числу отпуску, или какъ договоръ положить возможно; а князья сами своимъ людямъ дѣлить должны, кому какъ разсудятъ.

Но все это, для избѣжанія отъ турокъ, надобно такъ секретно сдѣлать, чтобъ одинъ только, а не болѣе двухъ, о томъ знали, и то не на письмѣ, но словесно утвердить; а когда съ турками придетъ до разрыва, тогда можно порядочною дипломою, а отъ нихъ присягою оное утвердить, которое мню, что ихъ паче многихъ удержитъ или они отъ многаго числа ихъ войска отрицаться не будутъ». Мелкіе владѣльцы, кумыцкіе и чеченскіе, также ѣздили въ Астрахань, выпрашивали себѣ чрезъ Татищева хлѣбное и денежное жалованье; одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ костиковскимъ воеводой. Царевичъ Бакаръ, надѣясь отстоять Грузію отъ шаха, вздумалъ возмутить племянника Надирова, Али-Кули-хана, за котораго насильно была взята дочь кахетинскаго владѣтеля Теймураза Николаева, роднаго зятя Бакара. Татищевъ совѣтовалъ ему быть осторожнымъ, чтобъ не озлобить шаха противъ Россіи. Наконецъ около того же времени поднялись ближніе туркмены, или, какъ называли ихъ въ Россіи, трухменцы, жившіе на полуостровѣ Мангишлакѣ. Еще въ 1741 году, во время раззоренія Хивы и Бухары шахомъ, весь трухменскій народъ въ 300,000 кибиткахъ переселился къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря. Тогда же они прислали, чрезъ калмыцкаго хана Дондукъ-Омбо, просьбу о привозѣ къ Мангишлаку хлѣба на 500 судахъ: «мы люди не кочевные, говорили они, и пріобыкли къ хлѣбу; а гдѣ хлѣбныхъ мѣстъ нѣтъ, тамъ жительствовать не можемъ»; изъявляли даже готовность быть въ русскомъ подданствѣ за одно съ калмыками. Посланъ былъ къ нимъ капитанъ Гаврило Тебелевъ съ небольшимъ запасомъ муки и другаго хлѣба. Ему велѣно было развѣдать искусными образомъ: «о множествѣ того народа и военной ли оной, и какое оружіе имѣетъ, а особенно въ какомъ состояніи и намѣреніи находится, и гдѣ пребываніе желаетъ имѣть».

Тебелевъ добрался до нихъ уже въ 1742 году; нашелъ при Мангишлакѣ всего 253 кибитки, остальныя ушли обратно въ Хиву и Бухару, по возвращеніи шаха въ Персію; оружіе видѣлъ у нихъ фитильное и сабли; хлѣбъ мѣняли на пушные товары, съ великимъ крикомъ и дракою; вообще туркмены показались Тебелеву народомъ дикимъ и своевольнымъ. Чрезъ два года послѣдовало вторичное бѣгство туркменовъ изъ Хивы и Бухары, вслѣдствіе притѣсненій отъ новыхъ хановъ; бѣжали на этотъ разъ до 10,000 кибитокъ; нѣкоторые, перешли Яикъ и, въ числѣ 101 человѣка, соединились съ улусами Дондукъ-Даши. Въ послѣдній годъ губернаторства Татищева, весной 1745 года мангишлакскіе туркмены опять били челомъ о подданствѣ Россіи. Татищевъ отправилъ къ нимъ капитана Капытовскаго и съ нимъ казенной муки до 200 кулей. Копытовскій нашелъ при Мангишлакѣ шесть родовъ въ 1100 кибиткахъ; старшины желали быть рабами Россіи со всею ихъ землею. Но капитанъ говорилъ о нихъ: «народъ тотъ весьма непостоянный и безстыдный, можетъ въ одномъ часу имѣть нѣсколько разговоровъ, а потомъ тѣ разговоры перемѣнить или вовсе отъ нихъ отрѣчься, что онъ якобы того не говаривалъ, а буде изобличенъ уже будетъ, то и самъ скажетъ, что онъ говорилъ, только уже не хочетъ того слова сдержать, а потомъ не въ долгомъ времени паки на томъ обратится, и болѣе всего они завистливы къ подаркамъ, особливо къ мукѣ для пропитанія своего; потому что весьма оные недостаточны и богатства никакого нѣтъ, кромѣ лошадей и верблюдовъ, а прочаго скота весьма мало и болѣе пропитаніе свое воровствомъ имѣютъ, потому что людъ оружейный; а старшины держатъ при себѣ такихъ людей, которыебъ умѣли лгать и тѣхъ слушаютъ, и по ихъ словамъ все дѣлаютъ, а буде другой придетъ да солжетъ, то и того послушаютъ, ктобъ ни при-

шелъ, да что сказалъ, всему вѣрятъ, и весьма тотъ народъ непостоянный, лживый и льстивый, всякой у нихъ большой по своему своевольствію, и такъ неподобострастный, что сынъ отца не боится, а отецъ сына долженъ бояться; а въ подданство ея императорскаго величества пришли, чтобъ съ голоду не померѣть, и просили построить на Мангишлакѣ городокъ и опредѣлить туда русскаго командира»[183]).

Съ такимъ обширнымъ міромъ народовъ средней и западной Азіи познакомило Татищева званіе астраханскаго губернатора; столько легкомысленныхъ, дикихъ и непокорныхъ племенъ пришлось ему вѣдать, разбирать, судить и управлять въ продолженіе пяти лѣтъ. Надъ всѣмъ этимъ міромъ жизни безразличной, однообразной и не исторической тяготѣла въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія своенравная воля шаха шаховъ Надира. Слава имени новаго Тимура наполняла всѣ страны отъ прибрежьевъ Аму-Дарьи, гдѣ стоитъ теперь Перовскій фортъ, до границъ нынѣшнихъ владѣній Англіи въ Остъ-Индіи, прежнихъ земель великаго могола; отъ Кавказскихъ горъ, гдѣ палъ недавно глава мюридизма, до предѣловъ передней Азіи, гдѣ въ послѣднее время враждовали друзы и марониты. Предъ нестройными толпами его полчищъ полегли въ развалинахъ Хива, Дербентъ, Шемаха, волновалось все Закавказье. Тѣми бѣдными средствами, которыхъ едва удавалось добиться послѣ долгихъ донесеній, представленій и мнѣній, отъ иностранной и военной коллегій, долженъ былъ отстаивать астраханскій губернаторъ русскія владѣнія, не имѣвшія точныхъ границъ съ персидскими. Англичане и армяне господствовали надъ всею каспійскою торговлею; надо было умѣрять ихъ коммерческіе замыслы, отвращать ихъ вмѣшательство въ планы шаха. А между тѣмъ внутри самой губерніи — калмыцкая неурядица, грабежи разбойниковъ, крайняя скудость въ

осѣдломъ, трудолюбивомъ населеніи. Степь преобладала надъ городомъ, кочевье надъ деревней. Города, какъ и въ древней Руси, все еще были огороженными, укрѣпленными мѣстами, гдѣ укрывались мирные жители отъ чуждаго имъ по своимъ занятіямъ кочеваго населенія, а не центрами торговыми и административными. Полувоенное, полудипломатическое управленіе отнимало большую часть времени и заботъ у губернатора; управленіе губернское, городовое, гражданское, не находило себѣ надлежащей почвы. А Татищевъ былъ болѣе внимательный судья и дѣятельный администраторъ, нежели отважный воинъ и ловкій дипломатъ. Чтобы создать среду для занятій, болѣе плодовитыхъ и достойныхъ его ума и свѣдѣній, надо было прежде населить губернскій городъ, колонизировать весь низовый край. О томъ думалъ еще первый губернаторъ Астрахани, Апраксинъ. Татищевъ также понялъ важность этого вопроса и результатомъ его пятилѣтняго знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ астраханской губерніи было нѣсколько проектовъ, касавшихся ея населенія. Намъ извѣстны два изъ нихъ. Одинъ посланъ былъ въ Петербургъ 31 ноября 1743, другой 11 ноября 1745 года.

Еще тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ калмыцкую коммиссію, Татищевъ замѣтилъ несоразмѣрное съ потребностями края устройство волжскихъ казаковъ и тогда же заявилъ о томъ предъ совѣтомъ, составленнымъ изъ начальниковъ военныхъ отрядовъ, расположенныхъ по Волгѣ. Сдѣлавшись губернаторомъ, онъ еще легче могъ вникнуть въ подробности этого вопроса. Оказалось, что волжскіе казаки, несшіе сторожевую и станичную службу по Волгѣ, сдѣлавшуяся очень легкою послѣ проведенія царицынской линіи, послѣ учрежденія форпостовъ и послѣ смѣны бунтовавшихъ въ 1705 году астраханскихъ стрѣльцовъ драгунскимъ пол-

комъ, отбывшіе отъ почтовой и пересыльной гоньбы, послѣ передачи ея астраханскимъ юртовскимъ татарамъ, пользовались такими льготами, какихъ не имѣло городское населеніе губерніи: они не платили кабацкихъ и таможенныхъ пошлинъ, не платили конскаго сбору, свободно пользовались рыбными промыслами; подрывали такимъ образомъ торгъ городскихъ жителей. И несмотря на то, они получали еще хлѣбное и денежное жалованье: всего около 25,000 рублей; между тѣмъ какъ число ихъ, и съ самарскими, относившимися къ казанской губерніи, не превышало 2380 человѣкъ; да и изъ этихъ едва ли десятая часть несла военную службу, немногіе умѣли владѣть ружьемъ и лошадью; большею частію жалованья овладѣвали атаманъ и старшина. Юртовскіе же татары, приписанные къ Астрахани, вскорѣ по завоеваніи ея, и гонявшіе почту и зимой и лѣтомъ между Царицынымъ, Астраханью и Кизляромъ (около 1000 верстъ), которыхъ прежде насчитывалось болѣе 10,000, убавились до 1000, страшно обѣднѣли и задолжали армянамъ, бравшимъ съ нихъ огромные проценты; а для уплаты долговъ стали прибѣгать къ кражѣ калмыцкихъ и татарскихъ ребятишекъ и продавать ихъ на Кубань. Иногда долги татаръ доходили до такой высоты, что имъ оставалось одно средство: самимъ бѣжать на Кубань, распродавъ свои участки, вопреки Уложенію, русскимъ, армянамъ и бухарцамъ. А между тѣмъ, не смотря на такое уменьшеніе юртовскихъ татаръ, число табунныхъ мурзъ и головъ, между которыми они были подѣлены для управленія, не убавилось; и всѣ они получали прежніе оклады жалованья. Главное управленіе ими, какъ и вообще инородцами астраханской губерніи, сосредоточено было въ татарской конторѣ: Татищевъ нашелъ въ ней безпорядки, судьею пьянаго, слабаго, всѣмъ задолжавшаго мурзу. Наконецъ, пользуясь тѣмъ, что сво-

бодной земли въ астраханской губерній было непроходимое пространство, помѣщики симбирскаго и пензенскаго уѣздовъ выселили въ пустоши астраханскаго вѣдомства своихъ крестьянъ, приписавъ ихъ къ тѣмъ уѣздамъ, изъ которыхъ совершилось переселеніе, такъ что Пенза и Симбирскъ отстояли отъ новыхъ выселковъ болѣе, чѣмъ на 500 верстъ. И не смотря на то города и деревни попадались какъ рѣдкіе оазы среди обширной степи. Таково было состояніе осѣдлаго народонаселенія губерніи, подчиненной Татищеву. Разумѣется, онъ не могъ оставить этого безъ вниманія и, въ указанныхъ выше проэктахъ, предложилъ слѣдующія мѣры: для общей колонизаціи края построить нѣсколько городковъ, кромѣ уже начатой имъ же Енотаевской крѣпости; геодезистовъ-инженеровъ, необходимыхъ для строенія задуманныхъ городовъ, выслать изъ Петербурга; населить эти новыя мѣста волжскими казаками, крещеными калмыками и приходящими изъ внутреннихъ губерній жителями; артиллерію для нихъ отпустить съ сибирскихъ заводовъ; земли раздавать по указнымъ дачамъ, чтобъ напрасно захватывать и корыстоваться никто не могъ; пересмотрѣть оклады казацкаго и татарскаго жалованья; увеличить и уравнять почтовые и подводные прогоны; число табунныхъ головъ уменьшить до пяти; распроданныя татарами земли возвратить въ казну и отдавать въ оброкъ, послѣ особеннаго и яснаго сенатскаго указа о томъ; въ татарскую избу опредѣлить двухъ мурзъ и двухъ табунныхъ головъ грамотныхъ; и вообще приступить къ правильной описи и размежеванію земель, угодій и рыбныхъ ловель. Такъ какъ Татищевъ предлагалъ основать нѣсколько новыхъ населенныхъ мѣстъ; то число казаковъ и обязанныхъ службой людей въ одной астраханской губерніи должно было, по его проэкту, вырости до 3000 человѣкъ, почти съ 35,000 рублей годоваго жалованья [134]).

Но благимъ замысламъ Татищева не суждено было сбыться. Для того не доставало ему самыхъ необходимыхъ средствъ. Правительство временъ Елисаветы Петровны не было щедро на деньги, если ихъ требовали на подобные расходы; деньги шли на иные интересы тогдашней политической и придворной жизни. Потомъ крайній недостатокъ въ людяхъ чувствовался вездѣ; въ нихъ нуждалась не одна астраханская губернія, но и всѣ прочія. Самъ же Татищевъ не могъ найти ни рукъ, не матеріальныхъ средствъ, хотя и безпрестанно напоминалъ о крайней скудости въ томъ и другомъ сенату и коллегіи иностранныхъ дѣлъ. — Удивительно-ли, что ему безпрестанно приходилось жаловаться на недостатокъ путныхъ переводчиковъ съ калмыцкаго, персидскаго и татарскаго языковъ, что англійскихъ переводчиковъ вовсе не было, и что письма Эльтона и Ганвея къ Татищеву отсылались въ Петербургъ, гдѣ уже ихъ переводили и потомъ копіи съ перевода сообщали въ Астрахань. Татищевъ безпрестанно долженъ былъ жаловаться на недостатокъ въ чиновникахъ. Такъ вскорѣ по его пріѣздѣ въ Астрахань, велѣно было держать въ секретѣ всѣ, получаемыя изъ-за границы вѣдомости; потомъ велѣно было изъ отдѣльной отъ губернскихъ дѣлъ калмыцкой комиссіи прикомандировать секретаря къ сочиненію калмыцкаго уложенія, а канцеляриста выслать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, всѣ же калмыцкія дѣла вести секретаремъ и подъячимъ губернской канцеляріи, донесенія изъ Персіи не смѣшивать съ другими и, предоставивъ особому чиновнику, немедленно и съ величайшею тайною отсылать въ Петербургъ. Но у Татищева не велика была канцелярія, и онъ отвѣчалъ: «и такъ принужденъ получаемыя изъ за границы и калмыцкія секретныя вѣдомости въ губернской канцеляріи имѣть, но не безъ сумлѣнія нахожусь, что въ губернской канцеляріи

присутствуетъ вице-губернаторъ, прокуроръ, протоколистъ, регистраторъ и при нихъ подъячіе, и по журналамъ оныя вѣдомости видѣть могутъ, чрезъ что опасно, чтобъ высшему секрету принадлежащее прежде времени не открылось». Ежегодно повторялъ Татищевъ просьбы о присылкѣ знающихъ офицеровъ, инженеровъ, геодезистовъ, студентовъ академіи и учениковъ изъ разныхъ школъ: и почти ежегодно просьбы его оставались безуспѣшны. Кромѣ того жалованье низшимъ чиновникамъ было крайне ничтожно, и Татищевъ не разъ напоминалъ о томъ: просилъ объ единовременныхъ наградахъ для геодезистовъ, учениковъ и курьеровъ, просилъ увеличить окладъ секретаря при астраханскомъ соляномъ комиссарствѣ до 400 рублей. Въ іюнѣ 1745 года онъ получилъ замѣчаніе: «Понеже часто и весьма многія нужнѣйшія донесенія изъ Астрахани сюда въ коллегію иностранныхъ дѣлъ присылаются, но для употребляемаго въ оныхъ нехорошаго, связнаго и мелкаго письма весьма немалое затрудненіе ихъ сіятельствамъ, господамъ министрамъ наносятъ; того ради потребно стараніе приложить, чтобъ такія доношенія, сколько возможно, чистымъ письмомъ писаны и къ тому лучшіе писцы употребляемы были». Но въ Астрахани не только не было хорошихъ писцовъ, но и бумаги: Татищевъ не разъ обращался въ коллегію съ просьбой прислать къ нему съ курьеромъ двѣ или три стопы бумаги для рапортовъ, ибо въ Астрахани купить негдѣ.

Таковы были обязанности и заботы астраханскаго губернатора въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны и таковы средства, при помощи которыхъ онъ долженъ былъ исполнять свой долгъ. Не смотря на то, Татищевъ былъ все также, по прежнему, неутомимъ и дѣятеленъ. Извѣстный путешественникъ по России, докторъ Лерхе, служившій

въ русской арміи, не разъ ходившій съ нею на Кавказъ, въ Крымъ, въ Финляндію, хорошо знакомый съ низовымъ краемъ, отправился въ 1745 году въ Персію, при русскомъ посольствѣ къ шаху Надиру. Онъ видѣлъ Татищева и оставилъ въ своихъ запискахъ такой отзывъ о немъ. «Въ Астрахани губернаторомъ былъ извѣстный и ученый Василій Никитичъ Татищевъ, который незадолго передъ тѣмъ устроилъ новую оренбургскую губернію. Онъ говорилъ по-нѣмецки, имѣлъ большую библіотеку изъ лучшихъ книгъ и былъ свѣдущъ въ философіи, математикѣ и особенно въ исторіи. Относительно религіи онъ держался особенныхъ убѣжденій, за которыя многіе не считали его православнымъ. Онъ былъ болѣзненъ и худощавъ и, не смотря на то, очень опытенъ и рѣшителенъ во всѣхъ дѣлахъ, умѣлъ каждому дать добрый совѣтъ и помощь, особенно купцамъ, которыхъ онъ привелъ въ цвѣтущее состояніе. Но дѣлалъ это имъ недаромъ, чѣмъ и навлекъ на себя неудовольствіе сената, который прислалъ указъ объ его отставкѣ. 11 ноября пріѣхалъ уже новый губернаторъ, камергеръ Брылкинъ.» Такъ объяснялъ Лерхе и, вѣроятно, многіе изъ астраханцевъ увольненіе Татищева отъ должности губернатора. Намъ извѣстны неоднократныя просьбы Татищева объ оставкѣ, вслѣдствіе ссоры съ Дондукъ-Даши и болѣзненнаго состоянія его. Какъ-бы то ни было, указомъ отъ 19 іюля Татищевъ получилъ увольненіе и отъ астраханской губерніи, какъ не задолго предъ тѣмъ отъ калмыцкой комиссіи. Лишь только новый губернаторъ явился въ Астрахань, какъ Еропкинъ, смѣнившій Татищева по дѣламъ калмыцкимъ, недовольный нравомъ Дондукъ-Даши, сталъ бить челомъ о передачѣ ихъ Брылкину. Въ декабрѣ Татищевъ, оставилъ Астрахань: онъ ѣхалъ медленно; причиною долгихъ остановокъ въ пути была его болѣзнь. 25 февраля 1746 года, въ селѣ

Тетюшахъ, казанской губерніи, онъ получилъ бумагу съ выговоромъ отъ коллегіи за то, что не подписалъ своего донесенія отъ 27 декабря, и отвѣчалъ, что причиною того были болѣзнь его и недосмотръ человѣка, отославшаго съ курьеромъ неподписанное донесеніе, извѣщалъ, что ѣдетъ въ дмитровскую деревню свою, и просилъ всѣ указы на его имя отсылать въ его московскій домъ. Татищевъ пересталъ быть лицомъ нужнымъ и офиціальнымъ. Давно забытая судная комиссія надъ нимъ, по управленію дѣлами оренбургской экспедиціи, учрежденная Бирономъ, ожила снова; теперь она, имѣя въ виду вообще управленіе башкирскимъ краемъ разными командирами, получила болѣе широкое назначеніе. Учрежденная по представленію бригадира Аксакова, бывшаго въ Уфѣ вице-губернаторомъ, она состояла изъ слѣдующихъ лицъ: генералъ прокурора князя Трубецкаго, т. сов. князя Алексѣя Голицына, бригадира Ивана Глѣбова, капитанъ-командора Толбухина и ст. сов. Василья Демидова [137]). Такъ кончилось служебное поприще Татищева, продолжавшееся болѣе сорока лѣтъ. Но не кончалась съ тѣмъ вмѣстѣ его трудолюбивая жизнь. У него оставались другія, не менѣе дорогія ему занятія, которымъ онъ не измѣнялъ со временъ молодости своей: то были интересны науки вообще и изученіе отечества въ особенности, какъ со стороны тогдашняго состоянія, такъ и относительно прошедшихъ судебъ его.

ГЛАВА VII.

Ученые и литературные труды Татищева.

Не проповѣдью Өеофана Прокоповича, не сатирой князя Кантемира, не одой Ломоносова началась новая русская литература. Преобразованія Петра Великаго съ первыхъ шаговъ своихъ шли рука объ руку съ переводами различныхъ сочиненій научнаго содержанія. Практическое направленіе реформы нуждалось въ подобныхъ пособіяхъ. Петръ самъ заставлялъ переводить математическія, историческія и политическія сочиненія; иногда руководилъ переводчиками, учавствовалъ въ составленіи предисловій къ ихъ изданіямъ. По смерти Петра, ученая дѣятельность проникла въ академію наукъ, учрежденную по его же мысли и плану. Переводчики: Тредьяковскій, Кондратовичь и Волчковъ, обращались за совѣтами и помощію къ той же академіи, потомъ служили при ней. Въ продолженіе всей ученой дѣятельности Татищева преданія, оставшіяся отъ Петра въ русской литературѣ, не изсякали. Къ тому времени, какъ онъ перебрался изъ астраханской губерніи въ свое подмосковное село, наша ученая, преимущественно переводная, литература составляла уже порядочную библіотеку. У Татищева, у самаго было не малое собраніе книгъ. Еще уѣзжая изъ

Екатеринбурга въ оренбурскую экспедицію, онъ оставилъ тамъ до тысячи книгъ, собранныхъ имъ въ разное время: въ Петербургѣ, Москвѣ, на Аландѣ, куда онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Брюсомъ, во время путешествій по Швеціи и Германіи [136]). Потомъ онъ пользовался обширною библіотекою князя Д. М. Голицына, находившеюся въ подмосковномъ селѣ Архангельскомъ, гдѣ кромѣ переводовъ иностранныхъ сочиненій, много собрано было рукописныхъ источниковъ русской исторіи. Далѣе Татищеву самому удалось во второй разъ составить большую библіотеку, которая сгорѣла, вмѣстѣ съ собраніемъ разныхъ рукописей уже по смерти ея владѣльца. Составъ погибшаго книгохранилища неизвѣстенъ; но о его характерѣ не трудно судить по именамъ авторовъ, которыхъ Татищевъ цитуетъ въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ. Такъ, кромѣ гречесскихъ и римскихъ классиковъ, средневѣковыхъ лѣтописцевъ, которые были ему извѣстны или въ русскихъ рукописныхъ переводахъ, или изъ другихъ сочиненій, чрезъ вторыя и третьи руки, Татищевъ ссылается на *Вальха* лексиконъ философскій; *Буддея* лексиконъ историческій, въ шести книгахъ; *Гейнсіуса* или *Мартиньера* лексиконъ географическій въ десяти книгахъ; *Баилеев* лексиконъ критическій въ четырехъ книгахъ; *Вольстія* лексиконъ географическій; *Іохера* лексиконъ ученыхъ; на лексиконъ святыхъ, на лексиконъ математическій, на астрономическій календарь. Кромѣ этихъ справочныхъ книгъ, у Татищева были подъ руками: разсужденіе о безбожіи, Ѳеофана Прокоповича, и другія его сочиненія; *Баронія* дѣянія церковныя и гражданскія отъ рождества Господа нашего, переводъ съ польскаго (М. 1719); *Томазія*, нравоученіе; *Гаутрухія* о идолахъ и богослуженіи; *Далевы* оракулы и о древнихъ жрецахъ, обманывавшихъ народъ, въ переводѣ Кондратовича; *Фонтенеля*, объ

оракулахъ; *Фабріуса*, исторія міра; *Себастіана Минстера*, космографія и географія; *Вольфа*, элементы географіи, физика (въ перев. Ломоносова?), мнѣніе о естественныхъ приключеніяхъ; *Варенія* генеральная географія въ русскомъ переводѣ Ѳед. Поликарпова (М. 1718); путешествія *Тавернье*, *Унферцахта*, *Избранта*, *Ташара*, *Кирхера* China illustrata; *Гибнера*, родословная табель и географія, или краткое описаніе земноводнаго круга, въ русскомъ переводѣ (М. 1719); разныя ландкарты, въ томъ числѣ знаменитый въ свое время атласъ *Гомана*; *Трейера*, введеніе въ русскую исторію; *Фриша*, о глаголитѣ; *Филиппа Клюверія*, о Скиѳахъ и Сарматахъ; *Петреуса* о Цимбрахъ; *Шефера*, о лапландцахъ; *Спенера*, древняя Германія; *Лешера*, цельтическая литература; путешествія по Россіи *Страленберга*, *Перри*, *Рычкова*, *Гербера*, *Миллера*, *Олеарія*, какая-то калмыцкая исторія; сибирская исторія *Станкевича*; архіепископа сибирскаго Филоѳея, крещеніе Остяковъ; Sammlung Russischer Geschichte; Theatrum Europaeum; *Де-ту*, *Кевенгиллера*, *Слейдана*; *Имгофа*, залъ историческій. Изъ сочиненій философскаго и политическаго содержанія Титищевъ цитуетъ: *Пуффендорфа*, о должностяхъ человѣка и гражданина; *Локка*, правленіе гражданское; *Гобезіевъ* Левіаѳанъ, *Макіавелли* Il principe, въ русскомъ рукописномъ переводѣ; сочиненія Декарта, Ньютона, Галлея; ссылается также на *Гевелія* кометоописаніе; описаніе Спб. кометы 1744 года; на академическія примѣчанія и календари разныхъ годовъ; на словари литовскій, шведскій, польскій; на собраніе диссертацій *Гревія и Groновія*, извѣстное ему въ переводѣ Кондратовича; на примѣчанія *Бержитона* къ путешествіямъ Плано-Карпини, Асцелина, Рубруквиса, переведенныя на русскій языкъ; на какую-то школу повитушекъ, и проч. [137]). Но, какъ извѣстно, Татищевъ не ограничи-

вался одними печатными пособіями. Онъ усердно и отовсюду собиралъ рукописи историческаго содержанія, народныя пѣсни и повѣрья, старинныя ландкарты; а во время частыхъ странствій своихъ изъ одного конца Россіи въ другой по обязанностямъ службы, не опускалъ ни одного удобнаго случая научиться чему-нибудь. Такъ онъ роется въ архивахъ, покупаетъ рукописи на площадяхъ у разнощиковъ; читаетъ у князя Д. М. Голицына письмо царя Михаила Θеодоровича къ Θедору Шереметьеву, у князя А. М. Черкасскаго два или три письма царя Алексѣя Михайловича къ князю И. Бор. Черкасскому; разъѣзжая по уральскимъ горамъ, бесѣдуетъ съ инородцами; спрашиваетъ поясненія слова: татаръ, у бухарцевъ; о томъ же спрашиваетъ Дондукъ Даши, его абу-гелюнга; чрезъ оренбурскаго ассессора Рычкова распрашиваетъ ученыхъ магометанъ о разныхъ наименованіяхъ заморскихъ народовъ и тѣ доставляютъ ему письменные отвѣты; того же требуетъ отъ служившихъ при немъ восточныхъ переводчиковъ; переписывается о литовскихъ древностяхъ съ однимъ знатнымъ смоленскимъ шляхтичемъ; чуваши, черемисы толкуютъ ему свои собственныя имена; о томъ же распрашиваетъ онъ Вогуличей черезъ переводчиковъ; говоритъ съ грузинскимъ царевичемъ Бакаромъ о книгахъ Меθодія Патарскаго; донскіе казаки показываютъ ему различныя мѣстности, слывшія знаменитыми въ древности; кабардинскіе уздени передаютъ ему преданія кавказкихъ горцевъ; онъ самъ осматриваетъ развалины старыхъ городовъ на рѣкахъ Ахтубѣ, Волгѣ, Ингулу, Пронѣ и посылаетъ съ тою же цѣлію офицеровъ и геодезистовъ; жиды ему показываютъ свои библіи въ свертkахъ; онъ дѣлаетъ наблюденія надъ солнечными затменіями, записываетъ себѣ на память годы, когда было сѣверное сіяніе, когда являлись метеоры, плодилась саранча, записы-

ваетъ различныя повѣрья; въ Швеціи осматриваетъ кости Олая Магнуса; у казненнаго въ 1724 году Вилліама Монса смотритъ сорочку, въ которой тотъ родился и которую потомъ носилъ съ собой; у Татищева по всему восточному краю Россіи разбросано было немало крестниковъ изъ инородцевъ, которымъ онъ же давалъ русскія прозвища вмѣсто собственыхъ именъ, и которые иногда навѣщали его и вели съ нимъ разговоры о своемъ бытѣ, и т. д. [188]). Много бы можно было собрать подобныхъ подробностей и мелкихъ, иногда случайныхъ, чертъ изъ жизни Татищева, обличающихъ его любознательность, еслибъ мы уже не знали изъ прежнихъ главъ объ обычной его дѣятельности. Татищевъ вездѣ и всегда былъ трудолюбивъ; весь — вниманіе и любопытство, онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для пополненія запаса своихъ свѣдѣній.

Въ началѣ его занятія направлены были на изученіе русской географіи: мысль, внушенная ему гр. Брюссомъ! Географическихъ знаній нечужда была и древняя Россія: различные отрывки географическаго содержанія попадающіеся въ лѣтописяхъ, сказанія о ходу въ сосѣднія Россіи земли, статейные списки пословъ и посланниковъ московскихъ, ѣздившихъ преимущественно въ XVII вѣкѣ на западъ Европы служатъ тому доказательствомъ. Для собственно русской географіи тоже было кой-что сдѣлано: книга Большаго Чертежа и позднѣйшія дополненія къ ней были первыми географическими сочиненіями о Россіи, въ которыхъ номенклатура городовъ, рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ преобладала надъ остальнымъ матеріаломъ. Картографическая часть, если не принимать въ разсчетъ ландкартъ Россіи, составленныхъ иностранцами, была крайне слаба до Петра. Только со временъ преобразователя началось пристальное изученіе Россіи, посредствомъ экспедицій, помимо вліянія Лейбница и вну-

шеній Брюса. Путешествія медика Готлиба Шобера на приволжье, Каспійское приморье и часть Кавказа, навигаторовъ Евреинова и Лунина на Курильскіе острова, капитанъ-лейтенанта Вердена и лейтенанта Соймонова по окраинамъ Каспійскаго моря, рудознатца Блюера, генерала Геннина и наконецъ Даніила Готлиба Мессершмидта въ Сибирь, относятся ко времени Петра. Въ инструкціи последнему царь самъ отмѣтилъ предметы наблюденія, въ кругъ которыхъ вмѣстѣ съ географіей въ тѣсномъ смыслѣ входили этнографія, естественныя науки идревности. Лоренцъ Ланге и графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, ѣздившіе въ Китай, были знакомцами Татищева.

Рядъ экспедицій, которыя назначалъ Петръ, продолжался и въ послѣдующія царствованія до временъ Елизаветы Петровны, обращавшей больше вниманія на религіозныя, нежели на ученыя миссіи. Татищевъ былъ въ Екатеринбургѣ, когда проѣхала въ Сибирь и къ берегамъ Ледовитаго моря великая сѣверная экспедиція, въ которой участвовали профессора академіи; на заводахъ, находившихся подъ его вѣденіемъ, отлиты были нѣкоторыя вещи, необходимыя для дѣйствій экспедиціи. Кромѣ моряковъ: Муравьева, Малыгина, Овцына, Прончищева, Челюскина, Минина, тутъ были академики и ихъ ученики: Ж. Н. Делиль, Л. Делиль делаКройеръ, Гер. Фридрихъ Миллеръ, І. Эберъ Фишеръ, Гмелинъ, Крашенинниковъ, Стеллеръ. Татищевъ уже былъ извѣстенъ тогда, какъ человѣкъ занимающійся науками и искусствами. Такъ когда Анна Іоанновна, вскорѣ послѣ восшествія своего на престолъ, задумала основать академію ремеслъ съ 12,000 рублями ежегоднаго содержанія; то главнымъ въ отдѣленіи архитектуры хотѣла сдѣлать Татищева, въ отдѣленіи механики — Растреллія, въ отдѣленіи живописи — Еропкина, по скульптурѣ — Коровина. Но Остерманъ

помѣшалъ исполненію этого проекта и «по нѣкоей ненависти указъ, приготовленный къ подписанію, уничтожилъ, и тако, говоритъ Татищевъ, сіе весьма полезное государству дѣло въ забвеніи осталось» [139]). Теперь Татищевъ рѣшился сдѣлать *Предложеніе о сочиненіи исторіи и географіи россійской.* Въ предисловіи къ нему, онъ объяснилъ значеніе наукъ историческихъ и географическихъ; послѣднія, по его мнѣнію, необходимы для всѣхъ, зачавъ отъ наивысшаго въ государствѣ правленія до послѣднихъ и земскихъ управителей;—мысль, которую онъ повторялъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: въ изъясненіи на посланныя начала историческія, въ напомнѣніи на присланное росписаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ. Самое содержаніе состояло изъ трехъ раздѣловъ: первый относился ко всѣмъ губерніямъ; второй лишь къ тѣмъ, въ которыхъ жили инородцы идолопоклонники; третій къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя населены были магометанами. Во всѣхъ этихъ раздѣлахъ помѣщены были вопросы, на которые отвѣты должны были дать генералъ-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, воеводы и прочіе управители. Свѣдѣнія, которыя требовались въ первомъ раздѣлѣ, касались древнихъ названій различныхъ мѣстностей, границъ ихъ, свойствъ воздуха, описанія водъ, природнаго состоянія земли, подземностей, жителей, жилищъ. Кромѣ того въ остальныхъ двухъ отдѣлахъ обращено было вниманіе на этнографическіе и лингвистическіе вопросы. Въ этотъ обширный планъ входили всевозможные вопросы, какіе могли только представиться Татищеву, при его намѣреніи составить русскую исторію и географію. Такъ онъ совѣтовалъ привести въ порядокъ во всѣхъ городахъ древніе архивы: «ибо изъ одного указа или записки разные люди могутъ ко изъясненію исторіи разныя обстоятельства обрѣсти и въ об-

щую пользу оставить, чрезъ что многія недознанія изъяснятся, а погрѣшности исправятся» (вопр. 4). Говоря о дѣйствіи воздуха, онъ предлагаетъ запросы о продолжительности и силѣ зимы, о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ, о дождяхъ, градѣ, громѣ, молніи, зарницѣ, сѣверномъ сіяніи, о примѣтахъ, какія въ разныхъ мѣстахъ употребляются для узнанія погоды. Въ отдѣлѣ водъ идутъ вопросы о моряхъ, ихъ заливахъ, пристаняхъ, объ островахъ и судоходныхъ рѣкахъ, объ озерахъ, колодезяхъ, цѣлебныхъ ключахъ, каналахъ. Въ слѣдующей главѣ требуются свѣдѣнія о почвѣ и ея произведеніяхъ, при чемъ Татищевъ дѣлаетъ указанія на мѣстности, славящіяся тѣмъ или другимъ родомъ хлѣба, овощей, травъ, деревьевъ, звѣрей, птицъ, рыбъ, гадовъ. Въ вопросахъ о произведеніяхъ царства ископаемаго перечислены извѣстные тогда въ Россіи виды металловъ и минераловъ. Спрашивая о населеніи, Татищевъ дѣлитъ его по племенамъ, вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, по роду занятій и управленія; требуетъ свѣдѣній о томъ, какая мѣстность славится тѣмъ или другимъ ремесломъ, о сборѣ ясака съ инородцевъ, о мѣстныхъ болѣзняхъ. Болѣе тридцати вопросовъ относится къ даннымъ о городахъ и поселеніяхъ, городищахъ, курганахъ и древнихъ могилахъ. Почти девяносто вопросовъ посвящено различнымъ подробностямъ изъ быта инородцевъ: особенное вниманіе обращено на различныя суевѣрія, заговоры, примѣты, обряды, обычаи, религіозныя вѣрованія. Всѣ эти подробности Татищевъ совѣтуетъ узнавать безъ принужденія, но ласкою, при помощи искусныхъ людей, понимающихъ силу самыхъ вопросовъ и языкъ инородцевъ; совѣтуетъ распрашивать не однажды у разныхъ людей; собранныя свѣдѣнія — изъ ближайшихъ къ столицѣ губерній доставлять въ академію наукъ, изъ сибирскихъ ему, дѣйствительному статскому совѣтнику Тати-

щеву, или профессорамъ, участвующимъ въ экспедиціи, за что всѣмъ трудившимся обѣщаетъ надлежащее награжденіе. Было присоединено и предостереженіе о томъ, чтобъ не поддаваться ложнымъ показаніямъ и хвастовствамъ, которыми иные люди ищутъ себѣ честь или пользу пріобрѣсти. Наконецъ Татищевъ совѣтовалъ прилагать къ описаніямъ снимки одеждъ и другихъ вещей, употреблявшихся у разныхъ народовъ. Словомъ, его предложеніе, состоявшее изъ 198 вопросовъ, было обширною программою для трудовъ многихъ ученыхъ, многихъ экспедицій, многихъ поколѣній [140]). Оно представлено было въ академію наукъ; ему придали офиціальное значеніе и разослали по областнымъ правителямъ и канцеляріямъ. Но Татищевъ и самъ наблюдалъ за исполненіемъ своего предпріятія. Будучи горнымъ начальникомъ, онъ посылалъ для описанія рудныхъ мѣстъ геодезистовъ, служившихъ при немъ. Такъ въ бумагахъ Татищева, пожертвованныхъ потомъ въ академію наукъ, находится экстрактъ о ѣздѣ геодезиста Василія Шишкова, ѣздившаго въ томское и кузнецкое горныя начальства, и опредѣленіе Татищева на донесенія Шишкова, представившаго пробы разныхъ минераловъ и описаніе аблайкитскихъ палатъ въ семипалатинской области [141]). Кромѣ того, въ отвѣтъ на предложеніе Татищева были присланы описанія нѣкоторыхъ мѣстностей, Татищевъ также передалъ ихъ въ академію. Между ними были: 1) Журналъ сибирскаго описанія, или вѣдомости, сочиненныя въ Тобольскѣ къ исторіи и присланныя изъ городовъ: Пелыми, Верхотурья, Тары, Томска, Нарыма, изъ Кецкаго, Кузнецкаго, Исецкаго дистрикта, по требованію тайнаго совѣтника г. Татищева, на 204 листахъ. 2) Описаніе въ Сибири томскаго и кузнецкаго уѣздовъ, по даннымъ при наказѣ пунктамъ отъ его превосходительства тайнаго совѣтника В. Н. Татищева, писаннымъ въ 1739 году марта

17 дня, описано въ Томскѣ геодезіи поручикомъ Иваномъ Шишковымъ въ 1739—1743 годахъ [142]). Кондратовичъ, жившій также на уральскихъ заводахъ, составилъ краткіе словари для языковъ тѣхъ инородцевъ, которые населяли уральскій и оренбургскій край [143]). Разбирая всѣ эти описанія, Татищевъ замѣчалъ въ нихъ ошибки и писалъ новыя, болѣе подробныя наставленія, для собранія этнографическихъ данныхъ [144]). Тогда же переведено было для Татищева сочиненіе Страленберга, на которое онъ написалъ свои примѣчанія, касающіяся преимущественно восточнаго края, а потомъ и самъ сталъ составлять записки о живущихъ въ Сибири народахъ [145]).

Оставивъ оренбургскую экспедицію и пріѣхавъ въ Петербургъ, гдѣ учреждена была судная комиссія надъ нимъ, Татищевъ хотѣлъ поднести Аннѣ Іоанновнѣ старинныя, найденныя имъ въ Сибири, ландкарты; но отдалъ ихъ, вмѣстѣ съ другими, въ академію наукъ, а потомъ представилъ съ академикомъ Делилемъ упомянутое выше предложеніе о сочиненіи географіи. Продолжая заниматься собираніемъ этнографическихъ данныхъ, онъ тогда же получилъ отъ одного финскаго пастора списокъ болѣе ста словъ, сходныхъ съ кельтскимъ и финскимъ языками [146]). Большая часть тогдашнихъ областныхъ правителей имѣли подлѣ себя геодезистовъ, которые вынесли на своихъ рукахъ всѣ подготовленные тщательно труды, легшіе въ основу атласа Россійской имперіи, изданнаго въ 1745 году [147]). Татищевъ также во время всей службы своей окруженъ былъ геодезистами: въ Сибири, на Уралѣ, въ Башкиріи, всюду слѣдовали они за нимъ. А въ 1741 году, составляя замѣчанія на инструкцію, которую дала ему коллегія иностранныхъ дѣлъ, по случаю смутъ въ калмыцкой Ордѣ, Татищевъ въ двухъ послѣднихъ пунктахъ просилъ: «8) При прежнихъ порученныхъ мнѣ дѣлахъ

трудился я о сочиненіи Россійской исторіи и географіи и чрезъ 21 годъ немало собралъ, а для совершеннаго окончанія по указу отправилъ въ многія провинціи геодезистовъ, которымъ хотя достаточные даны инструкціи; но какъ они въ исторіи и математикѣ не довольно искусны, то имъ многіе сумнительства являются, для котораго требовали наставленія отъ опредѣленнаго на мое мѣсто генералъ-поручика князя Урусова, только онъ отрекся, якобы точнаго о томъ указа не имѣетъ и велѣлъ имъ ко мнѣ писать, токмо и я безъ указа вступить въ то не могъ, и они большею частію безплодно въ тѣхъ провинціяхъ третій годъ живутъ. Нынѣ же я посылаюсь въ такія мѣста, гдѣ немало разоренныхъ городовъ, такожъ идоловъ и камней съ надписями находится, а отъ гисторіи, не знаю можно ли достаточное извѣстіе сыскать; и для того не соизволеноль будетъ опредѣлить со мною одного геодезиста и отъ академіи наукъ ученика живописнаго изъ тѣхъ, которые отъ оренбургской комиссіи для того нарочно въ обученіе посланы. 9) Тѣмъ геодезистамъ написано было въ нѣкоторыхъ городѣхъ искать въ архивахъ древнихъ писемъ, нужныхъ до гисторіи по 121 (то есть 1613) годъ, по которому немало весьма нужныхъ собрано было; а по отлученіи моемъ, чаю, вездѣ оставлено какъ о томъ изъ Казани поручикъ Пестриковъ ко мнѣ писалъ: не соизволено ли будетъ о томъ подтвердить, кому оное поручено будетъ». Коллегія отвѣчала: «искуснаго геодезиста и живописца къ вамъ отправить велѣно и вы имѣете тамошнимъ мѣстамъ, а особливо между Царицынымъ и Астраханью и до четырехъ бугровъ по Волгѣ, и всѣ тѣ мѣста, гдѣ вамъ и въ степи быть случится, сдѣлать акуратное описаніе и сочинить исправную ландкарту и одну доставить сюда, а другую оставить въ астраханской губернской канцеляріи, а третью въ Царицынской канцеляріи» [148]). Какъ прежде Татищевъ съ

Урала и изъ Башкиріи привезъ въ академію ландкарты; такъ и теперь, кромѣ урочищъ, избранныхъ подъ Енотаевскую крѣпость, составлены были геодезистами и посланы Татищевымъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ ландкарты: большой и малой Кабарды и кумыцкихъ мѣстъ, кизлярской крѣпости и степи между нею и Астраханью, на 350 верстъ по теченію Кумы: запустѣлаго городища Можаръ, Кизляра, Гребенскаго, Шадринскаго, Новогладковскаго, Старогладковскаго, Курдякова, Семенова, Картамышскаго, Дубовскаго, Баргузинскаго городковъ [149]). Наконецъ когда уже Татищевъ жилъ въ деревнѣ, Петръ Рычковъ, ассессоръ оренбургской губернской канцеляріи, выслалъ ему рукописное краткое извѣстіе о татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумѣются, собранное въ Оренбургѣ изъ книгъ турецкихъ и персидскихъ и по сказкамъ бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ людей, къ разсмотрѣнію при сочиненіи обстоятельнаго о сихъ народахъ описанія [150]).

Собирая отовсюду матеріалы, Татищевъ приступилъ наконецъ и самъ къ составленію русской географіи. Теоретическая часть землезнанія въ то время не была развита. Собственный же взглядъ Татищева на предметъ географіи отчасти высказался въ его предложеніи и планѣ собиранія матеріаловъ для нея. Русская литература того времени могла представить только переводныя географическія сочиненія, въ которыхъ о Россіи говорено было мимоходомъ. Даже въ «краткомъ руководствѣ къ географіи» и въ «краткой политической географіи ко изъясненію изданнаго на россійскомъ языкѣ небольшаго атласа,» напечатанныхъ въ 1742 и 1745 годахъ въ пользу и для употребленія юношества, учившагося въ гимназіи при тогдашней академіи, не было ни слова о Россіи. Географія опредѣлена

была такъ: «географія есть знаніе о имперіяхъ, королевствахъ, княжествахъ, графствахъ, провинціяхъ, городахъ, моряхъ, озерахъ, рѣкахъ, горахъ и другихъ примѣчанія достойныхъ мѣстахъ, всего земнаго круга» [151]). Географическихъ лексиконовъ, которые могли бы со временемъ послужить для составленія полной русской географіи, также не было. Но у Татищева собрано было немало такихъ матеріаловъ; и онъ приступилъ къ составленію и географіи, и лексикона. Его географія носила такое заглавіе: «Введеніе къ историческому и географическому описанію великороссійской имперіи, часть первая: какъ древнее, такъ и нынѣшнее состояніе того великаго государства и обитающихъ въ немъ народовъ и другія къ вѣдѣнію принадлежащія обстоятельства по возможности и на первый случай къ сочиненію исправнѣйшей и обстоятельнѣйшей гисторіи вновь собрана и кратко описана». Въ первой главѣ говорилось: о имяни сего великаго государства и о древнемъ онаго раздѣленіи; во второй: о границахъ всероссійской имперіи по ея нынѣшнему состоянію; въ третьей: о великости имперіи; въ четвертой: о водахъ; въ пятой: о знатнѣйшихъ горахъ; въ шестой, о внутренностяхъ земли; въ седьмой: о растеніи и плодахъ земныхъ; въ осьмой: о животныхъ; въ девятой: о жителяхъ имперіи; въ десятой: о силѣ воинской; въ одиннадцатой: о доходахъ государственныхъ; въ двѣнадцатой: о заводахъ, о фабрикахъ и мануфактурахъ; въ тринадцатой: о академіяхъ и училищахъ; въ четырнадцатой: о правленіи духовномъ и политическомъ, о раздѣленіи епархіальномъ и губернскомъ. Всѣ эти извѣстія были изложены кратко; только, говоря о Сибири, авторъ пустился въ нѣкоторыя подробности. Есть еще небольшой отрывокъ историко-географическаго содержанія: Россія или какъ нынѣ зовутъ Руссія, приписываемый Татищеву [152]). Но всѣ эти попыт-

ки написать русскую географію не привели къ желаемому результату. Трудность дѣла взяла свое и Татищевъ, отказавшись отъ него, принялся за составленіе: *Лексикона Россійскаго, историческаго, географическаго, политическаго и гражданскаго.* Здѣсь предметъ захваченъ шире: помимо всякаго заранѣе обдуманнаго плана, помимо всякихъ узкихъ рамокъ, Татищевъ бралъ въ свой лексиконъ, по алфавитному порядку, слова, взятыя изъ государственнаго, административнаго и общественнаго быта тогдашней Россіи, имена и названія историческія, географическія, этнографическія, изъ области археологіи и художествъ, и присоединялъ къ нимъ свои объясненія. Списокъ собранныхъ имъ словъ былъ далеко неполонъ; объясненія не всегда подробны; самый лексиконъ прерванъ на буквѣ К. Но въ немъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ собственной жизни автора и его личныхъ наблюденій. Наконецъ лексиконъ Татищева можетъ быть разсматриваемъ, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, какъ трудъ, предшествовавшій словарямъ Полунина, Щекатова и академіи [152]).

Таковы были географическіе труды Татищева. Будучи первою цѣлію его занятій, они однакожъ менѣе брали у него времени, нежели труды историческіе, перейдя къ которымъ онъ долженъ былъ поставить на второй планъ мысль о географіи. Занятія русской исторіей взяли у него цѣлую жизнь; и понятно почему: Татищевъ былъ первымъ русскимъ ученымъ, который обращалъ свое вниманіе на нее. Ему пришлось начать съ простаго сбора матеріаловъ и ограничиться сводомъ ихъ. Еще Петръ, проѣзжая въ 1716 году, чрезъ Кенигсбергъ, подалъ примѣръ такого собиранія: осматривая кенигсбергскую библіотеку, онъ велѣлъ переписать для себя, какъ можно точнѣе, радзивиловскій списокъ лѣтописи; а, спустя шесть лѣтъ приказалъ всѣмъ епархіямъ и монастырямъ

высылать въ синодъ имѣющіяся у нихъ лѣтописи и хронографы, обѣщая возврашать ихъ, по снятіи списковъ. Петръ бесѣдовалъ иногда и съ Татищевымъ о русской исторіи; а отправляясь въ персидскій походъ, бралъ у него одинъ изъ лѣтописныхъ списковъ. Находясь въ Сибири, Татищевъ продолжалъ собирать историческіе матеріалы. Но первый разъ заявилъ офиціально о своихъ занятіяхъ русской исторіей въ 1738 году: увѣдомляя коллегію иностранныхъ дѣлъ, что начатые имъ еще въ 1727 году труды нуждаются въ нѣкоторыхъ манускриптахъ, хранящихся въ коллегіи и въ синодѣ, просилъ выслать послѣдніе къ нему. Просьба Татищева писана была за четыре года предъ тѣмъ, какъ академія наукъ пыталась приступить къ изданію лѣтописей, но встрѣтила неудачу со стороны синода [154]).

Во времена Трейера, Коля и Байера началъ свой трудъ Татищевъ: первые двое ограничились составленіемъ введеній въ московскую и славянскую исторію; Байеръ остановился на скиѳахъ и сарматахъ, на вопросѣ о происхожденіи варяговъ. Лишь одинъ изъ современниковъ Татищева могъ отчасти поспорить съ нимъ въ знакомствѣ съ Русской исторіей: это былъ Миллеръ, впослѣдствіи издатель сочиненія Татищева. Миллеръ началъ тѣмъ, что, въ первомъ выпускѣ своего извѣстнаго сборника «Sammlung Russischer Geschichte», напечаталъ: «Eröffnung eines Vorschlages zur Verbesserung der russischen Historie etc.», тогда же изданное и на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Объявленіе предложенія до исправленія Россійской історіи касающееся, которое можетъ учиниться частнымъ изданіемъ собранія всякихъ извѣстій до історіи Россійскаго государства принадлежащихъ» (въ Спб., при Имп. акад. наукъ, 1732 года). Объявленіе это было слѣдующаго содержанія: «Понеже історія Россійскаго государства и присовокупленныхъ къ оно-

му земель и провинцій по нынѣ еще толь многимъ трудностямъ подлежитъ, что въ 20 лѣтъ или больше невозможно кажется оную въ надлежащій порядокъ привесть, того ради въ академіи наукъ воспріято намѣреніе, въ пользу охотникамъ доісторіи принадлежащихъ краткихъ описаній и подлинниковъ сочинить, и оныя на русскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ по частямъ издавать. — Общее намѣреніе при семъ тожь самое есть, которое и при історическихъ и дипломатическихъ собраніяхъ другихъ государствъ бываютъ, то есть, чтобъ оное къ будущему совершенному історическому сочиненію матерію подала, а къ тому жь бы и тѣхъ, которые нѣчто до сего намѣренія касающееся уже собрали, въ произведеніи ихъ труда къ общей пользѣ ободряло. Особливо же сей трудъ къ тому склоняется, чтобъ все то, что иностраннымъ о Россійской історіи по сіе время еще не извѣстно, или въ печатныхъ історіяхъ не довольно изслѣдовано, или не очень изъяснено, тутъ отъ времени до времени сыскать можно было. Сего ради пріемлется здѣсь історія россійскаго государства во всемъ своемъ пространствѣ, такъ что до оныя не только гражданскія, церковныя, ученыя и естественныя приключенія принадлежать имѣютъ, но также и древности, знаніе монетъ, хронологія, географія, и пр. Россійскаго государства, и сіе не только свойственно такъ называемой Россіи особливо, но и всѣхъ прочихъ Россійскому скипетру подверженныхъ, такожде и ближнихъ пограничныхъ южныхъ татарскихъ земель и провинцій. Первая часть, которая вскорѣ выдана будетъ, пускай отвѣдаетъ, какова сіи труды отъ благоразсудныхъ принятія удостоятся. И тогда можно будетъ по вся мѣсяцы оныя продолжать, такъ что въ годъ способная книжка въ 8 долю листа набраться можетъ, которая изъ 12 частей, съ приложеннымъ въ концѣ послѣдней части полнымъ реэстромъ, состоять

будетъ. Между тѣмъ, которые что нибудь къ сему намѣренію служащее имѣютъ; и оное либо съ подписаніемъ, либо съ умолчаніемъ своего имени, какъ имъ самимъ угодно, свѣту сообщить хотятъ, просятся оное на русскомъ, или на другомъ какомъ нибудь языкѣ прислать въ канцелярію академіи наукъ, какъ и изъ приложенной при семъ росписи, видѣть можно, какія исторіи въ намѣренномъ собраніи могутъ изъяснены и предложены быть, въ Санктпетербургѣ сентября 9-го дня, 1732 года.»

Къ этому объясненію приложена была «роспись оныхъ матерій, которыя въ приложенномъ собраніи всякихъ до исторіи и географіи россійскаго государства принадлежащихъ извѣстій и подлинныхъ документовъ отъ времени до времени описаны и предложены быть могутъ». Въ ней въ первомъ параграфѣ (всѣхъ ихъ 12) поставлены: «сокращенія и переводы изъ всѣхъ историческихъ рукописныхъ книгъ и хрониковъ о Россіи, сколько оныхъ теперь имѣется или впредь найтись можетъ».... «Напримѣръ изъ степенной книги, изъ хроника или синопсіса кіевскаго, изъ хроника игумена Ѳеодосія кіевскаго (такъ назвалъ сперва Миллеръ автора начальной русской лѣтописи), изъ хроника Варлаама Палицына, изъ нѣкоторыхъ хрониковъ безъимянныхъ и прочая».

Объявленіе, выписанное здѣсь предсказало собою появленіе двухъ сборниковъ: одного—на нѣмецкомъ языкѣ, Sammlung Russ. Gesch., начавшаго издаваться въ томъ же 1732 году; другаго — на русскомъ: ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія, появившагося уже по смерти Татищева. А между тѣмъ въ 1739 году Татищевъ уже привезъ въ Петербургъ свою исторію, которая была встрѣчена различными замѣчаніями и нарѣканіями то со стороны ревнителей старины, считавшихъ дерзостію критическій разборъ старинныхъ лѣтописей, то со стороны любителей

философіи. Въ нѣсколько пріемовъ составлялась эта исторія: въ самомъ предъизвѣщеніи къ ней нельзя не замѣтить позднѣйшихъ прибавленій. Такъ въ одномъ мѣстѣ Татищевъ говоритъ: «сіе предъизвѣщеніе принужденъ я по первому моему намѣренію распространить, и изложенныя въ немъ обстоятельства, по требованіямъ нѣкоторыхъ любопытныхъ, показать, а можетъ кому либо не понравится; то я знаю, что на нравы и разсужденія всѣхъ людей угодить не можно [155]). Не только это предъизвѣщеніе, но и цѣлыя главы исторіи переписывались и составлялись по нѣскольку разъ. Рукописи, въ которыхъ сохранились эти передѣлки, довольно многочисленны. Онѣ хранятся, большею частію, въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ извѣстны были слѣдующія:

1) *Предъизвѣщеніе къ исторіи россійской*, листы 1—12, писаны чужою рукою съ поправками и помѣтками самого Татищева. Конецъ рукописи и нѣкоторые листы въ срединѣ потеряны. Это предъизвѣщеніе полнѣе печатнаго; потому что въ него вошли цѣлыя главы перваго тома.

2) *Примѣчанія на часть вторую гисторіи русской*, въ трехъ спискахъ; первый изъ нихъ стараго письма на 16 листахъ, съ собственноручными поправками Татищева; второй на 8 листахъ, и третій на одномъ, оба писаны новѣйшимъ почеркомъ. Первый списокъ прерывается на 77 примѣч.; во второмъ всего 31 примѣчаніе, послѣднее отвѣчаетъ 43-му предыдущаго списка; въ третьемъ спискѣ лишь 4 примѣчанія. Содержаніе всѣхъ трехъ списковъ совершенно сходно съ содержаніемъ напечатанныхъ примѣчаній, которыя даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ полнѣе архивныхъ списковъ.

3) Краткое показаніе о рожденіяхъ, бракахъ и кончинахъ князей россійскихъ обоего пола, съ 875 по 1463 г. и спи-

сокъ митрополитовъ до 1461 г. на 14 листахъ, съ собственноручными поправками Татищева. Часть сего напечатана при II т. исторіи россійской.

4) Изображеніе княжескихъ въ Россіи наименованій по городамъ, на 4 листахъ;—подготовительная и неоконченная работа для исторіи россійской, написанная самимъ Татищевымъ.

5) Примѣчаніе объ Олельковичахъ, произшедшихъ отъ Ольгерда князя литовскаго, отъ 1387—1444 г; — собственноручныя выписки Татищева изъ разныхъ историческихъ сочиненій, на двухъ листахъ.

6) Выписки изъ россійской исторіи о княженіяхъ великихъ князей Іоанна Васильевича, Василія Іоанновича и Іоанна Васильевича,—сходно съ напечатаннымъ въ Чтеніяхъ общества историческаго.

7) Выписки изъ россійской исторіи съ начала царствованія государя Ѳеодора Іоанновича, царя Бориса Годунова и Димитрія самозванца.

8) Записки о царствованіи государя Михаила Ѳеодоровича; тутъ же о началѣ и устроеніи Москвы.

9) Замѣчанія къ 1 части исторіи россійской: о древности письма славянскаго, о идолослуженіи, о крещеніи Россіи въ разныя времена, о епископѣ Іоакимѣ и о Геродотѣ, на одномъ листѣ, собственноручныя замѣтки Татищева, по поводу оглавленія 1 — 5 и 12 главъ первой части исторіи россійской.

10) Отрывокъ изъ исторіи россійской о древнемъ Россіи раздѣленіи: на Великую Русь, Малую Русь, Бѣлую Русь, Червонную Русь и Черную Русь, также на Поморье и на Болгары, съ показаніемъ въ каждой изъ оныхъ, какія были мѣстныхъ и удѣльныхъ княженій границы, гербы и пр., на 4 листахъ безъ конца, собственноручный. Это 44 глава печатнаго изданія.

Наконецъ 11) въ портфелѣ подъ № 53 есть статья, подъ заглавіемъ: жизнь царя Θеодора Алексѣевича, приписываемая также Татищеву [155]).

Источниками, при составленіи русской исторіи, служили для Татищева: начальная лѣтопись съ ея продолжателями, псковская и новгородская лѣтописи, Никоновскій списокъ, церковные степенные хронографы, царственные лѣтописи, четіи-минеи, прологи. Списки нѣкоторыхъ изъ нихъ Татищевъ получалъ отъ князя Дм. М. Голицына, отъ А. П. Волынскаго, совѣтника Хрущова, архитектора Еропкина, пострадавшихъ въ царствованіе Анны Іоанновны. По отношенію къ нашему времени, вопросъ объ источникахъ Татищевской исторіи интересенъ лишь по тѣмъ спискамъ, которые были въ рукахъ автора и потомъ затеряны. Онъ самъ говоритъ: «лѣтописи или манускрипты, которые я къ собранію сея употреблялъ, имѣлъ изъ разныхъ мѣстъ, изъ нихъ же нѣкоторые досель въ библіотекѣ академической, другіе отыскать можно, а иныхъ чаю уже достать не надежно». Первый списокъ полученъ былъ Татищевымъ въ 1720 году чрезъ Брюса отъ гофъ-интенданта Мошкова и легъ въ основаніе его свода; второй въ Сибири отъ одного раскольника въ 1721 году, на пергаментѣ, весьма древняго изданія; третьимъ былъ извѣстный Радзивилловскій или кенисбергскій списокъ; четвертый — изъ библіотеки князя Дм. Мих. Голицына: «у сего весьма любопытнаго министра, замѣчаетъ при этомъ Татищевъ, многое число такихъ древнихъ книгъ собрано было, изъ которыхъ при опискѣ растащено; да и послѣ я по описи многихъ не нашелъ, и увидѣлъ, что лучшія бывшій герцогъ курляндскій и другіе расхитили». Пятый списокъ взятъ былъ изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, отданъ въ синодскую библіотеку; шестой былъ новгородскій лѣтописецъ, отданъ Татищевымъ въ библіотеку акаде-

міи наукъ; седьмой—псковскій лѣтописецъ, поступилъ туда же; осьмой отъ извѣстнаго Крекшина; девятый—Никоновская лѣтопись изъ воскресенскаго монастыря, о которой Татищевъ замѣчаетъ: «видится особливо Никонъ самъ велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что ко уничтоженію власти духовной въ другихъ находится, въ немъ выкинуты или перемѣнены и новымъ порядкомъ вписаны. Десятый полученъ былъ изъ Нижняго Новгорода, отданъ Татищевымъ въ академію наукъ. Одиннадцатый изъ ярославскаго монастыря съ помѣткою архимандрита Іосифа, отданъ въ лондонское королевское общество, а копія съ него въ академическую библіотеку. Стало быть очень немногія изъ названныхъ Татищевымъ рукописей погибли безвозвратно. Большая часть изъ отданныхъ куда-нибудь попали въ академію наукъ; но ихъ нѣтъ въ русской библіотекѣ академіи, по всей вѣроятности, ихъ надо искать въ архивѣ ея. Лишь о раскольничьемъ и Голицынскомъ спискахъ, отчасти сходныхъ между собой, можно думать, что они погибли; да и то въ описаніи рукописей Толстова, въ собраніе котораго вошла архангельская библіотека, упоминаются нѣсколько списковъ лѣтописей. Но и оканчивая свой трудъ, Татищевъ продолжалъ получать лѣтописи: «Всякій трудолюбивый, говоритъ онъ въ концѣ седьмой главы, посвященной обзору источниковъ, если впредь гдѣ какую лѣтопись сыщетъ, въ которой большія, яснѣйшія обстоятельства обрящетъ къ дополненію сего, академіи сообщить можетъ, дабы при другомъ изданіи могли пополнить и переправить, какъ то со всѣми древними исторіями чинится, какъ уже и мнѣ по написаніи второй части на бѣло, отъ нѣкоторыхъ любопытныхъ и объ умноженіи чести отечества прилежащихъ, нѣкоторыя извѣстія и выписки, яко же и цѣлые манускрипты сообщены, которые, если Богъ соизволитъ, собравъ въ по-

рядокъ къ дополненію второй части пріобщу, для котораго надѣюся вскорѣ обѣщанные мнѣ два манускрипта получить». Вотъ тѣ главные матеріалы, изъ которыхъ Татищевъ составилъ свой сводъ лѣтописныхъ извѣстій. Съ тѣхъ поръ число историческихъ источниковъ значительно увеличилось, кругъ свѣдѣній о древней Россіи расширился; но и до сихъ поръ еще въ исторіи Татищева можно найдти нѣсколько данныхъ, которыхъ невстрѣтишь въ извѣстныхъ теперь изданіяхъ. Но чѣмъ дальше велъ свою исторію Татищевъ, тѣмъ скуднѣе были его источники, и въ недавно изданныхъ описаніяхъ царствованій Іоанна III, Василія Іоанновича, Іоанна IV, пробѣлы становятся замѣтнѣе. Татищевъ готовилъ исторію и XVII столѣтія; но это уже были отрывочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ событіяхъ, преимущественно изъ царствованія Михаила Θеодоровича и отчасти его ближайшихъ преемниковъ [156]).

Каково же было мнѣніе Татищева собственно о Несторѣ и его начальной лѣтописи? «Между явными намъ Русскими историки—такъ начинаетъ Татищевъ 5 главу — есть древнѣйшій Несторъ, бывшій монахъ Печерскаго монастыря, родился на Бѣлѣозерѣ и, по сказанію Ниѳонта въ Патерикѣ, поживъ лѣта довольно преставился. По исчисленію въ монастырь онъ пришелъ въ 1003 году 17-ти лѣтъ, убо родился въ 1056. Исторію кончилъ 1093 когда былъ 37 лѣтъ». За тѣмъ приводитъ свидѣтельство Симона епископа, сохранившееся въ Патерикѣ, о искаженіи лѣтописи Нестора позднѣйшими переписчиками. Самъ Татищевъ въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи нѣсколько разъ указываетъ на мѣста, которыя, по его мнѣнію, или искажены или вставлены переписчиками. Особенное его вниманіе обращаетъ на себя то мѣсто, гдѣ говорится о крещеніи Владиміра: «наипаче о мѣстѣ крещенія Владимірова сумнительство невѣроятное по-

ложено; понеже Нестору подлинно знать было можно потому, что въ его время могли быть люди присутствующіе тому крещенію, и подлинное мѣсто крещенія Владимірова сказать, особливо Ярославъ сынъ Владиміровъ не задолго предъ нимъ умеръ; и сіе можетъ быть отъ Нестора прямо и точно положено было, да послѣ утратя истинное по сказанію кто либо внесъ». Точно также говоритъ онъ и о предложеніи императоромъ Константиномъ своей руки великой княгинѣ Ольгѣ? «мню, что о семъ сватаньѣ нѣкто, не разсмотря лѣтъ, выдумалъ, къ похвалѣ Ольги и послѣ Нестора внесъ, или самъ Несторъ повѣрилъ неразсудному сказанію». Въ концѣ главы замѣчается, что всѣ манускрипты въ началѣ сходны, «но въ продолженіи ни единъ съ другимъ точно несходенъ, въ одномъ то, въ другомъ другое прибавлено или сокращено».

Что до источниковъ, которыми пользовался Несторъ, то Татищевъ называетъ греческихъ писателей. Такъ по поводу географическихъ извѣстій, сообщаемыхъ Несторомъ, Татищевъ замѣчаетъ: «Несторъ здѣсь описалъ народы прежде его и при немъ бывшіе, сколько ему о которомъ извѣстно было;..... что же сущихъ мѣстъ онъ не всѣхъ показалъ, то не дивно, что..... ему, яко отъ *Грекъ учившемуся*, у которыхъ уже всѣ науки угасли, меньше знать способно было». Между прочимъ Татищевъ указываетъ и на Кедрина. Договоръ съ греками считаетъ возможнымъ «по обстоятельствамъ тогдашнихъ временъ» и думаетъ, что они были извѣстны Нестору въ переводахъ славянскихъ, именно на болгарскомъ нарѣчіи. Говоритъ также о возможности преданій. Что касается до причинъ, по которымъ Татищевъ такъ ограничилъ лѣтопись Нестора, сказавъ, что онъ кончилъ писать въ 1093 году; то вотъ его собственныя слова: «О концѣ же лѣтописи Несторовой сказать точно не можно, для того

что Сильверстъ и другіе продолжающіе по Несторѣ хотя въ надписаніи имя Несторово полагали, но своего начала отъ Несторова окончанія не отличали, или послѣ списыватели отъ неразсудности въ томъ погрѣша смѣшали. Однакожь мнится, что оное въ 1093 году, гдѣ онъ пиша о казнехъ божескихъ за грѣхи кончитъ рѣчь такимъ порядкомъ, какъ обыкновенно книги русскія кончатся, *аминь*, что и послѣдователь его Сильвестръ во скончаніи своея лѣтописи равномѣрно положилъ». Но Татищевъ и самъ не былъ твердо увѣренъ въ справедливости своего мнѣнія; ибо доказательствомъ его онъ взялъ признакъ чисто внѣшній, случайный. И потому продолжалъ: «Сіе видится нѣчто можетъ противоречено тѣмъ, что Несторъ, по сказанію Нифонта, жилъ лѣта довольна, а по исчисленію лѣтъ его сказанія онъ въ сіе время былъ меньше сорока лѣтъ, то надобно думать, что онъ долѣ жилъ и лѣтопись продолжилъ; другое что во всѣхъ лѣтописцахъ въ нарѣчіи и слогѣ никакой разности нѣтъ, почему наиболѣе разность писателей познавается. Но сіи сумнительства тѣмъ могутъ отрѣшиться: о первомъ, что Несторъ 90 лѣтъ жилъ, но лѣтопись за чѣмъ либо не до конца жизни своея продолжилъ, какъ то и о всѣхъ видимъ, гдѣ ни единъ до дне смерти своей продолжалъ. Онъ же трудяся описать житія преподобныхъ Печерскихъ можетъ не имѣлъ времени оную продолжать, или болѣзни и другія неудобства повредили, какъ то и Сильвестръ учинилъ, что за долго прежде смерти своей дѣянія окончалъ, а можетъ быть, что настоящихъ временъ и писать опасался, ибо изъ того писателемъ многократно бѣды приключаются........ что же до различія нарѣчія принадлежитъ, то оное, естьли бы списывателями перемѣнено и переправливано небыло, тобъ конечно достовѣрно рѣшить можно, но нынѣ яко по большей части въ нарѣчіи переправливанное, той разности показать не можетъ» [157]).

Главный же вопросъ, какой долженъ былъ прежде всего представиться Татищеву при составленіи свода лѣтописныхъ извѣстій, — вопросъ о томъ, дѣйствительно ли всѣ разбираемыя имъ извѣстія принадлежатъ Нестору, — можно сказать, для него не существовалъ вовсе. Онъ даже удивляется, какъ «Петру Могилѣ, митрополиту кіевскому, яко великому рачителю собранія древностей,..... Несторова лѣтопись незнаема была, развѣ потому, что имя Несторово въ надписаніи или заглавіи не было положено, какъ и я къ сочиненію сея много изъ разныхъ мѣстъ имѣлъ, а между всѣми токмо въ трехъ древнѣйшихъ и надежнѣйшихъ имя его объявлено такъ, какъ здѣсь въ заглавіи положено; однакожь есть ли бы и не видѣлъ имени его, то, по сказанію о Несторѣ въ Патерикѣ и по согласнымъ обстоятельствамъ въ лѣтописи, безъ сумнѣнія доказуется, что оная Несторова лѣтопись есть».... и приведя свидѣтельство о Несторѣ изъ житія его, помѣщеннаго въ Патерикѣ о пришествіи Нестора въ монастырь на 18-мъ году жизни и объ ископаніи имъ мощей Ѳеодосія, сравнивъ эти извѣстія съ мѣстами изъ лѣтописи, гдѣ говорится о томъ же, Татищевъ прибавляетъ: «и тако безъсумнѣнно есть, что Несторъ творецъ тоя лѣтописи» (стр. 53). Наконецъ еще въ предъизвѣщеніи своемъ Татищевъ такъ отозвался о Несторѣ: «Несторъ преподобный, видно довольно, что немного ученъ былъ, и притомъ недовольно могъ въ точности разсудить: но за его трудъ вѣчной похвалы и благодаренія достоинъ» (стр. XV). За тѣмъ однимъ изъ давнихъ историческихъ вопросовъ, когда рѣчь зайдетъ объ источникахъ исторіи Татищева, всегда былъ вопросъ объ Іоакимовской лѣтописи. Мнѣніе Татищева о томъ, что Несторъ не былъ первымъ лѣтописцемъ нашимъ, что до него «писатели были, да книги тѣ погибли, или еще гдѣ хранятся, или какихъ либо обсто-

ятельствъ ради отъ неразсудныхъ презираемы, составилось не вдругъ. Окончательно перешелъ онъ къ нему только по полученіи отрывка изъ Іоакимовской лѣтописи: «Сія, говоритъ онъ, мнится совершенно древняго писателя болѣе, нежели Несторъ свѣдущаго, и не иначе какъ въ греческомъ языкѣ, такъ и въ исторіи искуснаго, хотя нѣчто необыкновенное по тогдашнему обычаю внесено». За тѣмъ приводитъ доказательство о существованіи Іоакима и о большей точности его сказаній; ибо находитъ въ нихъ то, чего не нашелъ въ рукописяхъ лѣтописи Несторовой, но что можно найдти въ прологахъ и польскихъ писателяхъ. Далѣе, разсказавъ исторію открытія этой лѣтописи, Татищевъ сообщаетъ извлеченіе изъ нея. Между прочимъ на той страницѣ, гдѣ помѣщено письмо архимандрита Мельхиседека Борщова, доставившаго Татищеву рукопись, встрѣчаются два выраженія, заставившія усумниться въ подлинности Іоакимовской лѣтописи. Первое, помѣщенное въ примѣчаніи къ имени монаха Веніамина, на котораго ссылался Борщовъ, такого рода: «Веніаминъ монахъ токмо для закрытія *вымышленъ.*» Второе — это самое начало рукописи, доставленной въ руки Татищева «о князѣхъ русскихъ старобытныхъ, Несторъ монахъ недобрѣ свѣдомъ бѣ, что ся дѣяло у насъ *Славянъ* въ Новѣ градѣ, а святитель Іоакимъ добрѣ свѣдомый написа». Вымыслъ Мельхиседека, желавшаго ввести въ отношенія между собой и Татищевымъ третье лице отнесли къ самому Татищеву. Выраженіе: у насъ *Славянъ*, принадлежащее переписчику, сочли выраженіемъ составителя лѣтописи, который, очевидно, не могъ такъ выразиться. Еще болѣе сомнѣній вызвало содержаніе отрывка.

Осторожный издатель Татищева, Миллеръ, въ предисловіи къ 1 книгѣ, отстранилъ отъ себя обязанность произне-

сти судъ надъ «мнѣніями Татищева, начало Россійской Исторіи инако, нежели какъ преподобнымъ Несторомъ описано, представляющими», то есть, именно надъ тѣми, которыя основаны на Іоакимѣ. Горячую полемику, по поводу отрывка, подняли въ прошломъ столѣтіи Болтинъ и Щербатовъ, хотя и не рѣшили спорнаго вопроса, не смотря на долгія пренія. Екатерина II приняла Іоакима въ свои «записки касательно Россійской Исторіи» и впослѣдствіи основываясь на немъ, написала двѣ драмы: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика» и «Начальное правленіе Ольги.» Болтинъ сдѣлалъ примѣчанія ко второму изданію первой (1793 г.), взятыя имъ изъ Іоакимова отрывка. Фёлкнеръ перевелъ эту драму на нѣмецкій языкъ и въ предисловіи своемъ старался доказать достовѣрность Іоакимовыхъ извѣстій ссылками на подобныя же извѣстія Снорро Стурлезономъ и Стрыйковскимъ. Шлецеръ сказалъ, что отъ такихъ доказательствъ испугаться можно. Кромѣ того Фёлкнеръ ссылался на Крекшина, который будто бы самъ нашелъ послѣ Татищева списокъ Іоакимовой лѣтописи. Вслѣдъ, за Фёлкнеромъ сталъ утверждать тоже извѣстіе и Елагинъ: онъ говорилъ, что Крекшинъ нашелъ всю рукопись сполна, между тѣмъ какъ Татищевъ имѣлъ изъ нея только отрывки. «Но—продолжаетъ Елагинъ —и сей списокъ утраченъ и буде неложно его свидѣтельство, то утратился онъ или у наслѣдниковъ Крекшина, или между рукъ Тауберта и Миллера.» Трудно повѣрить словамъ Елагина, если принять въ соображеніе характеръ собственнаго его сочиненія, основаннаго на ложномъ желаніи блеснуть краснорѣчіемъ и знаніями. Онъ сперва думалъ докончить Татищева, но потомъ передѣлалъ, конечно къ худшему, и немудрено, что онъ не хотѣлъ разбирать средствъ, желая доказать подлинность Іоакимовой лѣтописи, что было его любимою мыслію. Шлецеръ

назвалъ Іоакимовскую лѣтопись «бреднями», а автора ея «сѣвернымъ грѣшникомъ»; Карамзинъ, слѣдуя Шлецеру, назвалъ отрывокъ «шуткою, вымыслами». Такъ называемая школа скептиковъ, поднявшая вопросъ о достовѣрности Несторовой лѣтописи, конечно даже и неупоминала о Іоакимѣ. Между отвѣчавшими на сомнѣнія относительно лѣтописи Несторовой, съ наибольшимъ довѣріемъ говорилъ о лѣтописи Іоакимовой, Бутковъ. Онъ защищалъ ее, оправдывая вмѣстѣ съ тѣмъ и Татищева. Между прочимъ въ доказательство добросовѣстности показаній Татищева, Бутковъ приводитъ слѣдующія обстоятельства: «Покойный Карамзинъ не довѣрялъ Татищеву въ узаконеніяхъ 1597, 1601 и 1606 годовъ о крестьянахъ; а теперь найдены не токмо современные списки о нихъ, граматы, но и самый подлинникъ одной изъ нихъ. Безъ сомнѣнія не повѣрили бы также извѣстію Татищева, что Іоаннъ III издалъ разные законы, если бы экземпляръ оныхъ, до селѣ единственный, не былъ въ 1817 году отысканъ». Онъ говоритъ, что нельзя обращать большаго вниманія на тѣ противорѣчія, какія нерѣдко встрѣчаются между текстомъ и примѣчаніями Татищевскаго сочиненія: ибо оно «издано не съ подлинника, который потерянъ, а съ весьма неисправнаго и даже худаго списка, одного изъ бродившихъ по рукамъ около 30 лѣтъ». Кромѣ того, Бутковъ готовилъ и подробный разборъ Іоакимовской лѣтописи и мнѣній о ней Карамзина, который остался въ рукописи. Наконецъ г. Лавровскій въ своей диссертаціи: объ Іоакимовской лѣтописи, раздѣлилъ отрывокъ на двѣ половины. Въ первой указаны имъ баснословныя извѣстія, которыя могли быть заимствованы изъ Польскихъ и Чешскихъ писателей, сочиненія которыхъ полны басенъ о начальной Славянской исторіи; во второй, вслѣдъ за современною намъ историческою литературой, онъ отмѣтилъ правдоподобныя извѣстія. Боль-

шая часть этихъ извѣстій касается введенія христіанства въ Россію. Таковы: 1) извѣстія окрещеніи Аскольда и вслѣдствіе этого неудовольствіе на него Кіевлянъ-язычниковъ, призваніе ими Олега и занятіе послѣднимъ Кіева; 2) глухая борьба языческой партіи при Олегѣ и Святославѣ съ поклонниками истинной вѣры; 3) переходъ Ярополка на сторону христіанъ и торжество языческой партіи въ лицѣ Владиміра, занявшаго подобно Олегу кіевскій столъ; 4) вліяніе Болгаръ на распространеніе у насъ христіанства и просвѣщенія, и 5) подробности, какія разсказаны о крещеніи Новгородцевъ повидимому очевидцемъ событія. О послѣднихъ жалѣлъ даже самъ Карамзинъ, что не можетъ принять ихъ за положительно вѣрныя [158]).

Что касается заимствованія переписчикомъ Іоакимовской лѣтописи баснословныхъ извѣстій изъ Польскихъ и Чешскихъ лѣтописцевъ; то оно легко объясняется тою мѣстностію, изъ которой вышелъ самый отрывокъ. Мелхиседекъ Борщовъ, доставившій его Татищеву, былъ архимандритомъ Бизюкова монастыря, лежавшаго въ Дорогобужскомъ уѣздѣ. Бизюковъ монастырь былъ основанъ въ то время, когда Смоленскъ съ его окрестностями составлялъ часть Литвы, соединенной съ Польшею: основателемъ его былъ одинъ изъ Салтыковыхъ той линіи, которая наклонна была къ Польскому просвѣщенію. Время основанія Бизюкова монастыря относится къ эпохѣ короля Владислава IV; а магнаты, основывая какой-либо монастырь, имѣли привычку снабжать его книгами и рукописями. Польская же литература XVII вѣка, была богата составителями апокрифическихъ лѣтописей, вносившими въ свои компиляціи баснословныя извѣстія изъ различныхъ источниковъ. Свѣдѣнія объ этомъ циклѣ сказочныхъ лѣтописей, собраны въ извѣстномъ сочиненіи Оссолинскаго о Винцентѣ Кадлубкѣ, переве-

денномъ на нѣмецкій языкъ и дополненномъ Самуиломъ Линде. Изъ описаній нашихъ книгохранилищъ: Румянцева, Толстаго, Царскаго и другихъ, извѣстно, что и Русская литература въ XVII и даже первой половинѣ XVIII вѣка, небѣдна была заимствованіями подобныхъ баснословій изъ Польской литературы: въ этомъ смыслѣ, первая половина Іоакимовскаго отрывка, не будетъ единственнымъ примѣромъ или исключеніемъ изъ общаго правила. Не представляя для Русскаго историка существеннаго интереса своимъ содержаніемъ, она не можетъ бросать ни малѣйшей тѣни подозрѣнія на извѣстія, находящіяся во второй половинѣ отрывка. Послѣднія достаточно подверждаются ихъ согласіемъ съ извѣстіями, находящимися въ другихъ источникахъ [159]).

Кромѣ Іоакимовскаго отрывка въ исторіи Татищева встрѣчается еще нѣсколько мѣстъ, возбуждающихъ сомнѣніе своимъ содержаніемъ. Таковъ отрывокъ изъ исторіи полоцкаго княжества, вставленный Татищевымъ въ его исторію подъ 1217 годомъ. Въ немъ разсказывается исторія княжны Святохны, дочери Казиміра Померанскаго, которая, вышедши замужъ за Бориса Давидовича, князя полоцкаго, втайнѣ держалась католицизма, хотя явно приняла греческое исповѣданіе, гнала своихъ пасынковъ Василька и Вячка, любимыхъ народомъ, выставляла впередъ своего сына, Владиміра-Войцеха, была хитра и коварна, возбудила своимъ поведеніемъ бунтъ въ полоцкомъ населеніи, кончившійся ея заключеніемъ и изгнаніемъ поморянъ изъ полоцкой области. Татищевъ въ своемъ примѣчаніи къ этому мѣсту говоритъ: «сіе выписано изъ лѣтописца Еропкина, который видно, что пополниванъ въ Полоцкѣ; ибо въ немъ много о полоцкихъ, витебскихъ и другихъ литовскихъ князехъ писано, токмо я не имѣлъ времени всего выписать, и потомъ его видѣть не досталъ, слыша, что отданъ списывать». Г. Лыжинъ въ

своей статьѣ: два памфлета временъ Анны Іоанновны, считаетъ этотъ отрывокъ составленнымъ въ томъ кружкѣ, къ которому принадлежали Волынскій, Еропкинъ, Хрущовъ, и направленнымъ противу правленія Бирона. Такимъ образомъ упрекъ падаетъ только на излишнюю довѣрчивость Татищева къ мутному источнику, а не на его собственную совѣсть. Но съ другой стороны, объясненіе этого отрывка, предложенное г. Лыжиномъ, слишкомъ произвольно и основывается лишь на судьбѣ Волынскаго съ его товарищами, на его безумныхъ планахъ и литературныхъ занятіяхъ. Волынскій и его товарищи могли смотрѣть на этотъ отрывокъ какъ имъ было угодно; но историческое существованіе лицъ, выведенныхъ въ немъ, подтверждено отчасти самимъ Лыжинымъ, а самое событіе, разсказанное въ немъ, нисколько не противорѣчитъ исторіи полоцкаго княжества, которое уже по самому географическому положенію своему, должно было встрѣчаться враждебно съ своими сосѣдями. Иначе мы должны точно также заподозрить и другое извѣстіе о походѣ смоленскихъ князей на полоцкихъ въ 1167 году, о которомъ Татищевъ говоритъ въ примѣчаніи: «сей походъ на князей полоцкихъ находится въ одномъ Голицынскомъ; но тутъ конецъ утраченъ, и на сторонѣ того же писца рукою отмѣчено: здѣсь утрачено». Не менѣе любопытно, въ этомъ отношеніи и то извѣстіе, которое сообщилъ Татищеву Хрущовъ, о предложеніи галицкаго князя Романа касательно наслѣдія великокняжескаго престола. По этому извѣстію, Романъ, пріѣхавъ въ 1203 году въ Кіевъ, предлагалъ остальнымъ князьямъ и ихъ боярамъ слѣдующее: «вы братія извѣстны о томъ, что Кіевъ есть старѣйшій престолъ во всей Русской земли, и надлежитъ на ономъ быть старѣйшему и мудрѣйшему во всѣхъ князѣхъ русскихъ, чтобъ могъ благоразумно управлять, и землю рус-

скую отовсюду оборонять, а въ братіи князьяхъ русскихъ доброй порядокъ содержать, дабы единъ другаго не могъ обидить, и на чужія области наѣжжать и разорять; нынѣ же видимъ все тому противное, похищаютъ престолъ молодшіе и несмысленные, которые не могутъ не токмо другихъ распоряжать, и братію во враждахъ разводить, но сами себя оборонять не въ состояніи, часто востаетъ война въ братіи, приводятъ поганыхъ половцевъ, и разоряютъ землю русскую, чемъ наипаче и въ другихъ вражду всѣваютъ: того ради и Рюрикъ явился виненъ, и я лишилъ его престола, дабы покой и тишину русской земли пріобрѣсти, доколѣ всѣ князи Русскіе, разсудя о порядкѣ русскаго правленія, согласно положатъ и утвердятъ, о чемъ прошу отъ каждаго совѣта, кто какъ наилучше вздумаетъ. Мое же мнѣніе, ежели принять хотите, когда въ Кіевѣ великій князь умретъ, то немедленно мѣстные князи суздальскій, черниговскій, галицкій, смоленскій, полоцкій и рязанскій согласяся изберутъ старѣйшаго и достойнѣйшаго себѣ великимъ княземъ, и утвердятъ крестнымъ цѣлованіемъ, какъ-то въ другихъ добропорядочнымъ государствахъ чинится; младшихъ же князей къ тому избранію непотребно, но они должны слушать, что оные опредѣлятъ. Когда тако князь великій на Кіевскій престолъ избранъ будетъ, долженъ старѣйшаго сына своего оставить на удѣлѣ своемъ, а молодшихъ надѣлить отъ онагожъ, или въ русской земли отъ Горыня и за Днѣпръ, сколько городовъ издревле къ Кіеву принадлежало. Ежели кто изъ князей начнетъ войну и нападеніе учинитъ на область, то великій князь да судитъ съ мѣстными князи и смиритъ. Ежели на кого войною придутъ Половцы, Венгры, Поляки или другой народъ, и самъ тотъ князь оборониться не можетъ, тогда князю великому согласяся съ мѣстными князи, послать помочь отъ всего го-

сударства, сколько потребно; а чтобы мѣстные князи не оскудѣвали въ силахъ, не надлежитъ имъ областей своихъ дѣтямъ дѣлить, но отдавать престолъ по себѣ одному сыну старшему со всѣмъ владѣніемъ; меньшимъ же хотя давать для прокормленія по городу или волости, но онымъ быть подъ властію старѣйшаго ихъ брата; а буде у кого сына не останется, тогда отдать брату старѣйшему по немъ, или кто есть старѣйшій по линіи въ родѣ его, чтобъ русская земля въ силѣ не умалялась. Вы бо вѣдаете довольно, когда не много князей въ Руси было, и старѣйшаго единаго слушали, тогда всѣ окрестные ихъ боялись и почитали, не смѣя нападать на предѣлы Русскіе, какъ-то нынѣ видимъ; и естьли намъ нравно съѣхаться на совѣтъ къ Кіеву, или гдѣ пристойно, чтобъ о всемъ внятнѣе разсудить, и уставъ твердый учинить, то прошу въ томъ согласиться и всѣмъ обвѣстить.» Слова эти не находятся ни въ какомъ другомъ источникѣ и потому могутъ быть также заподозрены. Но Татищевъ, въ примѣчаніи къ нимъ, объясняетъ: «сіе Романово предложеніе ни въ одномъ манускриптѣ, которые я въ рукахъ моихъ имѣлъ, не находится; а сообщилъ мнѣ Хрущовъ выписанное, и сказалъ, что выписано въ Новѣградѣ изъ древняго лѣтописца, и писано было древнимъ нарѣчіемъ, которое мы съ нимъ преложили, какъ здѣсь. А хотя мнѣ оное нѣсколико сомнительно было; однакожъ: 1) видя слогъ онаго древній, котораго онъ самъ сочинить не могъ; 2) что сія форма правленія подобна Нѣмецкой Имперіи, которую никто залучшую почесть не можетъ, и Хрущовъ самъ многіе въ томъ попреки довольно разумѣя не хвалилъ, какъ я довольно его мнѣніе зналъ, что онъ у насъ монархію прочимъ предпочиталъ; 3) число шести избирателей не безопасно; ибо по три раздѣляся, ко окончанію привести не возмогутъ, развѣ седьмой въ списываніи проронѳнъ. Что же въ

мѣстныхъ наслѣдіе одному старѣйшему сыну полагалъ, оное весьма изрядно, и есть ли бы сіе тогда утвердили, тобъ конечно такого великаго вреда отъ татаръ не приключилось.» Наконецъ къ числу сомнительныхъ страницъ въ сочиненіи Татищева относится большая часть описаній лицъ и характеровъ различныхъ князей [160]).

Въ тѣхъ же примѣчаніяхъ къ исторіи Татищева находятся примѣры его критическихъ пріемовъ. Сводя въ текстѣ извѣстія изъ различныхъ рукописей, въ примѣчаніяхъ онъ обыкновенно указываетъ на то, какое извѣстіе откуда взято. Особенно подробно изслѣдованы у него нѣкоторыя хронологическія разнорѣчія. Но вообще, критическій талантъ Татищева выражался гораздо болѣе въ его замѣчаніяхъ о возможности, историческомъ значеніи и внутреннемъ смыслѣ того или другаго событія. Съ такими замѣчаніями мы познакомимся ниже.

Помимо критическихъ достоинствъ, примѣчанія Татищева имѣютъ еще тотъ интересъ, что въ нихъ проглядываютъ различные богословскія, философскія, политическія и историческія убѣжденія автора. Въ этомъ отношеніи Татищевъ былъ подъ вліяніемъ времени. Богословскія и церковноисторическія свѣдѣнія почерпалъ онъ изъ Баронія; но, будучи знакомъ съ сочиненіями Гоббеса и Беля, онъ постоянно относился критически къ догматическому направленію, за что его обвиняли въ духовномъ вольнодумствѣ. Какъ историкъ, Татищевъ смѣялся надъ властолюбіемъ Папъ, надъ желаніемъ католиковъ дать твердыя основы ученію о папской власти; надъ поведеніемъ нѣкоторыхъ митрополитовъ и патріарховъ въ до-петровской Россіи, надъ собираніемъ богатствъ и поземельныхъ владѣній древнимъ Русскимъ духовенствомъ, надъ внѣшнимъ пониманіемъ религіи, надъ обрядною стороною вѣрованій, боязнію діавола, волшеб-

ствомъ, суевѣріемъ, провѣщателями, ворожеями, ложнымъ смиреніемъ. Вотъ примѣры подобныхъ разсужденій его. Говоря объ еретикѣ Димитріѣ, явившемся въ 1123 году, котораго князь Всеволодъ Мстиславичъ отдалъ на обличеніе митрополиту, Татищевъ замѣчаетъ: «здѣ на первое о ереси противо уставовъ церковныхъ, яко о поклоненіи иконамъ, постахъ, монашествѣ и проч. противорѣчить дерзали, и обличены покаялись, наказанію подвергнуты и погибли, какъ и ниже нѣколико таковыхъ показывается. Токмо сожалѣтельно, что о томъ обстоятельнѣйшаго описанія чиня, кто свой толкъ утверждалъ, и оное такъ справедливо и осуждено, не осталось, безъ котораго истинныхъ обстоятельствъ видѣть и разумѣть не будемъ, а чрезъ невѣденіе многіе претыкаются и падаютъ. Обаче въ таковыхъ обстоятельствахъ сугубое разсужденіе предлежитъ: 1) Сколько отъ исторій древнихъ извѣстно, еже такіе ересіархи, или расколоначальники, большею частію люди любочестіемъ побѣжденные, и по остроумію вымысля что либо для показанія себя показали; и прибирая доводы отъ писанія святаго неправо толковали, какъ то о Аріи, Несторіи, и прочихъ видимъ, которые сладкорѣчіемъ множество народа за собою влекли, и хотя той споръ не въ легкихъ дѣлахъ состоялъ, но первенствующая церковь не тая на соборахъ Вселенскихъ съ достаточными доказательствы описаніе оставили и памяти предали, и тѣмъ людей отъ прелести свободили: другіе люди суще безумные, и ни како у людей ученыхъ согласія улучивше, не токмо простыхъ людей многорѣчіемъ прельстили, какъ то видимъ Ягапа Фонъ Лейденъ, отъ котораго Анабабтисты произошли; равно сему наши раскольники старовѣры, или рѣщи пустовѣры, никакого догматическаго о вѣрѣ предлога имущіе, за самыя надлежащія до вѣры и закона дѣла распрю воздвигнувъ отпали, и множество ты-

сячь погубили, и таковыя басни умному иногда писать скучно и стыдно. 2) Причина удержанію таковыхъ извѣстій есть не меньше властолюбіе церковнослужителей, что они, когда отъ кого въ ихъ противу писанія святаго для власти и сребролюбія учиненныхъ законахъ правильно обличаемы бываютъ, то не могущіи терпѣть, злобно осуждаютъ и губятъ, а боясяя народа, чтобъ ихъ злость и безумство предъ всѣми не обличалась, истинну тая, о лжи на оныхъ обличителей сплетая объявляютъ, какъ то видимъ древніе идолослужители на безпорочныхъ первенствующей церкви христіанъ, такожъ римскіе попы на церковь восточную клеветали. Но что пользуетъ такая ложь и утаеніе истины, кромѣ большаго имъ возраженія? ибо всѣ видя на осужденнаго неправо сплетенныя клеветы болѣе обвинителя осудятъ, разсуждая, что не имѣя надлежащихъ ко обвиненію причинъ, злостно лжею винятъ, и тѣмъ единымъ къ тому преклоняются, а когда что всемъ явное и доказательное, то никого болѣе не прельщаетъ. Наши же писатели, какъ видимо, такихъ коварствъ не употребляли, но токмо едино просто и краткорѣчіе любя оставили, или другіе послѣ не любя истины, написанное извергнули, какъ то во многихъ мѣстахъ обрѣтается, или паче вѣрительно, что оныя прѣнія отъ богослововъ особно описаны были да погибли, а историки вѣдая, то кратко упоминали, какъ то о соборѣ церкви Іоанна I. Макарій въ лѣтописи кратко упомянулъ, а дѣянія собора особо написалъ» [161]). О волхвахъ Татищевъ выражается такъ: «волхвъ слово у насъ двояко значитъ: первое мудраго и ученаго человѣка, каковы волхвы Христу дары принесли, въ греческомъ *Магосв* именованы, но оное на многихъ другихъ мѣстахъ значитъ чародѣя, но въ греческомъ *софосв*, т. е. мудрецы именованы, слѣдственно видимъ и у грекъ мудрецъ и чародѣй смѣшано;

2) имянуются обаватели, яко въ псалмѣ 57, ст. 6. въ греческомъ *формакосв.* Здѣсь же сказуется о волхвѣ провѣщателѣ, чародеѣ, или ворожеѣ, о которыхъ простой народъ, какъ Несторъ благоразсудно говоритъ, суевѣрствовали, якобы человѣкъ чрезъ діавола могъ что сдѣлать или предбудущее вѣдать. Правда, что въ письмѣ святомъ много такихъ обстоятельствъ находится, и которыхъ невѣдущей толкованій на оныя можетъ равно тѣмъ простымъ суевѣрцамъ послѣдовать и за сущее дѣйство, или видѣніе чрезъ діавола, почитать: ежели же благоразумно разсудить, что такими сказаніи приписываютъ діаволу всемогущность и всевѣденіе, то его дѣлаютъ другимъ богомъ, ибо сіи свойства никому кромѣ Бога не принадлежатъ, о которомъ многіе ученые внятно истолковали» [162]). Къ лѣтописному разсказу о смерти Олега, Татищевъ пишетъ такое примѣчаніе: «явная басня по древнему суевѣрству о ворожеѣ, чему всякъ благоразумный не повѣритъ, разсудя, что сіе не иначе было бы, какъ чрезъ діавола; діаволъ же никакъ такихъ предбудущихъ обстоятельствъ знать не можетъ, о которомъ Всевышній Творецъ отъ ангелъ утаилъ, и содержитъ въ своей единой власти, овому по заслугѣ, яко Манассію, лѣта прибавляетъ, овому же, яко Лію священнику, за грѣхи умаляетъ; а есть ли сему сказанію ворожей вѣрить, то вѣрить непремѣнному во всемъ предопредѣленію, и посемубъ всякое убивство человѣка не по нашей волѣ, но по божію опредѣленію, что всему письму святому и благонравію противится. Дале, а потомъ Парижской Академіи секретарь Фонтенель, оба преученые люди, о оракулахъ, бывшихъ въ язычествѣ, утверждаютъ, что по Христѣ суевѣріе погасать началось, и провѣщанія чрезъ діавола быть не могутъ» [163]). По поводу различныхъ предсказаній Татищевъ говоритъ: «волхвованіе или чародѣйство и познаніе будущаго чрезъ го-

лоса звѣрей и птицъ есть весьма древнее языческое баснословіе во всѣхъ народахъ, особливо у Римлянъ чинъ Авгуровъ или птицегадателей въ великомъ былъ почтеніи, который великими доходы и властію былъ снабденъ, для того императоры оной себѣ присвоить старались и имѣли, но еще того суесловцамъ мало казалось, чтобъ голосы звѣрей и птицъ знать; но сказывали, якобы люди въ звѣрей и птицъ превращались, хотя никто благоразумный сему вѣрить не можетъ, но мудрые полководцы часто такими предвѣщаніи войска ободряли, къ храбрости побуждали, и побѣды одержали» [164]). Противъ суевѣрій направлены два примѣчанія. Въ одномъ изъ нихъ сказано: «ужасно и прискорбно было Нестору писать суевѣрствіе народа, неимущаго нимало ума и просвѣщенія, но разсудя по настоящему въ христіанахъ именующихся, что имѣя законъ божій и другими вольными науки умъ просвѣщенный, не меньше оныхъ суевѣрствуетъ. Я не почитаю то въ диво, когда слышу отъ людей къ знанію закона божія неприлежащихъ и о разсужденіяхъ невнимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ паукъ толкованія за истину почитающихъ, но дивнѣе всего онаго, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которое особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовѣ и благонравію, яко соль обуявшая ни сами хотятъ законъ божій разумѣть, ни народъ обучать, и еще того тягчѣе, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія, и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное предаютъ.» Въ другомъ примѣчаніи сказано: «здѣсь Несторъ сказуетъ о нѣкоихъ волхвахъ, или обманщикахъ, съ пространствомъ, частію сумнительно, частію къ исторіи не касается, того ради я сократилъ, а въ концѣ обстоятельно положилъ. Сіе недивно, что тогда на-

родъ, не имѣющій довольнаго ума и просвѣщенія, такимъ безумнымъ баснямъ, или паче сущимъ вракамъ, вѣрили; но удивительнѣе видимъ нынѣ, сколько есть суевѣрныхъ, которые безумныхъ ханжей или пустосвятовъ разсказы и враки паче святаго писанія и ученія мудрыхъ людей почитаютъ, яко то именующіеся старовѣры, или паче сказать, пустовѣры, христовщина какой то былъ безумный и мерзкой законъ, славный пустосвятъ и плутъ Андреюшка, и другіе, не говорю о подлыхъ, но знатныхъ женъ и мужей суевѣрныхъ, сколько въ безуміе привели, и къ своему богомерзкому сборищу пріобщили. Я сіе не пишу во обличеніе и поношеніе впадшимъ въ такія мерзости; ибо они могли уже, или могутъ покаяться; но паче для тѣхъ, которые впредь таковыхъ ханжей услышатъ разсказы, чтобъ себя отъ вѣроятности остерегли, а паче прилѣжали умъ свой святымъ писаніемъ, въ немъ же мы вѣримъ животъ вѣчный пріобрѣсти, и вольными науки просвѣтить, и не токмо себя, но и другихъ, отъ таковыхъ паденій охранить» [165]). О язычникахъ встрѣчается также не мало замѣчаній. Въ одномъ, напримѣръ, изъ нихъ говорится слѣдующее: «мнѣніе о вѣрѣ идолопоклонниковъ есть у писателей христіанскихъ сугубо: одни весьма ихъ обидятъ, сказуя якобы они ни малаго познанія о истинномъ Богѣ, безсмертіи души и будущемъ воздаяніи не имѣли; другіе избыточествуя тѣмъ, что не токмо оное, но и познаніе тріипостаснаго божества многимъ языческимъ философамъ въ ротъ кладутъ. Внятно же разсмотря довольно видимъ, что о единствѣ божества и о вѣчной жизни душъ многіе подлинно вѣрили и учили, а идоловъ уничтожали, или несуще Богу равныхъ вѣрили яко и здѣсь различая говоритъ отъ Бога Перуна, хотя о существѣ Бога и вѣчности души темно или недостаточно толковали, о которыхъ Валхъ въ лексиконѣ

философскомъ по разнымъ статьямъ съ достаточными доводы показалъ, особливо о вѣчной жизни и будущемъ воздаяніи. Пиѳагоръ для удержанія людей отъ злодѣянія, и для наставленія къ благонравію и благочестному житію, вымыслилъ прехожденіе душъ изъ одного въ другое животное по дѣламъ каждаго. Другіе вѣрили душу быть часть божества, изъ которыхъ благочестно жившіе паки къ оному возвращались, а порочное житіе препроводившіе въ нѣкое прискорбное имъ мѣсто отлучались. Восточный идолъ Далайлама, мню, болѣе для вымана отъ народа денегъ, нежели для обученія къ благочестному житію, къ безсмертности души вымыслилъ чистительный огонь, которому и западный Папа, яко въ прочихъ вымыслахъ, тако и въ семъ послѣдовалъ. Магометъ, вторый антихристъ, хотя безсмертіе души ясняе другихъ язычниковъ училъ, но воздаянія весьма смѣшныя и мерзкія вымыслилъ. Что же до сего заблужденнаго мнѣнія касается, еже благочестно и въ довольствѣ жившіе по смерти будутъ господами, а лжецы и злодѣи будутъ раби, сіе у нашихъ идолопоклонническихъ Вогуличъ и Черемисъ доднесь тако вѣрится, какъ я въ географіи сибирской о нихъ пространнѣе, а о идолахъ въ главѣ второй показалъ.» [166]). Въ другомъ примѣчаніи сказано: «хотя язычники ихъ сдѣланные болваны Боги именовали, ихъ почитали, на нихъ надѣялись, и ихъ боялись, однакожь и между ими благоразсудные истиннаго всевышняго Бога признавали, якоже и послѣ по случаю Бога и Перуна различаютъ, но простой народъ конечно того не разумѣлъ. Я упомянулъ, что многіе мудрые люди между язычники находились и совершенно единаго Бога Творца и Содержителя твари признавали; а идоловъ презирали и уничтожали, но какую мзду получили, видимъ Сократа и другихъ отъ невѣждъ еретиками, аѳеистами и проч. поносимы

и гонимы были, а нѣкоторые и смерть приняли, да сіе и не дивно, и не такъ прискорбно о тѣхъ, какъ видимъ въ христіанствѣ самые невѣжды людей добре законъ Божій свѣдущихъ и хранящихъ равномѣрно поносятъ, гонятъ, и колико могутъ, оскорбляютъ» [167]). О боязни діавола Татищевъ считалъ нужнымъ въ свое время замѣтить слѣдующее: «старинное реченіе, яко бы діаволъ надъ всѣми власть имѣетъ, Евангеліе же сказуетъ, ни надъ свиньями, то коль меньше надъ человѣки, хотя бы и невѣжды, развѣ бы сказать тако, вси же безумствуя служаху діаволу или идоломъ, имъ вѣроваху и покланяхуся, діаволъ же никоея власти не имѣетъ» [168]). О богатствѣ духовенства Татищевъ говоритъ по поводу уставовъ о церковныхъ десятинахъ, который онъ считаетъ подложнымъ: «десятины на церковь, хотя въ четырехъ спискахъ древнихъ, но вездѣ равно находится и слогъ новой, мню попами вымышленной, отличается; ибо есть ли сіе отъ всѣхъ доходовъ государевыхъ и народныхъ уставлено было, тобъ конечно все не угасло, да и съ мудростію не согласно, чтобъ отъ всѣхъ доходовъ государственныхъ десятое на церковь дазать, и тѣмъ содержанію войскъ и защитѣ и оборонѣ подданныхъ ущербъ чинить. Другое, смотрѣть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требуетъ; главная того потребность содержаніе больницъ, богадѣленъ и училищъ, а не на роскошность, піянство и блудъ или великолѣпіе духовныхъ, какъ сіе царь Іоаннъ II въ письмѣ Гурію архіепископу Казанскому и Петръ Великій въ указѣ 1724 изъяснили. Однакожь то доказательно, что отъ прибытковъ подданныхъ десятину платить у насъ положено, и увѣряетъ въ житіи Андрея Боголюбскаго, что онъ вмѣсто десятины земли и волости далъ, въ Кіевѣ же церковь оная доднесь Десятинная зовется, а ниже показано, что Полонное, мѣстечко въ Волыни,

къ сей церкви въ десятину дано, потому можно разумѣть, что государи вмѣсто десятины монастыри построя великими доходы снабдили; но отъ народа сбора доходовъ никакого знака нѣтъ. Архіереи отъ церквей каждой въ своей епархіи десятину берутъ, которую и дань именуютъ. Въ европейскихъ, или паче сказать, едва не во всѣхъ ли христіанскихъ государствахъ, десятина на церкви собирается, и сіе есть частію должное, частію нуждное и полезное. Нуждно же сіе есть, дабы церковнослужители вопервыхъ могли чѣмъ дѣтей своихъ въ наученіе отдавать, книги потребныя покупать, сами не о работѣ земской, но о наученіи народа прилѣжать; второе, чѣмъ училища для неимущихъ учениковъ, яко же для немощныхъ богадѣльны содержать, дабы оное конечно на то не на прихоти и роскошности вредныя и Богу противныя, а народу безполезныя употребляли, какъ выше упомянулъ» [169]). О вліяніи духовенства на обычай князей постригаться предъ смертію Татищевъ выражается такъ: «постриганіе предъ смертію въ такой обычай у князей вошло, что почитай всѣ воспріимали, мню, для того, что вѣрили, якобы оное отъ всѣхъ грѣховъ очистить, или жизни продолжить могло. Князь великій Ростиславъ 1167 хотя такожде желалъ предъ смертію постричься; но благоразсудный духовникъ ему воспретилъ. Князь великій Іоаннъ третій понуждающему митрополиту отказалъ, и аще просторѣчно, но весьма изрядно изъявилъ, что въ ономъ никакой пользы быть не можетъ. Сіе, мню, болѣе отъ робости и слабовѣрія происходило; ибо по письму святому довольно вѣра и надежда на Бога къ нашему спасенію; робость же есть неразсудность, что человѣкъ будучи въ превеликомъ страхѣ, хватается за вещи нимало пользующія; яко человѣкъ утопающій хватается за плавающую солому, которой есть ли бы не былъ въ великомъ страхѣ, могъ ра-

зумѣть, что оная ему нимало не поможетъ» [170]). Наконецъ, комментируя извѣстіе о посольствахъ Владиміра въ сосѣднія земли на счетъ разузнанія обрядовъ различныхъ вѣроисповѣданій, Татищевъ замѣчаетъ: «если сказать, что посылалъ токмо членовъ церковныхъ и убранство смотрѣть, то сіе весьма неприлично, ибо видѣніемъ вѣры истинной показать не можно, и вѣра не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ [171]) Подобныя мысли, которыя Татищевъ иногда высказывалъ и въ обществѣ, были причиною тѣхъ обвиненій его въ атеизмѣ, за которыя досталось ему отъ Петра, на которыя Татищевъ жаловался сыну въ духовномъ завѣщаніи, за которыя его исторія долго была неизданною. Мало того: такой взглядъ на духовенство и его общественную дѣятельность отразился потомъ и на критикѣ Татищева.

Всякій разъ, приступая къ ислѣдованія свѣдѣній, которыя собраны были духовными писателями, онъ съ особенною недовѣрчивостію смотрѣлъ на эти извѣстія. Митрополитъ Макарій, по его мнѣнію, въ степенную книгу «отъ скудости знанія въ древности или отъ лицемерства неколико недоказательныхъ обстоятельствъ внесъ». Патріархъ Никонъ составилъ будто бы описаніе своей жизни, которое «для его самохвальства, а нѣкоторыхъ и неправыхъ сказаній есть стропотна». Говоря о Никоновскомъ спискѣ лѣтописи онъ прибавляетъ: «видится особливо Никонъ самъ пречерня, велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что ко уничтоженію власти духовной въ другихъ находится, въ немъ выкинуты или перемѣнены, и новымъ порядкомъ вписаны, напримѣръ: гдѣ въ прочихъ написано «посла князь, или повелѣ князь митрополиту или епископу; тутъ онъ написалъ: и моли князь отца своего митрополита или епископа. Но сіе прежде

всего началъ употреблять Макарій митрополитъ московскій, дополняя Степенную Кипріанову». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ рѣшительнѣе: «папа вселенскую церковь вѣрно поправляетъ. Сказаніе сіе есть самохвальное по вкусу папистовъ. Равно сего тангуты далайламу за всеобщаго міру священника и Бога почитаютъ; но я мню обоимъ многаго недостаетъ. Но сей Никонъ патріархъ, какъ весьма былъ властолюбивъ, то не устыдился въ своемъ житіи баснь внести, якобы ему еще въ убожествѣ бывшему татаринъ провѣщалъ быть государемъ всея Руссіи, и самъ себѣ льстя заключилъ еже и собыстьcя, но все токмо въ его мнѣніи, а не въ существѣ; ибо государемъ никогда не былъ, но подвластный государю.» По поводу извѣстія о зміѣ, спавшемъ съ неба, Татищевъ замѣчаетъ: «сіе есть басня, вымышленная для удержанія государей отъ охоты псовой, какъ то и Никонъ въ возраженіе царю Алексію Михайловичу и Симеонъ Полоцкій въ наученіи сію басню въ примѣръ приводили.» Татищевъ не любилъ басенъ, вымысловъ; но еще болѣе отъ души не любилъ тотъ источникъ, изъ котораго онѣ, по его догадкамъ, происходили. Философскія убѣжденія Татищева не могли быть ни самостоятельны, ни глубоки. Философія въ его время еще не принималась на русской почвѣ; съ нею знакомы были не многіе, да и то больше внѣшнимъ образомъ. Школа Лейбнице-Вольфіанская только что начинала имѣть у насъ тогда нѣкоторое вліяніе, благодаря мнимому знакомству преобразователя съ первымъ философомъ и отношеніямъ Ломоносова съ товарищами ко второму, благодаря наконецъ учрежденію академіи наукъ, членами которой были соотечественники обоихъ. Практическое направленіе ихъ должно было найти отголосокъ въ дѣятельномъ Татищевѣ. Но съ другой стороны, знакомство съ скептическимъ Бэлемъ и его предшественникомъ Гоб-

бесомъ, повидимому, не осталось безъ вліянія на умъ Татищева: его взгляды на религію, на церковь и общественное положеніе духовенства отчасти объясняются этимъ вліяніемъ, помимо вліянія тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя создала реформа Петра, помимо тѣхъ противорѣчій, которыя были вызваны столкновеніемъ древней русской жизни съ новою. Но, вообще говоря, философскія познанія Татищева не могли быть обширны; онъ самъ говоритъ о себѣ въ предъизвѣщеніи къ своей истиріи: «въ философіи я неученъ» [173]).

Что касается у ѣжденій его историческихъ и политическихъ, то они были неразрывно и тѣсно связаны между собой. Еще въ 1730 году, по поводу избранія Анны Іоанновны, Татищевъ заявилъ свой образъ мыслей: въ основѣ его лежали указанія исторіи. Понятно, что въ примѣчаніяхъ къ своему сочиненію, Татищевъ долженъ былъ не разъ высказаться въ томъ же смыслѣ. Какъ историкъ-мыслитель, Татищевъ выступаетъ собственно въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ ко второму и третьему тому своей книги. Весь же первый томъ наполненъ большею частію свѣдѣніями этнографическими и археологическими.

Татищевъ, разумѣется, не могъ долго останавливаться ни на тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя вступили варяго-русскіе князья къ славянскимъ племенамъ послѣ ихъ призванія, ни на борьбѣ между народною и княжескою властію во время развитія Русской Правды, ни на вопросахъ о значеніи вѣчевыхъ городовъ, общинъ, удѣльныхъ усобицъ, о развитіи вотчиннаго начала, о возникновеніи московскаго государства и так. дал. Его личныя мнѣнія, приговоры и разсужденія отрывочны и случайны. Такъ по поводу судьбы Ярополка Татищевъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Ярополка житье и дѣла у Нестора не весьма хвально описаны, но паче невѣрность и

предательство его вельможъ ему въ слабость и неразсудность приписалъ: противно тому Іоакимъ его кротость, благонравіе и любовь къ христіанамъ довольно похваляетъ: однакожъ какъ кротость и набожность въ простыхъ людѣхъ ни похвальна, а больше строгость и правость въ государяхъ, свирѣпство только государямъ порочна и вредна; ибо осторожность, и бодрость, и правосудіе отъемлютъ, а чрезъ то областямъ большій вредъ приключается, и власть ихъ презирается, что прикладами изъяснять, яко всякому вразумительно, непотребно» [173]). Не много далѣе онъ продолжаетъ: «о безпутствѣ же или великомъ порокѣ обоихъ, какъ Ярополка, такъ Владиміра, извинить не можно: первой весьма не пристойно одному любимцу ввѣрился, откинувъ свое и другихъ людей разсужденія, которое многихъ государей въ великіе пороки и вреды ихъ собственные и государственные вводитъ; ибо великая повѣренность и власть одному, его чинитъ гордымъ и презрительнымъ, а другимъ зависть, ненависть и злоба рождается. Равно Владиміръ не много о благочестіи и справедливости разумѣлъ, что такого беззлобиваго и покорнаго брата убилъ» [174]). Говоря о посольствахъ отъ Владиміра къ сосѣднимъ народамъ, Татищевъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «весьма хвалы достойное любопытство Владимірово о знаніи состоянія другихъ такихъ далекихъ государствъ, по которому можно вѣрить, что онъ своего государства и сосѣдственныхъ, яко болгаръ и прочихъ нужнѣйшихъ къ знанію, достаточныя описанія имѣлъ, токмо до насъ ничего не дошло. Въ таковомъ любопытствѣ не довольно было одно его желаніе и повелѣніе, но нуждно искуство и способность описывателя, чтобъ зналъ о чемъ и отъ кого надлежитъ увѣдомляться, что нуждно для любопытства, или пользы отечества: напримѣръ ландкарту сочинить. Строенія великолѣпныя и богатства такъ далекихъ

областей суть вещи токмо для любопытства. Законы, порядки, правосудія, награжденія за добродѣтели, наказанія за злодѣянія, военные поступки, хитрости въ ремеслахъ, нравы, смыслъ народа къ пріобрѣтенію пользы, а отвращенію вреда, довольство вещей, каковые отъ нихъ можемъ свободно достать, или что можемъ съ прибылью къ нимъ отвозить, сіи суть нужднѣйшіе ко извѣстію въ таковыхъ ѣздоописателяхъ. Древнѣйшаго, и за образецъ всѣхъ прочихъ, можемъ почесть Геродота, изъ новыхъ Тевенотъ и Тавернье; но мню, что Адамъ Олеарій едва не провосходитъ ли. Сосѣднихъ же государствъ въ описаніи, какъ большая есть нужда, такъ и описаніе оное большаго прилѣжанія требуетъ, и обстоятельныя оныхъ земель ландкарты уже не для любопытства, но и для сущей пользы нужды»[175]). О частомъ нарушеніи клятвы во время княжескихъ междоусобицъ Татищевъ выражается такъ: «многіе данную роту непріятелямъ ни во что вмѣняютъ, но еще того богопротивнѣе, когда видимъ, что папы римскіе учатъ, и за добродѣтель поставляютъ, еретикамъ или противникамъ ихъ мнѣнію данной роты не держать, что и магометане равномѣрно противно закону Божію учатъ; но видимъ изъ самой древности, что въ язычествѣ несодержащіе своего обѣщанія отъ Бога наказаны, и никогда сіе злодѣяніе безъ отмщенія не оставалось, о чемъ особливо у Геродота, Тита Ливія и другихъ языческихъ писателей многіе примѣры находимъ, сіе же наипаче, что единородному и единокровному Изяславъ преступилъ, за что послѣ достаточно отъ Бога наказанъ»[176]). По поводу судьбы дѣтей Ярославовыхъ, Татищевъ предается такого рода размышленіямъ: «сіе примѣчанія достойно, како великое Божеское правосудіе и по дѣламъ въ родъ и родъ воздаяніе на сихъ дѣтяхъ Ярославлихъ изъявлено. Изяславъ былъ простаго ума и весьма не остороженъ, паче же совѣ-

тамъ другихъ послѣдуя, престола два кратъ лишился. Святополкъ сынъ его хотя послѣ престолъ получилъ, но оставя жену безъ причины, съ наложницею дѣтей имѣлъ, и тѣмъ родъ свой пресѣкъ. Святославъ былъ властолюбивъ и завистливъ, паче же отеческое клятвенное завѣщаніе преступилъ, отъ котораго хотя много дѣтей было, и не малыми удѣлы владѣли, но престола великаго княженія удержать не могли; отъ коихъ хотя и доднесь еще нѣсколько родовъ въ шляхетствѣ знатныхъ, какъ въ табеляхъ родословныхъ показано, есть, но многіе страстію гордости и зависти побѣждены, за что въ разныя времена множество ихъ и пострадало. Всеволодъ меньшій сынъ Ярославль, какъ болѣе для его почтенія и покорности отцемъ любимъ былъ, болѣе всѣхъ завѣтъ отцовъ сохранилъ, справедливость, любовь къ братіи и кротость изъявилъ, такъ его Богъ предъ всею братіею благословилъ, что его родъ на престолѣ утвердяся, болѣе 500 лѣтъ Россію владѣлъ, и еще оставшіе отъ того рода днесь скромно и кротко въ посредствѣ содержатся, и нигдѣ въ замѣшаніяхъ и злыхъ предпріятіяхъ не показалися, развѣ за государей и отечество съ честію пострадали. Отъ него въ шляхетствѣ роды произшедшіе Смоленскихъ, Ростовскихъ, Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Суздальскихъ, по разнымъ званіямъ до 50, какъ въ табеляхъ родословныхъ сихъ княженій означено.» [177]). О наслѣдіи княжескихъ столовъ братьями, а не сыновьями умершихъ князей Татищевъ выражается такъ: «сей безпорядокъ, что дядья сыновьямъ умершаго ближайшимъ наслѣдникамъ предпочитались, великимъ безпутствомъ и разореніемъ государства причиною былъ; но царь Іоаннъ первый закономъ оное пресѣкъ» [178]). Потомъ Татищевъ снова обращается къ тому же вопросу, по поводу распоряженія Всеволода Ярославича княжескими столами, и го-

воритъ: «обыкновенно есть, неправыя домогательства утверждать доводами несогласными съ истинною, яко и сіе сказаніе Всеволода съ обстоятельствы прешедшими въ наслѣдіи государственномъ не согласно; наслѣдіе бо государственное есть весьма инаго состоянія, нежели имѣнія гражданъ, понеже гражданское имѣніе, доколѣ кто живъ, состоитъ въ его воли, кому хочетъ отдаетъ по смерти оставшее, у большей части народовъ отдается дѣтямъ, а въ недостаткѣ оныхъ ближнимъ родственникамъ равнымъ по равнымъ частямъ, кромѣ того, что кому при себѣ отдалъ или завѣщалъ; но государства наслѣдіе происходитъ изъ права естественнаго на утвержденіи договора, и договоръ есть общій всего народа, или законъ утвержденной. Сіе же раздѣленію наслѣдниковъ не подлежитъ, а подлежитъ все еще единому наслѣднику, наслѣдникъ же по завѣщанію ли государя, или по старшинсту рода государскаго, или по опредѣленію народа, какъ котораго уставъ состоитъ, потому опредѣляется; какже у насъ въ тѣ времена было, то довольно видимо, что никакого порядочнаго учрежденія не было. Владіміръ по себѣ правильно отдалъ сыну, но Мстиславъ для малолѣтства сына, или по любви особной къ брату Ярополку, ему мимо сына завѣщалъ, а Всеволодъ взошелъ на престолъ коварствомъ, обѣщалъ по себѣ престолъ отдать брату своему Игорю, нынѣ вздумалъ онаго лишить, неправый доводъ употребивъ; и сіе смятеніе о наслѣдіи продолжалось до времени Іоанна Великаго. Всеволодъ же по учиненному договору мимо Изяслава другому отдать, власти уже не имѣлъ, а что его учиненная рота пользы учинила, то слѣдующее время изъявило» [179]). Объ обычаѣ сажать на княжескіе столы малолѣтныхъ дѣтей Татищевъ говоритъ: «видимо по сей исторіи не рѣдко, что князи дѣтей своихъ малолѣтнихъ, лѣтъ меньше девяти, въ городы и при войскахъ

опредѣляли, можетъ, токмо для чести, что князь присутствуетъ, а правленіе все положили на другихъ; можетъ сіе и для обученія юности за полезно почитали, которое въ аристократіи или демократіи, какъ Новградъ правился, было безопасно отъ вреда; но въ монархіяхъ по искусству видимъ, что великіе вреды въ малолѣтствѣ государей приключались, какъ царь Іоаннъ Васильевичъ, въ своей рѣчи предъ походомъ къ Казани и на соборѣ 1551 году жаловался, и въ законѣ о отчинахъ монастырей показалъ» [180]). Значеніе посадниковъ и тысяцкихъ новгородскихъ Татищевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «посадники съ начала были отъ князей, которые потомъ намѣстники, нынѣ губернаторы именованы, съ начала же и намѣстники князи были, и для того надъ посадниками преимуществовали. Новгородцы по милости князей посадника себѣ сами изъ своихъ сущихъ гражданъ, или знатнѣйшаго шляхетства, выбрали, который у нихъ во всемъ княженіи главный былъ, подобенъ консулу, или бургомистру римскому, первое мѣсто по князѣ имѣлъ; какая же ему власть и сила была, того нигдѣ въ исторіяхъ не описано. Во время войны бывали два посадника, и старшій войскомъ управлялъ, иногда же оба, но въ разныя мѣста съ войскомъ ходили. Ихъ время неопредѣленное; нѣкоторые чрезъ много лѣтъ до смерти управляли, а иногда ихъ народомъ скидывали и убивали, домы ихъ грабили. Тысяцкой же во всякомъ княженіи былъ одинъ, яко генералъ надъ войскомъ. Они обыкновенный знакъ гривну златую и цѣпь на шеи носили. Въ бѣлой Руси послѣдней тысяцкой для великаго отъ нихъ въ народѣ безпокойства при великомъ князѣ Василіи III или Дмитріевичѣ отставленъ, подобно какъ во Франціи чинъ конетабля. Въ Новѣградѣ Тысяцкій былъ ниже посадника». О самыхъ же вольностяхъ новгородскихъ Татищевъ былъ такого мнѣнія: «о грамотахъ

Ярослава Великаго, якобы оной новгородцамъ многія вольности далъ, многократно они упоминаютъ, токмо ихъ нигдѣ не видимъ, кромѣ нѣкоторыхъ договоровъ со князи, какъ и сей учинилъ, чего они у Ярослава втораго выпросить не могли; да хотя имъ оный Михаилъ далъ, только Ярославъ послѣ оную отъ нихъ взялъ. Лихва полѣтняя, годовой ростъ, которое по 10 издревле уложено, а по пяти лѣтехъ ростъ къ капиталу прикладыванъ; о чемъ царь Іоаннъ Васильевичъ весьма благоразсудно уставъ учинилъ; но при сочиненіи уложенія царя Алексѣя Михайловича оное весьма полезное государству дѣло испорчено. Петръ Великій опредѣлилъ нѣчто указами, а потомъ уставомъ вексельнымъ о ростѣ между купечествомъ узаконили, но много между прочими остолося не изъяснено» [181]). Татищевъ не былъ на сторонѣ великаго Новгорода; псковичей считалъ онъ болѣе благоразумными, и только ихъ уступчивостію объяснялъ, почему нѣкоторыя вольности удержались долѣе во Псковѣ, нежели въ Новгородѣ.

Наконецъ политическія убѣжденія Татищева выразились въ сорокъ пятой главѣ первой книги его исторіи: о древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ. Здѣсь онъ говоритъ: «о власти и порядкахъ правительствъ историку не потребно болѣе писать, какъ токмо о приключеніяхъ предпріятой области, и причины, и для которыхъ что премѣнилось: а что касается до начала сообществъ, порядковъ, правительствъ и должностяхъ правителей и подданныхъ, оное собственно принадлежитъ до философіи, въ частяхъ морали или нравоученія закона естественнаго и политики, которое отъ разныхъ философовъ достаточно на разныхъ языкахъ описано, и по моему мнѣнію Христіанъ Волфъ лучше прочихъ, то есть внятно предалъ; но понеже оныхъ на нашъ языкъ не переведено и кромѣ Пуфендорфовой политики и морали въ кни-

жицѣ о человѣкѣ и гражданинѣ смѣшенной въ печати не имѣемъ, противно тому письменныхъ, но непотребныхъ, со излишкомъ, яко Махіавеллева о Князѣ, Гобезіева Левіатанъ, Локъ правленіе гражданское, боккалинова и тому подобные болѣе вредительные, нежели полезные находятся, изъ чего у неразсудныхъ странныя съ мудростію и пользою государства несогласныя разсужденія произносятся, а нѣкоторые съ великимъ ихъ собственнымъ и государственнымъ вредомъ непристойное дерзнули, для того я о семъ сверьхъ моей исторической должности, кратко воспомянуть запотребно разсудилъ». Отправляясь отъ того положенія, что человѣкъ одинокій «совершенную себѣ пользу, удовольствіе и спокойность пріобрѣсти недостаточенъ, ниже пріобрѣтенное сохранить способенъ», Татищевъ переходитъ къ разсужденію о супружествѣ и бытѣ семейномъ, говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ мужа и жены, объ обязанностяхъ родителей и дѣтей: «на семъ основаніи (то есть семейномъ), замѣчаетъ онъ, большею частію правительство монархіи состоитъ; монархъ яко отецъ, а подданные яко чада почитаются, какимъ бы порядкомъ оное ни учинилось.» За тѣмъ онъ переходитъ къ отношеніямъ между господами и слугами, указываетъ на различіе между рабами и холопами; далѣе говоритъ о появленіи городовъ и устройствѣ гражданскаго общества. Отсюда онъ переходитъ къ такому заключенію: «никакое сообщество безъ начальства, а начальство безъ преимущества и власти быть не можетъ; потому и въ гражданствѣ явилась нужда для распорядка, правленія и повелѣнія имѣть начальство. Сіе, мню, начало свое возъимѣло съ основанія супружескаго.» Наконецъ Татищевъ указываетъ на различіе между монархіей, аристократіей и демократіей. О достоинствахъ этихъ трехъ видахъ правленія онъ говоритъ: «невозможно сказать, которое бы правительство было лучше и всякому

сообществу полезнѣйшее; но нужно озирать на состоянія и обстоятельства каждаго сообщества, яко на положеніе земель, пространство, области и состоянія народа, какъ выше сказано. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политія или демократія удобно пользу и спокойность сохранитъ можетъ: въ величайшихъ, но отъ нападеній не весьма опасныхъ, яко окружены моремъ и непроходными горами, особливо гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ, аристократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимые примѣры представляютъ: великія же области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ непросвѣщенъ и болѣ за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержатся, тамо оба первые не годятся, но нужна быть монархія, какъ я 1730 верховному совѣту обстоятельно представилъ, и намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, римской и другихъ республикъ доказываютъ, что они дотолѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ границъ не распространили, равно о монархіяхъ Ассирійской, Египецкой, Персидской, Римской и Греческой, какъ правленія древнія и законы въ пользу общую хранили, дотолѣ власть ихъ почтенною и всѣмъ сосѣдамъ страшную представлялась; когда же подданные дерзнули для собственнаго любоимѣнія или властолюбія власть монарховъ уменьшать, тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде подвластнымъ бывшимъ въ рабство подвергнулось, о чемъ царь Іоаннъ Грозный рѣчью, княземъ подъ власть монархіи покореннымъ преизрядно изъяснилъ» [182]). Кромѣ того говоритъ въ этой главѣ и о порядкѣ престолонаслѣдія у разныхъ народовъ древняго и новаго міра: право первородства, назначеніе отца, избраніе народное, — вотъ главныя формы этого наслѣдія. О наслѣдіи по родителяхъ и дѣленіи имѣній

по закону естественному слѣдующія правила утверждаются: 1) что всякъ въ своемъ собственномъ имѣніи, кого бъ оное ни было, имѣетъ власть отдать при себѣ или по себѣ кому хочетъ, 2) что родители дѣтямъ ничемъ кромѣ воспитанія не должны, 3) первородный въ имѣніи родительскомъ никакого преимущества предъ прочими дѣтьми не имѣетъ; государство же есть имѣніе нераздѣльное, хотя состоитъ изъ разныхъ малыхъ частей, но равно какъ тѣло человѣка безъ вреда раздѣлено быть не можетъ, какъ насъ Господь учитъ, еже царство раздѣлившееся стоять не можетъ. По симъ правиламъ наслѣдственный государь имѣетъ власть престолъ поручить, кому за благо разсудитъ. Словомъ и въ своей исторіи Татищевъ является такимъ же защитникомъ того историческаго развитія, къ которому Россія пришла во времена Петра, какъ и въ знаменитомъ произвольномъ разсужденіи о лучшемъ образѣ правленія, поданномъ отъ имени шляхетства верховному тайному совѣту въ 1730 году.

Какъ археологъ и этнографъ, Татищевъ сдѣлалъ не мало. Весь первый томъ его исторіи наполненъ отдѣльными разсужденіями о народахъ, населявшихъ древнюю и новую Россію: хотя нѣкоторыя извѣстія о первыхъ и взяты изъ сочиненія Байера; но большая часть статей составлена Татищевымъ самимъ, на основаніи польскихъ и русскихъ источниковъ. Кромѣ того въ первой книгѣ его исторіи есть главы: о государственномъ гербѣ, о родословіи государей россійскихъ, объ іерархіи (церковной), о чинахъ и суевѣріи древнихъ, гдѣ онъ говоритъ объ обрядахъ, которыми сопровождались у разныхъ народовъ главныя минуты жизни: рожденіе, бракъ и смерть. Въ послѣдней главѣ, кромѣ свѣдѣній, заимствованныхъ у другихъ писателей, Татищевъ приводитъ нѣкоторыя изъ собственныхъ наблюденій. Такъ, говоря объ обрядахъ, сопровождающихъ родины, онъ прибавляетъ: «у

калмыкъ случилось мнѣ видѣть при роженицѣ въ кибиткѣ нѣколико духовныхъ, которые часто и лекари бываютъ; женщинъ же не много призываютъ. Около кибитки по поставленному бѣлому знаку, множество народа собрався поютъ и кричатъ, и чѣмъ знатнѣе роженица, тѣмъ болѣе людей сходится, и съ великимъ крикомъ ожидаютъ рожденія, при чемъ хозяинъ, естьли имѣетъ, довольствуетъ пищею и виномъ и чиганомъ». По поводу нареченія собственнаго имени новорожденнымъ, Татищевъ разсказываетъ слѣдующій случай изъ собственной жизни: «есть же нѣкоторыхъ суевѣрныхъ мнѣніе, что посылаютъ на улицу, и кто первой на встрѣчу попадется, то въ онаго имя нарицаютъ, а нѣкоторые въ кумы такихъ призываютъ, мня, что чрезъ оное младенецъ будетъ долголѣтенъ. Сіе я примѣтилъ у разныхъ иновѣрныхъ Россіи подданныхъ народовъ, что просятъ другихъ изъ предпочтенія имя нарещи. Случилось мнѣ 1722 ѣдучи чрезъ Башкиръ, стать въ домъ у знатнаго татарина, когда у него одна жена сына родила; онъ пришедъ меня просилъ, чтобъ я новорожденному имя нарекъ: онаго я назвалъ Удалецъ, и ему чрезъ переводчика, что значитъ, растолковалъ, который былъ тѣмъ весьма доволенъ. Оной Удалецъ 1744 пріѣзжалъ съ другими въ Астрахань съ торгомъ, и называлъ меня по ихъ обычаю отцемъ. У калмыкъ, черемисъ и мордвы есть тойже обычай, что о даніи имени младенцу отцы другихъ просятъ; и какъ часто случается пріѣзжающіе русскіе нарицаютъ, то между ими много именъ русскихъ. Мнѣ же случилось у вотяка сына видѣть, названнаго Тердинатъ; и какъ я спросилъ, кто ему имя далъ, то объявили, что на заводѣ нѣмчинъ: изъ чего я узналъ, что оной сказалъ свое имя Фердинандъ, но они испортили, слѣдственно можемъ разумѣть, что ктобы имя ни нарекъ, власть есть единственно отцова.» Говоря объ обычаѣ кражи

невѣстъ, существовавшемъ у нѣкоторыхъ инородцевъ, Татищевъ приводитъ другой случай изъ своихъ воспоминаній: «кража женъ такожъ какъ у прочихъ народовъ, такъ и у нашихъ предковъ нѣкоторыхъ, было древнее употребленіе; о чемъ и Несторъ не единое воспоминаетъ, Геродотъ же тѣмъ свою исторію началъ, приводя, что изъ сего неистовства войны тяжкія, и нѣкоторыхъ не малыхъ областей, а наипаче Трои, крайнее раззореніе послѣдовало; но нынѣ сіе между христіаны не употребляемо, и всюду съ тяжкимъ наказаніемъ запрещено, токмо у татаръ есть во употребленіи и весьма въ почтеніи у коихъ сей увозъ невѣстъ часто бываетъ притворно изъ слѣдующаго: что въ древности по цѣнѣ жена почтена, хотя оное любви ни мало не причинствуетъ, то равно, и у сихъ что дороже калымъ, тѣмъ болѣе чести имѣетъ; но когда случится не у богатаго взять за малой калымъ, то, избѣгая порицанія, въ увозъ обращаютъ, равно когда богатый, усмотря небогатаго жениха, но по состоянію достойнаго, которой противо богатства невѣсты калыма заплатить не въ состояніи, такожъ на увозъ согласятся, или и безъ воли родителей невѣстиныхъ женихъ согласясь съ невѣстою то учинитъ, какъ мнѣ 1721 случилось видѣть. Одинъ знатной башкирецъ увѣдавъ, что я изъ Кунгура намѣренъ ѣхать въ Сибирь на заводы, и путь мой былъ не далеко отъ его жилища, просилъ меня, чтобъ я къ нему на свадьбу сына его заѣхалъ, присроча 15 маія, что я изъ любопытства, а паче для приласканія ихъ, учинилъ, и онаго числа къ нему ввечеру пріѣхалъ, гдѣ было собранныхъ татаръ съ оружіемъ человѣкъ съ 40. По утру какъ стало разсвѣтать, женихъ со всѣми оными поѣхалъ къ невѣстиной деревнѣ, которая въ разстояніи была верстъ съ 10, при томъ и я отъ себя послалъ толмача для надзиранія поступковъ. Батырь, или предводитель, яко гла-

вный надъ тѣмъ собраніемъ, послалъ отъ себя одного напередъ, которой поворотясь встрѣтилъ и сказалъ, что невѣста въ полѣ гуляетъ. Батырь подъѣхавъ близъ той деревни со всѣми людьми, остался въ лѣску, а женихъ съ тремя человѣки и заводною лошадью увидя невѣсту, которая съ нѣсколькими женщинами по-полю ходила, обскакавъ тотчасъ, ухватя на заводную лошадь посадилъ, и какъ могли, скоро возвратно скакали. Тесть услыша вопль бывшихъ съ нею женщинъ, ударили въ бубны, и собранныхъ у него человѣкъ до 30 въ панцерахъ и съ ружьемъ за оными погнали. Женихъ какъ скоро къ дому своему пріѣхалъ, невѣсту, снявъ съ лошади, ввелъ въ избу, гдѣ мать его и другія жены на коврахъ болѣе 20 сидѣли. Невѣста, какъ ей свекровь указали, упала предъ нею на землю, и со слезами просила, которую свекровь предъ собою посадила, и тотчасъ стали ее разбирать. Батырь съ войскомъ остановился на краю деревни, приготовясь къ бою. Тесть, прискакавъ съ своими, вооружился противо оныхъ, но учинили пересылку, которая съ часъ продолжалась. Между тѣмъ женихъ съ невѣстою, по прочтеніи абысомъ молитвы, отведены въ особой покой, гдѣ ихъ желаніе исполнили, и потомъ тесть со многими людьми пріѣхалъ къ дому. У крыльца и покоя привязаны были быкъ да лошадь. Тесть, подъѣхавъ съ голою саблею, якобы во отмщеніе обиды, пересѣкъ лошади шею, а шуринъ быку, и оныхъ тотчасъ стали рѣзать, и обѣдъ готовить, для которыхъ у жениха довольно было кумыса и бузы приготовлено, а я далъ пять ведръ вина. Зять тестя встрѣтилъ у крыльца, и просилъ прощенія, а тесть замахивался на него саблею, однакожъ все видно было притворное, и потомъ помирясь пошли въ избу, гдѣ женщинъ не было, и провождали пиръ съ веселіемъ, а женщины были угощены въ особой избѣ, куда и мать невѣстина пріѣхала. Я спра-

шивалъ о причинѣ сего притворнаго увоза, то сказали, что женихъ богатъ, а тесть не богатъ, и отецъ его не давалъ столько калыма какъ большому его брату, а жениху казалось стыдно за малой калымъ жениться, то съ тестемъ о увозѣ договорился за 50 рублевъ» [184]). По поводу же развода Татищевъ приводитъ другой случай бывшій съ нимъ въ Астрахани: «у магометанъ по закону Моисееву во всякой причинѣ, т. е. когда мужу жена нелюба можетъ всегда оную отпустить, но рѣдко и то случается, что жены о разводѣ просятъ, и нетрудно свободу получаютъ, какъ то мнѣ случилось въ Астрахани видѣть: жена просила, что мужа ея въ татьбѣ поимали, и носа не много отрѣзали, по которому кады или судьи ихъ оную отъ супружества уволили, и позволили съ другимъ сочетаться. Мужъ повиненъ былъ ей весь калымъ отдать. Другой есть ихъ страный обычай, что сочетаются на нѣкоторое урочное время, на мѣсяцъ, на годъ, или какъ согласятся. Нѣкоторые мужи женъ своихъ пріѣзжимъ ихъ пріятелямъ или за деньги даютъ; ханскія и владѣльческія жены знатнымъ пріѣзжимъ присылаютъ своихъ дѣвочекъ, которое и у калмыкъ во обычаѣ, какъ то и мнѣ случилось, хотя я не требовалъ и подаря обратно отсылалъ.» Говоря о погребеніи, Татищевъ описываетъ похороны Асарая сына Дондукъ-Даши: «калмыки употребляютъ троякій порядокъ погребенія, по разсужденію ихъ духовныхъ, между которыми много лекарей и астрологовъ, кому какое оные присудятъ. Знатныхъ возрастныхъ болѣе сожигаютъ, какъ въ календарѣ 1739 о погребеніи ихъ ламы описано. Дондукдаши нынѣшняго хана сына Асарая десятилѣтняго, какъ оный умеръ, духовные имѣя преніе, согласились въ воду опустить, и оное поутру такъ рано, какъ еще заря токмо показалась, со многимъ пѣніемъ и музыкою, отвезши въ лодкѣ на средину Волги, съ каменемъ опустили;

подлость же большую часть оставляютъ птицамъ, звѣрямъ на съѣденіе, для котораго около Астрахани и по степямъ, гдѣ они обитаютъ, головъ и костей человѣческихъ валяется великое множество. Музыка ихъ церковная состоитъ: 1) трубы разной долготы мѣдныя, нѣкоторыя аршина по три и только ревутъ, 2) чашки мѣдныя, одну объ другую бьютъ, 3) бубны великіе аршинъ поперегъ, лукошки не высокія, съ обѣ стороны какъ барабаны натянуты кожами, и поставя на бокъ въ обѣ кожи палками бьютъ, но никакой мелодіи или согласія нѣтъ» [185]). Наконецъ въ примѣчаніяхъ къ исторіи, у Татищева объяснено значеніе многихъ словъ археологическаго свойства; таковы: дань, рота, скора, погостъ, перевѣсище, княжое, тризна, разути, вѣно, судебные поединки, убрусъ, судебная грамота, яйно, било, тутонъ, зарубъ, желни, валъ, гривна, исплечиться, тіунъ, бояринъ, постриги и такъ далѣе. Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій повторены были потомъ въ примѣчаніяхъ къ судебнику, большею частію въ измѣненномъ видѣ; нѣкоторые вошли въ гражданскій лексиконъ. Но, говоря вообще, этнографическія и филологическія занятія не могли быть для Татищева цѣлію; они только служили ему помощію при историческихъ трудахъ: отъ этого выигрывали примѣчанія къ его Исторіи Россіи, а не самый текстъ ея.

Переходя къ сочиненіямъ юридическаго содержанія, оставшихся послѣ Татищева я долженъ прежде всего замѣтить, что они не были догматическаго направленія, но преимуще, ственно историческаго и практическаго. Татищевъ во время долгой своей служебной дѣятельности не разъ былъ судьей и примирителемъ весьма разнообразныхъ тяжебныхъ дѣлъ. Какъ ученый, онъ собралъ постановленія Русской Правды-Судебникъ съ нѣкоторыми изъ примѣнительныхъ къ нему указовъ и составилъ къ нимъ свои примѣчанія, преимуще-

ственно пополняемыя разсказами о юридическихъ случаяхъ, съ которыми встрѣчался онъ въ жизни. Примѣчанія къ Русской Правдѣ написаны были Татищевымъ въ 1738 году подъ заглавіемъ: «Законы древніе русскіе, для пользы всѣхъ любомудрыхъ собранные и нѣколико истолкованные». Татищевъ относилъ Русскую Правду ко временамъ болѣе древнимъ, нежели время Ярослава: основываясь на томъ, что въ договорѣ Олега съ Греками упоминается о старобытной Русской Правдѣ, что Гостомыслъ, по словамъ Іоакима, правосудіемъ всюду прославлялся, наконецъ на томъ, что языкъ Русской Правды не похожъ на языкъ лѣтописей; онъ считалъ ее сочиненною «за долго до Рюрика» и принесенною изъ Вандаліи, или Венды: Приступая къ объясненію самаго текста Правды, Татищевъ начинаетъ съ того, что объявляетъ кровную месть съ правилами политики несогласною: «ибо большему междоусобію причина подается». За тѣмъ слѣдуютъ объясненія словъ: гривна, гридня, купчина, рокъ, Варягъ, Колбякъ, рота или присяга, скотъ, свободный мужъ, огнищанинъ, подъѣздной, ведро, овенъ, пшено, виверицы. Татищевъ отказывается отъ объясненій денежной системы, которая упоминается въ Русской Правдѣ. Списокъ, объясненный имъ, заключалъ въ себѣ только 35 статей, — и самыя объясненія были кратки. Гораздо удачнѣе выполнено объясненіе Судебника. Самая находка его сопровождалась болѣе благопріятнымъ случаемъ: въ 1734 году Татищевъ нашелъ законы Іоанна IV у одного человѣка, собранные въ книгѣ, писанной съ прописьми золотомъ и въ золотномъ бархатѣ съ застешками серебреными переплетенной», и поднесъ ее «яко вещь дивную» Аннѣ Іоанновнѣ, а копію съ нея отдалъ въ Академію Наукъ. По нѣкоторымъ признакамъ, Татищевъ думалъ, что эта рукопись была изъ дома Романовыхъ. Татищевъ не зналъ промежуточныхъ между Русской Правдой и Судебникомъ зако-

нодательныхъ памятниковъ, хотя и догадывался о ихъ существованіи. Такъ въ томъ же предисловіи къ Русской Правдѣ онъ говоритъ: «сверхъ сихъ были законы по княженіямъ. Какъ князь великій Василій Темный Ростовскимъ боярамъ велѣлъ судить по ихъ старымъ законамъ, такъ Іоаннъ великій по просьбѣ Рязанскихъ бояръ позволилъ судить по ихъ законамъ. Таковыхъ я у князя Голицына видѣлъ собрана книга не малая и оные гдѣ либо въ неизвѣстномъ нынѣ домѣ хранятся, которое собрать и любопытнымъ открыть не безполезно» [184]). Написавъ историческія замѣчанія о Русской Правдѣ, Татищевъ составилъ еще болѣе обильныя объясненія къ Судебнику и дополнительнымъ законамъ. Кромѣ упомянутаго списка у него были подъ руками и другіе: кн. Дм. Мих. Голицына, А. П. Волынскаго. Всѣхъ статей, внесенныхъ имъ въ списокъ было 173. Примѣчанія Татищева начинаются объясненіемъ словъ: бояринъ, окольничей, дворецкій, казначей, дьякъ, приказные люди, намѣстникъ, волостели и тіунъ, т. е. именъ, которыми назывались чиновники, дѣйствовавшіе во время Судебника. За тѣмъ попадается объясненіе посуловъ, чрезвычайно любопытное по личнымъ отношеніямъ Татищева, для котораго это былъ больной вопросъ всей жизни. «Посулъ, говоритъ онъ, есть разнаго качества: 1) есть ли сулитъ за то, чтобъ его въ неправдѣ оправдать, и сіе есть лихоимство противъ закона Божія, и какъ дающей, такъ ѳмлющей равному наказанію повинны, о чемъ ниже ясняе. 2) Посулъ есть безгрѣшной, когда судящейся видя соперника коварнаго ябедника, и проситъ о своемъ охраненіи, или кто не хотя долго за дѣломъ волочиться, имѣя другую неменьшую нужду, проситъ о скоромъ рѣшеніи. И хотя судья въ обоихъ обстоятельствахъ по закону долженъ; однакожъ для своей пользы можетъ большее прилѣжаніе показать, напримѣръ въ домѣ судья имѣетъ отъ дѣлъ свободу; но

когда хочетъ, то можетъ оставя свой домовной распорядокъ, умалить своего покою или веселія и забавы, а употребить то время къ расмотрѣнію дѣлъ просящихъ его, то уже взятое за трудъ и честь не лихоимство, но мзда должная, яко апостолъ Павелъ учитъ: дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу; слѣдственно ни дающей, ни емлющей не виненъ, противно тому хотя бы ничего не взялъ, да непорядочно судилъ, и не по закону рѣшилъ, есть яко законопреступникъ достоинъ наказанія. О семъ мнѣ случилось 1724 года слышать разсужденіе Его Величества Петра Великаго, и намѣренъ былъ указомъ изъяснить, токмо знатно время и другія дѣла воспрепятствовали. 3) Тогда судьямъ пошлины отъ дѣлъ были опредѣлены, и то могли оными за трудъ довольствоваться» [185]). Такимъ же образомъ статья за статьей, идутъ объясненія старинныхъ терминовъ и словъ: не по дѣлу, правая грамота, судъ съ головы, взятое отдати, истцы, ѣздъ, правда, пересудъ, пожелѣзное, опала, недѣльщикъ, поле, алтынъ, доспѣхъ, стряпчій, свидѣтельство, кабала, праветчикъ, рота, безсудная грамота, увѣчье и бой, оговоръ, смѣстный судъ, ростъ, поверстный срокъ, льгота, уставная грамота, полетное, красная печать, тарханныя грамоты, приставной искъ, проѣсть, убытки, пересудчикъ, подвойскій, поличное, отдача головою, тюрьма, ябѣда, подписка, тайные пожитки, губные старосты, губная грамота, тать, подметчикъ, доводчикъ, дворскій, приказчикъ, знахарь, старая крѣпость, вотчина, помѣстье, крестьянскій отказъ, конская запись, излишки взять, угожая земля, выборные головы, обыскъ, дворяне, судъ подуховный, отчичи, правежъ, переводъ, вполы, рядная грамота, ручь или ручной закладъ, полоненники, жильцы, украйные города, Московское государство и т. далѣе. Въ иныхъ случаяхъ Татищевъ прямо позволяетъ себѣ замѣчанія на счетъ коварства составителя

той или другой статьи Судебника, на счетъ ея несправедливости или неудобства. «Сіе есть весьма неправо и видно пристрастнымъ сочинителемъ включено», — такія слова попадаются довольно часто между примѣчаніями къ Судебнику. Такой приговоръ почти всегда основывался на практической примѣнимости или невыполнимости указа. Нерѣдко встрѣчаются жалобы на то, что многіе полезные законы Петра уничтожены его преемниками. Кромѣ того въ примѣчаніяхъ Татищева разсыпано не мало разсказовъ изъ предшествовавшей жизни и современной ему судебной практики.

Помѣщая въ приложеніяхъ къ настоящему сочиненію тѣ изъ примѣчаній Татищева, которыя не вошли въ печатное изданіе и заимствованы мною изъ рукописи, я считаю не лишнимъ привести здѣсь наиболѣе замѣчательные отрывки изъ печатныхъ объясненій. Выше уже было приведено примѣчаніе о посулѣ; за тѣмъ Татищевъ съ неменьшимъ вниманіемъ останавливается на кормленіи, и вотъ что говоритъ по поводу его: «кормленіе троякое есть: 1) помѣстіе жалованное дворянству отъ Государя по смерть, съ котораго онъ долженъ служить. Онъ не имѣлъ власти оное продать, заложить, или какъ либо укрѣпить, ниже дѣтямъ или женѣ излишнее кому дать, но по немъ дѣлено по окладамъ, и есть ли что остается, отдавано другимъ безпомѣстнымъ. Онымъ у дворецкихъ по княженіямъ были доходамъ ихъ книги, противно тому въ вотчинахъ всякъ имѣлъ волю, продавать кому сколько хочетъ; 2) кормленіе воеводства и всякія приказныя или гражданскія правленія, кормленіемъ имепуетъ. Оному, гдѣ сколько дохода, имѣлись книги въ разрядѣ. О семъ доходѣ шляхетскомъ отъ деревень и о цѣнѣ ихъ Петръ Великій въ уставѣ Коллегіи Экономіи изволилъ внести съ изясненіемъ пользы отъ того шляхетству, и о цѣнѣ въ наказѣ писцовомъ, чрезъ что бы многія распри и

коварныя ябеды пресѣчься могли; 3) жалованье оное давано было токмо безпомѣстнымъ, и болѣе иноземцамъ, хотя оклады денежные при вступленіи въ чинъ и за службы купно съ окладами помѣстными даваны на бумагѣ, и по тѣмъ окладамъ безчестіе щитали. Губернаторства и воеводства именуетъ жалованьемъ и кормленіемъ; ибо тогда оные жаловались изъ милости для нажитка, и въ челобитныхъ о воеводствахъ писали: *прошу отпустить покормиться.* И какъ тогда не болѣе трехъ лѣтъ жаловали, такъ воеводы грабить, или обиды дѣлать опасались; но какъ оные стали продавать не смотря годности человѣка, и безпеременно опредѣлили, то въ такое состояніе привело, что упоминать жалко и стыдно. Тогда сколько на которомъ городѣ воевода средственно наживаетъ, были книги. Для сего я вспомяну исторію, слышанную отъ Алексѣя Лихачева: нѣкто дворянинъ просилъ царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ, и сказалъ у себя два сына годныхъ въ службу, а третей малолѣтенъ. Государь послалъ въ разрядъ спросить: есть ли городъ свободной, чтобъ 5 или 600 рублевъ нажить? и донесли Кострому, куда его и пожаловалъ, сказавъ, чтобъ онъ наживъ деревню купилъ. Оной возвратясь, благодарилъ Государя за милость, и донесъ, что нажилъ не болѣе 400 рублевъ. Государь послалъ тайно спросить того города дворянъ о его маломъ нажиткѣ, и увѣдавъ, что онъ бралъ кто что принесетъ, а никого не грабилъ, велѣлъ его на другой лучшей отпустить. Сей законъ, на губернаторовъ и воеводъ бить челомъ прежде года, а по прошествіи года суда не давать, есть государству къ великой пользѣ, что въ печатномъ не довольно ясно, и чрезъ то многія душевредныя тяжбы приключились; ибо невозможно никому въ какомъ правленіи будучи всѣмъ угодить, особливо ревнительный о правдѣ плутамъ неугоденъ, которыхъ совокупяся множествомъ спустя дол-

гое время клевещутъ, и не токмо судьямъ напрасный трудъ, но посылками и слѣдствіями государству раззореніе наносятъ. Противно тому на долго опредѣленные воеводы, вѣдая, что ихъ скоро не смѣнятъ, а наипаче когда на отпустившихъ надѣются, дѣлаютъ и грабятъ какъ хотятъ, а подвластные бить челомъ не смѣютъ» [186]). Говоря объ отписяхъ въ платежѣ уплаты или роста, Татищевъ добавляетъ, что при этомъ могутъ встрѣчаться многія коварства и приводитъ два примѣра: «1) Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукой занялъ у дворянина 600 рублевъ, и велѣлъ стряпчему написать заемное письмо. Стряпчій взявъ столпецъ гербовой и передравъ оной вдоль, паки склеилъ такъ, что едва склейка видна была. На оной велѣлъ ту заемную написать, и хотя писецъ о томъ оспорилъ, но стряпчей заплатя ему довольно, совершилъ, что и насмотрщикъ не усмотрѣлъ. Князь подписавъ оную, дворянину самъ отдалъ, и оной не смотря у себя спряталъ. По прошествіи срока, дворянинъ просилъ князя о деньгахъ, и онъ приказалъ взять отъ казначея, свести и заплатить. Стряпчій взявъ деньги удержалъ, а дворянина просилъ, чтобъ еще мѣсяцъ или два пождалъ. Оной по прошествіи времени паки напоминаетъ стряпчему, но стряпчей ему яко шуткою говоритъ, что заплачены. Дворянинъ проситъ паки князя, оной призвавъ стряпчего спросилъ, для чего не заплатилъ? Стряпчій сказалъ: давно заплачены, и онъ крѣпость разодравъ бросилъ. Дворянинъ крѣпость вынявъ показалъ. Тогда увидѣли къ свѣту, что была разодрана, но князь самъ освидѣтельствовалъ, что писано по драной бумагѣ, а не по написаніи разодрана, деньги заплатилъ и стрячпаго наказалъ. 2) Дворянинъ у дворянина по пріятству занялъ денегъ 300 рублевъ, и далъ крѣпостное письмо и подъ онымъ написавъ двѣ строки, такъ оныя вычистилъ ножемъ, что письма ничего не видно было. Заимодавецъ не чая коварства, взялъ

неразсмотря прилѣжно, и какъ заимщикъ по многой прозьбѣ отговариваясь не платилъ, то заимодавецъ просилъ въ Судномъ приказѣ. Отвѣтчикъ сказалъ: что деньги заплатилъ, и заимодавецъ на крѣпости подписавъ заплату, у себя удержалъ. Заимодавецъ вынявъ крѣпость объявилъ, и судья увидя, что было подписано и вычищено, усумнился, однакожь, зная, что заимодавецъ человѣкъ честной, дознался, что то коварство заимщиково, и что челобитчикъ не умѣетъ обличить, призвавъ отвѣтчика, сталъ подробну спрашивать, когда, гдѣ, кто и при комъ платилъ. Отвѣтчикъ сказалъ: самъ къ нему въ такое время привезъ въ домъ, и человѣкъ при немъ имр. внесъ и отдалъ. Судья тотчасъ послалъ, велѣлъ того человѣка привести, и выслалъ истца и отвѣтчика, человѣка спрашивалъ съ угрозами. Человѣкъ, не зная ни о чемъ, сказалъ, что онъ за господиномъ своимъ бывалъ у онаго не одново лѣтомъ верхами, а денегъ никакихъ не важивалъ; и такъ оное обличили. Нѣкоторый плутъ имѣя у себя письма сосѣда своего съ оныхъ карандашемъ къ свѣту копируя крѣпость такъ составилъ, что отвѣтчикъ не смѣлъ руки отпираться, но секретарь примѣтя карандашъ, оной составъ обличилъ. Другихъ такихъ коварствъ не упоминаю, а сіе для осторожности напомнилъ, мню не въ излишекъ» [187]). Упоминая объ опредѣленіи убытковъ потому или другому иску, Татищевъ замѣчаетъ: «я вспомяну два дѣла: посадской билъ челомъ на сосѣда, что корова ворвався въ огородъ капусту поѣла, и убытка учинила 300 рублевъ, которое Петръ Великій увѣдавъ, велѣлъ осмотрѣть, и нашлось, что не было болѣе какъ на 3 рубли: то повелѣлъ съ нево оному отвѣтчику 30 доправить, а за вину взять въ казну 3000, и за оное построить на Преображенскій полкъ кафтаны, что и учинено, а оному посадскому велѣлъ писаться Капустинымъ. Равно сему билъ челомъ одинъ на сво-

его заимщика въ неплатежѣ 100 рублевъ, и какъ онаго обвинили, то билъ челомъ о убыткахъ, что онъ строилъ палаты и за недостаткомъ денегъ затворы не могъ сдѣлать, а между тѣмъ палаты выгорѣли и учинилось ему убытка на 5000 рублевъ. Петръ Великій изрядно разсудилъ, велѣлъ ему тѣ 5000 заплатить, а дворъ со всѣми пожитки отдать отвѣтчику, котораго было болѣе 20000 рублевъ, по которому истецъ принужденъ у отвѣтчика милости просить, и съ платежемъ ему убытковъ примириться» [188]). Въ примѣръ того, что и поличному невсегда можно вѣрить, Татищевъ говоритъ: «въ 1730 году одинъ купецъ, хотя себѣ прикащика укрѣпить, поутру рано далъ оному кулекъ, накладенной вещьми, и велѣлъ съ онымъ идти къ Троицѣ, и себя ожидать, а прежде дни за-три записалъ явочное челобитье, что у него воры покрали пожитковъ на 500 рублевъ; въ томъ числѣ положенныя въ кулекъ вещи именовалъ; прикащикъ не вѣдая сего коварства, пришедъ въ показанное мѣсто, дожидался. Хозяинъ тотчасъ просилъ въ сыскномъ приказѣ чтобъ послать солдатъ съ поличнымъ поймать. Какъ солдаты шли съ хозяиномъ, прикащикъ увидя хозяина прямо къ нему пошелъ. Хозяинъ велѣлъ его взять, спрося, что у тебя въ кулькѣ. Прикащикъ сказалъ: я не знаю, что ты мнѣ далъ, то въ немъ и есть; но судья, взявъ отъ челобитчика 500 рублевъ, онаго жестоко пытавъ умертвилъ. Оное увѣдавъ императрица Анна Іоанновна велѣла дѣло взять въ сенатъ, гдѣ изслѣдовано, и съ хозяина доправя 1000 рублевъ отдали, а судью приговоря къ смерти, чина и чести лишили. Другое мнѣ случилось судить, что одинъ человѣкъ небеззнатной не могши у сосѣда деревню выторговать, записалъ о покражѣ его явочное челобитье, и нѣколико время спустя подкупилъ старицу, которая къ оному сосѣду его въ домъ ходила, велѣлъ ледунку свою серебряную съ

каменьемъ завернувъ въ трепицу снести, и положить подъ печь, за что старицѣ той далъ 5 рублевъ. Старица оное охотно учинила. По томъ просилъ онъ, чтобъ послать для вымки изъ полиціи, и какъ оное выняли, то немедленно дворянина онаго въ приказъ взяли, но по щастію дочь онаго пріѣхала въ монастырь молебенъ служить и очень плакала. Старица видя оное подошедъ къ ней попросила рубль денегъ, обѣщаяся отца ея отъ бѣды избавить. Оная хотя была женщина молода, но дознався засвидѣтельствовала, и тотчасъ отцу прислала сказать. Отецъ просилъ, чтобъ ту старицу взять, и какъ оную въ приказѣ плетьми погрозили, тотчасъ всю истину открыла.—Кто не винится, того не казнить: мы о семъ точнаго закона не имѣемъ, однакожь мнѣ два дѣла случилось по денежному воровству. Одна женщина, на которую нѣсколько постороннихъ и мужъ свидѣтельствовали, и у нея деньги выняли. Другой мужикъ многими честными и ворами товарищи былъ обличаемъ, девять разъ жестоко пытанъ. Оба не винились, а осуждены въ заточеніе. Противно тому въ неумѣренныхъ пыткахъ неразсудныхъ судей многіе не стерпя на себя и другихъ клевещутъ, особливо, что у насъ о пыткѣ яснаго закона нѣтъ» [189]). По поводу отдачи головою, Татищевъ дѣлаетъ любопытное объясненіе: «за долги отдавали болѣе посадскихъ и крестьянъ дворцовыхъ или государственныхъ въ вѣчное служеніе: но понеже въ томъ много подлоговъ было, что посадскіе, не хотя податей платить и таможенныхъ службъ нести, оставались подъ именами знатныхъ господъ и торговали свободно, то Петръ Великій оное отставилъ и повелѣлъ немогущихъ платить въ каторжную работу опредѣлять. Потомъ весьма полезный банкрутскій уставъ учиненъ былъ; но какъ оной отставленъ, и взаживъ головою не отдаютъ, то многіе купцы забравъ у шляхетства деньги или товары,

не платятъ, пожитки всѣ вывезли и подложные вексели своимъ пріятелямъ дали, чрезъ что великой государственной вредъ приключился. Еще я вспомнилъ въ семъ плутовство: гость Сверчковъ повѣрилъ одному купцу товаровъ на 10000 рублевъ, которой возвратясь отъ города объявилъ, что переправляяся чрезъ Волгу товары потопилъ, что и засвидѣтельствовалъ. Сверчковъ увѣдавъ, что у него тайно товары привезены, просилъ на него, но оной плутъ сыскалъ другихъ челобитчиковъ въ великихъ деньгахъ, что судіи не знали, кому его отдать. Сверчковъ просилъ государя Петра Великаго, по которому тотъ плутъ съ пытки винился, что на Волгѣ возы съ камнемъ утопилъ, и что оные челобитчики подложные, за что всѣ оные достойно наказаны» [190]). Говоря, что многія улики и свидѣтельства не всегда могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ правости или виновности судимаго, Татищевъ припоминаетъ случай, бывшій въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича: «сему примѣръ по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, какъ царь Ѳеодоръ престолъ принялъ, дядька его Богданъ Матвѣичь прозваніемъ Хитрой, а умомъ и совѣстію простой и доброй человѣкъ, вѣдая, что государь дадю Ивана Милославскаго человѣка коварнаго и злостнаго возьметъ, опасался, чтобъ не усилился, и ему вреда не нанесъ, оное открылъ пріятелю своему изъ незнатныхъ дворянъ Ивану Языкову, человѣку остраго ума, и разсужденіями хитрыми недостатокъ онаго министра достаточно награждающему. Сей Языковъ присовѣтывалъ Милославскаго дѣлами отяготить, дабы ему для оныхъ удобность, часто при дворѣ быть, отнять, положили на него труднѣйшіе восемь приказовъ. Товарищей въ оные Милославской по своей совѣсти выбралъ, въ чемъ ему умышленно соизволили, дабы жалобами на оныхъ Милославскаго изъ милости у государя отбить, что

и удалося. Между товарищи былъ Полибинъ человѣкъ правдивой и въ содержаніи приказныхъ людей строгой, котораго всѣ добрые люди почитали и блажили, но противно тому дьяками и подъячими большею частію былъ ненавидимъ, и у Милославскаго не былъ въ милости. Сей судья, имѣя крайнюю нужду, занялъ денегъ 500 рублевъ заложа деревню, и какъ срокъ пришелъ, заимодавецъ не хотя болѣе ждать, хотѣлъ деревню записать. Полибинъ объ ономъ тужилъ, тогда подъячей его приказа совѣтовалъ ему взять изъ приказа денегъ сколько не достаетъ, а по времени заплатить, что онъ и учинилъ, взявъ изъ казны триста рублевъ, долгъ заплатилъ, въ чемъ на него тотчасъ Милославскому донесли. Милославской, какъ кромѣ того его не любилъ, пришедъ къ государю, донесъ, что судья Полибинъ укралъ изъ казны денегъ 300 рублевъ. Государь тому повѣря приказалъ его наказать, и въ ссылку сослать. Оное слыша милостивая и благоразсудная царица Агаѳія Симіоновна, спросила Милославскаго, для чего и какъ онъ то учинилъ. Милославскій донесъ, что онъ не спрашиванъ, на которое ему государыня съ гнѣвомъ выговаривала, что онъ осуждаетъ человѣка безъ суда, а не вѣдая подлинно дѣла государю доноситъ. Государь самъ видя что непорядочно, приказалъ его допросить и себѣ доложить. Царица спросила хитраго о состояніи онаго Полибина, и слыша, что всѣ бывшіе при томъ хвалили тотчасъ послала къ нему Луку Хитраго спросить, для чего и какъ деньги взялъ, по которому увѣдавъ обстоятельно, послала съ Иваномъ Потемкинымъ 300 рублевъ, велѣла тому подъячему отдать именемъ судейскимъ, и взявъ росписку, судьѣ отдать, не сказывая чьи тѣ деньги; и такъ онаго не только отъ бѣды избавила, но еще для его небогатства богато наградили» [191]). Разбирая статью судебника, въ которой говорится о грабежѣ, освобожденіи

и казни вора, Татищевъ прибавляетъ: «душегубца не казнить безъ доклада, есть осторожность мудрая, что всякому судьѣ въ томъ вѣрить не можно, какъ тѣхъ прикладовъ довольно, что отъ невыразумѣнія обстоятельствъ и закона другіе по злости и продерзости или по страсти любоимѣнія невинныхъ губятъ: противно же тому неправое разсужденіе злодѣя казнить за грѣхъ, а избавленіе ихъ за добродѣтель и милость почитать, не разумѣя, что то есть преступленіе закона Божія, а всякое божескаго закона преступленіе не есть добродѣтель и милость, но тягчайшій грѣхъ, о чемъ святый златоустъ въ словѣ 2-мъ на іудей достаточно показалъ. Я не хочу въ подобныхъ сему Владиміра 1-го и Сергія Радонежскаго, яко мужей святыхъ, разсужденія вспоминать, токмо премудраго и правдолюбиваго государя Петра Великаго вспомяну. Въ 1719 году какъ каморфрейлеинъ Гамилтонова за убивство дѣтей, блудно прижитыхъ, осуждена была на смерть, государыня императрица многою просьбою сама и чрезъ министровъ, не могши ей прощенія испросить, разсудила склонить къ просьбѣ царицу Прасковію Ѳедоровну, вѣдая, что государь ея совѣты почиталъ, и ея просьбы не презиралъ. Наканунѣ казни уговорила государя къ царицѣ ѣхать, туда же велѣла быть графамъ Апраксину, Брюсу и Толстому, и какъ царица о той винѣ пространно разсуждала, и милость къ виннымъ выхваляла, государь все терпѣливо слушалъ, но какъ министры пристали къ разсужденію, то государь спросилъ царицы, чей законъ на таковое злодѣяніе. Царица сказала въ началѣ Божій, а потомъ царскій. Государь отвѣтствовалъ: разсуди какъ тяжко мнѣ законъ отца или дѣда моего правый нарушить, то коль тяжчае законъ божій уничтожить, и поворотясь къ министрамъ сказалъ: я не хочу быть Сауломъ, ни Ахавомъ, которые неразсудною милостію законъ Божій преступя,

душею и тѣломъ погибли, а вы естьли имѣете смѣлость, возьмите на себя и рѣшите какъ хотите, я спорить не буду. Оную рѣчь царица шуточнымъ прикладомъ пресѣкла» [192]). По поводу обыскныхъ, Татищевъ припоминаетъ два случая: «обыскныхъ не уговаривать, сіе безпутство нынѣ почти пресѣченіемъ отдачи порозжихъ и обводныхъ земель пресѣклось, я о старыхъ предъ 50 лѣты видѣнныхъ мною два случая вспомяну: 1) челобитчикъ созвавъ къ обыску человѣкъ болѣе 150 изъ дальнихъ мѣстъ, которые не токмо обстоятельствъ ни пустоши спорной не знали, вывезъ къ нимъ вина и харча столько, что всѣ безъ памяти три дни пьяни были, и что писали, а попы и прикащики къ чему руку прикладывали, сами не знали; суперникъ же и показаться не смѣлъ, 2) какъ истецъ собравъ обыскныхъ человѣкъ до 200 на пустошь съ обыщикомъ пріѣхалъ, и по обычаю всѣхъ довольно употчивалъ, отвѣтчикъ, собравъ своихъ и пріятельскихъ людей человѣкъ до 60, и ночью изъ лѣса напавъ на пьяныхъ людей истцовыхъ, такъ билъ, что едва живыхъ оставилъ, а сыщикъ и обыскные, оставя все свое, бѣгомъ спаслися и хотя истецъ билъ челомъ, но кто билъ, доказать не могъ. Другихъ такихъ безпутствъ не упомню» [193]). Объясняя указъ о судѣ по духовной, Татищевъ припоминаетъ примѣръ: «я памятую сему примѣръ: нѣкоторый дворянинъ написалъ въ духовной женѣ своей родовыя отчины за ея приданыя деньги, и какъ на оной женился другъ думнаго дьяка Автомона Иванова, то онъ въ выписку велѣлъ внести указы по духовнымъ князя Алексѣя Прозоровскаго и Ѳедора Плещеева, по которымъ тѣ деревни за женою укрѣпилъ, и деверь ея спорить не смѣлъ; но какъ другой ея мужъ умеръ, и она пасынковъ хотѣла обидѣть, то онъ, сыскавъ перваго ея деверя, велѣлъ на нея о той отчинѣ бить челомъ, потомъ онъ принудилъ невѣстку

отъ пасынковъ помѣстья не брать, и вывезенные пожитки возвратить; и какъ оной въ томъ увѣрилъ, то онъ нашелъ вину на подъячемъ, что онъ въ выпискѣ при тѣхъ указахъ не написалъ, что оные никому не въ образецъ; и хотя написано въ приговорѣ подъячему учинить наказаніе, но вмѣсто того сдѣлалъ его во дьяки, и такихъ судейскихъ коварствъ можно бы болѣе привести» [194]). По поводу спорныхъ дѣлъ о лѣсахъ Татищевъ приводитъ два примѣра: «1) одинъ дворянинъ билъ челомъ на сосѣда, что построенною мѣльницею лугъ его потопилъ, и искалъ 1) потопленной земли подесятинно, 2) недокошеннаго сѣна копнами погодно, 3) помореннаго скота и всего безмала 1000 рублевъ; царевна Софія, увѣдавъ о такомъ странномъ дѣлѣ, пославъ велѣла мѣльницу спустить, и потопленную землю измѣрять; почему явилось, что потоплено токмо съ полдесятины и то осоки, а о скотинѣ нашлось, что въ три года умерло двѣ овцы, одна корова, одна лошадь и то лѣтомъ, по оному велѣла у того отвѣтчика взять изъ его луга вдвое и отдать челобитчику, а на челобитчикѣ весь искъ яко лишней доправя, отдать отвѣтчику; 2) билъ челомъ одинъ въ пунктахъ, что родственникъ умеръ, а дѣтей не осталось, чтобъ ему деревни отдать, не объявя оставшей внуки сыновней дочери, и вотчинная коллегія, хотя въ выпискѣ внука показано было, но въ пунктахъ того не изъяснено, отчину тому родственнику отдала, послѣ оная внука била челомъ, а искала за владѣніе, за землу подесятинно, за крестьянъ противо бѣглыхъ, и такъ рѣшили оставя уложеніе гл. 16. ст. 37 велѣно за вылганное доправить взятое съ той деревни вдвое, котораго по счисленію не было на 200 рублевъ, а иска слишкомъ на 17,000 рублевъ, которое сенатъ правильно отрѣша по уложенью взыскать, а съ лишняго иска пошлины вдвое доправить опредѣлилъ» [195]).

Объясняя статью о холопствѣ, Татищевъ говоритъ: «такъ здѣсь прикладъ недавно учинившійся напомню, которое къ сочиненію уложенія не безполезно: нѣкто дворянинъ билъ челомъ послѣ сестры о деревняхъ, невѣдая что мужъ оныя за долго перепродавъ себѣ укрѣпилъ, а какъ надѣялся, что ему по закону надлежитъ, не ожидая рѣшенія, нѣколико людей изъ той деревни взялъ и держалъ у себя, а увѣдавъ, что деревни укрѣплены, тѣхъ людей отпустилъ. Оной его зять бывшей недовольствуясь тѣмъ, что деревень лишилъ, привелъ одного человѣка, яко бѣглаго, и билъ челомъ о поставкѣ достальныхъ по показанію приводнаго, и хотя оной со свидѣтельствомъ показывалъ, что отпустилъ къ нему, и у челобитчика оныхъ видѣли, но обвиненъ пожилыя и за вѣстныя головы платить» [196]). Въ примѣръ фальшивой накладной на деревню приведенъ слѣдующій разказъ: «нѣкто хитрый ябедникъ, видя шурина своего умирающаго, у котораго были три дочери малолѣтныя, сдѣлалъ закладную на оную его деревню, и по смерти его, записавъ въ вотчинной коллегіи, взявъ подъячего, самъ въ оную деревню пріѣхавъ, якобы по свойству для охраненія тѣхъ сиротъ отъ мачихи, деревню отказалъ, разсуждая, что ему до возраста оныхъ надобно деревни въ своемъ вѣдѣніи имѣть, и взявъ ихъ къ себѣ на нѣкое время, державъ болѣе года, отдалъ дѣду ихъ по матери, что года два продолжилось. Мачиха тѣхъ сиротъ какъ била челомъ о помѣстьѣ, то въ выпискѣ оная закладная отчина вписана и спора не было. Онъ слыша, что де хочетъ о той отчинѣ бить челомъ, записалъ явочное челобитье, якобы люди бѣжали, и ту закладную унесли. Какъ начался на ту закладную споръ, то онъ черезъ дачу сдѣлалъ, что спорщицамъ отказано. Нѣколико лѣтъ спустя, какъ тотъ составщикъ умеръ, оныя обиженныя просили государя, показуя многія онаго преж-

нія ябеды и подписки. Государь велѣлъ дѣло въ вотчинной коллегіи по правости разсмотрѣть, гдѣ довольно разсуждая, не имѣли довольнаго основанія тѣхъ челобитчицъ оправить; но положили взять жену онаго составщика тетку родную челобитчицъ по правости съ присягою спросить. Зять онаго плута и наслѣдникъ вѣдая, что теща лживо присягать не станетъ, опасаясь платежа владѣнія тещу отъ допроса удержалъ, а самъ дѣло оное правильно государю донесъ, что то сплутано, но приказнымъ порядкомъ никакъ обвинить нельзя, а отдать деревню опасно, чтобъ владѣнія не взыскали. Государь призвалъ судью Короваева, спросилъ о томъ дѣлѣ, и оной донесъ, мы хотя знали, что былъ ябедникъ, да по дѣлу обвинить не льзя. Государь приказалъ ему оныхъ помирить такъ, что дочерямъ деревню отдать, а имъ ни о чемъ болѣе не бить челомъ, отвѣтчику сказалъ: тебѣ за твою правду я награжду, велѣлъ ему сыскать отписную деревню такову же и такъ оное съ удовольствіемъ обоихъ рѣшилъ» [197]). Необходимость допускать перевершеніе дѣла Татищевъ объясняетъ также примѣромъ: «сіе весьма правильно, есть ли стряпчей судъ испортитъ, дать снова или съ головы; но на сіе у насъ закона нѣтъ, и дивно, что при сочиненіи уложенія сіи указы не всѣ включены и изъяснены; однакожь въ недоговоркѣ въ судѣ бываетъ часто безъ хитрости, да не токмо отъ неискусныхъ, иногда и достаточно въ судехъ знающаго проронка и весьма велика бываетъ. Мнѣ случилось давно быть при судѣ, гдѣ одинъ знатнаго дворянина повѣренной въ судѣ отвѣчалъ противъ челобитья одного знатнаго ябедника изъ дворянъ же по выданной кабалѣ отъ посадскаго въ 500 рубляхъ, оной какъ деньги займованной минуло въ 1704 25 или 26 лѣтъ, и потому она была просроченная. Заимщикъ и заимодавецъ померли давно; заимщикъ умеръ на воеводствѣ лѣтъ за 20

до челобитья, а заимодавецъ года за 4. Заимщиковъ наслѣдникъ зять его ничего о томъ не вѣдалъ, а слыша отъ людей, что деньги займованы, и съ воеводства приславъ заплачены; но кѣмъ плачены ничего не зналъ. На кабалѣ оной подписаны двѣ уплаты: первая въ четырнадцать лѣтъ отъ займа, другая семь или осмь лѣтъ послѣ одной, а по обоимъ уплаты 50 рублевъ. Повѣренной отвѣтчиковъ, хотя много спорилъ о подпискахъ уплаты, да доказать ничего не могъ. Судья видя, что стряпчей нужнаго не спрашиваетъ, а судъ уже къ концу приводитъ, разговоромъ спросилъ истца: кто тѣ деньги платилъ? истецъ забывъ, или не зная, что онъ давно умеръ, сказалъ: самъ заимщикъ; за которое отвѣтчикъ взявся пространнѣе его спрашивалъ и обличилъ, что заимщикъ прежде первой уплаты лѣтъ за 5 умеръ; и такъ онаго великаго ябедника обвинили, а есть ли бы судья не напомнилъ, тобъ отвѣтчикъ былъ виненъ» [128]). Подобный же случай приводитъ Татищевъ въ слѣдующемъ за симъ примѣчаніи: «я къ сему мудрой, хотя властолюбіемъ неистовно побѣжденной, царевны Софіи примѣръ вспомяну: Въ походѣ ея для моленія въ Дѣвичь монастырь увидѣла она человѣка плачущаго и челобитную въ рукѣ держащаго, тотчасъ остановя карету, призвала его, и спросила о его просьбѣ. Онъ сказалъ, что бѣдной дворянинъ, раззоренъ отъ другаго, и билъ челомъ судьѣ Беклемишеву, да оной не токмо челобитной не принялъ, но его съ ругательствомъ велѣлъ изъ приказа выбить. Царевна жестоко осердясь на судью, а сожалѣя о неправосудіи къ бѣднымъ, тотчасъ послала, чтобъ судья былъ въ монастырь, а челобитчикъ шелъ у кареты. Судья какъ скоро пріѣхалъ, царевна по ея извычаю зачала говорить ему о должности судьи, о правосудіи ко всѣмъ и о защитѣ бѣднымъ. Какъ она отъ природы многорѣчива и остроумна была, судья съ великимъ страхомъ слушая, какъ

услышала конецъ, донесъ ей, что оной Полозовъ великой ябедникъ, у него въ приказѣ до него и при немъ было болѣе десяти судовъ, и онъ никогда въ службѣ не бывалъ, во всѣхъ приказахъ многія собственныя и наемныя дѣла имѣетъ, и когда его обвинятъ, то переноситъ въ иной приказъ, чтобъ конца не найти. Царевна спросила челобитчика: для чего онъ не въ походѣ, и имѣетъ ли помѣстья? Онъ сказалъ: помѣстье малое имѣетъ въ Костромѣ, а въ службѣ не бывалъ за своими раззореніями и крайнимъ убожествомъ. Царевна сказала: когда ты Богу и намъ не вѣренъ, и за данное тебѣ помѣстье служить не хочешь, то ты и ни въ чемъ ни грѣха, ни стыда не знаешь; есть ли бы не было мое время покаянія, тобъ я сей часъ велѣла тебя на площади наказать; и того жъ часа приказала думному дьяку Василію Семенову, справясь со всѣми приказы, гдѣ его сколько дѣлъ есть, и о чемъ себѣ донести. И какъ назавтра Семеновъ роспись къ царевнѣ принесъ, то она видя, что болѣе 30 его судовъ, велѣла ему запретить въ суды ходить, а его въ Стрѣлецкой полкъ въ сотники написать, и если онъ будетъ кому челобитныя или суды составлять, то его облича, безъ доклада бить плетьми. Симъ тогда указомъ много ябедниковъ усмирено, и славные два изъ холопей въ ссылку сосланы» [199]). Мы видѣли, какъ рѣзко отзывался Татищевъ въ примѣчаніяхъ къ исторіи по поводу извѣстій, это же самое встрѣчаемъ и въ примѣчаніяхъ къ Судебнику. Такъ по поводу статьи о крестномъ цѣлованіи, онъ говоритъ: «сей законъ сочиненъ нѣкоимъ невѣждою, неразумѣющимъ закона Божія ни письменнаго, ни естественнаго; во-первыхъ рота съ какими бы чинами она чинена ни была, есть ни что иное, какъ словами обѣщаніе; обѣщаніе же есть ли чинится противо воли обѣщающагося съ принужденіемъ, есть неправедное, и коисполненію обѣщаннаго по правиламъ закона

естественнаго недолжное; по апостолу же Павлу ко евреямъ глава 2, стихъ 2, преступленіе праведное достойно мздовозданія; потому всякой невольникъ и по принужденію роту учинившей содержать не долженъ. Здѣсь же примѣчается: 1) чины при учиненіи роты всякой народъ свои вымыслилъ, хотя притомъ у всѣхъ главное призываніе имени Божія, впрочемъ у всѣхъ разное; цѣлованіе же креста токмо у насъ, и сіе не есть отъ Бога и апостолъ узаконенное, но человѣки установленное; 2) Епитимія хотя нѣколико во власти духовенства, но должна быть согласна закону Божію, помня слова Христа Спасителя, *по что возлагаете бремена тяжка.* Лука гл. 11. ст. 46. Матѳ. гл. 23, ст. 4, и что о томъ святый Златоустъ изъяснилъ; 3) различіе дней апост. Павелъ Римл. гл. 14, ст. 5 и 6, первое къ Тимоѳ. гл. 4, ст. 1—3, субботу же и недѣлю постить соборъ вселенскій третій жестоко запретилъ; 4) даровъ или евхаристіи святыя отлучить противо точныхъ словъ христовыхъ; 5) якобы преступленіе неправеднаго обѣщанія смертный грѣхъ весьма, не право; ибо Господь сказалъ, *что едина хула на Святаго Духа не отпустится* Матѳ. гл. 12, ст. 31, а по толкователямъ же письма святаго, то есть злорѣчіе и отметаніе св. Троицы; слѣдственно весь сей законъ негодный и не государевъ, но какого попа или монаха сложеніе, для чего въ немъ и ни времени, ни имени государя не упомянуто» [200]). Подробное объясненіе соборнаго уложенія о церковныхъ вотчинахъ все пронукнуто враждебнымъ къ духовенству взглядомъ. Вотъ наиболѣе рѣзкія мѣста его: «сей соборъ не для сего единаго былъ собранъ, но паче государь по нещастію или по его пристрастнымъ поступкамъ въ супружествахъ, что онъ уже сверхъ устава церковнаго пятью не довольствуяся, отлуча и постригши пятую, намѣрился шестую поять; и хотя мы о числѣ брака никакого закона

Божія не имѣемъ, ни святіи апостоли не запрещали но отъ царей греческихъ, по недостаточному политическому разсужденію, болѣе дву, а потомъ болѣ отъ обычая не больше трехъ допущено; что простой народъ крѣпко яко законъ Божій содержитъ, и преступающихъ поносятъ, какъ и государю сему случилось; для того онъ сей соборъ имѣлъ, и по разсужденію онаго поялъ онъ шестую Нагихъ, а противно тому государь взятыя у духовенства по судебному уложенію 7065 имъ уступилъ, и еже большія вольности къ пріобрѣтенію отчинъ допустилъ, они же съ начала сея грамоты польстили яко бы желаютъ доходы на войско умножить, но наконецъ все то опровергнули, и показали, что болѣе для себя, а не для войска трудились. Споспѣшествованіемъ Святаго Духа: есть продерзкое духовныхъ употребленіе къ утвержденію ихъ законовъ, не разсудя, что онъ какъ бы мудрый и набоженъ ни былъ, легко погрѣшить неправое за правое, вредное за полезное положить можетъ, и послѣ того исправить, премѣнить или изъяснить нуждно, какъ и здѣсь того довольно, слѣдственно употребленіе имени Божія всуе и въ правильномъ разсужденіи есть хула на Духа Святаго, и грѣхъ смертельный. Насемъ соборѣ, хотя много духовныхъ знатнѣйшихъ было собрано, въ началѣ митрополитъ 1, архіепископовъ 3, епископовъ 6, архимандритовъ 17, игуменовъ 14, монаховъ 8, всего 49, кромѣ протопоповъ и діаконовъ, которыхъ неупомянуто, а во всѣхъ видно, ни единаго не токмо философскихъ наукъ, но и грамматики ученаго не было, и для того все сіе узаконеніе ни порядка, ни склада благоразсуднаго не имѣетъ, по которому какая надежда отъ такихъ пастырей просвѣщенія народу уповать было должно, хотя между ими мужи благоразумные и житія похвальнаго были. Прилично ли сіе невѣжества и вранье содѣйствіемъ Святаго Духа, но паче глупцу неразумѣющему, государей

воюющихся ворами назвать. Возложено Богови, такъ хитрые любоимѣніемъ побѣжденные духовные суевѣрному и невѣдущему закона Божія народу толкуютъ, якобы что попу или въ монастырь дать равно какъ Богу дать, въ которомъ разница великая: вопервыхъ разсуди, какъ святый Давидъ говоритъ къ Богу: *Твоя суть небеса и твоя есть земля,* еже все Божіе есть; и мы ничего ему дать или подарить не можемъ, и еще ясняе: *Ты еси Богъ мой зане благихъ моихъ не требуеши*; напримѣръ: есть ли бы кто взялъ мою вещь передо мною, хотѣлъ меня оною подарить, и приласкать или умилостивить, тобъ конечно за безумнаго почелся; Богу же мы должны приносить собственное свое, т. е. по Давиду: *Духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно,* по св. Павлу: *Жертву хваленія и благодаренія;* таковыми бо приношеніи благоугобжается Богъ, а не деревнями, и хотя нищимъ милостыня, алчнымъ пропитаніе по словамъ Христа Спасителя самому Богу почитается, да не пьянство, роскоши и другія непотребства, какъ здѣсь самъ сочинитель изъяснилъ, которое не иначе какъ даръ діаволу и въ его угобженіе, что Петръ Великій, яко премудрый государь въ указѣ о нихъ 1724 дек. 31 и греческій императоръ Еммануилъ 1 достаточно изъяснили. Умѣренность потребности и желанія человѣка опредѣлить весьма неудобно; ибо чимъ кто много получаетъ, тѣмъ еще болѣе желаетъ, на примѣръ: архіепископы у насъ нѣкоторые изъ подлости и убожества имѣютъ каждогоднаго дохода до 30000 рубл., однакожь тѣмъ недовольны, ищутъ еще болѣе; противно тому фелдмаршалъ есть главный чинъ въ государствѣ, ходитъ съ войскомъ, терпитъ безпокойство и труды, имѣетъ великій обозъ и множество служителей, а 30000 дохода не имѣя, доволенъ» [201]). Наконецъ въ примѣчаніи къ послѣдней статьѣ о бѣглыхъ, Татищевъ дѣлаетъ сравненіе между царствованіями Василія Іо-

анновича Шуйскаго, Алексѣя Михайловича: «между ними никакого сравненія нѣтъ, говоритъ онъ, ибо во всей царя Василія жизни и во всѣхъ его дѣлахъ ничего почти не нахожу, чтобъ было хвалы и памяти достойно; такъ въ житіи царя Алексѣя Михайловича дѣлъ хвалы и памяти достойныхъ множество. Онъ умомъ, состояніемъ твердымъ, храбростію, правосудіемъ, милостію, прилежностію въ экономіи и умноженіи пользъ государственныхъ далеко не токмо онаго царя Василія, но многихъ предковъ своихъ превосходилъ. Но когда я сей законъ Шуйскаго хочу съ уложеніемъ печатнымъ сравнить, то уже противное нахожу и не могу вѣрить, чтобъ царь Василій столько въ семъ многотрудномъ дѣлѣ смысла имѣлъ, да изъ министровъ при немъ не знаю, развѣ Мстиславскій, Воротынскій и Михайло Салтыковъ, которыхъ историки, а наипаче князя Михайла Скопина не токмо наши, но и чужестранные высокаго ума ради прославляютъ, и можетъ ихъ разумомъ сіе сочинено. Противно тому при сочиненіи уложенія печатнаго сей предъ собою имѣя, да неразсудно нужное и полезною оставили, а другое превратили, чего государь самъ разсмотрѣть внятно за другими дѣлами времени не имѣлъ, а Петръ Великій о семъ законѣ не вѣдалъ, и нынѣ ежели пожелаютъ о бѣглыхъ обстоятельной законъ сочинить, то сей всѣхъ доднесь изданныхъ въ разсужденіи не отстаетъ» [202]). Изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь подробностей, нетрудно видѣть характеръ примѣчаній Татищева: они состоятъ отчасти изъ примѣровъ, подтверждающихъ объясняемые законы, отчасти служатъ къ объясненію ихъ языка, отчасти къ указанію несообразности той или другой статьи. Лишь однажды Татищевъ проговорился о своемъ взглядѣ на законодательство вообще: «правда, говоритъ онъ, что много законовъ, много смятеній, если не всѣ равныя на одномъ основаніи права естественнаго положены,

и хотя законъ естественный не учитъ болѣе, какъ знать, что зло и добро, и что человѣкъ долженъ исполнять или оставлять, а гражданскіе точно повелѣваютъ и запрещаютъ, предписывая за преступленіе наказаніе; но правильные и порядочные законы гражданскіе почти всѣ могутъ изъ закона естественнаго язъяснится, если токмо судья оное разумѣетъ» [203]). Самъ судья и администраторъ, собиратель старинныхъ законовъ, Татищевъ не прочь былъ иногда подать совѣтъ, проектъ, мнѣніе или разсужденіе о какомъ нибудь изъ вопросовъ современной ему практической жизни. Это лежало въ духѣ и стремленіяхъ эпохи. Съ легкой руки Петра, проекты писались всѣми, кто сколько нибудь интересовался политическими и общественными дѣлами. Рѣдкій изъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не согрѣшилъ этою слабостію; рѣдкій изъ людей, воспитанныхъ реформою Петра, не испробовалъ себя на этомъ поприщѣ. Татищевъ, какъ человѣкъ наблюдательный, трудолюбивый и опытный, имѣлъ неменьше поводовъ къ тому.

Онъ всегда дорожилъ научными свѣдѣніями по стольку, поскольку они могли принести пользы для рѣшенія жизненныхъ вопросовъ времени. Побужденіемъ къ географическимъ занятіямъ были чисто практическія цѣли; отъ географіи не труденъ уже былъ переходъ къ исторіи; отъ послѣдней къ стариннымъ памятникамъ русскаго законодательства; отъ нихъ опять къ современной практикѣ. Горнозаводскій уставъ и потомъ различные проекты во время астраханскаго губернаторства не были единственными трудами Татищева въ этомъ смыслѣ. Въ своихъ «изъясненіяхъ на посланныя начала гисторическія», Татищевъ разбираетъ правильность дѣленія Россіи на губерніи и провинціи и доказываетъ географическія и этнографическія несообразности его. Тоже самое повторяетъ въ «напомненіи на присланное росписа-

ніе высокихъ и низкихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ», писанномъ кажется въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, когда Татищевъ находился подъ судомъ. Оно прямо начинается указаніемъ на важность науки въ дѣлѣ жизни: «какъ я оное (то есть росписаніе) прилежно разсматривалъ, то я не могъ не дивиться тому, что оное хотя большею частію мудрости политической и наукѣ географіи принадлежитъ; токмо всѣ оныхъ правила нахожу презрѣны, а чрезъ то необходимо нужно было приключиться недостаткамъ и погрѣшностямъ». И за тѣмъ Татищевъ излагаетъ содержаніе политической мудрости: «политическая мудрость, во-первыхъ, представляетъ о началѣ и пользѣ сообществъ человѣческихъ, яко 1) супружеское — отъ сотворенія мужа и жены; 2) родительское — порожденія дѣтей; 3) господственное или домовное во употребленіи служителей, изъ котораго совокупленіемъ нѣсколькихъ домовъ учинилося гражданское, а изъ нѣсколькихъ гражданскихъ—области или государства. Второе. О начальствѣ и подданствѣ, ихъ преимуществахъ и должностяхъ, яко въ домовныхъ: мужеская, отеческая, господская; въ гражданствѣ общая или демократія, избранныхъ или аристократія, единовластная или монархія почитаются за правильныя; тоже о смѣшанныхъ изъ сихъ трехъ разными порядки, взирая на состояніе народа, величество области и положеніе земель весьма разныхъ состояній правительства произведены. Третье. О порядкахъ и законахъ къ пріобрѣтенію пользы и отвращенію зла во всѣхъ обстоятельствахъ». Далѣе слѣдуетъ небольшой трактатъ о значеніи религіи въ жизни государственной, воспитаніи, правосудіи, народной экономіи и областномъ управленіи. О религіи Татищевъ выражается такъ: «о вѣрѣ, яко всѣмъ извѣстномъ, толковать пространно нѣтъ нужды; ибо всякая область пріятное содержитъ

и хранитъ, и оная почитается за главную. А для пользы государствъ благоразсуднѣйшія правительства терпятъ всѣ законы. У насъ главная христіанская восточнаго исповѣданія. Притомъ папежское, лютерское, калвинское и армянское терпятся; также магометанство и идолопоклонники разные всѣ имѣютъ свободу по ихъ вѣрѣ Богу служить и храмы молитвенные въ показанныхъ имъ мѣстахъ устроять; токмо единъ законъ еврейскій у насъ 1124 года, сеймомъ князей, изверженъ и жестоко запрещенъ. Какъ оныхъ къ правовѣрію христіанскому принуждать за не полезно и паче вредно признано, такъ всѣмъ иновѣрцамъ народно учить и отъ православія отвращать жестоко запрещено; равно безбожное и аѳеистовъ ученіе и разсужденія никакая власть и правительства, яко весьма вреднаго, терпѣть не можетъ.» О воспитаніи онъ говоритъ слѣдующее: «наученіе отъ младенчества разуму есть главная государству польза. Весьма нужно высокому правительству о томъ прилежать, понеже чрезъ обученіе разуму и премудрости, а съ оными всякъ себѣ и отечеству или всему сообществу пользы пріобрѣтать, а вреды отвращать, и о всемъ правильно разсуждать способность возымѣетъ: для того всѣ европейскія области, какъ монархіи, такъ и республики, ревностно прилежать и великихъ на то иждивеній полагать не жалѣютъ. Въ Руссіи науки не токмо читать и писать, но языковъ греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латынскій языкъ введены, и многія училища устроены были; но нашествіемъ Татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда симъ для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили; потомъ, хотя нѣкоторые государи о томъ прележаніе изъявили, наипачс многихъ

царь Иванъ Васильевичъ, но весьма мало успѣли, даже вѣчныя славы достойныя памяти его императорское величество Петръ Великій, яко государь премудрый, оное возобновилъ, и начало маѳематическихъ наукъ и языковъ европейскихъ училища основалъ; всюду по епархіямъ училища устроилъ, и на оное туне гиблемые великіе доходы монастырей употребить повелѣлъ; чѣмъ не токмо своихъ предковъ, но многихъ иностранныхъ государей превзошелъ: свое любомудріе и любовь къ отечеству всемірно изъявилъ. Съ какою горестію сердца то вспомянемъ и съ коликою досадою видѣть принуждены были, что по кончинѣ его величества, злостными и отечеству невѣрными, или невѣжествомъ тѣхъ, на кого то положено было, такъ все упущено, что едва слѣды того осталися; ея императорское величество хотя ревностію отеческою возбуждаема, великими щедротами основанныя академіи, училища снабдѣвать изволитъ, чрезъ что въ совершенное цвѣтущее состояніе придти могли, и можетъ приведется». Слова Татищева о значеніи суда въ государственной жизни, напоминая отчасти слова Посошкова, касаются также и внѣшней стороны судопроизводства: «судъ, говоритъ онъ, не меньше всѣхъ прочихъ обстоятельствъ почитается, и суще, какъ по закону Божію, такъ по правиламъ мудрости, есть главныя должность и преимущество высокихъ властей; войска хотя опасность внѣшнюю отвращаютъ, обиды нападшихъ непріятелей отмщаютъ, нѣкогда честь, славу и богатства умножаютъ, но во-первыхъ судейство тишину внутреннюю сохраняютъ и страхомъ наказанія всѣхъ въ тишинѣ и любви содержатъ, а вражды и междоусобія пресѣкаютъ, безъ котораго если вражды умножатся, междоусобіе родится, и весь народъ легко въ смятеніе придти можетъ: тогда ни великія богатства, ни сила войскъ крайнему всего общества разоренію воспрепятствовать не мо-

гутъ. Сіе самъ Спаситель Христосъ утвердилъ примѣромъ: *Аще царство на ся раздѣлится, стояти не можетъ.* Великія и преславныя церкви учитель Златоустъ, толкуя сіи слова въ поученіи IV-мъ на Іудей, примѣромъ изъяснилъ: *Аще во градѣ, непріятелемъ осажденномъ, возстанутъ ропотъ и распри, то воевода, оставя внѣшняго непріятеля, прежде прилежитъ внутрь успокоить и усмирить, и потомъ старается внѣшнему противиться и побѣдить.* Въ большее доказательство не хочу я приводить великое несчастіе и разореніе отъ несогласій, бывшихъ во время Шуйскаго въ отечествѣ нашемъ. О должности государей въ судействѣ св. пророкъ и яко искусный царь Давидъ сказуетъ: *Честь царева судъ любитъ.* И паки проситъ Господа: *Боже, судъ Твой цареви даждь и правду твою сыну цареву.* Соломонъ не просилъ богатства, ни побѣды на враги, но мудрости въ судѣ, тако: *Даждь ми мудрость разсудити люди твоя по правости.* И Богъ, видя его искреннюю любовь къ подданнымъ, даровалъ ему неисчерпаемое богатство, преславныя побѣды на враги и славу вѣчную съ мудростію правосудія. Сіе же утверждаютъ всѣ титулы древнихъ государей, яко *Царь, rex,* βασιλεύς, и проч. Всѣ на тѣхъ языкахъ не иное значатъ, какъ судія или оборонитель. А понеже никакая власть гражданская не имѣетъ удобности всѣ распри судить, а наипаче въ пространныхъ областяхъ не можетъ всюду оная распространиться, развѣ посредствомъ, т. е. черезъ опредѣляемыхъ судей, слѣдственно нужно во всѣхъ предѣлахъ имѣть достойныхъ того чина людей. Достоинство же оное состоитъ не въ чести породной, или заслугами пріобрѣтенномъ чинѣ; но въ природномъ умѣ, благонравіи и чрезъ науку пріобрѣтенной мудрости, дабы чрезъ глупость и злонравіе оныхъ честь царская не нарушалася и въ судахъ невинные обидъ

не терпѣли. И хотя у насъ въ наученіи, какъ выше сказано, великъ недостатокъ, то хотя бы смотря на природный умъ и благонравіе въ судьи выбирали. Кто не можетъ ужасаться или съ горестію удивляться, когда видитъ, изъ войска за пьянство, воровство, или иное непотребство и за лѣность изгнаннаго, судіею немалаго предѣла? Кто долженъ въ такихъ непотребствахъ отвѣтъ предъ Богомъ дать, кромѣ опредѣляющихъ неосмотрительно? Недовольно еще того, ибо если человѣкъ достойный опредѣлится, но нужно имѣть законъ во всей области единъ, хотя законы суть разные, но здѣсь единъ только гражданскій произвольный; сей состоитъ въ трехъ частяхъ: 1) порядокъ суда, 2) правосудіе, 3) окончаніе или рѣшеніе. Мы имѣемъ за основаніе уложеніе печатное, въ которомъ порядокъ смѣшанъ съ правосудіемъ, и кромѣ многихъ противорѣчій, неясностей и другихъ пороковъ, не колико излишняго по тогдашнему состоянію, а болѣе недостатка находится. Е. и. в. Петръ Великій сочинилъ форму или порядокъ суда довольно изрядну, которая послѣ поправливана и дополнивана. Но какъ его величеству другую онаго часть, т. е. о порядкѣ вотчинной коллегіи, время не допустило, такъ и по немъ,—хотя сіе между нужнѣйшими дѣлами почитать должно — никто уже не помыслилъ, и оставлено въ самомъ безпорядкѣ, и великій чрезъ то государству вредъ приключается, что̀ толковать оставляю; но при толкованіи древнихъ нашихъ законовъ достаточно показалъ. Законы какъ въ томъ уложеніи людьми, ни малаго просвѣщенія ума науками не имѣющими, сочинены, такъ послѣдовавшими различными, ово въ дополненія, ово въ исправленіе онаго изданными, въ наибольшее смятеніе судей, а судящихся къ коварствамъ и ябедамъ привело. Что е. и. в. съ великимъ сожалѣніемъ видя, повелѣлъ всѣ тѣ дополнительные указы собрать и вновь порядочное уложе-

ніе сочинить и самъ по-часту о томъ сенату изволилъ напоминать. Но какъ оное тѣмъ, которые обыкли съ большею ихъ пользою въ мутной водѣ рыбу ловить, было непріятно, и не имѣя инаго способа оному воспрепятствовать, избрали къ тому людей болѣе безсовѣстныхъ ябедниковъ, которые ово за распложеніемъ надъ потребность, ово за спорами время туне провождали; и какъ ни единаго не токмо въ законѣхъ, но ни въ граматикѣ ученаго опредѣлено не было, такъ ихъ сочиненія противорѣчій и темностей, паче же противностей закону Божію, избѣжать не могли, для котораго оное близь тридцати лѣтъ безъ всякаго плода и надежды тянется, хотя бы оное искуснымъ въ годъ, а конечно не болѣе двухъ, сочинить можно». Короче говоритъ онъ объ экономіи: «о мудрости экономіи, яко части политической, писать было бы пространно; но кратко заключу, она состоитъ въ пріобрѣтеніи и храненіи всѣхъ пользъ государственныхъ, яко: 1) во умноженіи народа; 2) въ довольствіи всѣхъ подданныхъ; 3) побужденіе и способы къ трудолюбію, ремесламъ, промысламъ, торгамъ и земскимъ работамъ; 4) во умноженіи всякихъ плодовъ отъ животныхъ и рощеніи; 5) въ наученіи страху Божію и благонравію; 6) въ умѣренномъ употребленіи имѣнія, и проч. Чрезъ сіи способы всякъ собственно и все государство обогащается, усиливается и славу пріобрѣтаетъ». По поводу областнаго управленія, Татищевъ повторяетъ нѣкоторые изъ своихъ мыслей, высказанныя въ примѣчаніяхъ къ Судебнику: «о управителяхъ выше я упомянулъ, что высочайшей власти или правительству, пространства ради областей, неудобно всюду все надзирать, опредѣлять и учреждать, но нужно по предѣламъ имѣть повѣренныхъ управителей, и такъ, что всегда меньшіе большему, а главное только высшему правительству подчинено было. Мы имѣемъ въ земскомъ простран-

ствѣ разныхъ званій: 1) генералъ-губернаторы, 2) губернаторы, 3) вице-губернаторы, 4) провинціальные воеводы, 5) приписные воеводы, 6) въ пригородахъ комиссары или судьи; въ крѣпостяхъ губернаторы, оберъ-коменданты и коменданты, а индѣ вице-коменданты. Сіи хотя подъ властію военной коллегіи состоятъ, но въ нѣкоторыхъ имѣютъ судъ и расправу земскую. Сіе не довольно, что чины званіями разнствуютъ, но нужно разнствовать въ преимуществѣ и должности: въ преимуществѣ первое—честь: чтобы оная всякому по достоинству его чина дана была, которое намъ законъ Божій и правила благонравія опредѣляютъ, старѣйшихъ почитать и младшій отъ старшаго благословляется.— Но старость, по Соломону, не въ числѣ лѣтъ счисляется. Ежели кто на чести оскорбленъ бываетъ, то конечно или въ вѣрности, или въ прилежности ослабѣваетъ; а изъ того иногда великій вредъ происходитъ. У насъ сей порядокъ непреложно наблюдаютъ, напр. въ нѣкоторыхъ конторахъ и канцеляріяхъ главный полковникъ или бригадиры указы посылаютъ генералу или губернатору, правящему цѣлое царство; да еще съ неучтивыми угрозами и досадительными включеніи.—Нужно по чину повѣренность и власть; а ежели сіе отымется, то неиначе какъ вѣрность и ревность ко изобрѣтенію пользы и доходовъ оставляется. А сіе оттого, что у насъ преимуществъ и должностей всѣхъ, такъ какъ воинскихъ, не описано; а хотя изданы губернаторскій и воеводскій наказы, и паки въ уставѣ военномъ о преимуществѣ и должностяхъ губернатора и коменданта описано,—только все во многомъ не ясно и не достаточно. Сія разность чиновъ временная, но другая есть пребывающая и наслѣдственная, яко шляхетство, гражданство и подлость; а нигдѣ четвертое счисляютъ — духовенство. У насъ въ уложеніи неколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнено, токмо безъ

основанія, не достаточно и не ясно. Для того у насъ всякъ, кто только похочетъ, честь шляхетскую похищаетъ. О пресѣченіи сего великаго безпорядка и оскорбленіи, — тѣмъ преимущество государя — видится забыто. Хотя я выше показалъ, что высшимъ правителямъ нужно честь и преимущество съ повѣренностію и властію, которое необходимо нужно; однакожъ по правиламъ мудрости должно въ томъ высшему правительству хранить умѣренность и осторожность, помня примѣры многихъ и своего государства, что нѣкоторые въ отдаленіи получа надменную власть, великій вредъ или совершенное паденіе государствъ причинили, что у насъ безъ всякаго оскорбленія учинить и въ безопасности всегда быть удобно» [204]).

Не привожу объясненій Татищева о пользѣ географіи: они представляютъ лишь краткій перечень того, что уже сказано было имъ въ «Предложеніи о сочиненіи исторіи и географіи Россійской». Но болѣе осторожный, наученный своими недавними неудачами, Татищевъ на этотъ разъ не безъ опасенія дѣлаетъ свои представленія и даже многое изъ задуманнаго имъ оставляетъ въ сторонѣ: «опасаясь, чтобы кто по ненависти доброе намѣреніе его во зло или продерзость истолковать не имѣлъ причины». За то въ царствованіе Елизаветы Петровны онъ пишетъ огромный трактатъ по поводу объявленной тогда, второй по счету, поголовной ревизіи, который состоялъ изъ 132 статей. Три большіе отрывка изъ него, за исключеніемъ 86—116 статей, помѣщены мною въ приложеніяхъ.

Со временъ первой ревизіи, бывшей при Петрѣ, прошло уже около 25 лѣтъ, когда объявлена была вторая. Не говоря уже о томъ, что результаты прежней далеко не были достовѣрными, несмотря на всѣ жестокія мѣры, которыми сопровождалось ея исполненіе, въ эти промежуточныя 25

лѣтъ сильно измѣнилось населеніе Россіи: присоединеніе нѣкоторыхъ провинцій, частыя переселенія въ Сибирь, бѣгство раскольниковъ за польскій рубежъ, значительная убыль въ людяхъ вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ съ Турціей при Аннѣ Іоанновнѣ, фискальное управленіе временъ Бирона, — все это должно было отразиться на характерѣ и составѣ русскаго народонаселенія. Учрежденная еще при Екатеринѣ коммиссія для разсмотрѣнія того, какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною собирать деньги на содержаніе полковъ,—съ дворовъ ли, съ тяголъ или съ земли, или съ душъ, какъ это дѣлается въ другихъ государствахъ? пришла въ 1736 году къ открытію, что въ продолженіе 17 лѣтъ изъ числа всѣхъ переписныхъ и обложенныхъ податью по первой ревизіи умерло, взято въ армію и флотъ, сослано на каторгу, бѣжало и выбыло разными другими случаями до 2,100469 душъ мужскаго пола; а между тѣмъ подушныя продолжали собирать съ наличнаго числа въ томъ же самомъ количествѣ, какъ-будто народонаселеніе не потеряло ни одного человѣка за все это время. Такое положеніе плательщиковъ, вмѣстѣ съ другими причинами, произвело то, что они пришли въ крайнее изнеможеніе и упадокъ. 17 сентября 1742 года назначено было произвести повсемѣстную народную перепись. Ревизоры получили обширную инструкцію, которою опредѣленъ былъ кругъ ихъ дѣятельности. Особенное вниманіе велѣно было обращать на прописныхъ въ первой ревизіи, на бѣглыхъ и переселенцевъ. Болѣе трехъ лѣтъ тянулась перепись. Въ это время написалъ Татищевъ свое разсужденіе. Управляя сибирскими горными заводами и астраханскою губерніею, онъ не однажды имѣлъ случай вникать въ это дѣло: особенно часто встрѣчались ему иски повсюду бѣглыхъ. Онъ начинаетъ свой разсказъ опредѣленіемъ цѣли ревизіи и

окладныхъ даней. Умноженіе подданныхъ, а стало быть и доходовъ, учрежденіе правильной экономіи въ государствѣ, умноженіе рукодѣлій и мануфактуръ, приведеніе въ доброе состояніе внѣшней и внутренней торговли, открытіе постоянныхъ почтъ, заботы объ уменьшеніи тунеядцовъ въ странѣ, правильное содержаніе войскъ въ мирное время, правосудіе, колонизація пустыхъ мѣстъ, учрежденіе торговаго и государственнаго банка, — вотъ что считалъ Татищевъ существенною обязанностію всякаго мудраго и экономнаго правительства. Потомъ онъ кратко излагаетъ исторію податей въ Россіи, разбираетъ, что такое окладъ земской, подушный, поголовный, говоритъ о размежеваніи земель съ Іоанна III до Елизаветы Петровны; упоминаетъ о системѣ податей въ древнемъ Римѣ и современной ему Швеціи; наконецъ переходитъ къ разбору инструкціи. Прежде всего онъ возстаетъ противъ опредѣленія офицеровъ къ производству ревизіи, потому что отъ того страдаютъ полки. Онъ узналъ также, что большая часть офицеровъ по припискамъ опредѣлились къ ревизіи въ тѣ уѣзды, гдѣ были ихъ деревни, и притѣсняютъ сосѣдей; выбрали въ секратари къ себѣ своихъ доброхотовъ, чтобъ дать имъ средства обогатиться, а иные тѣхъ, на кого имѣли злобу, чтобъ отомстить имъ, отъ чего возникли ссоры съ губернаторами и воеводами, а въ дѣлѣ остановка. Запрещеніе крестьянамъ отправляться на работы во время ревизіи произвело остановку въ дѣлахъ. Безграмотность крестьянъ была причиною того, что, по неимѣнію образцовой, данной отъ правительства, сказки, подаются иногда самыя безобразныя; при неопредѣленности подробностей поимянныхъ сказокъ, происходятъ многія недоразумѣнія. Бѣглые, переселенные изъ одной губерніи въ другую, или изъ уѣзда въ уѣздъ, были главною причиною ошибокъ, столкновеній и злоупо-

требленій. Не говоря уже о томъ, что затруднителенъ былъ самый процессъ ихъ отыскиванія, вопросъ о штрафѣ за нихъ, о платѣ за пожилое, о подушныхъ съ нихъ былъ неизсякаемымъ источникомъ нескончаемыхъ ссоръ и разбирательствъ между прежними и новыми владѣльцами ихъ, между составителями ревизіи и областными правителями. Татищевъ въ своемъ трактатѣ пробуетъ рѣшить всѣ эти вопросы: онъ беретъ въ основаніе для своихъ разсужденій указъ Василія Шуйскаго, Уложеніе, писцовые и сыщиковы наказы, постановленія Петра. Съ такими пособіями въ рукахъ онъ проходитъ всю инструкцію пунктъ за пунктомъ, припоминая здѣсь и тѣ случаи, съ которыми онъ встрѣчался во время своей жизни на Уралѣ и въ Астрахани. Указавъ такимъ образомъ на неудовлетворительные, по его мнѣнію, пункты ревизіи, Татищевъ предлагаетъ въ свою очередь новую инструкцію: составители ревизіи, по его мнѣнію, должны быть выборные изъ мѣстныхъ дворянъ съ жалованьемъ; число данныхъ имъ въ помощники подъячихъ должно быть ограничено; отлучки крестьянъ во время ревизіи надо допустить; необходимо написать образцовыя сказки, опредѣлить хорошенько всѣ подробности ихъ; подобныя же замѣчанія предлагаетъ онъ относительно сданныхъ въ рекруты, бѣглыхъ, вывезенныхъ, переведенныхъ, прописанныхъ въ прежней ревизіи крестьянъ, относительно людей вольныхъ, излишнихъ церковниковъ, дворовыхъ людей, незаконнорожденныхъ, непомнящихъ родства, иноземцевъ. Шесть параграфовъ посвящены вопросу о солдатствѣ. Далѣе идутъ предложенія о сокращеніи ревизіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ и указанія на нѣкоторые вопросы о бѣглыхъ, пропущенные въ инструкціи. Замѣчаніемъ на двадцатый пунктъ инструкціи прерывается извѣстный мнѣ списокъ разсужденія; тридцати параграфовъ недостаетъ въ немъ. Остальные пятнадцать пунк-

товъ составляютъ особенное разсужденіе о бѣглыхъ мужчинахъ и женщинахъ, о пожилыхъ за побѣгъ и о судѣ въ бѣглыхъ по разности обстоятельствъ. Правила, составленныя на этотъ случай Татищевымъ, отличаются большою подробностію, толковитостію и основаны на существовавшихъ въ его время узаконеніяхъ. Но предлагая ихъ, осторожный Татищевъ, какъ и прежде, замѣчаетъ: «всѣ сіи законы, какъ бы они полезны ни были, не могутъ быть дѣйствительны, если по нимъ исполненіе судей не послѣдуетъ, какъ того съ горестію довольно видимъ, что сильнымъ и немощнымъ, ябедникамъ и простодушнымъ иные порядки въ судѣ и иные законы къ рѣшенію находятся; но сіе болѣе отъ множества разсногласныхъ законовъ и безстрашія судей происходитъ, что толковать оставляю». это были слова, которыя особенно часто повторялъ Татищевъ въ послѣдніе годы своей жизни, варьируя ими тему, которую далъ Петръ Великій, сказавшій: «туне законы писать, когда ихъ не хранить» [205]).

Что не дошло до насъ изъ сочиненій Татищева?—Вотъ вопросъ, на который не совсѣмъ легко отвѣчать. Помимо тѣхъ рукописей, которыя, по словамъ самого Татищава, отданы были имъ въ библіотеку академіи наукъ, и часть изъ которыхъ собщается мною въ приложеніяхъ, есть указанія на слѣдующіе труды Татищева, остающіеся до сихъ поръ неизвѣстными: 1) географическія карты для древнѣйшей, древней и временъ татарскихъ Россіи; 2) изъясненіе, пополненіе и алфавитный реэстръ къ книгѣ большаго чертежа, — по всей вѣроятности, далеко не безполезное для древней географіи Россіи, вопросъ о которой поднялъ Петръ, вмѣстѣ съ Брюсомъ и Татищевымъ, и которая до сихъ поръ остается совершенно неразработанною; 3) жизнеописанія бояръ Бориса Морозова и Богдана Хитрова. Въ словарѣ

русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, высчитано еще нѣсколько неизданныхъ трудовъ Татищева; но большая часть изъ нихъ описаны въ настоящемъ сочиненіи; а другія — вовсе не принадлежатъ Татищеву и находились только въ его библіотекѣ. Къ числу послѣднихъ я отношу: способъ къ введенію коммерціи въ государствахъ великаго могола, въ городѣ Балхъ, который есть нынѣ пограничный, въ Бухарію и восточные города, такожъ въ Хиву и другія мѣста (неизвѣстнаго автора); примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухарцами (Пьера Куки); одиннадцать вопросовъ историческихъ и географическихъ о Бухарѣ и Хивѣ (неизвѣстнаго автора); изъясненія о киргизъ-кайсацкой и каракалпацкой ордахъ (извѣстный проэктъ Кирилова о построеніи Оренбурга).

Гдѣ кончилъ Татищевъ свою исторію Россіи? Какъ критическій сводъ лѣтописныхъ извѣстій древней Россіи, снабженный примѣчаніями, исторія Татищева остановилась на нашествіи Батыя. Но, какъ матеріалъ для продолженія этого свода, она переходитъ въ XVII вѣкъ и даже касается царствованія Өедора Алексѣевича [206]).

Наконецъ самый важный вопросъ при оцѣнкѣ литературной дѣятельности Татищева: писалъ ли онъ мемуары? — до сихъ поръ нельзя рѣшить ни положительно, ни отрицательно. Если обратить вниманіе на тѣ подробности изъ собственной и на тѣ происшествія изъ современной ему жизни, которыя замѣчены Татищевымъ въ его сочиненіяхъ, съ довольно опредѣленными указаніями времени и мѣста ихъ; если принять еще во вниманіе тѣ обширные дневники, которые онъ велъ управляя калмыцкою комиссіей; то, по наведенію, можно заключать къ тому, что у Татищева былъ обычай вести записки о своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ уже по тѣмъ даннымъ, которыя встрѣчаются

въ исторіи и примѣчаніяхъ къ ней, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику, въ Лексиконѣ, можно до нѣкоторой степени возстановить главныя событія изъ жизни Татищева. Быть не можетъ, чтобъ онъ вносилъ всѣ эти извѣстія въ свои сочиненія только на память. Но съ другой стороны, разнообразная и безпрестанно мѣнявшаяся дѣятельность мѣшала ему вести правильныя и постоянныя замѣтки о всемъ, что онъ могъ видѣть и слышать. Во всякомъ случаѣ, возобновлявшіеся иногда, время отъ времени, слухи о томъ, что мемуары Татищева найдены, до сихъ поръ не оправдались на дѣлѣ.

Такова была ученая и литературная дѣятельность Татищева: она была разнообразна, какъ самая жизнь его. Но какая же цѣль всѣхъ этихъ трудовъ? Иначе говоря, что думалъ Татищевъ о пользѣ наукъ? Въ его время взглядъ на науку былъ утилитарный: отъ нея ждали только одного матеріальнаго улучшенія стариннаго быта, преобразованнаго Петромъ. Взглядъ же Татищева изложенъ былъ въ разговорѣ о пользѣ наукъ, составленномъ для сына на основаніи разсужденій съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ и кн. Черкаскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, жизнь котораго вся отдана была наукѣ, и который искалъ въ занятіяхъ успокоенія отъ жизненныхъ невзгодъ, не могъ искать въ наукѣ однѣхъ только матеріальныхъ выгодъ, которыхъ добивались современники его.

ГЛАВА VIII.

Заключенiе.

Послѣднiе годы своей жизни Татищевъ провелъ въ подмосковномъ сельцѣ Болдинѣ, клинскаго уѣзда, среди обычныхъ занятiй русской исторiей и географiей. Онъ былъ подъ судомъ; при немъ для стражи находились солдаты сенатской роты; съ нимъ жилъ внукъ его Ростиславъ Евграфовичъ. Отъ этого времени сохранилось одно письмо Татищева къ вице-канцлеру графу Воронцову, изъ котораго видно, что сынъ его Евграфъ не жилъ вмѣстѣ съ отцемъ, находясь на службѣ. «Милостивый Государь мой графъ Михаилъ Ларионовичь! писалъ Татищевъ: Iмѣя я нужду писать къ сыну моему, до котораго на ординарной почтѣ посланныхъ отъ меня и жены его ни единое не дошло, знатно негде пропадаютъ, ваше же сiятельство по своей кнамъ милости можете сiе не запротивно примите что я васъ дерзнулъ трудить прозбою чтобъ вономъ какого сумнительства не было посылаю не запечатано дабы не дать подозренiя бѣзвиннаго и прошу покорно васъ моего милостиваго государя сея милости меня не лишить за что долженъ всегда я быть вашему сiятельству, милостивому государю моему верный и покорный слуга В. Татищевъ» [207]).

Выправляя свои сочиненiя, собирая по прежнему книги, записывая дни, когда являлись метеоры и кометы, бесѣдуя иногда съ знатными путешественниками, которые считали

долгомъ навѣстить интереснаго старика въ его уединеніи, приближался Татищевъ къ смерти. Въ іюлѣ 1750 года ему сдѣлалось хуже. Почувствовавъ слабость своего здоровья, онъ писалъ къ сыну, который находился уже тогда въ Москвѣ, чтобы онъ пріѣзжалъ въ Болдино и съ женою проститься съ нимъ. Евграфъ Татищевъ явился на зовъ отца.—

«Наканунѣ своей смерти Василій Никитичъ, сказано въ запискахъ Благово, который слышалъ о томъ отъ внука Татищева, — поѣхалъ верхомъ, взявъ съ собою и вышеписаннаго своего внука верхомъ же, къ слушанію божественной литургіи въ приходскую церковь, находящуюся въ трехъ верстахъ, въ село, куда приказалъ явиться мастеровымъ людямъ съ лопатками. По отслушаніи литургіи, взявъ священника на погостъ, показываетъ ему, гдѣ лежатъ тѣла его предковъ и родителей, и, избравъ порожнее подлѣ ихъ мѣсто, приказалъ рабочимъ людямъ готовить для себя могилу, и хотѣлъ было опять сѣсть на лошадь, но не былъ въ силахъ, а сѣлъ уже въ одноколку и съ вышеписаннымъ же своимъ внукомъ, приказавъ священнику на завтрѣ пріѣхать къ себѣ для исповѣди его и со святыми дарами и также чтобы пригласилъ съ собою священниковъ, назнача самъ оныхъ для соборованія его масломъ. И потомъ возвратился домой, гдѣ нашелъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ императрицы, что онъ найденъ невиннымъ и присланъ ему орденъ св. Александра Невскаго. Василій Никитичъ, написалъ благодарственное письмо къ государынѣ, отослалъ орденъ назадъ, потому что уже приближался конецъ его жизни, отпустилъ присланнаго, — и тогда же снята была находящаяся при немъ стража. Ввечеру когда по обыкновенію пришелъ къ нему поваръ-французъ для полученія приказанія, что готовить на слѣдующій день, то онъ сказалъ повару, что уже я болѣе не хозяинъ вамъ, но гость, а

вотъ хозяйка (указывая на свою невѣстку, Евграфа Васильевича жену), она тебѣ прикажетъ, что надобно,—примолвя, что теленокъ начатъ и есть изъ чего готовить. На слѣдующій день священникъ со всѣмъ причтомъ въ назначенный часъ прибылъ, исповѣдалъ его и причастилъ святыхъ таинъ. Послѣ сего Василій Никитичъ, приказалъ призвать сына своего Евграфа Васильевича съ женою и съ сыномъ ихъ Ростиславомъ Евграфовичемъ, простился съ ними, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя приказанія и наставленія; призвалъ всѣхъ находящихся при немъ людей, простился и съ ними: наконецъ приказалъ начать дѣйствіе соборованія масломъ, и при чтеніи седьмаго евангелія скончался на 65 году жизни своей, приказавъ напередъ, что когда примѣтятъ, что его душа будетъ разставаться съ тѣломъ, то чтобы не дѣлали никакого шуму, дабы не продлить мученія тѣла, когда оное разстается съ душою. Когда же хотѣли снять съ тѣла мѣрку для дѣланія гроба, то столяръ объявилъ, что онъ уже по повелѣнію покойника давно сдѣланъ, подъ который ножки онъ, покойный, самъ точилъ» [208]).

Такъ умеръ Татищевъ, котораго многіе изъ современниковъ упрекали въ скептицизмѣ и религіозномъ вольнодумствѣ. Иностранные же путешественники, заѣзжіе академики, образованные русскіе считали его человѣкомъ ученымъ и проницательнымъ; петербургскіе правители усерднымъ чиновникомъ и отличнымъ администраторомъ; сослуживцы и подчиненные — строгимъ, взыскательнымъ, но справедливымъ начальникомъ; управляемые — разсудительнымъ и свѣдущимъ судьей; купцы, ремесленники, простые рабочіе— человѣкомъ опытнымъ въ ихъ дѣлахъ, къ которому въ случаѣ надобности всегда можно обратиться за совѣтомъ. Лишь отъ одного недостатка не могъ отдѣлаться Татищевъ во всю свою жизнь: отъ природы больной и раздражитель-

ный, онъ не умѣлъ укрощать своего крутаго, взмѣрчиваго нрава. Съ другой стороны общественная жизнь представляла множество соблазнительныхъ примѣровъ для взяточничества; и Татищевъ любилъ собирать отовсюду благія даянія, умѣлъ и самъ при случаѣ дать посулъ важному лицу. Но зато это былъ трудолюбивѣйшій и внимательнѣйшій къ своему дѣлу человѣкъ того времени. Его служебная дѣятельность прошла не безъ видимой и существенной пользы для современниковъ; ученые же и литературные труды сохранили его имя въ памяти потомства, хотя имъ и суждено было вначалѣ испытать такую же горькую участь, какую испытывалъ ихъ авторъ въ послѣдніе годы своей дѣятельной жизни. Долго они лежали подъ запретомъ, который наложила на нихъ неблагопріятная молва о ихъ опасномъ для добрыхъ нравовъ общества направленіи. Лишь въ блестящее и на первыхъ порахъ свободолюбивое царствованіе Екатерины II изданы были: три книги его исторіи, примѣчанія къ Русской Правдѣ и Судебнику, наконецъ духовная, Шлецеръ и ближайшіе послѣдователи его, самъ Карамзинъ и сотрудники Каченовскаго мало довѣряли трудамъ Татищева. Противники скептиковъ и новая историческая школа перешли къ противоположному мнѣнію. Труды Татищева вошли въ честь; на нихъ стали ссылаться, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они оказывались единственными источниками. Изданы были: гражданскій лексиконъ, горнозаводскій уставъ, четвертая книга исторіи, экономическія записки объ управленіи деревней. Явилась мысль собрать и издать остальные, разрозненные и разбросанные по разнымъ мѣстамъ отрывки его трудовъ. Находящіяся въ концѣ настоящаго сочиненія приложенія удовлетворяютъ отчасти такому желанію.

Татищевъ представляетъ для насъ замѣчательное явленіе своей эпохи во многихъ отношеніяхъ. Если, будучи человѣкомъ очень образованнымъ для того времени, онъ не съумѣлъ стать въ вопросѣ о взяточничествѣ выше своихъ современниковъ; то съ другой стороны онъ остался свободенъ отъ упрековъ касательно тѣхъ злоупотребленій и насилій, которыя позволяли себѣ Менщиковъ, Толстой, Долгорукіе, Биронъ, и многіе изъ ихъ сотрудниковъ. Онъ былъ оригиналенъ по своимъ убѣжденіямъ религіознымъ и политическимъ, которыя не нравились въ то время многимъ изъ сильныхъ міра сего. Онъ былъ трудолюбивъ и дѣятеленъ во всякомъ положеніи. Это—замѣчательная черта эпохи: потому что лишь со временъ преобразованія Петра, трудъ, особенно умственный, сталъ пріобрѣтать себѣ право гражданства во всѣхъ слояхъ русскаго общества, сдѣлался нравственнымъ убѣжищемъ для многихъ людей въ минуты ихъ общественныхъ неудачъ и домашнихъ тревогъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Родоначальникомъ Татищевыхъ былъ Василій Юрьевичъ, сынъ князя Юрія Соломерскаго, правнукъ князя Дмитрія Святославича Смоленскаго. Говорятъ, онъ былъ прозванъ *Тать-ищемъ* за то, что, будучи намѣстникомъ великаго князя Василья Дмитріевича въ Новгородѣ, захватилъ недовольныхъ властію Москвы и переслалъ ихъ къ великому князю. См. родословную книгу князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ, ч. II, стр. 53—57 и 384. Но едва ли не вѣрнѣе будетъ производить прозвище *тâтищъ* отъ слова *тать,* воръ. Въ актахъ XVI и XVII столѣтій встрѣчаются имена Татищевыхъ: Игнатія Петровича, который былъ думнымъ дворяниномъ при Іоаннѣ IV и Ѳеодорѣ и казначеемъ при Борисѣ Годуновѣ, см. Древн. Росс. Вивл., ч. XIX, стр. 58,70,73,75; А. Ист. I, 271; А. Э. II, 42; сына его Михайла Игнатьевича, изъ думныхъ дворянъ пожалованнаго въ ясельничіе, а при Шуйскомъ даже въ окольничіе, отличавшагося крутымъ нравомъ, извѣстнаго своего перебранкою съ посломъ Сигизмунда III, Сапѣгою, ѣздившаго въ Грузію и Карталинію, и убитаго въ смутное время въ Новгородѣ по ложному подозрѣнію въ измѣнѣ, см. Древ. Росс. Вивл., ч. XIX, стр. 66,70,82,83; А. Э. II, 42; С. г. гр. и д. II, 177, 235; братьевъ Михайла Игнатьевича: Юрія, Григорія (воеводѣ на Вагѣ) и Владиміра, см. А. Э. II, 44, 357; III, 155; А. И. III, 2; Д. къ А. И. II, 19; дворянина Степана Лазаревича, прадѣда историка, см. А. Э. II, 363—

366; С. г. гр. и д. II, 485,588—596; воеводы воронежскаго Якова Ивановича, см. Ворон. акты, I, 51, 57; II, 54, 63; и стольниковъ Ивана и Θедора Юрьевичей, Никиты и Θедора Алексѣевичей, см. С. г. гр. и д. IV, 656. Новгородецъ Ларивонъ Татищевъ подписался подъ уложеніемъ 1649-го года. Въ годъ рожденія В. Н. Татищева подали въ разрядъ свою родословную книгу окольничіе Татищевы. Стольникъ Никита былъ отцемъ историка, родившагося 19 апрѣля 1686 года; см. жизнеописаніе В. Н. Татищева въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* за 1821 годъ, ч. 15, стр. 1.

²) Исторія Росс. соч. Татищевымъ, кн. III, пр. 628. Особенности городоваго быта въ Псковѣ, подмѣченныя Татищевымъ, не были чистымъ остаткомъ стариннаго общиннаго управленія. Онѣ стоятъ въ болѣе непосредственныхъ отношеніяхъ къ извѣстной попыткѣ псковскаго воеводы Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина, въ 1655 году,—передать городовое управленіе въ руки выборныхъ людей. Срв. *Чичерина,* Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣка, стр. 558—562. Учрежденіе же бурмистровъ было первымъ, впослѣдствіи значительно измѣненнымъ, нововведеніемъ Петра во внутреннемъ управленіи торговаго сословія. П. С. Р. З., Т. III, №№ 1674, 1675, 1683—1686, 1697—1699, 1704, 1708, 1709, 1715, 1717, 1718 и друг. Собственно слѣдами старинной вольности Псковичей можно считать полки, въ которые выбирались самими же горожанами полковники и прочіе чины.

³) П. С. З. т. IV, №№ 1910, 1960, 2032, 2033, 2130, 2142, и др.; 2076, 2082, 2095, 2103 и проч.; Доп. къ Д. П. В. *Голикова,* IV, стр. 230 и слѣд.; Записки Желябужскаго, Спб. 1840, стр. 131, 213, 214; 132—134, 161—166, 170, 174, 294; Записки русскихъ людей, Спб. 1841, стр. 60, 66, 68, 81 и др.

⁴) Духовная В. Н. Татищева, изд. С. Друковцовымъ, Спб. 1773, стр. 27; Лексиконъ россійскій историч., географ, политич., и гражданской, соч. В. Н. Татищевымъ, ч. I, стр.

304; Исторія росс. соч. Татищевымъ, кн. II, прим. 219; кн. I, стр. 272, 273; кн. II, прим. 125; кн. I, стр. 107; кн. II, прим. 339; кн. I, стр. 110—111.

[5]) П. С. З. т. V, №№ 2795, 2796; Д. П. В. *Голикова*, т. IV, стр. 172, 327.

[6]) Судебникъ Іоанна Васильевича и нѣкоторые указы, собр. В. Н. Татищевымъ, М. 1768, стр. 84.

[7]) Исторія росс., соч. Татищевымъ, кн. I, стр. 27, кн. II, прим. 409. П. С. З. т. V, №№ 3018, 3021, 3104, 3108. Въ гражданскихъ дѣлахъ, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ (связка 2, а) нѣтъ никакихъ указаній на поѣздку Татищева въ Данцигъ, хотя порученія, съ которыми посланъ былъ князь Вас. Влад. Долгоруковъ, которыя сообщены были капитанъ-поручику Вильбуа и секретарю посольства Людовику Ланнинскому, сохранились въ дѣлахъ 1717 года подъ №№ 2—4. Въ указѣ отъ 5 декабря 1717 году генералу Вейде сказано: «выбрать изъ офицеровъ кого умнаго человѣка и отправить его во Гданскъ на мѣсто Ланчинскаго»; посланъ былъ оберъ-аудиторъ Георгій Эрдманъ.

[8]) *Posselt*, Peter der Grosse und Leibnitz, s. 209, 210, 216—232, 239—271.

[9]) «On appelle *Unruhe* en Allemand le balancier d'un horologe. On peut dire qu'il en est de même de notre corps, qui ne saurait jamais être parfaitement à son aise...... L'inquiètude est essentielle à la felicité des creatures». *Oeuvres philosophiques de feu Mr. L*(eibnitz) *par Raspe*: *Nouveaux essais sur l'entendement humain, 1765, p.* 125, 148.

[10]) П. С. З. т. IV, №№ 2321, 2330.

[11]) Пребываніе Петра Великаго въ Парижѣ, изъ записокъ герцога де-Ришелье, въ Телескопѣ за 1831 годъ, № 5, стр. 20. Исторія росс. соч. Татищевымъ, кн. I, стр. XVII—XVIII.

[12]) П. С. З. т. V, № 2871. Петръ и прежде, подобно своимъ предшественникамъ, преслѣдовалъ лихоимство. Такъ,

между прочимъ, въ декабрѣ 1700 года въ Новгородѣ повѣшенъ былъ Елисей Борисовъ сынъ Поскочинъ за то, что бралъ деньги за подводы; въ январѣ слѣдующаго года повѣшенъ въ Москвѣ на площади предъ помѣстнымъ приказамъ Леонтій Яковлевъ сынъ Кокошкинъ за то, что былъ у пріему подводъ въ Твери и взялъ 5 рублей денегъ. См. Записки Желябужскаго, стр. 170; срв. П. С. З, т. V, №№ 2707; 2726. Злоупотребленія, вызвавшія указъ 1714 года, начались еще съ 1706 года. См. Das veränderte Russland, Frank. u. Leipzig, 1741 г., Th. I, s. 33, 40.

[13]) Дѣянія П. В. Голикова т. IV, 395—401, т. V 17—19; Доп. къ Д. П. В. Голикова, т. X, 3—73; Судебникъ, собр. Татищевымъ, стр. 74.

[14]) Дѣянія П. В. Голикова, т. VI, 245—250. Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго, извлеченныхъ изъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ, въ Ж. М. Н. Пр. за 1843 годъ, № 2, стр. 146—157.

[15]) П. С. З. т. IV, № 1765; т. V, №№ 2812, 3207. 3225, 3264, 3464; т. VI, № 3534. Сочиненія Посошкова, стр. 75—77.

[16]) Какъ попытка, какъ случайный промыселъ, горное дѣло существовало и до Петра, хотя въ самыхъ бѣдныхъ размѣрахъ, см. А. И. т. IV, №.221; т. V, №№ 72, 257, 265, 267; П. С. З., т. I, №№ 296, 391, 392; Юрія Крижанича о Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, раздѣлъ III. Sammlung. Russ. Gesch., VIII, 233. Сибирскій Вѣстникъ 1819 г., ч. 7, стр. 144. Какъ важная отрасль государственнаго хозяйства, какъ запятіе, требующее спеціальныхъ познаній, оно началось лишь съ XVII столѣтія. Петръ учредилъ въ 1700 году, при приказѣ Большой Казны, приказъ рудокопныхъ дѣлъ, закрытый въ 1711 г. и возстановленный въ 1715 г.; П. С. З. т. IV, №№ 1812, 2370; т. V, № 2908. Но только послѣ проектовъ бывшаго въ русской службѣ Саксонца Блюэра, нѣсколько лѣтъ изучавшаго

геологическія свойства Восточной Россіи, горное дѣло получило правильное развитіе. Исторія его въ царствованіе Петра и послѣ, была предметомъ многихъ, весьма подробныхъ розысканій, которыми я и пользовался при составленіи разсказа о горной службѣ Татищева. Таковы: Жизнеописаніе генерала-лейтенанта Геннина (В. И.), основателя россійскихъ горныхъ заводовъ, къ которому приложено 144 документа, въ *Горномъ Журналѣ* за 1826 г., №№ 1—5, 9; 1827, №№ 1, 2, 5; 1828, № 2. Жизнеописаніе т. с. В. Н. Татищева бывшаго совѣтника Бергъ-коллегіи и начальника всѣхъ Сибирскихъ горныхъ заводовъ, съ 19 актами, отчасти напечатанными въ П. С. Р. З., *тамъ же*, 1828 г. №№ 1—4. Германа, историческое начертаніе горнаго дѣла въ Россійской Имперіи, ч. I: о первомъ началѣ горнаго дѣла въ Россіи до царствованія императрицы Елизаветы Петровны съ картою Уральскаго хребта (Екатеринб. 1810); сочиненіе богатое выписками изъ историческихъ актовъ, касающихся горнаго дѣла; одной оцѣнкѣ дѣятельности Геннина посвящены стр. 42—137. *Его же*, сочиненій о Сибирскихъ рудникахъ и заводахъ три части; Спб. 1797—1801 *Его же*, описаніе заводовъ, бывшихъ подъ вѣдомствомъ Екатеринбургскаго горнаго начальства; Екатеринб. 1808.

[17]) Исторія росс., соч. Татищевымъ, кн. I, стр. XX, 503; Горн. Ж., 1828 г. № 2, стр. 105; Германа, историческое начертаніе, стр. 28—30. Этотъ указъ Татищеву, по словамъ Германа,—самый старый изъ всѣхъ, хранящихся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ.

[18]) Германа, историч. начертаніе, стр. 19, 30, 36, 40; Горный Журналъ, 1828 г. № 9, стр. 130—131. Лексиконъ docc., соч. Татищевымъ, ч. II., стр. 192.

[19]) *Афанасьева*, Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ, въ Современникѣ 1847 г., № 7, стр. 13—20. Исторія росс., соч. Татищевымъ, ч. I, стр. 507.

[20]) Духовная Татищева, стр. 35—37. П. С. З. т. V, № 2683. Исторія росс., соч. Татищевымъ, ч. I, стр. XII, 46—47.

[21]) Горный Журналъ 1826 г., № 4, стр. 100, 110—113, 116; № 9, стр. 95; Исторія росс., соч. Татищевымъ, ч. I, 507—508.

[22]) Германа, историческое начерт., стр. 45, 47, 49, 71—86.

[23]) Горный Журналъ 1826 г., № 4, стр. 124, 106—107; № 5, стр. 111—112; № 4, стр. 127—128, 132; № 5, стр. 117, 125; № 9, стр. 99—103; № 5, стр. 113—115.

[24]) Исторія росс., соч. Татищевымъ, ч. I, стр. 468; Горн. Журн. 1826 г. № 9, стр. 102.

[25]) Исторія росс., соч. Татищевымъ, ч. I, стр. 508; Судебникъ, собр. Татищевымъ, стр. 4.

[26]) Шведскія дѣла, хранящіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, связка 30: «Дѣло объ отправленіи въ Швецію Бергъ-коллегіи совѣтника Татищева съ молодыми людьми для обученія наукамъ, къ рудному и горному дѣлу въ Сибири служащимъ. Къ представленію Татищева приложенъ былъ реестръ, для какихъ мастерствъ въ науку изъ Россіи послать надлежитъ: 1) изъ школъ, знающихъ геометрію—машинному дѣлу 2, оные жъ могутъ маркъшейдерскому и пробирному; 2) изъ ариѳметики или геометріи: плавильному 2, гармахерскому 2, переплавному 2, ковки мѣди 2, стальному 2, квасцовому 2, обжигательному 2, угольному 2.

[27]) Шведскія дѣла (связка 29), годъ 1824, №№ 2 и 6.

[28]) Büschings Magazin, B. XXII, s. 495. Это была третья поѣздка В. Н. Татищева за границу. Бантышъ-Каменскій, въ своемъ *Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли*, Спб. 1847 г. ч. III, стр. 401—403, неправильно понявъ показанія Неплюева (см. его жизнь, имъ самимъ описанную, въ Отеч. Зап., ч. XVI—XXIII), заставилъ Татищева учиться въ Новгородской Математической школѣ, въ Петербургской Морской академіи и потомъ путешествовать съ 1716 по 1720 годъ, вмѣстѣ съ Неплюевымъ и Мордвиновымъ по Голландіи, Италіи, Испаніи и Франціи. Но тотъ Василій Татищевъ, о

которомъ говоритъ, и на двоюродной сестрѣ котораго былъ женатъ Неплюевъ,—сынъ новгородскаго воеводы Ивана Юрьевича, дальній родственникъ историка. Оба они были правнуки Степана Лазаревича, служившаго въ ополченіи Пожарскаго.

[29]) Шведскія дѣла (связка 31), годъ 1725, №№ 3, 4 и 6.

[30]) Горный Журналъ 1828 г., № 2, стр. 106—114; № 3, стр. 141—143.

[31]) Исторія Росс., соч. Татищевымъ ч. I, стр. 502, 508.

[32]) Шведскія дѣла (связка 31), годъ 1725, № 4. Но въ реляціи отъ 13 мая 1726 г., за № 26, Головинъ писалъ въ Петербургъ: «комиссію у бергъ-совѣтника Татищева я принялъ и вексель изъ оной коллегіи на 1400 р., да отъ него бергъ-совѣтника 600 платовъ деньгами получилъ, а въ остальныхъ 800 р. порукою далъ здѣшняго жителя купецкаго человѣка и онаго Б. С. Т-ва прошедшаго 12 апрѣля въ Ревель по указу ко мнѣ изъ бергъ-коллегіи отправилъ, о чемъ я подлинно въ оную бергъ-коллегію о всемъ доносилъ и денегъ достальныхъ 800 руб. по сіе число не получалъ; а надсматривать надъ учениками, чтобъ они учились, по возможности моей никогда не отговаривался, токмо ѣздить въ Ѳалунь, отсюду разстояніемъ 22 мили шведскихъ въ Астаѳорсъ, отсюда разстояніемъ 10 миль шведскихъ, ни по которому образу безъ указу в. и. в-ства невозможно, ибо туда и бытіе тамъ съ возвращеніемъ сюда по послѣдней мѣрѣ 4 недѣли». Шведскія дѣла, св. 346. См. еще приложенія въ концѣ этой книги, I.—III.

[33]) Горный Журналъ, 1828, № 1, стр. 107.

[34]) Германа историч. начерт., стр. 105. П. С. З. т. VII. №№ 5156, 5281.

[35]) Сказанія Кн. Курбскаго, изд. г. Устрялова, 1842, стр. 157, 162, 171, 172, 176.

[36]) «Сигмундъ Баронъ Герберштейнъ, его жизнь и значеніе, какъ писателя о Россіи», статья Сборника Пет. студ. выпускъ I. стр. 35, 36.

[37]) Supplem. ad hist. Rus. Mon. p. 24—25. Histor. Ruth. script., ed. Starczewsk., vol. II, p. 291—292.

[38]) С. г. гр. ид., т. II, №№ 95, 100. Лѣтопись о многихъ мятежахъ, стр. 102. Соловьева, Исторія Россіи т. VIII, стр. 296—298.

[39]) Срв. Соловьева, Исторія Россіи, т. IX, стр. 353—355. Нѣкоторые писатели ссылаются на свидѣтельство Страленберга о томъ, будто бы Филаретъ Никитичъ, находясь въ плѣну польскомъ, писалъ въ Москву, что при избраніи новаго царя необходимо ему предложить нѣкоторыя условія. У Страленберга дѣйствительно приводится письмо Филарета къ Шереметеву, будто бы брату его жены, къ которому митрополитъ присоединилъ и планъ своихъ условій, заимствованныхъ изъ государственныхъ законовъ Польши. Митрополитъ совѣтуетъ въ своемъ письмѣ избрать на этихъ условіяхъ одного изъ членовъ Думы. Но такъ какъ Страленбергъ свидѣтельствуется неизвѣстнымъ лицомъ, видѣвшимъ будто бы это письмо у современника Петра фельдмаршала Шереметева; такъ какъ родственныя отношенія Филарета противорѣчатъ такому поведенію его, и притомъ жена его была изъ роду не Шереметевыхъ, а Шестуновыхъ: то показаніе Страленберга не можетъ быть принято за достовѣрное. См. Historie der Reisen in Russland, Sibirien und der grossen Tartarey, von Ph. Jol. v. *Strahlenberg;* Leipzig, s. a; s. 203—204. Description historique de l'Empire Russien de M. le Baron de Strahlenberg; Amsterd. 1757 г., p. 70—72. Далѣе Страленбергъ приводитъ условія, предложенныя боярской думой Михаилу Θеодоровичу. Вотъ они: 1) Die Religion zu erhalten und zu schützen; Qu'il protégerait et conserverait la Religion: странное условіе для русскаго, отецъ котораго былъ православнымъ митрополитомъ. 2) Alles, was seinem Vater wiederfahren, zu vergessen und zu vergeben, und an keine particulaire Feindchafft, sie möge Nahmen haben, wie sie wolle, zu gedenken;—Qu'il pardonnerait et oublierait tout ce qui était arrivé à son pere et qu'il ne

se livrerait à aucune inimitié contre qui que le puisse être. Это условіе не совсѣмъ вяжется съ предыдущимъ извѣстіемъ въ письмѣ Филарета къ Шереметеву; но само по себѣ оно правдоподобно и потому опровергаетъ существованіе письма. 3) Keine neuen Gesetze zu machen, oder alte zu ändern. Hohe und wichtige Sachen nach dem Gesetze, und nicht allein vor sich selbst, sondern durch ordentlichen Process urtheilen zu lassen;—Qu'il ne ferait aucun nouvelle loi, ni ne changerait les anciennes et que dans des affaires importantes il ne déciderait rien par lui-même, mais que tout serait jugé selon les lois et la forme ordinaire des procès. 4) Weder Krieg noch Frieden alleine und vor sich selbst mit denen Nachbarn vorzunehmen; — Qu'il n'entrerait point en guerre, ni ne ferait la paix avec ses voisins, de son propre clef: эти два условія напоминаютъ предложенныя 4 февраля 1610 г. русскими Тушинцами Владиславу. 5) Seine Gütter zur Bezeugung der Gerechtigkeit und Vermeidung aller Processe mit particulaire-Leuten entweder an seine Familie abzutreten, oder solche denen Cron-Güttern einzuverleiben; — Que pour paroitre absolument désinteressé et pour éviter tout procès avec les particulierts, il céderait ses biens à sa famille ou les ferait incorporer aux Domaines de l'Etat: условіе не совсѣмъ понятное при тѣхъ отношеніяхъ царя къ государственной поземельной собственности, какія существовали въ XVII столѣтіи. Historie der Reisen in Russland, s. 209; Description de l'Empire Russien. t. 1., p. 82—83.

[40]) Сказанія Кн. Курбскаго, стр. 176—177.

[41]) С. г. гр. и д. IV, № 27: отвѣты четырехъ вселенскихъ патріарховъ на 25 вопросъ: о царевой власти безпредѣльной, а патріаршей ограниченной.

[42]) П. дипл. сн. т. IV, стр. 1053.

[43]) С. г. гр. и д. т. III, № 90.

[44]) Юрія Крижанича, Русское госуд. въ половинѣ XVII вѣка, раздѣлъ 29—32.

[45]) С. г. гр. и д., т. IV, стр. 120.

[46]) П. С. Р. З., т. V, № 3006: Воинскій Уставъ гл. III, арт. 20, толкованіе.

[47]) П. С. Р. З, т. VI, № 3718.

[48]) П. С. Р. З, т. VII, № 4345, п. 2.

[49]) П. С. Р. З. т. V, №№ 2789, 3157, т. VI, № 3893.

[50]) П. С. Р. З. т. VII, № 4870.

[51]) Устрялова, Исторія царствованія Петра Великаго, т. VI, стр. 246.

[52]) Eclaircissemens sur plusieurs faits, relatifs au regne de Pierre le Grand; extraits des papiers des *Bassevitz* въ *Büsching's* Magazin; Bd. IX, s. 373 *Weber*, Das Veränderte Russland, III, s. s. Memoires du regne de Catherine; A la Haye, 1728, pag. 114—118.

[53]) Арсеньева, царствованіе Екатерины I, въ Ученыхъ запискахъ II отд. Ак. наукъ, кн. II, вып. 1, стр. 163.

[54]) Журн. М. Н. Пр., 1844, № 2. Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ царствованіе Екатерины I изъ донесеній французскихъ посланниковъ.

[55]) Записки дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при рус. дворѣ, въ 1727—30 годахъ; пер. Д. Языкова; Спб. 1845, стр. 51—57, 59—60.

[56]) Забѣлина, библіотека и кабинетъ граф. Я. В. Брюса, въ лѣтописяхъ русской литературы и древности 1859, кн. 1, стр. 28—62.

[57]) Калайдовича и Строева, обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей въ библіот. графа Толстова М. 1825.

[58]) Арсеньева, царствованіе Петра II; Спб. 1839; стр. 132—134, 149.

[59]) Записки герц. Лирійскаго, стр. 75. Въ приложеніяхъ къ нимъ, сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 187—188.

[60]) La cour de Russie, il y a cent ans. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français, p. 11.

[61]) Тамъ же

[62]) Сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 196.

[63]) Кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, были не разъ печатаны въ различныхъ изданіяхъ. См. *Weber*, das veränderte Russland, th. III. f. 184. Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, par la générale de Manstein. Leipzig, 1771, p. 35, 36. *Busching's*, Magazin, Th. I, s. 19. *Tourgeneff*, La Russie et les Russes, t. III, p. 379—381. La cour de Russie, p. 12—14. Примѣчанія къ запискамъ дюка Лирійскаго, стр. 159—160.

[64]) Сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 197—198.

[65]) Tourgeneff, la Russie, t. III, p. 377—378. La cour de Russie, p. 14, 15.

[66]) *Schmidt*, *g*. *Phieseldeck*, Materialien zu der Russ. Geschichte, th. II, s. 13—15. Сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 199—200.

[67]) Сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 200—202.

[68]) Такъ называемые протоколы верховнаго тайнаго совѣта, въ чтеніяхъ общества историческаго, 1858, кн. 3, стр. 116.

[69]) *Tourgeneff*, la Russie et les Russes, t. III, p. 384—386. La cour de Russie, p. 18—19.

[70]) Соч. Ѳ. Прокоповича, стр. 204—205.

[71]) Записки дюка Лирійскаго, стр. 79, 80. Протоколы верховнаго тайнаго совѣта, стр. 118.

[72]) Сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 206.

[73]) Утро, Литературный Сборникъ, стр. 369—377.

[74]) Тамъ же, стр. 378. О мнѣніяхъ, поданныхъ Черкасскимъ, Матюшкинымъ и Куракинымъ, говоритъ герцогъ Лирійскій, стр. 80. Въ Materialien zu der Russ. Geschichte, Th. II, s. 391—397, приведены первыя два.

[75]) Сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 207, 208. Записки дюка Лирійскаго, стр. 81, 82.

[76]) Сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 212, 213. La cour de Russie, pag. 20.

[77]) La cour de Russie, pog. 18, 19, 29, 30, 34. Записки герц. Лирійскаго, стр. 84—87.

[78]) Зап. герц. Лирійскаго, стр. 88—89.

[79]) Сочиненіе Ѳ. Прокоповича, стр. 215—217.

[80]) Записки герц. Лирійскаго, стр. 179—182.

[81]) La cour de Russie, pag. 40. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1730 года, № 36, сказано: «Изъ Москвы отъ 27 дня апрѣля. Въ прошедшую пятницу (т. е. 24 апр.) публиковано здѣсь во всемъ городѣ при битіи на литаврахъ и при играніи на трубахъ, что коронованіе ея імператорскаго величества заутро, т. е. 28 дня сего мѣсяца воспріято будетъ, которое такожде и принцессамъ імператорской фамиліи чрезъ штатскаго совѣтника господина Татищева, яко назначеннаго при сей церемоніи оберъ-церемоніймейстера объявлено.» Ѳ. Прокоповичъ любилъ въ своихъ проповѣдяхъ на восшествіе Анны Іоанновны на престолъ вспоминать о событіяхъ 1730 года. Такъ въ словѣ 1733 года: о томъ, что царская власть собственнымъ промысломъ Божіимъ получается, онъ говорилъ: «властолюбивыхъ человѣкъ, мимо Бога власть верховную похитить тщащихся, всякіе умыслы, и промыслы, и попеченія, и хитрости и труды, вотще идутъ или, иногда еще въ надеждахъ, акибы въ цвѣткахъ увядаютъ, иногда же и по полученіи желаемаго, аки бы съ горы низверженныя падаютъ. Вопрекиже: кого вышній Господь на высоту оную возвесть похощетъ, тому въ томъ никаковыя противности и коварства помѣшать и воспрепятствовать отнюдь не могутъ.... Видимъ уже, слышателіе, и ясно видимъ, что державныя власти не силою и хитростію человѣческою производятся, но Божіимъ смотрѣніемъ и промысломъ. И посему далече уже проникъ или паче рассыпался и изчезлъ печальный мракъ и туманъ сумазбродныхъ мозговъ, которымъ мнится, или паче снится, будто бы верховная власть на вещественной только силѣ основана стоитъ.... До сего Ея Величества державы полученія, былиль какія ея иски, происки, мудрованія, тщательства, мины и машины какъ бы достать того. Что же въ сей день, третій годъ тому, Богъ сдѣлалъ, не намъ только но всему свѣту

извѣстно. Подалъ ей то, чего она не искала, не желала и не думала.»

[82]) То состояніе, въ какомъ оставилъ Геннинъ сибирскіе горные заводы, описано въ его сочиненіи, напечатанномъ въ Горномъ Журналѣ 1828 года, №№ 7—12, подъ заглавіемъ: «генералъ-лейтенантомъ отъ артиллеріи и кавалеромъ ордена св. Александра Георгіемъ Вильгельмомъ де-Геннинымъ собранная, натураліи и минераліи камеръ въ сибирскихъ горныхъ и заводскихъ дистриктахъ, также чрезъ его о вновь строенныхъ и старыхъ исправленыхъ горныхъ и заводскихъ строеніяхъ и прочихъ курьозныхъ вещахъ абрисы.»

[83]) Горн. Журналъ 1827 г. № 1, стр. 146; № 2, стр. 108—110, 120—123; № 5, стр. 137—141; 1828 г. № 8, стр. 77—79. П. С. З., т. VIII, № 5860, 6107; т. IX, № 6411.

[84]) Горный Журн. 1828 г. № 3, стр. 147—160. Германа истор. начерт., стр. 138—144. П. С. З., т. IX, №№ 6559, 6563, 6582.

[85]) Заводскій уставъ Татищева напечатанъ въ Горн. Журналѣ за 1831 годъ, №№ 1—3, 5—10. Статьи его составлялись по мѣрѣ совѣщаній между членами созванной Татищевымъ комиссіи; послѣ каждаго засѣданія принятыя статьи соединялись въ одно цѣлое за подписью членовъ, подписывались впрочемъ только чиновники. Такъ какъ уставъ назначался къ поднесенію императрицѣ и долженъ былъ появиться отъ ея имени, то и начатъ былъ объявленіемъ къ вѣрноподданнымъ о причинахъ, побуждавшихъ къ его изданію. Онъ состоялъ изъ двухъ частей; въ первой было семь главъ: I *о должности, власти и преимуществѣ главнаго заводовъ правителя или канцеляріи:* 1) чьимъ указамъ повиноваться долженъ и какъ съ кѣмъ переписываться имѣетъ; 2) о власти надъ подчиненными; 3) о прибавкѣ начальства и начальниковъ; 4) о судѣ; 5) о сочиненіи законовъ; 6) о дачѣ голосовъ; 7) о словесныхъ приказахъ; 8) о переносѣ дѣлъ; 9) о судѣ сносномъ; 10) о приходѣ и расходѣ денегъ; 11) о

содержанiи въ добромъ порядкѣ козенныхъ заводовъ; 12) о размноженiи заводовъ и прибыли отъ оныхъ; 13) о взысканiи и добычѣ рудъ; 14) о надзиранiи въ дѣлѣ припасовъ; 15) о размноженiи партикулярныхъ заводовъ; 16) о минеральныхъ заводахъ; 17) о заводахъ ремеслъ передѣльныхъ; 18) о уставленiи цѣны металламъ и минералламъ; 19) о досмотрѣ заводовъ; 20) о дневныхъ запискахъ; 21) о приниманiи и призывѣ иностранныхъ ремесленниковъ; 22) о заготовленiи и торгѣ харчевомъ; 23) о содержанiи гражданъ и купцовъ; 24) о неторгованiи начальникамъ и всѣмъ въ посадѣ незаписаннымъ; 25) о припискѣ деревень къ казеннымъ заводамъ; 26) о припискѣ деревень къ партикулярнымъ заводамъ; 27) о дачѣ деревень заводскимъ управителямъ и начальникамъ; 28) о церкви и молитвѣ; 29) о школахъ и ученiи; 30) о богадѣльняхъ и леченiи больныхъ; 31) о кабакахъ и шинкахъ; 32) о крѣпостяхъ и защитѣ отъ непрiятеля; 33) о строенiи вновь крѣпостей въ пограничныхъ мѣстахъ; 34) о запрещенiи ружья дѣлать и продавать; 35) о помощи заводскому правленiю отъ другихъ начальствъ и согласiи. II *О должности и власти совѣтника:* 1) о его должности; 2) о его власти; 3) о содержанiи канцелярiй; 4) о поступкѣ въ небытность главнаго правителя; 5) о ѣздѣ на партикулярные заводы; 6) о ѣздѣ по просьбѣ промышленниковъ для разниманiя распрь; 7) о акциденцiяхъ. III. *О должности ассесора.* IV. *О должности и власти и преимуществѣ главнаго земскаго судьи или воеводы Екатеринскаго вѣдомства:* 1) о должности общей въ судѣ; 2) о власти надъ подчиненными; 3) о крѣпостяхъ и военныхъ людяхъ; 4) о судѣ и законахъ; 5) о переносѣ дѣлъ; 6) о пыткѣ и казни; 7) о содержанiи и храненiи архива; 8) о смотрѣнiи въ поголовныхъ сборахъ; 9) о раскладкѣ работъ на крестьянъ; 10) о зачетахъ за работы; 11) о сборѣ незаработанныхъ поголовныхъ; 12) о сборѣ рекрутъ и опредѣленiи въ работы; 13) о припискѣ къ заводамъ вновь деревень; 14) о припискѣ крестьянъ къ партикулярнымъ заво-

дамъ; 15) о выморочныхъ деревняхъ, данныхъ управителямъ заводскимъ; 16) о ссыльныхъ на вѣчное житье; 17) о принимании на заводы государственныхъ крестьянъ; 18) о вотчинниковыхъ крестьянахъ, положенныхъ при заводахъ въ окладъ; 19) о крѣпостяхъ на крестьянъ; 20) кто будетъ бить челомъ о ссыльномъ или бѣгломъ солдатѣ; 21) о купленныхъ къ заводамъ крестьянахъ; 22) о иноземцахъ купленныхъ; 23) о прiемѣ вольныхъ работниковъ съ покормежными; 24) о свидѣтельствѣ и запискѣ покормежныхъ; 25) о сиротахъ шатающихся; 26) о пришлыхъ безъизвѣстныхъ; 27) о поденныхъ работахъ при городахъ; 28) которые покажутъ, что на заводѣ жили въ работѣ безъ паспортовъ; 29) о пришлыхъ съ вырѣзанными ноздрями и пытанныхъ; 30) о раскольникахъ; 31) о сборахъ, принадлежащихъ до губернiи; 32) о таможняхъ и кабакахъ; 33) о заставахъ; 34) о мельницахъ мучныхъ; 35) о строенiи вновь мучныхъ мельницъ; 36) о мельницахъ вотчинниковъ; 37) о пильныхъ мельницахъ; 38) о винокурняхъ; 39) о баняхъ; 40) о рыбныхъ ловляхъ; 41) о мостахъ и перевозахъ; 42) о ясашныхъ людяхъ; 43) о акциденцiяхъ. V. *О должности главнаго казначея:* 1) о должности и способности его; 2) о содержанiи прихода и расхода; 3) о власти надъ подчиненными; 4) о приходахъ окладныхъ; 5) о приходной главной книгѣ; 6) о вычетѣ на богадѣльню и лекарство и пошлинѣ съ горныхъ заводовъ и печатныхъ; 7) о десятинѣ генеральныя причины; 8) съ золотыхъ и серебряныхъ заводовъ; 9) съ мѣдныхъ и желѣзныхъ; 10) съ минеральныхъ; 11) съ ручныхъ доменъ; 12) съ ремеслъ; 13) о времени увольнительномъ отъ десятины; 14) о небранiи десятины съ продажныхъ рудъ; 15) о пошлинахъ съ продажи металлей; 16) о репортахъ съ промышленничьихъ заводовъ; 17) о расходѣ денегъ; 18) о покупкѣ припасовъ; 19) о подрядахъ и откупахъ; 20) о расходной окладной книгѣ; 21) о расходной главной книгѣ; 22) о памятной книжкѣ и распискахъ; 23) о жалованьѣ заслуженномъ послѣ умершихъ; 24) о выморочныхъ и

по винамъ описныхъ пожитковъ; 25) о репортахъ; 26) о времени къ окончанію старыхъ и начатію новыхъ книгъ; 27) о сочиненіи и свидѣтельствѣ счетовъ; дополненія къ статьямъ шестой и девятой. VI. *О должности главнаго горнаго межевщика и оберъ-маркъ-шейдера*: 1) его общей должности и власти надъ подчиненными; 2) о геометріи по архитектурѣ подземной; 3) о сочиненіи ландкартъ; 4) о надзираніи лѣсовъ; 5) о заготовленіи и рубкѣ лѣсовъ при казенныхъ заводахъ; 6) о лѣсахъ въ казанской провинціи и разводѣ съ адмиралтейскими; 7) о лѣсахъ въ пермской провинціи и разводѣ съ соляными; 8) о дорогахъ и мостахъ; 9) о школахъ; 10) о порядкѣ ученія; 11) о содержаніи учениковъ; 12) о училищахъ и приказахъ; 13) о награжденіи и произведеніи учениковъ; 14) о поступкахъ съ дѣтьми иновѣрцевъ; 15) о акциденціяхъ; VII. *О докторѣ медицины или бергъ-физики:* 1) о власти докторской надъ подчиненными; 2) о содержаніи аптеки; 3) о надзираніи надъ аптекаремъ; 4) о сочиненіи каталоговъ, въ которыя времена травы и коренья и прочее собирать; 5) о положеніи цѣны лекарствамъ; 6) объ отпускѣ лекарствъ на другіе заводы; 7) о леченіи обрѣтающихся въ службѣ при заводахъ и о надзираніи въ томъ надъ лекарями; 8) о взятьѣ съ неслужащихъ и служащихъ, которые въ самоизвольной болѣзни, за лекарства и трудъ; 9) о подлыхъ ремесленникахъ, работникахъ и солдатахъ; 10) о содержаніи богадѣльни; 11) о леченіи служащихъ и о пропитаніи неимущихъ; 12) о повинности лекарской доктору; 13) о назираніи въ обученіи лекарскихъ и аптекарскихъ учениковъ; 14) о содержаніи лабораторіи, металлургіи или пробовальной каморы; 15) о содержаніи при лабараторіи рудъ; 16) о собираніи дивныхъ рудъ, каменья и прочаго чрезвычайнаго; 17) о плавильщикахъ, плавильныхъ мастерахъ и минералей варельщикахъ; 18) о надзираніи при заводахъ аптекъ, богадѣленъ, лабораторій и проч.; 19) о рангѣ доктора и ему жалованья. За тѣмъ къ первой части приложено было: *со-*

чиняющагося устава изъ должности купчины о продажѣ опальныхъ и выморочныхъ пожитковъ, въ 16 пунктахъ. Изъ второй части извѣстна только глава II, *о должности заводскаго комиссара или оберъ-гиттенфервальтера:* 1) о власти его и смотрѣніи надъ подчиненными; 2) о надзираніи въ дѣлѣ припасовъ; 3) о заготовленіи припасовъ; 4) о мастерахъ; 5) о досмотрѣ заводовъ; 6) о надзираніи въ поступкахъ плавки; 7) о свидѣтельствѣ счетовъ; 8) о смотрѣніи надворныхъ припасовъ; 9) о подрядѣ и торгѣ припасовъ; 10) о неупотребленіи работниковъ и припасовъ управителемъ; 11) о содержаніи заводскихъ лошадей. Изъ порядка послѣднихъ статей видно, что Уставъ, подлинная рукопись котораго съ поправками Татищева хранится въ Архивѣ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, не былъ оконченъ. Кромѣ того въ статьѣ о раскольникахъ сказано только слѣдующее: «какъ съ ними поступать имѣетъ быть написано по особливому разсмотрѣнію ея имп. в-ства»; вопросъ этотъ, какъ увидимъ ниже, много занималъ и кабинетъ-министровъ и самого Татищева. Въ 43 ст. о земскомъ судьѣ сказано только: о «акциденціяхъ оному судьѣ представлено въ сенатъ декабря 4 дня 1737 года.»

[86]) Лексиконъ Татищева ч. I, стр. 144, 145. Уставъ былъ высланъ Татищевымъ въ Петербургъ въ 1735 году; въ указѣ 29 октября того года сказано между прочимъ: «присланный отъ васъ заводскій уставъ, штатъ и инструкція шихтмейстерская здѣсь еще не разсматриваны, а по разсматриваніи, когда апробованы будутъ, то оные пришлются къ вамъ впредь.» См. П. С. З., т. IX, № 6831. Объ инструкціи шихтмейстерской и полномъ штатѣ для управленія уральскихъ заводовъ, утвержденномъ въ 1737 году, см. *Германа*, историческ. начертаніе горн. дѣла, стр. 159, 187—221.

[87]) П. С. З., т. IX, №№ 6830, 6841, 6867; т. X, № 7186.

[88]) Германа, сочин. о сибирск. рудник. и заводахъ, ч. I, стр. 236. П. С. З., т. IX. №№ 6840, 6938, 6939.

[89]) П. С. З., т. IX, № 6835; т. X, № 7663. *Сибирскій Вѣстникъ* за 1821 г., ч. 15, стр. 7.

[90]) П. С. З., т. IX, №№ 6831, 6835, 6841, 6902; т. X, № 7236. Германа истор. начерт., стр. 160. Екатеринбургскій монетный дворъ открытъ въ 1735 году; на немъ выбито было монеты въ первый же годъ 7095 пудовъ, 10 фунтовъ, 56 золотниковъ, цѣною на 70952 руб. 39 коп.. Германа, описаніе заводовъ подъ вѣдомствомъ екатеринбургскаго горнаго начальства состоявшихъ, отд. I. стр. 98.

[91]) Горн. Журн. 1831 г., № 2, стр. 184, 185, 190—191. П. С. З., т. IX, № 6831. Германа описаніе заводовъ екатер., отд. I и II; *Его же*, сочиненіе о сибир. рудник., ч. II, стр. 8, 11, 19—24, 31, 40—43, 49—58, 73, 81, 120—124; ч. III, стр. 285. П. С. З., т. IX, №№ 7047, 7062, 7086; т. X, №№ 7589, 7600, 7756, 7766; т. XI, №№ 8571. Въ своемъ Лексиконѣ, ч. I стр. 145, Татищевъ говоритъ: «*Бергъ-директоріумъ* учинено въ 1736 г., вмѣсто бергъ-коллегіи; когда герцогъ курляндскій Биронъ, вознамѣрился оной великой государственный доходъ похитить, тогда онъ, призвавъ изъ Саксоніи Шемберга, который хотя ни малаго знанія къ содержанію такихъ великихъ казенныхъ, а паче желѣзныхъ заводовъ не имѣлъ и нигдѣ не видѣлъ, учинилъ его генераломъ бергъ-директоромъ съ полною властію, частію подчиня сенату, но потомъ видя, что сенатъ требуетъ о всемъ извѣстья и счета, а тайный совѣтникъ Татищевъ, которому всѣ сибирскіе заводы поручены были, письменно его худые поступки и незнаніе представилъ; тогда оставя всѣ учиненной о томъ комиссіи представленія, всѣ заводы подъ именемъ Шемберга оному Бирону съ нѣкоторыми темными и весьма казнѣ убыточными договоры отдали, но въ 1742 г. паки все оное уничтожено, Шембергъ за похищеніе многой казны арестованъ, и учинена паки по прежднему бергъ-коллегія». Во 2-й ч. Лексикона, стр. 22, Татищевъ прибавляетъ, что

Биронъ и Шембергъ въ два года болѣе 400,000 руб. похитили.

[92]) *Сказанія Кн. Курбскаго*, изд. I-е, стр. 38. *Рычкова*, исторія оренбургская по учрежденіе оренбургской губерніи, въ Сочиненіяхъ и переводахъ къ увеселенію служащихъ на 1759 г., ч. I, стр. 10—12. Лексиконъ Татищева, ч. I, стр. 121; А. И., Т. III, № 178; А. А. Э, т. III, № 82; А. И., т. IV, №№ 58, 175, 201, 202 (XLVIII), 252; т. V, № 6, 19, 40, 85, 87, 123; Д. А. И., т. V, № 153; С. г. гр. и д., т. IV, № 24.

[93]) Башкирскія дѣла, хранящіяся въ главн. А. М. И. Д. въ Москвѣ св. I, года 1720—1722. П. С. Р. З., т. VI, №№ 3565, 3566; Башкирскія дѣла св. I, 1730 года, № 2. Петру дѣлалъ представленіе о башкирцахъ сибирской губернаторъ Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, см. Сочиненія и переводы къ пользѣ и увесел. служащія за 1759 г. ч. I, стр. 13.

[94]) Горн. Журн. 1831 г., № 2, стр. 193—195. А. И., т. I, № 179 (II); т. V, № 67, 70, 104. Рукопись русск. библіотеки И. А. Н. №. 118, въ описаніи томскаго уѣзда по пунктамъ Татищева, к. I, Сочин. и пер. на 1759 г., стр. 9. П. С. Р. З. т. VII, № 5197. *Кирилова* изъясненіе о киргизъ-кайсацкой и каракалкацкой ордахъ, по рук. русск. библ. И. А. Н. № 144 и П. С. Р. З. т. IX, № 6571.

[95]) *Разныя бумаги генерала-маіора Тевкелева* объ Оренб. краѣ и о киргизъ-кайсацкихъ ордахъ, во Временникѣ, кн. 13., къ сожалѣнію остановившіяся печатаніемъ при самомъ началѣ. *Свѣдѣнія* о родѣ Тевкелевыхъ, *Ханыкова* тамъ же. Срв. Сочин. и перев. на 1759 г. ч. I, стр. 16—22.

[96]) Представленіе со мнѣніемъ (уповательно ген. М. Волынскаго) о башкирскомъ народѣ, въ главн. Арх. М. И. Д. въ Москвѣ; д. башк. св. I, 1730 года № 2. П. С. Р. З. т. IX, №№ 6571, 6567, 6576, 6584. Сочин. и пер. на 1759 г. ч. I, стр. 102—111.

[97]) Соч. и пер. на 1759 г. ч. I, стр. 33, 112—142, 195—225.

[98]) Сочин. и пер. на 1759 г., ч. I, стр., 291—295; Спб. Вѣстн. за 1821 годъ ч. 15, стр. 7.

[99]) Сочин. и пер. на 1759 г., ч. I, стр. 296, 488. Реестръ башкирскимъ волостямъ, съ описаніемъ по которымъ рѣкамъ оныя и въ какихъ мѣстахъ и которая волость которой дороги и какія къ нимъ дороги, въ башк. дѣл. 1730 года, № 2. Въ концѣ этого реестра, много отличающагося отъ напечатаннаго Рычковымъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ (стр. 120—123), сказано: «Писаны, какъ чертежъ, такъ и описаніе со словъ нижеподписавшихся, кои какъ къ чертежу, такъ и къ описанію подписались. Камерiръ Θедоръ Жилинъ, вмѣсто отца своего Ивана Семенова сына Гавренева, по его приказу сынъ его Сильверстъ Гавреневъ руку приложилъ. Вмѣсто уфимца Семена Игнатьева сына Третьякова по ево велѣнію уфимской канцеляріи подъячій Аθанасій Калининъ руку приложилъ». П. С. Р. З. т. X, №№ 7251, 7318; т. IX, 6571, 6581, 6584, 6890; т. X, № 7347. Сочиненія и переводы на 1759 г., ч. I, стр. 296, 297.

[100]) Сочинен. и перев. на 1759 г., стр. 300. П. С. Р. З. т. X, № 7542. За все время управленія Татищевымъ оренбургской экспедиціей, башкирскихъ дѣлъ въ Моск. Арх. М. И. Д. не сохранилось. Въ 1746 г.—52 г. была учреждена слѣдственная комиссія о башкирскомъ бунтѣ; она требовала всѣ башкирскія дѣла изъ Каллегіи Ин. д., и тогда уже за эти годы дѣлъ не нашлось; ихъ, по всей вѣроятности, надо искать въ дѣлахъ слѣдств. комиссіи о Татищевѣ, наряженной при Аннѣ Іоанновнѣ, по желанію Бирона; см. ниже.

[101]) Описаніе путешествія Кэстля въ киргизскія степи хранится въ московскомъ Арх. М. И. Д., въ двухъ экземплярахъ, подъ заглавіемъ: «Jurnal der 1736 a. Orenburg nvch dem Abul-Gair-Chan der Kirgis-Kaijsacken Horda aus freyem Willen zu des Reiches, Besten höchst-nöthig unternommene Reisse, glüklich abgeleget durch *Jogann Castle*, Kunstmahler bey der Kayserl. Orenburgschen Expedition»; см. кирг.-кайс. дѣла, св. 2, а, 1736 г. № 3. Оно же было напечатано съ

посвященіемъ Іоанну Антоновичу во второй части Materialen zu der Russ. Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen, von *Chr. Schmidt, genannt Phiseldeck*, отдѣльнымъ прибавленіемъ. Къ описанію путешествія присоединены:) описаніе Киргизскихъ степей, 2) домашняго быта, нравовъ и обычаевъ Киргизовъ, 3) ихъ управленія во время мира и войны.

[102]) Кэстль такъ выражается о Татищевѣ: «Wie ich nun anfänglich merkte, dass ich bey dem selben sehr hässlich angeschwärzet seyn muste; so unterliess ich den noch nicht besagtem geheimen Rath öfters unter die Augen zu gehen, woruber ich das Glück erlangte, dass mich derselbe besser kennen lernte, und vielleicht an mir etwas ganz anders fand, als ihm von meiner Person war bereichtet worden. Seine Gütigkeit nahm von Tage zu Tage gegen mich zu, da bey ich keine Gelegenheit versäumte mich in seiner Grace um so vielmehr zu befestigen, als ich mir ein besonders Glück daraus machte, von dessen Esprit und anderen Qualitaten, welche derselbe *in Kenntniss der Historie, Naturalibus und andern Curiosen mit einer sattsamen Reife* besitzet, wirklich zu profitiren, das mir auch um so viel leichter ankam, als derselbe die deutsche und andere Sprachen vollkomen verstehet, und sich ungemein zu expliciren wuste, wie er mir denn auch die Gnade that, und mich in sein Haus nahm, auch daselbst alle Ehre und Wohlthat erzeigte. Kurz er ward mein Patron». *Materialien* zu der R. G., Anhang, S. 106, 107. О совѣщаніяхъ Абдулъ-Хаира съ Джамбекъ-Батыремъ и старшинами, см. стр. 8, 32—34.

[103]) Киргизъ-кайс. дѣла въ Московск. Арх. М. И. Д. 1738 г., №№ 2. 3., 1739 г. № 1. П. С. Р. З., т. X, №№ 7511, 7514, 7657. Соч. и пер. на 1759 г. ч. I, стр. 301, 305, 314—330.

[104]) П. С. Р. З., т. X, № 7278. Сочинен. и перев. 1759 г., ч. I, стр. 303, 304, 393. Лексиконъ Татищева, ч. I, стр. 89, 149, 162—163, 182, 200, 236—237; ч. III, стр. 78,

201, 212. Сочин. и перев. на 1759 г. ч. I, стр. 310—312, 314, 336, 382, 383. Jonas Hanway, Zuveerlässige Beschreibung Seiner Reisen von London durch Russland und Persien in den Jahren von 1742 bis 1750; B. I, cap. 3, S. 10—11. Тутъ же приложена и подробная карта всей колонизаціи оренбургскаго края Кириловымъ и Татищевымъ. Кромѣ того довольно подробное географическое и историческое описаніе Оренбурга и его края сдѣлано было еще въ 1744 г. извѣстнымъ Рычковымъ. Одинъ изъ списковъ его находится въ Киргизъ-кайс. дѣл. Моск. Арх. М. И. Д., за 1744 г, № 5. Это описаніе легло въ основу двухъ изданныхъ сочиненій того же Рычкова: исторіи Оренб. и топографіи; оба они были помѣщены въ Ежемѣс. соч. 1759 и 1762 г.г., а послѣднее издано потомъ отдѣльною книгою и переведено на нѣмецкій языкъ въ *Büsching's* Magasin fur die neue Historie und Geographie, Bd. V—VII.

[105]) Сочин. и пер. 1759 г., ч. I, стр. 303, 304, 393.

[106]) См. Приложенія, № IV. Письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при росс. дворѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны, Спб. 1836 г.; стр. 92—93, 99—101. О поврежденіи нравовъ въ Россіи, неизданное сочиненіе Князя М. М. Щербатова, ст. Ешевскаго, вѣ Атенеѣ, 1858 г., т. I, стр. 154: О народныхъ переписяхъ, статья Артемьева, въ Русск. Вѣстн. 1857 г., т. 10., стр. 305—307.

[107]) Письма леди Рондо, стр. 98. Записка объ Артеміи Волынскомъ, въ чтеніяхъ Общ. Ист. и др. Росс., 1858 г., кн. 2, стр. 156. Лексиконъ Татищева, ч. I, стр. 20, 145, 146, 503, 504, 507, 509; ч. II, стр. 22; Исторія Росс., соч. Татищевымъ, пред. стр. XIII—XIV.

[108]) Вѣстникъ Геогр. Общ., 1859 г., ч. XXVI, стр. II, стр. 156; ч. XXVII, стр. II, стр. 49—60; 90—104. Отеч. Записки.

[109]) Калмыцкія дѣла 1741 г., № II: отправленіе Татищева въ Астрахань. П. С. Р. З. ч. XI, № 8125.

[110]) Духовная тайнаго совѣтника и астраханского губернатора Василія Никитича Татищева, сочиненная въ 1733 году

сыну его Ефграфу Васильевичу, Спб. 1773 in-8, стр. 57. Издатель ея Сергѣй Друковцовъ, сынъ бывшаго секретаря Татищева, титулярнаго совѣтника Василія Максимовича Друковцова, нашелъ списанную рукой отца его копію съ духовной; но онъ ошибся назначивъ годомъ сочиненія ея 1733.— Татищева прямо говоритъ: «нынѣ мнѣ еще 54 годъ минулъ»; это онъ могъ написать только въ 1740 году. Безъ сомнѣнія, издатель былъ введенъ въ ошибку другими словами Татищева, которыми тотъ закончилъ свою духовную. «Наконецъ, какъ я тебѣ уже ничего завѣщать не имѣю болѣе, но токмо для тебя о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію, слѣдующимъ разговоромъ награждаю, который прошлаго 733 г., будучи здѣсь, по случаю разговора съ Князь Сергіемъ Долгоруковымъ, началъ, чрезъ разговоръ съ Архіепископомъ Новгородскимъ Феофаномъ Прокоповичемъ съ Князь Алексѣй Михаиловичемъ Черкаскимъ, якоже съ нѣкоторыми професоры Академіи разсуждалъ, продолжалъ и тебѣ тѣмъ пользу изобрѣсти». Друковцовъ, издавая духовную Татищева, не имѣлъ подъ руками этого разговора о наукахъ. Но у Сопикова указано еще второе изданіе духовной Татищева, въ которомъ былъ напечатанъ и этотъ разговоръ. Я не могъ нигдѣ найти этого изданія, ни въ Публичной Библіотекѣ, ни въ собраніяхъ извѣстныхъ нашихъ библіофиловъ.—Друковцовъ, издатель татищевской духовной, самъ былъ не послѣднимъ авторомъ своего времени. У Сопикова названы слѣдующія сочиненія его:

a) Соч. ст. сов. Друковцовымъ Духовная въ наставленіе его дѣтямъ. Спб. 1780 г. (№ 3502).

b) Экономическое наставленіе дворянамъ, крестьянамъ, поварамъ и поварихамъ. Изд. I. Спб. 1773 г. Изд. II. Спб. 1777 г. Изд. III, Спб. 1784 г. (№№ 6588—6590).

c) Экономическій календарь или наставленія городскимъ и деревенскимъ жителямъ въ разныхъ частяхъ экономіи. Изд. I, М. 1780 г.; изд. II, Москва 1786 г. (№№ 5003, 5004).

d) Поваренныя записки. М. 1784 г. (№ 4219).

e) Сказки бабушкины. Изд. I, М. 1778 г., изд II. М. 1781 г. (№ 10302, 10303).

f) Сова ночная птица, повѣствующая русскія сказки, изъ былей составленныя. Изд. I. Спб. 1779 г. Изд. II, Спб. 1781 г. (№№ 10120, 10121).

[111]) Краткія экономическія, до деревни слѣдующія записки, сочиненія господина губернатора въ Астраханѣ Василья Никитича Татищева, 1742 г., напечатаны во Временникѣ Москв. Истор. общ. кн. 12, стр. 12—32.

[112]) *Іакинфа* Истор. обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени, стр. 3, 22 — 52; *Фишера*, Сибирск. Ист., стр. 22—25, 31—37, 191, 212—214, 253, 264, 293, 318 и др. А. И. т. II, № 1. Д. къ А. И., т. II, № 62.

[113]) Сѣверный Архивъ 1828 г., №№ 2, 3, законы мунгальскіе и калмыцкіе. Рукописное сочиненіе (1761 г). совѣтника коллегіи иностр. дѣлъ, Василья Бакунина, принадлежавшее прежде древнехранилищу г. Погодина (подъ № 1815) и хранящаяся теперь въ Имп. Публ. Библіотекѣ, подъ заглавіемъ: «Описаніе калмыцкихъ народовъ и особливо изъ нихъ торгоутскаго и поступокъ ихъ хановъ и владѣльцовъ.»

[114]) Сочиненіе Бакунина и А. И., т. III, № 296, т. IV, № 32, 56, 72, 82, 89, 131, 163, 175, 181; А. А. Э., т. IV, № 2; Д. къ А. И., т. III, № 126; т. IV, № 71; т. V, № 33, 49, С. г. гр. и д., т. IV, № 21; П. С. Р. З., т. I, № 145, 300, 316.

[115]) Сочиненіе Бакунина и А. И., т. IV, № 202, 252; т. V, №№ 87, 210, 233; А. А. Э., т. IV, № 262; С. г. гр. и д., т. IV, №№ 152, 184; Д. къ А. И., т. VII, № 47, 49. Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина; стр. 3, 190, 247. П. С. З., т. I, № 540; т. II, № 990, т. III, № 1591; т. IV, № 2207, 2291; т. V, № 2702, 2958, 3001, 3062, 3314; т. VII, № 4427, 4492, 4680, 4683, 4784, 4795. Записки Геогр. Общества, кн. IX, стр. 348, 351. На калмыкъ въ разное время, кромѣ выговорен-

наго ими въ шертныхъ грамотахъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, издержаны были слѣдующія суммы: въ 1678 г., за Чигиринскій походъ, 3000 калмыкъ Аюкиныхъ дано было денегъ и товаровъ на 2164 р.; въ 1676 г., въ низовомъ Донскомъ походѣ, на 3000 человѣкъ, дано около 5112 р., въ 1706 г. за астраханскую службу, 7624 р., въ 1707 г. послано стольникомъ Ив. Бахметевымъ къ Аюкѣ-хану, ради посылки съ нимъ въ Свѣйскій походъ 3000 калмыкъ, на 4600 р.; въ 1713 г. за кубанскую службу товарами и деньгами на 3837 р; въ 1725 г., по резолюціи Сената, хотѣли послать 6000 калмыкъ для защиты крѣпости Св. Креста съ назначеніемъ имъ большаго жалованья; но калмыки отговорились невозможностью итти въ походъ по разнымъ причинамъ. Калм. дѣла въ Моск. главн. Арх. М. И. Д., св. 301, 1736 г. № 30. Обстоятельный Журналъ калм. дѣл. съ 1723 по 1725 г., сочиненный Арт. Петр. Волынскимъ, взятъ былъ Фельдмаршаломъ Кн. Голицынымъ. Тамъ же, 1736 г., № 20.

[116]) Сочиненіе Бакунина и П. С. З., т. VIII, № 5699, 5850: т. IX, № 6705, 7027, 7103; т. X, № 7191. Въ 1735 г. былъ нарядъ 3000 калмыкъ для усмиренія башкирцевъ, послано полковнику Беклемишеву изъ доходовъ казанской губ. 10000 р., да изъ Сибирскаго приказу мелкой рухляди на 1000 руб.: но изъ всего этого астраханскій губернаторъ Измайловъ, при свиданіи съ Дондукъ-Омбо, подарилъ ему и другимъ владѣльцамъ на 701 р. 6 к. Въ 1736 г. за Кубанскій походъ дано Дондукъ-Омбо, сыну его и другимъ владѣльцамъ, соболей на 770 р. прочихъ вещей на 1064 р. 76 к.; деньгами 4500 р.—Кромѣ того отпускаемы были изъ Астрахани порохъ и свинецъ. Оренб. Экспедиція издержала на Калмыкъ 484 р—$50^1/_4$ к. Калм. дѣл. 1737 г. № 9.

[117]) П. С. З., т. X, №№. 7228, 7335, 7549, 7733, 7800; т. XI, №№ 8393, 8394, 8847; т. XII, № 9110. Калмыцкія дѣла въ Моск. Главн. Арх. М. И. Д. 1737—1740 г., св. 32—37. Воспріемниками калмыкъ Анны Тайшиной, крестившихся въ Петербургѣ, были сенаторы, совѣтники

и ассесоры разныхъ коллегій и конторъ. Крестили ихъ въ церкви полковой преображенскаго полка, кадетскаго корпуса іеромонахъ Варлаамъ; въ церкви Исакія Далматскаго, протопопъ Василій Терлецкій. Всего дано было Тайшиной и ея калмыкамъ при отпускѣ изъ Москвы 9247 рубл. На Ставрополь въ приходѣ было съ 1737—39 годахъ: 10, 090 р. 74 $^3/_4$ к., и здержано 7334 р., 9$^1/_2$ к. На устроеніе одѣяній, сосудовъ, книгъ и вещей для ставропольской церкви издержано было 1211 р. 2 $^1/_2$ к. Геодезистами Татищева сняты были планы и приложены къ его донесеніямъ чертежи: степи между рѣкъ Сока, Кондурчи, Черемшана; берегу по Волгѣ по 20 верстъ въ сторону; ситуаціи мѣста, гдѣ оное селеніе (Ставрополь); крѣпости съ домами для знатныхъ калмыковъ, козармами для солдатъ и кладовыми магазинами; церкви, коей быть въ помянутой крѣпости. Въ примѣръ того, какъ выражались новые христіане, привожу переводъ Бакунина сдѣланный съ письма зайсанга, объявлённаго полковникомъ, Ивана Шоро къ его матери и дѣтямъ: «Великая Государыня пожаловала и я крестился, ежели меня помните, то повѣря астраханскому губернатору пріѣзжайте въ Астрахань. И кто изъ людей нашихъ сего послушаетъ и пожелаетъ креститься, и тѣхъ съ собой возмите и удобовозможными способами ихъ къ крещенію приводите и сами окреститесь. А вамъ, матушка, креститься или не креститься, оное состоитъ въ вашей волѣ, и ежели вы не будете креститься, то и въ городъ вамъ ѣхать не для чего, но можете жить въ своемъ улусѣ и дѣла свои, какъ наилучшимъ образомъ справлять. Шоро руку приложилъ. 19 января 1737 г.». О переводѣ Никодимомъ Ленкеевичемъ и его учениками молитвы господней, символа вѣры и десяти заповѣдей на калмыцкій языкъ, Бакунинъ въ своемъ донесеніи Коллегіи Иностр. Дѣл. отъ 12 января 1737 г. говоритъ такъ: «за правильный переводъ причесться не можетъ, ибо есть весьма погрѣшенія; за тѣмъ, что калмыцкій языкъ не регулярной и предъ россійскимъ весьма краткой: онижъ обучались тому

калмыцкому простому языку, что съ книжнымъ, въ которомъ за краткостью онаго вмѣшанъ и мунгальскій языкъ, сходства не имѣетъ». Въ 1724 г. Бакунинъ также переводилъ на калмыцкій языкъ символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей: «но нынѣ, говоритъ онъ, и тотъ мой переводъ за правильный не поставляю, понеже я тогда мунгальскому языку не обучался еще, къ томужъ по тогдашнему времени изъ калмыцкихъ духовныхъ къ тому переводу употребить было подозрительно». Въ концѣ донесенія онъ проситъ дозволенія составить букварь калмыцкій, перевести Евангеліе, и составить краткое извлеченіе изъ церковной исторіи, при помощи ученыхъ духовныхъ особъ русскихъ и калмыцкихъ, находившихся тогда въ Петербургѣ при Черенъ-Дондукѣ. При ставропольской церкви учениками были: Иванъ Ярославовъ, Романъ Петровъ, Давыдъ Ивановъ, Егоръ Ероѳеевъ, Иванъ Мартемьяновъ; «а природой они калмыцкой націи». См. также Приложеніе № V.

[118]) Калм. дѣл. 1741 г., св. 41—42. Татищевъ выѣхалъ позднѣе Дондукъ-Даши, который также былъ въ Петербургѣ и далъ на себя реверсъ: 1) служить вѣрно и прилежно и во всемъ поступать по указу; 2) съ непріятелями ея Величества, какого бы народу и званія не были, сообщенія и дружбы и пересыловъ не имѣть и съ другими чужестранными народы не пересылаться, а будутъ чужестранные послы отвѣтъ давать по указу; 3) крещеныхъ калмыкъ въ улусы калмыцкіе не принимать; 4) Дарму-Балу съ родственниками содержать и никому изъ калмыцкихъ владѣльцовъ за прежнія ссоры не мстить; 5) быть въ совѣтѣ съ Татищевымъ; 6) отдать сына Асарая въ Астрахань. Калм. дѣл. 1741 г., № 32. Находясь въ дорогѣ къ Царицыну, Татищевъ переписывался съ Бакунинымъ, который передавалъ отъ него пакеты родственникамъ, переслалъ ему однажды отъ двоюрднаго брата двои часы въ футлярѣ и деревянномъ ящикѣ. Переписку Татищева съ Бакунинымъ см. въ приложеніяхъ, № VI.

[119]) Обстоятельный Журналъ происходящимъ калмыцкимъ дѣламъ, который велъ Татищевъ въ одно время съ своими краткими донесеніями въ коллегію; Калм. дѣл. 1741 г. № 12. Татищевъ представилъ и счетъ своимъ издержкамъ, по поводу объявленія Дондукъ-Даши намѣстникомъ ханства; они состояли въ слѣдующемъ: 95 барановъ, 13 скотинъ, 95 ведеръ вина, 70 ведеръ водки, 10 фунтовъ соли, 100 сальныхъ свѣчей; всего на 266 р. $23^3/_4$ к. До Татищева вѣдали особливо калмыцкія дѣла: при Петрѣ Великомъ, подполковникъ Никифоръ Львовъ, жалованья получалъ 500 руб.; съ 1722 года капитанъ Беклемишевъ съ 300 руб. ежегоднаго жалованья до 1722, 400 р. до 1728 г., и 500 руб. до 1737 г., за нимъ полковникъ и царицынскій комендантъ Кольцовъ съ 500 руб. Въ 1739 году для охраненія калмыцкихъ улусовъ назначенъ былъ полковникъ Лукъянъ Бобарыкинъ съ особенною командой, съ 1000 р. жалованья; у Кольцова осталось разбирательство между русскими и калмыками, ему единовременно выдали на расходы изъ Штатсъ-конторы до 1000 руб. Наконецъ сталъ управлять Татищевъ.

[120]) Калмыцк. дѣла, 1742 г. св. 44. Кабардин. дѣла, 1742 года № 7.

[121]) Персидскія дѣла св. 45—46. Кабард. д. 1743. № 3.

[122]) Калм. дѣл. 1743 года, св. 47. Салтанаульскія дѣл. 1740 года № 2: выписка о нихъ изъ донесеній Татищева и выписка, сочиненная въ Коллегіи Иностр. Дѣл., въ 1739 г., изъ донесеній Данилы Ефремова и переписки съ Дондукъ-Омбою.

[123]) Калмыцк. дѣл. 1743 г., св. 48. Строя Енотаевскъ, Татищевъ издержалъ много денегъ изъ суммъ калмыцкой комиссіи, и потому рѣшился допустить винную продажу для рабочихъ и солдатъ, съ отдачею ея на откупъ астраханскому купцу Богдану Скворцову, съ 1 января 1743 года впрдь на три года, по 669 р. 90 к. въ годъ. Кромѣ того онъ издержалъ для той же цѣли, заимообразно изъ астраханской губернской канцеляріи 1000 руб., и опасаясь еще тратить

денегъ, которыхъ не высылали болѣе изъ Петербурга, просилъ доходы съ откупа употребить на достройку крѣпости, а не отсылать ихъ въ Комерцъ-коллегію. Коллегія Иностр. Дѣлъ, куда Татищевъ обратился съ этою просьбою, сознавая всю важность цѣли, которую Татищевъ имѣлъ въ виду, не рѣшилась однако принять на себя рѣшенія дѣла и просила Сенатъ обратить на него наивящшее вниманіе и посылать указы о томъ уже прямо къ Татищеву. Сенатъ рѣшилъ указомъ отъ 23 іюня 1743 года: простить 1000 руб., да выдать еще 1000 руб. изъ астраханской губернской канцеляріи, деньги съ откупа также обратить на строеніе крѣпости. Потомъ велѣно было, относительно снабженія Енотаевска артиллеріею и военными припасами, сноситься непосредственно съ военной коллегіею. Постановленія о рыбныхъ ловляхъ для калмыкъ, см. въ Приложеніяхъ, № VII.

[124]) Калм. дѣл. 1744 г. и 1745 г. Приложенія № X.

[125]) П. С. Р. З., т. IV, №№ 2218, 3119, 3374, 3380; т. X, № 7965. Собраніе собственноручныхъ писемъ Петра Великаго къ Апраксинымъ, М. 1811 г., ч. I, стр. 35—58. *Voyage de Corneill Le Brun*, par la Moscowie, en Perse et aux Indes orientales. Amsterd. 1718. t. I, p. 90—94. *Jonas Hanway*, zuverlässige Beschreibung Seiner Reisen, B. I, C. XIX, s. 87—91. Der allerneueste Staat von Casan, Astracan, Georgien etc. Nuremberg. 1724 г., s. 105—110.

[126]) П. С. З., т. IV, № 1792; т. VI, № 3622, 3668; т. VII, № 4728; т. VIII, № 5333. Срв. меморію, поданную Петру Великому въ 1724 г. астраханскимъ губернаторомъ А. П. Волынскимъ, въ Р. Вѣстникѣ 1841 г., т. II, стр. 378—380.

[127]) П. С. З. т. VII № 4304, 5025; т. VIII, № 5799; т. IX, № 7020, 7129; т. XII, № 8919, 8991. Калм. дѣл. 1742 г., № 46. Рукопись русской библіотеки И. А. Н., № 143: одиннадцать географическихъ и историческихъ вопросовъ о Бухаріи и Хивѣ, Татищева, на 16 листахъ. На обо-

ротѣ послѣдняго написано: «Du Brovini Relationes mire, si fas est credere». Вопросы эти состояли въ слѣдующемъ:

1) Въ Бухарской и Хивинской сторонѣ какія есть разныя владѣнія и что объ нихъ могъ вѣдать, коль великіе, и кто у нихъ сильнѣе или богатствомъ (выше)?

2) Какіе у нихъ столичные города, и кто съ ними граничитъ и протчая?

3) Какіе гдѣ россійскіе потребны товары, у нихъ какіе въ Россію мочно товары доставать и какая гдѣ манѣта ходитъ?

4) О золотѣ, серебрѣ, мѣди и железѣ, въ которыхъ тамъ мѣстахъ родитца и ханы-ль имѣютъ тамъ заводы или партикулярные люди, такожде о камени наждакѣ и о другихъ каменьяхъ, лалахъ, яхонтахъ, гдѣ тамъ достаютъ и чьего владѣнія?

5) Какимъ путемъ въ тѣ мѣста способнѣе россійскимъ караванамъ ходить, водою-ль до Астрабата или сухимъ путемъ чрезъ старую Хиву, и въ томъ пути какія находятца трудности и потребно-ль конвои и въ какомъ числѣ?

6) Гдѣ имѣютца знатныя рѣки, коими могутъ суда ходить и куда мочно проходить, и объ Аральскомъ морѣ и въ него изъ него о рѣкахъ.

7) Которые тамошніе владѣльцы въ бытность его склонны были къ россійской сторонѣ и къ комерціи, и ежели въ трактатъ комерціи съ ними вступать, то чѣмъ мочно ихъ утверждать?

8) О трухменскомъ народѣ, которые во время бытности (кн. Бековича) Черкаскаго въ подданство прибѣгали, особливо показать подъ однимъ ли владѣльцомъ или многіе и коль многъ тотъ народъ, и имѣетъ-ли города или кочевья?

9) Объ аральскомъ ханѣ и о ево владѣніи, потому-жь сколько мочно показать, способно-ль чрезъ ево владѣніе въ Бухары проходить?

10) О киргизъ-касацкой землѣ, гдѣ оная лежитъ и имѣетъ ли свои городы и коль они къ Сибири или къ Уфѣ близки и способны къ комерціи?

11) Ревень изъ Бухары выходитъ, въ тамошнемъ владѣніи родитца или къ нимъ привозятъ?

Отвѣтъ о торговлѣ былъ такой:

«Русскіе потребны товары возить въ Хиву, въ провинціи: Анху, Авча, Балкъ, Коломна, Кундусъ, Имамъ, Бодакшанъ:

1) Сукно цвѣтомъ кармазинное галанское, а другое которое называетца по персидски Мармарино, и чтобъ оное было сдѣлано на персицкую руку, понеже за то больше денегъ беретца;

2) Сукно-жь полукармазинное галанское, сдѣлано бъ было на персицкую руку, и за оное денегъ довольно-жь беретца;

3) Сукно простое, цвѣтъ красной, чтобъ похожъ былъ на кармазинную краску;

4) Сукны зеленыя, простыя, полукармазинныя;

5) Бобры русскіе и заморскіе, выдры русскіе и заморскіе;

6) Иглы безимены (sic) и первой руки, а другіе не годятца;

7) Семя канцелярское;

8) Юфти трехъ рукъ;

9) Четвертая юфть мастерская, оная годитца въ Моголь и въ другія провинціи;

10) Зубы моржевые;

11) Зеркалы;

12) Сахаръ простой и леденецъ;

13) Корольки, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ годятца, а не во всѣхъ;

14) Жемчюгъ годитца въ нѣкоторыхъ же провинціяхъ;

15) Бусы разныхъ цвѣтовъ;

16) Бисеръ разныхъ цвѣтовъ;

17) Холстина русская тонкая;

18) Краска брусковая;

19) Сандалъ;

20) Бумага пищая;

21) Нашатырь;

22) Савры лошадиныя кожи;

Въ Россiю товары отъ тамошнихъ странъ:

«Изъ Хивы овчинки малое число находитца; холста бумажнаго изъ котораго въ Астрахани красятъ бурметы на калмыцкую руку.»

«Въ Бухарахъ находитца ревеню привознаго, холстина бумажная, золота привознаго, изъ Ходжанта сребра привознаго, изъ Самарканда вещей отъ каменья разнаго находитца малое число у хана и у протчихъ господъ. Да сѣмя Дремена, которая родитца въ Ташкенту, и оное купцы привозятъ въ Персидскую и Турецкую области и изъ Турецкой возятъ въ нѣмецкiе страны». — Авторъ приложенныхъ отвѣтовъ выдаетъ себя нѣкоторыми выраженiями: «въ прошломъ 728 г. избранъ ханъ Бирсъ въ хивинскiе владѣтели.....; въ бытность мою у нихъ (Узбековъ) имѣлась война съ Аральскимъ ханомъ Шетемиромъ (листъ 1); я видѣлъ самъ въ 729 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ» (листъ 6 на оборотъ). Потомъ у Татищева была еще рукопись, пожертвованная имъ также въ библiотеку Академiи Наукъ подъ слѣдующимъ заглавiемъ: «Способъ ко введенiю коммерцiи въ государствахъ великаго Могола, въ городъ Балхъ, который нынѣ есть пограничный, а прежде сего былъ подъ владѣнiемъ помянутаго могола, и надлежалъ Индiи; въ Бухарiю и прочiе городы и въ провинцiи къ ней принадлежащiе, также въ Хиву и въ другiе мѣста». Рукопись эта начинается исторiею Бухары, гдѣ разсказаны усиленiя ея на счетъ Персiи, владѣнiй великаго Могола и степей лежащихъ на Югъ отъ Тобольска, при Абдуллахъ ханѣ; потомъ ослабленiе, возвращенiе Персiею отнятыхъ у нея земель, паденiе владычества Узбековъ, образованiе мелкихъ отдѣльныхъ владѣнiй, завоеванiе Туркестана ханомъ черныхъ калмыкъ Араптаномъ. Объ всѣхъ этихъ мѣстностяхъ говорится такъ: «всѣ мѣста богатые золотомъ, серебромъ и прочими металлами, не весьма знаемыми тамошнимъ народомъ; понеже за неиску-

ствомъ своимъ пользуются токмо тѣмъ металломъ, который находятъ или блещется передъ ихъ глазами поверхъ земли». Далѣе идетъ описаніе волненій Узбецкихъ въ бытность въ Бухаріи русскаго посланника, выселенія Чегатайцевъ въ Индію, во владѣнія великаго Могола; они втайнѣ желали передаться хану черныхъ калмыкъ. Далѣе описаны походы этого хана на киргизъ-кайсаковъ, которые бѣжали къ Узбекамъ. На листахъ 6—7 говорится: «и понеже тому нынѣ два года минуло, какъ помянутый посланникъ выѣхалъ изъ Хивы, такожь не имѣется никакого извѣстія о томъ, что учинилъ до сего времени вышереченныхъ черныхъ калмыкъ ханъ, такожъ тотъ же ли ханъ государствуетъ въ Бухарахъ и прекращены ли возмущенія и бунты тѣхъ земель; того ради въ дѣлѣ свободной комерціи надлежащимъ образомъ и фундаментально разсуждать невозможно, не вѣдая о нынѣшнемъ состояніи Бухарскомъ, ни Хивинскомъ, ни о другихъ окрестныхъ мѣстахъ даже до границъ Могольскихъ. Однакожь разсуждается что ежели нынѣ въ Бухарахъ государствуетъ какой другой ханъ добраго поступка, человѣкъ мужественный, ратный и всю власть имѣющій; то можно свободно надѣятися счастливой коммерціи, ради россійскаго народа какъ въ Моголь, въ Индію, такъ и во всѣ другіе страны при семъ вышеупомянутые. Тогожь счастія къ коммерціи можно будетъ надѣятися, ежели да ханъ черныхъ калмыковъ учинилъ какой добрый успѣхъ въ государствѣ Бухарскомъ, а наилучше ежели да онъ ханъ и совершенно да нынѣ завладѣлъ тою землею; токмо бы его императорское величество соизволилъ обойтися съ нимъ доброю корреспонденціею, понеже онъ ханъ того всѣмъ сердцемъ желаетъ, какъ посолъ его имѣлъ случай дать знать Россійскому посланнику, будучи въ Бухарахъ». Но если еще Узбеки владѣютъ странами Аральскаго моря,—замѣчаетъ авторъ, то память объ исторіи князя Бековича должна привести къ другому образу дѣйствія. На листѣ 8 сказано: «примиреніе съ Хивою народу Россійскому поставится въ немалое ума-

леніе славы при тамошнихъ народахъ и не будетъ отъ нихъ почитано мужество Россійское такъ, какъ прежде сего они не токмо солдата, но послѣдняго купца почитали, и будутъ имѣть всегда причину говорить, якобы Россіяне потеряли свой куражъ, лишився монарха своего Петра Великаго, котораго имя гремѣло даже въ Индіяхъ, и всѣ тамошніе земли страхъ имѣли». Только по завоеваніи Хивы, думаетъ авторъ, можно утвердить прочную торговлю съ Востокомъ; кромѣ того должно возвратить Аму-Дарью по старому устью ея къ Каспійскому морю. На листѣ 10 продолжается: «и когдабъ его императорскому величеству соблаговолилось совершенно обвладать землю Хивинскую, тогда сія наша намѣряемая коммерція отъ Индіи и всѣхъ окрестныхъ земель, основавъ въ Хивѣ яко арсеналъ торговаго промыслу съ обѣихъ сторонъ, призошла бы съ наивящею силою и успѣхомъ, а сіе имперіумъ пристяжало бы великую пользу». За тѣмъ идетъ самый планъ завоеванія: сперва усмирить киргизъ-кайсаковъ, устроить добрую дорогу отъ Яика до Хивы, снабдить ее водою и жильемъ въ урочныхъ мѣстахъ, вступить въ Хиву секретнымъ образомъ; для изгнанія изъ этихъ мѣстъ киргизъ-кайсаковъ понадобится не болѣе полуторы тысячи казаковъ, до пяти сотъ драгуновъ, кромѣ того можно получить помощь отъ черныхъ калмыкъ. Четыре пути ведутъ въ Хиву и Бухару: одинъ, чрезъ который шелъ Бековичь, другой — чрезъ Мангышлакъ, третій отъ Яика къ Аральскому морю прямо, четвертый отъ Яицкаго городка на рѣку Сыръ-Дарью. Но второй путь безводенъ; два послѣдніе заняты киргизъ-кайсаками. Есть еще дорога отъ Тобольска къ Туркестану. Но всѣ попытки устроить пути въ Хиву вызовутъ подозрѣнія со стороны Хивинцевъ. На листѣ 16 идетъ заключеніе такого рода: «и тако заключается, что ко установленію спокойной и полезной коммерціи въ оныхъ странахъ генерально надобно обладать землею Хивинскою; ибо когда его величество учинится государемъ Хивы, воленъ будетъ и коммерцію производить по

своему соизволенію и все къ тому принадлежащее учинить; и то, что въ другихъ земляхъ невозможно достать пріятствомъ, тамъ добудется силою, а больше съ грозами и славнымъ именемъ, нежели дѣломъ». Рукопись кончается словами, на листѣ 21: «о прочемъ же содержаніи караванъ башей и караванниковъ и о нихъ должностяхъ, явствуетъ въ указѣ изъ Верховнаго тайнаго совѣту». См. также рукопись русской библіотеки И. А. Н., № 113: Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухарцами, на 18 листахъ, неправильно приписанныя Татищеву. Она могла перейти къ нему въ 1739 г., во время пребыванія его въ Петербургѣ, когда авторъ написалъ послѣсловіе къ ней. Писана же она въ августѣ 1730 г. Пьеромъ Куки (Pierre Couquy). См. Чтенія общ. Истор. 1861, № 1. Хивинскія дѣла 1741 г., № II: поѣздка англійскаго купца Романа Гока съ товарами въ 1740 г., и Джона Томсона до Бухары, которые хотѣли завести правильныя торговыя сношенія съ Среднею Азіею чрезъ Астрахань. Бухарскія дѣла, 1744 г., № 2: объ армянской торговлѣ. П. С. З., т. I, № 409, 410, 539; т. IV, № 2092, 2356, 2490, 2609; т. V, № 3385; т. VI, № 3618; т. IX, № 7129; т. XI, № 8007, 8194, 8500. Лексиконъ Татищева, ч. III, стр. 163.

[128]) Киргизъ-Кайс. дѣла въ М. Г. А. М. И. Д., за 1741 годъ, № 4; Персидскія дѣла 1742 г., № 9. *K. Fr. Neumann's* Persien seit dem Niedergang der Sefi, въ Historisches Taschenbuch, herausg. v. Raumer, J. 1855., s. 386—388. *Jonas Hanway*, Beschreibung der neuesten Reichs-Veränderungen in Persien, Hamb. и Leipzig 1754, s. 199. 365. Извѣстіе о происшедшихъ между шахомъ Надиромъ и старшимъ его сыномъ Рези-Кули-Мирзою печальныхъ приключеніяхъ въ Персіи, 1741 и 1732 г., нынѣ сообщенное сочиненіемъ канцеляріи совѣтника Василья Братищева, Спб. 1763 г., стр. 1—54. Описаніе церемоніи бытности у ея имп. в—ства на двухъ аудіенціяхъ Персидскаго полномочнаго посла Магометъ Хусейнъ Хана въ Москвѣ, первой маія

16, второй іюня 20 сего 1742 года. Печ. въ Москвѣ при Сенатѣ, 1742 г. in—8, 12 стр.—Татищева Ист. Росс. кн. I, стр. 191.

[129]) Персидскія дѣла 1742 г. П. С. З., т. XI, № 8670. *Соколова*, Астраханскій портъ. Лексиконъ Татищева, I, 12; II, 103. Грузинскія дѣла 1742 г., № 6: пріѣздъ въ Петербургъ митрополита Антонія съ жалобою Грузинцевъ на утѣсненія Персидскаго шаха.

[130]) Персидскія дѣла 1733 г., № 11 и 12. *Jonas Hanway*, zuverlässige Beschreibung seiner Reisen, s. 19, 25—29, 58, 83—86, 93—97, 114, 298 и др. О значеніи персидской и вообще восточной торговли для Россіи въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія говоритъ Щербатовъ въ своей статьѣ: «состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 г. при началѣ Турецкой войны». «При императрицѣ Аннѣ, пишетъ онъ, и въ не малое время царствованія императрицы Елизаветы Петровны, Персія была въ цвѣтущемъ состояніи, серебро и злато въ нее текло изъ Индіи и на промѣнъ товаровъ нашихъ изъ Персіи часто серебро привозили; потомъ шахъ Тахмасъ Кули ханъ, разоря могольскую имперію и получа въ столицѣ оныя нещетное сокровище, злато и сребро цѣну свою потеряло: абасы, содѣланные изъ чистѣйшаго серебра, въ Россію въ великомъ множествѣ приходили, также знатное количество привозили въ Астрахань и Оренбургъ такъ называемаго копытчатаго серебра (до 10000 пудовъ); тогда уже торговля съ Китаемъ на границахъ Сибири также хотя не великое число серебра въ Россію приносила. Зенгарцы доставляли копытчатое серебро». Теперь же, прибавляетъ онъ Тахмасъ Кули ханъ убитъ; Персія подѣлилась, междуусобіями и разореніями страдаетъ, сама ищетъ отъ насъ золота; Китайскій торгъ рушенъ; Зенгарцы разорились. См. Отеч. Зап. 1859 г., № 12, стр. 420.

[131]) Персидскія дѣла разныхъ годовъ (1740—1744). Лексиконъ Татищева, III, 187—189.

[132]) Персидскія дѣла 1744 г., № 13.

[133]) Персидскія дѣла 1745 г., № 17. Калмыцкія и Тарковскія дѣла 1743 г., № 1 и 2., 1744 г., № 2. Ногайскія дѣла, св. 11: нѣсколько выписокъ о большихъ и малыхъ Ногаяхъ, 1736 года января 21, 1743 года мая 27, 1747 октября 27, и самая подробная въ августѣ 1754 года. Выписки эти ведутъ исторію Ногайцевъ отъ Іоанна Грознаго до половины XVIII вѣка; тутъ же свѣдѣнія о Салтанаульцахъ, отрасли Ногайцевъ. Кабардинскія дѣла 1744 г., № 3, 1745 г., № 2. Грузинскія дѣла, 1743 г., № 1. Трухменскія дѣла, 1741 г., № 1—3; 1745 г., № 2, 3. Исторія Татищева кн. I, стр. 288.

[134]) См. въ приложеніяхъ №№ VIII и IX.

[135]) Изъ разныхъ донесеній Татищева и указовъ коллегіи, въ калмыцкихъ и персидскихъ дѣлахъ. *J. J. Lerche,* Lebens- und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben. Halle, 1791; S. 256—258. Тутъ же описаніе Астрахани, ея торговли и преобразованій ея магистрата по увольненіи Татищева. П. С. З., т. XII, № 9227. Вскорѣ по отъѣздѣ Татищева изъ Астрахани убитъ былъ Шахъ-Надиръ, именно въ 1747 году; Эльтонъ убитъ въ 1751 году.

[136]). См. статью г. Чупина, Библіотека Н. Татищева въ Екатеринбургѣ, помѣщенную въ Москов. Вѣдомостяхъ 1860 года, № 203.

[137]) Исторія Россіи, сочиненіе Татищева, кн. I, стр. 11, 264, 309; лексиконъ част. III, стр. 205; истор. кн. I, стр. 175, 113, 130, 66, 436; кн. II, стр. 227, 249; лексиконъ част. I, стр. 159; истор. кн. I, стр. 21, 385, 12, 10; кн. II, стр. 378, кн. I, стр. 15, 76, 149, 308; лексиконъ част. I, стр. 57; истор. кн. I, стр. 156; кн. II, примѣчаніе 306, стр. 34, 206, 109, 319, 358, 34; кн. I, стр. 69, 73, 325, 503, 133, 175, 480, 2, 3, 99, 309, 332, 296, 313, 374, 490, 329; кн. II, примѣч. 13; кн. I, стр. 79, 80, 131, 331; кн. II, примѣч. 24, 318; лексиконъ кн. I, стр. 102; исторія кн. I, стр. 108, 159; лексиконъ част. II,

стр. 105 част. III, 65; истор. кн. I, стр. 286, 291; кн. II, стр. 406, 273; лексик. част. III, стр. 54; истор. кн. II, примѣч. 184; кн. I, стр. 476, 464; кн. II, стр. 56, 247, 311; кн. I, стр. 527; кн. II, прим. 333—335; прим. 306; лексиконъ кн. III, стр. 40, 44; истор. кн. I, стр. 327, 136, кн. III, примѣч. 616, кн. II, примѣч. 250, и проч.

[138]) Исторія Россіи, сочиненія Татищева, кн. I, стр. 60, 56, 63; Судебникъ, стр. 130; истор. кн. I, стр. 99, 105, 276—278, 280—282, 290, 327, 352, 357, 486, кн. II, примѣч. 320, кн. I, стр. 358, 149, 105, 107, 315, 353; кн. II прим. 15, 229; Судебникъ, стр. 18; истор. кн. II, прим. 409, 339, 334; кн. I, стр. 502, 577, 270; кн. II, примѣч. 250, и проч.

[139]) Лексиконъ част. I, стр 20.

[140]) См. приложенія № XIII.

[141]) См. приложенія № XIV.

[142]) См. рукопись русской библіотеки Петербург. Акад. Наукъ № 119, т. е. Журналъ Сибирскаго описанія, вступило въ библіотеку отъ Татищева послѣ пожара библіотеки. Начинается трактомъ отъ Москвы до Иркутска. На листахъ: 3—6, помѣщена выписка изъ книгъ Сибирской губернской канцеляріи о горахъ дымящихся въ Камчаткѣ, о соляномъ промыслѣ въ Сибири, росписаніе городовъ и уѣздовъ Сибирской губерніи. На листахъ 7—38 помѣщена вѣдомость о Тобольскѣ. На листахъ 40—54 помѣщена вѣдомость о городѣ Пелымѣ, отъ воеводы Ѳедора Павлуцкаго. На листахъ 55—76 продолженіе ея изъ провинціальной канцеляріи. На листахъ 77—108 вѣдомость изъ Верхотурской канцеляріи. На листахъ 109—145 вѣдомость изъ канцеляріи города Тары. На листахъ 147 слѣдующихъ помѣщены смѣшанныя извѣстія объ Исецкомъ, Томскомъ, Нарымскомъ, Кетскомъ и Кузнецкомъ дистриктахъ. Кромѣ Павлуцкаго трудились надъ составленіемъ вѣдомостей капитанъ Ѳеодоръ Ведингъ, канцеляристъ Прокопій Поповъ, секундъ-маіоръ Степанъ Угрюмовъ, канцеляристъ Петръ Комаровъ, капитанъ Артемонъ

Бартеневъ, канцеляристъ Иванъ Симеоновъ. Вся же рукопись скрѣплена по листамъ такъ: «съ подлинными читалъ подканцеляристъ Егоръ Докторовъ.» Въ примѣръ подробностей встрѣчающихся въ этомъ описаніи привожу слѣдующее мѣсто, находящееся на 132 листѣ: «да сверхъ вышеписанныхъ отвѣтовъ тарскіе градскіе и уѣздные знаемые иноземцы, а именно сеиты: Адахоржа, Арымхоржа, Мулла-Маметь-Кадымовъ, бухарцы: Бакмуратъ Рейчаповъ, Мамшень-Аллинъ, Тохтамышъ Себеляковъ, Абай Ислевменевъ, Кучукъ Шамаевъ, Аялинской волости князецъ Икучумъ Букченевъ, да сынъ его Арымъ Изкучуковъ, той же волости есаулъ Тохтоулъ Ияевъ съ товарищи, которые подписались подъ вышеписанными пунктами въ отвѣтахъ своихъ чрезъ разговоры о противности и о трудности въ законѣ христіанскомъ: для чего оный христіанскій законъ принять, а свой оставить не хотятъ, секретно предъ Тарскимъ маеоромъ и воеводою господиномъ Бражниковымъ чрезъ толмача Данилу Рудова и разночинца Дмитрія Кузнецова спрашиваны, и оные сеиты Ада и Арымъ Хоржи съ товарищи въ отвѣтѣ сказали: противности и трудности никакой въ законѣ христіанскомъ они не имѣютъ, токмо того христіанскаго закону принять, а свой оставить не хотятъ, по завѣщанію своего пророка Махомета и полученной отъ него книгѣ, называемой Куранъ. Вмѣсто толмача Данила Рудова разночинца Кузнецова по ихъ велѣнію подъячій Дмитрій Черкесовъ руку приложилъ.» Описаніе Томскаго и Кузнецкаго уѣздовъ помѣщено въ Руской библіотеки Академіи Наукъ № 118. На листахъ 1—52 помѣщено описаніе Томскаго уѣзда; на листахъ 53—86 описаніе Кузнецкаго уѣзда. Въ первомъ источниками служили: извѣстія отъ Томской канцеляріи, по которомъ разсказано кратко исторія Томска; свѣдѣніе о физическомъ и естественномъ состояніи края, сообщенное на основаніи собственныхъ дознаній геодезіи порутчика Ивана Шишкова; свѣдѣнія, доставленныя томскимъ духовенствомъ о мѣстныхъ святыхъ. Второе описаніе составлено по извѣстію отъ Ку-

знецкой канцеляріи, также по увѣдомленію во время описанія. Въ примѣръ подробностей находящихся въ этихъ описаніяхъ сообщаемъ татарскія названія 13 мѣсяцевъ, помѣщенныя на 31 листѣ; начиная съ нашего сентября: — 1) малая стужа, иначе листъ падетъ;—2) большая стужа, дождливый или промышленный;—3) восточный вѣтеръ, или малый мѣсяцъ; — 4) лисій или большой мѣсяцъ; — 5) таетъ и морозитъ, или вѣтряный мѣсяцъ; — 6 добычный мѣсяцъ, или берегъ у рѣки показывается изъ-подъ снѣга; 7) кокушкинъ, или орловый мѣсяцъ; — 8) сарана изъ земли идетъ, или вороній мѣсяцъ; — 9) малый жаръ; — 10 большой жаръ; — 11) дождливый или ненастный; — 12) ведреный или ясный, сарану копаютъ; — 13) первый снѣгъ или пороша, кедровые орѣхи берутъ. Тѣ же мѣсяцы по-остятски назывались: осетровый мѣсяцъ, окуній, малыхъ щукъ, большихъ щукъ, орловый, вороній, сухаго снѣга, снѣгъ разводитъ, чердаки дѣлать къ ловленію рыбы, рыба пускаетъ икру, малые запоры для рыбъ, большіе запоры, безъимянной. Объ Томскомъ архивѣ сказано на листѣ 23: «въ канцеляріи старинныхъ дѣлъ и писемъ довольное число и можетъ что есть и дивное къ историческому извѣстію, токмо за вѣтхостію пріискать невозможно, ибо оные несмотрѣніемъ всѣ погнили, лежа въ каменной магазейнѣ; да къ томужъ въ прошломъ 740 году оную архиву разбиралъ господинъ профессоръ Миллеръ не малое время, также и мы смотрѣли токмо ничего къ дивности за гнилостію дѣлъ не нашли».. На листѣ 29 о русскомъ населеніи Томскаго уѣзда говорится такъ: «довольно большихъ ростомъ, а больше среднихъ, есть и малые, плеча широки, довольно въ лицо смуглыхъ, калмыковатыхъ, носы велики, островаты, есть и толсты, глаза, волосы и брови черные, и довольны отъ природы смѣшанной: калмацкой, татарской и киргиской; есть нѣкоторые въ городѣ отъ Грековъ, нрава не правдиваго, но льстиваго въ словахъ и лживы, есть нѣкоторые и постоянны; больше держатся раскола, не токмо отъ простыхъ, нѣкоторые отъ причта церковнаго».

Въ 1682 году сожгли себя 133 человѣка; въ 1685 г. 40 человѣкъ, близь деревни Таланошной на берегу рѣчекъ Юма и Тайменки въ мѣстахъ, засаженныхъ потомъ отъ жителей лѣсомъ березнякомъ; да на рѣкѣ Поросѣ въ деревнѣ Петровой въ 1706 году сгорѣло съ 300 человѣкъ болѣе городскихъ жителей отъ бородобритія. О Татарахъ и Остякахъ сказано на листахъ 32, 34 и 39 слѣдующее: «Татары прежде владѣнія Россійскаго нѣкоторые были подъ владѣніемъ Черныхъ Калмакъ, то есть Койтайшиныхъ, и былъ отъ него присланъ князецъ ихъ, судилъ по винѣ, казнилъ, и были старшины, оные смертной казни не чинили, токмо наказывали, палками бивали; притомъ собравшись старые люди судили, болѣе за насиліе женъ наказывали. Остяки прежде владѣнія Россійскаго никакихъ князей не имѣли, а имѣли большихъ людей, судъ имѣли отъ того большаго человѣка и по винѣ наказаніе съ совѣту другихъ людей, а кого кто убьетъ, за то оному по повѣленію того большаго человѣка, котораго имѣли въ великой чести, бываетъ застрѣленъ или убитъ, за насиліе женъ брали безчестіе, а кому платить нечѣмъ или договорясь не заплатитъ, такихъ убивали. Татара нынѣ всѣ имѣютъ судъ отъ опредѣленныхъ отъ канцеляріи приказчиковъ и объявляютъ отъ нихъ великія обиды; и въ лѣсу терпятъ до ихъ князьковъ или есауловъ, а оные должны объявить прикащику жъ, и онъ судитъ, и весьма ихъ обираетъ, для чего ужь нѣкоторые должны терпѣть обиды; въ убивственныхъ и татебныхъ дѣлахъ отвозятъ въ городъ, гдѣ присудны. Остяки судъ и управу нынѣ имѣютъ также какъ и татары. Татары до владенія русскихъ имѣли войну междуусобную въ родахъ, больше за дѣвокъ и за добрыхъ звѣрей. Татары до крещенья вѣровали въ трехъ боговъ: два на небѣ, названія ихъ значатъ — ты насъ сотворилъ; матушка! ты насъ сотворила; третій значитъ: лѣнивая дѣвка. У остяковъ были боги: небесный, лѣсной, водяной. Татары вѣрили и въ лукаваго....... и татары и остяки поклонялись солнцу; при восходѣ говорили дай намъ сей дей

доброе здоровье, при заходѣ просили о ночи; огню говорили: ты-де насъ грѣешь, какъ-де мы безъ тебя будемъ; водѣ: ты-де поишь и кормишь; горамъ и лѣсамъ: вы-де поите и кормите насъ, то есть добычею звѣрей. Звѣрямъ, особливо медвѣдю, поклоненіе приносили, чтобъ имъ быть такимъ же молодымъ, сберегалъ бы отъ морозу; медвѣдя просили, чтобъ не съѣлъ, пошелъ далѣ, по нашей дорогѣ не ходи; по истреляніи, когда на ихъ напуститъ, то ему сказывали: зачѣмъ-де ты идешь, а я тебя незамаю; онъ-де остановится и въ то время стрѣляютъ, и будто онъ зналъ ихъ языкъ». На листѣ 63, говоря о недородахъ хлѣбныхъ и торговыхъ убыткахъ, Шишковъ прибавляетъ: «также въ ихъ судахъ отъ приказчиковъ и прочихъ приносятъ жалобу въ сборѣ подушныхъ денегъ, великіе собираютъ раскладки, сбираютъ съ нихъ старосты съ каждой души по рублю, иногда и больше объявляютъ; изъ того числа держатъ старосты на разные расходы и на наемъ лошадей въ подводы отъ Берскаго острога чрезъ Барабинскую степь до Бергаматской слободы тарскаго уѣзда». Татищевъ въ своемъ предложеніи о сочиненіи исторіи и географіи россійской, требовалъ также извѣстій о мѣстныхъ древностяхъ. Шишковъ, отвѣчая на это требованіе, говоритъ о Томскѣ на листахъ 28—29: «по извѣстію отъ канцеляріи, въ городѣ Томскѣ о древнихъ могилахъ старинныхъ вещей и прочаго не имѣется. По усмотрѣнію во время описанія, въ здѣшнихъ мѣстахъ хотя могилъ и довольно, однакожь отъ русскихъ людей уже всѣ разрыты для добычи, а въ дальнихъ мѣстахъ можетъ что и находится, однако намъ не объявляютъ. Мнѣ достали чрезъ нѣкоторыхъ здѣсь жителей чинжалъ или ножъ мѣдный, на верху черна сдѣлано подобно двѣ звѣриныя головы, у котораго немного отломлено конца нѣкоторые объявляютъ и признаваютъ, съ того ножа у тѣхъ жителей давалась жертва. Также имѣю: 1) два камня сережныхъ называемые агатъ, — объявляютъ оный чинжалъ и каменья сисканы на вершинѣ рѣки Оби, — 2) бугровыя желѣзныя

стрѣмена, которыя насѣчены съ серебромъ, 3) кость зеленая, на которой подобно двумъ личинамъ, вѣрезана была на трости или палкѣ, 4) камень изъ стекла, по немъ полосы красныя и жолтыя съ дырою. Горшковъ и кувшиновъ съ надписьми и прочаго не объявляютъ. Во время описанія, чрезъ нѣкоторыхъ мѣднаго идола небольшаго получилъ, котораго прилагаю при семъ, а больше не сыскалось.» О кузнецкомъ же уѣздѣ, на листѣ 75 сказано: «въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ древнихъ могилахъ старинныя вещи дивныя и ко изъясненію исторіи весьма полезныя находились; а нынѣ такихъ вещей не находится для того, что тѣ древнія могилы уже въ прошедшихъ годахъ всѣ разрыты. Горшковъ и кувшиновъ прежде находилось довольно, которые отъ незнанія утрачены, а нынѣ не находятся. Золотыхъ, сребряныхъ и мѣдныхъ вещей, яко идоловъ, звѣрей и прочаго никто не объявляетъ». Эти выписки могутъ достаточно характеризовать трудъ Шишкова, который старался отвѣчать со всѣми доступными для него подробностями на запросы Татищева. Напротивъ въ журналѣ сибирскаго описанія (рукопись № 119) отвѣты были большею частію казенные, канцелярскіе; а еще чаще говорилось въ немъ: подлиннаго извѣстія о томъ не имѣется, не обрѣтается или не вѣдаютъ, не сказуютъ, не знаютъ, не описуютъ, ни разумѣютъ, ни примѣчаютъ, ни упомнятъ. Наконецъ въ описаніи Шишкова приложено много рисунковъ, о которыхъ онъ самъ, въ отвѣтѣ на 104 вопросъ Татищева, говоритъ: «хотяжъ оные рисунки будутъ не весьма исправны, покорнѣйше прошу не погнѣваться, ибо въ живописи искуства не имѣю». Рисунки эти были слѣдующіе:

На листѣ 89: Сибирской губерніи удорской провинціи кузнецкаго уѣзду каковы знаки на ґраницѣ россійской и китайской складенныя изъ дикова камня на горѣ Шобиной Добычѣ и отъ россійскаго китайской знакъ на Остъ 9 саженъ, на россійскомъ знакѣ, складенномъ изъ камня и на камнѣ выбиты литеры: гр̃ѿс. Таковы описаны 1742 года іюля 10 числа геодезіи порутчикомъ Иваномъ Шишковымъ. Съ подлиннаго

рисовалъ инженернаго корпуса кондукторъ Яковъ Курманалѣевъ 1745 году марта 27 (на рисункѣ русскомъ знакъ въ видѣ креста на каменномъ пьедесталѣ, вышиною знакъ 4 аршина, —китайск. въ видѣ столба съ китайской надписью, вышиною знакъ 3½ аршина).

На листѣ 90: камень куртоякташъ, стоящей въ кузнецкомъ уѣздѣ въ согайской степи; между стоящими каменьями на рѣкѣ Обоканѣ внизъ по лѣвой сторонѣ между рѣчекъ Исъ и Аксыса, надъ поемными озерками описываны 1742 году іюля 4 дня. Рисовалъ и списывалъ геодезіи поручикъ Иванъ Шишковъ (Два вида съ лицевой стороны и съ боку.)

На оборотѣ 90 листа: Два камня Куртоякъ-ташъ, значитъ старуха камень, стоящей въ Кузнецкомъ уѣздѣ, въ Согайской степи между стоящими каменьями на рѣкѣ Абаканѣ внизъ по лѣвой сторонѣ и на рѣкѣ Исъ внизъ по лѣвой же сторонѣ; списаны 1742 году іюня 4 (первый съ лицевой стороны и съ боку; изображеніе на немъ сдѣлано головой внизъ; второй тоже съ лицевой стороны, фигура не столько изсѣчена изъ камня, сколько до рисована).

На листѣ 91: Въ Кузнецкомъ уѣздѣ въ Согайской степи каменья, стоящіи на рѣчкѣ Аксысѣ внизъ на лѣвой сторонѣ: 1) Куртоякъташъ, значитъ старуха камень; 2) мараль значитъ сынъ; 3) окташъ значитъ лошадь камень; 4) камнижъ съ синими и бѣловатыми волосами, которыхъ числомъ до 10, а коньковъ на нихъ пресловатыхъ до 25, которые стоятъ близь Куртоякъташа. Списываны 1742 году іюня 23 дня рисовалъ и списывалъ геодезіи порутчикъ Иванъ Шишковъ. Съ подлинннаго рисовалъ кондукторъ Яковъ Курманалѣевъ въ 1745 году марта 28 дня. (На рисункѣ, кромѣ исчисленныхъ выше камней, обозначенъ съ боку камень на подобіе столба, вышиною 8½ сажень, шириною 6 сажень, толщиною $2^1/_6$ сажени. Всѣ эти камни находятся на горѣ, называемой по каменному болвану Куртоякъташъ, которая вышиной 15 сажень).

На листѣ 92: Сибирской губерніи, Удорской провинціи, Кузнецкаго уѣзда, камень и гора Кунякты, въ Татарскомъ значитъ берстеная кошка, стоящая на рѣкѣ Томи, внизъ на правой сторонѣ ниже устья рѣки Мрасы противъ юртъ Иштегѣевыхъ; оный камень изъ песку съ небольшимъ камешкомъ, подъ исподомъ дикой сѣрый камень, такожъ и на верху каменья, яко бы наломанныя плиты, и гора песчаная поросла травой и лѣсомъ, которому Татары Томскіе, Мрасскіе и проч. идолопоклонники имѣютъ поклоненіе; срисованъ въ 1743 году августа 18 дня, описывалъ и рисовалъ геодезіи порутчикъ Иванъ Шишковъ.

На оборотѣ листа 93 и на 94 листѣ: изображенъ идолопоклонническій бубенъ Сибирской губерніи, Удорской провинціи, въ Кузнецкомъ уѣздѣ у идолопоклонниковъ, которые называются Татара; у ихъ шамановъ бубны на подобіе лукошка. Къ рисунку приложено подробнѣйшее описаніе всѣхъ 20 частей его. Описанъ 1743 года августа 18 дня геодезіи порутчикомъ Иваномъ Шишковымъ; съ подлинника копировалъ кондукторъ Яковъ Курманалѣевъ, 1745 года марта 28 дня.

На оборотѣ листа 95 и на листѣ 96: помѣщенъ рисунокъ, объясненный такимъ образомъ: симъ начертаніемъ на рѣкѣ Томѣ внизъ на правой сторонѣ на камнѣ, называемомъ писаномъ, оныхъ начертаній довольно, изъ оныхъ часть срисована и прилагается при семъ. Списанъ 1740 года въ маіѣ. Вышеписанные начертаніи лицомъ на западъ, описаны геодезіи порутчикомъ Иваномъ Шишковымъ. Съ подлиннаго рисовалъ инженернаго корпуса кондукторъ Яковъ Курманалѣевъ 1745 года марта 28 дня (всего 15 изображеній звѣрей и птицъ на каменномъ берегу).

На листѣ 97: каменный болванъ на Киргизской степи на большой старой дорогѣ изъ Томска въ Красноярскъ, ѣдучи по лѣвой сторонѣ, проѣдучи малое озеро Потапкалъ,—называемый Куртоякътташъ, значитъ старуха камень, находящійся въ Сибирской губерніи, Удорской провинціи, рисованъ въ 1741

году. Подлинный списывалъ и рисовалъ геодезіи поручикъ Иванъ Шишковъ.

На оборотѣ 98 листа: Болванъ на Киргизской степи за рѣкою Чернымъ Юсомъ, противъ юртъ Емендылѣевыхъ, внизъ на правой сторонѣ, называемый Казанъ-Тышъ-Ташъ, значитъ съ Татарскаго: заецъ дѣвка камень, находящійся Сибирской губерніи, Удорской провинціи, въ Томскомъ уѣздѣ. Описанъ 1741 года. Подлинный описывалъ и рисовалъ геодезіи порутчикъ Иванъ Шишковъ. Наконецъ надо присоединить, что на внутренней сторонѣ переплета этой рукописи написано: Татищева, а получена изъ канцеляріи Академіи Наукъ 1750 года сентября 3 дня.

Предшественникомъ такихъ мѣстныхъ описаній Сибири былъ извѣстный атласъ Тобольскаго боярскаго сына Семена Ремизова, хранящійся въ Румянцевскомъ музеѣ. Вотъ его оглавленіе: Чертежная книга учинися по указу Великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца всея Сибири и городовъ и земель полично описаніемъ съ прилежащими жительствы, въ лѣто отъ созданія свѣта 7209, отъ рождества Христа 1701 году, января въ 1 день.

Подписаніе чертежей:

Спискательное изображеніе, наличіе всей Сибирской стране 23 чертежей, градовъ и селъ русскихъ, и волостей ясашныхъ туземецъ, всякихъ урочищъ, рѣкъ и озеръ, и лѣсовъ, и степей Калмыковъ и немирныхъ родовъ кочевыхъ ордъ съ прилежащими землями сосѣдскихъ жилищь и городовъ внутренней Сибири и сторонней, яко въ зерцалѣ въ книгѣ сей ясно видимъ и пространно чтемъ, о нихъ же здѣ писаніе належитъ:

Оглавленіе книги сея:

Самому атласу предшествуетъ: Писаніе до ласковаго читателя. Влѣто 7207 году ноября во 18 числа, по указу великаго государя и по приказу на Москвѣ въ Сибирскомъ Приказѣ думнаго дьяка Андрея Андреевича Виніуса, велѣно Тобольскому сыну боярскому Ремизову написать вновь въ Тобольску на александрийской бумагѣ съ привезеныхъ къ

Москвѣ съ Сибирскихъ городовыхъ чертежей 24 листа, подобно привознымъ образцамъ въ 206 году свидѣтельствованными многими достовѣрными писцы и вѣдомцы и старожилы такожъ, по словесному приказу вновь писати по Камѣ (и) рѣкамъ Великопермскіе и Печерскіе, Поморскіе, Двинскіе страны по допросамъ до Соловецкія проливы въ кругъ урочища со окрестными жилищи и написавши привесть къ Москвѣ и подать въ Сибирскомъ Приказѣ думному дьяку Андрею Андреевичу Виніусу. И по вышеписанному указу вышеписанные чертежи пріѣхавши въ Тобольскъ смосквы Семенъ Ремизовъ о чертежахъ вновь допрашивалъ всякихъ разныхъ чиновъ русскихъ людей и иноземцевъ иностранныхъ жителей пришельцевъ въ Тобольскъ старожиловъ уроженцевъ, памятливыхъ бывальцевъ: Казанцевъ, Уфимцевъ, Пермяковъ, Усольцевъ, Хеврольцевъ, Яренчанъ, Устюжанъ, Мезенцевъ, Колмогорцевъ, Корельцевъ, Пинежанъ, Новогородцевъ, пословно выспрашивая мѣру земли и разстоянія пути городовъ ихъ, селъ и волостей, про рѣки, рѣчьки и озера и про морскіе берегъ, губы и островы и промыслы морскіе, про горы и лѣсы и про всякія урочища, кои въ прежнихъ чертежахъ издавна ненаписаны, и по такихъ допросамъ началъ работати сію книгу съ 207 году генваря съ 30 числа со всякимъ прилежаніемъ здѣтьми и по допросу написалъ вновь семь листовъ, да спрежнихъ образцевъ городовыхъ Сибирскихъ, низовыхъ чертежей съ привозныхъ и снятыхъ на Москвѣ 17 листовъ, и прилежа дѣлу по 209 годъ отъ рождества Христова 1701 генваря по 1 число признать не многовидно и многообразно имѣхъ, еже писаніе земель во употребленіи къ сочиненію многіе географскіе книги о нихъ же долгими времены въ многихъ лѣтѣхъ Тобольскіе и низовыхъ Сибирскихъ Украинъ многихъ городовъ чертежные переводы, кои присыланы были къ Москвѣ по многіе годы, объ нихъ же съ великими допросы и съ прочими образцы сочинивъ сію чертежную книгу всей Сибири, невмѣщенія ради парчи на Александріи къ познанію трудолюбезнымъ снискателемъ примѣ-

ромъ первыхъ чертежей и вновь вяще исполненное по компасу церкильнымъ размѣромъ въ линіяхъ и въ границахъ по урочищамъ ходу внутренней Сибири и Украинъ вкругъ примѣромъ московскихъ верстъ по различнымъ землямъ ордъ и волостей разныхъ языковъ: китайцевъ, коряковъ, богдой, мунгалъ желтыхъ, черныхъ и бѣлыхъ, кыргысъ черныхъ и бѣлыхъ, алатыръ, боротовъ многихъ, родовъ кочевыхъ калмыковъ, бухарцевъ, кутумовъ, казачьей орды, караколпаковъ, хивинцевъ, аральцевъ, гурленцевъ, аксакольцевъ, кончакъ, ногаевъ, чувашъ, башкиръ, черемисы и вотяковъ и мордвы, пермяковъ и вогуличь, остяковъ разныхъ родовъ, самоѣдовъ трехъ родовъ, якутовъ семи родовъ, шаманы, колымцы, ламупуты, коряки, чукчи, тоуты, арели, гиляки, вновь камчадалы, тунгусовъ, братовъ конныхъ и оленныхъ, дауръ и огаринскаго рода многихъ прозвищъ и татаръ и прочихъ въ Сибирстей сѣверной странѣ надлежащихъ языкъ и такихъ ради вышеписанныхъ языковъ издавныхъ лѣтъ извѣдывая жилища ордъ ихъ.

Якожъ въ древнія лѣта прежъ Ермакова взятія Сибири въ лѣто 7085 посыланы были съ Москвы въ Сибирь по указу Великаго государя Царя и великаго Князя Іоанна Васильевича всеа Русіи самодержца атаманъ Иванъ Петровъ съ подъячими и мурзы Бурна Шалышевъ съ товарищи двадцать человѣкъ на востокъ и сѣверъ для провѣдыванія земель сосѣдскихъ царствъ и языкъ ордъ и волостей въ какомъ разстояніи отъ Москвы и коль далеко подлегли къ Московскому государству и тогда отчасти въ путехъ вразумишася и видѣша прилежащіе страны державства, языки, орды къ Московскому царству и пріѣхавше подаше доѣздъ по наказу своему и таковый ихъ доѣздъ въ Сибири и до днесь въ Тобольску у снискателей носится.

Такожде въ лѣто 7186 повѣрено въ Тобольску по грамотѣ Великаго государя всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищь, межы, рѣки и урочища и всему учинити чертежь и се первое чертежное писаніе Сибири отъ древ-

щихъ жителей и сему чертежь учиниша и печати предаша и посему отчасти Сибирь означися: и о семъ тогда всѣмъ Сибирскимъ жителямъ первое вново Сибирскій чертежъ въ великое удивленіе яко много лѣтъ при житіи ихъ проидоша и недовѣдомы. орды сосѣдъ жилища и урочища бѣша, и о семъ древніе невѣріемъ слуха одержими бѣша еже имъ малопроходна быша, еже нынѣшнее урочище пять поприщъ имуще, онижъ тогда сто верстъ мнѣша, а идѣже день ходу ту имъ недѣля ѣзду, и тогда имъ сосѣдъ жилища и урочища отчасти открыся зане въ вопросахъ неискусни бѣша. Изъ таковаго времени со 186 и по нынѣшней 7209 годъ отъ рождества Христова 1701 году по 1 число многіе чертежи въ Тобольску по грамотамъ великихъ государей налично писаны быша со 186 году во 187, во 192, 193, 194, 195, 197, 203, 204, 205, 206, 207 и въ нынѣшнемъ въ 209 году изволѣніемъ и повѣлѣніемъ царскаго пресвѣтлаго величества, снисканіемъ и трудолюбнымъ прилѣжаніемъ Сибирскаго Приказу думнаго дьяка Андрея Андреевича Виніуса сія чертежная книга совершися яко зерцало зрящимъ показующе удивленіе вещей, тако и Сибиряномъ великое разумѣніе повсюду мѣра и вновь каменному граду Тобольску со всякимъ городовымъ строеніемъ и спосады острогамъ и слободамъ Тобольскаго уѣзду и иныхъ многихъ низовыхъ городовъ ясашнымъ волостямъ и русскимъ погостамъ селамъ и деревнямъ, рѣкамъ, рѣчкамъ, истокамъ и озерамъ и немирныхъ владѣльцевъ земли, кочевья, орды и языки и разстоянія пути отъ Тобольска города во всѣ страны по компасу наличіе до всѣхъ жилищь сухимъ путемъ верстъ и дней ходу такожде и водянымъ, всей чертѣжной книгѣ на 24 Алаксандрійскихъ листахъ по свидѣтельству многихъ старожиловъ и вѣдомцевъ написано подлинно и подписанно именно.

[143]) См. Современникъ 1858, № VI; «Кондратовичь, русскій Прозаикъ и стихотворецъ, филологъ и беллетристъ XVIII столѣтія», ст. П. П. Пекарскаго, гдѣ на стр. 473 напечатанъ реестръ книгъ переведенныхъ Кондратовичемъ для Та-

тищева: 1) Мартина Кромера историка Польскаго 30 книгъ (въ академіи);.... 3) Гельмольда историка о Славянѣхъ и Арнольда, дополнителя Гельмольдова; — 4) Далевы Оракулы о древнихъ жрецахъ, обманывавшихъ народъ (у Татищева);— 6) Хронологія Могульская (въ академіи) 7) Хронологія Шредерова (въ библіотекѣ Ѳеофана). 10) Дикціонеръ татарско-русскій; 11) Дикціонеръ Варяцко-русскій, 12) Дикціонеръ Остяцко-русскій, 13) Дикціонеръ Вогулицко-русскій, 14) Дикціонеръ Чувашско-русскій, 15) Дикціонеръ Черемиско-русскій; Всѣ съ краткими разговорами (Д. Т. С. В. Н. Татищева, которыхъ у его Академія, по моему донесенію требуетъ).—16) Компутъ астрономическій (у Татищева);... всегожъ 31 сочиненіе. Все это Кондратовичь перечислилъ въ февр. 1745 года въ дедикаціи грамотъ Свят. Правит. Синоду, говоря: «приписуя вашему святѣйшеству грамматику, нижайше прошу милостиво принять пожаловать. А о прочихъ переводныхъ много описать при семъ прилагаю реестръ. Спб. И. А. Н. старшій переводчикъ К. К. о семъ доноситъ». Татищевъ отвѣчалъ на требованіе о дикціонерахъ: «.....Лексикона такого, какъ переводчикъ Кондратовичь доносилъ, я не имѣю: токмо словъ съ небольшимъ 200 написавъ отъ всѣхъ подвластныхъ Россіи языковъ, требовалъ переводу, а именно: изъ Сарматскаго—Финской, Естляндской, Вотяцкой, Вогулицкой, Остяцкой, Черемисской, Мордовской, Чувашской или Болгарской. Токмо не имѣвъ случая достать Самоѣдской, Лапландской и Ливонской. Изъ Татарскихъ: Калмыцкой, Мунгольской, Якутской, Тунгузской, Чегодойской, Болгарской, которой въ Казани и Астрахани употребляютъ, Кабардинской, Кумыцкой, Персидской, Турецкой. А неполучилъ Аварскаго и Тавлинскаго, но сіи, яко и Чувашскій испорченные и смѣшанные изъ Сарматскаго и Татарскаго. За тѣмъ разныхъ—Индійской, Армянской, Жулфимской (?) и Порачинской да Грузинской. При нѣкоторыхъ тѣхъ народовъ краткое описаніе и разговоры, но все оное не токмо въ порядокъ не собрано, но и по разнымъ мѣс-

тамъ лежитъ, котораго до возвращенія моего отсюда собрать и тѣмъ святѣйшему Сіноду услужить нынѣ не могу. А понеже сіе Свят. Правит. Синоду весьма было бы полезно, а наипаче посылающимся проповѣдникамъ нужно, того ради и я, будучи въ Сибири, сочинялъ Славяно-русскій Лексиконъ, въ которомъ всѣ разныя одной вещи названія совокупно, а потомъ синонимы и екивоки со истолкованіемъ положилъ, и всѣ иноязычныя положилъ, яко сарматскія, греческія, Татарскія и другихъ языковъ присвоенныя слова русскими изъяснилъ, токмо за препятствіемъ не болѣе какъ по букву Р. начерно сочиня, принужденъ оставить. Изъ онаго зря выбравъ нужнѣйшія ко употребленію и простымъ людемъ знаемыя, съ представленіемъ, чтобъ оной напечатавъ на писчей бумагѣ, во всѣ разные языки разослать, и тѣ языки къ тѣмъ печатнымъ приписывать, обѣщая трудящимся достаточное награжденіе, чрезъ что можнобъ въ краткое время всѣхъ Россійскихъ подвластныхъ языковъ полный лексиконъ сочинить. Котораго начало съ представленьемъ въ 1739 году отдалъ въ Академію наукъ, дабы напечатавъ екземпляровъ 1000 разослала, а если на оное денегъ недостаточно, тобъ потребовали прескрипціею, на что я повозможности для пользы отечества моего дать обѣщалъ, и ежели оное Святѣйшій Синодъ изволилъ, изъ Академіи Наукъ взявъ въ дѣйство произвѣсти, то уповаю къ вѣчной славѣ и пользѣ россійской не малое учинить можетъ. В. Татищевъ — Астраханъ 21 апрѣля 1745 года». — Совр. стр. 475—476.

[144]) Рукопись русской библіотеки И. А. Н., № 142, на 22 листахъ, озаглавлена такъ: «Лексиконъ, сочиненный для приписыванія иноязычныхъ словъ обрѣтающихся въ Россіи народовъ, для котораго выбраны токмо такіе слова, которые въ простомъ народѣ употребляемы, и нѣкоторымъ для изъясненія, или раздѣленія отъ другихъ подобныхъ словъ, истолкованія пріобсчены, но притомъ пишусчему представляется: 1) Чтобъ спрашивалъ у человѣка чистого изреченія, ибо картавой, шепелеватой и заика правильно сказать не

можетъ; 2) Надлежитъ сказанное внятно выслушивать, какія буквы положились и хранить, чтобъ одну букву за другую неположить, ибо и у насъ часто невѣдусчіе силы правописанія и разума, мѣшаютъ *а* съ *о* и вмѣсто *разлука* пишутъ *розлука*, а вмѣсто *того* пишутъ *таго*; *б* съ *пъ* яко вмѣсто *дубъ* пишутъ *дупъ; е* и *э*, яко *эдемъ* и *едемъ*; *ъ* съ *ь*, ибо то есть *медъ* ино *мѣдь*, *хорь* и *хоръ*, неупоминая разницы междо *е* и *э; ј* съ *ь*, *и*, *й*, *ѵ; ꙋ*, *оу* и *у*, *ф* и *ѳ*».

«3) Роздѣляетъ же разумъ кратко и долго изреченное, напр. *и* кавыкою назначенна кратко, апостровомъ же долго выговаривается, яко: *мой* (сынъ), *мои* (дѣти), некогда же для продолженія полагается сугубо, яко *ходячи* вмѣсто *ходя*, а *ходящій* причастіе, то есть вмѣсто чтобъ написать *тотъ* который *ходитъ;*»

«4) Разница въ удареніи гласа, яко *буди* или *буди́*, или разбуди, *любите* настоящее *люби́те* повелительное и прочее, которое весма внятно надобно выслушивать».

«5) Находятся нѣкоторые буквы у Татаръ и Колмыкъ, но всѣхъ мы не имѣемъ и нашими точно словъ ихъ изобразить также и разницы знать не можемъ, а кой что у нихъ и съ другими европейскими языки разность находится; и во первыхъ Греки, Латинисты и Нѣмцы нашихъ *ж*, *ч*, *щ*, неимѣютъ и выговорить прямо имъ не безтрудно, мы же Латинскаго *h*, *j* не имѣли, но сію разность если кто примѣтитъ, то может знакомъ такую букву изобразить и въ гласъ обстоятельственно описать, яко сложеніемъ двухъ или посредственно междо двема коими или егче лкоторой, а жесточае другой».

«6) Надобноже внятно и на имяна взирать подлинноль то обстоятельство онъ разумѣетъ, яко нѣкоторые написали будтобъ Остяки не знаютъ какъ луну называютъ, но тотъ писецъ самъ не разумѣлъ, что́ луна и что́ мѣсяцъ, ибо луну зовемъ свѣтило небесное, а мѣсяцъ счисленіе времени 31, 30 или 28 дней и проч. сему подобныя».

«7) Для сего нужно не одного но разныхъ спрашивать и поправлять и если одинъ скажетъ не то, что прежде сказано, то довѣдываться, не изъ другоголь языка, которое взято, нонѣ же сарматскіе народы, какъ Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Остяки и проч. многое своего языка растерявъ Татарскіе или Русскіе, а близь Калмыкъ и Мунгаловъ живусчіе оныхъ языковъ слова взяли, и оныя отмѣчать хотябъ одною буквою, яко Татарское — т, Калмыцкое к, Мунгальское м; сверхъ же сего прилежный самъ сочиненіемъ своимъ къ лучшему потрудится.

8) Надъ сіе подтверждается, чтобъ въ сихъ реченіяхъ странныхъ буквъ и многихъ не клали, который многократно сусчій разумъ теряетъ.

[145]) Гисторическое Игеографическое описаніе О древнемъ И новомъ Состояніи Полуденной Восточной Части Европы И Азіи. Пачеже Имперіи Россійской, Которая Изъ Оныхъ За Полуночную Часть Признавается Иовиссомъ Строленъ Бергомъ Описано И Напечатано Въ Стекольнѣ 1730 году. На Россійской же Языкъ Сокращено Переведено по Повелѣнію Превосходительнаго Господина Тайнаго Совѣтника Василья Никитича Татищева, въ Самаре 1738 году. См. описаніе рукописей библіотеки графа Толстова, отд. IV, № 8. Здѣсь переведены: глава четвертая—О древнихъ и новыхъ государяхъ Россіи и столичныхъ ея городахъ; листъ 2—17, всего въ ней 85 параграфовъ; глава пятая—О началѣ и о продолженіи государствованія ѳамиліи Романовыхъ, лист. 18 — 34, всего 64 параграфа; глава шестая—О государствованіи Императора Петра Перваго, л. 34 — 73, всего 114 параграфовъ. Листъ 74 пустъ съ листа 78—135, написано: Въ прошломъ отсозданія мира 1790 году отъ воплощенія Сына Божія 1682 лѣто Апрѣля въ 27 день по седми лѣтехъ и много болезненномъ государствованіи Великаго Государя, Царя Ѳеодора Алексѣевича Самодержца Всероссійскаго блаженныя памяти въ Москвѣ учинилася........ и да пребудетъ со всемиреннѣйшимъ вѣрныхъ своихъ Христіанъ за безприкладныя

его Божественныя щедроты со милости проснопамятнымъ благодареніемъ на безчисленныя вѣки аминь».

Татищевскія же примѣчанія на Страленберга были слѣдующія: «*Vorrede* (c): Дѣлитъ Калмыкъ на 4 рода неправильно, о чемъ надлежитъ обстоятельнѣе отъ Калмыкъ увѣдать; я памятую, что на 6 раздѣляютъ».—

«*P. 28:* Болгаръ городъ былъ за Камою. Русскіе его въ исторіи называютъ Великій городъ и много другихъ городовъ по Волгѣ кладутъ, о которыхъ гдѣ были не извѣстно; нѣкоторые тѣже имяна имѣли, что нынѣ на Дунаѣ, Бряхимовъ и проч., что въ русской гисторіи тогда жившимъ епископомъ Симономъ Суждальскимъ описано. Что же оные не Татары были, то явно изъ того, что какъ Батыевы войска на нихъ пришли, то они, у русскихъ помочи прося, говорили: «пріиде на насъ языкъ невѣдомый, о немъ же ни слышахомъ прежде», сіе было 1232 году.»

«*P. 32, § V:* Народовъ Сарматскихъ въ Европской Руси: 1) Мордва, 2) Черемиса, 3) Чуваша, 4) Вотяки, 5) Пермяки, 6) Зыряне, 7) Югры, 8) Самоядь, 9) Лапландія, 10) Корела; въ Азіи жъ ко онымъ припадлежатъ: 1) Вогуличи, 2) Самоѣдь, 3) Остяки; которые раздѣляются на Обдоры, Кондоры и Удоры, 4) Барабинцы. И хотя онъ въ Табулѣ Полиглотѣ разность Чувашъ въ языкѣ показуетъ, но неправо, и видно что онъ некакого межъ Татары живщего спрашивалъ; но о семъ въ Географіи Русской обстоятельнѣе показано. Что же онъ сихъ Сцитами, а не Сарматами имянуя по названію Грековъ, самъ себѣ противорѣчитъ, оное довольно въ гисторіи доказано».

«*P. 35:* Палюсъ Меотисъ хочетъ имъ оное изъ турецкого доводить, незнаю почему; ибо тогда Турокъ и Татаръ меньше же Араповъ вблизи оного находилось, когда сіе имъ у Грекъ знаемо было.»

«*P. 47:* Гогъ и Магогъ назначаютъ Турокъ и Козаровъ,— сіе весма удивительно для чего онъ взялъ не токмо два разныя во всемъ народа, но и въ такомъ великомъ разстояніи,

что одинъ про другой тогда можетъ и не зналъ, какъ онъ самъ о происшествіи Турокъ выше говоритъ изъ Бухаріи, а Казары жили между Дуная и Днѣпра при морѣ Черномъ, какъ онъ самъ ниже въ географическомъ описаніи Россіи и Русскіе Гисторіи ясно показуетъ, развѣ другой народъ Козары, о которыхъ онъ ниже у моря Каспійскаго сказуетъ.»

«*P. 61*: Чтобъ Башкиры отъ Остяковъ произошли, оное весма не право. Что они волосы якобы красные имѣютъ, оное я довольно разсмотрѣть случай имѣлъ и нахожу, что есть неправда, ибо ихъ съ Киргизъ-Кайсаками или казачьею ордою различить, кромѣ малой отмѣны въ нарѣчіи, ни чимъ не можно. Они роды свои порядочно такъ какъ и протчіе ведутъ и сначала пришествія ихъ оными, яко кипчаки, табыны, соджаутъ и проч. ведутъ; тамги и ясаки съ Киргизами по родамъ одни имѣютъ, но токмо сія разница отъ того произошла, что они съ ханами, отдѣлясь отъ большой Ногайской орды, около Казани междо древними Болгары жили, ихъ языкомъ свой повредили, а по первомъ взятіи Казани съ нѣкоторыми мурзами въ знаменскіе степи отдалились, а нѣкоторые и въ Сибирь къ Остякамъ распространясь обитали и казанскимъ противъ русскихъ не токмо мало помогали, но набѣгами нѣкоторые мѣста разоряли, за что ихъ Казанскіе главными ворами или башкуртъ именовали и то názваніе имъ осталось; они же сами сіе имя производятъ, якобы отъ началного ихъ мурзы Башкуртъ, главный волкъ, произошло. Въ царство царя Іоанна Васильевича, какъ послѣдняя Казань взята, они отдалились было къ Сибири; и тогда какъ сибирскіе, такъ нагайскіе ханы ихъ къ себѣ призывали, но они видя себѣ великое отъ мурзъ утѣсненіе, просили царя Іоанна Васильевича, чтобъ ихъ, принявъ подъ свою власть, далъ имъ спокойное обитаніе въ тѣхъ степяхъ и мурзъ отъ нихъ вывелъ или изгналъ, которое учинено, а оные ихъ по злобѣ сиреажиксиленъ (красные поганцы) или Остяками именовали, какъ они сами о семъ сказываютъ.»

«*Тумень* подлинно слово Татарское и то значитъ, которыхъ по разнымъ мѣстамъ нѣсколко было: 1) въ Сибири, 2) не далеко отъ Астрахани, какъ въ походахъ Астраханскихъ явно, нигдѣ подлинно было неизвѣстно, 3) упоминается за Теркомъ, 4) на Днѣпрѣ имянованъ Таманъ и Тюмень.»

«*P. 67:* О четырехъ цвѣтахъ въ Китаяхъ въ примѣчаніяхъ на универсалъ Китайского хана нѣчто объявлено.»

«*P. 111:* Послѣ прежднихъ моихъ примѣчаній я обстоятельно освѣдомился, что въ Дауріи за Байкаломъ въ рѣкахъ въ падающихъ въ Амуръ раки и красные жабы, такожь въ лѣсахъ яблоки и орѣхи растутъ, токмо очень мелки.»

«*P. 163:* Хотя Суорима въ Финскомъ языкѣ значитъ великая земля, однакожь сіе имя могло изъ того произойти, понеже въ началѣ онымъ малая часть имяновалась. Сіе Страленбергъ, не довольно древнихъ русскихъ гисторій разсмотря, разсуждаетъ, взирая на разныя партикулярные званія народа онаго, которыхъ такое великое множество было, не разсудя что сіе всѣхъ тѣхъ народовъ генералное или общее имъ отъ самаго сѣвера до моря Чернаго и отъ Каспійскаго моря на западъ до рѣки Одера распространялось, какъ то древніе русскіе и польскіе гисторики согласуютъ, а въ томъ партекулярныхъ имянъ Несторъ въ его время, то есть, въ началѣ 11 вѣка по Христѣ болѣе еще 30 счислялъ; но какъ на Востокѣ имя Россовъ, а на Западѣ Ляховъ или Поляковъ распространилось, то не токмо оное генералное сарматское, но и удѣльныя или партикулярные угасли. Напр. Руссія раздѣлилася на 5 частей, яко Великая, Малая, Бѣлая, Червонная или Червенская и Черная, весма широко распространялась и какъ разные удѣлы были; то тогда знали, что Великая именовалась Новогородская, Малая—Кіевская, Бѣлая—Суздальская и Ростовская, гдѣ Москва и пр. построены, Червенная—вся та часть, что нынѣ Червонная Русь, часть Польши и нѣкоторыя воеводства въ Польшѣ малой, Черная—большая часть Литвы за Припетью къ Нѣману и Бугу а по-

томъ и Черниговское княженіе, и хотя тогда оные раздѣленіемъ на разныя княженія угасали и нынѣ многимъ несвѣдомы, однакожь все оное Русь, какъ прежде Сарматы имяновано, котораго Греческіе и Римскіе писатели не зная за малую часть или за особой народъ отъ оныхъ Сарматовъ, а вмѣсто того обще всѣхъ по ихъ обычаю Скиѳами имяновали, сему въ примѣръ въ договорахъ съ Греческими цари Олега, (912 г.) Игоря (945 г.) говорено Варяги, Славяне, Руссы, Кіевляне, Черниговцы, Переяславцы, Полочане, Новогородцы и проч., то бы можно разумѣть, что всѣ сіи разные владѣніи были и хотя подлинно въ томъ разные три народа упомянуты, т. е. Варяги, Шведы, или изъ Финляндіи пришедшіе со князи, которыхъ малая часть была, Славяне обладавшіе прежде пришествія оныхъ, Руссы разумѣть народы Сарматскіе древніе сихъ странъ жители; а протчее городы, въ которыхъ все тѣже народы жили, но владѣніе едино и все обще тогда уже Руссы стали имяноваться».

«*P. 170*: Райцы у Плинія и Птоломея Рокс Аланы выговариваны; мнится сіе неправильно, паче же видимо, что сіи были отъ рѣки Рокса Рокса-Лайни, другіе отъ рѣки Волги Ракалани имянованы, лейнъ или лайнъ въ Сарматскомъ ни что болѣе, какъ люди значитъ: какъ они насъ яко изъ Вандаліи пришельцовъ Венналейнъ зовутъ, Кревенъ и Кривисти у Русскихъ Кривичи названы, есть имя не Славенское но Сарматское, которое значитъ Верхній или Вышній».

«*P 172*: Патріархъ Константинъ родомъ Полякъ въ 7182 или 1674 г. Русскую исторію писалъ. Гдѣ онъ Патріархомъ былъ неизвѣстно, ибо Русскихъ такого имянемъ не было, а былъ тогда Іоакимъ, и вся сія гисторія какъ сказываетъ съ русскими не согласуетъ, особливо о Аскольдѣ и Дирѣ, которое мню что одно имя за два положено».

P. 181: Объясненіе Бѣлой Руси, которое напечатано и въ Исторіи. См. также Приложеній № XV.

[146]) Исторія Россіи сочиненіе Татищева кн. I, стр. 478, 503, 507, 509.

[147]) См. Статью Толстова, о работахъ геодезистовъ до 1745 года, въ Запискахъ Геогр. Общества.

[148]) Калмыцкія дѣла 1741 года.

[149]) Кумыцкія и Тарковскія дѣла 1744 года, № 2.

[150]) Рукопись Русской библіотеки Академіи Наукъ № 50 in folio: краткое извѣстіе о Татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ Татаръ разумѣются, собрано въ Оренбургѣ изъ книгъ Турецкихъ и Персидскихъ и по сказкамъ бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ людей, къ разсмотрѣнію при сочиненіи обстоятельнаго междонароднаго описанія: стр. 1—41. стр. 2—3: «*хотя я по волѣ одного моего милостиваго благодѣтеля*, и по моей особливой склонности къ исторіи, съ недавно отправленными изъ Оренбурга до Бухаръ и далѣе купцами заказалъ, чтобъ нежалѣя денегъ, о тамошнихъ народахъ историческіе книги, хотябъ они и на Арабскомъ языкѣ были, доставать, кои въ заведенной при Оренбургѣ школѣ съ Арабскаго на Турецкой, а съ Турецкаго на Русской перевестине во зможно, но ненадѣясь оной скоро получить того не знаю; между тѣмъ же, *имѣя однако повеленіе, чтобъ о сихъ народахъ вѣдомое мнѣ объявить къ тому, еже онъ прежде изобразилъ*, не могу преминутъ, дабы въ разсмотрѣніе не допустить того, что я чрезъ мою немаловременную здѣсь бытность, отъ ученыхъ могометанъ слыхалъ и изъ ихъ книгъ чрезъ переводы, також и по званію моему изъ дѣлъ извѣстился». Стр. 40: «сіе есть то, *еже я наблюдая приказаніе милостивца моего* въ кроткомъ времени, *взасвидѣтельствованіе моей къ нему преданности*, изобразить нынѣ могъ. Петръ Рычковъ, асессоръ присутствующій въ Оренбургской Губерской канцеляріи — Оренбургъ апрѣля 10 числа 1750 году». На переплетѣ: «получена отъ Татищева въ канцеляріи Академіи Наукъ 1750 году сентября 3 дня».

[151]) Въ примѣръ взглядовъ и объясненій какими наполнено было это краткое руководство, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ него: «впрочемъ представляютъ Эвропу молодымъ людямъ обыкновенно подъ видомъ сидящія дѣвицы, а именно:

1) *Португалія* изобразуетъ Фонтанжъ.

2) *Гишпанія* Лицо.

3) *Франція* Грудь.

4) *Великая Британія* лѣвую а

5) *Италія* правую Руку.

6) *Нидерланды* лежатъ подъ лѣвою,

7) а *Швейцарія* подъ правою Рукою.

8) *Германія, Польша* и *Венгрія* надлежатъ до Тѣла.

9) *Датское* и *Швецкое* королевства купно съ *Норвегіею* изъявляютъ Колѣна.

10) *Россія* показываетъ Юпку до самыхъ ногъ,

11) а *Эвропейская Татарія* и *Греція* заднюю сторону оныя дѣвицы.

[152]) См. рукопись въ Русской библіотекѣ Академіи Наукъ подъ № 129, о которой въ каталогѣ значится, что она куплена у Матвѣя Никифорова въ 1764 году. См. журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ 1839 года, № 6.

[153]) Лексиконъ Татищева изданъ былъ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи.

[154]) См. Приложенія № XI. Временникъ общества Исторіи древностей Россійскихъ кн. 12.

[155]) См. предъизвѣщеніе къ Исторіи Россійской Татищева, находящееся въ рукописи архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое начинается такъ: «хотя обыкновенно всякой книги предисловіе нуждкѣйшіеобстоятельства кразумѣнію Творца и причины должно представить, однакожь часто случается видѣть нареканіе о предисловіяхъ великихъ, которые подобны пословице: *самъ спядь, а борода слокоть*, и для того не хотѣлъ оное разпространять; но понеже необходимая нужда требуетъ, чтобъ все то, что къ объявленію касающагося до русской гисторіи и ко изъясненію при-

надлежитъ показано было въ обыкновенныхъ же примѣчаніяхъ, полагаемыхъ подсамымъ сказаніемъ, многое ко вмѣщенію неудобно; того ради слѣдующимъ предъизвѣщеніемъ желаю оное наградить, которое въ разныхъ разделахъ или главахъ состоитъ какъ слѣдуетъ». А о причинѣ и времени начатія собратія сея лѣтописи: «Сію вторую часть Русской древности противо моего перваго предпріятія и порядка принужденъ я любопытному лицу во первыхъ представить, а первую удержать слѣдующихъ причинъ ради». Далѣе о Брюсѣ, см. Истор. Русс. т. I, стр. 19—25.—Писано до полученія Іоакимовой лѣтописи; ибо въ Г. *О причинѣ предъизвѣщенія и примѣчаній* сказано: Несторъ Преподобный изъ дошедшихъ нашихъ временъ извѣстій первый Русскій лѣтописи сочинитель. Д. *Древность письма въ Руси отъ крещенія и союзовъ съ другими народы*—короче напечатаннаго. Е. *О лѣтописи Несторовѣ* начинается такъ: «Между явными намъ рускими летописцы есть древнѣйшій Несторъ бывшій монахъ Печерскаго монастыря, родился на Белѣ озерѣ около лѣта 1040, въ Кіевъ онъ около 1057 пришелъ 17 лѣтъ». Трактатъ о лѣтописи прерванъ на словахъ: «подлинное мѣсто крещенія Владимірова сказать, особливо Ярославъ сынъ Владиміровъ». Далѣе сохранились листы, на которыхъ шло разсужденіе о Половцехъ и Печенегахъ; а за симъ: 26) Алани, Роксалани, Ракалани, Литолани; 27) Бярмы, Гардарики, Остергарди и Хунигарди, 28) Русь, Рутени, Роксанія, Роксоланія и Россія. Здѣсь между прочимъ сказано о Несторѣ: «довольно видно, что сихъ Варяговъ разумѣетъ Финляндію, какъ ниже внятнѣе покажется». Срв. Буткова мнѣніе объ участіи Миллера въ мнѣніи Татищева о Финнизмѣ Варяго-руссовъ. Въ корректурѣ Судебника, хранящейся въ М. Гл. Архивѣ Министер. Иностран. Дѣлъ, по поводу объясненія слова бояринъ изъ Финскаго языка, сдѣлано внизу листа слѣдующее замѣчаніе, потомъ зачеркнутое: «сіе мнѣніе г. изъяснителя сходно съ мнѣніемъ его о происхожденіи Варягъ отъ Финновъ, которое онъ въ своей исторіи доказать

старался. Но какъ послѣднее не на иномъ чемъ, какъ на одномъ сочиненіи, первому Новогородскому Епископу Іоакиму приписуемомъ, основывается, коего подлинность весьма есть сомнителна: такъ позволено и о первомъ, т. е. о Финскомъ происхожденіи слова *бояринъ*, сумнѣніе имѣть, и остаться при обыкновенномъ оного слова производженіи изъ Славенскаго языка, по которому *бояринъ*, или *болярииъ* значитъ *соболѣзнующагo о общемъ добрѣ* а паче и для того, что и сами Финны производженіе сего слова изъ ихъ языка не признаваютъ».

Рукопись же, въ которой описано «царство Царя Михаила Ѳеодоровича», состоитъ изъ четырехъ тетрадей въ первой исписано десять листовъ, во второй — семь, въ третьей — тринадцать, въ четвертой — одинъ. Первая начинается изложеніемъ войнъ внутреннихъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича; съ оборота 4 листа начинаются дѣла Шведскія, съ цитатою: Kohr, Friedens-Lexicon. p. 103; съ 5 листа идутъ Польскія дѣла: съ оборота его, опять внутренніе дѣла. На листѣ 6 сказано: Заруцкаго посадили на колъ, Маринки сына и Ѳедьку Андроникова съ прочими начальники повѣсили, а Марина, сидя въ заключеніи, отъ нетерпѣливой презѣльной печали, презрѣвъ всякое ей довольство и обѣщенную отъ Государя милость, умерла незапно. И тако сія мужественная и властолюбивая жена ища болѣе, нежели ей надлежало и болѣе затѣвая, нежели женскіе свойства снести могутъ, съ великимъ несчастіемъ, яко обычай всѣмъ сему подобнымъ властолюбителямъ жизнь и славу свою съ безчестіемъ окончила». Съ 7 листа опять идутъ дѣла съ Поляками; съ 10—дѣла съ Шведами, цитуется: Petreus, p. 480, 484. Вторая тетрадь начинается дѣлами политическими, какъ выражается Татищевъ: «о супружествѣ съ Долгоруковою, о смерти Шеина, о великомъ времени Князя Куракина (Бориса Александровича). Царь Михаилъ Ѳедоровичь имѣлъ при себѣ князя Бориса Александровича Куракина въ великой милости и такой силѣ

что многіе на него вознегодовали а наипаче оная по смерти Филарета Никитича и Царицѣ была непріятною и хотя многіе покушались оному его щастію какимъ образомъ сдѣлать толчекъ но никому неудалось, и болѣе съ собственною бѣдою оное засвидѣтельствовали нѣкоторые же умышляли какъ бы его на время куды отлучить къ знатному дѣлу. Однакоже какъ онъ былъ комнатный стольникъ, то и оному случай сыскать не могли, того ради доброхотствуя ему стали Государю говорить, что оной князь уже человѣкъ не весьма молодъ, однакожь всегда предъ боярами принужденъ вставать, ктому же какъ человѣкъ острый не имѣлъ случая въ полатѣ свой совѣтъ дать, остается напрасно и Его Величество порядочно его совѣтами пользоваться не можетъ; которое представленіе соудовольствованіемъ какъ Государя, такъ и оныхъ обоихъ сторонъ исполнилось, что его вскорѣ Государь пожаловалъ вбояре. Сіе нѣколико времени въ такомъ состояніи пребывало, доколѣ лучшій случай показался, а имянно, около Астрахани учинилось отъ Татаръ смятеніе и хотя оное не такъ тяжко было какъ Государю опаснымъ представливали и разсуждали, чтобъ послать кого изъ знатнѣйшихъ бояръ, котораго имя болѣе нежели число войска страхъ дѣловало, и впервыхъ тотчасъ дѣдъ государевъ князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, такожь Мстиславскій и Лыковъ себя представляли; но понеже Государю видно было, что древность ихъ лѣтъ и положенные на нихъ великіе дѣла тому препятствовали, въ томъ имъ благодаря; по которому они немедленно представили онаго князя Рѣпнина и какъ онъ видя, что такъ старые люди того не отрицаются охотно самъ на то склонился и Его Величество изволилъ: какъ скоро токмо согласились тогожь числа утверждено и надлежащимъ порядкомъ ему сказка чрезъ думнаго дьяка сказана, съ нимъ велѣно отправить образъ изъ собору и архимандрита, знамя большое, наметъ суконный государевъ, Москвичь знатное число и товарища человѣка знатнаго, стрѣльцовъ полкъ, въ семь дней велѣно ему собрався ѣхать, суды ему тотчасъ изготовили и все что надобно съ ними отпра-

вили, токмо товарищу велѣно собрався съ Москвичи въ Нижнемъ за нимъ поспѣшать. Онъ получилъ отпускъ отъ государя съ великою милостію и всѣ знатные люди его на судно проводили но какъ онъ для исправленія еще нѣкоторыхъ нуждъ при Симоновѣ монастырѣ остановился; то послали къ нему объявить указъ, чтобъ конечно тогожь дня шелъ внутрь или обрублены будутъ канаты, въ Нижней не доѣхалъ и ему прислана грамота съ осудомъ, что въ деревнѣ два дни умешкалъ», и такъ далѣе.—Съ оборота 3 листа начинаются дѣла экономическіе: говорится о приправочныхъ книгахъ, о податяхъ, о писцовыхъ книгахъ, о правосудіи, о заводахъ мѣдныхъ. Съ 7 листа идутъ дѣла до «гисторіи политической государства Россійскаго касающіеся, которые въ книгахъ русскихъ несполна описаны или весьма оставлены и находятся токмо въ различныхъ чужестранныхъ книгахъ или въ памяти отъ видѣнія и слышанія людей сохраняются, для памяти собраны и другимъ въ лучшее разсмотрѣніе къ сочиненію русской исторіи представляются: Царство Царя Ивана Васильевича. Сего Государя дѣлъ порядочно всѣхъ описанныхъ на русскомъ языкѣ не имѣемъ и хотя отъ Новогородцевъ, Псковичь и другихъ есть многіе дѣла въ память оставленные, якоже и Курбскій, какъ въ своихъ письмахъ, такъ и особно въ дѣлахъ оного Государя показуетъ, однакожь все такъ пристрастно и темно, что едва истину видѣть и разумѣть можно. Между чужестранными всѣ тѣ съ которыми онъ воевался яко Поляки, Лифляндцы и Шведы неумѣрно по пристрастію въ поношеніе и оскорбленіе Величества все что злое могли выдумать объ немъ написали, а добрые его дѣла оставили и онымъ Германцы не разсудя наиболѣе послѣдовавъ болѣе такими лжами и клеветами достохвальные дѣла сего Государя въ сущую темноту привели, однакожь Англичане, Голландцы, а особливо тѣ, которые сами тогда въ Россіи были дѣла сего Государя видѣли и причины его вѣдали весьма съ похвалою жизнь его описали, по которому нѣкоторые начали лучшее о немъ мнѣніе

имѣть, какъ то единый въ Вѣнѣ въ 1700 году одну диссертацію въ зашищеніе сего великаго государя на Латинскомъ языкѣ напечаталъ; такожь прошедшаго 1722 году напечатана книга на Германскомъ языкѣ, имянуемая: Введеніе въ гисторію Московскую, въ которомъ начало положено хотя отъ осьмаго ста лѣтъ по Христѣ однакожь все темно, но обстоятельнѣе началъ писать отъ великаго Князя Ивана Васильевича и кончилъ въ царствѣ Царя Михаила Ѳедоровича, въ которомъ какъ всѣхъ прочихъ, такъ и сего Государя дѣла весьма изрядно описуетъ и великой свѣтъ гисторіи нашей подаетъ, къ чему онъ болѣе ста тогдашнихъ времянъ гистириковъ приводитъ». Въ третьей теградн описаны: походъ Владислава въ 1618 году, потомъ помѣщены краткіе извѣстія о годахъ 1625—1652 съ пропускомъ нѣкоторыхъ. Кончается эта тетрадь отдѣльною статьею; о устроеніи Москвы и началѣ ея въ 1281 году. Но въ четвертой третради заключается лишь нѣсколько словъ о властолюбіи Никона и о расправной Палатѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Привожу еще очень любопытное преданіе объ участіи Богдана Бѣльскаго въ смерти Царей Ивана Васильевича и Ѳеодора Іоанновича, занесенное Титищевымъ во вторую тетрадь, Листъ 13: «другіе сказываютъ якобы Бѣльскій отцу духовному въ смерти Царя Іоанна и царя Ѳеодора каялся, что сдѣлалъ по наученію Годунова, которое попъ тотъ сказалъ Патріарху, а Патріархъ Царю Борису, по которымъ немедленно велѣлъ Бѣльскаго взявъ сослать и долго о томъ куда и за что сослали никто не вѣдалъ». На листѣ 18 говорится о Басмановѣ: «нѣкоторые повѣствуютъ о семъ Петрѣ Басмановѣ тако. Царь Борисовъ вѣдая, что оный Отрепьевъ живалъ въ домѣ Басмановыхъ, послалъ его якобы для договора съ Поляками къ нимъ въ войско, и чтобъ онъ видя того Рострнгу возвратясь въ народъ объявилъ, уповая что Басманову народъ болѣе нежели другимъ повѣритъ. Онъ же съ охотою оное исполнилъ и пріѣхавъ подъ Кромы въ Розстригино войско началъ якобы о положенномъ на него

дѣлѣ съ Поляками съѣжжаться. Розстрига же видя, что Басмановъ его узналъ, призвалъ его къ себѣ наединѣ и сказалъ ему: ты знаешь что я хотя не царевичь однакожь имѣю возможность тебя сейчасъ погубить, токмо не хочу, и тебя тѣмъ увѣряю что мнѣ на престолѣ Россійскомъ ниже власть нужна, но токмо хочу отмстить кровь Государей моихъ и знатныхъ людей отъ такого мученія и разорѣнія избавить, а потомъ ежели я вамъ неугоденъ избирайте на царство кого хотите, ежели же вы мнѣ въ томъ противиться будете, то я принужденъ силою онаго домогаться и невинныхъ съ винными губить. Басмановъ же слыша сіе ужасеся и долго молчавъ на послѣдокъ обѣщалъ ему не токмо самъ служить но и другихъ обратить и пріѣхавъ къ Москвѣ явился тайно къ нѣкоторымъ противнымъ Годунову болярамъ и съ ними совѣтовавъ положилъ намѣреніе въ Москвѣ народъ возмутить и уѣхать къ Розстригѣ. Но завтреѣ въ понидельникъ на Ѳоминой седьмицѣ явился Годунову и тайно донесъ ему все подробну, какъ онъ Розстригу узналъ, и что ему онъ говорилъ, неупотребляя Годунову досадныхъ словъ; наипаче же сказалъ Годунову примѣту, бородавку на правой щекѣ, которую многіе знали и обѣщалъ оное обстоятельно во весь народъ объявить. Царь Борисъ увѣряся ему велѣлъ повѣстить, чтобъ народъ весь собрался на Ивановскую и Красную площади. По утру собралось народу множество. Петръ же Басмановъ выѣхавъ верхомъ на красную площадь, гдѣ множество простаго народа было, объявилъ что онъ посыланъ былъ смотрѣть и видѣлъ что тотъ подлинный Царевичь Димитрій а не Отрепьевъ; выговоря оное уѣхалъ изъ города и побѣжалъ съ однимъ служителемъ къ Ростригѣ въ Путивль. Царь же Борисъ слыша сіе послалъ его ловить, но нигдѣ сыскать не могли, а народъ пришелъ въ великое смятеніе. Сіе видя Царь Борисъ впаде отъ печали въ болѣзнь и умре 1605 года апрѣля 13 числа, и мнятъ многіе что онъ самъ себя отравою умертвилъ. Другіе же сказуютъ что Басмановъ сіе тайно объявя въ народъ былъ въ Москвѣ и по

смерти Царя Бориса посланъ былъ съ прочими къ Ромнамъ, войско къ присягѣ приводить и тамъ измѣнилъ все войско возмутя къ Розстригѣ отъѣхалъ и былъ у него паче всѣхъ въ милости».

[156]) См. Исторію Татищева кн. I, гл. 7. О продолженіи же Татищевской исторіи см. Москвитян. 1845 года № 10 и чтенія общества историческаго.

[157]) Исторія Татищева кн. I, стр. 54. Кн. II, стр. 408, 410, 391. Кн. I, стр. 72; кн. II стр. 349, 376, 360, 358, 379, 395; кн. I, 53, 54; кн. II, стр. 444, прим. 309.

[158]) См. Болтина, примѣчанія на исторію древней и нынѣшней Россіи г. Леклерка т. I стр. 58, 59. Щербатова письмо къ одному его пріятелю въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ г. генералъ-маіора Болтина, творца примѣчаній на исторію древней и нынѣшней Россіи г. Леклерка, стр. 12 и слѣд. Отвѣтъ Болтина на это письмо, стр. 13—15 перваго изданія, стр. 12—14 втораго изданія. Примѣчанія Щербатова на отвѣтъ Болтина, стр. 58 — 85. Критическія примѣчанія Болтина на два первыя тома Россійской Исторіи князя Щербатова, том. I, стр. 14. Елагина опытъ любомудраго и политическаго о государствѣ Россійскомъ повѣствованія, стр. 101. Вѣстн. Европы 1805 года № 10. Allgem. liter. Zeit. 1844 года, № 56. Лицей на 1806 годъ № 8, гдѣ помѣщена въ переводѣ послѣдняя статья. Буткова, Оборона Несторовой лѣтописи отъ навѣта скептиковъ. Ученыя записки Академіи Наукъ 2-го отдѣл. кн. I.

[159]) Амвросія, Исторія Россійской іерархіи, подъ словомъ Бизюковъ монастырь.

[160]) Извѣстія втораго отдѣленія Император. Академія Наукъ т. VII. стр. 49—64: Два памфлета временъ Анны Іоанновны, статья г. Лыжина. Исторія Россіи Татищева, кн. III, стр. 403—409, стр. 147, 336—338; прим. 569.

[161]) Исторія Россіи Татищева, кн. II, прим. 374.

[162]) Исторія Россіи Татищева, кн. II, прим. 84.

[163]) Тамъ же, примѣч. 94.
[164]) Тамъ же, примѣчаніе 327.
[165]) Тамъ же, примѣчаніе 134.
[166]) Тамъ же, примѣч. 107.
[167]) Тамъ же, примѣч. 119.
[168]) Тамъ же, примѣч. 168.
[169]) Тамъ же, примѣч. 202.
[170]) Исторія Россіи Татищева, книга III, примѣч. 626.
[171]) Тамъ же, книга II, примѣч. 180.
[172]) Тамъ же, книга I, стр. 63.
[173]) Исторія Россіи Татищева, кн. II, примѣч. 149.
[174]) Тамъ же, примѣч. 158.
[175]) Тамъ же, примѣч. 206.
[176]) Тамъ же, примѣч. 276.
[177]) Тамъ же, примѣч. 307.
[178]) Тамъ же, примѣч. 378.
[179]) Тамъ же, примѣч. 214.
[180]) Тамъ же, примѣч. 390.
[181]) Тамъ же, книг. I, стр. 527—535.
[182]) Тамъ же, стр. 578, 582, 587—589, 595, 598, 599,
[183]) Продолженіе древней Россійской вивліоѳики часть I.
[184]) Судебникъ Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, изъясненный Татищевымъ. Москва 1768 года. стр. 3—4. Приложенія № XVIII.
[185]) Тамъ же, стр. 14—16.
[186]) Тамъ же, стр. 21, 22.
[187]) Тамъ же, стр. 30, 31.
[188]) Тамъ же, стр. 31, 32.
[189]) Тамъ же, стр. 33, 34.
[190]) Тамъ же, стр. 35, 36.
[191]) Тамъ же, стр. 46, 47.
[192]) Тамъ же, стр. 81.
[193]) Тамъ же, стр. 87.
[194]) Тамъ же, стр. 93.
[195]) Тамъ же, стр. 104.

[196]) Тамъ же, стр. 119, 120.

[197]) Тамъ же, стр. 120, 121.

[198]) Тамъ же, стр. 122.

[199]) Тамъ же, стр. 122, 123.

[200]) Тамъ же, стр. 124—126.

[201]) Тамъ же, стр. 137, 138.

[202]) Тамъ же, стр. 49.

[203]) Утро, Литературный Сборникъ. Москва 1859 года, стр. 380—384. Приложенія № XII.

[204]) См. приложенія № XVI, XVII. Срв. въ Русск. Вѣст. 1857 г. статью г. Артемьева о народныхъ переписяхъ.

[205]) См. Евгенія историческій словарь о свѣтскихъ писателяхъ т. II.

[206]) Кромѣ того остался еще реестръ бумагамъ (въ оберткѣ подъ заглавіемъ: «Tatischtschews Schriften находящимся), который былъ отправленъ въ Санкт-Петербургъ 10 октября 1783 года.

1) Царство Царя Михаила Θеодоровича (9 л.).

2) Княженія Великихъ Князей Іоанна Васильевича, Василія Іоанновича и Іоанна Васильевича (на 71 л.).

3) Выписка изъ исторіи царства Θеодора Іоанновича (31 л.).

4) Примѣчанія на часть 2-ю Исторіи Россійской на 16 л.

5) Предъизвѣщеніе на 12 л.

6) Крѣпостныя и таможенныя записки (3 л.).

7) Дополнка росписи Лексикона гражданскаго (4 л.).

8) Изъясненія на посланныя начала историческія (2 л.).

9) Части 1-й о древности письма Славянъ на 1 л.

10) На память имена гдѣ упоминаются на 1 л.

11) Примѣчаніе на часть 2-ю Исторіи Русской на 1 л.

12) Примѣчаніе на часть 2-ю Исторіи Русской на 8 л.

13) Разсужденіе о ревизіи поголовной и касающемся до оной на 16 л.

14) О бѣглыхъ и пожилыхъ на 6 л.

15) Рожденія князей русскихъ; браки и кончины (14 л.).

16) Кіевскіе: Кій основатель Кіева (4 л.).

17) Записки изъ Б. Годунова (1 л.).

18) Междоцарствіе іюля 26 дня на завтрее на 40 л.)

19) Царства Михаила Θеодоровича: дѣла политическія и о супружествѣ съ Долгорукою и проч. (7 л.)

20) Черныя записки о построеніи города Царева Борисова (11 л.)

21) Начало: многіе Астраханцы,.... Конецъ: Заруцкій, видя то, побѣжалъ съ Маринкою на Яикъ, на 2 л.

22) Черная выписка о вышедшихъ изъ Малороссіи воеводъ въ Москву и о устроеніи Москвы и начала ея; на 6 л.

23) Черныя записки о морѣ въ Новѣгородѣ и проч. (6 л.).

24) Родословіе отъ Ольгерда князя Литовскаго на 2 л.

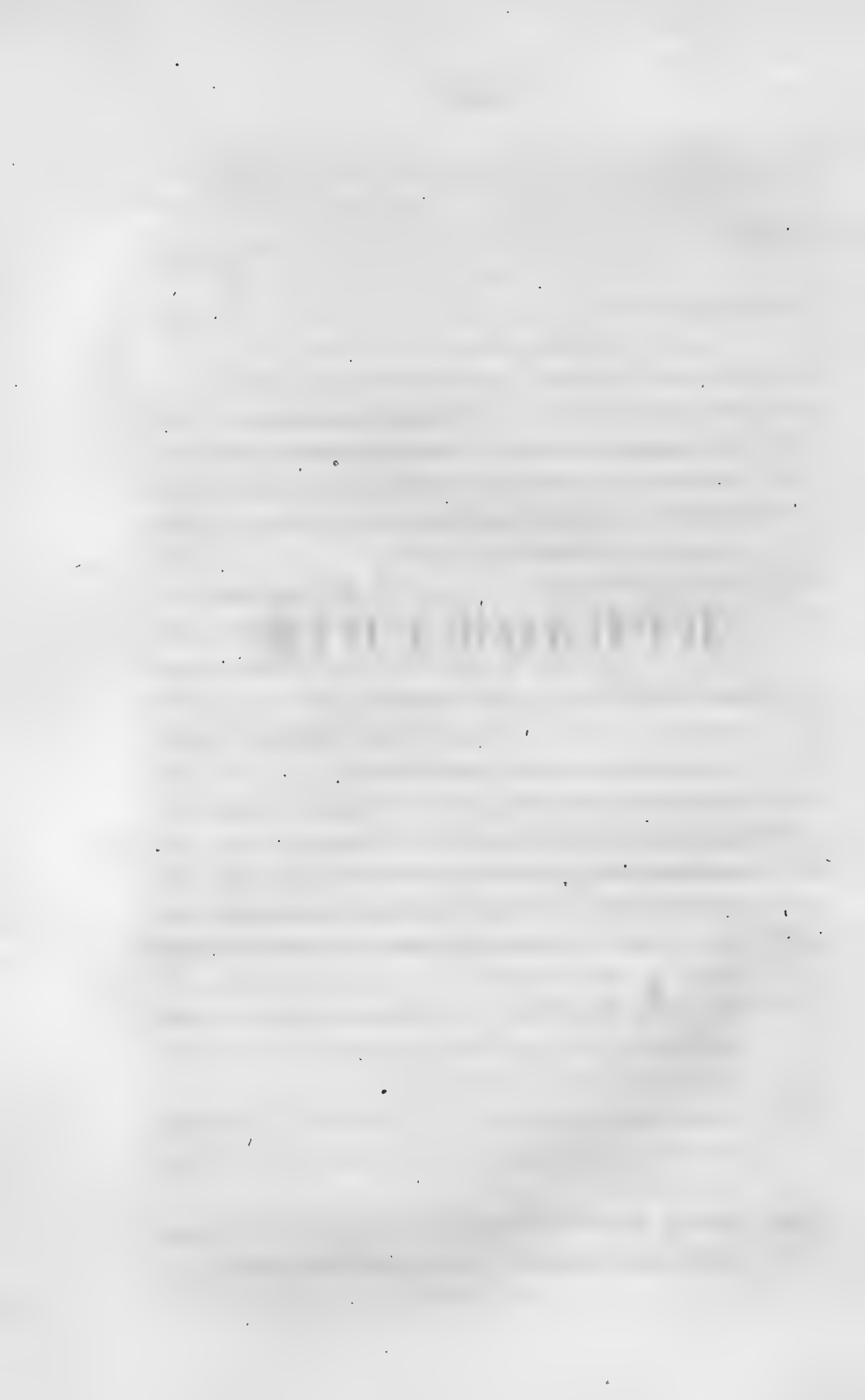
25) Древнее Россіи раздѣленіе на 4 л.

26) Разныя отрывки изъ разныхъ дѣлъ безъ начала и конца на 16 л. Приложеній № XIX. Повидимому, большая часть этихъ бумагъ возвращены были въ Архивъ, откуда заимствованы въ Приложенія къ сему сочиненію.

[207]) Это собственноручное письмо Татищева хранится въ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ; писано въ с. *Болдинѣ*, 6 сент. 1748 года. На оборотѣ другою рукою значится: приложенное письмо (т. е. къ сыну Татищева) отослано подъ кувертомъ генералъ-лейтенанта Ливена.

[208]) См. Исторію Росс. Татищева, кн. II, пр. 333, 334. См. Библіографическія Записки, 1858 г., стр. 198—200. Памятникъ надъ могилою Татищева близь сельца Болдина имѣетъ такую надпись по сторонамъ: (на верхней:) «Родился Василій Никитичь Татищевъ 1686 года апрѣля 16. вступленіе въ службу 1704 года. Происхожденіе чиновъ и въ полковники артиллеріи 1742 году въ (на правой:) Бергъ и въ монетную главнымъ судьею 730 года. Оберъ-Церемоніймейстеръ 731 (на лѣвой:) Генералъ-бергъ мейстеръ 737. Тайный совѣтникъ и въ томъ чинѣ былъ въ Оренбургѣ и въ Астрахани губернаторомъ, и въ томъ чинѣ 1750 году скончался іюля 15 дня». См. Сибирскій Вѣстникъ 1821 г., ч. 15, стр. 10.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо Татищева къ русскому посланнику въ Швеціи, графу Н. Головину, отъ 9 февраля 1726 года.

II. Донесеніе русскаго посланника въ Швеціи, графа Н. Головина, въ государственную бергъ-коллегію, отъ 11 февраля 1726 года.

III. Роспись уговорамъ, которые, въ Швеціи бывъ, россійской бергъ-коллегіи совѣтникъ Татищевъ, для обученія россійскихъ учениковъ, заключилъ съ разными людьми и притомъ показано, что по которому заплачено, нынѣ вскорѣ платить надобно, такожъ и по окончаніи науки достальныя.

IV. Переписка Татищева и другихъ лицъ о подаркахъ его Бирону, въ 1736 и 1737 годахъ.

V. Представленія полковника Змѣева и постановленія Татищева и Соймонова, о поселеніи калмыцкой княгини Анны Тайшиной въ Ставропольской крѣпости на Волгѣ, въ 1737 году.

VI. Переписка Татищева съ чиновниками коллегіи иностранныхъ дѣлъ, по поводу отправленія его въ калмыцкую комиссію, въ 1741 году.

VII. Постановленіе Татищева съ товарищами о рыбныхъ ловляхъ для калмыкъ, около Астрахани, въ генварѣ 1742 года.

VIII. Докладъ Татищева императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о волжскихъ казакахъ, 31 ноября 1743 года.

IX. Мнѣніе Татищева объ астраханскихъ, юртовскихъ и степныхъ татарахъ, 11 ноября 1745 года.

X. Указъ Татищеву объ увольненіи его отъ калмыцкихъ дѣлъ, 19 іюля 1745 года.

XI. Донесеніе Татищева въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о его занятіяхъ русскою исторіей.

XII. Изъясненіе на посланныя начала гисторическія, сочиненное Татищевымъ.

XIII. Предложеніе Татищева о сочиненіи исторіи и географіи россійской.

XIV. Экстрактъ о ѣздѣ геодезиста Василья Шишкова, поданный имъ Татищеву, и опредѣленіе Татищева на донесеніе Шишкова.

XV. Отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ Татищева о живущихъ въ Сибири народахъ.

XVI. Разсужденіе Татищева о ревизіи поголовной и касающемся до оной.

XVII. Разсужденіе Татищева о бѣглыхъ мужчинахъ и женщинахъ и о пожилыхъ за побѣгъ.

XVIII. Варіанты изъ Татищевской рукописи, подъ заглавіемъ: «Списки съ указовъ 1605—1622 годовъ», къ печатному изданію его примѣчаній на Судебникъ.

XIX. Переписка временъ Екатерины II, по поводу сочиненій Татищева.

I.

ПИСЬМО ТАТИЩЕВА

къ Русскому посланнику въ Швеціи, графу Головину, за собственноручною подписью.

Сіятельнѣйшій граѳъ чрезвычайный посланникъ
Мой Государь!

Присланнымъ Ея Императорскаго Величества изъ Бергъ-Коллегіи указомъ повелено мнѣ немедленно положенное на меня здѣшнее дѣло и отданныхъ въ науки росискихъ горныхъ учениковъ вруча вамъ ѣхать немедленно въ Росию; того ради оное все оставлено въ ваше правленіе, а для основательнаго извѣстія подлинныя договоры, росписки въ денгахъ и изъ тѣхъ здѣланную заплатамъ роспись со изъясненіемъ принодлежащностей при семъ прилагаю, приономъ же списокъ стехъ договоровъ и росписокъ которой освидетелствованъ сподленными изволите закрѣпя вашею рукою мнѣ для поданія въ Бергъ Кольлегіумъ возвратить.

Ныне еще надобно мне здесь на расплату и проездъ денегъ 600 рублевъ котораго числа сверхъ векселя обретающегося у Лагоръ-Шпара недостанетъ, того ради прошу чтобъ мне толикое число изволили съсудить, оной Лагоръ-Шпаръ хотя мне ныне деньги по протестованному въ Голландии векселю платитъ однакожъ стемъ увереніемъ чтобъ я прежде окцептацы отсуда не ездилъ или бъ въ его в ап-

лате обнадежили; того ради прошу васъ чтобъ его изволили втомъ уверить ибо протестъ оноі неправильноі и надеюся что уже посланоі повторителноі акцептованъ и отповедь вдве седмицы быть можетъ, котораго я дожидаться не могу, понеже путь уже и такъ труденъ что едва проехать возможно такожъ и я здесь живучи вболшия напрасныя долги воиду а бестаго ехать не могу ибо денегъ при себе ныне ничего не имею вкольлегиюже хотя многократно о присылке денегъ писалъ но отказъ сгневомъ вместо денегъ получилъ, искоторого вижу что они моимъ писмамъ не верятъ и поставъляютъ здешнее мое разорительное и каждо-часно досадное житие всамохотную и бѣзделную прихоть ежели же вы денегъ ныне мне оного числа дать не изволитя и кольлегия прислать умедлитъ то отъ житья на поверение долгъ каждодневно будетъ слишкомъ умножатся и мне бѣзстыда и потеряния кредита не выехать вчемъ и оноі комисиі не безъ вреда. Ежелиже изволите сумневатся что либо Ея Императорское величество оного заплатить вамъ не укажетъ то я обязуюся немедленно по возвращеніи моемъ заплатить и уверяю васъ симъ подпотеряниемъ всего моего имения, паче же прошу васъ чтобъ вы изволили причины оного моего удержания освидетелствовавъ кольлегиі для уверения представить: 1) оное дело окончалъ я последнимъ договоромъ въ Салберге въ Генваре мѣсяце о которомъ много прежде трудился и едва могъ совершить, денегъ же не имея кольлежскихъ занявъ передъ тремя днями токмо заплотилъ а не окончавъ ехать не могъ; 2) денегъ коллежскихъ уже въ Декабре не осталось не токмо на проездъ и окончание комисиі, долгъ же моі собственноі оттого произшелъ что жалованья моего напрошлоі 1725 годъ которой хотя Ея Императорское величество вначале года выдать указала но откольлегиі доднесь не получилъ и тако прину-

жденъ брать былъ потребное вдолгъ свеликимъ убыткомъ тожъ чинится ныне и сколежскимъ росходомъ; 3) содержаніе мое вы изволите видеть могу ли я бѣзвеликова стыда убожее жить и менше расходы содержать; 4) хотябъ все оное неудержало былаль возможность отмоей болезни и неудобного кпроезду пути мне прежде сего отсюда выехать; 5) имѣлъ ли я охоту или какую ползу вздешнемъ моемъ житье,— какъ вы свидетельствовать можете и надеюся что опая кольлегия оставя, ежели кому есть на меня собственная бѣзвины моей злоба вашему честному и безпристрастному свидетельству поверятъ и мою невинность милостивно разсудятъ вчемъ надеяся пребываю сдолжнымъ почтениемъ.

вашего сіятелства
Моего государя
всегда охотный слуга
В. Татищевъ.

Стокголмъ дня 9. Февр:
1726

Приложено при реляціи Головина отъ 11 февр. 1826 г. за 15. Хранится въ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ, въ Швед. дѣл., св. 346.

—

II.

ДОНОШЕНІЕ

русскаго посланника въ Швеціи, графа Н. Головина, въ государственную Бергъ-Коллегію, отъ 11 февр. 1726 года изъ Стокгольма.

Прошлаго 725 году 24 сентября получилъ я писмо отъ кабинетъ-секретаря господина Макарова, въ которомъ мнѣ пишетъ, что по имянному блаженной и вѣчно достойной па-

мяти Его Императорскаго Величества указу определены изъ Бергъ-Коллегіи въ Швецію россійской націи ученики, которыхъ велѣно обрѣтающемуся здѣсь Бергъ-Коллегіи совѣтнику Василью Татищеву опредѣлить по наукамъ, а понеже оному Татищеву надлежитъ воззратитца пока въ Россию и послѣ ево оныхъ учениковъ надзирать будетъ не кому; того ради Ея Императорское Величество указала по отлученіи помянутаго Татищева надъ оными учениками имѣть мнѣ смотреніе, чтобъ они не праздны были и прилѣжно учились, и которые въ близости отъ Стокгольма обрѣтаютца, тѣхъ надлежитъ мнѣ самому надзирать чаще, а которыи вдалномъ разстояніи, ктѣмъ хотя временно туда ѣздить чрезъ два или три месеца и тѣхъ такожъ надзирать; ежели же паче чаянія за порученными мнѣ государственными дѣлами вдалния мѣста отлучатца будетъ невозможно, то посылать для того надзирания вернаго человѣка кому втомъ я могу поверить и какъ будутъ внаукахъ обращатца о томъ сообщать Бергъ-Коллегіи, а на содержаніе оныхъ учениковъ денги будутъ переводитца ко мнѣ изъ Бергъже Коллегіи. И на оное симъ моимъ нижайше доношу, что нынѣ оной господинъ Татищевъ получилъ указъ возвратитца въ Росию и ту комисію отдаетъ мнѣ, а по контрактомъ денегъ единой копейки сказываетъ оставить здесь у него не имѣетца, а мастеры требуютъ дабы тѣ денги оставлены были всѣ здѣсь, илибъ показано было имъ ктобъ могъ втой заплатѣ ихъ обнадежить здесь, а сколко тѣхъ денегъ надлежитъ быть о томъ взявъ подлинное извѣстіе у оного Бергъ-совѣтника Татищева при семъ здѣсь включаю: а безъ такой суммы и для вышеупомянутыхъ резоновъ по контрактомъ оному Татищеву отъѣхать отсюды никоимъ образомъ не возможно (и не выпустятъ).

Я же втой ево комиссіи усмотрѣлъ нѣкоторые трудности которые при семъ прилагаю.

Первое: Что мнѣ той комиссіи нынѣ принять у него Татищева не возможно для того, что такой суммы по контрактомъ здесь на лицо не обрѣтаетца, а поручитца втомъ по немъ не кому, а мнѣ взять такую сумму на себя невозможно для того что характеру моему не пристойно (и не повѣрятъ).

Второе: Разныя и неизвѣстныя мнѣ ихъ искуства, которыхъ я самъ свидѣтельствовать не могу того ради мастеры и ученики прежде времяни несовершенное за совершенное представить мне могутъ и тако положенное на то государственное иждивление вотще пропадетъ, вкоторомъ я яко втѣхъ неискусный отвѣтствовать обязательства имѣть не буду.

Третие: Велѣно мне самому по часту ѣздить и надсмаматривать, котораго мнѣ при сихъ случаяхъ учинить ни по которому образу невозможно: для важныхъ интересовъ по должности моей здѣсь въ Стокгольмѣ быть принужденъ и хотябъ я самъ во время мнѣ свободное въ ближайшія мѣста съѣздить могъ, токмо разсудить прогрессъ внаукахъ ихъ не умѣю; того ради и доносить обстоятельно о тѣхъ возможности моей не будетъ, а посылать такихъ искусныхъ и верныхъ людей яз десь при мнѣ не имѣю, какъ о томъ есть извѣстно.

Четвертое: Понеже мастеры требуютъ отъ господина Татищева положения здесь денегъ или писменнаго уверенія спорукою нынѣ и на предбудущия разплаты, а безъ того не вѣрятъ и обучать учениковъ сумнѣваютца, а оному Татищеву нетокмо къ предбудущему году оставить суммы денегъ но и собственно разплатитца вдолгахъ своихъ и выехать чемъ не имѣетъ, а сказываетъ что многократно о денгахъ въ Бергъ-Коллегію писалъ но получилъ отказъ и тако здесь бездѣла живетъ вдолгъ и для такого поведения я сей комисіи наиболѣе принять опасенъ дабы медлениемъ и не присылкою денегъ не могло нанести какого безчестія характеру моему убытка и потерянія кредита, ибо здѣсь народъ есть волной.

Пятое: Ученики жалуютца на онаго Татищева что какъ за квартеры такъ и платье по определѣнію его имъ дано очень скудно и о прибавьке его Татищева непрестанно просятъ но онъ нетокмо прибавить но сказалъ мнѣ что впредбудушей годъ велено ему еще убавить; я вижу что за такие малые денги для великой дороговизны здѣсь содержать ихъ невозможно, ибо лакея здѣсь за шестьдесятъ рублевъ никоимъ образомъ со всѣмъ убрать вгодъ невозможно, того ради непрестанно и мнѣ о денгахъ докучаютъ наипаче же оттакого недостатку могутъ оставить повеленную науку и искать пропитания инымъ способомъ, какъ мнѣ нынѣ сказывалъ оной Татищевъ, что нѣкоторые изтѣхъ учениковъ хотѣли уйти и записатца всалдаты отъ такого скуднаго определенія; оной Татищевъ проситъ меня непрестанно о денгахъ на разплату, также чтобъ я поручился здѣсь въ его долгахъ и мне того безуказу учинить невозможно, такожде и характеру моему сіе принять предосудительно.

Шестое: Ежели та вышеупомянутая сумма не прислана къ нему будетъ на разплату и на оставленое здѣсь по контрактомъ по приложенному здѣсь реестру вскоре, то оному Татищеву выехать отсюды, ни мнѣ вту комиссію вступить будетъ никоимъ образомъ невозможно.

Седмое: У сего дѣла безъ особливаго комиссара никоимъ образомъ пробыть невозможно, а надобенъ такой человѣкъ, которой бы какъ рускаго такъ и немецкаго языка и обхожденія и правъ здешнихъ былъ искусенъ и ежели повелено мнѣ будетъ, а надѣюсь такого человѣка изъ полоненыхъ оѳицеровъ найти которому опредѣлить жалованье надлежитъ по триста рублевъ со всѣмъ кромѣ проездовъ, надъ которымъ я буду при всякихъ случаяхъ надсмотрѣніе имѣть и всегда его посылать по тѣмъ разнымъ мѣстамъ, гдѣ оные учатца и когда оной будетъ надзирать, тогда я могу обстоятельно

по его мнѣ репортомъ доносить въ Бергъ-Коллегію о прогрессахъ тѣхъ учениковъ въ разныхъ ихъ искуствахъ. Еще же во свидѣтельство прилагаетца его Татищева планъ изъ котораго усмотрѣть возможно, вкакомъ состояніи оной нынѣ обретаетца и понеже я денегъ здѣсь государственныхъ ни собственныхъ не имѣю; того ради втой ево нужде пособить ему Татищеву весма не могу, на что буду ожидать указу какъ о томъ мнѣ повелѣно будетъ.

Приложено къ реляціи графа Николая Головина за № 15, получено 3 марта.

—

III.

РОСПИСЬ ДОГОВОРАМЪ,

которые, въ Швеціи бывъ, россійской Бергъ-Коллегіи совѣтникъ Татищевъ, для обученія россійскихъ учениковъ, заключилъ съ разными людьми, и притомъ показано, что по которому заплачено, нынѣ вскорѣ платить надобно, также и по окончаніи науки достальныя, и притомъ въ въ заплатахъ росписки.

	РОСПИСЬ ДОГОВОРОВЪ.		Заплачено.	Нынѣ вскорѣ платить.	По окончаніи науки.
1.	Договоръ съ асессоромъ Бергъ-Коллегіи Швабомъ въ Ѳалунѣ, начинаетца отъ 9 сентября				
	За обученіе	машинному 2 . . .	32р.	»	32р.
		столярному, токарному и кузнечному тѣжъ.	9р. 60к.	»	16р.
		обжигалному 2. . .	12р. 80к.	»	12р. 80к.
		плавилному 2 . . .	16р.	»	16р.

	РОСПИСЬ ДОГОВОРОВЪ.	Заплачено.	Нынѣ вскорѣ платить	По окончаніи науки.
	На платье: одному дворянскому сыну.	64 р.	•	•
	На платье: пяти подлороднымъ .	112 р.	•	•
	За квартеру, ѣжу и пр.: дворенину	51 р. 20 к.	•	•
	За квартеру, ѣжу и пр.: подлороднымъ . . .	192 р.	•	•
	Въ Астаѳорсе потомужъ договору за науку 4-хъ человѣкъ гармахарскому и кузнечному.	32 р.	•	32 р.
	На платье: дворенину одному . .	64 р.	•	
	На платье: тремъ подлороднымъ.	67 р. 20 к.	•	
	На содержаніе: дворенину. . . .	51 р. 20 к.	•	
	На содержаніе: подлороднымъ . .	96 р.	•	
	Сверхъ того асессору за призрѣніе вподарокъ списменнымъ увереніемъ	40 р.	•	64 р.
2.	Договоръ съ Маркшейдеромъ Геслеромъ въ Ѳалуне, начался отъ 12 сентября			
	За обученіе маркшейдерскаго и другихъ разныхъ искусствъ за двухъ человѣкъ	384 р.	•	384 р.
	На платье, квартеру и ежъ обоимъ	294 р. 40 к.	•	•
	Сверхъ того, ежели онъ куда поедетъ по заводамъ, брать ему тѣхъ учениковъ съ собою; а за проѣзды ихъ платить особно. Нынѣ пишетъ онъ, что къ сентябрю 1727 обучитца конечно могутъ.			
3.	Его же писмо уверительное что братъ его ундеръ-маркъ-шейдеръ Гартманъ договорился здѣлать чертежи пяти ѳалунскихъ машинъ вплане и проспектъ на большой Александрійской бумагѣ режено 48 рублевъ	32 р.	16 р.	•
	Описание обжигания и плавления счертежами печей разныхъ; денги			

	РОСПИСЬ ДОГОВОРОВЪ.	Заплачено.	Нынѣ вскорѣ платить	По окончаніи науки.
	платить за обое по полученіи и сие имѣть за тайно	»	40 р.	»
4.	Договоръ съ опытнѣйшимъ мастеромъ Θишеромъ въ Стокъголимѣ за обучение двухъ опытнаго и роздѣлнаго дѣлъ	48 р.	»	48 р.
	На припасы и протчия потребности	38 р. 40 к.	»	»
5.	Договоръ спорутчикомъ Θелотомъ вСтокгольмѣ; за обученіе тѣхъ же двоихъ знаменованія и рисования	32 р.	»	32 р.
6.	Договоръ сштокгольмскимъ жителемъ Бекомъ содержать оныхъ же въ его домѣ кормить и поить и прот. дано за полгода, а другую половину дать по прошествіи полугода іюня 13 числа	51 р. 20 к.	51 р. 20 к.	»
	Онымъ школьникамъ на платье отдано самимъ сросипскою	128 р.	»	»
7.	Договоръ свардениомъ Штокестромъ вСалберге. За обученіе двухъ человѣкъ дворянъ разныхъ наукъ .	76 р. 80 к.	»	76 р. 80 к.
	За содержаніе обоихъ	128 р.	»	»
	На платье и всякие потребности приняли и росписались они сами; вштокгольмѣ нанять ундеръофицеръ для обученія школьниковъ языка и для толмаченья въ лабраторіи до майа	3 р. 20. к.	3 р. 20 к.	»
	Всего	2184. р.	110 р. 40 к.	173 р. 60 к.

За науку здѣсь денегъ надобно имѣть . . . . . 824 р.

На содержаніе и платье вΘалуне, Австаθорсе и Салберге, которые водинъ годъ совершенно обучитца не могутъ, чтобъ кначалу другаго то есть

въ августѣ мѣсяцѣ здѣсь были вготовности, оныхъ надобно . . . . 1248 р.

На отправление двухъ учащихся вШтокголме вПетербурхъ ктомужъ числу. . . . . 60 р.

На заплаты чрезвычайныя какъ вдоговорѣ маркъшейдера показано . . . . 100 р.

Мнѣ самому для езды на заводы и посылки, такожъ на писма корреспонденцию и прот . . . . . . 200 р.

Кромѣ росхода векселнаго, котораго обстоятелно положить нельзя, однакожъ примѣняяся кпрежнимъ надлежитъ положить на 200 рублей . . . . 168 р.

И того всего надлежитъ здесь быть въ немедленной присылкѣ: 2600 р.

Приложена при реляціи русскаго посланника въ Швеціи графа Головина отъ 11 февр. 1726 г. за № 95. Хранится въ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ, въ Швед. дѣлахъ, связка 346.

—

IV.

ПЕРЕПИСКА ТАТИЩЕВА

и другихъ лицъ о подаркахъ его Бирону. Письма отъ Василья Татищева о лошадяхъ и о прочемъ—которыхъ велѣно содержать на конюшнѣ.

1. Сіятельнѣйшій графъ

Милостивый государь мой,

Въ апрѣлѣ 1737 года.

Хотя я весною на судахъ отправилъ вашему сіятельству отъ здешнихъ пленниковъ малчика да девочку выбравъ лучшихъ, токмо по несчастію моему оной малой умеръ а девку

зъ глупости служитель мой не объявилъ; того ради нынѣ всепокорно посылаю другаго, даиноходца каковъ случился, и лучше со всемъ моимъ прилежаніемъ сыскать не могъ, ибо я ведая охоту его сіательства оберъ камеръ гера графа Бирона трудился иноходцовъ и кобылъ иноходыхъ достать, которыхъ изъ взятыхъ отъ казачьей орды по два за наилучшихъ въ Башкири почитаемыхъ при семъ отправилъ и къ его сіательству доносилъ. А понеже въ Петеръбурхъ мнѣ отправить неудобно, того ради велелъ о оныхъ вашему сіательству объявить и до определенія въ доме моемъ кормить и всепокорно вашего сіательства милостиваго государя моего прошу, дабы усмотря ежели то достойно и его сіательству угодно явится повелеть оныхъ принять и отправить по вашему милостивому разсмотрѣнію.

Здѣсь же нынѣ привезли ко мнѣ бобровъ живыхъ которыхъ было мнилъ ко двору ея величества отправить; но не ведая угодноль то будеть, велелъ для любопытства иначе для подлиннаго известія о называемой струе употребить въ анатомію и ежелибъ ведалъ, что то непротивно будетъ, тобъ могъ есче старатся оныхъ достать и весною на судахъ отправить. Въ заключеніе сего съ покорностію поздравляю ваше сіательство (съ) наступаюсчимъ новымъ годомъ, желая вамъ всякого благополучія пребываю со вседолжнымъ почтеніемъ

вашего сіательства
милостиваго государя моего
покорнѣйшій слуга *В. Татищевъ.*

декембріа
въ 30 день 1736.

По заключеніи получилъ вашего сіательства милостивое писмо о Порошине, и по оному елико возможно исполнить подсчуся, нынѣ въ показаніе того послалъ атестатъ о

перемене его чиномъ. При семъ же всепокорно дерзаю просить о секретаре Друковцове чтобъ его высокой вашей милости и если возможно къ месту способному опредѣлить удостоили.

—

2. Сіательнѣйшій графъ генералъ оберъ гофъ мейстеръ и кавалеръ,

Милостивый государь мой!

Вашему графскому сіательству мню не безъизвестно какой здесь въ соли недостатокъ, что нынѣ покупаютъ въ 70 и 80 копѣекъ пудъ, наипачеже что на войско дать и въ походъ взять ничего не имѣю и хотя губернія сибирская писала чтобъ я старался изъ Перми оную какъ можно наискоряе доставить по которому я съ промышленниками учинилъ договоръ съ немалою предъ губернскою поставкою уступкою, а имянно по 18 копѣекъ пудъ, и половину денегъ на поставку выдалъ, требуя отъ комисарства солянаго чтобъ какъ наискоряе 30000 пудъ нынѣ отпустить велѣли, токмо оное комисарство отвѣтствовало что безъ указа соленой конторы отпустить не смѣетъ; изъ котораго опасно великого вреда и опредѣленному имяннымъ ея императорскаго величества указомъ воинскому дѣйству помѣшанія, ибо время зимнее преходитъ; для котораго отправилъ нарочно въ ту контору курьера съ промеморіею а вашего графскаго сіательства покорно прошу, чтобъ опредѣленіемъ они не укоснѣли и оного курьера неудержали, дабы тотъ вредъ на мнѣ послѣ не взыскался.

Наипаче же нуждно имъ и впредь о соли надлежасчее опредѣленіе учинить; ибо здѣсь въ близости озеръ соленыхъ довольно и подрядчики просили по семи копѣекъ за пудъ съ поставкою; токмо нато никакого опредѣленія не вос-

послѣдовало, я же въ то, какъ на меня не положенное, болѣе и вступаться не смѣлъ.

вашего графскаго сіятельства
милостиваго государя моего
покорнѣйшій слуга *В. Татищевъ.*

Екатеринскъ
генваря въ 17 день
1737.

3. Черновой отвѣтъ на письмо Татищева отъ 30 декабря: мальчикъ и лошади еще не получены; а о дѣвочкѣ служитель объявилъ, что она дольна. 22 генваря. 1737 г.

«Отдано человѣку ево Татищева Гаврилѣ Ракитину тогожъ числа».

На другой страницѣ отдѣльно: «Приведено оберъ-камергеру два иноходца сѣрыхъ, да двѣ иноходыхъ кобылицы рыжія».

4. Марта 7 дня 1737 года, письмо Салтыкова къ Бирону съ запросомъ, когда отправить въ Пбг. присланныхъ отъ Татищева лошадей «кои нынѣ содержатся въ призрѣніи и корму на дворѣ его Татищева».

«Послано чрезъ нѣмецкую почту въ понедѣльникъ.»

5. Сіятельный графъ!

Съ особливымъ удовольствіемъ я увѣдомился изъ письма вашего сіятельства о благополучномъ вашемъ въ Москву прибытіи, чѣмъ васъ усердно поздравляю.

О которыхъ изволили писать лошадяхъ покорно прошу оныхъ сюда отправить. Впрочемъ предавъ себя вашей всегдашней дружбѣ остаюся съ совершеннымъ высокопочтеніемъ

вашего сіятельства
покорный слуга E. J. G. Biron.

Графу оберъ-гофмейстеру Салтыкову.

С. Петербургъ.
14 марта 1737

6. Москва, марта 22 дня 1737 г. Солтыковъ «покорно доноситъ» Бирону, что лошади будутъ отправлены безъ замедленія.

«Послано чрезъ ямскую почту, во вторникъ».

7. Указъ конюшенной канцеляріи Ея Имп. Вел. за подписью графа Салтыкова мая 3 дня 1737 г. О принятіи двухъ иноходцевъ сѣрыхъ и двухъ кобылъ рыжихъ съ двумя жеребятами изъ дому Татищева для препровожденія ихъ въ Спб..—

«Оной указъ конюшенной канцеляріи копеистъ Андрей Васильевъ взялъ и росписался».

8. Москва, мая 19 дня 1737 г. Салтыковъ увѣдомляетъ Бирона, что одинъ изъ иноходцевъ захромѣлъ; по выздоровленіи же его всѣ лошади будутъ отправлены «немедлено со всякимъ удовольствіемъ»,—и съ жеребятами, которые отъ тѣхъ кобылъ въ Москвѣ родились.

«Послано по нѣмецкой почтѣ въ четвертокъ».

9. Москва, іюня 6 дня 1737 г. Иноходецъ выздоровѣлъ, и лошади отправляются съ конюхомъ Афанасіемъ Волковымъ.

«Таково письмо послано съ означеннымъ конюхомъ Волковомъ».

Вся эта переписка доставлена И. Е. Забѣлинымъ, Первое письмо Татищева было напечатано въ москвитянинѣ 1851 года, № 6, стр. 273. Срв. Библ. Зап. 1861, № 6. —

—

V.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

полковника Змѣева и постановленія Татищева и Соймонова, о поселеніи калмыцкой княгини Анны Тайшиной въ Ставропольской крѣпости на Волгѣ.

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Татищевъ писалъ съ Самары отъ 24 декабря прошлаго 1737 года:

Что онъ, съѣхався съ генераломъ майоромъ Соймоновымъ, на поданные полковникомъ Змѣевымъ о калмыцкихъ дѣлахъ представленіи учинили опредѣленіе, и съ того сообщаетъ въ коллегію копію и будетъ ожидать указу.

А въ представленіи полковника Змѣева написано:

По высочайшему ея императорскаго величества имянному указу повелено внутрь закамской линіи на избранномъ и удобномъ мѣсте построить для княгини Анны Тайшиной и для протчихъ крещеныхъ калмыкъ крѣпость, снабдя пристойнымъ гварнизономъ, да въ той же крѣпосте построить две церкви и нѣсколько домовъ; и, по прибытіи моемъ съ княгинею Тайшиной и съ протчими крещеными калмыки изъ Саратова, изобранное отъ вашего превосходительства господина тайнаго совѣтника внутрь помянутой закамской линіи мѣсто усмотрѣно, что всякими угодьи то мѣсто довольное и къ строенію какъ крѣпости, такъ и прочимъ жилищамъ весьма угодное и на томъ мѣстѣ строеніе къ благимъ уметамъ начато строиться, о чемъ отъ меня репортовано и въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ; а по данной мнѣ инструкціи, чего въ оной не изображено, велѣно мнѣ дѣлать, описываясь къ вашему превосходительству и по своему искуству усматривая, что къ пользѣ интересовъ ея императорскаго величества служить можетъ. И нынѣ я усмотрѣлъ надѣюсь быть заблагопотребно, а что именно, о томъ сообщаются при семъ моемъ доношеніи пункты:

1. Не соблаговоленоль будетъ вышеобъявленную новостроющуюся крѣпость для торговъ и протчихъ промысловъ; а паче того ради чтобъ калмыцкому народу и всѣмъ въ той крѣпости живущимъ было довольство въ пропитаніи всякими хлѣбными и съѣстными припасами населить своей до 40 или 50 изъ казанской губерніи и съ ближнихъ къ но-

востроющейся крѣпости городовъ, изъ купечества также для лутчего въ той крѣпости умноженія имѣющія достатокъ къ купечеству изо всякихъ чиновъ кромѣ служилыхъ нѣкоторые изъ казанской губерніи изъ разныхъ мѣстъ усмотря вышеписанное мѣсто всякими угодьи довольное и къ производенію купечества удобное, сами собою охотно желаютъ, чтобъ имъ въ той крѣпости для производенія торговъ своихъ жить вѣчно позволить, а о положенныхъ на нихъ тяглахъ и о протчихъ государственныхъ податяхъ въ платежѣ хотятъ обязаться крѣпкими поруками, чтобъ имъ тотъ платежъ чинить вѣчно безъ доимки въ прежнихъ мѣстахъ, гдѣ они нынѣ живутъ. А понеже оная новостроющаяся крѣпость не токмо отъ огородовъ въ отдаленіи, по и отъ разныхъ уѣздныхъ жилищъ неблизко, онажъ за Волгою рѣкою и помянутымъ всѣмъ крещенымъ калмыкамъ оное поселеніе русскихъ торговыхъ людей весьма за самое полезное дѣло будетъ, а именно къ заобыкновенію производенія купечества, какъ въ продажѣ имъ калмыкамъ своего скота и протчаго рукодѣлія, такъ и въ покупкѣ надобныхъ себѣ вещей, чего ради о томъ населеніи русскихъ людей въ той крѣпости для торговъ они калмыки и сами съ великимъ желаніемъ просятъ меня завсегда показуя что имъ безъ того пробыть невозможно. А я уповаю ежели помянутая крѣпость показанными людьми населена будетъ, то для заведенныхъ въ оной крѣпости вновь всякихъ торговъ и промысловъ можетъ воспослѣдовать и въ интересъ ея имп. в—ства приращеніе а не убытокъ у нихъ же новонаселенныхъ людей для новости сего мѣста и торги и промыслы ихъ распространиться могутъ, съ чего и пошлинъ нѣкоторая сумма къ платежу сыскаться можетъ и безъ таковыхъ купцовъ къ пропитанію того калмыцкаго народу въ показанной новостроющейся крѣпости пробыть никакъ невозможно.

2. По данной мнѣ инструкцы велѣно, дабы какъ съ крещеною княгинею, такъ и съ зайсангами совѣтами своими и разсужденіемъ приводить ихъ крещеныхъ калмыкъ къ тому, что къ пользѣ интересовъ ея имп. в—ства и къ доброму порядку въ содержаніи ихъ калмыкъ служить можетъ, и чтобъ могли они крещеные калмыки притти въ спокойность, яко и чугуевскіе казаки, которые природою калмыцкаго жъ народу и дабы ихъ крещеныхъ калмыкъ приохочивать, чтобъ они сперва къ кошенію сенъ и къ пашнѣ хлѣбовъ, а потомъ и къ поселенію возымѣли охоту, и для такого ихъ обученія къ сенокосу и обыкновенія къ пашнѣ придать имъ на первой часъ по нѣскольку человѣкъ гварнизонныхъ солдатъ, которые взяты изъ крестьянства и ту работу знаютъ и показать имъ могутъ и калмыки бъ то видя сами дѣлали, а иногда позволять имъ изъ тѣхъ же гварнизонныхъ солдатъ и изъ подобныхъ людей и изъ русскихъ мужиковъ и изъ другихъ иновѣрцевъ россійскихъ подданныхъ кромѣ татаръ и башкирцевъ къ той работѣ наймовать съ пашпортами.

А понеже я совѣтами своими и разсужденіемъ какъ съ крещеною княгинею, такъ и съ зайсангами приводить ихъ крещеныхъ калмыкъ всѣхъ къ тому, что къ пользѣ интересовъ ея имп. в—ства и къ доброму порядку въ содержаніи ихъ калмыкъ служить можетъ желаю по присяжной моей должности съ крѣпкимъ и неусыпнымъ прилѣжаніемъ и когда я съ реченною княгинею Тайшиной и съ зайсангами и съ протчими калмыки прибылъ изъ Саратова до новостроющейся крѣпости и многіе изъ тѣхъ крещеныхъ калмыкъ усмотря показанные имъ къ кочеванію мѣста удобнѣе къ пашнѣ и къ протчему земледѣльству съ желаніемъ просятъ, чтобъ изъ нихъ калмыкъ у коихъ имѣются скотъ и лошади поселить въ тѣхъ мѣстахъ по рѣчкамъ слободами: понеже де они будучи при Саратовѣ и при Камышенкѣ и въ протчихъ

тамо мѣстахъ и на наемныхъ земляхъ сами пашню имѣли и хлѣбъ сѣяли и сѣна косили; того ради не соблаговоленоль будетъ тѣхъ калмыкъ, у которыхъ имѣется скотъ и лошади и кои охоту возымѣютъ къ пашнѣ хлѣбовъ и къ поселенію домовъ своихъ населить въ вышепоказанныхъ мѣстахъ слободами дворовъ по 50 и построить бы въ тѣхъ мѣстахъ новопоселенныхъ слободахъ церкви а на первой годъ для розводу выдать имъ калмыкамъ изъ казны на семена хлѣба по разсмотрѣнію, да къ нимъ же калмыкамъ для лутчего бъ имъ приохочиванія и къ скорой переимкѣ того земледѣльства населить между ими по столькужъ дворовъ разночинцовъ русскихъ людей необложенныхъ въ подушной окладъ, кои имѣются нынѣ въ казанской губерніи въ городѣхъ прописными и потому поселенію жить бы имъ разночинцамъ въ тѣхъ слободахъ домами во все чего ради они будутъ какъ сами про себя пашню имѣть и хлѣбъ сѣять и протчее земледѣльство чинить такъ и помянутыхъ крещеныхъ калмыкъ къ тому обучать съ охотою имѣя надежду, что въ тѣхъ мѣстахъ жить будутъ вѣчно, и въ той надеждѣ и довольствѣ будучи по написанію ихъ въ подушной окладѣ могутъ за себя платитить и подушные деньги и простыя государственныя подати безъ тягости, ежели жь оныхъ не положенныхъ въ подушной окладъ надлежащаго числа сыскаться не можетъ, то не повеленоль будетъ въ тѣ слободы населить изъ закамскихъ пригородовъ, именно: изъ Старошешминска, изъ Заинска, изъ Тіинска и съ протчихъ тамошнихъ пригородовъ отставныхъ солдатъ понеже оныхъ по указу велѣно изъ тѣхъ пригородковъ вывесть для поселенія ихъ въ новозаведенныя по закамской линіи крѣпости, а на ихъ мѣста въ тѣ пригороды повелѣно населить отставныхъ армейскихъ ундеръ-офицеровъ и солдатъ, а при вышеписанныхъ слободахъ помянутымъ отставнымъ даны будутъ для

пашни земли и всякихъ угодій довольство, отъ чего они могутъ пропитаніе себѣ имѣть безъ нужды, а означенные крещеные калмыки живучи между ими русскими и смотря на нихъ къ томужъ и по обученію ихъ весьма охотно за кошеніе сенъ и за пашню и къ поселенію домовъ своихъ примутца скоро, къ томужъо ни калмыки для работъ своихъ къ пашнѣ и къ протчему земледѣльству будутъ нанимать изъ свободныхъ русскихъ мужиковъ и изъ протчихъ иновѣрцовъ съ пашпортами противъ объявленнаго въ данной мнѣ инструкціи 5-го пункта, то и еще имъ калмыкамъ будетъ то благопотребно и могутъ притти къ службѣ Ея Имп. В-ства и къ своему ненужному пропитанію такъ, какъ и чугуевскіе калмыки, и не опредѣля къ нимъ калмыкамъ для житья между ими русского народу: они необыкновенные люди къ пашнѣ и не видя силы въ томъ, когда землю пахать и хлѣбомъ сѣять и съ поль хлѣбъ убирать и протчіе земледѣльческія работы никакъ могутъ знать: и безъ русскаго народа имъ калмыкамъ въ тѣхъ слободахъ пробыть не можно, что же по вышеозначенному въ данной мнѣ инструкціи 6 пункту велѣно для убученія здѣсь калмыкъ къ пашнѣ гварнизонныхъ салдатъ брать и оные салдаты хотя и будутъ при нихъ калмыкахъ, повремянно, а домами своими жить при нихъ не будутъ, то прилѣжной охоты отъ нихъ салдатъ къ обученію тѣхъ калмыкъ земледѣльству никакъ быть не надѣюсь.

3. По имянному Ея Имп. В-ства указу вышеобъявленной княгинѣ Аннѣ Тайшиной и протчимъ при ней крещенымъ калмыкамъ какъ подъ крѣпость и подъ протчее домовое строеніе, такъ и на пашню и на кочеванье дана земля со всякими угодьи межъ рѣкъ Соку и Черемшана внутрь закамской линіи, которая земля явно показана въ учиненной господиномъ Татищевымъ и въ данной мнѣ отъ него планкартѣ, а

имянно имѣетъ быть къ крѣпости и къ слободамъ для вышесказаннаго поселенія и всякаго удовольствія земли и угодей начавъ отъ устья рѣки Черемшана на низъ Волгою рѣкою до владѣнія деревни Царевшины обывателей; а длина отъ дачь Красноярской крѣпости ландмилицкихъ салдатъ вверхъ по рѣкѣ Кондурчѣ до Чолнинскіе дороги по которой ѣздятъ изъ пригорода Сергіевска въ Казань, а поперечникъ отъ показанной новостроющейся крѣпости чрезъ означенную жъ рѣку Кондурчу до дачь призакамской же линіи ландмилицкихъ салдатъ, а хотя по вышеозначенной рѣкѣ Кондурчѣ и по другимъ рѣчкамъ и начато было малое поселеніе деревень вновь, но изъ тѣхъ новыхъ поселеній обыватели всѣ высланы по указу на прежнія жилища и нынѣ имѣются тѣ жилища пусты, что же по объявленнымъ рѣкамъ Волгѣ и Черемшану имѣются русскія и иновѣрческія жилища у которыхъ имѣется владѣніе земли къ тѣмъ рѣкамъ но тѣхъ жилищъ обывателямъ во владѣніи имъ распашныхъ ихъ нынѣ земель отъ поселенія помянутыхъ крещеныхъ Калмыкъ никакова помѣшательства не будетъ: ибо вышеписанной данной имъ крещенымъ калмыкомъ земли и всякихъ угодей не точію имъ однимъ кои нынѣ имѣются при княгинѣ Тайшиной, но хотябъ еще и изъ другихъ мѣстъ калмыкъ могло быть къ ней же княгинѣ прибавленіе и тѣмъ всѣмъ весьма будетъ довольно.

4. Изъ тѣхъ же крещеныхъ калмыкъ многіе находятся скудные и безскотные и ежели изъ нихъ кто пожелаетъ имѣть пашню и тѣмъ не повелѣноль будетъ на первой заводъ купя на казенныя деньги лошадѣй отдать на каждую семью по одной лошади и хлѣбъ на семена по разсмотрѣнію.

Во второмъ отъ него полковника Змѣева:

Въ данной мнѣ инструкціи между прочимъ написано:

1. Для житья въ новостроющейся крѣпости княгинѣ Аннѣ Тайшиной давать Ея Императорскаго Величества жалованья денегъ по 500 рублевъ да хлѣба по 500 четвертей на годъ а откуда деньги брать того не изображено; а нынѣ оная княгиня помянутаго годоваго денежного и хлѣбного жалованья требуетъ отъ меня непрестанно и притомъ объявляетъ, что за неполученіемъ того опредѣленнаго ей жалованья въ содержаніи себя и въ пропитаніи людей своихъ имѣетъ не малую нужду.

2. Чтобъ вышеписаннаяжъ княгиня Тайшина надъ всѣми крещеными Калмыки правленіе и содержаніе оныхъ въ добромъ порядкѣ имѣла по прежнимъ ихъ обыкновеніемъ чрезъ знатныхъ зайсанговъ, а именно Ивана Шору, Петра Менку, Кирилу Шарапа, Матвея Батуменку и Ивана Чидора, которые къ тому правленію по ее княгинину представленію по указу изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи и опредѣлены и оныхъ такожъ о прочимъ обрѣтающихся при ней же княгинѣ зайсангомъ по скольку и кому именно годоваго жалованья учинить о томъ мнѣ разсмотря представленіе учинить Вашему Превосходительству а нынѣ при оной княгинѣ имѣется зайсанговъ, а именно:

Вышепоказанные по ее представленію къ управленію дѣлъ: Иванъ Шоро, Петръ Менко, Кирило Шарапъ, Матвѣй Батуменко, Иванъ Чидоръ; да сверхъ оныхъ: Григорей Дошизасонъ, Семенъ Тюря, Иванъ Мангутъ, Аѳанасей Тунай, Григорей Балданъ, Сергѣй Ясуту Гецуль, Иванъ Амуръ, Василей Доаданъ, Ѳедоръ Котема, Андрей Добрицынъ, Константинъ Ходжинъ, Андрей Ламаджанъ.

Да княгиня жъ Тайшина представляетъ чтобъ для всякихъ случающихся отъ нее въ калмыцкіе улусы посылокъ опредѣлить же жалованьемъ изъ Калмыкъ Нестера Цодама, Сте-

пана Кюрю. Да для всякихъ калмыцкихъ дѣлъ надлежитъ опредѣлить изъ крещеныхъ же Калмыкъ дву человѣкъ.

И вышеписаннымъ зайсангамъ также и помянутымъ Калмыкамъ поскольку кому годоваго жалованья опредѣлить:

3. Въ сообщенныхъ мнѣ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлахъ копіяхъ между прочимъ въ указѣ къ генералу майору господину Соймонову написано: буде въ прибытіе княгини Тайшиной показанная крѣпость недостроена, то оную крѣпость для достроенія поручить мнѣ снабдя всякими мастеровыми людьми потребному числу; а понеже новостроющееся для оной княгини крѣпость по ордеру Вашего Превосходительста со всѣми заготовленными припасы поручена мнѣ, того ради надлежитъ къ содержанію той крѣпости вѣчно опредѣлить мастеровыхъ людей, а имянно: кузнецовъ 4, слесарей 2, столяровъ 4, токарей 2, пешниковъ 4, кирпишниковъ 2, колесниковъ 5, плотниковъ 6. А безъ оныхъ мастеровыхъ людей при той новой крѣпости во всякихъ случающихся подѣлкахъ никакъ пробыть не возможно.

4. Имѣется нынѣ въ командѣ моей опредѣленные въ новостроющуюся крѣпость ландмилицкихъ полковъ четыре роты въ томъ числѣ одна драгунская, и онымъ ротамъ съ какимъ резономъ быть въ помянутой крѣпости при мнѣ съ перемѣною или безпеременно. Ежели же тѣмъ ротамъ быть безперемѣнно, то надлежитъ онымъ при новостроющейся крѣпости подъ дворы отвесть усадебные мѣста, также для пашни земли и сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодей, и надѣюсь что упомянутыхъ ротъ солдаты на отведенныхъ имъ подъ дворы усадебныхъ мѣстахъ построятъ себѣ дворы и прочее доволное строеніе сами собою. 18 декембрія 1737 году.

Подлинные по пунктамъ подписалъ полковникъ Андрѣй Змѣовъ.

1737 году декабря 18 дня по указу Ея Императорскаго Величества Тайной Совѣтникъ Татищевъ да Генералъ Майоръ Соймоновъ слушавъ представленія полковника Змѣева опредѣлили:

На первое доношеніе.

На 1) о населеніи купцовъ, по представленію его полковника купечеству къ населенію дать позволеніе по указомъ и о томъ потребно, чтобъ публиковать указами; а ежели охотниковъ не будетъ, то перевести изъ городовъ казанской губерніи средней статьи купцовъ до 50 семей, а выбирать ихъ купечествомъ самимъ и воеводамъ въ то не вступаться, чтобъ не было какого раззоренія.

На 2) междо Калмыками поселить весма нужно, ибо солдаты не имѣя лошадей, ни снасти къ пашнѣ и сѣнокосу и къ обученію не способны, и для того возможно изъ объявленныхъ прописныхъ Казанской губерніи перевести и поселить дворовъ до 300; солдатъ же отставныхъ изъ пригородовъ объявленныхъ переводить къ Калмыкамъ не удобно, понеже оные отцы и братья ландмилицкихъ полковъ, которыхъ необходимо нуждно перевесть съ ландмилицкими полками.

На 3) земли Калмыкамъ отдать по Волгѣ отъ земель села Царевшины и до Черемшана, а въ верхъ по Черемшану по земли деревни Челновъ, а по Кондурчѣ до Сергіевской дороги, и въ тѣхъ мѣстовъ никакимъ помѣщичьимъ дачамъ не быть, а дворцовымъ наемнымъ и монастырскимъ русскимъ и иновѣрцамъ жить въ своихъ деревняхъ и съ ними Калмыкамъ селиться оставить свободно.

4 пунктъ оставленъ безъ резолюціи.

На подлинномъ подписано такъ:

В. Татищевъ. Леонтей Соймоновъ.

На второе доношеніе.

На 1) деньги оной княгинѣ 5000 (sic!) рублевъ асигнованные отъ казанской губерніи, а оная губернія промеморіею отъ 7 числа декабря показала, что велѣно отправить изъ синбирской провинціи, то доколѣ тѣ деньги получены будутъ, провіантъ давать изъ поставленнаго въ новую крѣпость, деньги же сколько потребно можно для необходимыхъ нуждъ отсюда изъ комиссіи отпустить.

На 2) чины онымъ дать: одному старше быть полковникомъ, жалованья ему 50 руб.; другой войсковымъ есауломъ, третей писаремъ, онымъ двумъ по 40 р.; ротмистровъ тремъ по 30, двумъ по 25 р., хорунжихъ десять по 12, есауловъ два по 10, урядниковъ, разсыльщиковъ два по 7 р., двумъ толмачамъ по 6 р. Всего онымъ зайсангомъ съ протчими 426 рублей.

На 3) понеже въ оную крѣпость опредѣленъ, въ которой и ремесленники разные находятся, то можно ихъ употребить; еслиже недостанетъ, то взять ихъ изъ оставныхъ того батальона отцовъ ихъ и братей которыхъ изъ пригородовъ надлежитъ къ нимъ же перевесть.

На 4) ландмилицкому батальону быть вѣчно при оной крѣпости и дворы имъ построить, гдѣ онъ господинъ полковникъ запристойно разсудитъ; съ сего опредѣленія полковнику Змѣеву дать копію.

На подлинномъ подписано такъ:

В. Татищевъ. Леонтей Соймоновъ.

Взято изъ Калмыцкихъ дѣлъ, хранящихся въ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

—

VI.

ПЕРЕПИСКА ТАТИЩЕВА

с чиновниками коллегіи иностранныхъ дѣлъ, по поводу отправленія его въ калмыцкую комиссію.

1. Государь мой Петръ Васильевичъ!

Хотя въ доношеніи просилъ о дачѣ мнѣ изъ Москвы до Царицына и Астрахани подорожныхъ и прогонъ на ямскіе и почтовые подводы а нынѣ увѣдомился, что по дорогѣ ямовъ мало а на почтахъ подводъ содержатъ только по четыре, мнѣ же нужно колико возможно туда поспѣшить; и для того мню не обходимо нужно брать уѣздные подводы съ платежемъ по плакату, да для безопасности взять солдатъ человѣкъ до двенадцати, отъ города до города ежели есть въ Москвѣ изъ низовыхъ командъ гварнизонныхъ и полевыхъ то лучше перемѣнныхъ. И для того прошу васъ, моего государя, что сіе въ указѣ изъяснено было; если же потребно то доношеніе переписать, то прошу оное прислать ко мнѣ обратно, чтобъ скорѣе переписавъ подать, дабы мнѣ за тѣмъ умедленія не учинилось.

Вашъ моего государя
послушный слуга
В. Татищевъ.

14 августа 1741 г.

—

2. Государь мой Василій Михайловичъ!

Хотя я въ коллегію о медленности ѣзды моей нѣчто кратко представилъ однакожъ опасаясь что(бъ) оное сумнительнымъ кому не явилось и не приялось бы моей оплошности принужденъ вамъ какъ моему благодѣтелю обстоятельнѣе о томъ донести, дабы при случаѣ нарѣканія могли меня извинить.

Въ началѣ я желая, чтобъ въ Москвѣ немедлить всѣ мои вещи изъ Санктпетербурга за восмь дней прежде меня отправилъ и въ Москву о нуждн҇ѣйшихъ вещахъ писалъ, чтобъ къ прибытію моему все куплено и сдѣлано было, токмо тотъ обозъ мой наѣздою посла персидскаго и другихъ казенныхъ припасовъ толико удержанъ въ пути былъ, что я принужденъ оной до 1 числа сентября ожидать, и хотя намѣренъ былъ всѣ тягости съ надежнымъ конвоемъ водою изъ Коломны отправить, а самъ ѣхать чрезъ Тонбовъ на почтѣ; но увѣдавъ что отъ воровъ не безопасно, а въ конвой изъ Москвы ни 10 человѣкъ низовыхъ собрать не могли, своихъ же людей у меня мало, то я принужденъ до Нижнего на подводахъ ѣхать и тутъ взявъ конвой припасы отправить, а самъ намѣрялся ѣхать почтою токмо худобы дороги всѣ колеса такъ повредились, что ѣхать на оныхъ никакъ не можно а здѣсь купить ни за какую цѣну не нашли, конвоя же едва 10 человѣкъ съ ружьемъ собрать могли, а порохъ и пули принужденъ свои дать и того ради отправимся обсче водою взявъ легкіе суда; разсудя же что если емскихъ работниковъ по городамъ переменять, то можетъ быть умедленіе и для того хотя съ немалою предъ прогонами передачею нанялъ кормшиковъ и работниковъ изъ данныхъ на прогоны а чего не достанетъ, то до указа моихъ прибавлю токмобъ поспѣшить ездою, а мню что рублей более ста прибавить надобно и тако сей день отъезжая прошу васъ моего государя отъ нареканія при случаѣ извинить, въ чемъ надѣюся и пребываю всегда.

вашъ моего государя
послушный слуга
В. Татищевъ.

Нижней, 12 сент. 1741 г.

—

3. Государь мой Василій Михайловичъ!

Ваше моего государя почтенное письмо отъ 25 сентября я съ приложеніями исправно получилъ, за что покорно благодарствую и заслужить не оставлю, прошу же васъ моего государя яко благодѣтеля пожаловать меня и впредъ не оставить, а паипаче если возможно въ высочайшемъ кабинетѣ и въ коллегіи по моимъ поданнымъ доношеніямъ папамятовать что я рѣшеніе получить могъ а наипаче о жалованьѣ моемъ и командѣ въ чѣмъ опасаюсь немного препятствія о чемъ я ихъ сіятельствамъ кабинетнымъ министрамъ съ просьбою писалъ; прошу же книги при удобномъ случаѣ ко мнѣ прислать и мнѣ повелѣть въ чемъ вамъ услужить могу которое съ ревностію исправить надѣюся и пребываю всегда.

Вашъ моего государя
покорный слуга
В. Татищевъ.

Царицынъ
13 Окт. 1841 г.

P, S. Изъ посланныхъ со мною офицеровъ порутчикъ Гакъ довольно добръ, прапорщикъ Бурковъ не весьма надеженъ, я бы мнилъ выбрать изъ дѣтей дворянскихъ Казанской губерніи. Прошу васъ мой государь не оставить просьбы определеннаго при мнѣ секретаря. Прошу покорно приложенные пакеты разослать.

—

4. Государь мой Василій Михайловичъ!

Ваше государя моего письмо отъ 5 октября исправно получилъ за что услуж(но?) благодарствую и прошу впредь тѣмъ не оставлять. Изъ присланныхъ нынѣ копей вижу сообсчены мне выписки о Трухменцахъ и Салтонъаульскихъ татарахъ, а для чего того ни въ указехъ ни въ инструкціи непоказано и для того въ тѣ дѣла ни чимъ вступаться не могу.

Въ комиссіи моей вижу мне препятство не малое: 1) что полковникъ Бѣклемишевъ опредѣленной мнѣ въ товарищи или учители доднесь не бывалъ, а безъ него я ничего дѣлать не смѣю и опасно если онъ (какъ слышно за болѣзнію) вскорѣ не будетъ то не знаю что дѣлать, а на данную полную мочь я не весьма надеженъ, какъ и въ прежней комиссіи меня поучило; 2) если ханша и ея владѣльцы добровольно отъ противности не отстанутъ, то бы чаялъ силою находящихся здѣсь вблизости войскъ многіе улусы у нея отнять и обезсилѣвъ привести къ покорности токмо того мнѣ учинить нельзя ибо въ моей команде на оное недостанетъ а сфорпостовъ и по указу мнѣ опредѣленныхъ не даютъ; о семъ я прежде мыслилъ и въ кабинетъ представлялъ.

Что я прибывъ сюда неколико дней въ коллегію не писалъ оное оттого что вѣстей было много но не основательные и дождався подлиннѣе писалъ и съ великою горестію вижу, что ханша здѣсь подлѣ самого города Калмыкъ не хотящихъ съ ней итти силою забираетъ и грабитъ изъ которыхъ ближайшихъ малую часть оборонилъ ибо здѣсь конницы у меня нѣтъ.

Ханша ко мнѣ отповѣди не шлетъ дожидается на совѣтъ Бодонга и Сербетя изъ которыхъ Сербетъ какъ слышу по нѣкоторой ссорѣ къ ней неидетъ, только держитъ его Бодонгъ и къ Волгѣ не пусчаетъ, но сіе есче сумнительно впрочемъ пребываю всегда.

вашъ моего государя
послушный слуга
В. Татищевъ.

Селитренной
25 Октября 1741 г.

P. S. Мнѣ видится что коллегія Беклемишева способнѣйшимъ предъ Кольцовымъ почитаетъ, но я вижу изъ разсуж-

деней и слышу о поступкахъ и склонности калмыцкаго народа, то нахожу что Кольцовъ далеко превосходитъ и мнѣ чаю его совѣты гораздо полезнее быть могутъ.

Взято изъ Калмыцкихъ дѣлъ.

VII.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ ТАТИЩЕВА

съ товарищами о рыбныхъ ловляхъ для калмыкъ, около Астрахани.

1742 года генваря 19 дня. По указу ея императорскаго величества тайный совѣтникъ Татищевъ, полковники, комендантъ Кнутовъ и Беклемишевъ да рыбной конторы управитель маіоръ Смольяниновъ совѣтовавшись съ намѣстникомъ ханства съ Дондукъ-Дошею и съ знатнѣйшими рыбными промышленниками о удовольствіи калмыкъ въ ловлѣ рыбы и пресеченіи ссоръ между ими и русскими въ исполненіе и изъясненіе учиненнаго генваря 5 числа приговора согласно разсудили, опредѣлить слѣдующее:

1) Калмыкамъ въ лѣтнее время мая съ 1-го октября по 1-е число и зимою до вскрытія воды рыбу по прежнимъ обычаямъ ловить по всей Волгѣ такожъ въ протокахъ и озерахъ отъ Саратова и до моря такими снастьми какъ прежде лавливали удами малыми, и сомовыми сѣтьми и неводами которые бъ не болѣе ста саженъ были, а въ морѣ отъ устей волжскихъ подлѣ береговъ до Яика и Терка невозбранно всякими снастьми также тѣмъ, которые при ватагахъ у промышленниковъ въ наймѣ, онымъ ходить всякими снастьми, какъ имъ тѣхъ водъ промышленники допустятъ.

2) Въ октябрѣ и ноябрѣ до покрытія Волги когда главный ходъ рыбѣ бываетъ калмыкамъ въ настоящей Волгѣ

и великихъ протокахъ рыбы никакими снастьми не ловить, а довольствоваться въ малыхъ протокахъ, заливахъ и озерахъ, а отъ вскрытія Волги мая по 1-е число хотя имъ калмыкамъ ловить и по всей Волгѣ, токмо малыми снастьми, какъ ниже показано.

3) При учугахъ казенныхъ и тѣхъ протокахъ, которыми рыба изъ моря къ учугамъ проходитъ и противо оныхъ въ морѣ рыбы неловить и по тѣмъ протокамъ имъ не сидѣть, и лѣсовъ не рубить подъ жестокимъ наказаніемъ, но чтобъ калмыки менше способа къ преступленіямъ имѣли и русскіе бъ немогли напрасно невинныхъ калмыкъ поприхоти бить, опредѣлить намѣстнику по одному надежному зайсангу, которому давать изъ казны муки въ годъ по три четверти да калмыкъ по требованію опредѣленнаго начальника по пятидесяти и до ста кибитокъ на каждый учугъ, которыхъ изъ вольнаго найма употреблять въ работы и довольствоваться имъ вымѣтною при (учугахъ) рыбою, имъ же ѣздити съ русскими по тѣмъ протокамъ для досмотру, чтобъ кто по тѣмъ протокамъ и противъ оныхъ въ морѣ рыбы не ловилъ, и лѣсу не рубилъ, и если кого такого поймаютъ то отсылать надлежащему суду, однакоже тѣхъ пойманныхъ не бить и не грабить, а если противны явятся и поймать себя не будутъ давать и обороняться станутъ ружьемъ, то съ таковыми поступать какъ съ ворами и немедленно о томъ писать въ губернскую концелярію, которая повинна на тѣхъ преступниковъ требовать управы у хана, еслиже ханъ въ отдаленіи, то посылая солдатъ брать къ суду и винныхъ наказывать безъ продолженія.

4) Хотя выше калмыкамъ во всей Волгѣ рыбу ловить лѣтомъ и зимой допущено, однакоже зимою въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ промышленники неводомъ ходятъ и снасти ставятъ, въ то время тутъ не ловить и тѣхъ промышленниковъ не

утѣснять, но и промышленникамъ накрѣпко подтвердить, чтобъ они вымышленно для обиды калмыкъ всѣ мѣста разчищенными тонями не называли и за то дракамъ и убивству подъ тяжкмиъ штрафомъ причины не подавалибъ и для того надлежитъ отъ промышленниковъ взять подлинное извѣстіе, у кого въ которыхъ водахъ сколько неводовъ и тонь, объявя имянно въ которомъ урочищѣ та тоня съ мѣрою разстоянія, тонь же по рѣкѣ болѣе трехъ сотъ саженъ числить не можно.

5) Понеже ея императорское величество видя многаго числа въ калмыцкомъ народѣ сущую бѣдность матерински сожалѣя всемилостивѣйше, не взирая па ущербъ казеннаго дохода, повелѣли ихъ для исправленія такъ свободною въ Волгѣ ловлеюпожаловать, чего напредь сего небывало, однакоже притомъ чтобъ и русскимъ промышленникамъ крайняго разоренія они приключить не могли, имъ калмыкамъ той рыбы на торги для продажи не привозить, а продавать вольно своимъ калмыкамъ, кои купить похотятъ, и хозяевамъ тѣхъ водъ въ чьихъ оную поймаютъ, постороннимъ русскимъ и татарамъ подъ тяжкимъ штрафомъ не покупать, и такихъ въ преступленіи пойманныхъ, а наипаче русскихъ наказывать безъ упущенія, на чтобъ калмыки скорѣе скотомъ завестися и во всемъ совершенно противо прежняго исправиться могли, то по представленію астраханскихъ промышленниковъ росписать намѣстнику на всѣ промыслы по поданной росписи до десяти тысячъ кибитокъ скудныхъ калмыкъ; и на каждую ватагу опредѣлить зайсанга или добраго управителя изъ всѣхъ выработныхъ денегъ оставливая каждому на пропитаніе и одежду неболѣе половины, а достальные отставлять у промышленника или того приставленнаго зайсанга на покупку скота и лошади также и на платежъ надлежащаго владѣльцу, а затѣмъ грабить и

подводъ требовать отъ нихъ также шабинеромъ выманивать не допускать и когда которые скотомъ обзаводятся, тогда оныхъ выводить въ улусы, а на мѣста ихъ присылать иныхъ неимущихъ чрезъ что калмыки въ краткое время могутъ въ доброе состояніе притти а промышленникамъ обидамъ и ссорамъ притчины не будетъ, ибо тѣ зайсанги опредѣленные должны будутъ онаго промышленника отъ обиды защищать и оборонять. Въ томъ же числѣ при Гурьевскомъ учугѣ по требованію рыбной конторы управителя маіора можно скудныхъ калмыкъ до трехъ тысячь удовольствовать и понеже напредь сего тамо цѣлый улусъ назаровской кочевалъ, но иные мнятся цѣлыми улусами, кои скуднѣе туда перевести которые подъ защищеніемъ городка отъ кайсакъ безопасны будутъ и здѣсь кочующимъ улусамъ отъ прихода кайсаковъ оными не малая польза будетъ.

6) Если же русскіе въ дозволенныхъ калмыкамъ мѣстахъ рыбу ловить запрещать будутъ и оттого между ими учнутся ссоры и драки и кѣмъ это усмотрѣно или произойдетъ оттого челобитье, таковыхъ публично предъ калмыками наказывать нещадно.

7) Если у Калмыкъ найдутся снасти для лову красной рыбы, то есть белугъ и осетровъ сѣти и неводъ болѣе указной мѣры, становые изловя и со снастьми приводятъ къ опредѣленному зайсангу, потомъ смотря по винѣ наказывать, а если онъ управы не учинитъ то просить въ губернской канцеляріи, а оная по подлинному свидѣтельству отобравъ тѣ снасти отдать промышленнику чьи тѣ воды, а Калмыкъ отсылать для наказанія къ намѣстнику. Причемъ бы и тотъ промышленникъ былъ, кѣмъ оные Калмыки со снастьми пойманы, а самимъ тѣмъ промышленникамъ или ихъ работникамъ отнюдь съ Калмыки въ томъ своевольно подъ

жестокимъ наказаніемъ не управляться, но просить суда какъ выше показано.

8) Гдѣ калмыцкому хану для зимовья городъ построенъ будетъ въ томъ мѣстѣ по прежнимъ примѣрамъ какъ давалось къ построеннымъ по Волгѣ городамъ отвести по обѣ стороны Волги въ протокахъ и озерахъ на дватцать верстъ свободно, а имянно вверхъ и внизъ по десяти верстъ въ которыхъ ловятъ и со всякими снастьми, и оныхъ водъ въ откупъ не отдавать, а если отданы кому на урочные годы, то по препорціи разстоянія изъ оброка выключить; а что намѣстникъ по первому разсужденію просилъ болѣе водъ къ тому городу, то тогда онъ разсуждалъ, что въ протчихъ мѣстахъ Калмыкамъ удовольствоваться не можно, оные едва не всѣ безскотные разведутся по промысламъ и достальнымъ остается къ ловлѣ мѣстъ довольно: того ради сверхъ прежнего опредѣленія прибавлено для того что въ прежнихъ дачахъ версты считались по тысячи саженъ и онъ прибавки просить болѣе причины не имѣетъ.

9) Что купцы просили дабы нѣкоторые воды или со всѣхъ оброка снять половину оное также оставить, а владѣть всякому своими водами и съ прежнихъ оброковъ, понеже имъ утѣсненія никакого быть не можетъ, но еще разводъ на ватагѣ Калмыкъ великая польза и отъ грабительствъ какъ прежде часто случалося нынѣ будутъ они безопасны.

10) Для лучшаго впредь знанія и разобранія споровъ надлежитъ всѣмъ здѣшнимъ протокамъ и озерамъ сдѣлать обстоятельную ландкарту, въ которой назначить ватаги и воды какъ которые на откупъ отдаются, а впредь когда вода збудетъ и протоки отдѣлятся, то надлежитъ оные паки назначить, для котораго повелѣнобъ было опредѣлить особаго геодезиста, и сіе предается въ лучшее разсмотрѣніе государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

11) По доношенію рыбной конторы управителя маіора Смольянинова Калмыкамъ при Гурьевскѣ городкѣ вверхъ по Яику отъ учужной забойки, разсуждается весма нужно оставить для ловли рыбы вверхъ по Яику верстъ на десять. Однакоже имъ Калмыкамъ въ тѣхъ мѣстахъ забоекъ не дѣлать, чтобъ въ приходѣ рыбы къ Яицкому городку препятствія не учинять. Что принадлежитъ до продажи имъ Калмыкамъ рыбы, то выше въ семъ мнѣніи довольно изъяснено.

Взято изъ Калмыцкихъ дѣлъ.

VIII.

ДОКЛАДЪ ТАТИЩЕВА.

Всемилостивѣйшей, державнѣйшей государынѣ императрицѣ и самодержицы Всероссійской

всеподданнѣйшій докладъ.

Напредъ сего при Астрахани было юртовыхъ Татаръ болѣе 10000, да конныхъ казаковъ или стрѣльцовъ два полка, которые всякіе службы и подводы могли отправлять безъ тягости, но потомъ казаки за бывшей бунтъ переведены, а вмѣсто ихъ гварнизонный драгунскій полкъ сдѣланъ, которой непрестанно въ дальнихъ отпускахъ или форпостахъ бываетъ; Татаражъ во время того бунта многіе побиты, потомъ въ моровое повѣтріе вымерли, а другіе ушли на Кубань, и осталось ихъ съ 3000 юртовъ, на которыхъ вся прежняя тягость подводъ и посылокъ положены были, а рыбныя ловли у нихъ указомъ отняты для котораго они принуждены были съ неслыханнымъ ростомъ по 30 и до 40 на 100 у Армянъ, и Индѣйцевъ, и Русскихъ деньги занимать, или старинныя ихъ земли, отъ которыхъ пропита-

ніе имѣли, за безцѣнокъ противо указомъ продавать; а потомъ какъ себя усмотрѣли къ заплатѣ тѣхъ долговъ не въ состояніи, или которые бѣжали на Кубань, другіе въ вѣчное рабство тѣхъ заимодавцовъ отдалися, и такъ ихъ уменьшилось, что нынѣ уже менѣе 1000 находится, которые не имѣя отъ земель и рыбныхъ ловель, какъ прежде имѣли, пропитанія, а отъ подводной гоньбы великіе убытки терпя, дерзнули немногіе весьма государству вредительные промыслы, а особливо, что между собою и у Калмыкъ купя или украдши робятъ для продажи на Кубань и въ Кабарду увозить. Я же по указу Вашего Императорскаго Величества прибывъ сюда въ калмыцкую комиссію и слыша, что такою продажею калмыцкихъ робятъ за границы многіе улусы весма обезлюдили и видя тогда Татарами закупленныхъ на Кубань, и съ которыми нѣколико сотъ удержавъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ доносилъ, и получа о томъ указы на крѣпко запретилъ, многихъ беззаплаты отобравъ въ улусы калмыцкіе возвратилъ, такожъ земли проданные, о которыхъ Татары просили, возвратилъ и отдавать по Уложенью и указамъ запретилъ: однакожъ многія земли, о которыхъ челобитчиковъ нѣтъ до точного на то Вашего Императорскаго Величества указа оставлены и хотя нынѣ за прилѣжнымъ смотрѣніемъ, какъ земель такъ людей продажа совершенно удержана; но впредь не безъ опасности, чтобъ такой вредной безпорядокъ паки не пришелъ въ употребленіе.

Оные Татары и къ нимъ въ помочь каждогодно берется для почтовой гоньбы по двѣсти Волжскихъ казаковъ, которые должны возить отъ Астрахани до Царицына 412, до Кизляра 500 верстъ за прогоны по плакату и ежели случатца тяжелые возы а наипаче въ осень и весною, то принуждены вдвое лошадей давать, но и съ тѣмъ многократно пѣши возвращаются; къ Царицину жь лѣтомъ разставлива-

ются по островамъ и возятъ въ лодкахъ, гребцовъ болѣе по четыре человѣка, и прогоновъ дается имъ за всю дорогу деньга на версту; зимой же дѣлаютъ землянки; а кормъ себѣ и конямъ возятъ изъ Астрахани, къ тому жь за пустотою такъ дальнихъ разстояній отъ степныхъ народовъ часто случаются грабленіе и убивства; для котораго уже чрезъ нѣколико лѣтъ съ великимъ трудомъ и убыткомъ принуждены по Волгѣ форпосты содержать; а почты лѣтомъ въ лодкахъ отправлять гдѣ за погодами иногда надмѣрно умедливаютъ, а часто и подмачиваютъ; наипачеже когда по указомъ случится въ зимнее время войскамъ проходить или немалое число нуждныхъ припасовъ отправить, то за неимѣніемъ кормовъ и ночлеговъ претерпѣваютъ великую нужду и казнѣ Вашего Императорскаго Величества излишнее истощеніе, а Татара оные въ конечное оскудѣніе пришли и непрестанно просятъ объ ихъ облегченіи и ежели В. И. В. всемилостивѣйше соизволите къ симъ Татарамъ высочайшую вашу милость изъявить: имъ хотя вполы предъ купечествомъ за наемъ нынѣшнихъ подъ Персидскіе подводы изъ казны заплатить, чтобъ они ихъ долговъ хотя малую часть оплатить возмогли, земли хотя съ 1700 г. проданные имъ возвратить и нѣкоторую часть рыбныхъ ловель изъ ихъ прежнихъ имъ пожаловать, прогоны по копѣйкѣ на версту повелѣть и населеніемъ городковъ по Волгѣ имъ въ подводахъ уменшеніе учинить, чрезъ что уповаемъ не токмо сіи отъ побѣгу на Кубань удержатся, но изъ Кубани въ немалую Россіи пользу возвратятся.

О постройкѣ же городковъ я довольно разсмотрѣлъ, что по Волгѣ въ сей губерніи къ поселенію мѣстъ удобныхъ довольно и людей, чѣмъ населить, неоскудѣетъ, которое я по вступленіи въ губернское правленіе впервыхъ разсмотря доносилъ въ Правительствующій Сенатъ, которое велѣно

разсмотрѣть въ Васильевскѣ, токмо доднесь рѣшенія не учинено, а ежели Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше оные по приложенной при росписи повелите построить и населить; то надѣюся, что впредь такихъ жалобъ отъ здѣшнихъ жителей и предлежащихъ опасностей и трудностей впроѣздахъ не будетъ, ибо подводы вверхъ по Волгѣ будутъ съ близкими перемѣнами верстъ по 20 или 30 и къ Кизляру по довольству людей въ рѣдкую очередь, не такъ будутъ тяжки, войскъ регулярныхъ на форпосты употреблять не будетъ нуждно и проѣзжающимъ какъ покой, такъ безопасность явится, доходы таможенные кабацкіе, рыбные и прочіе умножатца, а паче что набѣгамъ Кубанцовъ и Кайсаковъ, якоже и воровству по Волгѣ, будетъ достаточное пресеченіе. Въ счисленіи же моемъ хотя недостаетъ казаковъ 82 человѣкъ, денегъ въ годъ 7692 рубля; но въ оное число людей изъ Донскихъ казаковъ и Калмыкъ, желающихъ креститься, охотою набрать не трудно; деньги же оные со излишкомъ въ тѣхъ городахъ соберутся и положенной на строеніе росходъ можетъ въ малые годы возвратиться, какъ я примѣръ имѣю отъ построенной Енотаевской крѣпости, которая совсѣмъ кромѣ ханскаго дома и принадлежащихъ ему мню болѣе 4000 не станетъ, а заводы нынѣ на первый годъ дали болѣе 700 рублей, впредь же надѣются во ономъ не меньше 3000 рублей въ годъ доходу будетъ и впустѣ лежащіе воды будутъ приносить доходы.

Въ семъ росписаніи всеподданнѣйше представилъ я чтобъ Волскихъ казаковъ 1000 человѣкъ розвести по городамъ и войску особому не быть для того что оные жалованье получають не малое, а во употребленіе военное едва-есть ли десятая часть способныхъ; понеже набраны изъ крестьянства, которые ни ружьемъ, ни лошадью владѣть не умѣютъ, да многіе того и не умѣютъ, какъ мнѣ нынѣ довольно ихъ

видѣть случилось, понеже ихъ атаманъ и старшины жалованьемъ болѣе сами богатятца, а о наставленіи и содержаніи въ добромъ порядкѣ казаковъ ни мало не прилежать; и тако полагаемое на нихъ немалое жалованье едва не втунѣ погибаетъ; сверхъ того старшины ихъ имѣютъ всѣ кабаки и таможенныхъ денегъ и пошлинъ не платятъ, рыбные ловли по Волгѣ великіе безъ указу владѣютъ, и тѣмъ казенпымъ доходомъ не многіе богатятся, а въ городѣхъ близь ихъ лежащихъ оттого происходитъ недоборъ противо же тому городовые казаки подъ смотрѣніемъ комендантовъ гораздо исправнѣе и къ войнѣ способнѣе.

И если В. И. В. сіе мое всеподданнѣйшее представленіе всемилостивѣйше апробовать изволите, то прошу въ началѣ слѣдующее повелѣть опредѣлить:

1) Для сочиненія обстоятельныхъ ландкартъ и начертанія тѣхъ крѣпостей прислать двутъ геодезистовъ да двухъ или трехъ инженерныхъ офицеровъ.

2) На заготовленіе лѣсныхъ припасовъ и другихъ нужднѣйшихъ надобностей, денегъ на каждый городъ по 2000 рублевъ, а къ тому на достройку въ другомъ году по 1000 рублевъ.

3) Припасы желѣзные, яко инструменты всякіе и артиллерію въ каждый городъ, по малой мѣрѣ: 12 пушекъ и 1 мартиръ пудовой, да 4 малыхъ съ надлежащею аммуницыею отпустить съ заводовъ сибирскихъ.

4) За Кизлярскія и къ Царицыну отправляемыя подводы для надмѣрной дальности пожаловать прогонами по копѣйкѣ на версту, чтобъ и новопоселенные по примѣру поселенныхъ на преспективѣ ямщиковъ могли безъ тягости сносить.

5) Нынѣ городовымъ казакамъ жалованье положено не равное, безъ довольнаго о томъ разсужденія, что имѣющіе большое довольство и меньше трудности болѣе другихъ отягощенныхъ предъ ними получаютъ; ктому же хотя которымъ

довольное, но какъ извѣстно, что они каждогодно принуждены для онаго посылать изъ каждаго города съ просьбою въ Штатсъ-контору и оное асигнуется иногда имъ въ другихъ отдаленныхъ городахъ, чрезъ которое они претерпѣваютъ великіе убытки; такъ что иногда болѣе трети окладовъ на тѣ посылки исходитъ, а затѣмъ имъ къ достаточному содержанію потребнаго къ службѣ недостаетъ, и для этого не повелѣно-ль будетъ ту сумму въ годовой губернской окладъ положа, по генеральнымъ асигнаціямъ каждогодно такъ какъ и регулярнымъ, производить отъ губерніи; оклады же я представилъ по положеніямъ мѣстъ уравненные.

6) У старыхъ городовыхъ казаковъ, хотя у многихъ ружье довольно исправное, а у нѣкоторыхъ наипаче у Волжскихъ худое или весьма нѣтъ, также и для вновь приписанныхъ не соизволитель повелѣть на заводахъ сдѣлать хорошихъ пищалей хотя свыше двухъ рублевъ 1500 и оные неимѣющимъ роздавъ деньги у нихъ вычесть въ два или три года.

7) Саратовъ, Дмитріевскъ и Царицынъ до построенія царицынской линіи были для опасности отъ набѣговъ токмо крѣпости безъ уѣздовъ, но по устроеніи той линіи за безопасностію многіе усмотря отъ казанской губерніи, а другіе и собою или по малымъ дачамъ порожжіе земли побравъ великіе села и деревни населя въ перепись въ Симбирскомъ и Пензенскомъ весьма отдаленныхъ уѣздахъ написали такъ что нѣкоторые отъ ихъ городовъ верстъ болѣе 500, а отъ Саратова верстахъ въ 40 и ближе находятся, что въ росправахъ тѣмъ обывателемъ великая трудность, а ворамъ и разбойникомъ безстрашіе, но и за тѣмъ еще земли многіе къ населенію удобные остаются праздны и для того не соизволитель В. И. В. къ тѣмъ выше линіи, какъ прежде имъ, Саратову и Дмитріевску, такъ и ново-строить опредѣленнымъ, приписать уѣзды и отмежевать въ началѣ тѣмъ го-

родамъ и казакамъ указные дачи, а затѣмъ остальные земли, чтобъ напрасно захватывать и корыстоваться кто не могъ по прожекту, какъ въ прошломъ 1720 г. по высочайшей воли вѣчно достойные памяти Е. И. Величества Петра Великаго сочинены были, размежевать и лежащее впустѣ якоже и неправильно захваченные запродать чрезъ что оные пустоты въ немалую пользу вскорѣ населятся въ казну не малой доходъ не токмо безъ тягости, но со облегченіемъ народа собираться и воровствамъ не малое пресеченіе учинится.

8) Въ казаки оныхъ городковъ представилъ я чтобъ принимать изъ калмыковъ, которые пожелаютъ и оныхъ крестить и хотя о семъ бывшей ханъ Дондукъ-Омба просилъ и ему обѣщано, чтобъ крещенныхъ близь улусовъ не державъ высылать въ Ставрополь, о чемъ и Дондукъ-Даши нынѣ, будучи въ Москвѣ, просилъ; но сіе выше линіи остается отъ нихъ безспорно, а ниже линіи надѣюся, что они сами спорить и жаловаться не будутъ; ибо они каждую зиму для безопасности отъ кайсакъ по Волгѣ ставятъ свои войска тысячи по три, токмо имъ отъ сихъ войскъ весьма слабая безопасность, какъ и сами жалуются, что не могутъ долго удержать; но когда сіе городки казаками населены будутъ, то и калмыкамъ не потребно будетъ, или по близости къ городамъ весьма освободили ихъ форпосты содержать; они же при казакахъ и въ сраженіи съ непріятелемъ гораздо надежнѣе и смѣлѣе поступаютъ, какъ они сами не стыдясь одного городоваго казака за трехъ калмыкъ почитаютъ.

9) Въ Самарѣ казаковъ и дворянъ нынѣ 300 человѣкъ почитай туне жалованье великое получаютъ, которое отъ меня въ росписаніи въ военную коллегію представлены были, чтобъ изъ нихъ 200 перевести въ новые и оставить для разъѣздовъ 100 или 50; а къ тому 50 набрать изъ

крещенныхъ нынѣ калмыкъ; а понеже нынѣ тайный совѣтникъ Неплюевъ писалъ ко мнѣ, что онъ тѣхъ Самарскихъ намѣренъ перевесть въ Оренбургъ, а по мнѣнію моему лучше оныхъ Самарскихъ перевести суда, а въ Оренбургъ отселя крещенныхъ калмыкъ, хотя и долѣе того числа набрать не трудно; и тако какъ тамо, такъ и здѣсь калмыки съ русскими помѣшаны будутъ, скорее могутъ языка и поступковъ обучиться.

10) Я же видя здѣсь не токмо въ переводчикахъ, но и въ толмачахъ, какъ татарскихъ, такъ и калмыцкихъ великой недостатокъ; и для того всеподданнѣйше представилъ, чтобъ междо казаками для поохочиванія быть толмаческимъ окладамъ съ прибавкою предъ рядовыми.

Астрахань
въ 31 день ноября
1743 года.

Нынѣ по Волгѣ казаковъ:

Въ Казанской губ.: Самара 314 человѣкъ; имъ денегъ и за хлѣбъ 4396 р., здѣсь положены для того, что изъ нихъ были при калмыцкой коммисіи по 100 человѣкъ.

Въ Астраханской губерніи:

Саратовъ—202, имъ окладъ и хлѣбомъ	2424 р.
Дмитріевскъ—51	612 р.
Волжскихъ 4 станицы,—1057 . .	10,075 р.
Къ тому имѣютъ на 60 верстъ по Волгѣ рыбныхъ ловель, а съ кабаками и таможнями болѣе	15,000 р.
Царицынъ—101	1430 р.
Черной Яръ—101	1212 р.
Енотаевскъ на 202 прибавочныхъ. .	1212 р.
Красной Яръ—51	700 р.
Астрахань—300	3471 р.
Итого 2779 чел.	25,532 руб.

А ежели Волжскихъ городковъ рыбные ловли, кабаки таможни и конской сборъ приложить, то имѣетъ быть болѣе 30,000 рублевъ.

Впредь по моему всеподданнѣйшему мнѣнію:

Надлежитъ быть выше линіи казаковъ и со старшиною городовыхъ, которые вновь строить назначены цифрами.

Въ Самарѣ	100	Сіи, какъ стали въ безопасныхъ мѣстахъ могутъ отъ пашенъ или покосовъ, а по озерамъ и отъ рыбы нѣколико довольствоваться; и длятого отвести имъ земель и озеръ въ близости, да жалованья въ годъ и съ хлѣбомъ довольно по 8 рублевъ; а царицынскимъ по 10 руб.; во оныхъ же на старшинъ прибавить сотнику 8, есаулу 5, хорунжему 3, писарю 2, толмачу 2 р.
Кашкаръ, ниже Самары 120 вер	100	
1) Усть-рѣки Иргиза выше Саратова 8 вер.	100	
Саратовъ	100	
2) Золотая Рень отъ Саратова и Дмитріевска на 90 верстъ. .	100	
Дмитріевскъ	100	
4 станицы Волжскихъ.	400	
Царицынъ	200	

Всего 1200 челов.; денегъ въ годъ 9360 рублей.

Ниже линіи:

3) Каменной Яръ, между Царицыномъ и Чернымъ Яромъ, на 75 вер.	200	Сіи, яко безпашенные, часто въ подводы и посылки будутъ употребляться, требуютъ большаго жалованья; и мню, что имъ неменѣе 13 руб. въ годъ надобно, и къ тому луговъ и озеръ для ловли рыбы отвести сверхъ того въ прибавокъ: полковникъ 1 — 60 р., подполков. 1—40 р., есауловъ полковыхъ 2—30 р., писаря 2 — 24 р., сотниковъ 9 — 90 руб., пятидесятниковъ и есауловъ 18 — 90 р., хорунжихъ толмачей 36—90 руб.
Черной Яръ. . . .	200	
4) Калмыковской, между Чернымъ Яромъ и Енотаевскимъ, на 60 вер.	200	
Енотаевская . . .	200	
5) Противъ Песчанаго отъ Енотаевской 60 вер.; отъ Астрахани 80 . . .	200	
Красной Яръ . . .	200	
Астрахань	600	

Итого 1800 челов., жалованья 23,864 руб.

IX.

МНѢНІЕ ТАТИЩЕВА.

Тайнаго Совѣтника и Астраханскаго губернатора Татищева

Мнѣніе.

О Татарахъ ясашныхъ Астраханскихъ, ихъ состояніи прежнемъ и настоящемъ, хотя повинно быть по канцелярскимъ порядочнымъ о нихъ извѣстіямъ показано, но понеже въ разныя времена отъ бунтовъ и повѣтрей едва не всѣ старыя дѣла погибли или въ архивахъ не разобраны и не описаны; для того въ недостаткѣ оныхъ отъ историй и словесныхъ преданей представляется:

1) По взятіи Астрахани царь Іоаннъ Васильевичь повелѣлъ оставшихся и ушедшихъ отъ хана мурзъ и черныхъ Татаръ писать при Астрахани въ службу и ясакъ и сіи названы *юртовые* или *домовные*, а оставшіе въ степяхъ подъ вѣдѣніемъ покорившихся князей именованы *кочевные*. Но понеже кочевные по приходѣ Калмыкъ къ Волгѣ большею частію измѣнили или по принужденію съ Калмыками соединились и подъ властію ихъ тайшей и хана были, потомъ большая часть въ Крымъ и на Кубань, а нѣсколько къ Кайсакамъ и Башкирамъ отошли, которыхъ нынѣ нѣтъ и для того о нихъ разсуждать оставляю.

2) Въ юртовскихъ было мурзъ болѣе ста человѣкъ. Они тогда пожалованы всѣми учугами и землями, какъ они прежде имѣли, и сверхъ того по заслугамъ опредѣлено жалованье. Но о ихъ земляхъ, сколько у кого тогда было подданныхъ, ничего нигдѣ по гисторіямъ и дѣламъ не видно, токмо нѣкоторые изъ нихъ, яко: Шейдяковы, Урусовы, Бахтѣяровы и другіе со многими ихъ служители крещеніе приняли; такожъ въ приходѣ Турокъ и хана Крымскаго къ

Астрахани написано, что служилыхъ мурзъ и татаръ было въ полку князя Серебреного съ 10000, а потомъ уже ихъ нигдѣ великаго числа не упоминается, токмо они имѣютъ подданныхъ имянуемыхъ ямеки; но табунные головы утверждаютъ, что оные ямеки ушлецы изъ ясашныхъ и просятъ чтобъ ихъ приверстать по прежнему къ ясашнымъ, на которомъ утвердится не можно. А земли: первое въ писцовой книгѣ 7159 года за ними написаны болѣе по ихъ сказкамъ, и послѣ того ушедшихъ на Кубань они по сродству завладѣли, о которыхъ въ канцеляріи никакого вида нѣтъ, и сверхъ того воеводами имъ даваны казенные и выморочные, на которые они данныя имѣютъ, а нѣкоторые и своевольно казенные завладѣли. Для того надлежитъ отъ мурзъ и табунныхъ головъ о ямскихъ обстоятельное и доказательное извѣстіе взять: старинныель они тѣхъ мурзъ подданные или изъ ясашныхъ и кочевныхъ принятые, и если которые изъ кочевныхъ, то по шертовальнымъ калмыцкихъ хановъ грамотамъ подлежатъ къ ясаку; а о ясашныхъ къ возвращенію въ ясакъ сумнѣнія нѣтъ, земли же ихъ старинные и данные, что есть, нынѣ оставить за ними, токмо неизмѣренные измѣрить, въ чертежахъ назначить.

3) Ясашные или черные, которые при ханахъ подати платили и работы ханскіе исправляли, а по взятіи Астрахани тотъ же платежъ, или ясакъ положенъ, какъ въ гисторіи Макаріевой точно и потомъ въ Наказѣхъ губернаторамъ или воеводамъ писано, и какъ ихъ число было не малое, а именно: при царѣ Борисѣ показано ясакъ бранъ съ 25000 луковъ, послѣднее въ 1715, въ приходъ Крымцовъ, былъ съ 12000, потомъ осталось съ 2000, а нынѣ едва съ 1000 набрать можно, и тѣ весма въ худомъ состояніи, протчіе на Кубань и въ Крымъ отъ разныхъ причинъ разбѣжались; для котораго мнится ясакъ съ нихъ сложенъ, а положено

только подводы до Царицына и Кизляра гонять, однакожь они въ прежднюю генералную подушную перепись также для знанія ихъ числа были описываны.

4) Сіи ясашные издревле раздѣлены въ табуны или деревни и было ихъ прежде весма не мало. Въ каждомъ табуну опредѣлялся табунной голова или староста, которые имѣютъ власть ихъ судить, распоряжать и въ услугу яко подводы и протчее наряжать, за которое имъ издревле по заслугамъ давано жалованье весма малое, а по случаю прибавливано; но какъ оные большая часть въ Крымъ и на Кубань отошли, то многіе табунные головы остались безъ табуновъ, или имѣютъ по два и по три человѣка, а жалованье напрасно получаютъ противъ прежняго. и хотя тѣмъ которые отъ побѣгу, яко бы по вѣрности остались, жалованье давать не жаль, но многіе изъ тѣхъ померли, а на ихъ мѣста безъ всякаго разсмотрѣнія ихъ родственники или посторонніе жалованы; нѣкоторые табунные головы, присовокупя къ себѣ подъ вѣдѣніе выморочные табуны, которые имъ и съ жалованьемъ умершаго отданы и тако одни безъ табуновъ, другіе двойное жалованье весма не право получаютъ.

5) Симъ ясашнымъ, по взятьѣ Астрахани, пожалованы всѣ тѣ земли, которыми они до взятья владѣли, токмо онымъ какъ и мурзинскимъ, описи не было, а учинена опись первая въ 7159, потомъ въ 1722 годѣхъ; но всѣ оные земли писаны за табунами по сказкамъ ихъ, нѣкоторые по даннымъ прежднимъ головамъ, и то писано токмо въ близости около Астрахани, а прочіе, а паче ниже Астрахани неписаны и доднесь, чьи они бывали и кто когда завладѣлъ, не извѣстно; и какъ оные головы усмотрѣли, что послѣ ушедшихъ многое число земель осталось, всякъ себѣ бралъ, гдѣ кто хотѣлъ, а свои данныя имъ съ табунами земли противно

Уложенья Русскимъ, Армяномъ, Бухаромъ и другимъ распродали, закладомъ утвердили, или внаймы на многіе годы отдали, а вмѣсто того просили стрѣлецкихъ и другихъ казенныхъ земель, которые имъ отъ прежнихъ воеводъ и губернаторовъ безъ всякой справки, сколько за ними преждних земель было, а нынѣ на лицо людей и земель есть, оными великими землями жаловали и такъ доведено было, что для драгунъ и другихъ казенныхъ потребностей сѣнныхъ покосовъ недоставало. Но сіе не весьма тяжко, паче же отъ того великой вредъ приключился и впредь приключаться будетъ: что табунные головы тѣ земли продаютъ и внаймы отдаютъ безъ вѣдома табунныхъ людей и корыстуются сами, табунные же люди несутъ великія отъ подводъ тягости, а отъ земель никакой пользы неимѣютъ, отъ чего одолжавъ большее число за границы бѣжало и нынѣ бѣгутъ; и если сіе пресѣчено не будетъ, то можно вѣрить, что къ великому россійскому вреду и достальные разбѣгутся. Сіе хотя требовало большаго изъсяненія, по моя слабость къ тому не допущаетъ, однакожь въ учиненной о тѣхъ мурзахъ и табунныхъ головахъ выпискѣ многое дѣйствительно показано; къ тому для яснѣйшаго знанія надлежитъ справиться, сколько послѣ генеральной переписи, особливо съ 1715 году, оныхъ разбѣжалось, и если того при подушной ревизіи и по канцеляріи не отыщется, то можно отъ мурзъ и табунныхъ головъ и сотниковъ взять вѣдомости, чрезъ что подлинно явится: съ 1715 года болѣе ушло, нежели осталось; а побѣгъ оной ни отъ чего иного, какъ отъ великаго ихъ одолжанія, одолженіе же ихъ отъ найма подводъ и пребезмѣрнаго великаго роста, о чемъ по дѣламъ довольно показалось.

6. Судъ издревле междо ими въ ссорахъ оставленъ былъ ханомъ, потомъ князи и мурзы судили, напослѣдокъ учи-

нена Татарская контора, опредѣленъ особой судія и велѣно оному ихъ суды разбирать словесно, обще съ мурзами и табунными головами по ихъ законамъ; по прибытіи же моемъ усмотря я, что опредѣленной къ тому мурза Урусовъ весма слабъ и пьянъ, а паче одолжалъ, а другіе рѣдко ходили, да и въ тѣхъ многіе языка русскаго мало, а законовъ какъ татарскаго, такъ русскаго, ничего не знаютъ, отъ которыхъ только затрудненія, а челобитчикамъ волокиты и убытки приключались, того ради я ко оному Урусову прибавилъ табуннаго голову Мурзая Балатаева, увѣрясь довольно, что онъ человѣкъ доброй и смышленой; токмо тѣмъ жалобъ и затрудненій не избѣжалъ, а наипаче оной мурза Урусовъ многимъ людемъ сталъ долженъ, но на него, какъ на судью, просить въ Татарской конторѣ и судьи рѣшить не могутъ, а въ канцеляріи губернаторской о малыхъ дѣлахъ просить не хотятъ.

Того ради я о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ мое мнѣніе по общему разсужденію представляю:

а) У мурзъ, ежели называемые ими ямѣки сыщутся, что вышли изъ табуновъ ясашныхъ или пришли изъ кочевныхъ, оныхъ всѣхъ ясашными приверстать;

б) Ясашныхъ Татаръ, какъ нынѣ не болѣе тысечи котловъ, то довольно мню раздѣлить на пять или четыре табуна чтобъ въ каждомъ не меньше было дву сотъ котловъ, для управленія же въ каждомъ табунѣ быть одному головѣ или старшинѣ, дву сотникамъ, четыремъ пятидесятникомъ, двѣнадцати десятникамъ, и оныхъ всѣхъ выбрать миромъ достойныхъ и тѣхъ старшинъ, сотниковъ и пятидесятниковъ безъ указа не перемѣнять, для того имъ давать отъ Губерніи указы, а если кто впадетъ въ такую противность, то Губерніи разсмотря отрѣшать, а на мѣсто старшины произвести удостоеннаго изъ сотниковъ, въ сотники изъ пятидесятниковъ, чтобъ происходили по степенямъ достойнѣйшіе;

c) Жалованье, что нынѣ есть въ окладѣ, разверстать тѣмъ старшинамъ, сотникамъ и пятидесятникамъ такою пропорціею: старшинѣ десять, сотнику пять, пятидесятнику два съ половиною (рубл.), чрезъ что они къ доброму состоянію и своему произвожденію лучше прилежать и свои табуны отъ безпорядковъ удерживать, а отъ обидъ охранять будутъ, а сверхъ того имъ предписать, если изъ коего табуна десять человѣкъ уйдутъ, то того пятидесятника и сотника выкинуть, а буде болѣе двадцати уйдетъ, то тѣхъ того табуна старшину, сотниковъ и пятидесятниковъ отставъ, выбрать иныхъ и о причинѣ изслѣдовать, и если кто въ оплошности смотрѣнія или обидѣ обличенъ будетъ, тѣхъ по достоинству наказывать;

d) Земли кому и когда распродали въ заклады или домолѣтніе наймы отдали, а выкупить чѣмъ не имѣютъ, оные по уложенію и указамъ надлежитъ, всѣ возвратя, взять на ея и. в—ство и отдавать въ оброкъ, но о семъ надлежитъ ясно представить правительствующему сенату и ожидать указа;

e) Нынѣ находящіеся во владѣніи ихъ и пустые земли надлежитъ всѣ предбудущимъ лѣтомъ чрезъ геодезистовъ и офицеровъ инженерныхъ, если чередоваго строенія не будетъ, измѣрявъ описать и на чертежи положить до самаго моря, которое имѣть за основательную писцовую книгу, и какъ оное учинено будетъ, тогда разверстать по табунамъ ровно на каждый котелъ отъ пятидесяти до ста десятинъ и разверстывать такъ, чтобъ выше и около Астрахани ближніе всѣмъ по равну достались, а потомъ нижними такими, которые для пашенъ, паствы и кочевья удобные допалнивать, и хотя сіе число видится великое и имъ довольнымъ быть надобно, но за тѣмъ еще останется число немалое, о употребленіи же въ то инженерныхъ офицеровъ требовать указа;

f) Всѣ сіи земли—въ табунѣ разверстать по десяткамъ, или имѣть обще и довольствоваться самимъ, или внаймы отдавать, — оставить на ихъ волю, но внаймы отдавать года на два или на три табунному старшинѣ обще съ сотники, пятидесятники и десятники и оные денги бравъ повсягодно употреблять въ общей мірской расходъ, а себѣ собственно никому ни копѣйки не брать;

g) Къ суду въ контору выбирать отъ мурзъ дву, отъ табунныхъ головъ дву, грамотѣ имѣющихъ и оныхъ каждой годъ перемѣнять по одному, чтобъ всякой присутствовалъ два годы и могъ порядка суда и законовъ обучиться, а нынѣ къ новому году велѣть имъ междо собою выбрать немедленно, дабы можно было видѣть, достойныхъ ли они къ тому изберутъ,—и сіе все оставляю на общее разсужденіе.

Ноября 11 дня
1745 года.

№№ VIII и IX взяты изъ Татарскихъ дѣлъ 1752 февраля 7 (связка 7 в), хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ.

—

X.

УКАЗЪ

нашему тайному Совѣтнику и астраханскому Губернатору Татищеву.

Хотя по полученнымъ внашей Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ отъ васъ доношеніямъ, и чрезъ нарочно посланного Зайсанга отъ намѣстника ханства калмыцкаго Дондукъ-Даши — листамъ, и что онъ на Волгу прикочевавъ имѣетъ намѣреніе перейдти на луговую оной рѣки сторону, бывшее объ немъ сумнѣніе объ уходѣ на Кубань или въ Персію и

отмѣнилося, однако по легковѣтряному того народа состоянію на тѣхъ оказательствахъ полагаться не можно, ибо безъ сумнѣнія онъ, намѣстникъ, усмотря, что его злое намѣреніе узнано, и убоясь выступленія нашихъ донскихъ войскъ на переходѣ на луговую сторону Волги, и арестованіе брата своего Бодонга поступилъ для того, чтобъ на него одного намѣреніе свое свалить. А легко статься можетъ, что когда войска донскіе отступятъ, и онъ намѣстникъ на зимовое кочеванье къ Кумѣ паки возвратится, то тѣмъ тревога воспричинствуется и онъ дѣйствительно изъ нашего подданства подъ претекстомъ приносимыхъ отъ него на васъ жалобъ отойдетъ. Того ради мы для утвержденія его Дондукъ-Даши во всеподданнѣйшей къ намъ вѣрности и для отнятія наималѣйшаго къ такому злому умыслу претекста всемилостивѣйше заблагоразсудили, какъ то вы и сами представляли, калмыцкіе дѣла и подполковника Спицына скомандою на время до будущаго нашего опредѣленія въ вѣдомство поручить нашему генералу-лейтенанту Еропкину, которой изъ Кизляра въ Калмыцкіе улусы ѣхать, и съ нимъ Дондукъ-Дашею, для лучшаго исполненія вышеупомянутаго нашего соизволенія видѣться имѣетъ. Вслѣдствіе чего вамъ уже въ калмыцкіе дѣла болѣе не вступаться, но токмо елико по губерніи до оныхъ касается, имѣть съ нимъ Еропкинымъ сношеніе, и по требованіямъ его всякое вспоможеніе показывать. Въ отсутствіи же его генерала-лейтенанта изъ Кизляра, опредѣлили мы заграничные дѣла вѣдать тамошнему коменданту Бригадиру князю Оболенскому, и объ оныхъ такожъ какъ о получаемыхъ чрезъ нарочно посылаемыхъ и отъ резидента Братищева и консула Бакунина, извѣстіяхъ во избѣжаніе напрасныхъ переписокъ никуды но токмо въ одну нашу Коллегію Иностранныхъ дѣлъ репортовать, а съ вами объ оныхъ потребное сно-

шеніе имѣть, почему и Вамъ равномѣрно поступать, и объ оныхъ дѣлахъ въ оную Коллегію писать, и резолюціи себѣ изспрашивать, яко оная о томъ, что въ протчихъ мѣстахъ, по извѣстію потребно сообщать имѣетъ.

Оригинальный подписанъ Ея Императорскаго Величества собственною рукою тако: Елисаветъ.

Іюня 19 дня 1745 года.

Съ сего указу сообщена въ Сенатъ при доношеніи въ 24 день іюля: такожь и въ публичную экспедицію, куда для отсылки и оригинальная отдана.

—

XI.

ДОНЕСЕНІЕ ТАТИЩЕВА

въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ о своихъ занятіяхъ русскою исторіей.

Извѣстно Государственной Коллегіи, что древняя Россійская гисторія во многихъ знатныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ темна и неисправна, что не токмо междо разными писатели, но и у одного объ одномъ дѣлѣ по разнымъ мѣстамъ разно писано, наипаче же въ лѣтахъ и званіяхъ народовъ, якоже и владѣтелей не малые погрѣшности, которую я, съ 1727 году начавъ, колико возможно съ Европскими, а паче съ Польскими и Нѣмецкими гисториками согласовалъ и нѣсколько съ латинскаго велѣлъ перевести, какъ то: Кромерова о Польшѣ, Гельмолдіева и Арнольдова о Словянехъ, Пливіева Географія, Кирхеровы примѣчанія о татарской хронологіи, да съ Татарскаго двѣ гисторіи переведены и въ Академію посланы; да Академіи просилъ чтобъ Персицкой гисторіи находящейся тамо манускрыптъ велѣли перевести моими деньгами, а нынѣ еще переводятся Страбонова

географія съ Латинскаго и Абулгаси—хана съ Татарскаго; токмо оныхъ еще не довольно, а мнится мнѣ чтобъ и Калмыцкихъ гисторей ко изъясненію употребить. И для того я не жалѣя денегъ старался Калмыцкіе книги достать, но никакъ добиться не могъ, томко княгиня Тайшина мнѣ объявила, что при крещеніи ихъ многіе гисторическіе книги у нихъ отобраны и находятся Иностранныхъ Дѣлъ въ Коллегіи; да священникъ присланной Чубовской сказываетъ, что у него въ Святѣйшемъ Синодѣ осталась Калмыцкая гисторія, Бодимиръ имянованная, и можетъ быть, что оные лежатъ втуне. Здѣсь же переводчиковъ есть не мало и могутъ невдалѣ оные перевести, на что я и собственнаго имѣнія для пользы ближнего не пожалѣю и для того Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ прошу, если возможно, чтобъ повелѣно было тѣ книги прислать суда для перевода и потомъ оные и переводъ въ Коллегію возвратить. *В. Татищевъ.*

Самара,
29 Новембріа
1738 г.

Взято изъ Калмыцкихъ дѣлъ, хранящихся въ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ; Св. 35, № 40 за 1738 годъ.

—

XII.

ИЗЪЯСНЕНІЕ НА ПОСЛАННЫЯ НАЧАЛА ГИСТОРИЧЕСКІЯ.

Посланное при семъ № 1 *начало русской Географіи*, въ которой показано токмо ея древнее состояніе и нѣчто въ обществѣ изъ настоящего, и главное и нужнѣйшее *разписаніе на губерніи*, провинціи и уѣзды и показанія о каждомъ

природнаго и политическаго состоянія осталось, ибо учинить безъ высочайшаго разсмотрѣнія не удобно, и хотя оное нескоро послѣдовать можетъ однакожъ и сіе уже охотнику къ знанію не малое удовольствіе принести можетъ. Причины же, которые настоящее раздѣленіе представить препятствуютъ хотя многіе и важные, но здѣсь нѣкоторые въ краткости упомяну:

1) Имена губерній и провинцій почитай всѣ положены отъ городовъ, которое наноситъ нѣчто не порядошное, ибо въ началѣ чрезъ оное пріятые въ титулѣ императорскомъ государства, княженія и владѣнія почитай всѣ остались въ закрытіи, чрезъ что большая часть не токмо иноземцевъ, но и русскіе, гдѣ ихъ сыскать не знаютъ. Я не говорю о Awkwardграхъ, Болгарахъ, Обдорахъ, Удорахъ, Кондахъ и пр., но главнѣйшіе и въ титулѣ первѣйшіе, Великая и Бѣлая Россія, гдѣ суть, что въ нихъ заключается, куда по кое мѣсто границы распространились, едва кто достаточно знающей сыщется; но того еще больше, что въ сочиненіи гербовъ малымъ княженіямъ и городамъ гербы положили и полки въ ихъ имяна назвали; сіи же величайшія владѣнія, якобы ихъ въ Россіи уже нѣтъ или не бывало, въ забвеніе оставлены.

Второе, по городамъ званіе подвержено неприличной премѣнѣ; яко тому прикладъ имѣемъ въ разписаніи первомъ 1710 г. положена губернія Азовская, но какъ онъ въ 1712 году Туркамъ уступленъ, правленіе перенесено въ Воронежъ, тогда не звали губернія Воронежская, а Азовская губернія, якобы вся съ Азовымъ изъ Россіи отлучена; равно сему и съ провинціями нѣкоторыми учинилось, для котораго я хотя сочинилъ на черно, но опасаясь чтобъ злодѣи въ продерзость и, по ихъ разсужденію, доброе намѣреніе во зло не превратили, принужденъ удержаться (*)

(*) Послѣднія слова: «но опасаясь» и т. д. въ рукописи зачеркнуты.

42*

2) Вѣчныя славы достойныя памяти Его Императорское величество Петръ Великій изволилъ при расписаніи Генералъ-губерній отъ просто губерній и вице-губерній различить и вице-губерніи для лучшего порядка состояли подъ генералъ-губерніями, но потомъ все равно губерніями имянуются;и суть такіе, гдѣ токмо губернаторы, яко коменданты не имѣя губерней опредѣлены, оные уѣзды или провинціи губерніею имянуютъ, яко Ревель и Естляндія не болѣе какъ провинціи или наиболѣе вице-губернія къ Лифляндіи. Сіе же все нынѣ легко исправить удобно, ибо еще кромѣ иностранныхъ русской географіи не напечатано.

3) Въ раздѣленіи губерней сначала было многіе порядочно опредѣлены, кромѣ трехъ губернаторовъ, которые (по ихъ захватчивости весма) излишнее и непристойное къ ихъ губерніямъ (по прихоти) пріобщили: яко (князь Меншиковъ) къ Санктпетербургу Ярославль и Тверь, (графъ Апраксинъ) къ Азовской Касимовъ, (Гагаринъ) къ Сибири Вятскую и Пермскую, (Волынской) къ Астрахани Синбирскую провинціи, что хотя послѣ перемѣнено, однакожъ еще многое видно, что съ положеніями (и разстояніями) не согласуетъ *).

Давно сему со многими провинціями учинено, особливо что въ губернскихъ городахъ, хотя дѣлъ кромѣ городскихъ довольно находится, но многіе приписали города такіе, гдѣ конечно провинціамъ быть надлежитъ, напримѣръ къ Астрахани—Кизляръ 500—Саратовъ 750, къ Тобольску—Березовъ 860, Томскъ 1286 верстъ, которой и прежде особымъ разрядомъ былъ, яко же и Верхотурье отъ Тобольска 665 верстъ. Таковыхъ много находится, изъ чего не токмо въ дѣлахъ остановка, но во всякой расправѣ за дальностію

*) Слова, поставленныя здѣсь въ скобкахъ, въ рукописи зачеркнуты.

безъ полной власти людемъ волокита, и въ сочиненіи провинціальныхъ ландкартъ отъ пространства не малая трудность; и для того мнится, что надлежитъ въ подобныхъ тому провинціальнымъ воеводамъ быть. Для сихъ обстоятельствъ я хотя представленіе на черно написалъ, но, представлять опасаясь, чтобъ кто по ненависти оное мое доброе намѣреніе въ зло или продерзость истолковать не имѣлъ причины, оставилъ *).

4) Многіе уѣзды такъ смѣшаны, что одного въ срединѣ другаго уѣзда деревни лежатъ, или уѣздъ около другой городъ обошелъ, какъ мнѣ по ландкартамъ видимо; яко Соликамской уѣздъ мимо города Кунгура почитай у слободъ за оной (?) прошелъ, углицкіе села въ срединѣ Ярославского, Симбирскъ отъ Саратова 600 верстъ, а уѣздъ Симбирской отъ Саратова въ 20 верстахъ, изъ чего великіе безпорядки, а наипаче въ пресеченіи воровста и разбоевъ препятствіе наносятъ, ибо напр. Симбирской воевода за дальностію вскорѣ извѣстіе получить и о поимкѣ ихъ прилежно поступить, а Саратовской въ чужей уѣздъ послать не можетъ. Сіе легко, чрезъ геодезистовъ внятно разсмотря, границы назначить, а про ревизіи и подати къ надлежащему городу положить безъ смятенія можно; равно же изъ писцовыхъ книгъ о земляхъ выписавъ въ тѣ узды сообщить и оное безъ всякаго труда и смятенія въ порядокъ привести удобно.

5) Что же о извѣстіяхъ надлежащихъ выше упомянулъ, оные хотя въ Сенатъ давно собраны, но какъ не весма порядочны и достаточны были сочинены, такъ многіе туне лежа погнили и распропали; для того прилагаю представленіе № 2. Ежели за потребно разсуждено будетъ оное напе-

---

*) Послѣднія слова: «Для сихъ обстоятельствъ» и т. д. въ рукописи написаны были сбоку.

чатавъ всюду разослать и о присылкѣ по онымъ извѣстій понуждать и если раченія губернаторовъ и воеводъ не оскудѣетъ, то конечно въ годъ вездѣ сочинить могутъ; однакожъ сіе болѣе на томъ зависить, кто тѣ извѣстіи принимая разсматривать будетъ, чтобъ могъ о недостаткахъ и неясностяхъ вновь спросить и достаточнымъ наставленіемъ снабдить.

6) Для удобнаго вскорѣ пріиска и познанія упоминающихся часто въ разговорахъ и писмахъ, якоже гисторіяхъ и пр. званей сочиняю *Лексиконъ*, котораго близъ половины сочинено; онаго начало малое при семъ № 3 послано, но понеже оной равномѣрно прежде полученія объявленныхъ отъ городовъ извѣстей совершенъ быть не можетъ: однакожъ хотя и такъ напечатать, довольно государю и государству полезнымъ будетъ; когда же болѣе обстоятельствъ получено будетъ, тогда можно вновь напечатать, ибо сіи такіе книги, что хотябы 1500 напечатать, надѣюсь что въ годъ или прежде раскупятъ. — А понеже онаго на бѣло болѣе четырехъ тетрадей переписать не успѣли, того ради посылаю *роспись написаннымъ статьямъ* № 4, которой продолженіе немедленно пришлю; а если и самой лексиконъ явится угоденъ, то можно чрезъ каждые семь дней листовъ по 10 присылать.

№ 5: Порядокъ государей по частямъ гисторіи (*). Я сначала хотѣлъ сочинить гисторической лексиконъ нашего государства, по подобею Мореріа, чтобъ сверхъ положеннаго въ семъ краткомъ всѣхъ россійскихъ государей, якоже знатныхъ людей и фамилій съ родословіями и приключеніями описать, котораго начало показало, что требуется къ тому нѣколико искусныхъ и къ тому охотныхъ людей,

*) Слова эти въ рукописи помѣщены внизу въ видѣ выноски къ № 5.

а одному особливо какъ мнѣ, по моей слабости и отягощенію дѣлами, ни въ десять лѣтъ окончать не можно и для того оставилъ; но прилежу, чтобъ сіе хотя въ годъ окончать и буду тѣмъ весма доволенъ, если въ угодность Ея Императорскаго Величества и въ пользу отечества моего явится, но притомъ и то вѣдаю напередъ, что нѣкоторые будутъ весма тѣмъ недовольны, что я иногда не закрывая истинны нѣкоторыя обстоятельства положилъ, токмо (вспомня Павла св. слова: творяй благая не боится власти, чему и Назіанзенъ согласуя сказуетъ: законъ храня страхи вонъ извержеши) на всѣхъ не угодить, понеже болящему желчію и медъ горекъ, но здравый умомъ сладость обрѣтаетъ (*).

Хранится въ глав. Арх. М. Ин. Д. въ Москвѣ, между бумагами Миллера.

—

XIII.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

О сочиненіи исторіи и географіи россійской.

—

Извѣстно каждому благоразсудному человѣку, колико исторія въ мірѣ пользы приноситъ, ибо чрезъ то можетъ вѣдать, какъ великіе, художественные, благочестивые своими знатными учеными поступками себѣ безсмертную славу и наслѣдникомъ своимъ похвалу, а отечествомъ или всему міру неоцѣненные пользы учинили, которые мы читая, елико каждаго способность къ тому явится, сердцемъ увеселяяся въ дѣйствахъ добрыхъ, видя изъ того похвалу и честь предковъ, желаніе возымѣемъ тому подражать и себя обучая къ

*) Слова, поставленныя здѣсь въ скобкахъ, въ рукописи были зачеркнуты.

тому предуготовляемъ; другія же обстоятельства въ гисторіи показываютъ людей робкихъ, и боязливыхъ, лѣнивыхъ, страстми сластолюбія, сребролюбія, роскошности побѣжденныхъ, протчими злочестіями извѣстныхъ, которые какъ сами погибли, такъ многократно великіе отечествамъ разоренія нанесли и погубили, наслѣдникамъ же своимъ безчестіе и стыдъ оставили: и тако, какъ первые для наученія и похочиванія къ честнымъ и полезнымъ, такъ другіе для устрашенія читающему съ разсужденіемъ полезны, ибо видя, какой злочестивыхъ конецъ послѣдовалъ, весма хранится своихъ дѣтей и подчиненныхъ разсужденіями и приклады отъ такихъ поступковъ удержать, а ко благочестію склонить способъ и возможность возъимѣетъ.

Гисторіи же всякая хотя дѣйства и времена отъ словъ имѣютъ намъ ясны представить; но гдѣ, въ какомъ положеніи или разстояніи, что учинилось, какія природныя препятствія къ способности тѣмъ дѣйствамъ были, такожъ гдѣ которой народъ прежде жилъ и нынѣ живетъ, какъ древніе городы нынѣ имянуются и куда перенесены, оное географія и сочиненныя ландкарты намъ изъясняютъ: и тако гисторія, или дѣесказанія и лѣтописи, безъ землеописанія (географіи) совершеннаго удовольствованія къ знанію намъ подать не могутъ.

Другое обстоятельство въ географіи и ландкартахъ есть весма нужно и полезно, ибо оное, зачавъ отъ наивысшаго въ государствѣ правленія до послѣднихъ военныхъ и земскихъ управителей, вѣдати принадлежитъ, — и къ военнымъ, какъ главному государственному правленію, такъ военной коллегіи, а потомъ генераломъ до послѣдняго офицера, гдѣ кто случится, надобно знать: какія гдѣ крѣпости, какія непріятелю къ приходу гдѣ способности, довольства или неудобности быть могутъ, гдѣ удобнѣе непріятеля удер-

жать или побѣдить, а въ несчастіи какъ себя спасти, надлежитъ обстоятельно знать; въ земскомъ же правленіи нужды по ея императорскаго величества правительствующему сенату, потомъ коллегіямъ, губернаторомъ и протчимъ земскимъ управителемъ, о состояніи подчиненныхъ имъ земель и жителей, о ихъ довольствѣ и скудости обстоятельно знать, и потому правильнымъ разсужденіемъ о пользѣ государственной, о умноженіи доходовъ, о приведеніи земель и торговъ въ лутчее состояніе, а отвращеніи всякого вреда прилѣжать.

Сверхъ сего и то весма нужно, что всякой управитель, взирая на сочиненное описаніе и ландкарту со обстоятельствами видимыми, и ежели въ чемъ гдѣ какое погрѣшеніе и неисправность усмотритъ, оное исправить и со обстоятельнымъ доказательствомъ Академіи Наукъ сообщить можетъ; но сіе нужно, чтобъ тѣ колико возможно въ географіи и сочиненіи ландкартъ научены были, но понеже въ Россіи доднесь ни на какомъ языкѣ яко географіи тако и ландкартъ исправныхъ нѣтъ, а безъ того не токмо въ школахъ устроенныхъ учащихся младенцовъ шляхетныхъ для выше-объявленныхъ полезныхъ и нуждныхъ обстоятельствъ правильно обучать не почему. Для котораго, по указу ея императорскаго величества, Академія наукъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ трудится, чтобъ къ сочиненію оной отъ губерней и городовъ обстоятельныя извѣстія собрать, въ той же силѣ въ Сибири повелѣно прилѣжать дѣйствительному статскому совѣтнику Татисчеву и даны ему геодезисты, а въ дальныя тоя городы посланъ профессоръ академіи Деля-Крое и другіе, которымъ отъ академіи опредѣлены вопросные пункты и въ нѣкоторыя мѣста для опыта разосланы, дабы по тѣмъ каждой начальникъ о подчиненномъ ему правленіи обстоятельно навѣдаться и показать моглъ (sic!), но нынѣ полу-

чили извѣстіе, что по тѣмъ пунктамъ многіе отвѣтствовали не въ той силѣ; знатно что отъ краткости тѣхъ пунктовъ погрѣшаютъ, того ради разсудили: академіи наукъ оные исправить и пространнѣе написавъ представить, дабы управители внятнѣе могли понять и обстоятельнѣе о всемъ навѣдався показать, за которой трудъ академія разсмотря прилѣжности трудящихся милостію ея императорскаго величества наградить не оставитъ.

При семъ и то напоминается, что здѣсь первый раздѣлъ принадлежитъ обще до всѣхъ губерней и народовъ; второй раздѣлъ токмо до Архангелогороцкой, Казанской, Астраханской, Сибирской и частію Нижегороцкой губерней, гдѣ многіе разные идолопоклоническіе народы находятся; а третей токмо для однихъ татаръ магометанскаго закона.

Раздѣлъ 1.

От генераловъ-губернаторовъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, воеводъ и протчихъ управителей требуется извѣстія.

О званіяхъ (*).

1. Како древнія званія тѣхъ мѣстъ напредъ сего было, напримѣръ Кіевская имянуется доднесь Малая Русь, Московская и Смоленская за едино Бѣлая Русь, Архангелогородцкая имяновалась Полеорская, Воронежская — въ тѣхъ мѣстехъ жили Скиты, Бѣлогороцкая — обитали Половцы, Нижегороцкая по догадкѣ жилище прежнихъ Печенеговъ, Рижская и Ревельская имяновали Варяги, Казанская Болгары, Астраханская Ногайская именованы были, и Золотая Орда.

Такожъ и провинціямъ многимъ древнія имена находятся, яко: гдѣ нынѣ Олонецъ, тутъ жили Бярмы или Пярмы; Ин-

(*) Въ лат. переводѣ: *De nominibus.*

грія имяновалась Воты, Переславская земля имяновалась Залѣсская, Черниговъ и по Припетіи имяновалась Древляне, потомъ Черная Русь, а потомъ Поляки часть ихъ владѣнія имянуютъ Полѣсье, воеводство Новогородцкое въ Литвѣ и, можетъ, вся Литва называлась Тмутараканы и протчая; но сверхъ того всякого любопытного и въ гисторіяхъ извѣстного упрошается, ежели что во извѣстіе имѣетъ, чтобъ для пользы отечества потщился съ изъясненіемъ объявить.

2. Имяна нѣкоторыхъ поль или урочищъ, ежели въ гисторіи коего либо рода обстоятельства памятны для учинившейся битвы или съѣзда, яко Куликово поле отъ Мамаева пораженія, или нымъ чимъ знатны, отъ извѣстей и положенія описать.

3. Когда и какимъ случаемъ тотъ предѣлъ подъ власть Россійскую пришелъ, объявляя обстоятельства, изъ какихъ гисторическихъ или приказныхъ писемъ извѣстно, и для того нуждно во всѣхъ городѣхъ древнимъ писмамъ или архивамъ обстоятельныя описи имѣть и ихъ въ добромъ порядкѣ для предка хранить; ибо изъ одного указа или записки разные люди могутъ по изъясненію гисторіи разныя обстоятельства обрѣсти и въ общую пользу объявить, чрезъ что многія недознанія изъяснятся, а погрѣшности исправятся.

О границахъ (*).

4. Которая губернія, провинція или уѣздъ съ Востока, Полудни, Запада и Сѣвера съ которымъ и прежде граничила, и какъ нынѣ граничитъ.

5. Оныя границы явныяль, яко: рѣки, горы, болота, или назначенныя и описанныя урочища, и на какой долготѣ хотя по примѣру.

(*) Въ переводѣ: *De limitibus*.

6. Естьли гдѣ разграничено степми, лугами и великими болоты, хотя въ которыхъ точныхъ границъ не положено, то надлежитъ по малой мѣрѣ величество оныхъ, если смѣрять неудобно, хотя по примѣру описать.

7. Естли гдѣ въ границахъ съ иностранными споръ и по какимъ обстоятельствамъ съ изъясненіемъ доводовъ обоихъ странъ.

О свойствѣ и дѣйствѣ воздуха (*).

8. Въ которое время обыкновенно зима становится или чрезвычайно рано и поздно приходитъ.

9. Въ которое время обыкновенно, чрезвычайно зима совершенно сходитъ и рѣки проходятъ.

10. Въ которое время наиболѣе дожди бываютъ.

11. Въ которое время обыкновенно громъ первой бываетъ, и какъ во осени перестаетъ.

12. Бываетъ ли отъ ударенія грома или запаленія молніи какой вредъ, и на высокихъ ли токмо или на низкихъ мѣстахъ.

13. Не примѣченоль когда зимою грома или молніи.

14. Бываетъ ли сѣверное сіяніе такое: во время зимнее показывается на сѣверѣ или между сѣвера и запада сниза вверхъ столпы и дуги свѣтлые, которые распространяся по небу скоро или тихо движутся, сходятся и раздѣляются и сіе болѣе въ морозы, рѣдко же въ легкую погоду бываютъ.

15. Зорница лѣтомъ всегда ли бываетъ, которая обыкновенно по вечерамъ къ свѣту во всѣ стороны подобіемъ молніи, но невысоко отъ земли, и не такъ ясна и велика, какъ молнія является, которая большею частію вскорѣ громъ преслѣдуетъ.

(*) Въ переводѣ: *De natura et actu aëris.*

16. Имѣютъ ли какіе образы или предощущенія премѣны погодъ, которое природа намъ открываетъ и отъ прилежного примѣчанія обучаемся: 1) примѣчаемъ предъ дождами тягость въ составехъ нашихъ; 2) скотовъ нѣкоторыхъ визжаніе или съ поля рано домой идутъ, а по утру долго и не со охотою въ поле идутъ, птицы на гнѣзда или густые лѣса и подъ кровли рано садятся, а нѣкоторыя надъ водою играютъ; 3) нѣкоторыя каменья мокроту на себѣ показываютъ; 4) веревки короче становятся; 5) соль и тому подобное сыры и тяжелѣе становятся; 6) при заходѣ солнца или по мѣсяцу признавается, какова назавтрія погода будетъ; 7) туманы, росы, радуги, воскуреніе отъ горъ такожъ природные погодъ предвозвѣстники и хотя оныя и тому подобныя во всѣмъ странахъ отъ простыхъ и ученыхъ примѣчаются, и отъ физиковъ причины описаны, однакожъ можетъ быть, что гдѣ иными образы или особливыми обстоятельствы примѣчается.

О водахъ (*).

17. Которой предѣлъ къ которому морю прилегъ и на какомъ пространствѣ берега оные.

18. Какіе пристанища кораблей въ чемъ способны и неспособны, такожъ заливы и губы, имѣющія особливыя званія, съ ихъ великостію.

19. Въ которые времена и какъ велико наводненіе и упаденіе воды бываетъ, и какъ далеко въ рѣкахъ оное примѣчается, особливо по состоянію мѣсеца и по четвертямъ года.

20. Естьли въ томъ уѣздѣ или веденіи островы и какъ велики, населены или пусты, такожъ мысы или косы въ море входящіе.

(*) Въ переводѣ: *De aqua.*

21. Въ которые времена, откуда первые торговые корабли приходятъ, и въ которое время последніе отходятъ.

22. Какіе рѣки великіе и судоплавные въ которой земли находятся, откуда оные происходятъ, и куда впадаютъ, или какъ долго чрезъ тотъ предѣлъ теченіе имѣютъ.

23. Какая оныхъ широта, хотя близь городовъ измѣрять, и оные въ вешнее время, какъ обыкновенно отъ снѣговъ, или въ осень, какъ Нева отъ вѣтровъ разливается, и какъ оное велико бываетъ, и при томъ обыкновенная меженная широта.

24. Ежели такими рѣками суды ходятъ, то есть изъ которыхъ мѣстъ и какъ велики, изъ лѣса и другіе товары токмо плотами гоняютъ.

25. Какіе рѣки изъ горъ, озеръ или болотъ въ тѣмъ мѣстѣ исходятъ, и въ которыя рѣки, и съ которые стороны, и на какой долготѣ теченіе ихъ хотя напримѣръ впадаютъ (sic!).

26. Какіе озера великіе или малые есть, описать ихъ длину и ширину, какіе въ нихъ рѣки впадаютъ и истекаютъ, такожъ естьли острова и какъ велики.

27. Нѣтъ ли озеръ соляныхъ и какова оная вкусомъ.

28. Естьли колодези или ключи минеральные, которые разного состоянія бываютъ: а) теплые, которые и въ пищу употреблять можно; b) горячіе или множество въ нихъ духовъ и вкусомъ противны, но въ нихъ париться здорово; c) чрезвычайно лѣтомъ студены, а зимою теплы, въ такихъ болѣе селитра бываетъ; d) нѣкоторые въ теплотѣ ихъ мало отмѣнны, но горьки отъ извѣстныхъ частицъ и къ варенію брашна неспособны и нездоровы, какъ то въ Кунгурѣ рѣка Ирень; e) сѣрные духомъ противны; f) купоросные или железные, которые по вареніи, а особливо съ чаемъ или съ чернильными орѣхи, черны являются, и піющимъ поносъ

дѣлаютъ или на ѣду охоту подаютъ; таковыя хотя напредъ сего невѣдующіе обстоятельствъ святыми называли, однакожъ, по природѣ матеріи или соли находящія въ нихъ, люди исцелѣніе отъ болѣзней получали, и ежели съ разсужденіемъ болѣзней и силы тѣхъ водъ кто употреблять будетъ, что и впредь пользу имѣть можетъ.

29. Нѣтъ ли водъ такихъ, которыя дерево въ камень превращаютъ, яко въ Красноярскѣ такая рѣка есть.

30. Нѣтъ ли гдѣ каналовъ для прохода судовъ, и съ котораго, и въ которое мѣсто, на какой долготѣ, и когда сдѣланъ или есть природное водъ совокупленіе, какъ Кельтмы въ Поморской странѣ, что изъ Камы весною чрезъ вершины оныхъ рѣкъ сюда въ югъ приходятъ.

30. Нѣтъ ли мѣстъ способныхъ для пользы купечества учинить каналъ или прокопъ, откуду и куда и какой долготы, какая въ томъ удобность или невозможности видимы.

О природномъ состояніи земли (*).

32. Какіе природою тѣ земли, плодоносныель, яко черныя съ пескомъ, или иловатые, глинистые, песченые, каменистые, мокротныя и болотныя, но сіе случается, что въ одномъ уѣздѣ не однаково и для того можно по мѣстамъ описать, смотря на большую часть того уѣзда.

33. Какія горы великія находятся, ихъ общественныя имена объявить, и какъ высоки, а особливо такія, на которыхъ снѣга чрезъ лѣто бываютъ.

34. Нѣтъ ли горъ, изъ которыхъ огонь выходитъ или чрезвычайное куреніе бываетъ, о которомъ въ Сибири нѣкоторые чужестранные описатели сказуютъ быть на разныхъ мѣстахъ.

(*) Въ переводѣ: *De natura terrae.*

35. Какое довольство, избыточество или недостатокъ которой уѣздъ имѣетъ, напримѣръ нѣкоторыя въ житахъ имѣютъ довольство такое что изъ другихъ мѣстъ не купятъ, другіе отъ избытка отпущаютъ въ другіе мѣста, третіе всегда покупаютъ изъ другихъ мѣстъ, а вмѣсто того избыточествуютъ скотомъ, звѣрми, рыбами, медомъ, лѣсомъ или овощами и протчимъ, и какъ великъ тотъ избытокъ бываетъ, и куда оное продаютъ.

36. Какіе жита наиболѣе и лутшее въ тѣхъ мѣстахъ родятся, и сколько кратъ противъ посѣяннаго среднее и лутчее родитъ, напримѣръ: въ Коломнѣ лутшая рожь, въ Муромѣ пшеница, Юрьевской ячмень, овесъ въ Стародубѣ пенекъ, во Псковѣ ленъ крупной, въ Суздалѣ ленъ мягкой.

37. Какіе огородные овощи лутше или наиболѣе родятся, яко: въ Володимерѣ хмѣль, въ муромѣ овесъ, огурешные и другіе семена, въ Ростовѣ лукъ, въ Боровскѣ чеснокъ, въ Дмитровѣ огурцы, въ Астраханѣ арбузы.

38. Какіе плоды на древахъ, яко: въ Москвѣ, Коломнѣ наливы, въ Володимерѣ вишни, въ Дмитровѣ крѣпкіе яблоки, въ Кіевѣ груши, въ Астраханѣ виноградъ.

39. Какіе плоды земляныя, яко вологоцкіе рыжики и морошка, смоленскіе грибы.

40. Какіе деревья разныхъ родовъ въ лѣсахъ съ плодами и безъ плодовъ находятся и ежели такіе, которыхъ въ другихъ россійскихъ странахъ не находится и не знаютъ; то оные съ ихъ листьемъ и плодами описать обстоятельно, и ежели есть искусный иконникъ или живописецъ, то смалевать, притомъ же пріобщить, такожъ и деревья, хотя такихъ во многихъ мѣстехъ находится, да не такой доброты, яко въ Орлѣ и въ тамошнихъ мѣстахъ слоеватой и твердой дубъ,

въ Вяткѣ на березѣ капь *), въ Теркахъ кленъ узорчатой и тому подобное, то такіе такожъ обстоятельно описать.

41. Въ которое время и какое дерево въ первыхъ весною листъ и цвѣтъ показываетъ и въ осень отпадаетъ.

42. Травы какіе сами, или коренья, въ пищу и лекарство или краски употребляемыя, или цвѣтами, духами преимуществующіе, а наипаче такіе, которыхъ въ россійскихъ прочихъ странахъ ненаходится, или есть да токмо въ огородахъ, или не такой силы, напримѣръ: въ Воронежской и Казанской губерніяхъ находится солодковой корень, ревень долгой, оспарги, тюльпаны; въ Кунгурскомъ *(съ боку:* и Уфимскомъ уѣздахъ чрезвычайной піонной корень, въ Томскѣ) звѣробой, у татаръ въ пищу употребляемая сарана, и протчая.

43. Какіе гдѣ звѣри находятся и хотя многіе одного званія суть въ разныхъ предѣлахъ, но особнаго качества, напримѣръ: въ Украйнѣ зайцы лѣтомъ и зимою сѣры, въ другихъ мѣстахъ зимою бѣлы; соболи во всѣхъ предѣлахъ въ Сибири находятся да по мѣстамъ разнствуютъ великостью, долготою шерсти и цвѣтомъ, въ томъ что въ нѣкоторыхъ желты и малы и рѣдко въ рубль бываютъ, другіе велики да желты, инде велики и черны, какъ даурскіе, что бываютъ до ста рублевъ; тожъ о лисицахъ, разсомахахъ **), рысяхъ, песцахъ **), бѣлкахъ и волкахъ разумѣется, и для того нуждно цѣну нижнихъ, среднихъ и лутчихъ объявлять.

44. Имѣютъ ли звѣрей дикихъ во употребленіи домовномъ и въ какомъ, напримѣръ: у Остяковъ, Лопановъ (Лапландцевъ) и другихъ олени служатъ вмѣсто лошадей, индѣ же собакъ для ѣзды употребляютъ.

---

*) Въ переводѣ пропущено, стоитъ просто: *Uiatkae....*

**) Оставлено безъ перевода.

45. Какіе звѣри морскіе знаемы и въ какую пользу употребляемы бываютъ, какъ ихъ ловятъ и въ какомъ множествѣ.

46. Какіе скоты имѣются, какой разности предъ другими; ибо въ нѣкоторыхъ местехъ лошади родятся крупны и сильны, индѣ же мелки и слабы, такожъ овцы черкаскіе, хотя велики да шерсть плоха, архангелогородцкое же мясо все превосходитъ.

47. Птицы домовные такожъ по мѣстамъ разность не малую имѣютъ, ибо арзамаскіе гуси величиною и вкусомъ прочихъ превосходятъ.

48. Какіе птицы вольные и оные суть разныхъ качествъ и по мѣстамъ въ великости, цвѣтѣ, перьяхъ или пѣніемъ, а употребляемыя въ пищу вкусомъ различествуютъ и одного званія разныя роды находятся, того ради хотя вездѣ по имянованіямъ какія находятся объявить надлежитъ, но притомъ и чрезвычайности описать; а весмабъ изрядно живописцу оныхъ чрезвычайныхъ прилѣжно изобразить, за которой трудъ Академія достойное заплатить не пожалѣетъ.

49. Сверхъ сего сіе обстоятельство нужно, въ которы времена гдѣ птицы прилѣтаютъ и отлѣтаютъ, или какъ дятлы въ нѣкоторыхъ мѣстехъ токмо зимою, въ другихъ токмо лѣтомъ, индѣ же чрезъ весь годъ пребываютъ, и отъ которыхъ птицъ наиболѣе вреда и въ чемъ наносится.

50. Рыбы по ихъ родомъ не имѣютъ ли со протчими знатной розницы въ видѣ чрезвычайной великости, или вкусѣ, или родъ особливой находится, напримѣръ: въ Каму бѣлуги, осетры хотя изъ Волги ходятъ, но черными пятнами познаваема и вкусомъ волжскихъ пріятнѣе и здоровѣе; во Псковѣ снѣтки сѣрые, на Бѣлѣозерѣ бѣлые, въ Переславлѣ сельди и прочее.

51. Особливо въ сибирскихъ мѣстахъ примѣчать, естьли гдѣ въ рѣкахъ рыба красная тѣломъ подобная семги или лосося, такожъ раки велики или малы, вьюны, угоречи *), сомы, налимы, и тому подобные.

52. Въ приморскихъ мѣстахъ описать рыбы морскія, и ежели есть чрезвычайные, чтобъ ихъ смалевавъ прислать.

53. Естьли гады гдѣ роды какіе чрезвычайные, какихъ въ другихъ мѣстахъ не находится и обыкновенныя не имѣютъ ли въ цвѣтѣ, величинѣ или ядѣ какой отмѣны; напримѣръ: во многихъ мѣстахъ змѣи находятся, да инде черные, брюха бѣлые; инде черные, брюха красные; инде сѣрые, или зеленые, и пестрые, и въ великости по мѣстамъ разнствуютъ, также въ приморскихъ мѣстахъ морскихъ гадовъ обстоятельное описаніе и изображеніе съ мѣрою.

54. Нѣтъ ли гдѣ пауковъ, или тому подобныхъ животныхъ, и вредительныхъ животныхъ; чимъ оныхъ ядовитыхъ змѣй, ужей и протчее зараженіе облегчаютъ.

О подземностяхъ **).

55. Какіе въ [той странѣ крушцы или руды и соли находятся, яко металлы: золото, серебро, мѣдь, олово, ртуть, железо, свинецъ; полуметаллы, яко: цынкъ, мерказитъ и протчее; соли и минерали: соль подземная, онажъ каменная зовется, озерная и морская, которая отъ солнца сама садитца и зовется самосадка и бузунъ колодезная, которая изъ разной глубины достается и варится; оныхъ глубины и обстоятельства работъ и множесто годовое описать; прочіе соли или минерали: селитра, сера, купоросъ, нашатырь, квасцы, мышьякъ, антимонія или сурма, гдѣ и въ какомъ множествѣ находится.

*) Въ латин. переводѣ: *angvillae.*
**) Въ переводѣ: *De mineralibus.*

56. Краски и земли разные, яко: мѣлъ, карандашъ, вапъ, вохра, киноварь, болюсъ, и разныя въ краски и лекарство, или сосуды, употребляемыя глины.

57. Каменья твердые, или прозрачные: алмазы, яхонты, лалы, изумруды, хрустали, аметисты, бегатыючи, и протчіе твердые, а не прозрачные и цвѣтами отмѣнные, бирюзы, лазурь, аспидъ, яшма, сердоликъ, агатъ, марморъ, алебастръ и протчее, каменья особливо употребляемые, яко, ноджакъ (sic!) и трепель, пимсъ, каменной уголь, земляное масло, и протчее *), индѣ же на точилы или жерновъ употребляемые добротою превосходны.

58. Находятсяль какихъ животныхъ кости въ землѣ, въ какой глубинѣ, какой великости, или тягости и цвѣта.

59. Нѣтъ ли какихъ окамененныхъ вещей, или при рѣкахъ обрѣтенныхъ, яко: разныхъ видовъ раковины, рыбы, деревья и травы, или въ камняхъ особливыя изображенія и виды, или подобныя каменья коимъ либо плодамъ, яко яблокамъ, грушамъ и семенамъ, и тому подобное, таковые собирать и ихъ, или для великости неудобныя смалевавъ, во академію сообщать.

О жителяхъ **).

60. Какіе народы нынѣ въ той губерніи и уѣздѣ находятся, отличая русскихъ отъ иновѣрцевъ и новокрещенныхъ иноязычниковъ, каждой народъ по его званію, не сообщая воедино.

61. Какое множество коего народа, раздѣля духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, торговыхъ земскихъ ***) и ясашныхъ.

---

*) Въ переводѣ: *terra Tripolitana, pumex, carbunculus, terrae oleum etc.*

**) *De incolis.*

***) Переведено: *lictores!*

62. Оное множество разно извѣстно, напримѣръ: военные токмо сами, и о дѣтяхъ всѣхъ можетъ извѣстія не имѣется; о купечествѣ и крестьянствѣ чрезъ поголовную перепись извѣстно; и о иновѣрныхъ военныхъ и ясашныхъ такожъ изъяснить, какіе въ томъ числѣ разумѣются и по какимъ извѣстіямъ *).

63. Какая отъ нихъ ея императорскому величеству услуга, ежели военна, съ какимъ оружіемъ и какимъ порядкомъ, не въключая въ то регулярныхъ.

64. Оные нерегулярные какое жалованье имѣютъ или съ земель токмо служить долженъ.

65. Какихъ начальниковъ у себя имѣютъ и какимъ порядкомъ опредѣляютъ, напримѣръ: Малороссійскіе казаки имѣютъ полковниковъ, сотниковъ и войтовъ, Донскіе, Гребенскіе имѣютъ атамановъ, войсковыхъ, станичныхъ и походныхъ полковниковъ, ясауловъ и протчихъ, которыхъ имъ или ея императорское величество, по всевысочайшей власти, посылаетъ, а иныхъ по ихъ выборамъ опредѣляютъ, иныхъ они сами выбираютъ и оставлять волю имѣютъ.

66. Какую тѣ начальники власть и преимущество собственно или сообщеніемъ другихъ совѣтъ имѣютъ.

67. Имѣетсяль между оными собственной судъ, оной на письмѣ или на словахъ производится и съ какими обстоятельствы, такожъ какія наказанія и казни оные опредѣлять могутъ.

68. Торговые всякого званія какую вольность и преимущество имѣютъ и оная градуль всему или нѣкоторымъ иновѣрцамъ всемилостивѣйше отъ ихъ величества допущена, и ежели иновѣрцы токмо нѣкоторую вольность имѣютъ, то что они, вмѣсто подушного, съ чего и почему платятъ.

---

*) Переведена только первая половина параграфа.

69. Какіе ремесла наиболѣе въ тѣхъ мѣстахъ дѣлаются или товары приуготовляеми за лутчіе предъ другими почитаются, напримѣръ: въ Москвѣ пиво, въ Ярославлѣ кожи яловочные (sic!), имянуемая съ татарскаго юхть, что значитъ по русски дружка, а съ нѣмецкаго пара, въ Новѣгородѣ уксусъ, въ Вологдѣ свѣчи, вино и коробьи, въ Угличѣ толокно, въ Калугѣ тѣсто солoженое, въ Казанѣ козлинные кожи, въ Нижнемъ мѣдная посуда, на Устюгѣ финифтеная работа, въ Колмогорахъ оковка сундуковъ и костяное, въ Переславлѣ сельди копченые, на Вяткѣ каповая посуда, въ Смоленскѣ смочки и трупы (sic!) и прочее *).

70. Ясашные какъ окладываются, съ чего и почему, чимъ у нихъ и по какой цѣнѣ принимается.

71. Какимъ гдѣ порядкомъ ясакъ собирается въ городы и каждой ли за себя приносятъ, или съ выборными посылаютъ, или къ нимъ въ лѣса посылаютъ и въ которые времена, и съ какимъ обстоятельствомъ.

72. Онымъ лѣснымъ жителямъ бываетъ ли какое ея величества жалованіе давано, и ежели когда ясака болѣе или лутше принесутъ, и чѣмъ они предъ другими уволнены, напримѣръ подушнаго и рекрутъ не даютъ и протчаго.

73. Не имѣетъ ли тотъ уѣздъ какого отъ кого опасенія, и какіе къ тому служатъ природные или устроенные безопасности, или прежде были природные, напримѣръ: горы, болота, озера и лѣса великіе, степи пустые и безводные, устереженія бывали засѣки и черты, Карсунская и Бѣлогородская, гдѣ нынѣ ландмилицкіе полки поселены, или зимою въ крѣпостяхъ, а лѣтомъ караулами, какъ то въ Сибири отъ Казачьей Орды и Калмыковъ учреждено.

---

*) Переводъ оканчивается словомъ: *Ustjugae*....

74. Какимъ тамошніе народы особливо и въ которые времена болѣзнямъ подвергаются и чимъ оные лечатъ, съ какими обстоятельствы; и хотя нѣкоторые показываютъ, якобъ лекарей и лекарствъ не знаютъ, и тѣмъ по тому вѣрить нельзя: ибо благодатію Божіею всякая страна въ травахъ и овощахъ и подземностяхъ по болѣзнямъ не оскудныя лекарства имѣетъ, токмобъ ихъ люди знали, что, отъ чего и какъ употреблять.

75. Докторовъ же лекарей, а колдуновъ и ворожей суще нѣтъ, но находятся вездѣ коновалы, такожъ мужики и бабы простые, да отъ слуха или искуства ту или иную траву и корень въ нѣкоторыхъ болѣзнехъ употребляютъ, и отъ незнанія силъ называютъ колдунами и ворожеями, того ради и нуждно о томъ академіи обстоятельно вѣдать; но ежели откуда что о такихъ лекарствахъ обстоятельное покажется, то академія взирая на свойство тамошнихъ болѣзней, или травъ или рощеней можетъ способные наставленія для пользы напечатать и издать, дабы всякъ любопытный могъ себя и ближняго пользовать.

76. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстахъ, иные народы не знаютъ оспы, иные Французской болѣзни, оное особно надлежитъ примѣчать; тамъ же, гдѣ бываютъ, чимъ оные и съ какими обстоятельствы лѣчатъ, или по искуству отъ чего оныхъ больныхъ берутъ.

О жилищахъ *).

77. Какъ оныя издревля именовались, и какъ нынѣ имянуются и ежели имя перемѣнено, когда и кѣмъ, и что прежнее и послѣднее съ какого языка по руски значитъ.

78. Какіе волости, торжища, или села великія и монастыри въ которомъ вѣдомствѣ находятся.

---

*) *De habitationibus.*

79. Ежели было усмотрѣнія высоты полюса или солнца, или кто искуство имѣетъ обстоятельно оное сыскать, чтобъ показано было обстоятельно, когда чрезъ какой инструментъ и кѣмъ усмотрѣно; тоже и о долготѣ, которое чрезъ затмѣнія сыскивается.

80. Естьли о заложеніи его извѣстіе, когда и кѣмъ построенъ.

81. Какими людьми, отъ кого и когда населенъ.

82. Если которой городъ на другое мѣсто перенесенъ, гдѣ оной и въ какомъ разстояніи прежде стоялъ, когда и для какой причины перенесенъ.

83. При которой рѣкѣ или озерѣ стоитъ, и въ которую сторону внизъ по теченію, и на низкомъ ли, или высокомъ и гористомъ мѣстѣ.

84. Какую и какъ великую крѣпость имѣетъ; ежели деревянной или каменной, сколько башенъ; ежели земляной, сколько раскатовъ или болварковъ.

85. Имѣетъ ли съ которую сторону какое природное укрѣпленіе, напримѣръ воду, или болота, или крутость горъ и великихъ рвовъ.

86. Какъ далеко, на которую сторону, отъ онаго другое знатное мѣсто лежитъ.

87. Колико какихъ государственныхъ, церковныхъ и народныхъ, каменныхъ и деревянныхъ строеній внутрь крѣпости, или за крѣпостью въ слободахъ, то есть церкви, канцеляріи, монастыри, училища, богадѣльни, домы губернаторовъ или воеводъ, домъ епископа или другаго знатнаго духовнаго начальника, гостиные дворы и ряды, которыхъ число показать порознь.

88. Колико улицъ большихъ и малыхъ, такожъ торговищъ и площадей.

89. Колико дворянскихъ и посадскихъ, каменныхъ и деревянныхъ домовъ.

90. Естьли что дивное или видѣнія достойное въ церквахъ, напримѣръ мощи святыхъ и утварей церковныхъ, или что за древность, или за хорошую работу, или по природѣ за дивное почитается и хранится, а въ канцеляріяхъ естьли древнія письма или обрѣтенные давности.

91. Нѣтъ ли какихъ манифактуръ, или работъ и строеней особливыхъ, которое проѣзжающему видѣнія достойно, напримѣръ въ Ярославлѣ полотняная и кожевенные, въ Казанѣ суконная и пр.

92. Бываютъ ли ярмонки или годовые торги, въ которое время и какъ долго.

93. Откуда и съ какими товарами посторонніе приѣзжаютъ.

94. Куда тутошные жители ѣздятъ съ торгами, когда и какіе товары наиболѣе отвозятъ, и какіе тамо берутъ.

95. Не былъ ли оной городъ когда кѣмъ взятъ, или разоренъ, или мужественно оборонялся.

96. Кто въ немъ прежде сего владѣтели, или князи удѣльные были, и когда, какимъ случаемъ владѣніе ихъ кончилось.

97. Не бывалоль во ономъ какихъ знатныхъ съѣздовъ или мирныхъ договоровъ.

98. Не бунтовались оного жители, и въ которыя времена, и какимъ образомъ смирены или прощены.

99. Не былоль на ономъ когда какого несчастія, яко: моръ, гладъ, великое землетрясеніе, водою потопленіе и прочихъ тому подобныхъ обстоятельствъ.

100. Какую оной городъ, или уѣздъ, или которое либо мѣсто, знатную услугу государю показалъ, яко Нижней во время разоренія московскаго, иные деревни особливо къ

фамиліи государей вѣрность показали и чимъ за то пожалованы.

101. Кто воеводы ими губернаторы своимъ тщаніемъ и разумомъ какую пользу городу показали, напримѣръ: добрые порядки ввелъ, а воровство и безпорядки пресѣкъ, ярмарку учредилъ, улицы и площади исправилъ, и отъ пожаровъ безопасность учинилъ, строенія знатные подѣлалъ, или въ недостаткѣ воды способомъ прекопа удовольствовалъ.

102. Небылоль въ близости оного у кого съ кѣмъ боевъ или сраженія.

103. Нѣтъ ли гдѣ въ уѣздѣ томъ какихъ признаковъ и видовъ, гдѣ напредь сего городы или знатные строеніи были и нѣтъ ли извѣстія, какъ именованы, когда и кѣмъ разорены.

104. Не находится ль гдѣ въ степяхъ и пустыняхъ каменныхъ болвановъ или камней съ надписями, или какимп либо начертаніи, которое елико возможно живописцу надлежитъ назнаменовать и описавъ ево мѣру и цвѣтъ, притомъ же сообщить.

105. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ древнихъ могилахъ находятся старинные вещи дивные и ко изъясненію гисторіи весма полезные и паче такіе, на которыхъ какое либо начертаніе или подпись различными фигурами изображенное, оное на мѣдныхъ, желѣзныхъ, каменныхъ или глиняныхъ вещахъ, ежели сыщется, надлежитъ прилѣжно хранить, понеже и за глиняное заплатится не меньше, какъ за серебро.

106. Особливо находятся горшки и кувшины въ гробахъ, на которыхъ надписи есть, да когда ихъ откопавъ скоро вынять, то онъ истрескается или развалится, того ради оные откопавъ, надобно не скоро вынимать, провѣтрѣть на томъ мѣстѣ, а потомъ вынять, поставить чтобъ отъ солнца

высохъ, и тако можетъ далѣе везти и вручить воеводѣ, а воеводы чтобъ благоволили оные, чрезъ живописца или другаго искуснаго на бумагу срисовавъ, академіи сообщить, по которомъ достойное награжденіе обрѣтшему живописцу академія пришлетъ безъ умедленія.

107. Золотые же, сребряные и мѣдные вещи, яко идолы, звѣри и протчіе вещи, если токмо фигуры своей не повреждены, хотя и надписи неимѣютъ, надлежитъ по тягости металла покупать и деньги безобидно платя присылать во академію; еслиже и на золотѣ явится подпись или работа хорошая, то и сверхъ достоинства золота или сребра безобидно отъ академіи и повѣренныхъ отъ оной заплачено будетъ, и о томъ такимъ гробоискателемъ надлежитъ объявить, чтобъ знали и невѣдѣніемъ такихъ вещей не портили или за страхъ, что у нихъ даромъ отымутъ, не таили. И господамъ воеводамъ и прочимъ управителемъ въ томъ для пользы отечества поступать со всякою прилѣжностію и храненіемъ, чтобъ такіе сокровища таить никто не опасался.

Раздѣлъ 2.

О народахъ идолопоклонническихъ, какое извѣстіе о оныхъ требуется *).

108. Какъ которой народъ отъ русскихъ именованъ и съ какой причины, ежели жъ именованіе не славенскаго языка, яко Чюваша, Черемиса, Мордва и протчіе, которые съ ихъ же или татарскаго языка, то испытать что оное значитъ.

109. Какъ они сами себя имянуютъ, напримѣръ: Вогуличи зовутся Мончи или Монши, Черемиса зовутся Море, Вотяки Арѳины **) называются Савами и протчее.

---

*) Переведено: De gentibus quae idololatriam colunt.

**) Wotiaki et Arfini....

110. Какъ они русскихъ и другіе народы сосѣдніе имѣнуютъ, напримѣръ Финны называютъ насъ Венелайма, Якуты зовутъ люди, Татара зовутъ Урусъ; казачья орда зовутъ Башкировъ Сарнишерекъ; Тунгусовъ Остяки имянуютъ Келлемъ или Куеллемъ, которое значитъ пестрое, но притомъ внятно разницу званей разсудить: a) по закону, яко Татара имянуютъ всѣхъ христіанъ гауръ, b) по народу, яко мы имянуемся Словянъ, c) по обитанію зовемся русскіе; и чтобъ одно за другое смѣшено не было. какъ то нѣкоторые о томъ неправильно показали, якобы Татара насъ правовѣрными зовутъ.

111. Какъ они которой городъ, рѣку, озеро, горы имянуютъ, напримѣръ Татара Волгу зовутъ Едель, Каму Акедель, Вятку Наукратъ Едель и прочее.

112. Что оные имяна по славенски значитъ, напримѣръ: Казань съ татарскаго котелъ, Сибирь первѣйшій или главнѣйшій городъ, отъ котораго всю землю мы имяцуемъ; народъ Яринчи въ Енисейской провинціи значитъ шершень, Тура татарскимъ — городъ, а съ остяцкаго пажить или обильное мѣсто, Тюмень съ татарскаго десять тысячъ или тма.

113. Имѣли ль прежде какихъ владѣтелей, яко Остяки Нарымскіе, доднесь себя имянуютъ Хонти отъ рѣки Конды, имѣли князя особнаго и по завладѣніи ихъ въ титло государей кондійскій внесено; такожъ по Оби живущіе именовались Обдоръ, а по Уду Удоръ, каждой народъ имѣли владѣтелей или князьковъ.

114. Имѣютъ ли какое счисленіе лѣтъ, и съ коего времени годъ, съ котораго мѣсяца или дни начинаютъ, и какъ дологъ почитаютъ; и хотя нѣкоторые показываютъ, якобы счисляютъ годъ отъ паденія снѣга и потому въ одномъ году счисляютъ два или три, но сему вѣрить нельзя, ибо

мы хотя лѣтомъ годъ называемъ, но разумѣемъ въ томъ и зиму.

115. Имѣютъ ли своеименованіе мѣсяцовъ.

116. Дни седмичные, колико и какъ по своему имянуютъ.

117. Какія между ими преданія отъ древности ихъ: отъ кого они, какимъ порядкомъ произошли, о себѣ сказуютъ.

118. Давноли въ тѣхъ мѣстахъ обитаютъ и откуду и какимъ случаемъ пришли, напримѣръ нѣкоторые Оринчи о себѣ сказуютъ, яко бы въ сіи мѣста пришли отъ змѣй поядающихъ, Остяки сказуютъ что они пришли изъ Суми земля, которое значитъ мокротную землю, а собственно разумѣютъ Финляндію.

119. Имѣлиль напредь сего съ кѣмъ войну и какіе славы, счастія и несчастія случаи въ памяти имѣютъ, яко Черемиса тяжкіе войны съ великими князи Іоанномъ Васильевичемъ и Василіемъ Ивановичемъ имѣли, но можетъ междо ими такіе обстоятельства въ преданіяхъ хранятся, о которыхъ въ русскихъ гисторіяхъ не описано.

120. Како о богѣ вѣрятъ, гдѣ онъ и каковъ.

121. Что вѣрятъ о мірѣ, отъ кого и какъ сотворенъ.

122. Много ли боговъ исповѣдаютъ и какъ ихъ имянуютъ, и невидалиль когда котораго, или повелѣніе его слыхали.

123. О чемъ котораго наиболѣе просятъ, или ему какую силу наиболѣе предъ другими сказуютъ.

124. Идолы ихъ истесаные, какъ ихъ имянуютъ, и что о ихъ силахъ сказуютъ.

125. Бога всевышняго подъ какимъ бы видомъ или именемъ ни разумѣли, сказуютъ ли о немъ, что есть: a) безъ начала и конца, то есть превѣчный, b) невидимый и умомъ непостижимый, c) всюду присутственный, то есть всегда есть вездѣ, которое ни ангеломъ приписатца можно, d) всемощный, e) вся и предбудущее единъ вѣдущій.

126. Не приписуютъ ли онаго другимъ ихъ богамъ или духамъ, хотя не прямо, но обстоятельствами.

127. Твари какой, яко свѣтиламъ небеснымъ, или огню, водѣ, звѣрямъ и рощеніямъ покланяются, и съ какою отъ Бога разностію нѣкую силу чему приписуютъ.

128. Когда, кому, какіе жертвы приносятъ, съ какими порядки и обстоятельствы, и кѣмъ оные отправляются.

129. Какіе молитвы у нихъ каждодневныя и колико разъ въ день бываютъ, ежели возможно оные переписавъ перевести на русской языкъ.

130. Знаютъ ли что о ангелахъ и дьяволахъ, каковыхъ ихъ сказуютъ, откуда ихъ начало и какую силу каждому признаютъ.

131. Не сказываютъ ли имъ имѣть женъ и дѣтей, или пищи и одежды требуютъ.

132. Чудеса и видѣнія какіе сказываютъ, что бывали или нынѣ бываютъ.

133. Ежели какихъ умершихъ людей почитаютъ, за какіе ихъ дѣла и въ какой силѣ, особливо какую разницу между ими и богомъ всевышнимъ полагаютъ.

134. Какое свойство и состояніе души, разумѣютъ ли ее быть безсмертну.

135. По изшествіи души отъ тѣла, гдѣ ей быть сказуютъ, и нѣтъ ли ихъ мнѣнія, что душа изъ тѣла изшедъ въ другое входитъ.

136. Вѣрятъ ли что по смерти душѣ за добродѣяніе излодѣяніе будетъ судъ и воздаяніе, то есть царство небесное или мука безконечная.

137. Каковы оныя воздаянія описуютъ и хотя нѣкоторые сказуютъ, якобы о безсмертіи души не знаютъ, однакожъ поминовеніе умершихъ и клажа съ мертвыми денегъ, хлѣба,

ружья и пр. доказываютъ, что они разумѣютъ быть душу безсмертну.

138. Имѣютъ ли каковъ либо законъ писменной, или на словахъ преданія, отъ кого, когда и въ какой силѣ.

139. Что о добродѣтеляхъ учатъ, яко молитвѣ, посту и милостынѣ и какъ оные отправляютъ, ибо посты бываютъ разные: a) когда чрезъ весь день ничего не ѣдятъ, b) ядятъ, да малое и суровое, c) нѣкоторые не ядятъ до вечера, а въ вечеру безъ разбора брашна насыщаются, d) нѣкоторыхъ яствъ и питья токмо удерживаются, а протчее ядятъ и піютъ обыкновенно, e) что ничего не ядятъ, а паче что никоего животнаго умертвить не дерзаютъ.

140. Имѣютъ ли какое поминовеніе или стараніе о душахъ умершихъ, которое такожъ разно: собственнымъ моленіемъ и прошеніемъ къ Богу, b) наймомъ другихъ людей, c) нѣкоторые показуютъ добродѣтели къ людемъ, яко: милостынью и прочимъ, d) иные животныхъ, яко собакъ, кошекъ, кормятъ и птицъ покупая на волю отпущаютъ, какъ то магометане дѣлаютъ.

141. Имѣютъ ли духовныхъ служителей или учителей, яко у нѣкоторыхъ имянуются шаманы.

142. Какимъ образомъ оныхъ выбираютъ и почему ихъ удостояютъ.

143. Какіе оныхъ когда служенія, и что они за ихъ трудъ получаютъ.

144. Имѣютъ ли оные для дѣйства ихъ или вороженья барабаны и бубны, на которыхъ написаны разные образы и начертанія оные смолевать и о начертаніяхъ, яко же и дѣйствѣ описаніе учинить.

145. Не имѣютъ ли пустынниковъ и пустынницъ, которые для спасенія уединяются, како то у многихъ идолопоклонниковъ и магометановъ есть.

146. При рожденіи младенца, кто и какимъ обстоятельствомъ имя рожденному даетъ.

147. По рожденіи естьли какое женамъ очищеніе.

148. Въ возрастѣ младенца, естьли какое ученіе и наставленіе, отъ кого и съ какими въ чемъ обстоятельствы, напримѣръ учатъ изъ лука стрѣлять, въ каковы лѣта.

149. Какимъ образомъ въ супружество вступаютъ, купятъ ли и какъ дорого, или крадутъ и силою берутъ.

150. Имѣютъ ли въ свойствѣ и родствѣ о супружествѣ запрещеніе и какъ далеко, или за стыдъ и грѣхъ не почитаютъ.

151. Мертвымъ какой порядокъ въ убранствѣ и погребеніи, ибо оные мертвыхъ жгутъ и пепелъ въ сосудахъ или просто закапываютъ, b) въ воду бросаютъ или на деревья кладутъ, c) на томъ мѣстѣ мертваго въ шалашѣ оставя, сами отходятъ, d) въ землю закапывая, кладутъ съ ними лошадей, собакъ или лутчіе его пажитки и для чего то дѣлаютъ.

152. Чимъ печаль изъявляютъ, жены по мужахъ, дѣти по родителяхъ о ближнихъ родственникахъ, яко напримѣръ негдѣ жены сами себя при погребеніяхъ убиваютъ; иные съ крикомъ превеликимъ бьютца, лица свои и волосы дерутъ; иные токмо воютъ, причитаютъ его жизнь и любовь; иные тихимъ плачемъ и платьемъ печаль изъявляютъ.

153. Прежде власти россійской, какъ имѣли князей или старшинъ, имѣлиль надъ собою судъ и какой, былаль за что смертная или на тѣлѣ казнь, и какимъ порядкомъ, напримѣръ за смертное убійство, воровство, насиліе женщины, которое можетъ отъ пересказыванія другъ другу въ памяти у нихъ храниться.

154. Нынѣ которые воотдаленіи отсюда, въ лѣсахъ живущіе, имѣютъ ли какой между собою судъ или управу.

155. Что разумѣютъ или сказываютъ о ущербѣ мѣсяца.

156. Разсуждаютъ ли что о затменіи солнца и мѣсяца, какъ оное дѣлается, такожъ ежели когда каметъ видѣли, что о томъ говорятъ.

157. Сказываютъ ли, отъ чего громъ и молнія бываетъ, такожъ о радугѣ, и падующемъ огнѣ подобіемъ звѣздъ, и огненныхъ зміахъ.

158. Не вѣрятъ ли, что мертвые встаютъ и ходятъ и тому подобные суевѣрья и враки.

159. Какъ они вѣтры на своемъ языкѣ имянуютъ, и что оное значитъ.

160. Имѣютъ ли звѣздамъ и звѣздицамъ или совокупленнымъ въ начертаніи нѣколикимъ звѣздамъ имянъ, и что оное значитъ.

161. Знаютъ ли планеты, яко: Сатурна, Юпитера, Марса, Венуса и Меркурія, какъ ихъ имянуютъ.

162. Не признаютъ ли отъ нихъ на земли какого дѣйства и силъ.

163. Нѣтъ ли пѣсенъ такихъ или сказокъ, въ которыхъ старинные дѣйства воспоминаются, оныя списать, а иноязычныя перевести.

164. О суевѣріи *):

1) Не примѣчаютъ ли о встрѣчѣ, лѣтаніи птицъ и ихъ крикѣ, при начинаніи дѣла или выходѣ въ путь, напримѣръ нѣкоторые старую бабу, иные попа на встрѣчѣ, перебѣгъ зайца чрезъ дорогу, крикъ кокушки съ лѣвой стороны, почитаютъ за несчастіе, а другое тому подобное за счастіе, яко Калмыки крикъ выпа за глазъ божескій почитаютъ.

---

*) *De superstitione.*

2) Не почитаютъ ли котораго дня несчастливымъ, например нѣкоторые почитаютъ понедѣльникъ, иные суботу, къ выѣзду и начатію дѣла несчастливыми.

3) Нѣкоторые почитаютъ за несчастіе, когда мышь спящаго укуситъ, или платно проѣстъ или зассытъ, и того носить не хотятъ, или то мѣсто обжигаютъ и тому подобное.

4) Иные почитаютъ за бѣду, когда кто настолѣ нечаянно опрокинетъ солонку, или чханье и сновидѣніе хотятъ за предвозвѣстіе зла и добра почитать.

5) Когда домъ новой построитъ, какіе предосторожности къ счастію употребляютъ, яко нѣкоторые кошку и собаку передъ шествіемъ во оной запираютъ.

6) Вѣрятъ нѣкоторые, что діаволъ ладона и гашника и тому подобное боится.

Сіи всѣ обстоятельства испытать безъ принужденія, но паче ласкою и чрезъ разныхъ искусныхъ людей, знающихъ силу сихъ вопросовъ и языкъ ихъ основательно, къ томужъ не однова, но чрезъ нѣсколько времени спрашивать отъ другихъ, ибо ежели объ одномъ дѣлѣ разно спрашивающему откроется и подастся причина далѣе истины испытывать, и хотя первыя извѣстія посланы будутъ, но потомъ ежели хотя о томъ же достоятельное или что вновь откроется, оное бъ сообщили ко опредѣленнымъ къ тому, яко изъ ближнихъ губерній во академію наукъ, а въ Сибири дѣйствительному статскому совѣтнику Татищеву, или объявленнымъ профессорамъ, которые, разсмотря и, въ чемъ потребно, еще испытавъ въ надлежащемъ порядкѣ во академію сообщать, и труждающимся всѣмъ надлежащее награжденіе опредѣлятъ.

Остерегать же и то, чтобъ кто отъ крещеныхъ или иного народа умысленно въ поношеніе или хвастаніе чего лишняго не прибавилъ, или истиннаго не убавилъ, дабы тѣмъ

правости не повредилъ; понеже многіе глупые лжами хотятъ себѣ честь или пользу пріобрѣсти, но въ томъ всегда обманываются.

Раздѣлъ 3.

О магометанахъ (*).

Сій законъ хотя, отъ алкорана и другихъ учителей ихъ переведенныхъ на разные языки книгъ, въ Европѣ основательно извѣстенъ, и о томъ много вопрашивать нужды нѣтъ, но токмо потребно вѣдать:

165. Съ Турками или Персіянами оные въ вѣрѣ согласіе имѣютъ, ибо Персіяне Алея за пророка поставляютъ, а Турки его уничтожаютъ.

166. Какіе они чины духовныя имѣютъ и отъ кого они выбираются и утверждаются, яко: охунъ, муллы, абызы и пр.

167. Какую они каждой надъ подчиненными имѣютъ власть или преимущество, и какой имъ доходъ, опредѣленной или добровольной.

168. Какіе чины при обрѣзаніи;

169. При сочетаніи;

170. При погребеніи, напримѣръ нѣкоторые изъ нихъ никакой парчи отъ идопоклонниковъ сдѣланной, яко китайки, камки, атласа и протчего, что отъ китайцовъ привозится на мертваго не кладутъ, хотя живые носятъ все безъ разбора, а на мертвыхъ употребляютъ одежды изъ парчей, дѣланныхъ магометанами.

171. Какое оставшимъ женамъ послѣ мужей изъ его пожитковъ награжденіе, особливо когда бездѣтны.

172. Какъ скоро вдова за мужъ по смерти мужа итти можетъ.

(*) *De Mahometanis.*

173. Если которое писмо имѣютъ, то оные списать азбуку и слоги, и противо каждой буквы и слога поставить рускіе равногласящіе со оными.

174. Если которые буквы и знаки употребляютъ въ численіи, такожъ оные до тысячи росписать, поставя при каждомъ рускія числа.

175. На чемъ они пишутъ и чѣмъ, какъ чернила изъ чего составляютъ и ежели вещи незнаемые въ Русіи, то оныхъ доставъ прислать бережно, чтобъ неповредилось, и свойство онаго спознать было можно.

Обсче паки до всѣхъ народовъ *).

176. Не имѣетъ ли которой народъ какой (какихъ) отъ травъ, ягодъ или земли красокъ; оное паче видимо, что за много лѣтъ на камнѣ писанное не слиняло, изъ чего, какъ дѣлаютъ и съ чѣмъ употребляютъ, описать обстоятельно.

177. Законъ писменной, если имѣютъ или не имѣютъ, но по природѣ какой грѣхъ за тягчайшій и добродѣтель за наивысшую почитаютъ и какому за то воздаянію мнятъ быть.

178. Умѣетъ ли у нихъ кто по біенію жилъ или по уринѣ болѣзни познавать, съ какимъ обстоятельствомъ, сколько жилъ въ человѣкѣ счисляютъ, какъ ихъ имянуютъ, тожъ и о скотахъ.

179. Людемъ и скотомъ въ болезнѣ кровь какимъ образомъ пускаютъ ли, что по ономъ признаваютъ, во что оную употребляютъ.

180. Не признаваютъ ли больного по чему, будетъ ли живъ или умретъ.

181. Признаютъ ли беременныхъ женъ и скотъ, черевата ль чѣмъ, мужескъ полъ или женскъ.

---

*) *Rursus quod attinet in communi ad omnes gentes.*

182. Не знаютъ ли по лицу или по рукамъ какіе припадки или перемѣны въ счастіи были или впредь быть имѣютъ, и какъ тѣ примѣты называютъ.

183. Не имѣютъ ли такихъ вещей, которыя для избѣжанія отъ несчастія или исцѣленіи отъ болезней на шею вѣшаютъ и при себѣ носятъ и что̀, отъ чего, съ какимъ обстоятельствомъ употребляютъ.

184. Не имѣютъ ли отъ ружья заговоровъ или защищающихъ вещей, яко мази или какой привѣски и хотя всякому разумному извѣстно, что оное сущее суевѣріе и враки для обмана глупыхъ выдуманы, однакожъ для познанія той глупости, если можно, то не худо списавъ сообщить, дабы удобнѣе враки оныхъ сущими тѣми словами обличать.

185. Не заговариваютъ ли крови, изъ носа или раны текусчей.

186. Не думаютъ ли о приворотахъ или учиненіи ненависти между двѣма персонами, которые враки также перевести

187. Не признаютъ ли они плодороднаго года или недорода заранѣе, и почему.

188. Не мнятъ ли, что животныя межъ собою говорятъ.

189. Не сказываютъ ли, что люди въ звѣрей, птицу и протчее переворачиваются, и какимъ образомъ оныя враки быть описуются.

190. Не сказываютъ ли что̀ о себѣ, что умѣетъ дождь, снѣгъ или вѣтръ напустить, и чѣмъ тѣ враки доказать хотятъ, или токмо слыхали, что кто то чинилъ.

191. Не умѣютъ ли въ убранствахъ и употребленіяхъ какихъ либо старинныхъ денегъ или сосудовъ, на которыхъ были надписи, или какихъ образовъ вылитыхъ и рѣзныхъ.

192. Какіе они мѣры и вѣсъ употребляютъ и какъ оные имянуютъ, какую оные съ рускою разницу имѣютъ, напри-

мѣръ Татары имѣютъ батманъ, которое слово поруски значитъ вѣсъ, токмо они имѣютъ разные батманы.

193. Имѣютъ ли какое питіе для пьянства, изъ чего дѣлаютъ, и какъ оное употребляютъ; зде разумѣется не отъ рускихъ употребляемое, но ихъ собственное.

194. Не имѣютъ ли травы какой или коренья, отъ которыхъ подобно табаку пьяни бываютъ; описать какъ оное употребляютъ, и травы оные назнаменовать или чрезъ искусныхъ латинскія имяна приписать.

195. Для мытья своего тѣла и одежды, какое мыло, изъ чего и какъ дѣлаютъ.

196. Какіе сосуды въ домашнемъ употребленіи имѣютъ, изъ какого дерева или земли дѣлаютъ; сіе паки разумѣется кромѣ тѣхъ, кои междо рускими живутъ и обсче употребляютъ.

197. Не почитаютъ ли коего звѣря, что ево убить или какое дерево рубить грѣхъ и для чего, напримѣръ Калмыки выпа за святую птицу почитаютъ и оную убить никто изъ нихъ не дерзнетъ.

198. Наипаче всего нуждно каждого народа языкъ знать, дабы чрезъ то знать, коего они отродья суть; но въ языкѣ надобно смотрѣть:

1) Слова такія, которыя не легко перемѣняются, яко счисленіе, однакожъ сіе двояко; одно показываетъ токмо существенное, яко единъ, два, три и пр., другое описуетъ качество или прилагательное, яко первый, вторый, третій, въ которомъ многіе погрѣшили, что одно за другое клали, и для того надлежитъ обоя писать, чтобъ разница была видна; такожъ: Богъ, небо, солнце, мѣсяцъ, огонь и протчія имяна, не легко перемѣняемыя и чимъ болѣе оныхъ собрано будетъ тѣмъ лутше.

2) При записываніи ихъ надлежитъ внятно выслушивать, чтобъ одну букву за другую не положить, какъ и рускіе неискусныя не токмо въ реченіи, но и въ письмѣ часто *а* за *о*, *б* за *п*, *в* за *ф*, *д* за *т*, *з* за *с*, *к* за *х*, или обратно одно за другое пишутъ: *хлъпъ*, *хфала*, *горотъ*, *восъ*, *хкамисару*, вмѣсто: *хлѣбъ*, *хвала*, *городъ*, *возъ*, *къ камисару*, въ которомъ знающей грамматику никогда не погрѣшитъ, ибо единственно: *градъ*, множественно: *грады*, а *граты* написать нельзя, тожъ въ написаніи *ь* и *ъ* великая есть разница; иногда для протяженія въ различіе отъ подобнаго двойными буквами раздѣляется, а наиболѣе въ другихъ языкахъ, яко: *грамматика*, *Ааронъ*, *Авраамъ*, и протчее, такожъ и апострофомъ назначено есть долгое, яко: *твой сынъ*.

3) Нуждно смотрѣть на удареніе гласа, ибо: *будй* и *бўди* разное есть, первое отъ *будить*, а другое отъ *былъ* происходитъ, и для того надлежитъ внятно выслушивать, неоднова спрашивать и по изрѣченіи силу налагать.

4) Притомъ же и то прилѣжно смотрѣть, чтобъ сказывающій имѣлъ чистое и совершенно реченіе, ибо картавые, заиковатые и шепелеватые всѣхъ буквъ прямо выговорить не могутъ.

5) Нѣкоторые народы имѣютъ такое изрѣченіе, чего нашими буквами изобразить не можно, напримѣръ у Нѣмцевъ и Латинистовъ *h* легче нашего *г*, у горскихъ (*) есть подобное нашему *хч*, но есче легче и для того нуждно буквами изобразовать, но, чтобъ разницу знать, надъ одною точку класть и особливо описать, что оная точка значитъ, легче или жесточае выговаривать.

(*) Переведено: *Tartari, qui vocantur Gorskie.*

При описаніи каждаго народа состояніе тѣлесъ обсчественное нуждно описать: крупенъ или мелокъ или широкъ; плечи, лица широкіе, круглые, цвѣтомъ сѣрые; черные или бѣлые; носы острые или круглые, покляповатые или плоски; волосы черные, русые, бѣлые или рыжіе и какъ долги; имѣютъ ли носъ, ротъ большой, губы толстыя или среднія, цвѣтомъ смуглы или бѣлы, желты; платье, обувь и убранство обыкновенное и уборное, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, особливо дѣвокъ невѣстъ, яко и жениховъ при бракѣ.

Сіе все какъ наиболѣе находится и весма бы изрядно было, ежелибъ, гдѣ живописца сыскавъ, оныхъ смалевать.

Взято изъ рукописи, принадлежащей Русской библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, и обозначенной въ каталогѣ *Соколова* подъ № 130 in—f. Въ рукописи сочиненіе озаглавлено просто: *Предложеніе* (на 1—31 стр.); латинскій переводъ озаглавленъ: *Propositiones de instituendis collectionibus historicis et geographicis* (имѣетъ отдѣльный счетъ страницъ, съ 1 по 46). Съ боку заглавія приписано: *Praesent. in Acad. Scient. d. 2 Dec. 1737;* русскій текстъ внизу листовъ помѣченъ такъ: *Канцеляристъ Сергѣй Неклюдовъ.*

—

XIV.

1) ЭКСТРАКТЪ

о ѣздѣ геодезиста Василья Шишкова.

Іюня 30-го 1735, по опредѣленію дѣйствительнаго статскаго (что нынѣ тайный) совѣтника Василья Никитича Татищева съ товарыщи, посланъ отсюда въ Томское и Кузнецкое горное начальство при главномъ казначеѣ, Константинѣ Гордѣевѣ, геодезистъ Василей Шишковъ для описанія руд-

ныхъ мѣстъ и сочиненія всѣмъ тамошнимъ мѣстамъ обстоятельныхъ ландкартъ.

Возвратясь оттуда онъ Шишковъ сентября 19-го 1737 году письменно доносилъ: 1) По силѣ присланнаго отъ пр—ства.... ордеру и при немъ пунктомъ, велѣно всѣмъ тамошнимъ мѣстамъ сочинить ландкарты съ прилѣжаніемъ, въ которые внесть и Барабу, Красноярскій уѣздъ и другіе тамошніе мѣста, и какіе народы при тѣхъ мѣстахъ обитаютъ велѣно описывать обстоятельно, и, по силѣ оныхъ пунктовъ, былъ онъ въ Иртышскихъ крѣпостяхъ, у тамошнихъ обывателей о состояніи тѣхъ мѣстъ спрашивалъ, токмо ничего въ отвѣтъ надобнаго не получилъ; а штапъ и оберъ-офицеры письменно объявили, что у нихъ подлинныхъ, по силѣ тѣхъ пунктовъ, записокъ не имѣется, ибо крѣпости оные построены не въ давнихъ годехъ; и съ тѣхъ крѣпостей ѣздилъ онъ для описи, по силѣ вышеозначенныхъ пунктовъ, въ Томское и Кузнецкое вѣдомства въ остроги Чеуской, Иберской, въ которыхъ такожъ прикащики съ крестьяны спрашиваны не въ одно время и оные не отвѣтствовали же, а ежели ѣхать и вдаль въ оные городы, въ Томскъ, Кузнецкъ и Красноярскъ, для описанія по онымъ же пунктомъ, то и въ тѣхъ городехъ къ показательству знатно, что ничего не будетъ же, толко излишней трудъ, а въ прогонахъ и въ протчемъ будетъ напрасной убытокъ, и ѣхать было въ тѣ городы не для чего и того онъ опасенъ, дабы за неотвѣтствіе, по силѣ тѣхъ пунктовъ, штрафу на немъ не взыскалось, а и присланной отъ его пр—ства ордеръ гласитъ: тѣ мѣста описывать, которые имъ неописаны и ландкарты не сочинены. И по силѣ онаго ордеру, имъ генеральные ландкарты сочинены двойственные, на которыхъ положены: Красноярской, Томской и Кузнецкой уѣзды, Бараба, Иртышскіе крѣпости до города Тары, и оные, также

и опись, по силѣ пунктовъ, объявилъ при доношеніи. — 2) Будучи въ крѣпости Усть-Каменогорской, сказывалъ ему Тобольскаго полку солдатъ Григорей Клыковъ съ сыномъ своимъ Никитой: знаютъ они вверхъ по Иртышу, по теченію на лѣвой сторонѣ, отъ оной Усть-Каменогорской крѣпости во стѣ верстахъ, въ горѣ слюду, которую и показать могутъ, и по тому объявленію, для осмотру вышеписанной слюды, ѣздилъ онъ Шишковъ изъ Усть-Каменогорской крѣпости нарочно чрезъ Аблакетскіе полаты, которая гора разстояніемъ отъ оной крѣпости 97 верстъ на рѣчкѣ Булдыревкѣ, а отъ рѣки Иртыша въ 6 верстахъ, по теченію на лѣвой сторонѣ въ горѣ, на которой слюдного признаку весма доволно, въ ширину вверхъ по горѣ 100 саженъ, а длины 2 версты, которая слюда, по видимому, идетъ жилами, токмо оную опробовать было ему нечѣмъ, и собрано того признаку сверху фунтовъ до 3-хъ, которые объявилъ при доношеніи. 3) Они жъ, Клыковъ съ сыномъ, объявили каменное масло ниже той слюдной горы напримѣръ 30 верстъ при берегу Иртыша, по теченію на правой сторонѣ, и по ихъ, Клыкова, показанію осматривано которой притесъ ниже оной слюдной горы 21 верста, а отъ Усть-Каменогорской крѣпости 76 верстъ, и оное масло изъ синева камня изъ притесу съ полуденной стороны въ лѣтнѣе время въ жары вытапливается и каплетъ на землю, а потомъ уже на земли сохнетъ, и тогда оное накапанное масло и собираютъ, а когда въ лѣтѣ великіе жары, тогда того масла накапываетъ весма довольно, а по сказкѣ оного Клыкова съ сыномъ, ежели оное масло будетъ вытапливаться въ жары, и брать не запуская времени, дабы дождемъ не помочило, то можно въ лѣто собрать со 100 пудъ или болѣе, а ежели оное накапанное масло собрано не будетъ и помочитъ дождемъ, то ростаетъ. А при осмотрѣ его Шишкова въ оно вре-

мя были жары не великіе, да ктомужъ дожди, и собрано того масла четверть фунта, которое масло при томъ объявилъ. 4) Мая 21 дня прибылъ онъ въ Семипалатную крѣпость, для исполненія по силѣ оныхъ же пунктовъ, и пришедъ къ нему енисейского полку солдатъ Семенъ Савинъ словесно объявилъ: знаетъ онъ Савинъ ниже Семипалатной крѣпости въ 25 верстахъ, по теченію на лѣвой сторонѣ рѣки Иртыша, въ яру вохру желтую, которую и показать можетъ, а въ присланныхъ къ нему отъ его пр—ства пунктахъ въ 56-мъ написано: сыскивать краски и земли разныя, яко мелъ, карандашъ, вапъ, вохра, киноварь, болюсъ и разные краски и лекарства, или въ сосуды употребляемые глины; и по ево Савина объявленію послалъ онъ для осмотру и описи оной вохры геодезіи ученика Пареена Сомова, а самъ онъ поѣхалъ въ степь для описи соляныхъ боровыхъ озеръ и оной Сомовъ маія 16 въ Ямышевской крѣпости ему Шишкову тотъ осмотръ писменно объявилъ и при писмѣ вохры фунта четыре, левкасу фунтовъ восемь, да свѣтлыхъ пять камешковъ; а въ осмотрѣ Сомова написано: по показанію енисейскаго полку солдата Семена Савина, вохру въ яру ниже Семипалатной крѣпости въ 25 верстахъ по теченію на лѣвой сторонѣ рѣки Иртыша осматривалъ, а по осмотру ево оная отъ Семипалатной крѣпости въ 23 верстахъ по теченію на лѣвой сторонѣ рѣки Иртыша въ бѣлой глинѣ жилами, которые толщиною въ аршинъ и менѣе, и тѣхъ жильныхъ признаковъ въ яру ономъ восемь разстояніемъ отъ верхней до нижней жилы одна съ половиною верста, въ томъ же яру выше вохряныхъ признаковъ одна верста, есть бѣлой свѣтлой камень мяхкой во оной же бѣлой глинѣ, и называютъ ево тамошніе обыватели левкасъ, котораго признакъ въ длину и ширину на 10 саженяхъ; оной же солдатъ Савинъ ему показалъ ниже Семипалатной крѣпости

117 верстъ, по край рѣки Иртыша на голцахъ, по теченію на лѣвой сторонѣ, въ малую воду сыскиваются бѣлые свѣтлые камешки и лѣтомъ можно ихъ тутъ набрать довольно, а при осмотрѣ Сомова въ рѣкѣ Иртышѣ была вода весма велика и сыскано только 5 камешковъ; тотъ же солдатъ Савинъ объявилъ ему, выше Ямышевской крѣпости въ 80 верстахъ по теченію, на правой сторонѣ рѣки Иртыша, въ личныхъ ярахъ левкасъ чистой, а признаку въ томъ яру того левкасу вдоль по яру двѣ версты отъ фундамента вверхъ по яру 15 саженъ, въ такой же бѣлой мягкой глинѣ, какъ и выше сего показано, тѣхъ левкасовъ вохры бѣлой глины и протчего объявлено въ канцеляріи главнаго заводовъ правленія отъ Шишкова по частѣ.

Оные минералы свидѣтельствованы мастеровыми людьми, которые объ нихъ подписками показали:

Оконнишнаго дѣла мастеръ Ѳедоровъ: слюда по пробѣ явилась мало въ дѣленіе идетъ и крошитца, понеже она мелка и ежелибъ оная величиною была больше, то можетъ въ дѣленіе пойдетъ и въ дѣло оконнишное будетъ годна.

Знаменованія учитель Аврамовъ: вохра сырая и изъ оной же зженая къ живописному дѣлу, а глина также левкасъ, которой называется алебастръ зженой, къ иконному дѣлу явились годны, оной же левкасъ въ подмаски въ штукатурное дѣло годенъ.

Гранильщикъ Несенцовъ: свѣтлые бѣлые пять камешковъ къ полированію годны и крѣпки и глянецъ чистой на нихъ быть можетъ.

Пробирщикъ Грамотчиковъ, гончарной мастеръ Гартвихъ: глина по пробѣ въ дѣло идетъ, а въ сушкѣ не стоитъ и трескается, которое признаваютъ отъ того что свѣтла, а надлежитъ оную чрезъ трои сутки парить и потомъ сдѣлать

посуду и опробовать на огнѣ и какова явитца въ пробѣ, тогда отнынѣ чрезъ недѣлю можно объ ней, годналь будетъ, показать; потомъ же оной Гартвихъ сказалъ: глина когда попрѣла, то на израсцы и на посуду, а вохра къ росписанію на израсцахъ и посудѣ годны.

Здѣшняго гостинаго двора купецкіе люди, Өедоръ Савельевъ съ товарыщи четыре человѣка: каменное масло таковожъ, каково въ лавкахъ продаетца, цѣною они покупали въ Тобольску, когда ему привозъ бываетъ, по 4 копѣйки, здѣсь въ 5 и въ 6 копѣекъ фунтъ; оногожъ масла для пробы дано въ оптеку, а какъ опробуетца о томъ репортовано будетъ.

Подлинной экстрактъ за подпискою геодезиста Шишкова.

—

2) ОПРЕДѢЛЕНІЕ ТАТИЩЕВА

на донесеніе Шишкова.

1737 года октября 20 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ Татищевъ, разсматривая присланные изъ канцеляріи главного заводского правленія минералы, которые объявилъ геодезистъ Шишковъ отъ Иртышскихъ крѣпостей опредѣлилъ: № 1, слюда, взятая отъ Каменно—Горской въ девяностѣ осми верстахъ; сія хотя негодна, для того что сверху брата, а вглыпь безъ сумнѣнія надобно быть лучшей, а понеже ее немало каждогодно при заводахъ исходитъ и продать можно съ прибылью, того ради оставить туне не надлежитъ. № 2, каменное масло, взято ниже той горы; оное на что годно не извѣстно и для того послать въ главную аптеку и въ академію, хотя купя фунтовъ по пяти, чтобъ химики опробовали, есть ли въ

немъ какая потребность и почему фунтъ стоитъ, а у обывателей навѣдаться, во что болѣе употребляютъ, у купцовъ же торгуюсчихъ взять извѣстіе: куда для продажи возятъ, и почему продаютъ и кому больше, и оное извѣстіе и купленное масло для посылки прислать ко мнѣ. № 3, вохра, хотя краска не дорогая, однако живописцамъ, а паче въ полкахъ на вохренье портупѣевъ и перевязей нужная, сія же почитай даровая въ казну можетъ приходить, и для того писать въ губернію: чтобъ они для полковъ и продажи на Тосоляныхъ судахъ велѣли, накопавъ солдатами, въ Тобольскъ привести пудъ до 100, и смотрѣть, что изъ того прибыли быть можетъ. № 4 и 5, левкасъ и свѣтлой мяхкой камень; сіи оба родъ хрусталей не зрѣлыхъ, которое форма ихъ довольно доказуетъ, и оные могутъ въ гипсъ перезжены быть, но сія польза не велика; не сженые же, особливо если могутъ большіе штуки найдены быть, то можно изрядные сосуды дѣлать, какъ такіе видимъ, изъ Китая и Персіи привозъ, дорого продаютъ, къ тому можно плитками тонкими разрѣзывая камины и стѣны въ знатныхъ домахъ къ великому украшенію убирать; сверхъ сего если такихъ призмъ, что нѣколико срослись, можно много набрать, то ко убиранію гротовъ тожъ не малое будетъ украшеніе за цѣну самую малую. № 6, хрустали очень хорошіе, какихъ добротою при Екатерининскѣ нѣтъ, и сусче въ добротѣ Богемскіе превосходятъ и если ихъ можно довольно имѣть, тобъ прибыль приобрѣсти нетрудно, что продавать годныхъ во употребленіе фунтъ по рублю, а большіе до пяти рублевъ охотниковъ купить довольно сыщется, особливо если красноваты или съ синью и зеленью, каковы мнѣ случилось видѣть самому, оттуда жь привезенные капитаномъ Унковскимъ, которые онъ гораздо цѣнно въ Москвѣ ювелирамъ распродалъ, и я есче запонки имѣю съ зеленью; того ради

нужно къ веснѣ послать туда добраго надзирателя работъ, съ нимъ бергъ-ауера искуснаго съ двѣмя ученики, чтобъ прилѣжнѣе о слюдѣ, каменьяхъ и маслѣ каменномъ изслѣдовалъ и сколько можно болѣе собралъ, а понеже по Иртышу особливо до устья Каменногорской крѣпости, иногда и ниже, находятся весма хорошіе и недешевые каменья разныхъ родовъ и цвѣтовъ, яко: агаты, сердолики, яшмы, мармары и порфиты, по которымъ можно въ горахъ, откуда вываливаются, мѣста сыскать и съ немалою пользою государства добывать, того ради послать при томъ же гранильщика со станкомъ и одного ученика съ довольными припасы, чтобъ сея зимы къ веснѣ поспѣть могли, велѣть всякихъ твердыхъ каменья искать, рѣзать и по малому дѣлу для вида полировать, и зимою или лѣтомъ на суда присылать, а для конвою и работы, чтобъ отъ губерніи давано было съ перемѣною по двѣнадцати человѣкъ въ мѣсяцъ, но чтобъ солдаты болѣе къ тому охоты имѣли, давать отъ заводовъ по двѣ копѣйки на день работной, а тѣмъ кои нашли и объявили, дать по пяти рублевъ, обнадежа ихъ, если болѣе того покажутъ, то не токмо больше награжденіе учинено будетъ, но изъ солдатства увольнятся, нынѣ же требовать ихъ отъ губерніи, чтобъ на предбудусчее лѣто оны показатели для пріисковъ и показанія до зимы увольнены, и посланному надзирателю работъ отданы были. И съ сего для произведенія въ дѣйство въ канцелярію главнаго правленія Казанскихъ и Сибирскихъ заводовъ послать копію.

Подлинное опредѣленіе подписалъ господинъ тайный совѣтникъ Татищевъ.

Выписано изъ наставленія о заводахъ, какъ канцелярія главнаго правленія Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ во отсутствіе тайнаго совѣтника господина Татищева имѣетъ поступать, Іуніа отъ 24 числа 1737:

Геодезистомъ: Ивану Шишкову сочинять Тоболской провинціи уѣздовъ каждого особливую ландкарту, яко: Верхотурскаго, Пелымскаго, Краснослободскаго, Туринскаго, Тюменскаго, Ялуторскаго, Шадринского, Окуневского, Тарского, Тобольского, Якутского и до Томскаго, Василью Шишкову, Томской же и Енисейской провинцей каждаго уѣзда особливую; однакожъ того имъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ каждой ландкартѣ граничасчихъ уѣздовъ мѣста порядочно положены были и такъ далеко, какъ на той бумагѣ вмѣститься можетъ, дабы къ сочиненію генеральной карты никакого потомъ препятствія не было.

Концеляристъ Сергѣй Неклюдовъ.

Примѣчаніе. Оба акта взяты изъ рукописи, находящейся въ Русской библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, и обозначенной въ катологѣ *Соколова* подъ № 117 in—f, стр. 1—6, 13. Въ той же рукописи помѣщены и латинскіе переводы этихъ актовъ; на одномъ изъ нихъ надписано: *Praesent. in Academ. Scient. d. 2 Dec. 1737;* а внизу: *Traduxit studiosus Alexander Czadow.* Кромѣ того на стр. 7—9 помѣщены; *Опись Аблакетскихъ полатъ, которые стоятъ на степи отъ крѣпости Усть-Каменогорской напримѣръ шестьдесятъ верстъ* и *Опись семи полатамъ, которые отъ Семипалатной крѣпости 10 верстъ на рѣкѣ Иртышѣ на правой сторонѣ*, также переведенныя на латинскій языкъ. Къ рукописи присоединены четыре рисунка, сдѣланные красками и отличающіеся довольно тщательной работой: 1) *Проѳиль вбаблакетской полатѣ на стѣнахъ, якобъ иконостасъ, а предстѣною зделаны каменные, якобы омбоны, и на нихъ были глиняные болваны,* сочинилъ 1737 году Іюня 25 дня, геодезистъ *Василій Шишковъ;* 2) *Прошпектъ верху въ Аблакетской полатѣ на столбахъ и изрѣшечено, а между рѣшетинъ на доскахъ мужскія персоны,* сочинилъ Василей Шишковъ 1737 году іюня 25 дня, копировалъ геодезіи прапорщикъ Норовъ; 3) *Прошпектъ Аблакетскимъ полатамъ, каковы нынѣ оныя имѣютца,* сочинилъ 1737 году іюня 25 дня, геодезистъ Василей Шишковъ; 4) *Планъ Аблакетскимъ полатамъ и кругомъ ихъ крѣпости каменной,* того же геодезиста.

—

XV.

ОТРЫВОКЪ

изъ собственноручныхъ записокъ Татищева о живущихъ въ Сибири народахъ, на 4 л. (стр. 13—16).

Возрастомъ мужчины и женщины довольно крупны и тверды тѣломъ; видомъ по ихъ состоянію лѣпообразны, зимою оба полы носятъ долгіе овечьи шубы и широкой железомъ или медью набранной поясъ, шапки называемые малахаи сдѣланы такъ что можетъ шею и едва не все лице закрыть, лѣтомъ многіе носятъ красные суконные кафтаны впрочемъ же лицо и тѣло очень скаредны, ибо никогда не моются, ни ногтей у рукъ и ногъ обрѣзываютъ.

У дѣвокъ всѣ волосы на головѣ въ разные косы заплетены, которые кругомъ частію висятъ а другіе какъ рогатки стоятъ, подобно какъ ненависть изображается; женщины же имѣютъ токмо одну косу висячую на одной сторонѣ, которую разными мѣдными а болѣе оловянными бляхами украшаютъ (о волосахъ мущинъ не описано).

Мертвыхъ погребаютъ въ землю въ мужескомъ платьѣ съ лукомъ и стрѣлами. Ихъ богослуженіе состоитъ токмо въ томъ, что они на колья предъ ихъ жилищами взоткнутымъ козламъ или баранамъ нѣколико разъ наклоняя голову честь воздаютъ, равномѣрно предъ солнцемъ и мѣсяцемъ съ сжатыми руками на колѣни падаютъ, но притомъ никакой молитвы не имѣютъ и ничего не говорятъ, а другаго никоего богослуженія не знаютъ, однакожъ имѣютъ жрецовъ, которыхъ они когда вздумаютъ убивъ съ честію и уборомъ закопаютъ въ землю, сказуя что нуждно напередъ такого послать который съ Богомъ говорить и за насъ вблизости молить можетъ.

Если кто долженъ у нихъ клятву или присягу учинить, то поѣдутъ къ озеру Байкалу, гдѣ есть одна высокая гора, до которой дни два и болѣе ѣзды и на верху оной присягу учинитъ. По мнѣнію же ихъ, кто лживо учинитъ, тотъ долой несойдетъ и сію гору почитаютъ святою, при которой часто и жертвы приносятъ (гдѣ приношенія жертвы кому и какъ, такожъ и чина присяги не описалъ).

Объ нихъ же Адамъ Брантъ въ ѣздѣ своей, стр. 83 и 85.

Браты живутъ по рѣкѣ Ангарѣ отъ Енисейска до Байкала (сіе весма сумнительно, что какъ онъ самъ, такъ и другіе кладутъ по Ангарѣ оленьихъ тунгусовъ, токмо мѣстъ ихъ не различаютъ).

Я въ юртахъ ихъ предъ избами видѣлъ барана и козла взоткнуты на колья, головами къ небу поворочены (не сказуетъ на Востокъ или на Западъ), по сказанію ихъ небу въ жертву принесены. О вѣрѣ спрашивая прилежно, ничего обстоятельно увѣдать не могъ, только сказали, что признаютъ Бога творца всея твари и оному объявленную жертву приносятъ, молятся же солнцу и мѣсяцу на колѣняхъ.

Лангъ сказуетъ:

Отъ Братскаго острога вверхъ по Ангарѣ живутъ Братскіе Татара въ войлочныхъ юртахъ, въ скотахъ весма богаты и худой междо ими хозяинъ почитается которой 500 лошадей не имѣетъ, кромѣ коровъ, овецъ, козловъ и верблюдовъ они питаются наиболѣе дикими звѣрями, которыхъ множество побиваютъ, а лошадей ядятъ когда коя умретъ; они молоко отъ коровъ и кобылъ ядятъ, а болѣе вино изъ онаго сидятъ. Женитьба ихъ состоитъ въ томъ, что купятъ у отцовъ дочерей, платя конми, скотомъ и звѣрьми, и нѣкоторые даютъ по то до 100 лошадей и верблюдовъ до 20; при томъ сзывая какъ невѣстиныхъ такъ и жениховыхъ родню довольно убитыми скотами, кумысомъ и виномъ изъ

молока подчиваютъ, наилучшее же кушанье жеребенокъ лѣтъ двухъ. Видомъ они подобны Цыганамъ или Итальянцамъ черноваты (лицъ ихъ никто не описалъ).

Страленбергъ сихъ кладетъ обще съ Татарами и ничего объ нихъ не описалъ кромѣ того, что яко бы языкъ татарской имѣютъ; на другомъ мѣстѣ сказываетъ, что съ Якутами одного рода и прежде жили въ Дауріи.

О Барабинцахъ.

Станъ Сибирскій, глава 17.

Народъ Барабинцы начинаются отъ города Тары и простираются до рѣки Оби чрезъ весь Томской уѣздъ, мѣстами ровными и привольными по многимъ светлымъ (sic!) рѣкамъ. Они суть отродіе Калмыкъ, которые подъ властію Россійскою имѣютъ трехъ князей или тайши: Карсагачъ, Байкишъ, Бондукъ. Сіи собираютъ каждой отъ своихъ подвластныхъ ясакъ, изъ котораго половину въ казну русскихъ государей, а именно: Карсагачъ отдаетъ въ Тарѣ, Байкишъ въ Телевскомъ острогѣ вѣдомства Тарского, а Бойдукъ въ острогѣ Кулейба, все звѣрми другую же половину или часть платятъ Зенгорскому тайшѣ, которой для пріема присылаетъ къ нимъ своихъ людей и русскіе не воспрещаютъ. Сей народъ есть свирѣпый и военный, живутъ какъ Сибирскіе Татара зимою въ рубленыхъ избахъ токмо безъ печей, а имѣютъ трубы или комины, въ которыхъ огонь кладутъ и по сгорѣніи оную трубу закрываютъ, городовъ не имѣютъ но и деревни токмо для зимы, лѣтомъ же отходятъ къ рѣкамъ и въ лѣса для добычи звѣрей и рыбъ, гдѣ живутъ въ кибиткахъ войлочныхъ, а убогіе въ шалашахъ. Они пашутъ пашню, сѣютъ ячмень, овесъ и гречу, ржи не сѣютъ и не ядятъ; когда ему кто оржанаго хлѣба дастъ, то откуся долго жуетъ и ворочая во ртѣ расплюетъ, ячмень же

не мелютъ, но обмоча не много толкутъ и какъ шелуху собьютъ, то оной въ котлѣ поджаривая ядятъ безъ всего, при томъ употребляютъ коренья травы златоглава, по ихъ сарана, которую, сушатъ и варятъ съ молокомъ ядятъ; питье ихъ кумысъ (кобылье молоко), изъ котораго и вино двоятъ, такожъ караза (черной чай) и буза или брага овсяная, обыкновенное же питье ихъ вода. Скотовъ имѣютъ коней, верблюдовъ, коровъ и овецъ не мало, а свиней не держатъ и не ядятъ, болѣе же питаются отъ звѣрей, которыхъ довольно, яко соболей, куницъ, бѣлокъ, горностаевъ, лисицъ, разсомаховъ, бобровъ, выдръ и пр., которыхъ кожами ясакъ или оброкъ платятъ. Платье какъ у мужчинъ такъ женщинъ подобно во всемъ татарскому или старому русскому; оружіе ихъ луки и стрѣлы.

Когда на ловлю отходятъ, тогда берутъ съ собою шайтановъ или божишковъ, которой сдѣланъ изъ дерева въ подобіе человѣка, но лице мало чтобъ на человѣка походило, ибо къ дѣлу онаго кромѣ ножа одного снастей не имѣютъ; оной одѣтъ въ китайку, камку или изъ разнаго сукна лоскутковъ сшитаго подобно тѣлогреѣ, ставятъ его въ ящикѣ, на высокомъ мѣстѣ въ ихъ избахъ и возятъ на особливыхъ саняхъ. Когда удается ихъ добыча, то обвѣшиваютъ его собольми, куницами и другими звѣрьми, и оное такъ долго лежитъ какъ сгніетъ или моль ѣстъ; если же бы кто такое божишку хотѣлъ на нужду употребить, то ставятъ въ великой грѣхъ и стыдъ и чаютъ за то отъ шайтана всякой бѣды, для котораго коло оныхъ видно множество сгнилыхъ и молемъ поѣденныхъ кожъ.

Лангъ въ ѣздѣ о Барабинцахъ:

Орда называемыхъ Барабинскихъ Татаръ лѣтомъ живутъ около рѣки Тары и по другимъ малымъ рѣкамъ, суть идолопоклонники, живутъ скаредно, болѣе скотамъ нежели лю-

демъ подобны, въ ихъ жилищахъ, которые болѣе въ землѣ вкопаны, а сверхъ въ аршинъ вышиною кольемъ наметаны и соломой накрыты, въ которомъ на высшемъ мѣстѣ въ коробкѣ поставленъ шайтанъ подобіемъ человѣка длиною въ поларшина.

Ихъ пища состоитъ въ сухой рыбѣ и сушеной крупѣ, ячной или овсяной, питіе вода, скота имѣютъ мало, лошади токмо и тѣ въ лѣсу ходя сами кормъ достаютъ. Если кому рана приключится, то лучшее лекарство, зажегши трутъ, къ оной приложитъ и прижжетъ, и такъ терпѣливы власно какъ бы огня не ощущали. Весма вѣроятно, что они не Татара но Остяки, а отъ власти Татарской языкъ испортили.

Страленбергъ, стр. 321:

Барабинцы народъ идолопоклонпической междо Тары и Томска; они имѣютъ шамановъ и бубенъ подобно Остякамъ, оной въ лѣвой рукѣ держитъ бубенъ, а въ правой палку и одну трещетку, они ядятъ жареную ячную крупу, которую зовутъ курмачъ; шаръ у нихъ въ такой чести, что за него все лучше купятъ, неже за денги. Народъ сей прежде былъ на Оби тѣхъ же Остяковъ, о которыхъ обоя народы мнѣ сказывали: русскіе неправильно выговаривая татарское слово зовутъ Бараба, а Татара и Остяки зовутъ Барама; сами они сказываютъ что сіе имя какъ имъ, такъ и Остякамъ, когда еще вмѣстѣ жили было общее и есть древнѣйшее, но что оное значитъ, того растолковать не умѣютъ; а мню, что тоже что и Бярмы (или какъ нынѣ зовутъ Пермы) значитъ, ибо они одного сарматскаго рода, и напредъ сего вмѣстѣ жили.

О Якутахъ.

Страленбергъ, стр. 35.

Якуты или якутскіе татары пребываютъ еще во идолопоклоничествѣ, но они равно киргизамъ, братскимъ и саян-

скимъ или саіотскимъ татарамъ съ турками имѣютъ одинъ языкъ.

Стр. 62: они почитаютъ трехъ боговъ: невидимыхъ аръ теугонъ, аръ тугонъ, тайгара. Теугонъ значитъ начальникъ, правитель или воевода. Стр. 84: о другомъ сказуетъ, что его Счуго тсугонъ зовутъ. Стр. 63: русскихъ они называютъ лучшіи или людзе, и сказываютъ они для того зовутъ, что рускіе пришедъ на нихъ сначала сами себя звали лучшіе, людзе.

Стр. 128: Якуты прежде на Востокѣ къ королевству Тангутъ жили, какъ они сами сказываютъ (сіе невѣроятно, чтобъ они не имѣя писма могли что о такой давности и дальности сказать). Избрантъ сказуетъ, что они съ Братами одного отродія и прежде вмѣстѣ жили; и сіе паче обычая всѣхъ тамошнихъ народовъ, что они долгіе волосы и короткое платье носятъ, они же прежде пришествія русскихъ обычай имѣли, что съ умершимъ господиномъ вернѣйшего изъ его слугъ погребали, но русскіе имъ сіе злоупотребленіе запретили.

Стр. 375: Якуты народъ идолопоклонической, отъ русскихъ такъ названы, живетъ по Ленѣ, сами зовутся Зынъ Заха или Зынъ Заготонъ (что оное значитъ не истолковалъ); сей есть большій народъ во всей Сибири междо идолопоклонническими и раздѣляется на десять родовъ: 1) Борогонискіе, 2) Байтугскіе, 3) Бадысъ, 4) Гонъ Саіонъ, 5) Менга, 6) Кайгаласъ, 7) Кашимъ, 8) Батруски, 9) Лугой, 10) Болугуръ. Всѣхъ ихъ напримѣръ около 30,000 человѣкъ дающихъ ясакъ счисляется. Заха называются они отъ одного ихъ древняго владѣльца; но тотъ, которой ихъ отъ Братовъ отдѣлилъ и въ сіи мѣста вселилъ, Депчи-Тарханъ-Тегинъ имянованъ (тарханъ на татарскомъ знаетъ волной господинъ; а какъ давно они въ сіи обиталища перешли,

неизвѣстно). Они же не имѣютъ никакихъ болвановъ или божишковъ, изъ дерева и другой матеріи сдѣланныхъ, но приносятъ жертву невидимому Богу однакожъ въ образѣ одной сшитой куклы, у которой безобразная голова, а глаза изъ корольковъ вставлены, ея тѣло есть мѣшокъ набитой; котораго на деревѣ привязываютъ и при немъ соболи и другіе кожи звѣрей разныхъ вѣшаютъ, и такого каждый родъ особно имѣетъ. Ихъ попы зовутся Біунъ, имѣютъ бубны какъ у прочихъ шамановъ; Бога же невидимаго почитаютъ подъ тремя имянами, какъ выше показано: Артойонъ, Шуготойгонъ и Тайгара, обще же всѣхъ Зуманъ т. е. святіи или святость имянуютъ. Они жъ какъ и другіе подобные имъ язычники предъ святыми деревьями многое суевѣрное почтеніе дѣлаютъ, ибо гдѣ увидятъ хорошее дерево (особливо на пригоркѣ), то въ вѣчную жертву привѣшиваютъ оному разныя привѣски, яко лоскутья кожи, звѣрей, железные и мѣдные бляшки и пр. Ихъ попы или Біуны, когда ихъ чинъ или волшебство отправляютъ, надѣваютъ на себѣ платье съ нашитыми железными бляхами, гремушками и позвонками или колокольчиками, равно какъ самоядскіе и другіе шаманы.

Какъ скоро трава покажется то собираются каждой родъ въ мѣсто къ хорошему дереву на красное и привольное мѣсто и тогда т. е. въ апрелѣ начинаютъ ихъ годъ и приносятъ въ жертву коней и быковъ (здѣсь сумнително, ибо около Якутска, сказываютъ, что коней и коровъ Якуты не имѣютъ, но развѣ около Верхоленскаго), отъ которыхъ головы встыкаютъ около дерева, на конскихъ же головахъ кожу не снимаютъ, потомъ взявъ питье ихъ кумысъ сядутъ вкругъ и оную кружку или сосудъ при питьѣ каждой обоими руками вверхъ возносяи другому подаетъ (не написалъ прежде ль питья или послѣ возносятъ;) такожъ взявъ вѣничекъ или

кисть облича въ кумысъ кропятъ на зажженой притомъ огонь и на воздухъ (сіе необстоятелно, въ одну ль сторону на воздухъ кропятъ или на три и четыре стороны, и откуда на востокъ или на западъ кропить начинаютъ). При ономъ они такъ мужественно пьютъ, что всѣ безъ памяти останутся и ядятъ обыкновенно на четырехъ человѣкъ лошадь. При семъ пированіи многіе мужчины до нага раздѣнутся, чтобъ къ наполненію брюха ничто препятствовало.

Впрочемъ сей народъ весма свинско живетъ: они моются очень рѣдко, иные же никогда, ядятъ коней, козовъ и пр. кромѣ свиней и хотябъ съ голода умиралъ свиньи есть не будетъ; но скотина, которая заболитъ, и какъ видитъ, что ей умереть надобно, то зарѣжетъ и съѣстъ. Они хотя мясо жарятъ и варятъ, да для нихъ когда только вскипѣло или сверху запеклося довольно мягко, пѣну въ котлѣ нескидываютъ, но за лучшей наваръ и лакомство почитая между собою раздѣляютъ. Ихъ ступы, въ которыхъ они сухую рыбу, коренья и ягоды толкутъ, сдѣланы изъ коровья кала (здѣсь потребно обстоятельство, какъ они сію такъ мягкую матерію крѣпко сдѣлаютъ). Ихъ скотъ живетъ съ ними въ шалашахъ, въ которыхъ полъ набитъ глиною гладко, и по сторонамъ лавки, на которыхъ сидятъ и спятъ; хлѣбъ когда достанутъ ядятъ, но не всегда имѣютъ понеже не пашутъ и не сѣютъ, соли употребляютъ весма мало однакожъ нѣкогда покупаютъ, въ февралѣ и мартѣ есть ихъ время жатвы т. е. когда сокъ въ дерево входить начнетъ (сумнительно, ибо около Якутска и почитай во всей Сибири въ февралѣ жесточайшіе морозы и въ мартѣ мало таетъ, развѣ въ апрелѣ или послѣдней половинѣ марта); тогда они ѣдутъ въ лѣсъ, рубятъ молодые сосны, съ которыхъ снявъ кору сушатъ, а зимою оную толкутъ въ муку и съ молокомъ варя или горячимъ обливъ, ядятъ съ сухою толченою рыбою.

Жилища же свои лѣтомъ, подобно Тобольскимъ и Барабинскимъ Татарамъ перемѣняютъ: зимніе шалаши ихъ четвероугольные срублены изъ тонкихъ бревенъ, покрыты берестомъ и землею, на верху по срединѣ дымникъ, которыхъ дымъ выходитъ; лѣтніе шалаши круглые шатромъ, накрыты берестомъ, которые крашеными конскими хвостами и гривами вышивая украшаютъ, на верху для дыма оставляютъ окно и въ срединѣ кладутъ огонь, а при томъ виситъ крюкъ, на которой котелъ или горшекъ навѣшиваютъ, которые они сами дѣлаютъ, у оныхъ толко дно железное а стороны изъ береста, которые они такъ искустно сшиваютъ, что капля воды непройдетъ и они на огнѣ не горятъ.

Мертвыхъ погребаютъ неоднаково: знатнѣйшіи избираютъ себѣ одно дерево и прикажетъ гдѣ онъ по смерти положенъ быть имѣетъ и тогда съ нимъ нѣчто лучшихъ его вещей въ гробъ кладутъ (здѣсь не сказываетъ, въ землю или на деревьяхъ); нѣкоторые кладутъ мертвыхъ только на доску и, поставя въ лѣсу на четырехъ столбахъ, покрываютъ конскою или коровьею кожею; нѣкоторые закапываютъ въ землю, наиболѣе же въ юртахъ, гдѣ кто умеръ, незакрыто отъ сродниковъ оставляются, сродники же взявъ все нужное изъ оной уходятъ на другое мѣсто; а которые въ городѣ Якутскѣ умираютъ, тѣхъ бросаютъ на улицы и часто собаки мертвыхъ волочатъ (сіе невѣроятно, чтобъ воеводы допустили; но извѣстно, что зимою всѣхъ мертвыхъ тамо въ снѣгъ, а лѣтомъ въ близьлежащее озеро опускаютъ, понеже земляные копать надмѣрно трудно, потому что земля болѣе полъаршина не розстаиваетъ).

Сверхъ выше объявленнаго каждая фамилія имѣетъ особливую святость въ почтеніи, яко лебедя, гуся, ворона и пр., и тотъ родъ оной святости, которую онъ почитаетъ, не ѣстъ. Языкъ ихъ съ Крымскими Татары сходенъ, равно какъ

Братовъ, Киргизовъ и Саянцовъ, но послѣдніе болѣе съ Мунгальцами помѣшали. Якуты многоженство употребляютъ какъ прочіе язычники и оныхъ отъ отцовъ покупаютъ (какъ дорого не описалъ).

Статъ Сибирской, въ главѣ 14:

Около города Якутска и по рѣкѣ Анига (мню Лена) живетъ народъ называемые Якуты, которые особливое платье носятъ: ихъ верхніе кафтаны изъ разныхъ цвѣтовъ мохнатыхъ кожъ сшиты, вокругъ опушка въ ладонь шириною бѣлая оленья или козиная, въ подобіе кружива и нѣчто на нѣмецкое походило, ибо по сторонамъ и назади прорѣхи, и очень недолгое. Волосы носятъ долгіе, рубахъ не имѣютъ.

Вѣрятъ быть Единаго Бога въ небѣ, которой жизнь даетъ и содержитъ дая всякое полезное.

Весною имѣютъ великой праздникъ и жертвуютъ Богу кумысъ и аракъ (пересиженое вино изъ молока), но оное сами не пьютъ, токмо разложа великой огонь онымъ непрестанно оборотяся на востокъ поливаютъ; олени ихъ, скоты служащіе за коней, какъ въ саняхъ такъ верхомъ ѣздятъ.

Народъ сей мужественъ, остроуменъ и правдивъ.

Воеводъ они смирныхъ и слабыхъ ни во что не ставятъ, и когда такой случится, то много воровства и насилія отъ нихъ происходитъ; жестокихъ же и справедливыхъ почитаютъ, боятся и смирно живутъ.

Они сказываютъ о себѣ, что прежде съ Мунгалами жили и одинъ народъ были, но потомъ отъ рускихъ въ сіи мѣста загнаны. Отъ цынги для сырости ихъ пищи претерпѣваютъ они тяжкую болѣзнь, которой они дехтемъ березовымъ лечатъ (но пьютъ ли или мажутся, того не пишетъ).

Дополненіе о Якутахъ, которое нѣколико времени при железныхъ заводахъ надзирателемъ бывшей Столовъ ска-

зывалъ *): Якуты, по Ленѣ живущіе, почитай всѣ кузнецы, каждой въ своемъ юртѣ имѣетъ горнъ и наковальню. Когда ему что надобно сдѣлать, то поѣхавъ на нартахъ привезетъ руды железной, которой тамо вездѣ много и очень хорошей гольянъ или магнитъ, оную положа въ горнъ, такъ долго жжетъ какъ железо сдѣлается, изъ онаго сдѣлаетъ что ему надобно; но онаго на продажу весма мало дѣлаютъ, развѣ у него шара недостанетъ, то и нужное продаетъ или сдѣлаетъ, что велятъ. Они очень искусны сундуки оковывать, за которое имъ якутскіе жители довольно платятъ, однакожъ въ Руси такъ хороше и чисто оковать едва за тройную цѣну кто возметсяль.

О Канскихъ Татарахъ

Страленбергъ, стр. 36:

Канскіе Татары язычники, живутъ близь Красноярскаго; они никакого съ Татары сравненія не имѣютъ, но сущіе Самояди или Остяки, съ которыми въ языкѣ, хотя по близости татарскимъ испорченъ, но много согласуютъ, и сами сказываютъ о себѣ, что они одного народа были и вмѣстѣ жили. Сіе имя дали имъ русскіе отъ рѣки Канъ, которая междо Красноярска и Енисейска въ Енисей течетъ. Сами они себя зовутъ Кхетовчи; а Тунгусы ихъ зовутъ Аза. Они немноголюдны и едва отъ 400 до 500 человѣкъ соберется.

Аринчи.

Страленбергъ, стр. 85:

Аринчи народъ татарской живутъ не далеко отъ Красноярскаго; сказываютъ, что они во время нашествія рускихъ, видя одинъ народъ по другомъ въ подданство руское приве-

---

*) Дополненіе это въ рукописи находится въ иномъ мѣстѣ въ видѣ выноски къ описанію Якутовъ, подъ буквою А.

денныхъ и разумѣя, что очередь до нихъ скоро доидетъ, послали къ воеводѣ рускому пословъ, съ которыми послали жь стрѣлу, черную лисицу и кусокъ красной глины, которымъ миръ и войну изобразовали; и хотя оные Аринчи до 7000 военныхъ имѣть могли, но большею частію побиты и нынѣ ихъ едва 200 семей сыскаться можетъ и особливой языкъ имѣютъ.

Они имя свое Аръ сказуютъ, что значитъ шершень, для ихъ храбрости и непримирительной злости.

Сказываютъ же о себѣ, что въ древніе времяна въ мѣстахъ, гдѣ они жили, напали па нихъ множество змѣй съ человѣчьими головами, которыхъ головы какъ солнце свѣтилось, и оные множество ихъ погубя въ сіи мѣста загнали. (А понеже о подобномъ сему народѣ и змѣяхъ Геродотъ древній гисторикъ сказуетъ; то потребно обстоятельнѣе о ихъ сказаніи увѣдать, подлинноль у нихъ такая гисторія или преданіе знаемо или писатель выдумалъ).

—

XVI.

РАЗСУЖДЕНІЕ О РЕВИЗІИ ПОГОЛОВНОЙ,

и касающемся до оной.

Все то о чемъ мы разсуждать хотимъ, вопервыхъ нуждно чтобъ не токмо внутреннее и внѣшнее состояніе, того достаточно уразумѣть моглп, но и то что мы кому внушаемъ ясно кпоятію изречено было; для того потребно такое реченіе употреблять, чтобъ все было вразумительно не токмо вобществѣ но и въ малѣйшихъ того частяхъ. Реченіе имѣетъ части слова, а въ словахъ части суть буквы для того нуждно, чтобъ всякое слово слышащій въ томъ разумѣ принималъ,

въ которомъ сказыватель полагаетъ: а понеже здѣсь слова частію иноязычные приняты частію и словенскіе да въ различныхъ знаменованіяхъ пріемлются по правиламъ же логики должно всякоя вещь свое имя имѣть, дабы смятенія не наносило. Для того я вопервыхъ такіе слова изъяснить запотребно разсудилъ:

1) Ревизіо есть слово латинское значитъ дозоръ или пересматриваніе у насъ тоже прежде имяновано перепись людей; причина же сему есть уровняніе окладной дани или сбора съ людей.

2) Дань слово древнее словенское точно то значитъ что подданные должны дать государю, хотя иногда неискусные писатели весма въ иныхъ обстоятельствахъ оное употребляли, яко въ гисторіяхъ часто видимъ взятое отъ другихъ государей за вспомогательство данью имяновано и пр., иногда подать данію впротивно дань податью именовали, но сіи пространно толковать не потребно ибо самые слова разность ихъ изъясняютъ и суще дань окладной настоящей сборъ съ чего бы то ни было, а подать значитъ по дани или сверхъ дани на чрезвычайный росходъ наложенное.

3) Изъ выше показаннаго довольно вразумителство (тельно) что дани съ подданныхъ въ казну государственную какъ для учрежденныхъ и порядочныхъ такъ для чрезвычайныхъ расходовъ есть дѣло весьма нужное; по исторіи же видимъ что весьма въ глубокой древности, въ Египтѣ, Ассиріи и другихъ уставленное дабы каждой подданной зналъ, что онъ и когда дать долженъ.

4) Въ расположеніи дани есть главное разсмотрѣніе, чтобъ оное было сносное и всѣмъ подданнымъ уравнительное и на потребные расходы достаточно, какъ о томъ единъ славный философъ написалъ подати въ государствѣ подобны баласту на кораблѣ великіе погружаютъ а малые отъ

опровержения удержать не могутъ и пр. для того оные по состоянію областей и времени премѣняются, ово уменьшаются, ово податми или запросами умножаются.

5) Окладные дани тѣ, которые отъ времяни до времяни непремѣнно платить должны, яко то поголовные поземельные оброки съ угодей или отскупы на урочные годы по которымъ и росходъ окладной учреждается такъ чтобъ для случаевъ нечаянныхъ нѣчто въ казну въ запасъ оставалось противно тому хотя уставленные но числомъ неизвѣстные яко пошлины внутренніе и внѣшніе доходы отъ промысловъ и рукодѣлій разного званія суть дани неокладные ибо отъ многихъ причинъ премѣняются.

6) Всѣ сіе оклады приходовъ и росходовъ нужно по временамъ премѣнять которое происходитъ вопервыхъ отъ благоразсуднаго тщанія ко умноженію правильныхъ и вновь пріобрѣтенныхъ доходовъ или умаленія расходовъ другое принужденное отъ премѣненія состоянія подданныхъ которые отъ разныхъ случаевъ приключается и какъ премѣнится доходъ то нужно по разсужденію премѣниться росходу.

7) Умноженіе правильное доходовъ благоразсуднымъ высокого правительства прилежаніемъ пріобрѣтено быть можетъ яко 1) умноженіемъ подданныхъ которое весьма разными способы учиниться а ущербъ отвратиться можетъ; 2) учрежденіе въ государствѣ доброй экономіи или домостроительства дабы елико возможно работы и труды крестьянства уменьшить и облегчить, а плодородіе въ житахъ скотахъ и прочемъ умножить. *Премудрое правительство Египта даетъ примѣръ что земледѣльцы и пастыри предпочитаны были гражданомъ, а сіе для того чтобъ ко умноженію плодовъ и скотовъ поохотить*; 3) въ недостаткахъ или небреженіяхъ добрыми законы и крѣпкимъ надзираніемъ предуспѣть и въ употребленіи къ умѣренности

принуждать; 4) умноженіе рукодѣлей или гречески (?) манифактуръ а наипаче тѣхъ которые изъ родящихся въ въ своемъ государствѣ припасовъ дѣлаются или тѣ припасы изъ другихъ государствъ за свои избытки получать и съ прибылью передѣлывать можно дабы оными привозъ изъ другихъ государствъ и за работы дорогую заплату постороннимъ пресѣчь или сдѣланные а не сырые въ другія государства продавать дабы за работы оныхъ свои подданные а не чужіе получали междо сими главнѣйшіе и полезнѣйшіе метальные и минеральные промыслы; 5) умноженіе и приведеніе въ доброе состояніе внутренняго и внѣшняго торгу которое чрезъ доброе учрежденіе прилежное отъ искусныхъ наставленіе и надзираніе а наипаче чрезъ вольность купечества и охраненіе ихъ отъ отягощеній умножается ибо сіе есть корень и основаніе всѣхъ богатствъ и доходовъ въ государственныхъ и суще какъ сердце въ человѣкѣ всю кровь или тукъ отъ всего тѣла въ себя принявъ паки вовсе тѣло раздѣляетъ и окруженіе оного продолжаетъ, тако купечество гдѣ оное свободно торгуетъ тамо и богато, а когда купечество богато то все государство богато сильно и почтенно; 6) нужны способы къ тому колико для пользы купцовъ и всѣхъ подданныхъ толико и для доходовъ казенныхъ пути почты проходы водные и всюду безопасности въ государствѣ пріобрѣсти, устроеніе училищъ къ пріобрѣтенію разума и способности въ разужденіяхъ и поступкахъ яко же имъ знанію законовъ Божія и гражданского главное; 7) понужденіе къ трудамъ а уменьшеніе тунеядцевъ во всѣхъ обстоятельствахъ немалую пользу государству приносятъ; 8) содержаніе войскъ во время мирное въ такомъ порядкѣ чтобъ оное работамъ и торгамъ не токмо не повреждало но паче тому помоществовало и не праздно или туне хлѣбъ ѣли; 9) главнѣйшее есть правосудіе требующее

такихъ достаточныхъ и ясныхъ законовъ чтобъ всѣ вражды а наипаче коварство и не правды въ судахъ грабительства и убійства разоренія немощныхъ отъ сильныхъ елико возможно пресѣчь а спокойство и тишину въ подушныхъ возставить; 10) къ тому небезнужно и о томъ стараться чтобъ подданные изъ государства не имѣли причины за границы уходить и мѣста нужные опустошать а паче чтобъ свои великія пустыни приходящими изъ за границъ населить и народъ умножить о чемъ выше сказано; 11) для помощи купечеству и умноженія отъ того доходовъ банкъ долговой безъ опасности съ умѣреннымъ ростомъ по состоянію государства не токмо полезенъ но и нуженъ ибо чрезъ то фабрики могутъ разпространяться купечество можетъ торги а отъ торговъ умноженіе сбора пошлиннаго доходъ государственной умножится: сими способы весма много можно доходъ государственныхъ слѣдственно богатство силы и славы пріумножить, но сіи способы всѣ можемъ въ уставахъ законахъ и учрежденіяхъ премудраго и вѣчно отъ Россіи благодаренія достойнаго Государя Его Императорскаго Величества вѣчной славы и памяти достойнаго Петра Великаго обрѣсти, если кто оные правильно разумѣть и употребить можетъ а къ тому мудрыхъ философовъ политическіе и экономическіе книги способствуютъ.

8. Нужда приводитъ премѣнять оклады въ городѣхъ отъ умноженія или уменшенія торговъ и промысловъ, и въ поселянствѣ отъ умноженія и умаленія людей которое отъ разныхъ нечаянныхъ случаевъ происходитъ яко въ общемъ окладѣ чрезъ войны завоеваніемъ или потеряніемъ предѣловъ или нѣкоторыхъ владѣній. И для того нужно повременамъ разсматривая оклады доходовъ и росходовъ премѣнять но понеже мое намѣреніе единственно представить о податяхъ земскихъ того ради все прочее оставя безъ дальняго

изъясненія (хотя оные такъ яко цѣпь съ сими связана и единъ другому видимо и невидимо помогаетъ и вредитъ и во всѣхъ многаго исправленія требуется) оставляю.

9. Окладъ земской не токмо въ разныхъ областяхъ но и въ одномъ порядка разнаго и состоянія и повременамъ премѣняется напр. у насъ иной есть на завоеванныхъ отъ Швеціи иной на бездомныхъ Сарматахъ, яко Лопахъ, Самоѣдахъ, Остякахъ и паки иной на подданныхъ русскихъ домовныхъ и пр.

10. Второе премѣненіе отъ времяни яко у насъ по исторіи видимъ древней окладъ былъ *подымной, потомъ* поголовной числился мужескъ полъ отъ 15 до 60 лѣтъ, царь Іоаннъ I и великій имянованный уставилъ для уравнянія въ прибавокъ къ поголовнымъ платить съ земель то есть съ сохъ и счисляли въ сохѣ три обжи или пахари по сколько на нихъ земли положено было и какой окладъ того мнѣ сыскать не случилось токмо упоминается однова взято съ сохи по полугривнѣ а по нынѣшнимъ денгамъ близъ рубля.

Іоаннъ II и грозный имянованный первое земли велѣлъ измѣрять десятинными счисляя каждую десятиную часть версты, то есть 50 саженъ длины и толкожъ поперекъ, а полторы десятины дѣлаютъ одну четверть во всѣхъ трехъ поляхъ онъ положилъ 12 дворовъ или 36 пахарей въ соху земли въ сохѣ счислялось доброй 800, средней 1000, худой 1200 четвертей окладъ съ сохи былъ въ годъ 12 руб. а съ пустой сохи рубль но помѣстья въ тотъ окладъ не кладены а положено было со 100 четвертей жилыхъ помѣщику имѣть человѣкъ въ войскѣ съ конемъ, ружьемъ и запасомъ о чемъ въ его уставахъ ясно.

Царь Алексѣй Михайловичъ видя послѣ разоренія что многіе земли лежали пусты безъ платежа въ 1646 году (7154) учиня перепись дворамъ съ оныхъ подати положилъ

е съ земель оставилъ. Онъ же усмотря, что изъ Польши множество людей вывезено и населено велѣлъ паки перепись учинить которая окончилась при сынѣ его Ѳеодорѣ II въ 1678 году и по той платили.

Императоръ Петръ Великій въ 1710 повелѣлъ дворы и число мужеска пола вновь переписать которое 1711 окончалось но весьма неисправно: 1) какъ холопи и дворовые люди въ платежъ не писались то многіе владѣльцы цѣлые деревни огородя заборомъ всѣхъ крестьянъ писали дворовыми; 2) нѣкоторые по три и по четыре двора вмѣстѣ сводили избы посломали и однимъ дворомъ писали; 3) иные наличныхъ крестьянъ писали въ бѣгахъ того ради губернаторы оклады положили каждой въ своей губерніи по его разсужденію нѣкоторые брали поголовные другіе съ дворовъ по новой а большая часть по старой переписи, что видя Его Величество еже оные дворовые переписи неосновательны въ 1719 году повелѣлъ учинить поголовную мужеска пола перепись которая въ 1723 году окончана.

Сіе положеніе хотя весьма прежняго порядочнѣе и уравнительнѣе, еслибы опредѣленные къ переписи болѣе о настоящемъ нежели о побочныхъ того дѣлахъ прилежали, особливо при первой переписи какъ они обнадежены были великимъ награжденіемъ изъ взятыхъ деревень и денегъ за штрафы съ утаившихъ такъ они болѣе о розыскахъ слѣдствіяхъ и собираніи штрафовъ нежели о сущемъ числѣ людей прилежали и чрезъ четыре годы продолжая собранныя сказки растеряли и перепортили а чрезъ то многіе деревни и люди остались въ прпискѣ противно же тому многихъ людей вдвое и женскіе имяна мужскими написали и сдѣлали въ платежѣ многимъ отягощенія и разореніе. Многіе владѣльцы и управители видя тогда что деревни ихъ или въ деревняхъ люди не ими но подъячими пропущены опа-

саясь такъ тяжкихъ розысковъ и штрафовъ объявить не смѣли и остались въ пропискѣ.

Сіе дало причину въ 1727 году вновь свидѣтельствовать, которымъ нѣсколько было поправлено но нынѣ по многимъ недоборамъ явилась нужда вновь свидѣтельство учинить которое съ 1743 доднесь съ великою тягостію народа чрезъ два года продолжалось и еще въ годъ едва можетъ ли окончаться да и то въ правильномъ ея состояніи сумнительно и хотя Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше изволила объявить чрезъ 15 лѣтъ всегда быть свидѣтельству, по если оное симъ порядкомъ будетъ отправляться то опасно чтобъ не болѣе вреда и разоренія народа и въ доходахъ ущерба нежели пользы послѣдовало, а понеже сіе дѣло доходы и оклады свидѣтельствовать не новое и не у насъ токмо но издревле и во всѣхъ государствахъ употребляемое того ради я въ примѣръ представляю.

11. Римская монархія сколько отъ исторіи извѣстно о положеніи порядочныхъ и уравнительныхъ податей наиболѣе другихъ прилежала и первое мнятъ Августъ императоръ и болѣе доказательно Константинъ Великій видится первый которой опредѣлилъ всѣ оклады приходовъ и расходовъ чрезъ 15 лѣтъ свидѣтельствовать которое названо гречески индиктъ или непремѣнный платежъ, и чтобъ то время конечно не премѣнялось и всѣмъ въ памяти было во всѣхъ указахъ и прочихъ опредѣленіяхъ число года индикта ставить повелѣлъ, оное такъ порядочно было учинено что во всемъ превеликомъ его царствѣ съ марта въ пятомъ на десять году индикта начиналось а къ сентябрю тогожъ года окончалось и новые оклады въ началѣ наступившаго индикта были извѣстны.

Въ Швеціи свидѣтельствуютъ оклады чрезъ седмь лѣтъ безъ всякой трудности и отягощенія народа не употребляя

къ тому генералитета и офицеровъ но единственно выбранными отъ шляхетства духовенства и гражданъ, подъ правленіемъ губернаторовъ и чтобъ откупы смятенія не наносили не даютъ на откупы и аренды далѣе того года какъ свидѣтельству быть надлежитъ и оное ихъ свидѣтельство никогда болѣе шести мѣсяцовъ непродолжается отъ котораго народъ отягощенія а казна государственная ни малѣйшихъ расходовъ не терпятъ слѣдственно же розысковъ и штрафовъ не знаютъ.

12) Что же нашей настоящей ревизіи или переписи касается, то частію учрежденіе, частію поступки опредѣленныхъ не во всемъ съ надлежащимъ согласуютъ: 1) опредѣленіе офицеровъ изъ полковъ сугубой приключаетъ вредъ ибо въ полкахъ къ службѣ недостатокъ, а въ земли къ разоренію во избытокъ понеже жалованье казенное получаютъ туне а въ дѣлѣ многіе никакого искуства не имѣютъ, но болѣе обыкли властію повелѣвать и чужимъ а не своимъ быть довольны въ которомъ никакого страха не имѣютъ и по большей части проискомъ къ своимъ деревнямъ опредѣлены что не малою причиною къ продолженію ревизіи и утѣсненію ихъ сосѣдей *есть* вмѣсто же того въ уѣздахъ отставныхъ штабъ и оберъ офицеровъ и дворянъ довольно, которые къ такимъ дѣламъ способнѣе и къ прихотямъ гораздо опаснѣе быть могутъ нежели офицеры отъ полковъ.

13) Какъ выше сказано что большею частію офицеры опредѣлились гдѣ ихъ отчины то они не хотѣли опредѣленными къ нимъ секретарями и подъячими быть довольны потребовали тѣхъ на кого имѣли злобу чтобъ отмстить или своихъ доброхотовъ чтобъ обогатить изъ чего съ губернаторами и воеводами произошли многіе распри а болѣе о секретаряхъ и подъячихъ чрезъ что въ дѣлахъ и сборѣ податей великая остановка явилась.

14) Запрещено крестьянству въ работы отпущаться чрезъ что изъ Перми и Астрахани за недостаткомъ работниковъ учинилось въ провозѣ соли остановка и великой вредъ и хотя вскорѣ указами объ отпускѣ крестьянъ объявлено было но время упущено и народъ *въ соли* во многихъ мѣстахъ претерпѣлъ крайній недостатокъ.

15) Сказки велѣно брать не объявя въ образцовыхъ а какъ многіе деревни а паче государственные иновѣрцы не токмо прикащиковъ но ни единаго грамотѣ умѣющаго не имѣютъ такіе сказки подавали что офицеры съ трудомъ разобрать могли или весьма были къ принятію негодны и для того каждой генералъ вымыслилъ свою форму которые едва сыщутся ль чтобъ двѣ или три согласны были, что во исчисленіи будетъ не безъ смятки.

16) Какъ у насъ весма нужно для пресѣченія коварныхъ ябедъ въ крестьянѣхъ писать дворовыхъ людей и крестьянъ съ прозваніями но оное не употреблено и къ большему смятенію дѣти отъ отцовъ въ два и три разные мѣста отдѣлены по которому не возможно узнать котораго онъ отца сынъ, напр. въ одномъ селѣ есть три Иваны Васильевы оныхъ дѣти если въ прежней переписи въ окладѣ были писаны тѣхъ объявляютъ подъ отцами другіе кои тогда послѣ сказокъ родились а при свидѣтельствѣ объявлены тѣ писаны ниже всѣхъ окладныхъ въ тѣхъ находится сынъ Ивана Васильева потомъ третіе въ концѣ междо новорожденными сынъ Ивана Васильева а котораго дознаться не можно слѣдственно есть великій способъ ябедникамъ причитать къ другимъ отцамъ.

17) О умершихъ понуждаютъ точно показывать въ которомъ году умеръ, что хотя для вѣрности весма нужно но крестьянству гдѣ собственнаго писца нѣтъ такихъ записокъ содержать и правильно по прошествіи 15 или 20 лѣтъ ска-

зать не можно и хотя надлежалобы по прежнимъ указамъ всѣхъ браки умершихъ и рожденныхъ у церкви въ книги записывать но какъ извѣстно что у многихъ церквей церковники писать мало умѣютъ и отъ убожества содержать такихъ книгъ не могутъ слѣдственно оное требованіе напрасное когда о истиннѣ справиться не съ чѣмъ токмо въ дѣлѣ продолженіе а крестьяномъ разореніе.

18) На рекрутъ отданныхъ требуютъ отписей которое хотя правильно и большая часть объявляютъ но многіе за разными случаи показать не могутъ яко владѣльцы не богатые отписи у себя держатъ но по смерти его наслѣдники тѣ отписи возмутъ и держатъ въ другихъ дальныхъ деревняхъ которыхъ за отдаленіемъ его а паче когда въ службѣ сыскать не можно иная деревня отписная пожалована другому, третіе многіе отчинники отдавъ рекрута за другіе деревни а оную деревню продастъ то и въ городѣ извѣстія нѣтъ а крестьяне не имѣющіе отписей страждутъ безвинно.

19) О сбѣжавшихъ крестьянехъ требуютъ доказательствъ гдѣ записано явочное челобитье то хотя бы надлежало но многимъ а паче иновѣрцомъ которые малыми деревнями живутъ и побѣгъ у нихъ нерѣдко. Случается онымъ такая записка въ городѣхъ весьма дорого становится и за отдаленіемъ отъ города *многотрудно*, то принуждены или ложно задними числы въ городѣхъ записывать или у офицеровъ милость купить.

20) О вывезенныхъ въ другіе уѣзды не надлежаще требуютъ, чтобъ въ сказкѣ написано было оной уѣздъ куда вывезенъ которой губерніи и провинціи чего крестьянство не знаютъ и принуждены докупаться, другіе посылаютъ ихъ въ тѣ городы съ промеморіями чтобъ привезли извѣстіе писаными оные тамо оное не токмо противно инструкціи но и весма трудно и неудобно ибо много тѣхъ которые взявъ

своихъ бѣглыхъ крестьянъ перевезли не въ тѣ откуда бѣжали но въ другіе уѣзды и въ томъ городѣ необъявили особливо тѣ которые въ бѣгахъ покупаютъ или владѣльцы привезши продали или въ рекруты отдали о чемъ на прежнемъ жилищѣ неизвѣстно и которые отповѣди не привезли или привезли такую что ихъ въ томъ уѣздѣ нѣтъ то не пріемля градской объ отдачѣ справки ни въ пріемѣ росписокъ кладутъ невинно противо Уложенія на тѣхъ же въ платежъ что можетъ вдвое быть, если тѣ вывезенные въ иномъ городѣ написаны, а сіи особливо малые деревни въ конецъ раззоряются какъ видно въ казанской губерніи многіе ясашные села въ конецъ отъ вывозовъ и платежа за нихъ невинно разорены, ибо не они принимали но Александръ Савинъ собирая бѣглыхъ въ государственные ясашные волости селилъ.

21) Въ плакатѣ поголовномъ повелѣно чтобъ крестьянъ безъ указа Камеръ-коллегіи изъ одного уѣзда въ другой не переводить что тогда при сочиненіи плаката хотя довольно разсуждая оное внесли для того что переведши деревню безызвѣстно подати таить и въ доимку запустить могутъ, но сіе должно разумѣть о тѣхъ которые цѣлые деревни или болѣе половины и о тѣхъ которые имѣютъ возможность въ Камеръ-Коллегіи просить а обще о всѣхъ какъ то нынѣ и о дворовыхъ людехъ спрашиваютъ и штрафами грозятъ видится болѣе вредно нежели полезно ибо дворовые люди прикащики конюхи псари и пр. часто перемѣняются и гдѣ которыхъ перепись застанетъ тамо пишутъ и подать за нихъ въ тѣхъ мѣстахъ платится безъ доимки крестьянъ же переводить многіе бываютъ наглые и нетерпящіе времяни или для пользы собственной и государственной причины, яко великой голодъ, моръ, нападеніе непріятеля, отнятіе насильное земель а паче гдѣ владѣтеля нѣтъ или есть не-

мощной отъ насильныхъ чинится и для того принуждены оныхъ въ другіе удобные мѣста перевести и сохранить нежели допустить помереть или бѣжать за границы и въ невѣдомые мѣста еще же переводятся крестьяне раздѣлами наслѣдниковъ когда деревнями уровнять не можно, то нѣколико дворовъ нужно вывести, третіе если кто имѣетъ деревню въ безхлѣбномъ мѣстѣ или землями скудну за которымъ крестьяне ни податей государству не токмо владѣльцу оброковъ платить не въ состояніи, а оной индѣ имѣетъ привольные земли то ихъ перевести нужно изъ чего какъ владѣльцу такъ государству польза ибо не токмо подати они будутъ платить исправнѣе но паче въ такіе мѣста переведутся гдѣ и войска чаще бываютъ и отъ довольного населенія квартирами и фуражемъ свободнѣе довольствоваться могутъ, напр. всѣ поморскіе уѣзды едва когда войска видали, противно же тому Московская, Воронежская и Бѣлогородская тѣмъ почитай безпрерывно посѣщаются и подати плотятъ исправнѣе нежели оные большая же польза что въ сихъ теплыхъ мѣстахъ людей болѣе родится и возрастаетъ нежели въ сѣверныхъ студеныхъ и во всемъ бѣдныхъ предѣлахъ слѣдственно переводъ запрещать не полезно и въ Камеръ-Каллегіи всякому просить неудобно но вмѣсто того потребно такой уставъ сдѣлать что отъ того подати не пропадали и въ доимку незапущались сіи же справки и переписки съ другими наибольшею причиною продолженію переписи и тягости народу.

22) По четвертому пункту инструкціи повелѣно за пропрописныхъ въ прежнюю перепись править за всѣ 20 лѣтъ поголовныя за рекрутъ и коней по складкамъ деньги котораго приходитъ за человѣка болѣе 20 руб. и сіе о тѣхъ которые коварствомъ утаены есть не безправильно но многіе невинно прописаны яко бывшіе со владѣльцами въ Финлян-

діи и другихъ дальнихъ мѣстахъ безызвѣстны и почитались за умершихъ, которыхъ и указомъ 1724 г. декабря 21 въ прописку причитать не велѣно; многіе выгнаны изъ Польши сбѣжавшіе до переписи а не мало и тѣхъ которые отъ непорядковъ прежней переписи какъ выше показано прописаны и тако винныхъ съ невинными сровнять неправо, а разобрать и истинну найти трудно да въ томъ есть и не польза ибо гдѣ (душу) 50 р. или болѣе за одного хотя съ трудомъ заплатить могутъ и въ малолюдныхъ разорительно и несносно а паче одиноко явившимся каковыхъ въ Астрахани и на заводахъ изъ отдаленныхъ и пустыхъ мѣстъ къ переписи явилось не мало, междо которыми можетъ бѣглые солдаты и крестьяне за которыхъ подати платятся и они охотно желали впредь подати платить въ ихъ прежнихъ жилищахъ да они опасаясь наказанія подлинно не показываютъ и какъ имъ оной несносной платежъ объявился то большая часть паки разбѣжались нынѣ же при свидѣтельствѣ нѣкоторые опасаясь такъ тяжкаго платежа многихъ такихъ не объявили и писали въ бѣгахъ другіе мужиковъ лѣтъ по 40 и старѣе писали новорожденными и чтобъ къ свидѣтельству не ставить показали въ дальнихъ отлучкахъ дѣтей ихъ приписавъ къ другимъ тогожъ имяни отцамъ на смотръ ставили или умилостивя офицера на смотрѣ стариковъ новорожденными 21 и 22 лѣтъ объявили что токмо имъ убытокъ а государю пользы нѣтъ да хотя и править то уже извѣстно что съ немощныхъ взыщутъ а сильные какъ и отъ прежнихъ штрафовъ продолжа время избавятся.

23) Бѣглыхъ кои до начатія свидѣтельства не вывезены выслать на прежнія жилища а подати за нихъ положить на тѣхъ которые не вывезли и сверхъ того штрафъ по указу доправить опредѣлено, *первое противно Уложенію и подтвердительнымъ указамъ ибо точно положено подати*

по отдачѣ платить принявшему, а штрафъ за преступленіе указа, хотя тяжчае положить если токмо правильно за бѣглаго почитать надлежитъ. Но понеже въ томъ многое сумнительство и законы по которымъ бы судіи правильно разсудить могли недостаточны въ нѣкоторыхъ же обстоятельствахъ стропотны и неуравнительны а офицеры не ожидая суда оправдаютъ силныхъ и крестьянъ съ разореніемъ убогихъ отдаютъ. Обстоятельства же наносящіе о бѣглыхъ сумнительства суть слѣдующія.

24) Хотя по Уложенью положено о крестьянехъ судить по писцовымъ и переписнымъ книгамъ но Уложенье сочинялось послѣ писцовъ 20, а послѣ переписныхъ 3 года въ которое время всякому о крѣпостяхъ правильно знать было можно особливо тогда отчины не такъ часто изъ рукъ въ руки переходили да и въ Уложеньи о урочныхъ годахъ объявлено, *по указу царя Василія Ивановича положено было 15 лѣтъ, по уложенію же хотя въ писцовыхъ бѣглыми написаны* отдавать велѣно но пожилыхъ лѣтъ править не велѣно нынѣ же отъ писцовъ 120 а отъ переписныхъ 186-го или 1672 года 70 лѣтъ въ которое время отчины перешли во многіе руки многіе крестьяне изъ приказовъ за убійства, безвѣстные головы, по дѣвкамъ бѣглымъ или сдѣлками прежнихъ владѣльцевъ и въ приданые по своеручнымъ даннымъ отдаваны которые крѣпости утратились и градская отдача откуду была не помнятъ или въ городѣхъ архивы такъ старые погорѣли погнили и распропали что сыскать невозможно по Уложенію же отчинѣ которое болѣе доказательства имѣтъ можетъ за 40 лѣтъ судить и возвращать не вѣлено а о сихъ урочныхъ лѣтъ не положено и бѣдному времяни для сыску крѣпостей не даютъ но винятъ не мощного и отдаютъ безъ справокъ противо Уложенья *и Сыщикова наказа.*

25) Если отчинникъ заложилъ или продалъ двѣ отчины разнымъ людемъ и прежде продажи перевезъ своихъ крестьяхъ изъ одной въ другую и тамо въ платежъ объявилъ въ закладныхъ или купчихъ о крестьянахъ написалъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и что сверхъ того на лицо есть о семъ споръ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ оного возвратить и почитать за бѣглаго какъ то негдѣ и учинили или по крѣпости быть за тѣмъ у кого въ окладѣ явленъ и на лицо отказанъ, какъ въ уложеньѣ въ 11 главѣ 5 пунктъ гласитъ.

26) Въ уложеньѣ напечатано въ 20 главѣ о кабальныхъ людехъ: если кто женитъ своего холопа на приданой жены своей дѣвки и по смерти того холопа по рабѣ отдать женѣ умершаго, о крестьянехъ же того нѣтъ но нынѣ не токмо холопей и крестьянъ отдаютъ и еще за бѣглыхъ почитаютъ въ Уложеніи же тогда положено для того что мужья сами въ домехъ всегда и жены подъ совершенною властію мужей были но нынѣ мужья большая часть отъ домовъ отлучены а безъ нихъ жены крѣпя себѣ дворовыхъ людей и крестьянъ мужнихъ женятъ на своихъ дѣвкахъ и по смерти мужа наслѣдниковъ нагло тѣмъ обидятъ, и если скоро не отдадутъ за оныхъ яко за бѣглыхъ штрафы и пожилые правятъ сіе смятеніе въ судѣхъ и неправосудіе во многихъ другихъ обстоятельствахъ усматриваемъ иногда о помѣстьяхъ положенное на отчины натягаютъ иногда въ равныхъ обстоятельствахъ не право различаютъ.

27) Вдовами въ замужство отпущенными снесенные малые дѣти и воспитанные или во время голодное шатающіеся малые рабята, которыхъ изъ милосердія кто взявъ прокормитъ такожъ прохожіе когда заболитъ и милосердіемъ кто взявъ пропитаетъ излѣчитъ и время въ работѣ за то удержитъ, въ ближнихъ мѣстахъ отъ своихъ жилищъ на-

нимающіеся въ пастухи и другія работы на время и прочіе обстоятельства за бѣглыхъ почитать и за держаніе штрафовать сумнительно.

28) Пожилые деньги и штрафы за пріемъ великіе нужно разсмотрѣть и узаконить такъ чтобъ съ закономъ Божіимъ письмяннымъ и врожденнымъ или естественнымъ и съ прочими подобными законы гражданска согласовали яко по закону Божіему писмянному долженъ обидитель то самое наградить чимъ обидѣлъ и за преступленіе закона понести наказаніе по закону естественному долженъ то возратить чѣмъ обидѣлъ и весь доходъ отъ онаго что по справедливости имѣть могъ по законамъ русскимъ древнѣйшимъ каковы мы задолго до Владимера и дѣда его имѣли положено кто у кого что отнимаетъ и насильно завладѣетъ возвратить и цѣну его дважды то есть втрое въ законѣ Ярославля 1025 году заплатить обиду вдвое потомъ положено точно возвращать кто чѣмъ обидѣлъ и лихвы или прибытка по 10 на 100 въ годъ. Царь Іоаннъ II о ростѣ ясняе положилъ если кто кому чемъ долженъ а въ пять лѣтъ истинныхъ и роста не платилъ то приложить пятилѣтной ростъ, имянно 50 на 100 къ истиннымъ и доправить въ Уложеніи печатномъ ссылаяся на правила апостольскіе (о которомъ никто не знаетъ) ростъ отставили и положили править истинну и съ убытки, что великимъ коварствомъ ябедамъ и явнымъ обидамъ лживыми иски великую причину подало; одоходахъ же или прибыткахъ въ уложеньѣ одно обстоятельство ясно и правильно въ главѣ 16 статья 37 положено если кто помѣстье вылжетъ оное возвратить и доходъ той деревни доправить вдвое токмо о отчинахъ не имѣя иного закона, *кромѣ боярскаго неразсуднаго приговора*, о завладѣніи иначе судятъ *не различая неправильной дачи отъ насилія въ чемъ судіи виновны*; о бѣглыхъ же въ древнихъ законахъ не нахо-

дится понеже до царя Θеодора крестьяне были вольны и жили за кѣмъ хотѣли, *а при царѣхъ Θеодорѣ и Василіи довольно умѣренно которому и въ уложеніи послѣдовано:* за дворъ 10 руб. на годъ потомъ указомъ и по наказу Сысчикову прибавлено по 20 рублевъ за дворъ въ указѣхъ Петра Великаго 1721 года положено пожилыхъ за мужескъ по 100 руб., за женскъ по 50 руб. за человѣка которое весма правильно бы было для пресѣченія пріемовъ бѣглыхъ но по искуству явилось что сіе токмо не мощнымъ и безгласнымъ разореніе, а ябедникомъ и сильнымъ ничего не приноситъ штрафъ же въ казну есть большій страхъ но упущенъ и остался токмо на бумагѣ.

29) Весьма странное есть дѣло когда кто бѣглаго купитъ за 100 рублевъ а ищетъ за жилыхъ 1000 или болѣе что всякую справедливость превосходитъ и явно лишнего и чужаго ищутъ а по Уложенью написано кто лишней искъ припишетъ тѣхъ велѣно винить и съ лишняго пошлины съ челобитчика брать указомъ Петра Великаго, *послѣдуя прежнему отца его опредѣленію,* справедливо положено если кто на комъ будетъ искать чего неправо то долженъ изъ своего отвѣтчику сколько же отдать но сей указъ не знаю для чего скрытъ и въ книгу не внесенъ.

30) По дѣвкамъ отдавать о рабахъ или плѣнныхъ и купленныхъ въ древнихъ законахъ и Уложеньѣ положено; но, какъ выше показано что оное чинитъ много сумнительства, и коварствомъ подаетъ причину то оное болѣе стропотно нежели справедливо.

31) Многіе увѣдавъ за кѣмъ иноземца берутъ купчіе отъ такихъ которые на нихъ ни какихъ крѣпостей не имѣютъ а офицеры ревизіи единственно по тѣмъ купчимъ и по лживымъ допросамъ тѣхъ купленныхъ отдаютъ мнѣ случилось такое дѣло что единъ Казанской дворянинъ увѣдавъ бѣглыхъ

при Сибирскихъ заводахъ взявъ купчую отъ другаго и бивъ челомъ по оной крестьянъ взявъ а послѣ оные явились дворцовые крестьяне и потому купчіе и допросы безъ выписей ко отдачѣ недостаточны, *особливо когда крестьянина допрашиваетъ подъячей не предъ судьями и напишетъ то, чего крестьянинъ не говаривалъ и когда ябедники допросъ сочиня дома подъячему велятъ переписать, что указомъ точно опредѣлено дабы допрашивать предъ судьями и при свидѣтелехъ.*

32) По четвертому же пункту о вольныхъ людехъ, а по шестнадцатому о разночинцахъ и дворовыхъ людехъ съ отпускными повелѣно годныхъ брать въ службу негодныхъ писать кто куда пожелаетъ а увѣчныхъ дряхлыхъ и такихъ которыхъ никто взять не похочетъ опредѣлять въ богадѣльну сіе по разсужденію внѣшнему справедливо но по внутреннему и поступкамъ переписчиковъ съ пользою несогласуетъ: 1) что такіе изъ домовъ увольненные и разночинцы болѣе люди малогодные и принимаютъ ихъ токмо для дѣтей и оныхъ малолѣтныхъ воспитываютъ обучаютъ и за нихъ до возраста безъ пріобретенія пользы надѣяся впредь оную получить подати всякіе платятъ; если же годныхъ взять въ службу то не годныхъ никто не возметъ слѣдственно *тотъ окладъ* пропадетъ; 2) престарѣлыхъ и увѣчныхъ въ богадѣльни отдавать, надлежитъ прежде разсудить гдѣ такіе богадѣльни построить откуда на содержаніе имъ деньги опредѣлить ибо хотя въ городѣхъ богадѣльни построени но все градскими обыватели преисполнены и едва отъ подаяній пропитаться могутъ, а по міру ходить запрещено: *Его Императорское Величество для сего особно указомъ 1724 монастыри опредѣлялъ, но указъ оный уничтоженъ;* 3) опредѣленные къ переписи офицеры всѣхъ такихъ вольныхъ принуждаютъ противо ихъ воли къ своимъ или

пріятелей своихъ деревнямъ просить и многіе съ великою обидою владѣльцевъ изъ написанныхъ въ прежней переписи отдаютъ, каковыхъ нѣкоторые не малые деревни населили а желающіе не получили.

33) Во двѣнадцатомъ пунктѣ инструкціи написано излишнихъ церковниковъ такожъ годныхъ велѣно взять въ службу а негодныхъ роздать кто куда пожелаетъ при чемъ и число коликихъ при церкви быть надлежитъ показано; но требуется разсмотрѣнія: 1) которые церковничьи дѣти были или нынѣ находятся въ училищахъ епархіальныхъ и другихъ о тѣхъ не упомянуто и офицеры роздаютъ ихъ въ окладъ; 2) весма бы нужно при церквахъ приходскихъ для обученія въ городѣхъ гражданскихъ а въ селѣхъ дворовыхъ людей и крестьянскихъ дѣтей хотя писать и читать училища *учредить* и учителей имѣть дабы чрезъ то какъ въ домоправленіи такъ и въ войскѣ грамотныхъ не оскудѣвало о чемъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ прилежно стараются; 3) ученыхъ церковнослужителей полезнѣе отъ службы оставить въ тѣхъ же селехъ или приходехъ въ платежъ написать а которые за лѣностію читать и писать не научены о такихъ чтобъ другіе прилежали тягчайшее опредѣленіе положить; 4) довольно извѣстно что такіе излишніе хотя просили кто куда хотѣлъ но того не учинено и отдаваны противо воли какъ то слышно что нѣкоторые воеводы и секретаріи противно указу 1740 году нѣсколько сотъ себѣ собравъ оброкомъ обложили и въ солдаты продаютъ а негодныхъ другимъ брать позволили; 5) многіе церковники записавъ своихъ дѣтей въ школы чтобъ въ подать не класть, но откупяся въ семинаріяхъ, держатъ въ домѣхъ и не обучаютъ.

34) Въ шестнадцатомъ пунктѣ о незаконно рожденныхъ дабы и оныхъ годныхъ брать въ службу а негодныхъ

увольнять; о семъ потребно бы внятнѣе разсмотрѣть ибо оные суть двоякіе: одни по богоугодному уставу Петра Великаго были сбираны воспитываны и обучаемы въ сиротскихъ домѣхъ а по кончинѣ онаго монарха отъ невѣждъ суевѣренныхъ или злостныхъ оной его законъ неразсудя что въ немъ — всѣ добродѣтели или блаженства отъ Христа Спасителя сказанные заключались и немалая изъ того государству польза была отставили собранныхъ младенцевъ роздали что во истинну можно притчѣ Христовой уподобить человѣкъ посѣялъ пшеницу, а діаволь нощію пришедъ въ насѣенную пшеницу всѣялъ плевелы, которые возрасли и пшеницу подавили то есть блаженные уставы онаго монарха для своей прихоти разорили и сіи *изъ сиротскихъ домовъ отданные* по обязательствамъ взявшихъ должны быть свободны другіе находятся по улицамъ или приносятся тайно въ домы которыхъ боголюбивые взявъ воспитываютъ и обучаютъ оные по закону за воспитаніе принадлежатъ воспитателямъ яко дѣтиродителемъ, третіи которые въ деревняхъ находятся тѣ какъ извѣстно болѣе тѣхъ деревень дѣти собственно принадлежатъ къ тѣмъ деревнямъ да хотя бы были изъ другихъ деревень подкинуты то по правости закона естественнаго кто свою собственную вещь оставя отречется или кому отдастъ болѣе того требовать *не можетъ* но взявшій поверженное оставленное есть того сущій господинъ и указъ Петра Великаго о младенцахъ согласуетъ которые вдовами малые дѣти въ другую отчину снесены и отчимномъ или шатающіеся по міру младенцы взяты и воспитаны будутъ почитать за половину собственныхъ воспитателю а половина настоящему его господину еслиже оныхъ въ службу отбирать или увольнять то никто для воспитанія поверженнаго взять не похочетъ и будутъ туне помирать что есть явной вредъ государственной и нарушеніе закона христіанского о любви къ ближнему и милосердія.

35) О иноземцахъ разныхъ народахъ особливо о Татарахъ, Калмыкахъ и пр. въ осмнадцатомъ пунктѣ о крещеныхъ въ девятнадцатомъ о не крещеныхъ частію не всѣ обстоятельства изъяснены частію офицеровъ неправильные поступки являются разность же Татаръ и прочихъ въ томъ есть: 1) Татара заграничные плѣненные яко Турки, Персіяне, Черкесы, Трухменцы и Кайсаки, или Киргизы, такожъ и Башкиры во время ихъ бунта взятые по плѣненію или покупкѣ и крещенію крѣпки; 2) бездомовные платящіе ясакъ изъ Татаръ Башкиры когда въ спокойности находятся и всѣ Сарматы: Вогуличи, Остяки, Тунгусы, Буряты, Якуты, Самояды, Лапланцы и пр. которые не въ поголовномъ окладѣ оные немного разнятся отъ заграничныхъ и полезнѣе ихъ убавливать и въ крещеніе приводить такимъ же способомъ кто взявъ воспитаетъ и креститъ, тому имѣетъ быть крѣпокъ; 3) служивые и положенные въ поголовной окладъ должны почитаться какъ бѣломѣстные и государственные волости, которыхъ если по крещеніи владѣльцамъ русскимъ отдавать то явной будетъ государственной убытокъ да и указомъ по представленію Святѣйшаго Синода таковыхъ крѣпостными писать не повелѣно; 4) офицеры весьма неправильно плѣнныхъ и купленныхъ Калмыкъ, Башкиръ и другихъ заграничныхъ иноземцевъ допрашиваютъ желаетъ ли онъ у того господина жить и не хотящихъ увольняютъ и нѣкоторыхъ себѣ берутъ индѣ и во многихъ мѣстѣхъ оныхъ противно инструкціи въ окладъ положили.

36) Въ двадцатомъ пунктѣ о отставныхъ изъ службы офицерахъ и рядовыхъ, во 2-мъ которые въ городѣхъ въ посады и цѣхи приняты не будутъ а пойдутъ въ другіе работы или во услуженіе изъ оныхъ дѣтей ихъ годныхъ писать въ службу а негоднымъ давать волю кто куда пожелаетъ, ниже въ 3-мъ — которые въ деревняхъ, изъ кото-

рыхъ отданы, живутъ тѣхъ всѣхъ дѣтей писать въ тѣхъ деревняхъ наряду. Сіе дѣлаетъ разность: 1) что безъ дѣтей какъ выше показано брать никто не будетъ и будутъ многіе скитаться напрасно, или 2) дастъ причину коварству писать въ деревняхъ или дѣтей солдатскихъ причитать къ другимъ отцамъ что чаю нынѣ довольно сыщется, 3) если сіе положено для того чтобъ конечно шли на прежніе свои жилища но онаго учинить обще о всѣхъ не можно ибо одни служа добропорядочно могутъ по отставкѣ найти себѣ умнаго господина достаточное содержаніе какъ то многіе находятся по записямъ въ прикащикахъ и другихъ управленіяхъ понеже въ домѣхъ способныхъ служителей весьма оскудѣло и оныхъ *а паче дослуживши офицерства* на прежніе жилища принуждать нѣтъ пользы и имъ будетъ не безъ обиды а иныхъ и не можно многихъ деревни послѣ отдачи запустѣли или родителей ихъ владѣльцами инымъ проданы особливо нѣкоторые въ рекруты куплены и отданы за такіе деревни которыхъ они не знаютъ то такіе не знаютъ куда итти продавшій не смѣетъ его принять а купившаго отставной не знаетъ гдѣ сыскать слѣдственно если не дать воли такимъ отставнымъ жить гдѣ кто похочетъ то будутъ многіе шататься праздно и дѣтей ихъ въ ревизіяхъ сыскать будетъ невозможно офицеры же не имѣя о томъ точного указа которыхъ отставныхъ нашли живутъ не въ тѣхъ вотчинахъ откуду отданы почитая за бѣглыхъ высылаютъ и куда о многихъ сами опредѣлить незнаютъ но штрафы правятъ неповинно.

И сіе что я за нужнѣйшее по инструкціи и поступкамъ офицеровъ мню представить сверхъ же того не написано нужныхъ обстоятельствахъ:

37) Которые русскіе давно сбѣжавъ въ Польшу жили или подлинные Поляки чьимъ стараніемъ вызваны и посе-

лены будутъ оныхъ въ какой окладъ класть и отдавать ли чужихъ вызвавшихъ или на прежніе жилища а по мнѣнію если ихъ сначала отяготить или противъ ихъ воли хотя бы и съ награжденіемъ вывезшаго на прежніе жилища возвращать то опасно и мнится болѣе вредно дабы тѣмъ вывозъ изъ за границъ не пресѣчь а по правиламъ политики весьма нужно людей въ государство умножить, зри § 8.

38) Цыганы во многихъ государствахъ въ окладъ положены и о ихъ промыслѣ добрые уставы сдѣланы но у насъ ихъ хотя со излишкомъ а ничего не упомянуто и оной коварной сбродъ не имѣя никакихъ законовъ никоея пользы а многой вредъ приносятъ.

39) О слѣпыхъ, дряхлыхъ и немогущихъ работать или свое пропитаніе имѣть хотя въ указѣ Его Императорскаго Величества 1722 г. іуліа 31 опредѣлено что изъ поголовнаго оклада не выключать но какъ въ городѣхъ таковыхъ опредѣлять въ богадѣльни и оныхъ въ окладъ класть не велѣно; потому мнится въ уѣздѣхъ выключить надлежитъ которые отчинники изъ милосердія равномѣрно для неимущихъ пропитанія богадѣльни имѣютъ и не токмо своихъ но и постороннихъ пріемля довольствуютъ есть дѣло богоугодное и особливо при монастырехъ таковыхъ не мало находится и нѣкоторые не имѣя особыхъ покоевъ при церквахъ содержатъ въ домѣхъ и ежели такихъ приписать въ окладъ то никто не похочетъ оныхъ содержать а въ городѣхъ и монастырехъ умѣстить не можно противно же тому ежели велѣть всѣхъ немощныхъ выключить то опасно, чтобъ не было великаго коварства, *дабы* притворно дряхлыхъ и слѣпыхъ не выключали.

40) Подъячіе и подъяческіе дѣти кои сверхъ опредѣленнаго числа, въ городѣхъ или за піанство и негодность выкинуты и остаются праздно хотя принадлежатъ къ разночин-

цамъ но какъ о нихъ въ инструкціи не упомянуто то они отъ оклада увольняются и стата коликимъ подъячимъ въ коемъ городѣ быть не положено для того не мало избывая платежа и салдатства подъячими имянуются какъ мнѣ случилось слышать что посадскіе и церковники многихъ дѣтей подъячими написаны.

41) По указу 1743 году изъ Астрахани съ заводовъ Сибирскихъ явившихся выслано было число не малое оные пришедъ на прежнія жилища въ сказкахъ объявлены и при свидѣтельствѣ были; но увѣдавъ что въ Астрахани оныхъ велѣно писать въ окладъ и никого не высылать также что Демидовъ отъ суда гражданскаго уволненъ таки всякихъ людей сталъ примать многіе по подачѣ сказокъ паки туда бѣжали которыхъ о выключкѣ указа перепищики не имѣютъ и пишутъ въ окладъ чрезъ что многіе понесутъ невинно тягость и разореніе притомъ же и то не безсумнительно чтобъ Демидовъ и другіе имѣющіе такіе указы отъ безстрашія не дерзнули большую часть таковыхъ пришлыхъ утаить и написанныхъ индѣ въ платежъ или бѣглыхъ солдатъ подъ именемъ невѣдущихъ родства принимать, изъ чего не малой вредъ государственной произойдетъ.

На представленное о недостаткахъ и трудностяхъ ревизіи поголовной; ежели не противно принето будетъ, всепокорно мое мнѣніе представляю:

На 1 пунктъ.

42) Не лучше ли сію ревизію, вмѣсто офицеровъ, для многихъ показанныхъ неисправностей, исправить вновь взятыми сказками и разсмотрѣніемъ ихъ погрѣшности *по предписанному ниже порядку* что можно скорѣе и правильнѣе ко окончанію привести.

43) Оное для избѣженія великихъ казенныхъ на то расходовъ и ущерба при арміи офицеровъ оныхъ возвратить къ ихъ командамъ а вмѣсто того нынѣ и впредь отправлять отставными штабъ, оберъ и ундеръ офицеры и шляхетствомъ тѣхъ провинцій.

44) Выбирать оныхъ самимъ шляхетству въ каждой провинціи *какъ при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ о судіахъ въ городѣхъ, а въ плакатѣ поголовномъ* о выборѣ земскихъ комиссаровъ изображено токмо о порядкѣ какъ съѣзжаться въ которое время и какъ избирать предписать и напечатать уставъ по которому имъ поступать ибо за недостаткомъ онаго въ выборѣ комисаровъ губернаторы, воеводы и секретари вмѣшався и видя ущербъ въ своихъ неправыхъ доходахъ и помѣшательство къ грабленію такъ оное испортили что за лучшее разсуждено вмѣсто того, чтобъ оное яко весма государству полезное исправить и добрыми наставленіи и уставы въ лучшее состояніе привѣсти совсѣмъ отставили.

45) Сколько въ которой провинціи къ такой ревизіи дворянъ потребно и какое награжденіе учинить оное и кому которую часть ревизовать оставить на разсужденіе шляхетства однакожъ мнится довольно на каждой полкъ одинъ и притомъ определенной того полку офицеръ долженъ справедливости и прилѣжности надзирать чтобъ всякой свою часть въ 4 и 5 мѣсяцовъ окончалъ.

46) Въ которыхъ провинціяхъ шляхетства нѣтъ въ тѣ отъ всѣхъ провинцій тоя губерніи выбрать потребное число имъ же, которое губернаторъ повиненъ объявить и къ каждому изъ волостныхъ той провинціи по два мужика лучшихъ опредѣлить выбравъ отъ волостей самимъ волостнымъ какъ въ Судебникѣ Іоанна II о судьяхъ волостныхъ написано и онымъ на содержаніе опредѣлить противъ того какъ въ другихъ провинціяхъ шляхетство опредѣлятъ.

На 2 п.:

47) Подъячихъ въ каждой провинціи одному токмо главному ревизору дать одного канцеляриста и дву копистовъ для разсмотрѣнія присланныхъ отъ уѣздныхъ ревизоровъ сказокъ, свидѣтельствъ, разобранія распрь и жалобъ, а прочихъ удовольствовать находящимися во оной изъ шляхетства такожъ церковными и земскими дьячками и служителей дворянскихъ гдѣ самихъ отчинниковъ нѣтъ ибо сіе шляхетству молодому и праздно въ домѣхъ живущимъ какъ не зазорно такъ не трудно но паче полезно, что писму и порядку обучатся.

48) Ежели заблагоразсуждено будетъ въ тѣже времена всѣ прочіе оклады, доходы и расходы Камеръ-Коллегіи (что весьма нужно) свидѣтельствовать яко по канцеляріи пошлинъ и штрафы по дѣламъ нѣтъ ли гдѣ упущенія по крѣпостной и въ сборѣ вѣнечныхъ правильно ли и безобидно воономъ поступаютъ по таможнѣ вѣрные и откупные сборы всѣ ли правильно идутъ не можно ли гдѣ оныхъ умножить или сложить и всѣ прочіе казенные доходы и расходы какогобъ званія ни были разсмотрѣть къ сему въ каждой городъ особно одного изъ шляхетства и дву или трехъ способныхъ купцовъ выбравъ опредѣлить.

На 3:

49) Крестьянству во время переписи или свидѣтельства въ работы дальніе съ паспортами отлучаться не воспрещать дабы изъ того имъ къ платежу податей и во отправленіи необходимо нужныхъ работъ препятствія не было и государству вреда не учинилось.

На 4:

50) Сказки надлежитъ образцовые напечатавъ разослать и по онымъ нынѣ вновь во всемъ государствѣ взять а для

лучшаго усмотрѣнія я образцовую № 1 приложилъ если угодно явится. *Съ боку тою же рукою приписано:* Сія образцовая уже принята и по ней сказки передѣланы.

На 5:

51) Въ оныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ писать съ прозваніями и чтобъ всѣ родственники не токмо родные но и правнучные братья и племянники одно прозваніе имѣли и оные не токмо въ сказкахъ но во всякихъ приказныхъ и домовыхъ дѣлахъ употреблять чтобъ лучше памятовали и никогда оныхъ подъ жестокимъ наказаніемъ не перемѣнять и въ приказѣхъ безъ прозваній челобитенъ сказокъ допросовъ и пр. не принимать.

52) Дѣтей, отъ отцовъ живущихъ въ одномъ домѣ не отдѣлять но писать при отцахъ а пасынковъ при отчимахъ найденышевъ при воспитателяхъ различая токмо ихъ прозванія ежели особые имѣютъ; обстоятельства же для которыхъ они въ прежнихъ отдѣлены были прописывать при именахъ какъ въ образцѣ показано въ порядкѣ же перво настоящихъ потомъ привезенныхъ изъ оныхъ уѣздовъ послѣ оныхъ иноземцевъ не подлежащихъ въ окладъ и оную заключить перечнемъ.

На 6:

53) О умершихъ когда кто умеръ какъ подлинно сказать крестьяне не могутъ ибо у церквей по прежнимъ указомъ книгъ записныхъ родящимся и умершимъ и бракамъ нѣтъ и справится не по чемъ того ради нынѣ по всемъ приходамъ повелѣть такіе книги содержать порядочно всякого села и деревни особливую тетрадь такъ велику чтобъ наличные нынѣ при ревизіи мужескъ и женскъ полъ написаны были на одной страницѣ а другая порожжая для приписыванія новорожденныхъ и отмѣтки умершихъ и убывшихъ

всякими случаи на концѣ бумаги простой нѣсколько листовъ для приписки каждогодной прибылыхъ чтобъ оной отъ ревизіи до ревизіи стать могло и по онымъ должны церковники по всегодно въ генварѣ подавать репорты въ градскіе канцеляріи или комиссарамъ земскимъ необъявляя имянъ но токмо число людей сколько въ его приходѣ въ которомъ селѣ или деревнѣ прибыло или невозвратно убыло, какъ образецъ № 2 приложенъ. Но какъ извѣстно что многіе церковники отъ убожества доходовъ возможности то исполнить не имѣютъ того ради весьма нужно вмѣсто изревле уставленной десятины которая до нашествія Татаръ исправно на церкви платилась и народу въ томъ тягости не было что во всѣхъ христіанскихъ государствахъ свято хранится нынѣ опредѣлить по 3 коп. съ души мужеска и женска пола что въ генварѣ первомъ числѣ на лицо въ коемъ приходѣ будетъ и отъ того они должны архіереемъ дать десятую часть а болѣе отъ нихъ архіереемъ ни подъ какимъ видомъ на семинаріи и пр. не требовать но чтобъ приходы построеніемъ отъ помѣщиковъ новыхъ церквей не оскудѣвали того ради оные въ платежъ десятины къ ближнимъ приходамъ гдѣ число людей меньше 1000 причислить ибо построившіе въ своихъ отчинахъ церкви должны своихъ церковниковъ землею или ругою удовольствовать и отъ того десятое архіереемъ особно платить чрезъ что можемъ вскорѣ лучшихъ священниковъ получить ибо отъ довольного дохода свободно имъ дѣтей въ наученіе отдавать и самимъ не столко о работахъ сколько о читаніи книгъ и наученіи народа Закону Божію и благонравію прилѣжать.

На 7:

54) Рекрутъ гдѣ бы кто ни отданъ или въ рекруты проданъ долженъ въ томъ городѣ откуда отданъ для отмѣтки

подъ именемъ въ книгахъ отпись подлинную или копію за рукою пріемщика явить а нынѣ какъ того учрежденія не было вѣрить по сказкамъ какъ о бѣглыхъ.

На 8:

55) О бѣглыхъ хотя явочнаго челобитья не записано въ вину не ставить и утвердиться о томъ нынѣ свидѣтельствомъ сотскаго или дву и трехъ старостъ, ближнихъ сосѣдей но впредь какъ о такой безсумнительной записки такъ для пресѣченія побѣговъ и въ судахъ вредныхъ ябедъ и неправостей ниже мнѣніе приложено а нынѣ сотскихъ учредить такъ чтобъ у каждыхъ отъ 300 до 600 мужескихъ головъ былъ сотской и въ каждой деревнѣ если не меньше шести дворовъ десятской а въ большихъ смотря по людству до 20 дворовъ одинъ, въ малыхъ въ дву и трехъ хотя и разныхъ помѣщиковъ одинъ которые должны сотскому ежели прибыль гдѣ и убыль явится кромѣ умершихъ и родившихся объявлять тоя же седмицы а сотской долженъ обстоятельно земскому его комиссару объявить не упущая времени не смотря на то хотя бы междо его и другимъ владѣльцомъ какая вражда была должны сотской и десятской правильно свою должость исполнять.

На 9:

56) Когда кто куда посторонними вывезенъ должно въ городѣ быть запискѣ а когда и того нынѣ нѣтъ то довольно сказками по выше объявленному утвердить и хотя не извѣстно куда вывезенъ изъ платежа выключить *нельзя*; впредь же какъ о томъ опредѣлить объявлено въ слѣдующемъ пунктѣ о перевозныхъ.

На 10:

57) О переводѣ крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ въ Камеръ-Коллегіи просить и отъ оной указы требовать какъ въ пла-

катѣ поголовномъ напечатано для многихъ трудностей и неудобностей отставить а переводить какою бы причиною ни было единственно съ вѣдома градской канцеляріи и съ промеморіею въ ту канцелярію куда переведутъ, взявъ обязательство что ему о пріемѣ и приписаніи тамо въ платежъ явить отповѣдь, и доколѣ оная отповѣдь получена не будетъ то вывоза въ книгахъ не отмѣчать и подати править съ оставшихъ; ежели же кто преступя указъ похочетъ тайно увезти то сотскимъ увозить не допущать по дорогамъ какъ бѣглыхъ съ семьями безъ паспортовъ градскихъ не пропущать, а если какою хитростію провезетъ то на мѣстѣ куда привезетъ безъ промеморіи и паспорта взять штрафъ какъ за бѣглыхъ положено и велѣть или ихъ назадъ отвести или промеморію привести и если промеморію привезетъ тогда по указу канцеляріи сотскому того мѣста принять. На сіе воспомяну коварство графа Головкина что собравъ въ разныхъ своихъ верховыхъ отчинахъ бѣглыхъ болѣе 100 семей отправилъ на низъ въ Пензенскіе и Синбирскіе деревни и чтобъ оныхъ на заставахъ въ Нижнемъ и Казани не задержали послалъ онымъ роспись въ Вязьму гдѣ воевода не справливаясь съ книгами по той росписи пропускное далъ яко бы оные изъ его вяземскихъ отчинъ. О томъ гдѣ что убыло или прибыло въ платежъ по окончаніи года отъ гражданскихъ канцелярій при годовыхъ репортахъ въ комисаріатъ, число душъ перевезенныхъ объявлять, а по уложенію 11 главы въ отчинную коллегію дабы комисаріатъ вѣдалъ и въ окладныхъ книгахъ тѣхъ уѣздовъ или полковъ отмѣтилъ а отчинная коллегія знала въ которой деревнѣ сколько людей; въ Камеръ же Коллегію репортовать о окладѣ и сборѣ кратко понеже окладъ поголовной единственно принадлежитъ до комисаріата, а переписные или ревизіи книги до отчинной коллегіи и для того комиса-

ріату репорты годовые нужды обстоятельнѣе, особливо о доимкѣ имянно чтобъ знать съ тѣхъ владѣтелей доимку взыскать.

На 11:

58) За прописанныхъ въ прежнюю перепись ежели они не коварно проронкою прежнихъ переписчиковъ или дальней ради отлучки пропущены то какъ указомъ Ея Императорскаго Величества всѣ штрафы по 1740 годъ сложены, потому и оныхъ изъ тоя милости выключать не потребно но довольно со всѣхъ прописныхъ какимъ бы случаемъ ни было съ 1743 года съ нихъ поголовны и прочіе подати взыскать ежели же нынѣ которые хотя въ сказкахъ не напишутъ что у несмысленныхъ и неосторожныхъ писцовъ деревенскихъ легко можетъ учиниться но при свидѣтельствѣ явитъ не скрытно того въ вину не ставить а ежели въ сказкѣ и при свидѣтельствѣ не объявитъ а донесетъ кто послѣ съ того взять штрафъ за утайку въ казну 10 рублевъ за каждого человѣка а утаеннаго отдать объявителю или когда объявитель взять оного не похочетъ то доправя деньги 15 руб. отдать оному а утаенного приписать къ той же деревнѣ и подателю сказки учинить наказаніе да сіе почитай неудобно ибо по книгамъ церковнымъ и сотскимъ утайка не можетъ скрыться если токмо о томъ опредѣлится и комиссары прилѣжно надзирать будутъ.

59) Тѣмъ которые при нынѣшной ревизіи для избѣжанія тяжкого штрафа прописанныхъ въ прежней переписи утаили или писали новорожденными въ бѣгахъ и въ отлучкахъ написать нынѣ порядочно не опасаясь никакого штрафу и наказанія кромѣ платежа какъ выше показано отъ 1743 года.

На 12:

60) Бѣглыхъ ревизіи высылать нѣтъ нужды особливо когда владѣтель объявитъ на нихъ какое либо (sic!) или споръ

но довольно того что отъ воеводской канцеляріи по взысканіи штрафа за необъявленіе въ тотъ уѣздъ сообщить чтобъ той деревни откуду они показаны владѣльцу объявить но какъ многократно такіе крестьяне таятъ подлинныхъ ихъ владѣльцевъ и родину и сказываютъ о такихъ чьи они никогда не бывали того ради въ тѣхъ канцеляріяхъ по переписямъ прошлымъ справясь подлинно возвратно отвѣтствовать что оные лживо показали тогда изъ подлинника оными розыскивать и отдавать кому подлинно надлежатъ что же причинъ къ побѣгу и удержанія отъ того о судѣ и штрафахъ касается оное хотя и нужное но яко не надлежащее къ ревизіи ниже представлено.

На 13:

61) Всякихъ вольныхъ людей которые отъ переписчиковъ подъ разными имянами розданы освидѣтельствовать не бралиль тѣ перепищики или того города воеводы и прочіе у дѣлъ бывшіе и приказные служители, противно указомъ себѣ и противно воли не желающихъ и если гдѣ такіе явятся допрашивая вновь приписывать кто гдѣ написанъ былъ въ прежнюю перепись или постороннему отданъ а ежели тѣ у кого были отпускные дали или не дали да принять не хотятъ тѣхъ приписывать кто куда пожелаетъ если же никуда желанія необъявитъ а въ работу годны или хотя негодны но дѣтей малыхъ имѣютъ такихъ писать къ ближнимъ заводамъ металнымъ: яко серебренымъ, мѣднымъ, желѣзнымъ, свинцовымъ, такожъ къ минеральнымъ: яко солянымъ, купороснымъ, квасцовымъ, сѣрнымъ и пр. если заводовъ нѣтъ то на манифактуры суконные полотняные и другіе, а негодныхъ бездѣтныхъ писать въ богадѣльни градскіе монастырскіе и сельскіе гдѣ кто пропитаніе имѣть можетъ и въ окладъ оныхъ не класть.

На 14:

62) О излишихъ церковникахъ равно какъ о приказныхъ служителяхъ разсуждать трудно кого въ окладъ положить и кого выключить но по примѣрамъ всѣхъ Европскихъ государствъ кромѣ папежства вездѣ всѣ въ окладѣ а у насъ развѣ монаховъ выключить но чтобъ они тѣмъ обучаться въ училищахъ не ослабѣли то предписать имъ страхъ ежели церковничьи дѣти при ревизіи выше 15 лѣтъ явятся латинского языка достаточно не обучены оныхъ брать въ службу а негодныхъ отдавать въ тѣхъ селѣхъ или приходѣхъ во крестьянство. Сіе, мню, закону Божію не противно видя что Христосъ апостоломъ дань государю платить повелѣлъ и за себя платилъ не отрицаясь но чтобъ они съ платежемъ и обученіемъ не праздны были, мню: 1) излишними недостатки у другихъ церквей наполнять, 2) въ селахъ и погостахъ дѣтей читать и писать обучать и отчинниковъ принудить чтобъ конечно отъ 100 не меньше четырехъ обучали и владѣльцевъ или управителей къ построенію покоя при церкви и содержанію принудить; 3) за обученіе церковникамъ опредѣлить за каждаго младенца коего читать и писать выучатъ по рублю; а букварь да доску на чемъ писать и десть бумаги долженъ дать отдающій въ наученіе симъ безубыточнымъ порядкомъ можно надѣяться что у насъ не токмо писать умѣющихъ но и ученыхъ вездѣ будетъ достаточно.

63) Если явятся излишніе или какіе непотребные а паче пьяницы и выше 15 лѣтъ грамотѣ неумѣющіе такихъ несмотря опредѣленнаго къ церкви числа годныхъ взять въ службу въ какую кто годится, а негодныхъ приписать въ платежъ къ тѣмъ погостамъ и селамъ дабы отъ оныхъ церковники доходъ имѣли или работою ихъ довольствова-

лись градскихъ же равно какъ о разночинцахъ выше показано въ 19 пунктѣ.

64) Которые церковники и другіе вольные розданы владѣльцамъ изъ платежа оклада безденежно оное мнится неправильно ибо они суть государственные и ежели къ заводамъ они дальности ради или довольства людей при заводахъ отдать неудобны то такихъ надлежало бы продать за которыхъ съ охотою всякъ дастъ за мужескую голову по 10 руб. и чрезъ то немалобъ правильныхъ въ казну денегъ пришло для того объ отданныхъ надлежитъ разсмотрѣть особливо которые взявъ такихъ отдали въ рекруты тѣмъ не зачитая той отдачи взять другихъ а съ отдатчиковъ что противно указу годныхъ въ рекруты роздали взять штрафъ противо продажи вдвое.

65) Понеже обученію писму дворовыхъ людей и крестьянъ весма государству полезно и нужно чрезъ что не токмо тѣ люди ко всему способнѣйшими будутъ но паче расколы могутъ наилучше искорениться если современемъ учители изъ школъ епархіальныхъ способнѣйшіе къ наученію будутъ народъ же а паче крестьянство весьма обученію дѣтей своихъ противятся того ради не соизволеноль будетъ такихъ обнадеживаніемъ къ тому поохотить чтобъ дѣтей крестьянскихъ которые обучатся въ рекруты не отдавать развѣ которой самъ себя кражею пьянствомъ и другимъ злодѣйствомъ тоя милости лишитъ.

66) Впредь при ревизіяхъ объявлять имянно въ сказкахъ сколько гдѣ обученыхъ писму и сколько у коего прихода обучается дабы губернаторы и правительствующій сенатъ могли о томъ вѣдать и противящихся тому владѣльцовъ или управителей штрафомъ пристойнымъ принудить и оной штрафъ въ указѣ объявить дабы большій страхъ неразсуднымъ учинить со времянемъ же когда много научит-

ся и охоту къ тому возымѣютъ премѣнить сіе обнадеживаніе не трудно.

На 15:

67) Незаконнорожденныхъ отдавать и писать тѣмъ кто ихъ воспиталъ такъ какъ ихъ дѣтей или служителей подъ имянами прочихъ дѣтей воспитателя какого бы оные чина ни были.

68) Тѣ которые незаконнорожденные розданы изъ сиротопитательныхъ домовъ, оныхъ годныхъ написать въ службу, если не меньше 10 лѣтъ были отданы, а малолѣтно отданныхъ писать за тѣми кто воспиталъ, негодныхъ роздать такъ какъ выше въ 64 о вольныхъ показано.

69) О показывающихъ о себѣ, что не помнятъ родства довольно извѣстно, что большая часть рекрутъ бѣглыхъ; оныхъ годныхъ то-есть неувѣчныхъ и не старѣе 50 лѣтъ писать въ службу если женъ и дѣтей имѣютъ въ гарнизоны, а неимущихъ въ полевые полки, негодныхъ же въ службу писать противъ 64 пункта но притомъ нужно предосторожность взять чтобъ не такъ были негодны какъ выше о церковникахъ показано.

На 16:

70) Иноземцовъ какъ внутреннихъ коихъ отцы въ поголовной окладъ не положены и неслуживые також всѣхъ заграничныхъ плѣненныхъ и купленныхъ если крещены оставить при тѣхъ у кого находятся въ окладъ не класть но если гдѣ такіе противно указомъ положены выключить для того оныхъ въ сказкахъ писать ниже всѣхъ положенныхъ дѣтей же отъ нихъ рожденныхъ по крещеніи писать при нихъ же и класть въ окладъ, ежели кто магометанина, жида или идолопоклонника державъ три года закона не научитъ и не креститъ тѣхъ отдавать инымъ желающимъ.

71) Иноземцевъ же которыхъ отцы служивые или въ окладѣ поголовномъ написаны, оныхъ ни почему ни за кѣмъ яко государственныхъ не писать но отсылать на прежнія ихъ жилища если же отцы ихъ не крещены то оныхъ отдавать ближнимъ тѣхъ мѣстъ крещенымъ и ко онымъ въ окладъ приписывать а буде кто держитъ впредь такихъ принимать и держать штрафовать какъ за бѣглыхъ.

О Солдатствѣ.

72) Отставныхъ изъ службы ундеръ-офицеровъ и рядовыхъ если оной 15 лѣтъ выслужилъ или за ранами и конечнымъ увѣчьемъ приключившимся въ кой либо работѣ по должности будучи, увѣчье получили таковыхъ отпущать на волю и съ ихъ дѣтьми къ кому кто похочетъ и у тѣхъ ихъ писать самихъ не въ окладъ а дѣтей ихъ въ окладъ здѣсь же та предосторожность нужна чтобъ нѣкоторые не дерзнули могущихъ служить къ себѣ въ холопство обязывать какъ то коихъ уже извѣстно особливо канцелярскіе служители при отставкѣ обязываютъ.

73) Которые не выслужили 15 лѣтъ и не для ранъ но отъ ихъ неистовства яко самъ себя кто какимъ случаемъ изувѣчитъ или отъ французской и тому подобной самохотной болѣзни, въ службу негоденъ явится а имѣетъ дѣтей мужеска пола таковыхъ, хотя одного *сына* не меньше 7 лѣтъ *имѣетъ*, отсылать въ гарнизоны безъ опредѣленія въ службу если негодны а дѣтей ихъ писать въ школы не имущихъ же дѣтей мужеска пола или имѣетъ малолѣтныхъ оныхъ отпущать точно на прежніе жилища.

74) Которыхъ солдатъ прежнія жилища запустѣли или они въ рекруты ихъ владѣтельми проданы и за чужіе отчины отданы тѣмъ если не въ гарнизоны то хотя какъ ни

отставлены давать волю гдѣ жить похотятъ тамо ихъ и писать противъ выше писанного.

75) Понеже въ отдачѣ рекрутъ являются коварства и многимъ наглые обиды что нѣкоторые заложа кому деревню и намѣрявся просрочить или наслѣдниковъ обидя а паче приданые деревни когда дѣтей не имѣя вознамѣрится разорить лучши способъ имѣютъ въ рекруты крестьянъ продавать или крадучи съ продажи пошлины подъ видомъ за свои а паче за посторонніе деревни отдаютъ напр. кому по указу надлежитъ отдать одного рекрута оной раздѣля деревню на части три или четыре а болѣе къ онымъ принявъ постороннихъ отдаетъ чрезъ что съ продажи пошлину кладутъ, а паче что не жалѣя денегъ пріемщикамъ больныхъ и негодныхъ отдаютъ которые иногда вскорѣ помираютъ, въ негодность приходятъ и бѣгутъ таковымъ нужно предписать законъ чтобъ за сихъ умершихъ сбѣжавшихъ или вскорѣ въ негодность пришедшихъ долженъ продавшей съ другихъ своихъ отчинъ а если за нимъ нѣтъ, то купившей или за чью отданъ другаго рекрута дать годнаго, а оныхъ отставныхъ если та отчина за другимъ владѣльцомъ отпущать на прежнія жилища, если же запродавшимъ то отставнымъ давать волю хотя бы урочныхъ лѣтъ не выслужили какъ о проданныхъ выше показано, кому же заложа ту отчину просрочитъ или по наслѣдству то отчина придетъ особно за то коварство и обиду наградить.

76) Здѣсь о рекрутахъ представлено токмо то что собственно къ переписи принадлежитъ, но сверхъ того нужнѣйшее къ разсмотрѣнію оставлено которое требуетъ достаточнаго разсужденія и узаконенія яко:

1) О порядкѣ въ пріемахъ; здѣсь особливо если пріемщики и подъячіе свои деревни имѣютъ,

2) О складкѣ малыхъ частей,

3) Объ отдатчикахъ.

5) О доимочныхъ складкахъ; о цѣнѣ рекрутъ что въ указѣ пишутъ, то противно правиламъ закона естественнаго да и знаютъ что того не хранятъ, никто не договаривается добровольно.

5) О содержаніи въ полкахъ.

6) О гарнизонахъ, комендантахъ и губернаторахъ.

7) О способѣ къ умепшенію такъ тяжкихъ наборовъ; сей пунктъ колико пользы только опасности заключаетъ и надлежитъ мудрымъ тайно о томъ разсудить, которое въ 1724 году въ представленіе и разсужденіи было, да графъ Брюсъ удержалъ.

8) О премѣненіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ и дополненіи устава и артикула военного, отъ которыхъ не безъ вреда приключается.

9) *О шляхетствѣ кроющемся и бѣгающемъ отъ службы и о ихъ отставкахъ преждевремянныхъ.*

Сіи и другіе не малой важности пункты весма нужно внятно искуснымъ разсмотрѣть, напр. что въ Уставѣ о комендантахъ и губернаторахъ писано то весма не достаточно и не ясно для того что тогда генералу Вейду не всѣ гарнизонныя обстоятельства извѣстны были и взято изъ нѣмецкого которое съ нашими весма разно.

О сокращеніи ревизіи.

77) Для сокращенія дѣла въ оныхъ ревизіяхъ чтобъ конечно надъ положенной шестимѣсячной срокъ отъ начинанія не продолжались, долженъ всякой владѣтель или управитель три сказки равные написать одну сплошь на обоихъ страницахъ писану для отсылки въ вотчиную коллегію другая для оставленія въ городѣ писана на одной и лѣвой страницѣ а правая бѣлая разграфлена на двое для отмѣтки

убылыхъ и приписки новорожденныхъ, третія для отдачи владѣльцу той отчины также какъ и вторая да сверхъ того для приписыванія прибылыхъ изъ иныхъ мѣстъ или приписанныхъ изъ вольныхъ прикладывать къ симъ двумъ сказкамъ бѣлой бумаги смотря по великости сказки мѣста два или три а не болѣе четырехъ и всѣ три долженъ податель закрѣпить оные же сказки такъ писать чтобъ въ тылѣ на переплетъ, а крайнее поле для обрѣза не скудно было и чтобъ бумага была не весьма плохая.

78) Сказокъ къ начатію дѣла всѣхъ не ожидать но какъ объявленъ въ указѣ срокъ съ котораго числа начать то немедленно ѣхать переписчикамъ въ свои части и того числа въ первой деревнѣ принявъ сказку того жъ дня людей всѣхъ пересмотрѣть сходно ли написано и всякого хозяина дому спрашивать нѣтъ ли проронки въ его домѣ и какъ со всѣмъ окончаетъ, тогда кого надлежитъ допроситъ и что потребное усмотритъ подъ оною подписать, напр. если кто сверхъ сказки явился и тому подобное то (sic!) подписавъ подъ всѣми тремя сказками и положа нумеры на всѣхъ одни и отдастъ одну подателю сказки, перечень же каковъ есть вписать въ бѣлую книгу надлежащую до комиссаріата и въ другую, губерніи для извѣстіи.

79) Когда переписчикъ нѣсколько сказокъ соберетъ долженъ немедленно къ главному той провинціи послать дабы по онымъ свидѣтельствовать, не потребно ли какой дополнки а другіе для справокъ отдать воеводской канцеляріи дабы междо тѣмъ какъ оной свидѣтельствуютъ, оные могли разсмотрѣть и справки отъ другихъ канцеляріи требовать, и получить и оные по окончаніи переплетать въ книги такіе чтобъ не болѣе 20 дестей были и одни оставить въ воеводской канцеляріи другіе сослать въ Вотчинную Коллегію а перечни въ комиссаріатъ другіе въ губернію и тако вся ре-

визія кончится безъ всякого народу утѣсненія и убытковъ, якоже безъ помѣшанія въ собираніи податей и нужныхъ земскихъ работъ особливо если оная всегда начата будетъ съ 1 сентября то конечно къ марту окладъ новой готовъ будетъ.

80) Что же до справокъ принадлежитъ то хотя у насъ за неимѣніемъ во всемъ государствѣ учрежденной почты весьма трудно оные прямо изъ города въ городъ посылать но нужно въ Москву или въ губернской городъ и тако великое умедленіе или весьма пропажа писмамъ быть можетъ *какъ того нынѣ со избыткомъ чинится* то доколѣ (для пользы всего государства, а наипаче для купечества и шляхетства) совершенная почта учредится посылать по окончаніи ревизіи нарочныхъ на убыткѣ тѣхъ для кого то потребно расположа по препорціи но ежели вышеписанное въ 57 пунктѣ узаконится, то и справки непотребны.

На упомянутые въ инструкцы обстоятельства о бѣглыхъ.

На 18:

81) Которые давно сбѣжавъ и болѣе пяти лѣтъ за границею жили или суще заграничные Поляки и пр. по чьему вызову придутъ таковыхъ объявлять въ воеводскихъ канцеляріяхъ гдѣ прилѣжно *о его побѣгѣ и вывозѣ* освидѣтельствовать подлинной ли изъ за границы ибо опымъ нужно на границѣ быть явленнымъ и по явному свидѣтельству приписать къ отчинѣ вызвавшего а въ окладъ отъ его выхода до ревизіи а если во время ревизіи вышелъ то на три года не класть дабы чрезъ то къ вызыванію большую охоту подать. *Съ боку приписано рукою Татищева:* По Уложенію вышедшіе изъ плѣна холопи увольнены.

82) Если кто приведетъ тайно и того года необъявить или коварно русскаго бѣлаго выходцемъ изъ за границы объявить за такихъ править штрафы и *пожилыя*, какъ за бѣглыхъ.

На 19:

83) Цыганемъ во всемъ государствѣ объявить чтобъ оные въ городѣхъ гдѣ которые хотятъ въ окладъ написались и платили противъ государственныхъ повсегодно какъ поголовные такъ за рекрутъ и прочіе разположенія въ тѣхъ городехъ безъ доимки денгами, а если того платить которые не хотятъ, тобъ шли немедленно за границы объявя имъ срокъ на три или на четыре мѣсяца отъ объявленія, а если за тѣмъ гдѣ явятся не записанные то править съ нихъ со штрафомъ.

84) Которыя запишутся тогда взять съ нимъ за полгода окладъ сполна и дать имъ со сказки ихъ копію и въ платежѣ отпись съ которыми они вольны итти куда похотятъ.

85) Какъ скоро въ другой уѣздъ придутъ, повиненъ первой сотскій немедленно ихъ объявить земскому его части комиссару и оной долженъ ихъ спросить гдѣ они написаны притомъ требовать сказки и отписи и противъ сказки освидѣтельствовать нѣтъ ли излишнихъ такожъ по отписи не пришелъ ли срокъ имъ подать платить и немедленно о томъ дать въ градскую канцелярію обстоятельно знать которая опредѣлитъ подати надлежитъ ли и сколько съ нихъ взять ибо въ ненаписанныхъ и неимѣющихъ отписи доправить за цѣлый годъ и оные внести въ книги неокладные дать отпись а излишнихъ кромѣ новорожденныхъ подъ ихъ сказками приписать.

86) Въ законъ или уставъ имъ написать: 1) они не должны никакихъ невѣдомыхъ людей кромѣ народа принимать

подъ опасеніемъ платежа штрафа какъ за бѣглыхъ положено и если такіе явятся то править съ нихъ безъ упущенія; 2) если въ воровствѣ или разбояхъ, а паче въ дѣлѣ денегъ обличены будутъ, то слѣдовать и разыскивать въ градскихъ канцеляріяхъ; 3) въ обманахъ яко ворожбахъ мѣнахъ и продажахъ коней и пр. отъ чего они единственно пропитаніе имѣютъ, судить ихъ старостамъ а иному никому не судить ибо то чинится не насиліемъ но сущею своевольною глупостью обманутыхъ; 4) если малолѣтнаго или несмысленнаго обманутъ, повинны цыганы вдвое заплатить; 5) если кто по какой нибудь причинѣ самъ собою безъ суда ихъ ограбитъ, и въ томъ обличенъ будетъ повиненъ имъ все взятое и съ убытки заплатить и яко грабитель наказанъ будетъ.

На 20:

87) Тѣ которые у приходскихъ церквей или въ селѣхъ построятъ богадѣльни и дѣйствительно въ нихъ слѣпыхъ и весьма дряхлыхъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ учредятъ, тѣхъ надлежитъ при ревизіи изъ оклада выключать, а которые живутъ въ домѣхъ тѣхъ не выключать и чтобъ такіе немощные конечно непритворные и правильно содержаны были, надлежитъ десятильникамъ или протопопамъ тѣхъ городовъ надзирать и въ консисторіи правильно сколько оныхъ гдѣ содержится изъ того убыло или прибыло повсегодно объявлять

Писано на 16 листахъ рукою переписчика; мѣста, исправленныя Татищевымъ, отмѣчены въ нашемъ изданіи курсивомъ. Рукопись не кончена: ибо на оборотѣ послѣдняго листа внизу есть указаніе на § 88, которымъ долженъ былъ начинаться семнадцатый листъ. Безъ сомнѣнія, слѣдующее за симъ разсужденіе составляетъ отрывокъ изъ ненайденнаго окончанія этой рукописи.

—

XVII.

РАЗСУЖДЕНІЕ О БѢГЛЫХЪ МУЩИНАХЪ И О ПОЖИЛЫХЪ ЖЕНЩИНАХЪ ЗА ПОБѢГЪ.

На 12 листахъ, изъ коихъ первые шесть не исписаны, и разсужденіе начинается съ § 117, что даетъ поводъ думать, что сему разсужденію предшествовали другія, о которыхъ Тат. не разъ упоминаетъ въ изданныхъ сочиненіяхъ; разсужденіе писано имъ собственноручно.

О бѣглыхъ и пожилыхъ.

117) По правости Закона Божія естественнаго и гражданского что въ томъ должно со вниманіемъ расматривать [1]).

Сего основанія въ законѣ двоякое: одно на договорѣ, другое на плѣненіи основанное. Договоръ времянной мы называемъ холопство, а насиліемъ покоренной есть рабство.

Холопъ не можетъ далѣе договариваться какъ по смерть одного изъ договаривающихся и на дѣтей оное не сходитъ, потому что отецъ надъ дѣтьми далѣе совершеннаго возраста власти не имѣетъ; но учинившей договоръ никакъ онаго нарушить и холопства отрѣшиться не можетъ.

Рабъ самимъ ли его господиномъ покоренной или отъ покорившего наслѣдствомъ и куплею полученной имѣетъ право отъ онаго насилія или покоренія искать свободы, какъ токмо можетъ способъ тому улучить [2]).

О господинѣ въ законѣ естественномъ то находимъ, что человѣкъ долженъ другому всякого добра желать и благодѣяніе показывать, какъ себѣ самому, а не дѣлать того, чего

---

[1]) Послѣ этихъ словъ было написано, но потомъ зачеркнуто: «Побѣгъ людей отъ ихъ господъ тяжкое преступленіе закона.»

[2]) Здѣсь было написано и зачеркнуто: «Законъ нашъ гражданскій опредѣлилъ всѣмъ быть непремѣнно и наслѣдственно рабами.»

себѣ не желаетъ, что и писменный Законъ Божескій утверждаетъ; и хотя плѣнникъ за непріятеля почитается, однакожъ оное до тѣхъ мѣстъ, доколѣ онъ совершенно покоренъ, тогда уже покорившей не имѣетъ правости онаго покореннаго чимъ либо вредить, но по словамъ Христовымъ онаго бывшаго врага любить и добро дѣлать: посему видится, что рабство и неволя противо закона христіанского.

У насъ по пріатіи Христіанства до царя Ѳеодора Ивановича были всѣ крестьяне вольные и жили кто за кѣмъ хотѣлъ, плѣнники токмо были невольные, но ихъ дѣти неволи свободны. Царь Борисъ, по кончинѣ царя Іоанна, вольность сію отнялъ и учинилъ крѣпостными, но, видя изъ того великое безпокойство паки волю далъ. Царь Василій Шуйскій, видя что тѣмъ безпокойство въ шляхетствѣ умножилось, паки вольность крестьянамъ отнялъ; однакожъ въ его указѣ включенія были весма изрядные, которое сочиненнымъ Уложеніемъ въ большую неволность, а въ судехъ неясностію многимъ распрямъ и ябедамъ способы причиняло. Нынѣ же можно ли ту волность безъ смятенія возобновить и всѣ тѣ распри, коварства и обиды пресѣчь, требуетъ пространнаго разсужденія и достаточно мудраго учрежденія дабы исча въ томъ ползы большего вреда не нанести: для того я оное оставляю въ прежднемъ и въ обычаяхъ вкоренившемся порядкѣ.

118) О пріемѣ бѣглыхъ, если по правиламъ закона разсуждать, то два обстоятельства въ ономъ къ разсужденію подлежать, т. е. преступленіе закона и обида ближняго. Первое подвержено наказанію, и оное по Закону Божію весма нуждное, дабы чрезъ то не токмо преступника отъ далшего злодѣянія воздержать, но и другимъ страхъ вкоренить, и онаго исполненіе до обиженнаго не принадлежитъ, но почитается за обиду высочайшей власти. Наказанія въ зако-

нехъ предписываются, уравнивая съ качествомъ преступленія и суть разныя, яко: 1) на имѣніи, что нынѣ называемъ штрафъ, а прежде пеня, 2) на тѣлѣ, 3) на чести, 4) на жизни. Всѣ сіи паки различны, яко: на имѣніи — лишеніе нѣкоторой части или всего; на тѣлѣ — нѣкогда оскорбленіе, или какое томленіе какъ то употребленіе въ тяжкіе работы, или увечье какъ отсеченіемъ некоего члена; на чести — лишеніе чина или всея чести и достоинства что и смертію политическою имянуемъ; на жизни — ово смученіемъ, ово споруганіемъ. Но во всѣхъ оныхъ нуждна умѣренность: чтобъ не было легко, которое приводитъ законъ въ презрѣніе; или тяжко и надмѣрно, дабы отъ сожалѣнія не дало причины законъ премѣнять или облегчать, какъ то по исторіи видимъ, что не разсудные а паче злобные законо-сочинители, неумѣренно тяжкіе наказанія предписавъ, принуждены со вредомъ учинившимся премѣнить; противно тому послабленіе законовъ изъ милости не менше вреда приключило, какъ то о законахъ Драконовыхъ находимъ. Его Імператорское величество Петръ Великій преизрядно сіе изъяснилъ, положа сіи слова: *туне законы писать, когда ихъ не хранить.* Мы о бѣглыхъ весма много разныхъ лѣтъ и состояній законовъ имѣемъ, не упоминая изданныхъ до Уложенія и самого печатнаго Уложенія, но послѣ онаго число не малое, а все въ томъ и другомъ разнятся, а ни одного на всѣ обстоятельства достаточного нѣтъ и наказанія частію не умѣренны, частію не ясны, и для того почти всѣ презрены и уничтожены, какъ то послѣ скажу.

119) Обида хотя всѣмъ дѣло извѣстное, что кто кого чего либо лишитъ и оное безъ преступленія закона Божескаго и гражданскаго быть не можетъ; но хотясчему судить по справедливости нуждно въ судѣ внятно разсмотрѣть причину обиды и качество, ово въ дѣйствѣ, и способы, ово въ коли-

чествѣ, причины суть равные: яко нечаянная, неразсудная и умышленная, — въ умыслѣ, обманъ коварство и насиліе, или грабительство. По симъ правиламъ разсматривая нахожу, что въ пріемѣ бѣглыхъ изъ всѣхъ оныхъ нѣчто заключается, что здѣсь для избѣжанія пространства толковать оставляю; но благоразсудный судія, по испытанію дѣла можетъ всѣ причины легко усмотрѣть, если въ наукѣ правосудія не оскудѣваетъ, а въ страстехъ не избыточествуетъ. Я сіе не безъ горести напомянулъ видя какъ нынѣ отъ неразумія и безстрашія суда Божія въ судѣхъ мздоимства и коварства происходятъ и можно сказать, что судіи нѣкоторые въ грабители и разбойники превратились.

120) Награжденіе обиды. По закону Божію должна тѣмъ же самымъ метиться или толикою жъ цѣною наградиться; по закону естества должно и прибытокъ полученной оттого или усчербъ дохода обиженному наградить; по законамъ гражданскимъ нашимъ — въ древнихъ кладено втрое, а послѣди вдвое взятое заплатить. Но въ томъ та разница: украденное или обманомъ взятое — вдвое, а насиліемъ отнятое — втрое; въ новыхъ и настоясчихъ точно то самое, — чимъ обидѣлъ и убытокъ оттого приключившійся. Здѣсь два обстоятельства требуютъ изъясненія, яко цѣна и прибытокъ, въ которомъ у юристовъ многія пренія произошли, ибо въ цѣнѣ разные обстоятельства: (1) ту ли цѣну платить, что челобитчикъ утраченной показалъ, или по разсужденію достоинства, или ту что лишенный за оную платилъ, ежели тая весчи на лицо нѣтъ; напримѣръ, кто у кого алмазъ въ 2 краты взявъ утратилъ, онаго цѣна по его добротѣ отъ 100 до 400 руб. бываетъ, а ежели челобитчикъ напишетъ 1000, то уже явно лишнего требуетъ; равно въ золотѣ цѣна такъ работою разнится, что хотя золотникъ дѣлнаго не болѣе 250 коп. считаютъ, но въ работѣ бываетъ до 10 руб. —

(2) Все, чѣмъ цѣна по времянамъ мною премѣняется, напр. рожь нѣкогда бываетъ въ 50 коп., иногда въ 4 рубли; и паки съ лѣтами лучше и хуже становятся, какъ то всѣ животные сначала ростутъ и дороже годъ отъ года становятся, а потомъ старѣютъ и дешевѣютъ; и паки весчи по ключенію въ достоинствѣ разнствуютъ, напр. кто кого лишитъ оружія во время спокойное и ссудится болѣе какъ по цѣнѣ оного, а во время наступленія непріятеля за кремень изъ ружья взятой смертію судится: все сіе неудобно въ законехъ подробну описать да и не потребно, а должны судящіе всѣ обстоятельства разсуждать по правиламъ справедливости; напр. если кто у кого займетъ жита, а оные послѣ вздорожаютъ или дешевле станутъ, по которой цѣнѣ долженъ занявшій платить въ томъ случается распря. Вольфъ преславный философъ сіе правилно отъ закона естественнаго истолковалъ.

121) О убыткѣ въ отнятомъ или какимъ либо случаемъ завладѣнномъ весма много премѣнныхъ и невидимыхъ обстоятельствъ находится: (1) деньги, если онѣ въ домѣ праздно лежатъ, то никакого прибытка ни хозяину ни отечеству не приносятъ, а когда кто ихъ взявъ употребитъ въ торгъ, то нерѣдко случается, что 50 или 100 и болѣе на сто въ годъ получитъ и сверхъ того государственная, т. е. многихъ людей и казнѣ полза; но какъ сіе связано съ нечаянными и великими убытки, того ради во всѣхъ благоразсудныхъ государствахъ законами умѣренная лихва положена, разсмотряя по количеству денегъ въ государствѣ, индѣ по 3, индѣ—и до 6 на 100, у насъ весма давно положено 10 на 100, о чемъ царь Іоаннъ Васильевичъ въ законѣ 70 или 15 году достаточно изъяснилъ, и на жита насыпь равномѣрно узаконилъ, хотя изъ онаго видимо, что прежде ростъ брали по 20 на 100 и болѣе, Петръ Велиій во многихъ

указѣхъ о правежѣ на подрядчикахъ и откупщикахъ неисправныхъ тоже по 10 на 100 узаконилъ, въ Уставѣ вексельномъ за неплатежъ по 12, а съ протеста по 18, изъ казны даваны деньги по 8 на 100; (2) Доходы порядочные и рѣдко премѣняемые, которые называемъ оброкъ яко съ деревень, земель, рыбныхъ ловель и пр.; (3) Премѣнные, не всегда равно приносимые, яко скоты, пчелы, сады и проч.; (4) никоего прибытка приносящіе, яко монета или драгоцѣнные каменья, токмо для увеселенія и великолѣпія, сосуды всякіе для употребленія, и оныхъ лишеніе ничто болѣе какъ токмо досаду наноситъ; (5) суть такіе обиды, которые хотя малой цѣны и безприбыточные, но великой вредъ и убытокъ лишеніемъ наносятъ, яко припасы къ строенію дома приготовленные, если кто ремесленниковъ нанятыхъ переманитъ или отгонитъ, сему подобно кто звѣрей и птицъ отъ привадъ отгонитъ; и паки кто найметъ рыбную ловлю заготовитъ, а пришедъ кто сѣти или лодку испортитъ, то недовольно чтобъ онъ лишеннаго цѣну заплатилъ, но весь вредъ учинившейся отъ остановки въ томъ дѣлѣ долженъ заплатить.

Сіе я только для внятнѣйшего разсужденія въ разныхъ обстоятельствахъ о награжденіи обидъ судіамъ напомнилъ; ибо мнѣ весма странное мнится, когда слышу: кому на отчину въ приказѣ не правая дача учинена и потомъ оное отставится; то на владѣтелѣ присуждаютъ за землю по Уложенью насильное владѣніе, за крестьянъ яко за бѣлыхъ, которые нимало справедливости не согласуетъ, въ семъ бо случаѣ два весма разные обстоятельства. (1) Если челобитчикъ не право бьетъ челомъ и что либо надлежащее къ веденію судіамъ утаитъ, яко кто бивъ челомъ о наслѣдіи утаитъ брата, сестру или жену умершаго, о которомъ судіамъ знать нельзя, — сіе стало вылганное и неправильно про-

шенное, на которое имѣемъ два закона разные: первое въ Уложеніи кто вылжетъ помѣстье велѣно доходъ весь наономъ доправить вдвое, другое въ указѣ 190 года положено за вылганное и неправое прошеніе брать у него столкоже изъ его имѣнія и отдать обиженному, что и Петръ Великій точно опредѣлилъ; однакожъ они презрѣны и по нимъ исполненія не чинятъ. (2) Когда судіи не право, противно указамъ настоящимъ, какъ то нерѣдко случается слышать, что, надлежащей законъ не выписавъ, рѣшатъ по уничтоженному, и въ семъ уже челобитчикъ вполы виненъ противо судей; для сего указъ 191 году, въ сыщиковѣ наказѣ положено за таковое неправильное рѣшеніе править владѣніе на судіяхъ, да и сей указъ такожъ во уничтоженіи.

122 [1]) По сему разсуждая о пожилыхъ за бѣглыхъ, которое не иначе какъ учиненнаго убытка награжденіе разумѣть должно, слѣдственно должно внятно разсмотрѣть, какой доходъ отчинникъ отъ крестьянина имѣть посредственно можетъ, чтобъ потому и награжденіе согласное съ закономъ Божіимъ, естественнымъ и народнымъ узаконить. Ежели единственно взять, то находятся нѣкоторые крестьяне, что отчиннику съ одного двора платитъ отъ 10 до 50 рубл., но такихъ чаю во всемъ государствѣ едва 100 сыщется, слѣдственно такихъ въ примѣръ брать не надлежитъ, ибо сіи болѣе отъ купечества богатѣютъ и нерѣдко въ краткомъ времени убожѣютъ; еще же всѣхъ такихъ приписывать въ посады велѣно, а отчинникомъ платить обыкновенный оброкъ имъ опредѣлено. Въ обществѣ же, цѣлыми деревнями взявъ, едва сыщется ли гдѣ такая отчина, чтобъ

---

[1]) Настоящей редакціи этого параграфа предшествовала прежде иная, болѣе краткая, но потомъ она была зачеркнута. Тоже должно замѣтить и о первыхъ строкахъ слѣдующаго параграфа.

по 5 руб. съ мужеской головы отчиннику платила, а болѣе по 1, по 2 и по 3 руб., работные токмо со столовыми запасы приносятъ нѣкогда до 5 руб., но сіе не всякой годъ, а какъ мы щисляемъ обыкновенно 3 мужескихъ головы во дворѣ, то не придетъ болѣе со двора 10 или 12 руб.

Въ прежнихъ законѣхъ царя Ѳеодора Ивановича положено за дворъ пожилыхъ 3 руб. въ годъ и сіе по добротѣ тогдашнихъ денегъ и по не великому достатку въ оныхъ было не легко положено. Царь Василій Ивановичъ положилъ по 10 руб. на годъ, что и въ Уложеніи печатномъ точно положено. Вскорѣ послѣ Уложенія во 163 году, а потомъ въ сыщиковѣ наказѣ 191 году разсудя что оное легко, положили по 20 руб. за дворъ. Все сіе неколико было близъ справедливости. Потомъ многими указы оное прибавливано, но наказаніе за преступленіе указовъ съ награжденіями убытковъ смѣшивано, чрезъ что никакого страха вкорениться не могло, ибо награжденіе и наказаніе отъ неясного раздѣленія и слабости судей осталось въ волѣ челобитчиковъ, а чрезъ то единственно сильнымъ и ябедникомъ было въ пользу, не мощнымъ же и отлучнымъ, паче служащимъ въ войскѣ, вдовамъ и сиротамъ большее разореніе приключило. Я же такъ мню, что пожилаго на годъ довольно и справедливо положить за мужескую 4, за женскую 2 руб., слѣдственно за мужескую голову придетъ 6 руб., что съ величайшимъ доходомъ и податми, якоже и съ закономъ прежднимъ по 20 руб. за дворъ, согласуетъ; но чтобъ были малыми пожилыми не дать повода къ безстрашію въ пріемѣ, то должно пенею за преступленіе закона наградить.

123. Законопреступленію наказаніе выше я напомянулъ, что должно согласовать учиненію: легко полагаемое презираемо, а тяжкое принуждены уменьшать, уменьшеніе и малѣйшее, хотя изъ милосердія чинимое, нарушаетъ законъ;

но какъ качество законовъ, такъ тяжесть преступленія закона разно, — я не хочу толковать закона Божескаго преступленія, но человѣческихъ произвольныхъ, — сіи человѣческіе разнствуютъ въ обидѣ ближняго, въ обидѣ всего общества, въ презрѣніи закона и законодавца. Напр. 1) если кто кого словомъ обезчеститъ, побьетъ, ограбитъ или чего либо лишитъ, 2) если казнѣ или пользѣ отечества вредъ наноситъ, 3) случаются хотя повидимому узаконенія и наказанія недостойны, но потому токмо тяжки что преступленіемъ онаго презираетъ власть законодавца, напр. у насъ запрещено обувь подбивать гвоздми, которое не вѣдущему причины видится храненія недостойно, но тяжко наказуется за то, что преступленіемъ оного презираетъ законодавца.

Въ пріемѣ бѣглыхъ, если я по закону Божію и естественному хочу разсуждать, то ни малѣйшей противности онымъ не найду, но паче неволю оному противною почитать можно; взирая же на законъ гражданскій, нахожу въ немъ всѣ три положенные обстоятельства: обида ближнему, что отчичъ лишится своего дохода и сверхъ того принужденъ за него многіе годы государственную дань платить; обида и сбѣжавшему, что онъ принужденъ два разы домъ и пашню оставляя вновь заводить, за сіе конечно должно по меньшей мѣрѣ втрое доходъ оной за пожилое положить, какъ выше показано; обида обществу или государству въ недоплатѣ съ пустоты податей, а наипаче если изъ такихъ мѣстъ бѣгутъ, гдѣ всегда войска бываютъ и отъ недостатка жителей въ покояхъ и пропитаніи приключается тяжкая нужда; обида высочайшей власти презираніемъ закона и по симъ обстоятельствамъ всякъ можетъ разсудить, что за сіе преступленіе тяжкую пеню положить нуждно.

За пріемъ бѣглыхъ въ законѣхъ разны наказаніи по времянамъ кладены, яко смертная казнь, наказаніе кнутомъ

и ссылка, по 4 двора крестьянскихъ за всякой дворъ принятой, по 100 руб. за дворъ, по 100 руб. за мужескую, а по 60 за женскую и пр. Но всѣ сіи никоего препятствія не чинили потому что приклада нѣтъ, что по коему либо исполненіе чинилось и никто оного не взыскиваетъ; ибо все оное положено на волю истца, а не судей, равно какъ и въ смертныхъ убивствахъ, если истецъ съ отвѣтчикомъ помирится, то судіи болѣе не взыскиваютъ.

Мое мнѣніе, чтобъ за пріемъ пеню править въ казну не послабляя никому, но умѣренную и прежде совершенно разсмотря надлежитъ ли за бѣглаго почитать и оное такимъ порядкомъ: (1) за пріемъ мужеска пола за всякую голову сколько бѣжало 10, за женску 6 руб., а зародившихся въ побѣгѣ вполы; сіе править со всѣхъ, если бѣгая за двѣмя или тремя жилъ, за пріемъ съ каждаго, а пожилые и пошлины по разчету времяни, за кѣмъ сколько жилъ, а съ сотскихъ и за станы, гдѣ бѣжавъ стояли, какъ выше показано править особно. (2) Какъ скоро крестьянинъ допрошенъ и за кѣмъ жилъ точно покажетъ, надлежитъ секретарю немедленно въ доимочную тетрадь на того написать, за кѣмъ жилъ, и приложить пошлины за мужскую голову по 44, за женскую по 22 коп. на годъ; потомъ въ репортѣ въ Камеръ Коллегію въ неокладныхъ доимочныхъ точно показать. (3) Если тотъ держатель живетъ въ иномъ городѣ, то взять отъ крестьянъ обязательство со срокомъ, чтобъ въ томъ оправдался или положенное заплатилъ, и если на срокъ отчинникъ не явится, то править на той деревнѣ. (4) Если та деревня заплатить не въ состояніи, то оную деревню съ публичнаго торгу, или изъ нея на столько, сколько въ казну надлежитъ, продать. (5) Если та отчина, гдѣ бѣглой жилъ не того вѣдомства, то такожъ немедленно въ томъ городѣ о сыску и допросѣ яко же и правежѣ оныя пени и пошлинъ писать, а

въ Камеръ Коллегію потому жъ репортовать. (6) Если кто неправильно бѣглымъ или чужаго своимъ напишетъ и по суду челобитчикъ виненъ явится, то все оное по указамъ доправить на истцѣ за неправой искъ. (7) Чтобъ всѣ судіи оные деньги взыскивали конечно отъ показанія въ 6 мѣсяцовъ, гдѣ отчинниковъ нѣтъ, то на тѣхъ отчинахъ; а ежели не взыщутъ, то деньги съ приложеніемъ на все оное пошлинъ править на судіяхъ расчисля, сколько ихъ присутствовало по голосамъ, равно на прокурора и секретаря, хотя бы оные смѣнены были, а если померли послѣ того полугодоваго срока, то править на наслѣдникахъ. (8) Если то въ доимочную книгу не записано и въ Камеръ Коллегію не репортовано, то все оное править на прокурорѣ и секретарѣ. (9) Если Камеръ Коллегія въ годъ по репорту не взыщетъ и неплатящихъ въ конфискацію не отошлетъ, то все оное доправить на Камеръ Коллегіи. (10) Чтобъ сіе наистропотнѣе хранилось, при всякой ревизіи всѣ канцеляріи свидѣтельствовать, пошлины и пени по законамъ всѣль правильно положены и взысканы, какъ я о томъ выше упомянулъ, и къ тому опредѣлять изъ шляхетства людей достойныхъ по выбору.

Симъ малымъ наказаніемъ мню болѣе оныхъ тяжкихъ и иногда исполняемыхъ наказаній пресѣченія учинится, въ пожилыхъ же челобитчики вольны мириться, на чѣмъ кто договорится.

О судѣ въ бѣглыхъ по разности обстоятельствъ.

124) Форма или порядокъ суда есть главное въ судѣ обстоятельство. Оная хотя мудрымъ монархомъ сочинена и послѣ нѣколико поправливана и дополнена, однакожъ въ ней многой есть недостатокъ, отъ чего въ судехъ наглые обиды немощнымъ приключаются, которое пространнаго

ради истолкованія оставляю, но токмо то помяну каковыхъ должно за бѣглыхъ почитать и за то не примать.

125) Кто купитъ деревню и въ ней явятся люди сверхъ ревизіи и въ градской канцеляріи необъявленные (чему мнится по предписанному быть не можно); оныхъ долженъ отказчикъ допросить; чьи, откуду, когда и какимъ случаемъ прибыли; и если явится чей чужей то должно изъ городской канцеляріи туда писать, откуду онъ показался, чтобъ тамо справясь съ книгами немедленно отвѣтствовали; и какъ скоро отвѣтствіе получитъ, что оной бѣглой, то велѣть его со всѣмъ его имѣніемъ, съ женою, дѣтьми, зимою перевести и отпись въ пріемѣ его явить. За пріемъ онаго пеню и за пожилые пошлины положить на продавца, понеже купившей ничему тому невиненъ. Жалованныя отчины повинны пеню плотить сами, а пошлинъ яко и пожилыхъ по указомъ брать не велѣно; однакожъ сіе разумѣется при первомъ отказѣ, а если получившей бѣглыхъ не вывезетъ, то повиненъ все платить: пеню, пожилые и пошлины. Съ наслѣдственныхъ оные единственному-ль или по раздѣлу съ равными досталось, пеню и пошлины брать съ той отчины, а заплатившей съ прочими участники имѣетъ волю самъ въ ономъ раздѣлиться.

Я здѣсь напомнилъ объ отказѣ для того, что оные случаются междо ревизіями и при оныхъ бы должно быть достаточной въ описи крестьянъ справедливости, чтобъ наличные люди всѣ были безъ утайки, и заочно коихъ нѣтъ на лице не клали и чтобъ оной отказъ всѣмъ сосѣдемъ былъ свѣдомъ. Для того при отказѣхъ узаконено имѣть понятыхъ изъ разныхъ сосѣдственныхъ отчинъ, но искуство насъ учитъ, что оное отъ незнанія въ томъ нужды и отъ коварствъ весма иначе производится и такъ иногда чинится тайно, что не токмо посторонніе но ни той отчины крестъ-

яне объ отказѣ нѣколико времени не вѣдаютъ; ибо зазвавъ поповъ въ другую деревню, напоя пьяныхъ и давъ имъ за трудъ, пишутъ что хотятъ и попы руки прикладываютъ, незная къ чему. Для сего вымышленъ изрядный способъ: взявъ въ Вотчинной Коллегіи подъячего какого плута или пьяницу дѣлаютъ съ нимъ что хотятъ. Случается же и то, что такихъ отказчиковъ иногда довольно противники бьютъ, что хотя за тяжкое законопреступленіе и наглое указа Его Величества презрѣніе почитать должно, однакожъ того не слѣдуютъ и преступниковъ по достоинству не наказываютъ, а чрезъ такія упущенія большее зло приключается, какъ то при обыскахъ, межеваніяхъ и отказахъ драки чинить и посланныхъ съ указомъ оскорблять дерзаютъ.

Мое мнѣніе: можно бы при отказѣхъ, межеваніяхъ, обыскахъ, описяхъ для свидѣтельства опредѣлить изъ шляхетства по нѣскольку человѣкъ достойныхъ повѣренія; да сіе по состоянію нынѣшняго нашего шляхетства было бы тщетно: 1) у насъ междо шляхтичемъ и подлымъ никакой разности, ни закона о томъ нѣтъ, а почитаются всѣ имѣющіе деревни; подъячіе, поповичи, посадскіе, холопи, имѣющіе отчины купленные или инымъ случаемъ полученные, за шляхетство, гербы себѣ берутъ, кто какой самъ вымыслитъ, и почитаются по богатству, чего нигдѣ не ведется; 2) шляхетство не учено и училищъ не устроено, да видится вся прилежность и узаконенія о томъ преславнаго въ мірѣ государя въ презрѣніи и забвеніи оставлено, а безъ ученія человѣкъ не знаетъ, что пристойность, благоправіе, благочестіе, должность и преимущество, недостаетъ ему смысла разсуждать, въ чемъ его собственная и отечества польза или вредъ; и такъ едину глупую спѣсь, чванство, коварства, ябеды, злость и хищеніе за высшую мудрость почитаютъ: ибо видя, что у насъ единственно богатство и вели-

колѣніе почитаемо, всякъ о томъ токмо прилежитъ, какимъ бы нибудь способомъ богатство пріобрѣсти, а когда оное получитъ, то чины, чести и доходы купить уже не трудно; великолѣпнымъ чванствомъ единъ другаго тщася преуспѣть, не разумѣютъ, что тѣмъ себя и отечество разоряютъ, что всякому довольно видимо; 3) губернаторы и воеводы, надмѣрную надъ шляхетствомъ власть имѣя, не токмо сами, но подъячимъ даютъ способъ со шляхетствомъ презрительно поступать и по своей воли ихъ, когда хотятъ, употребляютъ и грабятъ; и хотя Его Императорское Величество тремя законы желалъ оное исправить и въ лучшее состояніе привести, въ 1717 г. въ Наказѣ сыщиковѣ по закону учиненному отцемъ его повелѣлъ судей въ городѣхъ, въ 1724 г. въ плакатѣ поголовнаго сбора о комиссарѣхъ, чтобъ выбирать, судить оныхъ и награждать шляхетству, въ 1722 г. запретивъ въ секретари кромѣ шляхетства производить и о устроеніи училищъ въ монастырехъ 1724 г. къ великой государства пользѣ опредѣлилъ; да невѣжество, или злость, или собственные пользы тѣхъ, кому то производить и наблюдать надлежало, все въ забвеніи оставили.

126) Если при ревизіи или отказѣ бѣглые какимъ либо образомъ утаятся или въ прежней ревизіи неправильно приписаны, и купившей отчину неиначе какъ за правыхъ почитаетъ, ибо ему (онъ) о крѣпостяхъ, како бы (sic!) продавецъ имѣетъ, знать не можетъ, и послѣ кто явится челобитчикъ и покажетъ, что за нимъ послѣ 25 лѣтъ писанъ на лицо, такихъ крестьянъ отдать, а пеню и пожилые искать на продавцѣ, если же за 20 лѣтъ при ревизіи писанъ въ бѣгахъ, онаго не возвращать и пожилыхъ не править, понеже въ сыщиковѣ наказѣ точно положено; которые въ переписныхъ книгахъ писаны пустыми дворами, тѣхъ не возвращать, а перепись и ревизія едино есть.

Что же я разумѣю пеню и пожилые править на продавцѣ, а не на покупщикѣ; оно въ равныхъ обстоятельствахъ многими законы утвержено, что купившей незавѣдомо и краденое или разбоемъ взятое долженъ токмо купленное чужое возвратить и продавца или вѣрное свидѣтельство поставить, а отчины всегда губятъ свидѣтельствомъ многихъ. При семъ приходитъ на память, если кто невѣдомой, солгався въ имя отчинника, продаетъ чужую отчину, а купецъ незная совершенно купитъ, какъ такихъ примѣровъ нѣколико въ недавнемъ времени явилось, и крѣпости съ надлежащимъ свидѣтельствомъ даны; то хотя отчина возвратится, но владѣніе на комъ взыскать—въ законѣ ненаходится, и на купцѣ оное править, если онъ совершенно сущего отчинника и продавшего не знаетъ, есть не безпогрѣшно, равно и отчиннику лишиться сущей его обиды неправильно: о прешедшихъ яко беззаконныхъ приключеніяхъ толковать оставляю а впредь легко оное закономъ пресѣчь тако, чтобъ свидѣтели у крѣпостей не подписывались, если они дающего крѣпость незнаютъ и при договорѣ не присутствовали и дающей не самъ о свидѣтельствѣ проситъ, но для сего число чрезъ законъ великое свидѣтелей отставить, о чемъ потребно внятнѣе разсмотрѣть, какъ я въ толкованіи древнихъ законовъ обстоятельнѣе показалъ, да и въ Уставѣ Крѣпостной Конторы 7208 г. положено свидѣтелей 3 и до 5 у крѣпости людей достойныхъ, и ежели такимъ порядкомъ учредится; то лжесвидѣтели, равно какъ тотъ обманщикъ, отвѣтствовать должны. Нынѣже свидѣтелей винить не можно, ибо число набираютъ по площади ходя и подписываются, единъ другому вѣря, не зная ни дающаго, ни емлющаго крѣпости, не токмо договору присутствовали, изъ чего великіе коварства рождаются.

127) Если кто переведетъ своихъ крестьянъ изъ деревни въ своюжъ деревню и перевозъ въ канцеляріяхъ явленъ, а послѣ обѣ разнымъ людемъ или изъ оныхъ продастъ, оныхъ переведенныхъ не возвращать, быть тамъ куда переведены; но если продавшей въ купчей или закладной вывозныхъ не выключитъ и при отказѣ полнаго числа противо крѣпости неявится, то долженъ купившему продавшей столько же числомъ изъ деревень семьями наградить, какъ то нынѣ и въ крѣпостяхъ пишется. Но ежели мужъ изъ женнихъ въ свои или изъ своихъ въ женни переведетъ и по смерти достанутся разнымъ наслѣдникамъ, тогда тотъ перевозъ оставя въ зачетъ указной части достальныхъ возвратить наслѣдникомъ; но ежели кто въ годъ съ наслѣдниками не раздѣлается, кромѣ находящихся въ военной службѣ внѣ государства, тогда почитать за бѣглыхъ, пеню сполна, а пожилые и пошлины вполы, понеже не побѣгъ но насильство.

128) Если крестьянинъ въ допросѣ имя или прозваніе перемѣня скажетъ себѣ отчинника можно и по допросу отданъ будетъ тому, чьимъ сказался: таковые случаи часто бываютъ, особливо когда отчинникъ изъ разныхъ деревень переведетъ въ степь и, новую деревню населя, оную продастъ, то купившей знать не можетъ, подлинно ли они того отчинника были; оныхъ равно какъ по подложнымъ отпускнымъ за бѣглыхъ почитать, пеню и пожилое править не надлежитъ, а надлежитъ имъ разыскивать, кто его тому научилъ, тогда на томъ научителѣ все оное править; понеже то довольно по искуству извѣстно, что нѣкоторые, вѣдая что бѣглый, велитъ ему такимъ именемъ сказаться, какъ у того въ давныхъ лѣтехъ съ малыми дѣтьми бѣжавшей есть.

Мнѣ случилось дѣло судить: у одного отчинника лѣтъ болѣе сорока бѣжалъ крестьянинъ, сосѣдъ его вѣдая о томъ

научилъ дву своихъ крестьянъ пришедъ сказаться дѣтьми онаго бѣглаго; оные показали, яко бы отецъ ихъ жилъ на Дону у казаковъ и умеръ, а имъ велѣлъ итти къ отчиннику, оной повѣря допросу принялъ; лѣтъ съ пять спустя, оной сущей ихъ отчинникъ поимавъ привелъ въ допросъ въ Казани и они показали, якобы бѣгая у оного жили, — но я, по челобитью того, у кого они жили, и преждней ихъ допросъ изъ Нижняго взявъ, нашелъ истину какъ они научены были. Нынѣ сіе быть не можетъ, если судъ о бѣглыхъ за 25 лѣтъ отрѣшится и по написаннымъ въ бѣгахъ въ тѣ урочные лѣта не отдавать; то всѣ такіе коварства и ябеды въ бѣглыхъ пресѣкутся.

129. О тѣхъ, которые бѣглые съ отчиною или собственно въ бѣгахъ купятъ и сыщутъ, надлежитъ ли имъ пожилые за продавца править. Сіе многимъ ябедамъ причину подаетъ и явная неправость, когда кто ищетъ на своего или цѣну вещи болѣе достоинства ея ищетъ, что и указами отрѣшено; напримѣръ, если вещь купленную за рубль, которая своимъ достоинствомъ или свидѣтельствомъ удостовѣривается, а напишетъ оную въ челобитьѣ 10 руб., то по закону и правости всей иска лишенъ и повиненъ съ лишнего иска пошлины платить; равно кто купитъ въ бѣгахъ крестьянина за 100 руб., а ищетъ 1000 пожилыхъ, неявно ли лишнего и чужаго ищетъ. Мое мнѣніе: довольно купившему того сысканнаго въ бѣгахъ крестьянина отдать и пожилые съ того времяни какъ купилъ, а продавшей ни до чего дѣла уже не имѣетъ; но съ держателя за пріемъ и пошлины съ пожилыхъ за все время въ казну взять.

О ЖЕНЩИНАХЪ.

130. О дѣвкахъ и вдовахъ такожъ разные обстоятельства разсужденію принадлежатъ, яко причина и случаи. О

причинахъ, кромѣ тѣхъ которые о всѣхъ обще показаны, женщинамъ особно бываетъ: (1) если пришла въ лѣта супружества, которое посредственно 18 лѣтъ отъ рода разумѣть должно, а господинъ или родители оную за мужъ не даютъ, то явно противо закона Божія, Кор., гл. 7. (2) того тяжчае, если принуждаютъ въ супружество противо воли и пр. Первое весма, мню, правильный законъ царя Василія Ивановича Шуйскаго пресѣчь достаточенъ, въ которомъ опредѣлено такимъ дѣвкамъ и вдовамъ давать волю изъ Приказа, ежели дѣвка 18, а вдова молодая 2 годы сидѣли; второе законъ Петра Великаго о бракахъ 208 года неволю запрещаетъ, токмо за то преступленіе наказанія не предписано и для того не хранится. Токмо и вольность въ сочетаніи дѣтемъ безъ обстоятельства дать не можно, ибо частію закону Божію, частію мудрости политической противно, и могутъ отъ своеволія произойти великіе непристойности, какъ о томъ Христіанъ Вольфъ въ Морали и Политикѣ изъяснилъ и приплоды многіе учинившіеся у насъ свидѣтельствуютъ. Но сіе пространства ради оставляю; токмо едино воспомяну: можетъ ли дѣвица шляхетная съ отчими наслѣдными въ супружество съ подлымъ вступить, которымъ отчинъ имѣть не велѣно, равно если шляхтичъ не на шляхетной женится, могутъ ли ихъ дѣти наслѣдство шляхетское получить, что во многихъ государствахъ, а наипаче въ Германіи, безъ полученія на шляхетство жалованной грамоты отъ государя, отрѣшается; но у насъ, какъ я выше сказалъ, никакой разности griстановъ нѣтъ.

131. Случаи бѣглыхъ женщинъ также разные: 1) сама собою, 2) съ родителями сбѣжитъ, 3) въ бѣгахъ рожденные отъ отцовъ, 4) отъ сбѣжавшихъ матерей, 5) подговорные и насиліемъ увезенные, 6) которые во время глада, мора или нашествія непріятеля ушедъ выдутъ въ замуж-

ство. Сихъ, когда сыскана будетъ, надлежитъ перво допрашивать и внятно изслѣдовать, не по принужденію ли то учинилось, какъ выше № 130 показано; ибо какъ такое принужденіе есть Божія и гражданскаго закона преступленіе, такъ господина ея обвиняетъ и права лишаетъ; но если кромѣ того, а паче когда много или мало покравши, бѣжала, за такую пеню пожилые и сносъ взыскавъ самое съ мужемъ и дѣтьми ея возвратить или за нее сверхъ онаго 30 руб. доправить; которая съ родителями сбѣжитъ, за оную сверхъ пожилыхъ за нея доправить 20 руб; за рожденную въ бѣгѣ отъ отца бѣжавшаго 10 руб, а отъ матери рожденной ничего, понеже за мать пожилые и цѣна заплатится. Но если кто подговоритъ жену отъ мужа, или насильно дѣвку или вдову увезетъ, какъ то не рѣдко случается, за такую пеня въ казну, пожилые и цѣну вдвое; а понеже сей увозъ нынѣ отъ безстрашія не токмо въ подлости, но и въ шляхетствѣ чинится, что честнымъ людемъ слышать ужасно и мерзко, особливо сиротъ съ достаточнымъ имѣніемъ оставшихся воспитатели или мамы безсовѣстно продаютъ и тайно безъ вѣдома родственниковъ выдаютъ, которые, равно какъ подложные укрѣпленія отчинъ и составы крѣпостей, пресѣчь весма нетрудно, еслибъ того требовалось. Которая принужденіемъ гнѣва Божескаго сбѣжавъ дѣвка или вдова выдетъ за мужъ, за такую довольно заплатить 5 руб., однакожъ въ семъ обстоятельствѣ опасно подлоговъ; ибо вовремя глада, если отчиникъ другихъ тоя деревни людей своими житами кормилъ, или въ деревну перевелъ, равно и въ прочихъ приключеніяхъ, если другіе тоя отчины отчинникомъ сохранены, то оное равно-какъ первое почитать.

О сносахъ бѣглыхъ великое есть неистовство, что нѣкогда лишнее и неприличное въ челобитьѣ пишутъ; иногда суще снесеннаго сыскать не могутъ, потому что на сіе достаточнаго закона нѣтъ.

132. Всѣ-сіи законы, какъ бы они полезны ни были, не могутъ быть дѣйствительны, если по нимъ исполненіе судей не послѣдуетъ, какъ того съ горестію доволно видимъ, что сильнымъ и немощнымъ, ябедникомъ и простодушнымъ иные порядки въ судѣ и иные законы къ рѣшенію находятся; но сіе болѣе отъ множества разногласныхъ законовъ и безстрашія судей происходитъ, что толковать оставляю.

—

XVIII.

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ТАТИЩЕВСКАЯ РУКОПИСЬ,

подъ заглавіемъ: «Списки съ указовъ съ 1605 по 1622 г.», хранится въ библіотекѣ Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ подъ № 101, начинается съ § 104, т. е. съ новоуказныхъ статей.

По изданію:	Въ рукописи:
Стр. 77; § 104, а): Послѣ словъ: «остался недокончанъ», читается:	«И хотя сіе государству «весма нуждное, и многіе «ползы въ себѣ заключаетъ, «но притомъ такъ трудное и «опасное, что не легко кто «за него примется, развѣ лег«комышленный». Листъ 1, стр. 2—5.
Стр. 78; § 105, а): «Однакожъ Петръ Великій».....	«Однакожъ оное *неуравнительно* Петръ Великій». Л. 1, стр. 40.
Стр. 84, § 115, b): «Приказныхъ».....	......«діака». Л. 3, стр. 8 и 9 снизу.

По изданію.	По рукописи.
Стр. 87; § 122, №: «мужьями»....	«надъ глупыми мужьями». Л. 4, стр. 7 снизу.
Стр. 89; § 124, b); послѣ словъ «а не по написанному», прибавлено:	«дивно сіе». Л. 5, стр. 16.
Стр. 90; § 126, a): послѣ словъ «голозами платили», написано и потомъ зачеркнуто:	«Сихъ Оболенскихъ причтенное колено Долгорукихъ «осталось; и хотя они многократно въ несчастіяхъ «были, но князь Юрій Алексеевичъ при царѣ Алексіѣ «Михайловичѣ его храбростію «и вѣрностію родъ свой паки «въ честь привелъ. Какъ же «при Петрѣ II въ раздачу «отчинъ поступлено, упоминать мнѣ зазорно, да и во «время младости Петра Великаго колико дворцовыхъ «волостей недостойно роздано, изъ которыхъ послѣ его «Величество неколико возвратилъ всемъ извѣстное». «Л. 5 об., стр. 2—9.
Стр. 92; § 129, e). Послѣ словъ: «а протчіе во дворецъ»	«Но за не оканчаніемъ оно-

По изданію.	По рукописи.
	го осталось». Л. 6, стр. 4 снизу.
Стр. 94; § 131, а). После словъ: «власно какъ» . . .	«нынѣ бывшей». Л. 7, стр. 14.

Въ рукописи пропускъ съ § 138—160 включительно. Написаны лишь послѣднія строки прим. с) къ § 160; вмѣсто же словъ на

Стр. 116. «почему довольно видно, что сей мудрый Государь принужденъ былъ на дѣло беззаконное онымъ соизволить, и хотя сначала нѣчто въ пользу военнымъ включили, но симъ все оное опровергнули, и такъ здѣлали, что сего закона никто точно разумѣть не можетъ», читается:	«Почему довольно видно, «что сей мудрый Государь «принужденъ былъ на про-«тивное и государству вред-«ное соизволить, паче то явно, «что сначала сей законъ яко «бы ко умноженію дохода «государственнаго и ко удо-«вольствію военныхъ намѣ-«реніе имѣли и о защищеніи «государства прилежали, но «симъ послѣднимъ все оное «опровергнули, а болѣе такъ «сплели, что точно сей законъ «разумѣть не можно; о числѣ «же браковъ хотя мнѣ столь-«ко жъ какъ духовнымъ пис-«мо святое и соборовъ Уло-«женія извѣстны, а политиче-«ское и моральное можетъ

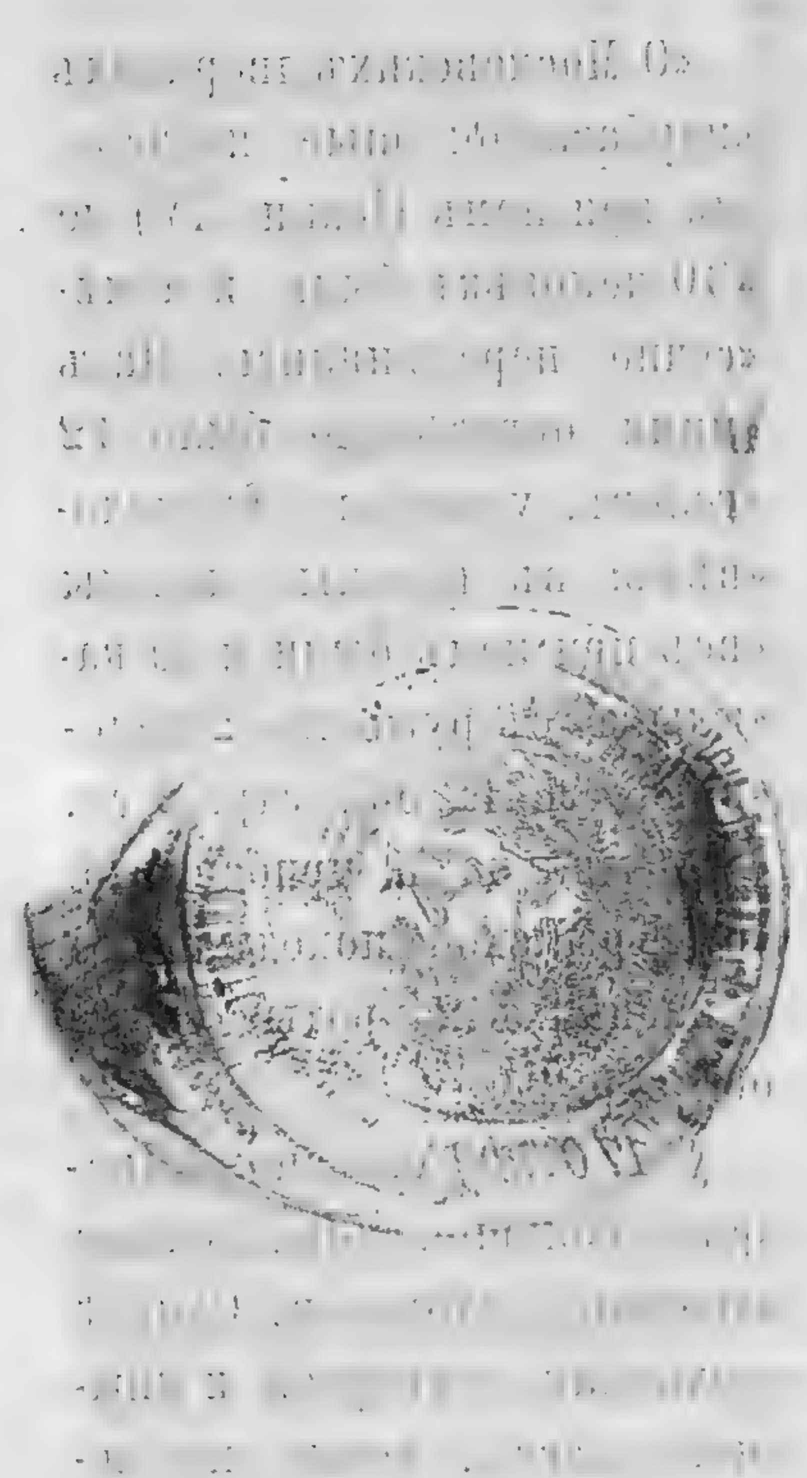
По изданію.	По рукописи.
	«(sic!) ибо еда о томъ толковать нѣтъ мнѣ нужды». Л. 9, стр. 1—6.
Стр. 117; § 161, а)	«Сіе и прежде было не однова узаконено и утверждено, да не хранено; равно и по семъ духовныхъ любоименіе, а вкладчиковъ суевѣріе не пресѣклось. Я не хочу о томъ толковать, отъ словесъ самого Христа и церковныхъ великихъ учителей, особливо о томъ Златоустаго: можемъ ли мы нашимъ имѣніемъ души умершихъ изъ ада свободить, или какую помочь подать, но то токмо вспомяну: благоразсудный патріархъ Филаретъ Никитичь (вѣдая?) законъ Божій и ползу государства, яко же и обманы лицемѣрныхъ ханжей Досифеевъ, продающихъ царство небесное, котораго сами не имѣютъ, деревни въ монастыри давать запретилъ, которое внукъ его царь Алексій Михайловичъ въ Уложенье подтвердилъ, да все

По изданію.	По рукописи.
	«для оныхъ негодилось. Его «Императорское Величество «Петръ Великій доволно сіе «неистовство видя, въ указѣ «о монастыряхъ 1724 г. при«чиною Греческой монархіи, «какъ оная обогащеніемъ мо«настырей свои доходы исто«щила, войска погубила, и «отъ недостатка власти Ту«рецкой подвергнулась, изъ«яснилъ, отчего насъ, Боже! «сохрани. Однакожь Его Ве«личество монастырей ни имъ «даянія не отвергнулъ, но «токмо оные повелѣлъ на «дѣло Богу угодное, т. е. на «училища и богадѣлни обра«тить, что съ ученіемъ Хри«стовымъ согласно». Л. 9, стр. 16—30.

Слѣдующія за тѣмъ въ рукописи три параграфа, а именно: 162—164, въ изданіи составляютъ § 162; Далѣе §§ 165 и 166 рукописи въ текстѣ соединены въ 165. Впрочемъ дѣленіе текста, принадлежащее рукописи, не имѣетъ надлежащаго основанія; но за то печатное изданіе грѣшитъ сокращеннымъ изложеніемъ и опущеніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній. Такъ пропущено примѣчаніе къ словамъ: *„ино его бивъ кнутомъ доправити безчестье безъ суда“*, которое читается слѣдующимъ образомъ. «Въ старыхъ судахъ и ны-

«нѣ, если не предъ судіами записываютъ, или судіи слушая «другое что онаго слышеть внятно не могутъ, хитрость «ябедниковъ чтобъ соперники чимъ въ злобу привесть и «смѣшать, для того употребляютъ ощутительныя слова, «или поносятъ прежними дѣлами, чтобъ чимъ дѣло настоя- «щее въ отволочку справками привесть; однакожъ и сіе безъ «разсмотрѣнія отрѣшить не можно, ибо прежніе дѣла быва- «ютъ весма нужды къ доказательству настоящего, да не «безъ довольнаго разсужденіа, ибо многократно по злобѣ и «коварству невинныхъ обвиняютъ и наказываютъ; како- «выхъ примѣровъ весма довольно въ памяти имѣемъ, и безъ «горести вспомянуть не можемъ, какъ одинъ другаго губилъ, «и сами погибли». Опущено примѣчаніе къ словамъ. „*а назоветъ кого воромъ, а убивства или кромолы и рокоша на Царя Государя не доведетъ*“, гдѣ объясняется значеніе словъ: *воровство, крамола, рокошъ, бунтъ, измѣна;* объясненіе это не представляетъ никакого интереса, особенно для юристовъ. Но нельзя пройти безъ вниманія идущаго вслѣдъ за этимъ примѣчаніемъ объясненія слова: *ябеда*, гдѣ читаемъ: «Ябеда разумѣется коварно вымышленный искъ «или отвѣтъ, а болѣе разумѣетъ излишекъ на бѣду другому; «оттого сіе слово, мню, взято: *ябеда* или *на бѣду* другому, «а нерѣдко и себѣ самому». Л. 10, стр. 18—34; л. 10 об., стр. 3—5. — Въ прим. а), предъ разсказомъ о поступкѣ одного знатнаго ябедника изъ дворянъ по поводу кабалы, въ рукописи сказано между прочимъ: «какъ намъ памятно «Хованскаго съ Засѣцкимъ въ судѣ стряпчій спуталъ, за что по разсмотрѣнію Сената наказанъ и судъ данъ снова». Л. 10 об., стр. 11. Примѣчаніе а) къ § 163 печатнаго изданія въ рукописи раздѣлено на два, изъ которыхъ ко второму отнесенъ разсказъ о приговорѣ, сдѣланномъ царевною Софіей по поводу одной ябеды, а къ первому общія соображенія от-

носительно объясняемаго вопроса. Послѣднія въ рукописи читаются такъ: «Сіе заключаетъ два обстоятельства: 1) если «шляхтичъ, бѣгая отъ службы, токмо въ ябедахъ упражд-«няется, то конечно терпѣть не должно, ибо изъ того сугу-«бый государству вредъ. Первое, что онъ не служитъ, а «принуждены за него другіе служить; другое, что онъ ябе-«дою другихъ разоряетъ и судей или пустымъ утруждаетъ, отъ разсмотрѣнія другихъ правильныхъ дѣлъ отвлекаетъ. «или коварно къ правому рѣшенію склоняетъ; но притомъ «сколко ихъ начальники правы, которые своимъ подчинен-«нымъ въ томъ злодѣйствѣ терпятъ, или еще тягчае, когда «генералы своихъ подчиненныхъ въ суды отъ себя посыла-«ютъ, и тѣмъ ихъ въ надеждѣ запущенія ободря, къ злодѣ-«янію и ябедамъ случай даютъ. 2) что бьетъ челомъ во мно-«гомъ, а мирится въ маломъ, бываетъ разное: когда не пра-«вильно искъ великъ, токмо для устрашенія пишетъ, а ми-«рится на маломъ, оной конечно виненъ; противно тому «правилно и по закону ища, почти ни единъ безъ какой «либо уступки не мирится, — особливо сіе въ завладѣніи «земли и въ бѣглыхъ крестьянахъ, если не богатому дворя-«нину случится бить челомъ на знатного и силного, то радъ «бываетъ тому, чтобъ токмо землю или крестьянъ своихъ «получилъ, а о владѣніи и говорить не смѣетъ.» Л. 11, стр. 1—13. Потомъ пропущено слѣдующее примѣчаніе къ тому же §: «Въ составѣ челобитенъ по правости вины никакой «нѣтъ, если токмо право и надлежащимъ порядкомъ писано, «ибо не всякъ способенъ и о сущей своей правдѣ челобит-«ную порядочно написать, для того просятъ искусныхъ. Хо-«тя тѣ приклады имѣемъ, что сіе нѣкоторымъ злостію «неправо въ вину причтено, и честные невинно наказаны «были». Л. 11, стр. 37—40. Наконецъ послѣднее примѣча-ніе къ § 166 (по суд. § 163) читается такъ:

По изданію.	По рукописи.
	«Что судей вины принад-«лежитъ, ты хотя подлинно «не безъ коварствъ и обидъ «судящимся, да въ томъ: 1) «настоящіе законы всѣ тѣ «коварствы пресѣчь не воз-«можны, доколѣ форма суда «исправится; 2) судіи особ-«ливо городовые воеводы и «судіи, не токмо потребны «къ сужденію наукъ, но нѣ-«которые грамотѣ мало уче-«ны и въ судахъ никогда не «бывали, то и безъ хитрости «отъ сущаго незнанія погрѣ-«шатъ; развѣ когда въ госу-«дарствѣ для обученія шля-«хетства способныя училища «устроятся, и судіи въ горо-«ды инымъ порядкомъ опре-«дѣляться будутъ». Л. 11 об., стр. 1—4.
Стр. 124; § 166, NB. Послѣ словъ: «онъ учинилъ противо своего разсужденія и перваго о неволѣ ихъ узаконенія» прибавлено:	«и суще въ то время, какъ «онъ о Лже-Димитріи Отрепь-«евѣ вѣдомость получилъ, «тогда будучи въ превеликой «робости». Л. 12, стр. 28.

Пословица, приводимая въ § 166, b) печатнаго изданія, въ рукописи даже не упоминается.

По изданію:	По рукописи:
Стр. 125; § 166, с)....	«О Московскихъ дворянахъ «прибавлено: оные поочере-«ди при немъ (Іоаннъ IV) по «30 человѣкъ были и помѣ-«сечно перемѣнялись. Надъ «ними опредѣлено было 12 «головъ, у каждаго 80 чело-«вѣкъ; въ военные походы «всѣ при немъ были и за ка-«ждымъ съ ружьемъ 2 чело-«вѣка» Л. 12 об., стр. 2 сл.
Стр. 125; § 166; d)....	О жильцахъ прибавлено: «въ Крымской походъ было «жилецкихъ 24 роты». Л. 12 об., стр. 9.
Стр. 126; § 167, b) пропущено объясненіе слова: Дворяне большіе.	*§ 170, b)* сказано: «Дво-«ряне большіе, мню, думные «дворяне, которые въ Сенатѣ «сочиняли четвертой и ниж-«ней классъ, токмо по ис-«торіи оныхъ не упоминает-«ся; и первое, видится, при «царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ «учинены въ сей чинъ, не «смотря рода ни богатства, «но по остротѣ ума и искуству «въ судахъ избирали». Л. 12 «об. стр. 30—32. «Прибавлено также о го-«ловахъ стрѣлецкихъ:» Голо-

По изданію.	По рукописи.
	«вы стрѣлецкіе послѣ имя-«нованы полковники, а при «томъ знатнѣйшіе имѣли чинъ «стольника» Л. 12 об., стр. 37 — 38.
Стр: 127; § 167, с)....	§ 170. По поводу характера Бориса Годунова прибавлено: «Монахъ Іосифъ сказу-«етъ, что онъ тому, котораго «погубить намѣрялся, наибо-«лѣе ласкалъ, и за великаго «пріятеля почиталъ, а погу-«бя со слезами лицемѣрно «сожалѣлъ и тяжкою клят-«вою свою невинность утвер-«ждалъ; толико тайно людей «погубилъ украдчи, что и до-«днесь никто не знаетъ, гдѣ «дѣлось и какъ украдены?— «Таковыхъ и въ наши време-«на мнѣ нѣсколько случа-«лось знать яко Иванъ Мило-«славской, Петръ Толстой и «Остерманъ, весма хитро свое «коварство закрывать и погу-«бленье на другихъ отводить «умѣющихъ; да гдѣ ихъ все «ухищреніе? не всели съ «ихъ жизнію, славою и че-«стію погибло, а поношеніе

По изданію.	По рукописи.
	«во всемъ пребудетъ.» Л. 13, стр. 1—5.

Въ заключительныхъ словахъ ко всѣмъ указамъ, помѣщеннымъ въ §§ 1—170 рукописи, сказано, что указъ Шуйскаго о бѣглыхъ, заимствованъ и изъ Чердынской архивы.

Стр. 129, § 168, e)....	*§ 171 e)* Никонъ названъ неученымъ русскимъ попомъ. Л. 13 об., стр. 20.
Стр. 130, § 168. Пропущено прим. къ словамъ: «учи-«ти же».	*§ 171. f):* «Мудрое и Богу «угодное разсужденіе, какъ «архіепископле, такъ царское, «о наученіи младенцемъ, кто «болѣе о семъ, какъ Петръ «Великій прилежалъ и доброе «основаніе положилъ; да по «кончинѣ его все пропало и «ни во что обратилось; но «для какой то причины опре-«дѣленныя на то великіе до-«ходы безплодно погибаютъ, «не мое есть о томъ разсуж-«дать.» Л. 13 об., стр. 22—26.
Стр. 130. § 168. Пропущено прим. къ.....................	*§ 171 прод. a):* «Діони-«сій можетъ быть тотъ, ко-«тораго на мѣсто Макарія «митрополитомъ избралъ». Л. 14, стр. 16—17.
Стр. 130; §168, g). «Сіе въ Матѳеѣ, гл. 25 ст. 35, 36.»	§ 171, b) «О вопросѣ на «страшномъ судѣ: Матѳ. гл. «25, ст. 35 и 36; а о долж-

По изданію.	По рукописи.
	«ности ученія Апостоломъ и «ихъ преемникомъ точные «слова, гл. 28, ст. 20, гдѣ «повелѣваетъ учить тому, что «онъ самъ заповѣдалъ. При-«плодами же все Евангеліе «наполнено, яко Матѳ. гл. 16, «ст. 19, что и, фарисеевъ об-«личая, Лука рекъ гл. 11, ст. «52 взясте ключи царствіе, «сами не внидосте и другимъ «затвористе. Златоустъ св. «толкуетъ, еже они, оставя За-«конъ Божій, учили предані-«амъ и узаконеніямъ, или «ученіемъ человѣческимъ. И «сей пространно о томъ отъ «писма святаго въ должности «священства и на Іудеевъ изъ-«снилъ». Л. 18, стр. 18—25.
Стр. 130; § 168, Пропущено прим. къ словамъ.	§ 171, с). «Пустые земли «велѣлъ дать для населенія; «ибо населенныхъ Русскими «еще не было, а иновѣрцовъ «Магометанъ и язычниковъ, «яко новыхъ подданныхъ дать «было не можно, опасаясь, «чтобъ не поставили въ при-«нужденіе въ вѣрѣ и не разбѣ-«жались» Л. 14, стр. 26—28.

По изданію.

Стр. 130; § 168. Пропущено прим. къ словамъ:

Стр. 130; § 168, h)...

Стр. 130—132, § 169.

Пропущено прим. къ словамъ:

Стр. 132; § 169, d): «И для того зная...

По рукописи.

§ 171, d):, «Гурій Святый «игуменомъ, былъ, по Прологу окт. 4-е, въ Селижаровѣ, «а по исторіи Казанской въ «Угрешѣ». Л. 14, стр. 29—30.

§ 171, е). Л. 14, стр. 31—36. §§ 172 и 173.

§ 172, с): «сіе главная политика ко внушенію народа «Папежская вѣра благоразсудно употреблена, ибо въ «народѣ издревле оное Папежство не много лучше магометанства почиталось. Для «сего Патріархъ Филаретъ въ «одномъ поученіи и въ требникѣ довольно сурово ихъ представилъ, а наипаче всего....

§ 173, а):.... «и вельможи «хотя совершенно знали, а наипаче Басмановъ, *у котораго оной Отрепьевъ взросъ*, «да мстя погубленіе государей и знатнѣйшихъ родовъ, «оному пристали и прежде, «нежели знали кто онъ, его «писмами къ тому поощряли «и велможъ Полскихъ увѣряли, какъ монахъ Іосифъ показуетъ». Л. 15, стр. 11—14.

По изданію.

Стр. 132; § 169. Пропущено прим. къ словамъ:

Стр. 132; § 169, е):...... «можетъ же того болѣе было, да исторіи до насъ не дошли».

По рукописи.

§ 173, 6): «Преизрядно «говоритъ, что не смы«сленные о пользѣ или спо«койности государства и за«щищеніи вѣры не приле«жатъ; но онъ самъ тому «причиною былъ, что вѣры «не зналъ и противо закона «Божія погубленіемъ невин«ныхъ, да еще людей госу«дарству нужднѣйшихъ и по«лезнѣйшихъ губилъ». Л. 15, стр. 17—20.

§ 173, с): «И сіе тогда, чая«тельно, всюду было нуждное «для защищенія своего жи«вота, да историки умолчали. «Во времяна наши, Драгун«скаго Московскаго полку «попъ во всѣхъ бояхъ напе«реди передъ полкомъ муже«ственно себя показывалъ и «всѣхъ къ храбрости обод«рялъ; что же Закона Божія «въ томъ касается, то ви«димъ, что пророки храбры«ми вождами были; Христосъ «апостолу Петру мечъ упо«треблять, яко непристой«ное духовному, запретилъ;

По изданію.

Стр. 133; § 170, а):

По рукописи.

«апостолъ Павелъ говоритъ: «*нѣсть наша брань въ пло-* «*ти и крови,* а повелѣва- «етъ употреблять мечъ ду- «ховный, т. е. учить и на- «ставлять Закону Божію и «побѣждать противные пис- «момъ святымъ. Но когда «кто тотъ мечъ духовный не «имѣетъ или самовольно «оставилъ, то, конечно, ему «лучше и праведнѣе въ вой- «скѣ быть, нежели отъ чу- «жихъ трудовъ туне доволь- «ствоваться и въ лѣности «жизнь препровождать». Л. «15, стр. 28—37.

§ 174, а): «Посему когда «шляхтичъ самъ или его «сынъ въ войскѣ, то холо- «пей съ числа четвертей не «требовалось. Но понеже въ «томъ былъ обманъ; какъ «позволено было родственни- «ка или свойственника по- «слать вмѣсто себя, то нѣко- «торые, нанимая небогатыхъ «дворянъ, подъ имянемъ пле- «мянника посылали, чтобъ «холопей по числу земель не

По изданію.

Стр. 134; § 171. Пропущено прим. къ словамъ:

Стр. 134; § 171.

Стр. 136; § 172, c);

§ 172 отвѣчаетъ §§ 176

По рукописи.

«посылать, для котораго царь «Алексѣй Михайловичъ людей «отставилъ, а положилъ день-«ги». Л. 15 об., 14—18.

§ 175, a): «Сіе показу-«етъ—отъ монастырей слугъ «въ войско брать по четвер-«тямъ, что почти за неудоб-«ное нынѣ принять надле-«житъ; ибо посему, хотя и «съ 200 четвертей человѣка, «то съ Троицкаго монастыря «будетъ болѣе 2000 чело-«вѣкъ». Л. 16, стр. 8—10.

§ 175, b): «Выше поло-«жено 15 руб., а здѣсь 20 «руб., мню для того, что та-«мо преступниковъ велѣно «брать въ стрѣльцы, а здѣсь «оного не положено, токмо «деньги». Л. 16, стр. 11—12.

§ 176, c): «Выше уже по-казано, что они на соборы и «правила Св. отецъ ссыла-«лись на обумъ, какъ то и «въ печатномъ на правила «Св. апостолъ и Св. отецъ «ссылались, которыхъ не ви-«дали и нѣтъ, да и до днесь «не токмо оные, но многихъ

По изданію.	По рукописи.
	«великихъ церкви учителей «не переведено; мнилъ бы «быть законамъ царей Грече-«скихъ, какъ Никонъ въ «Кормчей книгѣ многіе цар-«скіе и неизвѣстныхъ писа-«телей за уставы или каноны «соборные предалъ; но въ «Греціи никакихъ и царскихъ «законовъ о бѣглыхъ быть «не потребно, зане всѣ были «вольные, однакожъ сіе для «утвержденія своего вымы-«сла въ простомъ и не вѣду-«щемъ Писанія народѣ не «худо, потому что отъ суе-«вѣрья болѣе сему, нежели «благоразумному разсужде-«нію вѣрить обыкли». Л. 16, «стр. 1—9 снизу.
Стр. 136; § 172. Пропущено прим. къ словамъ: «до сроку Р. Хр. 116 года безъ пожилаго».	*§ 177, a): «Безъ пожи-«лаго,* мню, по тому разсужде-«нію, что крестьяне тогда еще «къ неволѣ не привыкли, 2) «что законы о томъ были «смятны, и сіе есть мудрое «разсужденіе». Л. 16 об., стр. 28—29.
Стр. 136; § 172, d):	*§ 177, b):* «Срокъ бѣг-«лымъ есть весьма благораз-

По изданію.	По рукописи.
	«судно и для пресѣченія ко-«варныхъ ябедъ и наглыхъ «обидъ весьма нуждное, какъ «я сіе особно изъяснилъ «Печатнымъ Уложеніемъ гл. «11, стр. 1 и 3; но не до-«вольно разсудя, сіе отста-«вили, однакожъ 15 лѣтъ ви-«дится мало, но мню, кото-«рые обѣ деревни изъ рукъ «въ руки не перешли срокъ «30 лѣтъ, а если одна въ «другіе руки перешла 25 «лѣтъ, а когда обѣ за оными «владѣтели, то за 20 лѣтъ «есть умѣренно». Л. 16 об., стр. 30—35.
Стр. 136; § 172, с):	*§ 177, с):* «Штрафъ за «пріемъ Петръ Великій пра-«вильно 100 руб. положилъ, «токмо оное упущено и ни съ «кого не правлено; а сіе есть «тяжчая и страшные великихъ «и противозаконныхъ пожи-«лыхъ лѣтъ». Л. 16 об., стр. 36—38.
Стр. 136; § 172. Опущено прим. къ словамъ: «на годъ по три рубли».	*§ 177, d):* «Пожилые день-«ги тогда близко правости «положены, ибо по нынѣш-«нимъ деньгамъ около 8 руб.,

По изданію.

Стр. 136; § 172, f):

Стр. 136—138; § 173

Опущено прим. къ словамъ:

По рукописи.

«что рѣдкой дворъ можетъ «отчиннику заплатить; но «понеже я о семъ изъ пись-«ма Святаго и закона есте-«ственнаго индѣ пространно «изъяснилъ, для того здѣсь «не потребно распростра-«нять». Л. 16 об., стр. 39—42.

§ 177, e): «Симъ можетъ «разумѣетъ работы въ ближ-«нихъ мѣстахъ, какъ и въ «плакатѣ поголовной дани «положено въ 30 верстахъ, «безъ паспортовъ нанимать-«ся, иначе жъ могъ бы бѣг-«лой, переходя въ разныхъ «мѣстахъ по году и менше, «долгое время укрываться; «но онъ о бѣглыхъ ниже точ-«но опредѣлилъ, что если 7 «дней невѣдомаго продержитъ, «повиненъ за пріемъ полной «штрафъ или пеню платить». Л. 17, стр. 1—3.

§§ 178, 179.

§ 178, b): «Сіе есть опа-«сное, ибо къ продолженію «безбрачности бываютъ пра-«вильныя причины, для того

По изданію.	По рукописи.
	«не разсмотря опыхъ, пра-«вильно рѣшить не можно, «но притомъ и то нуждно, «чтобъ судіи, оныхъ уволь-«ня себѣ не брали». Л. 17, стр. 24—26.
Стр. 138; § 173, b): «го-спожа дѣвокъ держитъ для шитья, но каждогодно по два и болѣе ребятъ мертвыхъ въ оной находятъ».	*§ 178, c):* «Что дѣвокъ «для шитья лѣтъ по 30 дер-«житъ, и каждогодно въ той «отчинѣ по два и по три ра-«бятъ мертвыхъ находятъ. «Посему я не иначе сей за-«конъ, какъ полезной и бла-«горазсудной, слѣдственно «съ закономъ Божіимъ и «естественнымъ согласный «почитаю, кромѣ что нѣкото-«рый въ немъ недостатокъ и «неясность». Л. 17, стр. 35—40.

Въ примѣчаніи NB (по изд. стр. 137) въ рукописи «*Воротынскій*» пропущенъ.

По изданію.	По рукописи.
Стр. 138; § 173, c). Вмѣ-сто сего:	*§ 179, a):* «О семъ Петръ «Великій въ плакатѣ поголов-«номъ преизрядно учредилъ, «что земскіе Комиссары и «квартерные офицеры должны «были надзирать; но тѣмъ, «которые отъ ненасытнаго «любоимѣнія были побѣжде-

По изданію.	По рукописи.
	«ны, бѣглыхъ всякихъ принимали, было весьма противно; для того сей, всему государству полезной, законъ истребили». Л. 18, стр. 11—14.
	§ 179, b): «О времени бѣглаго держанія нуждно разсмотрѣть: 1) съ женою и дѣтьми и одну ночь удержать безъ паспорта, а не объявить, 2) одинокого три дни держать безъ паспорта есть вина; а напримѣръ 3) идетъ крестьянинъ и заболитъ и кто изъ благоговѣнія его принявъ, хотя и мѣсяцъ продержитъ, кромѣ отъ него работы, виннымъ противо закона Божія почесться не можетъ». Л. 18, стр. 15—19.
	§ 179, c): «За пріемъ не дворцовыхъ брать, а пожилые съ дворцовыхъ и государственныхъ П. В. весма благоразсудно отставилъ, вѣдая что изъ правежа оного болѣе вреда и разореній, нежели пользы и прибытка». Л. 18, стр. 20—22.

—

XIX.

ПЕРЕПИСКА

временъ Екатерины II по поводу сочиненій Татищева.

I.

Государь мой!

Ея Императорскому Величеству угодно, чтобъ IV часть Россійской Исторіи покойнаго статскаго совѣтника Г. Татищева была, какъ можно, скорѣе напечатана здѣсь на кабинетный счетъ, а стараніе о печатаніи положено на меня. Но какъ долговременная болѣзнь моя, а особливо не дозволяла мнѣ писать хирагра: то я принужденъ былъ увѣдомить васъ о семъ, и просить у васъ манускрипта чрезъ г. Палласа.

По послѣднему вашему письму къ нему кажется, что вы имѣете нѣкоторое сомнѣніе, да и нѣкоторой родъ подозрѣнія о выше помянутомъ данномъ мнѣ высочайшемъ повелѣніи: но я васъ увѣряю, что сіе есть точное благоволеніе монархини частію для того, чтобъ отпечатаніе оныя книги здѣсь безъ замѣдленія и со возможнѣйшею скоростію совершилось, частію для того что уповательно естьли издержки здѣсь будутъ не менѣе, то по крайней мѣрѣ не болѣе московскихъ и наконецъ потому что Ея И. В. имѣетъ желаніе читать сію часть. Приведенныя жо слова, *тако жз и прочее, что до Россійской исторіи касается* никакъ до сего особливаго случая не касаются, но до другихъ къ Россійской Исторіи принадлежащихъ документовъ. И такъ я прошу Ваше Высокородіе принадлежащій Вамъ манускриптъ переслать ко мнѣ въ самоскорѣйшемъ времени, и если вамъ угодно продать оной кабинету, то объявить мнѣ о цѣнѣ.

Если же вы заблагоразсудите напечатать къ сей четвертой части изъяснительное предисловіе, или что либо оному подобное въ честь Великія защитницы наукъ, которую никогда не можно довольно восхвалить: то я прошу и о семъ меня также увѣдомить. Извѣстныя ваши великія заслуги въ разсужденіи изъясненія нашей исторіи, ваше неутомимое трудолюбіе и точность даютъ мнѣ надежду, что манускриптъ будетъ удобенъ къ чтенію и безъ всякихъ письменныхъ ошибокъ. Я имѣю честь остаться съ особливымъ почтеніемъ

Вашего Высокородія

послушнѣйшій и преданнѣйшій слуга

Адамъ Олсуфьевъ.

Пбг. 23 Февр. 1783 г.

2.

Ваше Превосходительство,

Милостивой Государь мой,

Для меня бы весьма прискорбно было, когда бы обстоятельства по причинѣ еще не напечатанной части Татищевой Российской Исторіи, вмѣсто твердо основанной милости Вашего Превосходительства навлекли на меня ваше негодованіе; но, надѣясь на вашу справедливость, я увѣренъ въ противномъ сему; ибо я поступилъ въ семъ случаѣ, слѣдуя точнѣйшему исполненію Высочайшаго повелѣнія на имя Великія Императрицы. Я получилъ первое повелѣніе, касающееся до сего, чрезъ г. Палласа отъ 26 Декабря прошедшаго году. Я крайне былъ доволенъ, что печатованіе долженствовало быть здѣсь въ Москвѣ подъ моимъ смотрѣніемъ и дѣлалъ къ тому предложенія. Вышедшій потомъ указъ 14 Генваря

за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Величества въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, чтобъ быть при здѣшнемъ архивѣ особливой типографіи подъ моимъ смотрѣніемъ, казался по моему мнѣнію имѣть связь нѣкоторую съ объявленнымъ мнѣ онъ г. Палласа повелѣніемъ. Но напротивъ того я узналъ чрезъ письмо отъ г. Палласа, что Ея Им. Величество учинило приказаніе Вашему Превосходительству напечатать Татищеву Россійскую Исторію въ Петербургѣ, которое приказаніе подтверждено было 21 Февраля же. Теперь нѣтъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ потому, Ваше Превосходительство, собственноручное писаніе освобождаетъ меня отъ обязательства, по которому ни одинъ листъ не можетъ безъ вѣдома Коллегіи сообщенъ быть кому нибудь стороннему (упомянутый манускриптъ съ отдачи моея библіотеки въ архивъ принадлежитъ уже собственно оному). Итакъ я при семъ имѣю честь послать къ вамъ сей манускриптъ, который при перепискѣ читалъ съ оригиналомъ и могу ручаться въ исправности онаго. Если же найдутся ошибки, то оныя можно исправить во время печатанія и въ разсужденіи сего можетъ быть вы поручите мнѣ послѣднюю корректуру, на что я охотно соглашаюсь, такъ какъ на посвященіе въ похвалу Великія Споспѣшествовательницы наукъ, и на сочиненіе предисловія, которое не безъполезно будетъ при скопленіи всего сочиненія. Я препоручаю себя благосклонности Вашего Превосходительства и имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій и нижайшій слуга

Г. Ф. Миллеръ.

1783 г. Марта 2.

—

3.

Высокоблагородный и Высокопочтенный господинъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ!

Сейчасъ Ея Императорское Величество изволила мнѣ приказать, чтобы я на нынѣшней же почтѣ къ Вашему Превосходительству писалъ, чтобъ вамъ нижеписанныя книги въ Вашей библіотекѣ рукописей находящіяся, или въ подлинникахъ, или, если безъ замѣдленія быть можетъ, въ копіяхъ къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества употребленію наискорѣйше ко мнѣ прислать, а имянно:

1) Новгородской лѣтописецъ, русской.

2) Выписка изъ одного Новгородскаго лѣтописца.

3) Старинныхъ Россійскихъ лѣтописцевъ 2-ая часть, состоящая изъ примѣчаній г. Татищева на нѣмецкомъ языкѣ,

4) Лѣтописецъ со временъ Великаго князя Василія Дмитріевича до временъ царя Ивана Васильевича въ 4 частяхъ, русской.

5) Лѣтописецъ отъ царя Θеодора Ивановича до царя Михаила Θеодоровича, русской.

6) Исторія мятежей во времена Ложнаго Дмитрія (лѣтопись о мятежахъ).

7) Избраніе царя Михаила Θеодоровича. (русск.).

8) Новый лѣтописецъ временъ Бориса Годунова.

9) Исторія объ осадѣ города Смоленскаго 1631 — 1634,

10) Лѣтописецъ Россійскій Исторіи г. Татищева 4 части, русской.

11) Сочиненія Татищева, русскія (Tatischtschews Schriften).

12) Лѣтописецъ Малороссійскій, русской.

13) Выписка изъ старыхъ лѣтописей г. Герарда Фридриха Миллера на нѣмецкомъ языкѣ, до царя Ивана Васильевича.

14) Исторія Петра I. отъ самаго его рожденія, русская.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ я при семъ случаѣ Ваше Превосходительство съ новымъ Чиномъ Кавалера Св. Владиміра искреннѣйше поздравляю и притомъ съ крѣпчайшимъ увѣреніемъ отмѣнное почтеніе повторяю, съ которымъ я имѣю честь пребыть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга

Адамъ Олсуфьевъ.

Пбг. 2 Окт. 1783 года.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Читай:
Стр. 20, стр. 6:	его	исполненіе его
— 34, — 13:	1726	1720
— 78, — 13:	городской	народной
— 92, — 8:	о женщинахъ	о женскомъ безуміи
— 98, — 7:	долженъ	долженъ былъ
— 106, — 29:	презрѣнія	призрѣнія
— 112, — 30:	и упорное молчаніе	они встрѣтили упорное молчаніе
— 122, — 5:	оставить	отставить
— 188, — 31:	цѣлію	вѣстію
— 311, — 18:	споровъ	справокъ
— 344, — 13:	нижнегорской	нижнечирской
— 353, — 1:	народовъ	привычекъ
— 368, — 20:	то	то же
— 369, — 5:	17	1734
— 526, — 21:	кн. Василіемъ Владиміровичемъ	кн. Сергіемъ Григорьевичемъ
— 553, — 31:	Отеч. Записки	От. Зап. 1820-хъ годовъ, гдѣ помѣщена автобіографія Неплюева.

